

ТАМГИ ДОИСЛАМСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

TAMGAS OF PRE-ISLAMIC CENTRAL ASIA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТАМГИ ДОИСЛАМСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Самарканд – 2019

INTERNATIONAL INSTITUTE
FOR CENTRAL ASIAN STUDIES

**TAMGAS OF PRE-ISLAMIC
CENTRAL ASIA**

Samarkand – 2019

Тамги доисламской Центральной Азии. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 452 с.

Руководитель проекта: Д.А. Воякин

Ответственный научный редактор: Р.Х. Сулейманов

Ответственный за выпуск: А.Д. Искандерова

Авторский коллектив:

С.А. Яценко – координатор проекта (Россия),
Е.А. Смагулов, А.Е. Рогожинский (Казахстан),
К.Ш. Табалдыев (Кыргызстан),
С.Р. Баратов, Дж.Я. Ильясов, Г.Б. Бабаяров (Узбекистан).

Книга издается в рамках проекта «Семейные, клановые и племенные эмблемы в контексте культуры древней и средневековой Центральной Азии», осуществленного коллективом авторов и Международным институтом центральноазиатских исследований в 2016-2017 гг. Цели проекта – качественная публикация и анализ новых или малоизвестных комплексов запада доисламской Центральной Азии, содержащих знаки типа нишан (иран.) / тамга (тюрк.) (выполнявшие функции эмблем, знаков собственности, сопричастности и др.). В книге ставятся и решаются важные методические вопросы изучения знаковой системы, воплощенной в тамгах. Основные хронологические рамки проекта – VI-V вв. до н.э. – VIII-IX вв. н.э.

Издание адресовано специалистам – историкам, этнологам и музейным работникам, а также широкому кругу читателей, интересующихся политической и социальной историей, религией, генеалогией и расселением народов Центральной Азии и соседних регионов в далеком прошлом.

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, представленные в книге, не включают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

© МИЦАИ, 2019

ISBN 978-9943-357-43-3

На первой странице обложки: Сарматская тамга у реки Жем (Западный Казахстан)

На четвертой странице обложки: Наскальное изображение (Северо-Западный Кыргызстан, Жалтырак-Таи)

Tamgas of Pre-Islamic Central Asia. – Samarkand: IICAS, 2019. – 452 p.

Head of the project: D.A. Voyakin

Responsible scientific editor: R.Kh. Suleymanov

Responsible for the release: A.D. Iskanderova

Authors:

S.A. Yatsenko – coordinator of the project (Russia),

E.A. Smagulov, A.E. Rogozhinskii (Kazakhstan),

K.Sh. Tabaldyev (Kyrgyzstan),

S.R. Baratov, J.Ya. Ilyasov, G.B. Babayarov (Uzbekistan)

The book was prepared on the basis of the Project ‘Family, Clan and Tribal Emblems in the History of Culture of Ancient and Medieval Central Asia’ realized by the group of authors and the International Institute for Central Asian Studies in 2016-2017. The goals of the project are the high-quality publication and analysis of new or little-known complexes in the West of pre-Islamic Central Asia with the signs of Iranian ‘nishan’ / Turk ‘tamga’ types (performing the functions of the emblem, signs of ownership, involvement etc.). The book raises and solves important methodological issues of the study of the sign system embodied in tamgas. The main chronological framework of the Project – the 6th-5th cc. BCE – the 8th-9th cc. CE.

The publication is addressed to specialists - historians, ethnologists and museum curators, as well as a wide range of readers interested in political and social history, religion, genealogy and the settlement of the peoples of Central Asia and neighboring regions in the distant past.

The authors are responsible for the choice and the presentation of the facts contained in this edition and for the opinions expressed there, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the organization. Nor do they the expression of any opinions as the part of UNESCO concerning the legal status of any country, territory, city or of its authorities, or concerning the delimitation of its frontier or boundaries.

© IICAS, 2019

ISBN 978-9943-357-43-3

On the first page of the cover: Sarmatian tamga by the river Zhem (Western Kazakhstan)

Fourth page of cover: Rock Image (Northwest Kyrgyzstan, Zhaltyrak-Tash)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
<i>С.А. Яценко, А.Е. Рогожинский</i>	
Глава 1. Знаки на керамических изделиях в Древнем Хорезме	43
<i>С.Р. Баратов</i>	
Глава 2. Знаки ранних кочевников плато Устюрт	58
<i>С.А. Яценко</i>	
Глава 3. Тамги Бактрии / Тохаристана	89
<i>Дж.Я. Ильясов</i>	
Глава 4. Знаки поздней античности в петроглифах Казахстана	141
<i>А.Е. Рогожинский, С.А. Яценко</i>	
Глава 5. Серии знаков из оазисов Южного Казахстана	159
<i>Е.А. Смагулов, С.А. Яценко</i>	
Глава 6. Знаки городищ Чача	198
<i>С.А. Яценко, Е.А. Смагулов</i>	
Глава 7. Знаки святилища Кайрагач	229
<i>Е.А. Смагулов, С.А. Яценко</i>	
Глава 8. Средневековые тамги-петроглифы Южного Казахстана и Семиречья	249
<i>А.Е. Рогожинский</i>	
Глава 9. Тамги/нишан и социально-политическая история	296
<i>С.А. Яценко, Дж.Я. Ильясов</i>	
Глава 10. Тамги на монетах оазисов Средней Азии эпохи раннего средневековья ...	333
<i>Г.Б. Бабаяров</i>	
Глава 11. Средневековые знаки-тамги Кыргызстана	364
<i>К.Ш. Табалдыев</i>	
Глава 12. Общее и особенное в использовании знаков древним населением Центральной Азии	387
<i>С.А. Яценко</i>	
Библиография	418

CONTENT

Introduction	8
<i>S.A. Yatsenko, A.E. Rogozhinskii</i>	
Chapter 1. Signs on Ceramic Items in Ancient Khorezm	43
<i>S.R. Baratov</i>	
Chapter 2. Signs of the Early Nomads on the Ustyurt Plateau	58
<i>S.A. Yatsenko</i>	
Chapter 3. Tamgas of Bactria/Tokharistan	89
<i>J.Ya. Ilyasov</i>	
Chapter 4. Signs of the Late Antiquity on Petroglyphs of Kazakhstan	141
<i>A.E. Rogozhinskii, S. A. Yatsenko</i>	
Chapter 5. Series of Signs in the Oases of Southern Kazakhstan	159
<i>E.A. Smagulov, S.A. Yatsenko</i>	
Chapter 6. Signs from the Hillforts of Chach	198
<i>S.A. Yatsenko, E.A. Smagulov</i>	
Chapter 7. Signs of Kayragach Sanctuary	229
<i>E.A. Smagulov, S.A. Yatsenko</i>	
Chapter 8. Medieval Petroglyph Tamgas of Southern Kazakhstan and Semirechie	249
<i>A.E. Rogozhinskii</i>	
Chapter 9. Tamgas/Nishan and Socio-Political History	296
<i>S.A. Yatsenko, J.Ya. Ilyasov</i>	
Chapter 10. Tamgas on Early Medieval Coins from Central Asian Oases	333
<i>G.B. Babayarov</i>	
Chapter 11. Medieval Tamga-Signs of Kyrgyzstan	364
<i>K.Sh. Tabaldyev</i>	
Chapter 12. General and Special Use of Tamgas by the Ancient People of Central Asia ..	387
<i>S.A. Yatsenko</i>	
Bibliography	418

ВВЕДЕНИЕ

С.А. Яценко, А.Е. Рогожинский

Дорогие читатели! Перед вами необычная книга. С одной стороны, это результат многих лет *самостоятельных* изысканий нескольких будущих соавторов в малоизвестной области науки – *тамговедении*. Одновременно эта книга – плод их *коллективного сотрудничества*, которое стало возможным в наше время лишь благодаря организационной помощи и финансовой поддержке Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ / ICAS, г. Самарканд) в рамках двухлетнего проекта 2016-2017 годов. Авторы этой книги – профессиональные археологи из ряда стран Центральной Азии: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, а также России. Половина разделов нашей книги, начиная с введения, написана *в соавторстве*, поэтому история сложения столь необычного интернационального научного коллектива и рождение самого замысла написания такой монографии требуют кратких пояснений.

Идея подготовить специальное издание по древним знакам-тамгам государств Центральной Азии возникла вкоре после публикации в конце 2010 года в Лондоне знаменитого англоязычного сборника, объединившего ученых разных континентов (Traditional Marking Systems, 2010). Хотя материалы *по Центральной Азии* три редактора из разных стран (испанский этнограф Жоам Эванс-Пим, американский специалист по знаковым системам Оливер Перен и российский археолог Сергей Яценко) старались представить широко, одновременно стало очевидно, что эта панорама очень фрагментарна, не полна, и что многие обобщения недостаточно обоснованы без публикации большой серии накопившихся новых памятников и без системного, по единой программе, сопоставления материалов разных регионов.

В ноябре 2012 года в ходе работы семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» в Алматы соавторы этого раздела об-

INTRODUCTION

S.A. Yatsenko, A.E. Rogozhinskii

Dear reader! This is not ordinary book: on the one hand, this is the result of long *individual* research each of the future co-authors made into such a little known field as the *tamga-signs studies*. At the same time, this is the result of *collaboration between the authors*, which was possible only due to the organisational assistance and financial support of the International Institute for Central Asian Studies (IICAS, Samarkand) and which continued within a two-year project implemented in 2016-2017. The authors of this book are professional archaeologists from Central Asian countries – Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan – and from Russia. Starting from the Introduction, a half of the sections in this book have been written in *co-authorship*, which makes it necessary to enlarge slightly on the history of the formation of this unusual international team and the idea to write this monograph.

The idea to make a special edition on ancient tamga-signs used in Central Asian states arose soon after the publication of the well-known collection of papers by a group of researchers from different continents in London in 2010 (Traditional Marking Systems, 2010). Although its three editors from different countries (Spanish ethnographer Joam Evans Pim, American expert in marking systems Oliver Perrin and Russian archaeologist Sergey Yatsenko) did their best to cover as fully as possible material from *Central Asia*, it became clear that the coverage was very fragmentary and incomprehensive and many such generalisations were unsubstantiated, and that to mend the situation it was necessary to publish the long series of recently discovered monuments and create a uniform systematic programme to compare materials from different regions.

суждали перспективы совместной работы по гранту еще существовавшего тогда Института культурного наследия номадов, в частности – по системному изучению тамг-петроглифов на обширной территории. В скором будущем открывались куда более широкие перспективы...

Другим важным этапом в оформлении замысла будущего проекта стало общение Е.А. Смагулова и С.А. Яценко на базе Туркестанской археологической экспедиции (ТАЭ) летом 2014 года. Тогда же и была предварительно проработана сама идея проекта, его задачи и механизм реализации. Мы оба уже давно (с 2005 года) анализировали по специальной программе все знаки на керамике и отчасти – кирпичках в раскопах известного доисламского святилища Сидак (Смагулов, Яценко, 2006. С. 246-268; Смагулов, Яценко, 2010. С. 180-221). Раскопки Сидака на какое-то время (после 2012 г.) прекратились, но серьезным обобщениям по собранной обширной коллекции тамг явно мешало отсутствие столь же обширных и полно обработанных коллекций на памятниках *соседних территорий*¹. Поскольку в августе 2014 года мы оба планировали поездку в Ташкент и Самарканд, то у Е.А. Смагулова возникла идея пообщаться с несколькими узбекскими специалистами, интересующимися этой проблематикой, и заодно предложить руководству МИЦАИ идею нового и амбициозного издательского проекта. Эта идея была с самого начала воспринята положительно как коллегами, так и руководством института, и наша заявка была вскоре одобрена на очередной сессии Академического совета.

В целом авторский коллектив и стиль его работы определились в ходе встречи группы археологов, изучающих тамги оазисов и горно-степных территорий, иранского и тюркского населения региона на конференции «Проблемы изучения нематериального культурного наследия...» в ноябре 2014 года в Астане, а в августе 2016 года в Ташкенте на совещании исполните-

In November 2012 the two authors of this chapter were discussing at the seminar ‘Historical and cultural heritage and modern culture’ in Almaty the prospects of their co-operation in the systematic research into petroglyph tamgas on a vast area funded by the former Institute of Nomads’ Cultural Heritage. The nearest future promised much broader prospects...

The discussion between E. A. Smagulov and S. A. Yatsenko within the Turkestan Archaeological Expedition (TAE) in the summer of 2014 became another important stage in the development of the concept of the future project. At about that very time the project’s initial plan, tasks and implementation mechanisms were conceived. Since 2005 we both have been analysing all the signs on the ceramics and a partly on the bricks excavated in the famous pre-Islamic sanctuary in Sidak (Smagulov, Yatsenko, 2006. PP. 246-268; Smagulov, Yatsenko, 2010. PP. 180-221). After 2012 the excavations in Sidak stopped for a while, and we realised that for a comprehensive analysis of the collected tamgas it was necessary to excavate and analyse the collections in monuments in *neighbouring territories*¹. As we both planned a trip to Tashkent and Samarkand in August 2014, E. A. Smagulov suggested that we meet with a few Uzbekistan specialists working in this field and propose the concept of a new ambitious author’s project to IICAS’s management for consideration. From the very beginning both our colleagues and the institute’s management took this idea with enthusiasm, and our application was soon approved at the next session of the Academic Council.

The basic structure of the working team and their work style were determined in the course of the meeting of a group of archaeologists studying tamgas in oases and mountainous steppes populated by Iranian and Turkic peoples, which took place at the conference ‘The issues of stud-

¹ Исключением являлось, пожалуй, лишь системное изучение и издание, организованное Г.И. Богомоловым, тамгообразных знаков древней столицы Чача – Канки (Богомолов, 2006. С. 122-133; Богомолов, 2011. С. 91-105).

¹ The only serious research into these monuments was, probably, the systematic study and publication of the tamga-like signs of Kanka, the ancient capital of Chach, organised by G. I. Bogomolov (Bogomolov, 2006. PP. 122-133; Bogomolov, 2011. PP. 91-105).

лей были уточнены последние серьезные неясности по деталям выполнения проекта.

Участники проекта со своим весьма разноплановым исследовательским опытом и привычными им методиками оказались воодушевлены общей сложной задачей: рассмотреть с разных сторон одну из так называемых знаковых систем западной части древней, доисламской Центральной Азии. Возможно, самой популярной из них (от бронзового века до распространения ислама в VIII-IX веках, а также в позднем средневековье), наряду с разными письменностями, магическими символами и др., была охватывавшая иногда все общество традиция использования знаков, которые у ираноязычных народов чаще всего называли «*нишан*», а у тюркоязычных – «*тамга*»².

На огромном пространстве Среднеазиатского междуречья и Казахской степи – от истоков Амударьи и Мургаба до границы тайги, гор Алтая и Урала – с эпохи бронзы до новейшего времени (до первой трети XX века), на протяжении трех-четырёх тысячелетий, складывалась и традиционно развивалась практика пользования особыми знаками идентичности типа нишан / тамга. В античное время и раннее средневековье с распространением письменной культуры тамгопользование не

ying intangible cultural heritage...’ in Astana in November 2014, and in August 2016 in Tashkent the project executors clarified the last major uncertainties in the project implementation details.

The project participants, each with their specific research background and set of methods, were inspired by the necessity to perform one common complex task, which was to study from different angles one of the marking systems used in the western part of Central Asia in the pre-Islamic period. Perhaps, alongside diverse scripts, magic symbols and others, the most popular of them (from the Bronze Age through to the spread of Islam in the 8th-9th centuries and the late Middle Ages) was the tradition of the utilisation of signs, which Iranian speaking people usually referred to as ‘*nishan*’ and Turkic ones as ‘*tamga*’², and which in some periods was popular throughout societies.

The use of nishan/tamga, a special identity sign, was being developed and traditionally practiced in the vast territory from the Central Asian interfluvium and Kazakh Steppe, from the sources of the Amudarya and Murgab to the border of the taiga forests and the Altai and Ural

² Известно, что далеко не все исследователи согласны с исходно тюркским происхождением термина «тамга». Так, О. Перен считает его искажением более раннего греческого «*tagma*», связанного с маркировкой товаров для торговли и обложением их налогами (Perrin, 2010. P. 24. Note 1), Г. Вернадский связывает его происхождение с аланским термином «*damyghoe*» (знак клана) (Vernadsky, 1956) и т.п. В древнетюркских наречиях существительное *тамга* имело значения «печать», «отпечаток», «знак (магический)», а название почетной должности «тамгачи» означало «хранитель печати» кагана (Древнетюркский словарь, 1969. С. 530); в надписи Кюль-тегина (732 год) говорится, что почтить его память «в качестве плачущих и стонущих... от сына моего, кагана тюркешского, пришли Макрач, хранитель печати (*тамгачи*), и хранитель печати Огуз-Бильге» (Малов, 1951. С. 43). Махмуд ал-Кашгари в «Диван лугат ат-турк» дает следующие объяснения слов: *тамга* – «царская (или др.) печать»; *тамгалик* – «отмеченное печатью» (Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 398, 481). Основное значение слова «тамга» в большинстве тюркских языков – «тавро, знак собственности, которым клеймится скот»; только в этом значении зарегистрирован термин и в енисейских надписях: *tamqaly jylqy* «скот, отмеченный клеймом», *tamqa at* «клейменная лошадь» (Кляшторный, 1980. С. 92).

² There are a number of researchers who disagree with the idea of the Turkic origin of the term ‘tamga’. For instance, O. Perrin believes that this is a distorted version of the earlier Greek ‘tagma’ associated with marking trade goods and their taxation (Perrin, 2010. P. 24. Note 1), while G. Vernadsky considers that it was derived from the Alani term ‘damyghoe’ (clan’s sign) (Vernadsky, 1956). In ancient Turkic dialects the noun ‘tamga’ meant ‘seal’, ‘imprint’ or ‘(magic) sign’, while the honourable position of ‘tamgachi’ meant the ‘seal keeper’ of a khagan (Drevnetyurksiy slovar (Ancient Turkic Dictionary), 1969. P. 530); Kul-tegin’s inscription (732 AD) says that ‘Makrach, the keeper of the seal (*tamgachi*) and seal keeper Oguz-Bilge came from my son, khagan of the Turgesh, to lament and moan’ in his memory (Malov, 1951. P. 43). Mahmud al-Kashgari in his ‘Divan lugat at-turk’ gives the following explanation of these words: *tamga* – is a ‘royal (or other) seal’; *tamgalik* – ‘marked with a seal’ (Mahmud al-Kashgari, 2005. PP. 398, 481). The basic meaning of the word ‘tamga’ in most of the Turkic languages is ‘a brand or identity mark put on livestock’; this is the only meaning that can be applied to the word in Yenisei inscriptions: *tamqaly jylqy* – ‘livestock marked with a brand’, *tamqa at* – ‘a branded horse’ (Klyashornyiy, 1980. P. 92).

утратило своего значения, напротив, именно в эти исторические эпохи применение удостоверительных знаков приобрело самое широкое распространение в географическом измерении и в социальной сфере, пронизав буквально все важнейшие стороны общественной жизни обитателей степи и городских центров Семиречья, Чача, Хорезма, Согда и Тохаристана – политическую, хозяйственную, религиозную и бытовую. Сотни памятников тамгопользования разных категорий, рассеянные на обширном пространстве региона, знаменуют своего рода расцвет этой своеобразной системы коммуникации, ставшей понятной представителям разных культур и народов и воспринятой ими как объединяющее начало.

В последующие времена тамгопользование также сохранялось в культурной среде народов среднеазиатско-казахстанского региона, хотя не везде мы можем обнаружить столь же яркие и многочисленные памятники со знаками, какими изобилуют оазисы и степи доисламского и домонгольского периодов. Несомненно, существенное расширение в позднее средневековье письменной грамоты (усвоенной, прежде всего, элитами оседлых и кочевых обществ) оказало влияние на древнюю традицию применения удостоверительных знаков, ограничив область ее применения нуждами повседневной жизни народа. Показательный пример – окончательное исчезновение династийных знаков-гербов с монетных кружков Шибанидов и Джанидов после бурного всплеска пропаганды в XIII–XIV веках удельной геральдики наследниками Чагатая, Угэдэя (Кайду) и эмиром Тимуром. Однако по-настоящему губительный удар многовековой практике тамгопользования (как, впрочем, и другим феноменам традиционной культуры) нанес хозяйственный и политико-идеологический «эксперимент» властей СССР в 1930-х годах. Вместе с разрушением «родового начала» и уничтожением «феодальных пережитков» в экономической жизни общества на привычное использование клановых знаков идентичности легла печать идеологического запрета. Пробуждение в современных условиях живого интереса к тамговой символике и даже возрождение традиционной практики тамгопользования с использованием родоплеменных

Mountains, since the Bronze Age to the modern time (up to the first third of the 20th century), for three-four millennia. In the Antiquity and early Middle Ages when written language was developing most actively tamgas became even more popular, and in these very historical periods they were used most widely both geographically and socially. Tamgas concerned political, economic, religious and everyday life – all the important aspects of the social life of people inhabiting the Steppe and living in the urban centers of Semirechie, Chach, Khorezm, Sogd and Tokharistan. Hundreds of various types of monuments with tamgas scattered about a vast space in the Central Asian region signify the blooming of this unique communicative system, which became clear for representatives of different cultures and which they interpreted as a spiritual bond.

Later tamgas continued to remain in the cultures of people in Central Asia and Kazakhstan, although at this time monuments with signs were on the whole less numerous and impressive in comparison to those from the oases and steppes of the pre-Islamic and pre-Mongolian periods. There is no doubt that the much wider use of written language (mostly by the elites of nomadic and settled societies) in the late Middle Ages influenced the ancient tradition of using identity marks and confined them to people's everyday sphere. The ultimate disappearance of dynastic emblematic signs from the Sheibanid and Janid coins after the descendants of Chagatai and Ugedei (Kaidu) and Emir Timur (Tamerlane) were actively propagandizing feudal heraldry in the 13th-14th centuries is a good illustration of this. However, the decisive blow at the century-old practice of using tamgas (and at many other phenomena of traditional culture) came from the economic, political and ideological 'experiment' the USSR authorities carried out in the 1930s. The elimination of the 'tribal principle' and destruction of 'feudal vestiges' in the economic life of society affected the use of tamgas together with ideological prohibition. The current awakening of deep interest in tamga symbolism and revival of the traditional practice

знаков идентичности (например, в фермерском животноводстве Казахстана) говорит о значимости культурного феномена и заслуживает специального изучения, однако это уже предмет не археологического исследования. Внимание авторов данной монографии обращено к материальным памятникам тамгопользования Средней Азии и юга Казахстана, возникшим в эпоху поздней античности и раннего средневековья, – то есть, как сказано выше, во времена наиболее широкого и разностороннего применения на этой территории знаков типа *нишан / тамга*.

В европейской науке около 100-150 лет назад их называли «юридическими знаками» [собственности], «знаками дома» и «знаками фермы», или даже «загадочными знаками». Многие западные ученые называют их по одной из основных сфер применения «метками идентичности» (identity marks) разных уровней (Traditional Marking Systems, 2010). Тамги / нишан выполняли в традиционном обществе множество важных функций. Причину их популярности во многих обществах объяснить нетрудно. По удачному выражению Никколо Манассеро, «метки – это примитивный, но очень эффективный способ передачи информации о [чьей-либо] идентичности» (Manassero, 2013. P. 61). Эти знаки, по мере их изучения в науке, **становятся** ценным источником сведений по генеалогии знати, геральдике, по политической и этнокультурной истории отдельных народов и государств, развитию международной торговли, по религиозным верованиям доиндустриальных обществ. В целом памятники такого рода являются *важной частью культурного наследия* народов запада Центральной Азии³. Некоторые знаки весьма древнего

of using tamgas as tribal identity signs (e.g. in cattle breeding in Kazakhstan) testifies to the significance of this cultural phenomenon deserving special investigation, which, however, goes beyond the scopes of archaeological research. The authors of this monograph are focusing on material monuments with tamgas in Central Asia and southern Kazakhstan that sprang up in the late Antiquity and early Middle Ages – that is, as was noted above, at the time when the signs of *the nishan/tamga* type were used most actively and diversely in this territory.

They were termed ‘legal [property] signs’, ‘household signs’, farm signs’ and even ‘mysterious signs’ in European academic literature 100-150 years ago. Based on one of their main spheres of their use, many western researchers call them ‘identity marks’ of various levels (Traditional Marking Systems, 2010). In traditional societies tamgas/nishans performed a number of important functions. Their popularity is easy to explain. Niccolo Manassero was right to say that ‘these marks were a primitive but highly efficient way of communicating information on [somebody’s] identity’ (Manassero, 2013. P. 61). As these signs become increasingly more studied, they **become** a valuable source of information about the genealogy of noble people, heraldry, the political and ethno-cultural history of certain peoples and nations, the development of international trade and religions in pre-industrial societies. Overall, monuments of this type form an *essential part of the cultural heritage* of peoples inhabiting the western part of Central Asia³. Not more than a hundred years ago some

³ Мы исходим в использовании термина «*западная часть Центральной Азии*» не из *политического* деления в практике современной ООН (где в Центральную Азию включают бывшие советские республики Средней Азии и Казахстан, а ряд экспертов и Афганистан), а из определения границ Центральной Азии в ЮНЕСКО, *основанном на историко-культурном и природном районировании*. Поскольку (согласно, например, World Heritage List) в Центральную Азию включают Монголию, Синьцзян, север Индии и Пакистана, Афганистан, восток Ирана, то бывшие советские «*Среднюю Азию и Казахстан*» корректно называть *западной частью Центральной Азии*.

³ The term ‘**western part of Central Asia**’ used in this article is based not on the *political* division offered currently by UNO (where Central Asia consists of the former Middle Asian Soviet republics and Kazakhstan, with some experts including Afghanistan, too), but on UNESCO’s version of Central Asia’s boundaries, which is *based on the historical-cultural and environmental division into territories*. Whereas (according to e.g. World Heritage List) Central Asia also includes Mongolia, Xinjiang, northern India, northern Pakistan, Afghanistan and eastern Iran, it would be more correct to refer to the former Soviet ‘*Middle Asia and Kazakhstan*’ as the *western part of Central Asia*.

происхождения еще лет сто назад органично «жили» в быту разных народов, являя собой уникальный пример культурной преемственности. Численно преобладают знаки, нанесенные на *портативные предметы*: на монетах древних государств Трансоксианы (Хорезм, Кушанская Бактрия), вассальных владений средневековых тюрков в Средней Азии, городских центров Чуйской и Таласской долин; на предметах культовой и бытовой утвари, воинского снаряжения, на престижных изделиях (дорогая посуда, печати), а также на кирпичачах для строительства.

На сегодняшний день группой ученых из разных стран (среди которых есть и участники проекта) уже отчасти разработана методика комплексного изучения знаков типа тамга / нишан, и тем самым заложены основы будущего «тамговедения». Однако эта методика еще несовершенна, в ней есть неизбежные пробелы, и в ходе работы у нас возникало немало вопросов и к изучаемому материалу, и к собственному опыту, и к подходам коллег. К началу работы над проектом (а некоторые из соавторов шли к этому многие годы) практически у каждого из нас было собственное представление о том, как должны изучаться древние и средневековые тамги, поэтому организовать продуктивное сотрудничество было нелегко. Ко времени завершения работы наши взгляды, благодаря обсуждениям, во многом сблизились. В ходе общей работы важной задачей было принятие единых принципов описания объектов с тамгами (в том числе небрежно изображенными и фрагментированными). Мы не стремились здесь выявить предполагаемые многими *изобразительные прототипы конкретных форм* тамг (хотя сам процесс образования тамг от схематических образов конкретных животных, растений, бытовых вещей и т.п. мы в принципе не отвергаем), так как подозреваем, что подобные изыскания сегодня неизбежно больше основаны на богатой личной фантазии, нежели на доказуемых и проверяемых фактах.

Западная часть Центральной Азии – очень привлекательный регион для изучения знаков типа нишан / тамга (их все чаще называют «tamga» в мировой литературе по этнологии).

ancient signs were an organic ‘element’ in the life of various peoples, which is a unique example of cultural succession. Most often the signs are recorded on *portable items*: the coins of the ancient Transoxiana’ states (Khorezm and Kushan Bactria), the vassal states of medieval Turkic peoples in Central Asia and urban centres of the Chu and Talas valleys; cultic and household articles, weaponry and armour, premium items (valuable vessels and stamps) and construction bricks.

A group of researchers from various countries (some of whom are involved in this project) have already developed a method for comprehensive research into the signs of the nishan/tamga type and thus laid the foundation for the future ‘tamga studies’. However, this method is not yet finalised; it has a number of inevitable shortcomings, and in the course of the work we had many questions concerning the studied material, our own experience and approaches practiced by our colleagues. By the time we began working on the project (it took some of the authors many years to come to it); almost each of us had formed their own idea of how ancient and medieval tamgas should be studied, so it was quite hard in the beginning to cooperate efficiently. By the end of the project our views on many things converged. To complete joint work it was important to accept uniform principles of describing objects with tamgas (including carelessly made and fragmented images). Our goal was not to identify *graphic prototypes of definite tamga forms* proposed by a number of researchers (although we do not generally deny that tamgas originated from schematic images of definite animals, plants, household utensils and so on), as we suspect that this research is inevitably based today on rich personal imagination, rather than on facts that can be checked and proved.

The western part of Central Asia is a highly attractive region for studying nishan/tamga signs (they are termed ‘tamgas’ increasingly more often in international ethnological literature). The thing is that nomadic people in this part of Eurasia used such signs up until the early 20th cen-

Дело в том, что у кочевых народов этой части Евразии использование таких знаков было актуально до начала XX века, и это вызвало немалый интерес первых ученых, описывавших народы «Киргизской степи» (Аристов, 1894; Аристов, 2003; Левшин, 1996; Castagne, 1921). С другой стороны, южная граница этой территории была одной из первых в мире зон массового использования тамг (меток, знаков) для хозяйственных, политических и религиозных целей. Еще около 4-5 тысячелетий назад, в бронзовом веке, знаки активно применялись на самом юге края – в древней стране Маргуш (греч. Маргиана), в районе современного г. Мары (Мерв)⁴. Много позже, с VI века до н.э., они стали важной частью культуры народа хорезмийцев, пришедших с юга в Хорезмский оазис в низовьях Амударьи (Яценко, 2001. С. 94-95). В более восточных областях региона тамгопользование, возможно, зарождается у степных скотоводческих племен в конце эпохи бронзы (Рогожинский, 2016б. С. 55-56), но становится массовым только с рубежа II-I веков до н.э., после миграций на запад и юг юэчжей и усуней из западного Китая, перемещений местных саков. Это широкое их применение прекратилось в оазисах с середины VIII века, после арабского завоевания большинства территорий (см., например: Богомолов, 2006. С. 130; он же, 2011. С. 104), лишь ненадолго задержавшись у раннетюркских кочевых этносов (см. главу 10; Рогожинский, 2013). Вновь тамги, как система маркирования разных объектов и событий, стали популярны после монгольских завоеваний Чингисхана в XIII веке, в чьей империи они имели высокий статус (государственный символ, наделение тамгами со стороны государя и т.п.) и сохранили развитую традицию у монголов (Gochoo, 1958; Перлээ, 1975; Nyamaa, 2005; Содномбалжир, 2011); они позже сохраняли значение и у многих народов завоеванных монголами

tury, which arose great interest in the first specialists that described the peoples of the ‘Kyrgyz steppe’ (Aristov, 1894; Aristov, 2003; Levshin, 1996; Castagne, 1921). On the other hand, the southern border of this territory was among the first areas in the world where tamgas (signs, marks) were used on a large scale for economic, political and religious purposes. About 4-5 thousand years ago, in the Bronze Age, the signs were actively used in the southernmost portion of the region, in the ancient country of Margush (Greek Margiana), near the present-day city of Mary (Merv)⁴. Much later, since the 6th century BC, they became an essential part of the culture of Khorezmian people, who arrived in the Khorezm Oasis in the lower stretches of the Amudarya from the south (Yatsenko, 2001. PP. 94-95). In more easterly parts of the region steppe cattle breeding tribes introduced tamgas in the late Bronze Age (Rogozhinskii, 2016b. PP. 55–56), but they began to be used on a large scale only since the late 2nd - early 1st centuries BC, when the local Saka had moved within the region and the Yuezhi and Wusun had migrated from Western China westwards. They stopped being utilised on a large scale in oases in about the middle of the 8th century, when the Arabs had invaded most of the territory (see e.g. Bogomolov, 2006. P. 130; *ibid*, 2011, 104) and only some early nomadic Turkic peoples continued to use them for a little while (see Chapter 10; Rogozhinskii, 2013). Tamgas became popular again as the markers of different objects and events after Genghis-khan’s conquests in the 13th century; in his empire they had a high status (were used as a state symbol, presented by the ruler and so on) and formed a part of the Mongol traditions (Gochoo, 1958; Perlee, 1975; Nyamaa, 2005; Sodnombalzhir, 2011); later they retained their importance in much of the territory conquered by the Mongols (see e.g. materials on medieval

⁴ Например, у главных ворот цитадели Гонура в мешочке было найдено более 20 глиняных шариков – «токинов» – с процарапанными знаками не менее 13-14 разнообразных типов (один из них – прямоугольник с крестом внутри нанесен при этом не менее пяти раз) (Сарианиди, 2002. С. 282, 287).

⁴ A small bag was found near the main gates of Gonur with over 20 small clay balls, ‘tokins’, on which signs of at least 13-14 types were scratched (one of them, a triangle with a cross inside, occurred at least five times) (Sarianidi, 2002. PP. 282, 287).

территорий (см., например, о позднесредневековом Отраре: Смагулов, 1979; Смагулов, 1980). У некоторых крупных кочевых и полукочевых народов, сформировавшихся на обломках этой великой империи (например, казахов, киргизов, бурят), актуальность тамгопользования сохранялась до недавних пор (Хороших, 1929; Восторов, Муканов, 1968; Каратаев, 2004; Рогожинский, 2010).

Особый интерес как для ученых, так и для широкой публики представляют **зоны концентрации** находок тамг античности и раннего средневековья. Обычно такие скопления (с легкой руки украинского исследователя В.С. Драчука их иногда не очень корректно называют «энциклопедиями знаков»: Драчук, 1975. С. 105-108) отмечают древние святые места, руины почитаемых храмов, крепостные ворота и стены городов. Чаще всего зоны концентрации находок изображений знаков совпадают с выявленными *древними храмами и святилищами* (в том числе наскальными). Они были свидетелями межрегионального религиозного паломничества, политических контактов (заключения договоров), проходящих через них маршрутов перекочевков и караванных дорог и других важных социокультурных процессов. К сожалению, на сегодняшний день ни одно из таких больших скоплений знаков все еще не изучено всестороннее, а их материалы публиковались и осмысливались лишь фрагментарно. В предлагаемой книге читатель *впервые* найдет комплексные описания целой серии святилищ с тамгами: от небольших скоплений среди изображений людей и животных в наскальном искусстве до обширных скоплений знаков паломников на стенах древних храмов (подобных Байте III на суровом пустынном плато Устюрт) и до расставленных рядами меченых сосудов с жертвенной пищей и очищенными костями умерших в важных помещениях храмовых дворов. Другим очень своеобразным местом скопления знаков были тысячи и даже миллионы *меченых сырцовых кирпичей на крупных объектах общественного строительства* (дворцов, крепостных стен, крупных храмов) со знаками, принадлежавшими, видимо, группам работников, изредка – их контролерам или даже могу-

Otrar: Smagulov, 1979; Smagulov, 1980). Some major nomadic and semi-nomadic peoples that formed out of the shards of this great empire (such as the Kazakhs, Kyrgyz, Buryat and others) used tamgas until quite recently (Khoroshikh, 1929; Vostorov, Mukanov, 1968; Karataev, 2004; Rogozhinskii, 2010).

Areas of concentration of antique and early medieval tamgas arouse special interest in specialists and non-specialists. Usually such clusters (sometimes referred to as ‘signs encyclopaedias’ – a disputable term proposed by the Ukrainian researcher V. S. Drachuk: Drachuk, 1975. PP. 105-108) mark ancient holy places, ruins of sacred temples, fortress gates and city walls. In most cases areas of concentration of signs are found within or near *ancient temples and sanctuaries* (including those organized on rocks. They witnessed interregional religious pilgrimage, political contacts (conclusion of agreements), migration, caravan trade and other important socio-cultural processes. Unfortunately, by today no one of those major sign clusters has been studied thoroughly, while the material was published and analysed but fragmentarily. This book offers the *first* comprehensive descriptions of a series of sanctuaries with tamgas, some of which are found individually among images of humans and animals on rocks, others form large clusters of signs left by pilgrims on the walls of ancient temples (such as Bayte III on the barren Ustyurt Plateau), while the third are discovered on vessels with sacrificial food and cleaned bones arranged in rows in important rooms within temples. Another place of concentration of signs, quite an original one at that, was thousands and even millions of *marked mud bricks from major public structures*, such as palaces, fortress walls and large temples). The marks, probably, belonged to groups of workers and sometimes their supervisors or even powerful sponsors of the construction work. The third group of things with numerous tamgas is *ancient coins*. It was that they long ago attracted for the first time the attention of European collectors and specialists in numismatics to ‘mysterious

шественным спонсорам строительства. Третья группа массовых находок с тамгами – *древние монеты*. Именно они когда-то впервые привлекли внимание европейских коллекционеров и ученых-нумизматов к «загадочным знакам» (как их называли ученые еще лет 80 назад). В раннесредневековой Средней Азии обилием монетного чекана особенно отличался Ташкентский оазис – древний Чач. С тамгами на древних монетах Средней Азии и сегодня есть много неясностей. Нанесение одинаковой тамги или серии близких по форме знаков правителями одной династии могло означать и их родство, и подчинение местных властей могущественным внешним силам. Трудно также доказать, что тамга конкретного правителя на монетах была именно его *личным* знаком в понимании современного, индивидуалистического мира. Ведь в подавляющем большинстве традиционных обществ знак во всей семье реально имел лишь мужчина – ее глава (хотя им могли пользоваться в ряде обстоятельств ее неполноправные члены: жена, неженатые сыновья, доверенные слуги⁵). Еще сложнее доказать это, например, если на одной монете какого-либо правителя изображены сразу несколько таких различных знаков, или когда один государь достоверно размещал на своих монетах в разные годы разные тамги. Скорее в данном случае речь идет не о личном знаке в современном смысле, а о знаке *семейном* (хотя публично декларировался он обычно только для *главы правящей семьи*, а заодно – и государства)⁶.

Мы живем в эпоху, с одной стороны, глобализации, а с другой – реакции на нее в виде роста национальных чувств, иногда принима-

signs', as researchers used to call them some 80 years ago. In early medieval Central Asia coins were particularly diverse in Tashkent Oasis, in ancient Chach. Even today there is still much to clarify about the tamgas on *ancient Central Asian coins*. It is also hard to prove that the tamga of a definite ruler on a coin was his *personal* sign in the contemporary individualistic meaning of the word. The thing is that in most of the traditionalist societies a family sign was in reality owned by the man, the head of the family, although in a number of circumstances subsidiary members, such as the wife, unmarried sons and authorised servants could also use it⁵. To support this concept is even harder when the coin of a ruler has on it several signs of this kind or when the monarch reliably put different tamgas in different years. Probably, in this case it was not a personal sign in the modern sense of the word but, rather, a family one (although it was publicly declared as the sign of the *head of the ruling family* and as a state sign)⁶.

We are living, on the one hand, at the time of globalisation, on the other, when this globalisation results in the growth of national senses, sometimes to morbid and extreme dimensions. Many 'patriotic' intellectuals in different countries around the world do their best to prove the importance of the ancestors of their (or a kindred) nation and purity of its blood, to justify any atrocities done by a royal villain in remote times by their attempts to establish a great empire and so on. Nevertheless, in reality these peoples were actively migrating, assimilating, adopting each other's achievements and state

⁵ Слуги (особенно давно служащие и вошедшие в доверие хозяев) во многих обществах считались совершенно неотъемлемой частью семьи. Так, у некоторых авторов XIX века мы находим типичное для того времени рассуждение, что многим базовым социальным структурам свыше определена *троичность*, и семья естественным образом должна состоять из родителей, детей и прислуги.

⁶ Ср. у Ю.Б. Симченко на основании детального изучения позднесредневековых материалов Сибири: «Личная» тамга стала употребляться как юридический знак в сделках, которые заключались *между главами семей*, а не всего рода, как раньше» (Симченко, 1965. С. 4).

⁵ In many societies servants, particularly those who served a family for a long time and whom the masters trusted, were considered full members of a family. So some of the 19th-century authors told about the typical *trinity* of most basic social structures determined by the Heavens, and that a family had naturally to consist of parents, children and servants.

⁶ Cf. Yu. B. Simchenko's detailed analysis of late medieval material on Siberia: 'since that period the 'personal' tamga was used as a legal sign to confirm agreements *between the heads of families* rather than entire families as had been earlier' (Simchenko, 1965. P. 4).

ющей болезненные, крайние формы. Многие «патриотически» настроенные интеллектуалы в разных странах мира стремятся любой ценой доказать и в прошлом особое величие предков именно собственного (или родственного) народа, чистоту его крови, оправдать любые жестокости царственных злодеев далеких от нас времен попытками создания великих империй и т.п. Между тем, в реальном прошлом народы активно переселялись и смешивались, перенимали друг у друга различные достижения и элементы государственного устройства, принимали у себя беженцев и большие массы плененных чужаков. Крупные города – основные культурные центры – чаще всего были многонациональными, а на границах оазисов шли интенсивные контакты кочевого и оседлого населения. Не миновали эти процессы и такой сферы быта и культуры как *тамгопользование*. Мы наблюдаем *перенимание форм семейно-клановых знаков у одних народов другими* (из-за браков знати, покровительства малым народам со стороны аристократии господствующего, из-за побратимства, желания приобщиться к величию угасших знаменитых кланов и племен и по многим другим причинам). Нетрудно догадаться, что перенимали знаки (если это позволялось или становилось возможным законным путем) у могущественных и богатых. Заметно такое довольно массовое перенимание чужих знаков собственности и в процессе широкого расселения и доминирования ранних тюркских народов над иранским населением и в западной части Центральной Азии, и на Северном Кавказе с VI-VII веков н.э., и в ряде районов Ирана. Например, на Северном Кавказе сотни форм тамг, в том числе сложных, сохранялись, часто при полной смене народов в той или иной местности, с I-II веков н.э. по начало XX века (Яценко, 2001. С. 16-17, 22-23; ср. Яхтанигов, 1993). Тамги могущественных на позднесредневековом Северном Кавказе черкесов и кабардинцев (у которых знаки имели право использовать только аристократические роды, подобно гербам европейского средневекового рыцарства: Gennep, 1905) оказали немалое влияние на соседей благодаря смешанным бракам и покровительству семьям

structural elements and receiving refugees and large numbers of captive foreigners. Most of major cities – basic cultural centres – were multinational, and nomadic and settled people contacted actively at the boundaries of oases. These processes also involved the *use of tamgas* as elements of household and everyday life. We can observe how *peoples adopted family and clan sign forms from other ones* (through marriages between noblemen, protection of minor peoples by the aristocracy of ruling ones, getting into sworn brotherhood, wishing to become a part of famous clans and tribes whose superiority had gone down and a number of other motives). It is easy to perceive that the signs of powerful and rich units (if it was legal and allowable) were adopted most often. We can also see how early Turkic peoples who spread widely and started to predominate over Iranian population in the western part of Central Asia and the North Caucasus since the 6th-7th centuries AD, as well as in a number of areas in Iran, adopted quite actively local signs. So, in the North Caucasus hundreds of tamga forms, including complex ones, remained even when, in some areas, one people was completely substituted by another one from the 1st-2nd centuries AD to the early 20th century (Yatsenko, 2001. PP. 16-17, 22-23; cf. Yakhtanigov, 1993). The tamgas of the Circassians and Kabardians (which, like the emblems of the medieval European knighthood, could be used only by aristocratic families: Gennep, 1905), powerful in the North Caucasus in the late medieval period, influenced greatly neighbouring peoples through interethnic marriages and patronage of families from other ethnic groups (Yakhtanigov, 1993. PP. 71-87). This is why even today it is often quite hard to distinguish between late antique and early medieval signs in Central Asia. The project's participants agree that we must be very careful about using ethno-linguistic definitions for earlier periods providing few written and epigraphic sources.

* * * *

In recent years a number of researchers have attempted to **define signs of the tamga/nis-**

из других этнических групп (Яхтанигов, 1993. С. 71-87). Поэтому различение, например, позднеантичных и раннесредневековых знаков среди наскальных рисунков Центральной Азии и сегодня не всегда легкая задача. Участники проекта согласны с тем, что мы должны быть крайне осторожными в использовании этнолингвистических определений для ранних периодов, слабо обеспеченных письменными и эпиграфическими источниками.

* * * *

Дать **определение знакам типа тамга / нишан** в последние годы неоднократно пытались разные исследователи. Но поскольку они занимались некой конкретной территорией, народом или группой родственных народов, то исходили из региональных и временных особенностей, а также из наличных (часто весьма фрагментарных) этнографических и исторических сведений. Так, С.А. Яценко в ранний период своей работы с подобными знаками, в соответствии с наличным материалом, делал акцент на сарматских тамгах-gakk более всего как на знаках собственности и сопричастности и на их, главным образом, клановой, много реже – семейной принадлежности (Яценко, 2001. С. 22-23, 46, 80, 83); в дальнейшем, на материалах других территорий и типов артефактов, он все больше интересовался знаками предположительно *семейного* уровня. Весьма показательным, что многие серьезные исследователи знаков типа тамга / нишан в принципе отказывались давать их строгое определение (Симченко, 1965. С. 3-8; Драчук, 1975; Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. С. 6-9, 14-15). В то же время широко известна попытка представить перечень *функций тамги* в одной из статей В.С. Ольховского, интересовавшегося этой темой короткое время (Ольховский, 2001)⁷. Не исключаем, что сегодня важнее не столько представить универсальное определение (которые неизбежно примут не все коллеги), сколько **точнее описать разнообразные**

han type. However, as they were studying an isolated territory, people or group of kindred peoples, they based their research on regional and temporary specificities and available (often quite fragmentary) ethnographic and historical information. S. A. Yatsenko, for instance, at the earlier stages of his work on these signs had limited material and had to focus on Sarmatian tamgas-gakk, mostly as property and participation marks and clan and, much more rarely, family signs (Yatsenko, 2001. PP. 22-23, 46, 80, 83); afterwards, as he gained access to material from other territories and other types of artifacts, he became increasingly more interested in signs which he supposed were *family* tamgas. Interestingly, many big specialists working on tamga/nishan signs avoided giving their strict definition (Simchenko, 1965. PP. 3-8; Drachuk, 1975; Samashev, Bazykhan, Samashev, 2010. PP. 6-9, 14-15). At the same time, V. S. Olkhovsky who took a brief interest in this subject is known to have attempted to provide a list of *tamga's functions* in one of his articles (Olkhovsky, 2001)⁷. It is quite possible that today it is not so important to give a universal definition (which, certainly, would not be accepted by all specialists), but, rather, to **describe the diverse functions of this sign as accurately as possible**. However, to this day no specialist has managed to formulate a comprehensive, *universal* definition of the sign of the tamga/nishan type, which could be accepted unconditionally by all experts. It is absolutely evident that the current knowledge in the overall phenomenon of tamga use and the origin and meaning of tamga/nishan in the culture of ancient and contemporary peoples in the region is yet objectively insufficient for similar definitions. Therefore, today it is much more important to provide fuller descriptions of significant monuments in the region to have a better idea of their multiformity, determine basic types and variations, establish the chronology, functional diversity, change-

⁷ Координатор данного проекта С.А. Яценко придерживается иного мнения об опытно обосновании и происхождении этого списка функций тамг.

⁷ The coordinator of this project S. A. Yatsenko has a different opinion on the experimental proof and origin of this list of tamga functions.

функции этого знака. Однако на сегодняшний день никому не удалось сформулировать емкого, *универсального* определения знака типа тамга / нишан, которое безоговорочно было бы принято всеми специалистами. Совершенно очевидно, что достигнутый уровень знания о феномене тамгопользования в целом, о происхождении и значении тамги / нишан в культуре древних и современных народов региона пока объективно не достаточен для подобных дефиниций. Поэтому намного важнее сегодня дать более полное описание значимых памятников региона, чтобы точнее представить их многообразие, определить основные типы и разновидности, установить хронологию, функциональное разнообразие, изменчивость и преемственность в формировании знаков и т.д. Не менее важными становятся вопросы методики исследований: необходимость разработки эффективных приемов документирования памятников, стандартизированных форм представления знаков, критериев сходства и др. Вот почему мы видим главное назначение издаваемого коллективного труда в максимально полном, согласованном изложении и документальном представлении наиболее важных источников, характеризующих феномен тамгопользования в период его становления и особо яркого проявления. В ходе анализа этих данных было сделано немало важных выводов общего характера.

Определение тамги / нишан в наиболее корректной форме – не вообще для всего человечества или всей протяженности истории какого-либо большого региона планеты – может быть предложено сегодня *для конкретного региона западной части Центральной Азии и для конкретного (доисламского) периода ее истории*. Мы можем вполне достоверно предполагать несколько функций знаков такого рода.

1. Эти метки или знаки были своего рода *эмблемами, гербами групп людей, различных по численности и статусу в обществе (выполняя, прежде всего, различительную функцию «свой-чуждой») – отдельных семей, кланов, а изредка, вероятно, целого племени (например,*

ability and succession in the development of sign forms and so on. Research methods are no less important: it is necessary to develop efficient ways to document monuments, standardise sign presentation forms, similarity criteria, etc. This is why we believe that the main task of this joint work is to document and give a full and coherent description of the most important sources characterising the tamga use phenomenon at the time of its development and particularly bright manifestation. While analysing these data the authors made a number of important general conclusions.

The most correct **form of the definition of tamga/nishan** (not for the entire mankind or the entire history of a large region on the planet) may be given today *to a specific region in the western part of Central Asia and to a specific (pre-Islamic) period in its history*. We can quite confidently propose a few functions signs of this type used to perform.

1. These marks or signs were the *emblems of groups of people differing in number and social status (their main function was to distinguish between 'insiders' and 'outsiders')* – e.g. individual families, clans and, probably, sometimes entire tribes (for the Oguz see e.g. Kashgari, 1939. PP. 56-59; Mahmud al-Kashgari, 2005. PP. 93–94)⁸ and even groups of tribes (for the Kazakhs of the Senior and Middle Zhuzes see Rogozhinskii, 2016a. PP. 226–230) or, on the contrary, some powerful individuals (probably, not as personalities but as the heads of their (ruling) families and therefore the state).

2. These signs served to *identify*, for which today passports, employment certificates or distinguishing emblems on clothes, ceremonial weapons, animals and so are used.

⁸ Yu. B. Simchenko, an outstanding specialist in the tamgas of the Siberian peoples, including Turkic, was skeptical about the special 'tribal sign'; according to his observations, the sign of the clan predominating in a tribe was used as the 'tribal sign'. On the contrary, in some cases it was not a tribe or tribal unions that chose a uniform sign, but small territorial communities (when external power changed their administrative identity and boundaries) (Simchenko, 1965. P. 5).

у огузов: Kashgari, 1939. PP. 56-59; Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 93–94)⁸, даже группы племен (например, у казахов Старшего и Среднего жузов: Рогожинский, 2016а. С. 226–230) или, напротив, отдельных влиятельных людей (скорее не как личностей, а как глав собственных (правящих) семей и соответственно – государства).

2. Эти знаки были *удостоверительными*, заменяя современные паспорта и служебные удостоверения на костюме и парадном оружии, на теле любимого коня и т.п.

3. Это были знаки *сопричастности* к определенным социально значимым событиям (религиозному паломничеству – групповому или личному, к важным свадьбам, а также к заключению договоров о мире, торговом партнерстве, побратимстве, принятии посторонних в состав клана и иных взаимных обязательствах, сопровождавшихся обычно в старину клятвами).

4. Это были во многих ситуациях более всего *знаки собственности* (на границах угодий, на теле домашних животных, на ценных личных вещах, часто на посуде).

5. На монетах, в тронных залах дворцов, на драгоценных сервизах для дворцовых пиров, на парадных дипломатических дарах и т.п. знаки правителей были своеобразными *политическими символами государства и династии*.

6. Для мастеров ремесленников (чаще гончаров) в ряде случаев тамги были *знаками их авторства и принадлежности к определенной мастерской* (хотя не вполне ясно, зачем заказчику и хозяину сосуда нужно было постоянно любоваться на чужой знак оплаченного и не слишком престижного специалиста).

7. Изредка в ряде ситуаций в качестве тамги в доисламское время могли использоваться

3. These were signs indicating *involvement* in certain socially important events (religious pilgrimage – collective or individual, important marriages, and conclusion of agreements about peace, trade partnership, sworn brotherhood, acceptance of outsiders into the clan and other mutual obligations formerly often accompanied by speaking vows).

4. In many situations they were primarily *ownership signs* (marking the boundaries of lands, animals, valuable personal things and often tableware).

5. On coins, in throne rooms, on precious ceremonial table sets, on ceremonial diplomatic gifts and so on the signs of rulers were a kind of *political symbols of the state and dynasty*.

6. For many craftsmen (mostly potters) tamgas were the *signs of their authorship and membership of a certain workshop* (although, it is not quite clear why a customer and the owner of a vessel should all the time watch the sign of an ordinary paid specialist).

7. In the pre-Islamic period *sacral symbols of religious minorities representing some developed religions* could be used sometimes as tamgas, which was a convenient and obvious method of identification (see e.g. a version of the Nestorian cross on a vessel – probably, the cross on Golgotha: Chapter 5, fig. 4, 8⁹; *the same may be referred to the followers of local Mazdeism and Bactrian Buddhism*).

Very seldom signs could serve as amulets (the cross and swastika on the bottom of an ordered vessel cut in advance on the surface of the potter's wheel; the cross on the lids of Khorezm-made vessels used by neighbouring nomads to keep the bones of the dead). However, these

⁸ Такой известный специалист по тамгам народов Сибири, включая тюркские, как Ю.Б. Симченко, скептически относился к наличию *особого «знака племени»*: на деле функцию такового, по его наблюдениям, иногда выполнял знак клана, доминирующего в данном племени. Напротив, достоверно известны случаи, когда единый знак выбирали не племена или их союзы, а небольшие территориальные общины (если их административная принадлежность и границы менялись внешней силой) (Симченко, 1965. С. 5).

⁹ Cf. Emblems based on the shortened names of Jesus and Virgin Mary, various symbols of the Trinity, names of popular saints or their most famous attributes, first letters of prayers, versions of the cross, the Greek letters ‘alpha’ and ‘omega’ as Christ’s allegoric image and so on occupied an honourable place among family signs, workshops’ emblems and so on in medieval and modern Europe (Skanberg, 2010).

сакральные символы религиозных меньшинств – представителей развитых религий, что было весьма удобным и наглядным приемом выявления идентичности (см., например, вариант несторианского креста на сосуде – видимо, креста на Голгофе: глава 5, рис. 4, 8⁹; не исключается то же подчас для адептов местного маздеизма, бактрийского буддизма).

В ряде случаев (весьма редких) знаки могли выполнять функцию амулетов, оберегов (крест или свастика на дне заказанного гончару сосуда, заранее вырезанная на поверхности его гончарного круга; крест на крышке сосудов хорезмского производства у соседних кочевников, использовавших их как хранилища костей умершего). Однако вряд ли обереговые, весьма стандартные, знаки такого рода можно уверенно причислить к собственно тамгам.

Мы понимаем *тамгопользование*, в первую очередь, как социально-политическое и экономическое явление, в рамках которого для различения своих и чужих, для маркировки значимой коллективной и личной собственности, партий товаров и подарков, для демонстрации социального статуса и личных заслуг, для наглядного подтверждения участия человека или группы людей в неких общественно значимых акциях (даже одного верующего в значимом храме перед незримым божеством) использовались особые визуальные метки / знаки / эмблемы. Сведущие в определенных делах люди, а иногда и все взрослое население должны были знать и различать *все их формы* у разных слоев населения в обществах прошлого для каждой местности, а изредка (если дело касалось знати) – для целого государства и даже соседних стран. Для хозяев и зрителей таких знаков главными были *практические функции различения и сопричастности*, а их магический «эффект»

rather standard protective signs could hardly be referred to tamgas proper.

We perceive *tamga use*, first of all, as a socio-political and economic phenomenon, which consisted in utilising special visual marks/signs/emblems to distinguish between insiders and outsiders, mark important collective and private property, batches of goods and gifts, display social status and personal merits, present visual confirmation of the participation of a person or group of people in some socially important acts (including those where one believer appealed to an invisible God in an important temple). Knowledgeable people and sometimes the entire adult population were to be able to know and distinguish *all their forms* used by different strata of society *in each area* and sometimes (when it involved aristocracy) in the entire state and even neighbouring countries. For the owners and viewers of these signs the *practical functions of differentiation and involvement* were the most important, while their magic ‘effect’ or sacral symbolism were rare and usually played a secondary role. Nor is it a secret that various marks were used most actively either in societies that *did not use written language* or in those where literacy was the *privilege of the few*. Gelb seems right to have observed (Gelb, 1968. P. 36) that ‘symbols as ownership signs were an important step towards written language’. As the written language was becoming increasingly usable, the necessity to use tamgas was growing weaker (and in many cases they were substituted by a personal signature, seal, stamp or the flag of an organisation or even a country and so on).

The chronological frames of our research are quite broad and cover almost one and a half thousand years (from the 6th-5th centuries BC to the 8th-9th centuries AD), from the time when the active use of tamgas just began in the southern portion of the western part of Central Asia to the temporary decline of this tradition following the Arab invasion of Mawarannahr. Our work would have been impossible without the *large database* accumulated for the last few decades and consisting of items from various parts of the region,

⁹ Ср.: среди семейных знаков, знаков мастерских и т.п. Европы средневековья и Нового времени почетное место занимали эмблемы, производные от сокращений имен Иисуса и Девы Марии, различных символов Троицы, имен популярных святых или их самых знаменитых атрибутов, первых букв молитв, вариантов изображения креста, греческих букв «альфы» и «омеги» как аллегорического образа Христа и т.п. (Skanberg, 2010).

или сакральная символика были редкими и обычно далеко не первостепенными. Не секрет также, что наиболее активно разного рода метки использовались в обществах либо *бесписьменных*, либо в тех, где грамота являлась *привилегией немногих*. Представляется справедливым наблюдение И. Гельба (Gelb, 1968. Р. 36), что «символы использовались в качестве знаков собственности как важный шаг в направлении письменности». С широким распространением последней необходимость во всеохватывающем тамгопользовании ослабевала (во многом заменяясь личной подписью, отпечатком перстня, печатью или флагом ведомства или всего государства и т.п.).

Хронологические рамки нашего исследования весьма широки – почти полторы тысячи лет (от VI-V веков до н.э. по VIII-IX века н.э.), от начала активного использования тамг на юге западной части Центральной Азии до временного угасания этой традиции в результате арабского завоевания Мавераннахра. Наша работа была бы невозможна, если бы за последние десятилетия не была накоплена *большая база данных* по разным областям региона, по отдельным поселениям, могильникам и зонам наскального искусства. Однако многие материалы пока остаются несистематизированными и неопубликованными, часто знаки плохо документированы (то есть зачастую у нас нет ни данных об обстоятельствах находки, ни качественных фото изделий с тамгами), и наша книга может лишь отчасти восполнить недостатки и ограниченность имеющегося информационного ресурса.

И сегодня мы еще многого не знаем о причудливом мире знаков-тамг. Мы пока не нашли оптимальные варианты точного описания найденных знаков (особенно фрагментарно сохранившихся), универсальные принципы их классификации, наиболее удобные для ученых описания степени их сходства и различий, достоверные пути их эволюции, методы выявления и описания находок со знаками при археологических раскопках (по слоям и в рамках отдельного раскопа, поселения или некрополя), способы наилучшего хранения вещей с ними и экспонирования в музеях. Однако именно для

those found in certain settlements, necropolises and on some petroglyph sites. However, some of the material still remains unsystematised and unpublished; many of the signs are poorly documented (that is, often we possess neither information on the circumstances an item was found in, nor high-quality photos of articles with tamgas), and our book can but partially fill the gaps and compensate for the insufficiency of available data.

Moreover, currently we still know quite little about the quaint world of tamga signs. We have not yet found optimal ways to give accurate descriptions of discovered signs (particularly fragmentary ones), universal principals of their classification and convenient methods to describe the degree of their similarity or difference; nor have we established reliably their evolution paths, methods to discover and describe items with signs on archaeological sites (in different layers and within one excavation trench, settlement or necropolis) or identified best ways to store these items and display them at museums. However, our book is an important step forward in working on all these problems and this is its main task. In some chapters we focus more on a new interpretation of well-known finds and publication of new significant monuments with such ‘identity marks’. It is no less important for the images that earlier were published schematically and inaccurately.

The number of published important special monographs (including those written by a team of authors) on either ancient and medieval signs or the ‘ethnographic’ emblems of certain major regions or language groups in Eurasia is *very small* (Homeyer, 1870; Soloviev, 1885; Simchenko, 1965; Drachuk, 1975; Johnston, 1979; Yatsenko, 2001; Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010; Traditional Marking Systems, 2010). Certain small articles devoted to specific finds or small collections contribute much more to the study of this sign system. This is quite natural. The specific technical and theoretical aspects of the subject account for the small number of solid generalising publications: to collect the

разработки всех этих проблем наша книга является важным шагом вперед, для того она и задумывалась. В отдельных тематических главах мы более всего уделяем внимание новым интерпретациям давно известных находок и публикации новых значимых памятников, содержащих подобные «метки идентичности». Не менее важно это для тех изображений, которые раньше публиковали схематично и неточно.

Количество значимых специальных монографий (в том числе коллективных), опубликованных как по древним и средневековым знакам, так и по «этнографическим» эмблемам для отдельных крупных регионов или языковых групп Евразии *очень невелико* (Homeyer, 1870; Соловьев, 1885; Симченко, 1965; Драчук, 1975; Johnston, 1979; Яценко, 2001; Самашев, Базылхан, Самашев, 2010; Traditional Marking Systems, 2010). В изучении этой знаковой системы господствуют небольшие статьи по конкретным находкам или небольшим коллекциям. И это не случайно. Редкость солидных обобщающих публикаций объясняется особенностями технического и теоретического аспектов самой темы: трудностью и длительностью сбора разбросанного разнотипного материала, проблемами с их достоверной социокультурной атрибуцией и датировкой, необходимостью работать со знаками системно и с широким охватом материала (не только по целому крупному городу или некрополю, но и в пределах всей конкретной древней страны и с учетом материалов всех соседних стран). Такие трудности отпугивают от изучения этой темы не только новичков.

Изначально важной задачей было принятие единых **принципов описания, изучения и использования** объектов с тамгами (в том числе фрагментированными и неточно воспроизведенными ранее): *описания формы* знаков и *мест их нанесения, классификации* этих форм, возможности *реконструкции* частично сохранившихся тамг, вероятных *способов образования новых форм*, а также наилучших подходов к музейному хранению, экспонированию и *научной публикации* отдельных знаков и больших скоплений («энциклопедий»). В ходе практи-

heterogeneous material dispersed throughout the region requires much time and effort; it is hard to date them and establish their socio-cultural environment; the signs require a systematic approach and broad coverage (that is, research must be carried out not only within a large city or necropolis, but cover the entire territory of a certain ancient country and take into account material from all neighbouring states). These difficulties prove frightening even for experienced researchers.

Initially it was highly important to agree on uniform **principles of description, studying and usage** of objects with tamgas (including fragmented ones and those that had been reproduced inaccurately earlier: *describing the forms of signs and places they were made in*, classifying these forms, finding possibilities to *reconstruct* fragmented tamgas, searching for probable *ways of the development of new tamgas forms* and developing best methods of storing and displaying them in museums and *publishing* individual signs and big accumulations ('encyclopaedias') in specialist literature. In the course of the practical work on the project and preparation of the monograph we generally came to an agreement on these issues. Many of the authors expressed their own views on and understanding of specific terms and work methods in their respective chapters in this book.

(1) Describing sign forms we did our best to avoid direct associations with zoo- and anthropomorphic personages, items of everyday use, emotional images and so on ('a sign with elegant proportions', 'resembling a schematic human figure', 'probably, in the form of a plant shoot' and so on) and *focused more on the description of a geometry*, characteristic features of the silhouette (e.g. 'a triangle with a rounded bottom angle and two straight lines with hook-like projections on the ends diverging from the triangle's edges' and so on).

(2) We focused on analysing the different *styles* of one and the same sign (often within the same cluster). At the same time, in many cases

ческой работы по проекту и подготовки монографии мы добились в целом консенсуса по этим вопросам. Отдельные нюансы собственного, особого понимания терминологии и методов работы многие авторы отразили в своих разделах книги.

(1) При описании форм знаков мы по возможности избегали явных ассоциаций с зоо- и антропоморфными персонажами, бытовыми предметами, эмоционально окрашенными образами и т.п. («знак изящных пропорций»; «похожий на схематичную фигуру человека»; «вероятно, в форме растительного побега» и т.п.), делая *акцент на описании самой геометрической формы*, особенностей силуэта (например: «треугольник с закруглением нижнего угла, с отходящими от краев прямыми линиями с крючковидным выступом на их концах» и т.п.).

(2) Уделялось внимание анализу *почерков* написания одного и того же знака (зачастую в одном и том же скоплении). Вместе с тем, во многих случаях полезно дать не только точную прорисовку видимой формы знака, но и представить его «парадную» / «печатную» форму, не зависящую от индивидуального почерка нанесшего его на сосуд человека.

(3) Важным признано разное размещение одного и того же по форме знака в пространстве, его ориентация (поворот под разными углами, варианты «зеркального отражения»), в том числе в рамках одного поселения или могильника. Причина этого остается невыясненной, неясно также, можно ли считать эти варианты одним и тем же знаком, или это уже разные формы, принадлежавшие разным семьям. Возможно, в разных частях Центральной Азии ситуация была различной.

(4) Разновидностью знаков на сосудах являются *оттиски* по сырой глине на их поверхности изображения на небольшой *личной печати*. Важно сделать качественное фото такого оттиска, восстановить узор его изображения (что не всегда просто, учитывая разное качество и глубину оттиска в глине). Если несколько таких оттисков печати ставились рядом на поверхности сосуда, желательно не только сфотографировать их взаимора-

we thought it useful to provide the ‘ceremonial’/‘stamp’ version of a sign uninfluenced by the individual hand of a person that had put it on a vessel together with a detailed representation of the visible form of a sign.

(3) We also put a special focus on the different orientation of one and the same sign in space (positioning at different angles, ‘mirror-reflect-ed’ versions), including instances it was done within one settlement or burial ground. The reason for doing this is still unknown; it is also not clear if these versions can be interpreted as one sign or they are different forms used by different families. It is quite possible that the situation was different in different parts of Central Asia.

(4) Small *personal stamps imprinted* on raw clay on the surfaces of vessels form a special sign type. It is important to take a good photo of such an imprint and restore the outlines of its image (which is not so simple, as the quality and the depth of an imprint in the clay often vary). When several imprints of this type are found placed next to each other on the surface of a vessel, it is advisable not only to photograph their position relative to each other, but also describe it (they form a row, inverted triangle and so on).

(5) It is important to describe systematically the *places and areas of vessels of various types the signs were found in*, their position among petroglyphs and so on. A fragment of a vessel is often enough to obtain this information on signs found on pottery. The position of a sign relative to the upper edge of the vessel or its bottom, even if we have only a small fragment of it, can be established by horizontal traces left by a potter’s wheel on the surface, by the walls narrowing towards the rim, by traces of glaze/engobe trickling towards the bottom.

(6) Several chapters are strongly focused on possible (and sometimes reliably established) *ways of development of kindred sign forms* from an original one.

(7) The best acknowledged way to record, publish and document a sign is to provide its

сположение, но и описать его (в ряд, в виде треугольника основанием вниз и т.п.).

(5) Системно описывались *места нанесения знаков* на определенные участки керамики разных типов, их место в составе группы петроглифов и т.п. Для керамики это можно сделать и по фрагменту сосуда. То, как знак нанесен по отношению к верхнему краю или днищу сосуда, даже не сохранившемуся, можно выяснить по горизонтальным следам гончарного круга на поверхности, по сужению стенок к венчику, по следам стекавшей вниз по стенкам поливы/ангоба.

(6) В нескольких главах уделено серьезное внимание вероятным (а иногда и надежно выясняемым) *способам образования знаков* родственных форм от предполагаемой исходной.

(7) Наилучшим способом фиксации и публикации знака, а также его музейной документации признано сочетание его качественного фото с прорисовкой¹⁰ и устно изложенных важных деталей (использованный для нанесения инструмент, степень сохранности частей знака, характер его повреждений). Иными словами, сочетаются три способа фиксации знака: вербальный (описательный), графический (прорисовка), фотографический. При фотографировании желательнее сделать снимок всего сосуда (даже если знака не будет видно на общем фото) и дополнить его увеличенной отдельной фотографией знака. Для четкости фиксации линий надо использовать наиболее выгодное боковое и достаточно сильное освещение объекта. При фотографировании необходимо использовать масштабную линейку (прикладывая ее рядом, параллельно линиям венчика, при фрагментарной сохранности – параллельно основной оси знака). При графической фиксации желательнее прорисовку знака сопроводить схематичным показом *очередности начертания отдельных линий*, из которых состоял знак (часто их края налегали друг на друга, а края линий выходили

high-quality photograph and drawing¹⁰ in combination with the description of significant details (such as the tool used, state of the preservation of the sign's parts, the kind of damages it suffered and so on). In other words, this must be a combination of three ways of recording a sign: verbal (description), graphic (drawing) and photographic. It is advisable to photograph the entire vessel (even if the sign is not visible on the small-scale photo) and complement it with a close-up of the sign. To clearly show the lines the object should be illuminated with strong sideways light. A scale rule should be used when photographing (it should be applied to the surface near the sign, parallel to the rim or, when the object is fragmentary, to the sign's main axis). The drawing should be accompanied with a scheme showing the *sequence of drawing individual lines* of which the sign consisted (often their edges pressed against each other, while the edges of lines went beyond the planned boundaries of the figure) and the direction the hand of the ancient author moved (using arrows).

(8) It is also important to include in summary tables *fragmentary* signs (they may be particularly useful if signs of the same or similar forms are found on the same or neighbouring monuments).

(9) In the course of excavations all ceramics and small artifacts must be carefully inspected for whole or fragmented signs. This information must not be general and impersonal (as has often been the case until now), but must refer to individual rooms, layers, building horizons and so on.

(10) It is necessary to document the method (graffiti, dipinti, applied bas-relief) and tool (knife blade, cane stem, pointed stick and others) used in making a sign, as well as the fact whether the mark was made on raw or baked clay. Lines made on raw clay are characterised by a little

¹⁰ К сожалению, до сего дня в публикациях преобладают лишь ничтожно малые по размеру *схематичные* прорисовки знаков на керамике. Во многих случаях они заставляют подозревать возможные неточности в передаче формы (не до конца изображенные участки слабо прочерченных контуров и т.п.)

¹⁰ Unfortunately, to this day most of the publications are provided only with very small *schematic* drawings representing signs on ceramics. Many of them seem to represent sign forms quite inaccurately (failure to draw sections with weak contours and so on).

за намеченные границы фигуры), и хода движения руки древнего автора (стрелками).

(8) Признано важным использовать в сводных таблицах и т.п. также знаков, *сохранившихся не полностью* (они могут быть особенно полезны в связи с будущими находками знаков данной конкретной формы и родственных ей на этом или соседних памятниках).

(9) В ходе раскопок все образцы керамики и мелких артефактов должны тщательно просматриваться для возможного выявления целых или фрагментированных тамг. Такая информация должна собираться не обобщенно-обезличенно (как это часто бывает до сих пор), а отдельно по помещениям, прослойкам, строительным горизонтам и т.п.

(10) Документируется тип нанесения знака на изделие (граффити, дипинти, рельефный выступ-налеп), а также вероятный инструмент для его нанесения (лезвие ножа, камышинка, заостренная палочка и др.) и то, нанесена ли метка по сырой поверхности или уже по обожженной. Линии, нанесенные по сырой глине, обладают таким важным признаком, как небольшой сдвиг верхнего слоя глины в стороны по ходу инструмента (это дает возможность проследить и установить очередность нанесения линий, а также направление движения руки, что может стать важной характеристикой знака).

(11) В музейных фондах среди археологических коллекций знаки, как правило, представлены на немногих категориях артефактов (глиняная посуда, детали поясов, монеты и др.). При хранении, реставрации, экспонировании таких изделий, подготовке музейных каталогов знаки являются ценной особенностью изделия и должны не только особо описываться, но и быть обозримы в наиболее выгодном ракурсе и освещении.

(12) Признано необходимым, чтобы в паспортах на музейные предметы со знаками, на этикетках к экспонатам в экспозиции, в каталогах выставок, в видеоматериалах для музейных сайтов давалась разносторонняя и подробная информация о форме, сохранности самих тамг, способе нанесения их на

shift of the upper layer of the clay sideways in the direction the tool was moved (this makes it possible to trace and establish the sequence of making lines and the direction the hand was moving, which may become an important characteristic of the sign).

(11) In museum archaeological collections signs are found mostly on a few categories of artifacts (pottery, fragments of belts, coins and others). When such items are stored, restored, exhibited or prepared for the inclusion in museum catalogues, it is necessary to keep in mind that the signs are valuable elements of these items and must not only be described in a special way, but also be showed and illuminated at the most advantageous angle.

(12) It is essential that museum certificates for items with signs, exhibit labels, exhibition catalogues and video material for museum websites contain diverse and detailed information on the form and state of preservation of these tamgas, the way they were put on the item and their position on the artifact. It is important to *unify* these descriptions.

(13) *All items* with signs must be registered and documented by museums, regardless of the state of preservation the artifacts proper or signs on them are in (contemporary knowledge and methods allow specialists to obtain precious information even from a fragmented sign). The item proper, on which the sign was found, should also be given detailed description. If there is only a fragment of a clay vessel with a sign, it is necessary to specify the form of the vessel, the way its surface was decorated, traces of repair and so on.

(14) When interpreting the history of a sign of a definite form (particularly those from earlier periods – the Bronze Age and Antiquity), one should be very careful about using *ethnological* data concerning the modern population of the region. This is often inspired by the widest range of very simple geometric forms (widely used in different territories), numerous migrations and the frequent change of peoples in the western part of Central Asia, which continued for the

предмет и их месте на артефакте. Представляется важной *унификация* таких описаний.

(13) Музейному учету и фиксации (и, по возможности, публикации) подлежат *все изделия* с нанесенными знаками, независимо от степени сохранности самих артефактов или знаков на них (при нынешнем объеме знаний даже сохранившийся фрагмент знака дает ученым ценную информацию). Детальному описанию подлежат и сам предмет, на который нанесен знак. В случае если имеется лишь фрагмент глиняного сосуда со знаком, то определяется сама форма сосуда, способ декорирования поверхности, следы починки и т.п.

(14) При интерпретации истории знака определенной формы (особенно относящегося к ранним периодам: к эпохам бронзы, античности) следует крайне осторожно использовать данные *этнографии* по современному населению региона. Это заставляют делать обилие очень простых геометрических форм (распространенных на разных территориях), множество миграций и частая смена населения на территории запада Центральной Азии за два тысячелетия интенсивного использования здесь знаков.

Интересным феноменом, имеющим отношение к тамгам ранних кочевников, можно считать специальные *фигурные земляные насыпи в виде тамг – геоглифы*, размером от 40 до 100 м, которые всегда входят в состав древних некрополей и окружены курганами, а также подчас особыми поминальными сооружениями. Наиболее интересной такой находкой можно считать знак, обнаруженный на юге Костанайской области, к юго-востоку от поселка Амангельды, в пойме небольшой степной речки Д.Б. Деем (руководителем проекта «Turgay discovery») в 2007 году при изучении серии космических снимков в программе «Google Планета Земля». В одном небольшом микрорайоне длиной 50-60 км были обнаружены и другие геоглифы разных форм (квадрат, круг и крест). Однако нас интересует именно знаменитая «*Торгайская трехлучевая свастика*» – весьма сложный по форме знак диаметром 94 м, высотой земляной насыпи 80 см (рис. 1, 1-3). Строго говоря, это

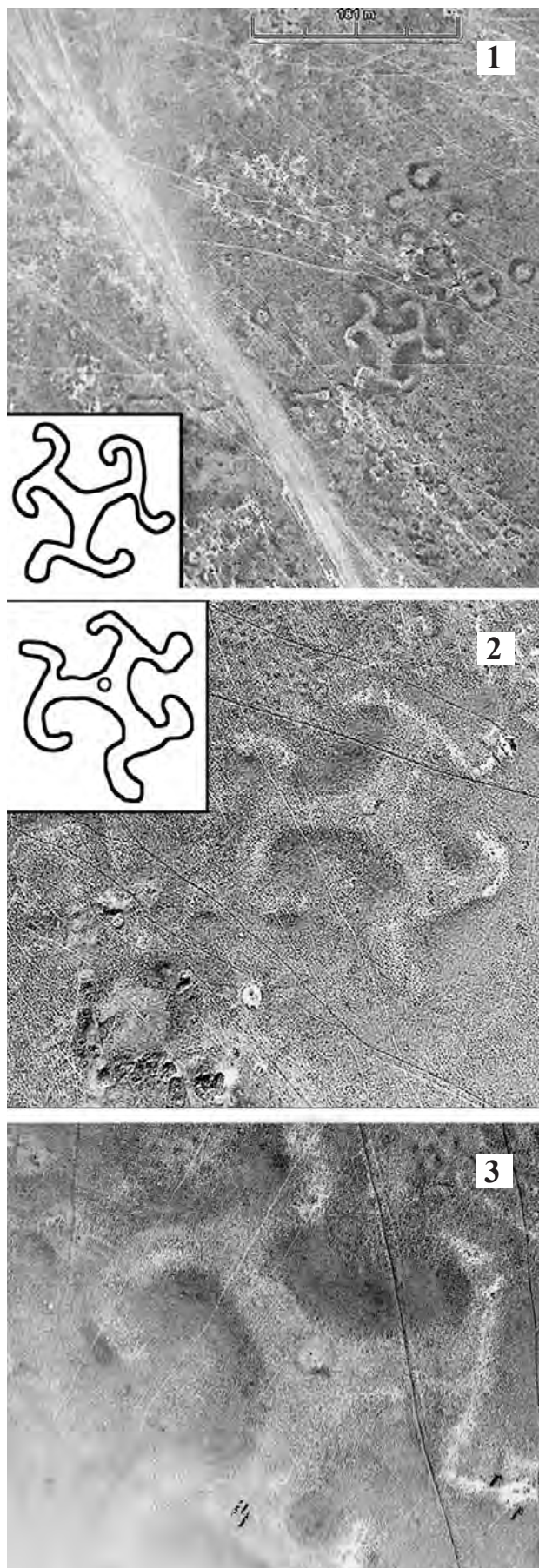
entire two-thousand-year period the signs were actively used there.

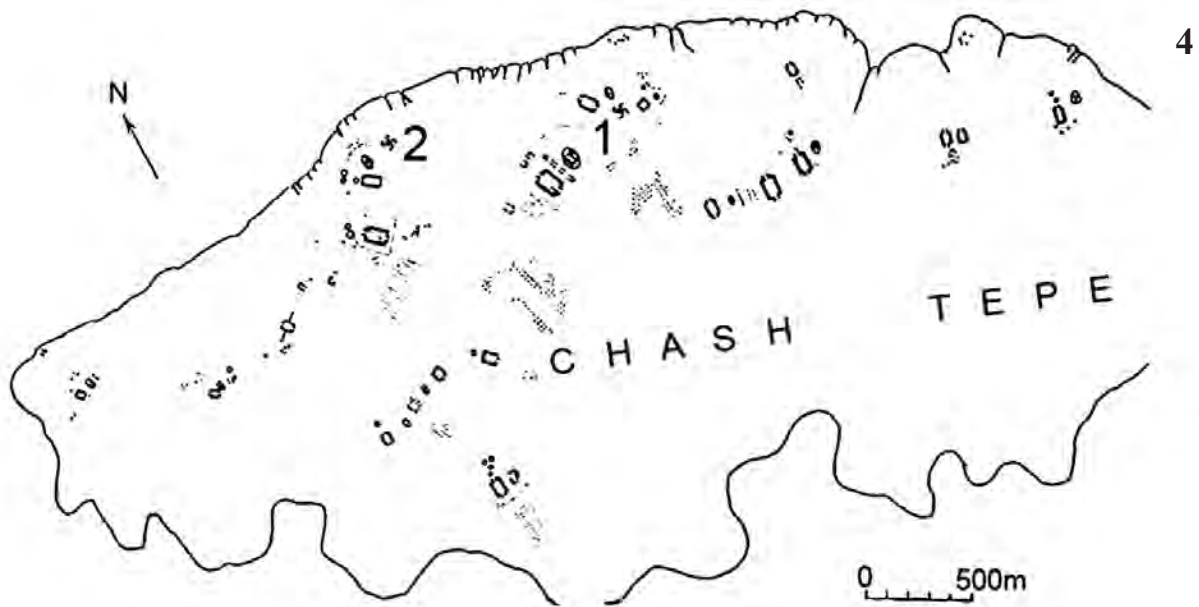
Geoglyphs – specific figured earth banks in the form of tamgas, between 40 and 100 m in size, often found within ancient necropolises where they are surrounded by mounds and often by special funeral structures, form another interesting phenomenon related to the tamgas of early nomads. The most interesting of them is the one D. B. Dey, the head of the ‘Turgay Discovery project’, found in the south of Kostanai province, south-east of Amangeldy Village, on the flood plain of a small steppe stream, in 2007, when he was studying a series of photographs using the Google Earth Program. Within a small area 50-60 km in length there were other geoglyphs of various forms (a square, circle and cross). However, what we are really interested in is the famous ‘*Torgay triradial swastika*’, a sign with a very complex form 94 m in diameter, with the height of the bank 80 cm (fig. 1, 1-3). Strictly speaking, this is not a swastika, but a complex sign in the form of a triqueter (a figure with three diverging beams), with an S-shaped tamga attached to each of the points. Unfortunately, so far as we are informed, the surrounding mounds and geoglyphs have not been studied properly. Another site where similar geoglyphs have been discovered is the *Chash-tepe* sky island 12 km long and 3 km wide situated 40 km west of Kunya-Urgench (Köneürgenç/Köneürgenç) in Turkmenistan. Most of the sky island’s area is occupied by a necropolis consisting of 20 groups of mounds. In the centre of each group there was a rectangular fenced funeral ground 150×50 m (with pairs of annular banks north of some groups); the area abounds in small mounds (around 1,000 in total) about 0.5 m high each. Each group also had larger mounds 2 m in height, and in seven groups there was one large mound (between 5 and 16 m) in each (all those have been plundered) (Rapoport, Trudnovskaya, 1979. PP. 151-152). In each of two groups at the northern edge of the plateau there was one figured earth bank 40-50 m in diameter (Igonin, 1968. P. 263) in the form of a swastika with

не свастика, а сложный знак в форме триквестра (фигуры с тремя расходящимися в стороны лучами), к концу каждого из выступов добавлена «S»-образная тамга. К сожалению, насколько нам известно, окружающие курганы и сам геоглиф детально не исследовались. Другой зоной нахождения подобных геоглифов является возвышенность-останец *Чаи-мене* длиной до 12 км и шириной до 3 км, расположенный в 40 км к западу от г. Кёнеургенч / Köneürgenç / Куня-Ургенч в Туркменистане. Большую часть останца занимает некрополь, состоящий из 20 групп курганов. В центре каждой такой группы располагалась прямоугольная поминальная ограда 150×50 м (иногда к северу от них размещались также парные кольцевые насыпи); здесь имеются во множестве малые курганы высотой около 0,5 м (всего их было около 1000). В каждой группе были также более крупные курганы высотой 2 м, а в семи группах – один большой курган (высотой от 5 до 16 м, все они ограблены) (Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 151-152). В двух группах по северному краю плато в их составе имелось по одной фигурной земляной насыпи диаметром 40-50 м (Игонин, 1968. С. 263) в форме свастики с закругленными лучами, ориентированной по часовой стрелке (рис. 1, 4-5). Судя по рассмотренному выше образцу у пос. Амангельды, это могут быть именно модели тамг на местности (точнее, учитывая пространственную близость обоих знаков, тамги одного клана). Судя по очень скромным по объему раскопкам погребений, этот могильник принадлежал к некоей кочевой группе хионитского времени (III-IV века н.э.) (Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 165-166).

Особой и весьма малоизученной проблемой является изучение знаков в *наскальном искусстве*. Оно требует корректной фиксации, описаний, способов презентации в публикациях, методов выделения разновременных знаков и сопоставления их с органично включенными в единую композицию с сюжетными изображениями и нанесенными орудием того же типа **петроглифами** в древних и средневековых наскальных композициях.

Состояние изучения и публикации тамг-петроглифов

Изучение достоверных знаков-петроглифов средневековых кочевников, например, в Казахстане ведется с перерывами более полувека (Аманжолов, 1959; Аманжолов, 1966; Мырзабаев, 1990), но лишь в начале нашего столетия целенаправленный поиск и исследование памятников тамгопользования приобрели систематический характер. Стимулирующим фактором современных тамговедческих исследований является устойчивая поддержка со стороны общества и государств Центральной Азии активных изысканий в области национальной истории. При этом тамги средневековых и древних кочевников рассматриваются как важный ресурс для постижения этнической истории народов, объяснения генеалогических связей, происхождения отдельных племен и выяснения их роли в этногенезе других народов запада Центральной Азии и Восточной Европы. Следствием широкого научного и общественного интереса к тамговой проблематике является рост публикаций новых находок, происходящих как из научных раскопок, так и непрофессиональных сборов артефактов на средневековых памятниках юга Казахстана и Кыргызстана. Значительно возросло число публикаций нумизматических открытий, дающих лучшей сохранности материал уже известных монетных типов с различными династийны-

Рис. 1. Аэрофото фигурных земляных насыпей – геоглифов – в форме предполагаемых тамг в составе курганных некрополей кочевников: 1-3 – геоглиф и его детали к ЮВ от поселка Амангельды (Костанайская область) на сайтах сети Интернет (см. прим. 10); 4-5 – план некрополя на возвышенности Чаш-тепе и фото центральной части его северного края (Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 151-152)

Fig. 1. Aerial photo of geoglyphs, figured earth banks, supposedly, in the form of tamgas, found in nomadic mounded necropolises: 1-3 – geoglyph and its fragments south-east from Amangeldy village (see footnote 10); 4-5 – plan of a necropolis on the Chash-tepe hill and photo of the central part of its northern edge (Rapoport, Trudnovskaya, 1979. PP. 151-152)

ми знаками и заполняющих лакуны истории монетного обращения образцами неизвестных ранее эмиссий (Камышев, 2009; Лурье, 2010; Бабаяров, 2016). Также увеличился объем новых материалов, полученных исследователями средневековой кочевой культуры и наскального искусства Казахстана, которым принадлежат и первые попытки систематизации, обобщения данных по древнетюркским тамгам (Досымбаева, 2006; Досымбаева, 2012. С. 16-19, 26-29; Самашев, Базылхан, Самашев, 2010; Рогожинский, 2011). Однако обильный тамговый материал все еще не стал в полном объеме полноценным историко-культурным источником из-за ряда трудностей источниковедческого и методического характера.

Среди других видов памятников тамгопользования *знаки-петроглифы*, как недвижимые археологические объекты, обладают рядом преимуществ: они многочисленны, географически широко представлены, аутентичны, репрезентативны в типологическом и хронологическом отношении, сопряжены с другими памятниками археологии, иногда сопровождаются эпиграфическими текстами и в целом потенциально являются одним из наиболее ценных информативных ресурсов по многим проблемам древней и средневековой истории региона. Но, к сожалению, за редким исключением, исследователи до настоящего времени не ставили перед собой задачу систематического сбора, классификации и издания корпуса этих уникальных по своей информативности источников. В свою очередь, специалисты по древнему наскальному искусству редко уделяют внимание тамгообразным знакам и эпиграфике средневекового периода; документирование тамг выполняется *выборочно*, и лишь немногие из них находят место в публикациях. Даже в новейших монографических изданиях по древнетюркской тематике материалы с огромной территории Казахстана представлены лишь несколькими десятками знаков-петроглифов (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010), или же публикуемые новые изобразительные источники сопровождаются мало связанным с ними комментирующим текстом (Западный Тюркский каганат, 2013. С. 403-428. Карты 20-23).

rounded beams directed clockwise (fig. 1, 4-5). Judging by the above discussed specimen from Amangeldy Village, these quite may be tamgas on the ground (or, rather, taking into account the short distance between the two signs, the tamgas of one clan). Judging from the data of very small excavation work carried out at the burials, this burial ground was that of some nomadic people of the Xionite period (3rd-4th century AD) (Rapoport, Trudnovskaya, 1979. PP. 165-166).

Signs as *rock paintings* are a very special and little-studied issue. It requires special documentation, description, presentation in publications and methods to identify non-contemporaneous signs and compare them with **petroglyphs** made with the same type of tools and forming, together with descriptive images, a harmonious part of uniform compositions among series of antique and medieval rock paintings.

Study and publication of petroglyph tamgas

Identity petroglyph signs used by medieval nomads have been studied, in Kazakhstan in particular, for over half a century (Amanzholov, 1959; Amanzholov, 1966; Myrzabayev, 1990), but only since the beginning of the 21st century the purposeful research and close examination of monuments with tamgas have become systematic. The factor that stimulates contemporary research into tamga use is the strong support the Central Asian societies and countries offer for studies in national histories. At the same time, medieval and antique nomadic tamgas are an important resource to understand peoples' ethnic history, explain genealogical links between and the origin of certain tribes and to establish their role in the ethnogenesis of other peoples populating the western part of Central Asia and Eastern Europe. Broad academic and social interest in the tamga issue led to an increase in the number of publications and new finds discovered by archaeologists and non-professionals in medieval monuments in the south of Kazakhstan and Kyrgyzstan. The amount of published numismatic material has also grown considerably; it consists of well-known coins with various dynastic signs in a better state of preservation

В исследование удостоверительных знаков нередко привносятся применяемые в *петроглифоведении* методы документирования, датировки, культурной атрибуции и интерпретации символических изображений. Соответственно, регистрация тамг, сопутствующих им наскальных гравюр, эпиграфики и других объектов, составляющих часто *единый* комплекс, производятся *выборочно* и дискретно¹¹. Несовершенство методов датирования петроглифов вынуждает исследователей чаще оперировать эпохальными определениями возраста знаков, что для сравнительно короткого периода существования тюркских каганатов (середина VI – середина VIII века) сводит на нет информативность источников. Наконец, возможность использования тамг-петроглифов, вырванных из сложного археологического контекста, снижается до уровня тривиальных суждений о формальном сходстве и отличии знаков, найденных на удаленных территориях, о принадлежности их к одной исторической эпохе и этнокультурной среде. Пока вполне умоуверительными являются предлагаемые подчас идентификации обнаруженных на территории Семиречья и Прииссыккуля средневековых петроглифов-тамг как знаков *тюркешей* или в целом объединения западных тюрков *Он Ок* (Досымбаева, 2013. С. 8, 12, 121, 133, 137, 162, 241. Рис. 31, фото внизу). Очевидное несходство форм сопоставляемых знаков с хорошо известной тюркешской тамгой либо не замечается, либо представлено как *частичное* сходство; при этом принципы типологии знаков и приемы анализа их формообразования, разработанные еще на рубеже XIX–XX столетий, не учитываются. Сам факт нахождения единичных знаков-петроглифов на территории Семиречья

¹¹ Например, изданием результатов двухлетних исследований в долине Аккайнар (Чу-Илийские горы) первоначально в научный оборот введено лишь *одно* наскальное изображение тамги тюркского периода (Байпаков, Марьяшев, 2009. Фото 60), в то время как специальное обследование той же территории в 2012 году позволило зафиксировать 13 местонахождений 26 средневековых тамг-петроглифов 15 разновидностей, а также 5 местонахождений эпиграфики XVII–XIX веков.

and previously unknown monetary types, which helps fill gaps in the numismatic history (Kamyshiev, 2009; Lurie, 2010; Babayarov, 2016). The volume of the new material obtained by specialists in the medieval nomadic culture and the art of rock painting in Kazakhstan, who made first attempts to systematise and generalise data on ancient Turkic tamgas (Dosymbaeva, 2006; Dosymbaeva, 2012. PP. 16–19, 26–29; Samashev, Bazykhan, Samashev, 2010; Rogozhinskii, 2011) has also increased. However, the large collection of tamgas cannot yet serve a full-fledged historico-cultural source because of a number of methodological difficulties and problems related to the study of history.

Among the wide range of tamga types *petroglyph signs*, immobile archaeological objects, have a number of advantages: they are numerous, found on a wide area, authentic, typologically and chronologically representative, cohere with other archaeological monuments, sometimes are accompanied by epigraphic images and potentially rank among the most valuable informative resources for many problems of the ancient and medieval history of the region. Unfortunately, until now very few specialists have attempted to systematise, classify and publish this set of uniquely informative sources. On the other hand, specialists in ancient rock painting pay little care to tamga-like signs and medieval epigraphy; tamgas are documented *selectively*, and only a few of them are published. Even the latest monographs on ancient Turkic objects contain but a few dozens of petroglyph signs from the entire vast territory of Kazakhstan (Samashev, Bazykhan, Samashev, 2010); other new graphic sources are provided with comment that is poorly linked with them (Западный Тюркский каганат (Western Turkic khaganate), 2013. PP. 403–428. Maps 20–23).

Often methods used in the *study of petroglyphs* are utilised to document, date and interpret identity signs, as well as to establish the culture they belonged to. Therefore, tamgas and rock engravings, epigraphic signs and other objects they are found among and often form a *single* complex

и Прииссыккуля становится порой аргументом для утверждения их принадлежности западным тюркам или тюркешам без объяснения причин несовпадения действительного ареала, например, омегаобразной тамги (см. главу 8) с территорией расселения «Он Ок будун», и тем более – в обоснование датировки тех же знаков в разных частях ареала (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. С. 79, 164–165).

Между тем, выявление удостоверительных знаков-петроглифов продолжается, происходит накопление новых ценных источников, вырабатываются специальные приемы документирования и анализа тамгового материала, и наша монография призвана восполнить образовавшийся разрыв между первичной стадией сбора научных данных и осмыслением феномена тамгопользования в античное и средневековое время.

Методика изучения петроглифов-тамг

В основе современных исследований лежит комплексный подход, предусматривающий изучение недвижимых памятников тамгопользования как значимых элементов археологических (палеокультурных) ландшафтов, в которых знаки-петроглифы присутствуют наряду с другими объектами: наскальными изображениями и надписями, стоянками и могильниками, мемориальными сооружениями и следами традиционных коммуникаций. Этим определяются приемы документирования знаков, нацеленные на выявление их археологического контекста – сопряженного изобразительного комплекса, эпиграфики и т.д. Комплект документации обследованных памятников тамгопользования составляют: (1) детальные карты и планы местонахождений (в программах GIS); (2) индексированные фотопанорамы, фиксирующие взаиморасположение тамг-петроглифов, сопутствующих археологических и эпиграфических объектов; (3) фотографии общего вида, фрагментов скальных плоскостей с тамгами и другими петроглифами, их копии; (4) реестр знаков с кратким описанием техники, цветовых отличий патины, стратиграфии тамг-петроглифов, их экспозиции и др. Такая документация позволяет оперировать солидным объемом первичных данных,

with are registered *selectively* and *discretely*¹¹. As the methods are far from perfect, researchers often date signs quite broadly, which, due to the relatively short life of the Turkic khaganates (mid. 6th–mid. 8th centuries), makes sources very poorly informative. Finally, it is very hard to interpret tamga without a complex archaeological context, and the interpretation is often limited to a formal outward comparison of signs found in distant territories and to attempts to establish whether or not they belong to the same historical period and ethno-cultural environment. The idea proposed by a number of specialists to identify medieval petroglyph tamgas discovered in Semirechie and the Issyk-Kul Lake region as the signs of the *Turgesh* or the union of the On Ok Turkic people (Dosymbaeva, 2013. PP. 8, 12, 121, 133, 137, 162, 241. Fig. 31, bottom photo) is merely speculative. The obvious lack of similarity in forms between the signs in question and the well-known Turgesh tamga is either ignored or interpreted as *partial* similarity; at the same time, the principles of sign typologisation and methods used to analyse the development of sign forms introduced as far back as the turn of the 20th century are not taken into account. The very fact of finding single petroglyph signs in the territory of Semirechie and the Issyk-Kul lake area is often enough to claim that they belonged to the western Turkic people or Turgesh and to provide no explanation of the reasons why the actual range of, say, the omega-shaped tamga (see Chapter 8) does not coincide with the territory of On Ok budun and no support for the dating of the same signs in different parts of the range was provided (Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010. PP. 79, 164–165).

In the meanwhile, new identity petroglyph signs are being discovered, the number of new

¹¹ So, initially the publication devoted to the results of the two-year research in the Akkaynar Valley (Chu-Ili Mountains) provided only *one* rock-painted tamga of the Turkic period (Baipakov, Maryashev, 2009. Photo 60); however, in 2012 13 sites with 26 medieval petroglyph tamgas of 15 types and 5 sites with 17th-19th-century epigraphic signs were discovered in the same territory after a special study.

необходимых для типологической классификации и датировки знаков.

Следующим этапом исследования является определение групп устойчиво сочетающихся форм знаков в составе отдельных местонахождений, археологических комплексов, а затем – в составе крупных географических районов. Корреляция результатов *группирования знаков* и сопряженного комплекса петроглифов и эпиграфики дает возможность выделить синхронные серии тамг-петроглифов и выяснить их относительный возраст. Особенно важными по информативности являются собрания знаков и случаи *перекрывания ими* средневековых наскальных гравюр. При наличии нескольких знаков очередность их создания устанавливается выработанными в *петроглифоведении* методами: наблюдениями над техникой, состоянием патины, анализом стратиграфии и взаиморасположения как самих знаков, так и сопутствующих гравюр.

На практике *датировка знаков-петроглифов*, встречающихся на территории Казахстана и Кыргызстана, предусматривает отделение средневековых тамг, прежде всего, от почти столь же многочисленных и разнообразных родоплеменных знаков кочевников XVII–XIX веков (ойратов, казахов, киргизов), осваивавших в поздние времена те же горностепные ландшафты. Наряду с этим, на многих местонахождениях петроглифов, рассредоточенных от Тарбагатай до Каратау и Таласского Алатау, недавно удалось выделить тамгообразные *знаки раннего железного века*. Нередко они бывают *подновлены* и видоизменены в средние века и позже, часто соседствуют с тамгами кочевников I–II тысячелетий н.э., что затрудняет их распознавание и идентификацию. Относительная и абсолютная хронология античных и средневековых тамг-петроглифов устанавливается исходя из информативности изобразительного комплекса и археологического контекста в целом, а также по данным нумизматики и письменных памятников, включая монументы с эпиграфическими текстами (например, стела из мемориального комплекса Бомбогор в Монголии или рунические надписи с одно-

valuable sources is becoming larger and new methods of documenting and analysing tamgas are being developed, while our monograph aims to fill the gap between the initial collection of research data and full understanding of the phenomenon of tamga use in the antique and medieval time.

Methods of studying petroglyph tamgas

Contemporary research is based on a complex approach consisting in the study of stationary monuments with tamgas as important elements of archaeological (palaeocultural) landscapes, in which petroglyph signs come together with other objects, such as rock paintings and inscriptions, archaeological sites and burial grounds, memorial structures and traces of traditional communications. This determines *sign documenting* methods aimed to discover the signs' archaeological context – a related complex of graphic objects, epigraphic signs and so on. Documentation of monuments with tamgas consists in the following: (1) large-scale maps and site plans (made with GIS programmes); (2) indexed photographic panoramas showing the positions of petroglyph tamgas and accompanying archaeological and epigraphic objects relative to each other; (3) photos of general views and fragments of rock faces with tamgas and other petroglyphs and their copies; (4) lists of signs with short descriptions of techniques, variations in patina colour, stratigraphy of petroglyph tamgas, their position relative to the points of the compass and others.

The next step in the study will be to identify groups of clearly matching sign forms within individual sites and archaeological complexes and then within major geographical regions. The correlation of the results of *grouping signs* and the related petroglyphic and epigraphic complex makes it possible to specify synchronous series of petroglyph signs and establish their relative age. The most informative are collections of signs *covered by* medieval rock engravings. The sequence of the creation of several signs is established using methods common for the *study*

типными тамгами из Кочкорской долины в Кыргызстане).

Одним из главных методов исследования выступает *картирование знаков*. Локальное картирование тамг-петроглифов в составе отдельных местонахождений помогает выявить определенные закономерности в расположении знаков относительно других объектов вмещающего археологического ландшафта (одновременных скоплений наскальных рисунков, стоянок, могильников, сети традиционных коммуникаций и др.) и вместе с этим выделить разновидности местонахождений знаков, т.е. *виды памятников тамгопользования*. Региональное картирование рисует картину территориального распространения выявленных типов тамг, границы ареалов устойчиво сочетающихся серий знаков, а также позволяет определить вероятные направления перемещения обладателей тех или иных типов знаков.

Проблема *идентификации знаков*, т.е. определения этнокультурной / этнополитической принадлежности их обладателей, является *наиболее сложной* частью исследования, требующей немалой осторожности. Только для позднейших периодов существования традиции тамгопользования имеется необходимый объем письменных и этнографических источников, которые позволяют точно установить принадлежность многих форм родоплеменных и сословно-династических знаков кочевников. Для идентификации древних и средневековых тамг-петроглифов информационные ресурсы ограничены отрывочными сведениями письменных источников, нередко противоречивыми данными нумизматики и рунической эпиграфики. Нумизматические материалы помогают в решении проблемы лишь при прямом упоминании в легенде этнополитической принадлежности эмитента, но таких бесспорных прочтений на сегодняшний день немного (например, один и тот же образец читается то как «монета господина *тюргеишского* кагана», то как «монета господина кагана *карлуков*»). Кроме того, сходство знаков на монетах, например, присырдарьинских оазисов с тамгами-петроглифами, зафиксированными в горностепных ландшафтах Казахстана и Кыргызстана, само часто служит для исследователей индикатором

of petroglyphs: analysis of the technique, patina condition and the stratigraphy and relative position of the signs proper and accompanying engravings.

In practice, *to date petroglyph signs* in the territory of Kazakhstan and Kyrgyzstan it is necessary, first of all, to distinguish between numerous and diverse medieval tamgas and equally numerous and diverse family and tribal signs used by later nomads (Oirats, Kazakhs and Kyrgyzs), who were developing the same territories in the 17th-19th centuries. At the same time, *tamga-like signs of the early Iron Age* have recently been identified on a number of petroglyph sites dispersed on a territory between Tarbagatai and Karatau and the Talas Ala-Too Range. Many of them were *renovated* and changed in the medieval period and later, while some are found next to nomadic tamgas dated to the 1st-2nd millennia AD, which makes them much more difficult to identify. The relative and absolute dating of antique and medieval petroglyph signs is obtained based on the information from the graphic complex and the entire archaeological context and on the data from coins and written monuments, including monuments with epigraphic texts (such as the stela from the Bombogor memorial complex in Mongolia or runic inscriptions with homogeneous tamgas from the Kochkor valley in Kyrgyzstan).

One of the basic research methods is *sign mapping*. The local mapping of petroglyph tamgas on individual sites makes it possible to identify certain regularities in the position of signs relative to the other objects of the surrounding archaeological landscape (accumulations of contemporaneous rock paintings, sites, burial grounds, networks of traditional communications and others) and, at the same time, kinds of sign sites, that is, *types of monuments with tamgas*. Regional mapping implies making a scheme of the territorial distribution of discovered tamga types and the boundaries of territories with stable combinations of sign series, and makes it possible to determine possible directions, in which the owners of these or those signs moved.

связи эмитентов с кочевой средой (см. главу 10). Почти так же малопродуктивны при нынешнем состоянии рунологии попытки разных специалистов опереться на интерпретации одних и тех же эпиграфических текстов, сопровождаемых средневековыми тамгами. Принимая ту или иную версию прочтения надписей, археологи по-разному трактуют принадлежность тамговых знаков (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. С. 57-76, 79). Более надежными в этом отношении выступают сводки образцов родоплеменных тамг средневековых тюрков и огузов в китайских хрониках («Тамги лошадей из вассальных княжеств», «Танхуйао»), в манускриптах тюркских и арабо-персидских авторов («Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари, «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина и др.). Однако привлечение этих материалов, как правило, требует проведения предварительного источниковедческого анализа.

Для *исторической интерпретации* выявленной системы расположения в ландшафте средневековых знаков-петроглифов, порядка их группирования и территориального распространения важную роль играет привлечение историко-этнографических данных. В частности, эти источники убеждают, что создание на скалах родоплеменных знаков кочевниками XVII–XIX веков не было регулярным и повсеместным, а обусловлено в отдельные исторические моменты определенным кругом причин и мотиваций.

Так, специальное изучение родоплеменных знаков казахов Старшего жуза позволило установить, что период массового создания вблизи зимовок арабографических «автографов» их владельцев и петроглифов-тамг совпадает в западной части Семиречья с обострением в 1868–1900-е годы «земельного голода», вызванного административным принуждением кочевников Чу-Илийского междуречья пользоваться строго ограниченными территориями, а также увеличением объема земель, отведенных для оседло-земледельческого и промышленного освоения колонизируемого края (Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский и др., 2008. С. 123–125. Рис. 50; Рогожинский, 2010. С. 101–127). Картирование казахских тамг-петроглифов выявило совпадение их местонахождения с внеш-

The problem of *identifying signs*, which means determining the ethno-cultural and ethno-political area they belong to, is the *most difficult* part of research requiring much care. Only the latest periods of the tamga using traditions are provided with sufficient written and ethnographic sources, which make it possible to specify accurately the origin of many forms of tribal, family, hierarchal and dynastic nomadic signs. Resources that may be used to identify ancient and medieval petroglyph tamgas are generally limited to scraps of information from written sources, often contradicting numismatic and runic epigraphic data. Numismatic material helps solve the problem only when the ethno-political area the issuer belongs to is mentioned directly in the legend, but today there are not many reliably interpreted inscriptions of this type (e.g. one and the same writing is translated as ‘the coin of the Lord, the *Turgesh* qaghan’ and ‘the coin of the Lord, the *Karluk* qaghan’). In addition, the similarity between signs, for instance, on the coins of the Syrdarya oases and petroglyph tamgas recorded in the mountainous and steppe landscapes of Kazakhstan and Kyrgyzstan is often treated by researchers as indicators of links between issuers and nomadic environment (see Chapter 10). Due to the current situation in the study of runes, various specialists’ attempts to rely on the interpretation of the same epigraphic texts accompanied by medieval tamgas bring little result. Accepting this or that interpretation of inscriptions, archaeologists refer tamga signs to different peoples (Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010. PP. 57–76, 79). In this respect reviews of various types of medieval Turkic and Oguz tribal and family tamgas provided in Chinese chronicles (‘The tamgas of horses from vassal principalities’ and ‘Tang huyao’) and Turkic, Arab and Persian manuscripts (‘Divan lugat at-turk’ by Mahmud al-Kashgari, ‘Jami at-tavarikh’ by Rashid-ad-din and others) seem more reliable. However, before using these materials it is advisable that preliminary historical analysis be carried out.

ними границами кочевых волостей Верненского уезда в конце XIX века. В свою очередь, сделанные на этнографическом материале наблюдения показали сходство системы расположения и некоторых серий *средневековых* тамг-петроглифов. *Совпадение ареалов* памятников тамгопользования разных эпох позволяет применять метод экстраполяции, чтобы уточнить относительный возраст группы средневековых знаков, а также установить вероятные причины сложения их ареалов, реконструировать территориально-хозяйственные и политические связи кочевников, которые осваивали в I тысячелетии н.э. южные области Казахстана.

Таким образом, в рамках комплексного подхода изучение средневековых петроглифов-знаков с привлечением данных археологии, эпиграфики, нумизматики, письменных памятников и этнографии дает возможность с большей уверенностью установить хронологическую, этнокультурную принадлежность удостоверительных знаков-петроглифов и использовать их в исторических исследованиях наряду с другими видами источников.

Географические и хронологические рамки исследования знаков-петроглифов в Казахстане

Интенсивный поиск недвижимых памятников тамгопользования, осуществлявшийся в последние годы разными группами казахстанских исследователей, способствовал формированию солидного корпуса источников, который в географическом измерении охватывает пространство от Алтая до Каспия, включая отдельные районы Прииртышья (Тарбагатай и Калбинский хребет), Сарыарки (Северное Прибалхашье, низовья Сарысу), Присырдарьинского Каратау, Мангыстау, а также Жетысу (Джунгарский Алатау), западной и южной части Семиречья (Чу-Илийское междуречье, Кетмень), долины Чу и Таласа до их верховий в пределах Кыргызстана.

Большим количеством находок наскальных изображений знаков выделяется область Талас-Сырдарьинского водораздела (Каратау, отроги Западного Тянь-Шаня) и особенно – районы Чу-Илийского междуречья, включающего северо-западные предгорья Заилийского Алатау, горы Киндыктас, а также южные и централь-

To provide a *historical interpretation* of the discovered pattern used to arrange medieval petroglyph signs amid other objects in a landscape and the order of their grouping and spreading across a territory it is important to employ historical and ethnographic facts. For instance, these sources assure us that 17th-19th-century nomads did not put tribal and family signs on rocks everywhere on a regular basis, but the making of signs was associated with certain historical moments and certain reasons and motivations.

So, special research into tribal and family signs used by the Kazakhs of the Senior Zhuz established that ‘signatures’ in Arab letters left by the owners of the signs and petroglyphs near winter sites in the western part of Semirechie were made between 1868 and 1900, in the period of ‘land hunger’, which resulted from the confinement of the nomads of the Chu-Ili interfluvium by the local administration to limited territories, as well as from the increased areas used for agricultural and industrial purposes by the new colonisers (Erofeyeva, Aubekerov, Rogozhinskii et al., 2008. PP. 123–125. Fig. 50; Rogozhinskii, 2010. PP. 101–127). The mapping of the Kazakh petroglyph tamgas revealed that their locations coincided with the outer boundaries of the nomadic areas in Verny District in the late 19th century. At the same time, ethnographic material showed some similarity in the arrangement of some series of *medieval* petroglyph signs. The *coincidence of areas* where monuments with tamgas of various periods have been found makes it possible to use the extrapolation method to specify the relative age of a group of medieval signs, establish possible reasons for the formation of their areas, reconstruct territorial, economic and political links between nomads used in the southern region of Kazakhstan in the 1st century AD.

Thus, the complex research into medieval petroglyph signs with the use of archaeological, numismatic, epigraphic and ethnographic data will allow us to establish the chronological and ethno-cultural areas these identity petroglyph signs were used in and to utilise these data alongside other types of sources.

ные районы Чу-Илийских гор. В значительно меньшей мере систематическим поиском охвачены другие области Казахстана и южные территории Кыргызстана.

На сегодняшний день в Казахстане зафиксировано *около 200 местонахождений* средневековых тамг-петроглифов, насчитывающих в общей сложности *более 500 отдельных изображений знаков* разного вида, в ряде случаев образующих так называемые «энциклопедии» или скопления тамг. Более половины каталогизированных местонахождений находятся в Семиречье и Южном Казахстане. Тамги-петроглифы позднего античного периода обнаружены в Прииртышье и Тарбагатае, в Джунгарском Алатау и Чу-Илийских горах, в Киргизском Алатау и Каратау. Общее количество идентифицированных знаков-петроглифов этого периода не превышает 20, но малочисленность находок объясняется скорее недостатком опыта их распознавания среди петроглифов-тамг средневекового периода и символических изображений эпохи раннего железа в целом.

Поиск и открытия новых памятников будут продолжаться, а накопление источников и совершенствование методов изучения знаков-петроглифов со временем обеспечат большую эффективность их использования в исторических исследованиях, но уже на данном этапе возникает необходимость обобщения данных и разработки классификации известных памятников тамгопользования.

Классификация тамг-петроглифов

Древние и средневековые тамги, зафиксированные в Казахстане и на смежных территориях, представлены на памятниках тамгопользования двух категорий: на портативных предметах и на недвижимых памятниках археологии и архитектуры (рис. 2). Знаки на недвижимых объектах составляют самую многочисленную категорию памятников. Они встречаются: 1) на монументальных сооружениях мемориально-культурного назначения (стелы, поминальные оградки, балбалы, надгробия, храмовые постройки), а также 2) на открытых скалах: а) в составе обособленных скоплений петроглифов («святотлища»); б) вблизи стационарных стоя-

Geographic and chronologic study of petroglyph signs in Kazakhstan

Active search for stationary monuments with tamgas various Kazakh researchers have been carrying out in recent years has resulted in the formation of a large body of sources, which covers the geographic space between Altai and the Caspian Sea, including some portions of the Irtysh River area (Tarbagatay and the Kalbin Range), Saryarka (north part of the Balkhash area, lower stretches of the Sarysu), the Karatau Mountains near the Syrdarya, Mangystau, Jetysu (Jungar Alatau Range), west and south portions of Semirechie (Chu-Ili interfluves, Ketmen) and the Chu and Talas Valleys to their upper stretches in Kyrgyzstan.

The watershed between the Talas and Syrdarya (Karatau Mountains and spurs of the Western Tien Shan), and particularly some areas of the Chu-Ili interfluve, including the north-western foothills of Trans-Ili Alatau, the Kindyktas Mountains and the southern and central areas of the Chu-Ili Mountains feature large numbers of signs on rocks.

By today *around 200 sites* with medieval *petroglyph tamgas numbering over 500* and often forming clusters or 'encyclopaedias' have been recorded in Kazakhstan. Over half of catalogued sites are located in Semirechye and southern Kazakhstan. Petroglyph signs of the late antique period have been recorded in the Irtysh area and Tarbagatai, in Jungar Alatau and the Chu-Ili Mountains, in the Kyrgyz Ala-Too Range and Karatau. In total, there have been not more than 20 petroglyph signs of this period identified; however, it is, rather, the lack of experience in distinguishing them from medieval petroglyph tamgas and symbolic images of the early Iron Age that accounts for this small number.

The search for new monuments and their discovery will continue, while the increasing stock of sources and increasingly more developed methods of studying petroglyph signs will make it possible to use them more efficiently in historical studies; however, now it is already nec-

нок; в) в виде особых собраний тамговых знаков («тамгалытас»).

Тамги на мемориальных объектах средневековых кочевников встречаются редко, но при условии их аутентичности являются важным индикатором этнокультурной принадлежности самих мемориалов. В Семиречье тамгообразные знаки на древнетюркских памятниках зафиксированы в трех пунктах: в Кулжабасы и Когалы (на трех лицевых стелах), в Жайсане на стеле и каменном изваянии (Рогожинский, 2012. С. 93. Рис. 4; Досымбаева, 2006. С. 27, 32. Рис. 3, 9-9а). Во всех случаях памятники представляют собой каменные ритуальные ограды со стелами и изваяниями, установленными в центре оград или снаружи с восточной стороны. Еще одно местонахождение обнаружено в северо-восточной части Сарыарки, на мемориальном комплексе Косбатыр, в долине р. Кумай; здесь тамга нанесена на внешнюю поверхность ритуальной ограды с восточной стороны, где установлено мужское изваяние с оружием (Досымбаева, Нускабай, 2012. С. 65–67. Рис. 19. Фото 20).

Особую группу памятников составляют тамги, нанесенные вместе с петроглифами, а иногда с эпиграфическими текстами на скалы вблизи сезонных стоянок, водных источников, на традиционных кочевых маршрутах и т.п. Функционально они отличаются от родоплеменных знаков на памятниках погребальной архитектуры и могут рассматриваться как особые разновидности памятников тамгопользования.

Тамги-петроглифы у стоянок – самая многочисленная группа памятников, фиксирующих в географическом пространстве территории распространения разнотипных удостоверительных знаков, за которыми следует предполагать ареалы расселения определенных объединений средневековых номадов. Тамги-петроглифы, маркирующие места стационарных стоянок, вместе с тамгами на мемориальных объектах обладают наибольшей степенью информативности при изучении вопросов землепользования, расселения и передвижений кочевых племен, которые могут идентифицироваться на основе письменных, нумизматических и других источников.

Essary to generalise data and classify the known sites with tamgas.

Classification of petroglyph tamgas

Ancient and medieval tamgas recorded in Kazakhstan and neighbouring territories were found on two categories of objects: on portable items and stationary archaeological and architectural monuments (fig. 2). Signs on stationary objects are the most numerous. The stationary monuments are divided into the following types: 1) monumental memorial and cultic structures (stelae, fenced funeral grounds, balbals, gravetombs and temples); 2) on open rocks: a) amid separate petroglyph clusters ('sanctuaries'); b) near stationary sites; c) as special accumulations of tamga signs ('tamgalytas').

Tamgas are rarely found on medieval nomadic memorial objects, but, when authentic, they are important for the identification of the ethno-cultural area of the memorials proper. In Semirechye tamga-like signs on ancient Turkic monuments have been recorded on three sites: in Kulzhabasy and Kogaly (on the faces of three stelae) and in Zhaisan (on a stela and stone sculpture) (Rogozhinskii, 2012. P. 93. Fig. 4; Dosymbaeva, 2006. PP. 27, 32. Fig. 3, 9-9a). On all these sites the monuments were stone-fenced ritual grounds with stelae and sculptures installed in their centers or outside on the eastern side. There is another site in the north-eastern part of Saryarka, in the Kosbatyr memorial complex, in the Kumai River valley; there the tamga was found on the outer eastern surface of the ritual fence, with a man's sculpture with a weapon installed near it (Dosymbaeva, Nuska-bay, 2012. PP. 65–67. Fig. 19. Photo 20).

Tamgas found together with petroglyphs and sometimes epigraphic texts on rocks near seasonal sites, water sources, along traditional nomadic routes and so on form a special group. Functionally they differ from tribal and family signs on burial architectural monuments and may be referred to a special category.

Petroglyph tamgas near nomadic stands form the largest group of monuments, which mark

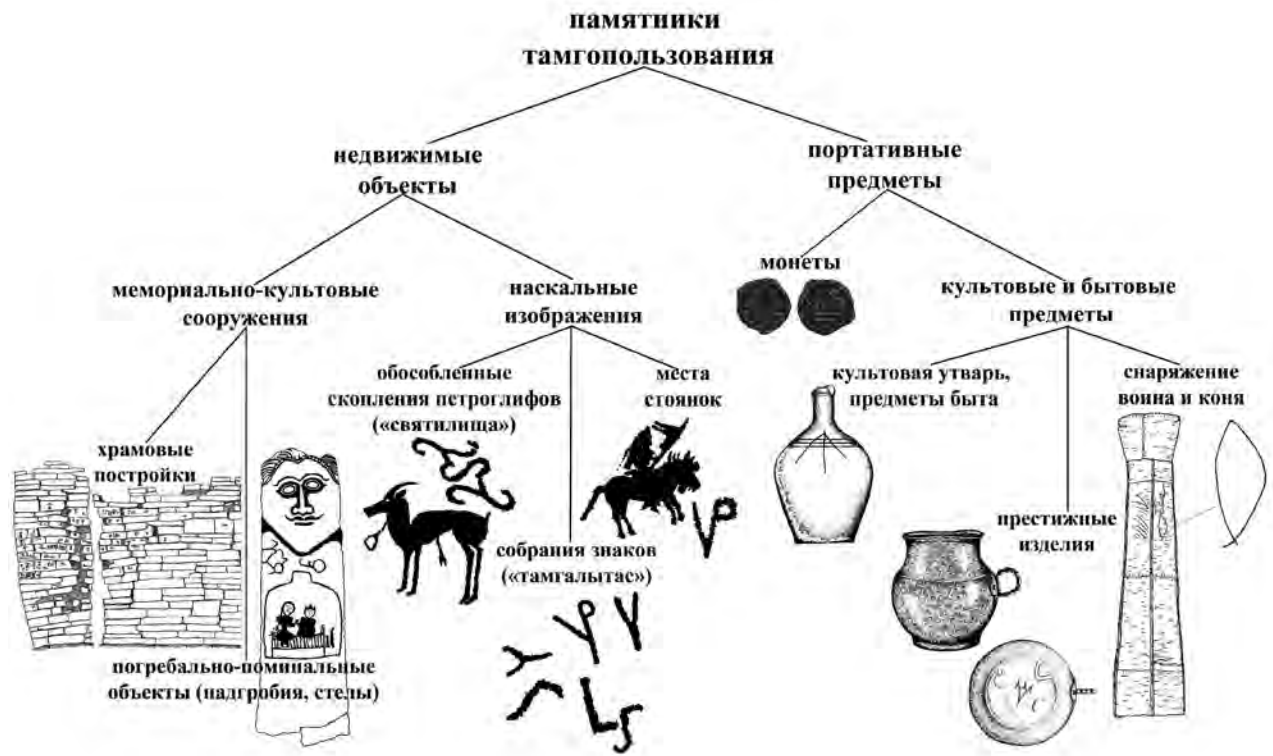

Рис. 2. Типология памятников тамгопользования (по А.Е. Рогожинскому)

Fig. 2. Typology of monuments with tamgas (after A. E. Rogozhinskii)

Тамги-петроглифы у водных источников чаще встречаются на западе Казахстана, в пустынных областях Мангыстау и Устюрта, но также известны на юго-западе Бетпакдалы (Тамгалыжар) и в Семиречье (Кульжабасы, Аккайнар). О значении памятников такого рода можно судить по многочисленным историческим свидетельствам и этнографическим данным, которые характеризуют систему водопользования у кочевников, основанную на утилизации естественных (в основном рек) или искусственных водных источников – колодцев (Масанов, 2011. С. 391–393, 423; Историко-культурный атлас, 2011. С. 133–137). Отношения водопользования в кочевой среде жестко регламентировались: если при пользовании естественными водоемами действовало «право первозахвата», то в отношении искусственных источников признавалось «право первого пользования» за теми общинами, которые затратили труд и средства на их сооружение и благоустройство. Соответственно, родоплеменные тамги, нанесенные на поверхности таких сооружений или близлежащие скальные

geographically territories where various types of identity signs spread and, therefore, areas populated by certain medieval nomadic unions. Petroglyph tamgas marking stationary stands and tamgas on memorial objects together are the most informative for the study of the land use, migration and settlement of nomadic tribes, which can be identified using written, numismatic and other sources.

Petroglyph signs near water sources are the most numerous in the west of Kazakhstan, in the desert areas of Mangystau and the Ustyurt Plateau; however, they have also been found in the south-west of Betpakdala (Tamgalyzhar) and in Semirechie (Kulzhabasy and Akkaynar). The importance of monuments of this kind is confirmed by large amounts of historical evidence and ethnographic data, which describe the nomadic system of water use based on the utilisation of natural (mostly rivers) and artificial (wells) water sources (Masanov, 2011. PP. 391–393, 423; *Istoriko-kulturnyi atlas* (Historico-cultural atlas), 2011. PP. 133–137). There were strict rules regu-

плоскости, удостоверяют в подобных случаях клановую принадлежность субъектов преимущественного права на пользование водоемким источником. Примечательны два примера из Кулжабасы и Аккайнара в Чу-Илийских горах: в обоих случаях на скалах возле водного источника соседствуют разновременные тамги: средневековых кочевников (в Кулжабасы – тургешей), ойратов (в Аккайнаре – тибетская надпись; конец XVII – середина XVIII века) и казахов Старшего жуза XIX – начала XX века.

Также присутствуют древние и средневековые *тамги-петроглифы в составе «святылиц»* – обособленных скоплений наскальных рисунков, не связанных топографически с другими археологическими объектами (стоянками и др.). В таких скоплениях петроглифов обычно представлены «престижные» сюжеты – ритуальные сцены, фантастические зооморфные или антропоморфные персонажи, батальные композиции с изображениями конных или пеших воинов, знаменосцев, повозки крытого типа, сцены охоты и др. Редко, но только в контексте таких местонахождений встречаются изображения тамг на скаковых животных (Кулжабасы, Когалы в Чу-Илийских горах; Ешкиольмес в Джунгарском Алатау; Арпаузен в Каратау). Подобные гравюры помогают установить связь некоторых типов тамг с выразительными сериями петроглифов, характеризующими определенную изобразительную традицию.

Собрания тамг-петроглифов обладают исключительной ценностью, поскольку позволяют установить относительный возраст и последовательность создания знаков, объединить сочетающиеся типы знаков в группы. Собрания тамг встречаются как среди обособленных скоплений одновременных петроглифов, так и вблизи стоянок кочевников.

Самостоятельный вид памятников истории и культуры представляют собрания удостоверительных знаков, которые известны от Монгольского Алтая до Восточного Прикаспия под нарицательным именем *тамгалытас* или *тамгалы*. Во многих известных случаях такие топонимы обозначают достопримечательную местность с нанесенными на скалы

lating the use of water sources by nomads: while the ‘occupation priority right’ was valid in the use of natural bodies of water, artificial sources were utilized following the ‘use priority right’, which meant that communities that made efforts to construct and maintain a source were entitled to use it. Therefore, tribal and family tamgas put on such structures or nearby rocks inform about the privilege of the clan to use the water source. The two sites, Kulzhabasy and Akkaynar in the Chu-Ili Mountains are quite remarkable in this respect: each features non-contemporaneous tamgas put next to each other near a water source, one belonging to medieval nomads (the Turgesh in Kulzhabasy), the Oirats (a Tibetan inscription in Akkaynar; late 17th - middle 18th centuries), and the other to the Kazakhs of the Senior Zhuz (19th - early 20th centuries).

Ancient and medieval *petroglyph tamgas can also be found in ‘sanctuaries’* consisting of separate clusters of rock paintings topographically unconnected with other archaeological objects (nomadic stands and others). These clusters of petroglyphs usually present ‘prestigious’ themes, such as ritual scenes, fantastic zoomorphic or anthropomorphic personages, battle compositions with warriors on horseback or foot, standard bearers, covered wagons, hunting and other. This type of sites is the only one where tamgas, though quite rarely, occur on animal with riders (Kulzhabasy and Kogaly in the Chu-Ili Mountains; Eshkiolmes in Jungar Alatau; Arpauzen in Karatau). Such engravings help identify links between some types of tamgas and expressive series of petroglyphs characterizing a certain graphic tradition.

Accumulations of petroglyph signs are extremely valuable, as they help establish the relative dating and sequence of the emergence of signs, as well as form groups of correlating sign types. Collections of tamgas are found both within separate clusters of contemporaneous petroglyphs and near nomadic sites.

Accumulations of identity signs are a separate type of historical and cultural monuments known to have been used under the common

№	Тип знака	Варианты типа знака	Южный Казахстан	Чу-Илийское междуречье	Джунгарский Алатау	Иссык-Куль	Центральный Казахстан	Восточный Казахстан
1								
2								
3								
4								
5								
6								
7								
8								
9								
10								
11								
12								
13								
14								
15								
16								
17								
18								
19								
20								
21								
22								
23								
24								
25								
26								
27								
28								
29								
30								
31								
32								
33								
34								
35								
36								

Рис. 3. Основные типы тамг-петроглифов Казахстана и Прииссыккуля

Fig. 3. Basic types of petrogllyph tamgas in Kazakhstan and the Issyk-Kul Lake Area

или каменные глыбы достоверительными знаками, которые нередко сопровождаются разновременными надписями, выполненными древнетюркским, арабским или монгольским письмом. Возможные значения тюркских топонимов *тамгалы/тамгалытас* в переводе на русский язык – «отмеченные знаками», «знаковое», т.е. примечательная местность с памятными метками или символическими изображениями, удостоверяющими принадлежность их предъявителей к определенному клану, племени или роду. Наряду с этим, под теми же названиями известны крупные комплексы петроглифов разных исторических эпох, которые классифицируются как памятники наскального искусства.

Общие принципы типологии достоверительных знаков тюркских народов обозначены в дореволюционной и современной историографии (Аристов, 2003; Соколов, 1904; Кызласов, 1960. С. 104–107; Кормушин, 1997. С. 22–23); в наше время некоторые важные отличия принципов формообразования знаков и применения тамг у тюркских и иранских народов установлены С.А. Яценко (Яценко, 2001. С. 107–109). Учитывая методический опыт предшественников, на основе накопленных данных по тамгам-петроглифам Казахстана и Кыргызстана в 2012 году впервые была предпринята попытка типологической классификации знаков средневековых кочевников (Рогожинский, 2012). На данный момент для этой территории можно выделить около 40 основных форм знаков, связанных с разными группами кочевников (тюркских и, возможно, иранских), осваивавших горностепные ландшафты в I – начале II тысячелетия н.э. (рис. 3) Возможно, дальнейшее изучение достоверительных знаков внесет коррективы в сегодняшние представления о типологическом разнообразии графических форм и закономерностях формообразования тамг у средневековых кочевников Казахстана и сопредельных территорий.

names of *tamgalytas* and *tamgaly* on a territory from the Mongolian Altai Mountains to the eastern coast of the Caspian Sea area. In many cases these terms refer to a remarkable site with identity signs made on rocks or boulders, often accompanied by non-contemporaneous inscriptions in the ancient Turkic, Arab or Mongolian script. The possible meanings of the Turkic toponyms *tamgaly/tamgalytas* are ‘marked with signs’, or ‘signed’, that is, a remarkable site with memory marks or symbolic images certifying the fact that their owners belong to a certain clan, tribe or family. These names are also borne by some large petroglyph complexes from various historical periods classified as monuments of rock art.

Modern and pre-Soviet historiography specifies the general principles of the typology of Turkic identity signs (Aristov, 2003; Sokolov, 1904; Kyzlasov, 1960. PP. 104–107; Kormushin, 1997. PP. 22–23); S. A. Yatsenko has recently identified some important differences in the principles of the development of sign forms and use of tamgas by Turkic and Iranian peoples (Yatsenko, 2001. PP. 107–109). Using the methodological experience of their predecessors and accumulated data on petroglyph signs in Kazakhstan and Kyrgyzstan, researchers made the first attempt in 2012 to classify medieval nomadic signs by their typology (Rogozhinskii, 2012). Currently, this territory is characterised by 40 main sign forms associated with various nomadic groups (Turkic and, possibly, Iranian), who spread into the mountainous and steppe landscapes in the 1st-early 2nd millennia AD (fig. 3). Probably, more research into identity signs will alter the current ideas about the typological diversity of graphic forms and the laws of the development of tamga forms used by the medieval nomads of Kazakhstan and neighbouring territories.

ГЛАВА 1 ЗНАКИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ В ДРЕВНЕМ ХОРЕЗМЕ

С.Р. Баратов

В археологических комплексах Хорезмского оазиса архаического и античного времени на поверхностях керамических изделий часто находят прочерченные или оттиснутые еще по сырому черепку знаки, которые исследователи в своих публикациях считают или тамгами, или, в ряде случаев, алфавитными буквами и цифрами (Яценко, 2001. С. 25). Как правило, керамика с такими знаками лишь педантично публиковалась (Кой-крылган-кала, 1967. Табл. XXXIV; Болелов, 2004. С. 93–147). Чаще всего на них обращали внимание в связи с керамическим производством (Воробьева, 1959. С. 212–213). Знаки находили и на сырцовых кирпичиках. Наиболее полное исследование последних было произведено А.Н. Гертманом, предложившим достаточно стройную и логичную гипотезу, объясняющую их происхождение и назначение (см., прежде всего: Гертман, 1998. С. 136–150. Рис. 1, 2). Впервые знаки на керамических сосудах из памятников древнего Хорезма были обобщены и исследованы С.А. Яценко (Яценко, 2001. С. 94–96. Рис. 27). Из комплексов Хумбузтепа, Джамбаскала, Капарас, Елхарас, Калалыгыр 2, Койкрылганкала и Джигербент им было собрано, проанализировано и выделено 126 знаков-тамг, нанесенных на стенки керамических сосудов и сырцовых кирпичиках. Наиболее широкое распространение знаков на керамике С.А. Яценко отметил для раннего периода VI–II веков до н.э. (до предполагаемой смены династии в Хорезме и массовых миграций племен в Средней Азии)¹²; большинство знаков фиксировалось

CHAPTER 1 SIGNS ON CERAMIC ITEMS IN ANCIENT KHOREZM

S.R. Baratov

Antique archaeological complexes in the Khorezm Oasis often contain the pottery with signs scratched on their surfaces or stamped on raw clay, which researchers in their publications refer to as tamgas or, in many other cases, consider them alphabetic letter or figures (Yatsenko, 2001. P. 25). Most of those ceramic items were merely published (Koi-Krylgan-kala, 1967. Pl. XXXIV; Bolelov, 2004. PP. 93–147). In most cases they were analysed only in association with ceramic industry (Vorob'eva, 1959. PP. 212–213). Signs were also found on mud bricks. Anton N. Gertman made the most comprehensive research into the latter and proposed a well-structured and logical hypothesis which illuminated their origin and purpose (see primarily Gertman, 1998. PP. 136–150. Figs. 1, 2). S. A. Yatsenko was the first to generalise and study signs on vessels from the monuments of ancient Khorezm (Yatsenko, 2001. PP. 94–96. Fig. 27). He collected, analysed and specified 126 tamga signs on the walls of ceramic vessels and mud bricks found in the Khumbuztepa, Dzhambaskala, Kaparas, Elkharas, Kalalygyr 2, Koikrylgankala and Jigerbent. According to S.A. Yatsenko, signs of the earlier period, between the 6th and 2nd centuries BC (prior to the supposed change of dynasties in Khorezm and mass tribal migration in Central Asia)¹² were the most numerous on ceramics, with most of the

¹² В тексте публикации С.А. Яценко выделен, согласно А.Н. Гертману (Гертман, 1998. С. 136) и С.Б. Болелову, начиная с материалов поселения Хумбузтепа (Яценко, 2001. С. 94), ранний период использования знаков с VI по II века до н.э., однако в основном речь там идет о находках из комплексов Койкрылганкала, Калалыгыр 2 и Джигербент, нижние слои которых датируются не ранее IV века до н.э.

¹² According to A.N. Gertman (Gertman, 1998. P. 136) and S.B. Bolelov, starting from the Khumbuztepa archaeological site contains finds of the earliest period of sign use, between the 6th and 2nd centuries BC after S.A. Yatsenko's publication (Yatsenko, 2001. P. 94), but most of the items there were found amid the Koikrylgankala, Kalalygyr 2 and Jigerbent complexes, with the lowest layers dated to the 4th century BC and later.

им на плечиках хумов или кувшинов. В придонной части сосудов они отмечались гораздо реже. В Джигербенте, напротив, большинство их наносилось в придонной части (Яценко 2001. С. 95). Автор анализирует преобладающие в литературе мнения о подобных знаках как метках керамических партий или эмблемах мастеров / мастерских (отмечая, что коллеги почему-то не допускают и мысли о подобных метках как о знаках их заказчиков / будущих хозяев, хотя это достоверно отмечено, например, в этнографическом гончарстве). Соответственно, он делает вывод, что «тамговый» характер разных категорий подобных меток нуждается в дополнительном обосновании (Яценко, 2001. С. 24 – 25).

С 2002 года автор этой главы проводит стационарные полевые археологические исследования на поселении Хумбузтепа¹³, где на сегодняшний день собрана большая коллекция знаков, нанесенных в процессе производства на стенки керамических сосудов и на поверхность других керамических изделий (терракотовые фигурки, кирпичи и плитка). Поселение общепризнанно считается древнейшим памятником архаического периода на территории Хорезмского оазиса. На Хумбузтепа нами были заложены четыре раскопа, в границах которых исследованы остатки жилых (наземных и полуземляночных) сооружений, культовой (храм, дахма) монументальной архитектуры и хозяйственной деятельности. Последняя была связана с массовым керамическим производством.

Начало жизнедеятельности на поселении датируется рубежом VII–VI веков до н.э. Древнейшие слои на исследованных участках поселения связаны с функционированием дахмы – VII век до н.э. (рис. 8, 3) и V–IV века (рис. 8, 2) и храма (VI век до н.э.) (рис. 8, 1) на раскопе 6. К югу от них изучены остатки жилой наземной и полуземляночной архитектуры (VI–IV века до н.э.) – на раскопе 2 С.Б. Болелова (Болелов, 2016. С. 13–49) и на раскопах 4 и 6 (Баратов, 2003. С. 38–45; он же, 2004. С. 46–51; Баратов и

signs recorded on the shoulders of khums and jugs. There were much fewer in the near-bottom areas. On the contrary, most of the tamgas in Jigerbent were found in the near-bottom areas of vessels (Yatsenko, 2001. P. 95). The author analysed the opinion prevalent in literature that these signs had been used to mark batches of ceramic items or as the emblems of masters/workshops and noted that for some unknown reasons his colleagues rejected the idea of the signs on the vessels being the marks of the customers/future owners, although instances of this were recorded, e.g., in ethnographic pottery. He thus concluded that additional research was required to confirm or contradict the hypothesis that these signs were tamgas (Yatsenko, 2001. PP. 24 – 25).

Since 2002 the author of this article has been carrying out stationary archaeological field research at the Khumbuztepa¹³ archaeological site, where he has discovered a large collection of signs made on the walls of vessels and other ceramic items, such as terracotta figures, bricks and plates, in the course of their production. The settlement is widely recognised as the oldest monument of the antique period in the territory of the Khorezm Oasis. We have made four excavations at Khumbuztepa, where we discovered and studied ruins of residential (on-ground and semi-dugout) structures, monumental cultic buildings (a temple and dakhma) and traces of economic activity. The activity in question was related to a mass production of ceramic items.

The earliest active stages of the settlement are dated to the boundary of the 7th-6th centuries BC. The earliest layers of the studied parts of the site are associated with the functioning of the dakhma the 7th BC (fig. 8, 3) and the 5th-4th century BC (fig. 8, 2) and temple (the 6th century BC) (fig. 8, 1) on excavation trench 6. S. B. Bolelov and the author of this article also studied the ruins of on-ground and semi-dugout structures (6th-4th centuries BC) to the south of the dakhma and temple, on excavation trench 2 (Bolelov, 2016. PP. 13–49) and excavation

¹³ История изучения поселения изложена в нашей статье (Баратов, 2003. С. 38–45).

¹³ The history of the research into the settlement is provided in our article (Baratov, 2003. PP. 38–45).

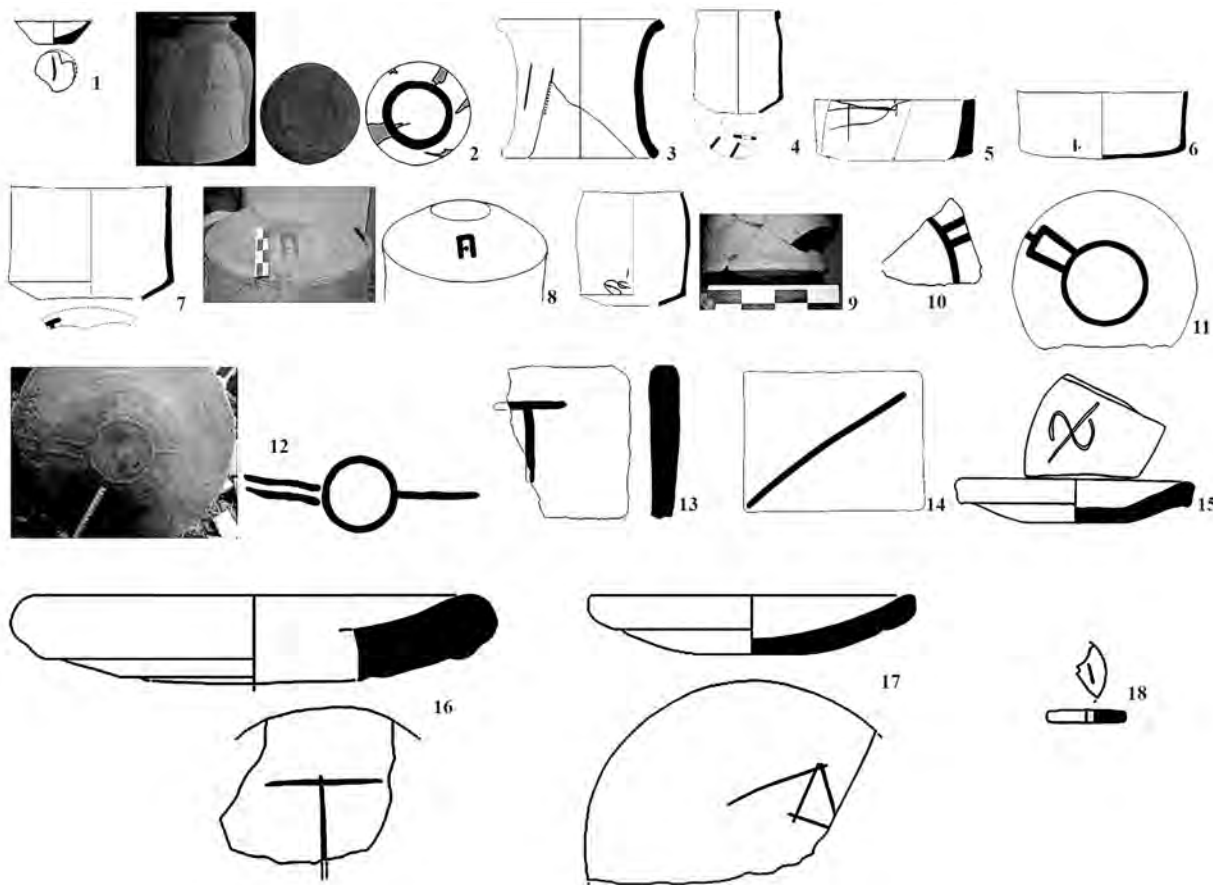

Рис. 1. Знаки на керамических изделиях с поселения Хумбузтепа VI–V веков до н.э.

Fig. 1. Signs on ceramic items of the 6th-5th centuries BC from the Khumbuztepa settlement.

др., 2013. С. 33–42; Баратов, 2013. С. 27–59; он же, 2014. С. 59–62). В культурных напластованиях сооружений древнего периода регулярно встречается небольшое количество предметов и изделий (фрагменты оплавленной футеровки, ошлакованные фрагменты посуды, части гончарного круга и калыбы), свидетельствующих о большом значении в это время керамического производства для населения Хумбузтепа.

В III веке до н.э. жилые и культовые сооружения забрасываются, а над ними формируются мощные (до трех метров) отвалы, связанные с гончарным производством (фрагменты бракованных керамических изделий, оплавленные фрагменты керамических печей, зола и древесные угольки), аккумулировавшиеся здесь вплоть до афригидского периода.

На площади раскопов в культурных напластованиях с VII века до н.э. по III век н.э. на стенках фрагментов и целых керамических сосудов, плиток, кирпичей и фигурок нами най-

trenches 4 and 6 (Baratov, 2003. PP. 38–45; ibid, 2004. PP. 46–51; Baratov et al., 2013. PP. 33–42; Baratov, 2013. PP. 27–59; ibid, 2014. PP. 59–62). The cultural layers of ancient structures often contain small numbers of items and goods (fragments of melted brickwork, scorified fragments of household utensils, parts of a potter's wheel and kalybs) testifying to a great significance of ceramic production for the people of Khumbuztepa at that time.

In the 3rd century BC residential and cultic buildings were abandoned and afterwards covered with a thick layer (up to 3 m) of debris left in the course of the ceramic production (fragments of defective ceramic items, melted fragments of kilns, ashes and charcoals) which had been accumulating on the site up until the Afriigid period.

In the excavations we recorded around 400 signs, which had been scratched after baking or

дено около 400 прочерченных и оттиснутых на сырой поверхности в процессе производства знаков (рис. 1, 2-4). Среди исследованных меток было выделено 107 различных их типов. Керамические изделия со знаками распределяются по четырем хронологическим группам, которые датируются хорошо стратифицированными комплексами, выделенными нами на поселении Хумбузтепа (Баратов, 2017).

Первая группа насчитывает 16 типов знаков (рис. 1). Найдены они среди комплексов ХБТ I¹⁴ и ХБТ II¹⁵, датирующихся нами соответственно VII и VI веками до н.э. Один знак

¹⁴ Приведенные датировки археологических комплексов Хумбузтепа основаны на результатах радиоуглеродных анализов C14, которые в Хорезмском регионе произведены впервые. Проба 1 – кости животных из Землянки 3, возведенной на первом этапе функционирования дахмы. Землянка была засыпана мусором накануне возведения храма. А – Sample 1; В - UBAR-1446; С - 2555±75 BP; D - cal BC 762, cal BC 676; E - cal BC 805-733, cal BC 649-545, cal BC 690-661; H - 26,7%, 32,6%, 9,0%.

¹⁵ Проба 6 – древесный уголь происходит из ямы 5, расположенной в центральном зале храма. Яма была забутована во время возведения храма и перекрыта уровнем пола. В качестве истинной даты нами приняты самые поздние значения.

А - Sample 6; В - UBAR-1441; С-2520±30 BP; D - cal BC 767; E - cal BC 640-588; F - 28,9%; G - cal BC 652-543; H - 50,2%. Радиоуглеродные данные (значение каждого столбца, ограниченного «;»): А: номер кода; В: Ссылка на материал для справки и радиоуглеродный код даты, присвоенный лабораторией Университета Барселоны.

С: Радиоуглеродная дата с неопределенностью, выраженная в терминах стандартного отклонения; D: экспериментальные калиброванные даты, соответствующие пересечению радиоуглеродной даты с калибровочной кривой. Они соответствуют максимальным режимам распределения вероятностей калиброванных данных; E и F: Калиброванные интервалы времени, основанные на режимах распределения вероятности для истинной калиброванной даты, соответствующей общей вероятности 68,3% и вероятности, связанной с каждым интервалом соответственно. В этом наборе интервалов есть вероятность, что на 68,3% будет найдена истинная калиброванная дата; G и H: Калиброванные интервалы дат, основанные на режимах распределения вероятности истинной калиброванной даты, соответствующей общей вероятности 95,4% и вероятности, связанной с каждым интервалом соответственно. В этом наборе интервалов есть вероятность 95,4%, что истинная откалиброванная дата будет найдена.

stamped on raw clay on the walls of fragmented and whole ceramic vessels, plates, bricks and figures found in cultural layers from the 7th century BC to the 3rd century AD (fig. 1, 2-4). We recorded 107 different types of marks. Ceramic items with signs are divided into four chronological groups, each corresponding with a specific clearly stratified layer we identified at the Khumbuztepa settlement (Baratov, 2017).

The first group comprises 16 sign types (fig. 1). They were found amid the items from the Khumbuztepa I¹⁴ and Khumbuztepa II¹⁵ strata dated to the 7th- 6th centuries. One sign was made on the middle part and three on the near-bottom part of vessels (fig. 1, 6, 8, 11). 12 signs were discovered on the near-bottom parts of a basin, khums and khumchas. One sign was scratched on the bottom of a basin (fig. 1, 1). Seven were

¹⁴ The given datings of archeological complexes of Khumbuztepa are based on results of radiocarbon analysis of isotope C14, which took place in Khorezm region for the first time. Sample 1 is animals' bones from Dugout 3 erected at the first stage of function of dakhma. The dugout was filled up with debris before the construction of temple, A – Sample 1; B - UBAR-1446; C - 2555±75 BP; D - cal BC 762, cal BC 676; E - cal BC 805-733, cal BC 649-545, cal BC 690-661; H - 26,7%, 32,6%, 9,0%.

¹⁵ Sample 6 is charcoal from the pit 5 placed in the central hall of the temple. The pit was packed during the construction of the temple and covered with the floor level. The true dating is the latest values.

А - Sample 6; В - UBAR-1441; С-2520±30 BP; D - cal BC 767; E - cal BC 640-588; F - 28,9%; G - cal BC 652-543; H- 50,2%. Radiocarbon data (value of every column limited with «;»): А is number of code; В – is reference to material for information and radiocarbon code of date given by the laboratory of Barcelona University.

С: radiocarbon data with uncertainty expressed in terms of standard deviation; D: experimental calibrating dates corresponding with the intersection of radiocarbon dating with calibrating curve. They correspond to the maximal regimes of probability distribution of calibrated data; E and F: calibrated intervals of time based on regimes of distribution of probability for the truth calibrated date corresponding to the common probability 68,3% and probability linked to every interval respectively. In this set of intervals there is probability that 68,3% is the truth calibrated date; G and H: calibrated interval of dates based on regimes of probability distribution of truth calibrated date corresponding the common probability 95,4% and probability lined to every interval respectively. In this set there is probability of 95,4% that the truth calibrated date will be found.

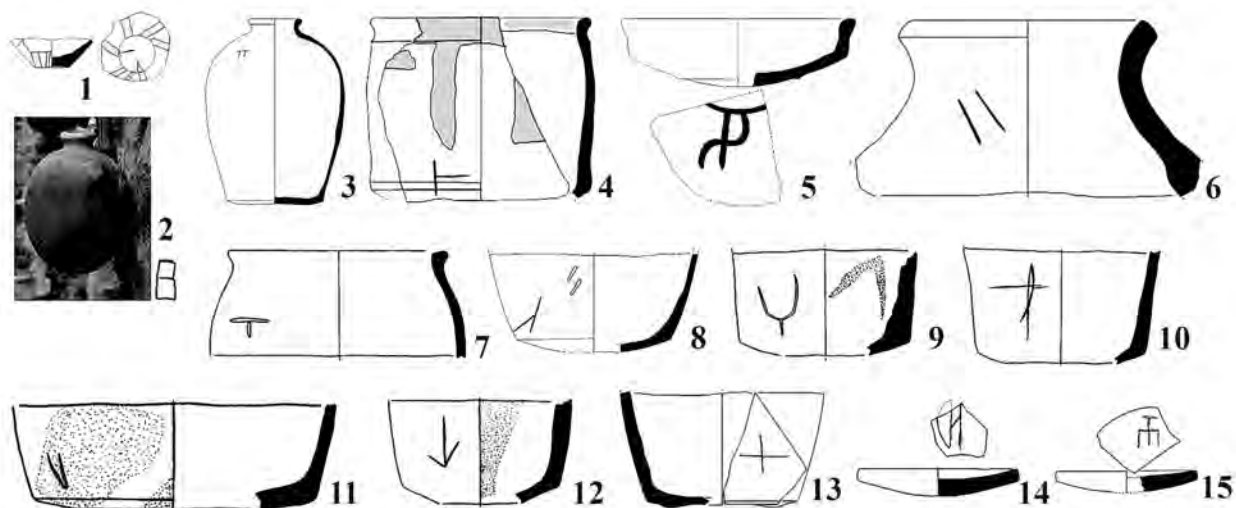

Рис. 2. Знаки на керамических изделиях с поселения Хумбузтепа IV века до н.э.

Fig. 2. Signs on ceramic items of the 4th century BC from the Khumbuztepa settlement

(рис. 1, 5) был нанесен на среднюю часть сосудов, три знака располагались на придонной части (рис. 1, 6, 8, 11). 12 знаков были выполнены на придонной части миски, хумов и хумчей. Один знак был прочерчен на донце миски (рис. 1, 1). Семь из них были выполнены на донцах в результате отиска в калыбе (рис. 1, 2, 4, 7-8, 10-12)¹⁶. Три найдены на фрагментах самих калыбов, которые использовались при формовке сосудов. Калыбы имеют чашеобразную форму. Знаки были выгравированы в негативе на их внутренней поверхности (рис. 1, 15-17). Два из них были изображены на поверхности обожженных кирпичей (рис. 1, 13-14). Один был начертан на поверхности фрагмента керамического колеса от игрушки (рис. 1, 18).

Четыре знака представляют один тип – «прямую линию» (рис. 1, 1, 6, 14, 18). Еще четыре являются вариациями круга с дополнительными элементами (рис. 1, 2, 10-12). Два знака являются комбинацией из двух-трех линий (рис. 1, 3-4, 6; 13, 5). Два знака име-

стamped on bottoms with the use of a kalyb (fig. 1, 2, 4, 7-8, 10-12). Other three signs were found on fragments of kalybs that were used to mould vessels. The kalybs are bowl-shaped. The signs were of negative type and engraved on the inner surfaces of the kalybs (fig. 1, 15-17)¹⁶. Two more signs were made on the surfaces of baked bricks (fig. 1, 13-14). One was scratched on the surface of a fragment of a ceramic wheel – an element of a toy (fig. 1, 18).

Four signs represent one type – the ‘straight line’ (fig. 1, 1, 6, 14, 18). Four other signs are variants of a circle with additional elements (fig. 1, 2, 10-12). Two signs are combinations of two or three lines (fig. 1, 3-4, 6; 13, 5). Two signs are in the form of the letter T (fig. 1, 7, 13) and two other signs have unusual shapes (fig. 1, 15, 17).

The second group comprises 15 types (fig. 2). They were found in the Khumbuztepa III¹⁷

¹⁶ Калыб - это толстостенная чашевидная форма, на которой в архаический период, как правило, формовались сосуды. Он не являлся гончарным диском, но ставился на него. Сформованный сосуд снимался с гончарного диска вместе с калыбом, на нем высушивался и после высыхания отделялся от него. Использовался многократно.

¹⁶ Kalyb is the thick-walled bowl-shaped form, on which the vessels were formed in archaic period as a rule. It was not a potter's disk, but it was placed on it. The formed vessel was moved from the potter's disk together with kalyb, dried on it and separated from it. It was used many times.

¹⁷ Sample 6 is animals' bones. Samples were taken from the last level of dakhma. . A - Sample 5; B - UBAR-1450; C - 2255±55 BP; D - cal BC 354, cal BC 289, cal BC 234; E - k cal BC 393-351 cal BC 298-227 cal BC 222-211; F - 24,1%38,7%5,5%; G - cal BC 405-184; H - 95,4%.

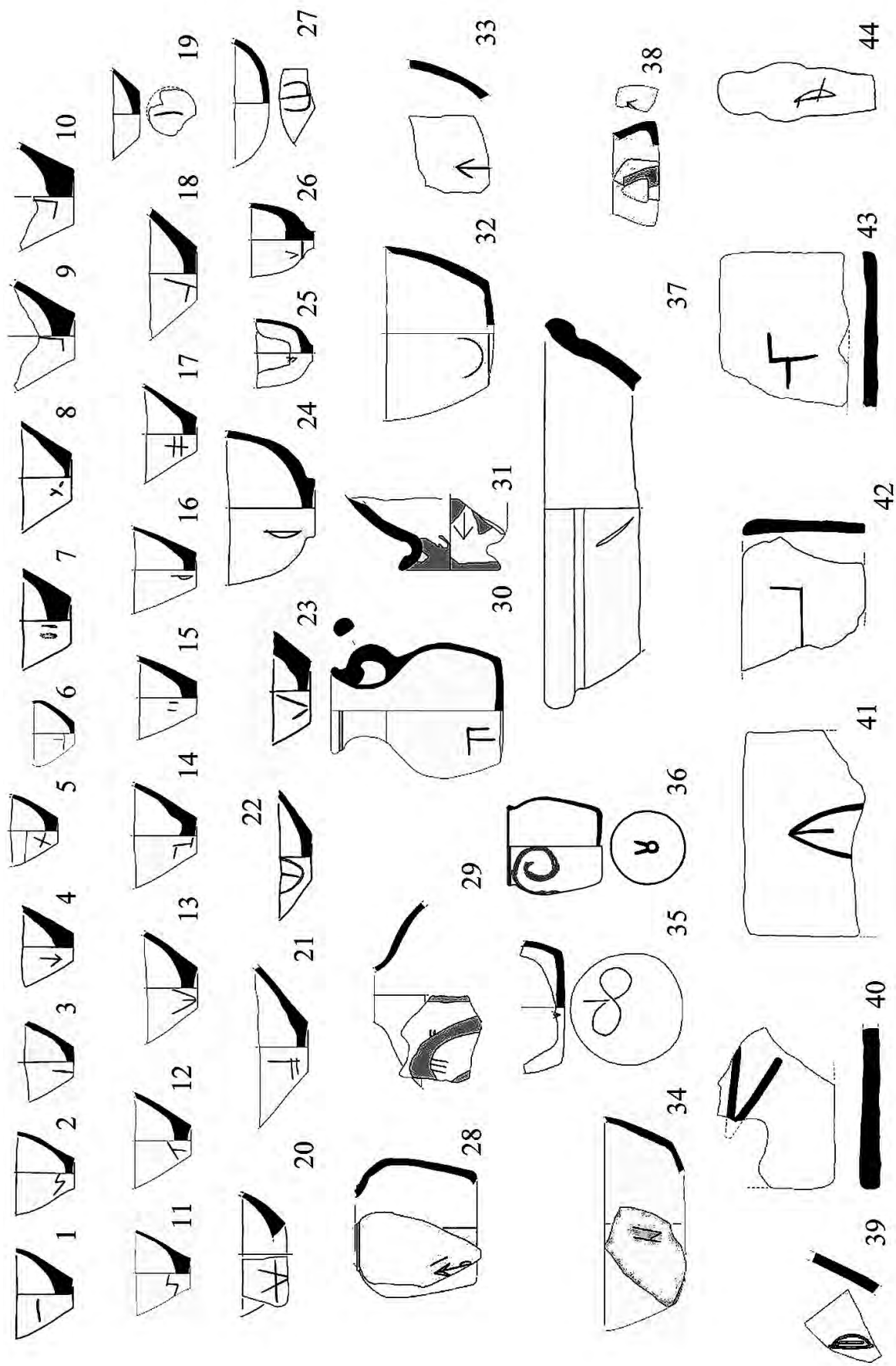

Рис. 3. Знаки на керамических изделиях с поселения Хумбузтена III-I веков до н.э.

Fig. 3. Signs on ceramic items of the 3rd-1st centuries BC from the Khumbuzteta settlement.

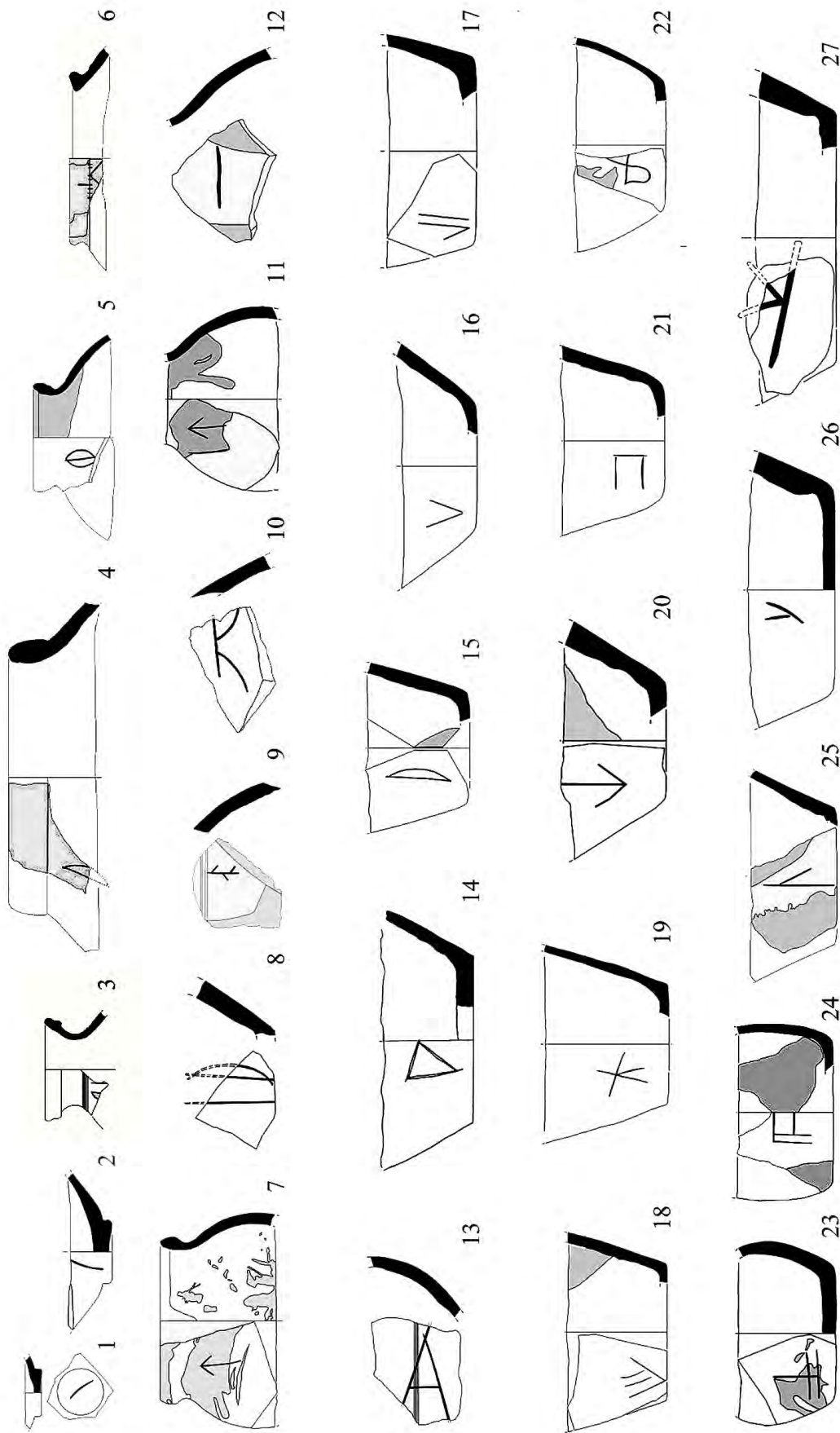

Рис. 4. Знаки на керамических изделиях с поселения Хумбузмена I–III веков н.э.
Fig. 4. Signs on ceramic items of the 1st-3rd centuries AD from the Khumbuzmeta settlement

ют Т-образную форму (рис. 1, 7, 13), еще два знака – оригинальной формы (рис. 1, 15, 17).

Вторая группа насчитывает 15 типов знаков (рис. 2). Они встречены в комплексе ХБТ III¹⁷, датированном IV веком до н.э.¹⁸ Один из них найден нами на кувшине в кургане №3 четвертой курганный группы некрополя Мешекли и происходит, видимо, с городища Садвар (рис. 2, 3; рис. 7, 1). В двух случаях знаки были нанесены на верхнюю часть сосудов (рис. 2, 2-3, 7). В четырех случаях метка размещена на донце (рис. 2, 1, 5; 15, 6). Два знака происходят с калыбов (рис. 2, 13, 15). В семи случаях знаки были прочерчены в нижней части резервуара (рис. 2, 4, 8-13). Все эти метки разных типов.

Третья группа насчитывает 44 типа (рис. 3). Знаки происходят из комплекса ХБТ IV, отнесенного к раннеантичному времени (конец IV – I век до н.э.) (рис. 9, 3, 6, 7; 10, 5; 11, 1-5). Все сосуды для питья – кубки, чаши – имеют знаки на нижней части внешних стенок резервуара (рис. 3, 1-26). Одна чаша имела знак на донце (рис. 3, 27). Кувшины в двух случаях имели знаки на верхних частях стенок (рис. 3, 29, 31), в пяти случаях – на нижних поверхностях тулова (рис. 3, 28, 32-34), в двух случаях на горшках знаки разместили на донцах (рис. 3, 35-36). Еще четыре знака были нанесены на керамические плитки (черепица?) (рис. 3, 40-43). Один знак был размещен на оборотной поверхности терракотовой фигурки, изображающей «великую обнаженную богиню» (рис. 3, 44). Все знаки разных типов и не повторяются.

¹⁷ Проба 5 – кости животных. Образцы взяты с последнего уровня дахмы. А - Sample 5; В - UBAR-1450; С - 2255±55 BP; D - cal BC 354, cal BC 289, cal BC 234; E - cal BC 393–351 cal BC 298–227 cal BC 222–211; F – 24,1%38,7%5,5%; G - cal BC 405–184; H - 95,4%.

¹⁸ Из аналогичного комплекса получена радиоуглеродная дата: Bln 5537: -26,3 ‰; 1 σ 2428 ± 37 BP. Автор приносит благодарность Веронике Мартинез Феррерас и Йозефу М. Гурту из Отдела истории и археологии университета Барселоны (Verónica Martínez Ferreras, Josep M. Gurt Esparraguera ERAAUB, Department of History and Archaeology, University of Barcelona), сделавшим для нас эти анализы.

layer dated to the 4th century BC.¹⁸ We recorded one of them on a jug from mound No. 3 in the fourth group of mounds at the Meshekli necropolis. Probably, it originates from the Sadvar hillfort (fig. 2, 3; fig. 7, 1). Two signs were made on the top portions of vessels (fig. 2, 2-3, 7). Four signs were found on a bottom (fig. 2, 1, 5; 15, 6). Two other signs were discovered on kalybs (fig. 2, 13, 15). Seven signs were scratched on the lower part of a receptacle (fig. 2, 4, 8-13). All those were marks of various types.

The third group comprises 44 types (fig. 3). The signs were discovered in Khumbuztepa IV, which we refer to the early antiquity (late 4th-1st centuries BC) (fig. 9, 3, 6, 7; 10, 5; 11, 1-5). All drinking vessels, such as goblets and bowls, have signs in the lower portion of the outer surface (fig. 3, 1-26). One bowl has a sign on the bottom (fig. 3, 27). Two jugs have signs in the upper portions of the walls (fig. 3, 29, 31), other five jugs – on the lower surface of the body (fig. 3, 28, 32-34). Two signs were found on the bottoms of pots (fig. 3, 35-36). Four signs were recorded on ceramic plates (tiles?) (fig. 3, 40-43). One sign was placed on the reverse side of a terracotta figure of the ‘great nude goddess’ (fig. 3, 44). All the signs are of different types and never repeat themselves.

The fourth group comprises 27 types (fig. 4). The signs were recorded amid the Khumbuztepa V complex we date back to the late antiquity (1st-3rd centuries AD) (figs. 9, 1-2, 4; 10, 1-2, 4, 6). Drinking vessels (bowls) have signs on the bottom or in the near-bottom part (fig. 4, 1-2). Nine signs were made in the upper portions of the interior sides of jugs, pots and khums (fig. 4, 3-7, 9-12). Sixteen signs were scratched in the near-bottom parts of jugs and khums (fig. 4, 8, 13-27). Most of the signs differ from each other.

Based on the results of the analysis we concluded that the first signs on ceramic items made without potter’s wheel and appeared in the

¹⁸ The radiocarbon date Bln 5537: -26,3 ‰; 1 σ 2428 ± 37 BP was obtained from the analogue complex. The author is thanking Ms. Verónica Martínez Ferreras and Mr. Josep M. Gurt Esparraguera ERAAUB, Department of History and Archaeology, University of Barcelona who made these analyses for us.

Четвертая группа насчитывает 27 типов (рис. 4). Знаки происходят из комплекса ХБТ V, датированного нами позднеантичным временем (I–III века н.э.) (рис. 9, 1-2, 4; 10, 1-2, 4, 6). Сосуды для питья (чаши) имеют знаки на донце или придонной части (рис. 4, 1-2). Девять знаков на кувшинах, горшках и хумах были нанесены в верхней части стенок их резервуаров (рис. 4, 3-7, 9-12). Шестнадцать знаков на кувшинах и хумах прочерчены в придонной части (рис. 4, 8, 13-27). Все знаки по большей части отличаются друг от друга.

В результате произведенного анализа выяснилось, что знаки на ремесленных керамических изделиях в Хорезмском оазисе впервые появляются на рубеже VII-VI веков до н.э. Статистически установлено, что на Хумбузтепа *сосуды со знаками составляют около 2% от общего количества керамической продукции*. Однако в разные периоды времени некоторые типы керамических изделий демонстрируют иную статистику. Например, среди комплексов периодов ХБТ I и ХБТ II почти 20% хумов и хумчей имеют знаки на донце. Обозначены были и 20% обожженных кирпичей. Терракотовые фигурки имеют знаки в 5% случаев. Для керамических комплексов периодов ХБТ III, IV и V доля обозначенных керамических изделий составляет те же 2%. Некоторые типы изделий, найденные в небольшом числе, имеют знаки в 50% случаев (фляги, лампы, подставки, плитки).

Нам не удалось выявить логической закономерности в расположении знаков на верхней, придонной или донной поверхности сосудов, что позволяет утверждать об отсутствии в этом принципиального смыслового значения. Думается, не существовало также смысловой разницы между знаками, прочерченными на стенках или отпечатанными при помощи калыбов на донцах сосудов.

Количество типов знаков в период ХБТ I малочисленно, что позволяет предполагать о возникновении традиции их нанесения не позже VII века до н.э. В период ХБТ II, когда на поселении возводится храм, количество их вырастает до 16. Во время ХБТ III чис-

Khorezm Oasis in the late 7th-early 6th century BC. Based on a statistical analysis we established that *vessels with signs comprised about 2% of the total quantity of ceramic items* found at Khumbuztepa. However, some types of ceramic articles vary in style depending on the period. So, almost 20% of khums and khumchas from the Khumbuztepa I and Khumbuztepa II periods have signs on the bottoms. In these periods 20% of baked bricks were also marked with signs, while only 5% of terracotta figures bear them. At the same time, the portion of the marked ceramic articles of the Khumbuztepa III, IV and V periods is only 2%. Some types of ceramics found in small numbers, such as flasks, lamps, rests and plates, comprised 50% of marked items.

We could not find logic in the placement of the signs on the upper, near-bottom and bottom surface of the vessels, which, probably, means there was not any strong meaning in it. We are also of an opinion that there was not any semantic difference between the signs scratched on the walls or those stamped on the bottoms with the help of kalybs.

There are not many sign types recorded in the Khumbuztepa I period, which may suggest that the tradition of making signs appeared in not late than 7th century BC. In the Khumbuztepa II period, when the temple was built in the settlement, their number grew to 16. In Khumbuztepa III there were 15 types of signs. *In the early antique period of Khumbuztepa IV the quantity of signs suddenly jumped to 44*. In the late antiquity the number of sign types fell to 26. We suppose that this dynamics of type diversity recorded on the ceramics of ancient Khorezm between the 7th century BC and 3rd century AD may be an indirect illustration of the *dynamics of ceramic production volumes* in the oasis within one thousand years. This also enables us to trace the dynamics of the trade and economy development, as well as the evolution of the antique Khorezmian community in general.

In the course of the research into the signs on ancient Khorezm ceramics specialists established that some of them looked very much like the letters of the early Aramaic alphabet (7th century BC), some others like the letters from the Ara-

ло типов составляет 15. В раннеантичный период ХБТ IV число типов знаков резко вырастает до 44. В позднеантичный период количество типов знаков сокращается до 26. На наш взгляд, описанная выше динамика изменения количества типов знаков на керамике древнего Хорезма с VII века до н.э. по III век н.э. может косвенным образом иллюстрировать динамику развития объемов керамического производства в оазисе на протяжении тысячелетия. Это позволяет судить о динамике развития ремесел, хозяйства и древнего хорезмского общества в целом.

В ходе исследования знаков на керамике древнего Хорезма выяснилось, что некоторые из них очень похожи на буквы архаического арамейского алфавита (VII век до н.э.); часть их схожа с буквами этого алфавита имперского ассиро-вавилонского периода (VI век до н.э.), другая – близка арамейскому алфавиту имперского персидского периода (V–IV века до н.э.) (рис. 5). В целом, кажется вполне очевидным, что хорезмские гончары для изображения знаков на стенках керамических сосудов использовали буквы и цифры древних арамейских алфавитов. Иногда знак представлен в виде одной буквы, как, например, «ē» (рис. 1, 2; 5) из архаического арамейского алфавита, другой идентичен «yudh» (рис. 1, 15; 5), в третьем случае знак использован в виде цифр 1, 2, 3 (рис. 1, 1, 3, 5; 5). Встречаются комбинации букв с цифрами, как, например, буква «he» с цифрой 1 (рис. 2, 3). Форма написания буквы впервые появляется в имперском персидском алфавите¹⁹.

Вероятно, в последнем случае речь может идти об обозначении объема сосуда – «1 he»²⁰.

	Арамейский архаический (VII в. до н.э.)	Имперский ассиро-вавилонский период (VI в. до н.э.)	Имперский персидский период (V–IV вв. до н.э.)	Эллинистический период (III–I вв. до н.э.)	Пальмирский (II в. до н.э.)	Ранне персидское имперское письмо (I в. до н.э. – I в. н.э.)	Среднеперсидское имперское письмо (III–VII вв. н.э.)	Сурское арамейское письмо (VII–X вв. н.э.)	Сурское арамейское письмо (VII–X вв. н.э.)	Сурское арамейское письмо (VII–X вв. н.э.)	Сурское арамейское письмо (VII–X вв. н.э.)	Сурское арамейское письмо (VII–X вв. н.э.)	Сурское арамейское письмо (VII–X вв. н.э.)
alaph	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
beth	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
gamal	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
dalath	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
he	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
waw	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
zen	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
heth	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
teth	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
yudh	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
kaph	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
lamadh	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
mim	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
nun	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
simkath	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
e	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
pe	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
sadhe	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
qoph	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
reš	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
šin	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
taw	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ

Рис. 5. Древние арамейские алфавиты

Fig. 5. Ancient Aramaic alphabets.

maic alphabet of the imperial Assyro-Babylonian period (6th century BC), while the third resembled the Aramaic letters of the Achaemenid period (5th–4th centuries BC) (fig. 5). Overall, it seems quite natural that Khorezmian potters used letters and figures of ancient Aramaic alphabets as signs on the walls of ceramic vessels. Some signs represent one letter, such as ‘ē’ (fig. 1, 2; 5) from the early Aramaic alphabet, another is identical to ‘yudh’ (fig. 1, 15; 5), while the third are composed of figures 1, 2, 3 (fig. 1, 1, 3, 5; 5). Some are combinations of letters and figures, such as the letter ‘he’ and the figure 1 (fig. 2, 3). The letter form was first used in the imperial Persian alphabet¹⁹.

¹⁹ Не являясь специалистом в области лингвистики, я позволил себе представить лишь несколько таких примеров для ученых, не имеющих практического опыта в этой области. Хотелось бы призвать наших коллег-иранистов обратить внимание на уже довольно обширный древнехорезмийский графический материал.
²⁰ Измеренный нами объем вместимости сосуда составил 18 литров. Соответственно, хорезмский 1 he мог равняться 18 литрам. В этой связи вспомним хум с над-

Мы предполагаем, что в случаях, когда на стенках сосудов сгруппированы два и более знаков (рис. 1, 8-11, 14; рис. 2, 5, 14; рис. 3, 28, 34, 39; рис. 4, 3, 8, 17), речь может идти об информации, отражающей объем сосуда, или о других «сообщениях», связанных с его использованием.

Прежде чем обратиться к керамическим изделиям, на которых имеется *один* знак, мы рассмотрим надписи на остраке, найденном М. Мамбетуллаевым на поселении Хумбузтепа. Надпись, прочтенная В.А. Лившицем, представляет собой хозяйственный документ с указанием мер и объема продуктов и напитков, выданных или полученных, а также перечня собственных имен. На основании содержания острака М. Мамбетуллаев предположил, что на территории поселения трудилась группа зависимых от правителя ремесленников, выполнявших определенные заказы и получавших взамен продукты питания (Мамбетуллаев, 1984. С. 21–39). Судя по составу теста, фрагмент принадлежал сосуду III–I веков до н.э. По палеографическим признакам В.А. Лившиц датировал надпись I веком до н.э. По нашим стратиграфическим наблюдениям, на Хумбузтепа в этот период формируются мощные, высотой до 3 м, отвалы, связанные исключительно с керамическим производством. Остатки их сегодня тянутся вдоль берега Амударьи на протяжении 8 км. Остатков жилой архитектуры в слоях этого времени не обнаружено.

Содержание хозяйственного документа из Хумбузтепа позволяет предполагать, что в

The letter-and-figure combinations might indicate the volume of a vessel – ‘1 he’²⁰.

We suppose that combinations of two or more signs on the walls of vessels (fig. 1, 8-11, 14; fig. 2, 5, 14; fig. 3, 28, 34, 39; fig. 4, 3, 8, 17) may inform about its volume or give information concerning the use of the vessel.

Before analysing ceramic items with *one* sign, let us study inscriptions on an ostrakon M. Mambetullayev found at the settlement of Khumbuztepa. The inscription deciphered by V.A. Livshits is a practical document specifying a measure or volume of food and drinks delivered or received and listing personal names. Based on the ostrakon’s contents M. Mambetullayev put forward an idea that a group of craftsmen dependent on a ruler carried out diverse work in the territory of the settlement and were given food as wages (Mambetullayev, 1984. PP. 21–39). The composition of the clay suggests that the fragment was of a vessel of the 3rd-1st century BC. Based on the inscription’s paleography, V. A. Livshits dated it to the 1st century BC. Based on our stratigraphic analysis we established that in that period Khumbuztepa was covered with a thick layer of debris up to 3 m high, which resulted entirely from the ceramic production. Today this debris can be seen stretching to an 8-kilometre distance along the Amudarya River. No ruins of residential buildings of this period have been discovered on the site.

According to the contents of the economic document from Khumbuztepa, apart from free craftsmen, there were royal workshops in

---

письмо на стенке, найденный М. Мамбетуллаевым на городище Большая Айбугиркала. Надпись, прочитанная В.А. Лившицем, гласила «11 мари 9 хе». По мнению В.А. Лившица, в Хорезме на рубеже V–IV веков до н.э. величина мари была равна 16,5 или 17 литрам (Мамбетуллаев, 1990. С. 98–101. Рис. 5, 3; 6). Айбугирская надпись была нанесена после обжига сосуда в процессе его эксплуатации. Скорее всего, в надписи на хуме речь идет о равенстве объемов 11 мари и 9 хе, и сделана она была в качестве памятки. Если это так, то при объеме 1 мари, равного 16,5 или 17 литрам, 1 хе должен был составлять соответственно 20 и 22 литра. А при 1 хе, равном 18 литрам, 1 мари в Хорезме должен был составлять около 15 литров.

---

²⁰ We measured the volume of the vessel, which was 18 litres. Therefore, 1 he in Khorezm might be equal to 18 litres. This brings to mind the khum with an inscription on the wall found by M. Mambetullayev at the Big Aybugirkala hillfort. The inscription deciphered by V. A. Livshits read ‘11 mari 9 he’. According to V. A. Livshits, in the late 5th-early 4th century BC in Khorezm 1 mari was equal to 16.5 or 17 litres (Mambetullayev, 1990. PP. 98–101. Fig. 5, 3; 6). The Aybugir inscription was made after baking in the course of the use of the vessel. Probably, the inscription on the khum is a kind of reminder informing about the equality between 11 mari and 9 he. If so, with 1 mari equal to 16.5 or 17 litres, 1 he was to be 20 or 22 litres. With 1 he equal 18 litres in Khorezm, 1 mari was about 15 litres.

Хорезме, наряду со свободными ремесленниками, существовали и царские ремесленные мастерские, выполнявшие заказы, которые оплачивались из государственной казны. В таких мастерских работали лишённые земельных наделов свободные общинники-ремесленники, использовавшие труд пленников и рабов. Керамическое производство является сложным технологическим процессом, успешно вести который могли только многоопытные люди. Секреты же ремесла из поколения в поколение передавались от отца к сыну. Поэтому руководить такими ремесленными группами могли именно свободные высококвалифицированные гончары, получавшие за это плату. Социальная категория таких полузависимых царских ремесленников на территории ахеменидского Ирана и его сатрапий называлась «курташ». Система их оплаты засвидетельствована данными многочисленных архивов. Царские ремесленники размещались на отведённых им из государственного фонда землях, и за право пользования этой землей они коллективно платили царские подати, находясь под полным контролем царской администрации (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 162-186).

Возвращаясь к нашим знакам, отметим, что часть их представляет собой обычные цифры – 1, 2, 3, 4 и т.д. Другая часть – это изображения одной из букв архаического арамейского и имперского персидского алфавитов. Мы предполагаем, что начертание знака в виде буквы или цифры вероятнее всего применялось для обозначения отдельной ремесленной группы, находившейся под контролем царской администрации. Администрация контролировала выполнение своего заказа, за который она выдавала вознаграждение в виде продуктов, напитков и товаров. Видимо, каждая такая ремесленная группа должна была иметь свой оригинальный знак, которым могла маркировать часть сосудов из партии керамических изделий, отчитываясь таким образом о выполнении заказа. Такие заказы могли делать и удельные правители, и свободные общинники. Ремесленные группы были довольно мобильными. Они могли легко перемещаться в другие регионы оазиса, произвести там товар и вернуться на свои

Khorezm, which took orders that were paid by the state treasury. Such workshops were run by craftsmen, free members of the community, who used the labour of captives and slaves. Ceramics production was a complex technological process, which only highly experienced people could control. Professional secrets were passed from generation to generation, from father to son. That was why only free highly qualified potters could manage such groups of craftsmen, for which they were paid. The social group these semi-dependent royal craftsmen belonged to was called 'kurtash' in Iran and its satrapies in the Achaemenian period. There is much information on this payment system kept in numerous archives. The royal craftsmen lived on lands allotted to them from the state assets. They paid a special collective tax and were under full control of the royal administration (Dandamayev, Lukonin, 1980. PP. 162-186).

Now let us return to our signs. A part of them are ordinary figures – 1, 2, 3, 4 and so on. Others represent one of the letters of the ancient Aramaic and imperial Persian alphabets. We suppose that the signs in the form of a letter or figure, most probably, were used to indicate a special group of craftsmen controlled by the royal administration. The administration controlled the work on things they ordered, and used food, drinks and various goods to pay for it. Probably, each of these craftsman groups was to have their own characteristic sign, which they used to mark a part of vessels from the batches of ceramic items and thus report on the completion of an order. Such orders could be made by local rulers or free members of a community. The craftsman groups were quite mobile. They could easily move to other regions within the oasis to produce their goods, and then return home. This may account for vessels with Khumbuztepa-type signs found in different parts of the Khorezm Oasis – near ceramic kilns on the hillfort of Kyuzeligyr (Vorob'eva, 1959. PP. 212–213), at Toprakkala of Shavat (Mambetullayev, 1984. P. 37), in

Рис. 6. Поселение Хумбузтепа, знаки и надписи на керамике: 1 – надпись коричневой краской на остраке с уровня пола дахмы IV (IV век до н.э.); 2 – знак, начертанный до обжига на фляге (вторая половина V века до н.э.), из слоя запустения после разрушения храма; 3 – надпись на придонной части цилиндрикоконического сосуда до обжига (около середины V века до н.э.)

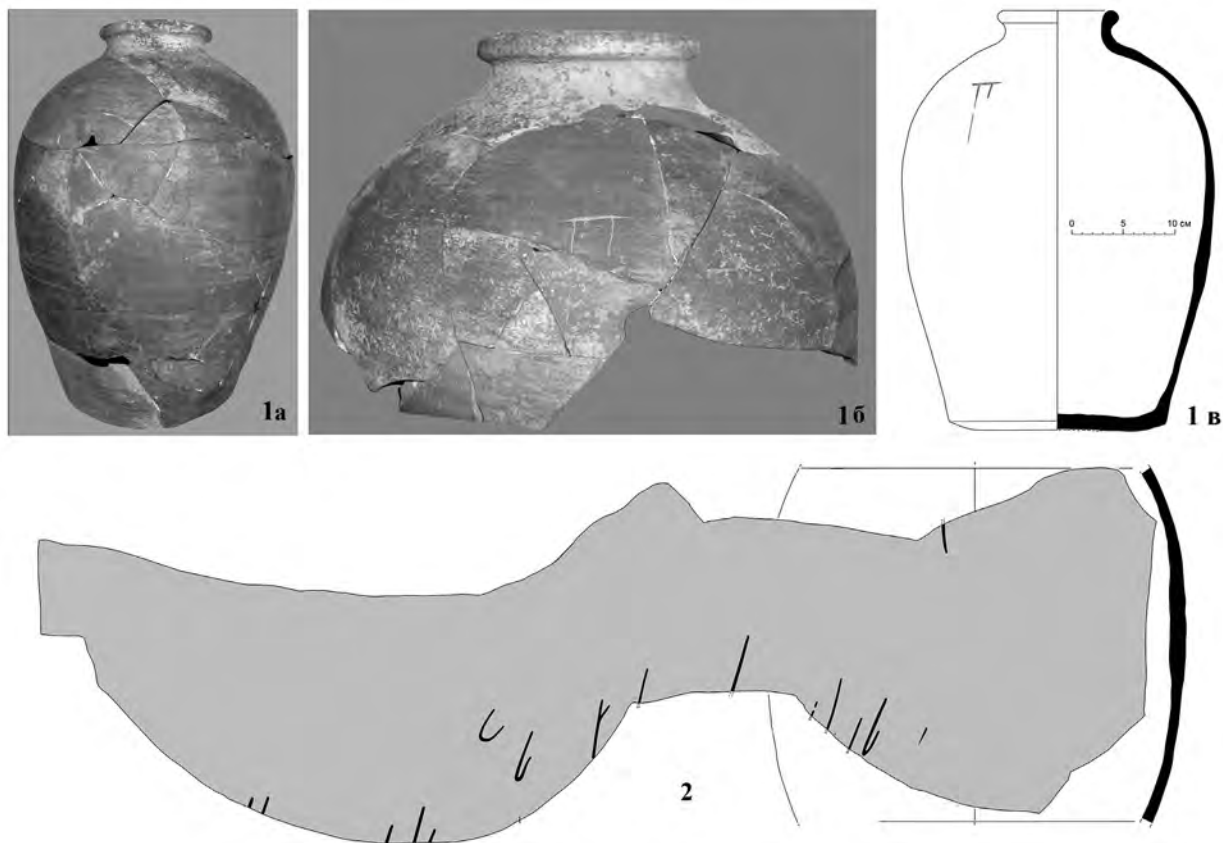
Fig. 6. Khumbuztepa settlement, signs and inscriptions on ceramic items: 1 – inscription with brown paint on an ostrakon from the floor level of dakhma IV (4th century BC); 2 – sign scratched prior to baking on a flask (second half of the 5th century BC) found in the layer when the temple had collapsed and the site was abandoned; 3 – inscription on the near-bottom part of a cylinder-conical vessel made prior to baking (c. mid-5th century BC)

земли. Вероятно, этим можно объяснить и факты находок сосудов с хумбузскими знаками в разных частях Хорезмского оазиса – у керамических печей на городище Кюзелигыр (Воробьева, 1959. С. 212–213), на Топраккала Шаватской (Мамбетуллаев, 1984. С. 37), в Джигербенте (Вишневская, 2001. Рис. 3, 5-6), Елхарасе (Левина, 1991. Рис. 46), Капарасе (Воробьева, 1991. Рис. 73, 75) и на Койкрылганкала (Кой-крылган-кала, 1967. Табл. XXXIV) и Хазараспе (Воробьева, Лапиро-Скобло, Неразик, 1963. С. 175–182).

Jigerbent (Vishnevskaya, 2001. Fig. 3, 5-6), at Yelkharas (Levina, 1991. Fig. 46), at Kaparas (Vorob'eva, 1991. Fig. 73, 75) and at Koikrylgankala (Koi-krylgan-kala, 1967. Pl. XXXIV) and Khazarasp (Vorob'eva, Lapiro-Skoblo, Nerazik, 1963. PP. 175–182).

Interestingly, there is quite a number of the same letters and figures found on Khumbuztepa and in other parts of the Khorezm Oasis that are dated to a broad span between the 6th century BC and 3rd century AD. In many cas-

Рис. 7. Надписи: 1 – некрополь Мешекли, погребение кургана №3 четвертой курганной группы (конец IV века до н.э.). Надпись, начертанная на хумче до обжига; 2 – поселение Хумбузтепа. Фрагмент надписи первой половины VI века до н.э., сделанной на стенках хумчи до обжига. Уровень пола дахмы первого периода

Fig. 7. Inscriptions: 1 – Meshekli necropolis, burial in mound No. 3 from the fourth group of mounds (late 4th century BC); inscription made on a khumcha prior to baking; 2 – Khumbuztepa settlement. Fragment of an inscription of the first half of the 6th century BC made on the walls of a khumcha prior to baking. Level of the floor of the dakhma's first period

Интересно, что достаточно большое количество тех же букв и цифр на Хумбузтепа и других частях оазиса встречается на протяжении от начала VI века до н.э. по III век н.э. Это позволяет предполагать в ряде случаев *возможное тысячелетнее существование некоторых хорезмских гончарных династий*, ремесленных групп, работавших под контролем царской администрации.

Общеизвестно пессимистичное отношение филологов-востоковедов к находкам на территории современного Хорезмского оазиса образцов и фрагментов древней письменности. К сожалению, они по-прежнему с недоверием относятся к датировкам, которые предлагают наши коллеги-археологи в отношении хронологического контекста находимых надписей

es this may suggest some *dynasties of potters that continued for almost one thousand years* – groups of craftsmen that worked under the control of royal administration.

Orientalist philologists are widely known to be pessimistic about whole and fragmented specimens of ancient script recorded in the territory of the present-day Khorezm Oasis. Unfortunately, they still distrust the dating of the chronological context of these inscriptions proposed by our colleagues, archaeologists (Iskhakov, 2008. PP. 24-29). We think it necessary to support B. I. Weinberg whose opinion is that linguists are strangely prejudicial to archaeologists' dating of palaeographic ma-

(Исхаков, 2008. С. 24-29). Мы считаем необходимым поддержать мнение Б.И. Вайнберг о странной предвзятости лингвистов к датировкам археологов, высказанное ею в связи с датировками палеографического материала из городища Калалыгыр 2 и других хорезмийских надписей (Вайнберг, 2004. С. 241-242).

Мы также столкнулись с подобным примером датировки по палеографическим особенностям надписи на остраке, выполненной краской коричневого цвета. Острак был найден нами на дахме Хумбузтепа в комплексе конца IV века до н.э. (рис. 6, 1). П. Лурье, любезно согласившийся ознакомиться с нашим остраком, датировал его не ранее I века н.э.

Мы надеемся, что после публикации в этой статье знаков, начертанных на керамических изделиях древнего Хорезма (самые ранние из которых были найдены в слоях начала VII века до н.э., и которые, безусловно, находят соответствия среди букв архаического арамейского и имперского персидского алфавитов), филологи-востоковеды уделят больше внимания феномену древнехорезмийской письменности.

В довершение мы публикуем здесь наши *новые находки надписей*, сделанные на поселении Хумбузтепа.

Надпись, начертанная на придонной части цилиндрикоконического сосуда до его обжига (рис. 6, 3). Он был найден в заполнении пахсовой забутовки, произведенной после разрушения храма, и может быть датирован концом VI века до н.э.

Фрагмент надписи, начертанной на стенках хумчи до обжига (рис. 7, 2). Он был найден на уровне пола дахмы первого периода. Самая поздняя вероятная дата надписи может быть отнесена ко времени запустения дахмы перед возведением храма – к первой половине VII века до н.э.

В целом приведенные здесь материалы Хумбузтепа позволяют выяснить немало нового о распространении знаковых систем, употребляемых в повседневной деятельности древних хорезмийцев и о государственной организации ремесла в древнем Хорезме.

material from the hillfort of Kalalygyr and other Khorezmian inscriptions (Vainberg, 2004. PP. 241-242).

We also came across a similar instance of dating on the basis of paleographic characteristics of an inscription on an ostrakon made with brown paint. We found the ostrakon on the Khumbuztepa dakhma, among the material of the 4th century BC (fig. 6, 1). P. Lurie kindly agreed to acquaint himself with the ostrakon and dated it to the 1st century AD or later.

We hope that the signs on ancient Khorezmian ceramic items (the earliest of which were found in layers of the early 7th century BC and which, certainly, correspond with some of the letters of the ancient Aramaic and imperial Persian alphabets) published within this article will inspire orientalist philologists to pay more attention to the phenomenon of ancient Khorezmian script.

In conclusion, we have published within this article *new inscriptions* discovered recently in the Khumbuztepa settlement.

An inscription scratched in the near-bottom part of a cylinder-conical vessel prior to baking (fig. 6, 3). The vessel was found in a pakhsa (rammed earth) filling made after the collapse of the temple and may be dated to the late 7th century BC.

A fragment of an inscription scratched on the walls of a khumcha prior to baking (fig. 7, 2). It was found at the level of the dakhma's first period floor. The latest possible dating of the inscription is the first half of the early 7th century BC, when the dakhma had been abandoned and the temple was not yet built.

All in all, the material from Khumbuztepa provided in the article contains much new information on the distribution of sign systems used by ancient Khorezmians in their everyday life and on the organisation of craftsmen's work at the state level in ancient Khorezm.

ГЛАВА 2 ЗНАКИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ПЛАТО УСТЮРТ

С.А. Яценко

Самым ярким явлением культуры ранних кочевников на западе Казахстана можно считать комплексы *святых* из небольших круглых в плане купольных двухъярусных каменных храмов (как предполагают, посвященных культу влиятельных предков), сопровождавшихся снаружи рядами каменных круглых жертвенных оградок-площадок, миниатюрными переносными каменными алтарями, статуями воинов, изредка – женщин (последние подчас размещались группами до 30-35, высотой от 1,5 до 4 м), небольшими кучками камней, иногда также – рвами, «аллеей» менгиров и отдельными ценными вещами – дарами верующих (см., например: Ольховский, Галкин, 1990; Дженито и др., 2000; Olkhovsky, 1999; Ольховский, 2005. С. 131-149; Самашев и др., 2007; Самашев и др., 2011). Судя по немногочисленным ранним датированным находкам, они были сооружены родственными группами номадов скорее в V–IV веках до н.э. Статуи из них, видимо, были поставлены несколько позже²¹, и в них подчас присутствует некоторое влияние античного искусства в передаче лиц (что связано уже с эпохой эллинизма). Эти святилища, вероятно, прекратили активно функционировать в III–II веках до н.э., после мощного землетрясения (см. ниже). Вместе с тем, «пассивное» использование этих святилищ более поздними кочевниками других культур, надо полагать, происходило на рубеже нашей эры, когда храмы были уже в основном заброшены, а стены их еще не сильно обвалились и наиболее сакральная зона

CHAPTER 2 SIGNS OF THE EARLY NOMADS ON THE USTYURT PLATEAU

S.A. Yatsenko

The brightest indications of the culture of early nomads in the western part of Kazakhstan are *sanctuary* complexes consisting of small round two-tier domed temples (dedicated, according to a common opinion, to the cult of influential ancestors) surrounded by rows of round stone sacrificial fenced grounds, miniature portable stone altars, statues of warriors and sometimes women (those were often between 1.5 m and 4 m high and found in groups of up to 30-35), small heaps of stones, and sometimes also ditches, an ‘alley’ of menhirs and single valuable items – offerings from the believers (see, e.g. Olkhovsky, Galkin, 1990; Genito et al., 2000; Olkhovsky, 1999; Olkhovsky, 2005. PP. 131-149; Samashev et al., 2007; Samashev et al., 2011). Judging from few early dated finds, they were constructed by kindred groups of nomads, probably, in the 5th-4th centuries BC. The statues were, apparently, erected a little later²¹, as their features often show some influence of the antique art and thus may be referred to the Hellenistic period. These sanctuaries seem to have stopped being used in the 3rd-2nd century BC as a result of a strong earthquake (see below). Nevertheless, nomads from a different culture might use these sanctuaries ‘passively’ in a later period, at about the turn of the Common Era, when most of the temples had been abandoned but their walls were not yet utterly ruined and the most sacral area of the inner court was still available (compare Olkhovsky, Yatsenko, 2000. P. 309; Olkhovsky, 2005. P.

²¹ Любезная консультация основного исследователя региона Мангыстау и Западного Устюрта А.Е. Астафьева.

²¹ After A. E. Astafiev, the main specialist on Mangystau and the western Ustyurt Plateau, who kindly agreed to advise us.

внутреннего дворика была доступна (ср. Ольховский, Яценко, 2000. С. 309; Ольховский, 2005. С. 135)²². Это явление, отражающее культурные процессы конца скифо-сакской эпохи и середины сунну-сарматской. Сегодня археологами уже полностью изучена серия подобных памятников: Байте III и I, Кызылуийк, Карамунке, Терен, Конай, Тасастау 1, 2 и 4, Кайнар I, Тубежик 1 и 2, Кайнар, Баскудук I и др. (рис. 1). Внимание ученых и широкой публики в этих памятниках привлекли, прежде всего, *статуи* знатных воинов и необычные детали храмовых интерьеров (устройство двориков с алтарями), единичные яркие вещи – предполагаемые дары духам предков.

Куда меньший интерес пока вызвала обширная коллекция встреченных там кланово-семейных знаков собственности / меток идентичности – *тамга* (тюрк.) / *нишан* (иран.). Это понятно: такие знаки были лишь частично документированы в полевых условиях и затем изданы очень фрагментарно и с рядом исследовательских просчетов. Первая достаточно подробная их публикация предлагается ниже (к сожалению, в небольшом разделе нет возможности полно и детально опубликовать все важные изображения тамг, особенно – на единичных плитах из завалов,

135)²². This is a phenomenon that reflected the cultural processes in the late Scythian-Saka and middle Xiongnu-Sarmatian periods. By now archaeologists have given a comprehensive study to a series of monuments of this type, including Bayte III and I, Kyzyluiik, Karamunke, Teren, Konai, Tasastau 1, 2 and 4, Kainar I, Tubezhik 1 and 2, Baskuduk I and others (fig. 1). Specialists and common people were most interested in the *statues* of warriors and unusual elements in the temples' interiors (such as courts with altars), as well as single remarkable items, which had supposedly been offerings to the spirits of the ancestors.

The large and diverse collection of *tamgas* (Turkic)/*nishans* (Iranian) – clan- and family-specific ownership signs/identity marks found in the site, has drawn much less interest so far. This is understandable because such signs have been only partially documented in the course of the field study and later published fragmentarily and with a lot of specialist errors. Their first more or less detailed publication is given below (unfortunately, the size of the section does not allow for a comprehensive and detailed publication of images of all remarkable tamgas, particularly those on single slabs from debris that have not been included in the reports). We did it following the request of V. S. Olkhovsky, an outstand-

²² Эмоциональной позиции В.С. Ольховского относительно того, что на поверхности статуй Байте III (сделанных здесь как раз из максимально твердого из окрестных розоватого или светло-серого оолитового известняка: Вязкова, 2000. С. 40) из-за активной ветровой эрозии в регионе якобы уже через 50 лет стирались все изображения, расслаивалась поверхность и т.п. (Ольховский, Яценко, 2000. С. 308), противоречат вполне очевидные факты. Так, в находящемся поблизости каньоне Каракавак на северных склонах Мангыстау прекрасно сохранились на скалах группы тамг сложных форм (рис. 1, 7; 7, 5), которые по точным аналогиям на западе Семиречья (сопровождаемым сюжетными изображениями в «постсакском стиле») можно датировать рубежом н.э. (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Fig. 5), как и изображения эпохи позднего средневековья на недавних родовых казахских кладбищах (которые пристраивали вплотную к древним руинам, принимая их, видимо, за могилы предков).

²² V. S. Olkhovsky's emotional opinion that the surfaces of statues at Bayte III (importantly, made of pinkish or light grey oolitic limestone, the hardest stone in the area: Viazkova, 2000. P. 40) used to be eroded by strong winds typical of the region so fiercely that their surface peeled and the images it had contained could not survive for more than 50 years are at variance with evident facts. The Karakavak canyon in the neighbourhood, on the northern slopes of the Mangystau Range, contains some groups of tamgas of complex forms (figs. 1, 7; 7, 5) in an excellent state of preservation, which based on identical tamgas found in western Semirechie (accompanied by descriptive images in the 'post-Saka' style) can be dated back to the late period before the Common Era or early Common Era (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Fig. 5). Late medieval images in relatively new Kazakh family cemeteries (organised right next to the ancient ruins, which the people, probably, took for the graves of their ancestors) also contradict Olkhovskii's idea.

Рис. 1. Плато Устюрт и полуостров Мангыстау с местонахождениями тамг ранних кочевников (для памятников, кроме Байте III, приведены типы знаков): 1 – Байте III; 2 – Конай; 3 – Терен; 4 – Кызылуйик; 5 – Тасастау 4; 6 – Дыкылтас и Меретсай 2; 7 – каньон Каракавак. Условные обозначения: 1 – стены храмов; 2 – статуи; 3 – артефакты из погребений; 4 – петроглифы. Топографическая основа: Подробный атлас, 1871. №62

Fig. 1. Locations of early nomadic tamgas on the Ustyurt Plateau and Mangystau Peninsula (sign types are given for all monuments except Bayte III): 1 – Bayte III; 2 – Konay; 3 – Teren; 4 – Kyzyluiik; 5 – Tasastau 4; 6 – Dykyltas and Meretsai 2; 7 – Karakavak canyon. Legend: 1 – temple walls; 2 – statues; 3 – artifacts from burials; 4 – petroglyphs. Topographic base – Detailed atlas, 1871. No. 62.

не вошедших в отчеты). Это является выполнением желания известного исследователя святилищ Устюрта В.С. Ольховского: мы собирались совместно опубликовать сводку тамг Байте III, но неожиданная смерть Валерия Сергеевича в 2002 году помешала

ing specialist who had done much research into the sanctuaries of the Ustyurt Plateau: we had planned to publish a joint review of tamgas from Bayte III, but the unexpected death of Valery Sergeevich Olkhovsky in 2002 interfered with our plans. Earlier literature contains but short

нашим планам. До этого в литературе делались лишь краткие наблюдения относительно скоплений тамг в Байте III (Ольховский, Яценко, 2000. С. 306-310; Яценко, 2001. С. 70-73; он же, 2003; он же, 2005; Yatsenko, 2010. PP. 139-141). Наиболее ценные материалы тогда были мне еще недоступны, во многом из-за скрытности моего соавтора (не разрешавшего фотографировать знаки даже своим экспедиционным друзьям и заместителю). Достаточно сказать, что в этом святилище мне были известны лишь 76 типов знаков (Яценко, 2001. С. 70), тогда как сегодня (включая варианты ориентации в пространстве) – не менее 273²³.

На сегодня тамги ранних кочевников обнаружены при раскопках пяти святилищ с двухъярусными купольными каменными храмами, расположенных полосой в 300 км вдоль северного края обширного пустынного плато Устюрт: у его северо-западного угла в пунктах Байте III, Конай и Терен, а также в его северо-восточной части, у чинка/обрыва Донызтау (Кызылуийк и Тасастау 4) (рис. 1, 2-5). Граффити тамг на камне часто сделаны весьма небрежно, но немало и очень тщательно вырезанных в «парадной/печатной» форме; они гравированы тонкими лезвиями ножей (в единичных случаях лезвие было более широким и не слишком острым, то есть использовались и другие инструменты). Как это обычно бывало в степном мире античной эпохи, при изображении рядом серии знаков они не перекрывали, не налага-

observations of clusters of tamgas at Bayte III (Olkhovsky, Yatsenko, 2000. PP. 306-310; Yatsenko, 2001. PP. 70-73; idem, 2003; idem, 2005; Yatsenko, 2010. PP. 139-141). At that time I did not yet have access to the most valuable material, largely because of the highly secretive character of my co-author, who did not allow even his expedition-mates and assistant to take photos of the tamgas. Then I knew only of 76 types of signs from this sanctuary (Yatsenko, 2001. P. 70), while today (including versions with different orientations in space) I am familiar with at least 273²³.

By today tamgas of early nomads have been excavated at five sanctuaries with two-tier domed stone temples forming a 300-kilometre line along the northern edge of the enormous and barren Ustyurt Plateau: at the archaeological sites of Bayte III, Konai and Teren in the plateau's north-western corner and at the sites of Kyzyluik and Tasastau 4 near the Donyztau chink/escarpment, in its north-eastern part (fig. 1, 2-5). Many of the tamga graffiti on rocks are made very carelessly, but there are quite a few carved very neatly and having a 'ceremonial/stamped' appearance; they were cut using thin knife blades (in some few cases the blade was broader and less sharp, which means a variety of tools were used). As was usual for the antique period in the Steppe world, images in clusters of signs situated next to each other did not overlap²⁴. To date these

²³ Я выражаю глубокую признательность А.Е. Астафьеву (г. Актау) за предоставление в августе 2017 года полевого отчета за 1998 год, собственных крупных чертежей к нему со скоплениями тамг, а также большой серии его качественных фото отдельных плит с тамгами и сюжетными рисунками, сделанных в 2007 году (во время поездки по инициативе бывшего премьер-министра Казахстана И.Н. Тасмагамбетова для создания альбома по надгробным памятникам казахов). Если снимки знаменитого фотографа Олега Белялова у него были изъяты организаторами, и их судьба неизвестна, то Андрей Астафьев смог сохранить большую серию собственных удачных фото.

²³ I am deeply grateful to A. E. Atsafiev (Aktau, Kazakhstan), who in August 2017 provided me with a 1998 field report with large-scale drawings of the clusters of tamgas made by the author himself and a large collection of high-quality photographs of individual slabs with tamgas and descriptive images made in 2007 (in the course of a trip initiated by I. N. Tasmagambetov, the former Prime-Minister of Kazakhstan, organised with the purpose of compiling a printed collection of Kazakh gravestones). Whilst the organisers took to themselves photographs made by well-known photographer Oleg Belyalov and their fate is unknown, Andrey Astafiev managed to preserve a large portion of his good photographic works.

²⁴ The only known exception is a large medieval slab in the court of the temple at Bayte III discovered in a robbers' ditch in 1997 (Olkhovsky, Yatsenko, 2000, Fig. 2) (fig. 6, 2), which has on it three signs and a standing primitive

лись друг на друга²⁴. Вопрос об уточнении датировки нанесения этих знаков на разные объекты кажется непростым, и мы к нему еще вернемся.

Несомненно, исключительно ценной для исследования системы тамгопользования древнего населения евразийской Великой Степи и прилегающих лесостепи и пустынь является обширная коллекция знаков в разных частях *святилища Байте III*, из которой до наших дней сохранилось не менее 358 знаков 273 различных типов. На сегодня это самая большая коллекция знаков собственности на одном объекте во всем древнем и раннесредневековом (доисламском) иранском мире²⁵.

Святилище Байте III (далее сокращенно – Байте)

Этот культовый комплекс площадью 6-7 га расположен в пустынной зоне Западного Казахстана, в Мангыстауском районе Мангыстауской области, у северо-западной оконечности обширного плато Устюрт, ограниченного обрывами-чинками. Святилище было обнаружено геологами в 1983 году. Ближайший поселок Сай Отес (Сай-Утес) находится в 50 км к западу, железнодорожный разъезд №6 дороги Актау-Атырау – в 11 км к юго-западу. Байте III расположен на мысу от края довольно широкого оврага-сая; по другую его сторону в 6 км

signs cut on different surfaces is quite difficult, and we shall discuss this issue later in the work.

Doubtless, the large collection of signs in various parts of *sanctuary Bayte III*, with 358 extant signs belonging to 273 different types, is extremely valuable for the study of the tamga system used by the ancient people of the Eurasian Great Steppe and the adjacent territories of wooded steppes and deserts. *Currently, this is the largest collection of ownership signs found within one object in the entire ancient and early medieval (pre-Islamic) Iranian world*²⁵.

Sanctuary Bayte III (hereinafter Bayte for short)

This cultic complex occupies an area of 6-7 ha in a desert area in Mangystau District, Mangystau Province, western Kazakhstan, at the north-western extremity of the enormous Ustyurt Plateau edged by precipitous escarpments. The sanctuary was discovered by geologists in 1983. The nearest settlement, the village of Sai Otes (Sai-Utes) lies 50 km to the west; section No. 6 of the Aktau-Atyrau railway line is situated 11 km south-west of the site. Bayte III stands on a headland in a relatively wide valley with a seasonal stream. On the opposite side of the valley, 6 km from Bayte III, there is another complex of a similar type, Bayte I, which, however, contains no tamgas (Olkhovsky, Galkin, 1990. PP. 197, 201).

The temple was erected on a hill 15 m high on the bank of a gully (150 m north of its edge), on the bottom of which until quite recently there had been Bayte wells and Kazakh winter huts (Olkhovsky, Galkin, 1990. Fig. 4). A shallow ditch

²⁴ Лишь в средневековье на обнаруженной в верхнем слое грабительской траншеи в 1997 году крупной плите из храмового двора Байте III (Ольховский, Яценко, 2000. Рис. 2) (рис. 6, 2) видим три более поздних знака и примитивную стоящую антропоморфную фигурку, которые *перекрывали* ранние гравировки (аналогичная более поздняя антропоморфная фигурка была, видимо, гравирована на груди упавшей статуи в соседнем святилище Байте I; ср. Ольховский, Галкин, 1990. Рис. 6, а). В этом храме по левому краю участка 2 более поздние тамги гравированы поверх геометрической композиции (стилизованного знамени, покрытого поперечной штриховкой) (рис. 3). Изредка встречаются случаи, когда один крупный знак размещали на двух смежных плитах.

²⁵ Некоторое количество знаков стерлись и плохо читались; часть плит с тамгами из святилищ разбились и растащили для строительства поздних казахских мавзолеев на прилегающее кладбище; поэтому изначально знаков в Байте III было больше.

anthropomorphic figure from a later period *covering* earlier engravings (an identical anthropomorphic figure from a later period was, probably, engraved on the chest of a recumbent statue in the neighbouring sanctuary of Bayte I; cf. Olkhovskiy, Galkin, 1990. Fig. 6, a). On the left edge of section 2 of the same temple there are some later tamgas engraved on top of a geometric composition (a stylised standard filled with transverse lines) (fig. 3). In some cases one large sign was placed on two adjacent slabs.

²⁵ Some signs had eroded and were poorly discernable; some slabs with tamgas from the sanctuaries had been broken at a later time and used to construct the Kazakh mausoleums in the neighbouring cemetery; so, initially there had been more signs at Bayte III.

находился сходный комплекс Байте I, который, однако, не имеет тамг (Ольховский, Галкин, 1990. С. 197, 201).

Для храма был выбран холм высотой около 15 м, возвышавшийся над оврагом (в 150 м к северу от его края), на дне которого в недавние времена размещались колодцы Байте и казахские зимники (Ольховский, Галкин, 1990. Рис. 4). В неглубоком рву, окружающем храм, были устроены с севера и запада 18 кольцевых каменных жертвенных оградок разного диаметра (их обычно связывают с поминальными ритуалами) (рис. 2, 2). За рвом кроме дуги из стоявших статуй (8 из них избежали обычной участи быть поваленными более поздним населением на землю, были вкопаны на глубину 30-50 см и обращены лицами на запад, в сторону заката) в 100 м к западу от стен храма располагались два каменных жертвенных стола. Южнее их, а также южнее стен храма были установлены переносные каменные алтарики овальной формы (Ольховский, Галкин, 1990. С. 202-203); не менее 6 таких же были найдены и в завалах стен храма. Ниже по склону оврага размещались две прямоугольные погребальные оградки со входом с юга (курганы 3 и 5)²⁶. В целом в Байте, в отличие от святилища чинка Донызтау, практически не встречено небольших синхронных активной фазе святилища артефактов, которые можно было бы считать дарами и следами жертвоприношений (Дженито и др., 2000. С. 15); те, что были найдены, чаще датируются позднеантичным временем²⁷. Основной же находкой в святилище

around the temple contained in its northern and western parts 18 annular sacrificial grounds of various diameters enclosed in stone fences (commonly associated with funeral rituals) (fig. 2, 2). Behind the ditch there was an arc of standing statues (8 of which have escaped the usual fate of standing statues and have not been brought down to a recumbent position by people in a later period, but remain upright, their base under the ground to a depth of 30-50 cm and their faces turned westwards to watch sunset), and two stone sacrificial tables 100 m west of the temple walls. To the south of the tables and south of the temple walls there were a few small oval portable altars (Olkhovsky, Galkin, 1990. PP. 202-203); at least 6 altars of this kind were found in debris at the temple walls. Down below on the sloping side of the gully there were two rectangular fenced funeral grounds accessed from the south (mounds 3 and 5)²⁶. Unlike the sanctuaries of the Donyztau chink (escarpment), Bayte contains very few small artifacts synchronous with the sanctuary's functional stage, which could be regarded as offerings or traces of sacrifices (Genito et al., 2000. P. 15); most of those discovered at the site can be dated back to the late antique period²⁷. Most of the sanctuary's finds consisted of ... sheep's knee bones (asyk, 129 pieces: Antipina, Olkhovsky,

²⁶ Эти оградки первые исследователи датировали бронзовым веком (Дженито и др., 2000. Р. 15). В действительности же они датируются концом скифской эпохи. По любезному сообщению А.Е. Астафьева, сегодня в регионе известна такая ограда с южным входом, с обломками 2-3 изваяний, на которых изображены кинжалы IV века до н.э. В такой ограде в Байте имеется каменный ящик с парными топовидными стелами (как внутри храмовой постройки Тубежик I).

²⁷ В их числе были 5-6 железных черешковых трехгранных наконечников стрел (они постепенно распространялись в регионе начиная с III-II веков до н.э.; при этом во впускной могиле внутри храма наконечники были еще бронзовые и костяные). Две

²⁶ Initially these fenced grounds were dated to the Bronze Age (Genito et al., 2000. P. 15). In fact they belong to the late Scythian period. A. E. Astafiev reports of a similar fenced ground with an access from the south extant in the region, which contains fragments of 2 or 3 sculptures with images of daggers dated back to the 4th century BC. One of the fenced grounds at Bayte has a stone box with paired axe-shaped stelae (similar to those inside the temple structure of Tubezhik I).

²⁷ Those include 5-6 iron triangular-shaped tanged arrow heads (they were becoming increasingly popular in the region starting from the 3rd-2nd century BC; so, the undercut grave within the temple contained bronze or bone arrows heads). Pilgrims stuck two arrows of this type into the eastern wall of the court, points outwards. S. Yu. Vnukov was kind to report that after the 1998 season V. S. Olkhovsky gave the late G. I. Koshelenko a collection of Parthian coins from the territory of the temple for identification. The fate of these coins is unknown; moreover, no field documents, reports or publications associated with the object mention the collection in any way.

являлись... коленные кости овец (астрагалы/асык, 129 экз.: Антипина, Ольховский, 2000. С. 83), использовавшиеся для ритуальной игры и гадания.

Сегодня уже ясно, что это святилище было не самым крупным в серии подобных, как казалось вначале. Более масштабным был комплекс Кызылуийк диаметром 21 м примерно в 300 км к северо-востоку (Самашев и др., 2011. С. 8). Однако *Байте III* явно выделяется среди прочих по ряду важных параметров (рис. 2, 1). (1). Здесь обнаружено больше всего каменных статуй воинов (как предполагается, отчасти портретных) – около 35. Они стояли небольшими группами по 3 и более экз. в 50-100 м к юго-востоку от храма, по склону холма, образуя дугу (Ольховский, Галкин, 1990. С. 203). (2). При входе, на внешней облицовке стен, на отдельных плитах располагалась не имеющая аналогов серия сюжетных и геометрических граффити, среди них были и тамги (см. лишь очень краткую информацию о них: Ольховский, 1998. Рис. 77, 81; Дженито и др., 2000. Рис. 8; Самашев и др., 2007. С. 107-108, 205) (3). Храм здесь не имел дневного проема на уровне земли и требовал от паломников специальных усилий для проникновения внутрь (через лестницу, приставленную к верхнему ярусу, и по ней – вниз, во дворик). (4). Здесь обнаружено (в основном на облицовке внутреннего дворика храма) самое большое скопление знаков-тамг на территории евразийских степей и северных пустынь.

Все это позволяет понять *повышенный интерес более поздних кочевников и путешественников к этому уже заброшенному храму* в последующие времена: несомненно, большая часть стен храма до III–IV веков н.э. еще стояла, дворик был отчасти доступен, а сам

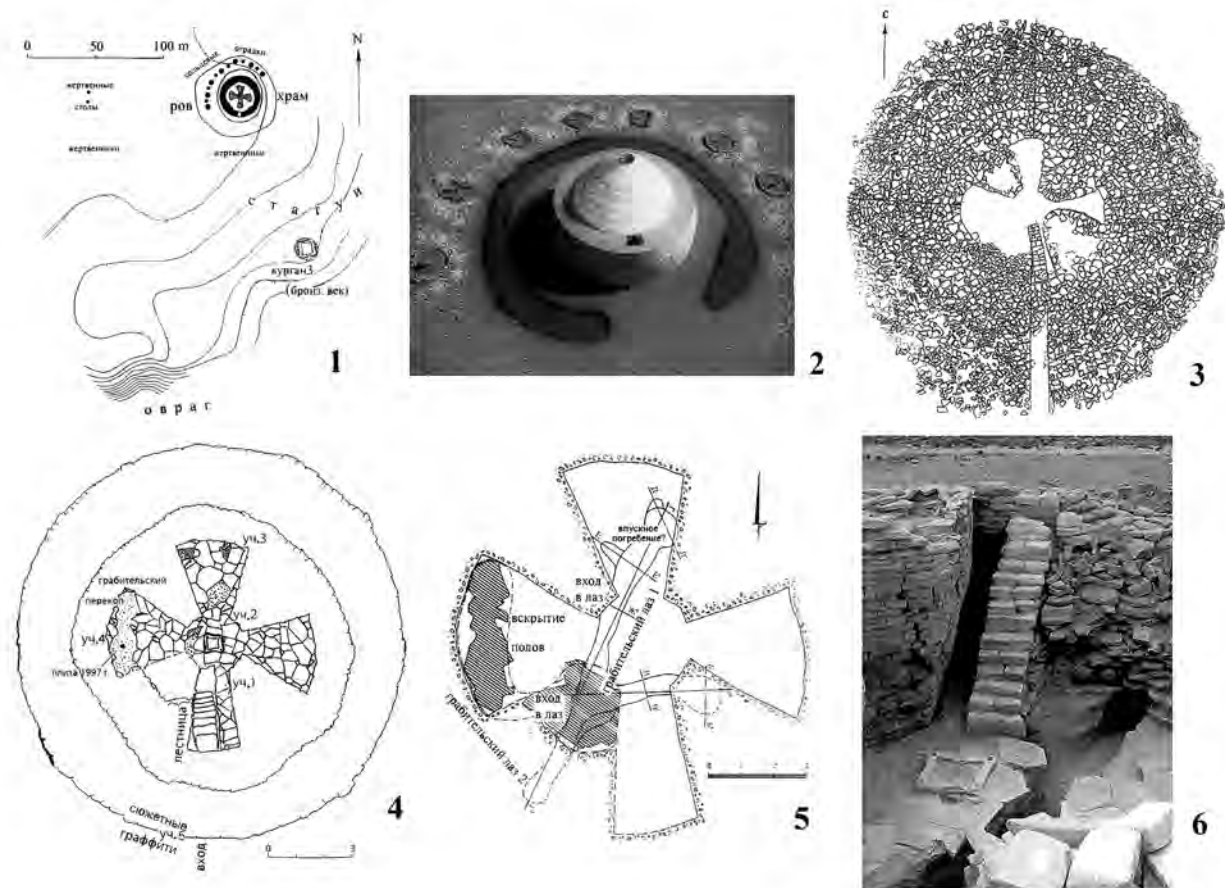

такие стрелы были воткнуты паломниками в восточную стену дворика остриями наружу. По любезному сообщению С.Ю. Внукова, после сезона 1998 года В.С. Ольховский передал покойному Г.И. Кошеленко на определение серию парфянских монет с территории храма. Судьба этих монет неизвестна; более того, сам факт их находки не отражен в полевой документации, докладах и публикациях по объекту.

2000. P. 83), which were used in games and to tell fortunes.

Today we know that this sanctuary was not the largest in a series of similar objects, as it was deemed initially. The Kyzyluiik complex about 300 km north-east of Bayte was bigger and had a diameter of about 21 m (Samashev et al., 2011. P. 8). However, *Bayte III* had a number of important features that distinguished it from its kinds (fig. 2, 1). (1). It had the largest number of statues of warriors (some of which are supposed to have been real people) – about 35. They stood in small groups of 3 or more statues at 50-100 m south-east of the temple, forming an arc along the slope of the hill (Olkhovsky, Galkin, 1990. P. 203). (2). Some of the slabs in the exterior facing at the entrance have on them descriptive and geometric graffiti, including tamgas, having no analogues elsewhere (only scarce information about them can be found in Olkhovsky, 1998. Fig. 77, 81; Genito et al., 2000. Fig. 8; Samashev et al., 2007. PP. 107-108, 205) (3). The temple there had no ordinary entrance at the ground level and required special efforts from the pilgrims to get into it (they used a stairway to reach the second tier and then descend into the court). (4). The object features the largest number of tamgas (most of which were found on the facing of the temple's inner court) in the territory of Eurasian steppes and northern deserts.

All this accounts for the *high interest nomads and travellers in later periods took in the already abandoned temple*: doubtless, most of the temple's walls remained erect until the 3rd-4th century AD and the court was more or less accessible, which made the object a place where travellers used to relax and people used to pray and negotiate. Probably, most of the signs at Bayte were made after the decline of the culture the sanctuary builders belonged to. The most damaged (from the epicentre's side) eastern sector contains traces of renovation – as we have already noted, a couple of Sarmatian iron tanged arrow heads are stuck points outwards into the wall at a height of 1.7 m (Olkhovsky, 1998. PP. 10, 12), and the altar has on it remains of animals sacrificed in the latest period. Very soon after I had ac-

Рис. 2. Храм в святилище Байте III и его внутренняя планировка: 1 – схематический план основной части святилища (реконструкция С.А. Яценко по наличным полевым материалам); 2 – реконструкция первоначального облика, Агитаев С. и Зулфукаров Р. (Самашев и др., 2011. Рис. 14); 3 – общий план (Ольховский, 1998. Рис. 6); 4 – размещение основных участков с тамгами (основа чертежа: Самашев и др., 2011. Рис. 3, дополнения автора); 5 – основные ходы грабителей (Ольховский, 1998. Рис. 45); 6 – лестница и участок 1 (слева), вид с севера (Самашев и др., 2007. С. 193)

Fig. 2. Temple at Bayte III and its interior: 1 – plan of the main part of the sanctuary (reconstructed by S. A. Yatsenko based on available field material); 2 – reconstructed initial appearance, S. Agitaev S. and R. Zulfukarov (Samashev et al., 2011. Fig. 14); 3 – general plan (Olkhovskii, 1998. Fig. 6); 4 – Disposition of basic sections with tamgas (plan based on: Samashev et al., 2011. Fig. 3, complemented by author); 5 – main robbers' passages (Olkhovsky 1998. Fig. 45); 6 – stairway and section 1 (left), seen from the north (Samashev et al., 2007. P. 193).

объект был и местом отдыха путешественников, и местом молитв и переговоров. Видимо, основная часть знаков появились в Байте как раз после того, как культура строителей святилищ угасла. В наиболее пострадавшем (со стороны эпицентра) восточном секторе есть следы ремонта, там в стену на высоте 1,7 м, как уже отмечалось, воткнута пара сарматских железных черешковых наконечников стрел

quainted myself with the collection of Bayte III I realised that among tamgas that were identical to ones at other monuments the 1st-3rd-century signs of European Sarmatians were the most numerous – moreover, many of them belonged to the most influential clans in that territory; the collection of Khorezmian copies, apart from signs of the 4th-2nd centuries BC, contains most of the royal tamgas from the earliest Khorezmian coins (Olkhovsky,

острием наружу (Ольховский, 1998. С. 10, 12), а на алтаре сохранились наиболее поздние приношения животных. Уже на раннем этапе знакомства с тамговой коллекцией Байте III мне было очевидно преобладание в ней среди точных аналогий другим территориям именно знаков европейских сарматов I-III веков н.э., причем среди них немало эмблем самых влиятельных там кланов, а среди точных хорезмийских аналогий есть не только знаки IV-II веков до н.э., но и большинство знаков царей на самых ранних монетах Хорезма (Ольховский, Яценко, 2000. С. 305-309; ср. Вайнберг, 1977. Табл. XI). Это не удивительно: с поздней античности по XIV век (примерно до второго большого землетрясения) здесь проходил достаточно важный *торговый путь из Северного Прикаспия в Хорезм*²⁸.

С 1985 года первые исследования Байте III проводил Л.Л. Галкин. Далее полевое исследование памятника проводилось единым обширным раскопом площадью 41 000 кв. м за шесть сезонов 1988-1991 и 1997-1998 годов²⁹, однако наиболее значимые открытия сделаны

²⁸ Если в античности он представлен сериями поздних тамг в Байте III и каньоне Каракавак, то в X-XIV веках он был отмечен серией оборудованных стоянок, начиная с караван-сарая Алан (Толстов, 1962. Доп. цв. археологическая карта Хорезма). Вокруг древних святилищ в это время ночевали средневековые караванчики, здесь обнаружена средневековая исламская керамика (Самашев и др., 2011. С. 23; Калменов, 2013). Некоторые авторы допускают, что очень небольшая часть знаков изображений Байте III могла быть гравирована в постантичное время (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. С. 20), и это действительно так (я уже отмечал три более поздних знака и антропоморфную фигурку на плите 1997 года из грабительского лаза в центре храма; видимо, в средневековье эта крупная плита оказалась у верхнего края образовавшегося холма).

²⁹ Раскопки Байте в 1988-1990 годах вела *Устыртская экспедиция* московского Института археологии АН СССР под руководством В.С. Ольховского и при содействии казахстанских коллег (с 1991 года он руководил работами на этом объекте уже как начальник Устыртского отряда в *Западно-Казахстанской экспедиции* Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (с 1992 года – Института археологии МОН Республики Казахстан) под общим руководством З.С. Самашева (Китов, Мамедов, 2014. С. 40-42).

Yatsenko, 2000. PP. 305-309; cf. Vainberg, 1977. Pl. XI). It is no surprise, because since the late antique period to the 14th century (when the second major earthquake occurred) the site was situated on an important *trade route from the northern Caspian Sea areas to Khorezm*²⁸.

The first study of Bayte III was carried out by L. L. Galkin in 1985. One extensive excavation 41,000 sq m was made for further research, which was completed in six seasons in 1988-1991 and 1997-1998²⁹, the most important discoveries having been made within the temple building in the very last season³⁰. This central structure, which

²⁸ While in the antique period the route's functionality resulted in series of later tamgas at Bayte III and in the Karavak canyon, in the 10th-14th centuries a number of well-equipped stations, such as the Alan Caravanserai, appeared in the region (Tolstov, 1962. Coloured archaeological map in the insert). In the latter period the ancient sanctuaries were used by medieval caravaners to spend a night in, which is supported by medieval Islamic ceramics found in them (Samashev et al., 2011. P. 23; Kalmenov, 2013). Some authors admit that a very small part of the signs at Bayte III might be engraved in the post-antique period (Samashev, Bazytkhan, Samashev, 2010. P. 20), which is true (I have mentioned three signs of a later time and an anthropomorphic figure on the 1997 slab from the robber's hole in the centre of the temple; probably, in the Middle Ages this large slab found itself near the upper edge of the newly formed hill).

²⁹ The 1988-1990 excavations at Bayte were carried out by the *Ustyurt Expedition* organized by the Moscow Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, and headed by V. S. Olkhovsky with the support of his colleagues from Kazakhstan (since 1991 he worked at the object as the head of the Ustyurt division of the *Western Kazakhstan* expedition of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh SSR (Institute of Archaeology, Ministry of Education and Sciences, since 1992), with Z. S. Samashev as the supreme manager) (Kitov, Mamedov, 2014. PP. 40-42).

³⁰ Unfortunately, for unknown reasons the field expedition reports prepared by Olkhovsky in 1997-1998, which are the main source of information on the temple at Bayte III – the most important for the subject of this work – are absent in the archive of the Institute of Archaeology under the Russian Academy of Sciences (with only one of them kept at the Mangistau State Historical and Cultural Reserve: Olkhovsky, 1998), while the archive of the Institute of Archaeology under the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in Almaty contains only a short 1997 report on the project (Samashev, 1997); the il-

в последний год в самом храме³⁰. Это главное сооружение (выглядевшее до раскопок как холм высотой около 4 м и диаметром до 35 м, окруженный неглубоким рвом с перемычками, шириной до 8 м) (Ольховский, 1998. С. 2; Ольховский, Галкин, 1990. С. 201) было неоднократно разрушено: прежде всего, мощными землетрясениями в III-II веках до н.э. (вскоре после постройки) и после XIV века (эпицентры их находились, соответственно, к юго-востоку и к юго-западу от Байте) (Никонов, Ольховский, 2000. С. 51-54), позже – двумя грабительскими перекопами, еще позже – добычей камня для соседних поздних казахских мавзолеев. В северном отсеке, видимо, было впускное погребение знатного воина³¹, уничтоженное ранней грабительской траншеей³².

³⁰ К сожалению, основной источник информации по наиболее значимому для нашей темы храму в Байте III – полевые экспедиционные отчеты, подготовленные В.С. Ольховским в 1997-1998 годах – по неизвестной мне причине отсутствуют в архиве Института археологии РАН (лишь в Мангистауском гос. историко-культурном заповеднике есть один из них: Ольховский, 1998), а в архиве аналогичного Института МОН РК в Алматы хранится только краткий отчет по проекту за 1997 год (Самашев, 1997); иллюстрации в нем довольно низкой качества и, например, известная плита из западной части храмового двора (Ольховский, Яценко, 2000. Рис. 4) (рис. 3) в нем не документирована. Храм (вначале был назван «курганом 2») начали вскрывать в 1997 году (западная часть), а в основном он раскопан в решающем 1998 году. В 2000 году он был засыпан вновь, и сегодня проверить некоторые детали уже невозможно. Подробный план всего святилища (с размещением статуй, жертвенников и т.п.) и после завершения работ создан не был; в итоговом отчете представлен и затем опубликован лишь схематический план на начало исследований (Ольховский, Галкин, 1990. Рис. 2). Общий план объекта составлен мною осенью 2017 года на основе фрагментарных описаний (рис. 2, 1).

³¹ Здесь обнаружены несколько костей верхней части скелета умершего в возрасте до 25 лет, по две бронзовых и костяных стрелы, три железных пластины панциря, бронзовая пронизка ремня, фрагменты лепного сосуда (Ольховский, 1998. С. 14-16).

³² В первый раз грабители (работавшие со знанием дела) проникли во дворик через угол СЗ контрфорса; от этой точки они провели в разные стороны три лаза высотой около 90 см выше полов; видимо, они разрушили богатую впускную могилу. Вторая группа грабителей была менее опытна и удачлива: они приняли

prior to the excavation had the form of a hill 4 m high and 35 m across encircled in a shallow ditch with occasional bridges up to 8 m wide (Olkhovsky, 1998. P. 2; Olkhovsky, Galkin, 1990. P. 201), had collapsed many times in its history, firstly and largely through a series of earthquakes in the 3rd-2nd centuries BC (soon after the building) and after the 14th century (the epicenters were to the south-east and south-west of Bayte, respectively) (Nikonov, Olkhovsky, 2000. PP. 51-54), later through digging of the site for the looting purposes, and yet later its masonry was disassembled and the stone used in the construction of the later Kazakh mausoleums in the neighbourhood. The northern section had, probably, contained an undercut grave of a noble military man³¹, which was destroyed by the earlier of the robbers' ditches³². The only stone statue found inside the temple (in a robbers' ditch over the supposed grave)

illustrations in it are of a relatively poor quality, while some of the objects, such as the mentioned slab from the western part of the temple court (Olkhovsky, Yatsenko, 2000. Fig. 4) (fig. 3) are not recorded in it at all. The excavation of the temple (initially denominated barrow 2) began in 1997 (the western portion), but most of it was excavated in the crucial year of 1998. In 2000 it was covered with earth again, and currently it is impossible to check some details. No detailed layout of the sanctuary (showing the positions of the statues, altars and so on) was developed even after the work had been completed; the final report contains only a sketch of the site (which was later published) as it was in the beginning of the archaeological research (Olkhovsky, Galkin, 1990. Fig. 2). I developed a general plan of the object based on fragmentary descriptions in autumn 2017 (fig. 2, 1).

³¹ A few bones from the upper part of a skeleton of a man who died at the age of 25, two bronze and two bone arrows, three iron plates from an armour, the prong of a belt and fragments of handmade ceramics were found there (Olkhovsky, 1998. PP. 14-16).

³² In the first case the robbers, who were quite skilled in their business, penetrated into the court via the corner of the north-western buttress; from that point they made three manholes at about 90 cm above the floor; probably, they destroyed the rich undercut grave. The second group of robbers was less experienced and fortunate: as initially did the archaeologists, they took the ruins of the temple then already covered with earth for a large mound; they entered via the corner of the south-western buttress and, excavating the floors, moved along the walls of the western section (Olkhovsky, 1998. PP. 20-21) (fig. 2, 5).

Возможно, позже над этой могилой была поставлена и единственная каменная статуя, найденная внутри храма (в грабительском лазе над предполагаемой могилой), взятая из наружной дуги изваяний (рис. 5, 3).

Вероятно, именно крупное землетрясение вскоре (около III-II веков до н.э.) во всем регионе привело к тому, что Байте и другие устыртские святилища *активно* функционировали очень недолго (ср. Дженито и др., 2000. С. 16)³³.

В 1998 году выяснилось, что первоначальная высота стен двухъярусного купольного здания храма (оно не имело входа снизу, во дворик спускались с южной стороны по трехметровой лестнице из 14 ступенек с верхнего яруса: рис. 2, б) достигала 6-7 м (Olkhovsky, 1999) или же не менее 10 м (Самашев и др., 2011. С. 19). Внешний диаметр расчищенного сооружения оказался равен 19 м (рис. 2, 1-3). Миниатюрный мощный внутренний дворик диаметром 9,5 м был в форме мальтийского креста с «концами»-коридорами длиной 3-4 метра (ориентированного строго по сторонам света) (Ольховский, 2001) (рис. 2, 4)³⁴. Инте-

might have later been taken from the arc of statues and placed on the grave (fig. 5, 3).

Probably, the major earthquake that shook the entire region soon after the construction of the complex in around the 3rd-2nd century BC was the reason why Bayte and other sanctuaries on the Ustyurt Plateau were *active* for such a short time (cf. Genito et al., 2000. P. 16)³³.

In 1998 it turned out that the initial height of the walls of the two-tier domed structure of the temple (it could not be accessed from the ground level – the way into the court led along a 3-metre 14-step stairway descending from the upper tier in the southern side: fig. 2, б) was 6-7 m (Olkhovsky, 1999) or not less than 10 m (Samashev et al., 2011. P. 19). The outer diameter of the disclosed building was 19 m (fig. 2, 1-3). The tiny paved inner court 9.5 m in diameter had the form of the Maltese Cross, the end-corridors 3-4 m long oriented accurately to the points of the compass (Olkhovsky, 2001) (fig. 2, 4)³⁴. Interestingly, the builders preferred the harder oolite limestone

занесенные уже грунтом руины храма, как и археологи вначале, за большой курган; войдя с угла ЮЗ контрфорса, они вскрывали полы, идя вдоль стенок западного отсека (Ольховский, 1998. С. 20-21) (рис. 2, 5).

³³ Вначале, до привлечения специалистов, раскопщик предполагал, что имеет дело, прежде всего, с сознательным разрушением храма людьми (Ольховский, 1998. С. 5). Видимо, именно в ходе землетрясений стены дворика заметно наклонились внутрь, в юго-восточной стене (со стороны эпицентра) возникла вертикальная трещина, в восточном отсеке нижние плиты деформировались и дали трещины; внешняя облицовка стен всегда падала наружу.

³⁴ Внешняя и внутренняя облицовка стен состояла из тщательно подогнанных (без раствора) плоских каменных плит (наружная, обвалившаяся слоями наружу и сохранившаяся *in situ* до 7-16 рядов кладки около 1,0×0,7×0,3 м, даже производила впечатление полированной), которые клались на особую глинистую поверхность; забутовка стены (толщиной 4,5 м) была из каменных обломков и грунта. Дворик был замощен каменной плиткой на «подушке» из суглинка. Эти неправильной формы плитки (чаще близкие к четырехугольнику размером около 6 см) были тщательно подогнаны и уложены до сооружения стен, обра-

³³ Initially, before the specialists were involved, the excavator supposed that the temple had mostly been deliberately demolished by people (Olkhovsky, 1998. P. 5). Probably, it was the earthquake that bent the walls of the court inside noticeably, made a vertical crack in the south-eastern wall (from the epicentre's side) and deformed and cracked the lower slabs in the eastern section; the walls' exterior facing has always fallen off outside.

³⁴ Both inside and outside the walls were faced with flat stone slabs fitted (without plaster) neatly to each other (the outer facing that had fallen off outside in layers and remained *in situ* up to 7-16 rows of stones each about 1.0 x 0.7 x 0.3 m even looked like glazed), which were applied to a special clayey surface; the rubble of the walls (4.5 m thick) consisted of stone debris and earth. The court was paved with stone plates put on a loam 'bed'. These irregular plates (mostly roughly quadrangular about 6 cm in size) were laid before the construction of the walls and fitted to each other carefully so that they made up a very solid structure which withstood the collapse of the walls many tones in weight during the earthquake (fig. 2, 4). The upper tier and dome rested on four massive buttresses. In the centre of the court there was a small square altar about 90 cm in size, which judging from the remains found on it was used to light fire and fry parts of animal carcasses (fig. 2, 6). The remains found on the altar were the latest offerings and consisted of the bones of wild ungulates and sheep (Olkhovsky, 1998. P. 12).

ресно, что для большинства объектов здесь старались использовать более твердый оолитовый известняк, который приходилось привозить за 5 км, через глубокий овраг, из каменоломни в Байте II (Вязникова, 2000. С. 40).

Размещение знаков тамг/нишан в Байте³⁵.

Здесь, прежде всего, было обнаружено **четыре скопления (участка) тамг на стенах внутреннего крестовидного дворика** (далее рассматриваются под номерами, по мере убывания числа знаков) (рис. 3). Расположение знаков в храме, думается, *соответствовало поведению паломников в нем*: во внутреннем сакральном дворике они очень редки напротив входа (в «святая святых»), отсутствуют на полу; два основных скопления из четырех сконцентрированы по правую (наиболее значимую), восточную сторону от входа. На внешней облицовке (участок 5) малочисленные знаки (16 экз. среди сюжетных рисунков) гравировались при входе. Само наличие нескольких больших скоплений на строго определенных малых участках стен храма вокруг центрального алтаря (в нашем случае чаще на уровне глаз человека и несколько выше³⁶), как мне уже не раз приходилось от-

зую очень прочное сцепление (которое выдержало вес многотонной массы стен при землетрясениях) (рис. 2, 4). Верхний ярус храма и купол поддерживали четыре массивных контрфорса. В центре дворика стоял небольшой квадратный алтарь размером около 90 см, на котором, судя по остаткам, разжигали огонь и жарили части туш животных (рис. 2, б). На алтаре сохранились в основном остатки наиболее поздних приношений, среди них – кости диких копытных и овец (Ольховский, 1998. С. 12).

³⁵ К сожалению, тамги заинтересовали раскопщика уже после завершения работ на памятнике, в ходе разговоров со мною (см. весьма полезный результат: Ольховский, 2001). Поэтому в ходе раскопок два из пяти их основных скоплений (уч. 4 и 5) вообще не были нанесены на чертежи, а участок 3 сфотографирован лишь частично. Неизвестны места размещения изваяний с тамгами на площади святилища, и только для одного из них был указан масштаб (Ольховский, Галкин, 1990. Рис. 6, б) (рис. 5, 2); нет масштаба и для одной из повозок с тамгами.

³⁶ Утверждение В.С. Ольховского, что все тамги располагались на стенах в диапазоне от 1 до 1,8 м (Ольховский, Яценко, 2000. С. 306), не совсем точно: на поле-

for most of the objects at the site, which they had to carry across the deep gully from a stone quarry at Bayte II 5 km from Bayte III (Viaznikova, 2000. P. 40).

Disposition of tamgas/nishans at Bayte³⁵.

The focus here is on **four clusters (sections) of tamgas discovered on the walls of the inner cruciform court** (they are numbered in decreasing order based on the number of tamgas in a cluster) (fig. 3). The disposition of the signs in the temple, probably, *corresponds with the pilgrims' behaviour with respect to it*: there are extremely few of them in the sacral inner court opposite the entrance ('holy of holies'); no tamgas were found on the floor; two main clusters are located on the right, eastern (most important) side from the entrance. The exterior facing (section 5) contains few tamgas (16 signs amid descriptive drawings), which were engraved at the entrance. As I have already noted, the fact of numerous signs forming several dense clusters in certain small areas on the walls of the temple around the central altar (in our case mostly at the height of human eyes or a little higher³⁶), may indicate the number of adult men taking part in a specific major act (see, e.g., Yatsenko, 2001. PP. 80-81). Usually images on one slab formed

³⁵ Unfortunately, the excavator took interest in the tamgas only during a talk he had with me, when all work at the monument had been already completed (see a very useful outcome: Olkhovsky, 2001). Therefore, in the course of the excavation two of the five main clusters of tamgas (sections 4 and 5) were not marked on the plans at all, while section 3 was photographed only in part. The locations of sculptures with tamgas across the territory of the temple are unknown, and only one of them was scaled (Olkhovsky, Galkin, 1990. Fig. 6, b) (fig. 5, 2); one of the carts with tamgas has no scale, either.

³⁶ V.S. Olkhovsky's assertion that all the tamgas were disposed on the walls at heights between 1 and 1.8 m (Olkhovsky, Yatsenko, 2000. P. 306) is not quite true: as we can clearly see in a photo of section 2 made in the course of the research, almost half of the 92 signs are disposed higher than an average human stature. The descriptive tamgas and graffiti on the structure's exterior facing at the entrance were engraved (judging by the state of the collapsed walls) at a height between 0.7 m and 2.0 m (Olkhovsky, 1998. PP. 29-30).

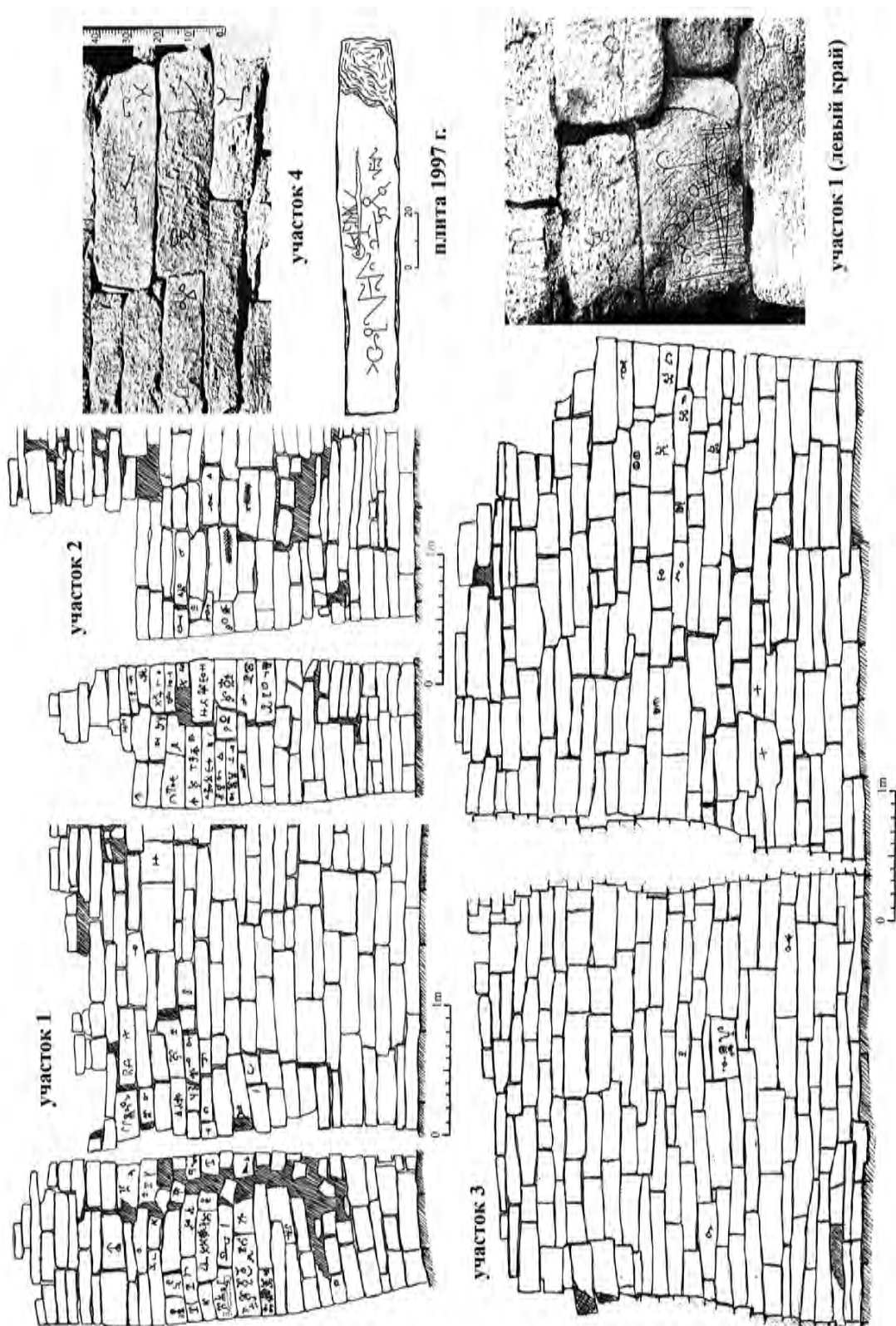

Рис. 3. Основные участки нахождения тамг в situ во внутреннем дворе храма: уч. 1-3 – чертежи А.Е. Астафьева; уч. 4 – Самашев, 1997. Рис. 26; деталь уч. 1 – Ольховский, 1998. Рис. 32; плита 1997 г. – Ольховский, Яценко, 2000. Илл. 3

Fig. 3. Main tamga accumulations in situ in the temple's inner court: sections 1-3 – plans by A. E. Astafiev; section 4 – Samashev, 1997. Fig. 26; fragment of section 1 – Olkhovskiy, 1998. Fig. 32; slab, 1997. – Olkhovskiy, Yatsenko, 2000. Ill. 3.

мечать, может означать число взрослых мужчин – участников конкретной крупной акции (см., например, Яценко, 2001. С. 80-81). Обычно изображения на одной плите образовывали нечто вроде единой композиции (в редких случаях одна тамга или сложная геометрическая фигура изображена на двух соседних плитах). Любопытной особенностью байтинской коллекции знаков является то, что одна и та же форма часто (для 46 типов знаков) представлена *неоднократно*, 2-6 раз (нумерация – по рис. 6)³⁷, причем такие тамги подчас размещались *рядом парами*. Это означает, что в некоей акции (паломничестве, ритуальном банкете, заключении клятвы в святом месте и т.п.) участвовали сразу по два представителя одного клана (см. Яценко, 2001. С. 81-83. Рис. 1, 3; 9-12). Обычно (кроме №№ 123, 168) речь идет о знаках сравнительно простых форм. Особый интерес представляют знаки, которые встречены более двух раз; часто такие тамги в Байте были нанесены на разные участки или объекты, то есть представители таких кланов здесь бывали по важным поводам не единожды.

Сейчас я решил проявить бóльшую осторожность в выделении типов знаков. Так,

---

вом фото участка 2 хорошо видно, что почти половина из 92 знаков располагалась выше среднего человеческого роста. На наружной облицовке здания у входа сюжетные граффити и тамги гравировались (судя по состоянию рухнувших стен) на высоте от 0,7 до 2 м (Ольховский, 1998. С. 29-30).

³⁷ Это знаки №168 (уч. 1); №№ 9, 15, 20, 22, 23, 135, 136, 163 (уч. 1, 2); №№ 1, 11 (уч. 1, 2, 3); №№ 65, 84 (уч. 1, 2, плиты); №13 (уч. 1, 2, 3, плиты); №40 (уч. 1, 2, 4); №№ 24, 38, 54 (уч. 2); №19 (уч. 3); №123 (уч. 4); №36 (уч. 2, 4); №№ 16, 149 (уч. 2, 5); №№ 25, 53, 60, 134, 137, 140, 229 (плиты); №№ 39, 42, 57, 168 (уч. 1, плиты); №№ 52, 91, 232, 239 (уч. 2, плиты); №28 (уч. 4, плиты); №90 (уч. 2, статуи); №№ 31, 142 (уч. 5, статуи); №№ 32 и 114 (уч. 1, облицовка); №222 (уч. 2, облицовка). Обычно знаки встречены дважды (30 типов; причем шесть из них встречены только на одном небольшом участке (№№ 19, 24, 38, 54, 123, 168), когда два представителя одного клана отметились рядом. Трижды высекались знаки №№ 15, 20, 22, 31, 40, 42, по четыре раза – №№ 11, 16, 60, 84, 208, по пять раз – №№ 1, 65, шесть раз – №13.

a kind of uniform composition (in few cases a tamga or complex geometric figure was made on two adjacent slabs). One of the characteristic features of the Bayte collection of signs is that one form is often (in 46 types of signs) *repeated*, occurring from 2 to 6 times (numbered according to fig. 6)³⁷; moreover, some of the tamgas of this type come *in pairs side by side*. This means that two representatives of one clan took part in an act (pilgrimage, a ritual banquet, taking an oath at the holy place and so on) (Yatsenko 2001. PP. 81-83. Fig. 1, 3; 9-12). Most of the signs (except Ns. 123 and 168) were relatively simple forms. Signs occurring more than twice are of special interest: at Bayte these tamgas were often found in different sections or on different objects, which means that representatives of those clans attended the place on an important event more than once.

This time I decided to be more careful about the classification of the signs. Thus, where seemingly the same sign ‘slants’ in different directions, to the right or to the left, upwards or downwards, I preferred to distinguish 30 more signs out of these 25 duplets or triplets³⁸, rather than regard them with confidence as the same tamgas turned in different ways. I used the same method for 13 ‘pairs’ of tamgas being *mirror reflections*

---

³⁷ These are sign No. 168 (section 1); Ns. 9, 15, 20, 22, 23, 135, 136 and 163 (sections 1 and 2); Ns. 1, 11 (sections 1, 2 and 3); Ns. 65 and 84 (sections 1 and 2, slabs); No. 13 (sections 1, 2 and 3, slabs); No. 40 (sections 1, 2 and 4); Ns. 24, 38 and 54 (section 2); No. 19 (section 3); No. 123 (section 4); No. 36 (sections 2 and 4); Ns. 16 and 149 (sections 2 and 5); Ns. 25, 53, 60, 134, 137, 140 and 229 (slabs); Ns. 39, 42, 57 and 168 (section 1, slabs); Ns. 52, 91, 232 and 239 (section 2, slabs); No. 28 (section 4, slabs); No. 90 (section 2, statues); Ns. 31 and 142 (section 5, statues); Ns. 32 and 114 (section 1, facing); No. 222 (section 2, facing). Most of the signs occur twice (30 types; six of them were found in one small section – Ns. 19, 24, 38, 54, 123, and 168), when two representatives of one clan put their signs next to each other. Signs Ns. 15, 20, 22, 31, 40 and 42 occur thrice, Ns. 11, 16, 60, 84 and 208 four times, Ns. 1 and 65 five times and No. 13 six times.

³⁸ Kindred signs Ns. 1, 5, 9, 14, 17, 22, 31, 36, 39, 49, 57, 67, 84, 90, 103, 110, 124, 125, 137, 141, 163, 165, 207, 232 and 241.

если вроде бы один и тот же знак может «наклоняться» влево или вправо, вверх или вниз, то в этих 25 парах-тройках³⁸ я предпочту выделить около 30 «лишних» знаков, а не говорить уверенно об одном и том же знаке, по-разному повернутому. Это также касается и 13 «пар» тамг, являвшихся *зеркальным отражением* друг друга³⁹ (ср.: Яценко, 2001. Рис. 3, с): то, что надежно выявлено для Сарматии, недоказуемо пока для Средней Азии. Обычно знаки в Байте образуют единую линию; гораздо реже они состоят из 2-5 расположенных рядом частей⁴⁰. Здесь нетрудно выделить несколько основных формообразующих групп⁴¹.

Обратимся к наиболее крупным скоплениям / участкам знаков №№ 1-4 на стенах внутреннего двора храма. Характерно, что фигуративные изображения среди них практически отсутствуют (исключение составляют два миниатюрных изображения на участке 1).

Участок 1 (рис. 6).

Это самое значительное из скоплений; оно включает 98 знаков, которые принадлежат к 89 различным типам. Это скопление имеет и наиболее «выигрышное» положение – сразу у входа во дворик с лестницы, по правую руку⁴².

³⁸ Речь идет о знаках, близких №№ 1, 5, 9, 14, 17, 22, 31, 36, 39, 49, 57, 67, 84, 90, 103, 110, 124, 125, 137, 141, 163, 165, 207, 232, 241.

³⁹ №№ 5 и 7, 10 и 11, 14 и 15, 33 и 34, 39 и 40, 49 и 50, 90 и 92, 114 и 116, 124 и 125, 131 и 132, 140 и 141, 166 и 167, 168а и 169.

⁴⁰ См. тамги, состоящие из двух отдельных элементов (№№ 20, 42, 51, 61, 99, 234), из трех (№№ 21, 35, 52, 100, 109, 173) и пяти отдельных элементов (№272).

⁴¹ К числу наиболее распространенных на разных участках относятся тамги в виде круга или треугольника с 1-2 дополнительными элементами; вариации разных дуг; сложные знаки с нижней основой в виде полуовала (вроде №168а); вариации букв Т, Н, У, Р; с крестовидной основой.

⁴² Судя по тому, что на ведущей туда сверху лестнице были сильно стертые только верхние (входные) ступеньки, похоже, что значительное число паломников вообще не спускались в узкий дворик – наиболее сакральную его часть (где и гравировали почти все знаки, и где у основного алтаря совершались важнейшие жертвоприношения), а ограничивались тем, что совершали молитвы, стоя наверху. Вероятно, в нанесении

of one another³⁹ (cf.: Yatsenko, 2001. Fig. 3, c): what is right for Sarmatia is still improvable for Central Asia. Most of the signs at Bayte form single lines; in many fewer cases they consist of 2-5 parts adjacent to each other⁴⁰. By their forms they can be divided into several main groups⁴¹.

Let us deal with the largest clusters/sections of signs – Ns. 1-4 on the walls of the temple's inner court. Interestingly, they contain very few figurative images (only two tiny images in section 1).

Section 1 (fig. 6).

This is the largest of clusters comprising 98 signs of 89 different types. This cluster takes the most 'advantageous' position – in the court, immediately to the right of the stairway⁴². Most of the tamgas there are situated at the head's level and form *eight* main horizontal rows on the narrow slabs of the masonry. Possibly, this number is not accidental, as it was particularly important in the Sarmatian and Ossetian tradition (Yatsenko, 2005. P. 115). The cluster is highly compact, with only some 4 or 5 signs on the bottom and on the right situated at some distance from the 'core'. It is quite possible that the engraving of signs within the compact core in this section was a part of some single collective act which needed to be performed in a sacred place (in this case several

³⁹ Ns. 5 and 7, 10 and 11, 14 and 15, 33 and 34, 39 and 40, 49 and 50, 90 and 92, 114 and 116, 124 and 125, 131 and 132, 140 and 141, 166 and 167, 168а and 169.

⁴⁰ See tamgas consisting of two (Ns. 20, 42, 51, 61, 99 and 234), three (Ns. 21, 35, 52, 100, 109 and 173) and five (No. 272) separate elements

⁴¹ The most typical for different sections are tamgas in the form of a circle or triangle with 1 or 2 additional elements; variants of arcs; complex signs with the base in the form of a semi-oval (such as No. 168а); variants of letters T, H, Y and P; with the cruciform base.

⁴² Based on the fact that only the top steps of the stairway (at the entrance) leading into the narrow court were heavily worn, it is likely that most of the pilgrims never descended into this most sacral part (where most of the signs were engraved and the most important offerings were made at the main altar), but prayed standing at the top. Probably, not every visitor used to take part in making signs, but only those who needed it most and/or the most important of them.

Тамги наносились здесь, в основном, на уровне головы и образовывали *восемь* основных горизонтальных рядов на узких плитах каменной кладки. Это число, возможно, неслучайно, т.к. оно было особо значимым в сармато-осетинской традиции (Яценко, 2005. С. 115). Для скопления характерна большая компактность, дальше от «ядра» находятся лишь 4-5 знаков внизу и справа. Не исключено, что знаки в компактном ядре этого участка относились к некой одной коллективной акции, по необходимости проводившейся в святом месте (в таком случае, в ней участвовали подчас по несколько представителей одного и того же клана или большой семьи). Это скопление отличается от более скромных и наличием двух миниатюрных сюжетных изображений (знамя по левому краю и фигурка козлика по верхнему). Из типов знаков здесь часто встречаются созданные на основе кружка с одним отростком, треугольника, крючка, одиночной линии, буквы Р, производные от №168. Понятно, что весьма высокий процент типов знаков в таком скоплении составляют тамги сугубо местных кланов. Но куда важнее то, что 42 типа знаков из 89 имеют точные аналоги именно в Сарматии начала I – середины III века н.э. и 5 – близкие аналогии, то есть 53% из них. Среди них есть как *среднесарматские*, I – начала II века (№№ 9 и 11, 14 и 15, 20, 36, 70, 103, 124, 163, 164, 179, 208), так и *позднесарматские* (№№ 77, 114, 124, 126, 147, 192; близкие аналогии – №71)⁴³, другие пока не имеют узкой даты бытования и датируются в пределах начала I – середины III века, так как они происходят из долго использовавшихся скоплений / «энциклопедий» (Драчук, 1975. Табл. XXXV-LII; Яценко, 2001. Рис. 9-13 и

знаков участвовали далеко не все посетители, а только наиболее нуждавшиеся в этом и/или наиболее значимые из них.

⁴³ Соответственно, это среднесарматские 5/48, 5/51, 5/62, 4/16, 5/44, 5/14, 5/5 и 5/41; позднесарматские 6/81, 6/108, 24/II/d, X/771, XI/V/12/2, близкие – 15/13. Здесь и ниже **приняты сокращения**: Драчук, 1975. Таб. IX, 817 = IX/817; Яценко, 2001. Рис. 5/14 = 5/14 или рис. 12 = 12; Соломоник, 1959. №23 = №23; Емец, 2012. №67 = E №67; Сапрыкин, Масленников, 2007. №362 = CM №362.

representatives of one clan or family might take part in the act). This cluster is also different from the other more modest one in that it has two tiny descriptive images (a standard at the left edge and a figure of a goat at the top). The prevailing types in this cluster are those based on a circle with one branch, a triangle, a hook, a single line and letter P, all of which are variations of No. 168. A vast portion of the tamga types in such a cluster is strictly specific to local clans. But it is much more important that 5 of the 89 sign types are very similar and 42 (that is, 53% altogether) are *completely identical to Sarmatian ones dated to the early 1st-middle 3rd centuries AD*. Those include *middle Sarmatian* signs dated to the 1st-early 2nd centuries (Ns. 9 and 11, 14 and 15, 20, 36, 70, 103, 124, 163-164, 179, 208), and *late Sarmatian* ones (Ns. 77, 114, 124, 126, 147 and 192; similar sign – No. 71)⁴³; others cannot be referred to a specific period and are usually dated between the early 1st and middle 3rd centuries AD, because they were found in *clusters* / 'encyclopaedias' that had been used for a long time (Drachuk, 1975. Pl. XXXV-LII; Yatsenko, 2001. Fig. 9-13 and 20-26)⁴⁴. See also Ns. 114 and 263 at Bosporan Kingdom (CM Ns. 207, 607). Interestingly, most of the middle Sarmatian signs with identifiable location identical to our tamgas are found in *aristocratic buri-*

⁴³ The middle Sarmatian identical signs are 5/48, 5/51, 5/62, 4/16, 5/44, 5/14, 5/5 and 5/41; late Sarmatian identical signs are 6/81, 6/108, 24/II/d, X/771, XI/V/12/2, similar signs – 15/13. **Abbreviations accepted** hereinafter: Драчук, 1975. Table IX, 817 = IX/817; Yatsenko, 2001. Fig. 5/14 = 5/14 or fig. 12 = 12; Соломоник, 1959. No. 23 = No. 23; Емец, 2012. No. 67 = E No. 67; Сапрыкин, Масленников, 2007. No. 362 = CM No. 362.

⁴⁴ In the famous Sarmatian clusters: the 'inscribed slab' in Kerch – more than once – Ns. 9, 12-13, 32, 36, 47, 49-50, 65, 84, 94, 103, 136 and 141, once – Ns. 145, 168, 172 and 193. On the slab from Kryvyi Rih – Ns. 32, 36, 168, 168a, 172 and 163. On lion No 1 from Olbia – Ns. 13, 36, 65, 84, 120, 125, 135-136 and 163; on lion No. 2 – Ns. 58, 110 and 145, similar signs – No. 69. At Ak-Kay I – No 92, at Ak-Kaia II – similar sign No. 262. On the Tanais slab from Novocherkassk – No. 2, on the slab from Kerch – No. 192, on the Bosporan gravestone – No. 273, at Taman (No. 54) – close sign No. 180. In reviews on signs in Bosporan Kingdom: Ns. 20 (CM No. 205), 77 (E No. 482), 144 (CM No. 207) and 147 (E No. 96).

20-26)⁴⁴. См. также образцы №№ 114 и 263 на Боспоре (СМ №№ 207, 607). Интересно, что среднесарматские аналоги нашим знакам, когда можно уточнить их локализацию, чаще происходят из погребений *аристократии*, чего не скажешь о позднесарматских. Гораздо менее внятно выглядят точные *среднеазиатские аналоги*: они, в основном, связаны с соседним *Хорезмом* как IV-II веков до н.э. (№№ 9, 39, 125), так и I века до н.э. – III века н.э. (№103, на монетах)⁴⁵; есть и простые, бытовавшие в разных районах Средней Азии этих периодов – №№ 32, 36, 47-49, 84, 103, 135, 148. Дело в том, что все среднеазиатские аналогии – это простые формы, часто широко распространенные. Интерес представляет знак №103, форма и ориентация которого соответствует знаку хорезмийских царей около рубежа II-III веков, в частности – Артрамуша (тип Б (1) III-IV или Т 6 по Б.И. Вайнберг); он представлен на правом краю композиции. Знак №262 имеет близкую аналогию в *кушанской Бактрии* (эту и другие аналогии из Кушании см.: главу 3 и Яценко, 2001. Рис. 28, №№ 53-120).

Участок 2 (рис. 3 и 6)

Скопление на этом участке расположено на смежной стороне восточного выступа крестовидного двора и включает 92 знака, относящиеся к 78 типам. Знаки гравированы на 9 основных ярусах; подчас на одной плите умещалось до 8 знаков; композиция более разряжена по правому и к левому верхнему краям. Этот участок отличается чуть меньшей

als, which is not the case with the late Sarmatian ones. Identical *analogues from Central Asia* are much less specifiable: they are associated mainly with the neighbouring *Khoresm* and some are dated to the 4th-2nd centuries BC (Ns. 9, 39 and 125), while others to the 1st century BC-3rd century AD (No. 103, on coins)⁴⁵; there are some simple ones, which were common in different regions of Central Asia in these periods – Ns. 32, 36, 47-49, 84, 103, 135 and 148. The thing is that all Central Asian identical signs are simple forms, often quite common. Sign No. 103 is of certain interest, its form and orientation corresponding with the sign of Khorezmian kings of about the 2nd-3rd century AD, in particular, Artramush (type B (1) III-IV or T 6 according to B. I. Vainberg); this sign is present on the right edge of the composition. Sign No. 262 is very similar to a one from *Kushan Bactria* (for this and other analogues see Chapter 3 and Yatsenko, 2001. Fig. 28, Ns. 53-120).

Section 2 (figs. 3 and 6)

In this section the tamgas are clustered on the adjacent side of the eastern projection of the cruciform court and consist of 92 signs of 78 types. The signs are engraved on 9 main tiers; in some cases one slab contained 8 signs; they are less densely concentrated at the right top and left top edges. This section contains a little smaller portion of Sarmatian analogues (32 of 78 types, that is, 41%; 23 of them are identical to Sarmatian ones)⁴⁶. However, this is where the largest

⁴⁴ В знаменитых скоплениях Сарматии: «писаная плита» из Керчи – неоднократно – №№ 9, 12, 13, 32, 36, 47, 49, 50, 65, 84, 94, 103, 136, 141, однажды – №№ 145, 168, 172, 193. На плите из Кривого Рога – №№ 32, 36, 168, 168а, 172, 163. На льве №1 из Ольвии – №№ 13, 36, 65, 84, 120, 125, 135, 136, 163; на льве №2 – №№ 58, 110, 145, близкий – №69. В Ак-Кае I – №92, в Ак-Кае II – близкий №262. На танаисской плите из Новочеркасска – №2, на плите из Керчи – №192, на боспорском надгробии – №273, на Тамани (№54) – близкий №180. В сводках знаках по Боспору: №№ 20 (СМ №205), 77 (Е №482), 144 (СМ №207) и 147 (Е №96).

⁴⁵ Соответственно, это хорезмийские ранние 27/11, 27/30, 27/34: более поздняя – 28/51.

⁴⁵ They correspond with early Khorezmian signs 27/11, 27/30, 27/34: a later sign – 28/51.

⁴⁶ On the 'inscribed' slab in Kerch – Ns. 13, 54, 65, 84, 91, 104, 116, 135, 232 and 234; mirror reflection – No. 73, similar – No. 63. On lion No. 1 in Olbia – Ns. 26, 54, 84; on lion No. 2 – No. 41. In Kryvyi Rih – No. 84, at Kamyana Mohyla – No. 135. On the Tanais slabs in Novochechassk and Tanais – No. 91 (VI/378), similar – 222 (22/A), in excavation XIX in (item No. 839 in the museum) – No. 233. In Scythian Neapolis – No. 130 (IX/601), similar – No. 38 (X/764); in the European part of the Bosporean Kingdom – identical Ns. 166 (СМ Ns. 30-31), 220 (Е No. 1062), 269 (Е No. 131); similar – 269 (VII, 494), 270 (X/737). In other parts of Sarmatia: identical – Ns. 150 (4/108), 163 (5/14), 236 (5/23), 237 (25/I/17), 168 (Kirovskii I, barrow 1: Ilyukov, 2000. Fig. 7, 18-19); similar – Ns. 166 (5/12),

долей сарматских аналогов (32 из 78 типов, то есть 41%, из них 23 – идентичные формы)⁴⁶. Зато именно здесь сконцентрировано большинство тамг, имеющих точные (№№ 37-38, 166, 183, 232-233, 236) и близкие (№121) аналогии в кушанской Бактрии. Знаков, идентичных хорезмийским или с нижней Сырдарьи, здесь очень мало⁴⁷. Специфическими сериями для этого участка можно считать тамги типов № 269-271 в виде стилизованных веток, 232-234, 165-167 и двойные №38.

Участок 3 (рис. 6)

Он расположен напротив входа во дворик в предполагаемую «святая святых» храма. Возможно, поэтому здесь изображения размещены с низкой плотностью, и их немного. Всего документировано 26 знаков 22 типов. Здесь 1/3 типов (8), чуть меньше, чем на остальных участках, имеют аналогии в Сарматии⁴⁸. Другая часть тамг имеет идентичные образцы в Хорезме (№99 – 28/142, №195 – XXVII/4). Особый интерес представляет один из таких знаков – царский (№177, BI по Б.И. Вайнберг; это т.н. «основной», самый распространенный на монетах тип или тамга 4, бытует с I века н.э.). Есть и одна кушанская тамга (№195).

⁴⁶ На «писаной» плите из Керчи – №№ 13, 54, 65, 84, 91, 104, 116, 135, 232, 234; зеркально – №73, близкая аналогия – №63. На ольвийском льве №1 – №№ 26, 54, 84; на льве №2 – №41. В Кривом Роге – №84, в Каменной Могиле – №135. На танаисских плитах из Новочеркасска и Танаиса – №91 (VI/378), близкие – 222 (22/A), в 1993 г. на раскопе XIX (инв. №839 в музее) – №233. В Неаполе Скифском – №130 (IX/601), близкие – №38 (X/764); на Европейском Боспоре – идентичные №№ 166 (СМ №№ 30-31), 220 (Е №1062), 269 (Е №131); близкие аналоги – 269 (VII, 494), 270 (X/737). В других частях Сарматии идентичные – №№ 150 (4/108), 163 (5/14), 236 (5/23), 237 (25/I/17), 168 (Кировский I, курган 1: Ильюков, 2000. Рис. 7, 18-19); близкие – №№ 166 (5/12), 239 (22/A) и 260 (Новый, курган 14: Ильюков, Власкин, 1992. Рис. 6, 4).

⁴⁷ Из специфических форм это №234 в Хорезме – 27/106 и близкий №165 – 27/241 (джетыасарская культура, датируемая ныне со II-III веков н.э.).

⁴⁸ На керченской плите – №№ 13, 53, 241, на льве №1 – №13, в разных пунктах Боспора – №78 (6/76) и близкий №250 (6/17); в других частях Сарматии – №№ 9 (5/48), 11 (5/51), 265 (5/84).

number of tamgas identical (Ns. 37-38, 166, 183, 232-233, 236) and similar (No. 121) to ones from *Kushan Bactria* are concentrated. In this section there are very few signs identical to those from Khorezm or the lower stretches of the Syrdarya River⁴⁷. The section-specific tamgas are Ns. 269-271 in the form of stylized branches, Ns. 232-234, 165-167 and double No. 38.

Section 3 (fig. 6)

This section is located opposite the entrance to the court, inside the supposed 'holy of holies' of the temple. Perhaps, this is the reason why the concentration of images there is low and they are relatively few. Altogether 26 signs of 22 types were documented. About one third of all the types there (8 – slightly fewer than in the other sections) have analogues in Sarmatia⁴⁸. The other part of the tamgas has identical analogues in Khorezm (No. 99 – 28/142, No. 195 - XXVII/4). One of the signs from this group, a royal sign, is of special interest (No. 177, BI according to B. I. Vainberg; this is the so called 'basic' type, the commonest one on coins, or 'tamga 4', which had existed since the 1st century AD). There is one Kushan tamga (No. 195). No. 250, a very rare carelessly engraved sign, used to be stamped on Samarkand coins since the early Middle Ages and on behalf of the 'kagan' since the 7th century (cf. Babayarov, Umirov, 2013. PP. 147, 153-154). Tamgas with double and triple arcs Ns. 99-100 and pair of signs No. 19 are specific to this cluster.

Section 4 (fig. 6)

Next to this section a large slab with 9 antique signs was found in 1997 and is now referred to this area (fig. 3). The section was located to the left of the entrance, in the area heav-

239 (22/A) and 260 (Novyi, barrow 14: Ilyukov, Vlaskin, 1992. Fig. 6, 4).

⁴⁷ Specific forms include No. 234 in Khorezm – 27/106 and similar No. 165 - 27/241 (Jetyasar Culture currently dated to the period since the 2nd-3rd centuries AD).

⁴⁸ On the Kerch slab – Ns. 13, 53, 241, on lion No. 1 – No. 13, in different points in the Bosporan Kingdom – No. 78 (6/76) and similar No. 250 (6/17); in other parts of Sarmatia – Ns. 9 (5/48), 11 (5/51), 265 (5/84).

Очень редкий и небрежно гравированный знак №250 с начала средневековья чеканился на монетах Самарканда, а с VII века – от имени «кагана» (ср. Бабаяров, Умиров, 2013. С. 147, 153-154). Спецификой этого скопления являются тамги с двойными-тройными дугами №№ 99-100, пара №19.

Участок 4 (рис. 6)

В соседстве с ним в 1997 году была найдена крупная плита с 9 античными знаками, относящаяся к этой зоне (рис. 3). Участок находился по левую сторону от входа, в зоне активного разрушения грабителями; здесь вместе с плитой гравированы 22 знака 21 типа (рис. 6)⁴⁹. Только №123 представлен в двух экземплярах. Доля сарматских аналогов (9) близка к половине⁵⁰. Знак №155 известен как царский в Хорезме в конце римского времени (в IV веке?) (тамга 9 по Б.И. Вайнберг); он (как и знак 103 на участке 1) расположен в правом нижнем углу.

Плиты с тамгами, упавшие с внутренней кладки стен

Вне сохранившихся *in situ* стен дворика на 36 отдельных плитах упавшего нижнего яруса внутренних стен обнаружена большая серия из 11 плит с одиночными тамгами и 25 – с серией знаков; они пока не публиковались (кроме двух из первой серии); большинство из них даже не включено в отчеты (см. примеры наиболее «эффектных» из них: рис. 4). Расположение знаков среди рухнувших стен раскопщика, увы, не заинтересовало. Здесь найдено всего 98 знаков 88 типов. К сожалению, *поскольку размещение плит в кладке здесь неизвестно,*

или damaged by robbers; including the ones on the slab, there are a total of 22 engraved signs of 21 types (fig. 6)⁴⁹. Only No. 123 is present in two copies. The portion of Sarmatian analogues is about a half⁵⁰. No. 155 is known as a royal tamga in Khorezm in the late Roman Age (4th century?) (tamga 9 according to Vainberg); like tamga 103 in section 1, it is situated in the right bottom corner.

Slabs with tamgas that fell off the interior walls

Apart from tamgas on the walls in the court *in situ*, there are 36 slabs with signs (11 with single tamgas and 25 with series of signs) that fell off the walls of the lower tier; aside from two in the first series, none of them has been published so far; many of them have not even been included in reports (see the most remarkable of them in fig. 4). Unfortunately, the excavator did not take an interest in the signs on the collapsed walls. There were a total of 98 signs of 88 types found amid the debris. Unfortunately, *as we do not know the places each slab occupied in the stonework, we can only guess the orientation of the signs on these 36 slabs*, within each stone block (perhaps, it would be easiest for four royal Khorezmian tamgas, the orientation of which is known from coins: see chapter 12, fig. 2). Most of these slabs are supposed to have been on that part of the interior walls that was most heavily damaged by the main (earlier) robber's ditch (south-western buttress, the very edge of the north-eastern buttress and the northern edge of section 1) (see fig. 2 for chapter 12). About 1/3 of the tamgas are analogous to Sarmatian ones (23 identical signs and 8

⁴⁹ К сожалению, для этого участка мы располагаем только фрагментарной фотографией (Самашев, 1997. Илл. 26) (рис. 3), где видны 12 знаков, хотя в отчете следующего года утверждается, что на этой стене их было около 30 (Ольховский, 1998. С. 10). Итак, около 18-20 знаков остались не документированными.

⁵⁰ На керченской плите – №186, на льве №1 – №№ 28, 148, на льве №2 – №113; в разных пунктах Боспора – №№ 62 (XI/824), 78 (6/76) и близкая №123 (Яценко, 2009. Рис. 1, 7); в других частях Сарматии – №№ 36 (5/62), 148 (6/73).

⁴⁹ Unfortunately, the photo we possess shows only a fragment of this section (Samashev, 1997. Ill. 26) (fig. 3), where we can see only 12 signs, while the following year's report says there were about 30 signs on this wall (Olkhovsky, 1998. P. 10). So, 18-20 signs remained undocumented.

⁵⁰ On the Kerch slab – No. 186, on lion No. 1 – Ns. 28, 148, on lion No. 2 – No. 113; in different points in the Bosphoran Kingdom – Ns. 62 (XI/824), 78 (6/76) and similar sign No. 123 (Yatsenko, 2009. Fig. 1, 7); in other parts of Sarmatia – Ns. 36 (5/62), 148 (6/73).

то, соответственно, и ориентация знаков в пространстве для этих 36 плит может быть дана лишь условно, внутри каждого каменного блока (возможно, легче всего это сделать для четырех хорезмийских царских тамг, для которых ориентация документирована на монетах: см. главу 12, рис. 2). Можно предполагать, что основная часть таких плит находилась на тех участках внутренней поверхности стен, которые были более всего повреждены основным (ранним) грабительским лазом (это ЮЗ контрфорс, самый край СЗ контрфорса и северный край участка 1) (см. рис. 2 к главе 12). Около 1/3 знаков составляют сарматские аналогии (идентичных 23, близких 8)⁵¹. Не менее интересны здесь девять среднеазиатских, почти исключительно хорезмийских налогов. Только в этой группе плит присутствует серия оригинальных свастик (№№ 224-228) и знаков в форме «песочных часов» (№№ 152-154). Здесь присутствует *целая серия из четырех ранних царских знаков Хорезма I века до н.э. – I века н.э.* (№202 – тип AI, тамга 1, по Б.И. Вайнберг, наиболее ранняя из царских; №175 – тип AII, тамга 2; №176 – тип AIII, тамга 3; №201 – тип BII, тамга 5, царь Артав, I в. н.э.)⁵². Знак №175 (хорезмийская T2) явно не случайно помещен в самом центре одной из крупных плит с рядом знаков (рис. 4, I)⁵³. Знак №201 (хорезмийская T5) с конца I века до н.э. и в следующем столетии известен на парад-

similar ones)⁵¹. There also are nine analogues of Central Asian signs, the overwhelming majority of which are from Khorasm. Only this group of slabs contains a series of unique swastikas (Ns. 224-228) and signs in the form of an ‘hourglass’ (Ns. 152-154). There is also a *series of four early royal Khorasmian signs dated between the 1st century BC and the 1st century AD* (No. 202 – type AI, tamga 1, according to B. I. Vainberg, the earliest of the royal ones; No. 175 – type AII, tamga 2; No. 176 – type AIII, tamga 3; No. 201 – type BII, tamga 5, king Artav, 1st century AD)⁵². Sign No. 175 (Khorasmian T2) was placed in the very centre of one of the largest slabs amid a series of signs for some obvious purpose (fig. 4, I)⁵³. Sign No. 201 (Khorasmian T5) is known since the late 1st century BC and through the following century to be present on the ceremonial bridle used by Sarmatian noblemen in Vozdvizhenskaia and Tsarskii (4/2, 5/28). Other analogues originate from early Khorasm (6th-2nd centuries BC) (identical Ns. 56 (27/6) and 215 (27/61) and similar No. 131 (27/27); the first of them was also popular farther to the west, as far as the arrows and burial grounds of European Scythia. There also are two signs identical (Ns. 229 and 256) or similar (No. 235) to Kushan ones.

Section 5

This section is outside the temple, on the exterior facing to the left of the entrance; this part of the wall collapsed outside during an earthquake,

⁵¹ Это идентичные знаки на «писаной» плите – №№ 13, 47, 51, 65, 68, 72, 84-85, 91, 93, 138, на ольвийском льве №1 – №№ 28, 42, 175-176, на льве №2 – №111, на плитах из Танаиса – №№ 229 (VI/404), 97 (XIII/3/12), на памятниках Боспора и Крыма – №№ 27 (E № 564), 140 (6/59), 203 (5/42), 272 (6/59), на плите из Ольвии – №101 (Соломоник, №60). Близкие аналогии есть тамгам №№ 134 (лев №1, зеркально), 67 и 68 (лев №2), 83 (5/129, зеркально), 204 (7/122), 217 (5/33), 228 (7/17), 261 (22/A/3).

⁵² См., помимо публикаций: <http://www.sogdcoins.narod.ru/khwarezm/coins.html>.

⁵³ О местах размещения плит с такими царскими знаками в завале двора мы ничего не знаем. Но еще два царских знака Хорезма размещены в любопытной последовательности: в противоположных секциях двора (уч. 1 на востоке – №103, уч. 4 на западе – поздний №155), в обоих случаях – у правого края композиции.

⁵¹ These are identical signs on the ‘inscribed’ slab – Ns. 13, 47, 51, 65, 68, 72, 84-85, 91, 93, 138, on lion No. 1 in Olbia – Ns. 28, 42, 175-176, on lion No. 2 – No. 111, on slabs from Tanais – Ns. 229 (VI/404), 97 (XIII/3/12), at the monuments in the Bosporan Kingdom and Crimea – Ns. 27 (E No. 564), 140 (6/59), 203 (5/42), 272 (6/59), on the slab from Olbia – No. 101 (Solomonik, No. 60). There are signs similar to tamgas Ns. 134 (lion No. 1, mirror reflection), 67 and 68 (lion No. 2), 83 (5/129, mirror reflection), 204 (7/122), 217 (5/33), 228 (7/17), 261 (22/A/3).

⁵² Alongside publications, see: <http://www.sogdcoins.narod.ru/Khorasm/coins.html>.

⁵³ We know nothing about the disposition of slabs with such royal signs within the debris in the court. But other two Khorasmian signs were characterised by an interesting positions in relation to each other: in opposite sections in the court (section one in the east – No. 103), section 4 in the west – late No. 155), both at the right edge of the composition.

Рис. 4. Образцы плит с тамгами с внутренних стен храма, оказавшихся в завале (фото А.Е. Астафьева)

Fig. 4. Some slabs with tamgas from the interior walls of the temple found among the ruined wall (photo by A. E. Astafiev).

ной узде сарматской знати в Воздвиженской и Царском (4/2, 5/28). Другие аналогии здесь происходят из раннего (VI-II века до н.э.) Хорезма (идентичные №№ 56 (27/6) и 215 (27/61) и близкая №131 (27/27); первая из них была популярна и западнее, до стрел из могильников европейской Скифии. Есть также два знака, идентичных (№№ 229, 256) или близких (№235) кушанским.

Участок 5

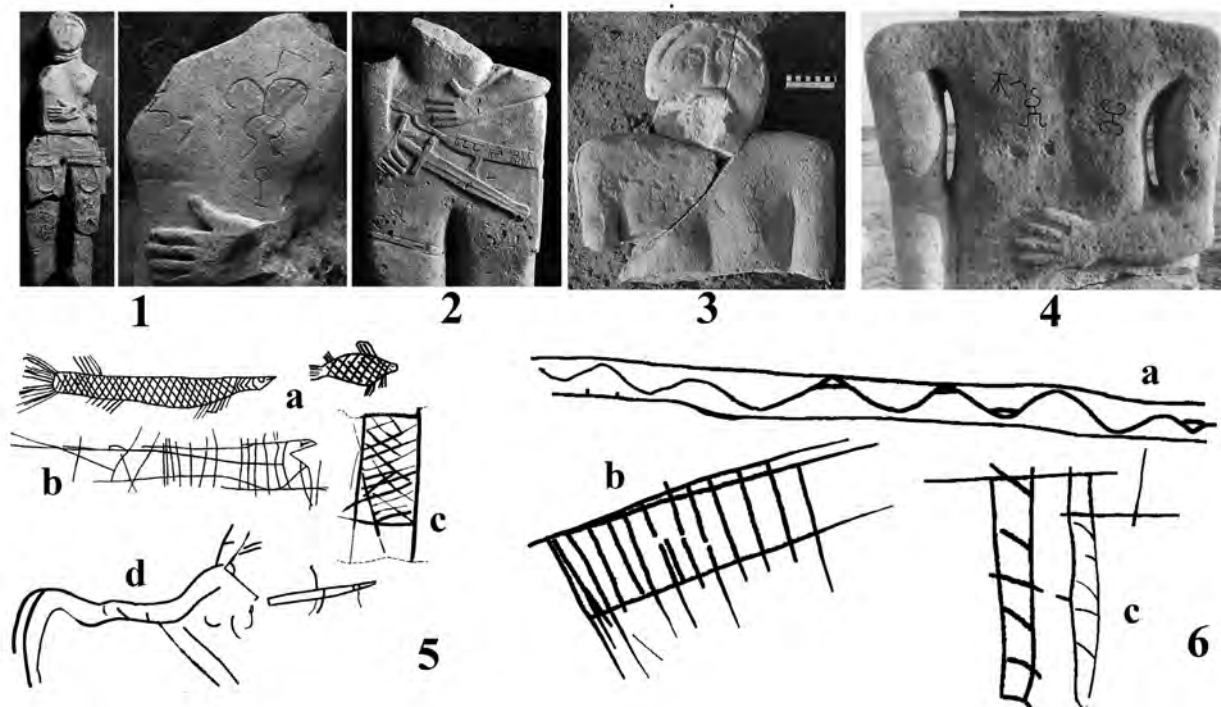
Он расположен не внутри храма, а снаружи, на внешней облицовке слева от входа; этот участок стены рухнул наружу ровными рядами в результате землетрясения, видимо – второго, произошедшего около XV века (ср. Ольховский, 1998. С. 29-30). К сожалению, раскопщики никак не фиксировали взаимное расположение упавших блоков с изображениями (они наносились на высоте от 0,7 до 2,0 м от уровня пола). При входе, с юга, на внешней облицовке стен, слева от него, на отдельных плитах компактно располагалась интереснейшая группа сюжетных граффити с зоо- и антропоморфными композициями, в контексте которых важна серия из 16 тамг 13 типов⁵⁴ (см. подробную характеристику тех и других, а также анализ аналогий этим тамгам внутри

probably the second one in about the 15th century, and fell in a regular row (cf. Olkhovsky, 1998. Pp. 29-30). Unfortunately, the excavators did not record the disposition of the fallen blocks with images, which were made at a height of 0.7 m to 2.0 m from the floor. A compact group of most interesting descriptive graffiti of zoo- and anthropomorphic compositions was found on separate slabs to the left of the entrance, on the exterior wall facing on the southern side. The most important within this group are a series of 16 tamgas of 13 types⁵⁴ (for detailed description of both the tamgas and their types and for analysis of the analogues of these signs within the temple see *Chapter 9*) and a few slabs with strips of geometric patterns (these compositions on 6 slabs consist of strips with a row of slanting lines or zigzags or an upright or slanting grid inside (see fig. 5, 6, a-c). We can find there three signs No. 16 (two on an individual slab and one under a figure of a horseman); there are two signs No. 31, both coming together with some important images – beside a stationary kibitka wagon (fig. 5, 5) and in the centre of a composition of a large horse, standard and fish (fig. 5, 8). The section includes signs identical to 1st-3rd-century Sarmatian ones (No. 16 – 5/51, No. 31 – 5/18, two engraved copies of both, No. 267 (E No. 923)) and those similar to them

⁵⁴ Это всадник со знаменем, собирающийся въехать в лабиринт, и пеший позади лабиринта; лучник, стреляющий в горного козла. Дважды здесь представлена также повозка-кибитка с расставленными в стороны оглоблями, помеченная тамгой, ниже каждой из кибиток лежат один-два падающих или уже убитых человека (тело каждого из них тоже помечено тамгой разных размеров); в одном случае под повозкой представлена ползущая змея, окруженная 4 тамгами; конь с тамгой, знамя и проплывающая рыба; олень, мимо которого плывет рыба; собственно сюжеты с рыбами (рис. 5, 5a-d): щука, нападающая на карася (?); стилизованная крупная рыба с разинутой пастью и фрагмент очень крупной вертикальной рыбы. Все основные персонажи (включая отмеченные тамгами) здесь движутся или повернуты вправо (ко входу в храм); три плиты с 1-3 знаками (фото предоставлены А.Е. Астафьевым). Напомню, что два миниатюрных сюжетных изображения есть также на участке 1, с которого, возможно, началось нанесение знаков в храме (знамя, заштрихованное параллельными полосками, по левому краю и фигурка козлика по верхнему) (рис. 3).

⁵⁴ These include a horseman with a standard who is about to enter a labyrinth and a man on foot behind the labyrinth; a bowman shooting at a mountain goat. There are also two kibitka wagons marked with a tamga, their shafts pointing sideways in different directions; below each of the wagons there is one or two falling or already killed men (the body of each of them is also marked with a tamga of a different size); one of the wagons has under it a crawling snake surrounded by four tamgas; a horse with a tamga, a standard and a swimming fish; a deer with a fish swimming past it; compositions consisting entirely of fish (fig. 5, 5a-d): a pike attacking a crucian (?); a big stylised fish with an open mouth and a fragment of a very large fish positioned vertically. All the principal characters, including those marked with tamgas, are moving or turned to the right towards the entrance into the temple; three slabs with 1-3 signs (photos provided by A. E. Astafyev). It should be kept in mind that section 1, where the custom of creating signs within the temple might begin, also includes two tiny descriptive images (a standard filled with parallel strips at the left edge and a figure of a small goat at the top edge) (fig. 3).

Рис. 5. Сюжетные композиции в Байте III: 1 – 1-2, 4 – каменные статуи с тамгами, к юго-западу от храма; 3 – статуя с тамгами из дворика храма; 5, a-d – композиции с рыбами, без включения тамг (c – фрагмент туловища); 6, a-c – орнаментальные пояса (1-2 – Самашев и др., 2007; 3 – фото А.Е. Астафьева; 4 – Ольховский, Яценко, 2000. Рис. 1; 5-6 – прорисовки С.А. Яценко)

Fig. 5. Subject compositions at Bayte III: 1 – 1-2, 4 – stone statues with tamgas south-west of the temple; 3 – statue with tamgas from the court of the temple; 5, a-d – fish composition without tamgas (c – fragment of the body); 6, a-c – ornamental strips (1-2 – Samashev et al., 2007; 3 – photo by A. E. Astafiev; 4 – Olkhovsky, Yatsenko, 2000. Fig. 1; 5-6 – outlined by S. A. Yatsenko).

храма в главе 9), а также несколько плит с полосками геометрических узоров (такие композиции на шести плитах представляют собой полосы с рядом косых линий или зигзага, или прямой или косой сеточкой внутри (см. рис. 5, б, a-c). Знак №16 видим здесь трижды (дважды на одиночной плите и под фигурой всадника); №31 встречен здесь дважды и сопровождает важные изображения: стоящую кибитку (рис. 5, 5), и находится в центре композиции с крупным конем, знаменем и рыбой (рис. 5, 8). Здесь представлены как знаки, идентичные сарматским I-III веков (№16 – 5/51, №31 – 5/18, оба гравированы дважды, №267 (Е №923) или близкие им (№267 – X/758). Другие типы распространены с рубежа н.э. в разных частях Средней Азии (№142 – 128/158, №149 – 28/149), а №197 типичен для Бактрии кушанского времени (31/I).

(No. 267 – X/758). Other types are analogous to those typical of different parts of Central Asia since the beginning of the Common Era (No. 142 – 128/158, No. 149 – 28/149), while No. 197 was common in Bactria in the Kushan period (31/I).

Tamgas on statues

Three statues found in the common line outside the temple have on them 11 signs, all of different types (fig. 5, 1-4). The statue of a warrior 4 m high, the largest one at Bayte, also has tamgas. In this site the tamgas were put on the chest of the statues. Each of them usually contained 3-4 signs⁵⁵ instead of one belonging to the 'owner' of the portrait statue, which means that these tamgas

⁵⁵ Cf. three large signs on an anthropomorphic gravestone in Panticapaeon, Kerch, used by Sarmatians for second burials (Solomonik, 1959. No. 21).

Тамги на статуях

На трех изваяниях, найденных в общей линии снаружи храма, представлены 11 типов, каждый тип – в одном экземпляре (рис. 5, 1-4). На самое крупное в Байте III изваяние воина высотой 4 м также нанесли тамги. Здесь у статуи знаки размещались на груди. На них изображались по 3-4 знака⁵⁵, а не единственная тамга «хозяина» портретной статуи, что исключает их нанесение до или вскоре после похорон и ее установки, свидетельствует в пользу большой социальной / сакральной значимости изваяний для посетителей, которые позже оставили такие знаки (в остальных же святилищах – Конай, Терен, Кызылуийк – видим одну, лишь однажды в Конае – две сходных тамги). Часть знаков этой группы уникальна и принадлежит жившим непосредственно поблизости племенам. Однако подавляющее большинство их известны в Сарматии I-III веков⁵⁶. Особый интерес из них представляет единственная статуя с одиночным знаком, известным как знак боспорского царя Иненсимея (234-239 гг.), происходящего, видимо, из донских сарматов (Яценко, 2001. С. 58. Рис. 26, d). Она изображена в значимой области сердца (рис. 5, 4). Изваяние, видимо, перемещенное внутрь храма для «сопровождения» впускной могилы знатного воина (рис. 5, 3), имело всего два знака, один из которых (№142) был широко распространен в Средней Азии (28/158). Другой, в области сердца, имеет близкую аналогию (без правого нижнего выступа) в Сарматии (точнее, встречен по два раза в крупнейших «энциклопедиях» региона – на керченской «писаной» плите и ольвийском льве №1).

Другие комплексы ранних кочевников Устюрта и Мангыстау с тамгами

В период раннего, *активного* функционирования святилища Байте III эта территория с

were not made soon after the funeral had been completed and the statue installed and that these sculptures were of great social/sacral importance for the visitors, who engraved the signs later (in other sanctuaries – Konay, Teren and Kyzyluyik – each statue had only one tamga, except for one sculpture at Konay having two similar tamgas). Some of the signs from this group are unique and specific to tribes that lived in the neighbourhood. However, an overwhelming majority of them are known from the 1st-3rd centuries in Sarmatia⁵⁶. The most interesting is the only statue with a single sign known as the tamga of Inensimeios, the King of Bosporan Kingdom (234-239), who, probably, originated from the Sarmatians from the Lower Don region (Yatsenko, 2001. P. 58. Fig. 26, d). It is located in an important part of the body, near the heart (fig. 5, 4). The statue brought inside the temple, probably, to be put in the undercut grave of a noble warrior (fig. 5, 3) had only two signs, one of which (No. 142) was quite common in Central Asia (28/158). The other one close to the heart is similar (but has no projection at the bottom on the right) to a one from Sarmatia (to be more specific, it has two analogues in the largest 'encyclopaedias' of the region – on the 'inscribed' slab in Kerch and lion No. 1 in Olbia).

Other early nomadic complexes with tamgas on the Ustyurt and Mangystau Plateaus

As Bayte III was *active* since the 4th century BC, the region is thus reliably known to be one of the earliest territories with tamgas (after Khorezm) in the western part of Central Asia (fig. 1). Some single signs have been found even farther to the east – on the local ceramics of the Chirikrabort culture by the old bed of the Syrdarya River. Apart from Bayte III, they were recorded at some other sanctuaries of different types *along the northern edge of the Ustyurt Plateau*: on the stone facing of temples (Tasastau 4) (fig. 5, 5-9; 7, 7), on only one of the numerous statues

⁵⁵ Ср. три крупных знака на вторично использованном сарматами антропоморфном надгробии из Керчи – Пантикапея (Соломоник, 1959. №21).

⁵⁶ Это идентичные №№ 6 (5/48), 31 (5/81), 90 (5/16), 113 (керченская плита), 170 (лев №1), близкий №35 (Ольвия; №60).

⁵⁶ These are identical Ns. 6 (5/48), 31 (5/81), 90 (5/16), 113 (Kerch slab), 170 (Lion No. 1), similar No. 35 (Olbia; No. 60).

Участок 1	Участок 2	Учас ток 3	Учас -ток 4	Отдельные плиты кладки	Ста- туи	Обл ицо вка
89 типов, 98 знаков	78 типов, 92 знака	22ти па, 26зна ков	21 тип 22знака	88 типов, 98 знаков	13ти пов 13зна ков	12ти пов 15зна ков

ИТОГО: 273 типа, 358 знаков.

Рис. 6. «Печатные» варианты тамг, представленные на основных объектах святилища Байте III

Fig. 6. 'Stamped' versions of tamgas in the main objects of Bayte III

IV века до н.э. была достоверно одной из ранних (после Хорезма) зон тамгопользования в западной части Центральной Азии (рис. 1). Единичные знаки встречены еще восточнее – на местной керамике чирикрабатской культуры старого устья Сырдарьи. В зоне святилищ *вдоль северного края Устюрта* они отмечены, кроме Байте III, на объектах разных типов: на камнях облицовки храмов (Тасастау 4) (рис. 5, 5-9; 7, 7), и из множества установленных при святилищах статуй – всего на одной в целом комплексе (Конай, Терен, Кызылуийк⁵⁷), что уже заметно выделяет их из прочих (рис. 5, 1-4; 7, 1-2, 4), и в одном случае – на керамике из поздних впускных погребений II-I веков до н.э. (Терен) (Самашев и др., 2007. С. 199-200) (рис. 7, 3). Наличие двух разных тамг на статуе из Коная (рис. 7, 4) не позволяет отнести их к «хозяину» статуи и его родне и датирует знаки более поздним временем. В целом датировка этих единичных, очень редких и нетипичных здесь тамг (вне Байте III) временем *активного* функционирования святилищ в IV-III веках до н.э. нуждается в серьезных доказательствах. Пять типов знаков представлены среди петроглифов каньона Каракавак на северных склонах Мангыстау (датируемых, как уже отмечалось, рубежом н.э.) (рис. 1, 7; 7, 8-9). Кроме этого, по паре тамг представлены на двух вещах из впускных могил IV-II веков до н.э. в некрополях, находящихся к западу, *на равнине*, на крайнем западе полуострова Мангышлак (Мангыстау), в Тупкараганском районе Магыстауской области, к востоку от городка Форт-Шевченко. Это Дыкылтас (IV-III века) (рис. 7, 9) и Меретсай 2 (III-II века) (рис. 7, 8) (Самашев и др., 2007. С. 159, 163).

Каково соотношение тамг из названных комплексов с найденными в Байте III? Идентичными байтинским являются оба знака на статуе из Коная (№№ 11, 14) с учетом иного

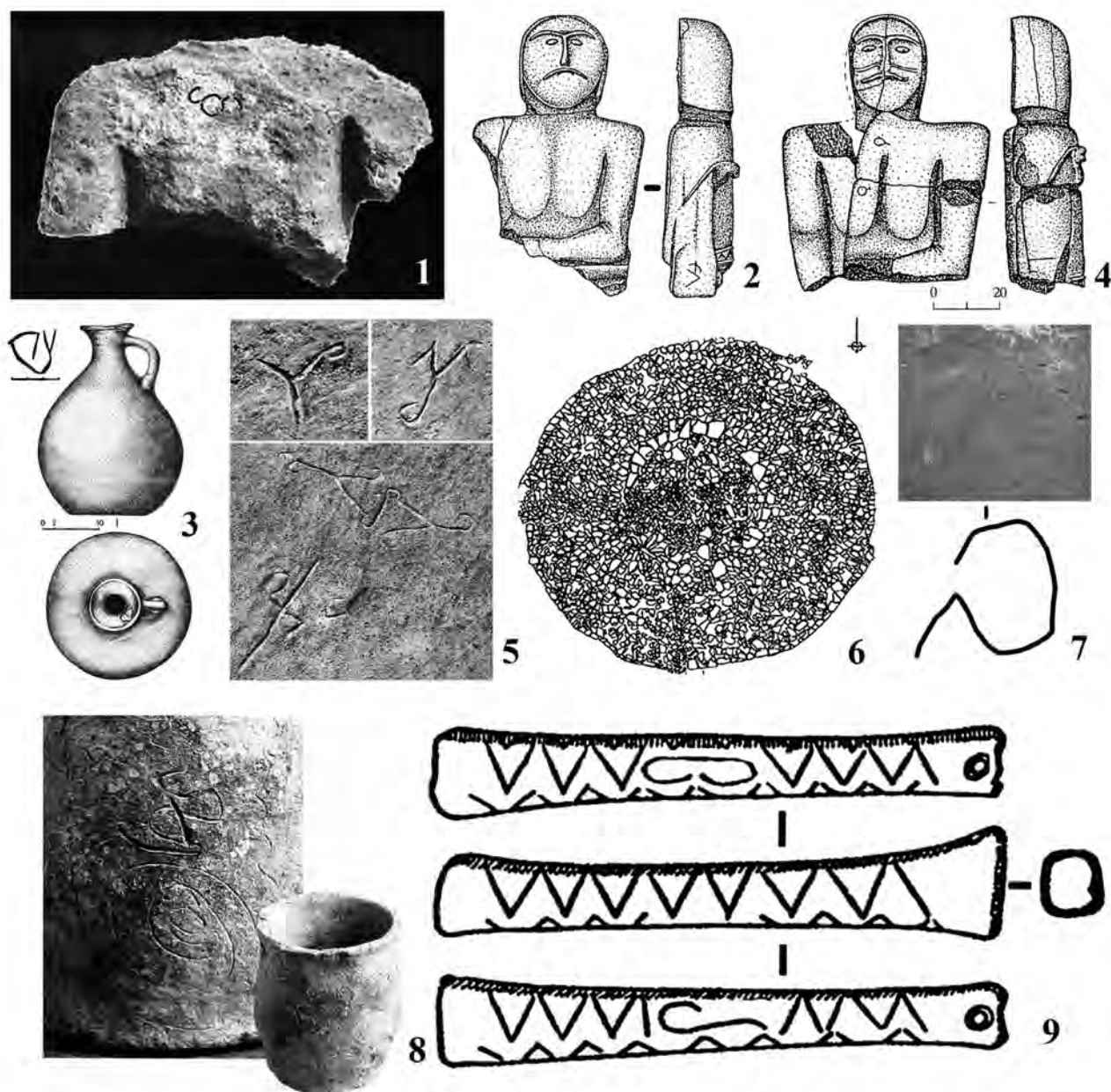
installed at the sanctuaries (Konai, Teren, Kyzyluiik⁵⁷) – this fact alone distinguishes them greatly from other complexes (fig. 5, 1-4; 7, 1-2, 4) and at one monument on ceramics from the late undercut graves of the 2nd-1st century BC (Teren) (Samashev et al., 2007. PP. 199-200) (fig. 7, 3). The presence of two different tamgas on a statue from Konai (fig. 7, 4) does not allow us to consider them to belong one 'owner' and his relatives and impel us to refer them to a later period. Actually, referring these single and very rare tamgas untypical for the region (outside Bayte III) to the *active* stage of sanctuaries in the 4th-3rd centuries BC needs more substantial proof. The petroglyphs of the Karavarak canyon on the northern slopes of Mangystau (dated, as was noted above, to about the turn of the Common Era) contain five types of signs (fig. 1, 7; 7, 8-9). In addition, a pair of tamgas can be found on each of two items from undercut graves dated to the 4th-2nd centuries BC at necropolises situated to the west, *on flatland*, at the western extremity of the Mangyshlak (Mangystau) Peninsula, Tupkaragan District, Mangystau Province, east of the town of Fort-Shevchenko. These are Dykylltas (4th-3rd centuries BC) (fig. 7, 9) and Meretsay 2 (3rd-2nd centuries BC) (fig. 7, 8) (Samashev et al., 2007. P. 159, 163).

How are the tamgas from the mentioned complexes related to Bayte III? Some of them are identical to the tamgas from Bayte: these are both signs on the statue from Konai (Ns. 11, 14), with the only difference in their placement in space, one of the tamgas on a needle case from Dakyltas (No. 36), one on a pot from Meretsai (No. 97) and one of the five tamgas in the Karakavak canyon (No. 104). Interestingly, *all the analogues have been found at monuments west of Bayte*, while those to the east (Teren, Tasastau 4, and Kyzyluiik) contain none. This fact indicates certain cultural (and ethnopolitical?) differences

⁵⁷ Кроме круглого в плане храма в комплексе Терен отмечены 9 статуй, каменные круглые жертвенные ограды и алтарики; в комплексе Конай – 2 статуи; в комплексе Кызылуийк – 15 (?) статуй, ров, полукольцо из жертвенных оград, «аллея» менгиров, каменный алтарь.

⁵⁷ Apart from a round temple, the Teren complex contains 9 statues and a number of stone-fenced round sacrificial grounds and small altars; Konai complex – 2 statues; Kyzyluiik complex – 15 (?) statues, a ditch, a semi-circle of fenced sacrificial grounds, an 'alley' of menhirs and a stone altar.

Рис. 7. Тамги на объектах Устюрта (1-4, 6-7) и Мангыстау (5, 8-9) вне святилища Байте III: 1 – Кызылуийк, статуя; 2 – Терен, статуя; 3 – Терен, сосуд из погребения; 4 – Конай, статуя; 5 – петроглифы каньона Каракавак; 6 – план храма в Тасастау 4; 7 – Тасастау 4, стена храма; 8 – Меретсай 2, сосуд из погребения; 9 – Дыкылтас, костяной игольник из погребения; 2-4, 8-9 – (Самашев и др., 2007. С. 161, 169, 181, 213-214); 1, 6-7 – (Самашев и др., 2011. Рис. 62, 64, 159); 5 – (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. Рис. 7)

Fig. 7. Tamgas at the Ustyurt (1-4, 6-7) and Mangystay objects (5, 8-9) aside from Bayte III: 1 – Kyzyluiik, statue; 2 – Teren, statue; 3 – Teren, vessel from a burial; 4 – Konai, statue; 5 – petroglyphs in the Karakavak canyon; 6 – temple plan at Tasastau 4; 7 – Tasastau 4, wall of the temple; 8 – Meretsai 2, vessel from a burial; 9 – Dykyltas, bone needle case from a burial grave; 2-4, 8-9 – (Samashev et al., 2007. PP. 161, 169, 181, 213-214); 1, 6-7 – (Samashev et al., 2011. Fig. 62, 64, 159); 5 – (Samashev, Byzylkhan, Samashev, 2010. Fig. 7)

размещения в пространстве: одна из тамг – на игольнике из Дакылтаса (№36) и одна – на горшке из Меретсая (№97), одна из пяти тамг – в каньоне Каракавак (№104). Однако *все аналогии встречены только на памятниках к западу от Байте*, в более восточных (Терен, Тасастау 4, Кызылуийк) они совершенно отсутствуют. Этот факт отражает некие культурные (и этнополитические?) различия двух территорий. Создается впечатление, что восточные соседи такое важное святилище, как Байте III, не посещали.

Уточнение датировки и историко-культурной атрибуции большинства тамг Байте III требует учесть ряд вполне очевидных фактов. (1). Если бы активное использование тамг было типично для создателей святилищ Устыурта около IV века до н.э., то мы бы встретили эти знаки в достаточном количестве в каждом из этих святилищ. Но на деле картина противоположна: в большинстве изученных святилищ знаки вообще не обнаружены, в других – встречены в 1-2 экземплярах (что не может свидетельствовать об активном тамгопользовании). (2). Около половины знаков Байте III не имеют точных аналогий и наверняка принадлежалиномадам данного и соседних небольших регионов. Однако трудно игнорировать тот факт, что высокая доля внешних точных и близких аналогий (в ключевых скоплениях – от 1/3 до половины всех знаков) связана с сарматами, жившими к западу от Волги с начала I по середину III века н.э., чаще всего с носителями *среднесарматской культуры* и во многом – ее аристократии (бывшей активным посредником в торговле и влиятельной в региональной политике). (3). У нас имеется значительное количество соответствий (21) тамгам Байте и знакам соседнего Хорезма – самого древнего и развитого района тамгопользования вокруг изучаемых святилищ – в ранний период VI-II веков до н.э.⁵⁸ Игнорировать их трудно. Еще эффективнее выглядит целая галерея из 7 знаков, известных на монетах *хорезмийских царей*, за

between the two regions. It seems, their eastern neighbours did not visit the significant sanctuary as was Bayte III.

To specify the *dating and cultural and historical stage* of most tamgas at Bayte III it is necessary to take into account a number of evident facts. (1). If the creators of the Ustyurt sanctuaries had used tamgas actively in about the 4th century BC, they would have been present in sufficient numbers in each of these sanctuaries. In reality, the situation is just contrary: most of the studied sanctuaries contain no signs at all, while in others not more than 1-2 tamgas have been found (which in no way can be an indication of an active use of tamgas). (2). About half of the signs at Bayte III do not have identical analogues elsewhere, which testifies to their specificity to nomads that were limited to the neighbouring territories. However, it is hard to deny the fact that a high portion of the signs (in key clusters from 1/3 to a half) are identical or similar to those associated with the Sarmatians that inhabited the territory west of the Volga River between the early 1st and the middle 3rd centuries AD, mostly with the bearers of the *Middle Sarmatian culture* belonging to upper classes (which were active trade mediators and took an active part in the regional politics). (3). Quite a number of tamgas at Bayte (21) are analogous to those found in the *adjacent territory of Khorezm* – the most developed area in the region where tamgas were used since the earliest time, in the 4th-2nd century BC⁵⁸. It is hard to ignore them. A gallery of 7 signs known to be present on all the coins of *Khorezmian kings*, except the earliest ones between the 1st century BC and the 1st century AD, is of even greater interest. (4). We should admit the fact that the deserts in the northern portions of the Ustyurt Plateau are characterised by harshest weather conditions and could not supply enough food and resources for large numbers of nomads even in the most 'favourable' periods. Therefore, the concentration in one place of an enormous number of signs be-

⁵⁸ Это №№ 21, 25, 28, 34, 56, 62, 65, 135-136, 165, близкие – №№ 34-35, 74, 95, 97, 106, 126, 142, 185, 232, 234 (см.: Яценко, 2001. Рис. 27).

⁵⁸ These are Ns. 21, 25, 28, 34, 56, 62, 65, 135-136, 165, similar signs – Ns. 34-35, 74, 95, 97, 106, 126, 142, 185, 232, 234 (see Yatsenko, 2001. Fig. 27).

одним исключением – самых ранних с I века до н.э. до I века н.э. (4). Стоит признать тот факт, что суровейшие пустыни на северном краю Устюрта для кочевников даже в лучшие времена «земным раем» не были и прокормить большого количества кочевников не могли. Наличие невиданного в Евразии количества знаков 273 кланов (!) в одной точке (да еще почти в половине случаев явно не местных – сарматских, хорезмийских, кангюйских, бактрийских) должно иметь особое объяснение, связанное как с прохождением через эту местность вплоть до XV века важного торгового пути из бассейна Урала в Хорезм (см. выше), так и с сакральной значимостью в древности данного конкретного святилища. (5). Приходится учесть, что заметная часть знаков в Байте (и не всегда только простых форм) имеют аналогии также на территории античной «кочевой империи» *Кангюй на Средней Сырдарье* и посткангюйских (доарабских) памятниках этого региона⁵⁹. Из *Hàn shū* (95) известно, что в 36 году до н.э. Кангюй (стабильный враг Китая и его союзников) отправил в китайскую столицу заложников с целью установления прямой торговли. При этом, по официальным данным, в I веке до н.э. и I веке н.э. происходило его постоянное усиление. В I веке н.э. уже активно функционирует «северная дорога» из китайской столицы через Фергану, Кангюй, приаральский Яньцай в Янь/Яньци (Южный Урал, богатый пушниной и золотом) (*Hou Hàn shū*, 88). Вассалами Кангюя (причем с большой данью) в это время становятся все коче-

longing to 273 (!) clans, which has not been recorded elsewhere in Eurasia (with almost half of the signs obviously not specific to the region but originating from Sarmatia, Khorezm, Kangju and Bactria), may be associated with the important trade route from the Ural region to Khorezm (see above) which went across the region up until the 15th century, as well as with the special sacral meaning this sanctuary had in the antique period. (5). It should be taken into consideration that a large portion of the signs at Bayte (including those with complex forms), are analogous to those found within the antique ‘nomadic empire’ of *Kangju in the middle stretches of the Syrdarya* and at the post-Kangju (pre-Arab) monuments in this region⁵⁹. According to *Hàn shū* (95), in 36 BC Kangju (a permanent opponent of China and its allies) sent hostages to the Chinese capital to establish direct trade. Moreover, according to official information, in the 1st century BC-1st century AD these relations were becoming increasingly strong. The ‘northern road’ going from the capital of China via Fergana and Kangju and Yancai in the Aral Sea area to Yan/Yanqi (the southern portion of the Ural region rich in furry animals and gold) was used actively in the 1st century AD (*Hou Hàn shū*, 88). All nomadic formations to the west of Kangju down to the Azov Sea, such as Yancai, Yan and Liu, became at that time the empire’s vassals paying large contributions (*Sān guó zhì*, 30). However, there was another road to the southern Ural region

⁵⁹ Например, собственно кангюйские аналогии I века до н.э. – III века н.э. (глава 6, рис. 1): из ранней цитадели Туркестана – №№ 24, 31, 41, 53, 95, 120, 136, 148-149, 267, близкие – №№ 19, 262, 273; на пряжке из некрополя Жаман Тогай – №151; в Актобе 2 в Чардаре – №97. Из *знаков посткангюйского времени* (от середины III до VIII века), при сохранении основной массы прежнего населения: из некрополя Шаушукумтобе в Шымкентском музее – №№ 57, 97, 150, 208; в некрополе Шага – №62 и близкий №220; в Сидаке – №№ 16, 27, 62, 101, 135, близкие – №№ 152, 250, 262; в Чаче (глава 6) – на городище Канка, судя по данным Г.И. Богомолова – №№ 9, 13, 16, 19, 24, 27, 31-32, 51-54, 65, 99, 103, 106, 124-125, 163, 237, 250, 267-268, близкие – №№ 81, 211.

⁵⁹ E.g., *Kangju-specific analogues* of the 1st century BC-3rd century AD (Chapter 6, fig. 1): from the early citadel in Turkestan – Ns. 24, 31, 41, 53, 95, 120, 136, 148-149, 267, similar signs – Ns. 19, 262, 273; on a buckle from the Zhaman Togay necropolis – No. 151; at Aktobe 2 in Chardara Steppe – No. 97. Among *signs of the post-Kangju period* (between mid-3rd century and 7th century), when most of the former population remained in the region: signs from the Shaushukumtobe necropolis kept in the Museum of Shymkent – Ns. 57, 97, 150, 208; at the Shaga necropolis – No. 62 and similar sign No. 220; in Sidak – Ns. 16, 27, 62, 101, 135, similar signs – Ns. 152, 250, 262; in Chach (Chapter 6) – at the Kanka hillfort, according to G. I. Bogomolov – Ns. 9, 13, 16, 19, 24, 27, 31-32, 51-54, 65, 99, 103, 106, 124-125, 163, 237, 250, 267-268, similar signs – Ns. 81, 211.

вые объединения к западу от него вплоть до Азовского моря – Яньцай, Янь и Лю (Sān guó zhì, 30). Однако в древности и средневековье существовал и путь на Южный Урал из Хорезма (Болелов, 2017. Рис. 5). Одним из его ответвлений в конце I века до н.э. – середине III века н.э. был, видимо, путь через Устырт-Мангыстау, маркируемый в этом районе серией чисто сарматских тамг в Байте III и (среди поздне-средневековых) в каньоне Каракавак, элитным «позднесарматским» погребением у бывшего оз. Батырь на юге Мангыстау и др. Наличие в караванах, проходящих по такому маршруту, купцов и проводников как из сарматов, так и из хорезмийцев, кангюйцев и бактрийцев, кажется вполне естественным. (6). Многие факты говорят в пользу того, что некоторая часть знаков в Байте была гравирована еще при активном функционировании святилища в IV-III веках до н.э. Об этом свидетельствует наличие заметного числа стертых знаков (особенно на левом краю участка 1 и на ряде плит, осыпавшихся во дворик). Как минимум, в одном случае раннее изображение знамени перекрыто серией новых тамг (рис. 3). Показательно некоторое число ранних (до конца II века до н.э.) хорезмийских знаков и отчасти точные аналогии первым тамгам Южного Приуралья⁶⁰.

Еще одна интересная особенность коллекции Байте III – довольно большое число аналогий знакам *тагарской культуры* верховий Енисея. Так, №№ 1, 13, 16-17, 24, 28, 32, 40, 48, 50, 62, 90, 104, 106, 135, 208 идентичны, а №№ 65, 141, 199 и 253 близки тамгам на плитах ограды тагарского царского кургана Салбык (Marsadolov, Yatsenko, 2004. Fig. 5). Из других элитных комплексов тагарской культуры происходят идентичные №№ 53, 65, 98, 135, 231, 233, 257 и близкие №№ 17, 272 (Семенов и др., 2003). Идентичные №№ 16, 24, 32, 47, 51, 62, 79, 88, 98, 132, 142, 267 и близ-

from Khorezm in the antique and medieval periods (Bolelov, 2017. Fig. 5). In the late 1st century BC-middle 3rd century AD one of its branches, apparently, went across the Ustyurt and Mangystau Plateaus, which was marked in this region by a series of Sarmatia-specific tamgas found at Bayte III and in the Karakavak canyon (among the ones from the late Middle Ages), by a 'Late Sarmatian' aristocratic grave on former Lake Batyr in the south of Mangystau and others. The fact that merchants and caravanners from Sarmatia, Khorezm, Kangju and Bactria used to travel with caravans following this route seems quite explicable. (6). There is much evidence of some signs at Bayte having been engraved in the 4th-3rd centuries BC, when the sanctuary was still in active use. This fact is also confirmed by a considerable number of erased signs, particularly at the left edge of section 1 and on a number of slabs that fell into the court. There is at least one case where an image of a standard was covered by a series of new tamgas (fig. 3). The existence of a certain number of earlier (before the end of the 2nd century BC) Khorezmian tamgas and some tamgas identical to the first signs of the Southern Ural region is also demonstrative in this respect⁶⁰.

Another interesting feature of the Bayte III collection is that it contains a large number of signs analogous to those from the *Tagar Culture* in the upper stretches of the Yenisei River. Ns. 1, 13, 16-17, 24, 28, 32, 40, 48, 50, 62, 90, 104, 106, 135 and 208 are identical and Ns. 65, 141, 199 and 253 are similar to tamgas on the slabs on the fence of the Tagar royal mound of Salbyk (Marsadolov, Yatsenko, 2004. Fig. 5). Other aristocratic complexes of the Tagar culture contain signs identical to Ns. 53, 65, 98, 135, 231, 233 and 257 and similar to Ns. 17 and 272 (Seменов et al., 2003). A signet in the form of a polyhedral prism from the Grobnitsa (Sepulchre)

⁶⁰ Наиболее ранние тамги, известные у кочевников Южного Зауралья в V-IV веках до н.э. (Имангазы-Карасу II: Гуцалов, Таиров, 2000. Рис. 8, 8; курган Жаксы-Карагалы: Драчук, 1975. Табл. XXI, 1), идентичны образцам в Байте (№№ 1, 142).

⁶⁰ The earliest tamgas used by the nomads of the southern portion of the Trans-Ural region in the 5th-4th centuries BC (Imangazy-Karasu II: Gutsalov, Tairov, 2000. Fig. 8, 8; Zhaksky-Karagaly barrow: Drachuk, 1975. Table XXI, 1) are identical to signs at Bayte (Ns. 1, 142).

кие №№ 27, 95, 220 представлены также на печатке в форме многогранной призмы с восемью рядами разнообразных тамг с поселения «Гробница» (Кузнецов, 2006. С. 30. Рис. 2). Между тем известно, что обширной международной торговли в западном направлении тагарское общество не вело. Объяснение обилия в Байте «тагарских» знаков кажется мне весьма простым. Данными антропологии установлено, что носители ранней фазы *позднесарматской культуры* (политическим центром которых в середине II века н.э. стал Южный Урал и которые, судя по другим тамгам Байте, активно участвовали в торговле по данной трассе) генетически связаны именно с поздними «тагарцами» (Балабанова, 2012). Поскольку тамги *восточных районов* позднесарматской культуры все еще изучены куда хуже, чем у их «собратьев» на Нижнем Дону, Боспоре и в «варварских» районах Крыма (Яценко, 2001. Рис. 6.). Логично предполагать, что большинство «тагарских» тамг принадлежали на деле людям уральской и некоторых более восточных групп «поздних сарматов».

Я думаю, что ни цари соседнего Хорезма, ни пользовавшаяся римской и персидской роскошью сарматская аристократия не только никогда не бывали в уединенном и пустынном Байте, но, возможно, даже и не слышали о нем. Однако эта местность лежала на важном торговом пути, по которому перемещались не только товары, но и люди (торговцы, проводники, дипломаты, небольшие группы номадов). Полуразрушенный храм в Байте благодаря этому на рубеже н.э. обрел новую жизнь. Его маленький дворик в это время не был приспособлен для отдыха путешественников, но стал местом молитв и переговоров... Мы приходим к неожиданному выводу, что совокупность позднеантичных знаков Байте III представляет собой мультикультурный феномен, связанный с мировой торговлей римского времени.

site has eight rows of diverse tamgas, some of which are identical to Ns. 16, 24, 32, 47, 51, 62, 79, 88, 98, 132, 142 and 267 and similar to Ns. 27, 95 and 220 (Kuznetsov, 2006. P. 30. Fig. 2). At the same time, we know that the Tagar people did not trade actively with the territories to the west of them. I think the large number of Tagar signs at Bayte can be explained in a simple way. Anthropological research established that representatives of the early stage of the *Late Sarmatian culture* (whose political centre was the Southern Ural region in the 2nd century AD and who, judging by other Bayte tamgas, were trading actively along this route) were genetically related to the people from the late Tagar culture (Balabanova, 2012). As late Sarmatian tamgas from the *eastern territories* of the culture are still much less studied than those from the lower stretches of the Don, Bosporan Kingdom and the 'barbaric' territories of Crimea (Yatsenko, 2001. Fig. 6.), it is quite logical that most of the 'Tagar' tamgas in reality belonged to 'Late Sarmatians' inhabiting the Ural region and some other territories further to the east.

I am of an opinion that neither the kings of neighbouring Khorezm nor the Sarmatian aristocracy which enjoyed the Roman and Persian luxury ever visited solitary Bayte situated in the deserted area or, perhaps, even heard about it. However, this area was crossed by an important trade route used by merchants, traders, caravaners, diplomats and small groups of nomads. This revived the semi-ruinous temple at Bayte at the turn of the Common Era. At that time its small court could not be used by travellers for relaxation, but it became a place where they prayed and conducted negotiations... Thus, we have come to an unexpected conclusion that the collection of late antique signs at Bayte III is a multicultural phenomenon connected with the international trade conducted on the global scale at the Roman time.

ГЛАВА 3 ТАМГИ БАКТРИИ / ТОХАРИСТАНА

Дж.Я. Ильясов

Бактрия, регион с древней и богатой культурой, занимавшая территорию между мощными горными массивами, а именно Гиссарским хребтом на севере и Гиндукушем на юге, делилась Оксом–Амударьей на северную и южную части. По современной географической номенклатуре в нее входили земли Южного Узбекистана и Южного Таджикистана, а также Северный Афганистан. После прихода во II веке до н.э. на эту территорию тохаров (юэчжей) Бактрию стали именовать Тохаристаном («Страна тохаров»). Еще недавно считалось, что древнейшее упоминание этого названия датируется 383 годом (Литвинский, Соловьев, 1985. С. 119). Однако новая бактрийская надпись на серебряном сосуде, опубликованная Н. Симс-Вильямсом, позволяет говорить о том, что самое раннее из известных на сегодняшний день упоминаний данного термина относится к эпохе Канишки I (ок. 127-150 гг.), примерно к 137 году н.э. (Sims-Williams, 2015. PP. 255, 257, 261).

История изучения

Изучение знаков Бактрии/Тохаристана было связано, в первую очередь, с изучением кушанской, кушано-сасанидской, хионито-эфталитской и тюркской нумизматики этого региона. Интерес к ним появился вместе с зарождением научного интереса к истории Кушанской империи, когда в результате деятельности Чарльза Массона и других ранних исследователей начали формироваться первые коллекции монет этого государства и разрабатываться принципы их изучения.

В области изучения знаков на монетах Кушан, Кушано-Сасанидов и «иранских хуннов» прежде всего назовем работы австрийского ученого Роберта Гёбля. Им приведены

CHAPTER 3 TAMGAS OF BACTRIA / TOKHARISTAN

J. Ya. Ilyasov

Bactria, a region of rich ancient culture which occupied the territory between two major mountain ranges, the Hissar Range in the north and Hindu Kush in the south, was divided into the northern and southern parts by the Oxus (Amudarya) River. Using the modern geographic nomenclature, it comprised the territories of today's southern Uzbekistan and Tajikistan and northern Afghanistan. After the migration of the Yuezhi to this territory in the 2nd century BC, Bactria was renamed Tokharistan ('the land of the Tokhari'). Until quite recently specialists considered that for the first time this name was mentioned in 383 (Litvinsky, Soloviev, 1985. P. 119). However, a Bactrian inscription on a newly discovered silver vessel published by N. Sims-Williams shifted the earliest use of this term to the reign of Kanishka I (circa 127 – circa 150), to about 137 AD (Sims-Williams, 2015. PP. 255, 257, 261).

Research History

The study of signs in Bactria/Tokharistan was connected primarily with the research into the Kushan, Kushano-Sasanian, Xionite, Hephthalite and Turkic coins used within the region. The interest in them grew together with the academic interest in the history of the Kushan Empire, when Charles Masson and other early researchers developed the principles of study of Kushan coins and their work resulted in the formation of earliest collections.

One of the key researchers into the signs on Kushan and Kushano-Sasanian coins, as well as the coins of the 'Iranian Huns', was Austrian specialist Robert Göbl. He provided much data on the tamgas of the Kushan and Kushano-Sasanian dynasties (Göbl, 1984. Taf. VIII). The coins of the 'Iranian Huns' from numerous issues

данные по тамгам Кушанской и Кушано-Сасанидской династий (Göbl, 1984. Taf. VIII). Монеты «иранских хуннов», известные по многочисленным эмиссиям, которые досконально классифицировал Р. Гёбль, содержат портреты правителей, надписи бактрийским (основанном на греческом алфавите) и индийским письмом, а также тамги, введенные либо в первоначальный штемпель, либо нанесенные в виде надчекана. Данные о монетах и тамгах исследователь обобщил в своем капитальном четырехтомном труде (Göbl, 1967. II. PP. 202-219; IV. Taf. 14-17). За 50 лет, прошедших после этой выдающейся публикации, появилось еще немало нового материала, который с наибольшим успехом продолжают изучать ученые австрийской школы нумизматики: М. Альрам, Н. Шиндель, К. Вондровец, М. Пфистерер. Ими в последние годы изданы важные статьи и каталоги монет «иранских хуннов» и тюркских владетелей, значительно расширяющие источниковедческую базу по тамгам обширного региона по обе стороны Гиндукуша (Afram, 1996; 2000; 2002; 2008; 2016; Afram, Pfisterer, 2010; Pfisterer, 2013; Vondrovec, 2014). К тамгам обращались с большей или меньшей степенью детализации авторы работ по нумизматике Тохаристана (Вайнберг, 1972; Вайнберг, Раевская, 1982; Ртвеладзе, 2002; Кузнецов, 1994; Зеймаль, 1999. С. 196-199; Пидаев, Баратова, 2006), а также специалисты, занимающиеся глиптикой Бактрии (Lerner, Sims-Williams, 2011. PP. 48-51).

Тамгам Бактрии посвящен небольшой раздел обобщающей работы С.А. Яценко по знакам-тамгам ираноязычных народов древности и раннего средневековья (Яценко, 2001. С. 98-99, 147-148. Рис. 28, 29, 31), а также статья Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 2002. С. 101-108). В статьях автора данной главы рассматриваются некоторые из бактрийско-тохаристанских знаков (Ильясов, 1999; Ильясов, 2003; Ильясов, 2004; Ильясов, 2006; Ильясов, 2010).

Свой очерк о тамговых знаках Бактрии/Тохаристана начнем с некоторых общих во-

classified scrupulously by Göbl bear portraits of rulers, inscriptions in the Bactrian (based on the Greek alphabet) and Indian letters and tamgas included to the stamps or stamped as countermarks. The researcher generalised data on coins and tamgas in his monumental four-volume work (Göbl, 1967. II, pp. 202-219; IV, Taf. 14-17). A lot of new material was discovered for the 50 years that have passed since the publication of this outstanding work, which representatives of the Austrian school of numismatics, such as M. Afram, N. Schindel, K. Vondrovec and M. Pfisterer, have been investigating most successfully. In recent years they have published a number of important articles and catalogues of the coins of the 'Iranian Huns' and Turkic rulers, which have increased greatly the tamga source study base in a vast region on both sides of the Hindu Kush (Afram, 1996; 2000; 2002; 2008; 2016; Afram, Pfisterer, 2010; Pfisterer, 2013; Vondrovec, 2014). Various experts in Tokharistanian numismatics (Vainberg, 1972; Vainberg, Raievskaia, 1982; Rtveladze, 2002; Kuznetsov, 1994; Zeymal, 1999. PP. 196-199; Pidayev, Baratova, 2006) and specialists in Bactrian glyptics (Lerner, Sims-Williams, 2011. PP. 48-51) have made research into tamgas to this or that extent.

S.A. Yatsenko dedicated to Bactrian tamgas a small chapter in his generalizing work on the tamgas of ancient and early medieval Iranian-speaking peoples (Yatsenko, 2001. PP. 98-99, 147-148. Fig. 28, 29, 31), and E. V. Rtveladze wrote an article about them (Rtveladze, 2002. PP. 101-108). The author of this chapter has studied some of the Bactrian and Tokharistanian signs in his articles (Ilyasov, 1999; Ilyasov, 2003; Ilyasov, 2004; Ilyasov, 2006; Ilyasov, 2010).

In the beginning of our essay about the tamgas of Bactria/Tokharistan we shall deal with some general issues of research into these 'identity marks'. In Central Asia various types of signs are known to have been made on ceramic vessels before baking from as early as the Bronze Age. Signs were also cut on ceramic items in the early Iron Age, which in a number of Central Asian

просов исследования этих «меток идентичности». В Средней Азии уже в эпоху бронзы известны разнотипные знаки, наносившиеся до обжига на керамические сосуды. В период раннего железного века (РЖВ), начало которого в ряде районов Средней Азии сейчас принято датировать серединой II тысячелетия до н.э., также встречаются знаки, прочерчивавшиеся на керамике. В VII–VI веках до н.э. различные метки появляются на сырцовых кирпичках. Знаки известны также и на хорезмийской керамике первой половины I тысячелетия до н.э. Однако такие метки еще вряд ли можно называть нишанами / тамгами в собственном смысле этого слова.

Тамгами, на наш взгляд, можно считать знаки, появившиеся в среде кочевых племен евразийских степей и первоначально служившие для клеймения лошадей и скота. На протяжении веков они эволюционировали от тавра, как знака собственности, до династийного знака и эмблемы того или иного владения.

В качестве династийных знаков тамги впервые документируются на монетах – подражаниях чекану греко-бактрийских царей. Это монеты, чеканенные в подражание тетрадрахам Евкратиды (ок. 175-145 гг. до н.э.), относимые Н.М. Смирновой к I веку до н.э. – I веку н.э., и монеты, чеканенные в подражание тетрадрахам Евтидема (правил ок. 230-200 гг. до н.э.), которые Смирнова датирует началом – первой половиной I века н.э. (Смирнова, 2015. С. 8-15). Наличие знаков на подражаниях греко-бактрийским монетам дает нам первую историко-культурную и хронологическую привязку: появление нишанов связано с периодом, последовавшим вслед за крушением Греко-Бактрийского царства в 140-х годах до н.э., когда вся Средняя Азия была подчинена различными кочевыми племенами.

Как известно из письменных источников, кочевники играли очень активную роль в Средней Азии и на протяжении Ахеменидского периода (описания похода и гибели Кира от рук массагетов; поход Дария I), и в период греко-персидских войн, и во время восточно-

regions is currently dated back to the middle 2nd millennium BC. In the 7th-6th century BC the first marks of various types appear on mud bricks. Signs are also known to have been on Khorezmian ceramics in the first half of the 1st millennium BC. However, all these marks can hardly be called tamgas/nishans as such.

We think that tamgas are signs that originated in the nomadic tribes of Eurasian steppes and initially were used to mark horses and livestock. In the course of the centuries they evolved from the brand as a sign of ownership to the emblem of a dynasty ruling over this or that area.

As dynastic signs, tamgas were for the first time used on coins imitating those of Greco-Bactrian kings. These coins were imitations of the tetradrachms of Eucratides (c. 175 – c. 145 BC) which N.M. Smirnova refers to the 1st century BC-1st century AD and the tetradrachms of Euthydemus (circa 230-200 BC), which Smirnova dates back to the first half of the 1st century AD (Smirnova, 2015. PP. 8-15). The signs on the imitations of Greco-Bactrian coins allow us to draw the first historical, cultural and chronological link: nishans emerged in the period that followed the fall of the Greco-Bactrian Kingdom in the 140s BC, when entire Central Asia was occupied by various nomadic tribes.

As is known from written sources, nomads played a very active part in Central Asia throughout the Achaemenian period (descriptions of Cyrus's military campaign and his murder by the Massagetae; the campaign of Darius I), at the time of Alexander's the Great oriental campaign (Dahae, Scythians and Saka) and in the Parthian Empire (Dahae and Parni; Saka mercenaries serving in the Parthian army); they also played a key role in the crucial moments of the confrontation between the Seleucid Empire and the Greco-Bactrian Kingdom (the famous 'Euthydemus's warning' described by Polybius (XI, 34): '...great hordes of Nomads were close at hand, who were a danger to both; and if they admitted them into the country, it would certainly be utterly barbarized'. Bactrian king Euthydemus I ordered that these words be communicated

го похода Александра Великого (дахи, скифы, саки), и в период Парфянского царства (дахи, парны; саки-наемники на службе у парфян), и в критические моменты противостояния Селевкидского царства и Греко-Бактрии (знаменитая «угроза Евтидема», описанная Полибием (XI, 34): «На границе стоят огромные полчища кочевников, угрожая нам обоим, если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими». Эти слова царь Греко-Бактрии Евтидем I просил передать царю Антиоху III, который атаковал владения греков в Бактрии, вознамерившись вернуть эти земли Селевкидам). Возникает вопрос: почему же для Средней Азии мы не знаем нишанов, которые можно было бы связать с номадами, и при этом более ранних, чем конец II – начало I века до н.э.? Ведь для восточного ареала кочевников определенные знаки известны уже для скифского периода, о чем свидетельствуют, например, находки из Горного Алтая (см. наиболее раннюю публикацию: Полторацкая, 1962).

Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить, что в силу ряда объективных и субъективных причин на территории современных Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Киргизии основные памятники материальной культуры номадов, а именно – погребальные сооружения так называемых ранних кочевников ахеменидского и греко-македонского периодов, изучены неравномерно и слабо. В распоряжении специалистов имеется небольшое количество сохранившихся предметов погребального инвентаря, которые могли бы нести на себе изображения нишанов. К тому же в условиях Средней Азии предметы из органических материалов, на которых могли быть нанесены какие-либо знаки, обычно в грунте не сохраняются.

Лучше выглядит ситуация в Казахстане, где изучались и изучаются погребальные памятники сако-усуньского, сарматского и пазырыкского круга. Однако и там изображения тамг в ранний период очень редки. Так, нам известно изображение свастики на сакском бронзовом котле. Подобные котлы, как счита-

to Antiochus III, who attacked the Greeks' domains in an attempt to retrieve these lands to the Seleucids). There is a question: why do we not know nishans in Central Asia from a time before the late 2nd - early 1st centuries BC that we could associate with nomads, whereas certain earliest signs in the eastern portion of the lands inhabited by nomads are known from Scythian period, which is confirmed by finds in the Altai Mountains (see the earliest publication: Poltoratskaya, 1962).

To answer this question we should keep in mind that for a number of objective and subjective reasons the main monuments of the nomadic material culture in Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan and Kyrgyzstan, in particular, the burial structures of the so called early nomads of the Achaemenian and Greco-Macedonian period, have received but irregular and poor study. Specialists possess but a small number of grave goods that could have images of nishans. Moreover, items of organic materials that could bear any signs cannot usually survive in Central Asian soil.

The situation in Kazakhstan is better, as Saka-Wusun, Sarmatian and Pyzyryk burial monuments have been studied quite properly. However, there earlier tamgas are also quite rare. We know a swastika on a Saka bronze cauldron. According to numerous researchers, such cauldrons were used to boil the meat of sacrificial animals and thus, apart from practical importance, were of a deep symbolic meaning (Baipakov, Tasmagambetov, 2006. PP. 166-167. Fig. 4.24). Swastika is one of the most ancient signs with a wide range of meanings, which may be interpreted as a solar symbol, a symbol of light and generosity, a symbol of perpetual motion and others (Mythological dictionary, 1991. P. 490), and it would hardly be right to maintain that the swastika on the Saka cauldron is a strictly family tamga. Nevertheless, based on our material we suppose that in some cases it might be used as tamga as well (see below).

Thus, the earlier tamgas have either failed to reach our days because they were generally

ют исследователи, использовались для варки мяса жертвенных животных и, помимо утилитарного, имели также глубокое символическое значение (Байпаков, Таймагамбетов, 2006. С. 166-167. Рис. 4.24). Свастика – один из древнейших знаков с целым спектром значений, таких как солярная символика, символика света и щедрости, символика вечного движения и т.д. (Мифологический словарь, 1991. С. 490), и трудно утверждать, что свастика на сакском котле – это именно родовая тамга. Тем не менее, в некоторых случаях, как показывают наши материалы, она могла служить и в качестве тамги (см. ниже).

Таким образом, либо ранние тамги попросту не дошли до нас из-за того, что наносились, в основном, на несохранившиеся изделия из органических материалов, либо же широкое распространение нишанов в Средней Азии было связано с приходом на ее территорию племени или группы племен, вовлеченных в процесс крушения Греко-Бактрии во второй половине II века до н.э.

Как известно, сокрушителями царства греко-македонцев в Бактрии в античных источниках названы асии, пасианы, тохары и сакаравлы (сакараваки), а в китайских речь идет о племенах сэ (саках), усунях и да-юэчжи. Отождествлению этих племен между собой посвящены десятки, если не сотни, трудов специалистов со всего мира, но проблема все еще не может считаться решенной. Как бы то ни было, по завершению «штурма Греко-Бактрии» на территории Средней Азии стали доминировать две значительные силы, происходившие от кочевников: да-юэчжи, давшие начало Кушанскому царству, и так называемая «кочевая империя» Кангюй.

Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородова, проследив несомненное сходство нишанов правителей Хорезма, Бухары и Самарканда, связали эти знаки со сведениями китайских письменных источников о среднеазиатских династиях, происходящих из так называемых «юэчжей дома Чжаову». При этом они отличают последних от да-юэчжи и от Кангюя и отрицают, что в I веке до н.э. – на рубеже эр

made on items from organic material that could not survive time, or nishans became popular in Central Asia when a tribe or group of tribes involved in the fall of the Greco-Bactrian Kingdom migrated to this territory in the second half of the 2nd century BC.

According to antique sources, the tribes that destroyed the Greco-Macedonians in Bactria were the Asii, Pasiani, Tokhari and Sacarauli, while Chinese sources mention such tribes as the Sai (Saka), Wusun and Da Yuezhi. Dozens or even hundreds of specialists from all over the world have dedicated their works to identification of these tribes, but the problem still remains largely unsettled to this day. Any way, there were two main powers of nomadic origin that came to the foreground in the territory of Central Asia after the defeat of Greco-Bactrian forces: the Da Yuezhi which were at the basis of the Kushan Empire and the 'nomad empire' of Kangju.

B.I. Vainberg and E.A. Novgorodova traced obvious similarities between the nishans of the rulers of Khorezm, Bukhara and Samarkand and linked these signs to the information in Chinese written sources about the Central Asian dynasties that originated from the so called 'Yuezhi from the Zhaowu family'. They distinguish them from the Da Yuezhi and the people of Kangju and deny that in the 1st century BC-early 1st century AD Kangju expanded into the territory of Sogdiana. They traced (although based on very limited material) similarities between tamgas from south-western Mongolia and Central Asian and Sarmatian signs in the northern portion of the Black Sea area and supposed this meant that 'a group of Iranian nomadic tribes migrated from Mongolia (probably, from the Mongolian Altai regions) through to the steppes of Kazakhstan and, obviously, further to Central Asia and the Steppe areas of Eastern Europe in the late 1st millennium BC' (Vainberg, Novgorodova, 1976. PP. 69-72).

We deeply respect the power of observation in these authors and recognise their idea as a very fruitful one, but we nevertheless would

Кангюй распространял свою власть на Согд. Проследив (правда, на очень ограниченном материале) сходство тамг из Юго-Западной Монголии со среднеазиатскими и сарматскими из Северного Причерноморья, они склонны видеть в них свидетельство продвижения «группы иранских кочевых племен в последней трети – конце I тысячелетия до н.э. из Монголии (скорее всего, района Монгольского Алтая) через казахстанские степи и, вероятно, Среднюю Азию в степные районы Восточной Европы» (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 69-72).

Отдавая должное наблюдательности авторов и признавая их идею очень плодотворной, отметим, что возможна и иная интерпретация событий.

Например, Вайнберг и Новгородова отмечали, что тамга правителей Чача (Ташкентский оазис) схожа с тамгами правителей Хорезма и Согда. Между тем, принадлежность Чача Кангюю никто не отрицает, более того, это владение считается одним из ключевых в кангюйской конфедерации, представлявшей собой, скорее всего, сочетание подчинявшихся центральной ставке, возглавляемой верховным правителем, оседло-земледельческих оазисных владений с представителями кангюйских кланов во главе и групп кочевого и полукочевого населения, занимавшего степные и предгорные территории Казахстана, Чача, Согда и Хорезма. Рассматривая тамгу на раннечачских медных/бронзовых монетах, чеканившихся династией, которую называют династией Вануна/Ванона (Ванвана по Э.В. Ртвеладзе) (Ртвеладзе, 2002. С. 240-241; он же, 2006. С. 13, 24-28; Лившиц, 2006. С. 126-127. Рис. 3), легко убедиться в том, что она близка по начертанию и, несомненно, родственна тамгам Самарканда и Бухары. В этом помогает и правильное ее расположение относительно зрителя – с двумя усиками вверх и одним – вниз. Парадоксальным образом в нумизматической литературе она упорно помещается в перевернутом виде (Rtveladze, 1998. PP. 312, 327-328. Pl. 1, 1-3; figs. 2, 4; Ртвеладзе, 2002. С. 238. Табл. XXIV, 1-2; XXV, 1-3; он же,

like to note the possibility of a different development.

Vainberg and Novgorodova mentioned that the tamga of the rulers of Chach (Tashkent Oasis) is similar to the tamgas of Khorezmian and Sogdian rulers. At the same time, no one denies the fact that Chach was a part of Kangju; moreover, the region that included the territories of Kazakhstan, Chach, Sogdiana and Khorezm is reported to have been one of the key areas in the Kangju confederation, which, probably, was a cluster of oases populated by settled people engaged in agriculture and nomads and semi-nomads in steppes and foothills and ruled by representatives of Kangju clans subordinate to a supreme ruler. If we analyse the tamga on the early Chach copper/bronze coins minted by the dynasty commonly known as the dynasty of Wanun/Wanon (Wanwan – according to E.V. Rtveladze) (Rtveladze, 2002. PP. 240-241; *ibid*, 2006. PP. 13, 24-28; Livshits, 2006. PP. 126-127. Fig. 3), we can easily see that it is close in shape and thus, no doubt, kindred to tamgas in Samarkand and Bukhara. This is still easier if we place it in a correct position to observe – two tendrils pointing upwards and one downwards. Paradoxically, in numismatic literature it is persistently published in an upside-down position (Rtveladze, 1998. PP. 312, 327-328. Pl. 1, 1-3; figs. 2, 4; Rtveladze, 2002. P. 238. Pl. XXIV, 1-2; XXV, 1-3; *ibid*, 2006. PP. 13, 14, 21, 24-25, 27; Musakayeva, 2004. P. 112; *ibid*, 2009. P. 145; *ibid*, 2010. Fig. 1, 2⁶¹; Shagalov, Kuznetsov, 2006. PP. 22, 28-29, 35, 38, 41, 44, 48, 50, 52, 55, 58-59, 304-306). The reason for that is, firstly, that the top and bottom on the reverse of Chach coins, where the tamga is surrounded by a Sogdian legend, are

⁶¹ The interpretations of the Sogdian legends on Chach coins (with the names of rulers such as Aushaubur or Ushuburk, Shubur and Shub) published in the listed works by A.A. Musakayeva are still quite disputable, and no one of them for some unknown reason mentions the name of Wanun/Wanon ('Victorius') published by V. A. Livshits, an outstanding specialist in Iranian languages. The low quality of illustrations and confusion in the transliteration of Sogdian inscriptions does not make A. A. Musakayeva's interpretations less disputable, either.

2006. С. 13, 14, 21, 24-25, 27; Мусакаева, 2004. С. 112; она же, 2009. С. 145; она же, 2010. Рис. 1, 2⁶¹; Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 22, 28-29, 35, 38, 41, 44, 48, 50, 52, 55, 58-59, 304-306). Это связано, во-первых, с тем, что на оборотной стороне чачских монет, где тамга изображена в окружении согдийской легенды, верх и низ не определяются каким-нибудь маркером, а во-вторых, в таком перевернутом положении ее удобно сравнивать с тамгами Хорезма, у которых, как правило, сверху расположен один усик. Кажется, первым их сопоставил и свел в одну таблицу С.П. Толстов в своем классическом труде «Древний Хорезм» (Толстов, 1948. С. 184. Рис. 109). В.М. Массон принял его подход (Массон, 1966. С. 80. Рис. 1), а другие исследователи продолжили; в результате такое положение чачской тамги в пространстве закрепилось в науке. На деле же достоверное представление об истинной ориентации рассматриваемой тамги дает широко известная кушано-сасанидская серебряная чаша из коллекции Государственного Эрмитажа (инв. №S-24), найденная в 1893 году у деревни Керчевой Чердынского уезда Пермской губернии и впервые опубликованная более ста лет тому назад⁶². На ней изображен кушаншах Варахран в рогатой короне, охотящийся на вепрей (Смирнов, 1909. Табл. XXV, №53; Тревер, Луконин, 1987. С. 61-64, 108, 121, 123-124. Илл. 14-15). В надписи согдийским письмом на обороте чаши, прочтенной и переведенной В.А. Лившицем, упомянут «Шав, предводитель Чачского народа», а также указан вес сосуда. Надпись выполнена в одну строку, а перед ее

not marked in any way, and, secondly, that this upside-down position makes it easier to compare it with Khoresmian tamgas, which usually have one tendril on the top. It seems Tolstov was the first to compare them and give within one table in his classical work titled 'Ancient Khoresm' (Tolstov, 1948. P. 184. Fig. 109). V. M. Masson accepted S.P. Tolstov's approach (Masson, 1966. P. 80. Fig. 1) and other researchers developed it; as a result, this position of the Chach tamga has become typical. However, we can learn the actual orientation of the studied tamga from the widely known Kushano-Sasanian silver bowl from the Hermitage collection (Inv. No. S-24) found near Kerchevov village, Cherdyn' District, Perm province, in 1893 and first published over 100 years ago⁶². It has the image of Kushan king Varakhran in a horned crown hunting wild boars (Smirnov, 1909. Table XXV, No. 53; Trever, Lukonin, 1987. PP. 61-64, 108, 121, 123-124. Ill. 14-15). The inscription in Sogdian letters on the reverse of the bowl deciphered and translated by V. A. Livshits mentions 'Lord Shaw of Chach' and indicates the weight of the item. The inscription is made in one line and has a tamga with two tendrils pointing upwards before the head of the line (Smirnov, 1909. Pl. XXV, No. 53; Livshits, 2006. P. 125. Fig. 1). The title of a ruler and the tamga on the bowl completely correspond with the title and tamga on Wanun's coins (which can be definitely referred to Chach based on both the distribution of the coins and the inscription 'lord of Chach'), and we are quite certain that the person that made the inscription on the bowl was perfectly aware of how the tamga of the Chach ruler was to be positioned and oriented. So we think that it is time to bring this important tamga back from its head to its feet⁶³.

⁶¹ Чтения согдийских легенд на чачских монетах (с именами правителей Аушабура, или Ушубурка, Шубура и Шуба), опубликованные в перечисленных работах А.А. Мусакаевой, пока не вполне убедительны, при этом ни в одной из них почему-то не упоминается чтение имени Ванун/Ванон («Победоносный»), опубликованное выдающимся иранистом В.А. Лившицем. Низкое качество иллюстраций и путаница в транслитерации согдийских надписей также не прибавляют убедительности чтениям А.А. Мусакаевой.

⁶² Отметим, что на идентичность тамги на раннечачских монетах и на чаше из Керчевой М.Е. Массон указывал еще в 1953 году (Массон, 1953. С. 27-28).

⁶² It should be kept in mind that M. E. Masson noted the identity between the tamga on the early Chach coins and that on the bowl from Kerchevov as far back as 1953 (Masson, 1953. PP. 27-28).

⁶³ Alongside the hypothesis that attempts to link the Chach dynasty of Wanun/Wanon with the 'Yuezhi from the Zhao family', there is another one about the Sarmatian origin of this dynasty, which was based on the comparison of the Chach tamga and the one on a bronze cauldron from the Shymkent area completely identical to the former

началом помещена чачская тамга, и расположена она двумя усами вверх (Смирнов, 1909. Табл. XXV, №53; Лившиц, 2006. С. 125. Рис. 1). Титул правителя и тамга на чаше полностью соответствуют титулу и тамге на монетах Вануна (чачская принадлежность которых ясно определяется и ареалом данных монет, и надписью «Предводитель Чачского народа»), и у нас есть все основания считать, что человек, создавший на чаше надпись, точно знал, как именно должна располагаться и ориентироваться в пространстве тамга правителя Чача. Думается, пора вернуть эту важную в плане сопоставлений тамгу с головы на ноги⁶³.

Итак, тамги Чача, Самарканда, Бухары и Хорезма, безусловно, родственные между собой, свидетельствуют о том, что во главе этих владений стояли кангюйские кланы. Трудно сказать, была ли в них примесь какой-то группы юэчжей, или они названы в китайских источниках «юэчжами дома Чжаову» лишь «по сходству с кушанами, в связи с их соучастием в разгроме Греко-Бактрии» (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 70).

Таким образом, в Средней Азии в первых веках до н.э. – первых веках н.э. имелись два крупных «блока» тамговых знаков: кангюйские и юэчжийско-кушанские в Бактрии⁶⁴.

⁶³ Кроме попытки связать чачскую династию Вануна/Ванона с «юэчжами дома Чжаову», имеется гипотеза о ее сарматском происхождении, основанная на сопоставлении чачской тамги и полностью ей идентичной тамги с бронзового котла из окрестностей Шымкента с сарматскими аналогиями (см.: Ержигитова, Смагулов, Демиденко, 2009. С. 168-173). Связь чачского знака с сарматскими несомненна, как и глубокая связь и взаимодействие кангюйского и сарматского миров, однако вопрос, думается, требует ряда уточнений в будущем. А «правильное» расположение тамги только поможет в этих исследованиях.

⁶⁴ Парфянские знаки довольно немногочисленны, несмотря на кочевое происхождение династии. Возможно, дело в том, что формирование в середине III века до н.э. иконографии монет и государственной символики Парфии происходило под влиянием греко-македонских стандартов, что способствовало утрате традиционной символики номадов в официальном обиходе. Возможно и другое объяснение – меньшая актуальность тамгопользования.

So, tamgas in Chach, Samarkand, Bukhara and Khorezm, which are certainly kindred to each other, indicate that these lands were ruled by Kangju clans. It is difficult to say if they were mixed with some Yuezhi groups or they were called in Chinese sources ‘the Yuezhi from the Zhaowu family’ only because they were ‘similar to the Kushan in that they cooperated in the defeat of the Greco-Bactrian Kingdom’ (Vainberg, Novgorodova, 1976. P. 70).

Thus, in the late centuries BC and early centuries AD there were two major ‘blocks’ of tamga signs in the territory of Central Asia: Kangju ones and Yuezhi-Kushan in Bactria⁶⁴. Tamgas in each region are quite distinct from each other; however, after the conquest of the Kushan Empire by the Sassanians in the 3rd century AD and the penetration of the Xionite tribes into the former Kushan territory in the 4th century AD, tamgas of Kangju origin spread into this territory as well. Some signs, such as the swastika, are common in both Kangju and the Kushan Empire; in addition, both groups include tamgas analogous to some signs from the widest range of ‘Sarmatian’ tamgas. The tamgas on the mentioned coins imitating those of Euthydemus and Eucratides and signs on Khorezmian coins minted since the 1st century AD are the earliest ones. The Khorezmian tamga that became the main type on the coins of Khorezmian kings is known to be widely used between the 1st and 9th centuries AD. The Bukharian sign is found on coins between the 3rd-4th and 8th centuries, while the so called Samarkand sign (tamga S 2 according to

with Sarmatian analogues (see Erzhigitova, Smagulov, Demidenko, 2009. PP. 168-173). There is an obvious link between the Chach sign and Sarmatian ones, just as there was a strong link and cooperation between the Kangju and Sarmatian World, but this issue would, probably, require much specification in future. And the tamga’s ‘correct’ position would only facilitate the investigations.

⁶⁴ Parthian signs are quite few, despite the dynasty’s nomadic origin. Perhaps, this was caused by the fact that the development of Parthian numismatic iconography and state symbolism, which started in the mid-3rd century BC, was influenced by Greco-Macedonian standards, which led to the cessation of using traditional nomadic symbols in official context. Another possible explanation is that there was no need in using tamgas.

Знаки обоих регионов довольно отчетливо различаются друг от друга, но после завоевания Кушанского царства в III веке н.э. Сасанидами и проникновения на бывшую кушанскую территорию в середине IV века н.э. хионитских племен и здесь появляются тамги кангюйского происхождения. Иногда прослеживаются знаки, общие для Кангюя и Кушан (например, свастика); кроме того, в обеих группах имеются тамги, находящие аналогии в богатейшем фонде «сарматских» знаков. Упомянутые тамги на монетах, чеканенных на подражаниях Евтидему и Евкратиду, а также на хорезмийских монетах, чеканившихся начиная с I века н.э., являются наиболее ранними. Хорезмийская тамга, ставшая основным типом в чекане царей Хорезма, известна с I по IX век н.э. Бухарский знак известен на монетах с III-IV до VIII века, так называемый самаркандский (тамга S 2 по Р. Гёблю) известен на согдийских монетах с конца VI века. Таким образом, согдийские тамги (пришедшие в Согд из Кангюя, куда они попали, возможно, из Юго-Западной Монголии) известны, в основном, по материалам не ранее позднеантичного (III-IV вв. н.э.) периода.

В отличие от кангюйско-согдийских, некоторые кушанские тамги удается датировать довольно точно. Во-первых, это знаки на кушанских монетах, четко привязанные к определенному кушанскому правителю. Поскольку хронология династии Великих Кушан после многих десятилетий научных споров и дискуссий сейчас во многом прояснилась и так называемую начальную дату Канишки I (НДК) определяют как 127 год н.э., появилась возможность датировать тамги Куджулы Кадфиза (ок. 40-90 гг. н.э.), Вимы Такто/Сотера Мегаса (ок. 90-113), Вимы Кадфиза (ок. 113-127), Канишки I (ок. 127-150 гг.), Хувиишки (ок. 150-190), Васудевы (ок. 190-227), Канишки II (ок. 227-246 гг.) и других⁶⁵. Во-

Göbl) was present on Sogdian coins since the late 6th century. Thus, Sogdian tamgas (which arrived to Sogdiana from Kangju, where they might have come from south-western Mongolia) are known primarily from material dated back to the late antique period (since the 3rd-4th century AD) and later.

Unlike Kangju-Sogdian tamgas, some Kushan signs can be dated quite accurately. Among the latter are, firstly, signs on Kushan coins, each clearly associated with a certain Kushan ruler. As the chronology of the main rulers from the Kushan dynasty has been largely specified after many decades of disputes and discussions and the reign of Kanishka I is currently estimated to have begun in 127, we are now capable of dating the tamgas of Kujula Kadphises (c. 40 – c. 90), Vima Takto/Soter Megas (c. 90 – c. 113), Vima Kadphises (c. 113 – c. 127), Kanishka I (c. 127 – c. 150), Huvishka (c. 150 – c. 190), Vasudeva (c. 190 – c. 227), Kanishka II (c. 227 – c. 246) and others⁶⁵. Secondly, the Tokharistan archaeological expedition (Department of History of Arts, the Fine Arts Research Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent) has excavated an entire fortress at the hillfort of Kampyrtepa, Muzrabad District, Surkhandarya Province, Uzbekistan, which was left by people during the reign of Kanishka I. The archaeological finds, including recently excavated tamgas, are confidently dated back to the period when this king of kings was ruling.

Main series of signs and tamgas in Bactria/Tokharistan

Bactria is known to have been within the area of highly developed civilisations in the Bronze

⁶⁵ Во многом это было результатом усилий Дж. Крибба, Н. Симс-Вильямса, Г. Фалька и др. Пока не все специалисты приняли точку зрения о том, что НДК =

⁶⁵ It was done largely due to the efforts of J. Cribb, N. Sims-Williams, H. Falk and others. Whilst not all specialists have accepted the year of 127 as the beginning of the Kanishka reign, this viewpoint, nevertheless, predominates. For decades archaeologists and art historians from Uzbekistan were generally inclined towards earlier dating of the beginning of the Kanishka period (first half of the 2nd century AD) and were opposed in this issue by colleagues from the Hermitage, who insisted on a later time (3rd century AD).

вторых, благодаря работам Тохаристанской археологической экспедиции (Отдел истории искусств Института искусствознания АН Республики Узбекистан, Ташкент) на городище Кампыртепа, расположенном в Музрабадском районе Сурхандарьинской области, полностью раскопана территория крепости, оставленной жителями в период правления Канишки I. Материалы, полученные здесь, в том числе тамги, найденные в последние годы, уверенно датируются временем правления этого царя царей.

Основные серии знаков и тамг Бактрии/Тохаристана

Как известно, Бактрия входила в зону высокоразвитых цивилизаций бронзового века, представленных в материальном наследии так называемым Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом (БМАК). Высокий уровень ремесленного производства выразился, в частности, в изготовлении великолепной керамической посуды, в основной своей части имитировавшей изделия тореvтики (хорошей сохранности золотые и серебряные сосуды были найдены при раскопках богатых погребений Гонура в Туркменистане; более скромные бронзовые изделия обнаружены при изучении некрополей эпохи бронзы в Сурхандарьинской области Узбекистана). На многих керамических сосудах были найдены прочерченные до обжига знаки (рис. 1, 1-2). Что они из себя представляли – знаки гончаров или владельческие знаки (поставленные при изготовлении посуды под конкретный заказ), – сказать сейчас сложно. Высокое качество керамики сапаллинской культуры, выделенной узбекским академиком А.А. Аскарковым, несомненно, свидетельствует в пользу товарного характера ее произ-

Age, traces of all of which are present in the material heritage of the so called Bactrian-Margianian Archaeological Complex. The pottery of a great quality mostly imitating toreanic articles (well-preserved gold and silver vessels were found in rich burials at Gonur, Turkmenistan; more modest bronze items were excavated at Bronze Age necropolises in Surkhandarya province, Uzbekistan) testify to a high level of craftsmanship in the region. Many of the ceramic vessels had signs cut prior to baking (fig. 1, 1-2). Whether they were made by potters or were the signs of the owners (cut on vessels produced to order), it is hard to say today. The high quality of the ceramics of the Sapalli culture identified by Uzbek academician A.A. Askarov, clearly indicates that the items were made for sale. In some cases, this necessitated marking different batches.

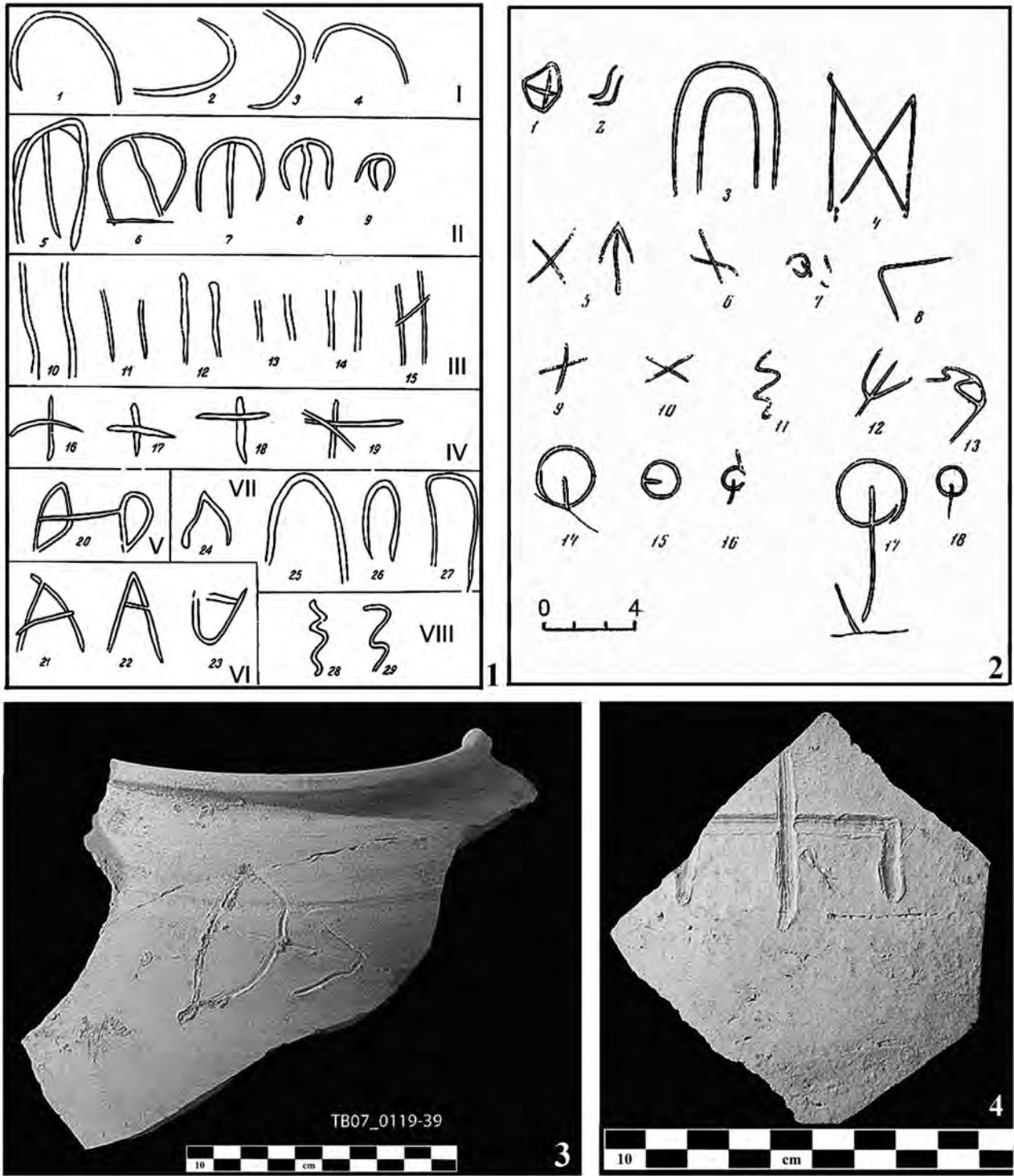
Most signs have abstractly geometric forms, while in others the viewer will immediately see associations with objects from real life. Symbolic bow and arrows are cut on the body of a large pot (fig. 1, 3) found during the joint excavations carried out by the Tokharistan Archaeological Expedition, Institute of West Asian Archaeology at the Munich University and Termez State University at Tilla-Bulak, an archaeological site of the late Bronze Age, in Sherabad District, Surkhandarya province, in 2007 (Kaniuth, 2008. Abb. 15). The small settlement in the foothills of the Kugitang Range dated back to the 20th-18th century BC was discovered and studied for the first time by S. B. Bolelov (State Oriental Museum, Moscow) in 2006, in the course of the joint research with the Tokharistan Archaeological Expedition into the monuments of the Pashkhurt Depression.

Some experts regard the Sapalli signs as pictograms or earliest forms of letters. Time will show if it is true or not.

Archaeological cultures representing the early Iron Age in the south of Central Asia are Yaz I, II and III. A chronological scale has been developed for southern Uzbekistan based on excavations at the Kuchuktepa monument; ac-

ок. 127 г. н.э., однако эта точка сейчас преобладает в науке. Замечу, что на протяжении многих десятилетий представители археологической и искусствоведческой школ Узбекистана придерживались раннего (в пределах первой половины II в. н.э.) варианта НДК и дискутировали по этому поводу с коллегами из Эрмитажа, настаивающими на позднем варианте (III в. н.э.).

Рис. 1. Знаки Бактрии эпохи бронзы: 1 – знаки на керамике сапаллинской культуры; 2 – знаки на керамике эпохи бронзы из Северного Афганистана; 3 – знак на сосуде, XX-XVIII вв. до н.э., Тилля-Булак; 4 – знак на сосуде, Бектепа (Бандыхан II)

Fig. 1. Bronze Age Bactrian signs: 1 – signs on ceramics of the Sapalli Culture; 2 – signs on Bronze Age ceramics from northern Afghanistan; 3 – sign on a vessel, Tillya-Bulak, 20th-18th century BC; 4 – sign on a vessel, Bektepa (Bandikhan II)

водства. А это предусматривает, в некоторых случаях, необходимость маркировки разных партий товара.

Большинство знаков имеют абстрактно-геометрические формы, другие зритель уверенно свяжет с конкретными объектами, наблюдаемыми в реальной жизни. Так, схематичное изображение лука и стрелы вырезано на тулове корчаги (рис. 1, 3), найденной при совместных раскопках Тохаристанской археологической экспедиции (ТАЭ), Института Переднеазиатской археологии Мюнхенского университета и Термезского государственного университета на поселении эпохи поздней бронзы Тилля-Булак в Шерабадском районе Сурхандарьинской области в 2007 году (Kaniuth, 2008. Abb. 15). Небольшое поселение в предгорьях Кугитанга, датированное в результате раскопок XX-XVIII веками до н.э., было обнаружено и впервые исследовано С.Б. Болеловым (Гос. Музей Востока, Москва) в 2006 году в ходе совместных с ТАЭ работ по изучению памятников Пашхуртской котловины.

Имеются попытки усмотреть в знаках культуры Сапалли пиктограммы или зачатки письменности. Насколько это правомерно и доказательно – покажет время.

Период раннего железного века представлен на юге Средней Азии археологическими культурами типа Яз I, II и III. Для Южного Узбекистана разработана хронологическая шкала на основе раскопок памятника Кучуктепа, по ней периодам Яз I-III соответствуют периоды Кучук I-IV (Шайдуллаев, 2000. С. 98-106). Традиционная датировка этих периодов – X-V века до н.э.; сравнительно недавно на основе радиоуглеродных дат были предложены более ранние датировки для начала Яз I – с середины II тысячелетия до н.э. (Сверчков, 2012. С. 125). В период Яз II «на посуду наносятся различные тамгообразные знаки: в виде ромба, свастики, перевернутого трезубца. Появление в период Яз II обычая чертить на керамике знаки было установлено еще в 70-е гг. ... и, скорее всего, связано с возрождением древней традиции эпохи бронзы

связывая к этому масштабу периоды Яз I-III соответствуют с периодами Кучук I-IV (Шайдуллаев, 2000. PP. 98-106). Эти периоды традиционно датированы до X-V вв. до н.э.; недавний радиоуглеродный анализ предполагает, что начало Яз I должно быть датировано на более ранний период – середина II тысячелетия до н.э. (Сверчков, 2012. С. 125). В период Яз II «на посуду наносятся различные тамгообразные знаки: в виде ромба, свастики, перевернутого трезубца. Появление в период Яз II обычая чертить на керамике знаки было установлено еще в 70-е гг. ... и, скорее всего, связано с возрождением древней традиции эпохи бронзы» (Сверчков, 2012. С. 133; Ртвеладзе, 1976. С. 99). На основании калиброванных радиоуглеродных данных, Л. М. Сверчков и Н. Борюфка датировали свои материалы с Яз II периода, среди которых есть керамический фрагмент с «перевернутым трезубцем» (рис. 1, 4) из заполнения ямы в 5-м слое Бектепа (Бандыкхан II) (Сверчков, Борюфка, 2007. С. 119. Рис. 23, 4), к следующим периодам: 929-822 BC и 900-800 BC (Сверчков, Борюфка, 2008. С. 50. Рис. 2, 17).

Небольшой каменный臼 с знаками, вырезанными на его внешней поверхности, был случайно найден недалеко от деревни Гоз в Пашхуртской впадине (Шерабадский район, Сурхандарьинская область, Узбекистан). Это пока трудно датировать или определить значение знаков (если это символы, буквы или их подражание) (Абдуллаев, 2009. С. 80. Рис. 41). Вероятно, это можно отнести к ранней Железной Age.

Знаки, которые можно идентифицировать как тамга/нишан, как таковые, очевидно, появились в то время, когда племена Сакы победили Греко-Бактрийское Царство и вторглись на территорию в 140-е гг. до н.э. и последующий период оккупации региона племенами Да Юэцзи (Большая Юэцзи), которые принудили большинство Сакы к перемещению в Гиндукуш. На новых территориях Сакы основали так называемое Индо-Скифское (Индо-Сакское) Царство, в то время как Юэцзи заложили основы для будущей Кушанской Империи.

типа Намазга VI (БМАК)» (Сверчков, 2012. С. 133; Ртвеладзе, 1976. С. 99). Л.М. Сверчков и Н. Бороффка приводят для своих материалов периода Яз II, среди которых имеется керамический фрагмент с «перевернутым трезубцем» (рис. 1, 4) из заполнения землянки в 5-м слое Бектепа (Бандыхан II) (Сверчков, Бороффка, 2007. С. 119. Рис. 23, 4), следующие калиброванные радиоуглеродные даты: 929-822 годы до н.э. и 900-800 годы до н.э. (Сверчков, Бороффка, 2008. С. 50. Рис. 2, 17).

В районе кишлака Гоз в Пашхурдской котловине (Шерабадский район Сурхандарьинской области Узбекистана) была случайно найдена каменная ступка, которая украшена знаками, вырезанными на ее внешней поверхности. И датировка ступки, и осмысление знаков (символы, письмо или его имитация) пока представляются затруднительными (Абдуллаев, 2009. С. 80. Рис. 41). Вероятно, ее можно отнести к периоду раннего железного века.

Появление в Бактрии знаков, которые, собственно, можно называть тамгами / нишанами, нужно, видимо, связывать с периодом вторжения сакских племен, сокрушивших Греко-Бактрию в 140-х до н.э., и пришедших следом за ними племен да-юэчжи (больших юэчжей), вытеснивших основные силы саков за Гиндукуш. Саки основали на новых территориях так называемое Индо-Скифское (Индо-Сакское) царство, юэчжи заложили в Бактрии основу будущей империи Кушан.

После вторжения сакских и юэчжийско-тохарских племен, уничтоживших власть греков, в Бактрии внедряются тамги, традиционно служившие кочевникам в качестве знаков собственности, клановых и племенных знаков; в условиях формирования государственности они превращались также в знаки династийные. Активное использование тамг продолжалось до периода арабского завоевания Тохаристана; а некоторые из знаков продолжали использоваться в чекане ранне-аббасидских фельсов (см. главу 9).

Основные артефакты, по которым можно судить о тамгах в Бактрии, это керамика,

After the expansion of the Saka and Yuezhi-Tokhari tribes which ended the Greek power tamgas became increasingly common in Bactria, as nomads traditionally used them as signs of ownership and belonging to a clan or tribe; in the course of the development of statehood they were also gradually becoming dynastic signs. Tamgas were being used actively up until the Arab invasion of Tokharistan; some of the signs occur on early Abbasid falus (see Chapter 9).

Main artifacts that can be used to analyse the tamgas of Bactria are ceramics, coins and stamps. Single bronze (brass) buckles also bear signs of this type. There also are the so called 'tamga encyclopaedias' in the territory of Bactria – an excellent term given by V.S. Drachuk to clusters of signs within a small area (on the face of a rock, the wall of a room or some other stationary or portable object). Such objects as the marble base of a column in the Oxus Temple (Takhti-Sangin hillfort) in southern Tajikistan, the walls of a corridor (room 7/9) in the so called 'house of a rich house owner' (excavation ДТ-6) at the Dalverzintepa site and a ceramic jar (*khumcha*) from a necropolis next to the Dalverzintepa citadel can be referred to as Bactrian-Tokharistanian 'tamga encyclopaedias'. The last two were found in Surkhandarya province of Uzbekistan.

Sometimes tamgas were parts of decorative patterns on items made of organic material, but any of them are extant because of the climate in Bactria/Tokharistan.

Some researchers regard signs on mud bricks, the main building material in antique Central Asia, as tamgas, while others believe that they were used to mark individual batches of bricks made by individual workers or brigades. S.A. Yatsenko analyzes these opinions in his monograph (Yatsenko, 2001. PP. 23-24). We agree with the specialists that consider these to be symbols or marks used to register the quantities of produced bricks. In this case it is not important whether we regard persons that marked bricks as slaves, which did G.A. Pugachenkova based on the concept developed in the early 1960s of slavery prevailing in antique Central

монеты и печати. Единичными образцами представлены бронзовые (латунные) пряжки. Известны в Бактрии и так называемые «энциклопедии тамг» (так называют, следуя удачному выражению В.С. Драчука, скопления знаков, сконцентрированных в одном месте – на скале, на стене помещения или на каком-либо стационарном или портативном предмете). К бактрийско-тохаристанским «энциклопедиям тамг» можно отнести мраморную базу колонны из Храма Окса (городище Тахт-и Сангин) в Южном Таджикистане, стены коридора (помещение 7/9) в так называемом «доме богатого домовладельца» (раскоп ДТ-6) на городище Дальварзинтепа, а также керамическую корчагу (хумча), найденную на некрополе рядом с цитаделью Дальварзинтепа. Две последние происходят из Сурхандарьинской области Узбекистана.

Тамги могли входить в художественное оформление предметов, изготовленных из органических материалов, однако в климатических условиях Бактрии-Тохаристана они практически не сохраняются.

Некоторые исследователи рассматривают в качестве тамг знаки на сырцовых кирпичях – основном строительном материале Средней Азии периода древности, античности и раннего средневековья, другие считают, что это обозначение отдельных партий кирпича, изготовленных индивидуальными работниками или бригадами. Разбор этих мнений приводит в своей монографии С.А. Яценко (Яценко, 2001. С. 23-24). По нашему мнению, правы те специалисты, которые видят в них условные обозначения, то есть маркировку, предназначенную для учета количества изготовленных кирпичей. И в данном случае неважно, называть ли тех, кто метил кирпичи, рабами, как, в соответствии с представлениями начала 1960-х годов о господстве в античной Средней Азии рабовладельческого строя, сделала Г.А. Пугаченкова (Пугаченкова, 1966. С. 129-130)⁶⁶, или работниками, отбывавшими тру-

Asia (Pugachenkova, 1966. PP. 129-130)⁶⁶, or workers building objects as part of compulsory state service, which better correspond with the current notion of the ‘Asian production method’. What is more important is that batches of bricks were marked with such signs, which allowed for monitoring of work done. A.N. Gertman who had deliberately studied signs on mud bricks on the basis of material from ancient Khorezm arrived at the same conclusion (Gertman, 1991; *ibid*, 1998). S. A. Yatsenko supported his colleague: ‘Apparently, a few men representing a clan were obliged to work on each major object, which resulted in one and the same sign made by a different hand. Importantly, signs with simplest forms predominate on bricks – straight lines, circles, dotted lines, ‘tridents’ and so on. Unlike ones found at the monuments of the nomadic (Sarmatian and Saka) world, those were, obviously, the *signs of ordinary clans that did not influence political life*’ (Yatsenko, 2001. P. 24). These hypotheses, however, need be specified yet. Which group of people might those several men assigned to work at a construction site in the territory of Kushan Bactria represent? Probably, they represented ordinary Bactrian people conquered by the Yuezhi, although there is no official information available on their division into clans or large families. Because of the poor durability of organic materials we know almost nothing about the signs of these Bactrian clans/large families used elsewhere. It is very hard to imagine representatives of the clans of the Yuezhi conquerors that had settled in Bactria were hired to work on a building site for very low payments or assigned there. Pugachenkova, for instance, observed rightly that bricks from

⁶⁶ В более поздней по времени публикации Г.А. Пугаченкова пишет следующее: «клейма на античных сырцовых кирпичях служили, на наш взгляд, личными

⁶⁶ In her later publication G.A. Pugachenkova wrote the following: ‘we think marks on antique mud bricks were the identity signs of workers (most probably, slaves, but, perhaps, wage laborers) producing mud bricks. These signs allowed the official supervising the operations or owner of the building under construction to monitor the work process. ... The marks could be tamgas or letters or simply conventional signs developed by the workers or owner’ (Pugachenkova, 1978. P. 192).

довую повинность на объектах государственного строительства, что более соответствует нынешним представлениям об «азиатском способе производства». Главное, что партии кирпичей метились такими знаками, которые позволяли вести учет выполненной работы. Именно к такому выводу пришел А.Н. Гертман, специально занимавшийся знаками на сырцовых кирпичах по материалам древнего Хорезма (Гертман, 1991; он же, 1998). Поддерживая его мнение, С.А. Яценко пишет: «Видимо, на каждом крупном объекте по разнарядке трудились несколько мужчин – представителей клана, оставивших разные почерки при написании знака. Весьма важно то, что на кирпичах господствуют именно знаки простейших форм – прямые линии, круги, линии из точек, «трезубцы» и т.п. Перед нами, в отличие от памятников кочевого (сарматского и сакского) мира, видимо, *знаки рядовых, не влиявших на политическую жизнь кланов*» (Яценко, 2001. С. 24). Подобные рассуждения еще нуждаются в уточнениях. Если говорить о территории кушанской Бактрии, то представителями какой группы населения были те несколько мужчин, трудившихся по разнарядке? Скорее это были представители покоренного юэжками рядового бактрийского населения, хотя мы и не имеем официальных сведений об их делении на кланы или большие семьи. Из-за плохой сохранности органики нам не известно практически ничего о другом применении знаков этих бактрийских кланов / больших семей. Трудно представить, чтобы по трудовой разнарядке или по найму (на очень низко оплачиваемой работе) на строительстве трудились выходцы из кланов осевших в Бактрии юэжжийских

знаками работников (вероятно, рабов, но может быть, и наемных чернорабочих), изготовлявших сырец. Представление их позволяло надзирающему за этим делом административному ли лицу, хозяину ли строящегося дома легко вести учет выполненной работы. ... Сами метки могли быть и тамгой, и буквой алфавита, и просто условным знаком, их могли себе выбрать сами работники, мог и назначить хозяин» (Пугаченкова, 1978. С. 192).

the walls of the relatively small South-Western House in Khalchayan had on them 25 different signs (Pugachenkova, 1966. PP. 75-76, 130. Figs. 49-50). If we accept the logic of the researchers considering these signs to be tamgas, we have to admit that representatives of at least 25 clans or large families were involved in the construction of a common-size object in an ordinary town in the Surkhandarya valley! As the construction period and the creation of these signs are referred to the 2nd-1st century BC when the territory was a part of the Greco-Bactrian Kingdom, there is a question to answer: which are those Greco-Bactrian clans that made the signs and what is the signs' origin?⁶⁷ Can we associate the simple structure of a sign with the position of the clan in the general hierarchy of clans? Was there ever such dependence?⁶⁸ Will these questions just stop to worry us as soon as we give a different name to these signs? Sometimes, signs on bricks (just like nomads' tamgas) can correspond

---

⁶⁷ Signs on bricks from earlier periods arouse the same questions. This refers to the signs on the flat-convex bricks from the earliest walls of Samarkand dated to the 8th-7th century BC and the signs in brickworks of the Achaemenian period (Inevatkina, 2002. PP. 27, 29, 30. Fig. 8 a, b); this refers to the signs on early Hellenistic rectangular bricks (late 4th-first half of the 3rd century BC) the author of this article discovered at the Kampyrtepa site. One of these bricks 55×45×12 cm in size was published by E. V. Rtveladze (Rtveladze, 2012. Coloured insert on p. 224). Rectangular bricks with the sides ratio of 1:1.25 were discovered at the Bactrian archaeological sites of Kurganzol ('Kurgon-i Zol' – 'Zal's Fortress', where 'Zal' is the name of one of the heroes, the father of legendary Rustam, from an Iranian epic, on which Abul Kasim Ferdowsi based his poem Shahnameh). All these monuments are dated to the last third of the 4th-first half of the 3rd century BC. Probably, only towards the close of the Seleucid or in the beginning of the Greco-Bactrian period (circa 240 BC) the large square brick (45×45×12 cm) replaced the rectangular one to gradually reduce in size to 30-32×30-32×9-10 cm by the time of Kanishka I (127-150), remaining as common building material as before.

⁶⁸ Medieval Japanese emblems 'Mon' used by military clans since the 10th century, just as the European chivalrous coats of arms (since the 12th century), could be simple forms but varied in colour combinations and, importantly, position in space and use (coordinator's comment).

завоевателей. У Г.А. Пугаченковой имеются справедливые наблюдения, например, о том, что в стенах сравнительно небольшого Юго-западного дома в Халчаяне на кирпичках выявлено 25 различных знаков (Пугаченкова, 1966. С. 75-76, 130. Рис. 49-50). Следуя логике исследователей, видящих здесь тамги, получается, что в строительстве не крупного объекта в не самом крупном городе долины Сурхандарьи были задействованы представители как минимум 25 кланов или больших семей! Учитывая, что первый строительный период, к которому относятся данные знаки, датирован III-II веками до н.э., то есть греко-бактрийским периодом, снова возникает вопрос: что это за «греко-бактрийские кланы», какого происхождения их знаки?⁶⁷ Можно ли простоту начертания знака приравнивать к положению клана в общей иерархии кланов, существовала ли подобная прямая зависимость?⁶⁸ Отпадут ли подобные вопро-

⁶⁷ И для более ранних периодов знаки на кирпичках порождают те же самые вопросы. Это касается, скажем, знаков на плоско-выпуклых кирпичках из самых ранних стен Самарканда, датируемых VIII-VII веками до н.э., а также знаков в кирпичных кладках Ахеменидского периода (Иневаткина, 2002. С. 27, 29, 30. Рис. 8 а, б); это касается знаков на прямоугольных кирпичках раннеэллинистического периода (т.е., конца IV – первой половины III в. до н.э.), выявленных автором на городище Кампыртепа. Один из них, размером 55×45×12 см, опубликован Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 2012. Цв. вкладка на стр. 224). Прямоугольные кирпичи с соотношением сторон 1:1,25 выявлены также на бактрийских городищах Курганзол (собственно, Кургон-и Зол – «Крепость Заля», по имени одного из героев эпоса иранских народов, оформленного Абуль-Касимом Фирдоуси в поэму «Шахнаме», отца легендарного Рустама). Все эти памятники датируют от последней трети IV до первой половины III века до н.э. По-видимому, только в конце селевкидского или в начале греко-бактрийского периода (ок. 240 г. до н.э.) прямоугольный кирпич сменяет крупноформатный (45×45×12 см) квадратный кирпич, который, оставаясь основным строительным материалом, ко времени правления Канишки I (127-150 г. н.э.) постепенно уменьшается до размера 30-32×30-32×9-10 см.

⁶⁸ Средневековые гербы «мон» японских военных кланов (появившиеся в X в.), как и щитовые гербы европейского рыцарства (с XII в.), могли быть простыми по форме, но отличались сочетанием цветов, а глав-

in form with alphabetic letters and real complex tamgas (including those of rulers – see Chapter 6). What is much more important for us is that in the course of construction they performed a special function – they were primarily conventional signs that helped monitor the working process (fig. 2).

Tamgas of the Yuezhi-Kushan and Kushano-Sasanian periods

We shall begin to analyse tamga signs of the Yuezhi-Kushan period from the abovementioned 'tamga encyclopaedia' in the Oxus Temple (fig. 3, 1, 2). But before we start describing and classifying the Takhti-Sangin tamgas, let us clear up some dating-related issues. According to B.A. Litvinsky and I.R. Pichikyan, the temple was constructed in the Greco-Bactrian period⁶⁹ for worshipping the deity of the Vakhsh/Oxus River (Litvinsky, Pichikyan, 2000. PP. 179-184). Judging from rich offerings found in the course of excavations, the temple played an important part in the religious and spiritual life of the upper stretches of the Oxus/Amudarya River Valley. However, it is hard to imagine pilgrims cutting with sharp tools their personal signs in the portico of a functioning temple to immortalise the memory of their visit⁷⁰. Obviously, the tamgas could rather appear when there was a break in the temple's activity. For us a more convincing scene is a group of warriors (Saka or Yuezhi/Tokhari?) that have conquered the city, occupied the temple and are celebrating the event cutting the tamgas of their victorious clans on the base of the column⁷¹ in the portico of the pillaged temple. In the Kushan period the temple

⁶⁹ This is supported by the size of the bricks used in the construction of the Oxus Temple: 50×50×14 cm, 52.5×52.5×16 cm.

⁷⁰ At the same time, there is detailed information available on how signs and short inscriptions were cut in large numbers in the most visible areas on the walls of medieval Christian temples in the periods of their highest activity, including those in Russia until the 13th century (see eg. Vysotsky, 1976; Nikitina, 1990) (coordinator's comment).

⁷¹ The column above the base is not extant. Tamgas could be cut on the column proper, too, not only on the base.

сы сами собой, если мы такие знаки назовем как-нибудь иначе? Знаки на кирпичках порой (как и тамги кочевников) могут по форме соответствовать и буквам алфавитов, и реальным сложным тамгам (в т.ч. правителей – см. главу 6). Для нас важнее другое: в процессе строительства они выполняли особую функцию – были, прежде всего, условными обозначениями, помогавшими вести учет проделанной работы (рис. 2).

Тамги юэчжийско-кушанского и кушано-сасанидского периодов

Публикацию тамговых знаков юэчжийско-кушанского периода мы начнем с уже упомянутой «энциклопедии тамг» из Храма Окса (рис. 3, 1, 2). Но прежде чем перейти к описанию и классификации тахтисангинских тамг, обратимся к вопросам их датировки. По Б.А. Литвинскому и И.Р. Пичикяну, храм был построен в греко-бактрийский период⁶⁹ для почитания божества реки Вахш/Окс (Литвинский, Пичикян, 2000. С. 179-184). Судя по богатству приношений, выявленных в ходе археологических раскопок, храм играл важную роль в религиозно-духовной жизни в верхней части долины Окса/Амударьи. Трудно, однако, представить, что в главном портике действующего храма паломники, вооружившись острыми орудиями, вырезают свои личные знаки «на добрую и долгую память» о своем посещении⁷⁰. Очевидно, что тамги могли появиться скорее в тот период, когда в функционировании храма возникла пауза. Для нас убедительно выглядит отряд воинов (саков или юэчжей/тохаров?), захвативших город и храм

building continued to function as a traditional place of worship, but the rooms were tidied with less rigour now, and layers began accumulating rapidly until very soon they covered the floor to a thickness of 1-1.5 m (Litvinskiy, Pichikyan, 2000. P. 97). That was the reason why the column base with the ‘tamga encyclopaedia’, just as all the other bases across the temple, was covered with a thick layer of earth after a relatively short period of time. Therefore, tamgas could not be made on the surface of the base long after the occupation of the temple. Thus, most probably, the tamgas can be dated to the period between the occupation of northern Bactria by the Saka or Yuezhi (150-130 BC) and the time when the column bases were buried under the cultural layers accumulated in the course of the temple’s subsequent functioning. That said, the signs may be dated to a broader time range, within the second half of the 2nd century BC, or to a more specific time, 140-130 BC. We think that it would be right to regard the Takhti-Sangin signs as the tamgas of the Saka, who deprived the Greeks of Bactria, or the Yuezhi, who soon expelled the Saka from this territory. In both cases the tamgas are a kind of signatures left by the conquerors of Bactria.

S. A. Yatsenko made a detailed study of the Takhti-Sangin ‘encyclopaedia’. He was actually the person who made the first publication of this rare find. He did not study deeply the questions of dating, but gave a list of analogous signs and attempted to interpret them. Initially the base had more signs, but some of them became erased because they had been made in shallow thin cuts. Signs in a better state of preservation form four clusters of two, three, five and seven different tamgas. There are a total of 19 signs of 16 types in these four clusters. In one case, in cluster I, there are two copies of one tamga. The signs do not overlap and form rows. Most of them are analogous to signs ‘in various parts of the Iranian-speaking world of the Huna-Sarmatian-Kushan period (2nd century BC-3rd-4th century AD)’, in particular in Khorezm, in the middle stretches of the Syrdarya (Kangju), in the lower stretch-

ное – характером размещения и иного использования (прим. координатора).

⁶⁹ В пользу этого говорит и формат кирпичей, из которых возведен Храм Окса: 50×50×14 см, 52,5×52,5×16 см.

⁷⁰ Между тем, мы имеем подробную информацию, например, о массовом высекании знаков и кратких надписей на самых видных местах стен средневековых христианских храмов в периоды их наиболее интенсивного функционирования, в т.ч. на Руси до XIII века (см., например: Высоцкий, 1976; Никитина, 1990) (прим. координатора).

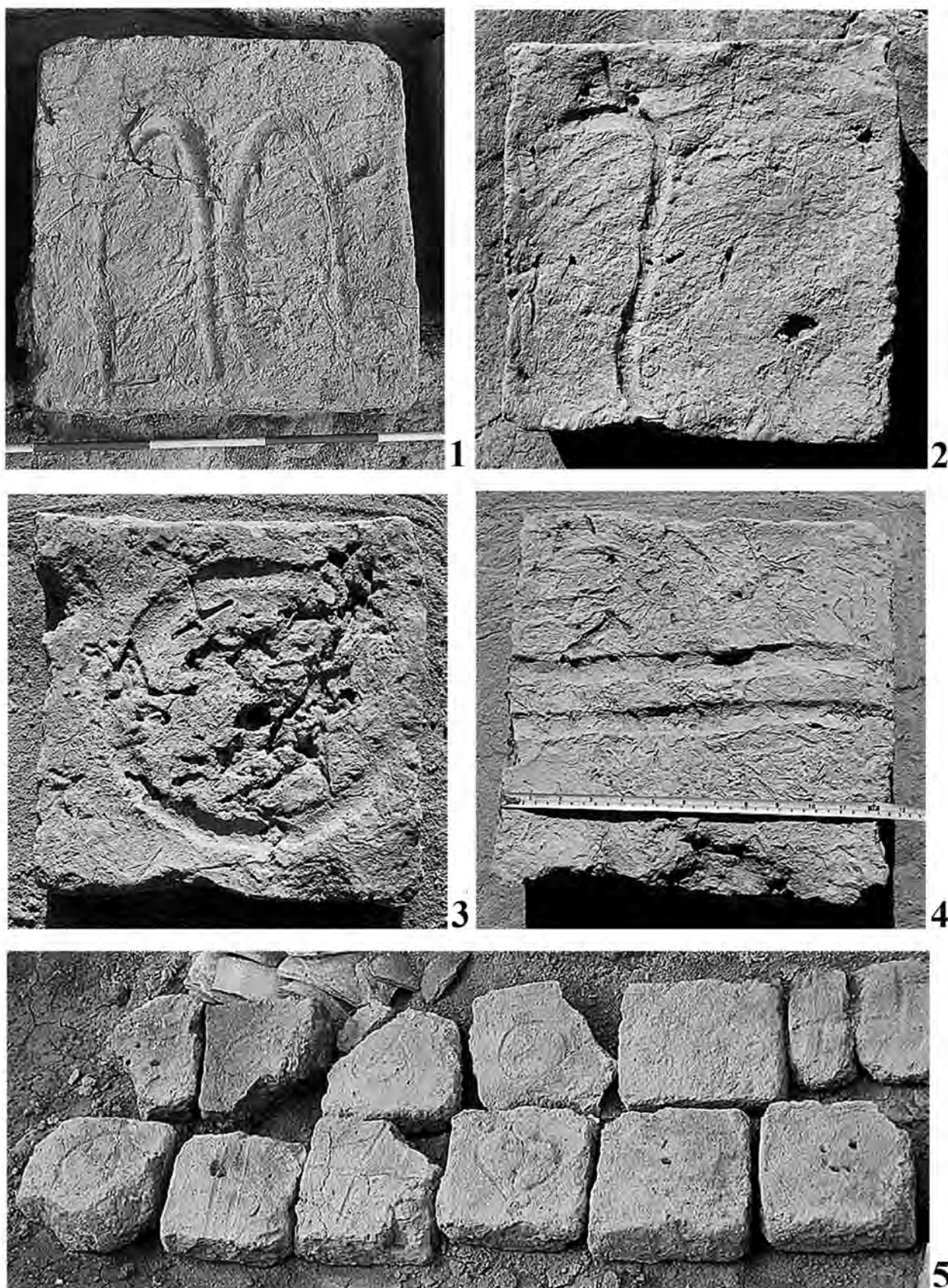

Рис. 2. Кирпичи со знаками кушанского периода, городище Кампыртепа

Fig. 2. Bricks with Kushan signs, Кампыртепа hillfort

и отмечающих это событие, вырезая на базе колонны⁷¹, стоящей в портике ограбленного храма, тамги своих победоносных кланов. В кушанский период здание храма продолжало функционировать в качестве традиционного места поклонения, хотя прежней строгости в поддержании чистоты не стало, и здесь пошло интенсивное накопление слоев, которые довольно быстро перекрыли первоначальные полы на высоту 1-1,5 м (Литвинский, Пичикян, 2000. С. 97). По этой причине можно полагать, что база колонны с «энциклопедией тамг» оказалась, как и все остальные базы, скрыта под толщей земли через сравнительно непродолжительное время. Следовательно, можно сделать вывод о том, что тамги не могли быть нанесены на поверхность базы по прошествии значительного промежутка времени после захвата храма. Таким образом, наиболее подходящая датировка «энциклопедии» – это период между сакским или юэчжийским завоеваниями Северной Бактрии (примерно 150-130 гг. до н.э.) и временем, когда в результате интенсивного накопления культурного слоя в ходе дальнейшего функционирования храма базы колонн скрылись под поздними наслоениями. Можно говорить, таким образом, о более широкой датировке в пределах второй половины II века до н.э. или об узкой дате, т.е. 140-130 годы до н.э. Думается, что мы вправе рассматривать тахтисангинские знаки как тамги саков, отобравших Бактрию у греков, или юэчжей, вскоре вытеснивших отсюда саков. И в том, и в другом случае это своеобразные автографы завоевателей Бактрии.

Подробно тахтисангинскую «энциклопедию» изучал С.А. Яценко. Ему, собственно, и принадлежит честь первой публикации этой редкой находки. Он не углублялся в вопросы датировки, но привел перечень аналогичных знаков и дал их интерпретацию. Знаков на базе первоначально было больше, но часть из них стерлась, так как они были вырезаны не-

es of the Syrdarya, in Bactria proper and in the south of Mongolia and Altai – territories adjacent to the Yuezhi's native lands. In his comments to the table S. A. Yatsenko also lists types of items on which analogues to the Takhti-Sangin tamgas were found (Yatsenko apud Litvinsky, Pichikian, 2000. P. 114. Fig. 28a, 28б; Yatsenko, 2001. PP. 98-99, 147-148. Fig. 31). Some observations could be added to these conclusions: recently there have been found analogues of several tamgas that in earlier research works were referred to as 'having no analogues'.

We believe that sign No. 2 (Takhti-Sangin signs are numbered according to S. A. Yatsenko) made on the base in at least two copies (fig. 3, 3) is analogous to tamga S 61d (after Göbl). It was found on the reverse of coins from issue 245 (fig. 3, 4), which have on the obverse two senmurws and an inscription in Bactrian letters: 'Pangul, His Majesty, the Lord'; the Bactrian legend surrounding the tamga says: 'Tudun, Tarkhan of Balkh, the commander'; these coins are dated to the late 7th - early 8th century (Göbl, 1967. I, p. 168; III, Tab. 67, 245; IV, Tab. 15, 17; Vondrovec, 2014. II, pp. 545-548, 552, 661-662). Versions of tamga S 61 can be found on coins from issues 203, 204, 260, 261, 265-271, on countermark KM 20 (Göbl, 1967. I, pp. 138, 139, 182-186; II, pp. 164, 209, 210; III, Tab. 45, 71, 72; IV, Tab. 8, 15).

Some may question: is it appropriate that tamgas of the 2nd century BC are compared to tamgas of the 7th century AD, and could the Saka or Yuezhi warriors that captured the Oxus Temple and cut their tamgas on the column base be Turkic-speaking tribes, since the 7th-century coins with a similar tamga mentioned Tudun and Tarkhan? I think it is right to compare the signs, since we have recorded a number of similar tamgas, for instance, on Sarmatian items and in 'tamga encyclopaedias' of the 1st-2nd centuries AD and on early medieval Central Asian coins and items. These correspondences can only mean that tamga as a tribal or family symbol might survive centuries and that it could turn into dynastic sign centuries after this or that clan

⁷¹ Сама колонна не сохранилась. Возможно, не только на базе, но и на ней были в свое время вырезаны тамги.

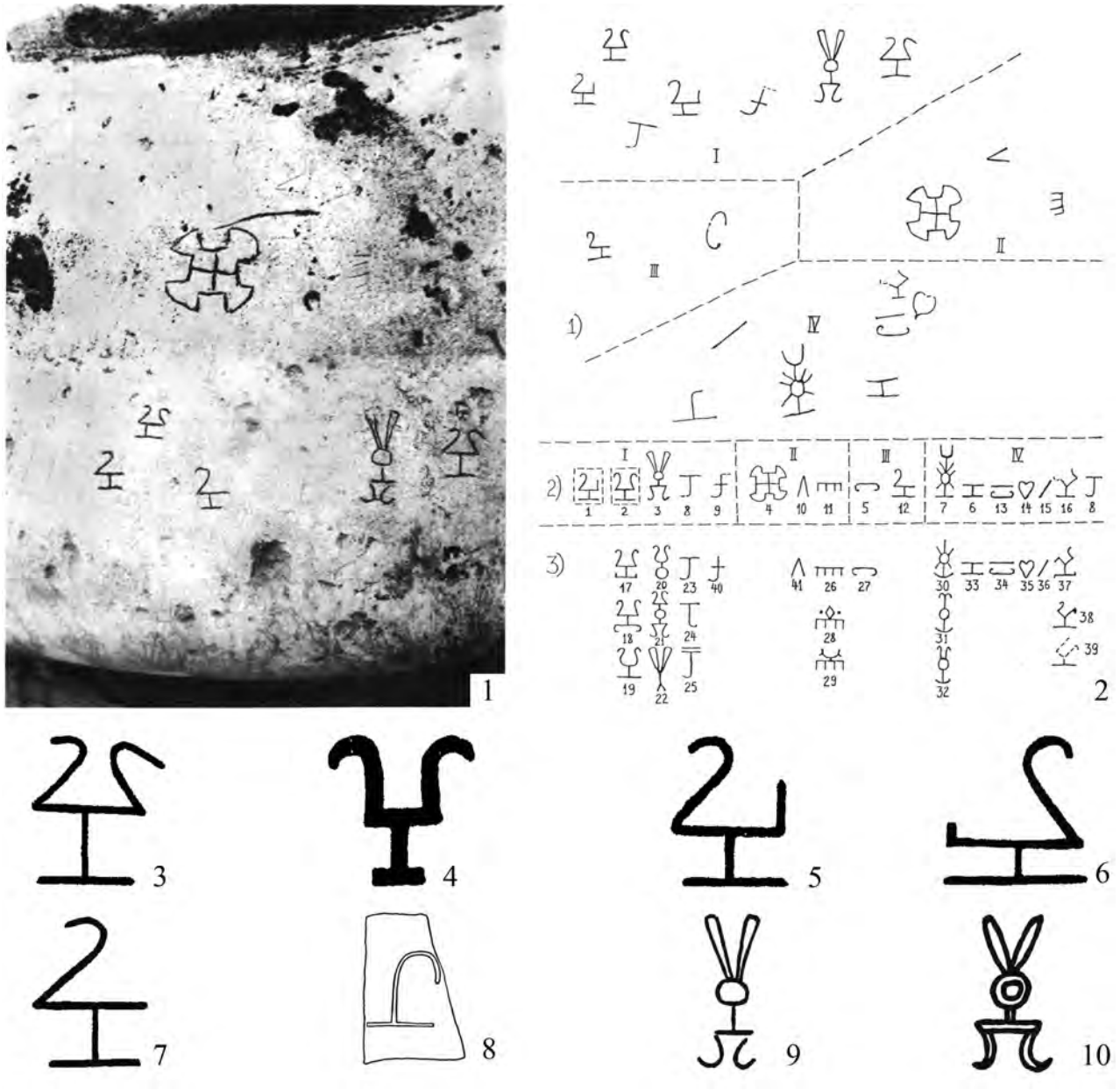
глубокими тонкими линиями. Сохранившиеся лучше знаки образуют четыре скопления из двух, трех, пяти и семи различных тамг. В этих четырех скоплениях всего насчитывается 19 знаков 16 типов. В одном случае, в скоплении I, одна тамга повторена дважды. Знаки не перекрывают друг друга и располагаются в ряд. Большинство знаков находят аналогии «в разных частях ираноязычного мира в гунно-сармато-кушанское время (II в. до н.э. – III-IV вв. н.э.)», а именно в Хорезме, на Средней Сырдарье, то есть в Кангюе, на Нижней Сырдарье и в самой Бактрии, а также на юге Монголии и Алтая, соседствовавших с прародиной юэчжей. В подписи к таблице С.А. Яценко перечисляет также категории вещей, на которых встречены аналогии тахтисангинским знакам (Яценко и др. Литвинский, Пичикян, 2000. С. 114. Рис. 28а, 28б; Яценко, 2001. С. 98-99, 147-148. Рис. 31). Эти выводы можно дополнить еще некоторыми наблюдениями: среди знаков, названных в предыдущих исследованиях «нигде более не известными», недавно удалось выявить несколько тамг, все-таки имеющих аналогии.

Знак №2 (обозначения номеров тахтисангинских знаков даются по С.А. Яценко), изображенный на базе не менее двух раз (рис. 3, 3), имеет, на наш взгляд, соответствие в тамге S 61d (по Р. Гёблю). Она представлена на реверсе монет эмиссии 245 (табл. III: 4), аверс которой украшает изображение двух сенмурвов и надпись бактрийским письмом: «Пангул, господин, правитель»; в бактрийской легенде, окружающей тамгу, сказано: «тудун, тархан Балха, командующий», монеты эти датируют концом VII – началом VIII века (Göbl, 1967. I. P. 168; III. Tab. 67, 245; IV. Tab. 15, 17; Vondrovec, 2014. II. PP. 545-548, 552, 661-662). Варианты тамги S 61 имеются на монетах эмиссий 203, 204, 260, 261, 265-271, на надчекане КМ 20 (Göbl, 1967. I. PP. 138, 139, 182-186; II. PP. 164, 209, 210; III. Tab. 45, 71, 72; IV. Tab. 8, 15).

Могут возникнуть вопросы: уместно ли сравнивать тамги II века до н.э. с тамгами

had become powerful enough to mint their own coin. The tamga under study might survive in Bactria or areas south of the Hindu Kush, the former Saka and Kushan lands, up until the early Middle Ages. As for the Turkic titulary, it may indicate that local dynasties, actually or nominally, were becoming increasingly Turkic, so that they continued to stick to their family symbols but had begun using the titulary of their new masters. We should keep in mind that although H. Humbach wrote in his article Pangul, a Turco-Bactrian Ruler that Pangul's titles leave no doubts about his Turkic origin, he nevertheless could not etymologize his name based on Turkic languages (Humbach, 1996. С. 250). New materials may serve as wonderful examples of how local rulers with authentically Iranian names did not only retain their power and even reached higher ranks, but easily adopted the titulary of their conquerors. Among these materials are documents from the famous archive of the khar (ruler) of Rob (present-day Rui, northern Afghanistan). One of the letters from this archive is addressed to a 'Sart, the son of Khwade-band, the prosperous yabghu of the Hephthalite people, the khar of Rob, the scribe of Hephthalite rulers, the judge of Tokharistan and Garchistan', while an agreement dated 629 AD mentions 'Frama-rizm Shaburan (i.e. 'the son of Shapur' – J. I.), a tapaghligh iltebir blooming in the glory of the qaghan, the khar of Rob, the lord of Parpaz' (Sims-Williams, 1999. PP. 255-256; Sims-Williams, 2000. PP. 74-79; Sims-Williams, 2007. PP. 35, 126-127). The mentioned Sart, the son of Khwade-band, was not in fact the yabghu (supreme ruler) of the Hephthalites (Vondrovec, 2014. II, p. 562), while a person bearing the title of iltebir Frama-rizm, the son of Shapur, could not be Turkic by origin.

Another good example illustrating the mixture of different titles is directly associated with the territory of Central Asia, that is, Sogdiana and Tokharistan. These are bulla with a stamp with an image of a ruler in a crown with the top in the form of a crescent and ribbed sphere; an inscription in Bactrian letters around the portrait

Рис. 3. «Энциклопедия тамг» в святилище Тахт-и Сангин (по: Литвинский, Пичикян, 2000. Табл. 28а, 28б) и аналогии знакам: 3, 5, 7, 9 – Тахт-и Сангин, типы тамг; 4 – тамга с монет Пангула; 6 – тамга с арфы из с. Козырка (Украина); 8 – тамга на керамическом сосуде, Кендыктепа, Ташкентский оазис; 10 – тамга с монет кушанишахов Кобада и Ардашира

Fig. 3. ‘Tamga encyclopaedia’ in the Takhti-Sangin sanctuary (after Litvinsky, Pichikyan, 2000. Table 28a, 28b) and analogues of signs: 3, 5, 7, 9 – Takhti-Sangin, tamga types; 4 – tamga on the coins of Pangul; 6 – tamga on a harp from the village of Kozyrka (Ukraine); 8 – tamga on a ceramic vessel, Kendyktepa, Tashkent oasis; 10 – tamga on the coins of Kushanshahs Kawād and Ardashir

VII века н.э., и следует ли считать саков или юэчжей, то есть воинов, захвативших Храм Окса и вырезавших свои тамги на базе колонны, тюркоязычными племенами, раз на

says: ‘... ruler Uglarg (Ularg), the king of the Huns, the great Kushan-shakh, the afshin of Samarkand’ (Lerner, Sims-Williams, 2011. Pp. 33, 36, 72-74, 181-182, 201). An Uzbek-Italian ex-

монетах VII века со сходной тамгой упомянуты тархан и тудун? Полагаю, что сравнение знаков друг с другом уместно, так как уже не раз прослеживалось их совпадение, скажем, на сарматских предметах и «энциклопедиях тамг» I-II веков н.э., на среднеазиатских раннесредневековых монетах и изделиях. Такие совпадения означают лишь то, что тамга как родоплеменной или семейный символ живет на протяжении веков, и что стать династическим знаком она может и по прошествии столетий, после того, как представители того или иного клана завоюют власть, достаточную для чеканки или отливки собственной монеты. Рассматриваемая тамга вполне могла сохраняться в Бактрии или к югу от Гиндукуша – в бывших сакских и кушанских землях – вплоть до раннего средневековья. Что касается тюркской титулатуры, то здесь, скорее всего, мы имеем дело с процессом постепенной тюркизации, реальной или номинальной, местных династий, которые еще сохраняли свою родовую символику, но уже стали прибегать к титулатуре своих новых властителей. Напомним, что Г. Гумбах, хотя и написал в статье «Пангул, тюрко-бактрийский правитель» о том, что тюркское происхождение Пангула не вызывает сомнений благодаря его титулам (тархан и тудун), так и не смог этимологизировать его имя исходя из тюркских языков (Humbach, 1996. С. 250). Замечательным примером того, как местные правители, носящие исконно иранские имена, не только сохраняли свою власть и получали дополнительные должности, но и прекрасно усваивали титулатуру завоевателей, могут послужить новые материалы. Среди них – документы из знаменитого архива хара (т.е., правителя) Роба (современный Руи, Северный Афганистан). Одно из писем данного архива адресовано «Сарту, сыну Хваде-банда, процветающему ябгу эфталитского народа, хару Роба, писцу эфталитских правителей, судьбе Тохаристана и Гарчистана», а в договоре, датированном 629 годом н.э., упоминается «Фрама-ризм Шабуран (т.е., сын Шапура. – Дж.И.), тапаглиг ильтебир процве-

педитион discovered the bulls from this series at Kafyrkala, the country residence of Samarkand's rulers known from sources as Rivdad (Cazzoli, Cereti, 2005. P. 159. Figs. 30, 31). Specialists continue to find bulls of a similar type at Kafyrkala (Berdimuradov et al., 2016. P. 118. Fig. 17: 1, 2), but the inscription could be satisfactorily deciphered only on three of them in a better state of preservation from Aman ur Rahman's collection; iconographies on some coins analogous to those of the stamps, as well as some other iconographic material, suggest that Uglarg was a 5th-century Kidarite ruler (Aman ur Rahman, Grenet, Sims-Williams, 2006. PP. 125-131). As for the Takhti-Sangin tamga, we should mention again that it might well survive the period between the fall of the Greco-Bactrian Kingdom and the early Middle Ages and occur on coins with Turkic titulary. Other instances of such durability of tamgas are provided in Chapter 9.

The next sign from the base of the Takhti-Sangin column (sign No. 1 after Yatsenko) (fig. 3, 5), which was made in at least two copies on the column, is similar in form to sign No. 2 we have analysed above and has an analogue, also quite distant geographically but close from the historical and ethnic aspects. A sign identical in appearance (fig. 3, 6) was recorded on a portable 'tamga encyclopaedia' – a wooden harp from a Sarmatian burial of the second half of the 1st century AD, which was excavated in Kozyrka, north from Olbia (Ukraine), in 1918. In the table provided in S. A. Yatsenko's monograph this tamga is given under the number 14 and placed among 'unique signs supposedly of local origin' (Yatsenko, 2001. P. 146, 175. Fig. 25, I a: 14). The tamga from Kozyrka is actually an upside-down mirror reflection of sign No. 1 from Takhti-Sangin. Among the criteria for identification of kindred tamgas offered by S. A. Yatsenko there is a mirror reflection turned upside down, to the right or left (Yatsenko 2001. P. 19). Therefore, the later tamga from Kozyrka may be regarded as analogous to the tamga from the Oxus Temple. This quite corresponds with the general tendency of expansion for Iranian-speaking no-

тающего в славе кагана, хар Роба, владетель Парпаза» (Sims-Williams, 1999. PP. 255-256; Sims-Williams, 2000. PP. 74-79; Sims-Williams, 2007. PP. 35, 126-127). Означенный Сарт, сын Хвадебанда, конечно же, не являлся по факту ябгу (верховным правителем) эфталитов (Vondrovec, 2014. II. P. 562), а носитель титула ильтебир Фрама-ризм, сын Шапура, не мог быть этническим тюрком.

Другой показательный пример смешения разных титулов относится непосредственно к среднеазиатской территории, а именно к Согду и Тохаристану. Это буллы с оттиском печатей, на которых представлен правитель в короне с навершием в виде полумесяца и ребристого шара; надпись бактрийским письмом вокруг портрета гласит: «... правитель Угларг (Уларг), царь хуннов, великий Кушаншах, афшин Самарканда» (Lerner, Sims-Williams, 2011. PP. 33, 36, 72-74, 181-182, 201). Буллы из этой серии были найдены при раскопках узбекско-итальянской экспедиции на Кафир-кала – загородной резиденции правителей Самарканда, известной по источникам под названием Ривдад (Cazzoli, Cereti, 2005. P. 159. Figs. 30, 31). Находки булл аналогичного типа на Кафир-кала продолжают (Бердимуратов и др., 2016. С. 118. Рис. 17: 1, 2), но удовлетворительно расшифровать надпись позволили три буллы из коллекции Амана ур-Рахмана, лучше сохранившиеся; аналогии иконографии печатей, имеющиеся в монетном чекане, а также другие иконографические материалы позволили выдвинуть предположение, что Угларг был кидаритским правителем V века н.э. (Aman ur Rahman, Grenet, Sims-Williams, 2006. PP. 125-131). Возвращаясь к тахтисангинской тамге, можем повторить, что она вполне могла дожить от эпохи крушения Греко-Бактрии до раннего средневековья и быть представлена на монетах с тюркской титулатурой. Другие примеры подобной продолжительности жизни тамг приведены нами в главе 9.

Следующий знак с тахтисангинской базы колонны (знак №1 по Яценко) (рис. 3, 5), произведенный на ней как минимум дважды

мадик groups to the south of Central Asia and the western part of the Eurasian Steppe zone.

Tamga No. 12 from Takhti-Sangin (fig. 3, 7) is a version of sign No. 1 and differs from the latter only in that No. 1 has a short vertical line on the right absent in No. 12. If we again refer to the analogy criteria and new sign formation developed by S. A. Yatsenko, we shall find the following definition: tamgas differing in one additional short line (a straight line, curve or hook) on one of the ends are supposed to be analogous (Yatsenko, 2001. P. 19). From this viewpoint signs Nos. 12 and 1 are certainly kindred, and, besides, they both may be considered analogous to sign No. 2 (or tamga S 61d after Göbl). The presence in this ‘tamga encyclopaedia’ of signs belonging to at least three kindred clans quite corresponds with our idea about a group of warriors leaving their marks on the occupied temple.

Sign No. 8 is analogous to a one from Tanais on the Don (stone slab II-205 from the Novocherkassk Museum) dated to the middle 1st-middle 2nd century AD and a one from Kerch (‘encyclopaedia’ on a slab) and a tamga on a ceramic item from the Lower Syrdarya (Drachuk, 1975. P. 115. Pl. IV: 210, 211; Yatsenko, 2001. P. 148). Other analogues are signs on ceramic vessels from Kangju (Tashkent Oasis, Kendyktepa, fig. 3: 8)⁷² (Buryakov, 1978. P. 108. Fig. 18: 1, 3) and those from the sanctuary of Bayte⁷³.

The next tamga from Takhti-Sangin that, though quite rare, has an analogue, is sign No. 3 (fig. 3, 9). It is completely identical to a tamga on the Kushano-Sasanian copper coins from the ‘Kobad issue’ from treasure 5 hidden after the 380s and discovered in 1969 in Shaartuz District, southern Tajikistan, that is, in the north-eastern part of Bactria/Tokharistan (Davidovich, 1979. PP. 50, 52)⁷⁴. The same tamga is present on the coins from issue 1114 (fig. 3, 10) with a Bactri-

⁷² Various items from the ceramic complex collected on the surface of the archaeological site eroded by a reservoir are dated to the 3rd-6th centuries (Buryakov, 1978. P. 110).

⁷³ See Chapter 2 of this publication written by S. A. Yatsenko, fig. 6: Ns. 232, 233.

⁷⁴ E. V. Zeymal identified and described the coins.

и близкий по начертанию к знаку №2, рассмотренному выше, имеет аналогию, так же далекую в географическом, но близкую в историко-этническом плане. Идентичный по начертанию знак (рис. 3, б) зафиксирован на портативной «энциклопедии тамг» – деревянной арфе из сарматского погребения второй половины I века н.э., которая была раскопана в 1918 году в Козырке, к северу от Ольвии (Украина). На таблице, приводимой в монографии С.А. Яценко, данная тамга помещена под номером 14, среди «уникальных знаков предположительно местного происхождения» (Яценко, 2001. С. 146, 175. Рис. 25, I a: 14). Козыркинская тамга по сути представляет собой зеркально перевернутый тахтисангинский знак №1. Среди критериев, предложенных С.А. Яценко для определения родственных тамг, есть зеркальное отражение первоначального знака вниз или вправо-влево (Яценко, 2001. С. 19). Соответственно, более позднюю тамгу из Козырки можно считать родственной тамге из Храма Окса. Это вполне согласуется с общей тенденцией распространения ираноязычных кочевых групп на юг Средней Азии и в западную часть степного пояса Евразии.

Тахтисангинская тамга №12 (рис. 3, 7) представляет собой вариант знака №1, отличающаяся лишь отсутствием короткой вертикальной черты справа. Если мы снова обратимся к разработанным С.А. Яценко критериям родства и образования новых знаков, то найдем следующее определение: родственными предлагается считать тамги, отличающиеся одной маленькой дополнительной линией (прямая, дуга, крючок) на одном из концов (Яценко, 2001. С. 19). С этой точки зрения, знаки №12 и №1 безусловно родственны между собой, а кроме того, они могут считаться родственными знаком №2 (или тамге S 61d по Гёблю). Наличие на данной «энциклопедии тамг» знаков по меньшей мере трех родственных кланов хорошо согласуется с нашим представлением о группе воинов, оставляющих свои знаки в захваченном храме.

Знаку №8 приведены аналогии середины I – середины II века н.э. с Танаиса на Дону

an inscription, which Göbl read as ‘Shapur Kushanshah’; it was placed to the left of the throne occupied by god Mitra (Göbl, 1984. PP. 42, 83, Pl. 118. 1114, Tab. VIII: 11). According to Göbl, this issue together with 555 is one of the eastern issues of Shakhanshah Shapur II (309-379). J. Cribb, however, studied new specimens from this issue, including a dinar purchased by the British museum and suggested a different reading of the phrase, ‘Ardashir Kushanshah’, and identified him as the first Sassanian Kushanshah who ruled circa 230-245 and was identical to Ardashir, the king of Merv (Cribb, 1985. PP. 320-321. Fig. 50; Cribb, 1990. PP. 159, 171, 186. Tab. 3: 14, 15). Thus, coins with this tamga are dated either to the first half of the 3rd century (after Cribb) or to the 4th century (after Göbl). A sign similar in form decorates the kulakh (headdress) of a prince or nobleman hunting bears depicted on a silver dish from Krasnaya Polyana, which is kept in the Museum of History in the city of Sukhumi (Abkhazia) (Lerner, Sims-Williams, 2011. Fig. 4; Yatsenko, 2001. P. 148. Fig. 33: C13). This dish is referred to a group of vessels of the 3rd-early 4th centuries, where, according to P. Harper, only princes or the rulers of provinces recently occupied by the Sassanians were depicted hunting, but never the kings of kings. V. G. Lukonin dated this dish to 270-290 (Trever, Lukonin, 1987. P. 49-51). K. Tanabe considers that the dish from Krasnaya Polyana is similar to a group of items of the 3rd-4th centuries made in the Kushano-Sassanian territory: in Herat, Merv or Balkh (Tanabe, 2001. P. 168. Fig. 2, color pl. II).

So, we have the following distribution pattern for analogues of Takhti-Sangin tamgas: the closest analogies were recorded in Sarmatian-Alani tribes (signs Ns. 1, 2, 12) and in Kangju (sign No. 8); some part of the signs can be traced in a later period on the coins of the Kushano-Sassanians and ‘Iranian Huns’ (Xionites and Hephthalites) and on coins of the period when Tokharistan was subordinate to the Turkic khaganate (signs Ns. 2 and 3). The earliest of the mentioned analogues of sign No. 3 are dated to 230-245 according to Cribb. Thus,

(каменная плита П-205 из Новочеркасского музея), Керчи (плита-«энциклопедия»), с керамики Нижней Сырдарьи (Драчук, 1975. С. 115. Табл. IV: 210, 211; Яценко, 2001. С. 148). К этому можно добавить знаки на керамических сосудах из Кангюя (Ташкентский оазис, Кендыктепа, рис. 3: 8)⁷² (Буряков, 1978. С. 108. Рис. 18: 1, 3), а также со святилища Байте III⁷³.

Следующая тахтисангинская тамга, к которой, несмотря на ее редкость, нам удалось подобрать аналогию – это знак №3 (рис. 3, 9). Абсолютно одинаковая тамга имеется на медных кушано-сасанидских монетах «эмиссии Кобада» из клада №5, сокрытого после 80-х годов IV века и найденного в 1969 году в Шаартузском районе Южного Таджикистана, то есть в северо-восточной части Бактрии/Тохаристана (Давидович, 1979. С. 50, 52)⁷⁴. Эта же тамга имеется на медных монетах эмиссии 1114 (рис. 3, 10) с бактрийской надписью, которую Р. Гёбль читал «Шапур кушаншах»; она помещена слева от трона, на котором восседает бог Митра (Göbl, 1984. PP. 42, 83. Tab. 118. 1114. Tab. VIII: 11). Данная эмиссия, по мнению Гёбля, так же, как и эмиссия 555, принадлежит восточным выпускам шаханшаха Шапура II (309-379 гг.). В свою очередь, Дж. Крибб на основе изучения новых экземпляров монет данной эмиссии, в том числе динара, приобретенных Британским музеем, предлагает иное чтение: «Ардашир кушаншах», и видит в нем первого сасанидского кушаншаха, правившего примерно в 230-245 годах, и идентичного Ардаширу, царю Мерва (Cribb, 1985. PP. 320-321. Fig. 50; Cribb, 1990. PP. 159, 171, 186. Tab. 3: 14, 15). Таким образом, монеты с данной тамгой относятся либо к первой половине III века (по Криббу), либо к IV веку (по Гёблю). Очень близкий по форме знак

the interval between these analogues and the supposed date of creation of Takhti-Sangin 'tamga encyclopaedia' is almost four centuries. There is a logic question, then: had we not better date the Takhti-Sangin signs to the Kushano-Sasanian period, when the closest analogues of one of them are referred to this very time? However, it should be noted that among the analogues of the Takhti-Sangin signs mentioned by Yatsenko and me there are quite a few early tamgas from various parts of Eurasia influenced by nomads where tamgas and tamga-like signs became widespread. For instance, Yatsenko compared one of the signs from the 'encyclopaedia', a 'three-and-four-teeth fork', with the upper part of the signs of Kushan rulers on coins (Yatsenko, 2001. P. 98). However, this tamga was used not since the time of the third Great Kushan Emperor, Vima Kadphises (c. 113 – c. 127), as was maintained by Yatsenko, but since the reign of the second king, Vima Takto/Soter Megas (c. 90 – c. 113). Besides, we should return to the stratigraphical conditions, in which the column base with signs was found. Unfortunately, the main publication does not provide information about which column had the tamgas or even in which of the two rows of the iwan columns the signs were. Based on the context we can suppose that this was one of the four bases in the first row situated closer to the iwan's western wall or, in other words, closer to the entrance to the central hall; at the Kushan time the bases of the second, eastern row of four columns were half inserted into the massive wall and sufa, thus turning the iwan into a closed room. In the Kushan period local people restored the temple after it had been destroyed during the Saka or Yuezhi invasion of the Greco-Bactrian Kingdom, and since that time the cultural layer was rapidly accumulating in the place – 2 m deep by the reign of Kanishka and Huvishka (Litvinsky, Pichikyan, 2000. PP. 113, 116). Such rapid accumulation of layers means that by the time of the Xionite conquest of Bactria/Tokharistan in the mid-4th century AD – the next known devastating no-

⁷² Керамический комплекс, собранный на поверхности размываемого водохранилищем городища, суммарно датирован III-VI веками (Буряков, 1978. С. 110).

⁷³ См. написанную С.А. Яценко главу 2 в данной издании, рис. 6: №№ 232, 233.

⁷⁴ Описание и определение монет осуществлено Е.В. Зеймалем.

украшает кулах (головной убор) принца или вельможи, который изображен охотящимся на медведей на серебряном блюде из Красной Поляны, хранящемся в Историческом музее в городе Сухум (Абхазия) (Lerner, Sims-Williams, 2011. Fig. 4; Яценко, 2001. С. 148. Рис. 33: С13). Данное блюдо относят к группе сосудов III – начала IV века, на них, по мнению П. Харпер, охотящимися были представлены только принцы или правители провинций, недавно завоеванных Сасанидами, но не сами цари царей. В.Г. Луконин датировал это блюдо 270-290 годами (Тревер, Луконин, 1987. С. 49-51). К. Танабе сближает блюдо из Красной Поляны с выделяемой им группой изделий III-IV веков, изготовленных на территории кушано-сасанидских владений: в Герате, Мерве или Балхе (Tanabe, 2001. P. 168. Fig. 2, color pl. II).

Итак, аналогии тахтисангинским тамгам дают следующую схему распространения: наиболее близкие хронологически знаки мы встречаем у сармато-аланских племен (знаки №№ 1, 2, 12), в Кангюе (знак №8), несколько позже часть знаков появляется в монетном чекане Кушано-сасанидов, «иранских хуннов» (хионитов и эфталитов), а также на монетах периода подчинения Тохаристана Тюркскому каганату (знаки №№ 2 и 3). Приводимые нами наиболее ранние аналогии знаку №3 относятся к 230-245 годам, если принять точку зрения Дж. Крибба. То есть они отстают от предполагаемой нами даты тахтисангинской «энциклопедии тамг» почти на четыре столетия. Возникает закономерный вопрос: не легче ли датировать тахтисангинские знаки кушано-сасанидским временем, раз ближайшие аналогии одному из них относятся именно к этому периоду? Отметим, однако, то обстоятельство, что среди отмеченных С.А. Яценко и нами аналогий тахтисангинским знакам есть немало ранних тамг из разных частей Евразии, где под влиянием кочевого мира получили распространение тамги и тамгообразные знаки. В частности, один из знаков рассматриваемой «энциклопедии», а именно «трех-четырёхзубую вилку», С.А. Яценко сравнил с

madic invasion of the Kushan Empire when, among other evildoings, temples were being plundered and tamgas left on the walls, the column bases had, most probably, been already completely buried under the layers. Otherwise we should admit that the accumulation process in the Greco-Bactrian iwan turned into a hall in the Kushan time did not begin up until the middle 4th century AD, while in the rest of the temple's territory layers were forming quite rapidly, which seems next to improbable. It should also be borne in mind that even in the Kushan period, when corridors Ns. 1 and 6 were used to keep cultic offerings – the horns of sacrificial animals (deer, gazelles, sheep, goats and cattle) brought to the temple, the floor level was 2 m higher than the natural ground (while the column bases in the iwan resting on the natural ground were 60 cm high). When the temple had been already totally abandoned, its walls and roofs collapsed, and the hill that formed out of the debris still 'bears traces of temporary habitation of nomads in the form of two large pits 3 m across and 2 m deep filled with ceramics with obvious Kushano-Sassanian features' (Litvinsky, Pichikyan, 2000. PP. 72-73, 91, 121, 182, 363). Evidently, it is impossible to synchronise the Takhti-Sangin signs with their analogues on Kushano-Sassanian coins even if we admit the earlier dating of the latter (230-245). For us it is important that R. Göbl explains the occurrence of various tamgas on these coins in the following way: as the Sasanians were gradually conquering the Kushan territories, the tamgas of clans that had submitted to them and become their allies were included in the series of signs stamped on coins in recognition of their high status as allies within the Kushano-Sassanian lands. For instance, the Xionites headed by Grumbates are known to help the Persians in the siege of the city of Amida in Syria led by the Sassanian Shahanshah Shapur II in 359 (Ammianus, XIX, 1, 2).

Thus, the case of the Takhti-Sangin signs supports the scheme in which the tamgas of

верхней частью знаков кушанских правителей, помещенных на их монетах (Яценко, 2001. С. 98). Справедливости ради отметим, что использование данной тамги начинается не с третьего великокушанского правителя Вимы Кадфиза (ок. 113-127), как пишет Яценко, а со второго, а именно с Сотера Мегаса/Вимы Такту (ок. 90-113). Кроме того, можно еще раз вернуться к стратиграфическим условиям находки базы колонны со знаками. К сожалению, в тексте основной публикации не сказано конкретно, в каком именно из двух рядов колонн айвана и на какой именно базе были вырезаны тамги. Исходя из контекста, можно предположить, что это была одна из четырех баз первого ряда, находившегося ближе к западной стене айвана, говоря иначе, ко входу в центральный зал; что касается второго – восточного – ряда из четырех колонн, то в кушанское время его базы были наполовину включены в массивную стену и суфу, превратившую айван в закрытое помещение. В кушанский период окрестное население восстанавливает храм после разгрома, учиненного при сакском либо юэчжийском «штурме Греко-Бактрии», с этого времени здесь начинается интенсивное накопление культурного слоя – 2 м напластований до периода Канишки и Хувишки (Литвинский, Пичикян, 2000. С. 113, 116). Можно полагать, что при такой интенсивности нарастания слоев ко времени следующего известного нам вторжения кочевников, способных бесчинствовать на территории государства Кушан, например, грабить храмы и оставлять в них свои тамги, т.е. к середине IV века н.э., когда произошло хионитское завоевание Бактрии/Тохаристана, базы колонн были, скорее всего, полностью погребены под наслоениями. Иначе придется допустить, что в айване греко-бактрийского времени, превращенном в кушанское время в зал, в отличие от всей остальной территории храма, накопления слоев не происходило до самой середины IV века н.э., а это представляется маловероятным. Не следует забывать, что уже в кушанский период, когда в коридорах №1 и №6 складывали культовые приношения в виде рогов жертвен-

clans that had occupied Central Asian territories during the conquest of Greco-Bactria in the 2nd century BC were appearing on coins as representatives of these clans achieved the status of the ruler of this or that area. The period of interaction between the Sassanians, Xionites, Hephthalites and Turkic peoples (4th-7th centuries AD) abounded in events such as those described above, while a number of signs continued to be in use even after the Arab invasion.

There was another persistent tendency observed in the course of the study of tamga signs in Bactria/Tokharistan and entire Central Asia: many of them have Sarmatian and Alani analogues from earlier or later (as is the case with the Takhti-Sangin tamgas) periods. These analogues indicate broad and diverse links between Eurasian peoples and tribes closely interrelated in terms of language, culture and lifestyle.

Tamgas on Kushan pottery

‘Encyclopaedias’ of tamgas are quite rare; individual items with this or that type of tamga on them are excavated more often. Many of these items are ceramic articles, mostly large jugs for storing and transporting things termed in Central Asian archaeology, depending on their size, *khum* or *khumcha* and occurring in large numbers at archaeological sites of the Kushan period. Large signs, which were placed generally on the shoulders of vessels where they were easily noticeable, were cut on them prior to baking using sharp tools. Two or three khums with the same tamga found within one house indicate that these vessels were sometimes made to order and bore the sign of their owner. Let us analyse the signs on the material from the well-known site of Kampyrtepa⁷⁵.

⁷⁵ It is located in Muzrabad District, Surkhandarya province. It was a fortified site created to protect and serve the point of crossing the Oxus/Amudarya River in the late 4th-early 3rd century BC. In the Kushan period, in the reign of Vima Takto/Soter Megas (c. 90 – c. 110 AD), a fortified wall and towers were built and the filling of the inner space of the fortress with residential quarters began. The

ных животных (олений, джейранов, крупного и мелкого рогатого скота), уровень пола в них находился на 2 м выше материка (при том, что базы колонн в айване, стоявшие на материке, имели высоту 60 см). Уже после того, как храм был полностью заброшен, его перекрытия и стены обрушились, на образовавшемся холме «сохранились следы временного проживания кочевников в виде больших – 3 м в диаметре и глубиной до 2 м – ям с ярко выраженной кушано-сасанидской керамикой» (Литвинский, Пичикян, 2000. С. 72-73, 91, 121, 182, 363). Очевидно, что синхронизировать тахтисангинские знаки с аналогичными знаками на кушано-сасанидских монетах, даже при раннем варианте датировки последних (230-245 гг.), не представляется возможным. В данном случае для нас важно то, что появление на этих монетах различных тамг Р. Гёбль объясняет тем, что по мере завоевания Сасанидами кушанских территорий тамги подчинившихся им и ставших союзными кланов включались в монетный чекан, надо полагать, как признание их высокого союзного статуса в пределах кушано-сасанидских владений. Широко известно участие хионитов во главе с Грумбатом в качестве союзников персов в осаде города Амида в Сирии, которую в 359 году вел сасанидский шаханшах Шапур II (Аммиан, XIX, 1, 2).

Таким образом, на примере тахтисангинских знаков подтверждается схема, согласно которой тамги кланов, завоевавших в ходе «штурма Греко-Бактрии» во II веке до н.э. среднеазиатские территории, появлялись в монетном чекане по мере того, как представители этих кланов добивались статуса правителя того или иного владения. Такими событиями была полна эпоха сасанидо-хионито-эфталито-тюркского взаимодействия (IV-VII вв.), ряд знаков продолжали употреблять и после арабского завоевания.

И еще одна устойчивая тенденция наблюдается при изучении тамговых знаков Бактрии/Тохаристана, как и в целом всего среднеазиатского региона: многие знаки имеют либо более ранние, либо более поздние (как

Five types of tamgas were identified on the khums from this site⁷⁶:

T-I – swastika with variations (at least 7 specimens);

T-II – S-shaped sign with variations (three specimens);

T-III – tamga in the form of the letter W (three specimens);

T-IV – tamga in the form of two Ws linked through a vertical line (three specimens);

T-V – tamga in the form of lapidary Greek alpha (two specimens).

Swastika is the most typical and, as it were, universal of the listed signs (fig. 4, 1-4). Omitting details concerning its interpretation and distribution area⁷⁷, it should only be noted that in the territory of Bactria its earliest versions were recorded in the Bronze Age burials of the Tulkhar burial ground (southern Tajikistan) and were composed of mud bricks arranged on the bottoms of catacombs (Mandelstam, 1968. PP. 43, 96, 106-107. Fig. 29, 35). It also is found on the dinars (golden coins) of Kushan Shahanshahs and Kushano-Sasanian kings. Swastika was also common in Buddhism⁷⁸ known to have been one of the most popular religions in Kushan Bactria. However, at Kampyrtepa this sign, probably, plays the role of a personal/clan tamga as it marks household receptacles not associated directly with the Buddhist religion.

The idea that the swastikas on the Kampyr-

---

fortress was abandoned by its inhabitants during the reign of Kanishka I (c. 127 – c. 150).

⁷⁶ For convenience we decided to mark different types of tamgas found on the ceramics of Kampyrtepa with the letter *T* and Roman and Arab figures and letters: so T-I encompasses swastikas, where the letter coming after the Roman figure refers to the variation of swastika and the Arab figure following the letter means the sign's ordinal number.

⁷⁷ Mythological dictionary, 1991. P. 490. R. Bagdasarov's essays on religion and ethnoses are dedicated completely to swastika and its distribution (Bagdasarov, 2001).

⁷⁸ The close link between swastika and Buddhism can be observed even today: on maps of Japanese cities swastikas mark Buddhist temples.

в случае с тахтисангинскими тамгами) аналогии среди сармато-аланских материалов. Эти аналогии отражают широкие связи и разнообразное взаимодействие родственных по языку, культуре и образу жизни народов и племен Евразии.

Тамги на керамике Кушанского периода

«Энциклопедии» тамг встречаются редко, несколько чаще при археологических раскопках попадаются отдельные предметы, на которых воспроизведены те или иные тамги. Среди таких артефактов можно выделить керамические изделия, в основном крупные тарные сосуды – корчаги (в зависимости от размеров именуемые в среднеазиатской археологии *хум* и *хумча*), во множестве находимые при раскопках кушанских городищ. Крупные знаки наносились на них до обжига острым предметом, помещались, как правило, на плечиках сосудов и были хорошо заметны. Находки в одном домовладении двух или трех хумов с одинаковой тамгой указывает на то, что эти сосуды иногда изготовлялись по специальному заказу и несли на себе знак их владельца. Рассмотрим их более подробно на примере материалов широко известного специалистам городища Кампыртепа⁷⁵.

Здесь на хумах пока выявлено пять разновидностей тамг⁷⁶:

Т-I – свастика с вариантами (встречена не менее 7 раз);

⁷⁵ Расположено в Музрабадском районе Сурхандарьинской области. Представляло собой укрепленный пункт, возникший для охраны и обслуживания переправы через Окс/Амударью в конце IV – начале III века до н.э. В кушанский период, в правление Сотера Мегаса/Вимы Такто (ок. 90-110 гг. н.э.) возведена крепостная стена с башнями и началась застройка внутреннего пространства крепости жилыми кварталами. Крепость была оставлена жителями в период правления Канишки I (ок. 127-150 гг. н.э.).

⁷⁶ Для удобства обозначим виды тамг, встречающиеся на керамике Кампыртепа, *буквой Т, а также римскими и арабскими цифрами и буквами*, например, Т-I – это обозначение свастики, буква вслед за римской цифрой означает вариант свастики, арабская цифра вслед за буквой передает порядковый номер знака.

ртепа khums is a tamga rather than a universal apotropaic sign or Buddhist symbol is largely supported by the fact that swastika can be found among Sarmatian signs, such as those on bronze mirror-pendants from the Kuban area. One of them is kept in the State Museum of History in Moscow (Drachuk, 1975. P. 146. Pl. XVI: 38), another one found in burial 2 of mound 1 in Novokubansk (excavated by N. F. Shevchenko in 1985) can be seen in a museum in Krasnodar (inv. No. KM-7519/99) (L'Or des Amazones, 2001. P. 258, No. 310). Among the Sarmatian material there is a series of homogeneous mirror-pendants decorated with strict tamgas, so swastikas may not be regarded as an exception. Variants of swastika have been recorded among other Sarmatian signs, including those from 'tamga encyclopaedias' in the northern portions of the Black Sea area (Drachuk, 1975. P. 125. Pl. VIII: 556, 559-561) and on the Ustyurt Plateau.

Swastikas are so far the most numerous among the signs discovered at the site, and this may indicate that representatives of this clan/family owned several houses in the territory of the fortress. The signs cut on raw clay are of various sizes. The smallest sign (T-I, A,1, 50×52 mm) (fig. 4, 3) was found in room 4 of block 10 (2001), a few bigger ones (T-I, A,2, 93×80 mm (fig. 4, 1, 2), T-I, A,3, 86×108 mm, T-I, A,4, 86×97 mm) decorated the shoulders of three khums from room 1 in a two-room house (the so called 'swastika section') in the north-eastern part of block E (Ilyasov, 2006. PP. 75-76. Fig. 11, fig. 12: 1-3; Ilyasov, 2010. P. 219. Figs. 10-13). One of the swastikas that decorated the khum, a fragment of which was found in a giant rubbish pit in the south-eastern part of the 'citadel' (T-I, Б,1) has additional perpendicular branches (fig. 4, 4). This may well be the case when the addition of elements to a tamga led to a new type for a family/individual that had split off the clan.

All the tamgas in the form of swastika discovered at Kampyrtepa are right-sided, that is, their tips are turned to the right, which must

Т-II – z-образный знак с вариантами (три образца);

Т-III – тамга в виде латинской буквы W (три образца);

Т-IV – тамга в виде двух W, соединенных вертикальной линией (три образца);

Т-V – тамга в виде греческой лапидарной альфы (два образца).

Из перечисленных знаков самым распространенным и универсальным, если так можно выразиться, является свастика (рис. 4, 1-4). Не вдаваясь здесь во все аспекты ее интерпретации и ареала⁷⁷, укажем лишь, что на территории Бактрии она зафиксирована уже в погребениях эпохи бронзы Тулхарского могильника (Южный Таджикистан) в виде выкладок из сырцовых кирпичей на дне катакомб (Мандельштам, 1968. С. 43, 96, 106-107. Рис. 29, 35). Имеется она и на динарах (золотых монетах) кушанских шаханшахов и кушано-сасанидских царей. Популярна свастика и в буддийском контексте⁷⁸, а буддизм, как известно, – одна из самых популярных религий кушанской Бактрии. Но на Кампыртепа данный знак выступает, скорее всего, в качестве личной/клановой тамги, так как маркирует тарную посуду из домовладений, которые с буддийским вероучением напрямую не связаны.

В пользу того, что свастика на кампыртепинских хумах является скорее тамгой, а не универсальным апотропеическим знаком или буддийским символом, говорит, по-видимому, и тот факт, что свастику можно видеть среди сарматских знаков. Например, на бронзовых зеркалах-подвесках из Прикубанья. Одно из них хранится в Государственном историческом музее в Москве (Драчук, 1975. С. 146.

⁷⁷ Мифологический словарь, 1991. С. 490. Свастике и ее распространению целиком посвящены этнорелигиоведческие очерки Р. Багдасарова (Багдасаров, 2001).

⁷⁸ Тесная связь свастики с буддизмом прослеживается до сегодняшнего дня: например, на планах японских городов именно свастикой обозначаются буддийские храмы.

symbolise a circular movement from right to left (i.e. anticlockwise).

There have been other variants of swastika or swastika-like sign found at Kampyrtepa (Tsepova, 2000. P. 111. Fig. 4, 10; Rtveladze, 2002. P. 105. Fig. 17). Some of these latter have tips turned towards each other. A ceramic lid with a similar tamga was found at Khalchayan among materials of the 2nd century AD (Pugachenkova, 1966. Fig. 61). The question of whether or not such signs should be regarded as variants of T-I, combinations of right- and left-sided swastikas or a different type remains unsettled so far.

Swastika has also been found on Kushan ceramics excavated at Karatepa in Old Termez, the largest Buddhist complex in southern Uzbekistan. In this case it was, probably, related to Buddhism (Stavisky, 1972. P. 46. Pl. XIX). This may also refer to swastika on late Kushan coins (Göbl, 1984. P. 74. Taf. 57-60).

A tamga in the form of an inverted S has three variants (fig. 4, 5-7). A fragment of a khum's wall with its simplest version (T-II,A) was found in Block 2 in the north-eastern part of Kampyrtepa. E.V. Rtveladze published it but provided no illustration (Rtveladze, 2002. P. 105). The size of the fragment is 25×12 cm, the size of the tamga is 75×45 mm.

The second tamga from this group (T-II,B) has an additional short straight line on each of the two ends (fig. 4, 6). It was cut on raw clay prior to baking, on the wall of a khum found in room 25б by S. B. Bolelov in 2004, when he was excavating block Б in the shakhristan of Kampyrtepa⁷⁹. Its dimensions are 137×70 mm.

The third tamga from this group (T-II,B) has an extra element in the form of a V-shaped figure on each of the two ends (fig. 4, 7). It was cut on raw clay prior to baking, on the wall of another

⁷⁹ The initial numeration of rooms in block Б was different and the room with khums was No. 36, under which number we mentioned it in one of the earlier publications (Ilyasov, 2006. P. 76).

Рис. 4. Кушанские тамги на хумах, городище Кампыртепа

Fig. 4. Kushan tamgas on khums, Kampyrtepa hillfort

Табл. XVI: 38), другое, найденное в погребении 2 кургана 1 в Новокубанске (раскопки Н.Ф. Шевченко 1985 г.), хранится в Краснодарском музее (инв. №КМ-7519/99) (L'Or des Amazones, 2001. P. 258, No. 310). Среди сарматских материалов известна целая серия однотипных зеркал-подвесок, украшенных именно тамгами, поэтому свастика не должна была быть каким-то исключением. Имеется она в различных вариантах и среди других сарматских знаков, в том числе и на «энциклопедиях тамг» в Северном Причерноморье (Драчук, 1975. С. 125. Табл. VIII: 556, 559-561) и на Устьурте.

По количеству находок на городище свастика пока наиболее многочисленна, и это

khum found in room 256 by S. B. Bolelov in 2004, when he was excavating block Б in the shakhristan of Kampyrtepa. Its dimensions are 164×104 mm (Ilyasov, 2010. PP. 217-219. Figs. 7-9).

Obviously, these tamgas are kindred and their owners, probably, represented subdivisions of one and the same clan residing in the Kampyrtepa fortress in the reign of Kanishka I, in the second quarter of the 2nd century AD. According to S. A. Yatsenko's theoretical concept, we deal with the tamgas of three subdivisions differing from each other in some minor additional elements. However, there are some contradictions. If the signs belonged to two owners related to each other (e.g. brothers), then they seem to have

может свидетельствовать о том, что представители данного клана/семьи владели несколькими домовладениями на территории крепости. Размеры знаков, вырезанных по сырой глине, различны. Самый мелкий (Т-I,А,1, 50×52 мм) (рис. 4, 3) найден в помещении 4 Блока 10 (2001 г.), более крупные (Т-I,А,2, 93×80 мм (рис. 4, 1, 2), Т-I,А,3, 86×108 мм, Т-I,А,4, 86×97 мм) украшали плечи трех хумов из помещения 1 двухкомнатного домовладения (т.н. «Секция свастика») в северо-восточной части квартала Е (Ильясов, 2006. С. 75-76. Рис. 11, рис. 12: 1-3; Ильясов, 2010. Р. 219. Figs. 10-13). Одна из свастик, украшавшая хум, фрагмент которого был найден в гигантской мусорной яме в юго-восточном углу «цитадели» (Т-I,Б,1), имеет на концах дополнительные отростки, расположенные перпендикулярно (рис. 4, 4). Возможно, это тот самый случай, когда из одной тамги получалась, благодаря дополнительным элементам, новая тамга для семьи/индивидуума, отпочковывающейся от клана.

Все тамги в виде свастики, найденные на Кампыртепа, являются так называемыми правосторонними, то есть их крючки обращены вправо, что должно символизировать круговое движение справа налево (т.е. против часовой стрелки).

На Кампыртепа были находки и других вариантов свастики, или свастикообразных знаков (Цепова, 2000. С. 111. Рис. 4, 10; Ртвеладзе, 2002. С. 105. Рис. 17). Последние отличаются тем, что их концы могут быть повернуты навстречу друг другу. Керамическая крышка с подобной тамгой была найдена среди материалов II века н.э. в Халчаяне (Пугаченкова, 1966. Рис. 61). Вопрос о том, считать ли такие знаки вариантами тамги Т-I, комбинацией из правосторонней и левосторонней свастики или самостоятельными знаками, не связанными напрямую со свастикой, остается открытым.

Свастика на кушанской керамике встречается и при раскопках крупнейшего в Южном Узбекистане буддийского комплекса Каратепы в Старом Термезе. Здесь она, видимо, имеет

lived in two small rooms, and each had some property which they both kept in one room. Otherwise, we should admit that the minor differences between tamgas T-II,Б and T-II,В merely imply different ways of inscription of the same sign (different handwriting), a kind of personal embellishments having nothing to do with the split of a clan into smaller kindred groups.

I can hardly imagine a house where two owners of independent tamgas confined themselves to two rooms, one of which was a storeroom. On the other hand, the different versions can hardly have resulted from the creative abilities of the khum maker. So how can we explain the presence of two similar signs in one room? The answer may be as follows: researchers identified special one- and two-room compartments which functioned in the territory of the Upper Town ('citadel') and in the blocks of the Lower Town ('shakhristan') in the Kushan period; these compartments were, most probably, small shops with doors giving on to narrow streets and few courts or, rather, trading areas (Rusanov, 2000. С. 21. Fig. 5; Bolelov, 2006. Р. 39-40. Fig. 1, 2). The two-room compartment in block Б might be one of these shops owned jointly by a couple of relatives whose signs were T-II,Б and T-II,В. In this case the necessity to distinguish the receptacles is quite explicable.

According to S. A. Yatsenko, the mirror-symmetric signs, such the tamgas in the form of the letter S and inverted S at Kampyrtepa, may belong to one owner (=family, clan or tribe) or be *different* tamgas (Yatsenko 2001. P. 16). We think that the tamgas at Kampyrtepa may be *different* ones but belonging to *kindred* families, clans etc.

An S-shaped tamga has been found in Khorezm. B. I. Vainberg refers the Khorezmian silver coins on which the tamgas were recorded to types Б^{III} and IV and dates them to the time 'before the last third of the 3rd century'; the copper coins with this tamga (type Б, В/1) could not be dated (Vainberg, 1977. P. 53, 58. Pl. XVI–XVIII, XXII, XXVII). These specimens suggest contacts between the owners of

буддийский контекст (Ставиский, 1972. С. 46. Табл. XIX). Это же, вероятно, можно сказать и о свастике на позднекушанских монетах (Göbl, 1984. P. 74. Taf. 57-60).

Тамга в виде z-образного знака встречается в трех вариантах (рис. 4, 5-7). Фрагмент стенки хума с наиболее простым ее начертанием (Т-II,А) найден в Блоке-2, в северо-восточной части Кампыртепа. Он опубликован Э.В. Ртвеладзе без иллюстрации (Ртвеладзе, 2002. С. 105). Размеры фрагмента – 25×12 см, размеры тамги – 75×45 мм.

Вторая тамга из этой группы (Т-II,Б) имеет дополнительную короткую прямую черточку на каждом из двух концов (рис. 4, 6). Она вырезана по сырой глине до обжига на стенке хума, найденного С.Б. Болеловым в 2004 году в помещении 25б при раскопках квартала «Б» в шахристане Кампыртепа⁷⁹. Ее размеры – 137×70 мм.

Третья тамга из этой группы (Т-II,В) имеет дополнение в виде v-образной фигуры на каждом из двух концов (рис. 4, 7). Она вырезана по сырой глине до обжига на стенке еще одного хума, найденного С.Б. Болеловым в том же помещении 25б при раскопках квартала «Б» в шахристане Кампыртепа. Ее размеры – 164×104 мм (Ilyasov, 2010. PP. 217-219. Figs. 7-9).

Очевидно, что эти тамги являются родственными, а их носители принадлежали, скорее всего, к подразделениям одного клана, обитавшим в крепости Кампыртепа в правление Канишки I, т.е. во второй четверти II века н.э. Если придерживаться теоретических построений С.А. Яценко, перед нами тамги трех подразделений, отличающиеся друг от друга наличием дополнительных элементов. Однако в данном случае возникает противоречие. Если знаки принадлежали двум хозяевам, имевшим родственные отношения (скажем, двум братьям), то следует предположить, что

the tamga and Khorezm. A possible version is that representatives of a Kushan clan with tamga T-II moved to Khorezm after Kushan Bactria was conquered by the Sasanids. By 'the last third of the 3rd century' representatives of this clan rose to some prominence, which was reflected on the coins.

A group of pre-Islamic coins from the Karshi Oasis (Nakhshab, Nasaf) dated to the 7th-8th century have an image of a horse on the reverse and tamga T-II. This is one of the cases when tamgas used earlier in Tokharistan appeared later on coins in a number of medieval Sogdian territories. I ascribe this to the advance of the Hephthalites and the clans they had subordinated from south to north (Ilyasov, 2004; *ibid*, 2006a; Ilyasov, 2003).

Importantly, the bearers of tamga T-II stayed in Tokharistan and managed to achieve prominence in the early Middle Ages as well. This is supported by coins spread, judging from their extreme rarity, within a very limited area of Chaganian possession, Surkhandarya province, Uzbekistan. G. A. Pugachenkova published two coins from Khalchayan and Dalverzintepa and illustrated the second one (Pugachenkova, 1966. P. 123. Fig. 78B). Two more coins from two issues, which have not been published so far, were found at the citadel of Dalverzintepa by a joint Uzbek-Japanese expedition. The obverse of all the four abovementioned coins bears a portrait of a ruler enface, on both sides of which there are two tamgas, one S-shaped and the other its mirror reflection. These coins are dated preliminarily to the pre-Arab time.

T-III – tamga in the form of the letter W, two specimens of which have been found on large jugs. One of them was cut in thick lines on the shoulder of a two-handled khumcha prior to baking, on raw clay, and is dated to the time of Kanishka I; the size of the tamga is 50×82 mm (fig. 5, 1). A fragment of an identical sign was recorded on a fragment of another khum.

This tamga has few analogues. We have found two similar tamgas among Sarmatian signs – one in the form of W and the other M-shaped,

⁷⁹ По предварительной нумерации помещений квартала «Б» помещение с хумами было обозначено номером 36, и под этим номером мы упоминали его в одной из публикаций (Ильясов, 2006. С. 76).

они вместе жили в двух небольших комнатах, имея при этом каждый свое имущество, хранимое в одном помещении. Или же приходится признать, что небольшие отличия между тамгами Т-II,Б и Т-II,В – это всего лишь разные способы написания одного знака (почерки), своего рода личное украшательство, не имеющее отношение к разделению клана на мелкие родственные группы.

Существование домовладения, в котором в двух помещениях, одно из которых – хранилище, жили два самостоятельных обладателя собственной тамги, кажется мне проблематичным. С другой стороны, вряд ли разница в начертании знаков – это плод свободного творчества изготовителя хумов. Чем же объяснить факт обнаружения двух родственных знаков в одном помещении? Можно предложить такую версию: на территории Верхнего города кушанского периода (так называемая «цитадель»), а также в кварталах Нижнего города («шахристан») исследователи выделяют особые одно-двухкомнатные секции, которые являлись, скорее всего, торговыми лавками, имевшими выходы на улочки и немногочисленные дворы, точнее, небольшие торговые площади (Русанов, 2000. С. 21. Рис. 5; Болелов, 2006. С. 39-40. Рис. 1, 2). Двухкомнатная секция, имеющая выход в переулок в квартале «Б», возможно, была именно лавкой, которой вполне могли совместно владеть родственники – обладатели знаков Т-II,Б и Т-II,В. В таком случае желание различать тарные сосуды может быть вполне оправданным.

Зеркально симметричные знаки (в данном случае речь идет о тамге в виде буквы «S» и ее зеркальном отражении, как на Кампыртепа), как полагает С.А. Яценко, могут принадлежать либо одному владельцу (= семье, клану, племени), либо являться *разными* тамгами (Яценко, 2001. С. 16). От себя отметим, что в последнем случае это могут быть *разные*, но при том *родственные* тамги, то есть тамги родственных семей, кланов, etc.

S-овидная тамга известна в Хорезме. Хорезмийские серебряные монеты, на которых она встречается, отнесены Б.И. Вайнберг к

but both are more amorphous in form, however (Drachuk, 1975. P. 123. Pl. VII: 509, 514).

A sign in the form of W (or M depending on the viewpoint) carved on a golden torque with a wonderful zoomorphic décor in relief (fig. 5, 2), which belonged to a Saka chief buried together with his wife in the mound of Arzhan 2 in Tuva (fortunately, the mound has not been plundered and thus yielded a lot of priceless material and information concerning the late 7th century BC), is a distant analogue dated to a much earlier time (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2006. S. 115-117. Taf. 9-13; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010. Taf. 3. Taf. 36: 1). The Arzhan torque weighed around 1.8 kg and was an explicit symbol of the high status of its owner. Therefore, the sign carved quite carelessly on the smooth upward-facing central portion of the adornment was doubtlessly the owner's sign, so we can consider it the tamga of a chief. It is very dangerous to refer the W-shaped tamgas of the reign of Kanishka I (c. 127 – c. 150) from Kampyrtepa directly to the nomads that inhabited South Siberian in the 7th century BC. However, taking into consideration the diversity of links between Central Asia and the easternmost territories of nomadic cultures traced in both iconography and material culture (a good example is clothes on the tails of horses from the Pazaryk barrows dated to the 5th-3rd century BC and similar clothes on Orlat and Takhti-Sangin plaques of the 1st-2nd century AD), we think it right to keep the analogy of these signs in mind in expectation of other evidence that may come forth.

It should be noted that tamga T-III which, as we have already mentioned, is rare in itself, often forms a part of a large number of other signs. For example, a W-shaped element forms the bottom of a sign on the Kushan royal coin of Huvishka who was the king in the second half of the 2nd century AD. It is also an element of a Khorezmian tamga used for many centuries in a row. Analysing the basic Khorezmian signs – tamgas T2, T3 and T4 – B. I. Vainberg suggested that their W-shaped bottom part indicates some

типам Б¹III и IV и датированы «до последней трети III в.»; что касается медных монет с этой тамгой (тип Б, В/1), то их дата не определена (Вайнберг, 1977. С. 53, 58. Табл. XVI–XVIII, XXII, XXVII). Эти образцы демонстрируют возможные контакты носителей данной тамги с Хорезмом. Например, можно предположить, что после завоевания кушанской Бактрии Сасанидами представители кушанского клана с тамгой Т-II переселились в Хорезм. Здесь «до последней трети III в.» представители этого клана достигли определенных позиций, что и отразилось в монетном чекане.

На одной группе датированных VII–VIII веками доисламских монет Каршинского оазиса (Нахшаб, Насаф), оборотная сторона которых украшена изображением коня, также представлена тамга Т-II. В данном случае, возможно, мы имеем дело с явлением, когда тамги, известные ранее в Тохаристане, позже появляются на монетах ряда раннесредневековых согдийских владений. Я попытался связать это с продвижением эфталитов и покоренных ими кланов с юга на север (Ильясов, 2004; он же, 2006а; Ilyasov, 2003).

Немаловажным кажется и то, что носители тамги Т-II продолжали населять Тохаристан, и в период раннего средневековья сумели и здесь достичь высокого положения. Об этом свидетельствует монетный чекан, локализуемый, судя по очень редким находкам, в Сурхандарьинской области Узбекистана (владение Чаганиан). Две монеты (из Халчаяна и Дальварзинтепа) опубликовала Г.А. Пугаченкова, проиллюстрировав вторую из них (Пугаченкова, 1966. С. 123. Рис. 78в). Еще две пока неопубликованные монеты двух эмиссий найдены при раскопках узбекско-японской экспедицией на цитадели Дальварзинтепа. На лицевой стороне всех четырех известных нам монет представлен портрет правителя в анфас, с двух сторон от которого расположены S-овидные тамги в своей зеркальной и традиционной форме. На одной из дальварзинских монет крупная тамга S представлена также в поле оборотной стороны. Эти монеты предварительно датируются преарабским временем.

dynastic relations ('a kind of union') between Khoresmshahs and Kushanshahs (Vainberg, 1977. P. 37, 38). It is quite possible that the clan that used tamga T-III from the Kampyrtepa site dated to the time of Kanishka I or later took an active part in the establishment of interdynastic links within the Kushan Empire and links between Kushan and Khorezmian dynasties. Certainly, new material and scrupulous analysis are required to make such conclusions.

As an element of other signs tamga T-III is found in a vast range of Sarmatian signs from the northern territories of the Black Sea area (Drachuk, 1975. P. 123. Table IV: 255, Table VII: 503⁸⁰, Pl. IX: 659-661) and from Bayte III⁸¹.

T-IV consists of two W-shaped signs interconnected with a vertical line. E. V. Rtveladze was the first to publish a tamga of this type, of which he gave the following description: 'a tamga sign in the form of a vertical line from which slanting lines diverge upwards and downwards to form triangles' (Rtveladze, 2002. P. 105. Fig. 16). The tamga described by Rtveladze was cut in thin lines on the wall of a red clay khum prior to baking; the fragment of the vessel with the tamga was found in Block 2, in a layer of the time of Kanishka I. The tamga was not whole, the size of the remaining part was 115×90 mm (fig. 5, 3). A fragment of a khum with a part of a tamga seemingly analogous to the previous one and made using the same technique – cut on raw clay in thin lines – was found in fortification structures excavated at Kampyrtepa in 2012 (Ilyasov, Gorin, Sheyko, 2016. P. 160. Fig. 6, left). Actually, only a part of the sign is visible on the fragment of a vessel, which may well be an ordinary W-shaped tamga, but the technique identical to that used in the previous tamga suggests this is the double W version.

A third specimen of tamga T-IV was discovered at Kampyrtepa (shakhristan, block E, store-room 8) in 2013. It was cut in broad lines – a style traditional for the Kampyrtepa signs (fig.

⁸⁰ An identical analogy of Khorezmian royal tamga T2.

⁸¹ See Chapter 2 herein by S. A. Yatsenko, fig. 4, 1.

Т-III – тамга в виде латинской буквы W, представлена на корчагах двумя образцами. Одна из них вырезана на плече двуручной хумчи времени Канишки I до обжига широкой линией по сырой глине; размеры тамги – 50×82 мм (рис. 5, 1). На фрагменте другого хума сохранилась часть аналогичного знака.

Аналогий этой тамге немного. Среди сарматских знаков нам встретились два: один в виде W, другой в виде M, имеющие, однако, более аморфные очертания (Драчук, 1975. С. 123. Табл. VII: 509, 514).

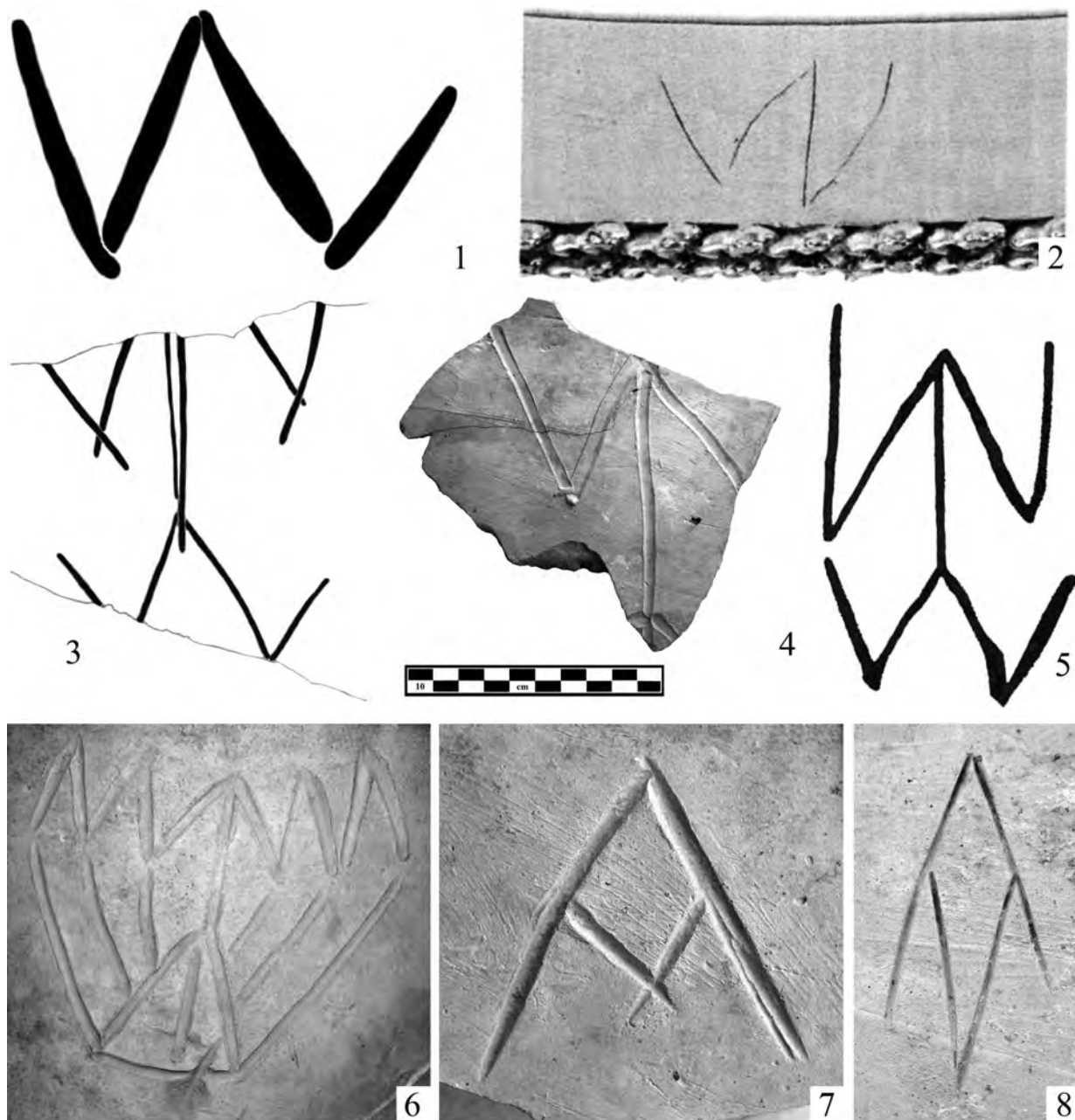
В качестве далекой и намного более ранней аналогии можно привести знак в форме W (или M, в зависимости от точки зрения), вырезанный на золотой гривне с великолепным рельефным зооморфным декором (рис. 5, 2), принадлежавшей сакскому вождю, погребенному вместе со своей супругой в тувинском кургане Аржан 2, по счастью, неграбленным, давшем науке неоценимый по значению комплекс материалов и информации, относящихся к концу VII века до н.э. (Џугунов, Parzinger, Nagler, 2006. S. 115-117. Taf. 9-13; Џугунов, Parzinger, Nagler, 2010. Taf. 3. Taf. 36: 1). Аржанская гривна, которая весила около 1,8 кг, была зримым символом высокого статуса ее носителя. Соответственно, знак, не очень аккуратно вырезанный на гладкой обращенной вверх стороне центральной части украшения, был, безусловно, владельческим знаком, поэтому мы можем считать, что это – тамга вождя. Возводить кампыртепинские W-образные тамги времени правления Канишки I (ок. 127-150 гг.) напрямую к кочевникам Южной Сибири конца VII века до н.э. весьма рискованно. Однако, учитывая разнообразные линии связей Средней Азии с восточным ареалом кочевых культур, проявляющиеся и в иконографии, и в материальной культуре (хороший пример – чехлы на хвостах коней из Пазырыкских курганов V-III веков до н.э. и изображения аналогичных чехлов на орлатских и тахтисангинских поясных пластинах I-II веков н.э.), мы вправе, думается, как-то учесть схожесть данных знаков в ожидании других свидетельств, которые могут появиться.

5, 4). The tamga is not whole (the size of the remaining part is 130×120 mm), but the fragment suggests that it is sign T-IV.

We think that tamgas T-III and T-IV are kindred and illustrate very well one of the principles of composing new signs formulated by S. A. Yatsenko, principle No. 5: ‘the joining of two identical or different tamgas’ (Yatsenko 2001. PP. 19-20). Evidently, it was necessary when a clan split and the new group required a sign that could communicate its relation to the mother clan. It means that tamgas T-III and T-IV demonstrate that at the time of Kanishka I the Kampyrtepa fortress was inhabited by people from at least two kindred clans or families, one of which used tamga W and the other a doubled version of the same sign.

Tamga T-IV suggests the existence of one more interesting link. An analogous sign was cut on two khums of the Kushan period excavated by V. D. Zhukov at the Khayrabadtepa site, Angkor District, Surkhandarya province (fig. 5, 5). According to V. D. Zhukov, that sign had ‘the form of two turned vertical letters M interconnected with a line in the middle’ (Zhukov, 1961. P. 189. Fig. 6). We know that activity within the Kampyrtepa fortress died in the reign of Kanishka I, that is, between 127 and 150. Most probably, a natural catastrophe – flood or earthquake – made its inhabitants abandon the fortress. The people might move to the nearby settlements of Zartepa and Khayrabadtepa. We think that analogous tamgas found at Kampyrtepa and Khayrabadtepa quite correspond with the idea of migration of the owners of the double-W tamga to the new territory. On the other hand, this fact may well indicate that members of one and the same Kushan-Yuezhi clan lived in the neighbouring settlements situated at 12-13 km from each other in a direct line from the very beginning (Ilyasov, 2010. С. 214-215. Figs. 3-4).

There is another tamga of the Kushan period found on the shoulder of a khum from the Shortepa site in the same Angkor District and currently exhibited in the Termez Museum of Archaeology (fig. 5, 6), which, apparently, further devel-

Рис. 5. Тамги типов T-III – T-V на керамике и аналогия (2): 1 – тамга T-III; 2 – тамга на гривне вождя, Аржан 2, Тува, конец VII в. до н.э.; 3, 4 – Тамга T-IV, Кампыртепа; 5 – тамга T-IV, Хайрабадтепа; 6 – Шортена; 7, 8 – тамга T-V, Кампыртепа

Fig. 5. T-III – T-V tamga types on ceramics and analogy (2): 1 – tamga T-III; 2 – tamga on the torque of a chief, Arzhan 2, Tuva, late 7th century BC; 3, 4 – Tamga T-IV, Kampyrtepa; 5 – tamga T-IV, Khayrabadtepa; 6 – Shortepa; 7, 8 – tamga T-V, Kampyrtepa

Отметим, что тамга T-III, которая, как уже сказано выше, сама по себе редка, входит в состав многих других знаков. Например, в кушанском царском чекане W-образный нижний элемент появляется в чекане Хувишки, правившего во второй половине II века н.э. Она

ops signs T-III and T-IV. The material was published by G. A. Pugachenkova; the khum with the tamga was found in layer IIIr-6 dated to the 3rd-4th centuries (Pugachenkova, 1987. P. 40. Fig. 5, 24; 14, 4). The size of the tamga is 117×150 mm. If analysed quite scrupulously, this sign,

является также частью хорезмийской тамги, существовавшей на протяжении многих веков. Рассматривая основные хорезмийские знаки – тамги Т2, Т3 и Т4, – Б.И. Вайнберг предположила, что их W-образная нижняя часть указывает на возникновение династических связей («какая-то уния») Хорезмшахов с Кушанами (Вайнберг, 1977. С. 37, 38). Не исключено, что клан, символом которого была тамга Т-III с городища Кампыртепа, датируемая временем не позже Канишки I, принимал активное участие в формировании как собственно кушанских, так и кушано-хорезмийских династических взаимосвязей. Конечно, для таких выводов требуются накопление новых материалов и их серьезный анализ.

Как составная часть других знаков тамга Т-III широко представлена в огромном корпусе сарматских знаков как из Северного Причерноморья (Драчук, 1975. С. 123. Табл. IV: 255, табл. VII: 503⁸⁰, табл. IX: 659-661), так и в святилище Байте III⁸¹.

Т-IV представляет собой два W-образных знака, соединенных вертикальной чертой. Впервые такую тамгу опубликовал Э.В. Ртвеладзе, дав следующее ее описание: «знак-тамга в виде вертикальной черты, от которой к низу и к верху отходят косые линии, образующие треугольники» (Ртвеладзе, 2002. С. 105. Рис. 16). Она до обжига прорезана тонкими линиями на стенке красноглиняного хума; фрагмент найден в Блоке 2, в слое времени Канишки I. Сохранность тамги неполная, размер сохранившейся части – 115×90 мм (рис. 5, 3). Фрагмент хума с частично сохранившейся и, по-видимому, аналогичной тамгой, выполненной в той же самой технике – то есть по сырой глине тонкими прорезными линиями – найден при наших раскопках фортификационных сооружений Кампыртепа в 2012 году (Ильясов, Горин, Шейко, 2016. С. 160. Рис. 6, слева). Собственно, на фрагменте видна лишь часть знака, который может быть обычным W-образным знаком, но, учитывая технику нанесения, аналогичную предыдущей тамге,

a very complex structure at first sight, may be regarded as a version of Tamga T-IV complicated with numerous additional lines. It is possible that a series of principles of developing new tamgas proposed by S. A. Yatsenko were used sequentially to form this one: ‘Tamgas may be regarded ‘kindred’ if they differ in: 1) one small additional line on one of the ends; 2) one additional geometric figure (circle at the bottom or in the centre or, less often, triangle); 3) two additional symmetric lines’ (Yatsenko 2001. P. 19). It is possible that in the course of the splitting process within the clan using tamga T-III, which lasted from the middle 2nd century to the 3rd-4th century, the sign was gradually becoming more and more complex through addition of symmetrical lines to the basic elements and later more lines that formed a triangle at the bottom of the tamga (Ilyasov, 2010. PP. 215-216. Fig. 5).

Tamga T-V includes two specimens on khums (fig. 5, 7-8). In form it imitates the Greek letter ‘alpha’ with a crosspiece with an angle pointing downwards. A narrower version of this tamga cut on a khum from room 16 in block Ж⁸² may be taken for a symbolic image of an arrowhead (fig. 5, 8). U. R. Göbl provides tamga G6 consisting of a sign analogous to our tamga topped with a horizontal line with four projections pointing upwards (Göbl, 1967. IV, Taf. 16, 110).

Khum lids form another type of ceramic items where tamgas have been recorded. At the time of Kanishka I lids were flat discs with smoothed surface with a hollow (sometimes a through aperture) made in the centre prior to baking and a shallow semi-circular depression made, probably, with a finger. Alongside this simplified device for handling the lid, a few have on them tamgas and signs cut prior to baking. Given below are finds of this type from Kampyrtepa.

A lid was found in room 2 Б in Block 2/3, in the north-eastern part of the Kampyrtepa shakhristan (Gorin, 2010. PP. 103-104. Fig. 11,

⁸⁰ Точная аналогия хорезмийской царской тамги Т2.

⁸¹ См. написанную С.А. Яценко главу 2 в данной работе, рис. 4, 1.

⁸² The rim of this khum has on it three imprints of a stamp. Unfortunately, the imprints are unclear, so it is impossible to discern the image so far.

мы склонны считать ее также сдвоенным вариантом.

Третий образец тамги Т-IV найден на Кампыртепа (шахристан, квартал Е, складское помещение 8) в 2013 году. Он выполнен в более традиционной для кампыртепинских знаков манере – широкими прорезными линиями (рис. 5, 4). Тамга не полная (размеры сохранившейся части 130×120 мм), но тем не менее, понять, что это именно знак Т-IV, можно.

Представляется, что тамги Т-III и Т-IV являются родственными и очень хорошо иллюстрируют один из принципов образования новых форм знаков, сформулированных С.А. Яценко, а именно пятый способ: «соединение двух одинаковых или разных тамг» (Яценко, 2001. С. 19-20). Это было нужно, очевидно, в тех случаях, когда происходило разделение клана, и необходимо было создать знак для вновь образуемой группы, показав при этом ее родственную принадлежность. То есть тамги Т-III и Т-IV демонстрируют нам, что в период правления Канишки в крепости Кампыртепа обитали представители по крайней мере двух родственных кланов или семей, у одного из которых тамгой был знак W, а другого – тот же знак, но в сдвоенном варианте.

Тамга Т-IV позволяет проследить еще одну любопытную линию связей. Аналогичный знак прочерчен на двух хумах кушанского времени, найденных В.Д. Жуковым при раскопках на городище Хайрабадтепа в Ангорском районе Сурхандарьинской области (рис. 5, 5). По описанию В.Д. Жукова, это знак «в виде двух перевернутых, вертикально расположенных букв *m*, соединенных посередине чертой» (Жуков, 1961. С. 189. Рис. 6). Как известно, жизнь в крепости Кампыртепа прекратилась в правление Канишки I, то есть в период между 127 и 150 годами н.э. Причиной ухода жителей стала, скорее всего, природная катастрофа – наводнение или землетрясение. Повидимому, население крепости переселилось в близлежащие населенные пункты – Зартепа и Хайрабадтепа. Можно предположить, что присутствие аналогичных тамг на Кампыртепа и Хайрабадтепа отражает факт переселения представителей клана – носителя тамги

12). On its top smoothed and lightened during the baking there is a tamga without the upper part (fig. 6, 1-2). Notwithstanding, what remains can give us a general idea of the tamga: a short horizontal base supports a vertical rod, on top of which rests a fragment of a cap in the form of a recumbent letter S. Apparently, this tamga is analogous to the Sarmatian tamga from Olbia ('tamga encyclopaedia' on the marble lion) and resembles some of the variants of tamga S 61b on the coins of issue 260 (Drachuk, 1975. P. 116. Pl. 4, 233; Göbl, 1967. IV, Taf. 15).

A fragment of a bowl's wall with a tamga cut after baking was another item found at Kampyrtepa (fig. 6, 3). E. V. Rtveldze published it without the illustration and described it in the following way: '4. A compound tamga sign with some elements reminding of the Khorezmian and Chach tamga on coins. It was cut on the wall of a small bowl coated with red engobe' (Rtveldze, 2002. P. 105). As this tamga was cut on a finished vessel, it was doubtlessly made by the owner and we are not sure about the position of its bottom and top. We believe that its structure resembles most that of the so called Alchon tamga (S 1 after Göbl) and its top is oriented towards the bottom of the vessel. Anyway, there are signs similar to it in composition in the 'tamga encyclopaedia' at Bayte III (fig. 6 in Chapter 2, Ns. 183, 191).

Tamgas on khums and lids might be used not only to mark items made to order, but also as talismans protecting the vessel's contents.

Among the finds of Kampyrtepa is an item very uncommon in the territory of Bactria and having on it an image of a tamga. This is a bronze buckle with intricate openwork found in Block 10 in 2001 (Luneva, 2001. Fig. 2, 8; Luneva, 2005. P. 84. Fig. 12, 11; Ilyasov, 2010. PP. 220-222. Fig. 15). It used to adorn a belt or a horse's harness. The buckle with a rounded frame and prong was attached to a plate, on the other side of which there was a clamp to fix the plate and buckle to a waist or shoulder belt. The size of the buckle is 40×30 mm. It has a tamga inside a rectangular frame. The sign is an asymmetric figure on a rounded rest (рис. 6, 4).

в виде двойного W – на новую территорию. С другой стороны, в этом можно увидеть отражение того, что представители одного и того же юэчжийско-кушанского клана изначально населяли соседние населенные пункты, расстояние между которыми всего 12-13 км по прямой (Пуясов, 2010. С. 214-215. Figs. 3-4).

Еще одна тамга кушанского периода, украшающая плечо хума, найденного на городище Шортепа в том же Ангорском районе и выставленного ныне в экспозиции Термезского археологического музея (рис. 5, б), вероятно, продолжает линию развития знаков Т-III и Т-IV. Материалы опубликованы Г.А. Пугаченковой, хум с тамгой происходит из слоя ШТ-6, который датирован III-IV веками (Пугаченкова, 1987. С. 40. Рис. 5, 24; 14, 4). Размеры тамги – 117×150 мм. Этот очень сложный на первый взгляд знак при внимательном изучении может быть признан вариантом тамги Т-IV, усложненной многими дополнительными штрихами. Можно считать, что здесь последовательно были применены другие способы образования новых форм из тех, что приведены С.А. Яценко, который пишет: «Можно считать ‘родственными’ тамги, отличающиеся: 1) одной маленькой дополнительной линией на одном из концов; 2) одной дополнительной геометрической фигурой (круг, добавляемый внизу, или в центре, реже – треугольник); 3) двумя симметричными дополнительными линиями» (Яценко, 2001. С. 19). Возможно, что в процессе деления клана с тамгой Т-III, происходившего в период между серединой II и III-IV веками, этот знак постепенно усложнялся путем добавления симметрично расположенных линий к основным элементам, а затем дополнительных линий, образовавших треугольник внизу тамги (Пуясов, 2010. PP. 215-216. Fig. 5).

Тамга Т-V выявлена на хумах дважды (рис. 5, 7-8). По форме она воспроизводит греческую альфу с перекладной, опущенной углом вниз. Зауженный вариант этой тамги, вырезанной на хуме из пом. 16 квартала Ж⁸²,

⁸² На венчике этого хума имеется три расположенных рядом оттиска печати. К сожалению, оттиски нечеткие, и понять, что изображено, пока не удается.

This seems to be the first belt plate with a tamga found in Central Asia; items like this are more typical of Sarmatian territories (Yatsenko, 2001. P. 32). For instance, a ceremonial belt found in a famous burial near the village of Porogi was decorated with vertical plates with a tamga. A series of Sarmatian tamgas were recorded on square and rounded buckles with openwork found together with a Sarmatian sword among grave goods in a Thracian burial excavated in Roshava Dragana, Bulgaria (Simonenko, Lobai, 1991. P. 49. Fig. 27, 2; photos 13; 38, 2). An openwork bronze disc which, according to S. A. Yatsenko, had been a decorative element of a sheath that had later been used as an amulet was discovered in female burial 149 (late 1st century AD) of burial ground Belbek IV in south-western Crimea. Inscribed in the disc is a sign in the form of four tridents on a circle or two intersected signs in the form of a circle, from which two tridents protrude in opposite directions. In the first case this sign almost coincides with the tamga on the coins of Vima Takto aka Soter Meges, the second of the great Kushan kings, with the only difference that the tamga from Crimea has no transverse line between the circle and trident; S. A. Yatsenko believes that the sign from Belbek is identical to the tamga on the coins of Vasudeva, the last of the great Kushan kings (Yatsenko, 2001. P. 39. Fig. 18, 7, 27). Another round openwork buckle plate with a tamga from a bridle was found in one of the mounds of 2nd-3rd century AD at burial ground Kirovsky I in the lower stretches of the Don (Yatsenko, 2001. P. 146. Fig. 26: d). A series of openwork bronze and gold waist buckles decorated with tamgas of the Sarmatian origin belonging to Bosporean kings of the 2nd-3rd centuries AD were found in the Black Sea area (Solomonik, 1959. PP. 132-137). According to M. Yu. Treister, such buckles made in royal Bosporean workshops were presented as decorations to officers and soldiers. These buckles had prototypes in some of the Roman provinces, such as Germania Superior and Raetia, while their production in the Bosporean Kingdom began in the middle of the 2nd century AD (Treister, 2000. P. 122). According to S. A.

можно воспринять и как условное изображение наконечника стрелы (рис. 5, 8). У Р. Гёбля приводится тамга G 6, у которой на знак, аналогичный нашей тамге, сверху наложена горизонтальная линия с четырьмя обращенными вверх отростками (Göbl, 1967. IV, Taf. 16, 110).

Другой вид керамических изделий, на которых встречаются тамги, – крышки хумов. В период Канишки I они представляют собой плоские диски с заглаженной поверхностью, в центре которых имеются сделанные до обжига углубление (иногда сквозное отверстие) и неглубокий полукруг, прочерченный рядом, по-видимому, пальцем. В нескольких случаях, помимо этого редуцированного приспособления для подъема крышки, имеются прочерченные так же до обжига тамги и знаки. Приведем пример из находок на Кампыртепа.

Крышка была найдена в 2006 году в помещении 2 «Б» в Блоке 2/3, в северо-восточной части шахристана Кампыртепа (Горин, 2010. С. 103-104. Рис. 11, 12). На ее верхней заглаженной и высветленной при обжиге поверхности изображена тамга, верх которой, к сожалению, утрачен (рис. 6, 1-2). Несмотря на это, общее представление о тамге получить можно: на короткой горизонтальной подставке и вертикальном стержне расположено изогнутое навершие, от которого сохранилась фигура в виде лежащей буквы S. Видимо, эта тамга имеет сходство с сарматской тамгой из Ольвии («энциклопедия тамг» на мраморном льве), а также напоминает некоторые из вариантов тамги S 61b на монетах эмиссии 260 (Драчук, 1975. С. 116. Табл. 4, 233; Göbl, 1967. IV, Taf. 15).

На Кампыртепа найден также фрагмент стенки миски, на котором тамга изображена уже после обжига (рис. 6, 3). Э.В. Ртвеладзе опубликовал ее без иллюстрации, описав следующим образом: «4. Сложный знак-тамга, некоторые элементы которого похожи на хорезмскую и чачскую тамги на монетах. Прочерчен на стенке небольшой чаши, покрытой красноватым ангобом» (Ртвеладзе, 2002. С. 105). Поскольку эта тамга вырезалась на готовом сосуде, она, безусловно, владельческая, и нет уверенности, где у нее верх, а где

Yatsenko, decoration buckles began to be produced in the Bosporan Kingdom in the late years of the reign of Rhoemetalces (131-153) (Yatsenko, 2001. P. 51). The buckle plate with a tamga found at Kampyrtepa in the layer dated to the reign of Kanishka I (c. 127 – c. 150) or earlier indicates that such items could be actively produced in areas far beyond the Bosporan Kingdom at the time when within the kingdom their production was only beginning.

Interestingly, the tamga on the Kampyrtepa buckle is most similar to the upper part of Bosporan royal signs, in particular, the so called ‘most typical sign’ occurring on a wide range of items. S. A. Yatsenko insists that this sign was the tamga of the Bosporan king Rhescuporis III (210-222). We believe that the above mentioned coincidences are far from being accidental and indicate that this tamga was closely related to Sarmatian signs, which, however, requires more scrupulous research.

We should like once again highlight the fact that the clearly dated tamgas from Kampyrtepa may serve as chronological benchmarks for the study of the multifaceted world of Eurasian signs.

Tamgas of the Xionite-Hephthalite and Turkic periods

In the middle of the 4th century AD, in about 350-370, Tokharistan is invaded by the tribes of the so called ‘Iranian Huns’ (termed after Göbl). There is but scarce information about those conquests – unceasing disputes between specialists over their chronology and the origin of the Kidarites, Xionites and Hephthalites continue for many decades. The most informative source providing data on history and relative chronology of the events in the 4th-7th centuries is the numismatics of the ‘Iranian Huns’ imitating the coins of Sassanian Shahanshahs. Researchers in Austria and other countries continue to utilise the coin issue numeration and tamga denomination (e.g. S 1 – ‘Alchon tamga’, S 2 – ‘Samarkand sign’) offered by R. Göbl, which makes it possible for specialists from all over the world to unify the signs’ classification in their research works.

низ. По нашему мнению, по типу построения она в наибольшей степени схожа с так называемой тамгой алхонов (S 1 по Гёблю), и тогда ее верх обращен к донной части сосуда. В любом случае, она имеет близкие по начертанию знаки в «энциклопедии тамг» святилища Байте III (рис. 6 в главе 2, №№ 183, 191).

Тамги на хумах и крышках, надо полагать, служили не только для маркировки заказных изделий, недвусмысленно демонстрируя, кому вещь принадлежит, но и в качестве оберега содержимого сосудов.

С городища Кампыртепа происходит редкий для Бактрии предмет, несущий на себе изображение тамги. Это бронзовая ажурная пряжка, найденная при раскопках в Блоке 10 в 2001 году (Лулева, 2001. Рис. 2, 8; Лулева, 2005. С. 84. Рис. 12, 11; Ilyasov, 2010. PP. 220-222. Fig. 15). Она служила украшением ремня или конской упряжи. К одному из концов бляхи прикреплена пряжка с округлой рамкой и язычком, а к другому – скоба, посредством которой бляха крепилась к ремню (возможно, портупейному). Размеры бляхи – 40×30 мм, внутри прямоугольной рамки помещена тамга. Она представляет собой асимметричную фигуру на округлой подставке (рис. 6, 4). Кажется, это первый случай находки бляхи с тамгой в Средней Азии; такие предметы гораздо более характерны для сарматских территорий (Яценко, 2001. С. 32). Например, в знаменитом погребении у с. Пороги тамгой украшены вертикальные пластины, украшавшие парадный пояс. В сопроводительном инвентаре фракийского погребения, раскопанного в Рошава Драгана (Болгария) и содержавшего сарматский меч, найдены ажурные пряжки квадратной и круглой формы, украшенные сарматскими тамгами (Симоненко, Лобай, 1991. С. 49. Рис. 27, 2; фото 13; 38, 2). Ажурный бронзовый диск, служивший, по мнению С.А. Яценко, деталью обкладки ножен, а затем использованный в качестве амулета, найден в женском погребении 149 (конец I в. н.э.) могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В диск вписан либо знак в виде четырехжды повторенного трезубца на круге, либо два скрещенных знака в виде круга, от которого в противоположные стороны отхо-

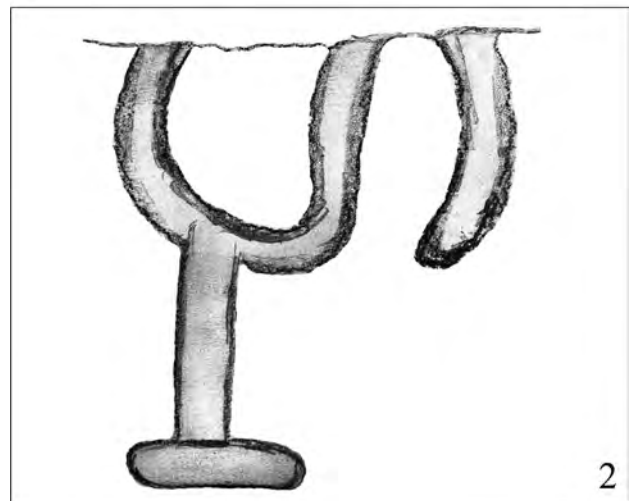
We know two ‘tamga encyclopaedias’ of the Xionite period from the territory of northern Tokharistan, and both were discovered in present-day Surkhandarya province in Uzbekistan. The first of them is graffiti on the four sections of the wall of the northern corridor (rooms 7 and 9) in the so called ‘house of a rich house owner’ (excavation trench ДТ-6) excavated and published by B. A. Turgunov (Turgunov, 1978. P. 54. Fig. 31). About ten signs were carved on the plaster on the corridor wall (fig. 6, 5), some of them being doubtlessly tamgas while others requiring more study. We think the most expressive is the tamga (fig. 6, 6) similar in shape to certain variants of the Alchon tamga with the top in the form of a flower resembling a tulip (Göbl, 1967. IV, Taf. 14, 10; 15, 84).

According to the Dalverzintepa chronology, graffiti tamga were owned by groups that invaded Bactria/Tokharistan in the mid-4th century, that is, the tribes known from written sources as the Xionites. The devastation caused by the newcomers, who, probably, had been forced out of the territory of Kangju by the Huns and moved southwards to Bactria/Tokharistan and further to the areas behind the Hindu Kush, was so big that the largest Kushan city in the middle and upper stretches of the Surkhan River, the capital of the province known since the early medieval period as Chaganian, could not revive and was abandoned.

A tamga in its original appearance, that is, as a brand on the shoulder of a fragmented moulded terracotta statuette of a horse (horseman) (fig. 6, 7), can be referred to the same ethnic environment of Chaganian’s conquerors. The terracotta item was found in an abandoned baking kiln in excavation trench ДТ-9 (ceramists’ quarter). Earlier G. A. Pugachenkova noted the resemblance between one of the tamgas on the wall of the northern corridor in house ДТ-6 (fig. 6, 6) and the tamga on the terracotta item (Pugachenkova, 1978. P. 213); the author of this article compared both these signs with Alchon tamga S 1 (Ilyasov, 1999; Ilyasov, 2006b). When we were first publishing the terracotta tamga, Alchon tamga S 1 had been recorded only on coins

дят два трезубца. В первом случае этот знак совпадает с известной по монетам тамгой Сотера Мегаса – второго из великокушанских царей Вимы Такто, отличаясь от нее лишь отсутствием поперечной черты между кругом и трезубцем; С.А. Яценко же считает, что знак из Бельбека идентичен тамге на монетах последнего из великокушанских правителей Васудевы (Яценко, 2001. С. 39. Рис. 18, 7, 27). Другая круглая ажурная бляха от узды с изображением тамги найдена в одном из курганов II-III веков н.э. могильника Кировский I на Нижнем Дону (Яценко, 2001. С. 146. Рис. 26: d). Целая серия ажурных бронзовых и золотых поясных пряжек, украшенных тамгами имевших сарматское происхождение царей Боспора II-III веков н.э., известна по находкам в Причерноморье (Соломоник, 1959. С. 132-137). По мнению М.Ю. Трейстера, такими пряжками, изготовлявшимися в царских мастерских Боспора, награждались отличившиеся солдаты и офицеры. Пряжки эти имели свои прототипы в образцах, появившихся в римских провинциях – Верхней Германии и Реции, и стали производиться боспорскими мастерами в середине II века н.э. (Трейстер, 2000. С. 122). С.А. Яценко предполагает, что производство наградных пряжек на Боспоре возникло в конце правления Риметалка (131-153 гг.) (Яценко, 2001. С. 51). Находка бляхи с тамгой на Кампыртепа в слое, датированном не позже времени правления Канишки I (ок. 127-150 гг.), свидетельствует о том, что подобные предметы могли изготавливаться далеко за пределами Боспорского царства в период, когда, по мнению исследователей, там только началось производство наградных пряжек.

Любопытно, что тамга на кампыртепинской пряжке в наибольшей степени схожа с верхней частью боспорских царских знаков, в особенности т.н. «самого распространенного знака», представленного на самых различных предметах. Как настаивает С.А. Яценко, данный знак является тамгой боспорского царя Рискупорида III (210-222 гг.). Думается, что перечисленные совпадения далеко не случайны и указывают на тесные сарматские связи нашей тамги, которые требуют дальнейшего углубленного изучения.

Рис. 6. Кушанские тамги и скопления («энциклопедии») тамг в Дальверзинтепа (№№ 1-4 – Кампыртепа; 5-9 – Дальверзинтепа): 1, 2 – крышка; 3 – миска (прод. на след. стр.)

Fig. 6. Kushan tamgas and tamgas accumulations ('encyclopaedias') at Dalverzintepa (Nos. 1-4 – Kampyrtepa; 5-9 – Dalverzintepa): 1, 2 – lid; 3 – bowl (continued on the next page)

Хотелось бы еще раз подчеркнуть значение кампыртепинских хорошо датированных тамг в качестве хронологических реперов в изучении разнообразного мира знаков Евразии.

Тамги хионито-эфталитского и тюркского периодов

Начиная с середины IV века н.э., видимо, в 350-370 годах в Тохаристан вторгаются племена так называемых «иранских хуннов» (по терминологии Р. Гёбля). События периода завоеваний очень скупо освещены в письменных источниках, их хронология, так же, как и этническая принадлежность кидаритов, хионитов и эфталитов, являются предметом неутрачивающих многие десятилетия дискуссий между специалистами. Наиболее информативным источником по истории и относительной хронологии IV-VII веков является нумизматика «иранских хуннов», основанная на подражаниях чекану Сасанидских шаханшахов. Важно отметить, что, помимо нумерации эмиссий, введенной в науку Р. Гёблем, исследователи, и не только австрийские, продолжают использовать предложенное им обозначение тамговых знаков (например, S 1 – т.н. «тамга алхонов», S 2 – «Самаркандский знак»), что дает возможность унифицировать классификацию знаков в исследованиях специалистов из самых разных стран.

С территории Северного Тохаристана нам известны две «энциклопедии тамг» хионитского периода, все они найдены на территории современной Сурхандарьинской области Узбекистана. Первая из них – это граффити на четырех участках стены северного коридора (помещения 7 и 9) в т.н. «доме богатого домовладельца» (раскоп ДТ-6), раскопанного и опубликованного Б.А. Тургуновым (Тургунов, 1978. С. 54. Рис. 31). Здесь по штукатурке на стене коридора вырезаны с десятков знаков (рис. 6, 5), часть которых, без всяких сомнений, являются тамгами, а остальные требуют дополнительного осмысления. Наиболее выразительной, на наш взгляд, является тамга (рис. 6, б), близкая по начертанию вариантам тамги алхонов, верх которой оформлялся в виде цветка, напоминающего тюльпан (Göbl, 1967. IV, Taf. 14, 10; 15, 84).

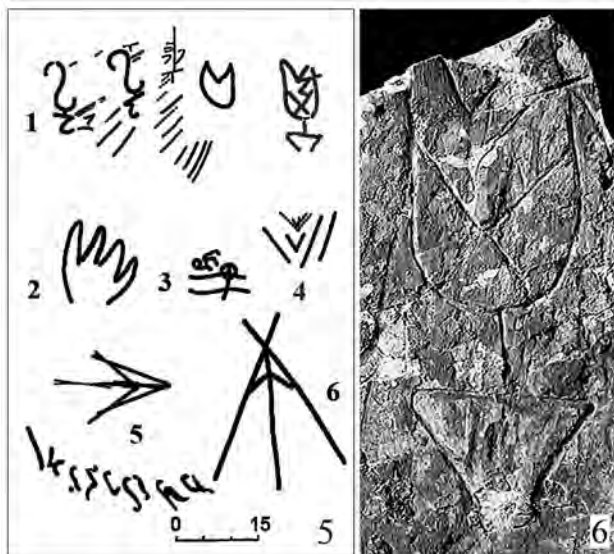

Рис. 6. 4 – бронзовая пряжка с тамгой; 5 – «энциклопедия тамг» на штукатурке (прод. на след. стр.)

Fig. 6. 4 – bronze buckle with tamga; 5 – 'tamga encyclopaedia' on plaster (continued on the next page)

that circulated in the Xionite lands behind the Hindu Kush (except for initial types minted earlier in Bactria) and on a few cameos with portraits and Bactrian inscriptions (Stavisky, 1961. PP. 54-56). However, recently a unique copper/bronze coin with tamga S 1 and a Sogdian in-

Судя по хронологии Дальварзинтепа, тамги-граффити принадлежали представителям отрядов, вторгшихся в Бактрию/Тохаристан в середине IV века, то есть племенам, известным по письменным источникам как хиониты. Разгром, учиненный пришельцами, которые были выходцами с территории Кангюя, вынужденными ринуться на юг – в Бактрию/Тохаристан и дальше за Гиндукуш, видимо, под давлением гуннов, был настолько основательным, что крупнейший кушанский город среднего и верхнего течения реки Сурхан, столичный центр владения, известного с эпохи раннего средневековья как Чаганиан, не смог оправиться и был заброшен.

К той же этнической среде завоевателей Чаганиана должна быть отнесена тамга, представленная на фрагментированной лепной терракотовой статуэтке коня (всадника) в своем исконном виде, то есть в виде тавра на плече животного (рис. 6, 7). Терракота была найдена в заброшенной обжигательной печи на раскопе ДТ-9 (квартал керамистов). Еще Г.А. Пугаченкова отмечала сходство одной из тамг со стены северного коридора в доме ДТ-6 (рис. 6, 6) с тамгой на терракоте (Пугаченкова, 1978. С. 213); автор сопоставил оба эти знака с тамгой алхонов S 1 (Ильясов, 1999; Ильясов, 2006б). Во время нашей первой публикации тамги на терракоте тамга алхонов S 1 была известна лишь на монетах, имевших хождение во владениях хионитов за Гиндукушем (за исключением исходных монетных типов, чеканенных еще в Бактрии), и на нескольких геммах с портретами и бактрийскими надписями (Ставиский, 1961. С. 54-56). К настоящему времени, однако, опубликованы уникальная медная/бронзовая монета с тамгой S 1 и согдийской надписью, найденная в 2004 году на поверхности городища Канка в Ташкентской области⁸³ (Ртвеладзе, 2006. С. 108-115; Ртвеладзе, Ильясов, 2009. С. 169-184. Рис. 2), а также серебряное блюдо с изображением Пегаса, на бедре которого вырезана все та же тамга S

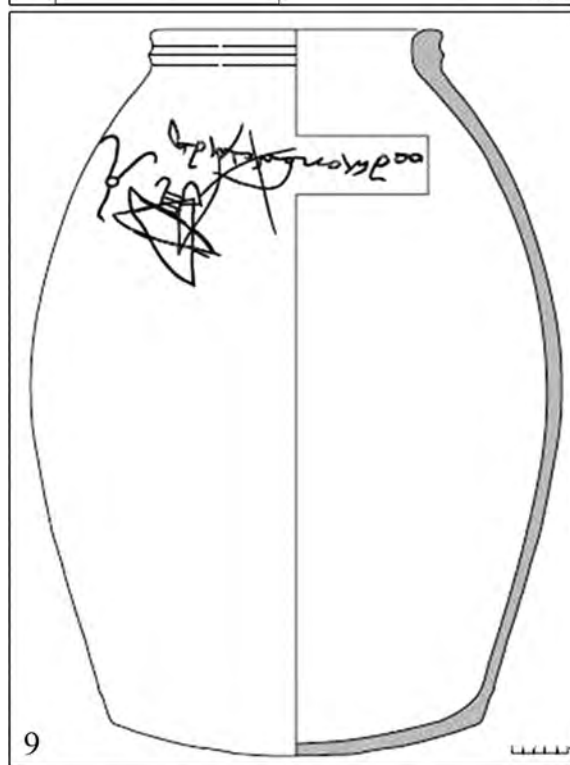
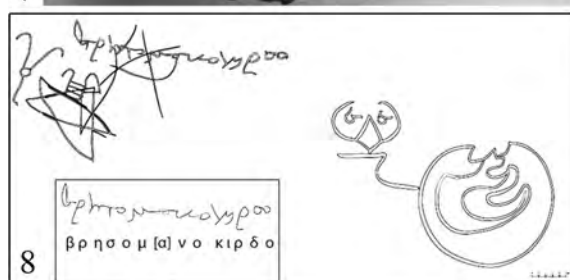

Рис. 6. 6 – тамга на штукатурке; 7 – тамга на терракоте; 8 – «энциклопедия тамг» на хуме; 9 – знаки и бактрийская надпись на хуме

Fig. 6. 6 – tamga on plaster; 7 – tamga on terracotta; 8 – ‘tamga encyclopaedia’ on a khum; 9 – signs and Bactrian inscription on a khum

⁸³ Средневековый Харашкет, второй по величине город Чача/Шаша, расположенный на юго-западе Ташкентского оазиса.

⁸⁴. Эти новые материалы, наряду с тамгами с Дальварзинтепа, четко показывают следы клана хионитов-алхонов, оставленные им в Чаче и в Бактрии-Тохаристане на своем пути за Гиндукуш. Можно не сомневаться, что такие свидетельства будут умножаться со временем.

На Каратепа при тщательном исследовании стен пещерных монастырских сооружений можно обнаружить много граффити, передающих различные символы, знаки и тамги. Но наиболее редкий и яркий знак из найденных здесь – это гигантская *пурна гхата*⁸⁵, вырезанная на глинобитном полу перед пещерным комплексом Е на Южном холме. Изображение дополнено двумя свастиками. Автор раскопок Т.К. Мкртычев сопоставил его с символами на монетах алхонов и датировал V веком (Мкртычев, 1996. С. 220-223).

Второй «энциклопедией тамг» можно назвать керамическую корчагу (хумча)⁸⁶, на которую до обжига нанесли несколько знаков, а также надпись бактрийским письмом⁸⁷ (рис. 6, 8-9). Рядом с надписью четко различаются пятиконечная звезда, знак в виде разлинованного квадрата с двумя крючками по сторонам лесенки (рис. 6, 9). Наиболее выразительна тамга S 2, иначе называемая «Самаркандским знаком»⁸⁸. Ее присутствие здесь примечательно и свидетельствует о согдийско-тохаристанских контактах, видимо, активизировавшихся после вхождения этих владений в состав государства Эфталитов. Следы подобных контактов прослеживаются и по другим материалам с Дальварзинтепа.

Рядом с надписью видны еще четыре линии, из которых составляется знак, объединяющий начертания А и Н.

scription has been found on the surface of the hillfort of Kanka, Tashkent province, in 2004⁸³ (Rtveladze, 2006. PP. 108-115; Rtveladze, Ilyasov, 2009. PP. 169-184. Fig. 2) and a silver dish with an image of Pegasus with the same tamga, S 1, carved on its thigh has been discovered⁸⁴. Together with the tamgas from Dalverzintepa, these new materials clearly show the traces the Xionite-Alchon clan left in Chach and Bactria/Tokharistan as it was moving to the Hindu Kush. There is no doubt that evidence would only accumulate with time.

The scrupulous analysis of the walls of cave monasteries revealed many graffiti including various symbols, signs and tamgas. However, the rarest and most interesting of them is the giant *purna-ghata*⁸⁵ cut on the wattle-and-daub floor in front of cave complex E on the Southern Hill. The image comes together with two swastikas. T. K. Mkrtychev who conducted the excavations compared it with the symbols on the Alchon coins and dated to the 5th century (Mkrtychev, 1996. PP. 220-223).

A ceramic pot (*khumcha*)⁸⁶, on which a few signs and an inscription in Bactrian letters were made prior to baking⁸⁷ (fig. 6, 8-9) can be referred to as the second ‘tamga encyclopaedia’. Next to the inscription there is a five-point star and a sign in the form of a ruled square with two hooks on both sides of the steps, all clearly discernable (fig. 6, 9). The most interesting is tamga S 2 often referred to as the ‘Samarkand sign’⁸⁸. The presence of this tamga testifies to the existence of contacts between Sogdiana and Tokharistan, which were, probably, re-established when this territory had been included in the Hephthalite

⁸⁴ В настоящее время хранится в коллекции Фонда Марджани (Москва).

⁸⁵ Символ древа жизни в виде изображения сосуда с вырастающим из него растением.

⁸⁶ Высота сосуда – 68,5 см, диаметр устья – 26,5 см, диаметр выпуклого дна – 30,5 см.

⁸⁷ «Бресомано кирдо» – «Сделал Вресман», чтение Н. Симс-Вильямса (Tanabe, Yamauchi et al., 2000. PP. 160-162. Figs. 1, 4-6; Ртвеладзе, Тургунов, 2001. С. 130-132).

⁸⁸ Подробно о тамге S 2 см.: Ilyasov, 2003. PP. 135-141; Ильясов, 2006а. С. 104-113.

⁸³ Medieval Kharashket, the second largest city in Chach/Shash, situated in the south-west of the Tashkent Oasis.

⁸⁴ Currently kept at the Marjani Foundation, Moscow.

⁸⁵ The image of a vessel with a plant growing out of it symbolizes the Tree of Life.

⁸⁶ Vessel height – 68.5 cm, mouth diameter – 26.5 cm, diameter of convex bottom – 30.5 cm.

⁸⁷ ‘Bresomano kirdo’ – ‘Made by Vresman’, interpreted by N. Sims-Williams (Tanabe, Yamauchi et al., 2000. PP. 160-162. Figs. 1, 4-6; Rtveladze, Turgunov, 2001. PP. 130-132).

⁸⁸ For details about tamga S 2 see: Ilyasov, 2003. PP. 135-141; Ilyasov, 2006a. PP. 104-113.

На другой стороне сосуда до обжига процарапаны еще два крупных знака. Один из них несколько напоминает по форме вариант тамги, которую Р. Гёбль именует кушанско-гуннской (Göbl, 1967. III, Taf. 3, 4), только без левой «ножки». Рядом знак в виде круга с вписанной в него замысловатой фигурой. Надо признать, что для тамги данный знак довольно сложен, а в целом эти два знака составляют рисунок, напоминающий схематичное изображение птицы (рис. 6, 9). В отличие от тамг и надписи на другой стороне сосуда, эти знаки выполнены более широкой и глубокой линией. Что означает это скопление знаков на корчаге, на которой специально написали «Сделал Вресман» (вполне вероятно, что речь идет не об изготовлении сосуда, а о нанесении надписи и знаков или их части), сказать очень трудно. Его явно изготовили на заказ, и предназначен он был для хранения какой-либо субстанции, или предметов, либо документов, принадлежавших группе лиц, оставивших на корчаге до ее обжига свои тамги.

Ряд знаков выявлен на керамике, полученной при раскопках на городище Шуроб-Курган. Оно находится в 500 м к востоку от Кампыртепа и в период средневековья осуществляло те же функции, что и Кампыртепа в эпоху Селевкидов, Греко-Бактрии и Кушан – охрану и обслуживание переправы через Окс/Джайхун. В двух домовладениях, раскопанных В.С. Соловьевым и датированных им VIII веком, дважды зафиксирована пятиконечная звезда (пентаграмма): на нижней поверхности керамического столика (дастархан) и на верхней плоскости бортика сосуда типа жаровни (Соловьев, 2004. С. 114. Рис. 20; Соловьев, 2011. С. 70. Рис. 31). Как и свастика, пентаграмма относится к разряду универсальных знаков-символов, что, однако, не исключает возможности использования ее в качестве личной или семейно-клановой тамги. В пользу этого говорит, как и в случае со свастикой, наличие пятиконечной звезды среди сарматских знаков Северного Причерноморья: на штукатурке в Неаполе Скифском и на «энциклопедии тамг» – мраморном льве из Ольвии (Дашевская, 1962. С. 176. Рис. 5;

Empire. Other material from Dalverzintepa also suggests these contacts.

There are four more lines near the inscription forming a sign looking like a combination of A and H.

Two large signs were cut on the other side of the vessel prior to baking. One of them resembles in form the tamga that R. Göbl refers to as Kushano-Huna (Göbl, 1967. III, Taf. 3, 4) but has no 'leg'. Next to it is a sign in the form of a circle with an intricate figure inscribed in it. We should admit that this sign is too complex to be a tamga, while these two signs together make up an image resembling a schematic bird (fig. 6, 9). In comparison with the tamgas and inscriptions on the other side of the vessel, these signs are cut in broader and deeper lines. What such concentration of signs may mean on a pot, on which someone purposefully inscribed 'Made by Vresman' (it is quite possible that the inscription is associated with the signs or a part of them, rather than the production of the vessel proper), it is hard to say. The vessel was obviously made to order and was meant to store some substance, things or documents belonging to a group of people who marked the pot with their tamgas before baking.

A number of signs were discovered on ceramics excavated from the hillfort of Shurob-Kurgan. The site is situated 500 m east of Kampyrtepa, and in the Middle Ages it performed the same functions as Kampyrtepa did at the time of the Seleucids, Greco-Bactrians and Kushans – defending and serving the point of crossing the Oxus/Jayhoon. V. S. Solovyev excavated two houses and dated them to the 8th century. There the specialist recorded two five-point stars (pentagrams) – on the underside of a ceramic table (dastarkhan) and the top surface of the side of a vessel resembling a brazier (Solovyev, 2004. P. 114. Fig. 20; Solovyev, 2011. P. 70. Fig. 31). Like swastika, pentagram is a universal symbolic sign, which, however, does not mean it could not be used as a personal or family/clan tamga. For both swastika and pentagram this idea is supported by the fact that pentagram is present among Sarmatian signs in the north of the Black

Драчук, 1975. С. 130. Табл. X: 720, 721). Если на упомянутой выше дальварзинской корчаге (рис. 6, 8-9) пентаграмма была, скорее всего, личной тамгой кого-то из совладельцев содержимого сосуда, то на изделиях из Шуроб-Кургана их можно трактовать двояко: это могла быть владельческая тамга, либо это универсальный символ, нанесенный в качестве оберега.

На фрагменте корчаги из Шуроб-Кургана имеются довольно грубо прочерченные до обжига знаки, которые трактовать довольно трудно: знак в виде сдвоенной буквы Ф; перевернутая латинская V с вертикальной чертой, помещенной справа от нее; наклонная зигзагообразная линия.

Приведенный нами обзор тамговых знаков Бактрии/Тохаристана, конечно же, не охватывает всей совокупности меток, встречающихся в этом регионе, и является лишь первой попыткой собрать какое-то их количество в рамках одной ограниченной по объему работы. Надеемся, что постоянно пополняющийся корпус бактрийско-тохаристанских знаков в дальнейшем удастся собрать, обработать и осмыслить на более широкой основе.

Sea areas: on plaster in Scythian Neapolis and in the 'tamga encyclopaedia' – the marble lion from Olbia (Dashevskaya, 1962. P. 176. Fig. 5; Drachuk, 1975. P. 130. Pl. X: 720, 721). While the pentagram on the mentioned pot from Dalverzin (fig. 6, 8-9) was, probably, the personal tamga of one of the co-owners of the vessel's contents, the ones on the items from Shurob-Kurgan may be interpreted in two different ways – the owners' tamgas or universal symbols made for protective purposes.

A fragment of a pot from Shurob-Kurgan has two signs cut on its surface in quite a careless way before baking. It is quite hard to interpret them: a doubled Russian letter Ф, an upturned Latin letter V with a vertical line on its right and a slanting zigzag line.

This review of the tamga signs of Bactria/Tokharistan, certainly, does not include the entire range of marks occurring in this region and attempts only at collecting some of them within one work limited in volume. In future we hope to unite the ever increasing multitude of signs into one collection, analyse it and reflect on it on a broader basis.

К главе 1. Хумбузтепа, культовые объекты: 1 – вид раскопа Храма втор. пол. VI – перв. пол. V вв. до н.э.; 2 – вид раскопа дахмы втор. пол. V в. до н.э.; 3 – вид раскопа дахмы конца VII – перв. пол. VI века до н.э.

To chapter 1. Khumbuztepa, cultic objects: 1 – excavated temple of the second half of the 6th-first half of the 5th century BC; 2 – excavated dakhma of the second half of the 5th century BC; 3 – excavated dakhma of the late 7th-first half of the 6th century BC

К главе 1. Знаки на керамике Хумбузтепа: 1-2, 4, 6-8, 10 – I-III века н.э.; 3, 5, 9, 12-13 – III-I века до н.э.; 11 – вторая половина VI – первая половина V века до н.э.

To chapter 1. Signs on the ceramics of Khumbuztepa: 1-2, 4, 6-8, 10 – 1st-3rd centuries AD; 3, 5, 9, 12-13 – 3rd-1st centuries BC; 11 – second half of the 6th-first half of the 5th century BC

1

2

3

4

5

6

К главе 1. Знаки на керамике Хумбузтепа: 1-5 – III-I века до н.э. до н.э.; 6 – IV век до н.э.
To chapter 1. Signs on the ceramics of Khumbuztepa: 1-5 – 3rd-1st centuries BC; 6 – 4th century BC

К главе 2. Образцы плит с тамгами с внутренних стен храма, оказавшихся в завале (фото А.Е. Астафьева)

To chapter 2. Some slabs with tamgas from the interior walls of the temple found amid debris (photo by A. E. Astafiev)

К главе 3. Кирпичи со знаками кушанского периода, городище Кампыртепа

To chapter 3. Bricks with Kushan signs, Kampyrtepa hillfort

К главе 5. Святилище в Бескере. Изображение знаков на плоскости
To chapter 5. Sanctuary in Beskere. Images of the signs on the plane

К главе 6. Знаки на керамике из разных пунктов Чача (Шаушукумтобе)
To chapter 6. Signs on ceramics from various places in Chach (Shaushukumtobe)

ГЛАВА 4

ЗНАКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ В ПЕТРОГЛИФАХ КАЗАХСТАНА

А.Е. Рогожинский, С.А. Яценко

Знаки поздней античности (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) зафиксированы сегодня в составе не менее десяти местонахождений петроглифов в горах Южного Казахстана (хребты Каратау, Киргизский Алатау), Юго-Восточного Казахстана (Чу-Илийские горы), Центрального Казахстана (Северное Прибалхашье) и Восточного Казахстана (Тарбагатай, Калбинский хребет) (рис. 1). Количество выявленных знаков пока невелико (около двадцати), но в типологическом плане вся серия репрезентативна и насчитывает 12-13 форм знаков (рис. 2). Зачастую тамги входят в состав композиций с одновременными петроглифами или соседствуют с ними, что позволяет установить их относительный возраст; в других случаях основанием для этого служат датированные аналогии тамгам из соседних областей региона.

В Юго-Восточном Казахстане наиболее значимым является открытие осенью 2014 года в центре Чу-Илийских гор (на западной границе Семиречья, в 200 км к северо-западу от г. Алматы) небольшой серии знаков, которым сопутствует комплекс очень выразительных наскальных гравюр – изображений людей, дикой фауны и фантастических существ, имеющих точные аналогии в искусстве кочевников IV–III веков до н.э. восточных областей Центральной Азии (Рогожинский, 2016). И животные, и тамги здесь в каждой композиции сделаны одним и тем же инструментом и в равной степени покрыты патиной («пустынным загаром»), при этом знаки изначально были частью композиций и гармонично вписаны в них. Эти петроглифы созданы в особом стиле, который до 2015 года детально не описывался исследо-

CHAPTER 4

SIGNS OF THE LATE ANTIQUITY ON PETROGLYPHS OF KAZAKHSTAN

A.E. Rogozhinskii, S.A. Yatsenko

By now signs of the late antiquity (late 1st millennium BC-early 1st millennium AD) have been recorded on at least ten petroglyph sites in the mountains of southern Kazakhstan (Karatau and Kyrgyz Ala-Too Ranges), south-eastern Kazakhstan (Chu-Ili Mountains), central Kazakhstan (northern part of the Balkhash area) and eastern Kazakhstan (Tarbagatai Mountains, Kalbin Range) (fig. 1). There have not been recorded many so far (about twenty signs), but all of them are typologically representative and represent 12-13 sign forms (fig. 2). Some of the tamgas form compositions with contemporaneous petroglyphs or are placed next to the latter, which makes it possible to establish their relative age; in other cases analogues from adjacent regions help date the signs.

In the south-eastern Kazakhstan the most significant is a small collection of signs discovered in the heart of the Chu-Ili Mountains (at the western border of Semirechie, 200 km northwest of Almaty) in autumn 2014. The series is accompanied by a complex of highly expressive rock engravings depicting humans, wild animals and fantastic creatures identical to those in the art of nomads that inhabited the eastern areas of Central Asia in the 4th-3rd centuries BC (Rogozhinskii, 2016). Both the animals and the tamgas in each composition were made using the same tool and covered to the same extent with 'desert patina'; in addition, the signs were from the very beginning inherent compositional elements forming harmonious patterns with other parts. These petroglyphs were made in a special style that had not been described by any of the specialists in Kazakhstan's rock painting

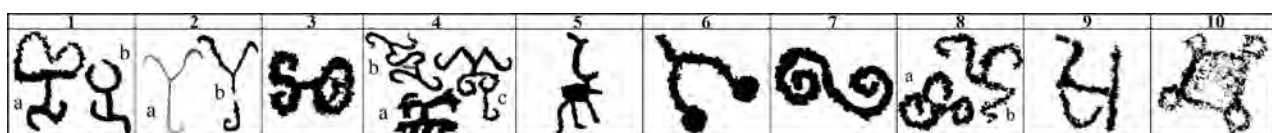

Рис. 1. Местонахождения знаков поздней античности в петроглифах Казахстана: 1 – Карасай; 2 – Кемер; 3 – Арпаозен; 4 – Чу-Илийские горы, тамги №№ 1-3; 5 – Чу-Илийские горы, тамга №4; 6 – Шолакжидели; 7 – Жельдебе; 8 – Калмакэмель; 9 – Калба; 10 – Томар

Fig. 1. Petroglyph sites in Kazakhstan with signs of the late antiquity: 1 – Karasai; 2 – Kemer; 3 – Arpaozen; 4 – Chu-Ili Mountains, tamgas Ns. 1-3; 5 – Chu-Ili Mountains, tamga No. 4; 6 – Sholakzhideli; 7 – Zheldebe; 8 – Kalmakemel; 9 – Kalba; 10 – Tomar

вателями наскального искусства Казахстана и условно был назван нами «позднесакским стилем», сочетающим в себе стилистику более ранних сакских групп V-III веков до н.э. при наличии многих оригинальных сюжетов (включая антропоморфные образы) и неизвестные сакам Семиречья тамги. Своеобразные формы знаков этой серии хорошо знакомы по нумизматическим и иным памятникам, рассеянным на большом пространстве далеко к западу и юго-западу от Семиречья – в Ку-

up until 2015. For convenience we refer to it in our work as the 'late Saka style', which combines the character of earlier Saka groups of the 5th-3rd century BC, original themes (including anthropomorphic images) and the features of tamgas unknown to the Saka of Semirechie. The unusual forms of the signs from this collection are analogous to those on coins and other monuments found on a wide area extending far to the west and south-west of Semirechye – in Kushan Bactria and Khorezm, from the Caspian Sea

Рис. 2. Тамги-петроглифы поздней античности: 1 – Карасай; 2 – Кемер; 3 – Арпаозен; 4 – Чу-Илийские горы, тамги №№ 1-3; 5 – Чу-Илийские горы, тамга №4; 6 – Шолакжидели; 7 – Жельдебе; 8 – Калмакэмель; 9 – Калба; 10 – Томар

Fig. 2. Petroglyph tamgas of the late antiquity: 1 – Karasai; 2 – Kemer; 3 – Arpaozen; 4 – Chu-Ili Mountains, tamgas Ns. 1-3; 5 – Chu-Ili Mountains, tamga No. 4; 6 – Sholakzhideli; 7 – Zheldebe; 8 – Kalmakemel; 9 – Kalba; 10 – Tomar

шанской Бактрии и Хорезме, от Прикаспия (Устыурт и Мангыстау) до Северного Причерноморья (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 115). Аналогии найденным знакам (как синхронные – II-I веков до н.э., так и более поздние – I-III веков н.э.) уведут нас все дальше на запад, демонстрируя направление более поздней миграции их обладателей в Среднюю Сырдарью и Западный Казахстан, а позже – в европейские степи.

Три знака (тамги №№ 1-3; рис. 2, 4) сосредоточены на одном скоплении петроглифов. Тамга №1 (рис. 2, 4b; 4, 1-2) состоит из трех соединенных элементов: две одинаковые У-образные фигуры соединены с центральной, изображенной в виде «S». Тожественный сложный знак обнаружен на скале в каньоне Каракавак на северных склонах Мангыстау (рис. 4, 3), а ее центральный S-овидный элемент имеет сходство с тамгой на монетах Хорезма начала нашей эры и со знаком «аристократического клана аланов Нижнего Дона, обладатели которого были в числе наиболее политически активных в Сарматии» во II веке н.э. (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. PP.113–114. Fig. 5). Другой элемент тамги №1, одиночный У-образный знак с асимметричными верхними окончаниями, зафиксирован трижды в одном пункте на скалах возле стоянки в горах Кемер (Каратау).

Знак №2 (рис. 2, 4c) тождественен тамге T2 (по Б.И. Вайнберг; рис. 3, 10 и 11) и чеканился на монетах Хорезма не позднее начала I века до н.э. (Вайнберг, 1977. С. 49–52, 64). По форме он отличается только одним признаком (разворотом «уса» влево) от «традиционной хорезмийской тамги» T4, присутствующей на монетах разных типов вплоть до конца III – начала IV века до н.э. Также тамга №2 отличается лишь одним верхним M-образным элементом от тамги T1 на подражательных сериях монет Хорезма типа AI, выпуск которых не ранее последней трети II века до н.э. осуществлялся, по Б.И. Вайнберг, «правителем, вероятно, из кочевого племени, принимавшего участие в разгроме Греко-Бактрии» (Вайнберг, 1977. С. 49–50). С

region (Ustyurt and Mangystau Plateaus) to the territories north of the Black Sea (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 115). Analogues of these signs (of the same period – 2nd-1st centuries BC and later time – 1st-3rd centuries AD) are found increasingly farther to the west, demonstrating that their owners later migrated to the Middle Syrdarya area and western Kazakhstan and further to the European steppes.

Three signs (tamgas Ns. 1-3; fig. 2, 4) are gathered in one cluster of rock paintings. Tamga No. 1 (fig. 2, 4b; 4, 1-2) consists of three interconnected elements: two identical Y-shaped figures are attached to a central one in the form of the letter S. A similar complex sign was discovered on a rock in the Karakavak Canyon on the northern slopes of the Mangystau Plateau (fig. 4, 3), while its central element in the form of S is analogous to a tamga on Khorezmian coins of the early Common Era and to the sign of an 'aristocratic Alani clan from the lower stretches of the Don that was one of the most politically active formations in Sarmatia' in the 2nd century AD (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. PP.113–114. Fig. 5). The other element of tamga No. 1, the Y-shaped sign with asymmetric upper tips was found in three places on one site, on rocks near an archaeological site in the Kemer Mountains (Karatau).

Sign No. 2 (fig. 2, 4c) analogous to tamga T2 (after B. I. Vainberg; figs. 3, 10 and 11) occurs on Khoresmian coins minted before the early 1st century BC (Vainberg, 1977. PP. 49–52, 64). Its only difference from 'traditional Khorezmian tamga' T4 found on various types of coins up until the late 3rd-early 4th century AD is that its 'tendril' is turned to the right. Tamga No. 2 has an M-shaped element on the top, which distinguishes it from tamga T1 on the imitative series of Khorezmian AI type coins which, according to B. I. Vainberg, were being minted by 'a ruler, probably, from a nomadic tribe that took part in the defeat of the Greco-Bactrian Kingdom' in the last third of the 2nd century BC or later (Vainberg, 1977. PP. 49–50). On the other hand, a sign identical to tamga No. 2 was found

другой стороны, в ранне- и среднесарматское время идентичный тамге №2 знак присутствует среди других тамг на стенах храма Байте III на Устюрте; в I–II века н.э. такая тамга появляется на скульптуре льва №2 из Ольвии, а близкая (у которой нижняя дуга развернута не направо, а налево) – среди среднесарматских знаков в пещере Ак-Кая I в Крыму, и «во всех случаях, где такие знаки в Казахстане или в Украине размещены в группе, они занимают самое почетное место в центре композиции» (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 114). Таким образом, распространение знака в иранском кочевом мире наглядно отражает миграции ряда этнических групп из восточных областей Центральной Азии через Семиречье на запад: в Среднеазиатское междуречье, в Приаралье и Устюрт, в Причерноморье.

Определение принадлежности тамги №3 (рис. 2, 4a) из Чу-Илийских гор также не вызывает сложности: в Евразии позднего античного периода известен только один идентичный знак – на монетах ранней Кушанской империи, связанный с аристократией бактрийских юэчжей (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 115). В связи с этим интересно наличие в серии петроглифов «позднесакского стиля» в Чу-Илийских горах необычной композиции с лучником в одежде с весьма характерным юэчжийско-кушанским силуэтом (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Fig. 9).

Вместе с тамгами №№ 1-3 выявлена серия уникальных петроглифов, представляющая *позднесакский изобразительный комплекс*; его ядро образует ряд высокохудожественных гравюр (изображения тигра, волков, фантастических зооморфных персонажей и др.), тождественных образцам прикладного искусства из более ранних памятников *пазырыкской культуры* Ак-Алаха 1, 3, Пазырык 4, 5, Ташанта I, датировка которых устанавливается не позднее середины III века до н.э. (Слюсаренко, 2011). Кроме того, в составе серии присутствует немногочисленная группа рисунков, стилистические аналогии которым обнаружены в предметах искусства из *Тувы* (Саглы-Бажи VI, Суглуг-Хем II) начала

among other tamgas of the middle and late Sarmatian time on the walls of the Bayte III temple on the Ustyurt Plateau; an identical tamga of the 1st-2nd century AD is present on leonine sculpture No. 2 in Olbia, and a similar one (with the lower arc turned to the left instead of right) was discovered among middle Sarmatian signs in the cave of Ak-Kaia I in Crimea; interestingly, ‘in all cases where such signs in Kazakhstan or Ukraine are a part of a composition, they occupy the most honourable place in the centre of a composition’ (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 114). Thus, the distribution of the sign in the Iranian nomadic world clearly reflects the migration routes of a number of ethnic groups from the eastern regions of Central Asia across Semirechye and further to the west – to the Central Asian interfluve, the Aral Sea area and Ustyurt Plateau and the Black Sea region.

It is also quite easy to specify tamga No. 3 (fig. 2, 4a) from the Chu-Ili Mountains: only one identical sign of the antique period has been found so far in the territory of Eurasia – the one on the coins of the early Kushan Empire associated with the Bactrian Yuezhi aristocracy (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 115). In this connection it would be interesting to analyse the presence of an unusual composition including a dressed bowman whose silhouette is typical of the Yuezhi-Kushan people in a series of petroglyphs of the ‘late Saka style’ in the Chu-Ili Mountains (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Fig. 9).

A series of unique petroglyphs was discovered alongside tamgas Ns. 1-3; they form the *Late Saka graphic complex*, the core of which consists of a number of highly artistic engravings (images of a tiger, wolves, fantastic zoomorphic creatures and others) identical to items of applied art from earlier monuments of the *Pazyryk culture* such as Ak-Alakha 1, 3, Pazyryk 4, 5 and Tashanta I, all dated to the middle of the 3rd century BC or earlier (Slyusarenko, 2011). In addition, the series includes a few images analogous in style to works of art from *Tuva* (Sagly-Bazhi VI, Sulug-Khem II) dated back to

«эпохи сюннской экспансии в Центральной Азии» (Семенов, 2003. С. 76–77), а также из *Ордоса и Ганьсу* в Китае; эти петроглифы определяют верхнюю дату комплекса. Вероятно, появление на западе Семиречья позднесакского святилища с тамгами №№ 1-3 и своеобразными петроглифами следует связывать с перемещением сюда групп кочевников из ареала пазырыкской и саглынской культур Саяно-Алтая, а также из северо-западных областей Китая.

К западу от Семиречья сходные петроглифы и тамги обнаружены в Каратау (Сауыскандык, Кемер), на Устюрте и Мангистау (Каракавак, Байте III), а также в Таласском Ала-Тоо (Жалтырак-Таш, Кыргызстан) и в долине Зеравшана (Сармишсай и Биронсай, горы Нурата, Узбекистан). Этими пунктами отмечен дальнейший путь перемещения обладателей клановых символов и позднесакской изобразительной традиции. Отметим, что присутствие в горах Каратау и Нурата, на Устюрте и Мангистау тех же знаков (тамги №№ 1 и 2) и петроглифов исключает их связь с усунями в письменных источниках, поскольку область их расселения не доходила до Сырдарьи, Зеравшана и Прикаспия. Вероятно, создание в Чу-Илийских горах святилища с тамгами, которые позже стали эмблемами правящих кланов Кушанской Бактрии, Хорезма и Сарматии, нужно связывать с кратковременным пребыванием на этой территории разных групп племен восточных саков, юэчжей и двух группировок протосарматов⁸⁹,

⁸⁹ По данным современных антропологов, носители *среднесарматской культуры* европейских степей (рубеж н.э. – сер. II века н.э.) из всех синхронных групп Евразии античной эпохи наиболее близки по совокупности параметров людям из позднесакских могильников северо-западного Синьцзяна – территории, соседней с Семиречьем (Чикишева, 2011. Рис. 4). Носители же ранней фазы *позднесарматской культуры* сер. II – сер. III века н.э. антропологически наиболее близки более ранним носителям тагарской культуры (ее позднего, тесинского этапа) в верховьях Енисея (Хакасия) (Балабанова, 2012. С. 87-88), что подтверждается, как будто, и данными одонтологии (Суворова, 2009. С. 91-92). Сегодня нет оснований думать, что последовательное перемещение предков этих двух «сарматских»

the ‘time of the Xiongnu expansion to Central Asia’ (Semenov, 2003. PP. 76–77) and from *Ordos and Ganosu* in China; these petroglyphs help establish the complex’s latest date. Probably, the construction of the late Saka sanctuary with tamgas Ns. 1-3 and unique petroglyphs in the western part of Semirechie is associated with the migration of groups of nomads from the territory of the Pazyryk and Sagly cultures in the Altai-Sayan region and from the north-western areas of China to the abovementioned part of Semirechie.

In the area west of Semirechie similar petroglyphs and tamgas were found in Karatau (Sauyskandyk and Kemer), on the Ustyurt and Mangystau Plateaus (Karakavak and Bayte III), in the Talas Ala-Too Range (Zhaltyrak-Tash, Kyrgyzstan) and in the Zeravshan Valley (Sarmyshsay and Bironsay, Nurata Mountains, Uzbekistan). These points mark further migration of the bearers of clan symbols and late Saka graphic tradition. The presence of the same signs (tamgas Ns. 1 and 2) and petroglyphs in the Karatau and Nurata Mountains and on the Ustyurt and Mangystau Plateaus makes their relation with the Wusun in written sources impossible, because the territory they used to inhabit did not cover the Syrdarya and Zeravshan Rivers and the Caspian Sea area. Probably, the construction in the Chu-Ili Mountains of a sanctuary with tamgas that later became the emblem of the ruling clans of Kushan Bactria, Khorezm and Sarmatia is associated with the eastern Saka, Yuezhi and two proto-Sarmatian tribes⁸⁹, which

⁸⁹ According to contemporary anthropologists, of all synchronous Eurasian groups of the antique period the people from the late Saka burial grounds in north-western Xinjiang – a territory adjacent to Semirechye – were in a combination of parameters closest to the bearers of the *Middle Sarmatian culture* that inhabited European steppes (early Common Era - mid-2nd century AD) (Chikisheva, 2011. Fig. 4). At the same time, the bearers of the early phase of the *Late Sarmatian culture* (mid-2nd-mid-3rd centuries AD) are closest from the anthropological aspect to the earlier bearers of the Tagar culture (its later stage) in the upper stretches of the Yenisei (Khakassia) (Balabanova, 2012. PP. 87-88), which also seems to be

частично покинувших Семиречье под натиском усуней около 132 года до н.э. (Beckwith, 2009. PP. 6–7), а частично (как некоторые группы юэчжей, согласно «Ханьшу», гл. 95) специально задержанных здесь усунями как качество данников.

Другое важное направление историко-культурных связей знаков-петроглифов, изученных нами в Чу-Илийских горах, представляет группа тамгообразных изображений на скалах *известных местонахождений Жалтырак-Таш и Чийимташ* в верховьях р. Урмарал (притока Таласа), в Таласском Алатау, на смежной территории Кыргызстана. Некоторые из этих знаков открыты давно (Шер и др., 1987), но многие обнаружены в последние годы (Hermann, 2017). Высокая концентрация здесь наскальных изображений знаков (кроме знаков античного времени в этих пунктах выявлено несколько десятков средневековых тамг) может объясняться особым географическим положением и важным стратегическим значением этого района в исторически сложившейся системе горных коммуникаций Тянь-Шаня, которые в древности и средневековье соединяли через перевалы Таласского и Кыргызского Алатау междуречье Таласа и Чу с Ферганой и Трансоксианой.

С тамгой №2 из Чу-Илийских гор обнаруживается сходство знак *из Жалтырак-Таша*, иконическую основу которого, возможно, образовывала фигура в виде «М»; от осевой линии отходят две плавно изогнутые несимметричные дуги (рис. 5, 8). Знак выбит изолированно от других петроглифов, но наиболее вероятно его временная связь с импозантной серией петроглифов в аржано-майэмирском стиле, которые доминируют на горизонтальной поверхности скалы Жалтырак-Таш (Шер и др., 1987). Для атрибуции знака уместно привлечь аналогии из датированных археологических комплексов, содержащих сходные художественные образы и тамги. Прежде всего, это гравюры на оленем камне из кур-

stayed in the abovementioned territory for some short period of time. Later, around 132 BC, the Wusun forced some part of those tribes to leave Semirechie (Beckwith, 2009. PP. 6–7) and made the other part (e.g. some Yuezhi groups, after Han Shu, Ch. 95) stay and pay contribution.

A group of tamga-like images on rocks in the *well-known sites of Zhaltyrak-Tash and Chiyimtach* in the upper stretches of the Urmara River (tributary of the Talas) in the Talas Ala-Too Mountains in the adjacent territory of Kyrgyzstan are also important for the analysis of historical and cultural relations between the signs and petroglyphs we have studied in the Chu-Ili Mountains. Some of those signs were discovered quite a long time ago (Sher et al., 1987), while many others were found only in recent years (Hermann, 2017). The high concentration of rock signs there (apart from the signs of the antique period, several dozens of medieval tamgas were recorded on these sites) may be associated with the special geographic location and strategic importance of this region lying in the historical system of the Tien Shan mountain communications, where the passes of the Talas and Kyrgyz Ala-Too linked the interfluvium between the Talas and Chu with Fergana and Transoxiana in ancient and medieval periods.

Tamga No. 2 from the Chu-Ili Mountains is similar to a sign from *Zhaltyrak-Tash*, the iconic base of which might be a figure in the form of the letter M; two smoothly curving asymmetric arcs branch from the axial line (рис. 5, 8). The sign was carved separately from the other petroglyphs, but, most probably, it was temporally associated with the impressive series of petroglyphs in the Arzhan-Mayemir style that predominate on the horizontal surface of the *Zhaltyrak-Tash* rock (Sher et al., 1987). To attribute the sign it is necessary to analyse

---

групп племен из верховьев Енисея и Или в Восточную Европу было долгим процессом.

---

supported by odontologic data (Suvorova, 2009. PP. 91–92). Today we have no reasons to think that the successive migration of these two ‘Sarmatian’ groups of tribes from the upper stretches of the Yenisei and Ili rivers to Eastern Europe was a long process.

гана Аржан, а также на строительных камнях и двух портативных предметах из кургана Аржан-2 в Туве. Знак в форме «М» процарапан на обломке рогового псалия и на тыльной стороне золотой гривны «царя», погребенного в элитном кургане Аржан-2 (Čugunov et al., 2010. Tafel 152, 2; Чугунов, 2011. С. 49. Рис. 5, 1 в). Эта тамга имеет простую форму, без дополнительных графических элементов (рис. 5, 5, 6); знак из Жалтырак-Таша выглядит намного сложнее за счет изгибов на концах линий и дугообразных ответвлений, добавленных к главной фигуре. Сходство основной фигуры обоих знаков может означать определенное генеалогическое родство кланов, обладавших такой «монограммой», а наличие дополнительных элементов на знаке из Жалтырак-Таша указывает на существование, по серии промежуточных поколений, либо на объединение (брачное или военно-политическое?) двух разных кланов. В любом случае, предполагаемая для знака из Жалтырак-Таша связь с петроглифами в аржано-майэмирском стиле, датируемыми от рубежа IX-VIII веков до н.э. (Аржан) до середины VII века до н.э. (Аржан-2) (Чугунов, 2008. С. 66–68), интересна.

Другим примером для сопоставления служит комбинированная тамга №2 из Чу-Илийских гор, которая является более усложненной за счет добавления двух других элементов. Учитывая установленное нами происхождение позднесакского комплекса петроглифов в Семиречье, сходство основного элемента тамги №2 со знаком на гривне и на псалии из кургана Аржан-2 в Туве кажется не случайным. Однако следует согласиться с осторожным выводом К.В. Чугунова по поводу этих находок: «что это – знак родовой принадлежности или нечто другое – говорить пока рано» (Чугунов, 2011. С. 49). Временной разрыв в полтысячелетия, отделяющий тамгу №2 и оба знака из Аржан-2, заставляет воздержаться от окончательного заключения, пока в пределах Тувы, Алтая или Западной Монголии не отыщутся промежуточные формы «хорезмийской» тамги из Чу-Илийских гор.

analogues in archaeological sites with dating, which have similar artistic images and tamgas. This primarily refers to engravings on the deer stone from the Arzhan mound and those on building stones and two portable items from the mound of Arzhan-2 in Tuva. The M-shaped sign was scratched on a fragment of a bone psalium and on the back of the golden grivna of a 'king' buried in the elite mound of Arzhan-2 (Čugunov et al., 2010. Tafel 152, 2; Chugunov, 2011. P. 49. Fig. 5, 1 в). This tamga is a simple form without additional graphic elements (fig. 5, 5, 6); the sign from Zhaltyrak-Tash looks much more complex due to a large number of bends on the ends of lines and curving branches added to the basic figure. The similarity between the basic figures in both signs may indicate some genealogic relation between the clans that used this 'monogram', while the additional elements in the sign from Zhaltyrak-Tash imply the existence of, based on a number of transitional generations, or unification (through marriage or military and political activity?) of two different clans. In any case, the supposed link between the sign from Zhaltyrak-Tash and the petroglyphs in the Arzhan-Mayemir style dated between the late 9th- early 8th century BC (Arzhan) and mid-7th century BC (Arzhan-2) (Chugunov, 2008. PP. 66–68) seems quite interesting.

Another interesting object of comparison is combined tamga No. 2 from the Chu-Ili Mountains, which is more complex through addition of two elements. Now that we established the origin of the late Saka complex of petroglyphs in Semirechye, the similarity between the basic element of tamga No. 2 and the sign on the grivna and psalium from the mound of Arzhan-2 does not seem accidental. However, we should agree with K. V. Chugunov's cautious conclusion about these finds: 'whether this is a family sign or something else, it is hard to say so far' (Chugunov, 2011. P. 49). The half-millennium interval that separates tamga No. 2 from both signs at Arzhan-2 forbids making any definite conclusion, unless some transitory forms of the 'Khorezmian' tamga from the Ch-Ili Mountains

Не вполне ясной остается датировка гравированного рисунка с похожей тамгой из Жалтырак-Таша, к сожалению, известного только по прорисовке 1986 года (Шер и др., 1987. Рис. 9, 1). Этот знак, вырезанный на крупе фантастического животного, тоже имеет в основе перевернутую «М», но форма дополняющей его снизу фигуры требует уточнения.

На другом местонахождении петроглифов Таласского Алатау, на *Чийимташе*, зафиксирована уникальная тамга, входящая в небольшое частично поврежденное собрание знаков нескольких типов (рис. 5, 9). Сходная техника исполнения, одинаковый оттенок патины и компактное расположение на ограниченном участке скалы позволяют рассматривать гравюры как одновременную, продуманную композицию, вероятно, из 4 тамг (по две в двух ярусах). Тамги различаются формой и композиционным расположением. Внизу на одном уровне размещены два знака: фигура типа «рога архара» (каз. «аркар муйиз») (№1) и комбинированная тамга в виде окружности в центре и соединенными с ней линиями двух С-образных фигур, обращенных в противоположные стороны (№2). Выше над обоими знаками по центру изображен знак в форме прямого креста (№3). Справа от него на том же уровне в сходной технике выбита Т-образная фигура (№4). Слева и выше креста – грубо выбитое изображение козла. Судя по расположению на плоскости, нижний знак «рога архара» выбит прежде комбинированной тамги, так как для ее окружности не хватило ровной поверхности скалы, и верхняя часть фигуры заходит на смежную грань камня.

Датировка всех трех видов знаков в настоящий момент не может быть установлена ввиду отсутствия данных об общем контексте петроглифов, но ряд наблюдений позволяет относить их к позднему античному периоду. Во-первых, схематичная фигура козла не имеет «классических» признаков звериного стиля и могла быть создана не ранее рубежа нашей эры, а темный цвет патины зооморфной фигуры и знаков не позволяет датировать их более поздним временем. Во-вторых,

are discovered within Tuva, Altai or Western Mongolia.

The dating of the engraved picture with a similar tamga found at Zhaltyrak-Tash, which, unfortunately, is depicted only in a 1986 drawing (Sher et al., 1987. Fig. 9, 1), is not quite clear, either. This sign cut on the rump of a fantastic animal is also based on an inverted M, but the form of the figure added to its bottom needs specification.

A unique tamga was recorded in a small partially damaged collection of several types of signs on another petroglyph site, *Chiyimtach*, in the Talas Ala-Too Mountains (fig. 5, 9). The similar technique, same shade of patina and compact disposition on a relatively small area on the face of a rock suggest that the engravings form a thought-out composition of, probably, four contemporaneous tamgas (two in each tier). Tamgas differ in form and position within the cluster. The bottom tier consists of two signs placed at the same level: a figure of the 'argali horns' (*Kazakh* 'arkar muyiz') type (No. 1) and a complex tamga comprising a central circle and two C-shaped figures connected with the circle by lines and facing opposite directions (No. 2). Above and right between these two signs is a sign in the form of an upright cross (No. 3). To the right of the cross, at the same level, there is a T-shaped figure carved using a similar technique (No. 4). A rough image of a goat is carved on the left of the cross at a higher level. The lower sign, 'wild goat horns', was, obviously, carved before the combined tamga, as there was not enough even surface for the latter and the top portion of the circles spreads onto an adjacent side of the rock.

Dating is impossible so far for either of the three types of signs due to lack of data on the general context of the petroglyphs, but based on a number of observations we can refer them to the late antiquity. First, the schematic figure of a goat does not bear any 'classical' features of the animal style, so it could not be made before the Common Era, while the dark colour of the patina on the zoomorphic figure and signs

редкая форма комбинированной тамги имеет ограниченный круг аналогий: 1) один знак на западе Монголии, среди скопления знаков гуннского (частично, возможно, и более раннего) времени в долине Цаган-Гол (Вайнберг, Новгородова, 1976. Рис. 7, 5-6); 2) личная тамга сарматского царя Инисмея, чеканившего монету в Ольвии в 70–80-е годы н.э. (рис. 5, 11); некоторые другие известные аналогии тамги тоже происходят из Причерноморья I-II веков (Яценко, 2001. С. 49–50). Три других знака этого собрания имеют точнее аналогии в Байте III (см. главу 2, рис. 6, №№ 39-41, 53, 136). Отметим, что тамга №1 «рога архара» зафиксирована в Байте III дважды (№136), а среди знаков Цаган-Гола подобный знак изображен с дополнительным элементом – окружностью (Вайнберг, Новгородова, 1976. Рис. 4). В целом, собрание клановых знаков из Чийимташа, учитывая их аналогии на юге и западе Казахстана, а также более удаленные территориально – в Монгольском Алтае и Причерноморье, можно связать с перемещением каких-то групп племен из центра Азии на Запад во II-I веках до н.э. – I-II веках н.э.

На местонахождении наскальных рисунков и тамг №№ 1-3 поздней античности в центре Чу-Илийских гор в 2015 году нами обнаружен еще один знак, расположенный обособленно на соседнем скоплении петроглифов. Тамга имеет сложную форму: дуговидная фигура с двумя короткими отростками на конце; под ней – знак в виде трезубца с округлыми плечами (рис. 2, 5). Рядом с тамгой в сходной технике выбита схематичная фигура козла; на соседней плоскости, имеющей одинаковую экспозицию, находится крупное средневековое изображение всадника со знаменем, а выше – композиция с изображениями волков, тождественных по стилю гравюрам, сопровождающим тамги №№ 1-3 (рис. 4, 8-9). Все названные петроглифы покрывает плотный «пустынный загар», поэтому однозначно датировать тамгу пока не удастся, а более или менее близкие ей аналогии можно видеть как среди древних знаков, так и знаков раннего средневековья.

does not allow us to date them to a later period. Second, the combined tamga has a rare form and thus a limited number of analogues: 1) one sign in a cluster of images of the Xiongnu time (with some, possibly, of an earlier period) in the Tsagaan-Gol Valley, in the west of Mongolia (Weinberg, Novgorodova, 1976. Fig. 7, 5-6); 2) the personal tamga of Sarmatian king Inisemeus who was minting a coin in Olbia in the 70s-80s AD (fig. 5, 11); there are some other popular analogues of the tamga found in the Black Sea area and dated to the 1st-2nd century AD (Yatsenko, 2001. PP. 49–50). The other three signs from this collection have identical analogues at Bayte III (see Chapter 2, fig. 6, Ns. 39-41, 53, 136). Tamga No. 1, 'wild goat horns' has two analogues at Bayte III (No. 136), while the sign from Tsagaan-Gol has an additional element, a circle (Vainberg, Novgorodova, 1976. Fig. 4). As the analogues of the Chiyimtach collection of clan signs have been found in the south and west of Kazakhstan and some other more remote areas, such as the Mongolian Altai Mountains and the Black Sea area, this may indicate that certain groups of tribes migrated from the centre of Asia westwards in the 2nd - 1st century BC - 1st-2nd century AD.

In 2015 in the heart of the Chu-Ili Mountains we discovered one more sign on the site of the rock paintings and signs Ns. 1-3, in a nearby separate cluster of petroglyphs. The tamga is compound in form: an arc figure with two short branches on the end and a sign in the form of trident with rounded shoulders under it (fig. 2, 5). A schematic figure of a goat was carved next to the tamga using a similar technique; on a neighbouring plane facing the same direction there is a large medieval image of a horseman with a standard, and above it – a composition of wolves similar in style to the engravings accompanying tamgas Ns. 1-3 (fig. 4, 8-9). All the abovementioned petroglyphs are covered with thick 'desert patina' making it hard to obtain a specific dating for the tamga, while its more or less similar analogues are dated to both ancient period and the early Middle Ages.

Тамги-петроглифы периода поздней античности обнаружены в ряде других пунктов Юго-Восточного Казахстана. В горах Хантау, в северной части Чу-Илийского водораздела, на скалах живописного каньона *Шолакжидели* представлена крупная серия гравюр сакского времени, которые во многих случаях перекрывают петроглифы, созданные на более позднем этапе функционирования здесь «святилища». Среди петроглифов этого периода есть изображения зеркал с короткой боковой ручкой, фантастического оленя с древовидными рогами и крыльями на спине и др. К этой же серии выразительных гравюр относится тамгообразный знак, включенный в композицию с несколькими фигурами бегущих козлов. Знак простой формы (рис. 2, б), напоминающий по типу тамгу «бакан» (шест с развилкой для подъема шанырака юрты); на концах расходящихся в стороны дуг выбиты шаровидные утолщения. Точные аналогии знаку указать сложно, однако «постсакский» возраст данной серии петроглифов Шолакжидели надежно определяется стратиграфией рисунков.

Следует отметить, что большинство тамг этой серии в Чу-Илийских горах связаны с изображениями горного барана или сибирского козла. Знаки представлены над фигурой животного или на фоне его силуэта, как это видно на примере тамги №2 (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Figs. 5-6, 8, 11) (рис. 4, 1, 2, 4). Возможно, с помощью такого своеобразного приема демонстрации клановых знаков кочевой аристократии подчеркивалась особая связь их владельцев с этими сакрально «чистыми» представителями горной фауны Центральной Азии, отражая тем самым сакрализацию властных привилегий знати и утверждая легитимность их происхождения.

В Центральном Казахстане оригинальный знак-петроглиф, по форме идентичный тамге Т8 (рис. 3, 8-9) в монетном чекане Хорезма конца III – начала IV века н.э. (Вайнберг, 1977. С. 35), обнаружен в горах *Калмакэмель* в Северном Прибалхашье (рис. 2, 8b). Знак частично подновлен, видимо, в средние века, но по цвету патины оставшейся без под-

Petroglyph tamgas of the late antique period have been found on a number of other sites in south-eastern Kazakhstan. A large collection of engravings of the Saka time, many of which had been covered by petroglyphs created during a later stage of a local ‘sanctuary’, was discovered on the rocks of the picturesque *Sholakzhidely Canyon* in the Khantau Mountains in the northern part of the Chu-Ili watershed. The post-Saka petroglyphs include images of mirrors with a short lateral handle, a fabulous deer with tree-like horns and wings on the back and others. A tamga-like sign which is an element in a composition of several figures of running goats was also found among the collection of expressive engravings. The sign is a simple form (fig. 2, б) resembling in style the ‘bakan’ tamga (a bakan is a forked pole supporting the yurt mobile house’ shanyrak – semi-spherical top); the tips of the diverging arcs have the form of spherical knobs. There hardly are any identical analogues of the sign; however, the stratigraphy of the images allows us to date the *Sholakzhideli* series confidently to the post-Saka period.

Most of the tamgas in the Chu-Ili Mountains series are associated with images of argali or Siberian ibex. The signs are placed above the animal or in front of it, with its silhouette in the background, which is exemplified by tamga No. 2 (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Figs. 5-6, 8, 11) (fig. 4, 1, 2, 4). It is possible that demonstrating their clan signs in such combinations nomadic aristocracy highlighted their special relation to these sacral and ‘pure’ representatives of the fauna of Central Asian mountains and thus sacralised noblemen’s authoritative privileges and supported the legitimacy of their origin.

In *Central Kazakhstan* an unusual petroglyph sign identical in form to tamga Т8 (fig. 3, 8-9) on Khorezmian coins of the late 3rd-early 4th century AD (Vainberg, 1977. P. 35) was found in the *Kalmakemel Mountains* in the northern portion of the Balkhash Lake area (fig. 2, 8b). The sign was partially renovated, apparently, in the Middle Ages, but the colour of the patina on

новления поверхности он синхронен выбитому рядом более древнему миниатюрному изображению лошади. Возможно, такой же знак процарапан на гравюре бегущего волка из Ешкиольмеса в Джунгарском Алатау, раннетюркская стилистика которой выглядит спорной (рис. 3, 13); в свою очередь, этот стилизованный знак близок тамге на крупе коня одного из всадников на пластине из Орлата (Ильясов, 2005. Рис. 1) (рис. 3, 12).

В том же скоплении петроглифов в горах Калмакэмель на отдельном обломке скалы выбиты изображения двух-трех знаков, частично перекрытых лишайниками. Один из знаков выглядит как три соединенные вместе завернутые вправо полуспираль (рис. 2, 8a). Вместе с несколькими другими тамгами подобный знак, но удвоенный и соединенный дополнительной линией (рис. 3, 1), зафиксирован в свое время на камне 133 затопленного водами Енисея местонахождения петроглифов Мугур-Саргол в Туве (Дэвлет, 1980. С. 121, 126. Табл. 23). Судя по описанию и плану месторасположения рисунков, камень 133 содержал небольшое скопление тамгообразных знаков и занимал особо примечательное место в составе «святилища» (Дэвлет, 1980. С. 31. Рис. 6). Более близкий вариант есть среди петроглифов сюнну в монгольском сомоне Уенч (Ховдский аймак) (Торбат, Батсук, Баярхуу, 2012. Зур. 8a).

Восточные связи группы знаков позднеантичного периода из Северного Прибалхашья косвенно подтверждаются также присутствием среди петроглифов Калмакэмель нескольких композиций с антропоморфными рисунками, близких по облику гравюрам тагарской эпохи из Минусинской котловины (рис. 5, 1, 2). Суждение о внешнем сходстве петроглифов столь удаленных друг от друга территорий подкрепляется тождественностью представленных в Калмакэмель и на скалах Тепсея на правом берегу Енисея некоторых специфических батальных сюжетов, где присутствуют «непропорциональные изображения с удлиненными телами, т.н. «великаны» вместе с воинами «нормального» роста, фигуры воинов с султанами на головных уборах,

the surface that was not renovated suggests that it is synchronous with a more ancient image of a horse carved next to it. Probably, a similar sign was scratched on an engraving depicting a running wolf in Yeshkiolmes in the Jungar Ala-Too Range, the early Turkic style of which seems disputable (fig. 3, 13); this stylised sign is close to a tamga on the rump of one of the horses with horsemen on a plate in Orlat (Ilyasov, 2005. Fig. 1) (fig. 3, 12).

A separate fragment of a rock in the same cluster of petroglyphs in the Kalmakemel has on it two or three signs partially covered with lichen. One of the signs has the form of three interconnected semi-spirals with a right turn (fig. 2, 8a). A sign resembling this one but doubled and having an additional connective line (fig. 3, 1) was recorded earlier on stone 133 on the Mugur-Sargol petroglyph site in Tuva, which was flooded by water from the Yenisei (Devlet, 1980. P. 121, 126. Pl. 23). According to the plan and description of the images, stone 133 had on it a small cluster of tamga-like signs and occupied a remarkable place in the 'sanctuary' (Devlet, 1980. P. 31. Fig. 6). There is a closer version among the Xiongnu petroglyphs in Uyench sum, Khovd aimag, Mongolia (Torbat, Batsukh, Bayarhuu, 2012. Fig. 8a).

The idea of the links between the signs of the late antique period from the northern portion of the Balkhash area and those found farther to the east is indirectly supported by a few compositions with anthropomorphic images present among the Kalmakemel petroglyphs, which are close in appearance to the Tagar engravings from the Minusinsk Depression (fig. 5, 1, 2). Another fact confirming the relation between petroglyphs in territories so remote from each other is the visual similarity between specific battle scenes found both in Kalmakemel and on the rocks of Tepsei on the right bank of the Yenisei, which include 'disproportional figures with elongated bodies, that is, 'giants' depicted beside warriors of 'standard' stature and warriors with plumes on their headgear, which is a combined diagnostic feature of 'Tagar human

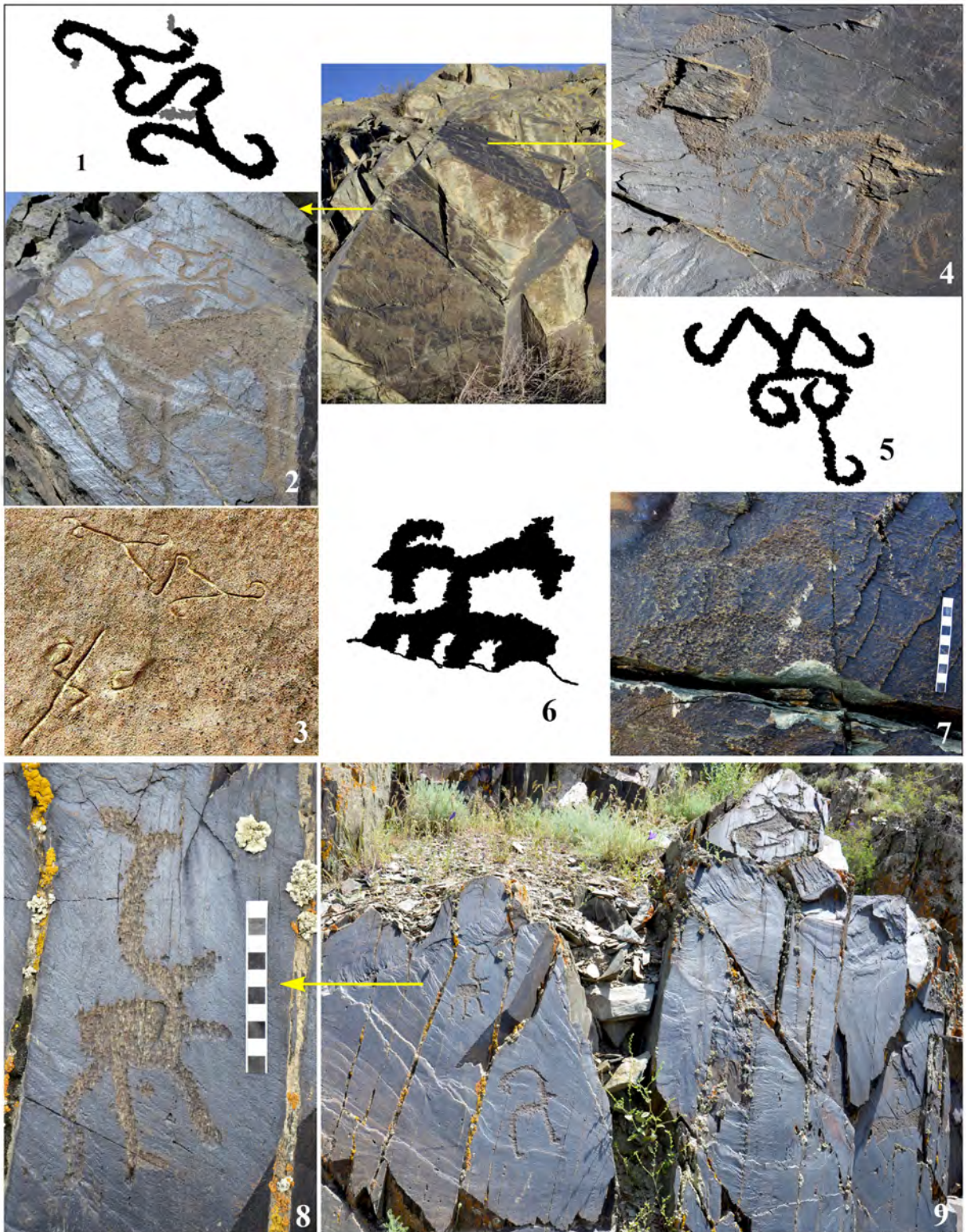

Рис. 3. Тамги-петроглифы Казахстана и их аналоги: 1 – камень 133 (фрагмент), Мугур-Саргол, Тува (по: Дэвлет, 1980); 2, 3 – Цагаан-Гол, Монголия (по: Batbold, 2016); 4, 5 – Жельдебе, Казахстан; 7, 8 – Калмакэмел, Казахстан; 9, 11 – тамги на монетах Хорезма (по: Вайнберг, 1977); 10 – Чу-Илийские горы, тамга №2; 12 – Орлат, Узбекистан; 13 – Ешкиольмес, Казахстан

Fig. 3. Petroglyph tamgas in Kazakhstan and their analogues: 1 – stone 133 (fragment), Mugur-Sargol, Tuva (ac. to Devlet, 1980); 2, 3 – Tsagaan-Gol, Mongolia (after Batbold, 2016); 4, 5 – Zheldebe, Kazakhstan; 7, 8 – Kalmakemel, Kazakhstan; 9, 11 – tamgas on Khorezmian coins (after Vainberg, 1977); 10 – Chu-Ili Mountains, tamga No. 2; 12 – Orlat, Uzbekistan; 13 – Yeshkiolmes, Kazakhstan

Рис. 4. Некоторые значимые формы тамг позднеантичного времени из Чу-Илийских гор (Семиречье) и их аналогии: 1-2 – тамга №1; 3 – каньон Каракавак, горы Мангыстау (по: Самашев и др. 2010); 4-5 – тамга №2; 6-7 – тамга №3; 8-9 – тамга №4

Fig. 4. Some remarkable tamga forms of the late antiquity from the Chu-Ili Mountains (Semirechie) and their analogues: 1-2 – tamga No. 1; 3 – Karakavak Canyon, Mangystau Mountains (after Samashev et al. 2010); 4-5 – tamga No. 2; 6-7 – tamga No. 3; 8-9 – tamga No. 4

«являющихся диагностирующим признаком «тагарских человечков» (Советова, Миклашевич, 1999. С. 63-65. Табл. 5, 2; planche 29). Впрочем, среди символических изображений на плитах тагарских курганов и петроглифов известных местонахождений Среднего Енисея отыскать знаки, подобные тамгам из Калмакэмеля, не удастся (Семенов и др., 2003; Répertoire..., 1995). Малочисленность композиций с петроглифами «тагарского» облика в горах Калмакэмель указывает на кратковременность пребывания в Северном Прибалхашье носителей данной изобразительной традиции и, несомненно, на миграционное происхождение самих сюжетов, не имеющих здесь местных истоков, и сопутствующих им достоверительных знаков, по-видимому, каких-то других групп кочевников.

В долине р. Токраун, в горах Жельдебе, расположенных к северу от оз. Балхаш, в двух пунктах обнаружен знак в форме развернутой влево «S» с закрученными в спираль окончаниями (рис. 2, 7). В одном случае тамга выбита на отдельном камне рядом с солнечным знаком, во втором – на вертикальной скале возле древней стоянки вместе с двумя изображениями кошачьих хищников (рис. 3, 5-6). Этот тип зооморфных наскальных изображений пока не идентифицирован, но на данном местонахождении, по-видимому, занимает промежуточную стратиграфическую позицию между петроглифами сакской эпохи и гравюрами тюрков раннего средневековья.

В Восточном Казахстане тамги позднеантичного времени обнаружены в Прииртышье в составе небольшого безымянного скопления петроглифов на северном склоне Калбинского хребта. Здесь выделяется панно с разновременными гравюрами (эпоха бронзы – средние века), среди которых имеется серия зооморфных рисунков (хищники, лошади), напоминающих упомянутые выше петроглифы Жельдебе. Вместе с ними на скале выбита сложная тамга в форме развернутой влево «S» и примыкающей к ней справа основанием Т-образной фигурой (рис. 2, 9; 5, 3). Тамга имеет определенное сходство с двумя одинаковыми по виду знаками, один из которых входит в собрание

figures' (Sovetova, Miklashevich, 1999. PP. 63-65. Pl. 5, 2; planche 29). However, neither symbolic images on the slabs of Tagar barrows nor petroglyphs from any known site in the middle stretches of the Yenisei include signs similar to tamgas from Kalmakemel (Semenov et al., 2003; Répertoire..., 1995). The small number of compositions with petroglyphs in the 'Tagar' style in the Kalmakemel mountains indicates that the bearers of this graphic tradition stayed but for a short time in the north of the Balkhash area and, certainly, that the themes of the images were not of the local origin, which is supported by the absence of analogous signs in the area, but were brought there by some outside nomadic groups.

In the Tokraun River valley a sign in the form of an inverted S with the ends twisted into a spiral (fig. 2, 7) was found in two points in the Zheldebe Mountains north from Lake Balkhash. One of the tamgas was carved next to a solar sign on a separate stone, while the other one – on a vertical rock next to the ancient nomadic stand together with two images of feline predators (fig. 3, 5-6). This type of rock images has not been identified yet, but within this site, probably, it is positioned stratigraphically between petroglyphs of the Saka period and early medieval Turkic engravings.

In Eastern Kazakhstan tamgas of the late antiquity were found in a small nameless accumulation of petroglyphs on the northern slope of the Kalbin Range in the Irtys River area. A panel with non-contemporaneous engravings (between the Bronze Age and Middle Ages), which includes a series of zoomorphic images (various predators, horses) resembling the petroglyphs of Zheldebe mentioned above, is of special interest. Among the images there is a complex tamga engraved on the surface of a rock in the form of an inverted S and the T-shaped figure attached to it (fig. 2, 9; 5, 3). The tamga is somewhat similar to two signs identical in appearance, one from the collection of tamgas on stone 133 in Mugar-Sargol and the other from the Tsagaan-Gol in the west of

тамг на камне 133 из Мугур-Саргола, а второй вместе с другими знаками гуннского времени представлен на скалах Цаган-Гола на западе Монголии (Batbold, 2016. Pic. 336). Существенным отличием обоих знаков от тамги из Прииртышья является второй компонент комбинированной фигуры: здесь он выглядит как «гребенка» (рис. 3, 1, 3).

Полное сходство тамга из Прииртышья имеет со знаком №230, процарапанном на отдельной плите из храмовой постройки Байте III (см. главу 2, рис. 6).

На северо-западном склоне Тарбагатая в урочище *Томар* найдена композиция с зооморфными изображениями и тамгой специфической формы (рис. 2, 10; 5, 4-5); идентичные знаки со II–I веков до н.э. известны на территории «кочевой империи» Кангюй и присутствуют в материалах ранней цитадели Туркестана до III века н.э. (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 119. Fig. 15), сегодня она известна там уже в 6 экземплярах (см. главу 5). Имеются также точные и близкие (с точкой внутри) западные аналогии знаку – на миниатюрных бронзовых зеркалах-подвесках из сарматских/аланских женских погребений на окраине Неаполя Скифского в Центральном Крыму и в устье Дона (Кобяково) середины II – середины III века н.э. (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015).

На юге Казахстана знаки позднего античного периода зафиксированы на трех местонахождениях петроглифов. В северной части хребта Каратау на местонахождении *Арпаозен* встречен комбинированный знак в виде соединенных вместе линией S-образной фигуры и овала, внутри которого выбиты еще две короткие, соединенные под углом черты (рис. 2, 3). Древняя тамга глубоко и тщательно выбита на вертикальной поверхности скалы, но частично подновлена в наши дни; не подновленные участки изображения покрывает патина черного цвета. К сожалению, это одиночное изображение знака, которое трудно связать с какой-либо группой петроглифов разновременного комплекса Арпаозен. В то же время, тамга имеет точные аналогии среди знаков долины Цаган-Гол в Монголии (рис. 3, 2-3).

Mongolia, where it is found among other signs of the Xiongnu period (Batbold, 2016. Pic. 336). What distinguishes greatly both these signs from the tamga in the Irtysh River area is the second component of the complex figure, which in them has the form of a ‘rack’ (fig. 3, 1, 3).

The tamga from the Irtysh region is completely identical to sign No. 230 scratched on a separate slab in the temple building of Bayte III (see Chapter 2, fig. 6).

A composition of zoomorphic figures and a tamga of a specific shape were found in the *Tomar area* on the north-western slope of the Tarbagatai Range (fig. 2, 10; 5, 4-5). Signs identical to the tamga are known to have been used in Kangju ‘nomadic empire’ since the 2nd-1st centuries BC and can be found amid the material from the early citadel of Turkestan dated to the period before the 3rd century AD (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 119. Fig. 15). Currently, we know of 6 copies of this sign (see Chapter 5). Identical and similar (with a dot inside) signs have also been found in western areas, such as those on miniature bronze pendant-mirrors from the Sarmatian/Alani female burials in the outskirts of Scythian Neapolis in central Crimea and at the mouth of the Don (Kobyakovo) dated to the middle of the 2nd-middle of the 3rd century AD (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015).

In the south of Kazakhstan signs of the late antique period have been recorded on three petroglyph sites. A combined sign in the form of an S-shaped figure and oval connected by a line, with two short interlinked strokes forming an angle within the oval (fig. 2, 3) was found in *Arpaozen* in the northern part of the Karatau Range. The ancient tamga was carefully and painstakingly carved on the vertical face of a rock and was partially renovated in our time; the portions of the image that have not been renovated are covered with black patina. Unfortunately, this is a single sign which is hard to link to any of the groups of petroglyphs in the non-contemporaneous Arpaozen complex. Nevertheless, the tamga is absolutely identical to

Рис. 5. Петроглифы и тамги позднеантичного времени из Центрального и Восточного Казахстана и их аналоги: 1-2 – петроглифы «тагарского» облика, горы Калмакэмель, Северное Прибалхашье; 3 – тамга, Калбинский хребет, Прииртышье; 4-5 – тамга, уроч. Томар, горы Тарбагатай; 6-7 – знаки на золотой гривне и костяном псалии из Аржан-2, Тува; 8 – тамга, Жалтырак-Таш, Таласский Алатау, Кыргызстан; 9-10 – тамги, Чийимташ, Таласский Алатау, Кыргызстан; 11 – личная тамга Инисмея на монетах Ольвии

Fig. 5. Petroglyph and tamgas of the late antiquity in central and eastern Kazakhstan and their analogues: 1-2 – petroglyphs in the 'Tagar' style, Kalmakemel Mountains, northern part of the Balkhash area; 3 – tamga, Kalbin Range, Irtysh River area; 4-5 – tamga, Tomar area, Tarbagatai Range; 6-7 – signs on golden torque and bone psalium from Arzhan-2, Tuva; 8 – tamga, Zhaltyrak-Tash, Talas Ala-Too, Kyrgyzstan; 9-10 – tamgas, Chiyimtash, Talas Ala-Too, Kyrgyzstan; 11 – personal tamga of Inismeos on Olbian coins

В горах Кемер на северных склонах Каратау найдены три близких по форме знака (рис. 2, 2), протертые абразивом на горизонтальных поверхностях скалы, у подножия которой находится стоянка. К сожалению, и здесь знаки не сопровождаются другими сколько-нибудь выразительными рисунками, однако по степени выветренности и технике исполнения они разительно отличаются от многочисленных средневековых петроглифов данного местонахождения (которые в ряде случаев перекрывают эти тамги) и, несомненно, являются более древними. Как сказано выше, У-образные знаки Кемера тождественны одному из основных элементов тамги №1 из Чу-Илийского междуречья и ущелья Каракавак на Мангыстау. Другие точные аналогии тамгам из Кемера неизвестны. Знаки из Арпаозена и Кемера можно с высокой вероятностью связать с «кочевой империей» Кангюй.

Наконец, из округа современного Тараза происходят еще две сходные по виду комбинированные тамги, в основе которых сочетание S-образного знака с незамкнутой окружностью или сведенными концами двумя дугами, отходящими от соединяющей их линии типа «подставки». Один из знаков (рис. 2, 1а) происходит из ущелья *Karasai* в Кыргызском Алатау, но известен нам, к сожалению, только по публикации (Самашев, 2013. Рис. 225). Он очень близок знаку №216 из святилища Байте III (см. глава 2, рис. 6). Местонахождение второй тамги из округа Тараза (рис. 2, 1б) точно не установлено. Ближайшей аналогией для нее является знак 157 на стене храма Байте III (см. глава 2, рис. 6), близок ей также знак на петроглифах сюнну в монгольском Алтайском сомоне (Ховдский аймак) (Торбат, Батсук, Баярхуу, 2012. Зур. 96).

Тамга из Карасая подновлена в средние века, и при подновлении, возможно, к «подставке» добавлены дуги. Так или иначе, наибольшее сходство этот знак имеет с тамгой из Прииртышья (рис. 2, 9), а со сделанными выше оговорками – с тамгами из Мугур-Саргола и Цаган-Гола, а также со знаком №230 на святилище Байте III.

some of the signs from the Tsagaan-Gol Valley in Mongolia (fig. 3, 2-3).

In the Kemer Mountains on the northern slopes of the Karatau Range three signs similar in form (fig. 2, 2) were scratched with an abrasive on the horizontal surfaces of a rock with an archaeological site at its foot. Unfortunately, these signs are not accompanied by any expressive images, but they differ greatly in technique and degree of erosion from medieval petroglyphs found in large numbers on this site (and often covering them) and, doubtfully, can be dated to an earlier time. As was mentioned above, the Y-shaped signs of Kemer are similar to one of the basic elements in tamga No. 1 from the Chu-Ili watershed and the Karavak Canyon on the Mangystau Plateau. We know of no other signs identical to tamgas from Kemer. The signs from Arpaozen and Kemer can, most probably, be associated with Kangju.

Finally, two combined tamgas similar in appearance, whose composition is based on an S-shaped sign with an open circumference or two arcs with meeting ends forming, together with the line they are connected by, a figure resembling a 'support', were found near present-day Taraz. One of the signs (fig. 2, 1a) was discovered in the *Karasai Canyon* in the Kyrgyz Ala-Too Range, but, unfortunately, we know about it only from a publication (Samashev, 2013. Fig. 225). It is very close to sign No. 216 from the Bayte III sanctuary (see Chapter 2, fig. 6). The exact location of the second Taraz tamga (fig. 2, 1b) has not been established. Its closest analogue is sign No. 157 on the wall of the temple at Bayte III (see Chapter 2, fig. 6). Another similar sign is one of the Xiongnu petroglyphs in Altai sum, Khovd aimag, Mongolia (Torbat, Batsukh, Bayarkhuu, 2012. Fig. 96).

The tamga from Karasai was renovated in the Middle Ages, and it is possible that the arcs were added to the 'support' while renovating. In any case, this sign is closest in appearance to a tamga from the Irtysh area (fig. 2, 9), and if the abovementioned changes took place, it is also analogous to the tamgas from Mугур-Sargol

Таким образом, в представленной серии знаков-петроглифов из разных пунктов Казахстана мы наблюдаем идентичные, а чаще – близкие по форме тамги (ср. рис. 2, 2a и 4b; 3 и 8a; 4b и 7; 1b и 9). В целом, известные в настоящее время тамги-петроглифы позднеантичного периода пока немногочисленны, не создают больших серий однотипных форм на какой-то отдельной территории, а их местонахождения удалены друг от друга на значительные расстояния. Преобладают одиночные знаки, включенные в контекст обособленных скоплений наскальных рисунков («святилищ»), но со стоянками или другими памятниками той же эпохи уверенно связать их трудно. Некоторая часть знаков идентифицируется как эмблемы кушанских и хорезмских правителей или представителей привилегированных кланов кочевников, позже участвовавших в создании среднесарматской и позднесарматской культур. Небольшая часть знаков, помимо западных параллелей, обнаруживает сходство с отдельными тамгами гуннского времени из Монголии и Тувы.

Сделанные наблюдения позволяют рассматривать тамги-петроглифы этого времени в контексте небольших «святилищ» с наскальными рисунками как своеобразные статусные знаки отдельных аристократических родов, возглавлявших разные группы кочевников Центральной Азии в ходе их перегруппирования и переселения через земли Казахстана на новые территории в переломную эпоху поздней античности.

and Sagan-Gol and sign No. 230 at the Bayte III sanctuary.

Thus, as we can see the diverse collections of petroglyph signs from various sites in Kazakhstan contain a few identical and more similar tamgas (cf. fig. 2, 2a and 4b; 3 and 8a; 4b and 7; 1b and 9). All in all, the known tamga petroglyphs of the late antique period are not numerous so far and do not form large collections of one-type forms within an isolated area, but, rather, are located at considerable distances from each other. Most of them are single signs within isolated clusters of rock paintings ('sanctuaries'), but it is hard to link them reliably to archaeological sites or any other monuments of that time. Some small part of them are identified as the emblems of Kushan and Khorezm rulers or representatives of privileged nomadic clans that later were involved in the development of the Middle Sarmatian or Late Sarmatian Cultures. Apart from western analogues, a few signs are similar to some tamgas of the Xiongnu time from Mongolia and Tuva.

Based on our observations we regard the petroglyph tamgas of that period found in the context of small 'sanctuaries' with rock paintings as specific status signs used by individual aristocratic families that headed various groups of nomads in Central Asia while they were regrouping and migrating across the territory of Kazakhstan to new lands in the crucial moment of the late antiquity.

ГЛАВА 5
СЕРИИ ЗНАКОВ ИЗ ОАЗИСОВ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Е.А. Смагулов, С.А. Яценко

Памятники, которые анализируются в данной главе, расположены, в первую очередь, в Туркестанском и Отрарском оазисах и в бассейне реки Арысь – то есть на вытянутой с юго-востока на северо-запад территории между горным хребтом Каратау и рекой Сырдарья в ее среднем течении.

Активное использование знаков или меток идентичности (нишан / тамга) в хозяйственной деятельности и культовой сфере документируется на этом участке бассейна Средней Сырдарьи с I века до н.э.⁹⁰ Китайская хроника Старшей Хань (Hàn shū / 漢書, 95) отмечает к концу столетия заметное усиление управляемого кочевой элитой политического объединения Кангюй (Kangju / 康居), превратившегося в короткий срок в одну из знаменитых «кочевых империй» прошлого. В изменившихся политических условиях развивается дорожная сеть⁹¹, прежде всего идущая из столицы Китая через всю долину Сырдарьи до Южного Урала – Янь (Yan / 嚴) «северная дорога» (Hàn shū / 漢書, 95) – одна из двух главных сухопутных трасс так называемого «Шелкового пути». После событий 36 года до н.э. Кангюй (который и сам располагал значительными минеральными и сельскохозяйственными ресурсами) оказался активно включенным в мировую торговлю (Яценко, 2017. С. 257-260). В нижнем течении

⁹⁰ Мы искренне признательны коллегам из Шымкента: А.А. Ержигитовой за постоянную помощь в обработке керамических коллекций Культобе в г. Туркестан и Сидака и Андрею Донцу – за серию качественных фото керамики первых веков н.э. с низовьев р. Арысь.

⁹¹ Впрочем, уже в 126 году до н.э. (судя по отчету Чжан Цяня, использованному Сыма Цянем), первый китайский дипломат был отправлен в Кангюй верховным правителем Ферганы по некоей оборудованной дороге.

CHAPTER 5
SERIES OF SIGNS IN THE OASES OF
SOUTHERN KAZAKHSTAN

E.A. Smagulov, S.A. Yatsenko

Most of the monuments analysed in this article are situated in the Turkestan and Otrar Oasis and in the Arys River basin, that is, on a strip of land stretching from south-east to north-west between the Karatau Mountain Range and the middle course of the Syrdarya River.

Signs or identity marks (tamga/nishan) are known to have been actively used in the economic and cultic contexts in this part of the middle Syrdarya River basin since the 1st century BC⁹⁰. The Chronicles of the Former Han dynasty in China (Hàn shū / 漢書, 95) recorded the political union of Kangju (康居), which, governed by nomadic elite, had grown highly powerful by the late 1st century BC and turned within a short period into one of the greatest ‘nomadic empires’ of the past. The new political situation resulted in the development of a network of roads⁹¹, particularly the ‘Northern Road’ (Hàn shū / 漢書, 95), which led from the Chinese capital across the Syrdarya River valley to the southern portion of the South Ural area – Yan (嚴) and was one of the two main arteries of what is known as the Great Silk Road. Following the 36 BC events Kangju (which had been rich in mineral and agricultural resources) became involved in an active international trade (Yatsenko, 2017. PP. 257-260). A series of fortresses and a few towns sprang up in the lower stretches of the

⁹⁰ We are deeply thankful to our colleagues from Shymkent: A. A. Erzhitova for her permanent support in processing ceramic collections from Kultobe in the city of Turkestan and from Sidak, and Andrei Donets for his series of high-quality photographs of ceramics of the early Common Era from the lower stretches of the Arys River.

⁹¹ Nevertheless, according to a report from Zhang Qian used by Sima Qian, as early as 126 the supreme ruler of Fergana sent the first Chinese diplomat to Kangju along a well-made road.

р. Арысь и вдоль речек, стекающих с гор Каратау к правому берегу Сырдарьи, возникает серия крепостей, появляются города. Развитие отношений собственности, рост торговых операций и развитие элитарной культуры привели к активному использованию наиболее удобных тогда клановых и семейных эмблем для мечения многих артефактов и важных объектов на местности. Самым населенным участком всего бассейна Средней Сырдарьи был Отрарский оазис (где выявлено более 200 позднеантичных поселений и некрополей). Вероятно, именно здесь (на одном из двух крупнейших городищ: Отрар или Мардан-Куик, стационарно изучаемых, соответственно, с 1969 и 1986 гг.) располагалась столица Кангюя – город Бейтянь / Veitian (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. С. 164, 167)⁹². К середине I века н.э., судя по данным китайских хроник, Кангюй стал крупнейшей державой в Средней Азии. Он, видимо, оставался ею до пограничных войн с Сасанидами в 250-х годах⁹³.

Понятно, что интерес к изучению ранних, доисламских знаков на археологических памятниках Южного Казахстана проявился лишь спустя примерно 20 лет после начала массовых раскопок средневековых поселений, так как вначале вскрывались их более верхние, позднесредневековые слои⁹⁴. Реальное

Arys River and along streams draining from the slopes of the Karatau Range on the right bank of the Syrdarya into the river. The development of property relations, growth of trading activity and development of elite culture led to an increasing use of clan and family emblems to mark various artifacts and important geographic objects. The most populated part of the entire basin of the Middle Syrdarya was the Otrar Oasis, where over 200 late antique settlements and necropolises have been discovered. This might be the area (one of the two largest hillforts, Otrar or Mardan-Kuik, which received regular studies between 1969 and 1986) where the capital of Kangju, the city of Beitian, was situated (Baipakov, Smagulov, Erzhigitova, 2005. PP. 164, 167)⁹². According to Chinese chronicles, by the mid 1st century AD Kangju had become the most powerful state in Central Asia. Evidently, it remained so until the wars with the Sasanids in the border areas in the 250s AD⁹³.

It is natural that academic interest in earlier, pre-Islamic signs on the archaeological sites of southern Kazakhstan began to grow only some 20 years after the large-scale excavation of medieval settlements had started, which was because the upper late medieval layers were studied first⁹⁴. The first time specialists paid serious

⁹² Увы, парадоксальным образом именно значимость этих памятников и большая мощность культурного слоя на них привела к тому, что самые ранние слои там изучены фрагментарно. Куда больше мы знаем, например, о позднейших знаках Отрара (Смагулов, 1979; Смагулов, 1980).

⁹³ Итоги этого конфликта подведены в надписи Шапура I (240-272) 262 г. ŠKZ в «Каабе Зороастра» в Накш-и Рустаме. В состав империи Сасанидов на севере вошли земли «...вверх до Каша [Кашгара], **Согда** и пределов **Чача**... все эти царства и владетели и владетели провинций стали приносящими нам дань» (Луконин, 1969. С. 62). Две последние территории ранее контролировались Кангюем. Результат этой войны наверняка стал для последнего политической катастрофой.

⁹⁴ Поэтому вначале интерес к знакам стимулировался... патриотическим стремлением видеть в позднесредневековых знаках на керамике тамгах не метки ремесленников или обозначения партий товара, а прямых предшественников тамг конкретных казахских кланов и племен (начало этому положили заключения Л.Б. Ерзаковича по городищу Сузак:

⁹² It is paradoxical that the significance of these monuments and the presence of a thick cultural layer have, unfortunately, led to a weak and fragmentary study of their earliest strata. We know much more about the latest Otrar signs, for instance (Smagulov, 1979; Smagulov, 1980).

⁹³ The results of this conflict can be found in the inscription of Shapur I (240-272) 262 ŠKZ in Kaaba of Zoroaster in Naqsh-e Rostam. In the north the Sasanid Empire included territories '...upwards to as far as Kash [Kashgar], **Sogd** and the border of **Chach**... all these kingdoms and their rulers and the rulers of provinces were laid under contribution' (Lukonin, 1969. P. 62). The last two territories in the list had been ruled by Kangju prior to that. So the results of this war, no doubt, turned out a political catastrophe for the 'nomadic empire'.

⁹⁴ That was why initially the interest in the signs was stimulated by... a patriotic desire to consider the medieval signs on ceramic items not craftsmen's marks indicating batches of goods, but direct predecessors of the tamgas of certain Kazakh clans and tribes (L. B. Erzakovich was the first to propose it in his conclusions concerning the Suzak hillfort: the ceramics workshops were regarded as

внимание исследователей к раннесредневековым знакам на керамике разных памятников бассейна р. Арысь, относившихся к отрарско-каратауской культуре, возникло в ходе работы Южно-Казахстанской экспедиции (ЮККАЭ) в 1970-1980-е годы, и первые результаты отразились в наблюдениях А.Н. Подушкина (Подушкин, 1985; Байпаков, Подушкин, 1989. С. 142-150 Рис. 64). Сегодня большинство исследователей рассматривают население Кангюя как говорящее на восточно-иранских языках⁹⁵. Реальная тюркизация Средней Сырдарьи началась, как полагали ведущие тюркологи, со времени первых Каганатов конца VI – середины VIII века (Бернштам, 1947. С. 157; Кляшторный, 1964. С. 174).

В особо значимых случаях (маркирование границ крупных угодий, монеты, важнейшие сакральные и властные атрибуты и т.п.) *клановый* знак явно сохранял свое значение (высокая значимость делала форму таких знаков достаточно консервативной). Знаки же на керамике отрарско-каратауской и каунчинской культур с рубежа н.э., вероятно, были в основном *семейными*, так как ими помечены бытовые предметы, находившиеся в семейном пользовании; в декларировании знаков кланов (более крупных социальных единиц) в таких случаях, думается, не было нужды (как нет оснований предполагать в тех условиях небывалое развитие *частной* собственности и со-

attention to medieval signs on ceramics from various monuments within the Arys basin belonging to the Otrar-Karatau culture was in the course of the southern Kazakhstan expedition in the 1970s-1980s, while A. N. Podushkin published the first results (Podushkin, 1985; Baipakov, Podushkin, 1989. PP. 142-150 Fig. 64). Currently, a majority of researchers consider that the Kangju people spoke the east Iranian languages⁹⁵. According to leading specialists in the Turkic philology, the Turkic languages began to be spoken widely in the middle Syrdarya area only since the time of the first khaganates in the late 6th-middle 7th centuries AD (Bernstam, 1947. P. 157; Klyashtornyiy, 1964. P. 174).

In special cases (delineating large areas of land, minting coins, producing sacral and power attributes and so on) the *clan* sign retained its meaning (their high importance made the form of such signs highly conservative). However, starting from the Common Era, most of the signs on ceramics of the Otrar-Karatau and Kaunchi cultures were *family* signs, because they were used to mark utensils used within a household; it is hardly possible that clan tamgas (as bigger social units) were used in these cases, as well as *private* ownership and its marking could hardly reach that high level under those conditions. Probably, personal potter's marks (mostly in the form of a simple cross)⁹⁶ were

---

керамические мастерские воспринимались как собственность вождей кланов, которая предполагала клеймение изделий) (Ерзакович, 1966. С. 69; см. позже: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1969. С. 42). В дальнейшем эта романтическая версия не получила подтверждения.

⁹⁵ Целый ряд соображений (наименование в позднейшей Авесте Канги «священной» для зороастрийцев и тесная связь ее с прародиной иранцев в пехлевийской литературе; тесная и разнообразная взаимосвязь с Кангюем аланов, чья ираноязычность разделяется всеми крупными лингвистами; постоянно подчеркиваемая уже Чжан Цянем особо тесная связь обычаев кангюйцев и бактрийских юэчжей (особая иранская письменность которых давно дешифрована) и др.) позволяет поддерживать эту версию и сегодня. По мнению ряда лингвистов, само название кангюйцев происходит от иран. «kaŋgā» («люди в кожаных одеждах / доспехах») (см.: Литвинский, 1968. С. 22-23).

---

the property of tribal leaders who wished to mark their goods) (Yerzakovich, 1966. P. 69; see later: Akishev, Baipakov, Erazakovich, 1969. P. 42). This romantic hypothesis was not supported afterwards.

⁹⁵ Today a number of factors (the denomination of Kanga sacred for Zoroastrians in Avesta and Kanga's close relation to the ancestral homeland of the Iranians in Pahlavi literature; close and diverse relations between Kangju and the Alani, who, according to most linguists, were Iranian-speaking; particularly close relation between the customs of the Kangju people and Bactrian Yuezhi stably supported by Zhang Qian (whose Iranian script of a special kind has long since been deciphered) and others) continue to strongly support this version. According to a number of linguists, the name 'Kangju' derives from Iranian 'kaŋgā' ('people in leather clothes/armour') (see Litvinsky, 1968. PP. 22-23).

⁹⁶ Due to its universal magic meaning this symbol often became the sign of certain clans/families (as well as foreign letters and figures and even specialised emblems from other religions were sometimes used as tamgas).

ответствующего ей маркирования). Вероятно, параллельно с ними подчас использовались личная метка гончара, символ ремесленной мастерской, магический символ-оберег на днище или донце посуды (обычно это простой крест)⁹⁶, особые указатели партии товаров. О происхождении и некой исходной символике ранних кланово-семейных меток мы не станем здесь высказываться, так как у иранских народов (в отличие от многих других), видимо, уже в античное время яркие образные ассоциации в связи с определенной формой такого знака обычно отсутствовали (Яценко, 2001. С. 3, 6-7).

Находки знаков, происходящих из позднеантичных – раннесредневековых *некрополей* Средней Сырдарьи, в отличие от поселений, пока довольно редки, и любая из них (особенно – сохранившаяся полностью) представляет известный интерес. Одно из наиболее очевидных их отличий – весьма *тщательная передача формы тамг* в парадном («печатном») варианте по настоянию заказчика, а также то, что знаки встречены, прежде всего, на хумах. Похоже, для погребений отбирали сосуды именно с такими знаками. Особую ситуацию мы имеем лишь в *могильнике Шага* (см. ниже; рис. 2, 1): здесь знаки прочерчены на кувшинах, реже – кружках, и главное, весьма небрежно.

Тамги правящей элиты Кангюя

На сегодняшний день выявление тамг высшей аристократии этой державы представляет немалые сложности. Отчасти это связано с тем, что во всех северных оазисных обществах Средней Азии I века до н.э. – середины III века н.э. – Усунь, Фергане и Кангюе (в отличие от более южных Хорезма, Согда и юэчжийской Бактрии, где хождение монет было привнесено еще при Ахеменидах) отсутствовал общегосударственный монетный чекан (на котором

⁹⁶ Универсальное магическое значение этого символа не мешало делать его и знаком конкретных кланов / семей (как не мешало использованию для функций тамги иноземных букв, цифр и даже чужих специализированных религиозных эмблем).

often used together with the tamgas and placed on the bottom of a vessel as a symbol of a workshop, a magic talisman and a marker of a batch of goods. We are not going to enlarge upon the origin and certain initial symbolism of early clan/family marks, as in the antique period Iranian peoples (unlike many other ones), probably, did not already have bright and figurative images associated with a certain form of this sign (Yatsenko, 2001. PP. 3, 6-7).

Contrary to the situation in settlements, there have not been many signs found in late antique-early medieval *necropolises* in the middle Syrdarya area, and any of them, particularly whole ones, are of special interest. Among their most evident distinguishing features are that the ceremonial ('stamped') versions of *tamgas* have clear forms, which was, probably, done to satisfy the customer's requirements, and that they occur primarily on khums. It seems vessels with signs of such a high quality were chosen for burials. The *Shaga burial ground* (see below, fig. 2, 1) is the only monument of this kind that stands apart, as the signs found there are scratched on jugs and, in fewer cases, on mugs and, most importantly, they are done quite carelessly.

Tamgas of the Kangju ruling elite

Today it is quite hard to identify the tamgas of the supreme aristocracy in this empire. Partly this is because neither of the oasis communities in the northern portion of Central Asia – the Wusun, Fergana or Kangju (unlike more southerly Khwarezm, Sogd and Yuezhi Bactria, where coins were introduced as early as the Achaemenian period) had national coins (which often had on them a dynastic tamga or that of one ruler) between the 1st century BC and 3rd century AD, as there the coin was substituted by its equivalents.

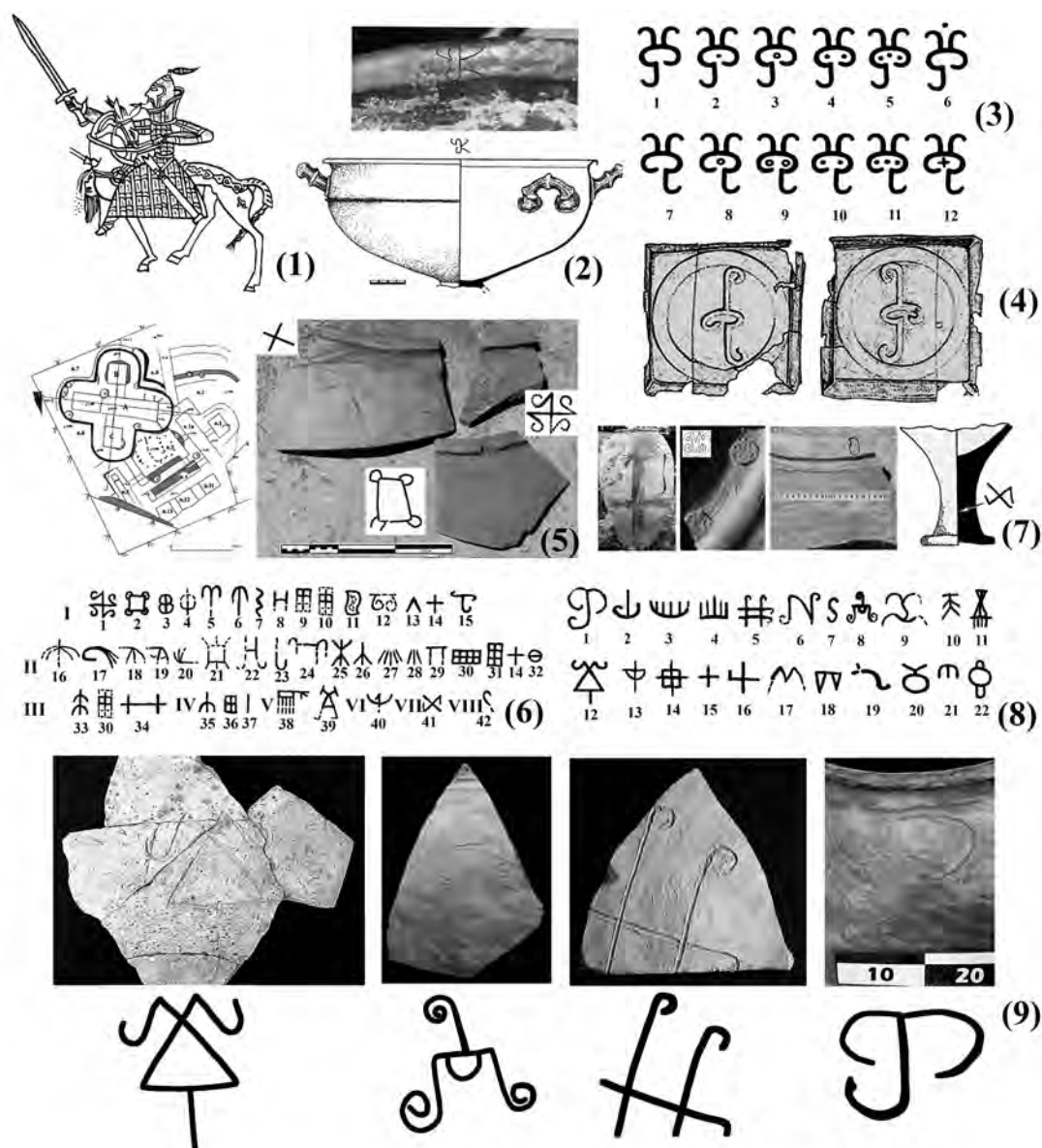
This makes the sign (two mirror-reflected copies) found on the earlier coins of countries as diverse as Khwarezm and Sogd even more interesting (Yatsenko, 2001. Fig. 28, Ns. 45, 52, 129). A similar sign was recorded in a later period on the coins of Chach, which for quite

часто присутствует тамга династии или одного правителя): монета заменялась другими денежными эквивалентами.

Тем интересней для нас знак, который (в двух зеркальных вариантах) видим уже на ранних монетах таких разных стран, как Хорезм и Согд (Яценко, 2001. Рис. 28, №№ 45, 52, 129). Позже достаточно близкий знак появляется и на первых же монетах Чача, долгое время бывшего в составе Кангюя (рис. 1, (3), 1, 7). Думается, считать этот знак «собственно чачским» не стоит; куда более вероятно, что он принадлежал влиятельному клану пришельцев (юэчжей?), вошедшему с конца II века до н.э. в состав элиты нескольких стран региона. Многообразие вариантов этого знака в Чаче III-V веков (12) демонстрирует, на наш взгляд, пути эволюции общего кланового знака в Ташкентском оазисе. Мы согласны с Дж.Я. Ильясовым (см. главу 3), что ориентация этих знаков в пространстве надежно документирована во владельческой надписи «Шава, предводителя чачского народа» (по В.А. Лившицу) на оборотной стороне раннесасанидской серебряной чаши из деревни Корчевой в Государственном Эрмитаже (Смирнов, 1909. Табл. XXV, №53). И в остальные их изображения желательнее внести коррективы. В 2008 году в разрушенном кургане под Шымкентом были найдены, видимо, разновременные (?) котел с идентичной тамгой (рис. 1, (2)) и бронзовая, с позолотой, гривна VII века (Ержигитова, Смагулов, Демиденко, 2009). Во многих деталях котел уникален, и его датировка даже ведущими специалистами по таким изделиям оказалась затруднена (не исключено, что он относится еще к позднему, кризисному периоду истории Кангюя III-IV вв.). Еще интереснее то, что оба зеркальных варианта этой царской тамги в усеченном виде (без одной из нижних дуг) использовались еще во второй половине III века н.э. на золотых обкладках упряжи сарматской знатью Южного Приуралья (кит. Янь / Yan / 嚴): Покровка 2, курган 9 (Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко, 1995. С. 44. Рис. 64, 67) (рис. 1, (4)). Из китайских источников известна сильная зависимость этой территории до

a while was included in Kangju (fig. 1, (3), 1, 7). We think that we should not consider this sign to belong to 'Chach proper'; rather, it was the sign of an influential clan of some outsiders (the Yuezhi?), which since the late 2nd century BC became an elite community for several countries in the region. We think that the numerous versions of this sign in Chach in the 3rd-5th centuries (12) reflect the evolution of the clan tamga common for the Tashkent Oasis. We agree with J. Ya. Ilyasov (see Chapter 3) that the orientation of these two signs in space was reliably documented in the ownership inscription of 'Lord Shav of Chach' (according to Livshits) on the reverse of an early Sasanian silver bowl found near Kerchevov village and kept in the Hermitage Museum (Smirnov, 1909. Pl. XXV, No. 53). Its images found on other items should also be corrected. In 2008 a cauldron with the above described tamga (fig. 1, (2)) and a bronze gilded 7th-century torque (probably, they were non-contemporaneous?) were found in a demolished mound near Shymkent (Erzhigitova, Smagulov, Demidenko, 2009). The cauldron is unique in many ways, which made it hard to date it even for best specialists (it may be referred to the late Kangju period, 3rd-4th centuries, when the country was in crisis). Interestingly, the Sarmatian aristocracy of the South Ural area (Chinese Yan / 嚴) used to place both mirror-reflect-ed shortened (without one of the lower arcs) versions of this royal tamga on golden plates on their harnesses in the second half of the 3rd century AD: Pokrovka 2, mound 9 (Yablonsky, Davis-Kimball, Demidenko, 1995. P. 44. Figs. 64, 67) (fig. 1, (4)). Chinese sources report on the great dependence of this territory from Kangju before the early 3rd century and that Kangju laid it under contribution (which consisted primarily in sable skin) (Yatsenko, 2017. PP. 258-259). This similarity may indicate marriages between the nomadic elite of the South Ural area and the ruling clan of Kangju.

There is no doubt that the sign on the rump of the horse of a Kangju hero who was depicted as a victorious warrior in the middle of an epic battle on a Kangju belt buckle of the 1st-2nd century

Рис. 1. Знаки «кочевой империи» Кангюй: (1) – знатный кангюйский воин в эпической сцене (пояс из некрополя Орлат) (рис. С.А. Яценко); (2) – тамги группы 1 на ранних монетах Чача (Шагалов, Кузнецов, 2006. Рис. 1, с правкой Дж.Я. Ильасова); (3) – котел из-под Шымкента 2008 г. и фото его борта с тамгой; (4) – золотые обкладки конской упряжи; Покровка 2, курган 9 (3 и 4 – Ержигитова, Смагулов, Демиденко, 2009); (5) – крестовидная «крепость» на Культобе в Туркестане и типы тамг на хумах; (6) – «печатные» версии знаков на керамике Культобе в Туркестане из слоев I-III вв. н.э.: I – хумы; II – кувшины; III – горшки; IV – кружки; V – флаги; VI – котлы; VII – курильницы; VIII – хумчи (рис. С.А. Яценко); (7) – образцы знаков и оттиски штемпелей на хумах (верхний ряд) и курильнице из ранних слоев Культобе в Туркестане; (8) – знаки I в. до н.э. – III в. н.э. из бассейна р. Арысь (раскопки А.Н. Подушкина) (рис. С.А. Яценко); (9) – образцы тамг на хумах бассейна Арыси: Культобе и Алтынтобе (фото А. Донца); (2 и 5 – фото С.А. Яценко)

Fig. 1. Signs of the 'nomadic empire' of Kangju: (1) – noble Kangju warrior in an epic scene (belt in the Orlat necropolis) (fig. S. A. Yatsenko); (2) – group 1 tamgas on early Chach coins (Shagalov, Kuznetsov, 2006. Fig. 1, edited by J. Ya. Ilyasov); (3) – cauldron from the Shymkent area excavated in 2008 and fragment of its side with a tamga; (4) – the golden casing of a harness; Pokrovka 2, mound 9 (3 and 4 – Erzhititova, Smagulov, Demidenko, 2009); (5) – cruciform 'fortress' in Kultobe in Turkestan and types of tamgas on khums; (6) – 'stamped' versions of signs on the ceramics from Kultobe in Turkestan found in the layers of the 1st-3rd centuries AD: I – khums; II – jugs; III – pots; IV – mugs; V – flasks; VI – cauldrons; VII – censers; VIII – khumchas (fig. S. A. Yatsenko); (7) – specimens of signs and printed stamps on khums (top row) and a censer from the earlier layers of Kultobe in Turkestan; (8) – signs of the 1st century BC-3rd century AD found in the Arys River basin (excavated by A. N. Podushkin) (fig. S. A. Yatsenko); (9) – specimens of tamgas on khums from the Arys River basin: Kultobe and Altyn-tobe (photos by A. Donets); (2 and 5 – photos by S. A. Yatsenko)

начала III века от Кангюя и то, что она платила тяжелую дань (в основном шкурками соболей) (Яценко, 2017. С. 258-259). Подобное сходство, думается, может выявлять и наличие браков южноуральской кочевой верхушки с правящим кланом Кангюя.

Несомненно, к правящей верхушке Кангюя принадлежал знак на бедре коня кангюйского героя, изображенного непобежденным в центре сцены эпического сражения на кангюйской поясной бляхе I-II веков н.э. из Орлата (рис. 1, (1)); тип тамги уточнен Дж.Я. Ильясовым (Ильясов, 2005. Рис. 1, 1). С высокой долей вероятности к кангюйской знати относится небольшая серия из трех знаков, обнаруженных внутри крестовидной «крепости» – самого раннего сооружения (около рубежа н.э.) в Культобе – древней цитадели г. Ясы / Туркестан. Они нанесены только на хумы, каждый тип не повторялся (рис. 1, (5)). Оба сложных знака имеют точные аналогии лишь примерно два столетия спустя и только в двух женских могилах II века н.э. в одном и том же комплексе Битак – части некрополя Неаполя Скифского в Крыму (видимо, вещи с ними были принесены в «позднескифский» город женами из сарматских соседей) (Смагулов, Яценко, 2014в. С. 181-182. Рис. 6, 1-2) (см. ниже). Верхний (№1) позже, в IV-V вв., представлен (в зеркальном вертикальном отражении) в одном из помещений городища Пшакшитобе у г. Шаульдер (Байпаков, Авизова, 2017. Рис. 2, 4).

Кангюйские тамги из ранних слоев Ясы-Туркестана

Тамги – знаки по определению довольно массовые в быту. Поэтому для их адекватного исследования в науке главную ценность имеют не единичные (пусть даже очень яркие) находки или малые серии из могил изрядно разграбленных некрополей, а большие серии знаков, последовательно, год за годом, находимые послойно на конкретном поселении. Сегодня единственной такой тщательно документированной коллекцией является та, которая была получена в ходе раскопок Тур-

from Orlat (fig. 1, (1)) was also that of a Kangju ruling aristocracy; the tamga type was specified by J. Ya. Ilyasov (Ilyasov, 2005. Fig. 1, 1). A short series of three signs found within a cruciform ‘fortress’, which is the earliest structure (circa the turn of the Common Era) in Kultobe, the ancient citadel of the city of Yassy/Turkestan, may well have belonged to Kangju aristocracy. They were discovered only on khums; there were no two signs of the same type (fig. 1, (5)). Identical analogues of both complex signs were found only in two places dated to a period two hundred years later, the 2nd century AD – two female burials in one complex, Bitak, which is a suburb of Scythian Neapolis in the Crimea (probably, Sarmatian wives brought the things with tamgas to the ‘late Scythian’ city in the neighbourhood) (Smagulov, Yatsenko, 2014c. PP. 181-182. Fig. 6, 1-2) (see below). A vertical mirror reflection of the upper one (No. 1) was made in the later period, the 4th-5th century, in one of the rooms on the hillfort of Pshakshishtobe near Shoulder town (Baipakov, Avizova, 2017. Figs. 2, 4).

Kangju tamgas from the earlier layers of Yasi/Turkestan

Tamgas were signs widely used in everyday life. Therefore, for proper academic research the most important ones are not single finds, even brightest ones, or short series from the graves of heavily robbed necropolises, but those from long series found one after another year after year in different layers on one site. Currently, we have only one collection of this kind – the one that was found in the course of the 2011-2017 Turkestan expedition in layers of the 1st century BC-3rd century AD and that the authors processed using a special programme (fig. 1, (6)) (Smagulov, Erzhigitova, 2013b). Most of the signs (42 in total) were scratched using a thin stick or a blade prior to baking; no applied elements were found there. Some of the types found in Kultobe were made in two or more copies on the most popular pottery – khums, jugs and pots (Ns. 2, 6, 14, 30-31). The most representative type of ceramics found there is

кестанской экспедиции 2011-2017 годов в слоях I века до н.э. – III века н.э. и обработана авторами по определенной программе (рис. 1, (б)). Знаки (всего 42 типа) гравировались обычно тонкой палочкой или лезвием до обжига; налепы здесь отсутствуют. Некоторые типы на Культобе встречены неоднократно на наиболее популярных формах – хумах, кувшинах и горшках (№№ 2, 6, 14, 30-31). Самую обширную группу керамики со знаками здесь образуют *кувшины* (II). Знаки на них чаще наносились на тулове, а также под ручкой (№№ 26-28) и на ней (№14), изредка – на горловине (№31), в придонной части и на донце (№№ 20, 25). На кувшинах немало сложных по форме, уникальных тамг (№№ 16-19, 21). Немногие простые знаки здесь встречены дважды (№№ 14, 30, 31); интересно, что это также единственные типы, встреченные на нескольких видах посуды (на хумах, правда, предпоследний знак размещался вертикально). Тамги у горловины *хумов* (I) также включают несколько уникальных для бассейна Сырдарьи форм (№№ 3, 7, 13). На единственном хуме крупный знак №14 небрежно нанесен красной краской во всю высоту сосуда, который, видимо, не предназначался для вкапывания в грунт (7). Особый интерес представляет самый массовый тип знака на хумах (№2), встреченный на них пять раз (в т.ч. в первоначальной крестовидной «крепости»), известный около рубежа н.э. также на петроглифах в долине Тома в Тарбагатае (Центральный Казахстан) среди петроглифов «постсакского стиля» (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 119. Fig. 15), а позже также в Сарматии (см. выше). Можно думать, что он принадлежал одному из влиятельных местных кланов, имевших очень широкие связи в Степи того времени (вначале – более восточные, а затем и западные). В двух случаях на венчике встречен ряд не менее чем из двух оттисков печати с растительным побегом; в другом случае видим на бортике оттиск торца астрагала / асыка (7). У горловин флагов (V) процарапаны очень сложные и уникальные знаки. На котле (VI) тамга изображена под ручкой.

Рис. 2. «Печатные» версии знаков: I – некрополь Шага; II – святилище Сидак: I – верхние слои (V-нач. VIII в.): №№ 1–70 – находки 2001-2008 гг.; №№ 71-103 – находки 2009-2012 гг.; №№ 104-108 – находки 2001-2004 гг. (экспозиция музея «Азрет Султан», г. Туркестан); III – городище и некрополь Кок-Мардан, I – основные типы №№ 1-19 (4-5, 1-12, 19, 22 – фонды музея в г. Шаульдер); 20-21 – двухсоставные знаки; 22 – парные тамги; 23 – кувшин из некрополя (по А.А. Ержигитовой)

Fig. 2. 'Stamped' versions of signs: I – Shaga necropolis; II – Sidak sanctuary: I – upper layers (5th-early 8th centuries: Ns. 1–70 found in 2001-2008; Ns. 71-103 found in 2009-2012; Ns. 104-108 found in 2001-2004 (kept at the Azret Sultan Museum in Turkestan); III – Kok-Mardan site and necropolis, I – main types Ns. 1-19 (4-5, 1-12, 19, 22 – museum in Shaulder town); 20-21 – two-component signs; 22 – paired tamgas; 23 – jug from a necropolis (after A. A. Erzhigitova)

Контакты с сармато-аланами наиболее ярко и своеобразно отразились в метках древнейшего слоя *цитадели*. В 2011 году при раскопках крестообразного замка/«крепости», датированного ныне II–I веками до н.э. (Смагулов, Ержигитова, 2013. С. 88), на плечиках трех хумов оказалось по знаку. Если один из них очень простой – в форме вертикального креста (помещение 5), то два более сложных знаменитых не имеют на сегодня аналогов в Средней Азии, зато хорошо известны в памятниках последующего периода в Сарматии, которая была этнически и политически тесно связана с ранним Кангюем. При этом оба они обнаружены только в одном из грунтовых некрополей у стен Неаполя Скифского в Центральном Крыму (Битак) – в женских могилах, датированных от начала до конца II столетия н.э., то есть времени, когда в среде «*поздних скифов*» видно проникновение сармато-аланских кочевых соседей. Эти тамги найдены на вещах (миниатюрное зеркальце-амулет и краснолаковая миска), которые специалисты по «*поздним скифам*» сейчас склонны считать женскими брачными атрибутами (женщин-сарматок, выходивших в контактной зоне замуж за «*поздних скифов*»).

Первый (и более ранний по появлению в Европе) из этих знаков (рис. 1, I, I) имел в Сарматии завидную судьбу. Это очень редкая разновидность сложной свастики, повернутой по часовой стрелке. В Сарматии, однако, она входит в число всего 8 типов знаков, которые четыре и более раз представлены в скоплениях («энциклопедиях») в особо значимых межрегиональных по характеру святилищах. Знатный клан, использовавший эту тамгу (осетин. *gakk*), соответственно, *играл особую политическую роль* на обширных территориях между Волгой и Дунаем (Яценко, 2001. С. 86. Рис. 19)⁹⁷. Хотя в этих скоплениях наш знак не

jugs (II). Most of the signs found on them were on the body under the handle (Ns. 26-28) and on the handle proper (No. 14), and more rarely on the neck (No. 31), in the near-bottom portion and on the bottom (Ns. 20, 25). Quite a few of the tamgas on the jugs are unique and complex in form (Ns. 16-19, 21). There are a few simple signs that are present on the site in two copies (Ns. 14, 30, 31); interestingly, those are the only types that were found on several kinds of vessels (however, the last sign but one was positioned vertically on khums). Some of the tamgas near the necks of *khums* (I) have unique forms for the Syrdarya Basin (Ns. 3, 7, 13). Large sign No. 14 on the only khum made carelessly in red paint occupies the entire height of the vessel, which, probably, was not to be buried in the ground (7). The commonest sign type (No. 2) found on khums is of special interest. There have been five copies of it recorded in different places (including the initial 'cruciform' fortress): signs dated roughly to the turn of the Common Era were found among the petroglyphs in the 'post-Saka style' in the Tomar valley in Tarbagatai (Central Kazakhstan) (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. P. 119. Fig. 15) and those of a later period in Sarmatia (see above). It might well be the sign of one of local influential clans that had broad links in the Steppe at that time (which in the beginning were primarily east-oriented and later were directed westwards, too). Two series of stamped signs with a plant sprout, with at least two signs in each of the series, were found on the rims; in another case the narrower side of an *asyk* (astragalos) was imprinted on the wall (7). A few very complex and unique tamgas were scratched near the necks of flasks (V). One tamga was found under the handle of a cauldron (VI).

The signs found in the most ancient layer of the *citadel* are the brightest reflection of contacts with the Sarmato-Alanos. Each of the three khums found in the cruciform castle/'fortress' in 2011 and currently dated to the 2nd-1st centuries BC (Smagulov, Erzhitova, 2013a. P. 88) had a sign on the shoulder. One of them is very simple and has the form of a vertical cross

⁹⁷ Наш знак известен в четырех скоплениях: на двух плитах из Танаиса в Новочеркасском музее – П-207 и П-205 (Там же, 74; рис. 22А и 23а), на одной из плит из Пантикапея/Керчи, найденной в 1871 году (Соломоник, 1959. С. 106, 108. № 51) и на самой ранней из «энциклопедий» вне греческих городов на плите с го-

занимает самого центра композиций и не отличается от прочих более крупными размерами (т.е. его хозяева не являлись *организаторами* соответствующих церемоний, приведших к появлению таких скоплений), само его частое присутствие говорит о многом. Локализовать земли его владельцев удалось лишь недавно: в Центральном Крыму в женской могиле 40/2 первой четверти II века н.э. некрополя Битак этот знак был процарапан на краснолаковой тарелке (Пуздровский, 2011. С. 378. Рис. 2, 1; Яценко, 2014. Рис. 2, 2).

Точная аналогия второму сложному знаку из древнейшей цитадели Туркестана (рис. 1, I, 2) (и пока самому популярному в ранних слоях этого памятника) известна только одна и, как отмечалось, в том же могильнике Битак также в женской могиле (№56) – на характерном сарматском (брачном) зеркале-подвеске из могилы 56; она датируется чуть более поздним временем и более широко: вторая половина II – начало III века (Пуздровский, 2007. Рис. 129, 17; Яценко, 2014. Рис. 2, 3). В тот же период в другом конце Приазовья – недалеко от устья Дона, в некрополе городища Кобяково на тех же брачных зеркальцах сарматов, но уже в их контактной зоне с оседлыми *меотами* мы неоднократно встречаем близкородственный знак (с добавочной точкой в центре). О ее древних аналогах в Центральном Казахстане см. главу 3.

Около 150 года н.э. у устья Дона воцарилась группировка «*поздних сарматов*» – новая волна кочевников, пришедшая, по мнению В.Ю. Малашева, через Южное Приуралье из Центрального или Северного Казахстана; вероятно, она была также политически связана с Кангюем. Сегодня именно с ее миграцией можно связать сообщение «Хоуханьшу» о переименовании Яньцай в Аланья, по так называемому отчету Бань Юна 125 года н.э., – *не ранее 94 года н.э.*: до этого никакой свежей информации о Западном Крае в Китай не посту-

ловой лошади из Кривого Рога – единственной крупной, где отсутствуют знаки донских аланов I – начала II века (Яценко, 2001. С. 68-69. Рис. 12).

(room 5); the other two nishan signs are more complex and currently have no analogues in Central Asia, but have quite a few *in monuments of the later period in Sarmatia*, which had close ethnic and political links with early Kangju. Both signs were found in one of the ground necropolises at the walls of Scythian Neapolis in Central Crimea (Bitak), in female burials dated between the beginning and end of the second century AD, that is, the period when the Sarmato-Alans nomadic neighbours began integrating into the ‘*Late Scythian*’ environment. These tamgas were recorded on items (a small mirror-amulet and red-lacquered basin) that most specialists in the ‘late Scythians’ currently refer to woman’s wedding attributes (those of Sarmatian women from within the contact area that married ‘Late Scythian’ men).

The first of these signs (and earliest among these types in Europe) (fig. 1, I, 1) had an enviable fate in Sarmatia. This is a very rare variety of complex swastika turned clockwise. In Sarmatia, however, this is one of only 8 types that occur four times or more in accumulations (‘encyclopaedias’) in the most important inter-regional sanctuaries. The noble clan that used this tamga (Ossetian – gakk) *played a special political role* in the extensive territory between the Volga and Danube (Yatsenko, 2001. P. 86. Fig. 19)⁹⁷. Although the mentioned sign does not occupy the central position in compositions in these accumulations or differ from the others in size (which means its owners were not the *organisers* of the related ceremonies that resulted in such accumulations), its frequent occurrence tells volumes. Only recently specialists managed to specify the territories inhabited by the owners of this sign: it was found scratched on a

⁹⁷ The sign in question has been found in four clusters: on two slabs from Tanais kept in a museum in Novochechensk – II-207 and II-205 (Ibid, 74; figs. 22A and 23a), on one of the slabs from Panticapaeum/Kerch found in 1871 (Solomonik, 1959. P. 106, 108. No. 51) and in the earliest of the ‘encyclopaedias’ outside Greek cities, on a slab with a horse’s head from Kryvoy Rog – the only large slab with the signs of the Alani from the Don area dated to the 1st - early 2nd centuries AD (Yatsenko, 2001. PP. 68-69. Fig. 12).

пало около 100 лет; видимо, они также именовались аланами (Яценко, 2011. С. 200–202). Что касается носителей *среднесарматской культуры*, то сегодня среди сарматологов по поводу датировки их миграции в Европу еще конкурируют версии В.П. Глебова (сер. I века до н.э.) и И.В. Сергацкова (нач. I века н.э.).

Итак, оба сложных знака с известных на сегодня вещей хозяев «замка» в цитадели древнейшего Ясы/Туркестана имеют аналогию у аристократии двух волн кочевников Сарматии, исходно связанных с Кангюем/Кангхой того времени – на рубеже н.э. и в середине II века н.э. Миграция в Европу предков донских аланов, а также периербидов, сарматов-конеедов и прочих известных римским авторам носителей среднесарматской культуры в бассейн Дона произошла, вероятно, в конце I века до н.э., и в ее ходе хозяева двух упомянутых клановых знаков Культобе оказались далеко на западе. Очень важно, что обе эти тамги в разное время попали именно из одного и того же пункта в единственный другой пункт (!!!), что на практике проследить никогда не удавалось. К сожалению, эти знаки пока не имеют аналогий в погребальных памятниках «кочевой империи» Кангюй, а также в посткангюйских памятниках Средней Сырдарьи V – начала VIII века (по которым коллекция уже велика и которые в ряде случаев явно связаны со знатью).

Есть на Культобе и другие синхронные точные аналогии I–III веков, известные в сарматизованных городах античного Боспора: №№ 7, 30–31, 36 (Сапрыкин, Масленников, 2007. №№ 256, 297, 923), отметим и один близкий образец редкой форме №40 (Емец, 2012. № 717).

Тамги из городищ и некрополей долины р. Арысь (рис. 1, (8))

Речь идет, прежде всего, о находках с городищ Алтынтобе и Культобе и их некрополей рубежа н.э. – III века н.э., единичных – из Тулебайтобе (№22), Актобе Чаянского (№19) (см. прежде всего: Байпаков, Подушкин, 1989. Рис. 64; Подушкин, 2000. С. 38, 64, 94, 101,

red-lacquered dish of the first quarter of the 2nd century AD from female grave 40/2 in the Bitak necropolis in central Crimea (Puzdrovsky, 2011. P. 378. Fig. 2, 1; Yatsenko, 2014. Fig. 2, 2).

There is only one known sign identical to the complex tamga from the most ancient part of the citadel in Turkestan (which is so far the most popular of the signs found in the earliest layers of this monument) – the one found, as was noted earlier, in another female grave (No. 56) in the same Bitak burial ground, on a typical Sarmatian (conjugal) mirror-pendant from grave 56 dated to the broader and slightly later period between the second half of the 2nd and early 3rd century (Puzdrovsky, 2007. Fig. 129, 17; Yatsenko, 2014. Fig. 2, 3). Its close analogue (with an additional dot in the centre) dated to the same period was found on a few conjugal Sarmatian mirrors of the same type in another portion of the Sea of Azov area, near the Don's mouth, in the necropolis of the Kobyakovo settlement – a territory that had been in contact with that of the settled Maeotians. For its ancient analogues in central Kazakhstan see Chapter 3.

In around 150 a group of 'Late Sarmatians' invaded the territory near the Don's mouth. That was a new wave of nomads which, according to V. Yu. Malashev, arrived from central and northern Kazakhstan across the southern portion of the Ural area and which, probably, also had political links with Kangju. Probably, this very migration resulted in Yantsai renamed Alanliao, which was mentioned in Hou Han shu citing the so called report by Ban Yong written in 125 AD – *not earlier than 94 AD*: before that no new information about the Western Regions had reached China for about 100 years; evidently, they were also called Alani (Yatsenko, 2011. PP. 200–202). As for the migration of the bearers of the Middle Sarmatian culture to Europe, some part of the specialists in the Sarmatian period agree with the dating offered by V. P. Glebov (mid-1st century BC), while the other part are inclined more to the version of I. V. Sergatskov (early 1st century AD).

To summarize, the two complex signs found to date on the items of the owners of the 'castle'

172, и др.). Прежде всего это также кувшины и хумы. Не для всех находок ясна датировка. Вполне очевидно, что набор тамг на керамике здесь совершенно своеобразен и отражает локальную специфику (с коллекцией в Туркестане его роднит лишь простейший крестик №15, а знак №2 является «опрокинутой вниз» версией тамги на туркестанском хуме). Здесь знаки иногда изображались рельефным налепом (№19), а на одном из хумов рельефная тамга получена оттиском тщательно изготовленного штампа с углубленным изображением (№5).

Кангуйское мини-святилище в Бескепе

В заключение нашего очерка мы остановимся на дальней юго-восточной границе изучаемого региона. Один из интересных объектов эпохи «империи» Кангуй расположен на стыке северных предгорий гор Карату и Киргизского хребта, в Таласском районе Джамбыльской области, в 4 км к ЮЗ от поселка Кызылаут, на правом берегу речки Коктал (впадающей в озеро Акколь), в местности Бескепе (Пять домишек). Это зона размещения граффити (петроглифов) на небольших блоках песчаника, пополнявшаяся вплоть до недавнего времени. Ближайшие петроглифы Бориказган (раннетюрского облика) выявлены при впадении реки в озеро (Свод, 2002. №652). В скоплении Бескепе выделяется древнее святилище – серия изображений на нескольких соседних каменных плоскостях, которые выполнены в одной манере и, видимо, в течение короткого отрезка времени (хотя здесь в центре композиции в позднесредневековое время было добавлено несколько зоо- и антропоморфных схематичных фигурок); предварительную информацию см. (Яценко, 2010). Данный культовый объект осматривался разными специалистами, но этот памятник еще не до конца осмыслен (рис. 5). Здесь мы рассматриваем прежде всего изображенные в святилище на основных трех соседних плитах и более мелких прилежащих обломках скал клановые / семейные знаки.

Эти три небольших каменных блока песчаника расположены рядом, у выступов скал по

in the citadel of the oldest part of Yasi/Turkestan have analogues on articles belonging to the aristocracy of the two waves of Sarmatian nomads originally linked with Kangju of that period – at the turn of the Common Era and in the middle of the 2nd century AD. The ancestors of the Alans, Perierbides, Horse-Eating Sarmatians and other bearers of the Middle Sarmatian culture known to Roman authors, probably, migrated to Europe, to the Don River basin, in the late 1st century BC, and this migration brought the owners of the two abovementioned tamgas from Kultobe far into the west. Importantly, both these tamgas were *at different time brought from one common point to another common point (!!!)*, which has never occurred elsewhere so far. Unfortunately, no analogues of these signs have been in the *burial* monuments of the ‘nomad empire’ of Kangju or in post-Kangju monuments of the 5th-early 8th centuries in the middle Syrdarya (which already feature large collections and many of which are associated with aristocracy).

There are some other signs at Kultobe contemporaneous with and identical to 1st-3rd-century signs from the ‘Sarmatized’ cities of the Bosporan Kingdom in the Roman period: Ns. 7, 30-31, 36 (Saprykin, Maslennikov, 2007. Ns. 256, 297, 923); there is also a sign similar to rare No. 40 (Emets, 2012. No. 717).

Tamgas from hillforts and necropolises in the Arys River valley (fig. 1, (8))

They include, primarily, those found at the archaeological sites of Altyntobe and Aktobe and their necropolises and dated to the early 1st-3rd century AD, as well as some single ones from Tulebaytobe (No. 22) and Aktobe of Chayan (No. 19) (see mostly Baipakov, Podushkin, 1989. Fig. 64; Podushkin, 2000. PP. 38, 64, 94, 101, 172, and others). The majority of the items they were found on were, again, jugs and khums. Not all of the finds could be dated. It is quite evident that the tamgas on the pottery found on these sites form a completely unusual area-specific collection (a very simple-form cross, No. 15, is the only analogue of a cross

краю небольшой холмистой гряды – первой линии предгорий. Два продолговатых камня (№№ 1 и 2) расположены всего в 1,5 м друг от друга. Один из них представляет собой узкий (около 30 см) выступ скалы, на верхней горизонтальной поверхности которого размещен ряд знаков (плоскость 2) (рис. 5, 2, *внизу*). Другой (плоскость 1) представляет собой сравнительно плоский обломок длиной более 2 м и высотой до 60-70 см, по форме верхней поверхности близкий к овалу (рис. 5, 2, *вверху*). Он, видимо, уже очень давно сполз с соседнего скального выступа и, возможно, был специально установлен более удобно для нанесения на него изображений. Одна половина его поверхности (рис. 5, 3, *справа*) подверглась разрушению в несколько этапов (шелушение тонких пластов песчаника), и большинство древних граффити на ней оказались разрушены, а несколько позже изображения людей и животных были добавлены (рис. 5, 3, *I-IV*). На другой половине сохранилось множество изображений и пострадала лишь узкая полоска по одному из краев. Третья из интересующих нас плит – плоскость 3 (насколько можно судить, такой же близкой к овалу формы) находилась на некотором отдалении в стороне и была, к сожалению, качественно сфотографирована лишь в отдельных своих частях (они представлены на рис. 5, 3 как на самой плите, так и в выделенных сегментах и в отдельном ряду сверху); здесь также встречены позднейшие схематичные изображения собаки (?) и черепахи (рис. 5, 3, *V*). Вокруг древнего скопления петроглифов имеются серии позднесредневековых и «этнографических» граффити. Наши три композиции отличаются от них тем, что их основу составляют прежде всего скопления знаков собственности (лишь в небольшой степени сопровождаемые другими изображениями). Основная композиция всех трех плит отличается также тем, что ее основа была каждый раз создана по единому замыслу, в результате какой-то достаточно короткой акции. Изображения нанесены обычно однотипно – довольно широким лезвием с неровными краями. Однако встречено и несколько знаков, на-

from the Turkestan collection, while sign No. 2 is a ‘recumbent’ version of a tamga on one of the khums from Turkestan). Some of the signs are applied bas-reliefs, while a bas-relief tamga on one of the khums was imprinted with the help of a neatly made mould (No. 5).

Kangju mini-sanctuary in Beskepe

In conclusion we would like to discuss the south-easternmost extremity of the region under study. An interesting object of the Kangju period is situated at the point where the northern foothills of the Karatau Mountains and the Kyrgyz Range meet, on the right bank of the small Koktal River (flowing to Lake Akkol), in an area known as Beskepe (‘five huts’), 4 km southwest of the village of Kyzylaut, Talas District, Jambyl province. This area is strewn with relatively small sandstone formations with a collection of graffiti (petroglyphs), which continued to grow until quite recently. The nearest petroglyph site, Borikazgan which comprises petroglyphs in the early Turkic style, is located at the mouth of the Koktal River (Compilation, 2002. No. 652). One of the most remarkable parts of the Beskepe collection is that within the ancient sanctuary – a series of images on the faces of a few stones forming a compact group. The images were made in the same style and, probably, within a short period of time (although a few zoo- and anthropomorphic schematic figures in the centre of the composition were added in the late medieval period) (for preliminary information see Yatsenko, 2010). A number of specialists attempted to study this cultic monument, but there is still much to analyse (fig. 5). For us the most interesting are clan/family signs found on the three main slabs situated next to each other and some smaller fragments of rocks in the neighbourhood.

These three sandstone boulders are located next to each other, near a group of rocks projecting from the edge of a small undulating ridge, which forms the first line of foothills. Two elongated boulders (Ns. 1 and 2) are situated only 1.5 m from each other. One of them is a narrow (around 30 cm) projection from a rock

несенных узким лезвием; все они небольшого размера и, видимо, добавлены несколько позже. Всего на трех плитах имеются читаемые сегодня изображения 34 форм.

Нам кажется несомненным, что наиболее важным объектом была для ранних посетителей святилища *плоскость (плита) 1*, где композиция (на фоне подобных скоплений в масштабах Евразии) отличается несколькими очень редкими особенностями. В целом центр этой плоскости имеет близкую композиционную аналогию в кангюйской каменной плите I-III веков с городища Мингурюк (г. Ташкент) (см. подробнее главу 6).

1. Четко выделяется первоначальный центр композиции. Он обведен своеобразной «оградой» (справа сверху «ограда» заканчивается кругом, пересеченным крестом) и плотно «заселен» разными изображениями. Внутри «ограды», в правом нижнем углу, размещена *схематическая антропоморфная фигура с расставленными ногами и выделенным фаллосом* (правее ее в позднейшие времена были вписаны «вверх ногами» две антропоморфных фигурки и некое копытное (?) – фигуры I-III). Ориентацию плоскости для паломников мы можем уверенно определить по этой крупной антропоморфной фигуре. В дальнейшем знаки посетителей наносились вокруг нее под разными углами. По размещению фигур I-III видно, что для позднейших посетителей святилища основным ориентиром было обращение лицом к скальному выступу (и к выступающей из него плоскости 2). Внутри «ограды» размещены 4 уникальных, причудливо изогнутых «шнуров» разной длины, на концах которых помещены геометрические фигуры (на самом коротком «шнуре» – крест и крест, вырастающий из треугольника; два других «шнуров» – в центре и по верхнему краю – имеют одинаковое оформление концов: один в виде кружка, другой – кружка, но перечеркнутого «шнуром»; самый длинный «шнур», пересекающий композицию поперек, имеет оба одинаковых конца в виде кружков, перечеркнутым «шнуром»). Смысл этих четырех фигурных шнуров неясен, но de facto они отделяют ан-

with a horizontal top covered with a series of signs (plane 2) (fig. 5, 2, bottom). Another one (plane 1) is a relatively flat fragment over 2 m long and up to 60-70 cm high with a roughly oval top (fig. 5, 2, top). Evidently, it has long since slid down from the neighbouring projecting rock and might be arranged in this way with the special purpose of making it more convenient to draw images on. One half of its surface (fig. 5, 3, right) was gradually eroded (peeling thin sandstone layers), which resulted in the destruction of most of the ancient graffiti on it and addition of a few images of animals and humans in a later period (fig. 5, 3, I-IV). Most of the numerous images on the other half are extant, with only a narrow strip along one of the edges having been damaged. The third of the slabs, plane 3 (probably, also a rough oval), situated at some distance from the other two, has only some of its fragments shot properly (presented in fig. 5, 3 as parts of the whole slab and in highlighted segments and in a separate row on the top); this one bears schematic images of a dog (?) and a tortoise (fig. 5, 3, V). There are a few series of late medieval and 'ethnographic' graffiti around the accumulation of ancient petroglyphs. The difference between the three studied compositions and the abovementioned series is that the compositions consist primarily of accumulations of ownership signs (with just a few images of other types added). The principal distinguishing feature of the composition on all the three slabs is that it is based on a single idea and made by a relatively short act. The technique is almost the same throughout – the images are made with the use of a relatively broad blade with irregular edges. However, there are a few signs made with a narrow blade; all of these are quite small and were, probably, added later. The discernable images on all the three slabs comprise 34 types.

We think it obvious that the most important object for the early visitors of the sanctuary was *plane (slab) 1*, where the composition (as compared to other clusters of this kind throughout Eurasia) is characterised by some very rare features. The centre of this plane is analogous in

тропоморфную фигуру от находящегося левее другого важного изображения.

2. Это изображение явно имело не меньшее значение для создателей святилища. Перед нами крупная композиция, вариант «процветшего креста», которая относится к числу важнейших сакральных символов древности. На Среднем и Ближнем Востоке она часто изображается на коврах (см., в частности, близкие варианты в афганском Герате, у белуджей и в Центральной Турции) (Stone, 2007. PP. 118, 104-105, 72). Подобные композиции в виде «процветшего креста» (но не идентичные нашему) служили иногда и клановой тамгой (подобно некоторым знакам на сарматских женских зеркалах (Яценко, 2001. Рис. 5, 25; 6, 101; 18 (14, 18)) и изредка использовались казахами-адаевцами (см., например, на надгробии из Кущей-бейта: Ажигали, 2002. С. 456. №7а). Центр «ограды» пронизан четырьмя своеобразными изогнутыми «шнурами» разной длины (те два из них, что размещены только в центре, короче). Вне «ограды» (но непосредственно примыкая к ней) на небольшом участке две антропоморфные фигуры 1-2 (у одной из них подчеркнут фаллос) и фигурка копытного 5. Видимо, достаточно важным был вписанный в сложный «лабиринт» знак 25.

3. Вокруг «ограды» (почти касаясь ее) размещены несколько крупных знаков (тамг / нишан). Несмотря на небольшие повреждения по краям, можно с большой долей вероятности полагать, что их и первоначально было восемь-девять (ср. размещение такого же количества знаков вокруг «ограды» на плите в Мингурюке). Особый статус имеет тамга 2 – самая крупная из представленных на плите, находящаяся над головой «идола», единственная, размещенная вдоль одной из длинных сторон «ограды» и края плиты, причем той стороны плиты, к которой, вероятно, в первую очередь подходили верующие; до нее также доходят концы двух из четырех «шнуров». С противоположной стороны «ограды» на таком же отрезке поместились уже две или три тамги (№№ 1, 4 и несохранившаяся). С левой стороны вдоль внешнего края «ограды» по-

composition to a 1st-3rd-century Kangju stone slab from the Minguriuk hillfort (Tashkent) (for details see *Chapter 6*).

1. The original centre of the composition is clearly seen. It is encircled in a kind of ‘fence’ (on the right top the ‘fence’ ends in a circle with a cross) and densely covered with images. Inside the ‘fence’, in the right bottom corner, there is a *schematic anthropomorphic figure with the legs set widely apart and an accentuated phallus* (much later two upturned anthropomorphic figures and an ungulate (?) – figures I-III – were added on its right, within the circle. This large anthropomorphic figure can be confidently used to determine the plane’s orientation for pilgrims. In later periods visitors put signs around it at different angles. The position of figures I-III indicates that the latest users of the sanctuary made signs standing with their faces towards the rocky projection (and plane 2 jutting out of it). Inside the fence there also are 4 *unique bending ‘cords’ varying in length with geometric figures on the ends* (the ends of the shortest ‘cord’ have a cross and a cross growing out of a triangle; the ends of two other cords – in the centre and along the top edge – are decorated in the same way: one has the form of a small circle and the other a circle crossed by the ‘cord’; the longest ‘cord’ traversing the composition transversely has two identical ends in the form of circles crossed by the ‘cord’). It is hard to perceive the meaning of these four fancy cords, but de facto they separate the anthropomorphic figure from another important image to its left.

2. This image was, probably, no less important for the founders of the sanctuary. Here we have a large composition, a variant of the ‘blossoming cross’, which is one of the most important sacral ancient symbols. In the Middle East it is often found on carpets (see also similar analogues in Herat (Afghanistan), central Turkey and on the carpets of the Baluchi) (Stone, 2007. PP. 118, 104-105, 72). Similar compositions in the form of a ‘blossoming cross’ (but not identical to the one we are analyzing) were also used sometimes as clan tamgas (as were some signs

мешены три тамги №№ 12, 16 и 25; напротив них, вдоль правого края ограды было всего два крупных знака (№ 7 и разрушенная фигуркой животного I). Помимо знаков, непосредственно примыкавших к «ограде», некоторое их число (не менее 7) образовывало длинную по правому нижнему краю плоскости прямую линию между тамгами 1 и 26, которую затем повредило расслоение поверхности песчаника. Из них уцелела лишь крайняя тамга №26. Вероятно, на поврежденном участке были несколько позже нанесены знаки более тонкой линией (№№ 32, 39, 42). На правом краю и в правом верхнем углу плоскости 1 были размещены по периметру 7 тамг (по часовой стрелке – №№ 23, 24, 11, 34, 27, 5, 6). В отслоившемся углублении, видимо, позже разместили знаки №№ 22 и 29.

4. Все сохранившиеся знаки, непосредственно примыкающие к «ограде», имеют в основе своей формы 2-4 круга (№№ 1-2, 4, 7), один круг (№№ 12, 16) или дугу (№25). Но то же можно сказать (за исключением размещенных рядом «П»-образных знаков №№ 24 и 29) и о знаках, размещенных в правой части плиты: у них также в основе лежат два круга (№№ 5, 6), круг (№№ 11, 22) или дуга (№№ 26, 27). Специалисту по кланово-семейным знакам ясно, что коллекция на основной плоскости в святилище представляет собой, в первую очередь, серию знаков *родственных* кланов с некой ограниченной территории (видимо, неподалеку), иными словами – что святилище было скорее локальным и что представителями других клановых объединений в период создания и наиболее активного функционирования оно навещалось редко.

На торчащей из скального выступа *плоскости 2* (рис. 5, 3, *внизу слева*) композиция диктуется узостью ровной полосы поверхности. Последовательность размещения знаков здесь предположительно выглядела такой: как и на предыдущей плите, вначале был гравирован «шнур» с раздвоенным «языком» на одном из концов; рядом был изображен более короткий и сильнее изогнутый «шнур», на концах которого поместили треугольник и двухкамерный

on Sarmatian female mirrors (Yatsenko, 2001. Figs. 5, 25; 6, 101; 18 (14, 18)) and rarely by the Aday Kazakhs (see e.g. the gravestone from Kushchey-beit: Azhigali, 2002. P. 456. No. 7a). In the centre the 'fence' is pierced with four unique curving 'cords' of various sizes (the ones occupying only the central part are shorter). Outside the 'fence' (but in contact with it) on a small area there are two anthropomorphic figures, 1 and 2 (one of them has an accentuated phallus), and ungulate figure 5. Sign 25 within the complex 'labyrinth' was, apparently, also quite important.

3. Around the 'fence' (almost touching it) there are a few large signs (tamgas/nishans). Despite the slight damages at their edges, we are almost sure that initially their number was eight or nine (cf. the same quantity of signs found around the 'fence' on the slab in Minguriuk). Tamga 2 has a special status: it is the largest of those present on the slab, is located above the head of an 'idol' and is the only one along one of the longest sides of the 'fence' and the edge of the slab (besides, the edge from which the believers approached it); the ends of two of the four 'cords' reach it. On the opposite side of the 'fence' on a similar section there are two or three tamgas (Ns. 1 and 4 and a non-extant one). On the left side, along the outer edge of the 'fence', there are three tamgas, Ns. 12, 16 and 25; there were only two large signs (No. 7 and damaged animal figure I) opposite them, along the fence's right edge. Apart from the signs contacting the 'fence', there were a few (at least 7) forming a long straight line between tamgas 1 and 26. The line ran along the right bottom edge of the plane but was later eroded through peeling of the sandstone's surface. The only tamga that remains of them is No. 26, the last one in the row. Probably, in a later period a thinner line of signs was made atop the damaged surface (Ns. 32, 39, 42). There were 7 tamgas arranged on the right edge and in the right top angle, along the perimeter (clockwise – Ns. 23, 24, 11, 34, 27, 5, 6). Later signs Ns. 22 and 29 were made in a depression formed by peeling.

The forms of all the extant signs abutting the 'fence' are based on 2-4 circles (Ns. 1-2, 4, 7),

прямоугольник. Затем в оставшееся пространство были вписаны четыре размещенных через почти равные промежутки и выполненные в сходном масштабе крупных знака (типы №№ 9, 10, 17), причем расположенные по краям принадлежали к одному и тому же типу №9. При этом знак №17 явственно «наехал» на один из концов короткого «шнура», а ряд тамг был задуман так, чтобы концы его фланкировали одинаковые знаки №9 (последнее означает, что этот тип тамги был значим, и что во время акции, сопровождавшейся созданием этого ряда знаков, присутствовали два представителя одного и того же клана). Наконец, еще позже между знаками 10 и 9 был вырезан тонким лезвием маленький знак 33.

Плоскость 3 из-за ее фрагментарного качественного фотографирования менее доступна для анализа (рис. 5, 3, *справа*). Здесь из 16 хорошо видимых тамг только три (№№ 28, 30, 31) не включают в себя круг как важный составной элемент.

На плитах из-под Кызылаута имеется несколько знаков, которые явно занимают почетное место в композиции той или иной плиты (на плоскости 1 – тамги №№ 1, 2, 4; на плоскости 2 – тамги №9 и родственная ей №10, на плоскости 3 – знаки №№ 3 и 8, на всех трех плитах присутствуют два очень близких знака №№ 16 и 17). На *двух разных* плоскостях здесь встречаются знак №6 и простой кружок №22; дважды на одной и той же плоскости (два представителя клана на одной акции) – тамги №№ 9 (плоскость 2) и 22 (плита 1).

Для определения датировки древнего «ядра» данного святилища надо учесть несколько важных обстоятельств. (1). Основная композиция плоскости 1 в виде антропоморфной фигуры с расставленными ногами, заключенной в рамку, по краю которой размещены 8-9 тамг, имеет прямую аналогию на позднеантичной плите из городища Мингурюк (см. главу 6). Помимо прочего, при создании мингурюкской «стелы» (как в случае с нашей плоскостью 1) мастер исходил из принципа своеобразной симметрии родственных знаков. Например, симметрично по отношению к цен-

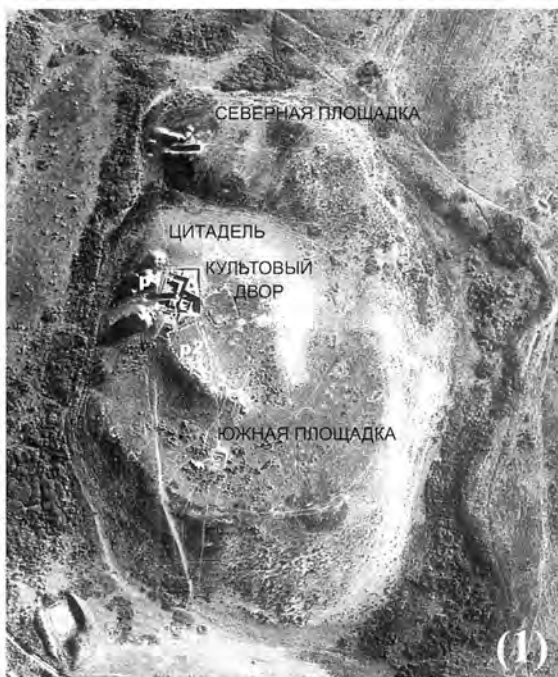
one circle (Ns. 12, 16) or an arc (No. 25). The same refers to the signs (except Ns. 24 and 29 placed next to each other) in the right side of the slab: they are also based on two circles (Ns. 5, 6), one circle (Ns. 11, 22) or an arc (Ns. 26, 27). For a specialist in clan/family tamgas it is clear that the collection on the main plane of the sanctuary consists primarily of a series of signs belonging to *kindred* clans that inhabited a territory (probably, in the neighbourhood) limited in area, or, in other words, that the sanctuary was, rather, of a local character and was rarely visited by representatives of other clans in the period it was created and used most actively.

The composition on *plane 2* jutting out of a rocky projection (fig. 5, 3, *bottom left*) is determined by the narrowness and smoothness of its surface. The signs were supposedly engraved in the order similar to that on the previous plane: a 'cord' with a forked 'tongue' on one end came first, then a shorter and more bending 'cord' with a triangle and a double-chamber rectangle on the ends was made. Later four large signs (types Ns. 9, 10, 17) of a similar size were arranged in the remaining space at almost the same distance from each other, with two signs of the same type, No. 9, at both ends of the row. Sign No. 17 distinctly covered one of the ends of the short 'cord'. The initial idea was to position two identical signs No. 9 at the ends of the row, which means that this tamga type was highly important and that two representatives of one clan were present at the ceremony of creating the row of signs. The last was small sign 33 cut with a thin blade between signs 10 and 9.

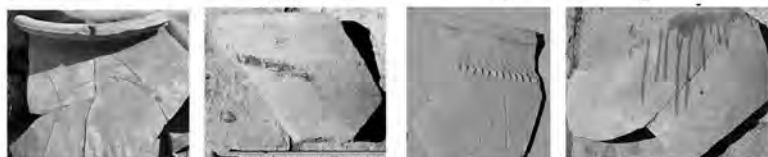
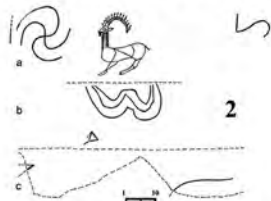
Plane 3 is harder to analyse due to lack of high-quality photographs of its entire surface (fig. 5, 3, *right*). There only three (Ns. 28, 30, 31) of the 16 clearly visible tamgas do not have a circle as an important structural component.

There are a few signs on the slabs from near Kyzylaut that occupy honourable positions in compositions on various slabs (on plane 1 – tamgas Ns. 1, 2, 4; on plane 2 – similar tamgas Ns. 9 and 10; on plane 3 – signs Ns. 3 and 8; two very similar signs, Ns. 16 and 17, are present on all the three slabs. Sign No. 6 and simple

2010 г., раскоп 1, пом. 1

2011 г., раскоп 2, пом.21

2011 г., раскоп 2, пом.7

тральной антропоморфной фигуре представлены наиболее близкие тамги 7 и 11, 8 и 12, 9 и 13. В обоих случаях имеются два длинных «шнура», соединяющих знаки, в Мингурюке так соединены попарно дугами знаки 1 и 2, 3 и 5 по нашей нумерации. Однако столь же явны и большие различия каждой из двух плит. Кызылаутская плита – грубая работа непрофессионала из периферийного района. «Стела» из Мингурюка происходит из крупного центра городского типа и, соответственно, выглядит совершенно иначе. Мы видим тонкую резьбу (явно заранее размеченную по трафарету), изящество исполнения знаков (в сочетании со своеобразным, довольно жестким геометризмом «почерка» резчика). (2) Здесь имеется серия знаков, идентичных (№№ 16, 19, 32-34) или близких (№29) тамгам святилища Байте III (см. главу 2, рис. 6) и в слоях I-III веков цитадели Туркестана (№24). (3). Здешним знакам есть аналогии в посткангуйском тамговом фонде Средней Сырдарьи (см. в данной главе) – в Сидаке (№№ 20, 24, 30, близкие – №№ 8, 18, 23) и Кок-Мардане (№32), а в Чаче (см. главу 6) – в Канке (№№ 16, 21, 23).

Крайне трудно было бы отнести эти знаки к раннесредневековым тюркам. Во-первых, из типов знаков, характерных для западных тюрков в Южном Казахстане (см., например: Рогожинский, 2010. Рис. 4), нет ни одного образца, идентичного представленным в Бескепе. Во-вторых, у более дальних восточных тюрков есть лишь в одном случае близкая аналогия на стеле из Бумбогора (Самашев, Базылхан, Са-

circle No. 22 are both present on *two different* planes; tamgas Ns. 9 (plane 2) and 22 (plane 1) are found in two copies on one slab (two representatives of the same clan taking part in a ceremony).

To date the ancient ‘core’ of this sanctuary it is necessary to take into account a number of factors. (1). The main composition on plane 1, with a framed anthropomorphic figure with the legs set wide apart and 8-9 tamgas surrounding it is analogous to the one found on the late antique slab on the Minguriuk hillfort (see Chapter 6). In addition, creating the Minguriuk ‘stela’ the master followed the principle of a specific kindred sign symmetry (as did the one that made tamgas on plane 1). The most similar tamgas, 7 and 11, 8 and 12, 9 and 13, are symmetrical relative to the central anthropomorphic figure. 3) In both cases there are two long ‘cords’ interconnecting the signs (in Minguriuk pairs of signs 1 and 2, 3 and 5 (following our numeration) are connected by arcs in this way). However, the differences between the two slabs are big and evident. The slab from Kyzylaut demonstrates a rough work of an unskilled person from a peripheral region. The ‘stela’ from Minguriuk is that from a major urban centre, which makes it look completely different. There we can see fine fretwork (obviously, made with a stencil prepared in advance) and graceful signs (characterised by a specific strict, ‘geometric’ style demonstrated by the cutter). (3) The site features a series of signs identical (Ns. 16, 19, 32-34) or similar (No. 29) to tamgas in the sanctuary of Bayte III (see

Рис. 3. Планы культового комплекса цитадели Сидака, святилищ и культового двора (1), (2); помещения с хумами (хумхона) для очищенных костей среди жилой застройки из верхнего слоя (VII – нач. VIII вв.): (3) – хумхона, пом. 1, раскоп 1 2010 г.: 1 – общее фото; 2 – три хума с несколькими изображениями; 3 – типы знаков; 4 – фото хумов; (4) – хумхона, пом. 21, раскоп 2 2011 г.: 5 – общее фото; 6 – типы знаков; 7 – фото хумов; (5) – хумхона, пом. 7, раскоп 2 2011 г.: 8 – общий вид; 9 – развалы сосудов; 10 – тип тамги

Fig. 3. Maps of the cultic complex in the Sidak citadel, the sanctuaries and the cultic court (1), (2); rooms (khumkhona) with khums for cleared bones in residential houses from the upper layer (7th-early 8th centuries): (3) – khumkhona, room 1, excavation trench 1, 2010: 1 – general photo; 2 – three khums with several images; 3 – sign types; 4 – photos of khums; (4) – khumkhona, room 21, excavation trench 2, 2011: 5 – general photo; 6 – sign types; 7 – photos of khums; (5) – khumkhona, room 7, excavation trench 2, 2011: 8 – general view; 9 – fragmented vessels; 10 – tamga type

машев, 2010. С. 140. Табл. 1, №3). Маленький знак №31 на периферии боковой плоскости 3 (где есть поздние изображения вплоть до этнографической современности) по виду идентичен знаку знаменитого политика Восточного Каганата Тоньюкука и изображен на его поминальном комплексе в Монголии (730 г.). Однако в контексте сказанного куда важнее точная аналогия среди знаков I-III веков на Азиатском Боспоре (Раевское городище) (Сапрыкин, Масленников, 2007. №283а). Знак №15, как и целый ряд других в Центральной Азии (см. главу 12), возможно, является исходно популярной греческой монограммой (ср. Емец, 2012. №90). У этнографических казахов ни совокупность типов знаков (за исключением единичных простых форм), ни подобная композиция скопления не документированы.

В целом история создания и использования основного скопления знаков на плитах у Кызылаута и Мингурюка представляется различной. В Мингурюке речь идет, возможно, действительно об участии представителей знатных кланов в поминках по некоему аристократу (после чего она была зарыта в насыпи кургана (?) знаками вниз). В кызылаутском святилище мы видим комплекс из трех плит, каждая из которых была, вероятно, оформлена в соответствии с некой акцией, включающей групповое моление и пиршество. Возможно, это тоже были действия поминального характера, и первоначально каждая плита отражала поминки по конкретному лицу (поблизости от святилища и сегодня находится казахское кладбище). Однако в обоих случаях эти памятники отражают общую и весьма своеобразную кангюйскую культурную традицию. Маловероятно, что антропоморфная фигурка в центре при этом изображала самого умершего: эта более «развернутая» композиция позволяет предполагать, что обряд при создании подобных скоплений был связан с поминками по умершим предкам – основателям племени или клана, и включал в себя аспект обеспечения плодородия живых соплеменников и их хозяйств. Для создателей скоплений таких знаков была очень важной визуальная демон-

Chapter 2, fig. 6) and in the 1st-3rd layers of the citadel in Turkestan (No. 24). (3) Some of these signs are analogous to tamgas of the late Kangju period in the middle Syrdarya area (see above in this chapter) – in Sidak (Ns. 20, 24, 30, similar – Ns. 8, 18, 23) and Kok-Mardan (No. 32), and in Chach (see Chapter 6 – in Kanka (Ns. 16, 21, 23).

It would be very hard to refer these signs to the early medieval Turkic peoples. Firstly, because among all the sign types characteristic of the west Turkic peoples in southern Kazakhstan (see e.g. Rogozhinskii, 2010. Fig. 4) there is *none* identical to those found in Beskepe. Secondly, the more distant east Turkic peoples had only one close analogue, the one discovered on a stela in Bumbogor (Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010. P. 140. Pl. 1, No. 3). Small sign No. 31 on the periphery of lateral plane 3 (bearing some late images dated up to the ethnographic modernity) is identical in appearance to the sign of Tonyukuk, the famous politician from the Eastern Turkic khaganate, which was found in his burial complex in Mongolia (730). However, in the context of what has been said above an identical analogue found among 1st-3rd-century signs in the Asian part of the Bosporean Kingdom (Raevskoe settlement) is of much greater importance (Saprykin, Maslennikov, 2007. No. 283a). Sign No. 15, as well as a number of other signs in Central Asia (see Chapter 12), was, probably, an initially popular Greek monogram (cf. Emets, 2012. No. 90). This combination of sign types (except for a few simple forms), as well as this accumulation composition, have never been recorded among ethnographic Kazakh peoples.

In general, the main clusters of signs on the slabs near Kyzylaut and in Mingurik seem to have different histories. In Mingurik, it is quite possible that noble clans took part in the funeral of some aristocrat (after which the slab was buried, signs down, in the barrow (?)). The Kyzylaut sanctuary features a complex of three slabs, each of which was, probably, created following a certain ceremony which included collective praying and feasting. They might be

страция единства представителей нескольких родственных кланов. Большое значение имели при этом «шнуры», которые, возможно, не только визуально, но и магически соединяли между собой отдельные тамги и фигуры.

Тамги из некрополя городища Шага

Непосредственно к постканжуйскому времени (III-V века) относятся знаки на посуде из некрополя одного из двух поселений I-VIII веков на территории аула Шага в пойме одноименной речки (около 20 км к СВ от г. Туркестан). Эта коллекция 27 типов, наносимых перед обжигом, весьма оригинальна по составу, ее месту в керамическом комплексе, и представляет немалый интерес по нескольким причинам (рис. 2, I)⁹⁸. При рытье могил местные жители находят древние захоронения, кости закапывают, а сосуды ставят на свежие могильные холмики – этот обычай распространен на Средней Сырдарье (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. С. 131). В коллекции господствуют кувшины, есть единичные кружки и горшок. Показательно, что среди форм знаков *нет ни одного соответствия* ранним знакам находящегося в 40 км к СВ Культобе/Туркестана I века до н.э. – III века н.э. Здесь знаки подчас встречены парами на тулове кувшинов (№30) или кружек (№28). Уникален кувшин с двумя сливами (рис. 2, I, слева), где нижняя часть тулова небрежно украшена двумя поясами волнистого орнамента, а в верхней размещены в ряд пять тамг (!) (№28)⁹⁹. Можно допустить, что этот сосуд создан перед погре-

some kind of funeral rituals, and initially each slab was devoted to the funeral of one particular person (a Kazakh cemetery can be found near the sanctuary even today). However, in both cases these monuments illustrate a very special Kangju cultural tradition. It is hardly possible that the anthropomorphic figure in the centre portrayed the dead person: this compound composition suggests that the ritual that used to accompany such clusters was associated with funerals dedicated to deceased ancestors that had founded the tribe or clan and was also performed to secure fertility and growing economy for the living fellow tribesmen. For the creators of these clusters of signs it was important to demonstrate visually the unity of representatives of a few kindred clans. The ‘cords’ played an important part in these rituals, as they might visually and magically interlink separate tamgas and figures.

Tamgas in the necropolis of the Shaga settlement

Signs on pottery from a necropolis in one of the two settlements dated to the 1st-8th centuries AD on the flood plain of the Shaga River in the territory of Shaga aul (village) of about 20 km north-east of the city of Turkestan, are referred to the post-Kangju period. This collection of 27 types carved on the vessels prior to baking is quite original in its composition and place within the ceramic complex and is interesting from a number of aspects (fig. 2, I)⁹⁸. Digging graves local people often find ancient burials. They re-bury the bones and place the found vessels on the tops of the newly made grave mounds, which is a usual custom in the middle Syrdarya area (Baipakov, Smagulov, Erzhigitova, 2005.

⁹⁸ Это сборы Е.А. Смагулова, в основном 1997, 2000 и 2014 годов (см., например: Тұякбаев, 2001. Рис. 1 и 3; Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. Рис. 3.28), случайных находок (целых форм керамики) с окраинной, прилегающей к аулу части огромного доисламского некрополя. Эта часть состоит из ранних грунтовых могил (выше, на вершине террасы к западу от аула, находились наземные склепы, а еще выше, видимо, – «настоящие» курганы) и частично налагается на современное кладбище.

⁹⁹ Ср. столь же небрежное граффити на кувшине из Сидака, где на фоне сходных двух поясов волнистого орнамента (но расположенных выше) представлен всадник (Смагулов, Яценко, 2006. Рис. 5, 1).

⁹⁸ This is a collection of (whole ceramic) items E. A. Smagulov found accidentally in a large pre-Islamic necropolis, in its extreme part adjoining the aul, mostly in 1997, 2000 and 2014 (see e.g.: Tuyakbaev, 2001. Figs. 1 and 3; Baipakov, Smagulov, Erzhigitova, 2005. Fig. 3.28). This portion consists of early ground burials (above it, on the top of a terrace west of the aul, there were on-ground crypts, and still farther upwards, probably, ‘authentic’ mounds) and a part of contemporary cemetery.

бением и отражает присутствие на поминках представителей нескольких семей. Дважды в основании ручки кувшина встречен фигурный налест №1 в сочетании с малым знаком (№23) в нижнем углу (№30) или с крупной тамгой на тулове (№29). Один из знаков (№6) встречен и на античной керамике сарматизованного Боспора (Емец, 2012. №1062).

Знаки на керамике из Кок-Мардана

Метки IV-VI веков из городища и некрополя Кок-Мардан в Отрарском оазисе (рис. 2, III) являются третьей крупной коллекцией из одного пункта на сегодняшний день в регионе. Как правило, знаки наносились на кувшины, реже – на хумчи (№№ 1, 3, 5), в редких случаях – на кружки (№10). На одной хумче пара меток процарапана рядом (№22). Очень интересны два сложных знака, представляющих собой овал, перечеркнутый линией. Поверх этого знака, в свою очередь, нанесены метки в форме буквы А или N (№№ 20, 21). Знак №11 на кувшине неоднократно в V-VI веках изображался на согдийских монетах г. Самарканд. Дж. Ильясов допускает его происхождение (учитывая распространение близких вариантов) как из древнего Кангюя, так и от более поздних эфталитов V века (Ильясов, 2004. С. 58-59). Заслуживает внимания и кувшин из некрополя, на котором две идентичные крупные тамги №9 обвивают ручку и носик-слив (№23). Показательно, что знаки №№ 7, 12, 13, 15, 17 имеют точные аналогии в Сидаке, а №№ 9 и 26 – точные аналогии в Шага (однако там они отличаются ориентацией в пространстве). Есть здесь и точные аналогии тамгам и написанию некоторых греческих букв (см. главу 12) в городах греко-варварского Боспора (№№ 3, 4, 10) (ср. Сапрыкин, Масленников, 2007. №№ 64, 463, 827).

Тамги святилища Сидак

Эта коллекция представляет исключительный интерес для изучения доисламских «меток идентичности» (см. об этом тамговом собрании прежде всего: Смагулов, Яценко, 2006, 2008, 2010, 2014а-в). Во-первых, здесь в

P. 131). The collection is largely composed of jugs, with just a few mugs and one pot. Interestingly, there is *not a single type analogous* to any of the early signs at Kultobe/Turkestan 40 km south-east dated to the 1st century BC - 3rd century AD. Some of the signs form pairs on the bodies of jugs (No. 30) or mugs (No. 28). The lower part of the body of a jug with two plums (fig. 2, I, left) is carelessly decorated with two belts of undulating ornamental patterns, while its upper part has a series of five tamgas (!) (No. 28), which makes the vessel very unusual⁹⁹. The jug might be produced shortly before burial, and representatives of several families put their signs on it. Two copies of applied figured adornment No. 1 were made at the base of the handle in combination with a small sign (No. 23) in the bottom corner (No. 30) or a large tamga on the body (No. 29). One of the signs (No. 6) is analogous to a one on the ceramics of the Sarmatized Bosporean Kingdom (Emets, 2012. No. 1062).

Signs on pottery from Kok-Mardan

Today marks of the 4th-6th centuries from the hillfort and necropolis of Kok-Mardan in the Otrar Oasis (fig. 2, III) are the third large collection in the region found on one site. Most of the signs were made on jugs, some on khumchas (Ns. 1, 3, 5) and very few on mugs (No. 10). One khumcha has marks scratched very near each other (No. 22). Two complex signs in the form of an oval crossed with a line are of special interest. This sign was covered by marks resembling in form the letters A or N (Ns. 20, 21). Sign No. 11 has been several times recorded on 5th-6th-century Sogdian coins from Samar-kand. J. Ilyasov admits that it might originate (based on the distribution of similar versions) from either an earlier period, from Kangju, or later time, the 5th century Hephthalite Empire (Ilyasov, 2004. PP. 58-59). Another interesting

⁹⁹ Cf. the graffiti on the jug from Sidak made in the same careless way, where two similar belts of undulating ornamentation (positioned a little higher, though) serve as a background for a horseman (Smagulov, Yatsenko, 2006. Fig. 5, 1).

верхних, исследованных слоях собрана самая обширная коллекция знаков в оазисной зоне Средней Азии (108 типов, часть из которых встречена неоднократно) (рис. 2, II, 1-108). Во многом это стало результатом многолетнего активного сотрудничества соавторов по данной теме, и с 2005 года в процессе раскопок и камеральной обработки посуды выявление знаков (в т.ч. фрагментированных) составляло одну из важных задач¹⁰⁰. Во-вторых, из-за характера Сидака как межрегионального центра маздеистского паломничества здесь кроме знаков жителей окрестностей присутствуют тамги паломников из отдаленных регионов. В-третьих, размещение знаков на специальных хумах для останков умерших в отведенных для этого комнатах подчас демонстрирует принципы «заполнения» подобных комнат людьми разных семей и кланов.

Известное городище Сидак (типа «тобе с площадкой», из «цитадели» и южного «шахристана» с мощными укреплениями) расположено в 18 км к западу от г. Туркестан (рис. 3, (I)). В его 16-метровом культурном слое выявлены не менее 5 строительных горизонтов от рубежа н.э. до первой половины VIII века (когда около 740 года этот языческий центр был сожжен арабской армией, оставившей в верхнем слое обильные включения пепла и золы: Смагулов, 2004. С. 103-113). Из материалов раскопок очевидно, что перед этим языческому жречеству пришлось срочно оставить святыню, и арабы сожгли уже опустевший комплекс. Население в течение всего этого периода оставалось в основе стабильным – сакскими по происхождению бывшими подданными «кочевой империи» Кангюй. «Цитадель» Сидака, видимо, долгое время являлась крупным центром местной маздеистской религии и конкретно была связана с культом предков (чьи кости долго хранились в специальных хумах); в них же ино-

item is a jug from the necropolis with two identical large tamgas No. 9 enwrapping the handle and spout (No. 23). Interestingly, signs Ns. 7, 12, 13, 15, 17 are identical analogues of tamgas in Sidak, while Ns. 9 and 26 are identical to signs in Shaga (however, the latter are oriented differently in space). Some of the signs are identical analogues of tamgas and some Greek letters (see Chapter 12) found in the cities of Greek-barbarian Bosporan Kingdom (Ns. 3, 4, 10) (cf. Saprykin, Maslennikov, 2007. Ns. 64, 463, 827).

Tamgas from the Sidak sanctuary

This collection is particularly important for the study of pre-Islamic ‘identity marks’ (for this collection of tamgas see primarily: Smagulov, Yatsenko, 2006, 2008, 2010, 2014a-c). Firstly, the largest collection of signs among those found in the oases of Central Asia was gathered in the upper, well-studied layers of the site (108 types, with some signs occurring two or more times) (fig. 2, II, 1-108). This largely resulted from a long and successful collaboration of co-authors, specialists in this subject area, who excavated the site and examined the found vessels in a laboratory with the purpose of detecting signs (including fragmented ones), which since 2005 became one of the most important tasks¹⁰⁰. Secondly, as Sidak was the interregional centre of pilgrimage for Mazdeists, it contains, apart from signs of people from the neighbourhood, tamgas belonging to visitors from remote areas. Thirdly, the placement of signs on special khums for remains of dead people in special rooms organised for the purpose sometimes demonstrates the principles of ‘arrangement’ of people from different families and clans in such rooms.

The well-known hillfort of Sidak (a ‘tobe with a ground’ type consisting of a ‘citadel’ and ‘shakhristan’ with strong fortification

¹⁰⁰ Из более ранних комплексов в оазисной зоне Средней Азии ср. большую серию тамговых форм (76) в культовом комплексе хорезмийской Кой-Крылган-кала (Яценко, 2001. Рис. 27, №№ 27, 61, 81, 95-109, 114, 117-126, 126б; 30, 1-76).

¹⁰⁰ In the earlier complexes in the oases of Central Asia cf. the long series of tamga forms (76) in the cultic complex of Khorezmian Koy-Krylgan-kala (Yatsenko, 2001. Fig. 27, Ns. 27, 61, 81, 95-109, 114, 117-126, 126б; 30, 1-76).

гда найдены мелкие аксессуары костюмов умерших (перстни, пряжки и др.)¹⁰¹. Традиция использования специальных помещений в святилищах для хранения хумов с очищенными человеческими костями появилась в Средней Азии при Ахеменидах и существовала кое-где до XIII века. При срочной эвакуации святыни кости постарались вычистить и захоронили где-то на стороне. Святилище, вероятно, функционировало благодаря разнообразным дарам верующих.

Памятник непрерывно обследовался Туркестанской экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана с 1998 по 2012 год. Вскрывался прежде всего верхний строительный горизонт VII – начала VIII века (ВСГ) и на отдельных площадях – ниже лежащие, датируемые III-IV – VI веками горизонты 3 и 4 (СГ3, СГ4). В более ранний период в «цитадели» существовал обширный пятиугольный «культовый двор» (рис. 3, (2)) (в полном виде комплекс выглядел как многогранник); в нескольких его помещениях (18, 19) находились ряды сосудов-хумов, в которых, видимо, хранились очищенные кости умерших.

Особый характер памятника (как культового центра с необходимыми для приема паломников службами и обслуживавшими их мастерами) определил нахождение здесь большой серии разнообразных тамг, главным образом на керамике всего двух форм (см. ниже). Куда более скромны коллекции знаков на сырцовых кирпичках общественных по-

structures in the southern part) is situated 18 km west of the city of Turkestan (fig. 3, (1)). Its cultural layer 16 m thick consisted of five building horizons dated between the turn of the Common Era and the first half of the 8th century (when around 740 this paganist centre was burnt by the Arab army which left abundant ash in the upper layer: Smagulov, 2004. PP. 103-113). The material of the excavations indicates that shortly before that the pagan priesthood had to abandon the sanctuary as soon as possible and the Arabs burnt down an empty complex. In this period the population structure was basically stable and the people largely consisted of former Kangju national of Saka origin. Sidak's 'citadel', probably, for a long time remained a major centre of the local branch of Mazdeism and was specifically associated with the ancestral cult, with ancestors' bones kept for a long time in special khums; some of the khums also contained small accessories from the clothes of the dead people (rings, buckles and others)¹⁰¹. The tradition of using special rooms in sanctuaries for keeping khums with cleaned human bones appeared in Central Asia in the Achaemenian period and continued in places until about the 13th century. When the people had to quickly abandon the sanctuary, they attempted to clean the bones and bury them in some other place. The sanctuary was, probably, supported with the diverse offerings of the believers.

The Turkestan expedition from the Margulan Institute of Archaeology was studying the

¹⁰¹ При раскопках в некоторых глухих помещениях трапециевидного двора (СГ3-4) были расчищены развалы хумов с отдельными костями человеческих скелетов, в других целых хумах обнаружены разнообразные мелкие украшения костюма и т.п., свойственные находкам в погребальных комплексах. Сотни хумов в специальных помещениях служили для хранения в них костей умерших и поклонения им после того, как они были очищены от плоти в наземных дахмах/наусах, расположенных у подножья Сидака. В одном из помещений двора в 2006 году рядом с пустым хумом был обнаружен votivный «клад» в кувшине с богатым набором парадного костюма замужней женщины (7-8 ожерелий; золотые серьги, сасанидские псевдоперстни с геммами и др.) (Яценко, Смагулов, 2008. Рис. 6-8).

¹⁰¹ Excavations in some blind rooms in the trapez form court (BH 3-4) revealed broken khums with individual human bones; other whole khums contained diverse small accessories from clothes and other items typical of burial complexes. Hundreds of khums in special rooms were used to keep the bones of dead people which were used as articles of worship after the flesh had been removed from them in on-ground dakhmas/nauses situated at the foot of Sidak. A votive 'treasure' was found in a jug together with a rich set of the ceremonial clothes of a married woman (7-8 necklaces, golden earrings, Sasanian pseudo-rings with stamps and others) in one of the rooms in the court, next to an empty khum, in 2006 (Yatsenko, Smagulov, 2008. Figs. 6-8).

строек, а также на бараньих астрагалах / асыках для ритуальной игры.

При разборке оснований стен подсобных помещений храмового комплекса ВСГ в северной части *на сырцовых кирпичах* стен (Смагулов, 2013. С. 118) обнаружены знаки 12 типов, прочерченные почти во всю длину кирпича пальцами по сырой глине (рис. 2, II, 109). Кирпичи в кладке *уложены поверхностью со знаками вниз*. Репертуар строительных меток на кирпичах из раскопок 2005-2009 годов беден и прост. Известные формы варьируются несколькими вариантами круга, дуги, продольных 1-3 линий, «косого» креста, двух вмятин от кончиков пальцев. Это, видимо, метки партий продукции, заготовленной за определенный срок отдельной группой работников на общественном строительстве (см., например: Гертман, 1998. С. 138-150). Небольшое число типов таких меток свидетельствует об относительно скромном количестве мобилизованных на общественное строительство рабочих (это относится, правда, к наиболее позднему периоду жизни храмового комплекса). Постройки, из стен которых происходят «меченые» кирпичи, являются, видимо, частью позднего (VII – первая половина VIII века) храмового комплекса. Разумеется, при разборке стен *жилых* помещений ВСГ в западной части цитадели (раскопки 2004 года) знаки на сырце не были зафиксированы.

Как правило, знаки (сегодня их известно не менее 108 типов; см. нумерацию: рис. 2, II) наносились на керамику городища Сидак в технике граффити. Это делалось еще до обжига, по сырой глине. Знаки донаторов, процарапанные по уже обожженному черепку, единичны. Объемных *налепов* в виде тамг известно всего пять: №№ 25, 28, 53, 56, 62; они встречены на посуде разных типов (хумы, хумчи и кувшины). Увы, все они фрагментарны, но интересно, что при этом *налепы* пока представляют сходные формы в виде стержня с двумя отходящими в стороны «усами» или завитками или дуги¹⁰². В

monument regularly between 1998 and 2012. In most parts the upper building horizon (UBH) of the 7th-early 8th centuries was excavated, while in certain areas deeper layers dated between the 3rd-4th and 6th centuries – building horizons 3 and 4 (BH3, BH4). There was a spacious ‘cultic court’ in the earlier period of the ‘citadel’ (fig. 3, (2)) (the entire complex had the form of a polygon); rows of khums were discovered in some of its rooms (18, 19), which, probably, were used to keep cleaned human bones.

The special character of the monument (which was a cultic centre offering relevant services and personnel to pilgrims) resulted in the formation of a long series of diverse tamgas, mainly on ceramics of two forms (see below). Signs on mud bricks in public buildings and those on sheep’s bones (asyk) used in ritual games are much less diverse and numerous.

Signs of 12 types were discovered *on mud bricks* while disassembling the base of the walls of auxiliary rooms in the temple complex of the upper building horizon (Smagulov, 2013. P. 118); the signs were made with fingers on raw clay and occupied almost the entire length of the brick (fig. 2, II, 109). The bricks in the brickwork were *laid with the surface with signs facing down*. The marks on bricks excavated in 2005-2009 are simple and not very diverse. The familiar forms fall within a few variants of circles and arcs, 1-3 longitudinal lines, a ‘slanting’ cross and two finger dents. Those, probably, were used to mark goods made within a certain period by a specific group of workers engaged in social building (see e.g. Gertman, 1998. PP. 138-150). The small quantity of marks of this type may testify to a relatively small number of workers involved in the social building (which, however, is the case only for the latest stage of the temple complex). The structures where the ‘marked’ bricks were found, apparently, functioned in that period (7th - first half 8th centuries). Certainly, no signs were recorded on the mud bricks from the walls of *residential* buildings excavated in the upper building horizon in the western part of the citadel (2004 excavations).

¹⁰² То же можно сказать и о фрагментарно сохранившемся знаке из Актобе Чаевского (рис. 1, (8), 19).

Ташкентском оазисе подобные знаки-налепы, по данным Г.И. Богомолова, использовались только до V века, а в более «провинциальном» Сидаке они дожили до прихода арабов. Тамга наносилась гончаром часто довольно небрежно (хотя на хумах и кувшинах немало и аккуратных знаков «печатной» формы), видимо – по настоянию заказчика¹⁰³. Иногда знак вначале наносили «вчерне» тонкой линией, а потом уточняли его контур более толстой линией или *нижние* дуги добавляли позже «основной части» (№49). К сожалению, очень часто знаки представлены не полностью, т.к. фрагментированы сами керамические сосуды. (В этих случаях иногда возможно с немалой долей вероятности их восстановление, особенно если утрачена лишь очень малая часть знака и если близкие ему формы широко распространены в данном регионе). Однако мы опираемся в своем анализе именно на *полностью* или почти полностью сохранившиеся формы. При сопоставлении образцов из Сидака с аналогами с прилегающих территорий становится ясно, что идентичные типы могли размещаться по отношению друг к другу «вверх ногами». Возможно, тот факт, что знак на или около ручки кувшина в процессе использования «смотрел» в сторону хозяина, означало усиление его защитной, магической функции.

Наиболее часто знаки ставились на хумах (не менее 46 типов)¹⁰⁴. Значительная часть меченых хумов, как уже отмечалось, были хранилищами для костей умерших, в других, вероятно, помещали приношения зерном или вином от богатых паломников. На втором месте по популярности были знаки на кувшинах (не менее 42 типов)¹⁰⁵. Для части меток из-за фрагментированности нет точной

Mostly the graffiti technique was used to make signs (at least 108 types are known today; see the numeration: fig. 2, II) on ceramic items at the Sidak hillfort. This used to be done on raw clay before baking. Signs scratched on baked items are very few. There have been only five *bas-relief applied tamgas* recorded so far: Nos. 25, 28, 53, 56, 62; they were recorded on vessels of different types (khums, khumchas and jugs). Unfortunately, they have survived but fragmentarily, but the interesting thing about them is that the applied elements are similar in form – a rod with diverging ‘tendrils’, curves or an arc¹⁰². According to G. I. Bogomolov, in the Tashkent Oasis such applied signs were used only until the 5th century, while in more ‘provincial’ Sidak they had survived until the invasion of the Arabs. The potters put tamgas which were, probably, the customer’s order rather carelessly (although on hums and jugs there are quite a few neat signs with a ‘stamped’ appearance)¹⁰³. Sometimes a ‘draft’ sign was made first in a thin line, after which the final thicker line was made; in other cases *lower* arcs were added after the main part had been finished (No. 49). Unfortunately, there are many signs that have remained only in fragments because the ceramic vessels they were found on were fragmented. (In many of these cases, particularly when only a small part of a sign is lost and it has a number of analogues widely known in the region, it is possible to reconstruct them more or less confidently). However, we are carrying out our analysis on the basis of *whole* or almost whole ones. When we compare specimens from Sidak with their analogues from neighbouring territories, it becomes clear that identical types could be placed ‘upside-down’ relative to each other. It is quite possible that the sign on or near the handle of a jug was constantly ‘facing’ the user of the vessel, which strengthened its protective, magical properties.

¹⁰³ В 2005 году в цитадели было расчищено помещение 8 с гончарным кругом и следами «кострового» обжига керамики во дворе (Смагулов, 2005. С. 306).

¹⁰⁴ №№ 1-3, 5, 7-9, 13, 14, 17, 20-22, 24-26, 28-29, 41-43, 46, 49-52, 55, 56, 71, 74-75, 79-81, 83, 86, 87, 92-97, 103-107.

¹⁰⁵ Это №№ 2, 4, 6, 10-12, 14-16, 18, 19, 23-25, 27, 29, 30, 38, 44-46, 48, 57, 61-64, 67, 70, 72, 73, 76, 77, 82, 84-86, 88-91, 99, 100.

¹⁰² This also refers to a fragment of a sign from Aktobe of Chayan (fig. 1, (8), 19).

¹⁰³ Room 8 with a potter’s wheel and traces of baking on an ‘open’ fire in a court were excavated in the citadel in 2005 (Smagulov, 2005. P. 306).

атрибуции¹⁰⁶. Типы меток на хумчах (9)¹⁰⁷ в большинстве случаев оригинальны, три типа известны и на других изделиях (№№ 29, 40, 46). Из шести типов, встреченных на кружках¹⁰⁸, также лишь один (№67) известен и на другом изделии (на кувшине). Всего 9 из 108 типов встречены на разных типах посуды¹⁰⁹. Если один тип знака неоднократно встречен на одном и том же виде сосудов, то это обычно хумы (№№ 24, 26, 46, 80, 86) или кувшины (№№ 24-25, 29, 67, 70, 86). Наиболее типичные зоны размещения меток – горловина (хумы) или тулово (хумы, кувшины, хумчи), основание ручки и сама ручка (кувшины, кружки); в единичных случаях знаки наносились в придонной части или на венчик. Пока отмечен единственный случай нанесения метки на внешней стороне дна хума (№8) и единственный – для кувшина (№24). На кувшинах изредка встречается орнаментальная рамка; так, тамга №27 представлена на фоне серии горизонтальных полос, причем процарапана по сырой глине поверх, перекрывая их, на плечике кувшина; знак 100 обведен небрежной линией в форме неправильного треугольника. Изредка хумы метились своеобразными очень маленькими *штемпелями*: тремя маленькими отметками в форме неправильного квадрата (видимо, торцом палочки) (рис. 4, (2), 1), расположенными плотно в ряд, отпечатком торца гадательного астрагала / асыка, точнее – его стилизацией (№79), а кружки – штемпелем со свастикой (№78).

Показательно, что знаки преобладают на двух типах сосудов (хумах и кувшинах) и, напротив, практически отсутствуют на такой кухонной посуде, как горшки. Получается, что керамика именно этих двух форм исполь-

Most of the signs have been found on khums (at least 46 types)¹⁰⁴. As was noted above, many of the khums were used to keep the bones of dead people, while others, probably, served to hold offerings, such as grain or wine, brought by rich pilgrims. Signs on jugs are the second most numerous (at least 42 types)¹⁰⁵. Some of the vessels with signs cannot be identified because of their heavy fragmentation¹⁰⁶. Most of the mark types on khumchas (9)¹⁰⁷ are unique, with only three types having been found on other types of vessels, too (Ns. 29, 40, 46). Among the six types recorded on mugs¹⁰⁸ only one (No. 67) has been registered on an item of a different type (jug). Only 9 of the 108 types have been recorded on different types of vessels¹⁰⁹. When one type of sign is recorded two or more times on the same type of vessel, these vessels in most cases are khums (Ns. 24, 26, 46, 80, 86) or jugs (Ns. 24-25, 29, 67, 70, 86). The most typical parts of vessels where signs are found are the neck (khums) or body (khums, jugs, khumchas), the base of the handle and the handle proper (jugs, mugs); in few cases marks were recorded in the near-bottom area and on the rim. Only one sign has so far been recorded on the outer surface of the bottom of a khum (No. 8) and one on the same part of a jug (No. 24). A few of the jugs have a decorative frame: tamga No. 27 was made against the background of a series of horizontal lines – it was scratched on raw clay on top of the lines on the shoulder of a jug; sign No. 100 was encircled in a rough line forming an irregular triangle. Few of the khums

¹⁰⁶ Это №№ 31, 34, 65, 68, 69.

¹⁰⁷ №№ 29, 32, 33, 40, 46, 53, 54, 60, 98.

¹⁰⁸ №№ 26, 39, 66, 67, 78, 108.

¹⁰⁹ Четыре из восьми этих типов встречены на сосудах трех разных типов (№№ 2, 29, 46 – на кувшинах, хумах и хумчах; №70 – на кувшине, хуме и котле); на кувшинах и хумах – №№ 24, 25, 86; на хуме и хумче – №46, на хуме и кружке – №26, на кувшинах и кружках – №67.

¹⁰⁴ Ns. 1-3, 5, 7-9, 13, 14, 17, 20-22, 24-26, 28-29, 41-43, 46, 49-52, 55, 56, 71, 74-75, 79-81, 83, 86, 87, 92-97, 103-107.

¹⁰⁵ Ns. 2, 4, 6, 10-12, 14-16, 18, 19, 23-25, 27, 29, 30, 38, 44-46, 48, 57, 61-64, 67, 70, 72, 73, 76, 77, 82, 84-86, 88-91, 99, 100.

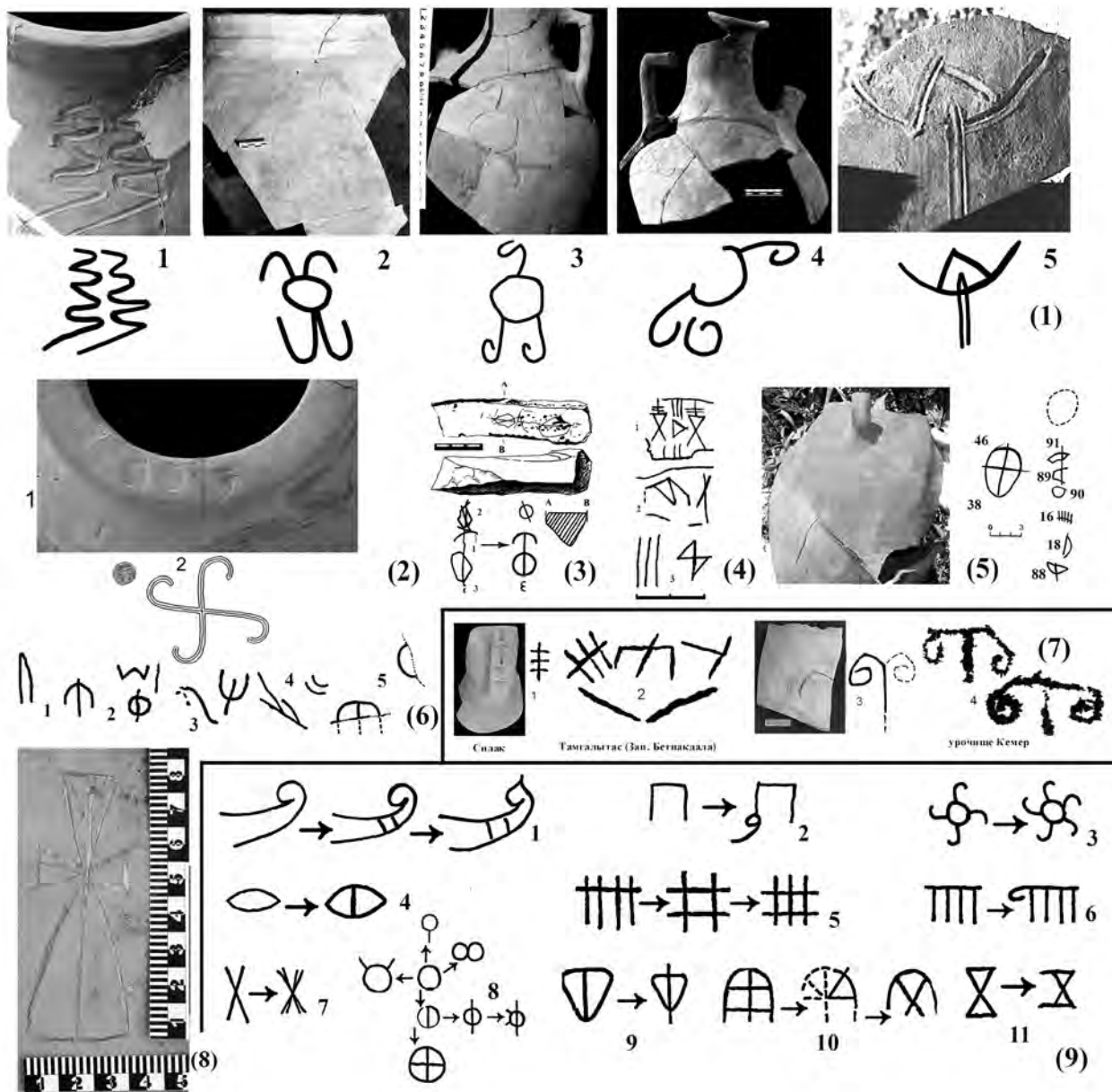
¹⁰⁶ Ns. 31, 34, 65, 68, 69.

¹⁰⁷ Ns. 29, 32, 33, 40, 46, 53, 54, 60, 98.

¹⁰⁸ Ns. 26, 39, 66, 67, 78, 108.

¹⁰⁹ Four of these eight types have been recorded on different kinds of vessels (Ns. 2, 29, 46 – on jugs, khums and khumchas; No. 70 – on a jug, khum and cauldron); on jugs and khums – Ns. 24, 25, 86; on a khum and khumcha – No. 46, on a khum and mug – No. 26, on jugs and mugs – No. 67.

Рис. 4. Знаки Сидака и пунктов Отрарского оазиса: (1) – фото знаков на хумах Сидака; (2) – оттиски печаток на хумах: 1 – Сидак; 2 – некрополь Борижары; (3) – каменный «оселок» (Сидак); (4) – знаки на ритуальных игральных астрагалах (альчики/асыки) из культового двора Сидака; (5) – знаки на кувшине 2012 г. (Сидак); (6) – группы по 2-3 знака на керамике Сидака; (7) – знаки кочевых ранних тюрков VI – нач. VIII вв. из примыкающих с севера территорий в Сидак; (8) – вариант несторианского креста на хуме их Ханкоргана (фото А. Донца); (9) – вероятные схемы образования новых форм знаков: 1-2 – Жуантобе, 2011 г.; 3 – Средняя Сырдарья (Байпаков, Подушкин, 1989); 4-11 – Сидак

Fig. 4. Signs from Sidak and sites in the Otrar Oasis: (1) – photos of signs on khums from Sidak; (2) – printed stamps on khums: 1 – Sidak; 2 – Borizhary necropolis; (3) – ‘whetstone’ (Sidak); (4) – signs on ritual game bones (asyk) from the cultic court in Sidak; (5) – signs on a jug excavated in 2012 (Sidak); (6) – groups of 2-3 signs on ceramics from Sidak; (7) – signs of early nomadic Turkic peoples that inhabited the territories north of Sidak in the 6th - early 7th centuries; (8) – variant of the Nestorian cross on a khum from Khankorgan (photo by A. Donets); (9) – possible schemes of development of new sign forms: 1-2 – Zhuantobe, 2011; 3 – middle Syrdarya (Baipakov, Podushkin, 1989); 4-11 – Sidak

зовалась как для хозяйственных целей святилища, так и для ритуальных. В кувшинах, реже – кружках, содержались жертвуемые паломниками еда и напитки; эти последние, за редким исключением, тоже заказывались гончару на месте, в Сидаке, с изображением клановой/семейной тамги донатора. Обычно на хумах из одного помещения (*хумхона*) для хранения костей умерших проставлены различные знаки (отмечающие кланы/семьи, поместившие в них своих умерших). Особое значение из исследованных имело помещение 1 2010 года на раскопе 1, бывшее одним из местных святилищ (рис. 3, (1)-(2); 3, (3), 1-4). Здесь обнаружено не менее 10 хумов и хумчей. Представлены тамги восьми типов (№86 прочерчен на двух сосудах), причем некоторые знаки (что не характерно для Сидака) сопровождалось сюжетными и фигуративными изображениями в линию (№103 – горным козлом и сложной свастикой; №92 – крупной ω-образной фигурой). В жилом массиве ВСГ обслуживавших святилище людей на раскопе 2 к югу от бывшего культового двора (рис. 3, (2)) картина в хумхонах не столь яркая. В достаточно просторном помещении 21 2011 года (рис. 3, (4), 5-7) стояли всего три хума; на каждом было по знаку, два из которых (как и в предыдущем помещении) почти идентичны (№№ 74, 75). Тамга №71 принадлежит, видимо, ирано-тюркской семье местных правителей (в разных версиях – кагана, джабгу или тудуна) и известна на чачских монетах (см. ниже); здесь хоронили ее представителей. Впрочем, в таких комнатах были хумы и без знаков. Дело в том, что для маркирования всего помещения, если там выставляли кости только одной группы родственников, было подчас достаточно одной метки. Именно это мы наблюдаем в обширном плотно заставленном хумами помещении 7 2011 года (семь из них сохранились *in situ*, остальные разрушены перекопами), где знак изображен на хуме первого этапа функционирования (рис. 3, (5), 8-10).

Помимо керамики на трех из примерно 200 игральные овечьих астрагалов (*альчиков/асыков*) из слоев V-VI веков (Смагулов, 2013.

were marked with specific very small *stamps*: three small marks in the form of an irregular square (probably, made with the help of the tip of a stick) (fig. 4, (2), 1) arranged in a row close to each other, and a stylized imprint of a ritual asyk bone (No. 79). One mug was stamped with a swastika (No. 78).

Importantly, two types of vessels (*khums* and *jugs*) are particularly rich in signs, while some of the kitchen utensils, such as pots, bear no signs at all. It means that these two forms were primarily used within the sanctuary for both ritual and everyday purposes. Some of the jugs and fewer mugs contained food and drinks sacrificed by the pilgrims; potters often made jugs following an order from the customer, who also requested that their clan/family *tamga* be put on the vessel. In most cases *khums for human bones found in one room (khumona)* had on them different signs (specifying families/clans that had put the bones of their relatives). Room 1 discovered in excavation 1 in 2010 is of special interest. The room was one of the local *sanctuaries* (fig. 3, (1)-(2); 3, (3), 1-4) and contained at least 10 *khums* and *khumchas*. The vessels had on them eight types of *tamgas* (No. 86 was recorded on two of them), some of which came together with descriptive and figurative images (No. 103 – a mountain goat with a compound swastika; No. 92 – a large ω-shaped figure) – an instance unusual for Sidak. *Khumkhonas* excavated in the residential quarter of the upper building horizon (excavation 2), which accommodated the personnel of the sanctuary and was situated to the south of the former cultic court (fig. 3, (2)) are of smaller interest. Only three *khums* were found standing in relatively spacious room 21 in 2011 (fig. 3, (4), 5-7), with one sign on each *khum*; two of the three signs (Ns. 74, 75) were almost identical, as was the case in the previous room. *Tamga* No. 71, probably, belonging to the Irano-Turkic family of the local rulers (interpreted in different sources as a qaghan, jabgu or tudun) has also been recorded on Chach coins (see below); that was the place where its owners were buried. These rooms also contained *khums* without signs, too. The reason

С. 112) представлены 6 типов знаков (Смагулов, Яценко, 2006. Рис. 8) (рис. 4, (4)), лишь два из которых известны на керамике (хуме и хумче) (№№ 33, 40); здесь мы видим *по два типа знаков на каждой игровой кости*. Исходя из древних традиций индоевропейских народов, «игральная» кость с парой таких знаков использовалась в некоем ритуале, выявляющем волю высших сил и предсказание удачи в результате бросания костей (см., например, у таджиков: Рахимов, 1990. С. 47) при серии бросков двух участников¹¹⁰ (в одном случае – трех участников от двух кланов), возможно, также – с дополнительным ритуалом клятвы. Знаки на астрагалах расположены продольно в ряд, они обычно процарапаны тонкой иглой (?) и иногда выполнены весьма тщательно; вероятно, для ориентации тамг «верх-низ» ключевым было игровое положение «алче». На одном из астрагалов 2006 года три знака размещены в ряд, причем по краям находятся два *одинаковых* (рис. 4, (4), 1). Эта игральная кость имеет орнамент в виде трех параллельных линий (по числу использованных знаков?), которые как бы осеняют их сверху и снизу; сбоку – полоска с сетчатым узором (Смагулов, Яценко, 2006. Рис. 8, 3) (как на астрагалах таштыкской культуры). Если *одиночный* знак на альчиках в иранском мире не редкость, то сидакские экземпляры с 2-3 знаками в ряд пока уникальны, имея аналогии лишь у восточных соседей – на поздней стадии таштыкской культуры (Кызласов, 1960. Рис. 53; Панкова, 2008. Рис. III).

Еще три уникальных знака разных размеров (№№ 47, 101, 102) были гравированы на ритуальном «оселке» из очень твердого камня, не имевшем следов «практического» использования (рис. 4, (3))¹¹¹. Необычен для

for that was that often one mark was enough for one room, when it contained the remains of only one group of relatives. This is supported by room 7 excavated in 2011: its relatively large space is filled with dense rows of khums (seven of which have remained in situ and the others destroyed through excavating), and only the khum from the first active stage has a sign on it (fig. 3, (5), 8-10).

Apart from ceramics, 6 types of signs (Smagulov, Yatsenko, 2006. Fig. 8) (fig. 4, (4)) were recorded on three of about 200 *game sheep's bones (asyk)* from the 5th-6th-century layers (Smagulov, 2013. P. 112), with only two of the types analogous to the ones found on ceramic items (a khum and khumcha) (Ns. 33, 40); *each bone had on it two types of signs*. In ancient Indo-European traditions the bone with a pair of such signs was used in a ritual, where two people (in one case – three persons representing two clans) rolling the bones could predict the will of the supreme power and foretell good or bad luck (for the Tajik ritual of this kind see e.g.: Rakhimov, 1990. P. 47)¹¹⁰, which could well be accompanied by the speaking of a vow. The signs on the bones form a longitudinal row and are made using a thin needle (?), sometimes very carefully; probably, the 'bottom and top' of the tamgas were largely based on the bones' position on the side. One of the game bones found in 2006 had on it a row of three signs, with two *identical* ones on the ends (fig. 4, (4), 1). This asyk also bears an ornament in the form of three parallel lines (corresponding with the number of the signs?), which seem to enwrap them from the bottom and top; a strip with a mesh-like pattern runs on the side (Smagulov, Yatsenko, 2006. Fig. 8, 3) (like the game bones of the Tashtyk Culture). Whilst the *single* sign on bones is not a rare phenomenon in the Iranian world, the specimens with rows of 2 or 3 signs from Sidak are quite unique so far, with

¹¹⁰ Ср. наиболее документированные для индоевропейских народов древнегреческие эпиграфические оракулы для серии бросков комплектами из 5 или 7 астрагалов, где разное число бросков комплекта посвящалось разным богам; каждое положение кости при этом означало определенное число (Приходько, 2016).

¹¹¹ Ср. «оселок» с тремя знаками с «позднескифского» Любимовского городища в низовьях Днепра (Былкова, 2007. С. 99-100. Рис. 87, 1).

¹¹⁰ Cf. ancient Greek epigraphic oracles, most often recorded among Indo-European peoples, for sets of 5 or 7 bones rolled several times, where a specific number of rolls was associated with a specific god and each position of the bone indicated a definite number (Prihod'ko, 2016).

Центральной Азии фрагмент средней части кувшина 2012 года со скоплением из восьми небрежно прочерченных знаков (Смагулов, Яценко, 2014в. С. 52-54. Рис. 4) (рис. 4, (5))¹¹². Здесь четыре тамги (№№ 16, 38, 46 и 91) – местные, еще четыре (№№ 18, 88-90) известны в Чаче (Канка). При этом чачские знаки изображены только в вертикальном ряду. Речь идет, видимо, о следах некоей акции (договоре, скрепленном клятвой в святом месте), в которой участвовали представители равного числа местных и живущих в Чаче семейств, завершившейся дарением кувшина с едой / напитком в сидакское святилище. При этом резко выделяется размером одна местная тамга (видимо, инициатора этого ритуала).

В целом комплекс посткангюйских знаков из Сидака достаточно оригинален, но при этом имеет, по сравнению с другими памятниками Средней Азии, *большую долю (40,7% или 44 из 108) точных или близких аналогий на соседних памятниках* региона Средней Сырдарьи, включая Ташкентский оазис. Это означает высокую долю региональных паломников в это святое место¹¹³. Однако интенсивным это паломничество было лишь в самом конце существования святилища – в VII – начале VIII века, в период, наполненный военно-политическими конфликтами. В более ранних слоях культового двора встречено мало типов знаков (№№ 61-70), и «чужой» из них лишь один (№66). Более половины типов «меток идентичности» явно относятся к сугубо местным кланам (или скорее – семьям), жившим непосредственно в Сидаке и его ближайшей округе. Эти факты свидетельствуют, среди прочего, о стабильности местного населения, об отсутствии интенсивных переселений кочевников в район Сидака в период до

analogues having been found only in the early neighbouring territories at the late stage of the Tashtyk Culture (Kyzlasov, 1960. Fig. 53; Pankova, 2008. Fig. III).

Three more unique signs varying in size (Ns. 47, 101, 102) were engraved on a ritual whetstone made of some very hard material and bearing no traces of practical use (fig. 4, (3))¹¹¹. A fragment of the middle part of a jug with a cluster of eight roughly scratched signs found in 2012 is also quite unusual for Central Asia (Smagulov, Yatsenko, 2014c. PP. 52-54. Fig. 4) (fig. 4, (5))¹¹². Four of the tamgas are site-specific (Ns. 16, 38, 46 and 91), while the other four (Ns. 18, 88-90) have also been recorded in Chach (Kanka). Interestingly, the Chach signs are present only in the vertical row. Probably, they have something to do with an act (an agreement strengthened with a vow in a sacred place) attended by an equal number of representatives of local families and those from Chach, at the close of which a jug with food/a drink was presented to the sanctuary in Sidak. One local tamga differs sharply in size (apparently, it belonged to the ritual's initiator).

Overall, the post-Kangju complex in Sidak is quite unique, but has, in comparison with other Central Asian monuments, *a larger portion of signs (40.7% or 44 out of 108) identical or similar to those found in the neighbouring monuments* in the Middle Syrdarya area, including the Tashkent Oasis. This means that the visitors that used to come to this holy place comprised a large part of local pilgrims¹¹³. However, the most active pilgrimage was recorded at the sanctuary's latest stage, in the 7th-early 8th cen-

¹¹² Они очень небрежно и угловато прочерчены иглой (?) по обожженной поверхности ниже основания ручки. Слева изображены два знака (№№ 38 и 46), и ранее известные в Сидаке; правее, на некотором расстоянии, размещен вертикальный ряд из шести знаков.

¹¹³ Это №№ 3, 8, 9, 12, 13, 15, 18-20, 24, 25, 26-28, 29, 32-34, 36, 37, 40, 41, 44, 47, 49, 51, 52, 57-59, 63, 71, 74, 75, 77, 80, 82-84, 86-90, 105.

¹¹¹ Cf. The 'whetstone' with three signs from the 'late Scythian' site near the village of Lyubimovka in the lower stretches of the Dnepr (Bylkova, 2007. PP. 99-100. Fig. 87, 1).

¹¹² They were carelessly and roughly scratched below the handle base with a needle (?) on the baked surface. On the left there are two signs (Ns. 38 and 46) that have been recorded in Sidak earlier; on the right, at some distance, there is a vertical row of six signs.

¹¹³ Ns. 3, 8, 9, 12, 13, 15, 18-20, 24, 25, 26-28, 29, 32-34, 36, 37, 40, 41, 44, 47, 49, 51, 52, 57-59, 63, 71, 74, 75, 77, 80, 82-84, 86-90, 105.

вторжения арабов и затем – миграции карлуков в VIII веке. К оригинальным местным типам относятся, прежде всего, тамги группы №№ 1, 2, 21 и 76, а также №№ 4, 5, 7, 10, 30, 39, 56, 64, 81, 93, 96, 97, 99. Очень популярны на кувшинах (в редких случаях – на кружках, котле) различные «сеточки», вроде №№ 12, 15, 16, 70, 85. Не менее характерны типы, в основе которых лежит круг (№№ 46-50, 64, 72, 73, 84, 87, 101), реже – два круга (№№ 51, 52), мотив «птичьей лапы» (№№ 25-27, 29). Здесь встречены также несколько точных или близких аналогов знакам более дальнего Согда (№№ 19, 49, 72, 73) (см.: Яценко, 2001. Рис. 29, №№ 59, 61).

Особый интерес среди них представляют *знаки семей правителей* прилегающих с юга регионов и их близких родственников (Смагулов, Яценко, 2014а. Рис. 3). Тип княжеской тамги №49 прочерчен по сырой глине на плечике хума в комплексе III-IV веков н.э. (Смагулов, 2013. С. 123) в восточной части культового двора. Этот знак отличается необычно крупными размерами (рис. 4, (1), 2). Он имеет соответствие на одной из серий монет *Бухарского Согда* V-VII веков (Zeimal', 1994. Fig. 2, 5)¹¹⁴. На их лицевой стороне представлена голова правителя в профиль. На реверсе, по нашему мнению, показана тамга, окруженная языками пламени. По информации А.И. Наймарка, монетный тип с этой тамгой оформился в первой половине V века на бухарских монетах анонимного царя, правящего перед Асбаром (подражания им использовались еще в VII веке). Большой интерес представляет пара близких (зеркально симметричных) знаков №№ 72, 73 (рис. 4, (1), 3-4), процарапанных по сырой глине на двух кувшинах из раскопа VI 2009 года, разбитого в восточной части «шахристана» (эти

turies – a period filled with numerous military and political conflicts. Only a few types of signs (Ns. 61-70) were recorded in the earlier layers of the cultic court, and only one of them (No. 66) was an 'outsider'. Over half of the 'identity mark' types clearly refer to strictly local clans (or, rather, families), which used to live in Sidak or its neighbourhood. These facts also testify to the stable structure of the local population and mean that nomads did not migrate actively to the Sidak area at the time of the Arab invasion and later in the 8th century, in the period of the Karluk migration. *Original local types* include primarily tamgas of group Ns. 1, 2, 21 and 76 and group Ns. 4, 5, 7, 10, 30, 39, 56, 64, 81, 93, 96, 97, 99. Various 'meshes', such as Ns. 12, 15, 16, 70, 85, are often present on jugs (much more rarely on mugs and cauldrons). Types based on a circle (Ns. 46-50, 64, 72, 73, 84, 87, 101) and, in fewer cases, two circles (Ns. 51, 52) and the 'bird's paw' motif (Ns. 25-27, 29) were also quite popular. There also are a few signs identical or similar to those from remote areas of Sogd (Ns. 19, 49, 72, 73) (see Yatsenko, 2001. Fig. 29, Ns. 59, 61).

A special category of these signs that draw particular interest comprises *signs of families ruling* southerly areas and their relatives (Smagulov, Yatsenko, 2014a. Fig. 3). Princely tamga No. 49 was scratched on raw clay on the shoulder of a khum found in a complex of the 3rd-4th century AD (Smagulov, 2013. P. 123) in the eastern part of the cultic court. This sign is especially large (fig. 4, (1), 2). It is analogous to a sign recorded on one of a series of coins from *Bukharian Sogd* of the 5th-7th centuries (Zeimal', 1994. Fig. 2, 5)¹¹⁴. Their obverse side bears the head of ruler in profile. We consider that the reverse has the tamga surrounded with tongues of flame. According to A. I. Naymark, the numismatic version of this tamga developed

¹¹⁴ В Чаче (Канка, Нижний храм V-VI вв.) он известен как знак на кирпичах (Богомолов, 2006. Рис. 4, №№ 26, 27). В этом элитарном комплексе (единственная кладка жженого кирпича в Чаче) некоторые знаки, возможно, вопреки преобладающей практике, ставились от имени знатных спонсоров.

¹¹⁴ In Chach (Kanka, Lower Temple of the 5th-6th centuries) it is known as a sign on bricks (Bogomolov, 2006. Fig. 4, Ns. 26, 27). In this privileged complex (featuring the only baked brickwork in Chach) some signs might, contrary to the common practice, be put on behalf of noble sponsors.

кувшины не сидакского производства и попали сюда с паломниками). Видимо, еще одна такая фрагментированная тамга есть на стенке хума. Близкий знак (но когда обе нижние дуги повернуты наружу) представлен на монетах Самарканда, чеканившихся с V по VIII век (Ильясов, 2004)¹¹⁵. Учитывая особо крупный размер тамг (необычный здесь для кувшинов) и очень тщательное их исполнение, более вероятным кажется видеть в хозяевах этих знаков согдийских-тюркских родственников правителей Самарканда. На одном из сосудов представлен знак №34, близкий тем, что чеканились на монетах соседнего Отрара (см., например: Бурнашева, 1989. С. 11-15), но с отдельной дополнительной линией. Она, видимо, также использовалась одним из родственников правителя. Этот же тип тамги в интересующее нас время был распространен в сасанидском Иране (см., например: Gadžiev, Kudrjavcev, 2001. Abb. 4-6). На хуме для костей хумхоны – помещения 21 (раскоп 2 2011 года) представлен знак №71, известный на монетах, чеканившихся в Чаче от имени тюркских правителей (в разном чтении – каганов (Ишбар), джабгу (Йар) или тудунов). Происхождение этого знака и его хозяев спорно, однако ясно, что он не известен у достоверных ранних тюрков и, видимо, принадлежал к смешанной ирано-тюркской семье, вошедшей в элиту Западного Каганата (Смагулов, Яценко, 2014в. С. 49-50). Наконец, на одном из керамических фрагментов изображена княжеская тамга №9, известная по синхронным монетам тюркских тудунов Чача рубежа VII-VIII веков – Сатарчара, Хунирака и др. (ср.: Бабаяров, 2007. С. 69-72) (рис. 4, (1), 5). Она тщательно проработана двойной линией.

¹¹⁵ На реверсе некоторых из их поздних типов Г. Бабаяров читает надпись «Туранский правитель каган» (Бабаяров, Умаров, 2013. С. 153-154), то есть они в том числе чеканились от имени тюркских правителей Самарканда. Этот знак известен и в доарабском Чаче: в V-VI веках среди строительных меток на жженных кирпичах в Нижнем храме шахристана Канки (Богомолов, 2006. Рис. 4, №№ 38, 39).

in the first half of the 5th century, when it appeared on the Bukharian coins of an anonymous king that ruled before Asbar (their imitations were still used in the 7th century). A pair of similar (mirror-reflected) symmetrical signs, Ns. 72, 73 (fig. 4, (1), 3-4), scratched on raw clay on two jugs found in excavation VI in the eastern part of the 'shakhristan' in 2009 (these jugs had been produced outside Sidak and brought to the site by pilgrims) are of special interest. Apparently, there is another fragmented tamga of this type on the wall of a khum. A similar sign (with lower arcs both turned outward) has been found on *Samarkand coins* minted between the 5th and 8th centuries (Ilyasov, 2004)¹¹⁵. The particularly large size (unusual for local jugs) of these tamgas and the fine technique used indicate, rather, that the owners of these tamgas were the Sogdian-Turkic relatives of the rulers of Samarkand. One of the vessels has on it sign No. 34, similar to those found on coins in *neighbouring Otrar* (see e.g. Burnasheva, 1989. PP. 11-15), but with an additional line. The tamga was, probably, used by one of the relatives of the ruler. This very type of tamga was in the period under study used widely in Sasanian Iran (see e.g. Gadžiev, Kudrijavcev, 2001. Abb. 4-6). A khum for bones from the khumkhona or room 21 (excavation trench 2, 2011) has sign No. 71 also found on coins minted in Chach on behalf of Turkic rulers (khagans (Ishbar), jabgu (Yar) or tunurs, depending on interpretation). The sign is of a disputable origin, but it is obvious that it was not used by reliably identified early Turkic peoples and, apparently, belonged to a mixed Iranian-Turkic family, which was one of the elite families in the Western Turkic khaganate (Smagulov, Yatsenko, 2014c. PP. 49-50). Final-

¹¹⁵ G. Babayarov interprets the inscription on the reverse of some of their later versions as 'khagan, ruler of Turan' (Babayarov, Umarov, 2013. PP. 153-154), which means that they were also minted on behalf of the Turkic rulers of Samarkand. This sign is also known to have been used in pre-Arab Chach: it was found among construction marks on 5th-6th-centuries baked bricks in the Lower Temple of Kanka's shakhristan (Bogomolov, 2006. Fig. 4, Ns. 38, 39).

Особый интерес представляют два типа тамг, которые в Сидак можно надежно связать с *рядовыми кочевыми тюрками*. Как и следовало ожидать, они принадлежалиномадам соседних территорий. Интересен *контекст*, в котором найдены эти знаки. Самой ранней из находок раннетюркского облика можно считать знак №66 на ручке кувшина из слоя V–VI веков (рис. 4, (7), 1), принадлежавший, видимо, только что появившемуся в регионе тюркскому кочевому клану. Он известен пока лишь в Тамгалытас на западном краю пустыни Бетпакдала, к СВ от Кызылорды; впрочем, там он датируется, видимо, более поздним временем (ср. Досымбаева, 2013. С. 408. №27) (рис. 4, (7), 2). На одной хумче 2009 года (рис. 4, (7), 3) фрагментарно сохранился знак другого тюркского кочевого клана, известный на северных склонах соседнего хребта Каратау, в урочище Кемер (Досымбаева, 2013. С. 408. №7) (рис. 4, (7), 4). Важно, что оба знака выявлены на типично сидакской посуде, сделанной местным гончаром при святилище для паломников. Таким образом, представители кочевых кланов, как и правящие владыки более южных территорий (см. ниже), иногда демонстрировали свое уважение к этому святилищу¹¹⁶.

Что означает появление сосуда с семейным или личным знаком *правителя или его родственника* в этом храмовом комплексе? Вероятно, княжеский дар храму в виде партии сосудов с продуктами, который вручался во время паломничества в Сидак чиновника – официального представителя чужеземных властей (см. дискуссию об использовании предполагаемых царских тамг Боспорского царства, в том числе – доверенными лицами правителя: Яценко, 2005б. С. 414-418), или желание быть погребенным в святом месте (в хуме, а затем – в наружном склепе).

Сказанное ясно демонстрирует межрегиональное значение Сидакской святыни и (учи-

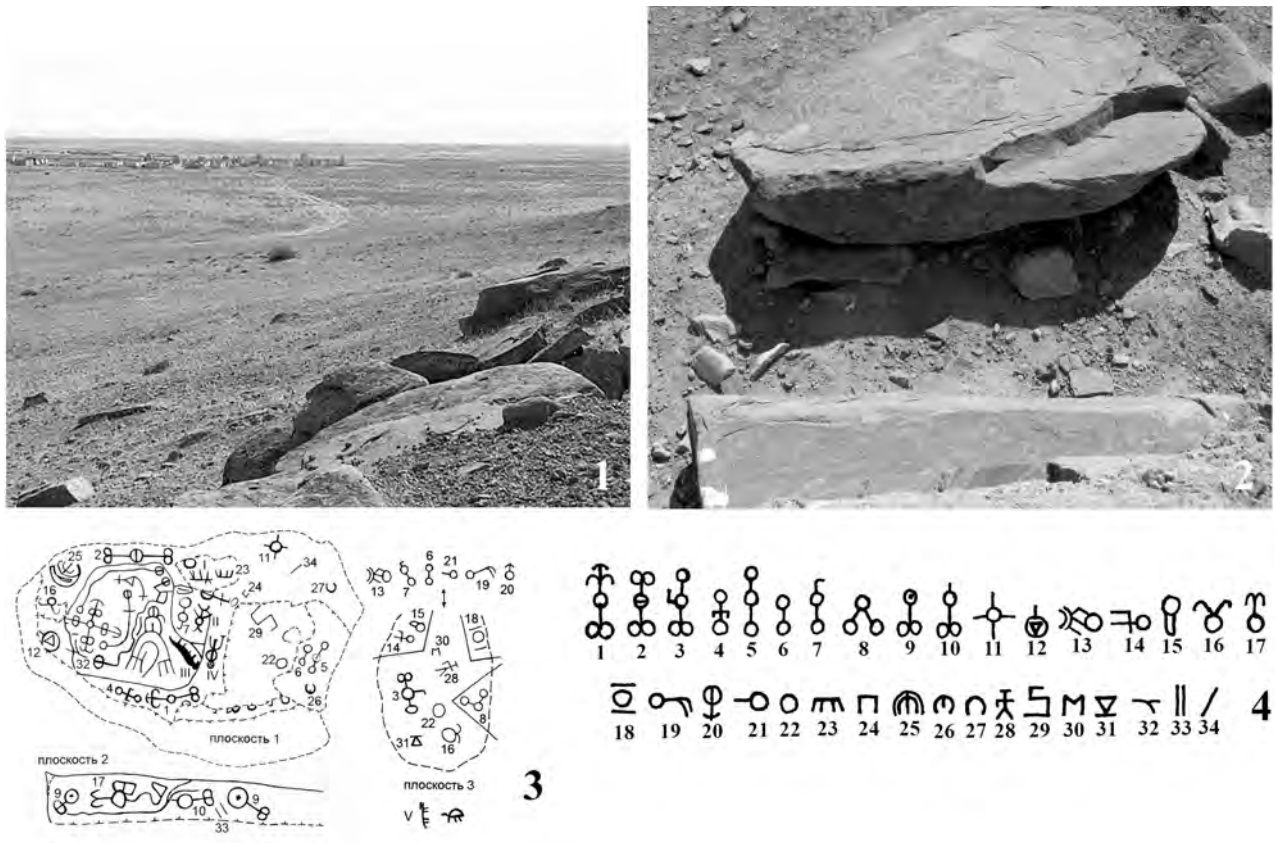
ly, one of the ceramic fragments bears princely tamga No. 9 recorded on the synchronous coins of Satarchar, Khunirak and other *Turkic tuduns of Chach* of the late 7th-early 8th centuries (cf.: Babayarov, 2007. PP. 69-72) (fig. 4, (1), 5). The tamga is carefully made using a double line.

There are two types of particularly interesting tamgas which in Sidak are reliably associated with *ordinary nomadic Turkic peoples*. Naturally, they belonged to nomads from neighbouring territories. The *context* in which the signs were discovered is of special interest. The earliest of the finds, early Turkic in appearance, is, probably, sign No. 66 on the handle of a jug from a 5th-6th-century layer (fig. 4, (7), 1) which, apparently, belonged to a nomadic Turkic clan that had just formed in the region. Its only analogue was recorded in Tamgalytas in the western part of the Betpakdala desert, north-east of Kyzylorda; this one, however, is dated to a later period (cf. Dosymbayeva, 2013. P. 408. No. 27) (fig. 4, (7), 2). A 2009 khumcha (fig. 4, (7), 3) has a fragment of the sign of another nomadic Turkic clan, which was also recorded in the Ke-mer area on the northern slopes of the nearby Karatau Range (cf. Dosymbayeva, 2013. P. 408. No. 7) (fig. 4, (7), 4). Importantly, both signs were found on vessels typical of Sidak, which had been produced in the sanctuary for pilgrims by a local potter. Thus, like the rulers of southern territories (see below), representatives of nomadic clans sometimes showed respect towards this sanctuary¹¹⁶.

What does the presence of a vessel with a family or personal sign belonging to a *ruler or his relative* in this complex mean? Probably, it is from a batch of vessels, a prince's present to the sanctuary brought to Sidak by his official that made a pilgrimage to Sidak (see the discussion about the use of supposed royal tamgas of the Bosporan Kingdom, including by the ruler's authorized representative: Yatsenko, 2005b. PP. 414-418); or it is the result of a wish to be bur-

¹¹⁶ О маздеистских симпатиях части местных тюрков, позволявших хоронить их в подобных святилищах и приносить туда дары, ср., например: Камолитдин, 2004.

¹¹⁶ For the adherence of a part of the local Turkic peoples to Mazdeism resulting in their burying in similar sanctuaries cf. e.g.: Kamoliddin, 2004.

Рис. 5. Святилище в Бескеле (у с. Кызылаут, Жамбыльской обл.): (1) – общий вид святилища; (2) – плоскости 1 и 2; (3) – изображения на плоскостях 1-3 (прорисовки С.А. Яценко); (4) – типы знаков

Fig. 5. Sanctuary in Beskepe (near Kyzylaut Village, Jambyl province): (1) – general view of the sanctuary; (2) – planes 1 and 2; (3) – images on planes 1-3 (drawn by S. A. Yatsenko); (4) – sign types

тывая и обилие знаков соседних регионов на жертвенной посуде и погребальных хумах), скорее всего, ее известность издревле. Можно предположить, что Сидак с момента основания на рубеже н.э. был одним из общегосударственных святых мест «кочевой империи» Кангюй (в состав которой входили обширные территории Южного Казахстана, Чач, значительная часть Согда и земли степных данников из сарматских племен).

Некоторые метки идентичности (№№ 16, 23, 28, 36, 44, 51, 54, 63, 84, 86, 87, 95, 107) здесь имеют точные аналогии, а №№ 16, 76, 82, 101 – близкие на монетах, кирпичах и иных изделиях западных сатрапий и «коренных» областей первой в истории «мировой империи» Ахеменидов (Яценко, 2001. Рис. 32), что, возможно, отражает влияние знакового фонда этого гигантского государ-

ied in a holy place (in a khum and later in an outer crypt).

The above said clearly demonstrates the interregional significance of the Sidak sanctuary and, probably (taking into account the number of signs from neighbouring regions on the sacrificial vessels and burial khums), its popularity since ancient times. It is quite possible that since its very foundation at the turn of the Common Era it was one of the nation-scale holy places in the ‘nomad empire’ of Kangju (which included the extensive territories of South Kazakhstan, Chach, a considerable part of Sogd and the steppe areas of tributaries from Sarmatian tribes).

Some identity marks from Sidak (Ns. 16, 23, 28, 36, 44, 51, 54, 63, 84, 86, 87, 95, 107) are identical and others (Ns. 16, 76, 82, 101) are similar to those on coins, bricks and oth-

ства на иранский мир Средней Азии, на кангюйцев – потомков саков-тиграхауда (долго бывших подданными Империи). Отметим также несколько точных (№№ 25, 33, 74, 97, 105, 107) или близких (№№ 32, 105) соответствий граффити на керамике из греко-варварских поселений Боспора I-III веков (ср. Сапрыкин, Масленников, 2007. №№ 195, 252, 564, 827; Емец, 2012. №№ 458, 476, 1000).

Для адекватного понимания смысла *пары* размещенных рядом знаков на сосудах (рис. 4, (б)) и игральных костях (рис. 4, (4)) надо отметить, что часто один из них документируется на других поселениях региона (№№ 27, 40, 47, 59), другой же, возможно, отражает специфику окрестностей именно Сидака.

В числе предполагаемых *основных способов образования новых форм знаков* в комплексе Сидака можно назвать добавление вертикальной полосы, пересекающей знак (рис. 4, (9), 4, 8-9), что имеет аналогии в Хорезме I века до н.э. – III века н.э. (Яценко, 2001. Рис. 28. №№ 1, 11-13, 41); добавление 1-2 отростков или завитка по краям (Яценко, 2001. С. 6, 8, 11), создание все более сложной «сеточки» (Яценко, 2001. С. 5). Более редкими вариантами были рост/уменьшение числа «ног» внизу (№№ 1-3); заключение фигуры в круг (№№ 10, 46); удвоение контуров знака (рис. 4, (9), 7); изменение «заполнения» основной фигуры (Яценко, 2001. С. 10); помещение на некотором отдалении от основного знака, в правом верхнем углу, 1-2 маленьких и коротких параллельных линий (№№ 39; 94)¹¹⁷. Как и в Средней Азии IV-VIII веков в целом, в местном обществе и среди паломников в качестве прототипов кланово-семейных знаков *буквы алфавитов* использовались лишь изредка (№№ 15, 23, 25, 44, 60, 86). Однако при этом интересно соответствие двух образцов из Сидака знакам на таких древнейших памятниках кочевой письменности Центральной Азии, как каменные пряслице

er items from the western satrapies and ‘core’ regions of the Achaemenian Empire, the first ‘global empire’ in history (Yatsenko, 2001. Fig. 32), which, possibly, means that the wide range of signs used in this giant state influenced the Iranian world of Central Asia and the people of Kangju, descendents of the Saka Tigrahauda (who for a long time were subjects of the Empire). There also are a few signs identical (Ns. 25, 33, 74, 97, 105, 107) or similar to graffiti on ceramics from the Greco-Barbarian settlements of the Bosporan Kingdom of the 1st-3rd centuries (cf. Saprykin, Maslennikov, 2007. Ns. 195, 252, 564, 827; Yemets, 2012. Ns. 458, 476, 1000).

To properly understand the meaning of *pairs* of signs found next to each other on vessels (fig. 4, (б)) and game bones (fig. 4, (4)) it should be kept in mind that often one sign in such a pair is also recorded in other settlements throughout the region (Ns. 27, 40, 47, 59) while the other is Sidak-specific.

Supposedly, the *main ways of making new forms of signs* in the Sidak complex include the addition of a vertical strip crossing the sign (fig. 4, (9), 4, 8-9) – a form analogous to some Khwarezm signs of the 1st century BC - 3rd century AD (Yatsenko, 2001. Fig. 28. Ns. 1, 11-13, 41); 1-2 short straight or curving lines added to the edges (Yatsenko, 2001. Pp. 6, 8, 11); the development of an increasingly complex ‘mesh’ (Yatsenko, 2001. P. 5). The rarer forms include a larger/smaller number of ‘legs’ in the bottom (Ns. 1-3); enclosure of a figure in a circle (Ns. 10, 46); doubling of the sign contours (fig. 4, (9), 7); changing of the ‘filling’ of the main figure (Yatsenko, 2001. P. 10); 1-2 short, small parallel lines placed at some distance from the main sign, in the right top corner (Ns. 39; 94)¹¹⁷. *Alphabetic letters* (Ns. 15, 23, 25, 44, 60, 86) were rarely used as prototypes of clan/family signs by either locals or pilgrims, in the studied area or entire Central Asia. However, it is inter-

¹¹⁷ Этот вариант популярен на северо-восточном Кавказе римского времени, например, на керамике Урцехского городища в Дагестане (Яценко, 2001. С. 15-16. Прим. 13).

¹¹⁷ This version was popular in the North-East Caucasus in the Roman period (it was found e.g. on the ceramics on the Urtsekh site in Dagestan (Yatsenko, 2001. Pp. 15-16. Note 13).

и многогранная призма из поселения скифской эпохи «Гробница» на р. Чумыш (Алтай) (Кузнецов, 2006. С. 30. Рис. 2-3). Знак №24 идентичен образцу на пряслице, а знак №36 близок образцу на призме, но отличается одной (а не двумя) верхней перекладиной.

Культовый характер Сидака демонстрируют и встреченные здесь на керамике сюжетные изображения (на хумах и хумчах, реже – крупных горшках или кувшинах); они обнаружены в основном в сезоны 2005-2006 годов и иногда сочетаются с тамгами. Вероятно, потребность в таких рисунках возникла в особых ситуациях, и исполнял их сам мастер-гончар, сообразуясь с пожеланием заказчика, или же присутствующий при изготовлении сосуда заказчик наносил эти рисунки сам, используя при этом первый попавшийся под руку инструмент (небольшую палочку). В целом здесь изображались только существа мужского пола. Обычно здесь представлены копытные (это всегда самцы, чаще всего козлы, изредка олени и кони) и птицы. Горный козел на одном из хумов для костей изображен с сиянием вокруг головы, вместе со сложной свастикой и тамгой (рис. 3, (3), 2). В другом случае он лежит, поджав ноги в «жертвенной» позе, отражая, в данном случае, традиции сакских петроглифов (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 7, 10). Еще в двух случаях сохранилась верхняя часть туловища животного (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 7, 11, 13)¹¹⁸. Единичны стоящие в профиль олень и конь (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 10, 12). Среди изображений птиц особенно важен заимствованный из сасанидского искусства идущий павлин с ожерельем в клюве (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 7, 4). На крупном хуме прочерчена композиция с

esting that two signs from Sidak are analogous to ones found on the oldest monuments of nomadic script in Central Asia, the stone whirl and polygonal prism from the 'Grobznitsa' site on the Chumysh River in Altai dated to the Scythian period (Kuznetsov, 2006. P. 30. Figs. 2-3). Sign No. 24 is identical to the one on the whirl, while sign No. 36 is similar to that on the prism but, unlike the latter, has one upper crosspiece instead of two.

Sidak's cultic function is supported by *descriptive images* on local ceramics (mostly khums and khumchas and in fewer cases on pots and jugs); most of them were discovered in seasons 2005 and 2006, sometimes in combination with tamgas. Probably, these images were required in special situations and were made by the potter himself following the customer's wish, or the customer watched the production of the vessel and put these images himself using the first tool found at hand (a small stick). Usually, the depicted creatures are *males*. Most of the figures were ungulates (mostly goats and sometimes deer and horses, males in all cases) and birds. A mountain goat on one of the khums for bones has a halo around its head and a swastika and tamga at its side (fig. 3, (3), 2). Another goat is lying with the legs tucked 'sacrificially', which reflects the Saka petroglyph traditions (Smagulov, Yatsenko, 2010. Figs. 7, 10). Other two animals have only their upper portions remaining (Smagulov, Yatsenko, 2010. Figs. 7, 11, 13)¹¹⁸. There are single images of a horse and deer standing in profile (Smagulov, Yatsenko, 2010. Fig. 10, 12). Among the images of birds the peacock walking with a necklace in its beak is particularly important (Smagulov, Yatsenko, 2010. Fig. 7, 4). A round khum has on it a composition of a bird in a crown (?) and a caught

¹¹⁸ В таких архаичных традициях индоиранских и индоарийских этносов Гиндукуша, как кафиры и калашы, горные козлы, живущие рядом с ледниками и небесными божествами, воспринимались как сакрально чистые и священные (особенно белой масти) животные, как инкарнации и спутники богов и богинь (см., например: Йеттмар, 1986. С. 64-65, 80, 105, 113, 366-367, 375, 379-380, 401; о культе козла и горного барана в Средней Азии см.: Литвинский, 1968).

¹¹⁸ Some Indo-Iranian and Indo-Aryan peoples inhabiting the Hindu Kush, such as the Kafir and Kalash, formerly regarded mountain goats (especially white-coloured) living near glaciers and close to heavenly gods as pure and sacral animals, the companions and incarnations of those gods and goddesses (see e.g. Jettmar, 1986. PP. 64-65, 80, 105, 113, 366-367, 375, 379-380, 401; for the goat and argali cult in Central Asia see Litvinsky, 1968).

птицей в короне (?) и пойманной ею рыбой над головой (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 9, 1). Встречаются и другие сюжеты: изображение дерева с 10 ветвями и солярным диском наверху (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 7, 3). Мужские фигуры единичны (налеп в виде мужчины с расставленными ногами и выраженным фаллосом: Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 7, 2)¹¹⁹. Интересна фигура всадника-воина с детализацией коня, изображенная на тулове крупного горшка (Там же. Рис. 7, 1); она имеет очевидные иконографические параллели среди раннетюркских петроглифов Семиречья. Более интересен персонаж на одной хумче, сидящий на быке, над которым летит птица (?) (Смагулов, Яценко, 2013. Рис. 10).

Накопленный на сегодняшний день материал, увы, позволяет лишь фрагментарно характеризовать комплекс клановых тамг Средней Сырдарьи в целом. Характерными для региона можно признать 13 основных форм знаков¹²⁰. Знаки Туркестанского и Отрарского оазисов, долины р. Арысь пока изучены весьма неравномерно. Многие коллекции знаков, полученные при раскопках (Алтынтобе, Жуантобе, Куюк-Мардан, Пшакшитобе и даже огромный некрополь Борижары), еще слишком малы количественно или пока недоступны коллегам. Впрочем, бывают случаи, когда и одиночный знак представляет немалый интерес. Например, на горловине хума из небольшой коллекции со знаками в Ханкор-

fish over its head (Smagulov, Yatsenko, 2010. Fig. 9, 1). Another type of descriptive images is a tree with 10 branches and a solar disc on top (Smagulov, Yatsenko, 2010. Fig. 7, 3). Male humans are very rare (an applied figure of a man with the legs set wide apart and an accentuated phallus: Smagulov, Yatsenko, 2010. Fig. 7, 2)¹¹⁹. A figure of a horse with elaborate features with a warrior on its back found on the body of a large pot (Ibid, fig. 7, 1) is iconographically analogous to early Turkic petroglyphs in Semirechie. Of more interest is a human figure riding on an ox with a flying bird (?) above them depicted on one of the khumchas (Smagulov, Yatsenko, 2013. Fig. 10).

Unfortunately, the currently available material makes it possible only to give fragmentary characteristics of the entire collection of tamgas discovered in the Middle Syrdarya area. There are 13 sign types that may be considered typical of the region¹²⁰. The signs found in the Turkestan and Otrar Oasis and the Arys River valley have been studied quite sporadically. Many of the excavated collections of tamgas (Altyntobe, Zhuantobe, Kuyuk-Mardan, Pshakshitobe and even the enormous necropolis of Borizhary) are still too small or yet inaccessible to our colleagues. However, in some cases even a single sign may draw a big interest. One of such 'identity marks' is a variant of the Christian (Nestorian) cross (fig. 4, (8)), which, probably,

¹¹⁹ Единственный глиняный идол в Сидаке – тоже фаллический мужской персонаж, хотя и имеет детали парадного костюма (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 9-10).

¹²⁰ Это 1) трезубцы разных видов; 2) горизонтальная дуга и отходящие от нее вертикально вниз 4-5 линий; 3) стержень с двумя отходящими завитками (налепы на керамике); 4) горизонтальная линия, перечеркнутая 2-4 вертикальными; 5) стилизованные деревья и побеги; 6) фигуры из трех дуг, ориентированных в разные стороны (аналог. в Согде); 7) 1-3 линии из квадратов; 8) знаки на основе буквы «л»; 9) круг с одним или двумя отростками (аналог. в Согде); 10) кресты и свастики различных форм; 11) варианты «птичьей лапы»; 12) простые геометрические фигуры, перечеркнутые вертикальной линией; 13) фигуры, вписанные в круг. Формы 8-13 имеют аналоги в различных частях Средней Азии в кушанский период и, надо полагать, распространялись именно с этого времени.

¹¹⁹ The only idol found in Sidak is also a man's figure with a highlighted phallus, although in this case it bears elements of ceremonial clothes (Smagulov, Yatsenko, 2010. Figs. 9-10).

¹²⁰ They are: 1) tridents of various forms; 2) a horizontal arc with 4-5 lines branching from it vertically downwards; 3) a rod with two diverging curls (applied on a ceramic vessel); 4) a horizontal line crossed by 2-4 vertical ones; 5) stylised trees and sprouts; 6) figures of three arcs going in different directions (having analogues in Sogd); 7) 1-3 lines composed of small squares; 8) signs based on the letter л; 9) a circle with one or two projections (having analogues in Sogd); 10) crosses and swastikas of various forms; 11) variants of the 'bird's paw'; 12) simple geometric figures crossed by a vertical line; 13) figures inscribed in a circle. Types 8-13 have analogues in various parts of Central Asia dated to the Kushan period, since when they, probably, began to spread.

гане (в Шымкентском музее), принадлежавшего, видимо, члену местной христианской общины, «меткой идентичности» выступает один из вариантов христианского (несторического) креста (рис. 4, (8)). Не менее интересно оформление плечика хума в кургане 20 2006 года могильника Борижары (рис. 4, (2), 2). Здесь аккуратно прочерчена крупная тамга в виде свастики. Над левым верхним углом последней видим оттиск миниатюрной сасанидской круглой печати с профильным реалистическим изображением идущего влево оленя¹²¹. Содержимое хума в данном случае имело для хозяина такое значение, что он, кроме заказанного гончару изображения родового знака, отметил его дополнительно личным символом (печаткой). Этот случай для бассейна Сырдарьи уникален. Подобное двойное мечение известно на керамике забайкальских сюнну (на днищах).

had belonged to a member of the local Christian community and was found on the neck of a khum from Khankorgan currently kept at the Shymkent Museum as an element of a small collection of vessels with signs. A composition on the shoulder of a khum from mound 20 excavated in the Borizhary burial ground in 2006 is also quite interesting (fig. 4, (2), 2). One of its elements is a large neat tamga in the form of a swastika. Imprinted above its left corner is a tiny round Sasanian stamp with a realistic profile of a deer moving to the left¹²¹. The khum's contents were so important for its owner that they added a *personal* symbol (stamp) to the *family* sign made by the potter. This is a unique case for the Syrdarya River basin. Such double marking has been recorded on the ceramics (on bottoms) of the Xiongnu that inhabited the territory behind Baikal Lake.

¹²¹ Интересно, что на городище Тулебайтобе найден фрагмент хума с оттиском сасанидской печати (на венчике), где также изображен идущий в профиль олень (Подушкин, 2000. С. 49. Фото на с. 91, 137, 180).

¹²¹ Interestingly, a fragment of a khum with an imprinted Sasanian stamp on the rim and an image of a walking deer in profile was found on the Tulebaytobe site (Podushkin, 2000. P. 49. Photos on pages 91, 137, 180).

ГЛАВА 6 ЗНАКИ ГОРОДИЩ ЧАЧА

С.А. Яценко, Е.А. Смагулов

Древняя историческая область Чач, лежащая южнее реки Арысь¹²², включала как горные районы, так и равнины, орошаемые реками – правыми притоками Сырдарьи. Ее центром был *Ташкентский оазис*, точнее, *городище Канка – Харашкет* в его юго-западной части (предполагаемая Ю.Ф. Буряковым Антиохия Заяксартская); в преарабское время, им, возможно, стало городище Мингурюк (на правом берегу р. Салар, у ж.-д. вокзала современного Ташкента). Горные районы Чача славились в доисламский период своими минеральными ресурсами – золотом и серебром, рудами металлов, бирюзой, цветной солью; равнинные – коврами, вином, бытовыми изделиями из металла, боевыми луками и кожаными доспехами.

Несмотря на основательную изученность многих древних памятников Чача, этого, пожалуй, не скажешь о различных метках идентичности (нишан / тамга), которыми во множестве пользовались жители этой страны в доарабское время¹²³. В первую очередь, отличаются разнообразием форм знаки *на керамике*. Но чаще всего эти знаки лишь зарисовывались (обычно – схематично и без привязки к конкретным сооружениям, а иногда и

¹²² Иногда Чач существенно расширял свои владения вниз по Сырдарье. Так было в III веке, в период кризиса Кангюя, судя по надписям, найденным на Культобе в низовьях Арыси (Sims-Williams, 2009. PP. 154, 156). Для начала VIII века предполагалось перенесение резиденции правителя Чача в Оtrar/Тарбанд (Кляшторный 1964, 160).

¹²³ Выражаем искреннюю благодарность сотруднику Шымкентского историко-краеведческого музея Андрею Донцу за предоставление качественных фото хранящейся там керамики северного Чача из Шаушкумтобе и Ушбастобе, Г.И. Богомолу – за предоставление некоторых материалов по Ташкентскому оазису.

CHAPTER 6 SIGNS FROM THE SITES OF CHACH

S. A. Yatsenko, E. A. Smagulov

Chach, an ancient historical region south of the Arys River¹²², consisted of both mountain landscapes and flatlands washed by the Syrdarya River right tributaries. Its hub was the *Tashkent Oasis* or, rather, the *Kanka hillfort (Kharashket)* in its south-western part (Antiochia Trans-Jaxartes, according to Yu. F. Buryakov); in the pre-Arab time the centre might move to the Minguriuk site (on the right bank of the Salar River, near the present-day Tashkent Railway Station). In the pre-Islamic time the mountain regions of Chach were famous as areas rich in mineral resources, such as gold, silver and other metal ores, as well as turquoise and coloured salt; the flatlands were renowned for carpets, wines, metal household articles, war bows and leather armours.

Although many of the ancient monuments in the territory of Chach have been studied quite properly, various identity marks (nishan/tamga) used widely in the pre-Arab time have received little research¹²³. Signs *on ceramics* are the most diverse in form. Unfortunately, most of these have only been presented in drawings (usually schematic, unrelated to the structures and even layers they were found in) and published together with the types of vessels they were recorded on (Levina, 1971. Figs. 33-56).

¹²² In some periods of time Chach expanded further downstream along the Syrdarya River. One of these occasions was in the 3rd century, when Kangju was in crisis, which is supported by inscriptions found in Kultobe in the lower stretches of the Arys (Sims-Williams, 2009. PP. 154, 156). The residence of Chach's ruler was to move to Otrar/Tarband in the early 8th century (Klyashtorny 1964, 160).

¹²³ We are deeply thankful to Andrei Donets, a researcher from the Shymkent Museum of Regional History, for the high-quality photographs of northern Chach pottery from Shaushkumtobe and Ushbastobe, and to G. I. Bogomolov for some material on the Tashkent Oasis.

слоям) и публиковались заодно с конкретными типами посуды (Левина, 1971. Рис. 33-56). Тамгам на керамике каунчинской культуры (в значительной мере – их гипотетической сакральной символике) посвящена небольшая статья А.А. Грицины (Грицина, 1984), аналогичным знакам городища Ушбастобе на севере горного Чача – статья трех авторов (Подушкин, Раев, Белов, 2013).

Прежде всего повезло керамике из нескольких пунктов Ташкентского оазиса, знаки на которой стали объектом внимания Г.И. Богомолова (Богомолов, 2011); однако полная сводка их, собранная этим исследователем, не опубликована до сих пор и осталась в архиве автора. Отдельно им рассматривались метки на кирпичках из Канки (Богомолов, 2006).

В одном случае публикатора привлекли необычные знаки на небольшой каменной плитке из Мингурюка (в центре нынешнего Ташкента) (Богомолов, 2003). Важным объектом внимания среди исследователей знаков Чача традиционно являются их изображения на доисламских медных монетах различных типов. Им посвящены несколько монографий (Шагалов, Кузнецов, 2006; Ртвеладзе, 2006; Бабаяров, 2007; Мусакаева, 2013; Бабаяров, Кубатин, 2014) и серия статей (см., например: Мусакаева, 2007; она же, 2010; Ртвеладзе, 2007; он же, 2008; Бабаяров, Умаров, 2013)¹²⁴. При всей большой работе, проделанной названными авторами, атрибуция и датировка конкретных знаков на монетах часто остаются неясными. Для нас особенно интересны ранние монеты III-VI веков местной династии (рис. 1, (5)) с 12 вариантами, видимо, общекангюйской тамги (см. гл. 5, рис. 1). Большинство ученых считает, что чачская чеканка с согдийскими (кангюйскими?) надписями началась со второй половины III века н.э., в числе ее первых инициаторов были правители Ванун (Wnwn) и Заббаг (Zbbgn)

A.A. Gritsina dedicated a small article to tamgas on the ceramics of the Kaunchi Culture (mostly to their hypothetical sacral symbolism) (Gritsina, 1984), three other authors wrote a work on similar signs from the Ushbastobe hillfort in the north of the mountain region in Chach (Podushkin, Raev, Belov, 2013).

The most 'fortunate' was the pottery from several sites in the Tashkent Oasis, whose signs drew the attention of G. I. Bogomolov (Bogomolov, 2011); however, the full collection gathered by this author has not been published so far and remains in his personal archive. He also made research into marks on bricks from Kanka (Bogomolov, 2006).

In one case the publisher was attracted by unusual signs on a small stone plate from Minguriuk (in the heart of present-day Tashkent) (Bogomolov, 2003). Specialists researching into Chach signs traditionally show great interest in those on pre-Islamic copper coins of various types. There are several monographs (Shagalov, Kuznetsov, 2006, Rtveladze, 2006, Babayarov, 2007, Musakaeva, 2013, Babayarov, Kubatin, 2014) and a series of articles (see e.g. Musakaeva, 2007; *ibid* 2010, Rtveladze, 2007; *ibid*, 2008, Babayarov, Umarov, 2013) devoted to them¹²⁴. Although these authors did a great work, the attribution and dating of certain signs on coins often remain unclear. For us, early 3rd-4th-century coins belonging to a local dynasty (Figure 1, (5)) with 12 variants of, apparently, the pan-Kangju tamga are of particular interest (see Chapter 5, fig. 1). Some evidence testifies that the coins were minted since an earlier period, the turn of the Common Era (Musakaeva, 2007. P. 28; *ibid*, 2010. PP. 173-174). It is generally admissible that the original sign changed from ruler to ruler to evolve into 12 forms for about 300 years. In reality that was not the case because the supposedly first ruler Wanun (Wnwn) had two different signs (Chapter 5, fig. 1, 1-2), as it was on the coins of the Kushan Empire. To

¹²⁴ Мы специально не касаемся здесь тамг на доисламских монетах Чача, т.к. этот материал детально освещен специалистами-нумизматами в других главах.

¹²⁴ Here we do not cover the tamgas on pre-Islamic Chach coins, as those were analysed in detail by specialists in numismatics in other chapters.

(Ртвеладзе, 2006, С. 65-73; он же, 2008. С. 64-74). Есть и аргументы в пользу более раннего начала чеканки на рубеже н.э. (Мусакаева, 2007. С. 28; она же, 2010. С. 173-174). Развитие форм исходного знака до 12 вариантов примерно за 300 лет в принципе допускает изменение знака с каждым правителем. На деле было не так, поскольку уже у предполагаемого первого правителя Вануна (Wnwn) представлены два разных знака (гл. 5, рис. 1, 1-2), подобно тому, как это бывало на монетах Кушанской империи. Для изменения формы родового знака использовали три приема: заполнение центрального овала 1-3 точками, 1-2 колечками или крестиком (самый распространенный прием – 9 вариантов); поворот нижнего завитка вправо-влево (по 6 вариантов в каждом случае); помещение отдельной точки над знаком (1 вариант).

Чачская чеканка времени первых тюркских каганатов второй пол. VI – первой пол. VIII века от имени тюркских и ирано-тюркских правителей разных рангов рассматривается в главе 10. Она освещена в ряде публикаций Г.Б. Бабаярова (см., прежде всего: Бабаяров, 2007).

Базовым направлением изучения тамг древнего Чача уже давно стали истолкования различных знаков *только и исключительно как магических символов*. Основу этой традиции заложил Г.В. Григорьев. В своих публикациях он бегло затрагивал вопросы о «смене тотема животного астральным символом – солнцем» (свастикой) на керамических метках (Григорьев, 1948. С. 55), видел в знаке креста магическое воплощение барана, бывшего оберегом (Григорьев, 1940. С. 28) и т.п. Его идеи были поддержаны А.А. Грициной, уверенным, что «знаки на керамике – это магические символы» и что они ставились только на сосудах, предназначенных для хранения продуктов, считавшихся *священными* (Грицина, 1984. С. 93). Позже эти идеи в отношении *каждой группы знаков* попытался развить Г.И. Богомолов (см., прежде всего: Богомолов, 2011. С. 97-104) (см. ниже).

change the form of a family sign three methods were used: the central oval was filled with 1-3 dots, 1-2 rings or a cross (the commonest method – 9 types); the bottom curl was turned to the right or left (6 types in each case); an individual dot was placed on top of a sign (1 type).

The Chach coins of the first Turkic kaganates (second half of the 6th - first half of the 8th centuries) minted on behalf of Turkic and Irano-Turkic rulers of different ranks are analysed in Chapter 10. They were also analysed in various publications by G. B. Babayarov (see primarily Babayarov, 2007).

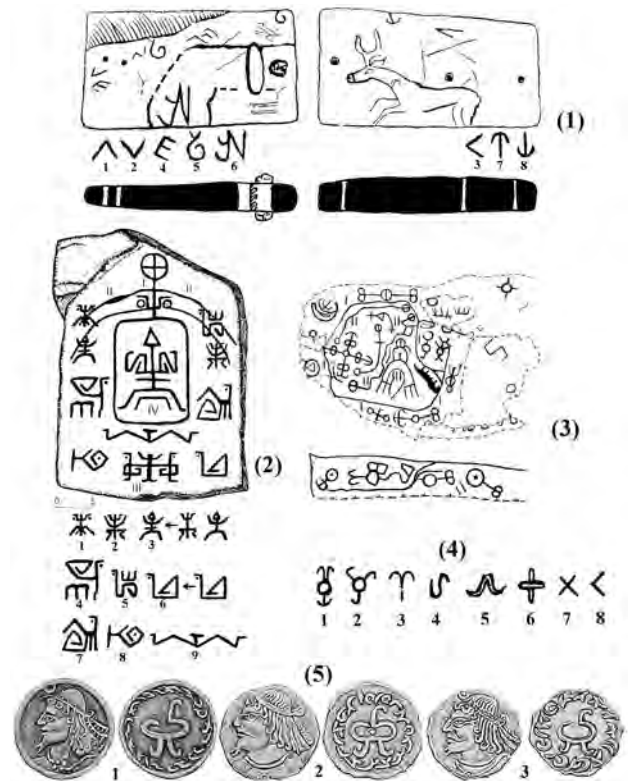
The various tamgas of ancient Chach have long since become interpreted *exclusively as magic symbols*. This tradition was initiated by G.V. Grigoriev. In his publications he just superficially covered the question of ‘substitution of an animal totem with the astral solar symbol’ (swastika) on ceramic marks (Grigoriev, 1948. P. 55), interpreted a cross as a magic embodiment of a ram with protective properties (Grigoriev, 1940. P. 28) and so on. His ideas were supported by A. A. Gritsina, who was certain that ‘signs on ceramics were magic symbols’ and that they were put on vessels only for storing *sacred* food (Gritsina, 1984. P. 93). Later G. I. Bogomolov attempted to develop these ideas for each group of signs (see primarily Bogomolov, 2011. PP. 97-104) (see below).

In this chapter we are not planning to fancy about the ‘possible graphic prototypes’ of certain tamga forms and their allegedly deep magic essence. We are not going to do that, first, because we do not possess any correct and reliable information in this regard; moreover, the written sources and ethnography of different regions around the world (including Central Asia) testify *to the contrary*: tamgas were used strictly for practical purposes (many of those signs were quite new and designed when a family or a clan broke into parts and so on) as ownership signs, personal emblems, signatures, marks informing about the participation in various public events and so on, for which, for instance, characters from foreign alphabets were purposefully utilized (recent literary sources include primarily

В этой главе мы не планируем увлечь читателя фантазиями насчет «вероятных изобразительных прототипов» отдельных форм тамг и их якобы глубокой магической сущности. Прежде всего мы этого не делаем потому, что никакой корректной и надежной информацией на сей счет не располагаем; напротив, письменные источники и этнография разных регионов мира (в т.ч. Центральной Азии) дают слишком много примеров *противоположного*: использования тамг в сугубо прагматических целях (причем часто эти знаки были недавно придуманы при разделении большой семьи или клана на части и т.п.) – как знаков собственности, личного герба и замены подписи, меток присутствия на различных общественных мероприятиях и т.п., для чего часто заведомо использовались, например, буквы и цифры чужих алфавитов и т.п. (из новейшей литературы см., прежде всего, знаменитый сборник: Traditional Marking Systems, 2010).

Как и в большинстве древних стран Средней Азии (кроме Хорезма), тамгопользование в Чаче фиксируется с I века до н.э., после массовой миграции с востока усуней и юэчжей и связанными с ними передвижениями саков. Одним из первых ярких памятников с тамгами является могила знатного воина **в кургане 21 некрополя Жаман Тогай** в Чардаре (Максимова, Мершчиев, Вайнберг, Левина, 1968. Рис. 5) (рис. 1, (1)). Здесь на обеих гагатовых пластинах пояса (подобных тем, что распространялись с различными мигрантами во II-I вв. до н.э. в несколько этапов из исходных северных земель сюнну на обширной территории от Северной Монголии, Бурятии и верховьев Енисея до низовьев Волги и Дона) (Brosseder, 2011. Figs. 6-11; Раев, 2017. С. 299-302. Рис. 1) представлены 2-3 фигурки копытных в окружении узоров из линий и среди них – восемь различных тамг. При этом знаки №№ 1-3, а также №№ 7, 8 типологически сходны. По одной тамге изображено на телах животных, остальные располагаются вокруг. Вопреки ожиданиям, среди этих знаков нет *ни одного* точного соответствия в обширной коллекции знаков собственно

Рис. 1. Знаки на территории Чача эпохи «кочевой империи» Кангюй (I в. до н.э. – III в. н.э.): 1 – гагатовые поясные пряжки из некрополя Жаман Тогай, курган 21 (на основе: Максимова, Мершчиев, Вайнберг, Левина, 1968. Рис. 5); 2 – каменная плита 1997 г. с городища Мингурюк (г. Ташкент), на основе: Богомолов, 2003. Рис. 2), и основные группы знаков; 3 – аналогия композиции плиты из Мингурюка: синхронные петроглифы в Бескепе (Жамбыльская обл.) (по Яценко, 2010. Рис. 1); 4 – знаки на керамике из Актобе 2 в Чардаре (Левина, 1971. Рис. 33-40); 5 – образцы монет ранних правителей Чача III-V вв., прорисовки (<http://www.sogdcoins.narod.ru/chach/coins.html>)

Fig. 1. Signs of the Kangju period (1st century BC-3rd century AD) from Chach: 1 – jet buckles from the Zhaman Togay necropolis, mound 21 (based on Maksimova, Mershchiev, Vainberg, Levina, 1968. Fig. 5); 2 – stone plate found at the Minguriuk hillfort (Tashkent) in 1997 based on Bogomolov, 2003. Fig. 2) and main groups of signs; 3 – composition analogous to that on the plate from Minguriuk: synchronous petroglyphs in Beskepe (Jambyl Region) (after Yatsenko, 2010. Fig. 1); 4 – signs on the pottery from Aktobe 2 in Chardara Steppe (Levina, 1971. Fig. 33-40); 5 – 3rd-5th-century coins of the early rulers of Chach, drawings (<http://www.sogdcoins.narod.ru/chach/coins.html>)

монгольских и южносибирских сюнну (ср., прежде всего: Торбат, Батсух, Баярхуу, 2012. Зур. 1-13). Важно то, что среди подобных гагатовых поясных пластин, обнаруженных на территориях Азии и Восточной Европы, наша – единственная, содержащая тамги (причем не одиночную, а целую их серию).

Следующий по времени интересный памятник с серией из 9 тамг относится уже ко времени «кочевой империи» Кангюй I-III веков и был обнаружен на территории *городища Мингурюк* в 1997 году. Это слегка подрезанная природная плитка из песчаника высотой 37 см и толщиной около 5 см, сохранившаяся полностью и найденная лицевой стороной вниз (Богомоллов, 2003. Рис. 1-2) (рис. 1, (2)). На наш взгляд, основу композиции составляет стилизованная фигура человека в «позе лягушки» (IV); она заключена в рамку, которую сверху венчает солярный знак (I). Внизу под ней находится другая стилизованная фигура с воздетыми вверх руками (III). Большая фигурка сверху как бы укрыта полукруглым «навесом» из двух линий (II). По сторонам этой фигурки изображена «кайма» из 9 тамг, обычно – весьма причудливой формы. По форме знаки образуют три группы, одна из которых расположена вверху и имеет в основе «Ж»-образную фигуру (№№ 1-3), другая – внизу, с основой в виде короткой линии, от которой перпендикулярно отходит другая (№№ 7-9); в основе третьей лежит завиток вроде меандра (№№ 4-6), она разбросана на разных участках. Со знаками сюнну ни одной точной аналогии здесь также не обнаруживается. Аналогию композиции из Мингурюка нетрудно увидеть в другом скоплении тамг и антропоморфных фигур, найденном на плите из песчаника длиной более 2 м в местности Бескеле (в 4 км от пос. Кызылаут Таразского района Джамбыльской области Казахстана) (см. главу 5, рис. 5). Она также датируется временем имперского Кангюя (Яценко, 2010. Рис. 1) (рис. 1, (3)). Здесь мы тоже видим схематичную фигуру человека с расставленными ногами, заключенную в рамку, с двойным «навесом» из изогнутых линий над ним, с

the well-known collection ‘Traditional Marking Systems’, 2010).

As was the case in most ancient Central Asian countries (except Khorezm), tamgas were used in Chach since the 1st century BC after the mass migration of the Wusun and Yuezhi, forcing the Saka to move, too. One of the first remarkable monuments with tamgas is the grave of a noble warrior in *mound 21 of the Zhaman Togay necropolis* in Chardara steppe (Maksimova, Mershchiev, Vainberg, Levina, 1968. Fig. 5) (fig. 1, (1)). There both jet plates on a belt (like those distributed by various migrants in the 2nd-1st centuries BC, in several stages, from the original Xiongnu lands in the north across the extensive territory from Northern Mongolia, Buryatia and the upper stretches of the Yenisei to the lower stretches of the Volga and Don (Brosseder, 2011. Figs. 6-11; Raev, 2017. PP. 299-302. Fig. 1) have 2-3 figures of ungulates surrounded by patterns of lines with eight different tamgas amid them. Signs Ns. 1-3, and 7, 8 are similar in types. Each animal body has on it one tamga, while the other tamgas are found around them. Contrary to all expectation, there is *no* sign identical to any one from the vast collection of signs of the Mongolian and south Siberian Xiongnu (cf. primarily Torbat, Batsukh, Bayarhуu, 2012. Figs. 1-13). Importantly, these finds were the only belt jet plates with tamgas (more, a series of tamgas) discovered in Asia and Eastern Europe.

Another interesting monument, the next in time after the previous one, is a 1st-3rd-century one with a series of 9 tamgas from the ‘nomad empire’ of Kangju, which was discovered in the territory of the *Minguriuk hillfort* in 1997. This is a slightly cut natural sandstone plate 37 cm high and 5 cm thick, which was found whole and lying face down (Bogomolov, 2003. Fig. 1-2) (fig. 1, (2)). We think that the composition is based on a stylised human figure in the ‘pose of a frog’ (IV); it is enclosed in a frame crowned with a solar sign (I). Under it there is another stylised figure with the raised arms (III). The large figure on the top seems to be covered with a semi-circular ‘shed’ made of two lines (II). From the sides

размещенным рядом сложным солярным знаком. По краям рамки также размещались в виде каймы около 8-9 тамг (некоторые участки здесь повреждены). Налицо единая иконографическая схема для обоих скоплений знаков, проявляющаяся и в других деталях (см. главу 5). Отметим сложную конструкцию практически всех знаков (что скорее свидетельствует в пользу их принадлежности трем родственным группам аристократического происхождения) и наличие у большинства (6 из 9) из них одной, реже двух, отдельно расположенных точек по углам (что хорошо известно у сарматов I в. н.э., в частности – на парадной плите крепости Артезиан в Восточном Крыму, где подобный знак поставлен рядом с тамгой боспорского царя Аспурга) (Яценко, 2009. Рис. 1, I, 10).

Вероятно, прав Г.И. Богомолов, считавший, что плитка была установлена на одном из курганов каунчинской культуры, многочисленных на территории Ташкента (Богомолов, 2003. С. 90). Куда менее вероятно, что эта миниатюрное и тонкое изделие было межевым столбом (Там же. С. 91). Другие догадки публикатора (о том, что в центре плиты изображена одна из душ умершего правителя, четыре стадии жизненного цикла человека и т.п.) выглядят вполне фантастическими.

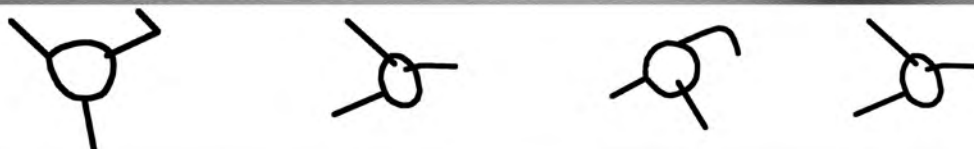
К числу ранних кангюйских коллекций знаков на керамике относится происходящая из *Актобе 2* в Чардаре, на правом берегу Сырдарьи (Левина, 1971. Рис. 33-40) (рис. 1, (4)). Большинство знаков здесь представлено на горшках (№№ 1, 4, 7, 8), иногда на хумах (№№ 3, 6) или фляге (№2). Встречаются и знаки в виде наклепов (№№ 5, 6). На горшке одной из могил местного некрополя процарапаны две метки (№№ 4, 8), образуя горизонтальную линию.

Весьма значимым собранием знаков является обширная коллекция 40 типов на керамике (рис. 2, (2)), особенно же – 117 типов на кирпичках (рис. 3, I-II) с двух раскопов столичного центра Чача - *городища Канка / Хараишкет*. В основной сводке Г.И. Богомолова по *керамике* (Богомолов, 2011. Табл. 1. Рис. 1-2)

the figure is ‘infringed’ with 9 tamgas, most of which are quite quaint in form. The signs form three groups, one of which is on the top and is based on a Ж-shaped figure (Ns. 1-3); the other is at the bottom and is based on a short line with another line diverging perpendicularly from the first one (Ns. 7-9); the third group is based on a meander-type curl (Ns. 4-6) and is scattered across various sections. Neither of them is analogous to any Xiongnu sign, either. The composition in Minguriuk is analogous to another cluster of tamgas and anthropomorphic figures found on a sandstone slab 2 m long in the Beskepe site (4 km from the village of Kyzylaut, Taraz district, Jambyl region, Kazakhstan) (see Chapter 5, fig. 5). It is also dated to the Kangju period (Yatsenko, 2010. Fig. 1) (fig. 1, (3)). There we can also see a schematic human figure with the legs set wide apart, enclosed in a frame, with a ‘shed’ of two curving lines above and a complex solar sign at the side. The frame was also infringed with 8-9 tamgas (some sections there were damaged). Obviously, both clusters were made following the same iconographic pattern, which can be observed in other elements, too (see Chapter 5). It should also be noted that almost all the signs are complex in structure (which, rather, testifies that they belonged to three kindred aristocratic groups) and most (6 of 9) have one (more rarely, two, at some distance from each other) dots in the corners (which was quite common for the Sarmatians in the 1st century AD – in particular, the similar sign found on a ceremonial slab in the Artezian fortress in Crimea is placed next to the tamga of the Bosporan king Aspurgos (Yatsenko, 2009. Fig. 1, I, 10).

Probably, G. I. Bogomolov was right to believe that the plate had been placed on one of the mounds of the Kaunchi culture scattered in large numbers across the territory of Tashkent (Bogomolov, 2003. P. 90). It is much less probable that this miniature and thin item was a landmark (Ibid. P. 91). The publisher’s other guesses (that one of the souls of a late ruler is depicted in the centre of the plate, that it was the representation of the four stages of the human life cycle) seem absolutely fantastic.

(1) ① ② ③ ④ ⑤ ⑥ ⑦ ⑧ ⑨ ⑩ ⑪ ⑫ ⑬ ⑭ ⑮ ⑯ ⑰ ⑱ ⑲ ⑳ ㉑ ㉒ ㉓ ㉔ ㉕ ㉖ ㉗ ㉘ ㉙ ㉚ ㉛ ㉜ ㉝ ㉞ ㉟ ㊱ ㊲ ㊳ ㊴ ㊵ ㊶ ㊷ ㊸ ㊹ ㊺ ㊻ ㊼ ㊽ ㊾ ㊿

(2) ① ② ③ ④ ⑤ ⑥ ⑦ ⑧ ⑨ ⑩ ⑪ ⑫ ⑬ ⑭ ⑮ ⑯ ⑰ ⑱ ⑲ ⑳ ㉑ ㉒ ㉓ ㉔ ㉕ ㉖ ㉗ ㉘ ㉙ ㉚ ㉛ ㉜ ㉝ ㉞ ㉟ ㊱ ㊲ ㊳ ㊴ ㊵ ㊶ ㊷ ㊸ ㊹ ㊺ ㊻ ㊼ ㊽ ㊾ ㊿

(3) ① ② ③ ④ ⑤ ⑥ ⑦ ⑧

(4) ① ② ③ ④ ⑤ ⑥ ⑦ ⑧ ⑨ ⑩ ⑪ ⑫ ⑬ ⑭ ⑮ ⑯

Рис. 2. Знаки на керамике из разных пунктов Чача: (1) – Шаушукумтобе (фото – А. Донец); (2) – Канка; (3) – Ушбастобе; (4) – Каунчитобе

Fig. 2. Signs on ceramics from various places in Chach: (1) – Shaushukumtobe (photos – A. Donets); (2) – Kanka; (3) – Ushbastobe; (4) – Kaunchitobe

(рис. 5), к сожалению, смешаны (без указаний на конкретный пункт) знаки с пяти разных памятников Ташкентского оазиса (Канка, Кендыктепе, Кавардан, Эгартепе и Паркент), а по каким критериям отбирались знаки для двух составляющих таблицу многокомпонентных рис. 1-2 – тоже неизвестно, так что работать с этим материалом затруднительно. Но в статье выделена и сводка по Канке, явно неполная (Там же. Табл. 3-4, ссылка в тексте на рис. 1, 42 и описание на с. 96); более полная составлена нами по сверке с текстом статьи (рис. 6). Судя по ней и текстовым описаниям конкретных раскопок, в целом на городище представлено не менее 40 типов тамг (рис. 2, (2)) в интервале около 1000 лет (со II-I вв. до н.э. до VII-VIII вв. н.э.). Для столь протяженного периода, большой раскопанной площади на разных участках, для столичного центра такое число типов на посуде выглядит весьма скромным (ср. в главе 5, рис. 1 (6): в цитадели древнего Туркестана на одном компактном участке за 6 сезонов только для периода I века до н.э. – III века н.э. на керамике обнаружено множество знаков 42 типов).

Из форм керамики резко преобладали знаки на кувшинах (18 типов; №№ 1-3, 5, 7, 11, 13, 16, 18-22, 25-27, 34, 35 – чаще у основания ручки, реже – на венчике и плечике, редко – у дна), горшках (9 типов: №№ 1, 4, 7, 8, 11, 14, 23, 24 – в верхней части тулова) и хумах (7 типов: №№ 6, 7, 12, 15, 17, 36, 37 – у горловины, редко – на венчике или плечике). Куда меньше типов тамг встречено на кружках (№№ 15, 18, 39 – под ручкой), на мисках (№№ 9, 25, 38 – тулово и бортик) и хумчах (№№ 5, 15 – горловина, венчик); единичны знаки на дастарханах (№31 – на столешнице) и чашах (№40 – у дна).

Знаки, встречаемые на разных типах посуды, предсказуемо редки. При этом знак №1 представлен на кувшине и горшке, №7 – на кувшине и хуме, №15 – на фляге и хумче, №18 – на кувшине и кружке; №25 – на кувшине и миске. На одном из горшков видим два знака в горизонтальном ряду (№№ 11, 24). Пара тамг (№№ 11 и 27) была выгравирована на

One of the earlier collections of Kangju signs on ceramics comes from *Aktobe 2* in Chardara, on the right bank of the Syrdarya River (Levina, 1971. Figs. 33-40) (fig. 1, (4)). Most of the signs were found on pots (Ns. 1, 4, 7, 8), and some on khums (Ns. 3, 6) and a flask (No. 2). Some of the signs are applied (Ns. 5, 6). Two marks (Ns. 4 and 8) forming a horizontal line were scratched on a pot from one of the graves of the local necropolis.

Another important collection of signs is a one on ceramics including 40 types (fig. 2, (2)); however, the most interesting one is that with 117 types on bricks (fig. 3, I-II) found in two excavations on the *Kanka/Kharashket hillfort*, the former capital city of Chach. In his basic review of *pottery* G. I. Bogomolov (Bogomolov, 2011. Pl. 1. Figs. 1-2) (fig. 5), unfortunately, mixes (without specifying the sites) signs from five different monuments in the Tashkent Oasis (Kanka, Kendyktepe, Kavardan, Egartepe and Parkent); nor do we know which criteria he used to select signs for multi-component figs. 1-2 forming a table, which makes it hard to work with this material. However, the article provides a review of Kanka, which is, obviously, incomplete (Ibid., Pl. 3-4, reference to fig. 1, 42 in the text and a description on page 96); we made up a more comprehensive review after collating with the article text (fig. 6). Judging from the review and textual descriptions of certain excavation trenches, at least 40 types of tamgas dated to a time span of 1,000 years (between the 2nd-1st centuries BC and the 7th-8th centuries AD) have been discovered at the site (fig. 2, (2)) As these signs on vessels were found in different parts of a huge excavation trenches in a capital city and dated to such an extensive period of time, the number of their types seems extremely small (cf. Chapter 5, fig. 1 (6): in the citadel of ancient Turkestan numerous signs of 42 types dated to the period between the 1st century BC and the 3rd century AD were found on ceramics in a small area during 6 excavation seasons).

The predominant ceramic forms with signs are jugs (18 types; Ns. 1-3, 5, 7, 11, 13, 16, 18-22, 25-27, 34, 35 – in most cases near the base

кувшине VI-VII веков из храма Б – на ручке и на противоположной стороне тулова (Богомоллов, 2011. С. 95-96)¹²⁵. Тамга №27 являлась знаком правителей Самарканда на монетах, и этот сосуд (точнее – его содержимое) явно был даром в храм правителя соседней страны. Примечательно, что в обоих этих случаях в паре присутствовал знак №11.

Автор публикации выдвигает ряд жестких (увы, как представляется – несправедливых) упреков коллегам, изучающим тамги, при этом ссылаясь только на один источник – на монографию одного из соавторов этой главы (С.А. Яценко): «Большинство исследователей лишь констатируют наличие знаков на отдельных предметах, полученных в процессе раскопок, либо заведомо отводят им роль этнических (родоплеменных или точнее клановых) индикаторов (Яценко, 2001. С. 3-26) или меток мастеров, отмечая в сторону вопросы их эволюции или иное объяснение их применения» (Богомоллов, 2011. С. 91). Такая трактовка монографии С.А. Яценко может быть объяснена только очень фрагментарным знакомством с ее текстом¹²⁶.

¹²⁵ Г.И. Богомоллов считает пары знаков на одном сосуде большой редкостью и на весь Ташкентский оазис приводит всего три таких случая (кроме упомянутого кувшина из Канки, это сосуды из могил: кружка из Янгиюля и двуручный горшок из окрестностей кишлака Дурмень). Мы можем добавить к ним четыре сосуда с северной и западной окраин Чача – Ушбастобе и Шаушукумтобе (рис. 4, 1-4) и один – из Актобе 2.

¹²⁶ Каждая часть длинной «критической» фразы вызывает недоумение. Во-первых, в этой книге вовсе не только «констатируется» размещение знаков на определенных объектах, но и дается подробный, разносторонний анализ назначения скоплений («энциклопедий») знаков, парных тамг, царских знаков, рассматриваются основные концепции их семантики; обряды, связанные с нанесением тамг, обереговые знаки на керамике и изобразительные прототипы ряда тамговых форм (Яценко, 2001. С. 25) и др. Во-вторых, как раз различным аспектам применения тамг в книге уделено много внимания (с. 22-25, 31-33). В-третьих, именно механизмам эволюции и изменчивости знаков в монографии посвящены специальные разделы (1.2, 1.5). В-четвертых, непонятно, почему клановый или семейный характер знаков иранских народов, констатируемый С.А. Яценко на основе этнографических данных, критик вдруг объявляет «заведомо этниче-

of the handle, sometimes on the rim and shoulder and rarely on the bottom), pots (9 types: Ns. 1, 4, 7, 8, 11, 14, 23, 24 – in the upper part of the body) and khums (7 types: Ns. 6, 7, 12, 15, 17, 36, 37 – near the neck and rarely on the rim or shoulder. Much fewer tamgas have been recorded on mugs (Ns. 15, 18, 39 – under the handle), basins (Ns. 9, 25, 38 – the body and edge) and khumchas (Ns. 5, 15 – the neck and rim); single signs have been recorded on dastarkhans (No. 31 – on the top) and bowls (No. 40 – near the bottom).

Signs found on various types of vessels are naturally rare. So, sign No. 1 is found on a jug and pot, No. 7 on a jug and khum, No. 15 on a flask and khumcha, No. 18 on a jug and mug and No. 25 on a jug and basin. On one of the pots there are two signs forming a horizontal row (Ns. 11, 24). A pair of tamgas (Ns. 11 and 27) was engraved on a 6th-7th-century jug from temple Б, on the handle and on the opposite side of the body (Bogomolov, 2011. PP. 95-96)¹²⁵. Tamga No. 27 was the sign of Samarkand rulers on coins, and this vessel (or, rather, its contents) was obviously a present to the temple of the neighbouring country's ruler. Interestingly, sign No. 11 was present in each of the two pairs.

The author of the publication severely (and, it seems, unjustly) reproaches his colleagues engaged in the study of tamgas and, at the same time, refers to only one source – the monograph of one of the co-authors of this chapter (S.A. Yatsenko): 'Most researchers only state the fact that signs are present on some vessels obtained in the course of excavations or deliberately assign them the role of ethnic (tribal and family or, rather, clan) indicators' (Yatsenko, 2001. PP. 3-26) or marks made by the produc-

¹²⁵ G. I. Bogomolov believes that pairs of signs on one vessel are very rare and maintains that there have been found only three vessels of this type in the entire Tashkent Oasis (apart from the abovementioned jug from Kanka, those are vessels from graves – a mug from Yangiyul and a double-handled pot from the neighbourhood of the Durmen Village). We can add four vessels from the northern and western extremities of Chach – Ushbastobe and Shaushukumtobe (fig. 4, 1-4) and one from Aktobe 2.

Г.И. Богомолов в середине 2000-х годов исследовал знаки керамики городища Канка по определенной программе, включавшей:

- выявление и фиксацию керамики со знаками в керамических выборках определённых культурных горизонтов конкретных раскопов;
- анализ техники нанесения знака на керамику;
- обобщение вариантов расположения знака на сосуде определенного типа;
- анализ частоты встречаемости знаков на посуде различных типов в пределах строительного горизонта и раскопа в целом;
- попытку анализа семантики выделенных знаков.

Интересно распределение керамики со знаками на разных раскопах Канки, детально характеризуемое Г.И. Богомоловым. Естественно, преимущество отдавалось раскопам с обильным керамическим материалом, однако и полное отсутствие посуды с тамгами на каких-либо объектах тоже весьма информативно и заставляет задуматься.

Раскоп №1 в ЮЗ углу шахристана 1 относился к территории древнейшего ядра города. Общая площадь раскопа составляла около 150 кв. м, глубина – около 20 м. В нем выявлено 11 строительно-культурных горизонтов (Буряков, Богомолов, 1990. С. 16). Однако изначально при раскопках не ставилась специальная задача вычленения керамики со знаками, поэтому не вся она попадала в выборки для хранения, куда отбирались наиболее показательные фрагменты, позволявшие реконструировать тип сосуда и т.п. Из-за фрагментарности не всегда мож-

---

ским индикатором»; напротив, в монографии (раздел 1.7 и др.) и большой серии статей С.А. Яценко приводится немало достоверных примеров заимствования конкретных типов знаков от одного народа к другому. Для жестких суждений есть, видимо, еще одна причина: из текста ясно, что, кроме монографии, Г.И. Богомолов знаком еще только с *одной* из более чем 30 других публикаций С.А. Яценко, полностью или частично посвященных анализу древних тамг. Среди прочего, в них много внимания уделяется не клановому, а семейному характеру знаков и т.п.

ers, *'brushing aside all questions concerning their evolution or other versions of their use'* (Bogomolov, 2011. P. 91). Only the person's very fragmentary acquaintance with S. A. Yatsenko's monograph can account for such interpretation of it¹²⁶.

In the mid-2000s G. I. Bogomolov studied the signs on the ceramics from the Kanka hillfort following a special programme, which included:

- discovering and recording ceramics with signs selected from certain cultural layers at certain excavations;
- analysing techniques used to put a sign on a ceramic article;
- generalising the variants of signs' position on a vessel of a certain type;
- analysing the occurrence of signs on vessels of certain types within one building horizon or an entire excavation trench;
- attempting to analyse the semantics of certain signs.

It is interesting how the pottery with signs spread across various Kanka excavations, to

---

¹²⁶ Each section of this 'critical' phrase causes puzzlement. Firstly, that work does not only 'state' the fact of finding signs on certain objects, but gives a detailed and comprehensive analysis of the purposes of the accumulations ('encyclopaedias') of signs, paired tamgas and royal marks and studies the main concepts of their semantics, rituals associated with the putting of the tamgas, protective signs on ceramics, the graphic prototypes of a number of tamga forms (Yatsenko, 2001. P. 25) and other things. Secondly, there is much focus on various aspects of tamga use (PP. 22-25, 31-33). Thirdly, special sections in the monograph are devoted to the evolution and development of signs (1.2, 1.5). Fourthly, it is not quite clear why the critic decides to regard the *clan and family character* of Iranian signs, which S. A. Yatsenko proves based on ethnographic data, as a 'deliberately ethnic indicator'; it is quite the contrary: in the monograph (Section 1.7 and others) and the long series of his articles S. A. Yatsenko provides quite a few reliable examples when peoples adopted definite sign types from each other. Apparently, there is another reason to make such stern statements: it is clear from G. I. Bogomolov's text that, apart from the monograph, he is familiar with *only one* of more than 30 of Yatsenko's publications completely or partially dedicated to analysing ancient tamgas. Apart from other subjects, they are largely focused on the family character of signs.

но было уверенно определить тип изделия, в связи с этим подсчёт того, какие именно формы маркировались, обычно не производился (тем более что в стратиграфическом раскопе были представлены лишь материалы из остатков хозяйственных комплексов, подсчет отразил бы только накопление маркированной керамики в отдельных участках культурных отложений). Керамика со знаками изучалась при повторном анализе выборок (к этому времени такие выборки сохранились частично, с большими потерями для верхних горизонтов). Подход к сбору материала, описанный выше, дал соответствующие скудные результаты для *нижних горизонтов* (Г-10 и 11), датируемых IV-III веками до н.э. – всего 22 фрагмента посуды, знаки на которых *отсутствовали* (при том, что здесь выявлены три землянки бытового и хозяйственного назначения).

Следующий строительный горизонт Г-9, датируемый II-I веками до н.э., дал остатки долго существовавшего двора с большим количеством керамики (где выше доля лепной посуды). Здесь обнаружены два самых древних фрагмента небольших сосудов со знаками. Во-первых, это боковина лепного сосуда с прорезанным до обжига крупным знаком (неправильный круг с крестом внутри) (рис. 2, (2), 28). Во-вторых, это верх гончарного кувшина с пояском из крупных овальных фигур. Знак нанесён отдельными резаными штрихами на внутреннюю поверхность венчика. Он сохранился не полностью, но, видимо, был II-образной фигурой, которая охватывала крест с короткой вертикальной чертой (рис. 2, (2), 33).

Очень мала доля находок знаков и в более верхних слоях. Возможно, это как-то связано с ростом доли гончарной керамики. Больше обычного маркированной посуды встречено в горизонтах Г-6-4, датируемых IV-V или V-VI веками. Большинство меток здесь ставилось на кувшинах и кружках (до обжига, по сырой глине). Трудно сказать, относится ли к тамгам 5-образная фигура в верхней части ручек. Очень редки знаки на хумах, дастарханах и мустахара.

which G. I. Bogomolov gave a detailed characteristic. Certainly, the focus was on excavations trenches with abundant ceramic material; however, the absence of vessels with tamgas in certain objects is also quite informative, and there is quite a lot to think about.

Excavation trench No. 1 in the south-western corner of shakhristan 1 is situated in the city's oldest core. The total area of the excavation trench is around 150 m². There were 11 cultural layers excavated (Buryakov, Bogomolov, 1990. P. 16). However, the initial task of the excavation was not specifically to identify vessels with signs, so not all ceramic items were preserved, but only the most illustrative fragments that could be, for instance, used to reconstruct the type of the vessel. The fragments did not always allow for reliable identification of an article type, so the forms of vessels with signs were not inventoried (the more so because the stratigraphic excavation contained only items from remains of household complexes, and their listing could only specify the amounts of marked ceramics in certain parts of cultural layers). The above described approach to collecting material yielded poor results for the *lowest horizons* (10 and 11) dated to the 4th-3rd centuries BC, with a total of 22 fragments of *unmarked* pottery found in three dugouts used for household and auxiliary purposes.

The next building horizon (9) dated to the 2nd-1st centuries BC contained remains of a long-used court with much ceramics (most of which is handmade). The two most ancient fragments of small vessels with signs were found in the excavation. The first is the side of vessel made without a potter's wheel with a large sign made prior to baking (an irregular circle with a cross inside) (fig. 2, (2), 28). The other one is a wheel-made jug with a belt of large oval figures. The sign consists of separate lines cut on the internal surface of the rim. The sign is not extant in whole, but, apparently, it was a II-shaped figure encompassing a cross with a short vertical line (fig. 2, (2), 33).

Items with signs are also very few in the uppermost layers. It may well be connected with

Самые поздние из доарабских слоев на раскопе №1 (VI-VII и VII-VIII вв.) представлены небольшими участками, а тамги в них отсутствуют.

Раскоп №10 – крупный раскоп из двух участков площадью 400 и 800 кв. м был разбит в центре восточной части шахристана 1. На нижнем его участке обнаружены остатки *большого городского храма V-VI веков*, погибшего в результате сильного землетрясения во второй половине VI века. В культовом зале храма на суфах выставлялись керамические сосуды с жертвоприношениями (на момент раскопок все они были раздавлены и расцезаны по полу). В этом культовом месте – в центре храма – *процент фрагментов со знаками очень высок (около трети)*. В основном *метились кружки, кувшины и горшковидные сосуды*, тулово которых было обильно украшено геометрическим орнаментом. Знак в отдельных случаях ставился ниже линии орнамента и *иногда вплетался в орнаментальную полосу*.

Верхний участок (800 кв. м) позволил проследить последовательность застройки этого участка городской территории. Ниже поздних слоев были обнаружены остатки крупного здания VII-VIII веков с паховыми стенами. Керамика со знаками здесь отсутствует. Исключение составляет находка вне здания, у гребня крепостной стены, фрагментов хума, изготовленного на вращающейся подставке. Ниже его горловины до обжига палочкой прочерчен крупный знак в виде неправильного круга и завитка – ножки (рис. 2, (2), 30). Еще ниже были обнаружены остатки второго храма (храм Б), состоявшего из двух крупных помещений, коридора и двора. Он вскоре погиб от пожара на рубеже VI-VII веков. Восточное помещение предназначалось для молений, в другом горел на низком подиуме священный огонь, и вокруг него совершались жертвоприношения. Вокруг очага было найдено много керамических фрагментов и целых сосудов (в основном гончарных), и примерно на 1/4 образцов нанесены знаки. Чаще всего они ставились на кружках – на половине образцов

the growth of the portion of ceramics made on a wheel. Horizons 6 to 4 dated to the 4th-5th or 5th-6th centuries contain the largest numbers of marked vessels. Most of the marks there occur on jugs and mugs (they were made on raw clay, prior to baking). It is hard to say whether or not the 5-component figure in the upper part of the handles is a tamga. Marks on khums, dastarkhans and mustakhara are extremely few.

The latest of the pre-Arab layers in excavation trench No. 1 (6th-7th and 7th-8th centuries) occupy small areas and contain no tamgas.

Excavation trench No. 10, a large excavation trench of two sections, 400 m² and 800 m², was made in the centre of the eastern part of shakhristan 1. Its lower section contained remains of a *large 5th-6th-century city temple* destroyed by a strong earthquake in the second half of the 6th century. Ceramic vessels with offerings had used to be put on sufas in the temple's cultic room (they were found crushed and their shards scattered around the floor). This cultic place in the centre of the temple *contains a very high portion of vessels with signs (about one third)*. *Most of them are mugs, jugs and pot-like vessels* with the body abundantly decorated with geometric ornamental patterns. In some cases the sign was put under the ornamental belt, while *in others was found amid the ornamentation*.

The material from the upper section (800 m²) allowed researchers to restore the sequence of buildings constructed in this territory. Remains of a large 7th-8th century building with pakhsa (rammed earth) walls were found below the latest layers. It contained no ceramics with signs. The only exception is a fragmented khum made on a turning base and found near the ridge of the fortress wall, outside the building. Below the neck it has a sign in the form of an irregular circle and a curl (foot) scratched with a stick prior to baking (fig. 2, (2), 30). Remains of another temple (temple B) consisting of two large rooms, a corridor and a court, were found still further down. The building was soon destroyed by a fire in the late 6th-early 7th century. The eastern room was for praying, while the other one had a po-

(наиболее распространены здесь у основания ручки крест (рис. 4, (2), 5) или стилизованная стрела (?) (рис. 2, (2), 39). На кувшинах знаки хотя и найдены в меньшем количестве, но их типы разнообразнее, и ставились они в разных местах тулова. На горшках видим совсем другие знаки: круг, круг с усиками и петля (рис. 2, (2), 1-3). Есть знак на бортике одной из мисок-цедилок (π -образный знак, известный и на жженных кирпичах нижнего храма) (рис. 2, (2), 38). Знаки на крупных сосудах очень редки. Среди них интересна тамга из трёх вытянутых в ряд прямоугольников (рис. 2, (2), 36) у горловины хума.

Раскоп №7А включал гребень крепостной стены и юго-восточные ворота шахристана III с многочисленными материалами V-VIII веков. В слоях комплекса V-VI веков встречаются фрагменты со знаками. Так, на столешнице дастархана (керамического столика) прочерчен крупный знак, сохранившийся не полностью, но реконструируемый как криквестр (трехлучевая свастика) с изломом ножки в средней части (рис. 2, (2), 31). На горловине хума представлена S-образная фигура. На фрагментах кувшинов, горшков и кружек – знаки в виде круга, круга с усиками, треугольника (рис. 2, (2), 34) и какой-то сложной фигуры. В обильных материалах VII-VIII веков с этого участка знаки неизвестны.

Раскоп №12. Он находится восточнее предыдущих. Здесь располагались оборонительные стены шахристана III и прилегающая к нему жилая застройка. В этой части была выявлена сложная картина обживания.

Керамики со знаками здесь мало; в основном они происходят из домовладения VI-VII веков, примыкавшего к крепостной стене и из жилой башни V-VI веков. Это несколько тамг «в виде тупого угла, пересечённого прямой линией» (?). На тулове фрагментированного кувшина V века из башни рядом с основанием его ручки острой веточкой прочерчен уникальный знак в форме полудуги, поставленной вертикально. Внутри дуги в её средней части процарапан тупой угол вершиной в сторону от дуги (рис. 2, (2), 19).

dium with a sacred fire, around which offerings were put. Numerous fragmented and whole ceramic vessels (most of which were produced on a wheel) were found around the fire, with about $\frac{1}{4}$ of them with signs. Most of the signs were made on mugs (half of the marked items); the commonest sign types and vessel areas are the cross (fig. 4, (2), 5) or stylised arrow (?) (fig. 2, (2), 39) at the base of the handle. Although less numerous, the signs on jugs are more diverse in terms of typology and position on the body. Signs on pots are absolutely different and comprise a circle, a circle with tendrils and a loop (fig. 2, (2), 1-3). There is a sign on the border of one of the strainer basins (a π -shaped sign also found on the baked bricks of the lower temple) (fig. 2, (2), 38). Very few large vessels have signs on them. The most interesting of the signs is a tamga consisting of three horizontally positioned rectangles forming a row (fig. 2, (2), 36) at the neck of a khum.

Excavation trench No. 7A included the ridge of the fortress wall and south-eastern gates of shakhristan III with abundant material dated to the 5th-8th centuries. The 5th-6th-century layers contain some fragments with signs. There is a large sign scratched on the top of a dastarkhan (small ceramic table). The sign is fragmented but can be reconstructed as a triquetra (three-point swastika) with the leg broken in the middle (fig. 2, (2), 31). An S-shaped figure was found on the neck of a khum. Fragments of jugs, pots and mugs have on them signs in the form of a circle, a circle with tendrils, a triangle (fig. 2, (2), 34) and some complex figure. No signs were recorded amid the abundant 7th-8th-century material found in this section.

Excavation trench No. 12. It is situated to the east of the previous ones. This was the location of the defensive walls of shakhristan III and an adjacent residential area. The construction history of this section is quite complex and intricate.

This section contains little ceramics with signs; most of it was found in a 6th-7th-century house adjoining the fortress wall and in a 5th-6th-century residential tower. They comprise

Раскоп №11 разбит вдоль широкой улицы, тянувшейся от юго-восточных ворот шахристана III к базарной площади, напротив северо-восточного угла караван-сарая (его торцы использовались под лавки торговцев). Здесь сложная картина напластований. Обнаружены обширные комплексы с IV-V по VII-VIII века. Выявлено много производственного керамического брака, около 30% керамики – лепная. Процент маркированной посуды здесь довольно высокий, около 20%. На керамике есть и оттиски печатей¹²⁷. Большая часть ранней посуды IV-V веков происходит из перемещённых слоёв – подсыпок, разрушенных стен (для которых использовали более ранние постройки) и т.п. В пределах раскопа много разнотипной керамики VI-VIII веков (более 50 хумов и др.). Большая часть хумов изготовлена на гончарном круге медленного вращения; тамгу изредка наносили на их венчик или плечики; это S-образная фигура (рис. 2 (2), 7). Под горловиной одного из хумов был глубоко прочерчен вертикально крупный знак (к скобообразной фигуре с внутренней стороны приделаны две коротких горизонтальных черты) (рис 2, (2), 28). На венчике хумчи представлен небольшой, с короткими веточками, равносторонний крест (рис. 5, (2), 1).

На лепном кувшине с массивной ленточной ручкой, у ее основания, прочерчен S-образный знак. На гончарном кувшине у основания ручки видим знак в форме песочных часов (рис. 2, (2), 35). На одном из небольших лепных горшков в верхней части тулова процарапан знак в форме «переломанной стрелы» (рис. 2, (2), 23). На фрагменте кувшинчика с шаровидным туловом у дна нанесен знак в виде двух параллельных линий (рис. 2, (2), 25); на другом миниатюрном кувшинчике видим тамгу (рис. 2, (2), 22). На небольшие кувшинчики и кружки, у которых сверху ручки делался налест-выступ в виде

a few tamgas ‘in the form of an obtuse angle crossed by a straight line’ (?). A unique sign in the form of a vertical semi-arc was scratched with a sharp twig on the body (near the handle) of a 5th-century fragmented jug found in the tower. An obtuse angle was scratched inside the arc, in its middle portion, in such a way that the angle is pointed away from the arc (fig. 2, (2), 19).

Excavation trench No. 11 runs along a broad street stretching between the south-eastern gates of shakhristan III and the market place opposite the north-eastern corner of a caravanserai (traders organised stalls at its lateral sides). The structure of layers there is quite intricate. The area contains extensive complexes dated between the 4th-5th and 7th-8th centuries. A large number of defected ceramics were found. Around 30% of the items were handmade. The portion of marked vessels is quite high – about 20%. Some items have on them stamped marks¹²⁷. Most of the earlier vessels (4th-5th centuries) come from transferred layers – added earth, ruined walls (for the construction of which earlier structures were used) and so on. The 6th-8th-century ceramics found within the excavation is quite diverse typologically (over 50 khums and so on). Most of the khums were made on a slowly turning potter’s wheel; in few cases an S-shaped tamga was found on their rims or shoulders (fig. 2 (2), 7). An elongated vertical sign (two short horizontal lines were attached to the inner part of a bracket-like figure) was found scratched in deep lines under the neck of one of the khums (fig. 2, (2), 28). The rim of a khumcha had on it a short equilateral cross with short projections (fig. 5, (2), 1).

An S-shaped sign was scratched at the base of the large ribbon-like handle of a jug made without a potter’s wheel. A sign in the form of an hourglass was recorded at the base of the handle of a jug made on a wheel (fig. 2, (2), 35). A ‘broken arrow’ sign was scratched in the up-

¹²⁷ На одном из хумов на венчике есть отпечаток геммы овальной формы с изображением козла. В другом случае на венчике хумчи видим оттиск крупной печати с изображением алтаря и горящего пламени.

¹²⁷ There is an imprint of an oval cameo with an image of a goat on the rim of one of the khums. In another case, a large stamp depicting an altar and flames was found on the rim of a khumcha.

S-образной фигуры или спирально закрученных «рогов барана», под ее основанием наносились тамги (рис. 2, (2), 11 или 26). На круговой кружечке VI века под ручкой прорезан знак (рис. 2, (2), 18). Среди обильных на раскопе лепных закопченных кухонных горшков и котлов знаки крайне редки. На горшочке ниже горловины прочерчена распространенная в Чаче метка (рис. 2, (2), 27). В поздних слоях раскопа №11 есть серия небольших чаш усеченно-конической формы с оттиском многолепестковой розетки на дне. На одной из них, датируемой VII-VIII веками, встречен знак (рис. 2, (2), 40).

Раскоп №7 включал большое двухэтажное здание таможи (?) VI-VIII веков. Знаки здесь отсутствовали. Крупный **раскоп №14** в юго-западном углу шахристана III скрывал отдельно стоявший двухэтажный замок VI-VIII веков. При обилии хозяйственной посуды (хумы, тагоры, дастарханы) на них нет тамг. **Раскоп №13** разбит в южной части рабада. Основная задача – изучение стратиграфии обживания этой части рабада. Здесь обнаружено сооружение VII-VIII веков, состоящее из двух резервуаров, пол которых был выложен мелкой галькой, а стены укреплены обломками стенок крупных керамических сосудов. Здесь есть серия хумов с разнообразным декором, но метки тоже отсутствуют. Примеры трех последних раскопов показывают, что комплексы некоторых общественных зданий (таможня, резервуары для воды), а также отдельный замок, в отличие от жилой застройки, храмов и участков вдоль крепостных стен, не содержали посуды со знаками.

80 выделенных типов тамг на керамике Ташкентского оазиса Б.И. Богомолов объединил в 17 групп, включающих базовую форму, затем усложнявшуюся: I) прямая кроткая линия; II) завиток; III) крест; IV) треугольник; V) квадрат; VI) круг; VII) трезубец; VIII) вытянутый вертикально пятиугольник; IX) S-образная фигура; X) π-образная фигура; XI) полукруг; XII) стилизованный наконечник стрелы; XIII) лирообразный знак; XIV) фигура, нижний ярус которой образует

per part of the body of a small pot made without a potter's wheel (fig. 2, (2), 23). A fragment of a small jug with a spherical body has on its bottom a sign consisting of two parallel lines (fig. 2, (2), 25); a tamga can be observed on a miniature jug (fig. 2, (2), 22). Some tamgas were recorded on small mugs and jugs, under the base of the handle to the top of which a projection in the form of an S-shaped figure or spiral 'ram horns' was applied (fig. 2, (2), 11 or 26). A small circular 6th-century mug had a sign cut under the handle (fig. 2, (2), 18). Signs are very rare on sooty kitchen pots and cauldrons made without a potter's wheel and found in large numbers in the excavation trench. A mark common for Chach was found scratched on a small pot below the neck (fig. 2, (2), 27). The later layers of excavation No. 11 contained a series of small bowls in the form of a truncated cone with a stamped many-petal rosette on the bottom. One of the bowls dated to the 7th-8th centuries has a sign (fig. 2, (2), 40).

Excavation trench No. 7 included a large two-storey customs (?) building of the 6th-8th century. No signs were found there. Large **excavation trench No. 14** in the south-western corner of shakhristan III was hiding a separate two-storied castle dated to the 6th-8th century. No tamgas were found on numerous household utensils (khums, tagors, dastarkhans and others). **Excavation trench No. 13** was made in the southern portion of the rabad. Its main purpose was to study the stratigraphy of the development in this part of the rabad. The excavation trench revealed a 7th-8th-century structure consisting of two reservoirs, the floors of which were paved with small pebbles and the walls reinforced with fragments of the walls of large ceramic vessels. There is also a series of khums with varying decoration but without any signs. The last three excavation trenches show that, unlike the residential area, temples and territories along the fortress walls, some public complexes, such as the customs building and water reservoirs, and the separate castle had no vessels with signs in them.

G. I. Bogomolov divided the 80 tamga types recorded on the ceramics of the Tashkent Oa-

угол вершиной вверх, а верхний – дуга, над которой изображена отдельная вертикальная полоска; XV) скопление точек-наколов; XVI) розетка; XVII) буква «Н» (Богомоллов, 2011. С. 99-102). Но из них сравнительно распространёнными признаются лишь варианты 3, 4, 6, 9 и 11 (то есть 5 из 17), остальные редки или даже представлены одной находкой. Заметим, что знаки типа XVII на днищах чаш наносились на поверхность гончарного круга и были в этой ситуации (как и крест) несомненным амулетом «от производителя» (такие обереги на гончарном круге были распространены во многих районах мира). С учетом всей территории Чача заметно, что в эту схему уже не укладываются многие знаки, рассмотренные нами (см. рис. 2, (1), 9-10, 13-14, 22; (2), 16, 22; (3), 8; (4), 8, 11). Такое сведение всех сложных форм к немногим простым вариантам необходимо будет в дальнейшем дополнить наблюдениями *по эволюции форм* на основе этих знаков.

Большинство меток, по наблюдениям Г.И. Богомоллова, наносилось на сосуд ещё до обжига. Орудием обычно была заостренная палочка или камышинка, возможно, изредка – нож; крайне редко (на крупных сосудах) это делали кончиком пальца (в двух случаях – это верхние части хумов, еще в двух – оборотные стороны столешниц дастархана). Интересно, что *рисунок знака обычно наносился в несколько приемов*. Как правило, вначале гравировалась центральная фигура (круг, квадрат, треугольник и др.), затем от нее отводились отдельные черточки и завитки. Даже такая деталь, как завиток, иногда наносилась в два-три приёма. Кроме кружков, нет ни одного знака, выписанного единой непрерывной линией. При этом, за редкими исключениями, метки гравировались очень небрежно. Следовательно, знак не изобретал мастер, а заказывал потребитель, и даже при весьма небрежном исполнении он был легко узнаваем.

Изредка знаки были *объёмными*. Таковых имелось два типа. Во-первых, они наносились на поверхность сосуда в виде невысокого валика и обычно располагались в верхней

часть into 17 groups, each comprising the original form and the ones derived from it. The original forms included: I) a straight short line; II) a curl; III) a cross; IV) a triangle; V) a square; VI) a circle; VII) a trident; VIII) an elongated vertical pentagon; IX) an S-shaped figure; X) a π -shaped figure; XI) a semi-circle; XII) a stylised arrowhead; XIII) a lyre-shaped sign; XIV) a figure, the lower tier of which forms an angle pointed upwards and the lower – an arc with a separate vertical line above it; XV) a cluster of pricked dots; XVI) a rosette; XVII) the letter H (Bogomolov, 2011. PP. 99-102). However, more or less common forms are Ns. 3, 4, 6, 9 and 11 (that is, 5 of 17), while the others are rare and even single. Type 17 found on the bottoms of bowls was made on the surface of a potter's wheel and was, certainly, in this situation (like the cross) an amulet 'from the manufacturer' (such protective signs on the potter's wheel were common in many parts of the world). If we consider the entire territory of Chach, it is clear that many of the signs we have studied fall out of this scheme (see fig. 2, (1), 9-10, 13-14, 22; (2), 16, 22; (3), 8; (4), 8, 11). This pattern, when all complex forms are brought to a few simple ones, requires more investigation into the *evolution of forms* on the basis of these signs.

According to G. I. Bogomolov, most marks were put on a vessel prior to baking. The tool was usually a sharpened stick, cane stem or, rarely, knife; in very few cases (on large vessels) signs were made with the help of a fingertip (two of such marks were made in the upper portion of a khum, and the other two – on the bottom side of the top of a dastarkhan). Interestingly, the *image of the sign was made in several stages*. Usually, the central figure (a circle, square, triangle and others) was engraved first, then individual lines and curls were added. Even a small element such as a curl could be made in several stages. Apart from circles, there were no other signs made in one uninterrupted line. Moreover, with very few exceptions, marks were made in a very careless way. Therefore, the sign was not the manufacturer's invention, but was ordered

части тулова. Во-вторых, это знаки, оттиснутые в форме или объёмным штампом. В первом случае это в основном оттиски (в виде розетки, креста и т.д.) на дне сосуда (вероятно, они были на поверхности самого гончарного круга и служили своеобразным оберегом), во втором штамп наносился на венчик крупных сосудов или верхней части тулова более мелких. При этом «мода» на их употребление меняется. Налепные валики встречаются на сосудах ранних групп (I-IV вв. н.э.), а знаки-оттиски типичны для сосудов VI-VIII веков.

Очень малочисленны (всего 2 экз.) граффити, процарапанные на поверхности сосуда *после обжига* (видимо, уже в процессе использования). В материалах Канки они встречаются в определенном хронологическом диапазоне (V-VII вв.). Два знака очень фрагментированы (один из них реконструируется в форме (рис. 2, (2), 18).

Вполне очевидно преобладание на керамике Ташкентского оазиса простых линейных (одноярусных) знаков; двухъярусных образцов мало. Обычно знаки представляют собой простейшие, элементарные геометрические фигуры (треугольник, квадрат ромб, круг) или геометрические элементы – линии (полоски, дуги, углы, завитки) и точки; они могут быть как основными элементами, так и играть вспомогательную роль. Г.И. Богомолов, исходя из своей трактовки всех знаков как магических, считает, что преобладание простых знаков давало возможность каждому легко, быстро и безошибочно распознавать нужный символ. Соответственно, предполагается, что основным требованием к знаку была его информативная наглядность, затем индивидуальность (распознаваемость) и уже затем быстрота и легкость нанесения. Введение слишком сложных конструкций с большим количеством элементов создавало бы сложности для его вычерчивания (копирования) и могло вести к искажению знака, а значит, и его религиозно-магического значения. Если же мы (как авторы данной главы) видим в данной группе знаков не мистические символы, а прежде всего реальные се-

by the customer. Even made so carelessly, it remained highly recognisable.

Few of the signs were made *in relief*. Those were of two types. The first was in the form of a semi-cylinder generally applied to the surface of a vessel, to the upper part of the body. The second type comprised signs made in a mould or with the help of a deep stamp. The handmade ones include primarily imprints (rosettes, crosses ad so no) on the bottom of a vessel (probably, they were made on the surface of the potter's wheel and were a kind of amulet), while the stamps were found on the rims on large vessels or the upper part of the body on smaller ones. The use of this or that type of bas-relief signs depended on the period: applied semi-cylinders are found on earlier vessels (1st-4th centuries), while the stamped signs are typical of 6th-8th-century ones.

There are only 2 specimens of graffiti scratched on the surface of a vessel *after baking* (apparently, when it was already in use). In Kanka they were found in a specific period (5th-7th centuries). The two signs are heavily fragmented (one of them can be reconstructed in a mould) (fig. 2, (2), 18).

Simple linear (one-tier) signs predominate on the ceramics of the Tashkent Oasis; there are few specimens with two tiers. Most of the signs are simple, elementary geometric figures (a triangle, square, rhombus or circle) or geometric elements – lines (stripes, arcs, angles and curls) and dots; they can be either basic or auxiliary elements. G. I. Bogomolov, who interpreted all signs as magic symbols, considers that the prevalence of simple signs allowed anyone to immediately and unmistakably identify the symbol they needed. Therefore, the principle requirement a sign was to meet was visual informativeness, then came individuality (identifiability) and only after them – swiftness and easiness of making. Too complex structures with many elements would make signs hard to draw (copy), which might lead to the distortion of the sign's form and, therefore, its religious and magical meaning. However, the authors of this chapter regard these signs not as mys-

мейные или клановые знаки собственности и сопричастности, то, судя по огромному этнографическому материалу разных частей Евразии, люди конкретной местности легко запоминали (в пределах своих нужд) все знаки своего и окрестных населенных пунктов, включая очень сложные. Подобным образом европейские рыцари средневековья без труда держали в памяти весь обширный перечень гербов людей своего сословия не только в своей местности или королевстве, но и в соседних странах (хотя эти гербы часто были очень сложны, многоцветны и т.п.).

Весьма качественно характеризуется Е.И. Богомоловым сводка *по кирпичам* в Канке, являющаяся обобщением материалов двух важных раскопов 1 и 10 (рис. 3). Она важна в методическом отношении и будет полезна для всех исследователей тамг Центральной Азии. При этом он не привлекает аналогичную методику, всесторонне разработанную до него Антоном Николаевичем Германом¹²⁸ на материалах Хорезма. Вероятно, это связано с тем, что предшественник давал изучаемым фактам сугубо практические, бытовые, а не магические объяснения. Из первоначальных таблиц нами были удалены разные версии (почерки) написания одного и того же знака (что изрядно сократило их количество: 117 вместо 178¹²⁹; ср.: Богомолов, 2006. Рис. 2-4). К сожалению, описание объектов дано не всегда внятное, с путаницей. Судя по описанию конкретных форм, были перепутаны таблицы с раскопа 1 (Богомолов, 2006. С. 122-123. Рис. 2) и раскопа 10 (там же. С. 124. Рис. 3-4)¹³⁰. Все подобные метки

tic symbols, but as real family and clan signs of ownership and involvement, and, based on the enormous ethnographic material from all over Eurasia, believe that people from a specific area could easily (to the required extent) remember all signs, including highly complex ones, from their and neighbouring settlements. In the same way European knights used to keep in memory the entire broad range of emblems used by the people of their class not only within their district or country, but also in neighbouring states (although coat of arms were often very complex and multi-coloured).

G. I. Bogomolov gives a high-quality review of *bricks* in Kanka, where he generalises material from two important excavations, 1 and 10 (fig. 3). It is important from the methodological aspect and would be useful for anyone researching into Central Asian tamgas. At the same time, he does not use an identical method earlier developed comprehensively by Anton Nikolayevich Gertman¹²⁸ for material from Khorezm. Probably, this is because Bogomolov's predecessor viewed the facts he was working on from the purely practical aspect, not the magic one. From initial tables we deleted different versions (styles) of one and the same sign (after which their number dropped from 178 to 117¹²⁹; cf. Bogomolov, 2006. Fig. 2-4). Unfortunately, some objects were described unclearly and confusedly. Judging by the descriptions, tables from excavation trench 1 (Bogomolov, 2006. PP. 122-123. Fig. 2) and excavation trench 10 (ibid. P. 124. Figs. 3-4)¹³⁰ were mixed up. All

¹²⁸ Речь идет об анализе почерков при написании одного знака; о математическом обосновании использования при ремонте старых кирпичей, между размером кирпича и типом знака (Гертман, 1991. С. 282-284); о специальном анализе «знаков основных поставщиков» на крупные объекты (Гертман, 1998. С. 142-247) и др.

¹²⁹ К 113 одиночным знакам на двух раскопов нужно добавить четыре оригинальные формы с тех кирпичей, где помещалось по два знака (см. рис. 2, I, 37, 38; II, №№ 80, 82).

¹³⁰ Так, первый ряд кладки в раскопе 1, по ГИ. Богомолову, содержит, согласно его описанию форм, типы знаков, отсутствующие на этом раскопе (Богомолов,

¹²⁸ The method refers to analysing a technique used for one and the same sign; to proving mathematically the use of old bricks for repair based on the brick size and sign type (Gertman, 1991. PP. 282-284); to a special analysis of the 'signs of main providers' servicing major objects (Gertman, 1998. PP. 142-247) and other.

¹²⁹ Four original forms from bricks with two signs each can be added to the 113 single signs from the two excavations (see fig. 2, I, 37, 38; II, Ns. 80, 82).

¹³⁰ According to G. I. Bogomolov's description of the forms, the first row of the brickwork in excavation 1 included sign types absent in this excavation (Bogomolov, 2006. Fig. 3), but present in his tables for excavation 10 (Ibid. Figs. 3-4) (see fig. II herein, row one – Ns. 1, 12,

наносились палочкой или пальцем до просушки кирпичей.

На раскопе 10 в центре шахристана 1 кирпичи для анализа брались из Нижнего храма V-VI веков – его культового зала (помещение 1), а также из западного и восточного концов обводного коридора (помещение 3) (рис. 2, I). В коридоре в кладке стен 55 образцов из 130 имели знаки, а в своде – 160 из 180, то есть подавляющее большинство. На этом участке единственный раз в Чаче в кладке применялся *жженный кирпич*. В юго-западном углу (помещения 1?) знаки имели около 1/3 кирпичей. На этом объекте доля совпадающих форм со следующим составляет около 1/5 (8 знаков из 39) (рис. 2, I, №№ 2, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 20).

На раскопе 1 в ЮЗ углу шахристана 1 выборка кирпичей относилась к помещениям IV-V веков и находящегося над ними внутреннего фаса крепостной стены (рис. 2, II). Это территория древнейшего ядра города. Знаки здесь обнаружены на 74% кирпичей. Каждый из рядов крепостной стены (?) имел свой состав знаков, кирпичи клались этими изображениями вниз.

Выше речь шла о строительстве общественных объектов. Напротив, в семейном замке VI-VII веков (раскоп №14) почти все немногочисленные типы знаков из трех помещений были рядами продольных прямых или волнистых линий (две семьи работников?). В последнем случае речь, видимо, шла о мобилизации на строительство представителей от нескольких семей соседей и родственников (как это происходило и в недавнее время)¹³¹.

2006. Рис. 3), но присутствующие в его таблицах по раскопу 10 (Там же. Рис. 3-4) (см. наш рис. II, первый ряд – №№ 1, 12, 14, 15, 19, 41-43, 52, 53; ряд ниже – №№ 1, 19, 38, 39, 82). Напротив, в описании знаков раскопа 10 фигурируют отрезки прямых, дугообразные линии, полумесяц, S-образные фигуры, круг с ножкой (иногда с дополнительными усиками, V-образные, псевдоэпиграфические), то есть те, что размещены у автора на рис. 2 для описания раскопа 1.

¹³¹ Число представителей от соседской квартальной общины по обычаю взаимопомощи в строительстве жилой усадьбы могло быть и выше. Так, на стройке

Рис. 3. Знаки на кирпичах с городища Канка: I – раскоп 10; II – раскоп 1 (на основе: Богомолов, 2006. Рис. 2-4)

Fig. 3. Signs on bricks from the Kanka hillfort: I – excavation trench 10; II – excavation trench 1 (based on Bogomolov, 2006. Fig. 2-4)

such marks were made with a stick or fingertip before the bricks were dried.

In excavation 10 in the centre of shakhristan 1 bricks for analysis were taken from the 5th-6th-century Lower Temple, from the cultic hall (room 1) and from the western and eastern ends of the bypass corridor (room 3) (fig. 2, I). In the corridor, 55 of the 130 bricks in the wall had signs, while in the brickwork of the vault 160 of 180, that is, the overwhelming majority, were marked. The brickwork in this section is the only one in entire Chach that contains *baked*

41, 15, 19, 41-43, 52, 53; the row just below – Ns. 1, 19, 38, 39, 82). At the same time, describing the signs from excavation trench 10 the author mentions segments of straight lines, arcs, a crescent, S-shaped figures, a circle with a foot (sometimes with additional tendrils, V-shaped, pseudo-epigraphic), that is, elements provided in fig. 2 for excavation trench 1.

Показательно наличие среди кирпичей Канки 17 типов, в т.ч. сложной формы, имеющих точные аналогии на керамике из того же пункта (рис. 3, I, №№ 1-3, 16, 24, 30; II, №№ 4, 8, 22, 23, 35, 39, 60-62, 64, 66). Этот факт ставит под сомнение популярные идеи о знаках на кирпичах как о способе подсчета количества изделий, клейме мастерских или знаках соседских (не родственных) коллективов на строительстве (см. различные версии: Яценко, 2001. С. 23-24). Не менее интересно, что в кладке оборонительной стены есть два сложных знака (рис. 2, II, №№ 56, 58), которые являются *тамгами правителей на монетах Согда с V века н.э.* (соответственно Самарканда и Бухары; см. нашу главу 5). Видимо, на участках особо важного строительства могли ставиться знаки государей (в т.ч. более южных областей, если они в это время имели влияние в Чаче), как это ранее предполагал С.П. Толстов.

Материалы раскопа №13 на рабаде Канки в сопоставлении с другими комплексами особенно наглядно демонстрируют, по Г.И. Богомлову, тот факт, что использование рядовыми горожанами знаков на керамике достигает пика в IV-VI веках, после чего в VII-VIII веках резко идет на спад. Это объясняется, на наш взгляд, специфическим сочетанием политических и экономических условий (в период распада Кангюйской державы, в «удельное» время, значение мечения отдельных личных вещей возрастает, а в период господства ранних тюрок употребление знаков-нишан местного иранского населения уменьшается). Однако эта закономерность касается памятников бытовой застройки, но не храмовых комплексов, где использование знаков мотивировалось иначе (как дополнительное удостоверение не только личного, но семейного, родового участия в важном ритуале).

С приходом же в VIII веке арабов мечение кирпичей в Чаче (как и на соседних территориях) практически прекращается. То же мы

bricks. In the south-western corner (of room 1?) around 1/3 of the bricks had signs. About 1/5 (8 of 39) of sign forms in this object coincide with those in the following one (fig. 2, I, Ns. 2, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 20).

In excavation trench 1 in the south-western corner of shakhristan 1 bricks were selected from 4th-5th century rooms and the interior face of the fortress wall above them (fig. 2, II). This is the territory of the city's most ancient core. Signs were found on 74% of bricks. Each row in the fortress wall (?) had a specific composition of signs, which were on the underside of the bricks.

Earlier we have discussed the construction of public objects. On the contrary, almost all of the numerous sign types found in the rooms of the 6th-7th-century family castle (excavation trench No. 14) were rows of straight or undulating lines (two working families?). In the last case, probably, representatives of several neighbouring and kindred families were involved in the construction (which was a common practice until quite recently)¹³¹.

Interestingly, 17 of the sign types found on bricks in Kanka, some quite complex in form, have identical analogues *on pottery* excavated on the same site (fig. 3, I, Ns. 1-3, 16, 24, 30; II, Ns. 4, 8, 22, 23, 35, 39, 60-62, 64, 66). This fact casts doubt on the popular ideas about the signs on bricks used to count the number of items, as the emblems of workshops or as the signs of neighbouring (not kindred) groups of workers engaged in construction (see various versions: Yatsenko, 2001. PP. 23-24). It was as interesting to find two complex signs in the brickwork of the fortress wall (fig. 2, II, Ns. 56, 58), which were identified as the *tamgas of rulers on Sogdian coins since the 5th century AD (the coins of Samarkand and Bukhara; see Chapter 5 herein)*.

¹³¹ Sometimes workers represented quite a number of families, when a quarter community assigned people to the construction of a residential house following the tradition of mutual assistance. Probably, the owners of 25 signs were involved in the building of the 'south-western house of a citizen' in Khalchayan (post-Kushan Bactria) (Pugachenkova, 1966. P. 130).

«юго-западного дома горожанина» в Халчаяне (посткушанская Бактрия) были, видимо, задействованы хозяева 25 знаков (Пугаченкова, 1966. С. 130).

видим и на керамике. Это было своеобразной «революцией» в быту (подобной той, которая произошла, когда в Европе массово перешли от оттисков личной печати к личной подписи). Г.И. Богомолов полагает, что речь идет о преследовании арабами-мусульманами использования таких знаков как пережитков язычества (поскольку он исходит из версии о глубокой магической символике этих меток) (Богомолов, 2006. С. 130; Богомолов, 2011. С. 104). Однако в ряде районов Ближнего и Среднего Востока арабское завоевание не привело к исчезновению таких знаков в быту (хотя сфера их применения несколько сузилась); точно так же не исчезли подобные метки, например, после обращения в православие Византии, Болгарии или Руси. Нам представляется, объяснение может быть совсем иным, не лежащим в плоскости идеологии. Во-первых, при завоевателях могли всего лишь измениться формы учета работы на общественном строительстве, и это сказалось на мечении кирпичей. Во-вторых, в «мировой империи», какой был Арабский халифат, происходила серьезная унификация керамического производства на огромных территориях, мигрировали издавна не только мастера-гончары, но и целые мастерские, прививались часто непривычные принципы декорирования посуды и т.п.

Нам не близка точка зрения Г.И. Богомолова, что опубликованные им 117 типов знаков на кирпичах Канки в первую очередь «были своеобразными *магическими амулетами*» (Богомолов, 2006. С. 129). Так же, в духе старой «магической» теории М. Эберта (Ebert, 1909. S. 71), им трактуются и все знаки на керамике: «нанесение знаков на керамике – это... проявление одного из *иррациональных* способов воздействия на сосуд или его содержимое» (Богомолов, 2011. С. 102). Даже сам факт, что знаки обычно наносились гончаром до обжига, Г.И. Богомолов считает важным доказательством того, что знаки имели только магический характер (по его мнению, заказчик почему-то не мог заранее просить гончара пометить серию своей будущей по-

It is possible that rulers' signs (including the rulers of southern territories if they had an influence on Chach at that time) could be used in the construction of some important object, which was suggested earlier by S. P. Tolstov.

According to G. I. Bogomolov, the material from excavation trench No. 13 in Kanka's rabid, when compared to that from other complexes, demonstrates that ordinary people were putting signs on pottery most actively in the 4th-6th centuries, after which (in the 7th-8th centuries) the use of signs dropped abruptly. We think that this was caused by an unusual combination of political and economic conditions (when Kangju disintegrated into principalities, the significance of signs on personal things grew, while in the Early Turkic period the use of the nishan signs of the local Iranian people fell). However, this refers to non-religious buildings, but does not work in temple complexes, where signs were used following a different pattern (certifying the participation of a person, family and clan in an important ritual).

However, when the Arabs came in the 8th century, the brick marking practice almost stopped in Chach (and neighbouring territories). The same can be observed in ceramics. It was a kind of 'revolution' in everyday life (like that when Europe substituted a personal stamp for a personal signature). G. I. Bogomolov believes that this was because the Muslim Arabs struggled against these signs as pagan survivals (he relies on the version about the deep magic symbolism of these signs (Bogomolov, 2006. P. 130; Bogomolov, 2011. P. 104). However, the Arab invasion did not lead to the disappearance of such signs from everyday use in a number of regions in the Middle East (although the area of their use decreased somewhat); in the same way, such marks did not disappear in Byzantium, Bulgaria or Rus' after they had become Christian. We think the explanation for this lies far from the ideological area. Firstly, the invaders might merely change the methods of registering public construction work, which resulted in the change of brick marking. Secondly, the ceramic production was strongly unified within

Рис. 4. Образцы посуды со знаками из северных и западных окраин Чача: 1 – Ушбастобе; 2-4 – Шаушукумтобе (фото – А. Донец)

Fig. 4. Vessels with signs from the northern and western outskirts of Chach: 1 – Ushbastobe; 2-4 – Shaushukumtobe (photos – A. Donets)

суды семейным знаком: это могло быть якобы лишь в том случае, если знаки процарапывались после обжига, что в Чаче было большой редкостью) (там же. Прим. 10). Автор старается выявить их скрытый от нас *магический смысл*, а также *исходное* сравнительно реалистическое изображение животного, человека, светил и т.п. (Богомолов, 2011. С. 97-102) (в некоторых знаках автору видятся стилизованные музыкальный инструмент, тюльпан, человеческая фигурка и т.д.), проявляя при этом немало фантазии в духе известного подхода Й. Костржевского (Kostrzewski, 1921. PP. 131-132).

Приведем ниже основные примеры таких спорных «расшифровок».

Группе III (кресты) дается, среди прочего, следующий комментарий: «Крюковой крест или тетраскеле («четвероногое», «*наук*») был известен у многих народов Ближнего Вос-

the enormous territory of the Islamic Caliphate: potters and even entire workshops migrated for long distances, bringing unusual decorative techniques and so on.

We do not support G. I. Bogomolov's opinion that the 117 signs on bricks from Kanka in his publication were primarily '*magic amulets*' (Bogomolov, 2006. P. 129). In the same way, following the old '*magic*' theory of M. Ebert (Ebert, 1909. S. 71), he interprets all signs on ceramics: signs on ceramics manifest ... one of the *irrational* ways of influencing a vessel or its contents' (Bogomolov, 2011. P. 102). For G. I. Bogomolov even the very fact that signs were made by the potter prior to baking is an important proof that signs were purely magic in character (in his opinion, for some unknown reason the customer could not ask the potter in advance to mark the series of their vessels with a family sign; this, he believes, could be the case only

тока, Средней Азии и с глубокой древности считался солнечным знаком. Не случайно направление крючков служило указанием на направление вращения Солнца (слева направо). Он считался отеращающим зло знаком, символом благополучия... Вариант в виде квадрата, пространство внутри которого занимает простой прямой крест, но снизу к основанию квадрата примыкает ножка-завиток (рис. 5, (рис. 2), 18-19). Известны единичные находки этого знака на жжёных кирпичях V-VI веков н.э. из храма А в шахристане I. Возможно, этот знак восходит к идеограмме – «поле с подведённым к нему каналом (водой)» и служил сакральным символом плодородия и, соответственно, благополучия... Согласно этнографическим наблюдениям, знак в виде косоугольного креста считался схематизированным человеческим изображением, передающим образ духа, который должен был охранять человека или его вещь от зла. Кроме того, кресты встречаются в составе элементов орнаментов ковров, настенных росписей, которые делали на передних стенах домов и кладовых. Хозяйки наносили их с магической целью – увеличить количество скота в хозяйстве и вызвать изобилие в доме» (Пещерова, 1959).

Для группы IV (треугольник) комментарий таков: «Знак был очень распространён, особенно часто помещался на кружечках и небольших кувшинчиках, использовавшихся как сосуды для питья. Абсолютным большинством исследователей он интерпретируется как знак стрелы (магическое оружие против злых сил)... Отдельный тип в этой группе образует пока единичный знак, прочерченный на хумче из комплекса VI-VII вв. с Мингюрюка... Основу его составляет треугольник, расположенный необычно – вершиной вниз, основанием вверх. С внешних сторон от каждой вершины вниз опущено по короткой вертикальной черте. Точно так же на середину основания треугольника сверху тоже опущена короткая черта (рис. 5, рис.1, 20). Вполне вероятно, что знак восходит к идеограмме со значением «человек», «муж», «богатырь», в нём как бы сохраняются элементы чело-

when signs were scratched after baking, which was very unusual for Chach (ibid, Note 10). The author attempts to find their *magic meaning* concealed from us, as well as the *original*, relatively realistic image of an animal, human, celestial bodies and so on (Bogomolov, 2011. PP. 97-102) (the author interprets some signs as a stylised musical instrument, tulip, human figure and so on), demonstrating good imagination following the well-known approach of Kostrzewski (Kostrzewski, 1921. PP. 131-132).

Given below are basic examples of this disputable 'deciphering'.

Together with other remarks, group III (crosses) was provided with the following comment: 'The crooked cross or tetraskеле ('quadruped', 'spider') is known to have been used by many people in the Middle East and Central Asia and was considered a solar sign since the very ancient time. So the crooks indicated the direction in which the Sun revolves (from left to right). It was considered a protective sign symbolising well-being... The square version with a simple straight cross inside and a curly foot attached to the base of the square (fig. 5, (fig. 2), 18-19). This sign has been recorded on individual bricks of the 5th-6th centuries AD from temple A in shakhristan I. It is quite possible that this sign originates from an ideogram, 'the field with a canal (water)' and served a sacral symbol of fertility and, therefore, prosperity... Ethnographic analysis showed that the sign in the form of a slanting cross was considered a schematized human conveying the image of a spirit which was to protect the man or his thing from evil. Besides, crosses are found among ornamental elements on carpets and murals on the facades of houses and storerooms. They served the magic purpose, which was to increase the size of livestock and attract prosperity to the home' (Peshcherova, 1959).

Group IV (triangle) is commented in the following way: 'This is a very common sign that has been particularly often found on mugs and small jugs used for drinking. The overwhelming majority of researchers interpret it as an arrow sign (a magic weapon against evil powers)...

веческого тела. Возможно, его прототипом являются простейшие антропоморфные изображения, наделённые сакральными функциями. К этой же группе примыкает ещё один знак в виде двух треугольников, соприкасающихся своими вершинами (рис. 2 (2), 35). Напоминает, а возможно, и есть изображение барабана-песочницы, также наделённым охранными свойствами».

Комментарий для группы V (квадрат): «Вероятно, знак символизировал поле, а значит, являлся символом плодородия».

Комментарий для группы VI (круг): «... объединяет этимологически разные типы знаков». О круге, рассечённом линией: «Возможно, являлся астральным символом. Например, до сих пор символом планеты Марс считается круг (щит), пересечённый прямой чертой, символизировавшей копье».

Комментарий для группы VII (трезубец): «... другой знак. Его основу составляет круг, от которого вверх отходят два крюкообразных завитка (усика), а в нижней части – ножка в виде вертикальной прямой (рис. 5, рис. 1, 34). Выделяются также варианты... – с подставкой или завитками (рис. 5, рис. 1, 35, 37). Во всех случаях знак напоминает и семантически близок к У-образному знаку и, вероятней всего, являлся апотропеем, изображая вредоносное насекомое [скорпиона – Я.С. и Е.С.], для отпугивания злых сил, а может даже астральным символом (созвездия скорпиона)». В ещё один тип выделяется знак с городища Ишкурган (Паркент). Основу его составляет круг, сверху на него посажена полудуга (рожки), снизу – угол, вершиной вверх (рис. 3, (2), 28). Возможно, знак также связан с астральной символикой и изображает тельца. Схожий знак временами помещался на сасанидских монетах (Шапура I), отличаясь лишь оформлением нижней части, где вместо угла выведена подставка с короткой чертой-основанием. По мнению Аболалы Соудаваар, это знак коровы (быка), символизировавший божество Луны. При этом она подчеркивает, что божество Луны в Авесте наделалось эпитетом «*gao-ēitra*», т.е. «блестящий или появляющийся бык». Она даже

There is a single sign scratched on a khumcha from the 6th-7th-century complex in Minguriuk, which forms a separate type within this group... It is based on a triangle turned upside down, the top pointing downwards and the base at the top. A short line goes vertically down from each of the top points. In the same way, a short line goes vertically up from the pointed base (fig. 5, fig. 1, 20). *It is quite possible that the sign originates from the ideogram meaning 'man', 'husband' or 'strongman', as it still retains elements of the human body. Possibly, its prototypes are primitive anthropomorphic images endowed with sacral properties.* This group includes one more sign in the form of two triangles attached to each other with their tops (fig. 2 (2), 35). It reminds of or, perhaps, actually is the image of the sandpit drum, which was also considered to have protective properties'.

Comment on group V (square): 'Probably, the sign symbolises the field and, therefore, fertility'.

Comment on group VI (circle): '... it unites etymologically different sign types'. On the circle crossed with a line: 'It might be an astral symbol. So, to this day the symbol of planet Mars has been the circle (shield) crossed by a straight line symbolizing a spear'.

Comment on group VII (trident): '... another sign. It is based on a circle with two crook-like curls (tendrils) diverging upwards and a foot in the form of a vertical line in the bottom part (fig. 5, fig. 1, 34). There also are variants... with a support or curls (fig. 5, fig. 1, 35, 37). In all cases the sign reminds of and is semantically close to an Y-shaped mark, and was, probably, an apothropean depicting a harmful insect [scorpion – Ya. S. and Ye. S.] to divert evil powers or even an astral symbol (constellation Scorpius)'... A sign from the Ishkurgan (Parkent) forms one more type. It is based on a circle with a semi-arc on the top (horns) and an angle pointed upwards at the bottom (fig. 3, (2), 28). The sign might also be associated with astral symbols and represent Taurus. A similar sign differing only in the bottom part, where the angle is replaced by a support with a base in the form of a short line,

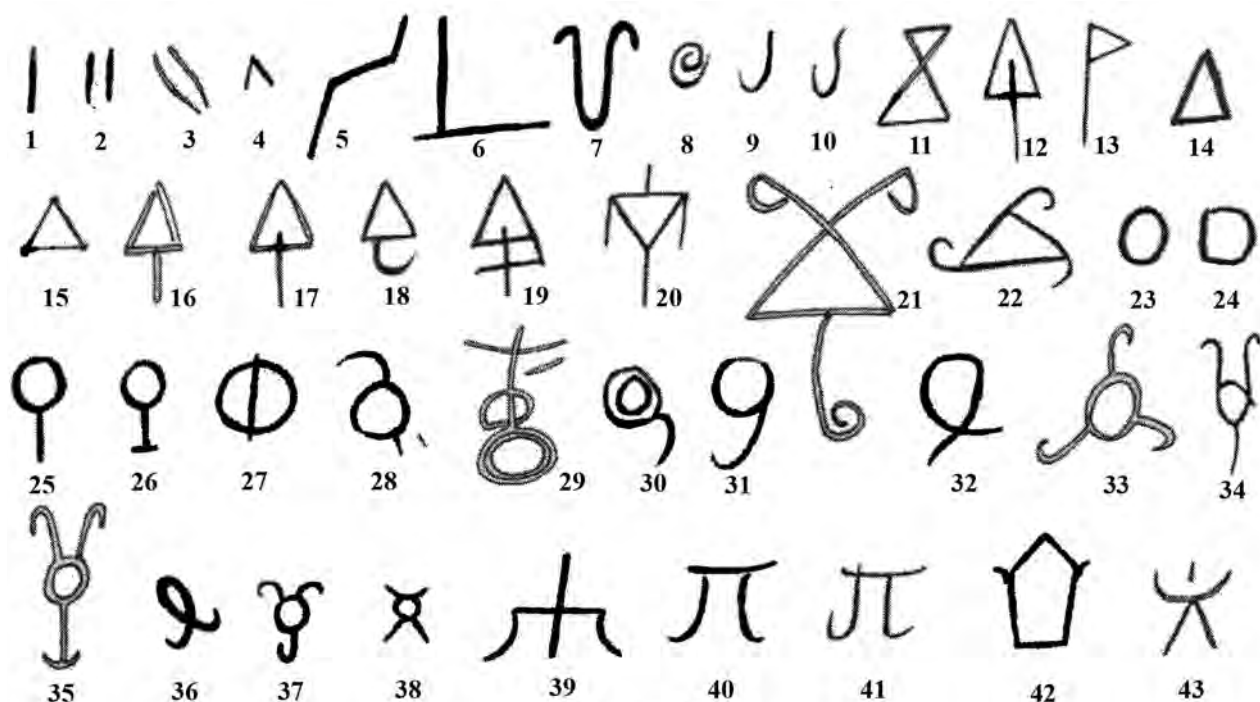

Рис. 1

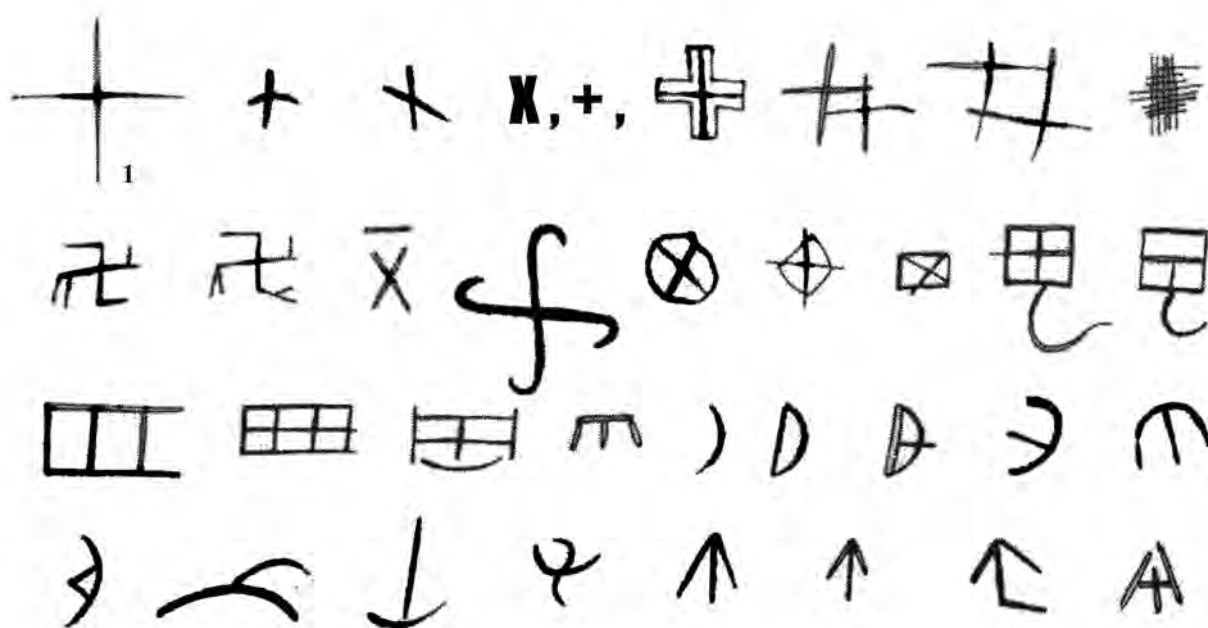

Рис. 2

Рис. 5. Сводка тамг на керамике Ташкентского оазиса (Богомолов, 2011. Табл. 1). Пункты находок не указаны

Fig. 5. Collection of tamgas on ceramics from the Tashkent Oasis (Bogomolov, 2011. Table 1). Finding places not specified

предположила, что знак *представляет собой комбинацию из всех трех стадий трансформации луны, короткая черта в основании — ничто (появление из ничего), кружок — полный диск и полумесяц — его убыль* (Soudavar, 2009. PP. 11-12).

Комментарий для группы VIII (вытянутый вертикально пятиугольник): «...Находки малочисленны, но встречаются в материалах V-VI вв. на Канка (рис. 5, рис. 1, 42), Кендыктепа, Курук-тепе. Возможно, знак *восходит к схематическому изображению цветка — тюльпану*».

Комментарий для группы IX (S-образная фигура): «Считается, что в семантическом плане знак связан со *схематическим изображением рогов барана, как символа плодородия*».

Комментарий для группы X (π-образная фигура): «...он зафиксирован только на двух формах посуды — горшковидных сосудах и на миске-цедилке.... Возможно, также *имеет охранную функцию*».

Комментарий для группы XI (полукруг): «...объединяет этимологически разные знаки... Вариантом является знак в виде полукруга, чьё внутреннее пространство замкнуто прямой между концами дуги. Возможно, *в семантическом плане этот знак восходит к изображению полумесяца, и являлся астральным символом, тесно связанным с символикой плодородия и колдовской магией. С другой стороны, это могло быть магическое оружие в виде схематического изображения лука. Тем более что в одном случае знак был пересечён горизонтальной прямой*».

Комментарий для группы XIV (фигура, нижний ярус которой образует угол вершиной вверх, а верхний — дуга, над которой изображена отдельная вертикальная полоска) (рис. 5, рис. 1, 43): «...Вероятно, эту тамгу *следует относить к группе антропоморфных знаков*».

Комментарий для группы XV (скопление точек-наколов): «...Символическое значение знака — прозрачно, точки — *символ множественности, отсюда основной целью было наделить содержимое сосуда обилием*,

is found occasionally on Sasanian coins (Shapur I). According to Abolaly Soudavar, *this sign represents a cow (bull) symbolizing the divinity of the Moon. At the same time, the researcher stresses that the epithet 'gao-čīθra' meaning 'a shining or appearing bull' was applicable to the divinity of the Moon in Avesta. She even suggested that the sign was a combination of all the three stages of the transformation of the Moon, with the short line at the base meaning 'nothing' (appearing out of nothing), the circle — the full moon and the crescent — the waning one.* (Soudavar, 2009. PP. 11-12).

Comment on group VIII (vertically elongated pentangle): 'There have been few found so far, with some recorded on 5th-6th-century objects from Kanka (fig. 5, fig. 1, 42), Kendyktepa, Kuruk-tepe. It is possible that the sign *originates from a schematic image of a flower (tulip)*'.

Comment on group IX (S-shaped figure): 'The sign is considered to be semantically lined to a *schematic image of ram horns as a symbol of fertility*'.

Comment on group X (π-shaped figure): '... it has been found only on two types of kitchenware — pot-like vessels and a strainer basin... It might also be *used as a protective symbol*'.

Comment on group XI (semi-circle): 'it unites etymologically different signs... One of the versions is a sign in the form of a semi-circle, where the ends of the arc are closed with a straight line. The sign might *semantically originate from the image of a crescent and was an astral symbol closely associated with symbols of fertility and magic. On the other hand, it might be a magic weapon in the form of a schematic bow. This idea is supported by one of the versions, where the sign is crossed by a horizontal line*'.

Comment on group XIV (a figure, the lower tier of which forms an angle pointed upwards and the lower — an arc with a separate vertical line above it) (fig. 5, fig. 1, 43): '... This tamga should, probably, be *referred to the group of anthropomorphic signs*'.

Comment on group XV (a cluster of pricked dots): 'The sign's symbolic meaning is quite

плодоносящей силой. Вместе с тем интересно, что на канкинской кружке знак был продублирован S-образным наклепом на верхней площадке ручки, символизировавшим рога барана (Фарна). Аболала Соудавар отмечает появление этого знака (в виде трёх точек) на реверсе сасанидских монет и относит его к символам бога Тиштрии. По ее мнению, знак восходит к изображению капель (дождя или росы) и прямо увязывается с одним из авестийских эпитетов Тиштрии «afs-čīθra», где собственно «afs» переводится как «капли дождя или росы». То есть эпитет «afs-čīθra» означал «появляющийся каплями росы или дождя» или «блестящий каплями росы или дождя» (Soudavar, 2009. PP. 12-15). Для нас важно, что в любом случае знак связан с символикой плодородия».

Серия тамг на посуде III-VIII веков из городища и некрополя на западе Чача, в Чардаре, **Шаушукумтобе** (выявленного в 1958 г. на р. Сырдарья укрепленного поселения квадратной формы со сторонами в 250 м) представляет немалый интерес, т.к. здесь в некрополе обнаружены целые формы посуды с тамгами (хранящиеся в музее в Шымкенте) (см., например: рис. 1, (1); 4, 2-4). Всего здесь известно 29 типов знаков на керамике, прочерченной перед обжигом, обычно довольно тщательно (рис. 1, (1)). На городище знаки встречены на керамике второго (позднего) периода, включенной в сводку Л.М. Левиной (Левина, 1971. Рис. 49, 51, 53, 58). Типы с тамгами из некрополя (рис. 4, 2-4) нередко представляют собой парадную посуду, в частности – с лощением (№№ 4, 6, 9, 11, 12, 14, 16, 25). Среди керамики со знаками более всего типов, представленных на мисках (10), кувшинах (7) и кружках (7). На мисках (№№ 1-3, 5, 10, 16, 23, 25, 27, 29) тамги прочерчены на дне (обычно с его наружной стороны), иногда – на внутренней (№№ 16, 25) или наружных стенках (№29); знак 16 встречен на дне в двух случаях. На кувшинах (№№ 4, 6, 7, 14, 15, 17, 26), среди которых несколько миниатюрных, знак обычно помещался на тулове, изредка – под ручкой (№15) или на дне (№6). На кружках (5) (№№ 8, 9, 11-13, 18, 28)

transparent: the dots symbolise masculinity, so the main purpose was to endow the contents of the vessel with prosperity and fruit-bearing power. Interestingly, the sign on the Kanka mug was repeated in the form of an S-shaped element applied to the top platform of the handle and representing the horns of a ram (Farn). Abolala Soudavar notes that this sign (three dots) has been recorded on the reverse of Sassanian coins and refers it to the symbols of god Tishtrya. The researcher believes that the sign originates from the images of drops (of rain or dew), while one of the Avestian epithets for Tishtrya, afs-čīθra, where 'afs' translates as 'rain or dew drops' directly refers to the sign. It means that the epithet 'afs-čīθra' could be translated as 'appearing in drops of rain or dew' or 'shining like dew or rain drops' (Soudavar, 2009. PP. 12-15). For us it is important that the sign is in every way associated with the symbol of fertility'.

The series of tamgas on 3rd-8th-century vessels from the hillfort and necropolis of **Shaushukumtobe** in the west of Chach (a fortified square settlement with the sides 250 m long discovered in 1958 in Chardara steppe near Syrdarya River) is also quite interesting due to whole vessels with tamgas discovered in the necropolis (and currently kept at the museum of Shymkent) (see e.g. fig. 1, (1); 4, 2-4). A total of 29 types of signs scratched prior to baking, usually quite neatly, on ceramics have been discovered on the site (fig. 1, (1)). Signs were recorded on ceramics of the second (later) period reviewed by L. M. Levina (Levina, 1971. Fig. 49, 51, 53, 58). The vessels with tamgas from the necropolis (fig. 4, 2-4) are often ceremonial ones, often glazed (Ns. 4, 6, 9, 11, 12, 14, 16, 25). The largest number of sign types was recorded on basins (10), jugs (7) and mugs (7). The basins (Ns. 1-3, 5, 10, 16, 23, 25, 27, 29) have the tamgas on the bottom (mostly outside, but sometimes inside) (Ns. 16, 25) or outer walls (No. 29); two copies of sign 16 were found on the bottom. The jugs (Ns. 4, 6, 7, 14, 15, 17, 26), some of which were very small, in most cases had the signs on the body and sometimes under the handle (No. 15) or on the bottom (No. 6). One of the tamgas (No. 9) on the

в одном случае тамга гравирована под ручкой (№9). В двух случаях отмечены знаки на хумах (№№ 15, 21) и в двух – на горшках (№№ 19, 22), по одному знаку – на котлах (№23) и крышках (№20). Лишь в одном случае знак №15 (крестообразный налест) представлен на разных типах посуды (кувшин и хум). Особый интерес представляет собой культовый (?) набор из семи предметов (священное число): пяти мисок / чаш (тоже священное число) и кувшинчика и вазочки из одного комплекса (он мог быть или уцелевшим погребением, или, скорее, votивным вкладом в святилище, или его служебным инвентарем); набор хранится в Шымкентском музее (рис. 2, 1; 4, 2-5). На чашах имеется один знак внизу, на донце; на других сосудах – по две разных тамги, всего 10 знаков (два из которых – на одной из мисок и кувшинчике – повторяются). Важны случаи нанесения в некрополе двух знаков на один сосуд; здесь они гравировались не рядом, а на разных частях изделия. На упомянутом кувшинчике метки (№№ 4, 6) прочерчены как на нижней части тулова, так и на донце. На одной миске (рис. 4, 4) также процарапаны два знака №№ 16, 23 на лицевой и оборотной стороне донца. На кружке (рис. 4, 3) две метки (№№ 11, 12) размещены по обе стороны от ручки-петельки.

В горных районах на севере Чача, на левом берегу р. Угам, представляет немалый интерес небольшая коллекция (всего 7-8 типов) знаков с *городища Ушбастобе* IV-VIII веков, расположенного на склоне горной долины; она происходит из цитадели (Подушкин, Раев, Белов, 2013; Подушкин и др., 2014) (рис. 2, (3)). Культурный слой здесь был около 1 м. Значительные работы на памятнике производились в 2013 году, однако в фондах Шымкентского музея есть и знаки, обнаруженные на городище, видимо, в другие годы. Подавляющее большинство знаков найдено на посуде т.н. второй группы – местного производства, отличающейся хорошим качеством выделки. Судя по коллекции в Шымкенте, самым распространенным здесь являлся знак №7 (в 2013 г. он был найден всего однажды: Подушкин, Раев, Белов, 2013.

mugs (5) (Ns. 8, 9, 11-13, 18, 28) was engraved under the handle. Two tamgas were recorded on khums (Ns. 15, 21) and two on pots (Ns. 19, 22). One sign was found on a cauldron (No. 23) and one on a lid (No. 20). Only one sign, No. 15 (an applied cross-shaped element), was recorded on different types of vessels (a jug and a khum). A cultic (?) set consisting of seven items (a sacred number) – five (also a sacred number) basins/bowls, a jug and a vase from one complex is of special interest: it might be buried together with a dead person or, rather, be a votive contribution to the sanctuary or form a part of the sanctuary's utensils. The set is kept in the museum of Shymkent (fig. 2, 1; 4, 2-5). The bowls have one sign on the bottom; other vessels bear two different tamgas each, 10 signs in total (two of which are copies of one found on one of the basins and the jug). The cases when in the necropolis two signs were on one vessel need some explanation: they were not engraved next to each other, but were placed in different areas on a vessel. Marks (Ns. 4, 6) on the mentioned jug were scratched on both the lower part of the body and the bottom. One of the basins (fig. 4, 4) also has two signs, Ns. 16 and 23, scratched on the facial and reverse side of the bottom. Two marks (Ns. 11 and 12) on the mug (fig. 4, 3) were made on both sides of the loop-like handle.

Among the signs found in the mountain areas of Chach, one of the most interesting is a small collection (7-8 types in total) of the 4th-8th centuries found in the citadel of the *hillfort of Ushbastobe* on the slope of a mountain valley on the left bank of the Ugam River (Podushkin, Raev, Belov, 2013; Podushkin et al., 2014) (fig. 2, (3)). The depth of the cultural layer was about 1 m. Major work was carried out on the site in 2013. However, the Shymkent museum possesses some signs, apparently, found on the site in other years. The overwhelming majority of the signs were found on the so called second-group vessels – locally produced high-quality items. Judging from the collection in Shymkent, the commonest was sign No. 7 (only one copy of which was discovered in 2013: Podushkin, Raev, Belov, 2013. P. 118). It was recorded *on*

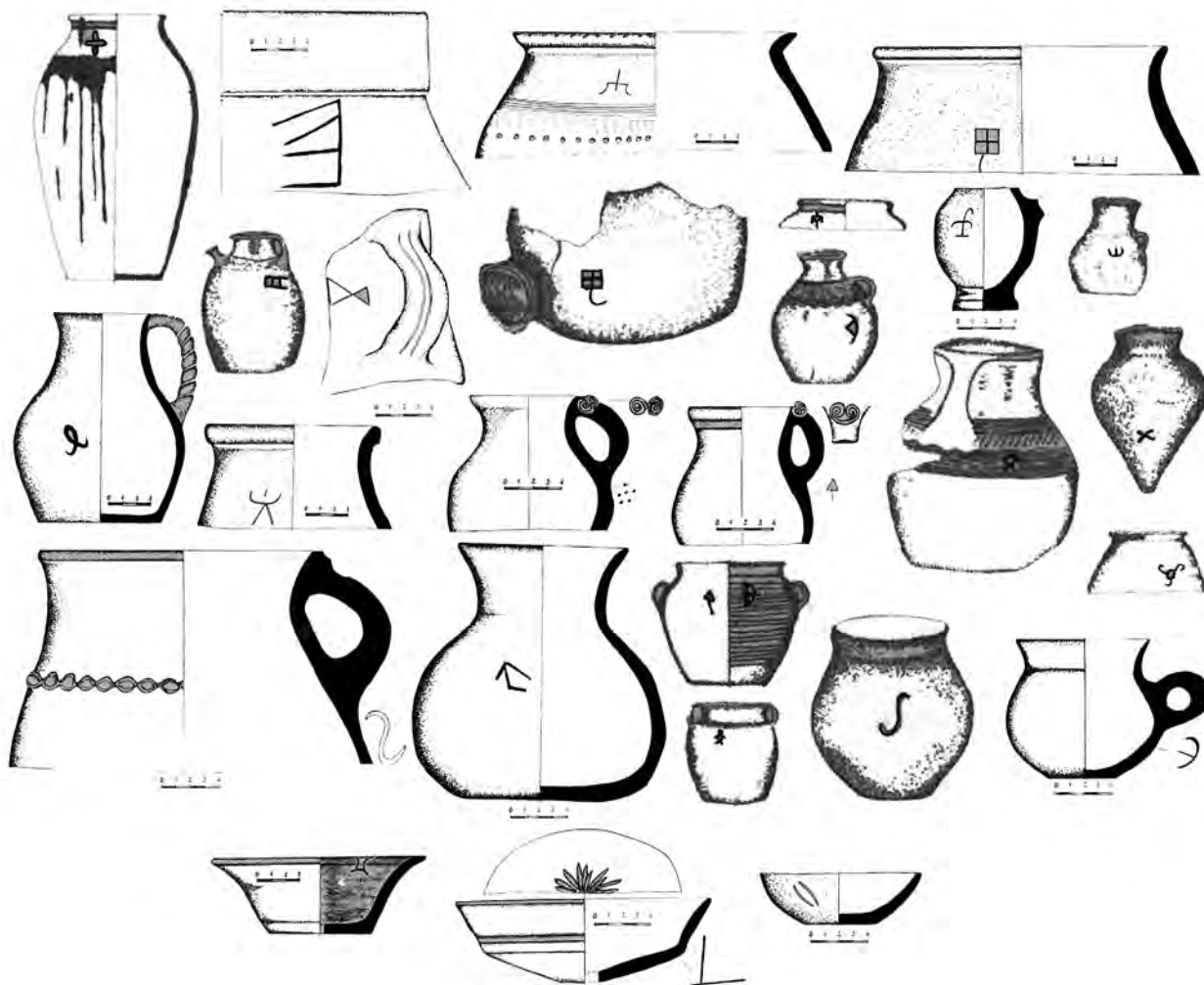

Рис. 6. Образцы посуды со знаками с городища Канка (по: Богомолов, 2011)

Fig. 6. Pottery with signs from the Kanka hillfort (after Bogomolov, 2011)

С. 118). Он встречен на шести сосудах: единично – четыре раза на сосудах разных типов (хум, хумча, кувшин и фляга), дважды рядом изображен на одном кувшине (рис. 4, 1) (здесь отметились два представителя одного клана) и под ручкой хумчи – вместе со знаком №1. Вторым популярным знаком был №1, известный на пяти сосудах: на двух кувшинах, на оттиске прямоугольного штампа (№2) и на рельефном налесте с неопределимых сосудов; он также встречен со знаком №7 под ручкой упомянутой хумчи. Еще три знака были над рельефными налестями: №№ 3, 4 – на посуде неясных типов, №6 – на кувшине (под ручкой). Знаки №№ 5 и 8 нанесены на кружки, привезенные на Ушбастобе со стороны (ке-

six vessels: four single signs were found on four different types of vessels (khum, khumcha, jug and flask), two copies were made next to each other on one jug (fig. 4, 1) (two representatives of one clan left their marks) and one was registered under the handle of a khumcha together with sign No. 1. The second most popular sign was No. 1, which was recorded on five vessels: on two jugs, and within a rectangular seal (No. 2) and on an applied bas-relief element on two unidentifiable vessels; it also came together with sign No. 7 under the handle of the mentioned khumcha. Three other signs were found above applied bas-relief elements: Ns. 3 and 4 on unidentifiable vessels and No. 6 on a jug (under the handle). Signs Ns. 5 and 8 were found on mugs

рамика группы 3); последний также представлен в виде налепа. Итак, особенностями коллекции являются: 1) господство знаков, принадлежавших всего двум кланам или семьям (№№ 1 и 7); 2) высокая доля форм, представленных в виде налепов. Из местной определяемой посуды со знаками преобладают кувшины (5), хумчи (2), есть единичные хум и фляга. Импортными сосудами со знаками были только кружки.

В 25 км от Ташкента, в г. Янгиюль, на арке Куркульдак находится *городище Каунчигена* (Каунчи), исследовавшееся с 1933 года. Оно стало эпонимным для доисламской каунчинской культуры региона. К сожалению, все известные нам знаки происходят из старых публикаций (рис. 2, (4)). Из 16 типов тамг 14 (№№ 1-14) опубликованы суммарно, без указания типов сосудов, и являются подъемным материалом (Грицина, 1984. С. 86. №№ 1, 3-5, 8, 9, 11-13, 17-20, 22, 24). Лишь для знаков №№ 15-16 есть более полная информация (Левина, 1971. Рис. 27; 29): №15 в форме налепа представлен на горшке и кувшине; №16 прочерчен у основания ручки кувшина. Здесь высока доля локальных оригинальных форм.

Итак, сравнительно крупные или хорошо документированные коллекции доступных нам сегодня знаков с памятников исторического Чача происходят всего с шести городищ. Документация этих коллекций весьма различна по качеству. Заметно выделяется на общем фоне большая работа, сделанная по специальной программе Г.И. Богомоловым по городищу Канка. До сих пор в литературе встречаются мало что дающие сегодня сводки знаков на керамике по крупному региону (Средняя Сырдарья, Ташкентский оазис и т.п.) без детализации типов посуды и даже пунктов находок. Материалы, накопленные Г.И. Богомоловым по ряду городищ, отчасти остаются не опубликованными. Будущим исследователям знаков доисламского Чача достанется много работы. Тем не менее, за последние 30 с небольшим лет мы наблюдаем немалый прогресс: если к середине 1980-х годов все знаки каунчинской культуры сводились к вариациям всего двух типов – со-

brought to Ushbastobe from elsewhere (ceramic group 3); the last sign is also an applied one. Thus, the main features of the collection are: 1) predominance of signs belonging to only two clans or families (Ns. 1 and 7); 2) many applied signs. Among the locally produced identifiable vessels with signs, the most numerous were jugs (5) and khumchas (2), with marks also found on one khum and one flask. The only imported type with signs was mugs.

The *hillfort Kaunchitepe* (Kaunchi) studied since 1933 is situated on the Kurkuldak Canal in the town of Yangiyul 25 km from Tashkent. The site became eponymous for the Kaunchi culture that existed in the region in the pre-Islamic period. Unfortunately, all known signs are from old publications (fig. 2, (4)). 14 of 16 types (Ns. 1-14) were published generally, without specifying the types of vessels, and were found amid liftable material (Gritsina, 1984. P. 86. Ns. 1, 3-5, 8, 9, 11-13, 17-20, 22, 24). Only signs Ns. 15-16 are provided with fuller data (Levina, 1971. Fig. 27; 29): two copies of No. 15 are applied to a pot and jug, while No. 16 was scratched at the base of the handle of a jug. The portion of local original forms is high on this site.

So, relatively large or well-documented collections of available signs have been recorded only on six archaeological sites in the territory of historical Chach. The documentation of these signs varies greatly in quality. One of the most important works is the major research carried out by G. I. Bogomolov into the Kanka hillfort following a special programme. The literature still abounds in rather useless reviews of signs on ceramics found within quite an extensive region (Middle Syrdarya, Tashkent Oasis and so on), which do not specify vessel types and even places they were found in. The material from a range of sites collected by G. I. Bogomolov has been published only in part. Specialists that will work on the signs of pre-Islamic Chach in future will have much to do. Nevertheless, for the last 30 years a considerable progress has been made in the area: while in the mid-1980s all the signs of the Kaunchi culture were divided into two types with variations – the solar symbols

лярных символов и предполагаемого лука со стрелой (Грицина, 1984. С. 88), то сегодня мы уже располагаем сотнями типов знаков, изученных системно, в археологическом контексте и в постройках конкретных типов, с выявлением специфики комплекта знаков обитателей конкретного поселения, без увлечения модной поныне полупервобытной мистикой и глобальными «тайными символами».

and supposed bow with arrows (Gritsina, 1984. P. 88), today we know of hundreds of sign types, which have been studied systematically, in the archaeological context and in certain types of buildings, with the establishment of the specificity of sets of signs belonging to the people of certain settlements and without biasing towards the semi-primitive mysticism and global 'secret symbols', which still remain in fashion even today.

ГЛАВА 7
ЗНАКИ СВЯТИЛИЩА
КАЙРАГАЧ

Е.А. Смагулов, С.А. Яценко

Интереснейший памятник доисламской культуры Средней Азии – «семейная усадьба» Кайрагач (Лейлекский район Ошской области, Кыргызстан) – расположена в юго-западной части Ферганской долины, на левом берегу небольшой реки Ходжа-Бакырган, текущей с северного склона Ферганского хребта и впадающей в Сырдарью у г. Худжанд (Ходжент, Ленинабад в Таджикистане). В древности эта местность была частью государства Уструшана и находилась на ее восточной границе (с областью Аспара собственно Ферганы). Центр этой пограничной территории (городище Тагоп у кишлака Бешкент/Тагоп) располагался в 13 км выше по течению на другом берегу Ходжа-Бакыргана, а сама долина этой речки была наиболее плотно заселенной в поздней древности.

Памятник, первоначально трактованный исключительно как семейная усадьба, расположен на высоком, около 50 м, мысе, образованном высокой надпойменной террасой узкой речной долины Ходжа-Бакыргана и пересыхающим саем (рис. 1, 1) (напротив, на другом берегу, к северу находится кишлак Кайрагач: рис. 1, 2). К началу раскопок объект представлял собой прямоугольник длиной по линии С-Ю около 70 м, ориентированный почти по сторонам света; его северный и западный склоны (со стороны реки и сая) отвесные, с юга и востока его окружал глубокий ров (рис. 1, 3). «Усадьба» представлялась исследователям одновременным в своей основе комплексом построек (сложенных в основном из сырцового кирпича размером 44×22×10 см), разделенным на две части – верхнюю, напольную, (32×29 м) и нижнюю, приречную, в три раза более узкую в меридиональном направ-

CHAPTER 7
SIGNS FROM THE KAYRAGACH
SANCTUARY

E.A. Smagulov, S.A. Yatsenko

The Kayragach ‘family mansion’ (Leylek District, Osh region, Kyrgyzstan) situated in the south-western part of the Fergana Valley, on the left bank of a small stream known as Khoja-Bakyrghan draining the northern slope of the Fergana range and joining with the Syrdarya at the city of Khujand (also known as Khojent or, formerly, Leninabad in Tajikistan), is one of the most interesting monuments of pre-Islamic culture in Central Asia. In former times this area was included in Ustrushana and formed a part of the country’s eastern extremity (bordering on the region of Aspara which was a part of Fergana). The centre of this border area (the Tagop hillfort near Beshkent/Tagop Village) was 13 km upstream, on the opposite bank of the Khoja-Bakyrghan, while the valley of this small river was most populated in the late antiquity.

The site initially interpreted as a family mansion only is located on a tall headland about 50 m high formed by a terrace rising above the flood plain of the Khoja-Bakyrghan and the wall of a small valley with a seasonal stream (fig. 1, 1) (with Kayragach village situated on the opposite bank north of the site: fig. 1, 2). By the start of the excavation the object was a rectangular hill stretching from north to south for about 70 m, its sides almost facing the points of the compass; its northern and western slopes (facing the river and the small valley) are near-vertical, while from the south and north it was bordered by a deep ditch (fig. 1, 3). The ‘mansion’ was a complex of basically contemporaneous structures (mostly of mud brick 44×22×10 cm in size) divided into two sections – the upper one (32×29 m) on the ground level and the lower section situated at the river, which was almost three times narrower and stretched from north

лени (38×10 м); между этими площадками имелся перепад высоты около 1,5 м, и их разделяла массивная стена из длинных сырцовых кирпичей (в западной части имелся въезд с башней и, видимо, был проход, соединяющий обе площадки). Вместе с тем Г.А. Брыкина указывала, что застройка объекта началась именно с верхней (наиболее удобной для обороны) площадки; весь ее периметр в периоды I-II обороняли крепостная стена или рвы, тогда как нижняя площадка укреплений не имела.

Памятник исследовался московским археологом Галиной Анатольевной Брыкиной в течение двенадцати сезонов с 1969 по 1981 годы (с перерывом в 1973 г.), а многие результаты были обобщены в ее монографии (Брыкина, 1982). К сожалению, далеко не вся интересующая нас информация отражена в экспедиционных отчетах, упомянутой книге¹³² и в коллекции керамических изделий, хранящейся в московском Государственном музее Востока (ГМВ)¹³³. Это касается и разбираемых здесь сосудов с тамгами¹³⁴.

Ранее, в I-IV веках н.э., к западу от будущей «усадьбы» существовало довольно большое поселение (Брыкина, 1982. Рис. 1 и 15). В 2,5 км к юго-западу от «усадьбы» начинался обширный некрополь (открыт в 1958 г. Ю.А. Заднепровским), включавший 6 групп и около 200 курганов с катакомбными погребениями (исследовались в 1976-1977 и 1979-1980 гг.). Он также датируется временем

to south. There was a 1.5-metre difference between these two sites and they were separated by a strong wall of long mud bricks (the western part was marked by an entrance with a tower, and, probably, there was a passage connecting the two sections). At the same time, according to G. A. Brykina, the construction of the complex began from the upper platform, which was easier to defend; in periods I and II it was protected by both a fortified wall and ditches, while the lower platform was not defended in any way.

Galina Anatolyevna Brykina, an archaeologist from Moscow, studied the monument during twelve seasons from 1969 to 1981 (with a break in 1973), and generalised many of the results in her monograph (Brykina, 1982). Unfortunately, the information we are interested in goes far beyond the scope of the expedition reports, abovementioned book¹³² or collection of pottery at the State Museum of Oriental Art in Moscow¹³³. This also refers to the vessels with tamgas we are analysing herein¹³⁴.

Earlier, in the 1st-4th centuries AD, there was a relatively large settlement west of the future mansion (Brykina, 1982. Figs. 1 and 15). An extensive necropolis (discovered by Yu. A. Zadneprovsky in 1958) consisting of 6 groups of around 200 mounds with catacomb burials (studied in 1976-1977 and 1979-1980) began 2.5 km south-west of the mansion in question. It is also dated to the 1st-4th centuries AD.¹³⁵ The

¹³² Среди прочего, многие номера важных для нас помещений не были нанесены ни на один имеющийся план, а если нумерация указана, то, поскольку она дублируется, часто неясно, на верхней или нижней площадке обнаружено помещение.

¹³³ Выражаем искреннюю благодарность хранителю коллекции из Кайрагача в ГМВ З.С. Галиевой, оказавшей большую помощь в работе с нею в июне 2015 г.

¹³⁴ Так, при публикации единственных сосудов с тамгами – двух флагов (Брыкина, 1982. Рис. 25-26) – никаких сведений о месте их находок (верхняя или нижняя площадка, помер помещения) не дается. Это же касается многих сосудов с тамгами (прежде всего – хумов) в полевых отчетах.

¹³² Moreover, the numbers of many rooms important for us were not found on any of the available plans, and as for those with numbers, it was often impossible to tell where they belonged, the upper or lower section, because each of the sections had an individual numeration.

¹³³ We are deeply and sincerely thankful to Z. S. Galieva, the custodian of the Kayragach collection at the Moscow Museum of Oriental Art, who rendered much assistance while we were working with it in June 2015.

¹³⁴ The publication of two flasks, the only vessels with tamgas (Brykina, 1982. Figs. 25-26) provides no information about the place they were found in (the upper or lower section or room number). This also refers to many of the vessels with tamgas (primarily khums) mentioned in field reports.

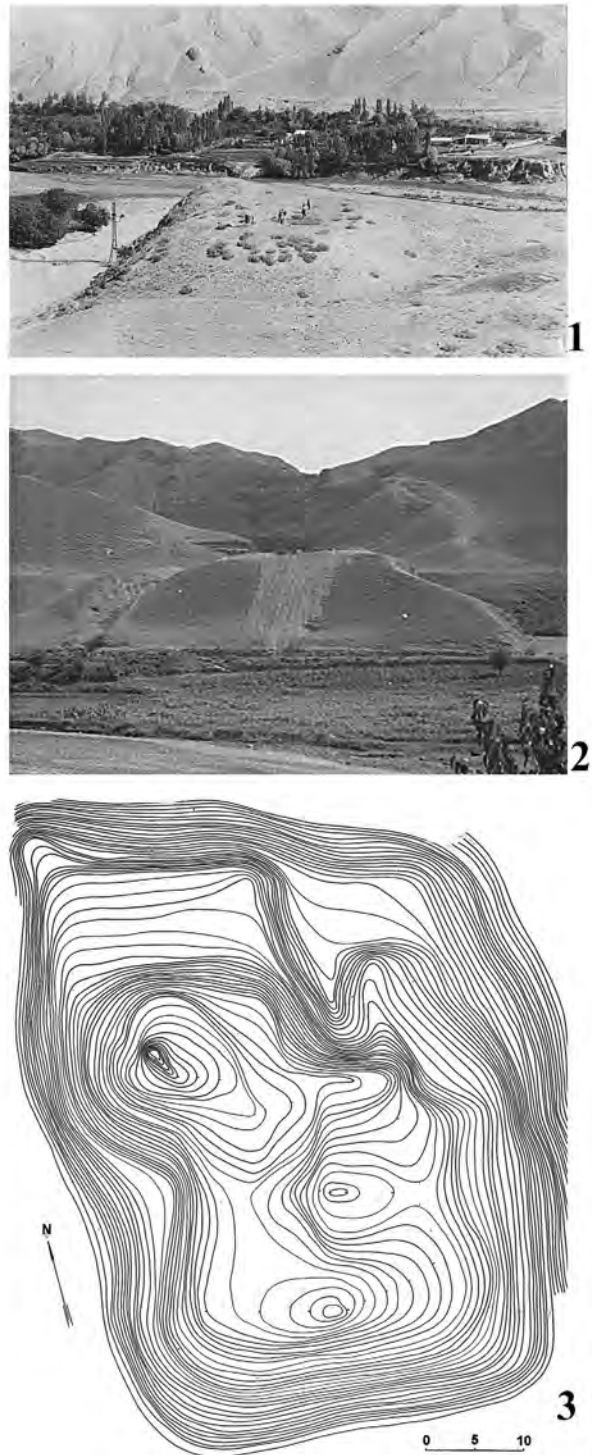
¹³⁵ Based on the information kindly provided in July 2016 by V. R. Erlih (Moscow Museum of Oriental Art), who dedicated his student's research work to the necropolis.

I-IV веков.¹³⁵ Сразу после того, как поселение и могильник прекратили функционировать, в опустевшей уже местности возникла одиночная неплохо укрепленная «усадьба Кайрагач».

Весь комплекс, как полагает Г.А. Брыкина, существовал не более двух веков (уже в первый сезон он «по керамике» был датирован ею с рубежа IV-V по VI век н.э.: Брыкина, 1969. С. 17), однако мы не исключаем, что помещения укрепленной верхней площадки появились раньше. При этом на верхней площадке выявлены три строительных периода (то есть здесь планировка помещений была более устойчивой), а на нижней, не укрепленной и связанной с более поздним основным святилищем, – пять (Брыкина, 1982. С. 46, 29-30). Осквернение культового комплекса, видимо, сопровождалось пожаром на части его территории (Брыкина, 1969. С. 1-3); возможно, серьезно пострадал западный край комплекса с привратными укреплениями (здесь от имевшихся построек мало что осталось). Весьма вероятно, что осквернение и частичное сожжение в конце периода IV святилища нижней площадки, представлявшего собой анфиладу комнат, группирующихся вокруг двора с бассейном, как-то связано с установлением контроля Тюркского каганата над этой местностью и жестокой тюрко-эфталитской войной 560-565 годов при эфталитском правителе Гатфаре. В позднейший период жизнь сохранялась в нескольких центральных помещениях «усадьбы», на границе верхней и нижней площадок (Брыкина, 1982. С. 30). Комплекс, вероятно (прежде всего в драматический позднейший период его существования), имел охрану (2 меча обнаружены на полу помещения 5 нижней площадки, до 25 наконечников стрел найдено в разных комнатах).

На первый взгляд, этот памятник в течение всего периода существования действительно похож на обычную усадьбу (на чем и сегодня настаивают участники прежних сезонов Лей-

Рис. 1. «Усадьба» Кайрагач V-VI вв. н.э.: 1 – вид с юга (на заднем плане – кишлак Кайрагач), 1969 г.; 2 – вид с севера (со стороны реки), 1974 г.; 3 – план «усадьбы» к началу раскопок (1969 г.)

Fig. 1. Kayragach 'mansion,' 5th-6th century AD: 1 – view from the south (with Kayragach Village on the background), 1969; 2 – view from the north (from the river), 1974; 3 – plan of the 'mansion' by the beginning of the excavations (1969)

¹³⁵ Любезная информация в июле 2016 г. В.Р. Эрлиха (ГМВ), посвятившего ему свою дипломную студенческую работу.

ляжской экспедиции). Почти во всех помещениях здесь найдены крупные сосуды (хумы и хумчи)¹³⁶, также в каждом помещении находились нижние камни от ручных жерновов из речных галек (верхние терочки при этом не обнаружены), а в одной из позднейших комнат обнаружен лемех плуга; в хозяйстве было преобладание коз и овец (т.к. по берегам местной речки нет хороших пастбищ), имелось немного лошадей, ослов и верблюдов. По периметру комплекса располагался ряд помещений, которые были названы складскими (удлиненных пропорций вдоль восточной и западной стен, близких к квадрату – вдоль северной и южной стен). Они были заставлены рядами хумов, размещенных обычно на полу или на суфах (так, в небольшой комнате 27 на северном краю были найдены 27 хумов). Действительно, в ранние периоды I-II комплекс являлся небольшим укреплением с активной хозяйственной деятельностью. На юго-восточном краю верхней площадки в это время было и небольшое производство изделий из черных и цветных металлов (здесь, на т.н. «хозяйственном дворе», найдены железные шлаки и следы бронзового литья).

Однако есть два момента, которые позволяют обоснованно сомневаться в «жилищно-бытовой» трактовке «усадьбы» в последующий период ее наиболее активного обживания. На них впервые обратил внимание один из авторов этого текста, Е.А. Смагулов, в 2014-2015 годах. Во-первых, это обширный *культурный комплекс*, занимающий фактически немалую долю *центральной части* сооружения (рис. 3). Его деление Г.А. Брыкиной на три изолированных святилища выглядит условным и недостаточно обоснованным. Культурный центр на нижней площадке возник, как выяснила автор раскопок, не сразу, а на рубеже периодов II и III (Брыкина, 1982. С. 38) на

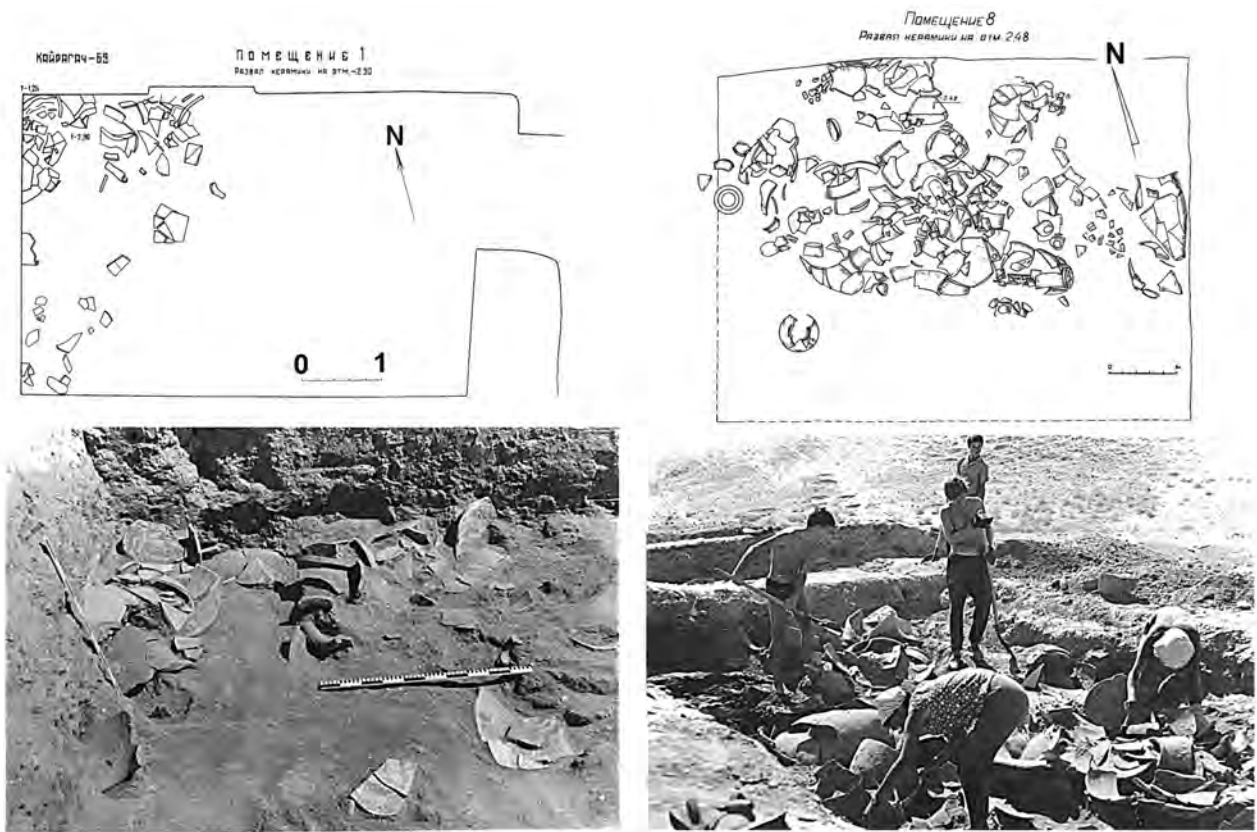
¹³⁶ В ряде случаев (например, для помещения 1 в святилище) Г.А. Брыкина утверждает, что множество сосудов упало внутрь комнаты с крыши в момент гибели здания, хотя в отчете за 1970 г. она по свежим следам отмечала, что в последнем случае практически все они стояли на суфах.

solitary well-fortified ‘Kayragach mansion’ was constructed immediately after the settlement and burial ground had stopped functioning, in the area that had grown desolate by the time.

According to G. A. Brykina, the complex, in part or in whole, could not function for more than two centuries (based on the ceramic material the researcher dated it between the late 4th-early 5th and 6th centuries in the very first excavation season: Brykina, 1969. P. 17), but we admit that the first rooms of the upper fortified site might be constructed earlier. There were three construction periods identified in the upper section (which means that the rooms’ layout was more stable there), while the lower site, unfortified and connected with the main sanctuary which was built later, had five building stages (Brykina, 1982. PP. 46, 29-30). The desecration of the cultic complex was, probably, accompanied by a fire, which involved a portion of its territory (Brykina, 1969. PP. 1-3); the western edge of the complex with the entrance fortifications could be damaged quite seriously, as there is little remaining of the structures there. It is quite possible that the desecration and burning of the sanctuary on the lower site consisting of an enfilade of rooms grouped around a court with a pool towards the end of period IV is somehow associated with the control the Turkic khaganate established over the region and the atrocious war between the Turkic peoples and the Hephthalites in 560-565, when the latter were ruled by Gatfar. At the latest stage only several rooms in the centre of the ‘mansion’ at the border of the upper and lower sections were used (Brykina, 1982. P. 30). Probably, the complex (at least at the latest dramatic stage) was guarded (2 swords were found on the floor of room 5 of the lower section and up to 25 arrowheads throughout the complex).

On the face of it, this monument, indeed, looks like an ordinary mansion throughout its life (the idea the participants of the previous seasons of the Leylek Expedition continue to support to this day). Large vessels (khums and khumchas) were found in almost one of

Рис. 2. Помещения верхней площадки с серией тамг на сосудах: 1 – помещение 1 (1969 г.); 2 – помещение 8 (1970 г.)

Fig. 2. Rooms in the upper section with a series of tamgas on vessels: 1 – room 1 (1969); 2 – room 8 (1970)

месте первоначальной укрепленной и изолированной к началу V века усадьбы, и функционировал в период расцвета комплекса (в периоды III-IV – в эфталитское время); для этого потребовалась серьезная перепланировка многих помещений, особенно в северной приречной (нижней) части. На нижней площадке он включал в себя квадратный культовый двор 10×10 м с глубоким бассейном-хаузом в центре (над последним был сооружен большой навес, опиравшийся в северной части на ряд деревянных столбов). Все пять помещений южной половины двора, по мнению самой Г.А. Брыкиной, были связаны с выполнением неких ритуалов.

В окрашенной в красное комнате 2, с одной суфой, в западной стене в нише лежали семь антропоморфных идолов (обычное число высших богов во многих пантеонах). В квадратной комнате 12, с суфами по всему периметру,

ten rooms¹³⁶; also, hand-driven nether millstones of river pebbles were recorded in each room (with no upper millstones found), and a ploughshare was discovered in one of the latest rooms. Goats and sheep predominated in livestock (which was caused by the absence of good pasturing grounds along the riverbanks), with horses, donkeys and camels forming some small portion of it. A series of rooms referred to as storerooms ran along the complex's perimeter (the ones along the eastern and western walls were elongated and those along the northern and southern walls almost square). They contained

¹³⁶ In a number of cases (e.g. with reference to room 1 in the sanctuary) G. A. Brykina maintains that many of the vessels fell inside the room from the roof when the building collapsed, although in her 1970 report written shortly after the research she noted that almost all of them had been found standing on sufatas.

диняла вдоль южного края двора длинная комната 3/6 с тремя суфами. В квадратной комнате 1 (5×5 м), с суфами по всему периметру (со стенами, расписанными красными растительными побегам и пятнами), производились наиболее важные обряды иного рода. Здесь у южной стены размещался четырехугольный алтарь (расписанный в т.ч. изображением Мирового древа), на котором стояли 4 идола (по сторонам света?), видимо, обоих полов, имевших одежду из тканей, головные уборы, фигурные мушки на щеках и лбу (Брыкина, 1970. С. 7-9). Рядом в юго-западном углу стоял прямоугольный алтарь поменьше. В комнате найдены также три курильницы (священное число), светильник и такие приношения богам, как кинжал, миниатюрная наковальня ювелира, целый и несколько сломанных топоров, три стрелы, мешочек с votivным набором разнообразных украшений костюма замужней женщины в западном углу¹³⁹ и другой набор женских украшений – в восточном¹⁴⁰, монета¹⁴¹, кучка из 28 игральные астрагалов-асыков (число, неоднократно встреченное и у сарматов: Яценко, 2016. С. 39), глиняные ритон, две фляги и др. Зал был заставлен большим количеством посуды специфического состава и часто – орнаментированной (которая вся изначально находилась на суфах, хотя один из 13 целых хумов здесь стоял на торсе упавшего с постамента идола); в ее составе преобладали кружки («горшки с ручкой-ушком») (Брыкина, 1969. С. 14-16), предназначенные, видимо,

¹³⁹ В него входили ожерелье с бусами из синего и зеленого стекла, сердолика, коралла, горного хрусталя и раковин-каури, бронзовые колокольчики, сердцевидная подвеска с эмалью, две лунницы и зеркальце, стеклянный сосудик (Брыкина, 1970. С. 10. Рис. 54).

¹⁴⁰ В него входили 2 бронзовых булавки, железный перстень, сурьманташ, ожерелья из каменных и из коралловых бус (Брыкина, 1970. С. 14-16).

¹⁴¹ Вероятно, самым ранним из приношений в позднейший храм была потертая монета Чача (Брыкина, 1982. Рис. 60) одного из ранних типов III-IV вв. с кангюйской тамгой, надписями на согдийском (кангюйском?) и портретом правителя, прототипом которого были первые Ванун (Wnwn) и Заббаг (Zbbgn) (Ртвеладзе, 2006. С. 65-73; он же, 2008).

at the later stages of its active use. The first person who mentioned them in 2014-2015 was one of the authors of this chapter, E. A. Smagulov. The first factor is the extensive *cultic complex* occupying a large portion of the object's *central part* (fig. 3). The division of it into three isolated sanctuaries proposed G. A. Brykina seems quite conditional and unsubstantial. According to the excavator, the cultic centre in the lower section did not exist from the very beginning, but was founded in late period II-early period III (Brykina, 1982. P. 38) on the site of the mansion, fortified at the initial stages and isolated by the 5th century, and was used during the complex's highlight (in periods III-IV – at the Hephthalite time); this required considerable reconstruction of a number of rooms, particularly in the northern (lower) section closer to the river. The lower section of the complex consisted of a square cultic court 10×10 m with a deep pool (pond) in the centre (the latter was covered with a large shed that rested on a series of wooden pillars in the northern part). According to G. A. Brykina, all the five rooms in the southern part of the court were associated with some rituals.

Seven anthropomorphic idols (the common number of supreme divinities in many pantheons) were found lying in the western niche of red-painted room 2 with one sufa. Square room 12 in the opposite, eastern part of the court, with sufas running all along its perimeter had a niche in the northern wall, which had in it a series of identical clay semi-finished idols, not yet baked (which Brykina took for 'phalluses')¹³⁷. According to Narshakhi, some categories of idols in neighbouring Sogd were quite often being replaced with new ones, some even, perhaps, annually, which they bought from a temple on a certain holiday (Narshakhi, 1897. PP. 30-31)¹³⁸. The two previous rooms were interconnected through long room 3/6 with three sufas, which

¹³⁷ Fortunately, these semi-finished idols were found in the State Museum of Oriental Art in Moscow and the authors had a chance to look at them.

¹³⁸ An idol found in a waste layer outside the sanctuary, to the north of it, supports the idea that people used to dispose of old idols (Brykina, 1982. P. 90).

для жертвенных возлияний. В примыкающей с юго-запада узкой и пустой тупиковой комнате-коридоре (ее номер нигде не указан; когда-то она вела в башню) в дальнем ее торце была ниша, перед которой стояла фигурная курильница.

К югу, за стеной с полутораметровым перепадом, отделявшей две основных площадки, на верхней выделяются помещения 4 и 5, в которых происходили некие общественные ритуалы, связанные с сильным огнем, многократно разводимым на их центральных сильно прокаленных площадках. В очаге помещения 4 стоял сосуд для воскурения травы испанда (Брыкина, 1982. С. 30, 32, 41). Между этими комнатами находилось небольшое помещение 14 с огромным количеством небольших сосудов (кувшины, котлы, миниатюрные горшочки, зооморфный ритон), амулетами из камня и кости, сурьманташами. Кроме того, в центре площадки в ранний период функционирования святилища (период III), видимо, существовал оригинальный подземный ход, начинавшийся как отвесный колодец с лестницей внутри; затем под углом до 45 градусов ход шел на север, в сторону сакрального двора.

Итак, в центральной части комплекса на стыке обеих площадок (в основном на нижней) функционировал комплекс из семи комнат сакрального назначения (священное число), сочетавшего, вероятно, различные культы. К сожалению, сохранились вмятные следы культовых действий только последнего периода существования культового комплекса, закончившегося его гибелью (похоже, приношения и культовые атрибуты здесь регулярно обновлялись и поэтому, а также из-за предосторожностей в связи с внешней угрозой, на момент разрушения были малочисленными). Позиция Г.А. Брыкиной по поводу интерпретации этого комплекса была явно противоречивой. С одной стороны, она признавала, что он предназначался не только для немногочисленных обитателей «усадьбы» и имел региональное значение. С другой стороны, ее смущало малое число наличных приношений, и она склонна говорить о «домашних молельнях», о семей-

stretched along the court's southern edge. Square room 1 (5×5 m) with sufas running all along the perimeter (with walls decorated with red shoots and spots) was a place where the most important rituals of another sort were performed. At the southern wall there was a quadrangular altar (one of its decorative patterns was the Tree of Life) with four idols standing on it (facing the points of the compass?). The idols were, probably, of both sexes, were dressed in textile clothes and headgear and had speckles on the cheeks and forehead (Brykina, 1970. PP. 7-9). Next to it, in the south-western corner, there was a smaller altar, rectangular in form. Among other things found in the room were three censers (a sacred number), a lamp and various offerings, such as a dagger, small jeweller's anvil, a whole axe and a few broken ones, three arrows, a small bag with a set of diverse votive adornments for a married woman's suit in the western corner¹³⁹, another set of women's adornments in the eastern corner¹⁴⁰, a coin¹⁴¹, a pile of 28 asyk game bones (this number often occurs in Sarmatian monuments: Yatsenko, 2016. P. 39), some clay rhytons and two flasks. The room was filled with numerous specific ceramic utensils, often ornamented (which initially had been placed on the sufas, although one of the 13 whole khums was found standing on the torso of an idol that had fallen from the base); the ceramic vessels consisted mostly of mugs ('pots with eye-like handles') (Brykina, 1969. PP. 14-16), probably, meant for sacrificial libation. A narrow empty dead-end corridor-like room adjoined the previ-

¹³⁹ It included a necklace with beads of blue and green glass, carnelian, coral, rock crystal and cowrie shells, bronze bells, a heart-shaped pendant with enamel, two lunulae, a small mirror and a small glass vessel (Brykina, 1970. P. 10. Fig. 54).

¹⁴⁰ This one included 2 bronze pins, an iron ring, antimony case and necklaces with stone or coral beads (Brykina, 1970. PP. 14-16).

¹⁴¹ Probably, the earliest offering to the latest temple was a worn Chach coin (Brykina, 1982. Fig. 60) of one of the earliest types of the 3rd-4th century with a Kangju tamga and inscriptions in Sogdian (Kangju?) and the portrait of a ruler, whose prototypes were the first Wanun (Wnwn) and Zabbag (Zbbgn) (Rtveladze, 2006. PP. 65-73; *ibid.*, 2008).

ном культе и т.п. Естественно, возникают вопросы: известны ли нам в Центральной Азии «домашние» или «семейные» храмы с семью специально предназначенными для этого помещениями, большим ритуальным бассейном в специальном дворе и т.п.? Известны ли нам для этого региона ритуальные комплексы семейного «масштаба» с тремя помещениями, специально предназначенными для серий идов? Разумеется, нет.

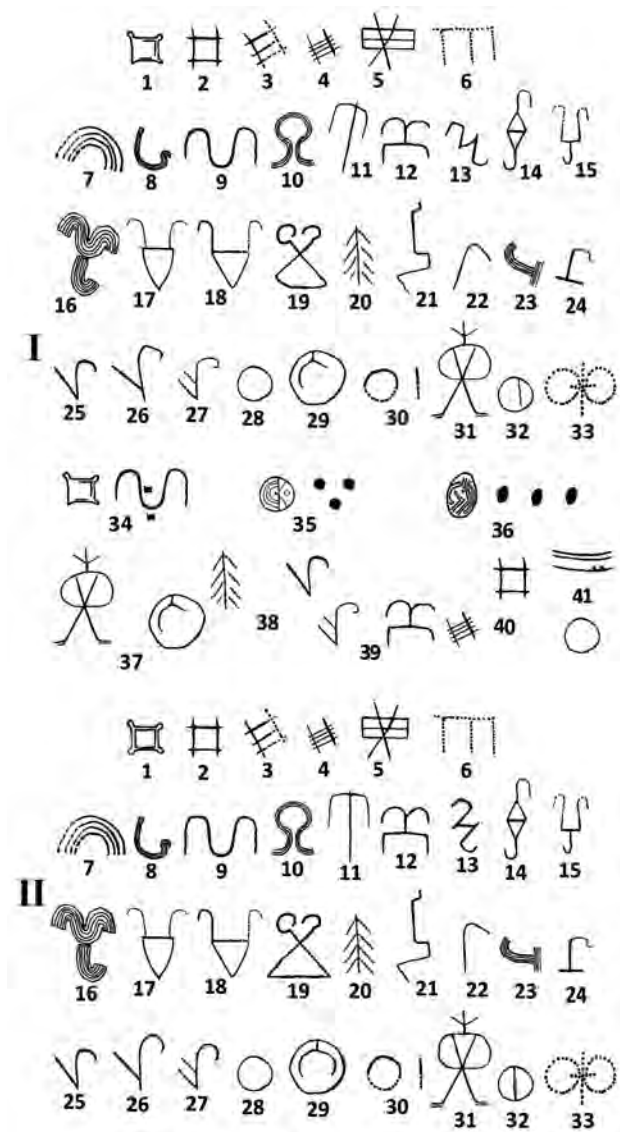
Вторым (и трудно опровержимым) аргументом против трактовки комплекса как семейной усадьбы для периодов III-IV является обилие находок сосудов со знаками – тамгами / нишан на них. Понятно, что для семейного владения (тем более расположенного в мало-заселенной в тот момент местности) было достаточно использовать единственный тип кланового (семейного) знака или вообще не использовать их. Между тем, на керамике из поздних слоев «усадьбы» представлен 31 тип знаков собственности (!!!) (рис. 4, 1-31) и оттиски печатей трех типов (рис. 4, 34-36), некоторыми из которых метилась посуда в двух разных помещениях (№№ 26, 35). Такое обилие разнотипных знаков на одной небольшой площади в течение короткого отрезка времени характерно в Центральной Азии только для одного типа объектов – для храмов (часто имевших также свое храмовое хозяйство) и разнотипных святилищ. Большие серии знаков представлены в храме IV века до н.э. – II века н.э. в Байте III на Устюрте (273 типа: см.: глава 2, рис. 6), на внутренних стенах храмов в Тахти-Сангине (более 40 типов) в верховьях Амударьи (Яценко, 2001. С. 98-99. Рис. 31), в верхних слоях близкого по времени посткангуйского святилища Сидак у г. Туркестан (108 типов: Смагулов, Яценко, 2014. Рис. 1-2; см. главу 5, рис. 3, II), в скоплениях петроглифов на одном из участков берегов р. Цаган-Гол в Юго-Западной Монголии и др.¹⁴²

¹⁴² Г.А. Брыкина также специально отмечает наблюдение А.М. Беленицкого, что знаки на сосудах в Пенджикенте связаны именно с храмами (Брыкина, 1982. С. 157).

ous one from the south-west (it had no number, but once it had led to the tower); in its farthest end was a niche with a figured censer in its front.

To the south, behind the wall with a 1.5-metre difference in height dividing the two main sections, there were two rooms, 4 and 5, which were used for some public rituals associated with strong fire, which had been made many times on strongly tempered grounds in their centres. The fireplace of room 4 had in it a vessel for burning the isband grass (Brykina, 1982. PP. 30, 32, 41). Between these rooms there was another one, small room 14, with a large number of small vessels (jugs, cauldrons, tiny pots and a zoomorphic rhyton), stone and bone amulets and antimony cases. In addition, at the early stage of the sanctuary's activity (period III), there was, probably, a unique underground passage in the centre of the ground, which began as a vertical well with a ladder, and then went at an angle of 45° northwards towards the sacral court.

Thus, a sacral complex of seven rooms (a sacred number), where, probably, different cults were practiced, was organised in the centre of the complex where the two sections met (mostly on the lower one). Unfortunately, only the latest stage of the cultic complex, which ended in destruction (obviously, due to the practice of replacement of offerings and cultic attributes with new ones and precautions associated with external threats, they were quite numerous at the time of the destruction), left some clear evidence of cultic acts performed. G. A. Brykina's interpretation of the complex was evidently contradictory. On the one hand, she admitted that it was used at the regional level, and not only by those who lived in the 'mansion'. On the other hand, she was somewhat puzzled by the small number of the offerings found, so she preferred to interpret it as a set of 'household prayer rooms' for a family cult. Hence, the questions. Do we know of any other 'household' or 'family' temple of this kind in Central Asia with seven rooms assigned for the purpose, a large ritual pool in a special court and other similar objects? Do we know of any other 'family-scale' ritual complex in the region with

Рис. 4. Типы знаков на керамике Кайрагача. I – прорисовки знаков: 1-31 – тамги на керамике из «усадыбы»; 32-33 – тамги на кувшинах из некрополя I-IV вв. (курганы 7, 34); 34-36 – оттиски печатей и перстней, повторенные 2-3 раза на одном хуме; 37-41 – парные знаки, размещенные рядом на хумах и хумчах. II – парадные («печатные») формы знаков

Fig. 4. Sign types on the pottery from Kayragach. I – drawings of signs: 1-31 – tamgas on the pottery from the 'mansion'; 32-33 – tamgas on jugs from the necropolis of the 1st-4th centuries (barrows 7, 34); 34-36 – imprints of stamps and seal rings copied 2-3 times on one khum; 37-41 – pairs of signs made next to each other on khums and khumchas. II – gala ('stamped') sign forms.

three special rooms for keeping series of idols? Certainly, we do not.

The second argument (which can hardly be refuted) against the interpretation of the complex as a family mansion in periods III-IV is the *large number of vessels with tamgas/nishan signs on them* found on the site. It is clear that for a family house (furthermore, situated in an area that was sparsely populated at the time) it was quite enough to use only one type of clan (family) sign or not to use them at all. However, the ceramics found in the latest layers of the 'mansion' presents 31 types of ownership signs (!!!) (fig. 4, 1-31) and three kinds of seals (fig. 4, 34-36), some of which were recorded on vessels from two different rooms (Ns. 26, 35). Signs so numerous and diverse have been found in Central Asia in objects of only one type – *temples* (within some of them economic activity was carried out) and *sanctuaries of various kinds*. Large collections of signs were discovered in the temple of the 4th century BC-2nd century AD at Bayte III on the Ustyurt Plateau (273 types: see Chapter 2, fig. 6), on the interior walls of temples in Takhti-Sangin (over 40 types) in the upper stretches of the Amudarya River (Yatsenko, 2001. PP. 98-99. Fig. 31), in the upper layers of the Sidak sanctuary near the city of Turkestan dated to around the same post-Kangju period (108 types: Smagulov, Yatsenko, 2014a. Figs. 1-2; see Chapter 5, fig. 3, II), amid petroglyph clusters on one of the sites on the bank of the Tsagaan-Gol River in south-western Mongolia and in some other places.¹⁴²

Now let us analyze the nishan signs on pottery from Kayragach (figs. 4 and 5). Brykina believes that the complex found there is very close to that from Chach. Professional potters used to work at the sanctuary at its active stage (ceramic production waste was discovered). Probably, as was the case in Sidak, they made vessels to order for pilgrims visiting the temple and put clan/family signs on them (Smagulov, Yatsenko,

¹⁴² G. A. Brykina provides the observation of A. M. Belenitsky, who related signs on vessels from Penjkent to temples (Brykina, 1982. P. 157).

Рассмотрим теперь знаки-нишан на керамике из Кайрагача (рис. 4 и 5). Собственно керамический комплекс здесь Г.А. Брыкина считает очень близким чачскому. В период функционирования святилища здесь работали профессиональные гончары (найлены отходы керамического производства). Вероятно, как и в Сидаке, такой мастер делал для посещающих храм паломников на заказ посуду, на которой размещал клановый/семейный знак (Смагулов, Яценко, 2014б. С. 47). Еще до возникновения «усадыбы» пара знаков №№ 7 и 34 найдена на кувшинах из ранних курганов I-IV веков, расположенных к юго-западу (рис. 4, 32-33). Характерно, что в обоих случаях основу знака на них составляет круг (эта базовая форма была популярна здесь и позже, что отразилось в четырех знаках: рис. 4, 28-31). К сожалению, Г.А. Брыкина почти не заинтересовалась многочисленными метками, найденными на керамике. Наблюдения ограничиваются несколькими короткими, отрывочными фразами, вроде: «На корчагах (хумчах – Е.С. и С.Я.) в Кайрагаче есть тамги, сходные с теми, которые отмечены на хумах» (Брыкина, 1982. С. 62), какие – совершенно не ясно. Единственная небольшая таблица со знаками на хумах в отчете за 1974 год (Брыкина, 1974. Рис. 19) не подписана, и лишь из одного упоминания в тексте выяснилось, что речь идет о помещении 17 нижнего яруса. К счастью, лишь для четверти типов знаков (8 из 31: №№ 5, 9, 10, 13, 17, 18, 24, 28) мы не имеем никаких данных о конкретном месте их находки. Эти знаки выявлены нами на семи хумах и одной тагоре (знак №13), а также дважды – тройной оттиск печати №35 при изучении кайрагачской коллекции Государственного музея Востока; к сожалению, на этой посуде нет экспедиционной шифровки об участке, слое и годе находки. Кажется несомненным, что реальное количество разнотипных знаков, обнаруженных в Кайрагаче (судя по логике фиксации Г.А. Брыкиной – фрагментированных или изображенных на не полностью сохранившихся сосудах), было больше, чем известно нам сегодня, но, к сожалению, эти знаки утрачены

2014b. P. 47). Signs Ns. 7 and 34 were found on jugs from earlier mounds situated to the southwest and dated to the 1st-4th centuries, that is, to the time before the establishment of the 'mansion' (fig. 4, 32-33). Interestingly, the structure of both signs is based on a circle (this basic form continued to be popular in the area later, which is supported by four other signs: fig. 4, 28-31). Unfortunately, G. A. Brykina took little interest in numerous marks recorded on the ceramics. Her observations are confined to a few short fragmentary phrases, such as 'Large pots (khumchas – E. S. and S. Ya) from Kayragach have tamgas on them similar to those found on khums' (Brykina, 1982. P. 62), from which it is absolutely unclear what kind of tamgas they are. The only small table with signs on khums in a 1974 report (Brykina, 1974. Fig. 19) was not provided with inscriptions, and only one mention in the text suggested that they were discovered in room 17 from the lower layer. Fortunately, the exact place of discovery is unknown only for one fourth of the sign types (8 of 31: Ns. 5, 9, 10, 13, 17, 18, 24, 28). These signs were recorded on seven khums and one tagora (sign No. 13); triple imprints of seal No. 35 were found twice on the Kayragach collection from the State Museum of Oriental Art – unfortunately, no ciphered expedition data on the section, layer and year of discovery was observed on these vessels. It seems obvious that the actual number of signs of different types found in Kayragach (following the logic of G. A. Brykina's records, fragmented ones or those on fragmented vessels), was larger than we know of today, but, unfortunately, they were disposed of during the excavations as an uninteresting and 'annoying' encumbrance and are therefore lost for the study forever.

The overwhelming majority of marks on the ceramics from this monument were quite neat, rather 'gala' ('stamp') in appearance (this fact alone deserves special attitude). Many of the signs slanted slightly to the right (which was done, apparently, for the convenience of right-handed sign makers) (Ns. 7, 8, 11, 16, 22, 24, 36), while some few slanted to the left (Ns. 6, 23) (those are signs designed initially to be

для науки, как неинтересная «досадная пометка» при раскопках.

Метки на керамике этого памятника, за редким исключением, наносились на поверхность сосуда весьма аккуратно, близко к «парадному» («печатному») варианту (этот факт сам по себе заслуживает внимания). Многие метки при этом при написании слегка наклонили вправо (видимо – для удобства правой руки) (№№ 7, 8, 11, 16, 22, 24, 36), в редких случаях влево (№№ 6, 23) (речь не идет о знаках, изначально задуманных с наклоном основной оси примерно под 45 градусов: №№ 3, 4, 13). Знаки Кайрагача наносились на поверхность посуды различными способами. Большинство из них изображалось *по сырой глине*, до обжига (рис. 4, №№ 1-3, 6-11, 13-16, 18-20, 22, 23, 25-28, 30, 32, 33). Делалось это обычно тонкой палочкой, реже – лезвием ножа, №9 – торцом палочки (?) шириной около 1 см. На кувшинах иногда использовалось нанесение линий из точечных наколов (рис. 4, №№ 6, 33), причем ранний его образец происходит еще не из «усадьбы», а из кургана 34. В пяти случаях известно использование гончаром палочки с рядом выступов – гребенкой на торце; линия знака при этом получалась состоящей из 3-6 параллельных полосок. Среди подобных знаков – метки на двух хумах (№№ 8, 10), кувшине (№16), фляге (№23) и горшке (№7).

Гораздо меньше сосудов, где 1-2 метки были процарапаны лезвием ножа уже *после обжига*; это обычно делалось на хумах (рис. 4, №№ 4, 5, 29, 31 и, возможно, №12) и в одном случае на кувшине (№21). Уникальной пока особенностью Кайрагача является нанесение тамг на двух хумах из коллекции ГМВ (№№ 17, 24) в смешаной технике и в два этапа: в первом случае вначале по сырой глине глубокой линией нанесли верхние линии, а после обжига лезвием ножа – нижний треугольник; во втором случае, напротив, до обжига нанесли нижнюю и центральную части, а после – верхнюю правую. Такая «правка» знака керамистом (видимо, по требованию заказчика-паломника) могла, на наш взгляд, означать лишь одно: сосуд с жертвующим храму содержимым вначале заказывался представителем одного клана (ко-

turned to 45 degrees from the main axis: Ns. 3, 4, 13). Signs were made on the vessels from Kayragach using diverse technique. Most of them were put *on raw clay* prior to baking (fig. 4, Ns. 1-3, 6-11, 13-16, 18-20, 22, 23, 25-28, 30, 32, 33). The most common tool was a thin stick, in some cases a knife blade was used, while sign No. 9 was made with the end of a stick (?) 1 cm thick. Signs on some jugs consisted of lines of pricked dots (fig. 4, Ns. 6, 33), with their earlier version found in mound 34 dated to the 'pre-mansion' period. Five signs were made with the use of a stick with numerous projections and a rack on the end; in these cases the lines of the signs consisted of 3-6 parallel stripes. Those are marks on two khums (Ns. 8 and 10), a jug (No. 16), flask (No. 23) and pot (No. 7).

There are much fewer vessels where 1-2 marks were scratched with a knife blade *after baking*; most of them are khums (fig. 4, Ns. 4, 5, 29, 31 and, possibly, No. 12) and one is a jug (No. 21). One of the site-specific features of Kayragach was the discovery of tamgas on two khums from the collection of the Museum of Oriental Art (Ns. 17, 24) made with the use of mixed technique in two stages: in the first case the upper lines were cut deeply in raw clay, and after baking the lower triangle was made with the use of a knife; in the second case, on the contrary, the lower and central parts were made first prior to baking, and the top right portion came after it. We think that this 'correction' of a sign by the ceramist could indicate only one thing: the vessel with offerings for the temple was ordered by a representative of one clan, who was not able to take part in the ritual and was substituted by a member of a kindred clan. There is one particularly interesting rim on a vessel from the collection of the Museum of Oriental Art (No. 41): two additional cuts were made along the edge of the rim over sign No. 28 (similar practice was recorded in neighbouring regions in the Middle Syrdarya area). Probably, they were made by the potter, who marked the khum in this way for his personal reasons (number, use order?).

A part of the marks on vessels are imprints of small images on seal rings and stamps (with a square, circular and lens-shaped ornament-

торый вовремя не смог участвовать в ритуале), и это сделал за него представитель одного из родственных кланов. Очень интересен еще один венчик хума из коллекции ГМВ (№41): здесь над знаком №28 по краю венчика были дополнительно сделаны две нарезки (подробная практика известна и в соседних районах Средней Сырдарьи). Вероятно, они принадлежали гончару, отметившему таким образом хум в каких-то своих целях (счет, порядок использования?).

Часть меток на сосудах представляют собой оттиски небольших изображений на перстнях и печатях (с квадратной, круглой или линзовидной орнаментальной рамкой). Характерно, что такие оттиски всегда делались *по несколько рядом* на плечике хума. В одном случае (когда на квадратной печати¹⁴³ изображена тамга) изображение повторено дважды (над и под центральной частью крупной тамги) (№34); в тех ситуациях, когда использовалась композиция из сложных геометрических узоров (№№ 35, 36), оттисков было три (треугольником или в линию), в первом случае такая композиция выявлена на двух разных хумах. Кроме названных, своеобразным штампом на хуме можно считать оттиск прямоугольной поясной пряжки (Брыкина, 1982. С. 157); его изображение и место находки никак не документированы.

Для Кайрагача характерно также многократное нанесение рядом на горловине одного сосуда *пары знаков* в горизонтальный ряд (№№ 37-40). В половине случаев знаки в такой паре родственные (имеющие в основе круг или квадрат). О подобных парах знаков у древнего населения многих районов Евразии многократно писалось: речь идет, видимо, о проведении представителями двух кланов совместной акции (моления и сопровождавшего его банкета при заключении некоего соглашения) (Яценко, 2001. С. 81-83).

Обратимся к *распределению знаков определенных типов по помещениям* Кайрагача (в тех 3/4 случаев, когда они документированы) (рис. 3). Первоначально мы скептически от-

тал frame). Interestingly, such imprints always formed rows of images placed next to each other on the shoulder of khums. In one case (where a tamga was made on a square seal¹⁴³) there were two copies of the image (above and under the central part of a large tamga) (No. 34); where the composition consisted of complex geometric patterns (Ns. 35, 36), there were three imprints (forming a triangle or line); sign No. 35 was found on two different khums. Apart from the objects mentioned above, an imprint on a rectangular belt buckle can also be regarded as a seal on a khum (Brykina, 1982. P. 157); its image and place of discovery have not been documented in any way.

Another feature characteristic of Kayragach is numerous copies of horizontal *pairs of signs* put next to each other on the neck of a vessel (Ns. 37-40). In half of the cases the pairs are formed by kindred signs (based on a circle or square). Sign pairs like these have numerous times been recorded in ancient peoples in various parts of Eurasia: probably, this refers to a cooperative act performed by representatives of two clans (praying and feast following the conclusion of some agreement) (Yatsenko, 2001. PP. 81-83).

Now let us consider the *distribution of definite types of signs across the rooms* of Kayragach (for the 3/4 of signs that were documented) (fig. 3). Initially, we were sceptical about the analysis of such distribution, but the results proved quite interesting.

Many of the rooms in the 'mansion' were literally filled full with khums. However, there was not a single khum with a sign found in most of these chambers (rooms 8 and 27 in the lower section among others). There is a room (only one!) in Kayragach where signs were recorded on a large number of khums but never on a vessel of any other type; this is room 17 of the lower section, square in plan (4×4 m), with a sufa in the northern part (interestingly, all the tree types of kindred signs Ns. 25-27 were

¹⁴³ Ср. в Сидаке: Смагулов, Яценко, 2014а. Рис. 2, №78.

¹⁴³ Cf. In Sidak: Smagulov, Yatsenko, 2014a. Fig. 2, No. 78.

несли к перспективе анализа такого распределения, но его результаты оказались очень интересными.

Многие помещения «усадыбы» буквально забиты хумами. Однако в подавляющем большинстве подобных секций на хумах нет ни одного знака (помещения 8 и 27 нижней площадки и др.). Но в Кайрагаче есть (всего одно!) помещение, где знаки были представлены на многих хумах и отсутствуют на другой посуде – в помещении 17 нижней площадки, квадратном (4×4 м), с суфой в северной части, (причем здесь представлены все три типа родственных знаков №№ 25-27; их хозяева играли в Кайрагаче не последнюю роль, т.к. только эти знаки встречены во многих помещениях) (рис. 3). Эта секция вообще была самой богатой находками подобных меток в Кайрагаче. Они обнаружены на половине хумов – на 8 из 16, на одном – два знака (при этом 7 хумов здесь были вкопаны в ряд вдоль западной стенки). Вторая секция, где знаки встречены неоднократно и только на хумах, – помещение 8 верхней площадки (рис. 2, 2). Здесь три знака отмечены на двух хумах (из 17) (Брыкина, 1970. С. 3-5) (кроме хумов в центре секции стояли котел, кубок на ножке и кувшин, в западном углу – крупная зернотерка). Оба этих помещения – подквадратные, с суфой вдоль северной стороны. Все остальные (не привязанные в отчетности) тамги на хумах, похоже, были найдены по одной рассеянно (иначе это как-то было бы отражено на фото в отчетах).

Совершенно иной характер имеют знаки из помещения 1 верхней площадки (5,6×4,2 м). С юга оно примыкало к двум комнатам основного святилища (расположенным на нижней террасе), с запада – к помещению 5 другого святилища, на верхней площадке (связанного с очень активным использованием огня) и имело в него вход (рис. 2, 1). В этой комнате знаки представлены на 7 сосудах, но при этом – ни разу на хумах (которых найдено 13), а на 3 кувшинах, на 2 хумчах (на одной – два знака), горшке и фляге. Как видим, состав меченой керамики здесь определялся вотивными сосудами среднего размера с какими-то жидкостями и отчасти – едой.

recorded; their owners, doubtlessly, played an important role in Kayragach, as only these signs were found in numerous other rooms as well) (fig. 3). This chamber was generally the richest in marks of this kind in Karagach. They were recorded on a half of the found khums (8 of 16), with one khum having two signs; interestingly, 7 of those khums were found buried in a row along the western wall. The second chamber where a few signs were found only on khums was room 8 in the upper section (fig. 2, 2). There three signs were recorded on two khums (of 17) (Brykina, 1970. PP. 3-5) (apart from the khums there was a cauldron, legged goblet and jug in the centre of the room and a large grain grinder in the western corner). Both these rooms are roughly rectangular and each has a sufa along the northern side. All the other tamgas (not attributed to any place in the report) on khums were, probably, found individually throughout the complex; otherwise they would have been photographed for the reports.

Signs from room 1 of the upper section (5.6×4.2 m) are absolutely different in character. On the south it adjoined two rooms in the main sanctuary (in the lower terrace), while on the west it bordered on room 5 of the other sanctuary in the upper section (where fire was used most actively) and was connected with the latter by a doorway (fig. 2, 1). In this room signs were found on 7 vessels of various types – 3 jugs, 2 khumchas (one with two signs), a pot and a flask, but never on a khum (which numbered 13). We can see that the ceramics with signs found there consisted of medium-sized votive vessels containing liquid of some kind and sometimes food.

In two other documented cases (room 29 in the lower and room 6 in the upper sections) one sign was found on a jug in each of them (Ns. 26, 11). Probably, there it was important to mark ownership or participation in some ritual libation performed several times. In the centre of the sanctuary (room 1 of the lower section) a pair of signs of similar types was recorded on only one object – a flask (fig. 4, Ns. 2, 4, 40).

To explain the large number of signs on khums in one room, No. 17, in the lower sec-

В еще двух документированных случаях (пом. 29 нижней и пом. 6 верхней площадок) представлено по единичному знаку на кувшинах (№№ 26, 11). Вероятно, здесь было важно отметить собственность или участие при неких, видимо, многократных ритуальных возлияниях. В центре святилища (помещение 1 нижней площадки) знаки сходных типов были представлены парой на единственном предмете – фляге (рис. 4, №№ 2, 4, 40).

Уникальное обилие знаков на хумах в единственном помещении 17 нижней площадки можно по аналогии со святилищем Сидак объяснить тем, что именно здесь (на краю комплекса, обращенном к реке) и было главное помещение для хранения в течение определенного времени очищенных костей умерших (ср. Смагулов, Яценко, 2014б. С. 47)¹⁴⁴.

Несомненно, особую роль среди знаков в Кайрагаче играли те, которые были встречены на разных сосудах *дважды*; их хозяева были среди частых посетителей храма. Речь идет о двух знаках очень близких типов №№ 25 и 26, причем первый из них отмечен в обоих важнейших для нас помещениях со множеством тамг (пом. 17 нижней и пом. 1 верхней). Дважды был встречен и знак №14 (Брыкина, 1982. С. 157), но ни сосуд, ни место его находки не документированы. Кроме того, оттиск печати №35 встречен дважды на двух разных хумах, причем оттиски нанесены на каждом сосуде трижды (в обоих случаях - в совершенно одинаковой манере – в виде равнобедренного треугольника, ориентированного определенным образом).

К сожалению, опубликованные знаки на доисламских памятниках Ферганы и сегодня крайне малочисленны (см., например, в Тагопе: Брыкина, 1982. Табл. 8, 5, 9, 10), и их сравнение очень затруднено. Однако немалую помощь в осмыслении знакового фонда Кайрагача могут оказать знаки с доисламских памятников *соседних регионов* (Средней Сырда-

tion, we can refer to the Sidak sanctuary: the room at the edge of the complex, on the side facing the river, was the main one used for some time to keep the cleaned bones of dead people (cf. Smagulov, Yatsenko, 2014b. P. 47)¹⁴⁴.

There is no doubt that signs that were recorded *twice* on different vessels played a special part in Kayragach: their owners were frequent visitors to the temple. Those are two signs, Ns. 25 and 26, very similar in type; moreover, the first one was found in both the important rooms with numerous tamgas (room 17 in the lower section and room 1 in the upper one). Sign No. 14 was also recorded two times (Brykina, 1982. P. 157), but neither the vessel nor the place of discovery were documented. In addition, imprints of seal No. 35 were found twice on two khums, with one seal imprinted three times on each vessel (in both cases following absolutely the same pattern – in the form of an isosceles triangle oriented in a special way).

Unfortunately, there have been very few signs from the pre-Islamic monuments of Fergana published so far (see e.g. in Tagop: Brykina, 1982. Pl. 8, 5, 9, 10), and it is therefore very hard to compare them. However, signs from pre-Islamic monuments in some *neighbouring regions* (Middle Syrdarya, Bactria, Sogd and Khorezm) may be of great help in understanding Kayragach's signs, as these have been studied much better.

The largest group of analogues can be found in the territory of the ancient '*nomadic empire*' of Kangju, in the middle stretches of the Syrdarya River (Otrar-Karatau and Kaunchi cultures and post-Kangju (pre-Islamic) signs used by the Kang's descendants in this territory). One of the most interesting is tamga No. 1 stamped twice on one khum from the Museum of Oriental Art (No. 34). Although the image on the stamp was made quite carelessly, it is obvious that it has the form of a square with a small circle in each of its corners. Now it is

¹⁴⁴ Увы, качество фиксации материала в Лейлякской экспедиции не предполагало описание мелких фрагментов человеческих костей, по невнимательности служителей сохранившихся на дне хумов, если таковые и встречались.

¹⁴⁴ Unfortunately, the Leylyak Expedition did not describe small fragments of human bones that might be left on the bottoms of khums through the keepers' neglect.

ры, Бактрии, Согда, Хорезма), которые в этом плане изучены намного лучше.

Самую большую группу аналогий дает основная территория древней «кочевой империи» Кангюй/Кангха Средней Сырдарьи (отрарско-каратусская и каунчинская культуры и посткангюйские (доисламские) знаки потомков населения Кангюя на этой территории). Прежде всего, большой интерес представляет собой тамга №1, нанесенная дважды на тот же хум печаткой из коллекции ГМВ (№34). Хотя изображение на печати выполнено небрежно, ясно, что речь идет о квадрате, имевшем на углах по небольшому кружку. Сейчас уже понятно, что этот знак в более раннее время (I век до н.э. – III век н.э.) был весьма значим в этнополитической истории Средней Азии и связан с юэчжийско-кангюйской и позже – сарматской знатью. Ранее всего он, видимо, известен на петроглифах в Чу-Илийских горах на западе Усунь (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Fig. 14), чуть позже (с рубежа н.э.) – целой серией у кангюйской элиты в цитадели древнейшего города Ясы/Туркестана – Культобе¹⁴⁵, а с середины II века н.э. он с мигрировавшими из Казахстана «поздними сарматами» попал в устье Дона и Крым (Смагулов, Яценко, 2014а. Рис. 6-7) (см. главу 4). Использование этого знака на печатке спустя 500-300 лет после его активного употребления в Туркестанском оазисе (одним из паломников) – интригующий сюрприз, говорящий о длительном влиянии данного кангюйского клана¹⁴⁶. Не менее любопытна тамга №11 на кувшине. В более ранний период (I-III века н.э.) она обнаружена на гор-

clear that in the earlier period (1st century BC-3rd century AD) the sign was quite important in the ethno-political history of Central Asia and was related to the Yuezhi-Kangju and, later, Sarmatian aristocracy. Its earliest copy was recorded among petroglyphs in the Chu-Ili Mountains in the west of the Wusun's kingdom (Rogozhinskii, Yatsenko, 2015. Fig. 14), a series of slightly later copies (dated to about the turn of the Common Era) of this tamga used by Kangju aristocracy were discovered in the citadel of Kultobe¹⁴⁵, the ancient city of Yasi/Turkestan, while in about the middle 2nd century AD the 'late Sarmatians' that migrated from Kazakhstan brought this sign to the Don mouth area and Crimea (Smagulov, Yatsenko, 2014a. Figs. 6-7) (see Chapter 4). The use of a stamped version of this sign by a pilgrim 500-300 years after it had been commonly utilised in the Turkestan Oasis is an intriguing surprise indicating that this Kangju clan continued to exert influence for quite a long time¹⁴⁶. Tamga No. 11 on a jug is of no smaller interest. It has been also recorded on the necks of two khums of an earlier period (1st-3rd centuries AD), also from the same major political centre of Kangju, Kultobe in Turkestan (2016 y. material). Different-type signs formed by rows of squares (Ns. 3, 4) were characteristic of the Sidak sanctuary in the Middle Syrdarya area in the 5th-8th centuries (Smagulov, Yatsenko, 2014b. Figs. 1, 15, 70; figs. 2, 85), while in the earlier period (1st-3rd centuries) they were typical of Kultobe, the most ancient part of Turkestan (Ibid, figs. 8,

¹⁴⁵ Сегодня там известно уже четыре таких знака на хумах.

¹⁴⁶ Не исключено, что упрощенную версию этого знака (где кружки по углам превратились в короткие боковые линии) мы видим позже на редкой серии монет VII-VIII вв., чеканившихся от имени некоего тюркского кагана в Чаче (Бабаяров, 2007). Г.Б. Бабаяров считает, что речь может идти только о кагане всего Западного каганата (Бабаяров, 2011. С. 7-8), в то время как ряд коллег поддерживают версию о «малых» каганах или чеканке от их имени местными вассальными, полутюркскими или иранскими правителями. Заметим, что на родине тюрков в Монголии и на Алтае этот знак неизвестен.

¹⁴⁵ By now four signs of this kind on khums have been discovered.

¹⁴⁶ It is quite possible that a simplified version of this sign (where the circles in the corners had turned into short sideways lines) can be observed on a rare series of coins of the 7th-8th centuries minted on behalf of a Turkic khagan in Chach (Babayarov, 2007). According to G. B. Babayarov, this may only be the khagan of the entire Western khaganate (Babayarov, 2011. PP. 7-8), while a number of other researchers support the idea of 'minor' khagans or local vassal semi-Turkic or Iranian rulers who minted the coin on behalf of those khagans. This sign has not been recorded in either Mongolia or Altai, the native lands of the Turkic peoples.

ловинах двух хумов в том же крупном политическом центре Кангюя – Культобе в Туркестане (материал 2016 года). Разнотипные знаки из рядов квадратиков (№№ 3, 4) характерны в V-VIII веках для святилища Сидак на Средней Сырдарье (Смагулов, Яценко, 2014б. Рис. 1, 15, 70; рис. 2, 85), а ранее (I-III века) – для древнейшего Туркестана – Культобе (Там же. Рис. 8, 19-20). Знак №23 на фляге тоже можно считать юэчжийско-кангюйским: он документирован как в кушанской Бактрии, так и на Средней Сырдарье (Яценко, 2001. Рис. 29, 9; 31, I и IV); близок кушанским знакам №13 (ср. в Дальверзинтепа: глава 3, рис. 6, 5). К имперским временам Кангюя, видимо, относится знак, идентичный №16: он представлен в Кемере, на склонах Каратау (см. главу 4, рис. 2, 2а-б). Это же, видимо, можно сказать и о тамге №25 на хуме: в I-III веках этот знак (изначально буквенный) известен как тамга в Хорезме (Там же. Рис. 28, 8) и позже – в посткангюйском Сидаке (Смагулов, Яценко, 2014б. Рис. 2, 103)¹⁴⁷. В том же Сидаке выявлен знак №2 (там, соответственно, №15). Знаки на хумах №№ 10 и 15 представлены на кирпичках в другом пункте Средней Сырдарьи – чачском городище Канка (Богомолов, 2006. Рис. 2, 31; 4, 36), ранний №32 из некрополя – на керамике из того же пункта (Богомолов, 2011. Рис. 2, 4) и в Сидаке (см. главу 5, рис. 2, II, 87). Тамга №6 изображена на керамике из некрополя Шага под Туркестаном (см. главу 5, рис. 2, I, 12). Близкие аналоги знакам №№ 7 и 31 известны в Сидаке (глава 5, рис. 2, II, 48, 58). Точная аналогия знаку №11 и близкая (зеркальная) знаку №8 представлены в чачском Шаушукумтобе (глава 6, рис. 2, (1), 19 и 29).

Тамга №9 известна в более раннее время в Хорезме (Кургашин-кала) (Яценко, 2001. Рис. 28, 3). Не менее значимы идентичные образцы или близкие аналогии знакам Кайрагача среди тамг не Средней Азии, а *Сарматии*

19-20). Sign No. 23 on a flask can also be referred to the Yuezhi-Kangju: it has been recorded both in the Kushan Bactria and in the middle stretches of the Syrdarya (Yatsenko, 2001. Figs. 29, 9; 31, I and IV); sign No. 13 is similar to the Kushan ones (cf. in Dalverzintepa: Chapter 3, fig. 6, 5). Identical sign No. 16 can, probably, also be referred to the Kangju period: it has been recorded in Kemer, on the slopes of Karatau (see Chapter 4, fig. 2, 2a-b). This can also be referred to tamga No. 25 on the khum: this sign (which initially had been literal) was identified as a tamga from Khwarezm used in the 1st-3rd centuries (Ibid., fig. 28, 8) and later – in the post-Kangju Sidak (Smagulov, Yatsenko, 2014b. Fig. 2, 103)¹⁴⁷. Sign No. 2 was also recorded in Sidak (where it was registered under No. 15). Signs on khums Ns. 10 and 15 were found in another point on the middle Syrdarya – the Kanka hillfort in Chach (Bogomolov, 2006. Figs. 2, 31; 4, 36), earlier No. 32 from the necropolis – on ceramics from the same site (Bogomolov, 2011. Fig. 2, 4) and in Sidak (see Chapter 5, fig. 2, II, 87). Tamga No. 6 is depicted on ceramics from the Shaga necropolis near Turkestan (see Chapter 5, fig. 2, I, 12). Similar analogues of signs Ns. 7 and 31 were found in Sidak (Chapter 5, fig. 2, II, 48, 58). A sign identical to No. 11 and another one similar (a mirror reflection) to No. 8 were recorded in Shaushukumtobe in Chach (Chapter 6, figs. 2, (1), 19 and 29).

Tamga No. 9 was recorded in Khwarezm in an earlier period (Kurgashin-kala) (Yatsenko, 2001. Figs. 28, 3). Together with Central Asian signs, equally important are *Sarmatian* specimens of the 1st- middle 2nd centuries AD (Middle Sarmatian period) used by tribes closely linked to Kangju, which are identical or similar to the ones found in Kangju. Sign No. 12 has not yet been recorded in Central Asia but was

¹⁴⁷ Еще Чжан Цянь / Zhāng Qiān / 張騫 на основе своей поездки в Кангюй в 126 г. до н.э. сообщал о теснейшей культурной близости в это время юэчжей и кангюйцев. Много позже в хронике «Бейши» (Li Yansho. «History of the Northern Dynasties» / *Beishi* / 北史) отмечалось, что к 659 г. в ряде областей Ферганы продолжали привлекать выходцы из знати юэчжей.

¹⁴⁷ Zhāng Qiān / 張騫, who made a trip to Kangju in 126 BC, informed about closest cultural relations between the Yuezhi and Kangju. Much later, the Beishi chronicle (Li Yansho. 'History of the Northern Dynasties' / *Beishi* / 北史) noted that in 659 the descendants of the Yuezhi aristocracy continued to rule in a number of Fergana regions.

I – середины II века н.э. (среднесарматского времени), у племен, исторически тесно связанных с Кангюем. Знак №12 пока не выявлен в Средней Азии, но хорошо известен на Нижнем Дону, и клан его хозяев был одним из наиболее политически активных в Сарматии (Там же. Рис. 5, 41; 19, 5). Наиболее близкая аналогия знаку №19 имеется на Левобережной Украине (Там же. Рис. 5, 67), знаку №20 – на Кубани, сложному знаку №5 – в серии знаков сарматского облика с юга Лесной зоны (миска из Почепа: Воронятов, 2008. Рис. 1, 5). Кроме того, два простых знака (№№ 2, 28) были широко распространены в Средней Азии того времени (Там же. Рис. 28, 166; 29, 129). Знак №20 имеет точную аналогию в античном Байте III (глава 2, рис. 6, №269).

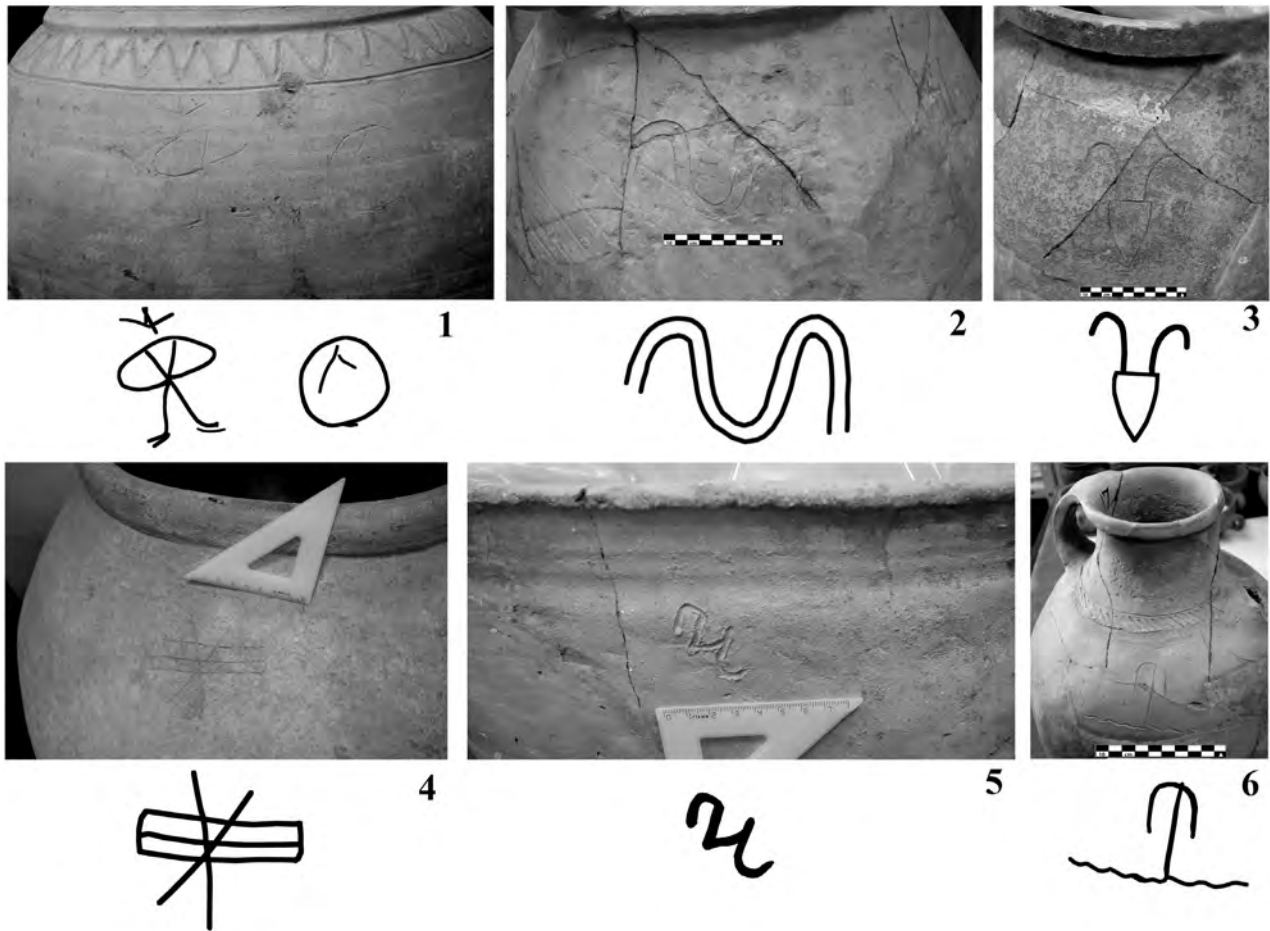
Важно понять, с чем связано большое число именно кангюйских и посткангюйских аналогий в Кайрагаче: с наличием культурной преемственности, браков и т.п. с древним Кангюем у части населения Западной Ферганы? Или речь идет о более западных паломниках в это святилище в V-VI веках из Туркестанского, Отрарского оазисов и Чача? Для выяснения этого момента рассмотрим знаки этих типов по помещениям и по формам керамики нашего комплекса. Знаки «кангюйского облика» выявлены в основном на хумах (№№ 1, 3, 8, 10, 15, 25), реже на флягах (№№ 4, 23) и на кувшинах (№ 11, 16), на горшке (№7). В ситуациях, когда известно их распределение по помещениям, они в трех случаях известны на хумах из важнейшего здесь помещения 17 нижней площадки (то есть они документированы там для 3 из 8 хумов со знаками), по одному случаю – на вотивных (?) флягах в других важнейших помещениях: из пом. 1 на верхней площадке и пом. 1 (главного храмового) в пом. 1 на нижней. Думается, такое распределение неслучайно и скорее отражает преобладающее присутствие среди паломников из других регионов в данное святилище именно с прилегающей к западу Средней Сырдарьи¹⁴⁸. Характерно так-

quite common in the Lower Don area, where it was used by a clan known to be one of the most politically active in Sarmatia (Ibid., figs. 5, 41; 19, 5). A sign most similar to No. 19 was discovered in Left-bank Ukraine (Ibid., fig. 5, 67), No. 20 has an analogue in Kuban, complex sign No. 5 is analogous to a series of signs of the Sarmatian appearance from the south of the forest zone (a basin from Pochep: Voronyatov, 2008. Figs. 1, 5). In addition, two simple signs (Ns. 2, 28) were quite common in Central Asia at that time (Ibid., fig. 28, 166; 29, 129). Sign No. 20 is identical to a one in antique Bayte III (Chapter 2, fig. 6, No. 269).

It is important to understand the reason for the presence of a large number of *Kangju and post-Kangju analogues* in Kayragach. Were some people in western Fergana connected with ancient Kangju through cultural inheritance, marriages and so on? Or was it because pilgrims from more westerly territories, such as the Turkestan and Otrar Oasis and Chach, used to come to the sanctuary in the 5th-6th centuries? To specify this, it is necessary to analyse the signs of these types in every room and on every form of vessels from the complex under study. Signs of the 'Kangju appearance' have primarily been discovered on khums (Ns. 1, 3, 8, 10, 15, 25), more rarely on flasks (Ns. 4, 23) and jugs (Ns. 11, 16), and one on a pot (No. 7). Those whose distribution across the rooms is known were found on three khums from most important room 17 in the lower section (which means they were recorded on 3 of 8 khums with signs) and on one (votive?) flask from each of the other two important chambers – room 1 in the upper section and room 1 (the main in the temple) in the lower one. This distribution does not seem accidental and, probably, indicates that most of the pilgrims that came to this sanctuary from other regions were from the west, from the Middle Syrdarya area¹⁴⁸. Interestingly, the only coin found in Kayragach for the 12

¹⁴⁸ Ср. преимущественное паломничество жителей соседних оазисов в Сидак из бассейна той же реки (Сырдарьи) по сравнению с более дальними (южными) иноземцами (Смагулов, Яценко, 2014б. С. 47).

¹⁴⁸ Cf. Most of the pilgrims in Sidak were also from the Syrdarya basin and were much more numerous than visitors from the more remote (southerly) territories (Smagulov, Yatsenko, 2014b. P. 47).

Рис. 5. Образцы знаков на керамике Кайрагача из фондов Государственного музея Востока (Москва), фото С.А. Яценко: 1-4 – хумы; 5 – тагора; 6 – кувшин

Fig. 5. Signs on Kayragach ceramics from the State Museum of Oriental Art (Moscow); photos by S. A. Yatsenko: 1-4 – khums; 5 – tagora; 6 – jug

же, что единственная монета, обнаруженная в Кайрагаче за 12 лет раскопок – посткангюйская (чачская).

Такое преимущественное направление вероятного «стороннего» паломничества (кроме сугубо местного) вряд ли было случайным. Ведь Кангюй / Kangju / 康居 активно вмешивался в дела соседней Ферганы / Dayuan / 大宛 уже в I веке до н.э., желая противостоять китайскому влиянию. Можно сказать, что попытки установления китайского контроля над Ферганой неизменно наталкивались на сопротивление соседнего Кангюя, который уже в 103 году до н.э., являясь еще слабой страной и весьма рискуя, спас ее столицу от китайских войск. После 36 года до н.э. в этом интересе к Фергане, по «Цяньханьшу», появился новый

years of the excavation work was dated to the post-Kangju period (from Chach).

The large number of pilgrims from ‘foreign’ territories (who were almost as numerous as local ones) may also be quite explicable. Kangju / 康居 interfered quite actively with the affairs of neighbouring Fergana / Dayuan / 大宛 since the 1st century BC, doing what they could to resist Chinese influence. Indeed, in their attempts to control Fergana the Chinese always had to face the resistance of neighbouring Kangju, which even in 103 BC, when it was still a weak state, made great and successful efforts to protect Fergana’s capital from Chinese troops. According to Han Shu, after 36 BC trade became a new stimulus for Kangju to take an interest in relations with Fergana (the ruler of Kangju for

мощный стимул: *торговля* (тогдашний правитель Кангюя первый раз дал заложником в Китай своего сына ради выгод торговли) (Ban Gu. 'Book of Han' / *Hàn shū* / 漢書, 95). В I веке н.э. северная трасса Шелкового пути («северная дорога») из Китая, по «Хоуханьшу», через Кашгар «на запад ведет в Давань [Фергану], Кангюй, Яньцай (Yancai / 奄蔡) [низовья Сырдарьи] и Яньци / Янь (Yan / 嚴) [Южное Приуралье]» (Fan Ye. 'The Book of the Later Han' / *Hou Han Shu* / 後漢書, 88). С борьбы за контроль над этой страной и стал, собственно, *реально оформляться* Шелковый путь.

Вместе с тем очевидно, что как минимум более 1/3 знаков «усадьбы» (12 из 31: №№ 5, 8, 13, 17, 18, 20-22, 24, 27, 29, 31) не имеет близких аналогов ни в Средней Азии конца античности – начала средневековья, ни у связанных с Кангюем племен среднесарматской культуры, и демонстрирует тамги представителей местного населения Западной Ферганы, посещавших святилище, желавших принести жертвы или быть похороненными в «святом месте».

В целом проделанный авторами сложный, часто напоминающий детективное расследование, анализ разнотипной, обильной, но плохо документированной информации по знакам Кайрагача (как и данному комплексу в целом) серьезно меняет наши представления об этом памятнике эфталитского времени и вводит его в круг важнейших культовых центров Центральной Азии (судя по разнообразию следов обрядов, в нем, как это было распространено в древности, почитались несколько различных высших сил).

the first time sent his son hostage to China for commercial benefits) (Ban Gu. 'Book of Han' / *Hàn shū* / 漢書, 95). In the 1st century AD the northern branch of the Great Silk Road ('Northern Road') led, according to Hou Han Shu, from China through Kashgar 'to the west and further to Dayuan [Fergana], Kangju, Yancai / 奄蔡 [lower stretches of the Syrdarya] and Yan / 嚴 [southern portion of the Ural area]' (Fan Ye. 'The Book of the Later Han' / *Hou Han Shu* / 後漢書, 88). The struggle for control over the country laid the *real foundation* of the Silk Road.

At the same time, it is obvious that more than 1/3 of the signs found in the 'mansion' (12 of 31: Ns. 5, 8, 13, 17, 18, 20-22, 24, 27, 29, 31) have no close analogues either in Central Asia of the late antique - early medieval period or in the Kangju-related tribes of the Middle Sarmatian culture, and were therefore the tamgas of the local peoples that inhabited western Fergana, who visited the sanctuary to bring offerings or with the purpose of being buried in a 'sacred place' in future.

All in all, the complex analysis of highly diverse and ample but ill-documented information on the signs of Kayragach and the archaeological site proper – an analysis that sometimes felt like a real detective investigation – carried out by the authors of this article, changes completely our ideas about this Hephthalite time monument and makes it one of the most important Central Asian cultic centres (judging by the diverse character of rituals performed, it was a place of worshipping several supreme powers, which was natural for the ancient time).

**ГЛАВА 8
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТАМГИ-
ПЕТРОГЛИФЫ ЮЖНОГО
КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ**

А.Е. Рогожинский

Петроглифы средневековой эпохи известны практически во всех регионах Казахстана: десятки местонахождений изучены на широком пространстве от Алтая и Тарбагатай на востоке до Устьурта и Мангыстау на западе, включая область Сарыарки и предгорную зону Тянь-Шаня. Наряду с другими археологическими памятниками, наскальные гравюры и среди них тамги-петроглифы, знаки на мемориалах и эпиграфика служат ценным источником для понимания процессов расселения, культурного взаимодействия, социального и политического развития населения этого огромного региона от раннетюркского времени до позднего средневековья.

Само создание наскальных рисунков в средние века представляло собой уже древнюю традицию изобразительной деятельности кочевников. Сохраняя преемственность с художественным наследием предшествующих эпох, наскальное творчество обогатилось во второй половине I тысячелетия н.э. новым содержанием и новыми приемами, приобрело значение важного канала информационных связей обитателей Степи, объединявшихся на той или иной территории в разные государственные образования.

Отличительной чертой наскального творчества средневековья является распространение символических изображений «тамга», которые играли роль юридических знаков (знаков собственности и сопричастности), широко применялись в регулировании развивавшихся отношений собственности и политической власти. Система удостоверительных знаков формировалась у кочевников в ходе обособления родовой и семейно-личной собственности на скот, движимое и недвижимое имущество (хозяйственные и жилые постройки,

**CHAPTER 8
MEDIÉVAL PETROGLYPH TAMGAS
IN SOUTHERN KAZAKHSTAN AND
SEMIRECHIE**

A.E. Rogozhinskii

Medieval petroglyphs have been recorded in almost all regions in Kazakhstan: dozens of sites have been studied in a vast territory between Altai and Tarbagatai in the east and Ustyurt and Mangystau in the west, including the Saryarka area and the foothills of the Tien Shan Mountains. Alongside other archaeological monuments, various rock paintings, including petroglyph tamgas, signs on memorials and epigraphs are valuable sources facilitating the understanding of the dispersion, cultural interaction and social and political development of people that inhabited this enormous area from the early Turkic period to the late medieval time.

In the medieval period the rock art was already an ancient nomadic graphic tradition. Using the achievements of the preceding periods, in the second half of the 1st millennium AD people added new contents and techniques to the petroglyphic art to make it an important means of communication between the inhabitants of the Steppe, which united in various territories into different state formations.

One of the most characteristic features of the medieval rock painting was the symbolic images known as 'tamga', which were a kind of 'legal' signs (ownership or involvement signs) and were widely used to regulate the developing proprietary and political relations. Nomads were using the identity sign system on an increasingly large scale as their tribal, family and personal property was dividing into livestock and movable and immovable property (residential and service structures, wells and others); however, at that time it took a new meaning to mark socio-political supremacy

колодцы и др.), но с этого времени все более приобретала новое значение, становясь маркером отношений социально-политического господства и подчинения. Одной из главных целей создания на скалах клановых и фамильных знаков оставалась обычно-правовая мотивация – утверждение прав обособленного пользования зимними стойбищами с лучшими пастбищами. Но вместе с тем развитие кочевой государственности способствовало появлению особой категории знаков – символов власти. Кланово-фамильные знаки привилегированной знати отныне доминируют в иерархических композициях родоплеменных символов, создаваемых на приметных скалах вблизи кочевых ставок или на мемориальных объектах. Тамги правящих династий обретают гербовую символику в монетном чекане, порой изменяя до неузнаваемости свой изначальный облик и сохраняя лишь иконическую основу; поэтому знаки на скалах надежно служат отысканию исходных форм династических эмблем. В то же время тамги-петроглифы этой категории фиксируют в ландшафте места совершения важных политических или иных акций: заключения союзов, присоединения территорий, военных побед и т.п.

Распространение письменности в средневековую эпоху видоизменило и дополнило традиционный способ коммуникации кочевников практикой создания на скалах эпиграфических текстов. Изобразительное творчество на скалах приобрело еще более прагматическое значение, включив в репертуар произведений, наряду с удостоверительными знаками, и автографические надписи, документировавшие акты индивидуальной и коллективной, религиозной и общественно-политической деятельности. Тюркские рунические надписи на скалах стали известны на юге Казахстана сравнительно недавно (Рогожинский, 2010); в большинстве они лапидарны, не имеют общепризнанных специалистами прочтений, однако дают основание для датировки и атрибуции сопутствующих им знаков.

В горностепных ландшафтах страны на сегодняшний день зафиксировано около 200 местонахождений средневековых тамг-петроглифов, насчитывающих в общей слож-

and subordination. One of the main purposes of making clan and family signs on rocks was the legal confirmation of rights to use winter camps and better pastures. At the same time, the development of the nomadic statehood helped the formation of a new category of signs – symbols of power. Since then clan and family signs used by the privileged nobility were predominating in the hierarchal structures of tribal symbols, which were put on remarkable rocks near nomadic settlements or on memorial objects. The tamgas of ruling dynasties turned into official emblems on coins, which sometimes led to the ultimate change of their initial appearance, with the iconic base alone remaining the same; this is why signs on rocks can be reliably used to find the basic forms of dynastic emblems. At the same time, petroglyph signs of this category mark places where political or other important acts, such as conclusion of alliances, annexation of territories, celebration of victories in wars and others, were carried out.

The development of written language in the medieval period broadened and changed the range of traditional communicative means used by nomads, who began to practise inscribing epigraphic texts on rocks. Rock painting became yet more pragmatic and now, apart from identity signs, included autobiographic inscriptions documenting acts of individual and collective, religious and socio-political importance. The discovery of Turkic runic rock inscriptions in the south of Kazakhstan began quite recently (Rogozhinskii, 2010); although most of them are lapidary and interpreted quite broadly, they can be used to date and specify the environment of related signs.

By today around 200 sites with roughly 500 medieval petroglyph tamgas, many of which form collections of several types of signs – from 2-3 to 10-12 types – have been recorded in the mountainous steppes of Kazakhstan. There are a total of *up to 40 sign forms* many of which have a few derivatives interpreted as the tamgas of kindred clans; others, on the contrary, do not vary in form regardless of the place they were found in and their relative age.

ности до 500 изображений, которые в ряде случаев образуют собрания знаков нескольких видов – от 2-3 до 10-12 типов. Всего выделяется до 40 основных форм знаков, многие из которых имеют несколько производных вариантов, как тамги родственных кланов; другие же, напротив, отличаются неизменностью формы вне зависимости от их местонахождения и, возможно, относительного возраста.

Обилием недвижимых памятников тамгопользования отличаются районы Чу-Илийского междуречья (западная часть Семиречья) и область Талас-Сырдарьинского водораздела (Каратау и северо-западные отроги Тянь-Шаня). Это объясняется не только наибольшей степенью изученности, но и принадлежностью данных территорий к маргинальным экологическим зонам с высокой плотностью оседлого, полукочевого и кочевого населения, сложной системой природопользования (Масанов, 2011. С. 46–47), не исключавшей конкурентную борьбу номадов всех эпох за наилучшие условия эксплуатации ресурсов (которая и стимулировала практику тамгопользования).

Средневековые знаки представлены на монументальных сооружениях мемориально-культурного назначения (стелы, поминальные оградки и др.), а также на открытых скалах: а) в составе обособленных скоплений петроглифов («святые места»); б) вблизи стационарных стоянок; в) в виде особых собраний знаков-«энциклопедий» («тамгалытас»). Иногда изображения знаков на скалах сопровождаются эпиграфическими текстами.

Тамги-петроглифы у стоянок – самая представительная группа памятников, обладающая, наряду с тамгами на мемориальных объектах, наибольшей информативностью при изучении традиций землепользования, территориального расселения и дальних передвижений средневековых кочевников. Особую разновидность образуют наскальные изображения знаков в виде тавра на скаковых животных, входящих в охотничьи или ритуальные сюжеты в составе «святых мест». Ценность таких гравюр наиболее высока, поскольку они помогают установить связь конкретных форм знаков (маркеров этнокультурной или этнополитической идентичности) с определенными сюжетно-стили-

Stationary monuments with tamgas are particularly numerous in the Chu-Ili Interfluvium (western part of Semirechie) and the watershed between the Talas and Syrdarya (Karatau and north-western spurs of the Tien Shan). This is not only because these regions are better studied, but also because these territories were parts of marginal ecological zones densely populated by sedentary, semi-nomadic and nomadic people and featuring a complex nature management system (Masanov, 2011. PP. 46–47) which did not exclude competition between nomads at all time for better conditions to use natural resources (which were the main factor that stimulated the use of tamgas).

The medieval signs can be found on memorial and cultic monumental structures (stelae, fenced funeral grounds and others) and on open rocks: a) amid separate petroglyph accumulations ('sanctuaries'); b) near the former nomadic stands; c) as parts of special collections of signs – 'encyclopaedias' ('tamgalytas'). Some signs on rocks come together with epigraphs.

The petroglyph tamgas near the nomadic stands form the most numerous and one of the two (together with tamgas on memorial objects) most informative groups of monuments highly important for the study of medieval nomads' land use traditions, territorial distribution and long-distance migration. Brands on riding animals form a special group of signs on rocks found as parts of hunting and ritual compositions in 'sanctuaries'. These engravings are particularly valuable because they help detect links between specific sign forms (markers of ethno-cultural or ethno-political identity) with certain thematic and stylistic series of medieval petroglyphs. Given the large number of medieval nomadic rock paintings documented, the identification of a clan or family that used this or that tamga emblem equals the establishment of a historical fact.

There are some single tamgas and some forming small collections consisting of just a few symbols varying in form and arranged on one face of a rock or on the surfaces of a

ческими сериями средневековых петроглифов. Учитывая высокую степень документальности наскального творчества средневековых кочевников, фамильная или клановая идентификация тамговых эмблем становится равноценной установлению исторического факта.

Встречаются *одиночные* тамги и небольшие *собрания знаков*, включающие несколько разных по форме изображений символов, нанесенных на одну плоскость скалы или на поверхности нескольких близлежащих скал таким образом, что существует возможность одновременного видения всей группы знаков. В таких средневековых собраниях насчитывается от двух-трех до десяти и более разнотипных знаков. Крупнейшим среди известных к настоящему времени в Казахстане и Средней Азии (в западной части Центральной Азии) является скопление знаков и на «камне Тамгалытас» в урочище Тамгалыжар в западной части Бетпакадалы (более 60 знаков, 19 типов).

Одиночные тамги и собрания знаков встречаются в составе обособленных скоплений петроглифов или вблизи горных стоянок – на окружающих скалах, на заметных поверхностях, нередко располагаясь непосредственно над руинами поселений или отмечая в ландшафте наиболее удобные подходы к ним. Как правило, такие тамги обозначают места средневековых стоянок. Когда на скалах представлена группа отличающихся по форме разновременных знаков, последовательность их создания иногда может указывать на очередность заселения стоянки разными группами кочевников. Обычно на поверхности таких стоянок можно обнаружить следы построек, фрагменты средневековой посуды и пр. В памятниках данного типа отчетливо проявляется функция символов-тамг как юридических знаков, удостоверяющих преимущественные права пользования определенным коллективом или клана. Наряду с известными повсеместно от Алтая до Прииссыккуля и Каратау короткими руническими надписями, создававшимися тюрками на скалах возле стоянок и подтверждавшими привилегии на владение зимниками, клановые тамги являются «своего рода памятниками обычного права кочевников» (Кляшторный, 2004. С. 172).

few near-by rocks in such a way that the viewer can see from some point the entire group of signs together. Medieval groups like these can comprise 2-3 to 10 and even more signs of different types. The largest of the clusters of signs known currently in Kazakhstan and Middle Asia (western part of Central Asia) is that on the ‘Tamgalytas stone’, in the Tamgalyzhar area in the western part of Betpak-dala desert (over 60 signs of 19 types).

Single tamgas and collections of signs occur amid separate petroglyph clusters or near mountain sites – on surrounding rocks or other noticeable surfaces – and are often found directly above ruins of settlements or very near them, marking the most convenient approaches to them in the surrounding landscape. Usually such tamgas mark medieval sites. When a group of non-contemporaneous signs differing in form is found on rocks, the sequence of their making may indicate the order in which various groups of nomads settled on the site. Usually, remains of structures, fragments of medieval vessels and other articles can be found on the surface of these sites. The legal function of tamgas, which were used to confirm the privileges of a certain group or clan, can be easily identified in monuments of this type. As well as short runic inscriptions found widely from Altai to the Issyk-Kul Lake area and Karatau, which Turkic peoples used to make on rocks near sites to confirm their ownership of wintering sites, the clan tamgas form ‘a type of monuments to nomads’ customary law’ (Klyashornyiy, 2004. P. 172).

Signs forming separate clusters of medieval petroglyphs represent a different type of monuments with tamgas. They are positioned amid a landscape in such a way that these petroglyph locations are not directly connected with other archaeological objects (archaeological sites or barrows) and are usually interpreted as *sanctuaries*. Signs in those objects are often found next to unusual petroglyph compositions including battle scenes with figures of riding or walking warriors and standard-bearers, scenes of collective hunting and other ‘prestigious’

Знаки в составе обособленных скоплений средневековых петроглифов представляют иную разновидность памятников тамгопользования. По расположению в ландшафте такие местонахождения петроглифов непосредственно не связаны с другими археологическими объектами (стоянками или могильниками) и обычно интерпретируются как *святимища*. Изображения знаков здесь нередко соседствуют с неординарными по содержанию композициями петроглифов, включающими батальные сцены с фигурами конных или пеших воинов, знаменосцев, сцены облавной охоты и другие «престижные» сюжеты. Такие гравюры героического содержания и скопления знаков различных типов могли создаваться в связи с проведением ритуалов или иных совместных акций и фиксировать причастность к ним определенных групп людей или целых кланов.

Ныне на юге и юго-востоке Казахстана хронологически уверенно выделяются (иногда вместе с сопутствующим комплексом петроглифов) изображения знаков ранних каганатов, датируемые концом VI – VII веком, тюргешским (первая половина VIII века), карлукским и раннекараханидскими периодами (вторая половина VIII – начало XI века), а также послемонгольским временем (XIV–XV века). В Чу-Илийских горах и Каратау выявлена серия знаков, которые удается связать с отдельными племенами огузов середины VIII – XI века.

Знаки правящей элиты

К ним можно отнести тамги-петроглифы, которые, *во-первых*, идентифицируются на основе безусловного сходства со знаками на монетах правителей среднеазиатских владений тюрков и тюргешского государства, и, *во-вторых*, обладают неизменяемой формой знака (который устойчиво занимает высокое статусное положение в известных собраниях тамг). Веским основанием для такой атрибуции служит (с оговоркой о неравномерной изученности территорий) редкость или уникальность подобных знаков.

Нумизматические аналогии имеет тамга, вырезанная *на крупе коня из Когалы* в Чу-Илийских горах (рис. 1, 1). Изящное изображение оседланного коня представлено без

themes. These heroic engravings and clusters of signs of various types could be associated with rituals or other collective acts and indicate the involvement of certain groups of people or even entire clans in these events.

Currently, in terms of chronology the following signs can be reliably identified (sometimes together with petroglyph complexes they are found in) in the south and south-east of Kazakhstan: the signs of the early khaganates dated to the 6th-7th centuries; the Turgesh signs (first half of the 8th century); signs of the Karluk and early Karakhanid periods (second half of the 8th-early 11th centuries); signs of the post-Mongolian time (14th-15th centuries). A series of signs has been discovered in the Chu-Ili and Karatau Mountauns, which can be attributed to certain Oguz tribes that inhabited the territory in the 8th-11th centuries.

The signs of the ruling elite

Petroglyph tamgas can also be referred to this category, *firstly*, because they are identified based on their obvious similarity with signs on the coins of the rulers of Turkic lands in the Central Asian part of the Turgesh state and, *secondly*, because they have unchangeable forms (which stably have a high status in well-known tamga collections). This idea is strongly supported by the rarity and uniqueness of such signs (which, however, be contradicted by the fact that the territories have not been studied evenly).

The tamga *on the rump of a horse from Kogaly* in the Chu-Ili Mountains (fig. 1, 1) is analogous to some numismatic signs. An elegant image of a saddled horse without a rider; a carelessly scratched schematic figure of a man leading a horse by the rein, which in no way matches the thoroughbred racer engraved skillfully and in detail; the horse's rich harness and sweat cloth decorated with 'pearls' (or it is the leopard's spotty skin?) highlight the high status of the animal's owner. The horse's rump is decorated with an 'anchor-like' tamga with a support – a very rare sign that is not found elsewhere as a mark on rocks near ordinary nomadic sites.

наездника; небрежно процарапанная схематичная фигурка человека, ведущего за повод коня, никак не сочетается с искусно выполненной в деталях гравюрой породистого скакуна; богатое убранство коня и высокий статус владельца подчеркивает потник с округлым краем, украшенный «перлами», или так обозначена под седлом пятнистая шкура (леопарда?). Круп животного украшает т.н. «якоревидная» тамга с подставкой – знак исключительно редкий, не встречающийся нигде более в качестве метки на скалах возле рядовых стойбищ кочевников.

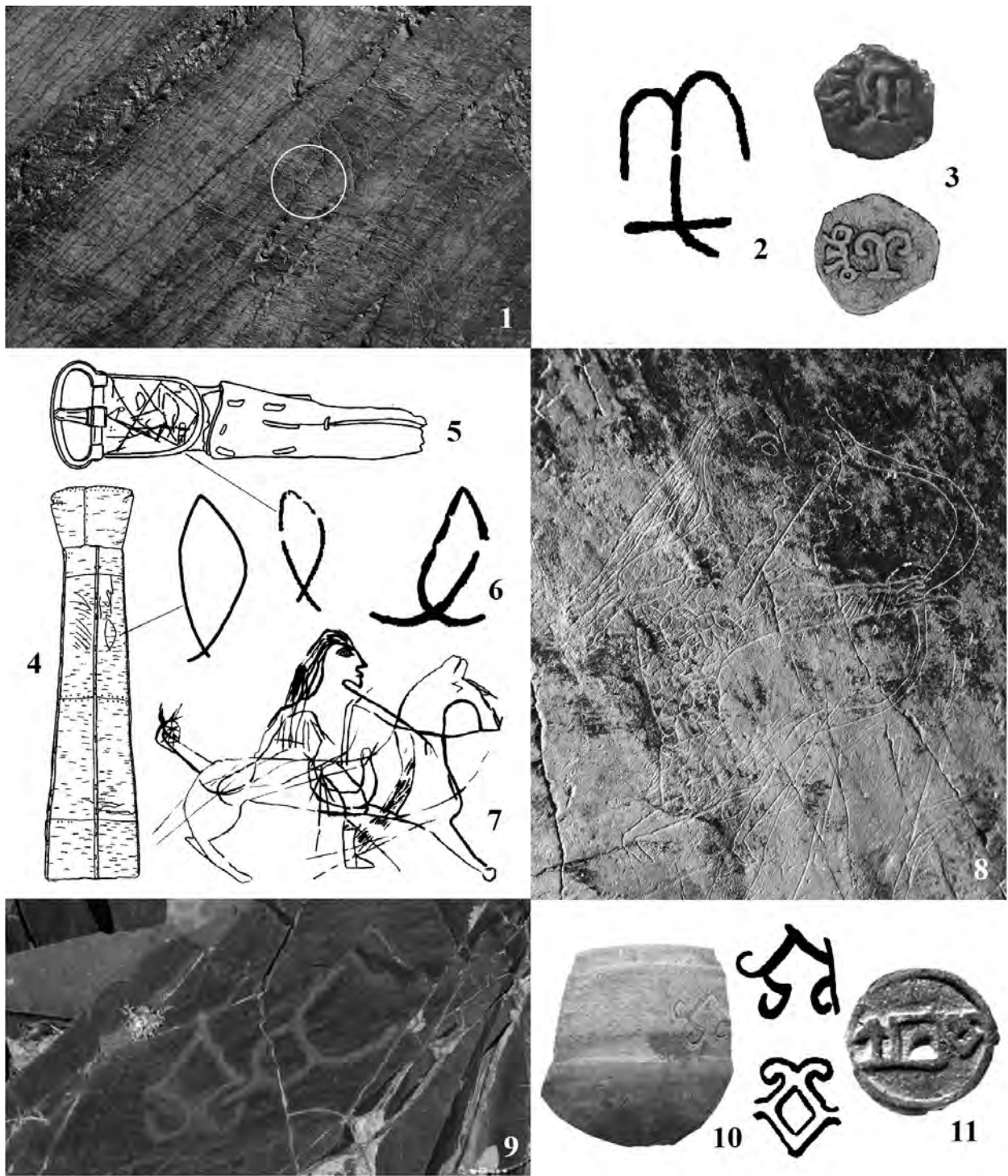
Тождество знака из Когалы (рис. 1, 2) с тамгой на монетах чачского чекана, которые содержат *титул «каган» и личное имя Тарду* (рис. 1, 3), позволяет принять датировку наскального рисунка из Семиречья, отстаиваемую Г. Бабаяровым для монет данного выпуска: конец VI – начало VII века (Бабаяров, 2007. С. 24–26). Датированные аналогии имеет и другая тамга, выгравированная еще на одном изображении всадника, преследующего с гончей собакой лисицу (рис. 1, 7) – из той же серии очень интересных граффити в Когалы. Тамга имеет форму двух соединенных сверху дуг, пересекающихся снизу и расходящихся в противоположные стороны (рис. 1, 4–7). Такой знак вырезан на колчане из кургана 29 в Юстыд XII (радиоуглеродный образец СОАН-5914, 663–744 годы н.э.) (рис. 1, 4) и на пряжке ремня из кургана 9 некрополя Барбургазы II (катандинский этап) (Кубарев, 2005. С. 97, 139–140. Табл. 33, 15, 83: 11, 12, 13, 17) (рис. 1, 5). Тождество знака подтверждается сходством приема его начертания на бересте, металле и на скале. Временной приоритет семиреченских наскальных рисунков над алтайскими аналогиями в пределах VII века подтверждается сюжетно-стилистическими сопоставлениями других петроглифов Когалы (женский персонаж в трехрогом головном уборе, лучники в доспехах (рис. 1, 8) и др.); все они узнаваемы в гравировках на кости из Суттуу-Булак I в Прииссыккулье и Шиловского могильника в Поволжье (Худяков, Табалдиев, 2009. С. 126–128. Рис. 101; Багаутдинов, Зубов, 1998).

Безымянная сопка с описанными петроглифами, вероятно, служила культовым местом, размещение которого не случайно: вместе с

The similarity between the sign from Kogaly (fig. 1, 2) and the tamga on the Chach coins with the *title of 'khagan' and personal name of Tardu* (fig. 1, 3) indicates that the rock sign in Semirechie can be dated to the same time as G. Babayarov refers the coins of this issue – late 6th-early 7th century (Babayarov, 2007. PP. 24–26). Another tamga of this kind engraved on a horse with a rider chasing a fox together with a hound (fig. 1, 7) also has analogues with dating. It belongs to the same series of highly interesting graffiti in Kogaly. The tamga has the form of two arcs interconnected at the top, crossing at the bottom and going in opposite directions (fig. 1, 4–7). A sign like this was found on a quiver from mound 29 in Yustyd XII (radiocarbon sample SOAN-5914, 663–744 AD) (fig. 1, 4) and on a belt buckle from mound 9 of the necropolis of Barburgazy II (Katanda stage) (Kubarev, 2005. P. 97, 139–140. Pl. 33, 15, 83: 11, 12, 13, 17) (fig. 1, 5). The similarity of the sign is supported by similar techniques used to make it on birch bark, metal and rock face. The idea that the rock paintings from Semirechie were made earlier than their Altai analogues (not later than 7th century) is supported by the comparison of themes and styles in other petroglyphs from Kogaly (a female figure with a three-horned headdress, armoured archers (fig. 1, 8) and others); all they can be recognised in images engraved on bones from Suttuu-Bulak I in the Issyk-Kul Lake area and the Shilovo necropolis in the Volga area (Khudyakov, Tabaldiev, 2009. PP. 126–128. Fig. 101; Bagautdinov, Zubov, 1998).

The nameless hill on which the described petroglyphs were found, probably, was a cultic place, and its location was not accidental: together with other unusual early medieval monuments, this petroglyph cluster forms a single entity, the **Kogaly archaeological complex**. This includes a group of Turkic fenced funeral grounds with two rows of balbal stelae and a few facial stelae with the so called 'descriptive scenes', which was partially studied in 2009 (Rogozhinskii, 2010. PP. 335–342); two of them have tamgas.

Рис. 1. 1, 6, 7, 8 – Когалы, петроглифы; 2 – тамга на гравюре коня из Когалы и «якоревидная» тамга на монетах Чача (по: Шагалов, Кузнецов, 2006); 4 – тамга на колчане, Юстыд XII (по: Кубарев, 2005); 5 – тамги на пряжке ремня, Барбургазы II (по: Кубарев, 2005); 9 – петроглифы, Тамгалы; 10 – знак на сосуде, Пшакишитобе, Отрарский оазис (по: Байпаков, Авизова, 2015); 11 – «лировидная» тамга на монете, Пенджикент (по: Смирнова, 1981)

Fig. 1. 1, 6, 7, 8 – Kogaly, petroglyphs; 2 – tamga on an engraved horse from Kogaly and 'anchor-shaped' tamga on Chach coins (after Shagalov, Kuznetsov, 2006); 4 – tamga on a quiver, Yustyd XII (after Kubarev, 2005); 5 – tamgas on a belt buckle, Barburgazy II (after Kubarev, 2005); 9 – petroglyphs, Tamgaly; 10 – sign on a vessel, Pshakshitobe, Otrar oasis (after Baipakov, Avizova, 2015); 11 – 'lyre-shaped' tamga on a coin, Penjikent (after Smirnova, 1981)

другими неординарными памятниками ранне-средневековья это скопление петроглифов входит в единый *археологический комплекс Когалы*. В составе его выделяется также группа тюркских поминальных оградок с двумя вереницами стел-балбалов и лицевыми стелами с так называемыми «повествовательными сценами», частично исследованная в 2009 году (Рогожинский, 2010. С. 335–342); на двух из них имеются изображения тамг.

На одной из стел (№2) сверху выполнено в низком рельефе крупное изображение широкоскулого мужского лица с заостренным подбородком, длинными усами с загнутыми вверх кончиками, прямым носом, миндалевидными глазами и сведенными над переносицей тонкими дугообразными бровями; волнистые волосы зачесаны назад и перехвачены двойной лентой (рис. 2, 1). В средней части стелы представлена сложная «повествовательная сцена»: жилище типа юрты, внутри него – решетчатое сиденье со спинками и сидящие друг напротив друга мужчина с косой за плечами и мечом на поясе и женщина в широком одеянии, в трехрогом головном уборе – справа. Детали лиц (глаза, брови, нос и рот) переданы техникой гравировки. В правой руке женщины изображена чаша; левая рука мужчины согнута в локте и также удерживает чашу. Справа от женской фигуры рядом со спинкой сиденья показаны лук в налучье (чехле) и колчан с расширенным основанием и верхом. Между лицевым изображением и юртой выбиты четыре знака разного типа: три из них – слева у края стелы (рис. 2, 3), а четвертый (рис. 2, 2) находится «на уровне сердца» антропоморфной фигуры и, вероятно, представляет собой фамильный знак знатного лица, в честь которого установлен монумент.

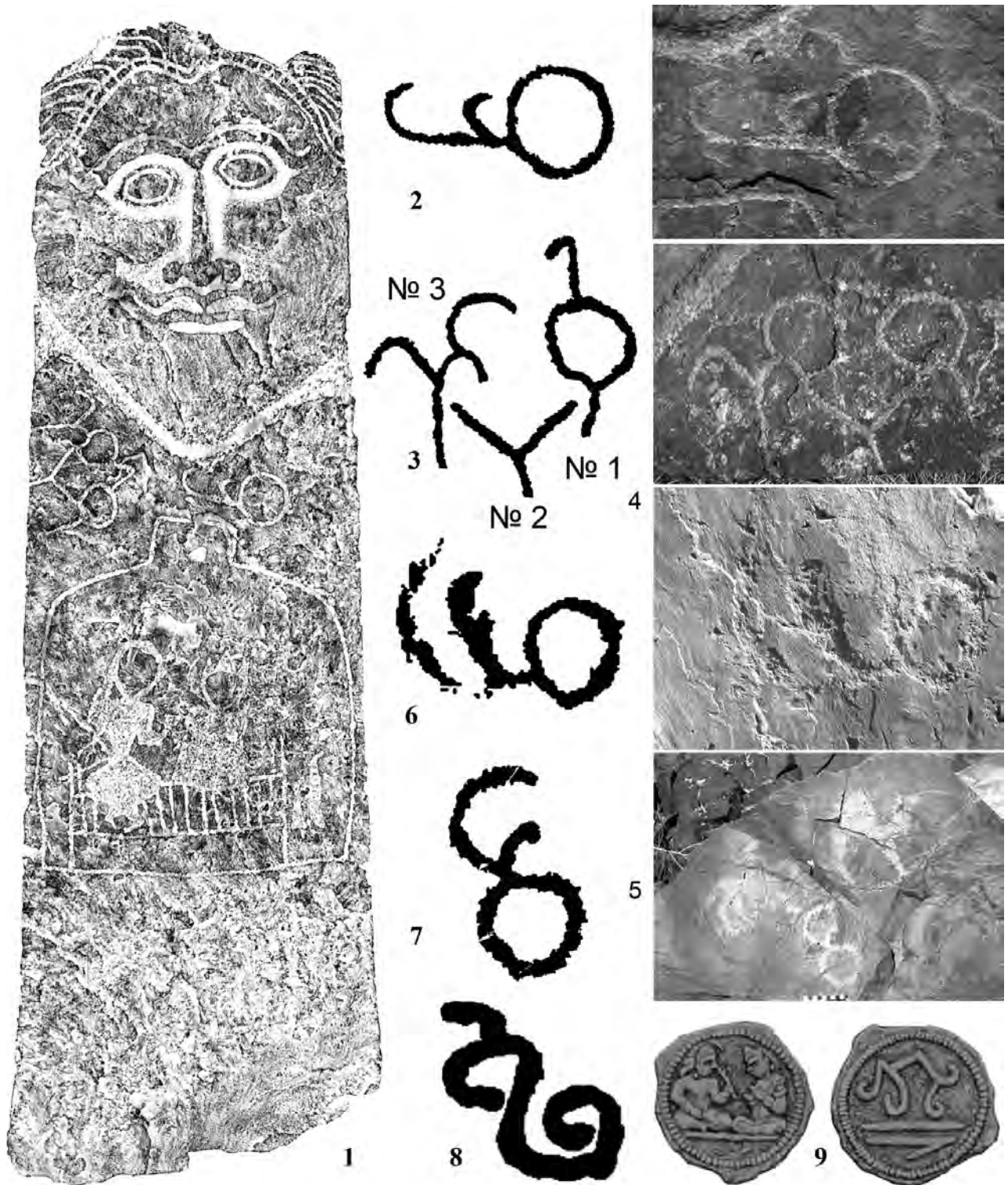
На лицевой стороне другой стелы (№4) в верхней части камня выполнено скульптурное изображение мужского лица в сходной стилистике. В средней части стелы выбита тамга, аналогичная стеле №2 по форме и расположению (рис. 2, 6). Слева от тамги просматривается намеченное гравировкой и частично выбитое изображение лошади; выше едва заметно процарапанное изображение какого-то хищника с раскрытой пастью, рядом – фигурка птицы (фазан?).

One of the stelae (No. 2) has a large low-relief image of a man's face with prominent cheekbones, a tapering chin, long upward-pointing moustache, straight nose, almond-shaped eyes and thin arc-like brows meeting above the nose bridge; the waving hair is combed back and fixed with a double band (fig. 2, 1). In the middle of the stela there is a complex 'descriptive scene': a yurt-like dwelling with a latticed seat with backs, on which a man with a scythe on his shoulders and sword at the belt is sitting on the left opposite a woman in loose garments and a three-horned headdress sitting on the right. The facial features (eyes, brows, nose and mouth) are engraved. The woman is holding a bowl in her right hand; the man's left hand is bending at the elbow and is also holding a bowl. To the right of the woman, next to the seat back, there is a bow in a case and a quiver with a broadening bottom and mouth. Four signs of various types are cut between the bas-relief and yurt: three of them are located at the left edge of the stela (fig. 2, 3), while the fourth one (fig. 2, 2) is at the 'level of the heart' of the anthropomorphic figure and is, probably, the family sign of a noble person in whose honour the monument was erected.

The face of another stela (No. 4) has in its upper part a sculptural image of a male face made using a similar technique. In the middle part of the stela there is a tamga analogous to that on stela No. 2 in form and position (fig. 2, 6). To the left of the tamga there is an engraved image of a horse, which has contours and a semi-finished body; above it there is a barely noticeable scratched image of some predator with an open mouth; next to it is a figure of a bird (pheasant?).

The dating of the Kogaly ritual complex is established based on typological parallels and graphic analogues. The most important is, probably, the iconographic similarity between the images on stela No. 2 and the paired images of a ruler and his wife on the Turko-Sogdian coins of the Chach Oasis (fig. 2, 9) dated *between the 560s and the 7th century*, when rulers in the western part of the territory inhabited by

Рис. 2. Знаки на стелах из ритуального комплекса Когалы и аналогии: 1 – стела №2; 2, 3 – тамги №№ 1-3 на стеле №2; 4, 6 – знак на стеле №4; 5, 7 – знак и другие петроглифы, Аккайнар; 8 – тамга ба-янь-а-ши-дэ (№22) в «Танхуйяо», 1884 г.; 9 – изображения на монетах Чача (по: Шагалов, Кузнецов, 2006)

Fig. 2. Signs on stelae from the Kogaly ritual complex and their analogues: 1 – stele No. 2; 2, 3 – tamgas Ns. 1-3 on stele No. 2; 4, 6 – sign on stele No. 4; 5, 7 – sign and other petroglyphs, Akkaynar; 8 – ba-yan-a-shi-de tamga (No. 22) in Tang Huiyao, 1884; 9 – images on Chach coins (after Shagalov, Kuznetsov, 2006)

Датировка ритуального комплекса Когалы устанавливается предположительно по типологическим параллелям и изобразительным аналогиям. Наиболее важным представляется иконографическое сходство рисунков на стеле №2 с парными изображениями правителя и правительницы на тюрко-согдийских монетах Чачского оазиса (рис. 2, 9), датировка которых определяется в пределах 560-х годов – начала VII века, когда правители западного крыла единого Тюркского Эля носили титул жабгу/ябгу, упоминаемый в легендах этой денежной эмиссии (Бабаяров, Кубатин, 2012. С. 45). Круг других изобразительных аналогий сравнительно невелик: гравюры на упомянутой выше костяной пластине из могильника Суттуу-Булак I, на камне из детского погребения в Кудыргэ на Алтае и на Сулекской писанице в Хакасии (Гаврилова, 1965. С. 18–21. Табл. VI; Кызласов, 1998. С. 39–53. Рис. 3, 5).

По типологическим признакам и основным параметрам исследованные в Когалы сооружения сравнимы с древнетюркским ритуальным комплексом *Хар-Ямаатын-гол* в Монголии, который также включает лицевую стелу с жанровой сценой (Kubarev et al., 2009). Датировка комплекса серединой VII века недавно убедительно доказана Г.В. Кубаревым (Кубарев, 2016. С. 127–128) и является опорной для хронологического определения стел и изображений на них из Когалы.

Основная тамга, присутствующая на обеих стелах, выглядит как окружность, от нижнего края которой влево отходят два последовательно соединенных дугообразных завитка. На всем изученном пространстве Чу-Илийского междуречья тамга такой специфической формы обнаружена только в одном пункте: на скале возле средневековой стоянки в долине Аккайнар, удаленной на три десятка километров от культового комплекса Когалы (рис. 2, 7). Вместе с тамгой на плоскости помещена повествовательная сцена: погонщик, ведущий верблюда с поклажей, и преследующий их всадник, – еще один сюжет из репертуара «престижных» наскальных гравюр на тему «охраны караванов», которые наряду с изображениями знаменосцев маркируют, на наш взгляд, местонахождения кочевых ставок тюркской знати (Касанов, Кан,

the Turkic peoples had the title of jabgu/yabgu mentioned in the legends of this monetary issue (Babayarov, Kubatin, 2012. P. 45). The range of other graphic analogues is relatively short: engravings on the abovementioned plate from the Suttuu-Bulak I, on a stone from a child's grave in Kudyrge in Altai and on the Sulek pisanitsa in Khakassia (Gavrilova, 1965. PP. 18–21. Pl. VI; Kyzlasov, 1998. PP. 39–53. Fig. 3, 5).

By their typology and basic parameters the structures in Kogaly can be compared with the ancient ritual complex *Khar-Yamaatyn-gol* in Mongolia, which also features a facial stela with a descriptive composition (Kubarev et al., 2009). The dating of the complex to the 7th century has recently been reliably proved by G. V. Kubarev (Kubarev, 2016. PP. 127–128) and serves as a chronological base for the dating of the stelae from Kogaly and the images on them.

The main tamga present on both stelae has the form of a circumference, with two successively connected arc-like curls branching from its left bottom part. There is only one point in the entire territory of the Chu-Ili interfluvium where a tamga of this specific form has been found, which is a rock near a medieval site in the Akkaynar Valley, some 30 km from the Kogaly cultic complex (fig. 2, 7). On the same face with the tamga there is a descriptive scene: a cameleer leading a loaded camel and a horseman chasing them – one of the 'caravan protection' series of 'prestigious' rock engravings which, we believe, used to mark the headquarters of the nomadic Turkic nobility, as well as the images of standard bearers did (Kasanov, Kan, Rogozhinskii, 2017. PP. 133–134). There is also an image of a walking standard bearer on one of the rock's lower faces.

The relatively high political status of the nomadic ruler in whose honour the memorial in Kogaly was erected is supported by the other three signs on stela No. 2 (fig. 2, 3). *Tamga No. 1* (a circle with two lines branching in opposite directions) has been recorded in five points in the adjacent areas of Kogaly-bastau

Рогожинский, 2017. С. 133–134). Здесь также на одной из нижних плоскостей скалы имеется изображение пешего знаменосца.

Об относительно высоком политическом статусе кочевого правителя, в честь которого возведен мемориал в Когалы, свидетельствуют и остальные три знака на стеле №2 (рис. 2, 3). Тамга №1 (окружность с двумя линиями, отходящими в противоположные стороны) зафиксирована в пяти пунктах на территории смежных урочищ Когалы-бастау и Каракыр, расположенных к востоку и югу от мемориального комплекса. Тамга №2 (типа «бакан», но с широкой развилкой и короткой осевой линией) обнаружена в Каракыре и входит в ансамбль «престижных» сюжетов с изображениями всадников-знаменосцев. Очевидно, обе тамги маркируют район расселения групп кочевников, по-видимому, связанных отношениями зависимости с мемориантом ритуального комплекса в Когалы.

Для тамги №3 не удастся отыскать точные аналогии. Отдаленное сходство знак обнаруживает с тамгами-петроглифами еще одной редкой формы, зафиксированной только в Чу-Илийских горах, а также с некоторыми разновидностями знаков на тюрко-согдийских монетах Чачского оазиса (см. ниже о «лировидной» тамге).

Наконец, основная тамга на стелах из Когалы тоже не имеет среди знаков-петроглифов иных аналогий, кроме указанной выше. Во-первых, можно заметить отдаленное сходство знака с тамгой *ба-янь-а-ши-дэ* (№22) в издании «Танхуйяо» 1884 года (рис. 2, 8); во-вторых, в поисках возможного происхождения знака указать на подобие его формы курсивному написанию согдийского *prn* – «фарн», «благодать» (ср. др.-тюрк. *кут* – «счастье»; душа, жизненная сила, дух) на некоторых монетах ранне-средневекового Согда (любезная консультация П. Б. Лурье). Однако окончательное решение вопроса еще предстоит.

В целом древнетюркский мемориальный комплекс Когалы с уникальным собранием тамг и «повествовательными сценами» остается пока единственным памятником подобного рода, открытым и частично исследованным на территории Казахстана. Само местонахождение

and Karakyr situated to the east and south of the memorial complex. *Tamga No. 2* (similar to ‘bakan’ but has a large fork and a short axial line) was found in Karakyr as an element of a ‘prestigious’ composition with horsemen bearing standards. Apparently, both tamgas mark an area inhabited by groups of nomads, probably, dependent on the memoriant of the ritual complex in Kogaly.

No identical analogues of *tamga No. 3* have been recorded so far. The sign has some resemblance to another rare form of petroglyph tamgas recorded only in the Chu-Ili Mountains and to certain variations of signs on the Turkic-Sogdian coins from the Chach Oasis (see below about the ‘lyre-shaped’ tamga).

Finally, the main tamga on the stelae from Kogaly has no analogues among other petroglyph tamgas, either, except for those mentioned above. Firstly, there is some faint resemblance between this sign and the *ba-yan-a-shi-de* tamga (No. 22) in the 1884 Tang Hu-yiao edition (fig. 2, 8); secondly, to establish the sign’s possible origin it is necessary to note that its form resembles the italicised variant of the Sogdian *prn* – ‘farn’, ‘bliss’ (cf. early Turkic ‘*kut*’ – ‘happiness’; soul, living power, spirit) on some of the early medieval Sogdian coins (consultation kindly delivered by P. B. Lurie). However, the final resolution is still to be made.

Overall, the ancient Turkic memorial complex of Kogaly with a unique collection of tamgas and ‘descriptive scenes’ is so far the only monument of its kind in the territory of Kazakhstan that has been discovered and partially studied. The monument’s situation in an area with a series of remarkable ancient Turkic monuments – ritual objects with sculptures and stelae, stationary sites with various tamgas and mountain sanctuaries with highly artistic rock paintings – quite confirms the information from written sources about the special importance of the Chu-Ili Interfluve as the western Turkic peoples’ political centre.

The so called ‘lyre-shaped’ sign is a rare medieval tamga. This tamga has been recorded on

ние комплекса в районе, где наблюдается концентрация ярких памятников древнетюркской культуры – ритуальных объектов с изваяниями и стелами, стационарных стоянок, отмеченных разными тамгами, и горных святилищ с высокохудожественными произведениями наскального искусства – зримо подтверждает сведения письменных источников об особой значимости Чу-Илийского междуречья как политического центра западных тюрков.

Одной из редких средневековых тамг является т.н. «лировидный» знак. Эта тамга зафиксирована в Чу-Илийских горах в нескольких пунктах: Когалы, Тамгалы, Аккайнар и Кулжабасы (рис. 3, 1); ее форма неизменна, не имеет производных вариантов, и лишь один раз (Тамгалы) такой знак встречен в сочетании с тамгой другого типа (рис. 1, 9). Во всех случаях, когда на местонахождении имеются иные средневековые тамги, лировидный знак оказывается *обособленным* от них, так что трудно установить его относительный возраст, но судя по косвенным признакам (взаиморасположение знаков, более темный оттенок патины), гравюра выглядит, как более ранняя.

В петроглифах тамга этого типа встречается в пределах Семиречья, однако хорошо известна в среднеазиатской нумизматике (Панч, Чаганиан, Кобадиян), а также обнаружена на керамике в Отрарском оазисе (Naymark, 2005. PP. 226–227; Байпаков, Авизова, 2015. С. 208, 213. Рис. 22; Алёшин, 2013). По этим территориально удаленным аналогиям (рис. 1, 10–11; 3, 6–8) лировидные тамги из Семиречья могут датироваться VI–VII веками. Принадлежность знака этой редкой формы пока не выяснена, но его роль династийной тамги или фамильной эмблемы какого-то знатного клана кочевников, связанного с Семиречьем и областями Восточного Согда и Северного Тохаристана, несомненна.

Еще одним примером тамги, относящейся к символам политической власти, может служить находка уникального знака среди петроглифов *археологического комплекса Карашоки* в горах Торайгыр (Северный Тянь-Шань).

Невысокий горный хребет Торайгыр служит водоразделом двух притоков р. Или – Чарына и Чилика, берущих начало у подножия

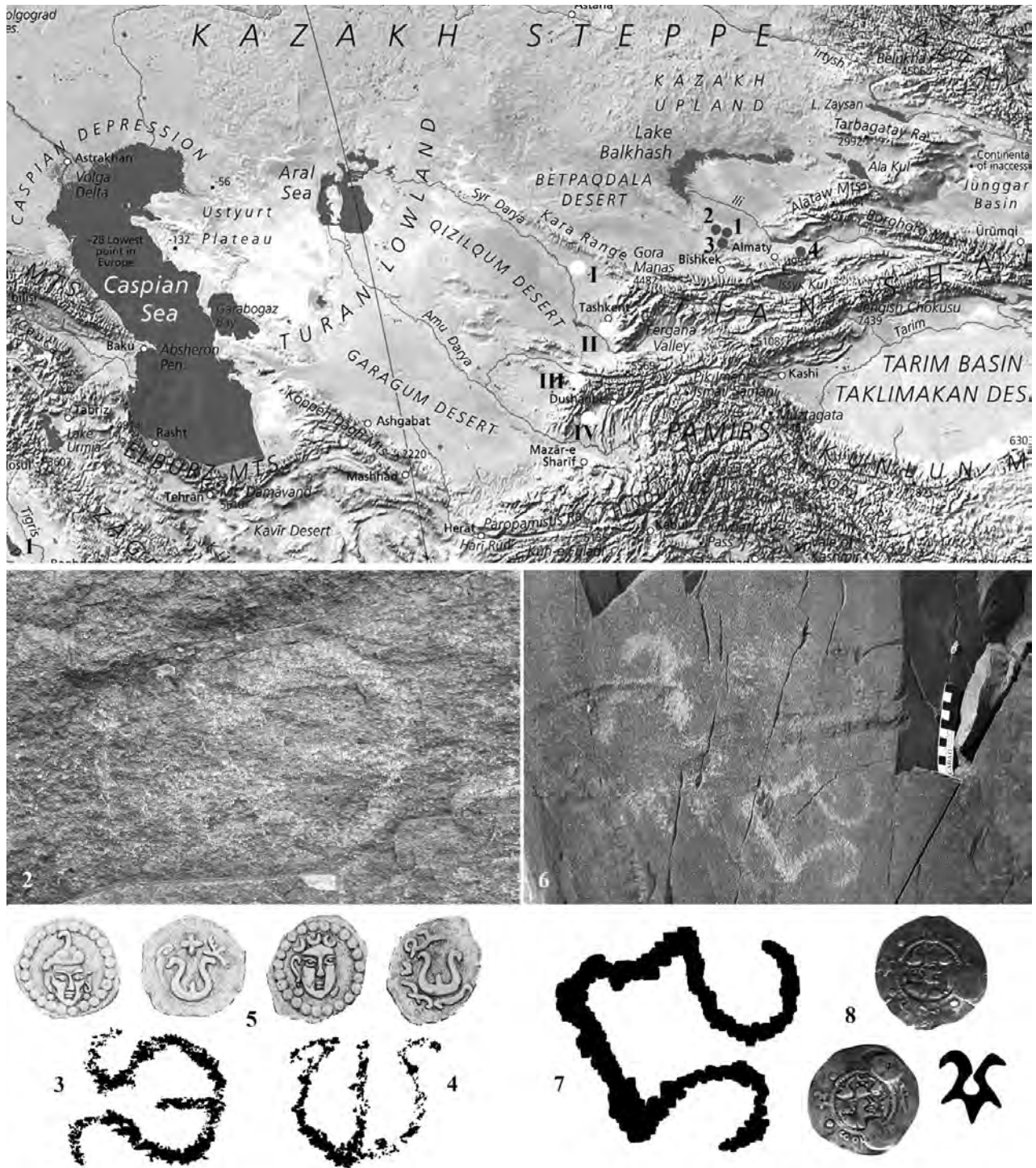
several sites in the Chu-Ili Mountains: Kogaly, Tamgaly, Akkaynar and Kulzhabasy (fig. 3, 1); its form is unchangeable and has no variants; moreover, only once (Tamgaly) this sign came in combination with a tamga of another type (fig. 1, 9). In all cases when the lyre-shaped sign is found on one site together with other medieval tamgas, it is positioned *separately* from them so it is hard to establish its relative age; however, judging by some indirect characteristics, such as the signs' mutual positions and the patina's darker colour, this engraving looks older.

This tamga has been recorded among petroglyphs only within the territory of Semirechie; however, it is present on Central Asian coins (Panch, Chaganian, Kobadian) and on the pottery from the Otrar Oasis (Naymark, 2005. PP. 226–227; Baipakov, Avizova, 2015. PP. 208, 213. Fig. 22; Aleshin, 2013). These territorially remote analogues (figs. 1, 10–11; 3, 6–8) make it possible to date the lyre-shaped tamgas from Semirechie to the 6th-7th centuries. The cultural identity of this rare type of sign has not been established, but it is obvious that it was the dynastic tamga or family emblem of some noble nomadic clan associated with Semirechie, the Eastern Sogd and Northern Tokharistan.

A unique sign found among the petroglyphs of the *Karashoky archaeological complex* in the Toraygyr Mountains (Northern Tien Shan) is another tamga symbolising political power.

The relatively low Toraygyr Mountain Range is a watershed separating the Ili's two tributaries, the Charyn and Chilik, rising at the foot of the Kungey Ala-Too Range. The mountains stretch from east to west, and their southern slopes are traditionally used by the nomads of the Ili Valley for wintering. This is the area where a small complex of Turkic monuments consisting of a group of mounds with piles of stones and ritual fenced grounds and petroglyphs on a hill with a series of non-contemporaneous archaeological sites at its side has recently been discovered in the Zhalanash Valley stretching for dozens of kilometers between Kungey and Toraygyr.

Рис. 3. 1 – карта местонахождений знаков-петроглифов Семиречья и аналогии знакам: 1 – Тамгалы, 2 – Когалы, 3 – Аккайнар и Кулжабасы; I – Пшакшиштобе, II – Канка, III – Пенджикент, IV – Чаганиан и Кобадиян. Знаки-петроглифы Семиречья и аналогии: 2-4 – Карашоки, Торайгыр; знаки на монетах Чача (по: Шагалов, Кузнецов, 2006); 6, 7 – Когалы, Чу-Илийские горы; 8 – знаки на монетах Кобадияна (по: Алешин, 2013)

Fig. 3. 1 – map of sites of petroglyph signs in Semirechye and signs' analogues: 1 – Tamgaly, 2 – Kogaly, 3 – Akkaynar and Kulzhabyasy; I – Pshakshitobe, II – Kanka, III – Penjikent, IV – Chaganian and Kobadian. Petroglyph signs in Semirechye and their analogues: 2-4 – Karashoky, Toraygyr; signs on Chach coins (after Shagalov, Kuznetsov, 2006); 6, 7 – Kogaly, Chu-Ili Mountains; 8 – signs on the coins of Kobadian (after Aleshin, 2013)

Кунгей Алатау. Горы тянутся по линии запад-восток, а их южные склоны традиционно служат зимовьем для кочевников Илийской долины. Именно здесь, в Жаланашской долине, протянувшейся на десятки километров между Кунгеем и Торайгыром, недавно выявлен небольшой комплекс памятников тюркской эпохи: группа курганов с каменными насыпями и ритуальными оградами, а также петроглифы на сопке, возле которой имеются остатки разновременных стоянок.

На вершине живописной горы Карашоки на вертикальной скале сохранилось крупное изображение тамги омегаобразной формы (рис. 3, 2-4); еще один такой знак обнаружен на юго-восточном склоне сопки. Средневековые тамги, основная фигура которых напоминает греческую «омегу», относятся к числу наиболее распространенных типов знаков, зафиксированных на огромном пространстве от Западной Монголии и Алтая до Алайского хребта и Присырдарьинского Каратау (см. подробнее ниже). Однако обе тамги из Карашоки представляют особую разновидность этого знака, ранее не встречавшуюся в пределах всего ареала. Отличие их в том, что от центра «омеги» с внутренней стороны отходит короткая прямая линия. Именно в таком варианте (рис. 3, 5) омегаобразная тамга присутствует на оборотной стороне небольшой группы *монет с горюдища Канка (Чач)*. На лицевой стороне монет изображен «портрет правителя в три четверти оборота влево... широкое лицо монголоидного типа, на голове украшение с навершием в виде трех полумесяцев, в ушах массивные серьги» (Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 269–271, 292). Согдийская легенда читается как «...божественный правитель...» (Э. В. Ртвеладзе) или «...божественный? каган» (Г. Бабаяров); мнения специалистов о датировке выпуска монет также существенно различаются: от середины VII века (Г. Бабаяров) до второй четверти – середины VIII столетия (А. В. Кузнецов). Предполагается, что чачских правителей с таким «династийным знаком-тамгой было как минимум двое», при этом форма основного знака на различных монетах данной эмиссии не изменялась (Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 269, 323).

A large omega-shaped tamga can be found on a vertical rock on the top of the picturesque Karashoky Mountain (fig. 3, 2-4); another sign of this type has been discovered on the south-eastern slope of the hill. The medieval tamgas whose main element resembles the Greek letter ‘omega’ is one of the commonest sign types found all over the vast territory between Western Mongolia and Altai to the Alai Range and the Karatau Mountains in the Syrdarya River area (see below for details). However, both tamgas from Karashoky are the variety of this sign that had not been earlier recorded elsewhere within the range. The distinguishing feature of this type is a short straight line that runs from the centre of the ‘omega’ from the external part. This very variant (fig. 3, 5) of the omega-shaped tamga can be found on the reverse of a small group of *coins from the Kanka hillfort (Chach)*. The obverse of the coins has ‘the portrait of a ruler turned left three quarters of a round... with a broad Mongoloid face, with an adornment on the head topped by three crescents and massive earrings in the ears’ (Shagalov, Kuznetsov, 2006. PP. 269–271, 292). The Sogdian legend can be interpreted as ‘... the divine ruler...’ (E.V. Rtveldadze) or ‘the divine (?) khagan’ (G. Babayarov); specialists’ opinions on the dating for this coin issue also diverge quite broadly: between the middle of the 7th century (G. Babayarov) and the second quarter-middle of the 8th century (A. V. Kuznetsov). According to a common belief, there were ‘at least two Chach rulers who used this dynastic tamga’; the form of the main sign did not vary on different coins from this issue (Shagalov, Kuznetsov, 2006. PP. 269, 323).

The next group of signs that can be identified based on numismatic material is the tamgas of the *Turgesh*, one of the tribes of the Western Turkic confederation. The Turgesh tamgas are known from several types of coins (fig. 4, 1). Although their basic elements are quite similar, there also are considerable differences. The petroglyph tamgas that can be compared with all-tribe and dynastic Turgesh signs also vary in details.

Следующая группа знаков, которые идентифицируются на основе нумизматических материалов, – это тамги *тюргешей*, одного из племен конфедерации западных тюрков. Тюргешские тамги известны по нескольким типам монет (рис. 4, 1) и при сходстве основной фигуры знака они обнаруживают и различия. Так же различаются в деталях тамги-петроглифы, которые можно сопоставить с общеплеменными и династийными знаками тюргешей.

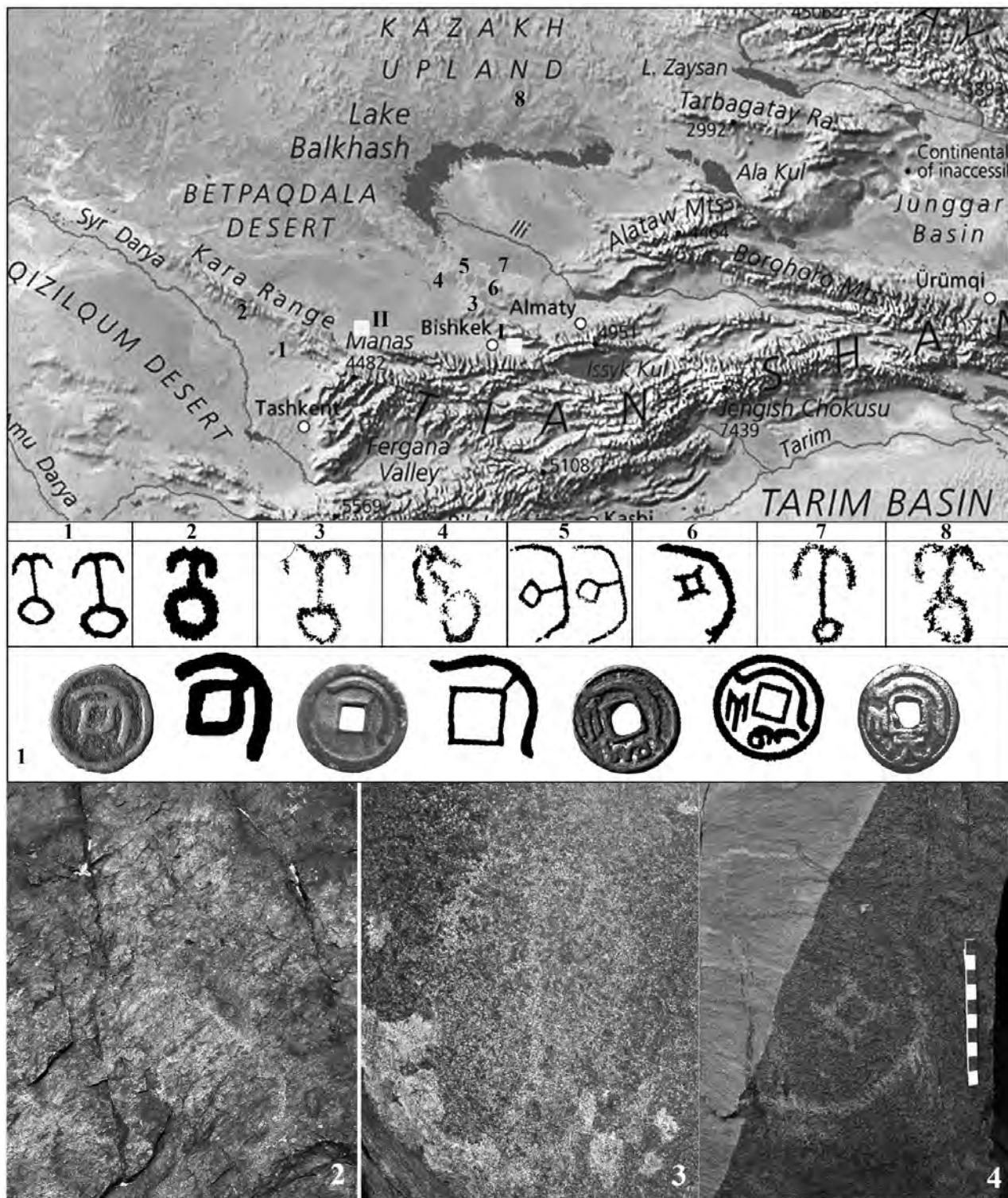
Наибольшее количество таких знаков обнаружено в Чу-Илийском междуречье (6 изображений), что согласуется с данными китайских источников о занимаемой тюргешами территории к моменту их возвышения на рубеже VII–VIII веков (Бичурин, 1950. С. 296). В Южном Казахстане тюргешские тамги встречены в двух пунктах: в *Сауыскандык* (рис. 4, 1, 1) на севере Каратау и в *Боралдае* (рис. 4, 1, 2) – в южной части хребта. Изображение знака, сопоставимого по форме с тамгой тюргешей, найдено в горах Калмакэмель (рис. 4, 1, 8) в Северном Прибалхашье. Отметим, что на правобережной части Семиречья, в Жетысу, не найдено ни одного похожего знака. В местонахождениях петроглифов Таласской долины и Прииссыккулья тамг тюргешей нет. Итак, общее количество известных сегодня знаков-петроглифов тюргешей не превышает десяти, что трудно объяснить только недостаточной изученностью территории, некогда составлявшей область их расселения и политического господства.

Принято считать, что тюргешская тамга соответствовала по виду букве «ат» *орхонско-го* рунического письма, но в дальнейшем, с началом выпуска правителями каганата собственной монеты по образцу китайских денег с квадратным отверстием в центре, форма династийной тамги видоизменилась в результате стилизации. В коллекции тюргешских знаков-петроглифов преобладают тамги, не имеющие признаков стилизации, характерной для эмблем на монетах. Географически такие тамги представлены на всем ареале знака: в Каратау, Чу-Илийских горах и Северном Прибалхашье. Объединяющими признаками знака при всех нюансах, связанных с техникой исполнения рисунков на скале, являются: округлость/

The largest number of signs of this type have been found in the Chu-Ili interfluvium (6 specimens), which quite corresponds with the information from Chinese sources about the territory the Turgesh occupied by the time of their prominence in the late 7th-early 8th centuries (Bichurin, 1950. P. 296). In Southern Kazakhstan Turgesh tamgas have been recorded in two points: *Sauyskandyk* (fig. 4, 1, 1) in the north of Karatau and in *Boralday* (fig. 4, 1, 2) in the southern part of the range. A sign similar in form to the Turgesh tamga was found in the Kalmakemel Mountains (fig. 4, 1, 8) in the northern part of the Balkhash Lake area. Interestingly, no Turgesh tamgas have been recorded on any of the petroglyph sites in the Talas Valley and Issyk-Kul Lake area. All in all, the total number of Turgesh tamgas known today does not exceed ten, for which the insufficient study of the territory this people once occupied and ruled can hardly be the only explanation.

There is a common belief that the Turgesh tamga corresponded in form with the letter 'at' from the *Orkhon River* runic inscriptions, but later, when the rulers of the khaganate started to issue their own coins following the design of the Chinese coins with a square aperture in the centre, the form of the dynastic tamga was stylised and therefore changed. The collections of the Turgesh petroglyph signs are predominated by tamgas that have no traces of stylisation characteristic of the emblems on coins. Geographically these tamgas can be found throughout the sign's range: in Karatau, the Chu-Ili Mountains and the northern part of the Balkhash Lake area. Despite all the minor differences in the techniques used to make the signs on rocks, they all have a few common characteristics: the circle/oval/rhombus in the base of the figure; the connecting line equal or exceeding in length the diameter of the base (the 'arrow'); two arcs connected to the 'arrow'; a little curve in the point the two arcs connect, which makes the upper element of the sign resemble a complex bow with an articulated centre of the limbs. Probably, that was how the *all-tribe* Turgesh identity sign looked.

Рис. 4. 1 – карта местонахождений знаков-петроглифов (1-8) и разновидности тамги тюргешей на монетах (по: Камышев, 2002): I – Акбешим (Суяб), II – Тараз; 1 – Боралдай, 2 – Сауыскандык, 3 – Кулжабасы, 4 – Ушкызыл, 5 – Котыр, 6 – Акколь, 7 – Ащысу, 8 – Калмакэмель. Знаки-петроглифы тюргешей: 2 – Котыр, 3 – Ащысу, 4 – Акколь

Fig. 4. 1 – map of sites of petroglyph signs (1-8) and variants of the Turgesh tamga on coins (after Kamyshev, 2002): I – Akbeshim (Suyab), II – Taraz; 1 – Boralday, 2 – Sauyskandyk, 3 – Kulzhabyasy, 4 – Ushkyzyl, 5 – Kotyr, 6 – Akkol, 7 – Ashchysu, 8 – Kalmakemel. Turgesh petroglyph signs: 2 – Kotyr, 3 – Ashchysu, 4 – Akkol

овал/ромб в основании фигуры; соединительная линия, по длине равная или превышающая диаметр основания («стрела»); две дуги, соединенные со «стрелой»; небольшой изгиб в месте соединения дуг, благодаря чему верхний элемент знака приобретает форму сложного лука с выделенной кибитью. Вероятно, так выглядел *общеплеменной* удостоверительный знак тюргешей. Именно так выглядят единичные изображения «тюргешских» знаков, обнаруженные далеко за пределами основного ареала: в собрании тамг на скале с петроглифами в Калбак-Таш I, а также на крупе коня в уникальной композиции, обнаруженной недавно Д.В. Черемисиным в долине р. Чаган в Горном Алтае.

В трех наскальных рисунках имеются признаки стилизованного изображения тюргешской тамги в монетном чекане (рис. 4, 1, 5, 6). Все три образца обнаружены в центральной части Чу-Илийских гор, *в смежных долинах Акколь* (рис. 4, 1, 4) *и Котыр*. В первом случае тамга выглядит как дугообразная линия и размещенный напротив нее небольшой квадрат/ромб с отходящими от углов короткими лучами. Две тамги из Котыра (рис. 4, 1, 5) состоят из дуги с закругленными плечами и квадрата, соединенного с ней короткой линией, едва превышающей по величине основание знака. Обе разновидности знака находят аналогии в монетном материале (Камышев, 2002. С. 92 (№21), 94 (№27), причем одна из них соответствует варианту знака «довольно редко встречающихся в Чуйской долине тюргешских монет с нестандартным начертанием тамги», выпуск которых связывается с Таразом (Камышев, 2009. С. 291).

Вопросы тюргешской геральдики и абсолютной хронологии монетных эмиссий остаются предметом острой дискуссии нумизматов. Ввиду малочисленности находок тюргешских петроглифов-тамг пока сложно говорить о значении выявленных отличий в начертании знаков. Однако вполне вероятно, что стилизованные формы знаков появились на скалах горных урочищ Чу-Илийского водораздела не ранее начала выпуска монет с теми же разновидностями тамги «господина тюргешского кагана». В таком случае, тюргешские тамги-петрогли-

They also are similar to some single images of Turgesh signs found far beyond the borders of the main range, e.g. in the collection of tamgas on a rock with petroglyphs in Kalbak-Tash I and on the rump of a horse in a unique composition found recently by D. V. Cheremisin in the Chagan River Valley in the Altai Mountains.

A seemingly stylised image of the Turgesh tamga from the coin was found on three rock painting sites (fig. 4, 1, 5, 6). All the three specimens were discovered in the central part of the Chu-Ili Mountains, in the *adjacent Akkol* (fig. 4, 1, 4) and *Kotyr Valleys*. The first tamga has the form of an arc-like line and a small square/rhombus with short beams running from its corners opposite. Two tamgas from Kotyr (fig. 4, 1, 5) consist of an arc with rounded shoulders and a square connected to the former by a short line that is hardly longer than the base of the sign. Both signs have analogues on coins (Kamyshev, 2002. PP. 92 (No. 21), 94 (No. 27), and one of them is similar to a 'tamga with a non-standard structure found on some Turgesh coins', which were issued in Taraz and which are quite rarely found in the Chu Valley (Kamyshev, 2009. P. 291).

The questions of the Turgesh heraldry and the absolute chronology of coin issues remain quite disputable for numismatists. The small number of the Turgesh petroglyph tamgas makes it hard so far to estimate the significance of the differences detected in the signs' structure. However, it is quite possible that the stylised versions of the signs on the rocks in the mountains of the Chu-Ili watershed were not made before the coins with the same versions of the tamga of his 'lordship the Turgesh khagan' were issued. In this case the petroglyph tamgas (unlike coins with the same symbols the issue of which continued in the 9th century: Kamyshev, 2009. PP. 49–56) serve as chronological indicators of accompanying chronological complexes, such as petroglyphs, sites and so on. Based on numismatic data and Chinese literary sources the petroglyph signs of the Turgesh type from Semirechie can gen-

фы (в отличие от монетных эмиссий с той же символикой, осуществлявшихся и в IX веке: Камышев, 2009. С. 49–56) играют роль хронологического индикатора для сопутствующего археологического комплекса – петроглифов, стоянок и др. Опираясь на данные нумизматики, а также китайские тексты, датировка петроглифов-знаков тюргешского типа из Семиречья может соответствовать в целом первой половине VIII века или до 766 года. При этом наскальные изображения *стилизованных* знаков, отличающиеся формой от *общеплеменной тамги тюргешей*, можно рассматривать как изображения *династийной* эмблемы, приобретающей уже значение политического символа (ср. в «Диван лугат ат-турк»: «тамга – царская (или др.) печать»; Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 398, 243).

В этом случае заслуживает внимания контекст стилизованных тюргешских знаков в долине Котыр (рис. 4, 1, 5). Возле основания скалы заметны остатки древней стоянки, датировка которой не установлена. Знаки на скале расположены в определенном порядке: в верхней части обособленно изображена одна из тюргешских тамг; в нижней части скалы второй такой же знак выбит рядом с тамгой иного вида (рис. 5, 5). Все знаки выполнены тщательно, имеют крупные размеры (25-30 см); сходство техники исполнения и оттенков «пустынного загара» убеждает в их одновременности. Форма третьего знака специфична: она тождественна тамге *одного из племен огузов (букдуз)* и уверенно идентифицируется по рисунку из рукописи «Диван лугат ат-турк» (Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 93). Итак, уникальный памятник тамгопользования в долине Котыр не только документирует присутствие на западе Семиречья какой-то части огузов около середины VIII века, но и раскрывает, по-видимому, их союзнические отношения с тюргешами в период массового переселения карлуков на земли «народа десяти стрел».

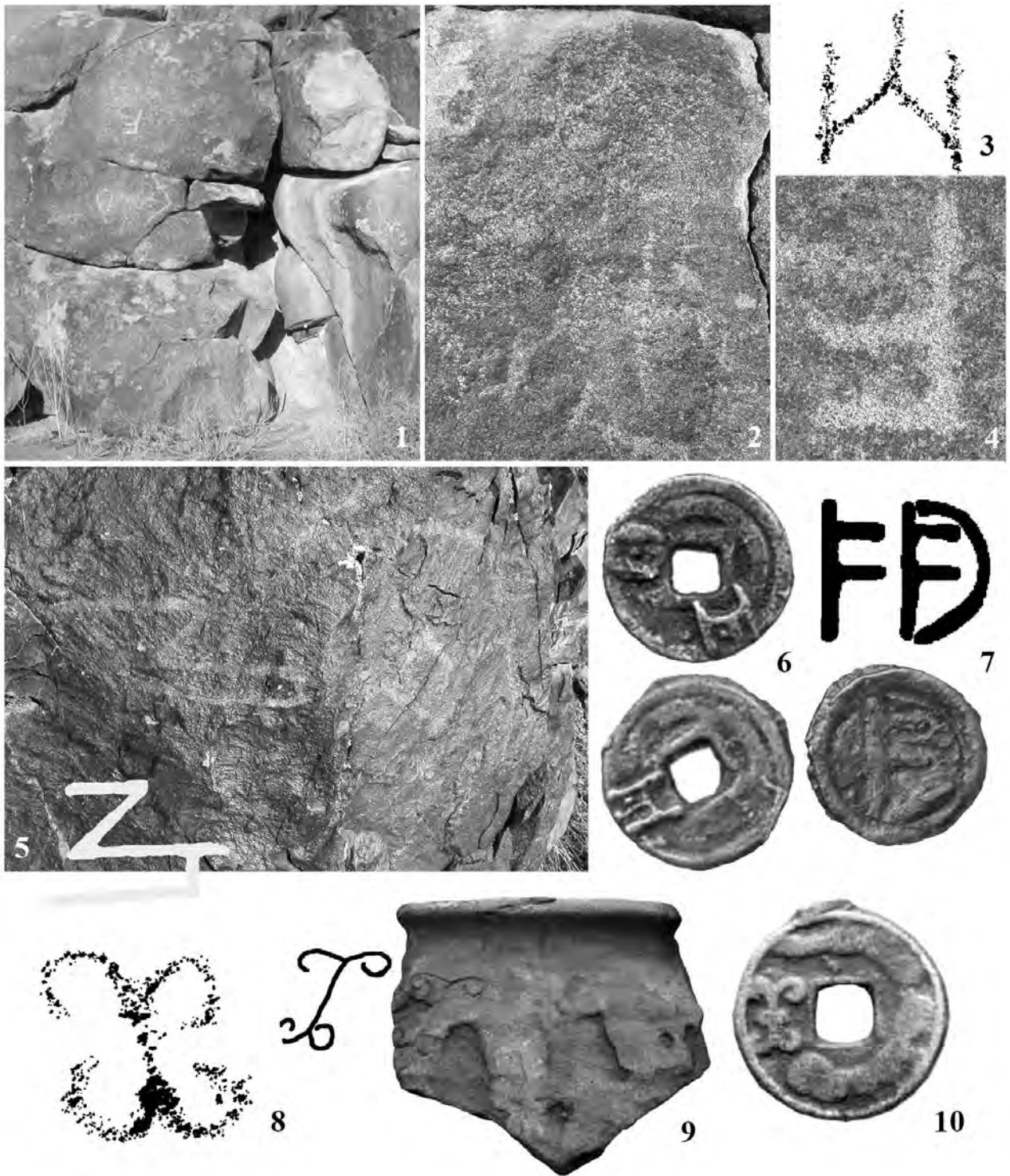
К тому же историческому периоду, связанному со сменой господствующих групп кочевников в Семиречье, возможно, относится знак в форме «W» или рунической буквы *p* (*r*), который присутствует в одном из замечательных собраний тамг-петроглифов, обнаруженном в

ерально be dated to the first half of the 8th century or before 766. The *stylised* signs on rocks differing in form from the *all-tribe Turgesh tamga* can be interpreted as *dynastic* emblems growing into political symbols (cf. in Divan lugat at-turk: ‘*tamga* is a royal (or other) seal; Makhmud al-Kashgari, 2005. PP. 398, 243).

The context of stylised Turgesh signs in the *Kotyr Valley* deserves special consideration (fig. 4, 1, 5). At the base of a rock there are remains of an ancient archaeological site the dating of which has not been established. The signs on the rock are arranged in a special order: the upper part presents a separate Turgesh tamga; the same sign can be found on the lower portion of the rock next to a tamga of a different type (fig. 5, 5). All the signs are large (25-30 cm) and neat; the similarity of the techniques used and the shades of the ‘desert patina’ confirms their contemporaneity. The third sign has a specific form, which is identical to the tamga of *one of the Oguz (Bukduz) tribes* and can be confidently identified by a drawing from the Divan lugat at-turk manuscript (Makhmud al-Kashgari, 2005. P. 93). So the unique monument with tamgas in the Kotyr Valley does not only document the presence of some part of the Oguzs in the west of Semirechie in about the middle of the 8th century, but also, probably, reveals their allied relations with the Turgesh at the time of the mass migration of the Karluk to the lands of the ‘people of ten arrows’.

A sign in the form of W or the runic letter *r*, which can be found in one of the remarkable collections of petroglyph tamgas discovered in the *lower stretches of the Ashchysu River* in the Chu-Ili Mountains, may belong to that very period in history, when the change of the ruling groups of nomads took place. There are seven different signs on a vertical rock cut at different time. The earliest are, probably, four separate tamgas disposed at one level and made using similar techniques, among which there is a Turgesh all-tribe symbol (fig. 4, 3; 5, 1). Another tamga of a rare type is a tall vertical line with two short horizontal lines branching from it leftwards at the bottom and in the middle (fig.

Рис. 5. Знаки-петроглифы Семиречья (1-5, 8) и аналогии: 1-4 – Ащысу, 5 – Котыр, 8 – Тамгалы; 6 – монеты с тамгой тюргешей, перекрытой надчеканом, Акбешим (по: Камышев, 2008); 7 – знак на анепиграфных монетах Оtrarского оазиса (по: Бабаяров, 2016); 9 – знак на сосуде, Пшакшитобе, Оtrarский оазис (Баипаков, Авизова, 2015); 10 – знак на монете, Красная Речка (по: Лурье, 2010)

Fig. 5. Petroglyph signs in Semirechie (1-5, 8) and their analogues: 1-4 – Ashysu, 5 – Kotyr, 8 – Tamgaly; 6 – coins with the Turgesh tamga covered by a counterstamp, Akbeshim (after Kamyshev, 2008); 7 – sign on the anepigraphic coins of the Otrar oasis (after Babayarov, 2016); 9 – sign on a vessel, Pshakshitobe, Otrar oasis (Baipakov, Avizova, 2015); 10 – sign on a coin, Krasnaya Rechka (after Lurie, 2010)

низовьях р. Ащысу в Чу-Илийских горах. На вертикальной скале здесь насчитывается семь различных знаков, выбитых в разное время. Самыми ранними можно считать расположенные отдельно, но на одном уровне, исполненные сходным приемом четыре тамги, среди которых выделяется тюргешский общеплеменной символ (рис. 4, 3; 5, 1). Другая тамга редкого типа – высокая вертикальная линия, от которой внизу и в середине влево отходят две короткие горизонтальные черты (рис. 5, 4); возможно, подобный знак в 1960-е годы был зафиксирован С. Аманжоловым в горах Кетмень на востоке Семиречья (Аманжолов, 1966. Табл. Va, 15). Похожий знак (рис. 5, 7) можно видеть на недавно выявленном типе анэпиграфных доисламских монет Отрарского оазиса (Бабаяров, 2016. С. 347–348. Тип III, рис. 1, 1)

Наконец, на соседней грани скалы обособленно от всех других изображений слабо выбиты один над другим два знака: в виде прямого креста, а выше – тамга в форме перевернутого рунического знака *p* (рис. 5, 2-3). Знаки выглядят «моложе» предыдущей описанной группы тамг, размещены на поверхности худшего качества, что дает основание считать их относительно поздними, появившимися в этом собрании тамг в тот момент, когда наилучшие поверхности скалы уже были заняты. Эти наблюдения находят подтверждение в нумизматических материалах из Семиречья.

На городищах Чуйской долины собраны монеты разных типов, на которых тамга в виде рунической *p* размещена как дополнительная к династийному знаку тюргешей или знакам иного облика. Среди них особый интерес представляют монеты, обнаруженные в 2006 году на Ак-Бешиме (Суяб), с традиционной легендой «фан господина тюргешского кагана» на лицевой стороне и тамгой тюргешей на реверсе, *перекрытой надчеканом* с дополнительной тамгой в виде рунической *p* (рис. 5, 6), которую А.М. Камышев именуется «родовым знаком карлуков» (Камышев, 2008. С. 18–19. Фото 6). Вслед за этим П.Б. Лурье удалось выделить в монетном комплексе Семиречья **монеты карлукского чекана** по прочитанной им же легенде «монета господина кагана карлуков» (Лурье, 2010. С. 280–282. Рис. 1, 1-2); данный

5, 4); a similar sign might be recorded by S. Amanzholov in the Ketmen Mountains in the east of Semirechye in the 1960s (Amanzholov, 1966. Pl. Va, 15). Another similar sign (fig. 5, 7) can be seen on a recently discovered type of anepigraphic pre-Islamic coins from the Otrar Oasis (Babayarov, 2016. PP. 347–348. Type III, fig. 1, 1)

Finally, two signs are cut dimly one over the other isolated from other images on the adjacent face of the rock: the lower one has the form of a straight cross and the one above it is a tamga in the form of an upside-down runic sign *r* (fig. 5, 2-3). These signs look ‘younger’ than the group of tamgas described just above and are made on a lower-quality surface, which makes us believe them to have been made in a later period, when the best rock surfaces were occupied by other tamgas. These observations are supported by numismatic material from Semirechie.

The archaeological sites of the Chu Valley have yielded coins of different types, on which the tamga in the form of the runic *r* is placed in such a way that seems an addition to the Turgesh dynastic sign or signs of a different appearance. The coins found at Ak-Beshim (Suyab) in 2006 are of special interest: they bear the traditional legend ‘the fan of his lordship the Turgesh khagan’ on the obverse and a Turgesh tamga on the reverse *counterstamped* by an additional tamga in the form of the runic *r* (fig. 5, 6), which A. M. Kamyshev calls ‘a Karluk family sign’ (Kamyshev, 2008. PP. 18–19. Photo 6). Afterwards P. B. Lurie managed to identify **Karluk-type coins** in the Semirechie coin complex based on a legend deciphered by himself – ‘the coin of his lordship the Karluk khagan’ (Lurie, 2010. PP. 280–282. Fig. 1, 1-2); the coins of this type also has an additional tamga in the form of runic *r*. According to the researcher, those coins were being minted for quite a short period ‘at any time between 766 and the mid-10th century’ (Lurie, 2010. P. 282).

Outside Semirechie petroglyph tamgas in the form of the runic *r* have been recorded in

монетный тип тоже содержит дополнительную тамгу в виде рунической *p*. По мнению исследователя, выпуск таких монет был недолгим и «может соотноситься с любым временем между 766 годом и серединой X века» (Лурье, 2010. С. 282).

За пределами Семиречья тамги-петроглифы в виде рунической *p* зафиксированы в Цаган-Сала на западе Монголии, а также в долине Чаган на Горном Алтае (последнее особенно важно, поскольку здесь серия подобных знаков обнаружена Д.В. Черемисиным в комплексе с выразительными гравюрами тюркского времени). Как видно, карлукская атрибуция династийной тамги в виде рунической *p* находит веские основания и в археологии наскального искусства Центральной Азии, и в нумизматических материалах из Семиречья.

Большую группу тамг-петроглифов, вероятно, также относившихся к династийным знакам власти, удается выделить на скалах известного памятника наскального искусства *Тамгалы*. Яркое скопление достоверительных знаков и «престижных» сюжетов средневекового искусства здесь образуют петроглифы группы VI. Неслучайно открытием и исследованием этого местонахождения в конце 1970-х годов положено начало изучению петроглифов Казахстана тюркской эпохи (Марьяшев, Ермолаева, 1981).

В этом значимом пункте комплекса Тамгалы насчитывается пять изображений *всадников со знаменами*. Они различаются своим расположением, некоторыми художественными особенностями, видом главных атрибутов (оружия и знамен), но эти отличия не выходят за рамки общей изобразительной традиции и характеризуют скорее индивидуальную манеру исполнителей, создававших гравюры в разное время по особому случаю; единой композиции рисунки всадников-знаменосцев не образуют. О том же свидетельствует и разнообразие тамг, нанесенных на поверхности скал или обломков, лежащих поодаль от сцен с всадниками: шесть знаков разных форм.

Лишь в одном случае можно уверенно связать композиционно и хронологически изображение конного знаменосца и тамгу. Центральную часть этого панно занимает самое

Tsagaan Sala in the west of Mongolia and in the Chagan Valley in the Altai Mountains (the latter are particularly important, as they form a series of similar signs discovered by D. V. Cheremisin together with expressive engravings of the Turkic period). As is well seen, the Karluk origin of the dynastic tamga in the form of the runic *r* is also strongly supported by both the archaeology of Central Asian rock art and the numismatic material from Semirechye.

A large group of petroglyph tamgas from *Tamgaly*, a well-known rock art monument, can, probably, also be identified as dynastic ruling signs. The petrolyphs from group VI form a particularly remarkable collection of identity signs and prestigious medieval themes. So it is natural that the entire research into Kazakh petroglyphs of the Turkic period was opened by the discovery and study of this site in the late 1970s (Maryashev, Ermolaeva, 1981).

There are five images of *horsemen with standards* in this important point in the Tamgaly complex. They differ in position, some artistic details and the appearance of the main attributes (weapons and standards), but these differences do not go beyond the general graphic tradition and characterise, rather, the individual styles of those who created the engravings at different time on a special occasion; the horsemen bearing standards do not form a single composition. This is also supported by the diversity of tamgas on the surfaces of rocks or rock fragments lying at some distance from the scenes with horsemen: six signs of different forms.

In only one case we can confidently link compositionally and chronologically the image of a standard-bearing horseman and the tamga. The central part of this panel is occupied by the most expressive image of a horse (fig. 6, 5) covering a Bronze Age silhouette of a bull. The graceful figure of the standard bearer is half turned to the viewer; one of his arms is drawn back and rests on a bow hanging at the man's side. The weapon is in a transportation state: the string is uncharged and the bow is in the case. In his right hand the warrior is holding

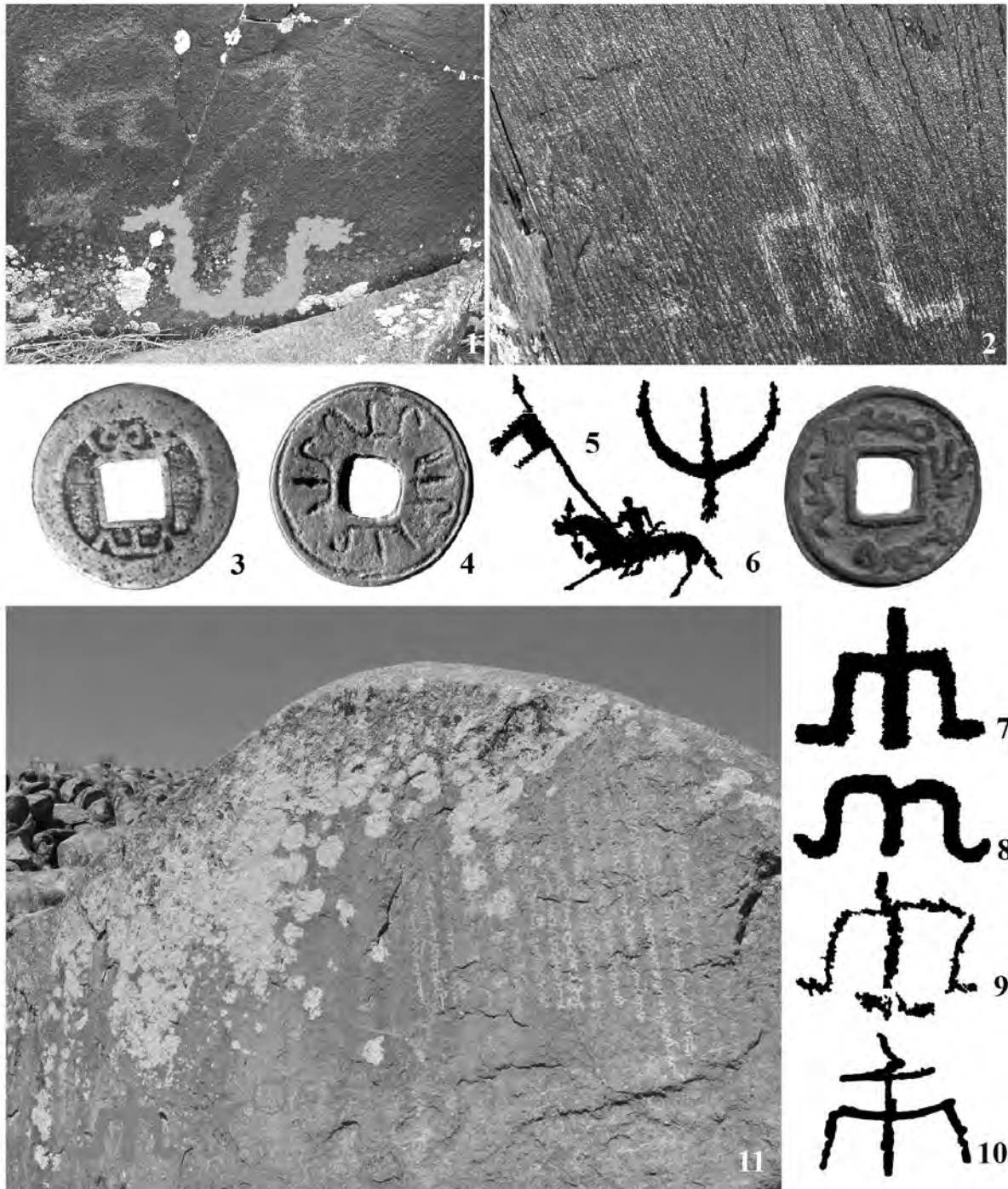

выразительное изображение всадника (рис. 6, 5), перекрывающее силуэт быка эпохи бронзы. Изящная фигура знаменосца дана вполборота, одна рука отведена назад и опирается на привешенный сбоку лук. Оружие показано в походном состоянии – со спущенной тетивой, в чехле. В правой руке воин держит древко знамени. Ниже всадника, поверх незавершенного антропоморфного изображения эпохи бронзы, средневековый художник процарапал тамгу в форме вилообразной фигуры – трезубца. Тамга и знаменосец имеют одинаковый цвет патины и можно считать их одновременными. Знак такого типа встречается в Тамгалы еще дважды: на вершине самой высокой сопки местности (рис. 6, 5), а также возле стоянки, расположенной к северу от группы VI. На скале у поселения Тамгалы V изображена близкая тамга, но центральная линия знака здесь сильно выступает вверх. Тип знака в виде дуги (полуокружности) с короткой средней линией (знак напоминает по форме лук с вложенной стрелой) имеет широкий ареал распространения в Чу-Илийском междуречье (Серектас, Жайсан и др.), однако знак в виде трезубца, очевидно, представляет собой другую разновидность тамги.

Для идентификации тамги-трязубца уместно привлечь как аналогии геральдические знаки на раннесредневековых монетах Семиречья. Знак подобного типа известен по нескольким различающимся в деталях образцам кратковременного выпуска так называемых «тухусских» монет (рис. 6, 6). По мнению специалистов, их эмиссия осуществлялась в городах Чуйской долины после падения Тюркешского каганата вплоть до конца VIII века (Настич, 1989. С. 96–120; Камышев, 2002. С. 61–65). *Тухусы, или тухси, были одним из племен тюркешской конфедерации*, а их кратковременное возвышение связано с упадком каганата и началом переселения в Семиречье карлукских племен после 745 года. Наибольшая концентрация тамг-петроглифов данного типа отмечается на скалах возле многих средневековых стоянок в юго-западной и центральной части Чу-Илийских гор, что в целом соответствует району расселения тухси по известным письменным источникам (Караев, 1968. С. 37,

a standard shaft. Below the horseman, on top of an unfinished anthropomorphic Bronze Age image, the medieval artist scratched a tamga in the form of a figure resembling a fork or trident. The patina on the horseman and trident is the same colour, which makes it possible to date them to the same period. There are two more signs of this type in Tamgaly – on the very top of the highest hill in the area (fig. 6, 5) and near an archaeological site north of group VI. There is a similar tamga on a rock near the site of Tamgaly V, in which, however, the central line juts high above the sign. The sign in the form of an arc (semi-circle) with a short central line (the sign resembles in appearance a bow with a charged arrow) is widely spread in the Chu-Ili Interfluvium (Serektas, Zhaysan and others); however, the sign in the form of a trident is, probably, a different type of tamga.

To identify the trident tamga it would be reasonable to study heraldic signs on the early medieval coins of Semirechie analogous to the former. A similar sign has been found on a few 'Tukhus' coins differing from each other in minor details from a short-living issue (fig. 6, 6). According to specialists, they were issued in the cities of the Chu Valley after the fall of the Turgesh khaganate and up to the late 8th century (Nastich, 1989. PP. 96–120; Kamyshv, 2002. PP. 61–65). *The Tukhus or Tukhsi were one of the tribes within the Turgesh confederation*, and their short prominence was associated with the fall of the khaganate and the beginning of the migration of Kurluk tribes to Semirechie after 745. The largest concentrations of petroglyph tamgas of this type were recorded on rocks near various medieval sites in the south-western and central portions of the Chu-Ili Mountains, which generally corresponds with the area populated by the Tukhsi known from numerous written sources (Karayev, 1968. PP. 37, 42–43, 69–70). The second version of the tamga, the one resembling a bow with an arrow, is analogous to signs on the coins from the Shishtobe hillfort in the Chu Valley, which have the inscription 'the coin of his lordship the *Karluk khagan*';

Рис. 6. 1 – петроглифы, Тамгалы; 2 – петроглифы, Кулжабасы; 3 – знак на монете, Актобе, Чуйская долина (по: Шалекенов, 2009); 4, 6 – знаки на монетах, Красная Речка, Чуйская долина (по: Камышев, 2002; Бабаяров, Кубатин, 2016); 5 – петроглифы, Тамгалы; 7, 11 – тамга и согдийские надписи, Терексай, Таласская долина; фото А.Е. Рогожинского, 2014 г.; 8, 9 – тамги, сопровождающие согдийские (8) и тюркские рунические (9) надписи, Кулансай, Таласская долина; 10 – знак на блюде, Заамин (по: Грицина, 2002)

Fig. 6. 1 – petroglyphs, Tamgaly; 2 – petroglyphs, Kulzhabasy; 3 – sign on a coin, Aktope, Chu Valley (after Shalekenov, 2009); 4, 6 – signs on coins, Krasnaya Rechka, Chu Valley (after Kamyshev, 2002; Babayarov, Kubatin, 2016); 5 – petroglyphs, Tamgaly; 7, 11 – tamga and Sogdian inscriptions, Tereksay, Talas Valley; photo by A. E. Rogozhinskii, 2014; 8, 9 – tamgas accompanying Sogdian (8) and Turkic runic (9) inscriptions, Kulansay, Talas Valley; 10 – sign on a dish, Zaamin (after Gritsina, 2002)

42–43, 69–70). Вторым вариантом тамги, напоминающий лук со стрелой, находит сходство со знаком на монетах с городища Шиштобе в Чуйской долине, которые имеют надпись «монета господина *кагана карлуков*»; предпочтительная датировка этих редких монет: вторая половина VIII – середина IX века или немного шире (Лурье, 2010. С. 280–282; Бабаяров, Кубатин, 2016. С. 92–93, 97). Нумизматические материалы позволяют синхронизировать сходные тамги из Тамгалы и выразительное изображение всадника на пл. 11 группы VI, сочетающееся со знаком в форме трезубца.

Единственным образцом представлен в Тамгалы другой знак, известный в монетном чекане Семиречья: тамга в форме перевернутого гребня с разведенными в противоположные стороны окончаниями двух крайних линий (группа V, пл. 98) (рис. 6, 1). Знак выбит рядом со схематичным изображением козла на плоскости, расположенной у самой вершины скального массива, и относится, вероятно, к категории мемориальных посетительских «монограмм».

Точные аналогии тамге есть на монетах, найденных на городищах Актобе (Шалекенов, 2009. С. 166–167) и Красная Речка в Чуйской долине (рис. 6, 3, 4). Монеты с Красной Речки (Навекат) изучены В.Н. Настичем и А.М. Камышевым. Выпуск таких монет с именем *Арслан Бильге-каган* исследователи определяют по-разному: в пределах VIII–IX веков (Бабаяров, Кубатин, 2016. С. 93), от середины VIII до середины X века или с конца IX до начала X века (Камышев, 2002. С. 61–65; Настич, 1989. С. 117). Этот знак очень редок: он обнаружен еще только на одном местонахождении тамг-петроглифов Чу-Илийского междуречья – в долине Жайсан (Досымбаева, 2006. С. 86. Фото слева внизу). Стоит принять мнение специалистов, предлагающих «видеть в этом знаке родовую *тамгу династии (?) Арсланидов* – своеобразных «посредников» между тюркешскими правителями и сменившими их в Семиречье в X в. Караханидами» (Настич, 1989. С. 117).

К категории династических знаков можно отнести тамгу, выбитую в Тамгалы на приметном месте вблизи наиболее значимой композиции

the most probable dating for these rare coins is the second half of the 8th-middle 9th centuries or a little broader (Lurie, 2010. PP. 280–282; Babayarov, Kubatin, 2016. PP. 92–93, 97). Available numismatic material makes it possible to synchronise the similar tamgas from Tamgaly and the expressive image of a horseman on slab 11 from group VI matching the sign in the form of a trident.

There is one specimen of another sign in Tamgaly, which has been recorded on coins in Semirechie. The tamga has the form of an inverted comb with the tips of the two extreme lines bending outwards (group V, slab 98) (fig. 6, 1). The sign is made next to a schematic image of a goat on a surface near the top of a rock formation and, apparently, is one of the visitors' memorial 'monograms'.

There are some signs identical to this tamga on coins found on the hillforts of Aktobe (Shalakenov, 2009. PP. 166–167) and Krasnaya Rechka in the Chu Valley (fig. 6, 3, 4). The coins from Krasnaya Rechka (Navekat) were studied by V. N. Nastich and A. M. Kamyshev. Such coins with the name of *Arslan Bilge-kagan* inscribed on them are dated to various periods depending on the researcher: to the 8th-9th centuries (Babayarov, Kubatin, 2016. P. 93), between the mid-8th and mid-10th or late 9th and early 10th centuries (Kamyshev, 2002. PP. 61–65; Nastich, 1989. P. 117). This sign is very rare: it has been found on only one other petroglyph tamga site in the Chu-Ili interfluvium – in the Zhaysan Valley (Dosymbaeva, 2006. P. 86. Photo bottom left). We should agree with specialists who regard this sign as the 'family *tamga of the Arslanid dynasty (?)*, which acted as "mediators" between Turgesh rulers and the Karakhanids who replaced the former in Semirechie in the 10th century' (Nastich, 1989. P. 117).

A tamga cut in a noticeable place in Tamgaly, near the sanctuary's most important composition of Bronze Age 'sun-headed' figures, can also be referred to dynastic signs. The sign has the form of two connected arcs with strongly bent ends, which make it look like an italicised

святылища с изображениями «солнцеголовых» персонажей эпохи бронзы. Знак имеет своеобразную форму в виде двух соединенных дуг с сильно загнутыми концами и напоминает прописную букву «Х» русского алфавита (рис. 5, 8). Эта сравнительно редкая тамга зафиксирована в Семиречье еще лишь в двух пунктах – в Илийской долине (*Нураджи*, предгорья хр. Кетмень) и Киргизском Алатау в *верховьях Мерке* (Аманжолов, 1966. Табл. 5а, 5). Вторую линию аналогий образуют две находки на юге Казахстана: один знак является наскальным изображением из *Сауыскандык* в Каратау (где он зафиксирован в сочетании с изображением омегаобразной тамги); другие находки происходят с *городища Пишакшитобе* в Отрарском оазисе (рис. 5, 9), где тамга прорезана по сырой глине на сосудах из строительного горизонта доисламского периода (Байпаков, Авизова, 2015. С. 191. Рис. 9, 1; 18, 3). В отдельных случаях знак имеет дополнительную линию, пересекающую фигуру в средней части.

Эта тамга имеет сходство со знаком «в виде двух полуовальных скоб, расположенных спиной друг к другу и перечеркнутых в месте соединения коротким штрихом под прямым углом», который присутствует на весьма редком типе монет с *городища Красная Речка* в Чуйской долине (рис. 5, 10). Прочтение согдийской легенды «монета государя Хай яглакара» или «(это) есть монета государя яглакара» (Лурье, 2010. С. 82–283) дало повод для возражений (Бабаяров, Кубатин, 2016. С. 87). Отождествление уникального знака на монетах с династийной тамгой известного клана тогуз-огузов тоже маловероятно; по-видимому, его происхождение следует *связывать с местными правящими кланами*, на что указывают уже приведенные аналогии из Семиречья и Южного Казахстана.

Еще один знак редкой формы зафиксирован в *Кулжабасы* (долина 6), в Чу-Илийских горах. По форме в виде гребня он относится к типу «тарак-тамги» (рис. 6, 2), но имеет отличительные особенности: средняя линия выступает высоко вверх, от крайних опорных линий под прямым углом в стороны отходят короткие черточки (слева линия намечена редкой выбивкой). Тамга такой формы входит в число десяти разновидностей сословно-династических

letter X (fig. 5, 8). This relatively rare tamga has been recorded in only two other places in Semirechie – in the Ili Valley (*Nuraji*, the foothills of the Ketmen Range) and in the Kyrgyz Ala-Too (*in the upper stretches of the Merke*) (Amanzholov, 1966. Pl. 5a, 5). The second series of analogues consists of two finds in the south of Kazakhstan: one of the signs is an image on a rock in *Sauyskandyk* in Karatau (where it comes together with an omega-like tamga); the other one was found on the *Pshakshitobe hillfort* in the Otrar Oasis (fig. 5, 9), where it was cut on raw clay on vessels found in the pre-Islamic building horizon (Baipakov, Avizova, 2015. P. 191. Fig. 9, 1; 18, 3). In some cases the sign has an additional line crossing the figure in the centre.

This tamga is similar to a sign ‘in the form of two semi-oval brackets turned with their backs to each other and crossed by a short line at a right angle at the place they touch’, which is found on a very rare type of coins from the Krasnaya Rechka hillfort in the Chu Valley (fig. 5, 10). The deciphering of the Sogdian legend, which reads ‘the coin of King of Khay yaglakar’ or ‘(this) is the coin of King of yaglakar’ (Lurie, 2010. PP. 82–283) produced contradictions (Babayarov, Kubatin, 2016. P. 87). The unique sign on coins can hardly be referred to the dynastic tamga of the well-known Toguz-Oguz clan, too; probably, it originated from *local ruling clans*, which is supported by the analogues from Semirechie and South Kazakhstan mentioned above.

There is another sign of a rare form recorded in *Kulzhabasy* (valley 6) in the Chu-Ili Mountains. By its comb-like form it can be referred to the ‘tarak-tamga’ type (fig. 6, 2) but has some distinguishing features: the middle line projects high above the others, and the extreme supportive lines have short projections branching from them outwards at direct angles (the projection on the left is made with a series of widely spaced dots). A tamga of this form is one of the ten varieties of the class and dynastic sign used by the Kazakh toire – the Chingissids (Rogozhinskii, 2014a. P. 266). However, the

знаков казахских торе – Чингизидов (Рогожинский, 2014а. С. 266). Однако тамга-петроглиф по виду более ранняя: коричневый оттенок патины на знаке и выбитой рядом схематичной фигурке козла допускает датировку рисунков средневековым периодом. Поиск других аналогий заставляет обратиться к *памятникам раннекараханидского времени*, изученным в Таласской долине на территории Кыргызстана.

Прежде всего, речь идет о многочисленных предметных находках с *городища Садыр-курган (Шельджи)* в долине Таласа, которые отмечены похожим знаком, нанесенным на слитки серебра, тарную посуду, на камень с эпиграфическим текстом, выполненным кувшитским письмом X–XI веков (определение В.Н. Настича) (Камышев, 2009. С. 284–289. Рис. 1, 2). Некоторые метки тождественны по облику тамге, зафиксированной в Кулжабасы. Судя по характеру находок, как отмечает нумизмат А.М. Камышев, знак обладал высоким статусом (Камышев, 2009. С. 289), сопоставимым по значению с династийной тамгой.

Серия похожих знаков раннекараханидского времени выделяется и среди наскальных изображений, обнаруженных в той же части Таласской долины (рис. 6, 7-11). Прочтение согдийских надписей *из ущелий Терексай и Кулансай* выполнено В.А. Лившицем, который установил даты создания трех из них: 906, 1002 и 1026 годы. Тексты содержат перечень тюркских личных имен, мужских и женских, некоторые из которых сопровождаются титулами «тегин» и «хатун»; исследователем делается вывод о принадлежности мемориантов к «верхушке карлукской племенной знати» (Лившиц, 2004. С. 144–147). Вместе с надписями на скалах выбиты различающиеся в деталях две тамги в форме гребня. В Кулансае рядом с согдийскими текстами сохранились строки рунического письма с еще одной разновидностью «тарак-тамги»; по мнению В.А. Лившица, дата создания тюркских надписей и тамги – не позже IX – первой половины X века (Лившиц, 2004. С. 148). Знаки того же типа присутствуют на ряде других местонахождений петроглифов Киргизского и Таласского Алатау (Табалдиев, Белек, 2008. Рис. 2, 12–20). Итак, основным районом распростра-

петроглиф тамга's appearance suggests that it is from an earlier period: the brown shade of the patina of the sign and a schematic figure of a goat indicates that it can be dated to the medieval time. Other analogues can be found in the *monuments of the early Karakhanid period* in the Talas Valley in Kyrgyzstan.

Primarily, this refers to numerous articles from the *Sadyr-kurgan (Shelji) hillfort* in the Talas Valley, such as silver bars, receptacles, a stone with an epigraphy in Kufi letters and others dated to the 10th-11th centuries, on which a similar sign was found (after V. N. Nastich) (Kamyshev, 2009. PP. 284–289. Fig. 1, 2). Some marks are similar in appearance to the tamga from Kulzhabasy. The character of the articles the sign was recorded on indicates, according to numismatist A. M. Kamyshev, that the sign was of a high status (Kamyshev, 2009. P. 289) and could be compared to a dynastic tamga.

A series of similar signs of the early Karakhanid time can also be found amid rock paintings found in the same part of the Talas Valley (fig. 6, 7-11). V. A. Livshits deciphered Sogdian inscriptions from the *Terekсай and Kulansay gorges* and obtained precise dating for three of them: 906, 1002 and 1026. The texts list Turkic personal male and female names, some of which are accompanied by the titles of 'tegin' and 'khatun'; the researcher concludes that the memoriantes belonged to the 'top of the Karluk tribal nobility' (Livshits, 2004. PP. 144–147). The inscriptions on the rocks are accompanied by two tamgas cut in the form of a comb and differing in minor detail. In Kulansay next to the Sogdian texts there are runic inscriptions accompanied by one more type of 'tarak-tamga'; V. A. Livshits dates the Turkic inscriptions and the tamga not later than the 9th-first half of the 10th century (Livshits, 2004. P. 148). Signs of the same type have been found in a number of other petroglyph sites in the Kyrgyz Alatau and Talas Alatau Ranges (Tabaldiev, Berek, 2008. Fig. 2, 12–20). So, the basic region where the monuments with this type of tamga can be found is the *upper part of the Talas Riv-*

нения памятников с данным видом тамги является *верхняя часть долины р. Талас*, а находка идентичной тамги-петроглифа в Кулжабасы – пока единственное известное местонахождение знака за пределами ареала. Судя по датировке и характеру памятников, а также их территориальной локализации, знак в форме «тарак-тамги» мог являться клановой *эмблемой одной из ветвей династии Караханидов*. Возможно, о том же свидетельствует найденное на Джартепе в Заамине уникальное блюдо второй половины XII века с четырьмя похожими тамгами (Грицина, 2002).

Родоплеменные знаки кочевников

Самую многочисленную категорию памятников тамгопользования составляют достоверительные знаки-петроглифы, которые можно рассматривать как *родоплеменные* тамги средневековых кочевников. Для них характерно большое разнообразие форм знаков за счет дополнительных графических элементов при сохранении неизменяемой основной фигуры тамги. Как правило, такие тамги нанесены на скалы возле стационарных стоянок-зимовок или на выдающихся вершинах окружающих их гор. В высокогорных зонах, обычно служивших местами летних родовых стойбищ, родоплеменные тамги встречаются крайне редко, что объясняется, безусловно, действием традиционных норм обычного права, регулировавших отношения землепользования у кочевников: летние пастбища могли использоваться совместно разными группами «*расширенных общин*», входивших в «ассоциативную группу», а места зимних стоянок фактически закреплялись за отдельными «*минимальными общинами*», обладавшими на них преимущественными правами пользования (Масанов, 2011. С. 427–429, 440–444). Во всяком случае, порядок местонахождения в ландшафте достоверительных знаков средневековых кочевников имеет сходство с принципом размещения родоплеменных тамг-петроглифов казахов Семиречья и Южного Казахстана XIX – начала XX века.

Средневековые тамги и родоплеменные знаки казахов нередко встречаются вместе – на выделяющихся поверхностях скал, близ кото-

er valley, while the identical petroglyph tamga in Kulzhabasy is so far the only site where the sign has been found outside the mentioned territory. Judging by the signs' dating and the character and location of the monuments, the 'tarak-tamga' sign could be the clan *emblem of one of the branches of the Karakhanid dynasty*. This may be supported by a unique dish of the second half of the 12th century with four similar tamgas found on Jartepe in Zaamin (Gritsina, 2002).

Nomadic tribal signs

The broadest category of monuments with tamgas is identity petroglyph signs that can be interpreted as medieval nomadic *tribal* tamgas. It is characterised by a broad diversity of sign forms, which is achieved through addition of graphic elements to a tamga's basic figure which remains unchanged. Usually, such tamgas are made on rocks near stationary wintering sites or on prominent summits in surrounding mountains. Tribal tamgas very rarely occur in high-altitude areas generally used by families as summer pastures, which, certainly, can be explained by traditional customary laws regulating land use relations practised by nomads: summer pastures could be used collectively by different groups of '*broader communes*' forming parts of an 'associational group', while winter pastures were used by individual '*minimal communes*' which possessed a privileged right to utilise them (Masanov, 2011. PP. 427–429, 440–444). Anyway, the order in which medieval nomadic identity signs are arranged in a landscape is similar to that of tribal petroglyph signs used by the Kazakhs of Semirechie and Southern Kazakhstan in the 19th-early 20th century.

Medieval tamgas and Kazakh tribal signs are often found together on noticeable rock faces with remains of non-contemporaneous sites nearby, which sometimes also contain some medieval material. Just like Kazakh tamgas, the signs of medieval nomads are usually discernable against the surrounding environment and often are made on the faces of rocks

рых располагаются остатки разновременных стоянок, включающих в известных случаях и средневековые материалы. Как и казахские тамги, знаки средневековых кочевников обычно хорошо заметны на местности, нередко занимая поверхности скал, нависающие непосредственно над руинами стоянок. Отличительной чертой средневековых знаков является их частое нахождение в контексте обособленных скоплений («тамгалытас») наскальных рисунков (как древних, так и современных им), в то время как у казахов Нового времени традиция наскального художественного творчества, в отличие от немусульманских тюркоязычных народов Южной Сибири, в значительной мере угасла и видоизменилась (Историко-культурный атлас, 2011. С. 171–178).

Выявленные на сегодняшний день средневековые тамги Семиречья и Южного Казахстана создавались на скалах не одновременно, поэтому первоочередной задачей их исследования остаются *вопросы датировки*. Решению этой задачи в значительной мере содействует выявление сопутствующего тамгам-петроглифам изобразительного сюжетного контекста.

К наиболее ранним гравюрам относятся выполненные в технике резьбы изображения *таврёных лошадей из Ешкиольмеса и Когалы* в Семиречье. В первом случае на теле лошади показана *битреугольная тамга в форме смыкающихся вершинами двух треугольников*. Иконография и стиль гравюр (фигура коленопреклоненного спешившегося всадника, колчан и налучье, седло с чепраком и др.) обнаруживают сходство с рисунками на «кудыргинском валуне» на Алтае. О датировке знака на крупе коня из Когалы говорилось выше; по-видимому, такой же возраст имеет и гравюра с тамгой из Ешкиольмеса – не позднее VII века. Изображения битреугольной тамги показаны на крупах двух коней с всадниками из местонахождения петроглифов *Оралбай* на Тарбагатае. Такая же тамга с дополнительным элементом имеется на великолепной древнетюркской гравюре из долины Чаган на Горном Алтае.

Ареал битреугольной тамги в петроглифах, на стелах и престижных предметах (серебряная посуда) весьма широк и охватывает области Тарбагатай, Алтая, Минусинской котловины и

towering right above the ruins of ancient sites. One of the medieval signs' distinguishing features is that they are often found in the context of separate clusters ('tamgalytas') of rock paintings (both ancient and contemporaneous); in the meanwhile, in the modern history the rock painting tradition among the Kazakh faded and changed, which is not the case with the non-Islamic Turkic peoples in Southern Siberia (Istoriko-kulturnyi (Historic-cultural Atlas), 2011. PP. 171–178).

The medieval tamgas of Semirechie and South Kazakhstan that have been discovered to date were not made on rocks simultaneously, which is why the primary task in their study is to *obtain their dating*. The descriptive graphic context accompanying petroglyph tamgas facilitates considerably the solution of this task.

Branded horses from Yeshkiolmes and Kogaly in Semirechie are the earliest cut engravings. In the first case the horse has on it a *bi-triangular tamga*, where the two triangles are connected by their tops. The engravings' iconography and style (the figure of the kneeling horseman that has dismounted from the horse, the quiver and bow case, the saddle with cloth and others) are similar to paintings on the 'Kudyrgi boulder' in Altai. The dating of the sign on the rump of a horse from Kogaly was discussed above; apparently, the engraving and tamga from Yeshkiolmes are of the same age and were not created later than the 7th century. The bi-triangular tamga can be found on the rumps of two horses with horsemen from the *Oralbay* petroglyph site in Tarbagatay. A similar tamga with an additional element is present on a wonderful ancient Turkic engraving from the Chagan Valley in the Altai Mountains.

The range of the bi-triangular tamga, which is present among petroglyphs, on stelae and on prestigious articles (silver tableware) is very wide and includes areas in Tarbagatai, Altai, the Minusinsk Depression and Central Mongolia, entire Semirechie and South Kazakhstan, although Karatau contains but single finds of this kind. The tamga has the basic form and at least seven variations developed through addi-

Центральной Монголии, все Семиречье и Южный Казахстан, хотя в Каратау находки знака единичны. Наряду с основной формой тамги выделяется не менее семи ее разновидностей, образованных за счет добавления коротких прямых или дугообразных линий. Внимание исследователей давно привлекает разновидность этой тамги в виде двух треугольников с дугообразной линией, отходящей от одного края фигуры (Кубарев, Едилхан, 2007), которая напоминает стилизованную фигурку козла. Отметим, что этот вариант битреугольной тамги крайне редко встречается на юге Казахстана: по не уточненной документации С. Аманжолова, учтено лишь одно изображение на восточной окраине Семиречья (уроч. Садыр, горы Кетмень). Наибольшая концентрация находок знака такого вида наблюдается в восточной части ареала битреугольной тамги.

Не все знаки данного типа, зарегистрированные на обширной территории, одновременны, а археологический и изобразительный контекст их недостаточно изучен для окончательных выводов. Но, учитывая сказанное об ареале и разнообразии форм битреугольной тамги, можно предположить, что этот знак связан с каким-то многочисленным кланом или группой родственных племен, обитавших на территории Центральной Азии и юга Казахстана по меньшей мере до начала VII века.

Тюргешские тамги-петроглифы играют особую роль хронологического и этнокультурного индикатора, помогая выявить комплексы более ранних и поздних гравюр, а также связанных с ними родоплеменных знаков. Наскальные изображения тюргешских знаков неоднократно встречены в Чу-Илийском междуречье, где им сопутствует ряд выразительных петроглифов, стратиграфия которых позволяет выделить, в свою очередь, серию рисунков и тамг, вероятно, связанных с «десятистрельным» объединением западных тюрков до времени возвышения тюргешей (Рогожинский, 2014б. С. 541. Рис. 2). Так, находка палимпсеста в долине Котыр, где тюргешская тамга перекрывает фигуру горного барана в своеобразной стилистической манере, а также собрание из шести разнотипных тамг в соседнем урочище Акколь с аналогичной гравюрой

tion of short straight lines and arcs. Specialists have long been interested in the variety in the form of two triangles branching from one of the figure's edges (Kubarev, Yedilkhan, 2007), resembling a stylised figure of a goat. This version of the bi-triangular tamga is very rare in the south of Kazakhstan: according to unconfirmed information from S. Amanzholov, only one image has been recorded in the eastern extremity of Semirechie (Sadyr area, Ketmen Mountains). The densest concentration of this sign can be observed in the eastern part of the bi-triangular tamga's range.

Not all of the signs of this type recorded in an extensive territory are contemporaneous, while their archaeological and graphic context has not been sufficiently studied to make final conclusions. However, *given the range and the diversity of the forms of the bi-triangular tamga, this sign was supposedly associated with some large clan or group of kindred tribes that had lived in the territory of Central Asia and South Kazakhstan at least until the early 7th century.*

The Turgesh petroglyph tamgas act as special chronological and cultural indicator helping to detect complexes of earlier and later engravings and related tribal signs. The Turgesh signs have many times been recorded on rocks in the Chu-Ili interfluvium, where they are accompanied by series of expressive petroglyphs, whose stratigraphy makes it possible to identify, firstly, a series of drawings and tamgas, probably, associated with the 'ten tribes' in the Western Turkic khaganate before the rise of the Turgesh (Rogozhinskii, 2014b. P. 541. Fig. 2). A palimpsest found in the Kotyr Valley, where a Turgesh tamga covers in an original style a figure of an argali, and a collection of six tamgas of various types with a similar engraved animal from the neighbouring Akkol area made it possible to synchronise a group of other monuments in the Chu-Ili Mountains.

The cluster of signs in the *Akkol Valley* (fig. 7, 1-2) occupies a key position in an ensemble of expressive medieval compositions on the face of a rock with an ancient site at its foot.

животного позволили синхронизировать группу других памятников Чу-Илийских гор.

Скопление знаков *в долине Акколь* (рис. 7, 1-2) занимает центральное положение в ансамбле выразительных средневековых композиций, размещенных на поверхности скалы, у подножия которой находится древняя стоянка. Обособленно от собрания знаков на вершине скалы выбито одиночное изображение стилизованной тюргешской тамги (рис. 4, 4). По технике исполнения, оттенку патины и своему расположению в «архитектуре скал» данного местонахождения династийный знак тюргешей явно создавался здесь позже других петроглифов, связанных с собранием тамг.

Композиционный центр собрания знаков образует У-образная тамга с закругленным на конце правым ответвлением. Слева и справа от нее находятся два знака типа Y («бакан-тамга»), различающиеся лишь наклоном и углом расхождения линий вилки. Ниже расположена вторая линия знаков: в центре L-образная фигура, слева и справа от нее – тамги своеобразной формы, тоже различающиеся лишь небольшими деталями. Слева от собрания знаков в той же технике выбито изображение козла (рис. 7, 2); животное нарисовано в прыжке, оба рога показаны один под другим будто в перспективе, – прием весьма специфический, нечасто применявшийся в средневековом наскальном искусстве Семиречья. Одним из примеров служит палимпсест в соседней долине Котыр (рис. 7, 9): незавершенную фигуру козла, выполненную в той же манере, грубо перекрывает верхняя в этом скоплении стилизованная тамга тюргешей. Знак и фигура животного различаются по цвету и технике исполнения и, по-видимому, созданы в разное время. Таким образом, предположение о позднем возрасте тюргешской тамги относительно собрания знаков в Акколе подтверждается здесь, в Котыре, наложением петроглифов.

Своеобразная группа знаков из Акколя, не имеющих ничего общего по форме с тамгой тюргешей, может относиться к какой-то другой части «десятистрельных» тюрок или иных кочевых племен Семиречья. Тамги этого собрания зафиксированы еще в нескольких пунктах Чу-Илийского междуречья. Примеча-

Separate from the collection there is a single stylised Turgesh tamga cut at the top of the rock (fig. 4, 4). Judging by the technique used, the shade of the patina and the position the sign occupies among rocks on this site, it is obvious that this Turgesh dynastic tamga was made after the other petroglyphs connected with collections of tamgas.

In the centre of the composition of signs there is an Y-shaped tamga with a right-hand branch with a rounded end. To the right and left of it there are two Y-shaped signs ('bakan-tamga'), differing from each other only in inclination and the angle between the teeth of the fork. Below there is another line of signs: in the centre there is an L-shaped figure, to the left and right of it – tamgas of unusual forms also differing only in minor details. An image of a goat is cut using the same technique to the left of the collection of signs (fig. 7, 2); the animal is jumping and its horns are shown one under the other, as if in perspective – a very specific technique rarely used in the medieval rock painting in Semirechie. One of the examples is the palimpsest in the neighbouring Kotyr Valley (fig. 7, 9): the unfinished figure of a goat made in the same manner is roughly covered by a stylised Turgesh tamga, which is positioned at the very top of this cluster. The sign and the animal figure differ in colour and technique and so, probably, were made at different time. Thus, the idea that the Turgesh tamga appeared later than the collection of signs in Akkol is supported by the overlapping of petroglyphs in Kotyr.

None of the signs from the original group from Akkol has formal commonalities with the Turgesh tamga, so they might belong to another part of the 'ten tribes' or some other group of nomads in Semirechie. Tamgas from the collection have been recorded on several other sites in the Chu-Ili Interfluvium. There is one smaller but remarkable accumulation from Tamgaly (fig. 7, 5, 8); each of the three tamgas from this collection has an analogue among the signs of Akkol. Finally, a sign from a wonderful composition with equestrian standard bear-

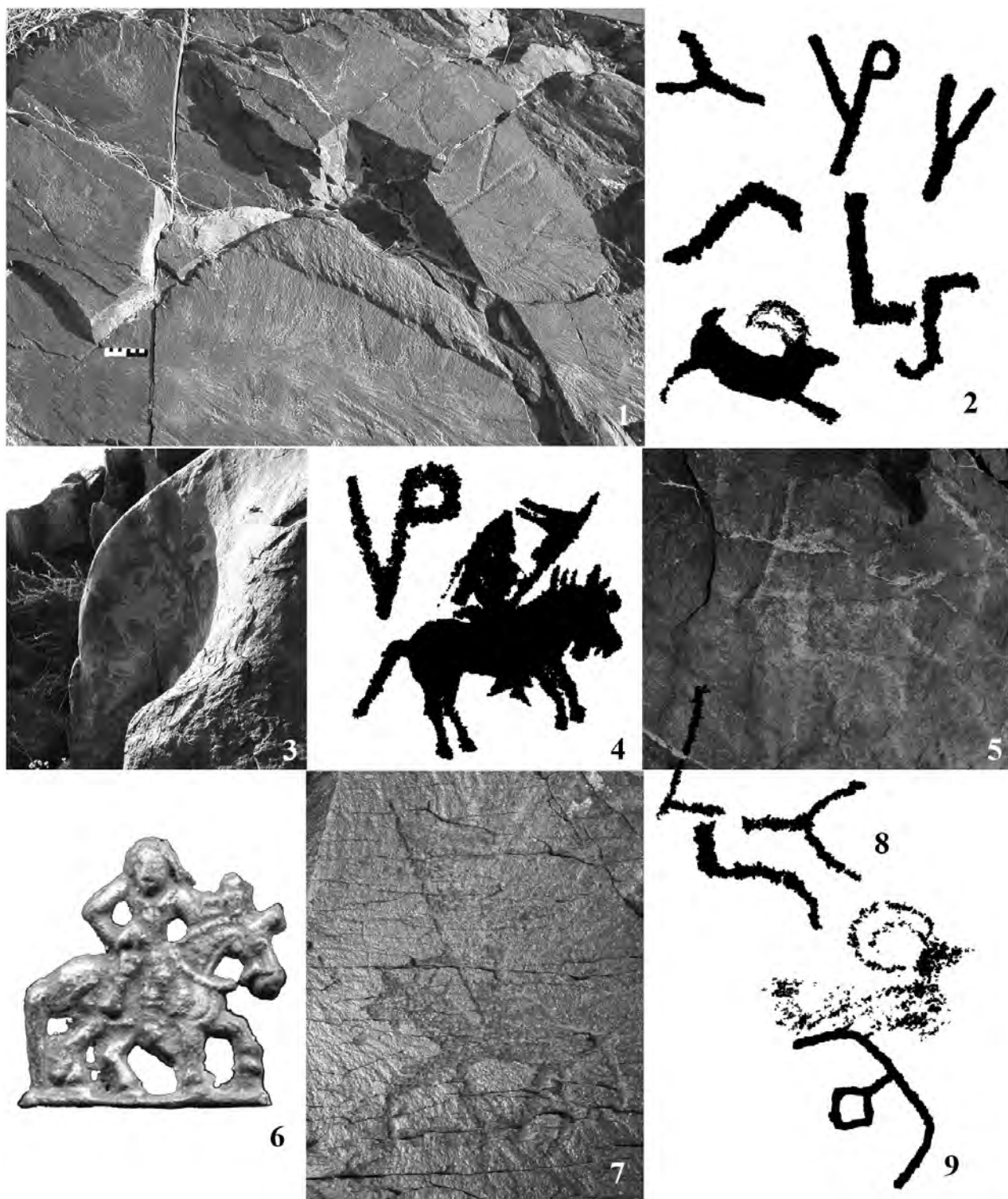
тельно еще одно небольшое скопление знаков из Тамгалы (рис. 7, 5, 8); все три тамги находят соответствие среди знаков из Акколя. Наконец, полной аналогией основной тамги является знак, включенный в замечательную композицию с конными знаменосцами из *Ойжайляу* (рис. 7, 3-4), названную А. Г. Медоевым «Слава древних тюрок» (Медоев, 1979. Рис. 62). Такое редкое сочетание гомогенной серии столь выразительных наскальных гравюр и тамги позволяет привлечь изобразительные аналогии для атрибуции знака.

Петроглифы Семиречья с изображениями знамен относятся к эпохе тюркских каганатов VI–VIII веков и к более позднему периоду IX–X веков. Разновременные изображения знаменосцев отличаются по художественной манере исполнения, по набору и видам вооружения, конского снаряжения. Различаются также формы полотнищ флагов и значков, прикрепленных к древку. Такое разнообразие позволяет выделить разные типы знамен средневековых кочевников, которые служили символами, обозначающими определенный статус их обладателей (Дмитриев, 2001; Худяков, 2004). Особо выделяется тип знамени в виде узкого полотнища с отходящими от верхнего края двумя длинными лентами-косяками (рис. 7, 4, 7). Картирование известных наскальных изображений знаменосцев Казахстана и Центральной Азии позволило установить, что изображения флагов с двумя лентами у верхнего края сосредоточены *только на юге и в центральной части Чу-Илийского междуречья* (Касанов, Кан, Рогожинский, 2017. С. 12–121, 128–129). Они присутствуют здесь среди гравюр вблизи крупных средневековых стоянок, которые расположены сравнительно недалеко друг от друга: в урочище Ойжайляу и противоположных к северу от него центральных ущельях гор Кулжабасы, а также в нескольких долинах на водоразделе Чу-Илийских гор. Во многих случаях гравюры всадников со знаменами, хотя находятся в удаленных друг от друга местностях, выполнены в сходной манере и технике, будто создавались по одним лекалам мастерами одинаковой выучки и, вероятно, в течение непродолжительного времени.

ers from *Oyzhaylau* (fig. 7, 3-4) A. G. Medoev called ‘the glory of the Early Turkic people’ (Medoev, 1979. Fig. 62) is completely identical to the main tamga. This rare combination of a homogenous series of expressive rock engravings and a tamga makes it possible to refer to graphic analogues for the interpretation of the sign.

The petroglyphs of Semirechie with the images of standards are dated to the period of the Turkic khaganates (6th-8th centuries) and later (9th-10th centuries). The non-contemporaneous images of bearers differ in technique and the range and type of weapons and horse outfit. They also vary in the forms of flags and signs attached to the shafts. This variety makes it possible to identify different types of medieval nomadic standards, which were used as symbols indicating the status of their bearers (Dmitriev, 2001; Khudyakov, 2004). One of the most remarkable is a standard in the form of a narrow strip with two long braided bands attached to the top corner (fig. 7, 4, 7). The mapping of recorded images of standard bearers on rocks in Kazakhstan and Central Asia helped establish that the images of flags with two bands at the top corner are concentrated *only in the south and centre of the Chu-Ili interfluve* (Kasanov, Kan, Rogozhinskii, 2017. PP. 12–121, 128–129). There they can be found among engravings near major medieval sites situated at relatively short distances from each other – in the Oyzhaylau area and the central gorges to the north of it in the Kulzhabasy Mountains, as well as in a few valleys on the Chu-Ili watershed. In many cases, although they are situated in areas quite remote from each other, the engraved horsemen with standards are made in the same style using the same technique, which makes it seem that they were made following the same patterns by artists from the same school, probably, within a relatively short period of time.

Standards of this type, for instance, can be seen on murals in the palaces of rulers of Ustrushana in Kalai Kahkaha and on frescoes in Penjikent, as well as in engraved compositions

Рис. 7. Скопление знаков в долине Акколь и аналогии: 1-2 – петроглифы, Акколь; 3-4 – тамга и всадник-знаменосец, Ойжайляу; 5-8 – собрание знаков, Тамгалы; 6 – бляшка-амулет, Сидак (по: Смагулов, 2014); 7 – изображение всадника-знаменосца, Кулжабасы; палимпсест с тюркешской тамгой, Котыр

Fig. 7. Cluster of signs in the Akkol Valley and their analogues: 1-2 – petroglyphs, Akkol; 3-4 – tamga and horseman bearing a standard, Oyzhaylau; 5-8 – collection of signs, Tamgaly; 6 – amulet buckle, Sidak (after Smagulov, 2014); 7 – image of a horseman bearing a standard, Kulzhabasy; palimpsest with the Turgesh tamga, Kotyr

Знамена такого типа можно видеть, например, в настенных росписях дворцовых залов правителей Уструшаны в Калаи Кахкаха, на фресках из Пенджикента, а также в гравированных изображениях на костяных накладках седла из Шиловского могильника в Поволжье, которые датируются в пределах VII века. Стилистика наскальных изображений всадников со знаменами сопоставима с манерой изображения всадников на бляшках-амулетах (рис. 7, б), распространение которых связывается исследователями со «временем Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов, VI–VII веков» (Борисенко, Худяков, 2007. С. 88–89), а изготовление самих изделий в VII–VIII веках в ремесленных центрах Чача недавно подтверждено находкой аналогичной бляшки на Сидаке (Смагулов, 2014). Уточнению датировки композиции со знаменосцами и тамги из Ойжайляу служит также анализ воинских реалий, специально проведенный Ю.А. Мотовым; по его мнению, сцена может датироваться не ранее VIII века (Мотов, 2011. С. 161). Таким образом, приведенные сопоставления позволяют предположить датировку данного комплекса наскальных рисунков со знаменосцами и знаков в пределах VII – первой половины VIII века, связывая их с группой племен западных тюрков, которые *входили, вероятно, в конфедерацию дулу и занимали до возвышения тюргешей центральную часть Чу-Илийского водораздела*: область наиболее благоприятную в экологическом отношении и наиболее выгодную – в стратегическом. Такая интерпретация не исключает пребывания той же группы племен на этих землях в период политического доминирования тюргешей вплоть до 766 года.

Среди тамг-петроглифов Семиречья и Южного Казахстана выделяется группа знаков, которые имеют очень широкий ареал распространения и нередко выступают в сочетании с тамгами других типов и разновидностей. Как правило, такие знаки доминируют в собраниях тамг – они более крупных размеров, занимают центр или высокую позицию в поле обзора, тем самым обозначая определенную иерархию знаков разного облика. К тамгам данной категории можно отнести три знака: №1 – напо-

on saddle plates from the Shilovo burial ground in the Volga area dated within the 7th century. The style of the horsemen with standards on rocks is comparable to that of horsemen on amulet buckles (fig. 7, б), whose spread researchers associate with the ‘time of the First Turkic and Western Turkic khaganates, that is, the 6th-7th centuries’ (Borisenko, Hudyakov, 2007. Pp. 88–89), while the production of the items in the 7th-8th centuries has recently been confirmed by the finding of a similar buckle in Sidak (Smagulov, 2014). The analysis of military attributes carried out for the purpose by Yu. A. Motov helped specify the dating of the composition with standard bearers and the tamga from Oyzhaylau; according to the specialist, the scene may not be dated before the 8th century (Motov, 2011. P. 161). Thus, based on the comparisons described above, this complex of rock paintings with standard bearers and signs can be dated between the 7th - first half of the 8th centuries and referred to a group of Western Turkic tribes that, *probably, formed a part of the Dulu confederation and occupied the central part of the Chu-Ili watershed before the rise of the Turgesh*, which was an area most favourable environmentally and most advantageous strategically. This interpretation suggests that the same group of tribes could stay in these lands during the political domination of the Turgesh up until 766.

There is another remarkable group of signs among the petroglyph tamgas of Semirechye and South Kazakhstan, which are spread very widely and often come in combination with tamgas of other forms and types. As a rule, these signs predominate in tamga collections, being larger and occupying a central or top position and, thus, indicating the hierarchy of signs of different appearance. Three signs can be referred to tamgas of this category: No. 1 resembling the Greek ‘omega’ (fig. 8, map I); No. 2 in the form of a wriggling snake; No. 3 in the form of an angle with a circle between the rays (fig. 8, map II). The ranges of these signs largely coincide but do not form a uniform continuous space, possibly, due to the low level of

минающий греческую «омегу» (рис. 8, карта I); №2 – в форме извивающейся змеи и №3 – в виде угла с окружностью между лучами (рис. 8, карта II). Ареалы этих знаков в значительной мере совпадают, хотя единого неразрывного пространства не образуют, возможно в связи с неравномерной изученностью разных территорий. Общий ареал тамг №№ 1-3 образуют две удаленные области: а) Российский и Монгольский Алтай; б) Семиречье – с численным преобладанием местонахождений в Чу-Илийском междуречье. При этом собственные ареалы знаков иногда выходят за пределы территории совместной встречаемости; в таком измерении территория, на которой зафиксированы знаки того или иного типа, дополнительно включает области Центральной Монголии, Прииссыккуля и Восточной Ферганы.

Тамга №1 насчитывает не менее пяти разновидностей, образованных с помощью добавления к неизменяемой форме знака диакритических элементов – линий или точек. Наибольшая концентрация таких производных знаков и основной тамги наблюдается в Прииссыккулье, Чу-Илийском междуречье и горах Кетмень, то есть в пределах левобережья Или и правобережья Чу до Иссык-Кульской котловины включительно. Западнее и южнее этой области находки омегаобразной тамги единичны: на севере Каратау (Сауыскандык) и в предгорьях Алая (Бололу), где зафиксировано ее сочетание с тамгой №3, но производные знаки здесь встречаются редко.

На предполагаемой исходной территории расселения обладателей данной тамги – к северо-востоку от Семиречья – омегаобразный знак неоднократно зафиксирован на западе Монголии (Gunerі, 2010. Fig. 2, 1) и на Российском Алтае (долина Чаган; данные Д.В. Черемисина). Производные формы тамги №1 и здесь как будто не выявлены, поскольку знак на стеле из Уландрык IV относится В.Д. Кубаревым к скифскому времени (Кубарев, 1987. Рис. 3. Табл. LXVII), хотя в непосредственной близости от пазырыкской группы памятников им исследован курган 5 в могильнике Уландрык III (вторая половина VIII – IX век), а выше по течению – курган 1 на могильнике Уландрык I, для которого получена дата 542–653 годы (Ку-

the study of different territories. The common parts of the ranges of tamgas Nos. 1-3 are two remote areas: a) Russian and Mongolian Altai; b) Semirechie, where most of the sites are concentrated in the Chu-Ili Interfluve. The range of each of the signs sometimes goes beyond the areas of the other two; so the territories where only one of these types has been recorded are some parts of Central Mongolia, the Issyk-Kul area and Eastern Fergana.

There are at least five variations of tamga No. 1 formed by adding diacritic elements – lines or dots – to the unchangeable core of the sign. The largest number of signs from this series have been recorded in the Issyk-Kul Lake area, the Chu-Ili interfluve and the Ketmen Mountains, that is, within the left bank of the Ili and the right bank of the Chu down to the Issyk-Kul depression inclusive. Only single specimens of the omega-shaped tamga have been found to the west or south of this area: in the north of Karatau (Sauyskandyk) and in the foothills of the Alai Range (Bololu), where it is found in combination with tamga No. 3; however, variants of this sign are very rare there.

In the area the users of this tamga originated from, that is, to the north-east of Semirechie, the omega-shaped sign has numerously been recorded in the west of Mongolia (Gunerі, 2010. Fig. 2, 1) and in Russian Altai (Chagan Valley; data provided by D. V. Cheremisin). Probably, no variants of tamga No. 1 have been discovered there, as V. D. Kubarev refers the sign on the stela from Ulandryk IV to the Scythian time (Kubarev, 1987. Fig. 3. Pl. LXVII), although in direct proximity of the Pazaryk group of monuments the researcher studied barrow 5 in the Ulandryk III burial ground (second half of the 8th-9th centuries), and upstream – barrow 1 of the Ulandryk I burial ground and dated them to 542–653 (Kubarev, 1987. PP. 155, 183. Pl. I; Kubarev, 2005. PP. 139–140, 366–367).

There are no records about tamga No. 1 found in Tarbagatai and Jungar Alatau (Jetysu/Semirechie), an intermediate territory between the two main areas it was widely spread in, where tama No. 3 is quite common and No. 2

барев, 1987. С. 155, 183. Табл. I; Кубарев, 2005. С. 139–140, 366–367).

Нет сведений о находках тамги №1 на промежуточной территории, отделяющей две основные области ее распространения: в Тарбагатае и в Джунгарском Алатау (Жетысу), где часто встречается тамга №3 и только в одном пункте зарегистрирована тамга №2 (Ешкиольмес). Возможно, путь обладателей омегаобразной тамги от Алтая в западную часть Семиречья проходил с востока – через Илийскую долину, поскольку в Центральном Казахстане такой знак нигде до сих пор не обнаружен.

Тамга №2, в отличие от других знаков этой группы, не имеет производных форм. Способ ее представления ограничивается поворотом знака на 180° и двумя вариантами изображения «головой» змеевидной фигуры – развилкой или окружностью с выступающей линией наподобие «змеиного языка». Ареал змеевидной тамги в целом совпадает с областью распространения омегаобразного знака, с которым она иногда соседствует в известных собраниях тамг (например, в двух пунктах в Аккайнаре, в Тамгалы в Чу-Илийских горах (рис. 8, 2, 3), а также на стеле из комплекса Бомбогор в Центральной Монголии).

Единообразие формы змеевидной тамги позволяет рассматривать ее как знак клановой или общеплеменной идентичности. По аналогии с выявленным на другом материале значением общеплеменной тамги сарьуйсынов для ряда племен казахов Старшего жуза (дулат, албан, суан), составлявших ядро этого племенного союза (Рогожинский, 2016. С. 226–229. Рис. 1), можно предположить, что тамга-змея выполняла сходную функцию в некоем племенном объединении средневековых кочевников. Тамгу №2 по ее иконографическому сходству и особому статусу в известных собраниях знаков, в том числе на мемориалах правящей элиты восточных тюрков (Чойрен, Мухар), *заманчиво связать с клановой символикой ашиидэ*, как она реконструируется в трудах С.Г. Кляшторного и Ю.А. Зуева (Кляшторный, 1980. С. 92–95. Рис. 2, 3; Зуев, 2002. С. 85–86), однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

Знак №3 тоже можно рассматривать как основную тамгу, инвариантной основой которой

was recorded only on one site (Yeshkiolmes). The users of the omega-shaped tamga could move from Altai to the western part of Semirechye via more easterly territories – across the Ili valley, as this sign has not yet been recorded anywhere in Central Kazakhstan.

Unlike the other signs from this group, tamga No. 2 has no derivatives. However, it has a few versions: the turn of the sign by 180 degrees and two variants of the ‘head’ of the serpentine figure – a fork or a circle with a projecting line resembling ‘the snake’s tongue’. The range of the serpentine tamga generally coincides with that of the omega-shaped sign, which it sometimes accompanies in some well-known tamga collections (e.g. on two sites in Akkaynar, in Tamgaly in the Chu-Ili Mountains (fig. 8, 2, 3) and on a stela from the Bombogor complex in Central Mongolia).

The uniformity of the serpentine tamga suggests its function as a clan or all-tribe identity sign. The pattern used to identify on other material the meaning of the Saryuysyn all-tribe tamga for a number of Kazakh tribes in the Senior zhuz (Dulat, Alban, Suwan) forming the core of this tribal ally (Rogozhinskii, 2016. PP. 226–229. Fig. 1) suggests that the snake tamga performed a similar function in some medieval nomadic tribal union. Based on its iconographic resemblance and special status among known collections of signs, including on the memorials of the eastern Turkic ruling elite (Choyren, Mukhar), *tamga No. 2 may be associated with the Ashide clan symbols*, according to the reconstruction in the works of S. G. Klyashtornyiy and Yu. A. Zuev (Klyashtornyiy, 1980. PP. 92–95. Fig. 2, 3; Zuev, 2002. PP. 85–86), but this requires more study.

Sign No. 3 can also be interpreted as a fundamental tamga based on the letter V; it has many derivatives, and, when combined with them, the main tamga occupies a more ‘honourable’ position. The large number of variants derived from both signs Ns. 1 and 3 and partial coincidence of their ranges, probably, suggest that there were quite a number of kindred subdivisions that comprised two major

является «V»; от нее происходит много производных форм, при сочетании с которыми в известных случаях основная тамга занимает более «почетное» место. Обилие производных форм от обоих знаков (тамги №№ 1 и 3) и частичное совпадение их ареалов предполагает, по-видимому, существование множества родственных подразделений, входивших в два крупных племенных объединения, занимавших в близкое время (одновременно или последовательно) некоторые общие территории – первоначально Алтай, затем Семиречье и Прииссыккулье, восточную область Ферганы.

Сочетание всех трех знаков (тамги №№ 1-3) известно *только на памятниках Монголии*: на Алтае в петроглифах Цаган-Сала IV (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. С. 235. Рис. 379) и на мемориальной стеле комплекса Бомбогор в центре Монголии. В замечательном собрании из памятника Бомбогор тамги №№ 1-3 изображены в нижней части стелы и образуют ряд, отделяющий группу однотипных знаков, не известных в Казахстане, от 14 тамг иных форм, 12 из которых входят в число наиболее распространенных в Притяньшанье. Содержание рунического текста на стеле, в котором упоминаются басмылы и карлуки (Баттулга, 2005. С. 122-128; User, 2015), *позволяет соотнести тамги №№ 1-3 с карлукским племенным объединением*. Датированные образцы знака №3 известны на Российском Алтае: на пряжке ремня из кургана 9 могильника Барбургазы (кагандинский этап) и на костяных застежках для конских пут из кургана 10 могильника Уландрык I, по инвентарю и радиоуглеродной дате (542-653 годы) относящегося к кудыргинскому этапу (Кубарев, 2005. С. 97, 137-140. Табл. 3: 12, 13; 33: 15; 83: 11, 12, 13, 17).

Известные в восточной части Центральной Азии наиболее ранние аналогии тамгам в форме змеи, омегаобразного знака и V-образной фигуры в разных ее вариантах позволяют датировать их от второй половины VI до середины VIII века. Однако в Семиречье и Прииссыккулье датировка знаков №№ 1-3, связываемых нами с карлукским племенным объединением, вряд ли может оказаться ранее второй половины VIII века. О сравнительно позднем появлении этих знаков на местонахождениях

tribal unions that in some common period of time (simultaneously or sequentially) occupied some common territories – first Altai and then Semirechie and the Issyk-Kul Lake area and the east of Fergana.

The combination of all the three signs (tamgas Ns. 1-3) occurs *only in the monuments of Mongolia* – in Altai and among the petroglyphs of Tsagaan-Sala IV (Kubarev, Tseveendorzh, Yakobson, 2005. P. 235. Fig. 379), and on the memorial stela in the Bombogor complex in the centre of Mongolia. In the wonderful collection of the Bombogor monument tamgas Ns. 1-3 are positioned in the lower section of the stela forming a row that separates a group of monotypical signs unknown in Kazakhstan from 14 tamgas of other forms, 12 of which rank among the commonest in the Tien Shan area. The runic text on the stela mentioning the Basmyl and Karluk (Battulga, 2005. PP. 122-128; User, 2015), *makes it possible to link tamgas Ns. 1-3 with the **Karluk tribal union***. Dated specimens of sign No. 3 have been recorded in Russian Altai: on a belt buckle from mound 9 of the Barburgazy burial ground (Katanda stage) and on bone buckles for horse hobbles from mound 10 of the Ulandryk I burial ground, which, based on the accompanying goods and radiocarbon dating (542-653) were referred to the Kudyrgy stage (Kubarev, 2005. PP. 97, 137-140. Pl. 3: 12, 13; 33: 15; 83: 11, 12, 13, 17).

The earliest analogues of the tamgas in the form of a snake, the omega-shaped sign and various versions of the V-shaped figure known in the eastern part of Central Asia make it possible to date them between the second half of the 6th and middle 8th centuries. However, in Semirechie and the Issyk-Kul Lake area signs Ns. 1-3 we associate with the Karluk tribal union can hardly be dated earlier than the second half of the 8th century. The idea that these signs appeared on the sites of the Chu-Ili Mountains and the Issyk-Kul Lake area quite late is supported by their frequent combination in these areas with Turkic runic inscriptions – twice in Kulzhabasy (fig. 8, 4-5; Rogozhinskii, Kyzlas-

Чу-Илийских гор и Прииссыккулья свидетельствует также их регулярное сочетание здесь с тюркскими руническими надписями – дважды в Кулжабасы (рис. 8, 4-5; Рогожинский, Кызласов, 2011) и многократно в Кочкорской долине, – создание которых на этой территории в IX–X веках также связывается с карлуками (Кызласов, 2005. С. 61–62). Наконец, в ущелье *Актерек* в Заилийском Алатау, которое входит в группу транзитных горных долин Жетыжол («Семь дорог»), связывающих кочевыми маршрутами западную часть Семиречья с верховьями Чу и Прииссыккульем, зафиксировано уникальное сочетание тамги №1 со знаком типа «кос-алеп» (две параллельные наклонные линии), который можно уверенно идентифицировать как *общеплеменную тамгу кипчаков* (рис. 8, 1). Тамги кипчаков неоднократно зафиксированы в горах Кулжабасы и в ряде долин Чу-Илийского водораздела, но нет данных о таковых в Прииссыккульской котловине. Одновременное пребывание карлуков и некоторых групп кипчаков на землях Западного Семиречья и предгорьях Кыргызского Алатау могло иметь место во второй половине IX – X веке (Гуркин, 2001. С. 31–33; Ермоленко, Курманкулов, 2013. С. 159).

Немаловажным представляется сам факт массового создания в Чу-Илийском междуречье тамг №№ 1-3 и условия нахождения их вместе с другими сопутствующими знаками-петроглифами. Здесь уместно сопоставление со столь же широким распространением в этом районе родоплеменных знаков казахов XIX – начала XX века, часто – рядом с раннесредневековыми тамгами и непосредственно на скалах, окружающих руины зимовок.

Обострение в конце XIX века земельной тесноты в западной части Семиречья было вызвано рядом причин, среди которых главными явились относительное перенаселение и рост поголовья скота, происходившие на фоне увеличения земледельческих поселений в предгорной зоне Северного Тянь-Шаня, ограничения доступа казахов-кочевников к высокогорным летним пастбищам и сокращения их пастбищных угодий в пределах административных территорий (Аристов, 2003. С. 347-359). Усилившаяся в этих условиях борьба ко-

ов, 2011) and many times in the Kochkor Valley – whose creation in this territory in the 9th-10th centuries is also associated with the *Karluk* (Kyzlasov, 2005. PP. 61–62). Finally, a unique combination of tamga No. 1 with a ‘kos-alep’ sign (two parallel slanting lines), which can be identified as an *all-tribe Kipchak tamga* (fig. 8, 1), was recorded in the *Akterek gorge* in Trans-Ili Alatau, forming a part of the group of transit valleys known as *Zhetyzhol* (‘seven roads’), in which nomadic routes ran connecting the western part of Semirechie with the upper areas of the Chu and the Issyk-Kul Lake area. Kipchak tamgas have many times been recorded in the Kulzhabasy Mountains and in many of the valleys of the Chu-Ili watershed, but never so far in the Issyk-Kul Depression. In the second half of the 9th-10th centuries the Karluk could inhabit the lands of Western Semirechie and the foothills of the Kyrgyz Ala-Too simultaneously with some groups of the Kipchak (Gurkin, 2001. PP. 31–33; Ermolenko, Kurmankulov, 2013. P. 159).

The very fact of the creation of a large number of tamgas Nos. 1-3 in the Chu-Ili interfluvium and their presence together with other accompanying petroglyph signs seems quite important. It would be appropriate to compare them with Kazakh tribal signs of the 19th-early 20th centuries, which are equally common in this area and which are often found next to early medieval tamgas on rocks surrounding the ruins of wintering places.

The land scarcity in the western part of Semirechie in the late 19th century was caused by a number of factors, the main of which were relative overpopulation and growth of livestock that came simultaneously with the growth of agricultural settlements in the foothills of the Northern Tien Shan, restriction of access for nomadic Kazakhs to high-altitude summer pastures and shrinkage of the pasturing grounds within administrative districts (Aristov, 2003. PP. 347-359). The struggle between the Kazakhs for better winter pastures, which grew stronger under the circumstances, led to the *creation of a large number of tribal signs and*

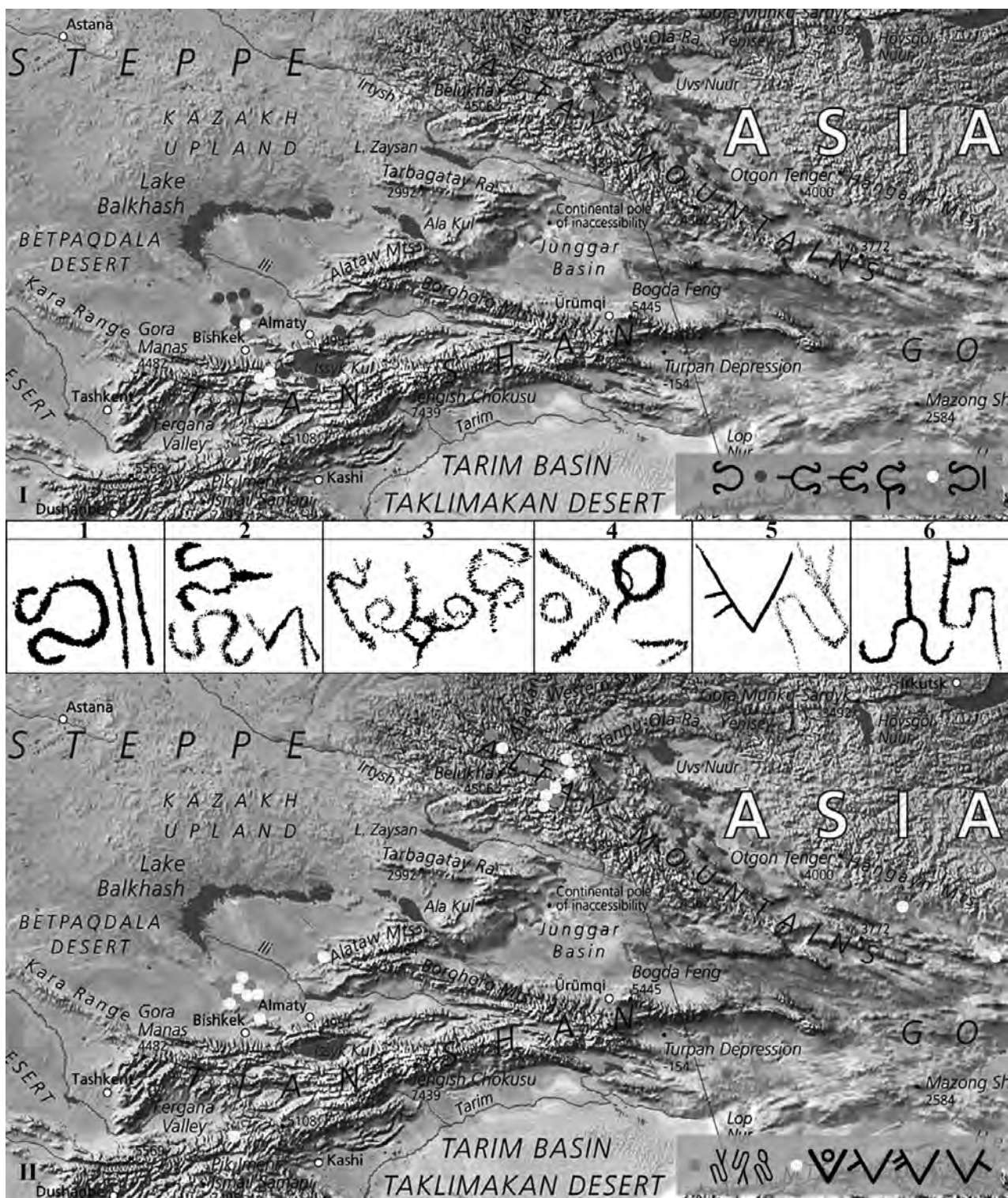

Рис. 8. Ареалы типов тамги №1 (I), тамг №2 и №3 (II) и сочетания их с тамгами других типов на местонахождениях петроглифов Чу-Илийских гор: 1 – Актерек, 2-3 – Аккайнар, 4-5 – Кулжабасы, Тамгалы

Fig. 8. Areas of the distribution of tamga No. 1 (I), tamgas Ns. 2 and 3 (II) and their combinations with other types of tamga on petroglyph sites in the Chu-Ili Mountains: 1 – Akterek, 2-3 – Akkaynar, 4-5 – Kulzhabasy, Tamgaly

чевников за лучшие зимние стойбища, в свою очередь, стала причиной массового создания родоплеменных знаков и именных надписей вдоль границ волостей для удостоверения прав коллективной земельной собственности (Ерофеева и др., 2008. С. 147-149, 227-261).

Вероятно, концентрация средневековых удостоверительных знаков почти исключительно возле стоянок может так же отражать обострение «земельной тесноты» и усиление межплеменной борьбы кочевников Чу-Илийского междуречья в период расцвета городской культуры в предгорьях Северного Тянь-Шаня (Савельева, 1994. С. 99–100, 115; Байпаков, 2010. С. 167–170). В таком случае, с большим основанием тамги №№ 1-3 здесь можно датировать не ранее второй половины VIII века, а скорее IX–X веками, связывая их появление на скалах в Семиречье и Прииссыккулье с переселением карлукских и других кочевых племен, известных по письменным источникам.

К тому же периоду могут относиться различные варианты еще одной тамги, которая встречается на скалах Семиречья и Южного Казахстана иногда в сочетании с другими знаками, но *никогда* – с омегаобразной тамгой или тамгой-змеей. Знак выглядит как две дуги или полукружия, развернутые друг к другу выпуклой стороной, но не соединенные вместе (рис. 9, 2-5). Эта тамга имеет несколько производных вариантов, многократно зафиксированных в Чу-Илийском междуречье и на Тарбагатае. Одной из разновидностей является знак, выбитый на стенке ритуальной оградки комплекса *Косбатыр* в Центральном Казахстане (Досымбаева, Нускабай, 2012. Фото 20). Тамга нанесена на наружную сторону каменной стенки ограды с изваянием т.н. «древнетюркского облика», но могла быть выбита и значительно позже времени сооружения мемориала. Тамги подобного вида (две дуги и окружность над ними) зафиксированы в Чу-Илийских горах и в Тарбагатае вместе с сопутствующим комплексом петроглифов (рис. 9, 3-4).

Возможно, тамга данного типа изображена на донце серебряного сосуда из кургана I могильника Катанда II, где она образует, по определению И.Л. Кызласова (Кызласов, 2010. С. 56–57. Рис. 12, 13), второй «эпиграфический

personal inscriptions along provincial borders for the identification of collective land ownership (Erofeeva et al., 2008. PP. 147-149, 227-261).

Probably, the concentration of medieval identity signs near archaeological sites can also be an indication of land scarcity and intensification of intertribal struggle among the nomads of the Chu-Ili interfluvium at the time of the flowering of the urban culture in the foothills of the Northern Tien Shan (Savelieva, 1994. PP. 99–100, 115; Baipakov, 2010. PP. 167–170). In this case tamgas Nos. 1-3 can reliably be dated only to the second half of the 8th century and later or, rather, to the 9th-10th centuries, which means that they appeared on the rocks of Semirechie and the Issyk-Kul Lake area when the Karluk and other nomadic tribes known from written sources had moved there.

There is another tamga with variations that may belong to that period: it sometimes occurs on the rocks of Semirechie and South Kazakhstan in combination with other signs, but *never* with the omega-shaped or serpentine tamgas. The sign has the form of two arcs or semi-circles turned to each other with their convex sides, which, however, do not contact (fig. 9, 2-5). This tamga has several derivatives recorded numerously in the Chu-Ili interfluvium and Tarbagatai. One of its versions is a sign cut on the wall of a ritual fenced ground in the *Kosbatyr complex* in Central Kazakhstan (Dosymbayeva, Nuskabay, 2012. Photo 20). The tamga was made on the exterior surface of a stone fence with a sculpture of the so called ‘ancient Turkic appearance’; it could be cut long after the construction of the memorial. Tamgas of this type (two arcs and a circle under them) have been recorded in the Chu-Ili Mountains and Tarbagatay together with the accompanying petroglyph complex (fig. 9, 3-4).

The tamga on the bottom of a silver vessel from mound 1 of the Katanda II burial ground, where, according to I. L. Kyzlasov (Kyzlasov, 2010. PP. 56–57. Figs. 12, 13), it forms the monument’s second ‘epigraphic layer’, may

пласт» памятника. Самой удаленной к юго-западу находкой такой тамги является знак-петроглиф возле горной стоянки в Малом Каратау на левобережье Таласа; здесь же на скале выбита вторая тамга, форма которой уникальна для Казахстана, но известна на енисейских памятниках и присутствует в собрании знаков на стеле из комплекса Шивет Улан в Монголии (рис. 9, 2). Самой северо-восточной находкой тамги из двух дуг является один из знаков, помещенных на изваянии (рис. 9, 5), которое найдено в 1722 году на левом берегу Енисея в междуречье Ербы и Теси, а ныне хранится в Минусинском музее (Кызласов, Кызласов, 1994).

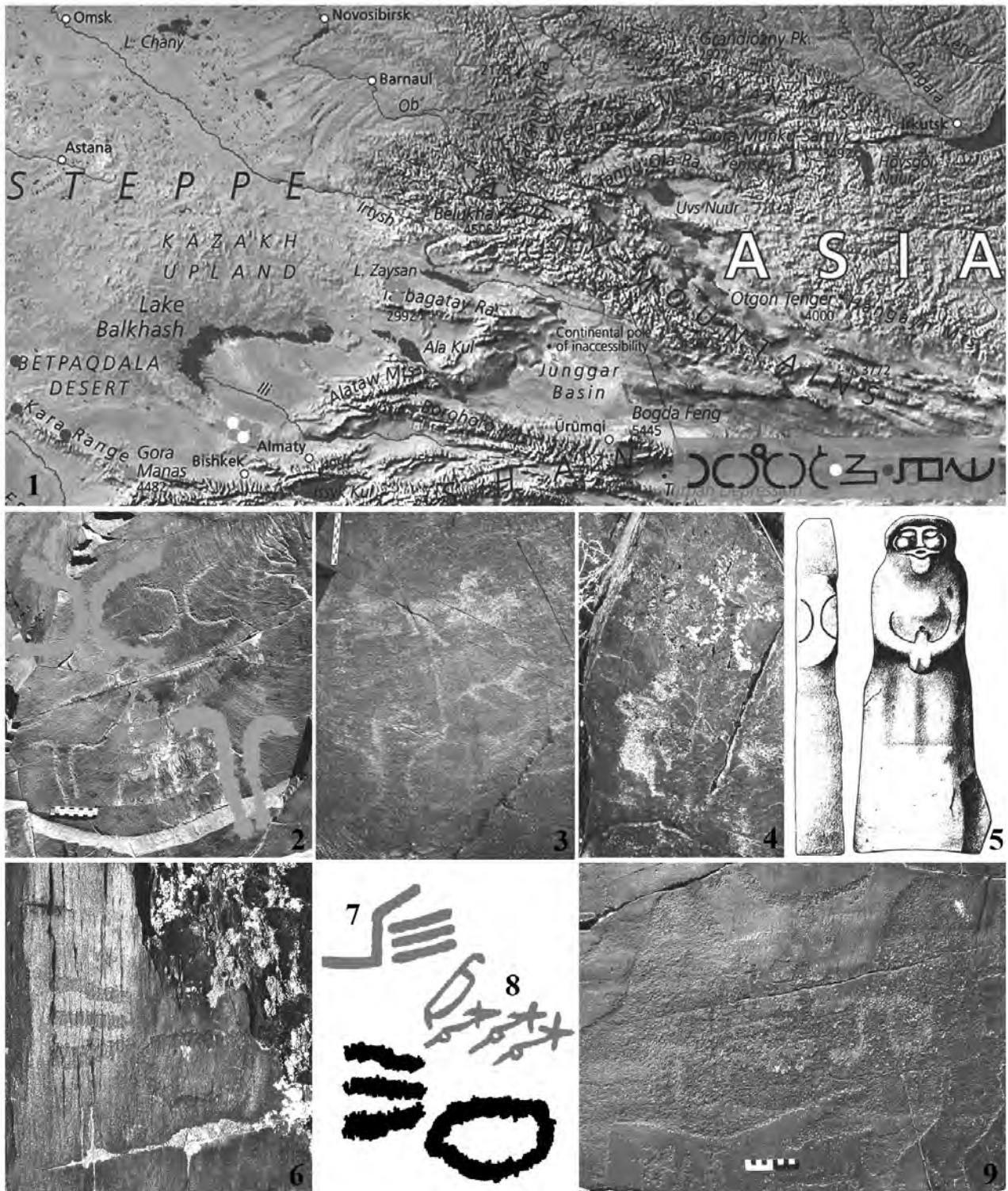
Таким образом, *наибольшее количество известных местонахождений данной тамги сосредоточено в Чу-Илийских горах и на востоке Казахстана в Тарбагатае*. Этот знак не встречается в Жетысу на всем пространстве от озера Алаколь до реки Или, и нет данных о находках такой тамги в Прииссыккулье. Все другие единичные пункты нахождения тамги, весьма удаленные от ее основного ареала, очевидно, маркируют главные направления, по которым происходило перемещение в разное время обладателей этого знака. Принимая в расчет своеобразную «конфигурацию» ареала данной тамги в пределах Казахстана, а также относительно позднее ее появление в Чу-Илийских горах, можно предположительно связать происхождение знака *с племенами, входившими в кимако-кипчакское объединение* в IX–X веках (Гуркин, 2001. С. 31–33, 35).

Тамги-петроглифы огузов удается выделить на некоторых памятниках Чу-Илийских гор в Семиречье, но численно они преобладают на западе и юге Казахстана. Так, в Кулжабасы и Акколь неоднократно встречен знак в виде трех параллельных линий (стрел) и лука (рис. 9, 6), напоминающий тамгу рода *уркиз/уракир*, входившего в огузское объединение учук. В археологическом комплексе Арпаозен своеобразная тамга *племени байундур* (по Махмуду ал-Кашгари) дважды выбита на крупной фигуре верблюда эпохи бронзы (рис. 9, 9), а также воспроизведена на обеих сторонах стелы, установленной на старинном казахском некрополе в близлежащем урочище Дарбут (по мнению

also belong to this type. The south-westernmost tamga of this type is a petroglyph tamga found near a mountain site in Little Karatau on the left bank of the Talas; right there is another tamga cut on a rock, whose form is unique for Kazakhstan but can be found in Yenisei monuments and among other signs on a stela from the Shivet Ulan complex in Mongolia (fig. 9, 2). The north-easternmost two-arc tamga has been found among the signs on a sculpture (fig. 9, 5) discovered in 1722 on the left bank of the Yenisei in the area between the Yerby and Tesi Rivers and currently kept in the Minusinsk Museum (Kyzlasov, Kyzlasov, 1994).

Thus, *the largest number of sites where such tamgas are concentrated in the Chu-Ili Mountains and in Eastern Kazakhstan in Tarbagatai*. This sign has not been recorded anywhere in Semirechie/Jetysu between Alakol Lake and the Ili River, nor is there any information that it has been found in the Issyk-Kul Lake area. All other single sites with this tamga, which are quite remote from its basic range, apparently, mark the main routes along which the users of this sign were migrating at different time. Given the unique 'configuration' of this sign's range within Kazakhstan and its relatively late appearance in the Chu-Ili Mountains, the sign might well originate in *tribes that were a part of the Kimak-Kipchak confederation* in the 9th-10th centuries (Gurkin, 2001. PP. 31–33, 35).

Oguz petroglyph tamgas can be identified in some monuments in the Chu-Ili Mountains in Semirechye, but they prevail in the west and south of Kazakhstan. Thus, a sign in the form of three parallel lines (arrows) and a bow (fig. 9, 6) resembling the tamga of the *Urkiz/Urakir* family, which was a part of the Uchuk, an Oguz confederation, has many times been recorded in Kulzhabasy and Akkol. In the Arpaozen archaeological complex a unique tamga that belonged to the *Bayundur* tribe (according to Makhmud al-Kashgari) was twice cut on a large Bronze Age figure of a camel (fig. 9, 9) and made on both sides of the stela installed in

Рис. 9. 1 – ареалы типов тамги в форме двух дуг и знаков-петроглифов огузов: 2 – Малый Каратау, 3 – Тамгалы, 4 – Тарбагатай, 5 – изваяние из Минусинского музея (по: Appelgren-Kivalo, 1931), 6 – Кулжабасы, 7, 8 – тамга огузов уркиз/уракир (по Махмуду ал-Кашгару и Рашид-ад-Дину), 9 – Арпаозен

Fig. 9. 1 – Areas of the distribution of variants of the tamga in the form of two arcs and the Oguz petroglyph signs: 2 – Small Karatau, 3 – Tamgaly, 4 – Tarbagatai, 5 – sculpture from the Minusinsk Museum (after Appelgren-Kivalo, 1931), 6 – Kulzhabasy, 7, 8 – tamga of the Oguz Urkiz/Urakir (after Makhmud al-Kashgari and Rashid-ad-Din), 9 – Arpaozen

В.Н. Настича, окружающая знак эпитафия выбита на стеле не ранее XIX или в первой половине XX века). В долине Сауыскандык неоднократно встречены тамги племени салгур (салор), вождям которого принадлежала власть в государстве сырдарьинских огузов в IX – середине X века (Агаджанов, 1969. С. 135–137). Знаки салоров синхронизируются с выразительной группой петроглифов, включающей изображения конных воинов и охотника с птицей.

На западной окраине Бетпакдалы **в урочище Тамгалыжар**, известном с XIX века как «камень Тамгалытас», среди множества знаков и надписей позднего происхождения выявлено крупное скопление средневековых тамг. Они образуют несколько собраний знаков, расположенных на живописных обнажениях песчаника вблизи единственного пресного источника в этом пустынном районе. В настоящее время «камень Тамгалытас» сильно разрушен и представляет собой груду обломков с сохранившимися на них разновременными надписями и знаками (рис. 10, 1-2). Одна из плит «камня» с тамгами в недавнее время была отделена от монолита и водружена на кирпичный постамент, сложенный неподалеку от родника; заказчик и создатели этого современного «монумента» не известны (рис. 10, 3, 3). В 1,2 км от «камня Тамгалытас» найдено еще одно скопление знаков, вырезанных на отдельных плитах песчаника (рис. 10, 5-6).

Общее количество обнаруженных здесь знаков превышает 60. Кроме знаков геометрических форм не найдено ни одного зооморфного или антропоморфного наскального рисунка. Это позволяет рассматривать данное местонахождение петроглифов как особый вид памятников истории и культуры, традиционно именуемый в западной части Центральной Азии «тамгалытас» (Рогожинский, 2014б. С. 536–537), и относить его к крупнейшим скоплениям средневековых достоверительных знаков, известным к настоящему времени в Казахстане и Средней Азии.

В Тамгалыжар выделено всего 19 разновидностей простых и сложных знаков, образующих начальный этап истории этого памятника тамгопользования (рис. 11). Идентификация

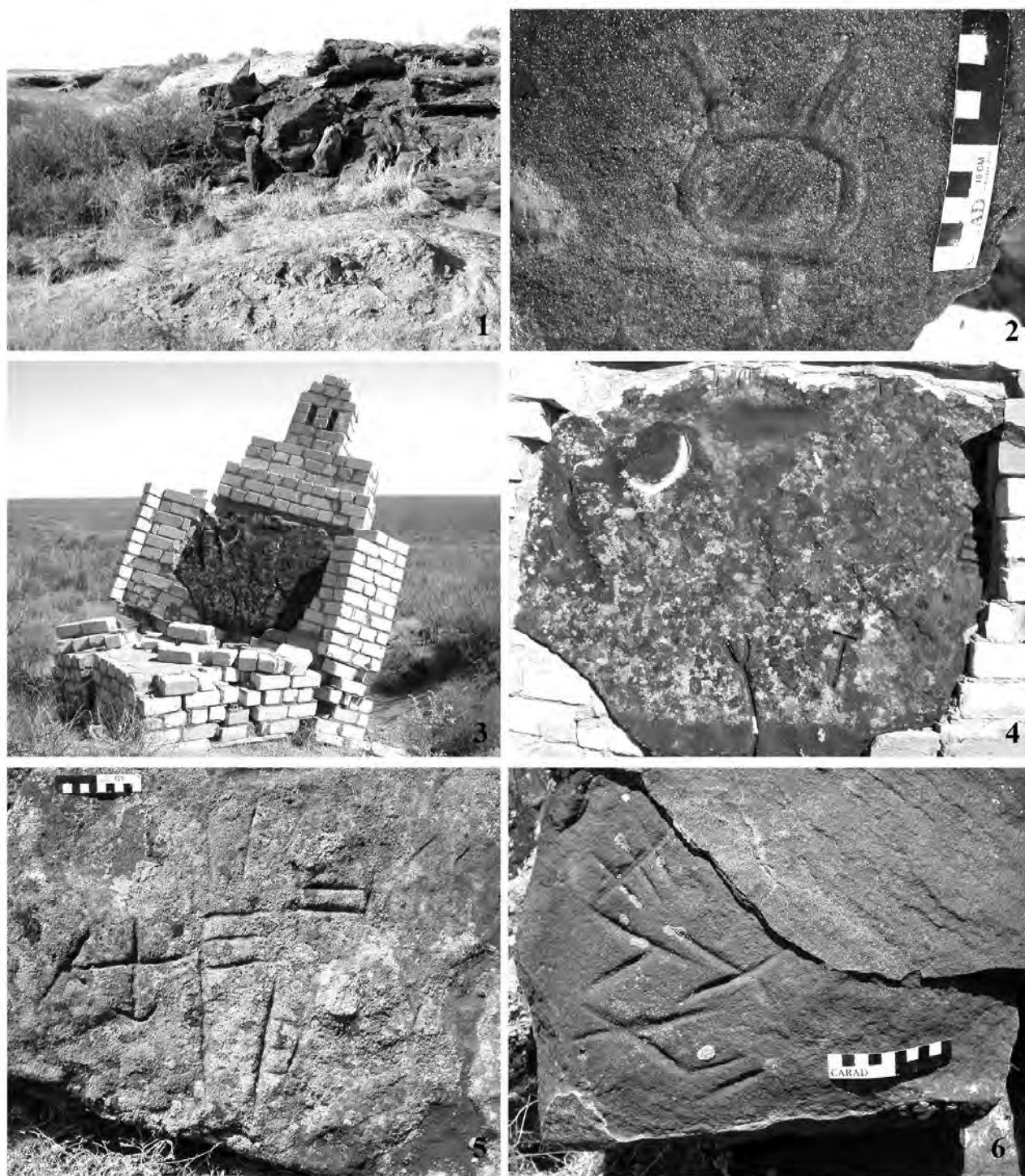
an old Kazakh necropolis in the Darbut area nearby (according to V. N. Nastich, the epitaph surrounding the sign was made in the 19th or first half of the 20th century). The tamgas of the *Salgur (Salor) tribe*, whose chiefs used to rule the state of the Syrdarya Oguz in the 9th-middle 10th century, have been numerous recorded in the Sauyskandyk Valley (Agadzhanov, 1969. PP. 135–137). The Salor's signs are synchronous to an expressive group of petroglyphs, including images of equestrian warriors and a hunter with a bird.

A large cluster of medieval tamgas was discovered in the western extremity of Betpak-Dala desert, in the **Tamgalyzhar area** known since the 19th century as the 'Tamgalytas stone', among numerous signs and inscriptions of a later period. The tamgas form several collections of signs on picturesque outcrops of sandstone near the only freshwater source in this desert area. Currently, the Tamgalytas stone is heavily damaged to a heap of fragments with some extant non-contemporaneous inscriptions and signs on them (fig. 10, 1-2). One of the fragments with signs has recently been separated from the monolith and erected on a brick pedestal constructed not far from the spring; the customer and producers of this modern 'monument' are unknown (fig. 10, 3, 3). Another cluster of signs cut on separate sandstone slabs was found 1.2 km from the 'Tamgalytas stone' (fig. 10, 5-6).

The total number of signs found there exceeds 60. They consisted entirely of geometric forms, with not a single zoomorphic or anthropomorphic image found. This makes the petroglyph site in question a very special type of historical and cultural monument known in the western part of Central Asia as 'tamgalytas' (Rogozhinskii, 2014б. PP. 536–537), and one of the largest collections of medieval identity signs in Kazakhstan and Central Asia.

A total of 19 types of simple and complex signs all referred to the initial stage of the monument have been discovered in Tamgalyzhar (fig. 11). The signs were identified based on

Рис. 10. 1 – современный вид «камня Тамгалытас»; фото А.Е. Рогожинского, 2009 г.; 2 – знак на «камне Тамгалытас»; 3, 4 – современный «монумент» и знаки на фрагменте «камня Тамгалытас»; 5, 6 – собрания знаков на периферийном местонахождении петроглифов уроч. Тамгалыжар

Fig. 10. 1 – current view of the ‘Tamgalytas stone’; photo by A. E. Rogozhinskii, 2009; 2 – sign on the ‘Tamgalytas stone’; 3, 4 – modern ‘monument’ and signs on the fragment of the ‘Tamgalytas stone’; 5, 6 – collection of signs on a peripheral petroglyph site in the Tamgalyzhar area

знаков произведена на основе их сопоставления с тамгами современных и средневековых номадов региона. Сопоставление с казахскими тамгами выполнено по материалам дореволюционных и современных исследований, опирающихся на аутентичные источники по родоплеменным знакам казахов *Младшего (Kiui)* (Добросмыслов, 1893. Табл. I; Ажигали, 2002. Табл. V), *Среднего (Opma)* (Коншин, 1905. С. 104–105; Муканов, 1974; История..., 2006. С. 921–922; Таласбаева, 2014) и *Старшего (Ұлы) жузов* (Рогожинский, 2010). Наибольшее сходство обнаруживают тамги казахов Младшего жуза – 47%; доля совпадений с клановыми знаками Среднего и Старшего жузов составляет 21%. В целом степень типологического сходства объединенной серии знаков из Тамгалыжар с казахскими тамгами оценивается в 68%. Показательно отсутствие среди тамг казахов ряда сложных типов (№№ 7, 12, 13, 19), входящих в собрания знаков на «камне Тамгалытас», на монументе и в одном из периферийных скоплений. Отметим тождество знака №15 с тамгой родового подразделения алжан племени албан Старшего жуза, принадлежность которой надежно установлена (Рогожинский, 2010. С. 113–114. Рис. 2). Идентичность родовой тамги одного из подразделений казахов XVIII–XIX веков и средневекового знака на «камне Тамгалытас», видимо, не случайна, но вопрос о природе этого тождества требует дополнительного изучения.

Весомую долю соответствия (78%) совокупная серия знаков Тамгалыжар обретает при сопоставлении с тамгами *туркменских племен*, фиксация которых осуществлена в начале прошлого века этнографом Г.И. Карповым, а в наши дни проведена этнологом С. Е. Ажигали на памятниках культовой архитектуры Западного Казахстана (Карпов, 1929; Карпов, 1945; Ажигали, 2002. Табл. IV). Полученные результаты дополняются сопоставлением серии знаков с тамгами тюркских народностей Ирана (кашкайцев) (Новоженков, 2014) и средневековых огузов (Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 93–94). Степень их сходства со средневековыми знаками Тамгалыжар достигает почти 90%. Двум знакам (№№ 4 и 9) не удастся найти аналогии среди казахских или туркменских тамг.

their comparison with the tamgas of medieval and modern nomads inhabiting the region. The comparison with Kazakh tamgas was made with the help of pre-Soviet and modern research material based on authentic sources related to the tribal signs of the Kazakhs of the *Junior (Kiui)* (Dobrosmyslov, 1893. Pl. I; Azhigali, 2002. Pl. V), *Middle (Opma)* (Konshin, 1905. PP. 104–105; Mukanov, 1974; Istoriia... 2006. PP. 921–922; Talasbaeva, 2014) and *Senior (Ұлы) Zhuzes* (Rogozhinskii, 2010). The largest number of similar tamgas were detected in the Junior Zhuz – 47%, with 21% recorded in the Middle and Senior Zhuzes. The total rate of typological similarity between the entire collection of Tamgalyzhar and Kazakh tamgas is 68%. Interestingly, many complex types (Ns. 7, 12, 13, 19) from the ‘Tamgalytas stone’, the monument and one of the peripheral clusters have not been recorded among the Kazakh tamgas. Sign No. 15 is identical to the reliably identified tamga of the Alzhan family from the Alban tribe, Senior Zhuz (Rogozhinskii, 2010. PP. 113–114. Fig. 2). The identity between the tamga of the family from one of the 18th–19th century Kazakh groups and the medieval sign on the ‘Tamgalytas stone’ is not accidental, but the nature of this requires further specification.

There are a very large number of signs in the Tamgalyzhar series (78%) analogous to the *tamgas of Turkmen tribes* recorded by ethnographer G. I. Karpov in the early 20th century and ethnologist S. Ye. Azhigali in modern time in the monuments of cultic architecture in Western Kazakhstan (Karpov, 1929; Karpov, 1945; Azhigali, 2002. Pl. IV). The comparison of the series with the tamgas used by the Turkic people in Iran (Qashqai) (Novozhenov, 2014) and the medieval Oguz (Makhmud al-Kashgari, 2005. PP. 93–94) complement the obtained results. The rate of similarity between them and the medieval signs from Tamgalyzhar amounts to 90%. Two signs (Ns. 4 and 9) have no analogues among Kazakh or Turkmen tamgas so far. No. 9 may be a variation of tamga No. 8.

№	Тип знака	"камень"	монумент	периферия	казахские тамги			туркменские тамги	тамги огузов	тамги кашкаев
					Кіші	Орта	Ұлы			
1		●	●	●	●		●			
2		●	●	●	●	●		●		
3		●		●				●		
4				●						
5			●	●		●	●	●		●
6				●	●			●		
7			●	●				●		
8		●			●	●		●		●
9				●						
10		●	●	●	●			●		
11			●		●	●		●		
12		●							●	●
13		●						●		●
14			●				●	●	●	●
15		●					●			●
16		●			●			●		●
17		●			●			●	●	●
18		●			●			●		●
19		●						●	●	

Рис. 11. Сравнительный анализ типов знаков из урочища Тамгалыжар

Fig. 11. Comparative analysis of sign types from the Tamgalyzhar area

Возможно, знак №9 является разновидностью тамги №8. Знак №4 имеется в числе башкирских тамг (Соколов, 1904. Табл. I, 6), а доля совпадений знаков Тамгальжар с тамгами башкир в целом оказывается достаточно велика – 13 знаков (68%), но складывается в основном за счет совпадения знаков простейших форм: №№ 2–5, 8, 10, 11, 13, 14, 16–18.

Таким образом, сопоставление знаков позволяет с наибольшей вероятностью установить *огузскую принадлежность* древних тамг Тамгальжар. Учитывая географическое расположение памятника, на основании исторических источников время возникновения этой крупнейшей «энциклопедии» тамг огузов следует отнести к IX–X векам (Агаджанов, 1969. С. 157–162) или ко времени до середины XI века, когда огузы оставили эти земли и «вместо названия области “Муфазат-ат-гузз”, т. е. “Степь гузов”, употребляется название “Дашт-и Кыпчак”, т. е. “Степь кипчаков”» (Муканов, 1974. С. 55; Бартольд, 1968. С. 525). Нельзя исключить, что какая-то часть знаков в Тамгальжар оставлена кипчаками, совместно с огузами пользовавшимися здесь пастбищами в конце IX – X веке (Гуркин, 2001. С. 33). Немаловажную роль в возникновении «камня Тамгалытас», несомненно, также сыграло расположение памятника на узловом участке традиционных кочевий и путей сообщений, издавна пролежавших вдоль Сарысу через пустыни Мойынкум и Бетпакдала из западной части Сарыарки к горам Каратау и долинам Сырдарьи и Таласа.

Выявление в Семиречье и Южном Казахстане петроглифов и недвижимых памятников тамгопользования *послемонгольского периода* остается наиболее сложной задачей. В Чу-Илийских горах к ним можно отнести знак, выбитый на строительном камне погребальной ограды, которая входит в группу аналогичных сооружений на могильнике в урочище Шолакжарта, к югу от Тамгалы. Похожие каменные ограды были исследованы на могильнике Каракудук в 1957 году; безынвентарные одиночные и коллективные захоронения, совершенные по мусульманскому обряду, А.Г. Максимова датировала XIV–XV веками, связав их со временем утверждения ислама в среде кочевого населе-

Sign No. 4 was recorded among Bashkir tamgas (Sokolov, 1904. Pl. I, 6), while the portion of signs from Tamgalyzhar similar to *Bashkir tamgas* is quite large – 68% (13 signs), but most of the analogues are simple-form signs: Nos. 2–5, 8, 10, 11, 13, 14, 16–18.

Thus, the comparative analysis shows that most of the ancient Angalyzhar tamgas are, most probably, of the *Oguz origin*. The monument's geographical location and historical sources indicate that this largest 'encyclopaedia' of Oguz tamgas sprang up in the 9th-10th century (Agadzhanov, 1969. PP. 157–162) or before the mid-11th century when the Oguz abandoned these lands, whose name was changed 'from "Mufazat-at-guzz" meaning "the Guz's steppe" to "Dasht-i Kypchak" - the Kipchak's Steppe' (Mukanov, 1974. P. 55; Bartold, 1968. P. 525). It is possible that some part of the signs in Tamgalyzhar was left by the Kipchak, who used local pastures together with the Oguz in the late 9th-10th centuries (Gurkin, 2001. P. 33). The appearance of the 'Tamgalytas stone' was, certainly, associated with the monument's situation at the junction of traditional nomadic and communication routes, which since very ancient times ran along the Sarysu across the Moyynkum and Betpak-Dala deserts in the western part of Saryarka to the Karatau Mountains and the Syrdarya and Talas valleys.

To discover petroglyphs in stationary monuments with tamgas of the *post-Mongolian period* in Semirechie and Kazakhstan remains a highly complex task. In the Chu-Ili Mountains they may include a sign cut on the building material of the funeral fenced ground, which is one of a group of structures of this type in a burial ground in the Sholakzhartas area south of Tamgala. Similar stone-fenced grounds have been studied in the Karakuduk cemetery in 1957; the personal and collective burials without accompanying grave goods made following Muslim tradition were dated by A.G. Maksimova to the 14th-15th centuries – the researcher referred them to the time of the

ния позднего средневековья (Максимова, 1968. С. 153–158. Рис. 2). Тот же знак – окружность с отходящей вниз линией, пересеченной двумя поперечными линиями, – зафиксирован в 20 км к западу, в урочище Асык; здесь имеется пять изображений тамги на скале у стоянки. Среди знаков кочевников домонгольской эпохи тамга такой формы не встречается в Семиречье, зато в более позднее время очень похожий знак, напоминающий «зеркало Венеры», отмечает на юге Каратау, в северных предгорьях Кыргызского хребта и Чу-Илийском междуречье места стоянок казахов Старшего жуза – дулатов и сарыулысынов. Возможно, с дальнейшим накоплением материалов по памятникам тамгопользования кочевников позднего средневековья удастся идентифицировать тамги дулатов и других племен улуса Чагатай, вошедших со временем в состав казахов Старшего жуза.

Таким образом, все средневековье на юге Казахстана в общественно-политической культуре кочевников сохранялась традиция пользования тамгами. Однако в отличие от предшествующих времен (см. главу 4), феномен тамгопользования этой эпохи характеризуется сложением и последующим сосуществованием, с одной стороны, разветвленной системы родоплеменных знаков, изменявшихся по определенным нормам формообразования, и с другой стороны – династических знаков правящей элиты кочевников, которые на протяжении длительного срока сохраняли свою особую неизменяемую форму, приобретая значение символа политической власти и сословной принадлежности.

establishment of Islam amid late medieval nomads (Maksimova, 1968. PP. 153–158. Fig. 2). The same sign in the form of a circle with a downward line crossed by two transverse lines was recorded 20 km westwards, in the Asyk area; there are five tamgas on a rock at a site. In the pre-Mongolian period the tamga of this form is not found among the nomads of Semirechye, while in a later period a very similar sign resembling ‘Venus’s mirror’ marks the sites of the Kazakhs from the Senior Zhuz, the Dulat and Sary-Uysin, in the south of Karatau, northern foothills of the Kyrgyz Range and Chu-Ili interfluvium. It is quite possible that afterwards, when there is more material available on late medieval nomadic monuments with tamgas, we can identify the tamgas of the Dulat and other tribes from the Chagatai Khanate that later became one of the Kazakh elements of the Senior Zhuz.

Thus, the tamga using tradition prevailed in the socio-political nomadic culture of Southern Kazakhstan throughout the Middle Ages. However, unlike in the preceding periods (see Chapter 4), at that time the tamga use phenomenon was characterised by the formation and subsequent co-existence of, on the one hand, a complex system of tribal signs that changed following development standards, on the other hand, dynastic signs of nomadic ruling elite, which for a long time retained their specific unchangeable forms to become symbols of political power and social status.

ГЛАВА 9
ТАМГИ / НИШАН И СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Яценко, Дж.Я. Ильясов

Если мы будем воспринимать метки на различных изделиях (керамике, металлических артефактах бытового и военного назначения), знаки правителей на монетах и скопления тамг на скалах исключительно или более всего как *магические символы* (для Средней Азии см. ранее всего: Григорьев, 1940. С. 28; он же, 1948. С. 55; Грицина, 1984. С. 93), то наш очерк в принципе будет лишен смысла. Однако для подобного одностороннего взгляда нет серьезных оснований: эту версию использования «меток идентичности» (identity marks) не подтверждают многочисленные письменные и этнографические источники по региону.

В действительности изучение системы меток / тамг для каждого региона и хронологического периода дает нам возможность увидеть все разнообразие их применения: от государственного и племенного символа до личного знака правителя или эмблемы ремесленной мастерской, от метки количества и качества в общественном производстве до знака собственности отдельной семьи, от превращенных в тамгу букв и цифр чужих культур до популярных священных символов, приобретших дополнительные (практические) функции. Они очень разнообразны по облику: процарапанные на вещах и скалах разными инструментами и почерками граффити, рельефные налесты и оттиски штемпелей и личных печатей с меткой на керамике, знаки на монетах, фигурные надрезы на ушах домашних животных (малый семейный знак)... При этом «базовый» из нескольких возможных терминов в течение долгого времени использовался чаще остальных для «меток идентичности», например, у тюркских народов, но он дополнялся близкими по значению терминами (средневе-

CHAPTER 9
TAMGAS/NISHAN AND SOCIO-
POLITICAL HISTORY

S.A. Yatsenko, J.Ya. Ilyasov

If we interpreted marks on various kinds of articles (ceramic and metal military and everyday-use artifacts), rulers' signs on coins and clusters of tamgas on rocks only or largely as *magic symbols* (earliest works related to the subject in Central Asia: Grigoriev, 1940. P. 28; *ibid.*, 1948. P. 55; Gritsina, 1984. P. 93), our book would be of little meaning. There are no reasons for this one-sided analysis, as this version of the use of 'identity marks' is contradicted by numerous written and ethnographic sources related to the region.

In reality the study of the mark/tamga system in each region and chronological period enables us to see the entire range of purposes they were used for – as a state and tribal symbol, a ruler's personal sign, the emblem of a workshop, a mark indicating the quality and quantity in social production, a family's individual identity sign, a popular sacred symbol and others. They are highly diverse in appearance: letters and figures from other cultures, graffiti scratched on things and rocks with various tools and in different styles, applied bas-relief and imprinted stamps and personal seals with marks on ceramics, signs on coins, figured cuts on animal's ears (a minor family sign)... The 'basic' term has for a long time been the commonest of the several ones used to designate the 'identity marks' of, say, Turkic peoples, but it was accompanied by terms close in the meaning (medieval Turkic words *tamga*, *belgü*, *tugrag*, *mühür*) (Osawa, 2010. P. 339). In comparison, the term 'standard' was the most popular in the old Slavic language, but the other one, 'spot', was also used (Chernetsov, 2010). The use of basically only one term (cf. Iranian *nishan* and the old

ковые тюркские *tamga*, *belgii*, *tugrag*, *mühür*) (Osawa, 2010. P. 339). Для сравнения, в старославянском языке чаще использовался термин «знамя», хотя использовался и другой - «пятно» (Chernetsov, 2010). Использование преимущественно одного термина (ср. иран. *nishan* и старинные осетинское *gakk*/крючок, бакhtiари *alamat*) говорит не о формальном подходе наших далеких предков в теме, а об *ощущении глубинной общности* подобных знаков. Дело тут не только и не столько о пережитке древнего инстинкта мечения территории. Эта глубинная общность, как нам думается, связана с **несколькими ключевыми функциями** всех таких знаков в античное и средневековое время – *собственности, участия / сопричастности* (к неким общественным акциям и процессам), *учета объема работы и продукции, визуальной эмблемы коллективов разного размера*. Разумеется, исследуемые нами знаки типа нишан или тамга были лишь **частью** целого мира знаковых систем, использовавшихся в данном обществе (надписей, религиозных символов, зашифрованных посланий, пиктограмм и т.п.).

Иногда совокупность древних знаков Средней Азии полезно сравнить с хорошо изученным материалом других территорий. Так, в античном Северном Причерноморье, на территории греко-варварского Боспорского царства одна или несколько букв или цифр, один или несколько знаков-символов, как выясняется, могли представлять собой сокращения или шифровку имен (в том числе – божеств), цифры в виде ряда зарубок, определение стоимости, веса или ценности посуды, надпись «от имени сосуда», принадлежность вещи представителю определенного этноса, подарок без обозначения имени, возгласы ликования, метку мастера, имя заказчика или имя адресата отправляемого товара, название помещаемого товара в рисунках, его свойства, посвящение божеству за кого-либо, маркировку святилищ, указание на дату их посещения, магические символы, амулеты, магический набор или ряд букв, символ веры и т.д. (Емец, 2012. С. 7-26, 38-76). Далеко не все подобные функции мы реально наблюдаем на доисламском западе

Ossetian *gakk* ‘hook’, Bakhtiari *alamat*) does not indicate our ancestors’ formal approach to the subject, but tells *about the feeling of the deep commonality* of such signs. It is not based entirely on the remains of the ancient instinct of marking a territory. Rather, we think that this commonality is associated **with a few key purposes** all these signs were used for in the antique and medieval periods, which are *ownership, involvement/participation* (in certain public actions and processes), *recording of work and output volume, visual emblems of groups of various sizes* and others. Certainly, the *nishan* or *tamga* signs were only a **part** of an entire big world of marking systems used in this community (inscriptions, religious symbols, coded messages, pictograms and others).

Sometimes it is useful to compare the collection of ancient Central Asian signs with well-studied material from other territories. So it turned out that in the antique period in the territory of the Greko-Barbarian Bosporean Kingdom in the northern part of the Black Sea area one or several letters or figures or one or several symbolic signs could be shortened or coded names (including those of gods), figures in the form of rows of cuts, the price, weight or value of a household utensil, inscriptions ‘on behalf of the vessel’, signs indicating the ownership of a representative of a certain ethnos, an indication of a present without a name, triumphant exclamations, manufacturer’s marks, the name of the customer or the address the item was to be forwarded to, the names or properties of the goods inside drawings, dedications to a divinity on behalf of a third person, the marking of a sanctuary, the dates of visiting it, magic symbols, amulets, magic sets or series of letters, symbols of faith and so on (Yemets, 2012. PP. 7-26, 38-76). Not all of these functions can be observed in the pre-Islamic western part of Central Asia, in societies not directly associated with market economy and strong competition inside groups, in societies characterised by special forms of social mobility, various types of relations between oasis people and neighbouring nomads and so on.

Центральной Азии – в обществах, не связанных прямо с рыночной экономикой или со значительной конкуренцией внутри коллективов, в обществах, характеризующихся особыми формами социальной мобильности, с разными типами взаимоотношений жителей оазисов и окружающих номадов и т.п.

В этой небольшой главе мы можем рассмотреть на серии примеров лишь некоторые, отдельные проявления использования тамг в разных целях и обстоятельствах.

Метки паломников в святилищах

О подобных примерах говорится в главах 2, 3, 4, 5 и 7 в связи с конкретными святилищами. Ниже мы обратимся к особому случаю: ситуации, когда тамги наносились *среди серии сюжетных изображений* (людей, животных и др.) на особом месте – *при входе в активно почитаемый храм*.

Знаки при входе в храм Байте III на плато Устюрт

Сам храм и основные скопления знаков внутри его характеризуются в главе 2. Нас интересует единственная зона скопления знаков – участок №5 (глава 2, рис. 2, 4), где, кроме собственно 16 тамг 13 типов, представлена серия антропоморфных и зооморфных образов, полосок простого геометрического орнамента (два последних типа сюжетов, не сопровождавшихся тамгами, см.: глава 2, рис. 5, 5-6)¹⁴⁹. Номера тамг здесь основаны на единой нумерации по Байте III (рис. 6 в главе 2). Думается, анализ тамг в ряде случаев поможет нам лучше понять назначение композиций.

Этот участок находился слева от входа, снаружи, на высоте от 70 см до 2 м от древней

In this small chapter we used a series of examples to analyse just a few of the purposes and circumstances tamgas were used for and in.

Pilgrims' marks in sanctuaries

Signs of this type are analysed in Chapters 2, 3, 4, 5 and 7 in connection with specific sanctuaries. Below we shall study a special case, when tamgas were made *amid descriptive images* (people, animals and others) in a special place – *at the entrance to a highly worshipped temple*.

Signs at the entrance to the Bayte III temple on the Ustyurt Plateau

The temple and main clusters of signs inside it are described in Chapter 2. Here we focus on section 5 (Chapter 2, fig. 2, 4) – the only one where the 16 tamgas of 13 types are accompanied by a series of anthropomorphic and zoomorphic images and strips of simple geometric ornamentation (for the last two types of themes unaccompanied by tamgas see Chapter 2, fig. 5, 5-6)¹⁴⁹. The tamgas' numeration is based on the uniform system used in Bayte III (fig. 6 in Chapter 2). We suppose that in many cases analysing the tamgas we can better understand the purposes of the compositions.

This section is located to the right of the entrance, on the outside, at a height between 70 cm and 2 m from the ground surface (fig. 1, 1). All the main zoo- or anthropomorphic figures (both with and without tamgas) are turned to the *right* (towards the temple's entrance) and thus seem to move. The other feature of this section is a close link between the marks and figurative images (only on three slabs tamgas are alone). It may largely be associated with their special position *at the entrance* to the temple (the entranceway is untypical of this kind of temples on the Ustyurt

¹⁴⁹ Сходные орнаментальные композиции мы видим и в центральном Крыму, где на рубеже II-III вв. оседали сарматы (ср. Попова, 1984. С. 129-145. Рис. на с. 130), а еще раньше – у кочевников Приуралья и Поволжья VI-IV вв. до н.э. (Драчук, 1975. Табл. II, №№ 66-67; X, №№ 759-762). Обереговые функции композиций с шахматным или сетчатым узором еще недавно были ощутимы в обрядности иранских народов (Яценко, 2014. С. 42-43).

¹⁴⁹ Similar ornamental compositions can be found in Central Crimea, where the Sarmatians settled in the late 2nd-early 3rd centuries AD (cf. Popova, 1984. PP. 129-145. Fig on P. 130), and in the Ural and Volga Basins, where they were made by nomads in the 6th-4th centuries BC (Drachuk, 1975. Pl. II, Ns. 66-67; X, Ns. 759-762). The protective functions of compositions with checked patterns were still used quite recently in the rituals of some Iranian peoples (Yatsenko, 2014. PP. 42-43).

дневной поверхности (рис. 1, 1). Все основные зоо- и антропоморфные персонажи (как отмеченные тамгами, так и без них) здесь как бы движутся или повернуты *вправо* (ко входу в храм). Другая особенность данного участка – тесная связь меток и фигуративных изображений (лишь на трех плитах изображены только тамги сами по себе). Представляется, это во многом связано именно с особым их размещением *при входе* в храм (сам этот вход был необычен для сходных храмов сакского времени на Устюрте: внутрь него нельзя было попасть снизу обычным путем, а лишь по приставной лестнице на верхний ярус, а оттуда – вниз по узкой каменной лесенке). Чаще всего (как это было и на стенах дворика) на каждой из крупных прямоугольных плит облицовки здесь, видимо, помещали законченную группу гравировок, лишь в двух случаях сложная композиция помещалась на двух-трех прилегающих вертикально (рис. 1, 4; глава 2, рис. 5, 5с) или горизонтально (рис. 1, 3) смежных плитах.

Наибольший интерес представляют сюжетные граффити: образы и композиции части из них удивительны для кочевого искусства и быта, особенно в зоне пустынь. В их числе пять сюжетов с одной, тремя или пятью тамгами:

1) безоружный всадник с опущенным знаменем в руках (рядом с ним *тамга*) и пеший по сторонам *лабиринта*; всадник как будто собирается въехать в лабиринт, т.к. повернут ко входу в него, а пеший ожидает позади сооружения, раскинув руки (рис. 1, 2);

2) всадник-лучник (рядом с ним – *тамга*), натягивающий тетиву; видимо, справа к этой плите примыкала другая, на которой изображен горный козел, в бедро которого воткнулась стрела (рис. 1, 3);

3) повозка-кибитка (также помеченная слева *тамгой*), рядом – упавший умерший (сохранились его ноги), ниже (на прилегающей плите) – ползущая змея и окружающие ее по углам 3-4 *тамги* (рис. 1, 4);

4) другая подобная повозка с поставленными горизонтально оглоблями, помеченная *тамгой* внутри, внизу – две схематичные фи-

Plateau in the Saka time: one could not get inside in a conventional manner, through a doorway on the ground level, but had to use a ladder to reach the top tier and then go into the court down a narrow stone stairway). Probably, almost each of the large rectangular slabs used to face the walls of the temple was provided with a complete group of engravings, and only in two case a complex composition occupied two or three adjacent slabs bordering on each other vertically (fig. 1, 4; Chapter 2, fig. 5, 5c) or horizontally (fig. 1, 3).

The most interesting are descriptive graffiti: images and compositions on some of them are simply amazing for nomads, particularly those inhabiting desert areas. Those are five themes with one, three or five tamgas:

1) an unarmed horseman with a lowered standard in the hands (there is a *tamga* next to him) and a footman on each side of a *labyrinth*; the horseman seems to be going to enter the labyrinth, as he is facing it, while the footman has stretched his arms wide apart and is waiting behind the structure (fig. 1, 2);

2) an archer on a horseback (with a *tamga* next to him) drawing a bow; apparently, there was another slab to the right of this one, which had on it a mountain goat with an arrow in the rump (fig. 1, 3);

3) a nomadic vehicle (also with a *tamga* on its left) with a dead person lying beside it (only the legs remain); below it (on an adjacent slab) there is a crawling snake with 3-4 *tamgas* around it at the corners (fig. 1, 4);

4) another similar vehicle with horizontal shafts and a *tamga* inside; below there are two schematic figures of just killed falling people, each of which is accompanied by a *tamga* of a different size (fig. 1, 5);

5) a horse with a standard behind it stuck vertically in the ground; above it there is an *owner's tamga* and a small fish (fig. 1, 6). Four important compositions without tamgas complement them¹⁵⁰.

¹⁵⁰ They are: 6) a running deer with a fish swimming in front of it (Chapter 2, fig. 5, 5d); 7) a stylized large fish with a widely open predatory mouth (Chapter 2, fig. 5, 5b);

гурки падающих, убитых людей, каждая из которых сопровождается *тамгой* разных размеров (рис. 1, 5);

5) конь, за ним – воткнутое вертикально знамя, над ним – *тамга* хозяина и мелкая рыба (рис. 1, 6). Их дополняют четыре важных сюжета без тамг¹⁵⁰.

Кони (и всадники) всегда сопровождаются тамгой. У коней очень удлиненные крупы и заушенная вверху шея. У коней со всадниками (рис. 1, 2-3) нет ни седла, ни узды, при этом хозяева сидят на них «по-женски» (ноги по одну сторону крупа; такая посадка, впрочем, была распространена у кочевников разных эпох). Конь, стоящий без хозяина (рис. 1, 6), взнуздан, но уздечка словно свисает с неба. Особенно подчеркнута убранство коня у хозяина, собирающегося въехать в лабиринт: челка на лбу заплетена в форме «короны», на хвост надет особый чехол, на конце хвоста – серия мелких косичек. В целом кони детализированы более, нежели их хозяева, и это было вполне обычно для традиционного сознания мужчин-воинов в кочевой Степи до недавних пор (см., например: Липец, 1984. С. 124-241).

На первый взгляд, подобный перечень сюжетов с тамгами и без них при входе в храм (как и отдельные мотивы изображений) представляет собой сегодня *неразрешимый ребус* для специалистов. Отчего здесь, в краю, где нет ни одной пресной реки, а море сегодня плещется весьма далеко от этих мест, так ча-

¹⁵⁰ Это 6) бегущий олень, перед которым плывет рыба (глава 2, рис. 5, 5d); 7) стилизованная крупная рыба с хищно разинутой пастью (глава 2, рис. 5, 5b); среди 120 видов «аборигенных» видов рыб Каспийского моря это могут быть каспийский лосось, белорыбца или даже налим; 8) крупная рыба, догоняющая мелкую (щука *Esox lucius*? и окунь *Perca fluviatilis*?) (глава 2, рис 5, 5a); 9) Необычная крупная фигура рыбы, размещенная вертикально на трех смежных плитах (сохранилась центральная часть: глава 2, рис. 5, 5c). Наиболее детально и реалистично (с чешуей, плавниками) здесь изображены существа, которые в представлениях того времени связаны с водой и нижним миром (рыбы и змея). Дикие копытные (козел и олень) показаны в движении, они выглядят достаточно упитанно, рога их укорочены.

Horses (and riders) are always accompanied by a tamga. The horses have excessively long rumps and necks narrowed towards the top. The horses with riders (fig. 1, 2-3) have neither saddles nor bridles, while their masters sit on them like women usually do (with the legs on one side of the animal; this posture, however, was typical of nomads at different time). The horse without a master (fig. 1, 6) is bridled, but the bridle seems to be hanging from the sky. The horse with a rider going to enter the labyrinth is particularly detailed: the forelock on the forehead is braided in the form of a ‘crown’, the tail is clad in a special case and the tail’s tip is knitted into a number of small plaits. Generally, the horses are made in greater detail than their masters, which was quite usual for the traditional nomadic mentality of the Steppe warriors until quite recently (see e.g. Lipets, 1984. PP. 124-241).

On the face of it, this collection of themes with and without tamgas at the entrances to temples (as well as individual motifs in the images) seems an *insoluble puzzle* for specialists. Why are there so many images of fish (they were not popular as food among nomads) of various types in a land where there is not a single freshwater river and where the nearest sea can be found a long distance away, and why does it so often swim amid ungulates? The presence of a single crawling snake can be questioned in the same way (they are prolific in the surrounding desert, but nomads rarely paid them attention in their art). The ‘classical’ labyrinth also looks strange, as it very rarely occurs in the art of early Eurasian nomads. What

if we consider the 120 ‘aboriginal’ species inhabiting the Caspian Sea, it may be Caspian salmon, white salmon or even burbot; 8) a large fish chasing a small one (pike *Esox lucius* (?) and perch *Perca fluviatilis* (?)) (Chapter 2, fig. 5, 5a); 9) an unusually large figure of a fish placed vertically on three adjacent slabs (with the central part alone extant: Chapter 2, fig. 5, 5c). The most detailed and realistic (with scales and fins) are creatures that at that time were associated with the concepts of the water and underworld (fish and snake). Wild ungulates (goat and deer) are moving; they are quite fat and have shortened horns.

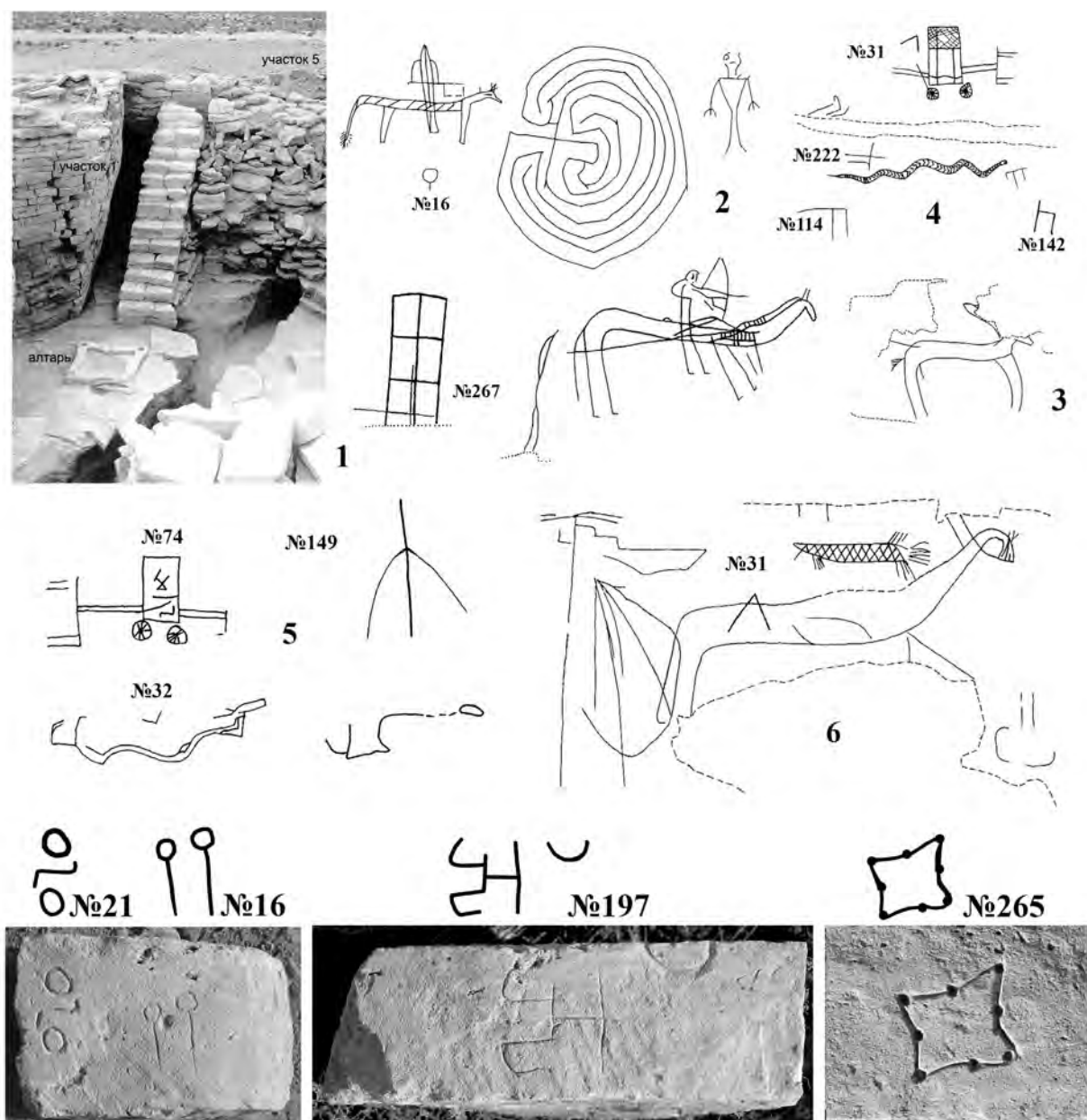

Рис. 1. Участок 5 с тамгами и сюжетными изображениями при входе в храм Байте III (плато Устюрт): 2-6 – по С.А. Яценко; 1, 7-9 – фото А.Е. Астафьева

Fig. 1. Section 5 with tamgas and subject images at the entrance to Bayte III temple (Ustyurt Plateau): 2-6 – after S. A. Yatsenko; 1, 7-9 – photos by A. E. Astafiev

сто гравировались рыбы разных видов (которых кочевники обычно не слишком жаловали как пищу), и почему они часто как бы плавают среди копытных? Тот же вопрос может касаться и одиночной ползущей змеи (их в окрестной пустыне, напротив, много, но им номады в своем искусстве очень редко уделяли внимание). Странно выглядит и «классический» лабиринт, практически не известный в искусстве ранних

is the purpose of the vertical standard (which is, moreover, beside a horse without a rider) and the standard in the hands of a horseman entering the labyrinth?

However, we are quite optimistic about the logic of these themes and their combination. Given the *Sarmato-Alanian character* of a large portion of personal tamgas left by the late visitors of the temple (see Chapter 2), the ideas

кочевников Евразии. Для чего здесь нужно стоящее вертикально знамя (при этом без хозяина, но с конем), как и знамя в руках у въезжающего в лабиринт всадника?

Однако мы настроены оптимистично относительно выявления логики этих сюжетов и самого их набора. Учитывая *сармато-аланский характер* значительной части личных тамг поздних посетителей храма (см. главу 2), можно вполне уверенно использовать для реконструкции круга сюжетов представления о смерти, погребальной и поминальной обрядности и посмертном существовании, которые сохранялись еще на рубеже XIX-XX веков в архаичной *алано-осетинской языческой традиции* в Центральном Предкавказье. Во многих случаях надежно установлена прямая преемственность погребально-поминальной обрядности за 2 тысячи лет от сарматов к языческим осетинам (см., например: Яценко, 1998).

Прежде всего, две изображенные *повозки* здесь, в предполагаемом месте почитания предков, ассоциировались, вероятно, с доставкой умерших в иной мир, как это было характерно и для греко-сарматских могил боспорского Пантикапея (там сами хранилища пепла умерших во II-III веках были подчас оформлены как скульптурные изображения сарматских кибиток); см. также изображение на надгробии из сильно сарматизованного Танаиса того же времени (Яценко, 1994. Рис. 1-2)¹⁵¹. В нашем случае такая повозка каждый раз помечена тамгой и сопровождается фигурами лежащих 1-2 умерших (на одной из плит они оба тоже сопровождаются своими тамгами). *Стоящий конь*, помеченный тамгой, с уздечкой, но без седла, рядом с воткнутым знаменем, также хорошо вписывается в соответствующие алано-осетинские ритуалы. Думается, речь идет о знаменитом символическом обряде посвящения коня покойному «бахфалдесун» (Миллер, 1881. С. 132-133). То, что уздечка коня натянута откуда-то сверху, от невидимого нам (не-

about death, burial and funeral rituals and life after death, which survived until the early 20th century in the archaic *Alano-Ossetian heathen tradition* in the Central Ciscaucasia, can quite be used to reconstruct this series of themes. In many cases it was reliably established that pagan Ossetians inherited the burial and funeral rituals directly from the Sarmatians that lived 2,000 years before (see e.g. Yatsenko, 1998).

The two *vehicles* depicted in the place of the supposed worshipping of ancestors were, probably, associated with the delivery of dead people into the Other World, which was also characteristic of the Greko-Sarmatian graves of Bosporan Panticapaeum (where receptacles for dead people's ashes in the 2nd-3rd centuries were made in the form of sculptural nomadic vehicles); see also the image of a cart on a burial stone of the same period from heavily Sarmatized Tanais (Yatsenko, 1994. Figs. 1-2)¹⁵¹. In our case every cart is marked with a tamga and accompanied by 1-2 lying figures of dead people (on one of the slab each figure of this type is accompanied by a tamga). A *standing horse* with a tamga and bridle but without a saddle, standing next to a standard stuck in the ground, also quite corresponds with related Alani-Ossetian rituals. We suppose that it refers to 'bakhfaldesun', the famous symbolic ritual of dedicating a horse to a dead person (Miller, 1881. PP. 132-133). The horse's bridle pulled at from somewhere above, from an invisible (heavenly?) master may also be associated with this ritual (as to travel to the underworld a dead person needed to catch a horse on Kurys, a heavenly meadow belonging to Mitra – 'Ustyrji'). The *standard* stuck next to the horse is probably the equally famous 'sau tarysa' burial standard (it was put together with the wedding one into the burials of the 'royal' barrow of the 1st century AD

¹⁵¹ То же относится и к реальной, но более древней повозке, помещенной в курган 5 Пазырыка в российском Алтае, IV-III вв. до н.э., и к ряду других их изображений (Горячев, Яценко, Егорова, 2016. С. 368. Рис. 4).

¹⁵¹ The same refers to a real cart found in barrow 5 of Pazyryk in Russian Altai, which is more ancient and dated to the 4th-3rd century BC, as well as to a number of its images (Goryachev, Yatsenko, Egorova, 2016. P. 368. Fig. 4).

бесного?) хозяина, тоже, возможно, связано с этим ритуалом (ведь коня для загробного путешествия умерший должен поймать на небесном лугу Курыс, принадлежавшем Митре-«Уастырджи»). Воткнутое рядом с конем *знамя*, видимо, является не менее знаменитым поминальным знаменем «сау тырыса» (его помещение, наряду со свадебным, в погребения зафиксировано в «царском» кургане I века н.э. Дачи у г. Азов) (Yatsenko, 2001). Его же, думается, мы видим в руках въезжающего в лабиринт всадника. Миниатюрное изображение похожего знамени есть и среди гравировок посетителей во внутреннем дворике храма на участке 1 (оно частично перекрыто более поздними тамгами) (глава 2, рис. 3, правый нижний). Изображение рядом с погребальной повозкой *ползущей змеи*, вероятно, связано с одним из самых популярных в алано-осетинском язычестве представлений о том, что только змеи умеют находить падающую, якобы, изредка с неба волшебную «бусину счастья» («цыкурайы фæрдыг»), которая умеет оживлять (в том числе и на время) умершего в могиле. Человеку остается лишь отнять такую бусину (которая после своего волшебного применения бесследно исчезает) (Яценко, 2016. С. 41). Интересно, что единственное изображение змеи (рис. 1, 4) имеет по краям (со стороны головы и хвоста) по две тамги (правая из них плохо читается, но остальные три встречены *и в других* частях храма, то есть знаки нанесены *неоднократными* посетителями). Относительно *охоты лучника на копытное* (в т.ч. в степи) вспомним, что в алано-осетинском эпосе это один основных способов попадания героя в иной мир (чаще – подводный)¹⁵².

Наличие большого числа образов разных *рыб* (универсальных маркеров нижнего мира во многих культурах) в нашем случае объяснить, на первый взгляд, просто. Ведь до заметного усыхания Каспия в 1950 году святилище Байте располагалась всего в 25 км от моря, у

in Dachi near Azov town) (Yatsenko, 2001). Obviously, the rider entering the labyrinth is holding the same standard in his hands. There is also a miniature image of a similar standard among the engravings the visitors left in the inner courtyard of the temple on site 1 (it is partially covered with later tamgas) (Chapter 2, fig. 3, right bottom). The image of a *crawling snake* next to the funeral cart is probably associated with one of the most popular beliefs in Alano-Ossetian paganism that only snakes know how to find the magic ‘bead of happiness’ (‘tsykuraiy fæerdyg’) falling from the sky, which, from time to time, knows how to resurrect (also temporarily) a dead person in a grave. All the person has to do is take away this bead (which, after its magical application, disappears without a trace) (Yatsenko, 2016. P. 41). It is interesting that the only image of a snake (fig. 1, 4) has two tamgas on each side (at the head and tail) (the right one is difficult to read, but the other three are also found *in other* parts of the temple, too, which means that the signs are made by visitors that came to the temple *several times*). As for the *archer hunting for ungulates* (in a steppe as well), it is necessary to keep in mind that in an Alano-Ossetian epic this is one of the main ways of getting the hero into the Other World (mostly underwater)¹⁵².

The large number of images of *fish* of various types (universal markers of the lower world in many cultures) is quite explicable on the face of it. Indeed, until the Caspian Sea shrank noticeably in 1950, the Bayte sanctuary was located only 25 km from the seashore, near Kaydak Bay. In addition, even at the turn of the 20th century ethnographers recorded the unusually large role of the fish diet in the nomadic groups that used to winter along the eastern, deserted shore of the Caspian Sea (see Karutz, 1911). It is also important that, ac-

¹⁵² См. сюжеты «волшебной охоты» Ахсартага или Сослана на копытное, которое оказывается богиней, увлекающей героя в иной мир (Яценко, 1992. С. 77).

¹⁵² See the scenes of Akhsartag’s or Soslan’s ‘magic hunting’ after an ungulate, which turns out to be a goddess enticing the hero into the other world (Yatsenko, 1992. P. 77).

залива Кайдак. Кроме того, еще на рубеже XIX-XX веков этнографы отмечали необычно большую роль рыбного рациона именно у тех кочевых групп, чьи зимовки находились вдоль восточного, пустынного берега Каспия (см.: Карутц, 1911). Представляется важным и тот факт, что в архаичном праздничном языческом календаре осетин зимой важный праздник водных божеств «Доныскъæфæн» традиционно был увязан и шел непосредственно перед еще более важным днем всеобщего поминовения мертвых «Мæрдты бадæн»¹⁵³. Образы рыб еще в скифское время широко бытовали на металлических изделиях соседнего Южного Зауралья, часть из которых имела небытовое значение (особые сосуды и др.) (Королькова, 2006. С. 37. Табл. I). У входа в байтинский храм рыбы представлены только в двух достаточно своеобразных ипостасях. Во-первых, когда копытное (олень или конь) почему-то сопровождаются плывущей перед ними или выше небольшой рыбой (скорее всего, это символизирует преодоление водной преграды, но какой? ведь рек в регионе нет, а в море копытные не плавают) (рис. 1, б; глава 2, рис. 5, 5d). Во-вторых, рыбы представлены как поглощающие существа, убийцы. Это огромная рыба с широко разинутой пастью (глава 2, рис. 5, 5b)¹⁵⁴ или также крупная рыба, преследующая мелкую (глава 2, рис. 5, 5a). Таким же монстром, видимо, выглядела крупная рыба, представленная вертикально (для ее изображения пришлось использовать три смежные плиты) (глава 2, рис. 5, 6).

¹⁵³ См. (Уарзиати, 1995. С. 45-46). Заметим, что в наиболее архаичных пластах осетинского нартского эпоса многие главные герои живут или путешествуют на дне моря; они сами отчасти – потомки подводного царя; у осетин, веками замкнутых в высоких горах, парадоксально сохранились особые термины для таких морских животных, как дельфин и т.п. (Дзиццойты, 1992. С. 134-137).

¹⁵⁴ Интересно, что эта рыба-монстр сплошь заштрихована («убита»?) поперечными вертикальными полосами, подобно знамени на участке 1 стен дворика (перед тем, как поверх него стали наносить более поздние тамги люди иной культуры) (глава 2, рис. 3, правый нижний).

According to the ancient Ossetian pagan holiday calendar, ‘Donyskæfæn’, an important holiday of water deities, was traditionally linked to and went directly before Mærdty badæn, an even more important day when all dead people were commemorated¹⁵³. Even in the Scythian time images of fish were widely found on metal articles in the neighboring territory of the south of the Trans-Ural region, some of which were not of an everyday use (special vessels and others) (Korolkova, 2006. P. 37. Pl. I). At the entrance to the Bayte temple the fish is presented only in two relatively specific variants. In the first case a hoofed animal (deer or horse) is for some reason accompanied by a small fish swimming in front of or above it (most likely, it symbolises overcoming an aquatic barrier, but what kind of one? There are no rivers in the region, and ungulates cannot swim in a sea) (fig. 1, 6, Chapter 2, Fig. 5, 5d). In the second case the fish is shown as consuming creatures, as killers. This is a huge fish with a widely open mouth (Chapter 2, Fig. 5, 5b)¹⁵⁴ or this is also a large fish chasing a small one (Chapter 2, fig. 5, 5a). The vertical fish was, probably, a monster of the same kind (three adjacent slabs were used to depict it) (Chapter 2, fig. 5, 6).

As for the *labyrinth* (traditionally associated with the passage to the other world), there is only one known image made by early Eurasian nomads, in particular, by the Sarmatians not far from the Ustyurt Plateau (to the north of it), on a rock in the Telebulak area, on the bank of the Zhem River (the Ural’s southernmost tributary) (Samashev, 2006. Fig on P. 117). Labyrinths of this type are also known to have

¹⁵³ See Uarziati, 1995. PP. 45-46). Many of the main characters in the most ancient Nart Ossetian epics live or travel on a sea bottom; they are in part descendants of the underwater king; the Ossetians who have lived for centuries isolated by high mountains, have paradoxically retained specific terms for a number of marine animals such as dolphin and others (Dzitsoity, 1992. PP. 134-137).

¹⁵⁴ Interestingly, the monstrous fish is covered all through with transverse vertical lines (‘killed?’), and so is the standard in section 1 on the walls of the court (before people from a different culture began to make *tamgas* on top of it in a later period) (Chapter 2, fig. 3, right bottom).

Что касается *лабиринта* (традиционно связываемого с попаданием в иной мир), то единственное для ранних кочевников Евразии его изображение встречено у тех же сарматов, причем поблизости (к северу) от края Устюрта – на скале в местности Телебулак, у р. Жем (дальнего южного притока р. Урал) (Самашев, 2006. Рис. на с. 117). Лабиринты такой формы позже известны у средневековых аланов в IX-X веках (петроглифы практически лишенного жилых комплексов нижнего Кяфарского городища) и встречается в искусстве потомков сармато-аланов – осетин и их соседей до XIX века (например: Аржанцева, Албегова, 1999. С. 183-200; Тменов, 2005. Рис. 76). В осетинском эпосе в лабиринте скрывается выходец из нижнего мира Сырдон.

У входа в храм была обнаружена серия из 16 *знаков-тамг* 13 типов (принадлежавших разным кланам посетителей). Часть из них не сопровождали сюжетные композиции, а располагались отдельно, на особых плитах (рис. 3, 4-6). Создается впечатление, что каждая «наиболее ответственная» сюжетная композиция у входа в храм (с включением людей или знамен) была создана представителями определенного клана/семьи и *обязательно* помечалась клановой тамгой (это необычно для сюнну-сарматской эпохи кочевого мира). Так, все сцены с антропоморфными персонажами сопровождаются как минимум одной родовой эмблемой-тамгой, которая в одних случаях находится слева от основного объекта, в других (на предполагаемых изображениях умерших) – над и под их фигурами.

Сами типы тамг и их размещение довольно информативны. Прежде всего, знак №16 известен из многочисленных скоплений на территории храма только здесь, у входа. Он представлен не только у фигуры въезжающего в лабиринт (рис. 1, 2), но и дважды на отдельной плите (рис. 1, 7), как маркер участия двух представителей того же клана в важном ритуале; скорее всего, эти знаки имеют прямое отношение к сцене с лабиринтом и гравированы для поминовения одного и того же человека. Не менее интересен для нас знак №31 («Λ»), ко-

been made by the medieval Alans in the 9th-10th centuries (petroglyphs on the lower Kiafar fortress with very few residential complexes) and are also found in the art of the descendants of the Sarmato-Alans – the Ossetians and their neighbours up until the 19th century (e.g. Arzhantseva, Albegova, 1999. PP. 183-200; Tmenov, 2005. Fig. 76). According to the Ossetian epic, Syrdon, a visitor from the Underworld, is hiding in a labyrinth.

Next to the entrance to the temple there was a series of 16 *tamga signs* of 13 types (made by different clans that visited the place). Some part of them did not accompany descriptive compositions but were placed separately, on special slabs (fig. 3, 4-6). There is an impression that each of the ‘most important’ compositions at the entrance to the temple (with people or standards) was created by representatives of a certain clan/family and *necessarily* was marked with a clan tamga (which was unusual for the nomadic world of the Xiongnu-Sarmatian period). So each of the scenes with anthropomorphic images are accompanied by at least one family emblematic tamga, which in some cases is to the left of the central object, in others (on the supposedly dead people) over or under their figures.

The types and positions of the tamgas are quite informative. Among the several accumulations throughout the temple's territory the one at the entrance is the only one with sign No. 16. It can be found not only next to the figure of the horseman entering the labyrinth (fig. 1, 2), but also twice on a separate slab (fig. 1, 7), marking the participation of two representatives of the same clan in an important ritual; in most probability, these signs are directly connected with the labyrinth scene and engraved in commemoration of one and the same person. Sign No. 31 (Λ) marking two of the important scenes in this section – one of those with a cart and with the horse and standard – is of no less interest for us (fig. 1, 4, 6). There is one more copy of this sign outside the temple – on one of the 35 statues of warriors forming an arc. The third interesting tamga, No. 142 («h») (fig.

торый маркирует здесь две важные сцены – с одной из повозок и коня со знаменем (рис. 1, 4, б). Этот знак встречен еще раз, но вне храма – на одной из стоявших дугой 35 каменных статуй воинов. Третья любопытная для нас тамга №142 («h») (рис. 1, 4) изображена в композиции с упомянутой повозкой и вторично также представлена на статуе воина (его изваяние – единственное, оказавшееся *внутри* храмового двора, видимо, при сооружении впускного погребения знатного воина, вскоре ограбленного; она найдена в грабительском лазе).

Итак, мы можем с высокой долей вероятности утверждать, что небольшое скопление поздних (около рубежа н.э.) изображений у внешнего входа в кочевнический храм Байте III отражало (в соответствии и с первоначальным назначением всего святилища) комплекс сармато-аланских представлений о погребально-поминальной обрядности (посвящение коня умершему; особое поминальное знамя; две подготовленные к дальней поездке повозки и один-два умерших рядом; змея с вероятной оживляющей «бусиной счастья»; всадник, собирающийся въехать в лабиринт; вероятная сцена «волшебной охоты» лучника). Эти изображения сделаны разными посетителями и с разной степенью мастерства и реализма, они не образовывали единой продуманной композиции. Вместе с тем, специфические, неоднократно повторяющиеся общие черты в оформлении сходных животных (водных, лошадей, диких копытных), «движение» всех персонажей вправо, ко входу в храм, и другие детали говорят нам о едином круге представлений, отразившихся в происходивших здесь ритуалах, которыми руководствовались сарматские посетители. Здесь представлены как знаки, идентичные сарматским I-II веков (№16 – 5/51, №31 – 5/18, оба гравированы дважды), так и близкие им (№267 – X/758) (система сокращений ссылок – по главе 2).

Знаки из сакральных центров древнего Хорезма

Основные сакральные центры этого государства *небогаты* находками артефактов со

1, 4), forms a part of the mentioned composition with vehicle and also can be found on a statue of a warrior (which is the only sculpture found *inside* the temple court; apparently, it was brought there when the undercut grave of a noble warrior was made; the grave was soon robbed and the statue was found in the robbers' passage).

So it is very probable that the small cluster of later (about the turn of the Common Era) images at the outer entrance to the nomadic temple Bayte III reflected (in accordance with the sanctuary's initial purpose) the complex of the Sarmato-Alanian ideas about burial and funeral rituals (dedication of a horse to a dead person; a special funeral standard; two vehicles prepared for a long trip and one or two dead persons at their side; a snake with a supposed resurrecting 'bead of happiness'; a horseman going to enter a labyrinth; a possible scene of an archer's 'magic hunt'). All these images were made by various visitors with varying level of technique and degree of realism and did not form a single thought out composition. At the same time, the specific common features found in similar animals (aquatic ones, horses and wild ungulates), the rightward (to the temple's entrance) 'movement' of all the creatures and other elements indicate that there was a uniform set of ideas reflected in the rituals performed in the temple, which the Sarmatian visitors used as a guide. The section contains signs identical (No. 16 – 5/51, No. 31 – 5/18, both were engraved in two copies) and close (No. 267 – X/758) to 1st-2nd-century Sarmatian ones (the reference abbreviation system conforms with Chapter 2).

Signs in the sacral centers of ancient Khorezm

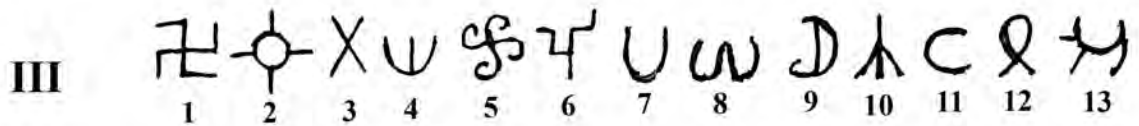
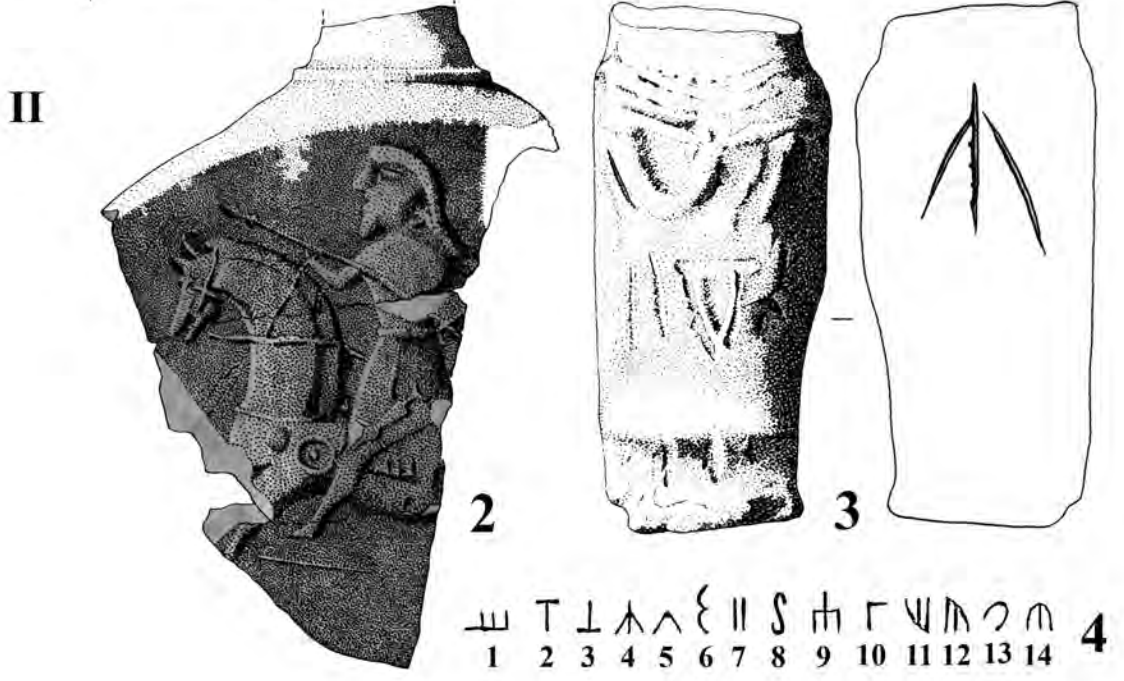
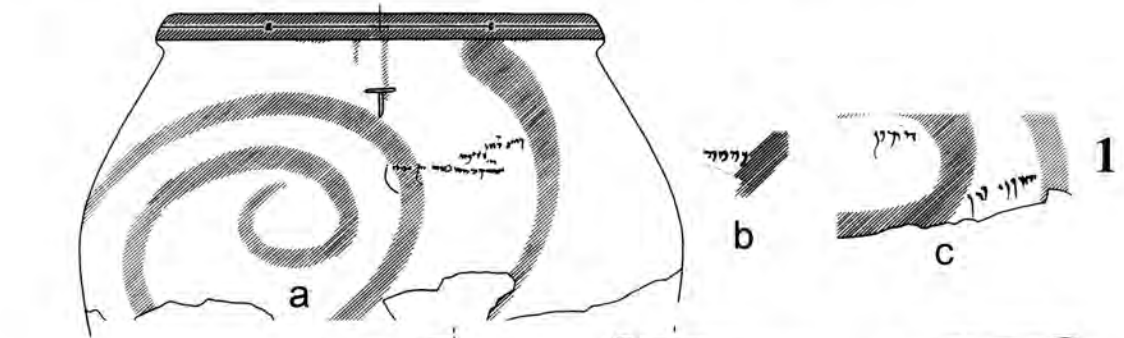
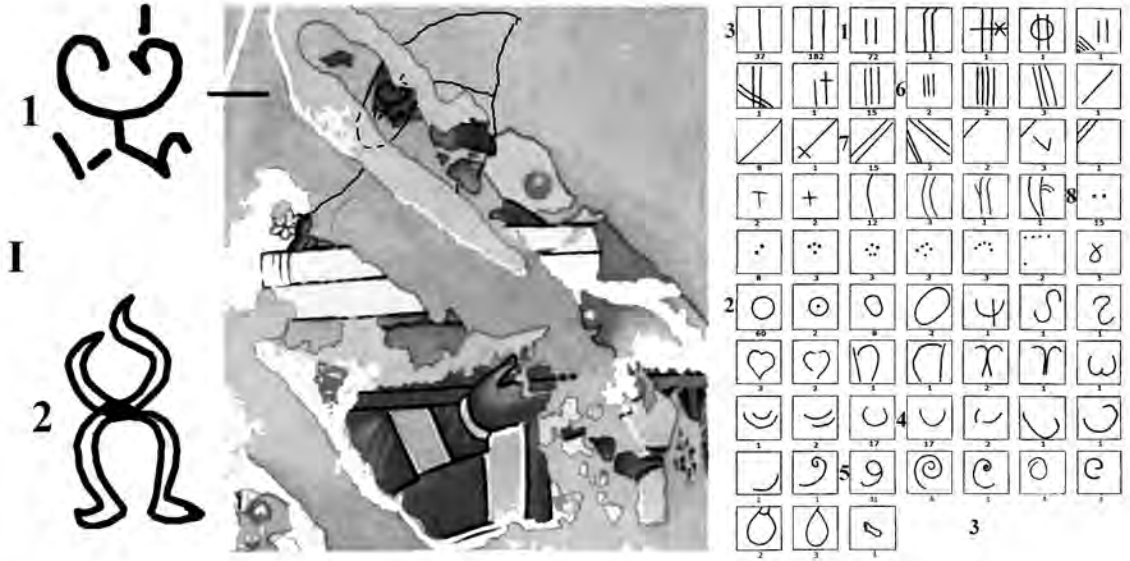
The main sacral centers of this state are *not rich* in artifacts with signs. Probably, this is somehow connected with the specifics of the implementation of state cults in Khorezm in comparison with their easterly neighbours, namely, with the absence of a pronounced tradition of offering gifts to a deity in a dish marked

знаками. Вероятно, это как-то связано с особенностями реализации государственных культов Хорезма по сравнению с восточными соседями, а именно – с отсутствием выраженной традиции подносить божеству дары в посуде, меченной знаком. К наиболее важным из них относится стоящее на возвышенности *городище Калалыгыр 2* (IV-II века до н.э.), находившееся в начале Присаракамышской дельты Амударьи на ее левобережье. Здесь выявлено несколько разнотипных культовых объектов. В этом комплексе представлено всего 14 типов знаков (рис. 2, II, 4). Здесь метки в единичных случаях отмечали фляги (в том числе изображались на левом боку лошади) (рис. 2, II, 2 и 4 (№№ 1, 7)), тыльную сторону терракотовых фигурок богинь (рис. 2, II, 3-4 (№№ 4, 6)). Особенно интересна сохранившаяся во вторичном использовании верхняя часть хума для хранения сокровищ. Здесь тремя участками сделана надпись «Серебряные монеты, те же самые (?), среди гемм» (Калалыгыр 2, 2004. С. 194. Рис. 6/4) и нанесена тамга «Т» (рис. 2, I, a-c; II, 4, №2). Из типов сосудов в нескольких случаях знак наносился на фляги (№№ 1, 7), кувшины (№№ 3, 7), кратеры (№№ 9, 10), миниатюрные кувшинчики (№№ 8, 14), а также на крышки от сосудов (№№ 2, 5, 12). Единичны находки знака на хуме (№2), миске (№11) и тагоре (№13). Некоторые знаки здесь встречены неоднократно (№2 – на хуме для сокровищ и на крышке; №7 – на фляге и на кувшине). Показательно использование знаков в зеркальном отражении (№№ 2 и 3, 11 и 12).

Еще меньше знаков представлено в более позднем (II-III века н.э.) *Высоком дворце на Топраккала* на правобережье Амударьи, у подножья гор Султануиздаг, который был под конец заброшен. Высокий дворец был и сам окружен сакральной частью города (храмом огня в цитадели и храмовым кварталом), находясь в его северо-западном углу. Он был сооружен на квадратной платформе высотой в 14 м, со сторонами около 90 м (Топрак-кала, 1984. С. 13. Рис. 2-4). Для строительства Высокого дворца потребовалось несколько десятков миллионов сырцовых кирпичей (к сожалению, их

with a sign. The most important of them is the elevated *hillfort Kalalygyr 2* (4th-2nd centuries BC) located in the beginning of the Sarakamysh delta of the Amudarya River, on its left bank. There are several different types of religious objects. In this complex there are only 14 types of signs (Fig. 2, II, 4). Some single marks were found on flasks (some were recorded on the left side of a horse) (Fig. 2, II, 2 and 4 (Ns. 1, 7)) and on the back sides of terracotta figurines of goddesses (Fig. 2, II, 3-4 (Ns. 4, 6)). The upper part of a khum which was preserved for secondary use to store treasures is of special interest. The fragment of the vessel was covered with the inscription 'Silver coins, the same ones (?), among cameos' (Kalaly-gir 2, 2004. P. 194. Fig. 6/4), which was divided into three sections, and had a tamga in the form of T (fig. 2, I, a-c; II, 4, No. 2). The types of vessels a sign was recorded several times on were flasks (Ns. 1, 7), jugs (Ns. 3, 7), craters (Ns. 9, 10), tiny jugs (Ns. 8, 14) and lids from vessels (Ns. 2, 5, 12). Single vessels with signs were a khum (No. 2), basin (No. 11) and tagora (No. 13). Some sign types were recorded numerously (No. 2 – on the khum for treasures and on a lid; No. 7 – on a flask and jug). Some signs had mirror-reflected copies (Ns. 2 and 3, 11 and 12).

Signs are even fewer in the later (2nd-3rd centuries) *High Palace in Toprakkala* on the right bank of the Amudarya, at the foot of the Sultanuzdag Mountains, which was finally abandoned. In its turn, the High Palace was situated in the north-western corner of the city and was surrounded by a number of sacral structures (a temple of fire in the citadel and a temple quarter). The building stood on a square platform 14 m high with the sides 90 m long (Toprak-kala, 1984. P. 13. Figs. 2-4). Several dozens of millions of mud bricks were used in the construction of the High Palace (unfortunately, the researchers of the monument only analysed the total quantity in the entire city). There were a total of 55 types of marks recorded in the place (with 11 other types being ver-

совокупность рассматривалась исследователями памятника в целом для всего города). Всего здесь встречено 55 типов меток (еще 11 форм являются лишь вариантами написания остальных) (ср. там же. С. 22. Рис. 7). По мнению Ю.А. Рапопорта, здесь представлены фактически все виды знаков на кирпичах в Хорезме того времени, что означало периодическую мобилизацию на строительство работников со всей страны. Помечено было большинство кирпичей преобладающего типа – квадратных. Возможно, эпизодически такие поэтапные «мобилизации» действительно производились, но на деле 63% меченых кирпичей дают всего два простейших типа меток (с одной или двумя продольными линиями), иными словами, на этой гигантской стройке работали, прежде всего, люди с двумя близкими простейшими знаками («работники дворцового ведомства») (Там же) (рис. 2, I, 3: сравнительно многочисленные 6 других типов помечены крупными цифрами). Знаки на керамике во Дворце представлены одним экземпляром (!) – на хуме из помещения 91 (Там же. С. 237. Рис. 97, 27) (рис. 2, I, 2). Еще одно изображение знака весьма необычно: на стенной росписи в помещении 24 у человека, несущего в руках свитки рукописей, на правом нижнем углу высокого красного

sions of some of them) (cf. *ibid.* P. 22. Fig. 7). According to Yu. A. Rapoport, almost all signs on bricks used in Khorezm at that time are represented on this site, which may indicate that workers from all over the country were from time to time brought to the building site. Most of the bricks of a prevailing type – square ones – were marked. It is possible that at some stages the workers, indeed, were involved in the construction, but in reality 63% of all marked bricks have on them signs of only two simplest types (with one or two lengthways lines), which means that most of the workers were people using two similar simple-form sign types (were specially assigned for the building) (*Ibid.*) (fig. 2, I, 3: 6 other types, quite numerous as well, were marked with large figures). Only one (!) pottery item marked with a sign was found in the palace; it was a khum from room 91 (*Ibid.* P. 237. Fig. 97, 27) (fig. 2, I, 2). One of the signs is quite extraordinary: a man carrying scrolls in his hands on a mural in room 24 has a tall red headdress, in the right bottom corner of which there is a fragmentary tamga clearly belonging to one of the Khorezmian kings (*Ibid.* P. 98. Colour pl. III) (fig. 2, I, 1).

Рис. 2. Сакральные центры Древнего Хорезма (I-II) и знаки на хорезмийской керамике IV в. до н.э. – III в. н.э. из курганных могильников скотоводов в районе Присарыкамышской дельты Амударьи (III). I – Топраккала, Высокий дворец: 1 – тамга на головном уборе несущего свитки, помещение 24 (Топраккала, 1984. Цв. табл. III); 2 – хум из помещения 91 (второй период); (Там же. С. 237. Рис. 94, 27); 3 – знаки на кирпичах (Там же. С. 22. Рис. 7); II – Калалы-гыр 2: 1 (а-с) – хум для сокровищ, раскоп 1/2, помещение 10 (Калалы-гыр 2, 2004. Рис. 6/4); 2 – фляга с изображением всадника (Там же. Рис. 7/15); 2 – терракотовая фигурка богини с тамгой (Там же. Рис. 5/10); 4 – типы знаков в святилище Калалыгыр 2; III – знаки на керамике из курганных некрополей Присарыкамышской дельты: 1-2 – Тарым-кая 1; 3-6 – Тарым-кая 2; 7-10 – Ясы-гыр-4; 11-13 – Сакар-гача 3, курган 8 (знаки на кирпичах)

Fig. 2. Sacral centres in ancient Khorezm (I-II) and signs on Khorezmian pottery of the 4th century BC–3rd century AD from the barrow necropolises of nomadic communities in the Sarykamysh Delta of the Amudarya (III). I – Toprak-kala, High Palace: 1 – tamga on the headdress of a person carrying scrolls, room 24 (Toprak-kala, 1984. Colour table III); 2 – khum from room 91 (second period); (*Ibid.* P. 237. Fig. 94, 27); 3 – signs on bricks (*Ibid.* P. 22. Fig. 7); II – Kalaly-gyr 2: 1 (a-c) – khum for treasures, excavation trench 1/2, room 10 (Kalaly-gyr 2, 2004. Fig. 6/4); 2 – flask with an image of a horseman (*Ibid.* Fig. 7/15); 2 – terracotta figure of a goddess with a tamga (*Ibid.* Fig. 5/10); 4 – sign types in the Kalaly-gyr 2 sanctuary; III – signs on ceramics from the barrow necropolises of the Sarykamysh delta: 1-2 – Tarym-kaya 1; 3-6 – Tarym-kaya 2; 7-10 – Yasy-gyr-4; 11-13 – Sakar-gacha 3, barrow 8 (signs on bricks)

головного убора представлена не полностью сохранившаяся тамга, явно принадлежавшая одному из хорезмийских царей (Там же. С. 98. Цв. табл. III) (рис. 2, I, 1).

Хорезмийская керамика со знаками в некрополях соседей-скотоводов

Типичным примером такого рода можно считать курганные могильники номадов IV века до н.э. – V века н.э. в глубине Присарыкамьшской дельты Амударьи, по ее южному краю (Яблонский, 1999). Знаки прочерчены до обжига, однако это еще не означает, что хорезмийские гончары (обильно и систематически снабжавшие скотоводческую периферию керамикой) не могли ставить заранее знаки соседей-заказчиков. Во всяком случае, как раз те из здешних знаков, которые имеют точные аналогии на поселениях собственно Хорезма (рис. 2, III, №№ 1, 3, 4, 7, 8, 10, 12, то есть около половины наличных типов), относятся к простым формам, распространенным в ряде регионов Средней Азии.

В наиболее долго функционировавшем некрополе *Тарым-кая 1* (где ядро образовывали раннесакские курганы, окруженные более поздними – с подбоями и иногда катакомбами) количество посуды со знаками было, напротив, минимальным. Здесь в могиле 7 кургана 18 на внутреннем днище оссуария представлена метка №2. Свастика на крышке горшка-оссуария (№1) в кургане 16 могла быть в данном случае и тамгой, и солярным символом (в этих могильниках на крышках часто наносили простой крест).

Могильник Тарым-кая 2 довольно большой и состоял только из захоронений костей в оссуариях под курганом (№№ 3-6). Интересно, что здесь все три кургана, где встречены знаки, находятся в самом центре и вплотную друг к другу (в пределах 20 м) (Яблонский, 1999. Рис. 75). В кургане 25 знак №3 нанесен на плечико горшка-оссуария. В кургане 31 они найдены как на оссуарии-хумче из центральной могилы 1 (№6), так и на торце оссуария на ножках в могиле 4 на западном краю (№5). В кургане 32 знак №4 нанесен на днище горшка.

Khorezmian pottery with signs in the necropolises of neighbouring nomadic communities

These are exemplified by nomadic burial mounds of the 4th century BC-5th century AD deep into the Sarykamysch delta of the Amudarya, along its southernmost extremity (Yablonsky, 1999). The signs are scratched prior to baking, which, however, does not mean that Khorezmian potters (who regularly provided peripheral cattle breeding areas with ample ceramics) could not put the marks of customers from neighbouring territories beforehand. All in all, those of the local signs that have identical analogues on sites within Khorezm (fig. 2, III, Ns. 1, 3, 4, 7, 8, 10, 12, that is, around half of the recorded types) are simple forms common in a number of Central Asian regions.

The longest living *Tarym-kaya 1 necropolis* (where the core was formed by early Saka mounds surrounded by later ones – undercut and sometimes with catacombs) has, on the contrary, the smallest number of vessels with signs. So, mark No. 2 was found on the inner bottom of an ossuary from grave 7 of mound 18. A swastika on the lid of an ossuary pot (No. 1) from mound 16 was a tamga and a solar symbol at the same time (a simple cross was often put on lids in these burial grounds).

The Tarym-kaya 2 cemetery was quite large and its mounds contained only ossuaries with bones (Ns. 3-6). It is interesting that here all three burial mounds with signs are located in the centre close to each other (within 20 m) (Yablonsky, 1999. Fig. 75). In mound 25 sign No. 3 is placed on the shoulders of an ossuary pot. In mound 31 they were recorded both on an ossuary khumcha from central grave 1 (No. 6), and on the short side of an ossuary on legs from grave 4 in the western edge (No. 5). Sign No. 4 from mound 32 was made on the bottom of a pot.

In the Sakar-gacha 3 necropolis (3rd-1st centuries BC) all signs were recorded in single undercut grave 2 of barrow 8. They were made on mud bricks that blocked the way to the undercut area with a dead person and consisted

В некрополе *Сакар-гача 3* (III-I века до н.э.) все знаки происходят из единственной подбойной могилы 2 кургана 8. Они нанесены на сырцовые кирпичи, закрывавшие вход в подбой с умершим и представляющие всего три типа (количество семей или представителей кланов, участвовавших в погребении) (рис. 2, III, №№ 11-13).

Самый поздний из рассматриваемых некрополь *Ясы-гыр-4* состоял всего из трех курганов IV-V веков н.э. (№№ 7-10). Три из четырех знаков встречены в кургане 1 (содержавшим 28 разнотипных захоронений), в могилах у его западного края. В погребении 3 знак представлен на крышке сосуда (№8), в погребении 4 – на крышке оссуария (№9) и в могиле 10 – на горшке (№10). В соседнем кургане 3 в могиле 5 один и тот же знак №7 был нанесен дважды на один сосуд – на плечико горшка и на его крышку.

Следы дальних миграций?

Скала Айгыр Ушкан (старое название местонахождения – скала Калмак-Кырган) со скоплением шести тамг находится в современной Карагандинской области, примерно в 130 км к югу от г. Караганды, к юго-востоку от верховьев протяженной с СВ на ЮЗ соленой реки Сарысу, в высокой части Казахского мелкосопочника, где-то в районе горы Конысбай (1041 м) (см. карту: Самашев, 2006. С. 11. №7). Первоначальная публикация изображений связана с очень неточной зарисовкой из личного архива известного русского археолога А.А. Спицина (Институт истории материальной культуры РАН. Фонд 5. № 311. Лист 180) (Соломоник, 1959. С. 19. Рис. II) (рис. 3, V, 1). Довольно удачное фото плоскости скалы с несколькими «сарматоидными» знаками было сделано затем известным казахским археологом А.Х. Маргуланом (Самашев и др., 2010. Рис. 14) (рис. 3, V, 2). Интересно, что здесь два сложных знака, поставленные рядом и параллельно (№№ 1, 2), представляют собой зеркально отраженные (верх-низ) варианты. Интересен знак №6, окруженный четырьмя точками. Для выяснения датировки и культур-

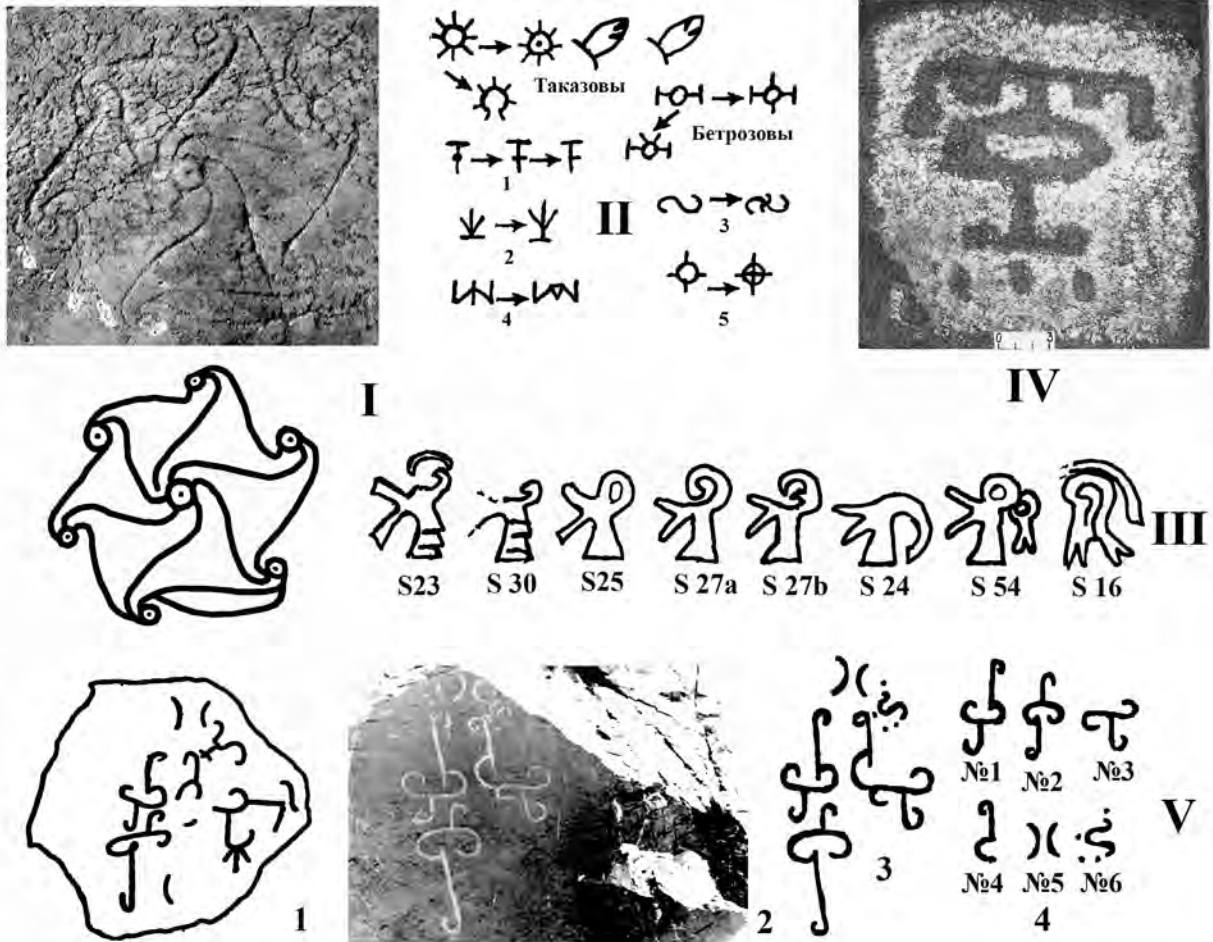
of only three types (the number of families or representatives of clans taking part in the burial) (fig. 2, III, Ns. 11-13).

The latest of the studied monuments is the *Yasy-gyr 4* necropolis consisting of only three barrows of the 4th-5th centuries AD (Ns. 7-10). Three of the four signs were found in mound 1 (with 28 burials of different types), in graves at the western edge. In grave 3 the sign was made on the lid of a vessel (No. 8), in grave 4 on the lid of an ossuary (No. 9) and in grave 10 on a pot (No. 10). In neighbouring barrow 3, in grave 5, the same sign was put twice on the same vessel – on the shoulder and lid.

Traces of distant migrations?

The *Aygyr Ushkan rock* (a new name for the Kalmak-Kyrgan rock) with a cluster of six tamgas is situated in present-day Karaganda Region, about 130 km from Karaganda city, south-east of the upper stretches of the saltwater Sarysu River running from north-east to south-west, in the highest part of the Kazakh uplands near Mount Konysbai (1,041 m) (see the map: Samashev, 2006. P. 11. No. 7). In the initial publication the images were based on highly inaccurate drawings from the personal archive of famous Russian archaeologist A. A. Spitsyn (Archive of Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Stock 5. No. 311. Sheet 180) (Solomonik, 1959. P. 19. Fig. II) (fig. 3, V, 1). Later, well-known Kazakh archaeologist A. Kh. Margulan took a relatively good photo of the face of the rock with a few 'Sarmatoid' signs (Samashev et al., 2010. Fig. 14) (fig. 3, V, 2). Interestingly, two complex signs placed parallel next to each other (Ns. 1, 2) are one another's mirror-reflected versions (top-bottom). Sign No. 6 is surrounded by four dots. To obtain the dating for this cluster and establish its culture it is necessary to consider the following. Signs Ns. 1-2 are closest to Late Sarmatian signs on the golden plates of a bridle from mound 9 in Pokrovka 2 in the South Ural area (Chapter 5, fig. 1, (4)), while their core (without a long lateral arc) has been recorded in Sarmatia (in the Crimean

Рис. 3. Образование новых типов знаков у древних иранских этносов (I-II) и следы дальних миграций (III-IV). I – сложносоставной сарматский знак на р. Жем (Западный Казахстан) (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. Рис. 10); II – способы образования новых тамг в осетинском селении Лескен (Дигорское ущелье), по информации Ф.М. Таказова, 2007 года; III – знаки с оттисков печатей на хумах из помещений 12 и 15 2009-2010 годов в парфянской Старой Нисе (Туркменистан) (по Manassero, 2010); IV – кушанская (?) тамга на берегу Днепра (бывшая Днепропетровская обл.), представлено Г.В. Кубаревым, 2012 г.; V – знаки на скале Айгыр Ушкан (Калмак-Кырган): 1 – из архива А.А. Спицына (Соломоник, 1959. Рис. II); 2 – фото А.Х. Маргулана (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. Рис. 14); 3 – прорисовка С.А. Яценко; 4 – типы знаков

Fig. 3. Development of new signs in ancient Iranian peoples (I-II) and traces of distant migrations (III-IV). I – compound Sarmatian sign on the Zhem River (Western Kazakhstan) (Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010. Fig. 10); II – ways of the development of new tamgas in the Ossetian Lesken Village (Digor Gorge), based on information from F. M. Takazov, 2007; III – signs from seals on khums from rooms 12 and 15 studied in 2009-2010 in Parthian Old Nisa (Turkmenistan) (after Manassero, 2010); IV – Kushan (?) tamga on the bank of the Dnepr (former Dnepropetrovsk Region), presented by G. V. Kubarev, 2012; V – signs on the Aygyr Ushkan rock (Kalmak-Kyrgan): 1 – from A. A. Spitsyn’s archive (Solomonik, 1959. Fig. II); 2 – photo by A. Kh. Margulan (Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010. Fig. 14); 3 – drawing by S. A. Yatsenko; 4 – sign types

ной атрибуции этого скопления важно учесть следующее. Знаки №№ 1-2 наиболее близки позднесарматским знакам на золотой обкладке узды из кургана 9 в Покровке 2 на Южном

steppe: Yatsenko, 2001. Fig. 5/14) where it existed since the 1st century BC: this is where the ‘royal’ mound of Nogaychin/Nogaychik is dated to according to C-14; however, in Crimea

Урале (глава 5, рис. 1, (4)), а их «ядро» (без длинной боковой дуги) известно в Сарматии (в степном Крыму: Яценко, 2001. Рис. 5/14) с I века до н.э.: именно так сейчас по С-14 датируют «царский» курган Ногайчин/Ногайчик; но он известен в Крыму и в некрополе Заветное I-II веков). Знак №4 также имеет близкие аналогии в Сарматии – на «писаной» плите из Керчи и одном из надгробий (Драчук, 1975. Табл. III, 105, 156). Наконец, знак №3 имеет точную аналогию в ранних слоях (I-III века) цитадели г. Туркестан, относящейся к «империи» Кангюй (глава 5, рис. 1, (6), 15). Все это заставляет нас соотнести «хозяев» знаков на скале Айгыр Ушкан с Кангюем и связанной с ним позднесарматской группировкой на Южном Урале (кочевая «страна Янь» китайских хроник). Но как оказались эти знаки так далеко от привычного нам расположения их хозяев? Что это – следы какого-то бокового рейда во время дальней миграции (ведь прародины как средне-, так и позднесарматской культур Европейской степи, по данным антропологии, находились намного восточнее, чем Центральный Казахстан: см. главу 4). Или же речь идет о каком-то визите по дипломатической или торговой надобности? Опасаемся, что выяснить этого долго не удастся.

Не менее странно выглядит тамга, обнаруженная около 2010 года у берега Днепра *в бывшей Днепропетровской области* на небольшой плоскости выступающей скалы (точное место находчик, увы, скрывает, и мы располагаем только фото) (рис. 3, IV). Никаких, даже отдаленных аналогов ни в античности, ни в средневековье в Восточной Европе этот очень сложный знак не имеет. Более всего он напоминает тамги некоторых правителей Кушанской империи (Яценко, 2001. Рис. 28, 101-103, 109-110, 115, 118).

Символ кланового единства?

В литературе по тамгам часто можно встретить общие рассуждения об общеплеменных тамгах кочевников средневековья, о первых своеобразных общегосударственных символах и т.п. Но как с этим обстояло дело в Великой

it was also found in the Zavetnoe necropolis of the 1st-2nd centuries). Sign No. 4 also has close analogues in Sarmatia – on the famous ‘decorated slab’ from Kerch and on one of the gravestones (Drachuk, 1975. Pl. III, 105, 156). Finally, sign No. 3 is identical to ones from the early layers (1st-3rd centuries) of the citadel of the city of Turkestan referred to Kangju (Chapter 5, fig. 1, (6), 15). All this forces us to correlate the ‘owners’ of the signs on the Aygyr Ushkan rock with Kangju and the related late Sarmatian group in the South Ural area (the nomadic ‘Yan country’ in Chinese chronicles). But how could these signs be found so far from the area commonly inhabited by their owners? Are they traces of some side raid during the long migration (after all, the ancestral homes of both the Middle and Late Sarmatian cultures of the European steppe, according to anthropological data, are much farther to the east than Central Kazakhstan: see Chapter 4). Or was it some kind of diplomatic or commercial visit? We are afraid that it will not be possible to find that out for a long time ahead.

A tamga found around 2010 on the bank of the Dnepr *in Dnepropetrovsk region*, on a small face on a projecting rock (unfortunately, the finder conceals the exact place and we have only its photo in our disposal) (fig. 3, IV). This sign does not have any analogues, even remotest, in Eastern Europe of either the antique period or the Middle Ages. It is closest to the tamgas of some Kushan rulers (Yatsenko, 2001. Figs. 28, 101-103, 109-110, 115, 118).

A symbol of the clan unity?

Tamga-related literature often contains general considerations about the tribal tamgas of medieval nomads, the first specific national symbols and so on. But what was happening in the Great Steppe in the antiquity? We analysed an amazing tamga discovered in the upper reaches of the Zhem River (the far southeastern tributary of the Ural River) (Samashev, Bazytkhan, Samashev, 2010. Fig. 10) (fig. 3, I). It is composed of six complexly connected (as in modern puzzles) identical signs and has the

Степи в эпоху античности? В этом плане нас привлекает удивительная тамга, обнаруженная в верховьях реки Жем (дальнего юго-восточного притока реки Урал) (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010. Рис. 10) (рис. 3, I). Она «сконструирована» из сложно соединенных (как в современных пазлах) шести одинаковых знаков в виде своеобразной трехлучевой свастики (триквестра), ориентированной против часовой стрелки. В центре имеется круг с точкой, а с правого бока – дополнительная узкая полоска (кстати, в разных публикациях З.С. Самашева этот знак развернут по-разному). Кажется возможным видеть в этой уникальной тамге своеобразный визуальный символ объединения усилий разных подразделений одного и того же клана (судя по тому, что он изображен на приметной скале, демонстрация такого единства была весьма актуальной). Вряд ли можно видеть в этом знаке обычный знак собственности, скорее это именно знак участия / сопричастности.

Механизмы образования новых знаков

Как правило, для древних знаков мы ограничиваемся лишь догадками (см., например: Бабаяров, 2007. С. 35, 84; см. также главы 5 и 6). Относительно разных обитавших в весьма различных условиях *тюркских* народов мы имеем немало довольно детальных сведений на сей счет (Ямаева, 2004. С. 5; Osawa, 2010; Yatsenko, 2013 и др.). Особенно значима информация о формировании типов тамг у рядовых кочевых семей и родов. Например, у такого крупного и широко расселенного народа, как якуты, в XVII веке отмечены всего три основных типа знаков: стоящая лошадь в профиль, лук со стрелой или без нее (изредка – колчан) и бубен (для шаманов). При этом, естественно, каждый человек наносил эти знаки своим особым почерком. У барабинских татар знаки представляли предметы оружия или их детали (стрела, лук, топор, сабля, щит) с индивидуальными вариантами написания (Симченко, 1965. С. 64, 185-187. Табл. 32 и 115-116). Куда сложнее дело обстоит с ираноязычным населением Средней Азии и Восточной Европы. В

form of a three-point counter-clockwise oriented swastika (triquetra). In the center there is a circle with a dot, and on the right side there is an additional narrow strip (in different publications by Z. S. Samashev this sign is directed in different ways). This unique tamga may well be a kind of visual symbol of the joint efforts of different units of the same clan (its placement on a visible rock might well be the demonstration of this unity). It is hardly possible that this was an ordinary ownership sign; rather it was an involvement/participation sign.

Rules for developing new signs

In the case of ancient signs we can only make guesses (see e.g. Babayarov, 2007. PP. 35, 84; see also Chapters 5 and 6). There is some quite detailed information about *Turkic* peoples who used to live in highly diverse environment (Yamayeva, 2004. P. 5; Osawa, 2010; Yatsenko, 2013 et al.). The information about the development of different tamga types by ordinary nomadic families is of special significance. For instance, the Yakuts, a major people that occupied a vast territory, used only three basic sign types in the 17th century: a horse in profile, a bow with and without an arrow (sometimes a quiver) and a tambourine (for shamans). Certainly, each person that made these signs used their own specific style. The Baraba steppe Tatars' signs had the forms of weapons or their parts (arrow, bow, axe, sabre or shield) also differing in technique (Simchenko, 1965. P. 64, 185-187. Table 32 and 115-116). Things are much more difficult when we consider the Iranian-speaking people of Central Asia and Eastern Europe. The largest portion of this population was forced out by the Turkic people or assimilated with the latter in the medieval period, which is why tamgas were being used less and less actively even by the Tajik and Ossetians (Yatsenko, 2001. PP. 13-14, 18-19. Note 18). Therefore, any reliable ethnographic information is of high value. Given below are unpublished data obtained by S. A. Yatsenko from an inhabitant of the

основном это население было еще в средневековье вытеснено или ассимилировано тюрками, поэтому активное тамгопользование стало менее актуальным и выходило из повседневного употребления даже у таджиков и осетин (Яценко, 2001. С. 13-14, 18-19. Прим. 18). Поэтому любая достоверная этнографическая информация является очень ценной. Ниже приводятся неопубликованные сведения, полученные С.А. Яценко от уроженца осетинского аула Лескен¹⁵⁵ в Дигорском ущелье, этнографа Федара Магомедовича Таказова (май 2007 года, г. Барселона) (рис. 3, II). По словам информанта, он прекрасно помнит тамги своего клана – Таказовых (как собственно тамги, так и типы надрезов на ушах домашнего скота, которые использовались всеми кланами) (рис. 3, II, I). Хорошо он помнит и тамги клана Бетрозовых; остальные тамги он тоже помнит визуально, но забыл, с какими именно фамилиями они были связаны. Здесь варианты эволюции знака вполне наглядны.

Очень интересную серию знаков родственных семей (?) дает нам коллекция оттисков личных круглых печатей на буллах для хумов в двух крупных помещениях-хранилищах, раскопанных итальянской экспедицией в парфянской Старой Нисе (Туркменистан) в 2009-2010 годах (рис. 3, III). Здесь, судя по сохранившимся фрагментам, рядом могли ставиться по 2-3 оттиска на одной булле (Manassero, 2010. Figs. 7, 14). Все оттиски делались только на хумах из двух обширных помещений 12 и 15 и отчасти – из коридора, ведущего в помещение 15 (еще несколько «булл» из 91 происходят из помещения 24 в западном углу здания). Оттиски

Ossetian Lesken village (aul)¹⁵⁵ in the Digor gorge, ethnographer Fedar Magomedovich Takazov (May 2007, Barcelona) (fig. 3, II). According to the informant, he perfectly remembers the tamgas of his clan – the Takazovs (both the tamgas themselves and the types of cuts on the ears of livestock used by all clans) (fig. 3, II, I). He also remembers well the tamgas of the Bestrozovs clan; he remembers some other tamgas visually, but has forgotten the names they are associated with. Evolutionary versions there are still quite clear.

A collection of personal stamped round seals on bullae for khums found in two large storing rooms an Italian expedition excavated in Parthian Old Nisa (Turkmenistan) in 2009-2010 contains a very interesting collection of the signs of kindred families (?) (fig. 3, III). Judging by extant fragments, 2-3 seals might be made on one bulla next to each other (Manassero, 2010. Figs. 7, 14). Almost all of the seals were recorded only on khums found in two large rooms, 12 and 15, with some of them also recorded in a corridor leading to room 15 (several of the 91 'bullae' came from room 24 in the western corner of the building). Most of the seals were 2-3 cm in diameter – larger than the ones found in the 'Square house'. Most of the 'tamga-like images' (Niccolo Manassero's expression) were discovered in room 12 (where one and the same form could be observed several times). Only S 16 and S 54 (two signs on the right in our row) were found in another room, 15. It is easy to see that each of the auxiliary rooms filled with khums were character-

¹⁵⁵ Аул Лескен – не многовековой, как обычно, а молодой: он был основан в 1864 г., после окончания Кавказской войны, когда группа осетин-мусульман в данном ущелье решила поселиться вместе, ближе к границе с единоверными кабардинцами, и купила земли у кабардинских князей Андзоровых. Заселение шло семьями из трех аулов (Донифарс, Махческ и Стур-Дигора). В результате осетины-мусульмане поселились на глухой границе Осетии (чем, видимо, и объясняется не свойственное давно осетинам активное использование тамг в этом ауле даже после Второй мировой войны).

¹⁵⁵ The Lesken aul, unlike most villages which are many centuries old, is quite young: it was founded in 1864 after the close of the Caucasian War when a group of Muslim Ossetians decided to live together in this gorge, close to the border with the Karbadians, a people of the same religion, and bought some land from the Karbadian princes Andzorovs. The village was inhabited by families from three auls (Donifars, Makhchesk and Stur-Digora). As a result, the Muslim Ossetians began living at the blind border of Ossetia (which, probably, accounts for the active use of tamgas in this village even after the Second World War, which had long since become unusual for other Ossetian groups).

обычно были диаметром 2-3 см – крупнее, чем ранее найденные в «Квадратном доме». Большинство «тамгоподобных образов» (по выражению Никколо Манассеро) происходило из помещения 12 (где одна и та же форма встречалась многократно). Лишь S 16 и S 54 (два правых знака в нашем ряду) связаны с другим помещением 15. Нетрудно заметить, что в каждом из хозяйственных помещений, забитых хумами, имелась своя специфика в форме знаков на печатях. Так, все шесть типов тамг в помещении 12 имеют сходное по форме основание, V-образный выступ слева и варьирующийся по форме завиток (иногда раздвоенный или закольцованный) справа. Напротив, в помещении 15 мы видим иные формы. Правда на «булле» S 54 уже известный нам знак (идентичный S 25) сочетается (налагается) на другой – в форме круга/овала с двумя отростками внизу (в чистом виде такой знак найден там же – S 16). Итак, получается, что в большом хранилище 12 многочисленные хумы опечатывались (вероятно, в разное время) представителями либо шести родственных семей, или, скорее, одной семьи, у которой знак видоизменялся в каждом поколении, в т.ч., возможно, у братьев. Проще говоря, службу в данном хранилище монополизировала на какое-то время некая влиятельная семья.

Использовались ли тамги среднеазиатскими диаспорами?

Это явление удобнее изучить на обширном материале городов Китая в VI-VIII веках. Здесь существовала большая и разветвленная согдийская диаспора, были представлены общины из Тохаристана и Чача. Казалось бы, очутившись в стране с развитым рыночным хозяйством и высокой конкуренцией, выходцы из «Западного Края» должны активизировать употребление привычных для себя знаков собственной родины. На деле же мы встречаемся с ровно противоположным результатом: в памятниках, связанных с согдийской и иными общинами (вещи из гробниц, изображения на погребальных ложах и т.п.), практиче-

искированы конкретными формами знаков на печатях. Так, все шесть типов знаков из помещения 12 имеют сходные основания, V-образный выступ слева и завиток, различающийся по форме (иногда удвоенный или замкнутый) справа. Напротив, в помещении 15 мы видим различные формы. Однако, на «булле» S 54 один из знакомых нам знаков (идентичный S 25) сочетается с другим, в форме круга/овала с двумя выступами внизу (справа там S 16, оригинальная версия предыдущего знака). Так выходит, что в большом хранилище 12 многочисленные хумы были опечатаны (явно, в разное время) представителями либо шести родственных семей, или, скорее, одной семьи, у которой знак менялся от поколения к поколению, или, например, от брата к брату. Иными словами, на некоторое время в хранилище установилась монополия одного семейства.

Were tamgas used by Central Asian diasporas?

It is more appropriate to study this phenomenon using the enormous material on Chinese cities in the 6th-8th centuries. A large and extensive Sogdian diaspora with communes from Tokharistan and Chach used to live in the territory. It seems that once in a country with a developed market economy and high level of competition, the comers from the 'western territories' were to use more actively signs they had got accustomed to in their native land. In reality the result was just the opposite: monuments associated with Sogdian and other communities (things from graves, images on burial couches and so on) bear almost no traces of the tradition of tamga usage. Probably, that is connected with the acceptance of the new conditions in the country they had moved to: instead of tamgas on things, rocks and so on, the Chinese mostly used private seals with hieroglyphic inscriptions, where usually there was no place for specific foreign symbols. At the same time, it is possible that the use of tamgas by traders and colonists could in many cases influence local people east of Central Asia. The Kucha Oasis in Xinjiang is of interest from

ски нет никаких проявлений традиционного тамгопользования. Вероятно, это связано с принятием условий новой страны проживания: в Китае вместо тамг на вещах, на скалах и т.п. использовались, в первую очередь, личные печати с иероглифической надписью, где места особым иноземным символам, как правило, не было. Вместе с тем, не исключено, что сама традиция тамгопользования торговцев и колонистов могла повлиять в ряде случаев на местное население к востоку от Средней Азии. Очень интересен в этом плане пример оазиса Куча в Синьцзяне. Здесь тамги практически не использовались. Однако мы знаем одно-единственное изображение таких знаков, причем весьма необычное. В одной из пещер буддийского монастыря в Кызыле («Пещера Майи») на росписи VII-VIII веков представлен правитель оазиса в роскошном парадном одеянии (рис. 4, 8). Одна из парадных деталей его костюма (уникальный передник), видимо, расшита изображениями одинаковых небольших тамг. Точных аналогов этот знак нигде не имеет, в том числе – во всех известных сегодня коллекциях знаков западных и восточных тюрков.

Среднеазиатские изделия с тамгами вне пределов региона.

Приведем несколько характерных примеров попадания таких вещей на дальние расстояния. Прежде всего, нас привлекает могила сарматской аристократки («жрицы») старше 50 лет, страдавшей от запущенного сифилиса, из могилы 3 в кургане Соколова Могила, раскопанном у реки Южный Буг, к северу от греческой Ольвии. Здесь среди многих прочих экзотических вещей найдена уникальная среднеазиатская мраморная цилиндрическая ступка высотой 10 см (рис. 4, 1). По внешнему краю идет горизонтальная полоска узора из переплетенных свастик, ручки-выступы оформлены в виде лежащих зайцев (?). На бортике глубоко прорезана простая тамга «л», на противоположном краю бортика позже (?) тонким инструментом небрежно нанесено нечто

this viewpoint. Local people did almost not use tamgas there. However, there is one known place where signs of this type can be found, and quite an unusual one at that. A 7th-8th-century painting in one of the caves in a Buddhist monastery in Kyzyl ('Maya Cave') shows the ruler of the oasis dressed in rich ceremonial clothes (fig. 4, 8). One of the ceremonial elements of his costume (a unique apron) is embroidered with small identical tamgas. This sign has no identical analogues elsewhere, even in any of the known collections of the signs of Western and Eastern Turkic people.

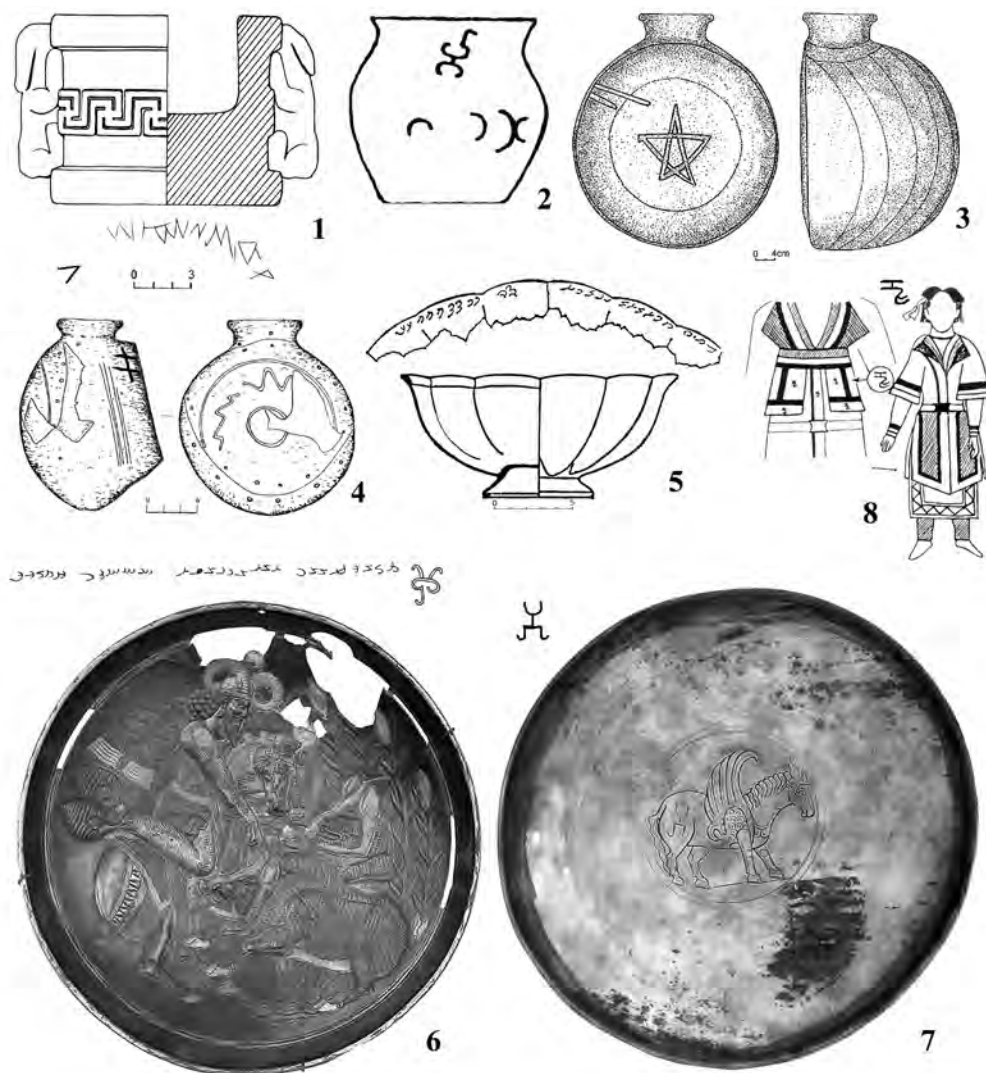
Central Asian articles with tamgas outside the region

Below are a few typical examples when things like those were carried for long distances. One of the most interesting is the grave of a Sarmatian aristocratic woman ('priestess') over 50, who suffered from uncured syphilis – grave 3 in the Sokolova Mogila barrow excavated at the Southern Bug river north of Greek Olbia. Among other exotic things it contained a unique Central Asian cylindrical marble mortar 10 cm high (fig. 4, 1). A horizontal strip of ornamentation consisting of intertwined swastikas runs along its outer edge; the projecting handles are made in the form of two lying hares (?). The simple tamga л is cut deeply on the edge; a kind of inscription or ideogram was later (?) made carelessly with the help of a thin instrument on the opposite side of the edge¹⁵⁶. It is hard to say whether the tamga was made when the thing was still in Central Asia or already in Sarmatia (this simple sign cannot be found now in either of the regions).

Another thing of Central Asian origin was a silver Khorezmian vessel found in a Sarmatian mound near the town of Shadrinsk in the South Ural area (Yatsenko, 2001. P. 97. Fig. 34e) (fig. 4, 2). Apart from the royal sign it has on it two

¹⁵⁶ Unfortunately, specialists in antique epigraphy and Iranian texts (P. B. Lurie, the Hermitage) did not help us specify the meaning of the 'inscription'. They believe that the symbols in the text are incoherent.

Рис. 4. Тамги на импортных изделиях и возможные заимствования: 1 – мраморная ступка из сарматского погребения I в. н.э. в кургане Соколова Могила и изображения на бортике (Ковпаненко, 1986. С. 60. Рис. 60, 2; 61); 2 – хорезмийский серебряный сосуд из кургана у г. Шадринск (Яценко, 2001. Рис. 34e); 3 – хорезмийская фляга из Сидоровки (курган 1, погр. 2) (Матющенко, Татаурова, 1997. Рис. 15); 4 – фляга из саргатского погребения 4 в кургане 6, Мурзинский I (любезность Т.В. Шараповой); 5 – согдийская чаша с надписью из г. Гуаньчжоу (Лившиц, 2006. С. 126. Рис. 2); 6 – персидская серебряная чаша из деревни Керчево (Пермской губернии) с чачской надписью и тамгой, Гос. Эрмитаж (Смирнов, 1909. Табл. XXV. №53; фото Дж.Я. Ильасова); 7 – серебряная чаша из коллекции Фонда Марджани (Christie's, 2008. 3. 29. №22); 8 – тамги на костюме правителя оазиса Куча (ростпись в «пещере Майи», Кызыл) (Яценко, 2000. Табл. 59, 4-5)

Fig. 4. Tamgas on imported goods and possible borrowings: 1 – marble mortar from a Sarmatian burial of the 1st century AD in the Sokolova Mogila mound and images on the edge (Kovpanenko, 1986. P. 60. Fig. 60, 2; 61); 2 – Khorezmian silver vessel from a barrow near the town of Shadrinsk (Yatsenko, 2001. Fig. 34e); 3 – Khorezmian flask from Sidorovka (mound 1, burial 2) (Matyushchenko, Tataurova, 1997. Fig. 15); 4 – flask from Sargat Culture burial 4 in barrow 6, Moorezinski I (courtesy of T. V. Sharapova); 5 – Sogdian bowl with an inscription from Guangzhou (Livshits, 2006. P. 126. Fig. 2); 6 – Persian silver bowl from the village of Kerchevo (Perm Province) with a Chach inscription and tamga, the Hermitage Museum (Smirnov, 1909. Table XXV. No. 53; photo by J. Ilyasov); 7 – silver bowl from the Mardjani Foundation collection (Christie's, 2008. 3. 29. No. 22); 8 – tamgas on the clothes of the ruler of the Kucha Oasis (paintings in the Maya Cave, Kyzyl) (Yatsenko, 2000. Table 59, 4-5)

вроде надписи или идеограммы¹⁵⁶. Трудно сказать, вырезана ли тамга еще в Средней Азии или уже в Сарматии (в обоих регионах этот простой знак в данное время встречается).

Еще один образец среднеазиатской продукции – серебряный хорезмийский сосудик, найденный в сарматском кургане у г. Шадринск на Южном Урале (Яценко, 2001. С. 97. Рис. 34е) (рис. 4, 2). Здесь, помимо царского знака, представлены еще два типа хорезмийских тамг I века до н.э. – III века н.э. Хорезмийские фляги с тамгой встречены в двух погребениях знати саргатской культуры Западной Сибири – в некрополях Сидоровка (Матющенко, Татаурова, 1997. Рис. 15) и Мурзинский I¹⁵⁷ около рубежа н.э. (рис. 4, 3-4). В Хорезме и Бактрии этого времени имеются либо точные, либо близкие аналогии обеим тамгам (Яценко, 2001. Рис. 28. №№ 12, 95).

История двух серебряных сосудов, несущих на себе согдийские надписи, очень наглядно демонстрирует линии связей раннесредневекового владения Чач. Одно из них уже упоминалось в главе 3. Это блюдо с изображением кушаншаха Варахрана в двурогой короне, сражающегося в камышах со свирепыми вепрями, найденное в Керчево под Пермью (рис. 4, б). Сначала оно попало с юга, вероятно, из Тохаристана, где было изготовлено в придворной мастерской, в Чач либо в виде дара, либо в виде ценного товара, но, скорее всего, как добыча, доставшаяся во время сокрушительных походов хионитов на владения Сасанидов в Бактрии/Тохаристане. Здесь драгоценный сосуд поступил в сокровищницу предводителя Чачского народа по имени Шав (Черный), о чем четко свидетельствует надпись, нанесенная на оборотную сторону сосуда (рис. 4, б, *вверху*). Эта надпись, прочтенная В.А. Лившицем, как и тамга, помещенная рядом, превратили про-

other types of Khorezmian tamgas of the 1st century BC-3rd century AD. Khorezmian flasks with tamgas were found in two noble burials of the Sargat culture in Western Siberia – in Sidorovka (Matyushchenko, Tataurova, 1997. Fig. 15) and Murzinski I necropolises¹⁵⁷ in about the turn of the Common Era (fig. 4, 3-4). Both tamgas have similar and identical analogues in Khorezm and Bukhara in this period (Yatsenko, 2001. Fig. 28. Ns. 12, 95).

The story of two vessels bearing Sogdian inscriptions clearly demonstrates the links within medieval Chach. One of them has already been mentioned in Chapter 3. This is a dish with an image of Kushanshah Varakhran in a two-horned crown fighting in reeds with ferocious boars, which was found in Kerchevo near Perm' (fig. 4, б). First it was brought from the south, probably from Tokharistan, where it was made in a royal workshop, to Chach, as a gift, an article of trade or, most likely, as loot taken during the Xionites' devastating campaigns to the Sasanid lands in Bactria/Tokharistan. There the precious vessel got into the treasury of the leader of the Chach people named Shav (Black), which is clearly shown in the inscription on the reverse side of the vessel (fig. 4, б, *top*). This inscription deciphered by V. A. Livshits together with a tamga next to it made this precious work of art a valuable historical document whose significance can hardly be overestimated. It is hard to say how much time the bowl remained in the treasury of Chach's ruler and his descendants, but later it went far north-westwards to Perm' Province, probably, in exchange for fur.

Another silver vessel which had also once belonged to Chach's ruler was carried away in the opposite direction – to South-Eastern China, where it was discovered during archaeological excavations near Guangzhou (Canton). This article manufactured in Sogd (or, perhaps, Chach) is a spoon-like bowl typical of Sogdia with an inscription in Sogdian letters cut on the outer

¹⁵⁶ К сожалению, недавнее обращение к специалистам как по античной эпиграфике, так и по иранским текстам (П.Б. Лурье, Гос. Эрмитаж) не привело к уточнению содержимого «надписи». По их мнению, это не является каким-либо связным текстом.

¹⁵⁷ Иллюстрация любезно прислана одним из руководителей раскопок Т.В. Шараповой.

¹⁵⁷ T. V. Sharapova, one of the excavation manager, was kind to supply us with the illustrations.

изведение искусства еще и в ценный исторический документ, значение которого трудно переоценить. Сложно сказать, сколько времени чаша пробыла в сокровищнице правителя Чача и его потомков, но ее дальнейший путь лежал далеко на северо-запад, в Пермский край, куда она попала, по-видимому, в обмен на меха.

Другой серебряный сосуд, который тоже когда-то принадлежал правителю Чача, был увезен в прямо противоположную сторону – в Юго-Восточный Китай, где фрагмент его нашли при археологических раскопках близ Гуаньчжоу (Кантона). Данное изделие уже согдийской (а может быть, и чачской) работы, оно представляет собой типичную для продукции Согда ложчатую чашу, на внешней стороне которой вырезана надпись согдийским письмом, которая читается и восстанавливается следующим образом: «[Этот сосуд] – Спетаспа, предводителя Чачского народа. (Вес) – 42 статера» (рис. 4, 5). Между титулом и весовым обозначением вырезан напоминающий трилистник знак, который В.А. Лившиц называет тамгой, отличающейся от тамги на блюде из Керчево и на согдийских монетах, выпускавшихся в Чаче (Yoshida, 1996. P. 74; Лившиц, 2006. С. 126. Рис. 2). По палеографии В.А. Лившиц датирует надпись на кантонской чаше IV-V вв.

Итак, знак на согдийской чаше из Южного Китая коренным образом отличается от тамги, известной по бронзовым монетам с профильным портретом правителя на лицевой стороне и согдийской надписью вокруг тамги на оборотной стороне, то есть от тамги чачской династии Вануна¹⁵⁸. Эта же тамга вырезана на сосуде из Керчево. Параллелей знаку на чаше, найденной в Китае, мы пока не знаем, и возникают вопросы: следует ли понимать так, что у предводителя Чачского народа Спетаспа («Обладающий белыми лошадьми») была своя тамга, отличная от тамги предводителей чачского народа из династии Вануна? То есть, можно ли предположить, что в Чаче произошла смена династии? Для таких выводов данных, конечно, недостаточно (тем более, что на монетах чачского че-

surface. The inscription is interpreted as follows: '[This vessel] belongs to Spetasp, the ruler of the Chach people. (The weight) is 42 staters' (fig. 4, 5). A sign resembling a trefoil is cut between the title and weight designation; Livshits calls it a tamga different from the tamga on the dish from Kerchevo and on Sogdian coins issued in Chach (Yoshida, 1996. P. 74; Livshits, 2006. P. 126. Fig. 2). Based on the paleographic data Livshits dates the inscription on the bowl from Canton to the 4th-5th centuries.

So, the sign on the Sogdian bowl from Southern China differs fundamentally from the tamga known from bronze coins with the portrait of a ruler in profile on the obverse and a Sogdian inscription around the tamga on the reverse, that is, from the tamga of the Chach dynasty of Vanvan¹⁵⁸. The same tamga is cut on the vessel from Kerchevo. No analogues to the sign on the bowl have been found so far, which arouses the following questions: does it mean that the leader of the Chach people named Spetasp ('the owner of white horses') had his own tamga different from the tamga of the leader of the Chach people from Vanvan's dynasty? That is, can we admit that one dynasty replaced another one in Chach? Certainly, there is no sufficient data available to make these conclusions (the more so as we do not know any signs on Chach coins analogous to the 'trefoil' sign). As the bowl from Canton is fragmentary and the very beginning of the inscription is missing, it is quite possible that the traditional Chach tamga which, like the tamga on the bowl from Kerchevo, had been placed before the inscription, simply did not remain. In the meanwhile, the sign in the form of a trefoil cut between Spetasp's titulature and the weight of the vessel was either a decorative element or served to separate the two parts of the inscription. It is quite possible that more data would clarify the issue. For instance, Chach-minted coins with a tamga coinciding with the sign on the Sogdian bowl from Southern China can be found in the territory of Chach.

Here are a few examples *from the numismatic area*. A coin (fig. 5, 1) with remains of

¹⁵⁸ Ссылки на литературу см. в главе 3.

¹⁵⁸ For bibliographical references see Chapter 3.

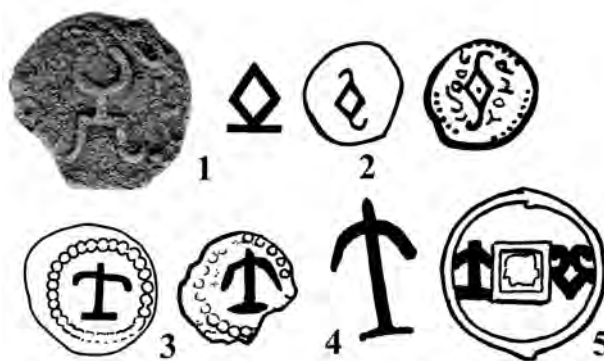
кана аналогий знаку-«трилистнику» мы не знаем). Поскольку сохранность кантонской чаши неполная и самое начало надписи не сохранилось, можно предположить, что традиционная чачская тамга, которая, как и в случае с тамгой на чаше из Керчево, стояла перед началом надписи, попросту не сохранилась. А знак в виде трилистника, вырезанный между титулатурой Спетаспа и весовым обозначением сосуда, имел декоративный характер либо служил разделителем двух частей надписи. Возможно, дальнейшее накопление материала внесет большую ясность в этот вопрос. Например, в Чаче могут быть найдены монеты местного чекана с тамгой, совпадающей со знаком на согдийской чаше из Южного Китая.

Приведем несколько примеров из области нумизматики. О том, что возможны неожиданные находки и открытия, касающиеся монет с тамгами, свидетельствует монета (рис. 5, 1) с остатками согдийской надписи и тамгой алханов¹⁵⁹ (S 1 по Р. Гёблю), найденная в 2004 году на городище Канка – руинах средневекового Харашкета, второго по величине города Чача¹⁶⁰ (Ртвеладзе, 2006. С. 108-115; Ртвеладзе, Ильясов, 2009. С. 169-184. Рис. 2). Это первое явственное свидетельство того, что алханы пребывали не только на юге, но и в бассейне Яксарта/Сырдарьи, откуда, собственно, они и двинулись на юг¹⁶¹.

¹⁵⁹ В русскоязычной литературе для обозначения хионитского племени, судя по монетам, распространившего свою власть на обширные территории от Бактрии до Индии, принято написание *алхон*, однако западные специалисты, которые и занимаются, главным образом, изучением нумизматики «иранских хуннов», сейчас приняли чтение/написание *алхан*.

¹⁶⁰ Судя по размерам и мощной фортификации городища Канка и количеству находок монет, именно здесь находилась столица владения Чач в период правления кангюйской династии Вануна (IV-V вв.).

¹⁶¹ В ряде работ один из авторов данной главы, опираясь на изучение тамг, высказывал предположение, что «хиониты» из письменных источников, завоевавшие бывшие владения Кушанов и Кушано-Сасанидов в середине IV века, были кочевыми и полукочевыми потомками кангюйцев, обитавших вдоль Сырдарьи и вокруг оазисов Согда и Чача, которые хлынули на юг под давлением гуннов. В Бактрии два клана алханов с тамгами

Рис. 5. Тамги на монетах и их аналоги: 1 – монета с тамгой алханов, Канка, Ташкентская область; 2 – тамги на монетах Чаганиана; 3 – тамги на монетах Термеза; 4 – тамга на стене склепа №1 в могильнике Нейзац (с. Красногорское), юго-западный Крым (Соломоник, 1969. №34); 5 – Монета правителя Пенджикента Гамаукиана

Fig. 5. Tamgas on coins and their analogues: 1 – Coin with the Alkhan's tamga, Kanka, Tashkent province; 2 – tamgas on Chaganiyan coins; 3 – tamgas on Termez coins; 4 – tamga on the wall of crypt No. 1 in the Nayzats Sarmatian necropolis (Krasnogorskoye Village), south-western Crimea (Solomonik, 1969. No. 34); 5 – Coin of Gamaukian, the ruler of Pendjikent

a Sogdian inscription and Alkhan tamga¹⁵⁹ (S 1 after R. Göbl) found in 2004 on the Kanka hillfort – the ruins of ancient Kharashket, the second largest city in Chach¹⁶⁰ - indicates that the discovery of coins with tamgas may yield very unexpected results (Rtveladze, 2006. PP. 108-115; Rtveladze, Ilyasov, 2009. PP. 169-184. Fig. 2). This is the first clear evidence that, apart from the south, the Alkhan inhabited the Jaxartes/Syrdarya basin, from where they moved to the south¹⁶¹.

¹⁵⁹ In Russian literature the Xionite tribe which, judging by coins, spread its power over vast territories from Bactria to India, is generally named *alkhon* (Alchon); however, international specialists that are currently involved mainly in the study of the 'Iranian Hun' numismatics, use the term *Alkhan*.

¹⁶⁰ Judging by Kanka's size, strong fortification and the number of coins found, the site was Chach's capital during the reign of Vanvan's dynasty in Kangju (4th-5th centuries).

¹⁶¹ Based on the tamga study, one of the authors of this chapter made a supposition in many of his works that the 'Xionites' from written sources that conquered the former

Тамга алханов S 1, известная главным образом по монетам и печатям, фигурирует и в тореутике. Так, в 2008 году серебряная чаша с изображением крылатого коня, на правом бедре которого имеется тавро – тамга S 1, была выставлена в Лондоне на торги аукционного дома «Кристис»¹⁶². В каталоге аукциона изображение на чаше связано с созвездием Аль-Фарас (Пегас), а символ на бедре назван предположительно астрологическим (Christie's, 2008. P. 29. №22). Однако знак этот явно воспроизводит тамгу алханов (рис. 4, 7). К сожалению, место находки сосуда неизвестно, в каталоге чашу определяют как возможно согдийскую и датируют примерно VIII веком. Вопрос ее атрибуции и датировки требует специального изучения. Что касается знака, то наиболее поздний пример использования тамги S 1 – монеты так называемого пересекающегося/переходного чекана типов Алхан и Незак (Alkhan-Nezak Crossover)¹⁶³. Эти монеты, по последним изысканиям К. Вондровца, могли чеканиться в Забулистане (Газни) в период примерно между 580/590 и 650/680 годами (Vondrovec, 2014. Vol. I. PP. 486-488). Таким образом, если со временем подтвердится датировка чаши из коллекции Фонда Марджани VIII веком, это будет наиболее поздний из пока известных случаев использования тамги S 1.

Доисламские тамги на монетах исламского периода.

Использование доисламских знаков на монетах раннеисламского периода хорошо

S 1 и S 2 сумели захватить ключевые позиции, что отражено в монетном чекане (Ilyasov, 2003. P. 139. Note 16; Ильясов, 2006. С. 109-110. Прим. 14). Аналогичное мнение по данным археологических раскопок в Кашкадарьинской области Узбекистана высказано еще раньше Р.Х. Сулеймановым (Сулейманов, 2000. С. 314).

¹⁶² В настоящее время хранится в коллекции Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани (Москва), инв. №ИМ/М-21. Пользуясь случаем, выражаем благодарность председателю Фонда Р.Р. Сулейманову за возможность использовать данный материал и фотографии объекта.

¹⁶³ Р. Гёбл называл эти монеты чеканом вернувшихся из Индии алхонов ('Rückwandernde Alxon aus Indien') (Göbl, 1967. Band. I. S. 155-157; Band II. S.72).

Alkhan's tamga S 1 known primarily on coins and stamps is also found in tereutics. In 2008 a silver bowl with an image of a winged horse with a brand (tamga S1) on the right rump was auctioned at Christie's in London¹⁶². In the auction's catalogue the image on the bowl is associated with the Al-Faras (Pegasus) constellation, while the symbol on the rump is supposed to be an astrological one (Christie's, 2008. P. 29. No. 22). However, this sign obviously imitates the Alkhan's tamga (fig. 4, 7). Unfortunately, the place the vessel was found in is unknown, while in the catalogue the bowl is identified as supposedly a Sogdian one and dated to about the 8th century. The dating and cultural attribution of the vessel requires special study. As for the S1 tamga, the last time it was used was on the so called Alkhan-Nezak Crossover coins¹⁶³. According to K. Vondrovec's latest research, these coins might be minted in Zabulistan (Gazni) circa 580/590 to 650/680 (Vondrovec, 2014. Vol. I. PP. 486-488). Thus, if the dating of the bowl from the Mardjani Foundation to the 8th century is finally proved, it will be the latest use of tamga S1.

lands of the Kushans and Kushano-Sassanians in the middle of the 4th century were the nomadic and semi-nomadic descendants of the Kang inhabiting the territories along the Syrdarya and around the Sogdian and Chach Oases, who poured southwards forced by the Huns. In Bactria two Alkhan clans with tamgas S1 and S2 managed to conquer key positions, which is reflected in coins (Ilyasov, 2003. P. 139. Note 16; Ilyasov, 2006. PP. 109-110. Note 14). R. Kh. Suleymanov expressed a similar opinion earlier with respect to the data of archaeological excavations in Kashkadarya Province of Uzbekistan (Suleymanov, 2000. P. 314).

¹⁶² Currently it is kept in the collection of the Mardjani Foundation for the support and development of scientific and cultural programmes (Moscow), inv. No. ИМ/М-21. We are grateful to the foundation's director R.R. Suleymanov for the opportunity to use this material and photographs of the object.

¹⁶³ R. Göbl called these coins the coins of the Alchon that had returned from India ('Rückwandernde Alxon aus Indien') (Göbl, 1967. Band. I. S. 155-157; Band II, S.72).

документировано на примере самаркандского чекана. Так, широко известная тамга Самаркандского Согда – S 2 – имеется на фельсах позднеомейядского и раннеаббасидского периодов, в частности на монетах ал-Ашаса б. Йахьи, битых в Самарканде в 144 г.х./761-762 году, на которых «самаркандский знак» уложен горизонтально (Смирнова, 1981. Табл. XCIV. №№ 115, 119; Nastich, 2012. P. 154. Fig. 12¹⁶⁴). 148/765-766 годом датируется фельс, чеканенный в Бухаре от имени арабского наместника Мобада б. Халила и имеющий на реверсе упрощенный (без центрального круга) вариант бухарской тамги¹⁶⁵, так же уложенной горизонтально под арабской легендой и снабженной по бокам точками. В.Н. Настич четко указывает, что это бухарская тамга (Nastich, 2012. P. 155. Fig. 14). Как показал А.И. Наймарк, с 753 по 782 годы в Бухаре правил бухархудат Буният б. Тогшада, которому приходилось «маневрировать между старыми национальными и религиозными традициями с одной стороны и попыткой представить себя арабам истинным мусульманином с другой» (Naymark, 2003). Таким образом, включение сильно стилизованной бухарской тамги в полностью арабизированный чекан было, по-видимому, данью определенного признания арабским наместником местного династа. Другим объяснением может быть высказанная А.И. Наймарком идея о том, что тамги на согдийских монетах VII и VIII веков (главным образом, тамга S 2 – «самаркандский знак», а также трискеле и ромбовидный знак) трансформировались из династических знаков в символы соответствующих владений (Naymark, 2005. PP. 225-230).

¹⁶⁴ См. также расширенный вариант данной статьи В.Н. Настича на сайте: https://www.academia.edu/3734886/A_Survey_of_the_Abbasid_Copper_Coinage_of_Transoxiana.

¹⁶⁵ Бухарская тамга, известная, прежде всего, по монетному чекану, представляет собой круг с четырьмя усиками, обращенными парами вверх и вниз. То есть, фактически, это знак, по начертанию ближайший к самаркандской тамге, что естественно для знаков двух родственных кангюйских кланов, завоевавших два соседних оазиса.

Pre-Islamic tamgas on the coins of the Islamic period

The use of pre-Islamic signs on early Islamic coins is well-documented based on Samarkand coins. Thus, S2, a well-known tamga from Sogdian Samarkand, is found on the falus of the late Omeyyad-early Abbasid periods, in particular, on the coins of al-Ashas b. Yahya minted in Samarkand in 144 of the Hegira/761-762, on which the 'Samarkand sign' is placed in the horizontal position (Smirnova, 1981. Table XCIV. Ns. 115, 119; Nastich, 2012. P. 154. Fig. 12¹⁶⁴). The falus minted in Bukhara on behalf of the Arab deputy Mobad b. Khalil, which has on the reverse a simplified (without the central circle) version of the Bukharian tamga¹⁶⁵, also put in a horizontal position under an Arab legend and having dots at the sides, is dated to 148/765-766. V. N. Nastich clearly states that this is the tamga from Bukhara (Nastich, 2012. P. 155. Fig. 14). A. I. Naymark showed that between 753 and 782 the ruler of Bukhara was bukharchudat Bunyat b. Togshada, who had to 'manoeuvre between old national and religious traditions, on the one hand, and do his best to show himself to the Arabs a true Muslim, on the other' (Naymark, 2003). Thus, the inclusion of a highly stylised Bukharian tamga in a completely Arabised coin was, probably, the acknowledgement of the local dynasty by the Arab deputy. Another possible explanation is the idea stated by A. I. Naymark that tamgas on the 7th-8th-century Sogdian coins (primarily, tamga S2 – the 'Samarkand sign', but also the triskelion and rhomboid sign) transformed from dynastic signs into symbols of related territories (Naymark, 2005. PP. 225-230). In this case tamgas on falus did not symbolise dynasties gradually fading under the Arab pow-

¹⁶⁴ See also the extended version of V. N. Nastich's article here: https://www.academia.edu/3734886/A_Survey_of_the_Abbasid_Copper_Coinage_of_Transoxiana.

¹⁶⁵ The Bukharian tamga known primarily from coins has the form of a circle with four tendrils, one pair of which faces upwards and the other pair downwards. It means that the sign is the closest in form to the Samarkand tamga, which is natural for the signs of the two Kangju clans that conquered two neighbouring oases.

В таком случае тамги на фельсах символизируют не доживающие свой век под арабской властью династии, а сами владения или города – в данном случае Самарканд и Бухару. Как бы то ни было, подробная публикация раннеаббасидской меди В.Н. Настичем позволяет сделать некоторые дополнительные наблюдения и высказать предположения об использовании доисламских знаков в исламском монетном деле.

Так, на реверсе монет, битых в Саганийане (владение в Северном Тохаристане, занимавшее территории по среднему и верхнему течению Сурхандарьи) в 146/763-764 годах, мы видим знак в форме сдвоенного ромба с трилистниками на концах (fancy pattern – «орнаментальный узор» по В.Н. Настичу). Фельсчеканен по распоряжению амира Абу Азима (Nastich, 2012. P. 154. Fig. 13). Конечно, это может быть узор. Но если вспомнить, что в доисламском чекане Чаганиана/Саганийана встречаются две тамги в форме ромба (рис. 5, 2), то интерпретация может быть и иной. Одна из них – ромб на горизонтальной черте – встречается в виде надчеканов на драхмах сасанидского шаханшаха Пероза (459-484 годы) и местных подражаниях драхмам Пероза. Вторая тамга – ромб с двумя повернутыми в противоположные стороны крючками на острых углах – появляется в виде надчеканов на чаганхудатских драхмах – подражаниях монетам Сасанида Хосрова I Ануширвана (531-579 годы), а также занимает реверс медных монет с парным портретом. Серебряные монеты с надчеканом в виде ромба на подставке относят к V-VI векам, подражания Хосрову с надчеканом в виде ромба с крючками и медные монеты с парным портретом датируют VII – серединой VIII века (Ртвеладзе, 2002а. С. 206-208, 209; он же, 2002б. С. 220-227). Если учесть, как трансформировались на фельсах самаркандская и бухарская тамги, то «узор» вполне может оказаться саганийанской тамгой, также принявшей горизонтальное положение и «обросшей» дополнительными элементами. Возможно, что более ранние фельсы, чеканенные в 133-136/750-754 годах от имени Абд

er, but the territories or cities proper – in this case Samarkand or Bukhara. Be it as it might, V. N. Nastich's detailed publication of the early Abbasid copper made it possible to make some additional observations and suppose that pre-Islamic signs were used on Islamic coins.

So the reverse of coins minted in Saganian (a possession in Northern Tokharistan which covered territories along the middle and upper stretches of the Surkhandarya) in 146/763-764 has on it a sign in the form of a coupled rhombus with trefoils on the ends ('fancy pattern' after V. N. Nastich). The falus was minted by order of Emir Abu Azim (Nastich, 2012. P. 154. Fig. 13). Certainly, it may be a pattern. But given that two tamgas in the form of a rhombus (fig. 5, 2) have been recorded in Chaganian/Saganian, the interpretation may be different. One of the tamgas, a rhombus on a horizontal line, is found as a counterstamp on the drachmas of the Sasanian Shahanshah Peroz (459-484) and on local imitations of Peroz's drachmas. The second tamga, a rhombus with two hooks on sharp angles turned in the opposite directions, has been recorded as a counterstamp on Chagankhudat drachmas, which were imitations of the Sasanian coins issued by Khosrow I Anushirwan (531-579), and on the reverse of copper coins with a paired portrait. Silver coins with counterstamps in the form of a rhombus on a rest are referred to the 5th-6th centuries, while the imitations of Khosrow's coins with counterstamps in the form of a rhombus with hooks and copper coins with a paired portrait are dated to the 7th-middle 8th centuries (Rtveladze, 2002a. PP. 206-208, 209; *ibid*, 2002b. PP. 220-227). Given the way the Samarkandian and Bukharian tamgas transformed on falus, the 'pattern' can quite be the Saganian tamga, which was placed horizontally and provided with additional elements. It is quite possible that earlier falus minted in 133-136/750-754 on behalf of Abd ar-Rakhman b. Muslim¹⁶⁶ not specifying the

¹⁶⁶ Famous Abu Muslim, the head of the anti-Omeyyad movement in Eastern Caliphate, which led to the fall of this dynasty and the Abbasids' victory in 749.

ар-Рахмана б. Муслима¹⁶⁶ без указания места чеканки и имеющие на реверсе точно такой же знак (Nastich, 2012. PP. 148-149. Fig. 4), также были биты в Саганийане. Ромб с завитками на четырех углах помещен на другой тип саганийанских фельсов, чеканенных в 142/759-760 годах (Nastich, 2012. P. 152. Fig. 8). Возможно, это также более отдаленная интерпретация той же доисламской тамги.

Привлекает внимание еще один тип фельсов, чеканенных в Саганийане в 148/766 году: на их реверсе в поле под надписью помещен знак в виде дуги на подставке (Nastich, 2012. PP. 155-156. Fig. 15). Э.В. Ртвеладзе, первым опубликовавший фельсы данного типа, называет этот знак тамгой и сравнивает ее с тамгой на бронзовых монетах из района Бухары с портретом правителя на лицевой стороне (Ртвеладзе, 1985. С. 39. Рис. 1). В.Н. Настич называет данный знак тамгообразным (Nastich, 2012. P. 155). На наш взгляд, судя по экземплярам лучшей сохранности, опубликованным В.Н. Настичем, рассматриваемый знак полностью повторяет тамгу на группе медных анепиграфных монет термезского чекана (рис. 5, 3), датируемых в публикациях от второй половины IV до конца V века (Б.И. Вайнберг), от начала V до первой половины VIII века (Э.В. Ртвеладзе) и от конца V до начала VII века (Зеймаль) (Вайнберг, Раевская, 1982. С. 66; Ртвеладзе, 2002а. С. 215; Zeimal, 1996. P. 256. Fig. 5, 1-3). Один из авторов приводил параллели этой тамге, выявленные им среди сарматских знаков (тамга, вырезанная на стене склепа 1 некрополя Нейзац, у села Красногорское в Крыму, II-III века) (рис. 5, 4) и на монетах правителя Пенджикента Гамаукиана с квадратным отверстием (Ilyasov, 2003. P. 142. Pl. II, 7-10) (рис. 5, 5). Возникает вопрос, почему термезский знак фигурирует на саганийанской монете, если мы интерпретируем знаки на фельсах как символы владений, своего рода городские гербы? Возможно, дело в том, что на разных исторических этапах город Термез мог вклю-

minating place and having the same sign on the reverse (Nastich, 2012. PP. 148-149. Fig. 4) were also issued in Saganian. A rhombus with curls on the four angles was found on another type of Saganian falus minted in 142/759-760 (Nastich, 2012. P. 152. Fig. 8). It well may be a different interpretation of the same pre-Islamic tamga.

There is another interesting type of felus minted in Saganian in 148/766: on the reverse they have a sign in the form of an arc on a rest (Nastich, 2012. PP. 155-156. Fig. 15). E. V. Rtveladze, who was the first to publish the felus of this type, calls this sign a tamga and compares it with a tamga on bronze coins from the Bukhara area with a portrait of a ruler on the obverse (Rtveladze, 1985. P. 39. Fig. 1). V. N. Nastich calls this sign a tamga-like one (Nastich, 2012. P. 155). Based on better preserved specimens published by V. N. Nastich, we are inclined to think that the studied sign is an identical imitation of a tamga on a group of anepigraphic coins minted in Termez (fig. 5, 3) and dated in various publications between the second part of the 4th to the late 5th century (B. I. Vainberg), between the early 5th and the first half of the 7th century (E. V. Rtveladze) and between the late 5th and early 7th century (Zeimal) (Vainberg, Raevskaya, 1982. P. 66; Rtveladze, 2002a. C. 215; Zeimal, 1996. P. 256. Fig. 5, 1-3). One of the authors of this chapter has provided analogues of this tamga, one of which he discovered among Sarmatian signs (a tamga cut on the wall of crypt 1 of the Neyzats necropolis, near the village of Krasnogorskoe in Crimea, 2nd-3rd centuries) (fig. 5, 4) and the other on the coins of the ruler of Penjikent with a square aperture (Ilyasov, 2003. P. 142. Pl. II, 7-10) (fig. 5, 5). There is a question: why is the Termez sign found on a Saganian coin, when we interpret the signs on felus as symbols of possessions, as emblems of certain kinds? It is quite possible that Termez in different historical periods might be a part of Saganian territories, and in this case it was not the city of Saganian that was mentioned as the coin minter, but the

¹⁶⁶ Знаменитый Абу Муслим, возглавивший антиомейядское движение в Восточном халифате, приведшее к падению этой династии и победе Аббасидов в 749 году.

чаться в состав владения Саганийан, и в данном случае как место чеканки был указан не город Саганийан, а одноименное владение, а фактически фельсы отчеканили, допустим, в Термезе. Мы знаем примеры того, когда на монетах указывали не конкретный город, а владение: «бит этот фельс / дирхем в Шаше / Илаке / Фергане / Усрушане / Согде / Вахше». Такие монеты известны и в раннеаббасидском (Ильясов, Корн, Имамбердыев, 2016. С. 368. Рис. 1), и в саманидском, и в караханидском чекане (Давидович, 1977. С. 112-116; Кочнев, 2006. С. 44-45). Если мы не ошибаемся в нашем предположении, то, наверное, прав Э.В. Ртвеладзе, доведивший время чеканки термезских монет «с якорем» до первой половины VIII века.

Итак, как мы попытались показать, использование тамговых знаков доисламского происхождения в раннеисламском чекане Мавераннахра не ограничивалось Самаркандом и Бухарой. Полагаем, что дальнейший поиск в данном направлении, как и новые находки ранних фельсов, позволят найти и другие примеры подобного «долгожительства» знаков собственности, эволюционировавших на протяжении веков в династийные символы, а затем и в эмблемы городов.

В данной главе мы наметили ряд новых аспектов изучения социально-политических функций тамг. Естественно, что на нынешнем этапе разработки темы такой обзор получается несколько фрагментарным. Однако, как известно, заканчивается глава, статья или книга, но не заканчивается исследование.

possession with the same name, while the actual place where the felus were produced was Termez. We know of examples when a possession, not a city was specified on coins as a minting site: ‘this felus/dirham was issued in Shash / Ilak / Fergana / Ustrushana / Sogdia / Vakhsh’. Such coins were minted in the early Abbasid (Ilyasov, Korn, Imamberdiyev, 2016. P. 368. Fig. 1), Samanid and Karakhanid periods (Davidovich, 1977. PP. 112-116; Kochnev, 2006. PP. 44-45). If we are not mistaken with our supposition, E.V. Rtveladze is right to extend the minting of the Termez coins ‘with an anchor’ to the first half of the 8th century.

We have made an attempt to show that the area where pre-Islamic tamga signs were used on early Mawarannahr coins was not confined to Samarkand and Bukhara. We believe that further research in this area and new discoveries of early felus will make it possible to find other examples of the ‘long life’ of ownership signs, which in the course of centuries evolved into dynastic symbols and later emblems of cities.

In this chapter we outlined a number of new aspects in tamgas’ socio-political functions to be studied. Certainly, as there is still much to be studied within this subject area, this review is somewhat fragmentary. However, the end of an article, book or chapter does not mean the end of research.

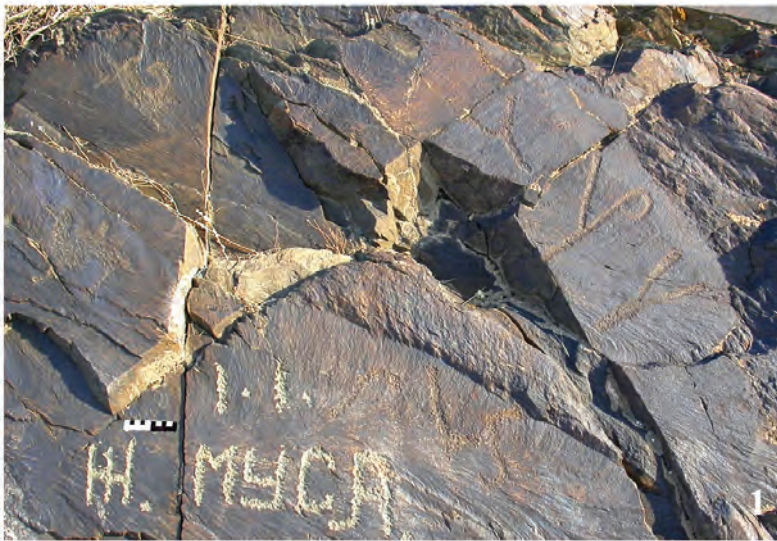

Главе 8. 1 – карта местонахождений знаков-петроглифов (1-8) и разновидности тамги тюргешей на монетах (по: Камышев, 2002): I – Акбешим (Суяб), II – Тараз; 1 – Боралдай, 2 – Сауыскандык, 3 – Кулжабасы, 4 – Ушкызыл, 5 – Котыр, 6 – Акколь, 7 – Ащысу, 8 – Калмакэмель. Знаки-петроглифы тюргешей: 2 – Котыр, 3 – Ащысу, 4 – Акколь

To chapter 8. 1 – map of sites of petroglyph signs (1-8) and variants of the Turgesh tamga on coins (after Kamyshev, 2002): I – Akbeshim (Suyab), II – Taraz; 1 – Boraldai, 2 – Sauyskandyk, 3 – Kulzhabyas, 4 – Ushkyzyl, 5 – Kotyr, 6 – Akkol, 7 – Ashchysu, 8 – Kalmakemel. Turgesh petroglyph signs: 2 – Kotyr, 3 – Ashchysu, 4 – Akkol

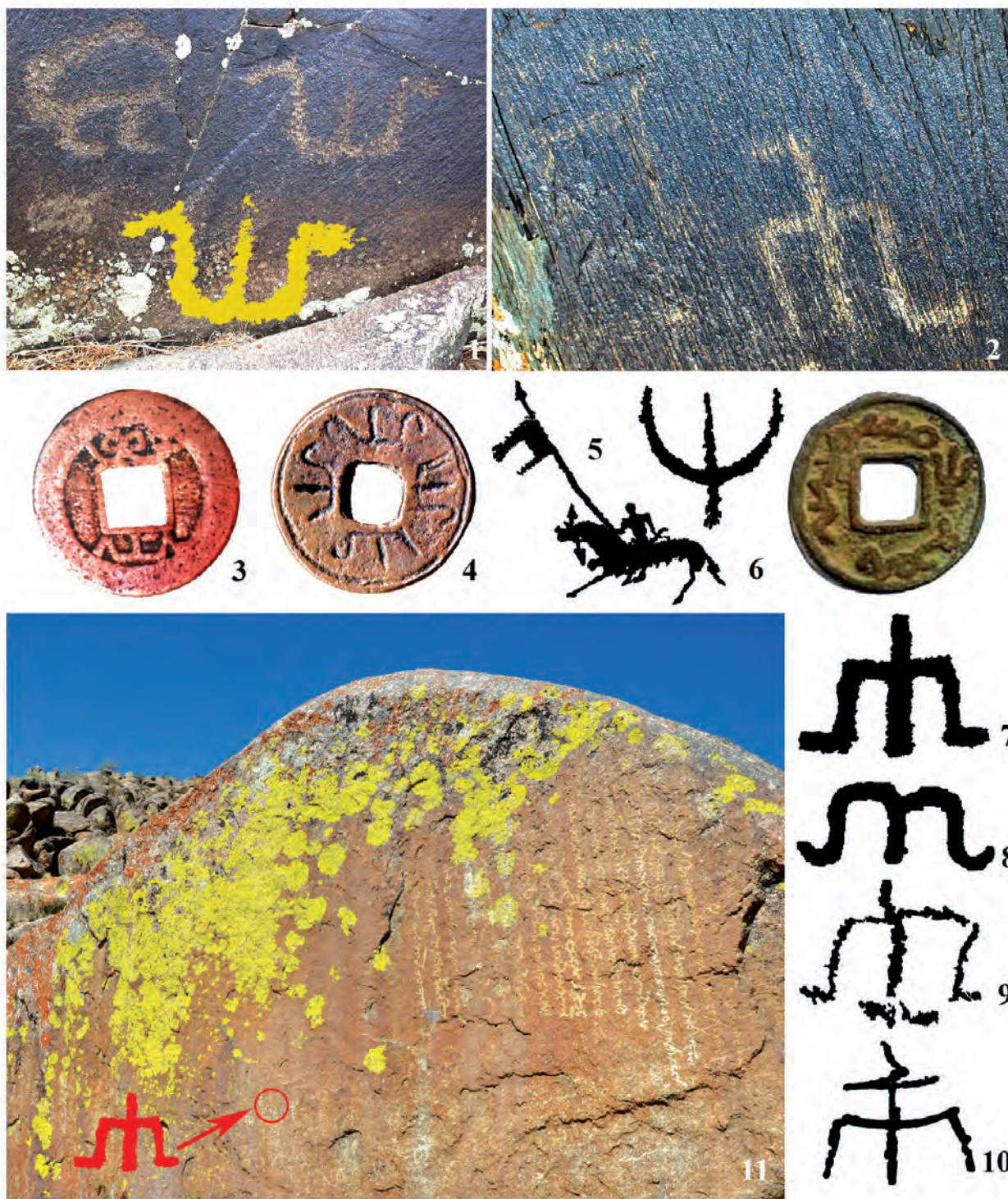

К главе 8. Скопление знаков в долине Акколь и аналогии: 1-2 – петроглифы, Акколь; 3-4 – тамга и всадник-знаменосец, Ойжайляу; 5-8 – собрание знаков, Тамгалы; 6 – бляшка-амулет, Сидак (по: Смагулов, 2014); 7 – изображение всадника-знаменосца, Кулжабасы; палимпсест с тюргешской тамгой, Котыр

To chapter 8. Cluster of signs in the Akkol Valley and their analogues: 1-2 – petroglyphs, Akkol; 3-4 – tamga and horseman bearing a standard, Oyzhaylau; 5-8 – collection of signs, Tamgaly; 6 – amulet buckle, Sidak (after Smagulov, 2014); 7 – image of a horseman bearing a standard, Kulzhabasy; palimpsest with the Turgesh tamga, Kotyr

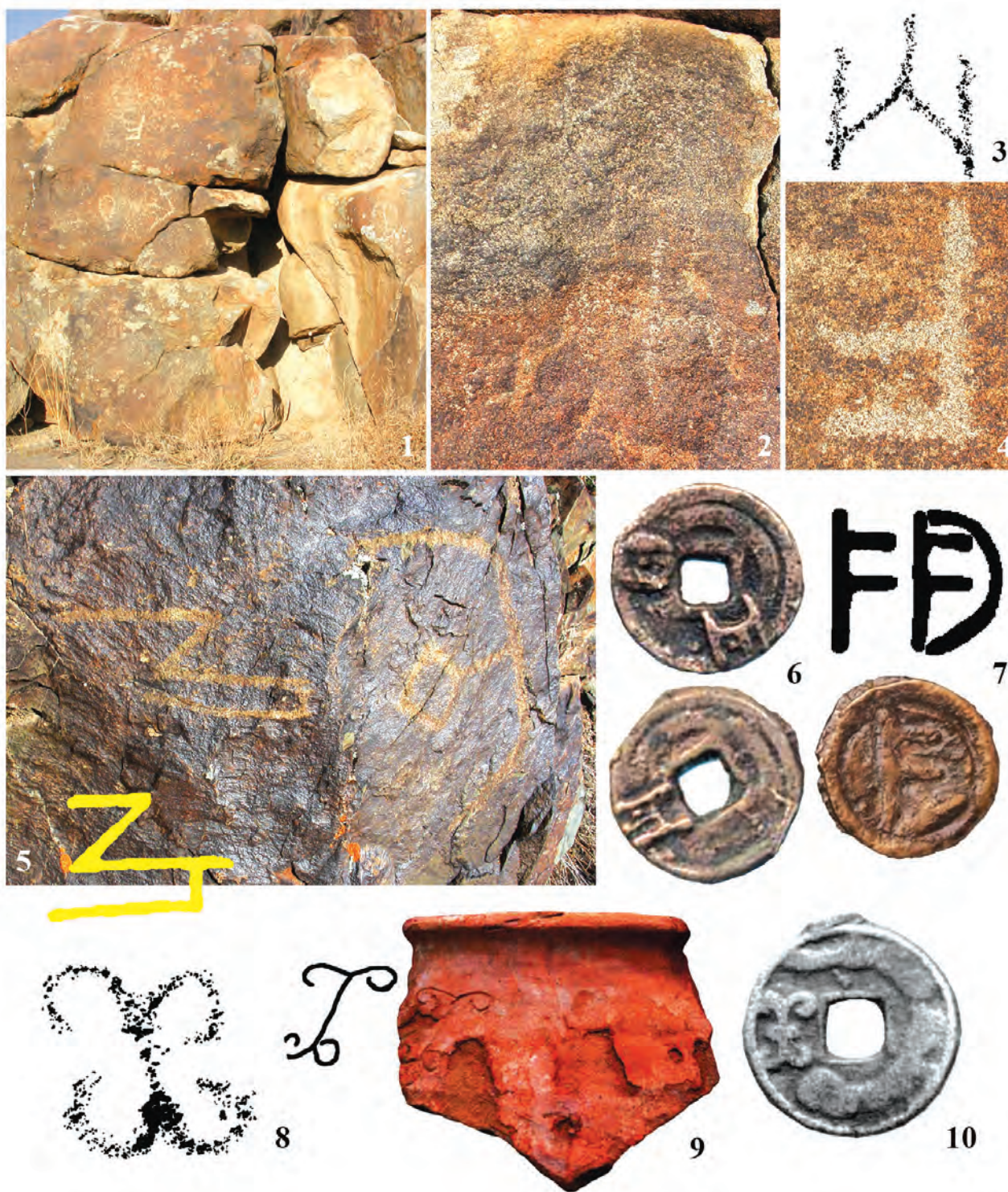

К главе 8. 1 – петроглифы, Тамгалы; 2 – петроглифы, Кулжабасы; 3 – знак на монете, Актобе, Чуйская долина (по: Шалекенов, 2009); 4, 6 – знаки на монетах, Красная Речка, Чуйская долина (по: Камышев, 2002; Бабаяров, Кубатин, 2016); 5 – петроглифы, Тамгалы; 7, 11 – тамга и согдийские надписи, Терексай, Таласская долина; фото А.Е. Рогожинского, 2014 г.; 8, 9 – тамги, сопровождающие согдийские (8) и тюркские рунические (9) надписи, Кулансай, Таласская долина; 10 – знак на блюде, Заамин (по: Грицина, 2002)

To chapter 8. 1 – petroglyphs, Tamgaly; 2 – petroglyphs, Kulzhabasy; 3 – sign on a coin, Aktobe, Chu Valley (after Shalekenov, 2009); 4, 6 – signs on coins, Krasnaya Rechka, Chu Valley (after Kamyshev, 2002; Babayarov, Kubatin, 2016); 5 – petroglyphs, Tamgaly; 7, 11 – tamga and Sogdian inscriptions, Tereksay, Talas Valley; photo by A.E. Rogozhinskii, 2014; 8, 9 – tamgas accompanying Sogdian (8) and Turkic runic (9) inscriptions, Kulansay, Talas Valley; 10 – sign on a dish, Zaamin (after Gritsina, 2002)

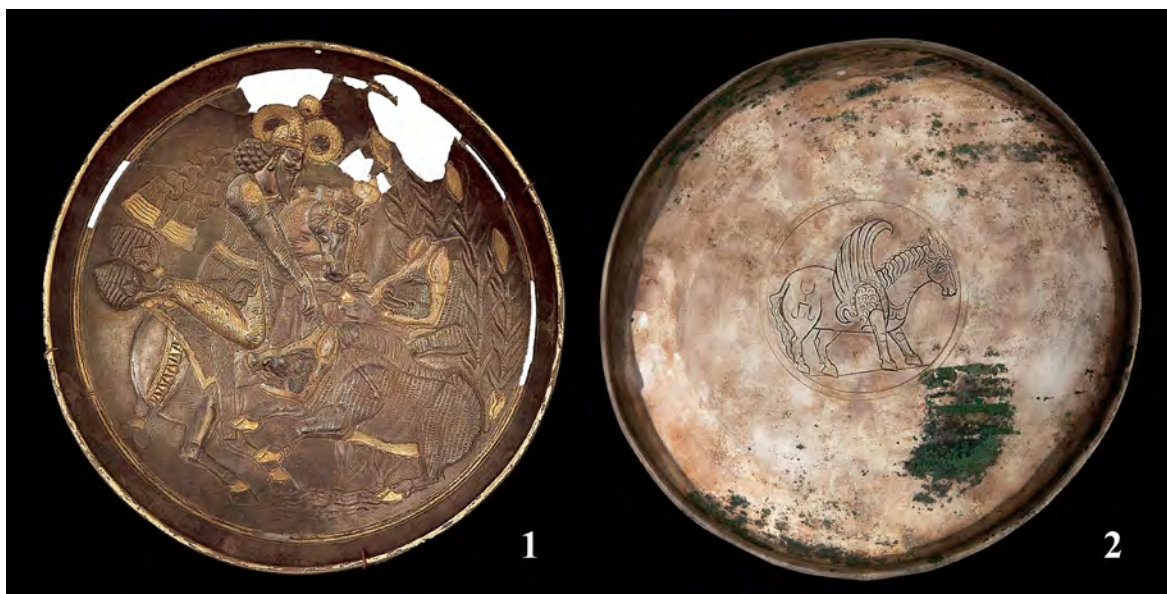

К главе 8. Знаки-петроглифы Семиречья (1-5, 8) и аналоги: 1-4 – Ащысу, 5 – Котыр, 8 – Тамгалы; 6 – монеты с тамгой тюргешей, перекрытой надчеканом, Акбешим (по: Камышев, 2008); 7 – знак на анепиграфных монетах Отрарского оазиса (по: Бабаяров, 2016); 9 – знак на сосуде, Пшакшитобе, Отрарский оазис (Баипаков, Авизова, 2015); 10 – знак на монете, Красная Речка (по: Лурье, 2010)

To chapter 8. Petroglyph signs in Semirechie (1-5, 8) and their analogues: 1-4 – Ashysu, 5 – Kotyr, 8 – Tamgaly; 6 – coins with the Turgesh tamga covered by a counterstamp, Akbeshim (after Kamyshev, 2008); 7 – sign on the anepigraphic coins of the Otrar oasis (after Babayarov, 2016); 9 – sign on a vessel, Pshakshitobe, Otrar oasis (Baipakov, Avizova, 2015); 10 – sign on a coin, Krasnaya Rechka (after Lurie, 2010)

К главе 9. Тамги на импортных изделиях и возможные заимствования: 1 – персидская серебряная чаша из деревни Керчева (Пермской губернии) с чачской надписью и тамгой, Гос. Эрмитаж (Смирнов, 1909. Табл. XXV. №53; фото Дж.Я. Ильясова); 2 – серебряная чаша из коллекции Фонда Марджани (Christie's, 2008. 3. 29. №22);

To chapter 9. Tamgas on imported goods and possible borrowings: 1 – Persian silver bowl from the village of Kerchevo (Perm Province) with a Chach inscription and tamga, the Hermitage Museum (Smirnov, 1909. Table XXV. No. 53; photo by J. Ilyasov); 2 – silver bowl from the Mardjani Foundation collection (Christie's, 2008. 3. 29. No. 22);

*К главе 9. Участок 5 с тамгами и сюжетными изображениями при входе в храм Байте III (плато Устюрт)
To chapter 9. Section 5 with tamgas and subject images at the entrance to Bayte III temple (Ustyurt Plateau)*

К главе 10. Монеты Чача с титулами «тегин» (1-4, 9-12) и «эльтебер» (5-8)
To chapter 10. Chach coins with the titles of 'tegin' (1-4, 9-12) and 'elteber' (5-8)

ГЛАВА 10
ТАМГИ НА МОНЕТАХ ОАЗИСОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г.Б. Бабаяров

Исторический фон. Со II-I веков до н.э. отчасти под влиянием ахеменидского Ирана и Индии, а главным образом Греко-Бактрийского (около 250–70 годов до н.э.) и Парфянского царств (247 год до н.э. – 224 год н.э.), такие среднеазиатские оазисные государства, как Бактрия (современные Северный Афганистан, Южные Узбекистан и Таджикистан) и Хорезм (нижнее течение Амударьи), начали чеканить свои монеты, являвшиеся самым удобным средством при обмене продукции и товаров. Изначально в монетах этих стран, расположенных в южной и юго-западной частях Средней Азии, заметно проявляется иноземное влияние (что отражается в первую очередь в рудиментах иранских и греческих, частично индийских традиций монетного чекана). Кушанская империя (I–III века н.э.), выпускавшая свои монеты почти в одно и то же время или несколько позднее оазисных государств Средней Азии, имела глубокие юэчжийские и сакские кочевые корни, в силу чего у нее имелись свои отличительные черты в традициях чеканки монет. И в технике чекана, и в использованной иконографии (в частности, использовании изображения правителя), в титулах и пр. на монетах Согда, Хорезма, Кушанской империи наблюдается иностранное влияние, однако со временем в их монетах явственно проявились этнорегиональные черты, особая иконография (в частности, наличие тамг становится обыденным).

В целом, за исключением Хорезма (где использование знаков наблюдаем еще с VI века до н.э.: см. главу 1), в оазисных государствах на юге и юго-западе Средней Азии с рубежа II-I веков до н.э. распространилась в основе кочевая традиция тамгопользования и знаки стали появляться на печатях, керамических изделиях и других артефактах.

CHAPTER 10
TAMGAS ON EARLY MEDIEVAL
COINS FROM CENTRAL ASIAN
OASES

G.B. Babayarov

Historical background. Influenced partly by Achaemenian Iran and India but mostly by the Greek-Bactrian Kingdom (circa 250–70 BC) and Parthian Empire (247 BC–224 AD), since the 2nd-1st century BC the Central Asian countries of Bactria (present-day Northern Afghanistan, Southern Uzbekistan and Southern Tajikistan) and Khorezm (lower stretches of the Amudarya) began minting their coins, which made exchange of goods much more convenient. The first coins in these countries situated in the southern and south-western parts of Central Asia had obvious traces of foreign features (primarily, rudiments of Iranian and Greek and, in part, Indian minting traditions). The Kushan Empire (1st-3rd century AD), which minted its own coins at about the same time as the above-mentioned oasis states did or a little later, was deeply rooted in the nomadic Saka and Yuezhi, which was reflected in the minting traditions as well. Foreign influence can be traced in the minting technique, use of iconography (in particular, the image of a ruler), titles and other features of Sogdian, Khorezmian and Kushan coins; however, in course of time, the ethno-regional character of those coins was becoming increasingly more express, and tamgas gradually became a common element in the iconography.

Generally, since the late 2nd-early 1st century BC most of the oasis states in the south and south-west of Central Asia, except Khorezm where signs were utilised since the 6th century BC (see Chapter 1), followed basically the nomadic tamga using tradition, so the marks could be found on seals, ceramic articles and other artifacts.

Since the first centuries AD coins were issued in Sogdia/the Zeravshan and Kashkadarya

С первых веков чекан местных монет был налажен в Согде / бассейне Зеравшана и Кашкадарьи (главным образом округа Самарканда – Бухары – Кеша – Нахшеба). Примерно в ту же эпоху началось денежное обращение в государстве Кангюй с центром в Отрарском оазисе (см. главу 5) или, как иногда думают, в Ташкентском оазисе.

Позднее, в III–VI веках кочевые по происхождению династии, правившие в южной части Средней Азии, продолжили в своих монетах традиции отображения тамг. В IV–VI веках н.э. денежное обращение региона было представлено монетами хионитов (перс. *Karmir Xyon* / кит. 獺, IV–V века), кидаритов (*Kidāra*, V век) и эфталитов (перс. *Hayātela* / кит. 嚙嗟, ок. 450-570 годов), этносов спорного происхождения, правивших один за другим в южных областях Средней Азии.

В раннем средневековье западная часть Центральной Азии, в частности ее древние земледельческие зоны: Северный Хорасан (Южный Туркменистан), Северный Афганистан, междуречье Амударьи–Сырдарьи (араб. Мавераннахр), бассейн Средней Сырдарьи (Южный Казахстан и Ташкентский Оазис) и Семиречье (Илийская и Чу-Таласская долины / Юго-Восточный Казахстан – Северный Кыргызстан), были известны не только в качестве территорий с развитыми городской культурой и традициями государственности, но и как регионы, в которых производился чекан местных монет, занимающих заметное место в истории цивилизации региона.

Для изучения тамгопользования правящих элит того времени важно понимание процессов миграции и оседания кочевых племен, пришедших с севера и востока, которые сопровождалось оформлением новых правящих династий. Эти разноэтнические кочевые общества были в целом близки в социально-культурном отношении. В период до середины I тысячелетия н.э. восточноиранские кочевники, а затем кочевники тюркского и монгольского происхождения активно участвовали в международной политике и торговле. Думается, номады разного происхождения в центральноазиатском регионе шире, чем оседлые народы, использовали в быту такую катего-

Basins (mostly in the Samarkand – Bukhara – Kesh – Nakhshheb area). At about the same time coins began circulating in Kangju with the core in the Otrar Oasis (see Chapter 5) or, according to some specialists, in the Tashkent Oasis.

Later, in the 3rd-6th centuries, dynasties of nomadic origin that ruled in the southern part of Central Asia continued to use tamgas in their coinage. In the 4th-6th centuries the peoples whose coins circulated in the region were Xionites (Persian *Karmir Xyon* / Chinese 獺, 4th-5th centuries), Kidarites (*Kidāra*, 5th century) and Hephthalites (Persian *Hayātela* / Chinese 嚙嗟, circa 450-570), as well as ethnic groups of disputable origins, who ruled one after the other in the southern areas of Central Asia.

In the early Middle Ages the western part of Central Asia, in particular, its ancient crop cultivation areas such as Northern Khorasan (present-day Southern Turkmenistan), Northern Afghanistan, the interfluvium of Amudarya and Syrdarya (Arab Mawarannahr), the middle Syrdarya basin (Southern Kazakhstan and the Tashkent Oasis) and Semirechie (the Ili and Chu-Talas valleys/South-Eastern Kazakhstan – Northern Kyrgyzstan) were not only known as territories with well-developed urban culture and statehood traditions, but were also famous for their coinage, which occupies a prominent position in the history of the regional civilization.

To study tamgas used by the ruling elite of that time it is necessary to understand migratory processes and the settlement of nomadic tribes that came from the north and east, which was accompanied by the formation of new ruling dynasties. These multiethnic nomadic communities were generally close to each other socially and culturally. Until the middle of the 1st millennium AD first the eastern Iranian and later Turkic and Mongolian nomads were actively participating in international policy and trade. Probably, nomads of different origins in Central Asia used tamgas in everyday life more widely than sedentary peoples. They utilised this category of signs to define property and participation, in particular, to mark livestock (although these sign systems appeared in Bactria in the Bronze Age and the Achaemenians

рию знаков, как тамги, для определения собственности и сопричастности, особенно – для мечения скота (хотя такие знаковые системы зародились еще в Бактрии эпохи бронзы, а затем применялись Ахеменидами и в Хорезме). Тамги номадов чаще были клановыми. После перехода к оседлой жизни они составили правящие элиты в тех или иных оазисных государствах и отчасти продолжили там свои традиции тамгопользования.

В раннем средневековье мы видим тамги на монетах всех оазисных государств, расположенных между Амударьей и Сырдарьей и в близлежащих областях, как то Чач (Ташкентский оазис), Оtrar, Фергана, Уструшана, Самарканд, Бухара, Кеш (Шахрисябз), Нахшеб (Карши), Тохаристан (Термез, Чаганиан и др.), Хорезм и др. В отличие от древности и первой половины I тысячелетия н.э., в раннем средневековье тамги на монетах Средней Азии весьма разнообразны. Это связано с политическими обстоятельствами эпохи. Так, по сравнению с древностью, в раннем средневековье в Средней Азии политическая раздробленность была заметно большей (количество небольших государств приближалось к двадцати).

Небольшие оазисные государства, даже будучи в конце VI – начале VIII века в подчинении у Тюркского каганата и его наследников, были достаточно самостоятельны во внутренних делах, в частности в монетном чекане. В составе этих государств (по территории сравнимых с современными административными областями Узбекистана или окрестных государств) существовали еще несколько мелких политических образований. Так, например, в Согде существовали такие относительно крупные государства, как Самарканд, Панч (Пянджикент), Нахшеб, Кеш, и такие более мелкие государства, как Иштихан, Кабудан, Фай, Маймург; в Тохаристане было более двадцати крупных и мелких государств. Все мелкие государства и княжества в составе двух названных оазисных владений выпускали свои монеты, на которых отображены местные тамги (Zeymal', 1994. PP. 245-267). Похожая ситуация наблюдалась в таких владениях, как Чач и Бухара (Rtveladze, 1997/98.

used them later in Khorezm). Nomads mostly used tamgas to identify clans. When they became settled, their ruling elites that formed in various oasis states continued the tamga use traditions.

In the early Middle Ages tamgas were present on the coins of all oasis states between the Amudarya and Syrdarya and adjacent territories, including Chach (Tashkent Oasis), Otrar, Fergana, Ustrushana, Samarkand, Buhara, Kesh (Shakhrisabz), Nakhshab (Karshi), Tokharistan (Termez, Saganian and others), Khorezm and others. Unlike in the antiquity and the first half of the 1st millennium AD, tamgas on Central Asian coins in the Middle Ages were quite diverse. This is connected with the political situation that existed in that period. Comparing to the antiquity, in the early medieval period the political disunion of Central Asia had much greater proportions (with around twenty small states existing in the region).

Even though they were subordinate to the Turkic khaganate and its antecedents between the late 6th and early 8th centuries, the small oasis countries were quite independent in internal affairs, in particular, in coinage. Each of these states, which territorially were roughly equal to the provinces in modern Uzbekistan or neighbouring countries, consisted of several smaller political divisions. So, Sogd comprised some relatively large states, such as Samarkand, Panj (Penjikent), Nakhshab and Kesh, and a few smaller ones, such as Ishtikhan, Kabudan, Fay and Maymurg; Tokharistan consisted of over twenty states of various sizes. All smaller states and principalities within the two mentioned oasis formations issued their own coins, on which local tamgas were put (Zeymal', 1994. PP. 245-267). A similar situation was observed in Chach and Bukhara (Rtveladze, 1997/98. PP. 307-328; Naymark, 1996. PP. 11-13; Musakayeva, 1997. PP. 21-31).

According to Chinese chronicles and some other written sources in Sogdian, Bactrian, Pehlevi, Greek, Arab and other languages, in the pre-Islamic period Central Asia or, rather, the interfluvium between the Amudarya and Syrdarya and adjacent territories comprised a number of historico-cultural areas, such as Chach, Otrar,

PP. 307-328; Naymark, 1996. PP. 11-13; Мусакаева, 1997. С. 21-31).

Как известно в первую очередь из китайских хроник, а также письменных источников на согдийском, бактрийском, пехлеви, греческом, арабском и других языках, в доисламскую эпоху в Средней Азии, точнее в междуречье Амударьи и Сырдарьи и прилегающих к нему территориях, такие историко-культурные области, как Чач, Отрар, Фергана, Уструшана, Самарканд, Бухара, области Тохаристана, Мерв, Хорезм и др., представляли из себя отдельные политико-административные единицы – оазисные государства или владения, которые имели полунезависимый статус. В каждом из таких владений имелись местные символы власти, собственная наследственная династия, столица, законодательство, собственная военная организация, относительно стабильно очерченные границы, а также монетный чекан. Некоторые из них представляли собой федерацию из более мелких владений. В частности, такое политическое устройство было характерно для Тохаристана и Согда. Например, Тохаристан, согласно китайскому паломнику Сюаньцзану (602-664), который в 630-х годах посетил эту область, состоял из 27 малых владений (Термез, Чаганиан, Хутталь, Кумед, Кобадан, Шугнан, Вахан, Балх, Гузган и др.), подчинявшихся тохаристанским *ябгу*, а через них - Западно-Тюркскому каганату (Humbach, 1996, II. S. 257; Harmatta, Litvinskiy, 1996. PP. 367-371; Бобоёров, 2002. С. 10-11). Так во второй четверти VII века во главе центрального управления Тохаристана стояла связанная происхождением с каганатом династия *Ябгу*, являвшаяся одним из ответвлений династии Ашина, а правившие в малых владениях отдельные местные династии, признавая ее верховенство, в то же время были независимы от соседей и продолжали во многом сохранять свою власть.

Таким образом, все упомянутые выше оазисные владения, расположенные в междуречье Амударьи–Сырдарьи и соседних с ним территориях, в политическом отношении являлись зависимыми от Западно-Тюркского каганата владениями (рис. 1), и это положение нашло свое отражение в их монетном чекане.

Fergana, Ustrushana, Samarkand, Bukhara, a few provinces of Tokharistan, Merv, Khorezm and some others, which were separate politico-administrative units, oasis states or state units with a semi-dependent status. Each of these units had its own local symbols of power, dynasty, capital, laws, military system, relatively stable borders and coin. Some of them were federated states consisting of a few smaller units. The latter refers to Tokharistan and Sogd. According to Chinese pilgrim Xuanzang (602-664), who visited Tokharistan in the 630s, the state comprised 27 minor possessions (Termez, Saganian, Khuttal, Kumed, Kobadian, Shugnan, Vakhan, Balkh, Guzgan and others subordinate to the Tokhari *yabghu* and more centrally to the Western Turkic khaganate (Humbach, 1996, II. S. 257; Harmatta, Litvinsky, 1996. PP. 367-371; Boboyorov, 2002. PP. 10-11). In the second quarter of the 7th century Tokharistan was ruled by the *Yabghu* dynasty, which branched from the Ashina dynasty and was originally associated with the khaganate, while local dynasties that governed smaller units admitted the superiority of the *Yabghu* but were independent from their neighbours and continued to retain much of their power.

Thus, all the above mentioned oasis state formations in the interfluvium between the Amudarya and Syrdarya and adjacent territories were dependent politically from the Western Turkic khaganate (fig. 1), and this situation was reflected in coinage. So, most of the local dynasties minted their own coins together with ones *on behalf of the khagans*. However, most of the mentioned states were ruled by dynasties either directly originating from (Chach, Fergana, Tokharistan) (Skaff, 2002. PP. 364-366; Stark, 2008. PP. 211, 221-225; Babayarov, 2012b. P. 42) or indirectly related to (Otrar, Samarkand, Panj, Nakhshab, Bukhara, Saganian, Termez and others) the Ashina dynasty, the royal family of the Western Turkic khaganate, which was reflected in the coinage through use of titles, iconography, themes, tamgas, symbols and other elements typical of the khaganate (Masson, 1951. PP. 97-104; Livshits, 1979. PP. 56-69; Rtveladze, 1998. P. 11; Baratova, 2005. P. 418).

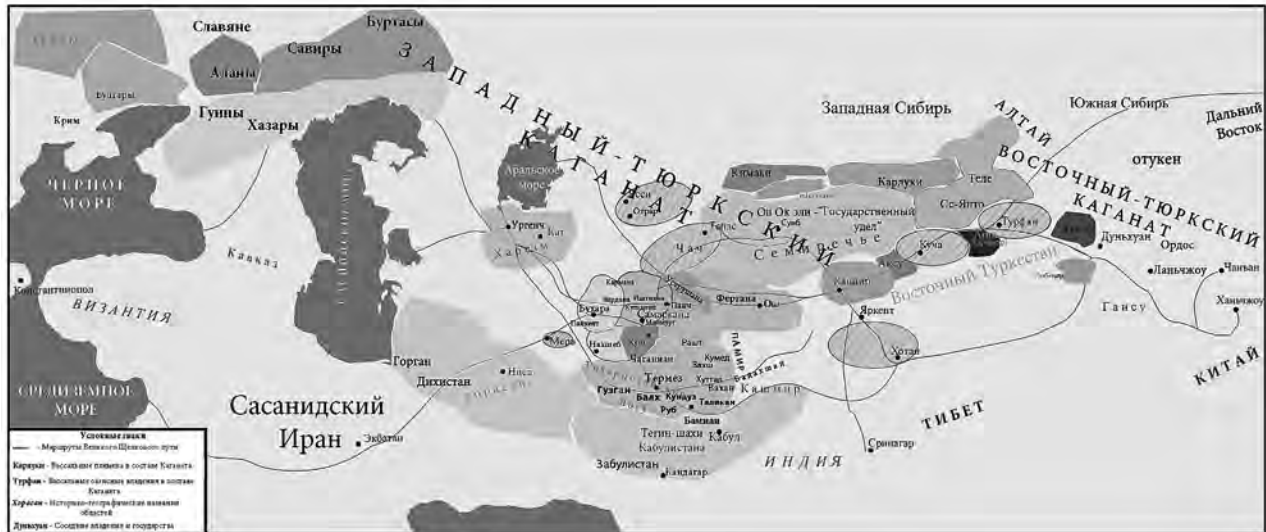

Рис. 1. Карта вассальных владений Западно-Тюркского каганата в первой половине VII века

Fig. 1. Map of the vassal states of the Western Turkic Khaganate in the first half of the 7th century

В частности, в большинстве из них местные династии, наряду с чеканом своих традиционных монет, также чеканили монеты на имя каганов. Однако в большинстве упомянутых владений правили династии, либо непосредственно связанные своим происхождением с правящим домом Западно-Тюркского каганата – династией Ашина (Чач, Фергана, Тохаристан) (Skaff, 2002. PP. 364-366; Stark, 2008. PP. 211, 221-225; Бабаяров, 2012. С. 42), либо связанные с ним косвенно (Отрар, Самарканд, Панч, Нахшеб, Бухара, Чаганиан, Термез и др.), что нашло свое отражение в их монетном чекане, проявившееся в использовании присущих каганату титулов, иконографии, сюжетов, тамг, символов и др. (Массон, 1951. С. 97-104; Лившиц, 1979. С. 56-69; Ртвеладзе, 1998. С. 11; Баратова, 2005. С. 418).

Проблема этнической принадлежности правящих династий оазисных государств

Этносы, к которым принадлежали тамги правителей названных оазисных государств, до сих пор не выяснены в полной мере (приходится также учесть, что многие династии в разных районах мира из-за династических браков со временем утрачивали свой узко-этнический характер). В результате этническое определение тамг на их монетах также остается неясным (Yatsenko, 2010. PP. 111-113).

The problem of the ethnicity of oasis states' dynasties

Ethnic groups the tamgas of the rulers of the mentioned oasis states belonged to have not yet been quite identified (it should also be kept in mind that dynasties across the world often could not be referred to a specific ethnic group because of interdynastic marriages). Thus, it is hard to specify the ethnicity of the tamgas on their coins (Yatsenko, 2010. PP. 111-113). In fact, none of the extant written sources contains accurate information on a tribe or ruling dynasty this or that tamga belonged to; therefore, specialists' opinions about it diverge. Some researchers refer the oasis states' tamgas to ancient Turkic tribes, while others think that individual tamgas were linked to 'aboriginal' Eastern Iranian people. Some of the conclusions are quite emotional rather than logically systematic.

Indeed, some of the coins have on them legends in Sogdian letters (Babayarov, Kubatin, 2009b) – *c'cyнк* ('of Chach'), *kyšyнк* ('of Kesh'), *pxh'r* ('of Bukhara') (Zeymal', 1994. PP. 245-267; Livshits, 2005. PP. 119-126); however, these legends do not contain the names of ethnic groups, but, rather, the names of states in which this or that coin was minted. In addition, some of the coins' features and some tamgas on them make it possible to specify the names

Фактически ни в одном сохранившемся письменном источнике нет точных сведений о том, к какому племени или какой правящей династии принадлежит та или иная тамга; соответственно, исследователи имеют различные точки зрения в этот счет. Если некоторые ученые связывают тамги, принадлежащие оазисным государствам, с древнетюркскими племенами, другие склонны относить ту или иную тамгу к «аборигенному» восточноиранскому населению. Подчас мы наблюдаем эмоциональные оценки, а не логичные научные выводы.

Действительно, во многих монетах можно увидеть легенды согдийским письмом (Бабаяров, Кубатин, 2009б) *c'cynk* «чачский», *ku'synk* «кешский», *pxh'r* «бухарский» (Zeymal', 1994. PP. 245-267; Лившиц, 2005. С. 119-126), однако эти легенды отражают скорее не названия этносов, а названия государств, в которых та или иная монета чеканена. Кроме того, некоторые особенности монет, а также некоторые тамги на них позволяют более точно определить имена династий или племен. Например, тамга в форме , которая выведена на монетах Чачских тегингов (*c'cynk tk'yn*) (рис. 2, 1-2), может быть связана с ранними тюрками или Тюркским каганатом, в частности, династией Ашина. Как известно, титул *tk'yn* «тегин» в этот период был частью системы титулов Тюркского каганата и использовался принцами правящей династии каганата – Ашина (Chavannes, 1903. P. 21). С другой стороны, такие черты лица правителя в портрете, отображенном на монете, как узкие глаза, безбородое круглое лицо и волосы, падающие на плечи, подкрепляют нашу гипотезу. Тот факт, что китайские письменные источники этого периода упоминают правителя с титулом *теле* «тегин», например: Tien-chi (tegin) Te-le в Чачском владении в составе Западно-Тюркского каганата, а также фиксация того факта, что сей правитель, убив местного правителя, позже сам в качестве правителя Чача отправил посольство в Китай, к династии Суй (Ibid. P. 140), увеличивает вероятность того, что данные монеты были отчеканены представителем династии Ашина.

Аналогичная ситуация, опять-таки связанная с Чачским владением, наблюдается в не-

of dynasties or tribes. So, the tamga on the coins of Chach's tegin (*c'cynk tk'yn*) (fig. 2, 1-2), can be associated with early Turkic people or the Turkic khaganate, in particular, with the Ashina dynasty. As is well known, in that period the title of *tk'yn* ('tegin') was a part of the titular system of the Turkic khaganate and was used by the princes of the Ashina, the khaganate's ruling dynasty (Chavannes, 1903. P. 21). On the other hand, some of the facial features of the ruler portrayed on the coin, such as narrow eyes, beardless round face and hair dropping onto shoulders, support our hypothesis. The fact that Chinese written sources of that period mention a ruler with the title of *tele* ('tegin'), e.g. Tien-chi (tegin) Te-le in Chach which was a part of the Western Turkic khaganate, as well as that the above-said ruler killed a local lord, seized the latter's throne and later sent an embassy to the Sui dynasty in China (Ibid. P. 140) further testify that those coins were minted by someone from the Ashina dynasty.

The same can be observed on a few coin types with the ancient Turkic title of *tdwn* (**tu-dun**), which is also related to Chach (Smirnova, 1963. P. 33. Ns. 777-783; Babayar, 2007. PP. 103-105) (fig. 3, 5). However, unlike the coins with the 'tegin' title, it is hard to establish whether these ones belong to a Turkic or non-Turkic ethnic group. The Chinese chronicles Sui-shu (隋書) written in 636 under the general guidance of Wei Zheng maintain the following: '...to control the captured states and launch the collection of taxes *tuduns* were sent to these countries...' (Chavannes, 1903. P. 152); this was done by *Tun Shekhu-kekhan* (Tun yabghu-khagan). There were a few rulers in Chach who had ancient Turkic names and bore the title of 'tudun', which is specified in the Chinese chronicles Tangshu (唐書) finished by Liu Xu in 945 (Ibid. PP. 140-142; Skaff, 2002. PP. 364-372; Vaissière, 2005. P. 113). However, the categorical character of the conclusions about this issue seems inappropriate today. The thing is that at that period the elite of the Turkic khaganate adopted certain Iranian and other foreign names and titles, while after the Turkisation of Sogdian and other local dynasties could also use ancient Turkic names and titles

скольких типах монет с древнетюркским титулом *tdwn* «тудун» (Смирнова, 1963. С. 33. №№ 777–783; Babayar, 2007. PP. 103-105) (рис. 3, 5). Однако в отличие от монет с титулом «тегин», трудно точно определить, к какому тюркскому или нетюркскому этносу относится этот чекан. В китайской хронике «Суйшу» (隋書), составленной к 636 году под общим руководством Вэй Жэня, отмечается: «...чтобы контролировать захваченные страны и организовать сбор налогов, в эти страны были отправлены тудуны...» (Chavannes, 1903. P. 152), и сделал это Тун Шэху-кэхан (Тун ябгу-каган). В Чаче было несколько правителей, которые носили древнетюркское имя и титул «тудун», что отмечено в китайской хронике «Таншу» (唐書), составленной Лю Цю к 945 году (Ibid. PP. 140-142; Skaff, 2002. PP. 364-372; Vaissière, 2005. P. 113). Однако категоричность в выводах относительно этого вопроса сегодня может оказаться не самым разумным подходом. Ведь в этот период представители элиты Тюркского каганата позаимствовали некоторые иранские и другие иностранные имена и титулы, а в результате тюркизации согдийские и другие местные династии тоже могли использовать древнетюркские имена и титулы (Rtveladze, 2006. С. 117-118; Golden, 2016. PP. 26, 43-50; Бабаяров, 2012. С. 35-36). Наряду с идеей, что тудуны Чача были знатными тюрками, связанными своим происхождением с Великим каганатом, существует еще одна гипотеза, выдвинутая нумизматом О.И. Смирновой (Смирнова, 1970. С. 185). Согласно ей, эти тудуны происходили от древнетюркских племен, населявших бассейн Сырдарьи. Представляется, что данная гипотеза будет доказана лишь после обнаружения весомых доказательств.

Реальные детали, уточняющие атрибуцию тамг на монетах – это *титулы, эпитеты и личные имена*. Однако эта информация также имеет свои недостатки и вводящие в заблуждение аспекты. Так, в период существования Тюркского каганата представители всех, не только собственно древнетюркских, но в том числе и согдийских, и прочих восточноиранских династий могли носить древнетюркские титулы. Например, на легенде одной из монет

Рис. 2. Монеты Чача с титулами «тегин» (1-4, 9-12) и «эльтебер» (5-8)

Fig. 2. Chach coins with the titles of 'tegin' (1-4, 9-12) and 'elteber' (5-8)

(Rtveladze, 2006. PP. 117-118; Golden, 2016. PP. 26, 43-50; Babayarov, 2012a. PP. 35-36). Apart from the idea that Chach's tuduns were Turkic noblemen, whose origin was associated with the Turkic khaganate, there is a hypothesis proposed by numismatist O. I. Smirnova (Smirnova, 1970. P. 185). According to the researcher, tuduns originated from ancient Turkic tribes inhabiting the Syrdarya basin. This hypothesis wants solid proof.

Real elements that help specify the attribution of tamgas on coins are *titles, epithets and personal names*. However, information of this type also has shortcomings and ambiguous aspects. For instance, at the time of the Turkic khaganate, apart from ancient Turkic families, representatives of all other dynasties, including Sogdian and other Eastern Iranian ones, could bear ancient Turkic titles. So, a legend on one

Чача обнаружен древнетюркский титул *rytptyr* «эльтебер» (легенда на монете полностью читается как *c'cynk xwβ ynk' rytptyr* «Правитель Чача Янга-Элтебер») (Бабаяров, 2007. С. 42) (рис. 2, 5-8), но информация, приведенная в китайских хрониках «Суйшу» и «Таншу», согласно которой «*Tun Shekhu-khagan взял под свой контроль западные страны и дал местным правителям титул си-ли-фа (эльтебер)*», заставляет нас думать, что титул носили не только тюркские правители и он использовался также представителями нетюркских династий. Как мне представляется, есть высокая вероятность того, что правители Чача, которые чеканили собственные монеты с титулом «эльтебер», происходили от одного из древнетюркских племен. В пользу этого говорит то, что форма тамги на этих монетах идентична таковой у чачских тегинов, а также аналогична иконографии монет с титулом «тегин» (изображающей правителя с безбородым круглым лицом и узкими глазами) (рис. 2, 1-3). Возможно, местным правителям с титулом «эльтебер» позволялось использовать тамгу своих владык – чачских тегинов из династии Ашина, в знак покровительства и как поощрение лояльности, хотя в других случаях для монетной чеканки Центральной Азии подобное использование тамг не наблюдалось.

Сходство тамг, возможно, также показывает, что в доисламской Центральной Азии правящие династии могли происходить из одного племени или же родственных групп. Например, в конце VI – первой четверти VII века в Чаче выпускались монеты с тамгами формы и легендой, отображающей типичные для Тюркского каганата титулы *žpγw* «ябгу» или *twrk x'γ'n* «Тюрк-каган / тюркский каган» (Babayarov, Kubatin, 2013. С. 47–58) (рис. 4, 3, 7; 3, 1, 1-2). В VII веке в Фергане выпускались монеты с тамгой формы , а также с древнетюркской рунической надписью *kγm qǵn*, что означает «мой хан / правитель каган» (рис. 5, 2, 1-2). Интересно, что на монетах из обоих этих регионов есть типичные для древних тюрков портреты правителя (безбородое круглое лицо, узкие глаза, волосы, падающие на плечи) (рис. 5, 1, 1-2 и 2, 1-2). Как отмечено в хронике «Таншу», в 630-х годах во владении

of the Chach coins has on it the ancient Turkic title *rytptyr* ('elteber') (the full legend on the coin reads as *c'cynk xwβ ynk' rytptyr* ('Yanga Elteber, the lord of Chach')) (Babayarov, 2007. P. 42) (fig. 2, 5-8), but the information in the Chinese chronicles Sui-Shu and Tangshu, according to which '*Tun Shekhu-khagan took control of western countries and granted the title of si-li-fa (elteber) upon the local rulers*', suggests that the title was used not only by Turkic rulers, but representatives of non-Turkic dynasties as well. I think that the rulers of Chach who minted personal coins with the title of 'elteber' might well originate from one of ancient Turkic tribes. This is also supported by the form of the tamga on these coins, which is identical to that of Chach tegins and similar to the iconography of coins with the title of 'tegin' (depicting a ruler with a round beardless face and narrow eyes) (fig. 2, 1-3). It is possible that local rulers with the title of 'elteber' were allowed to use the tamga of their lords – Chach tegins from the Ashina dynasty – as a token of patronage and to inspire loyalty, although this use of tamga has never been recorded on coins elsewhere in Central Asia.

The similarity between tamgas also indicates that in pre-Islamic Central Asia ruling dynasties could originate from one tribe or kindred groups. So, in the late 6th–first quarter of the 7th centuries there were coins in Chach with the tamga and a legend containing the Turkic khaganate-specific titles of *žpγw* ('yabghu') or *twrk x'γ'n* ('Turk khagan/Turkic khagan') (Babayarov, Kubatin, 2013. С. 47–58) (figs. 5, 3, 7; 3, 1, 1-2). In the 7th century in Ferghana some coins had the tamga and the ancient runic inscription 'kγm qǵn' translating as 'my khan/lord the khagan' (fig. 5, 2, 1-2). Interestingly, the coins from these two regions have on them portraits of typical Turkic rulers (the beardless round face, narrow eyes and hair dropping on the shoulders) (fig. 5, 1, 1-2 u 2, 1-2). According to Tangshu, in the 630s the ruler of an area named *Bo-khan-na* (Fergana) was killed by Bakhadur (Mokhedu) khagan of the Western Turkic khaganate (Chavannes, 1903. P. 148), after which the throne was captured by a prince from the Ashina dynasty. This means

Бо-хан-на (Фергана) местный правитель был убит представителем западных тюрков Бахадуром (Мохеду) каганом (Chavannes, 1903. P. 148), после чего к власти пришел принц из династии Ашина. Значит, сходство тамг на монетах Чача и Ферганы, скорее всего, основывалось на том, что в этих регионах доминировала одна и та же правящая династия. Аналогичная ситуация наблюдается в Тохаристане, где в VII–VIII веках один из типов монет имел такую же тамгу (рис. 3, 22). Аналогичную тамгу () можно видеть на монетах, выпущенных в Чаче Западно-Тюркским каганатом в первой половине VII века, на которых зафиксированы титулы *срүw x'γ'n* «ябгу-каган» и *twn срүw x'γ'n* «Тун ябгу-каган» (рис. 4, 13–16; 8, 2). Как можно судить по китайским источникам, в этот период в *Ту-холо* (Тохаристане) правила династия с титулом «ябгу», происходившая из западных тюрков (Ibid. pp. 155–158). Согласно китайской хронике «Таншу» и древнетюркскому (уйгурскому) переводу путешествия китайского священника Сюаньцзана, западно-тюркский правитель по имени *Тун Шэ-ху Ке-хан* (Тун ябгу-каган) отправил своего сына *Да-ту Ше* (Тарду Шада) в Тохаристан, который затем объявил себя *twx'r yvgrw* «Тохар ябгу / Тохарский ябгу» (Тугшева, 1991. С. 68, 202).

Возможная семантика форм тамг

Выявление семантики тамг, найденных на доисламских монетах Центральной Азии, является сложной проблемой. Возможно, что вначале формы тамг имели иногда вид священного животного (например, тамгу клана Ашина образовало схематичное изображение горного козла, тамгу клана Ашида – дракон) или представляли собой схематичные образы бытовых предметов и т.п. (см., например, о якутах Сибири в главе 9), а позже дополнились геометрическими фигурами, чужими буквами и др. Воссоздание семантики тамг на монетах Средней Азии сегодня проблематично и в основном имеет характер догадок без аргументации. Так, О.И. Смирнова, специалист по монетам с согдийскими легендами, интерпретировала тамгу (рис. 3, 5) на образцах с древнетюркским титулом «тудун»,

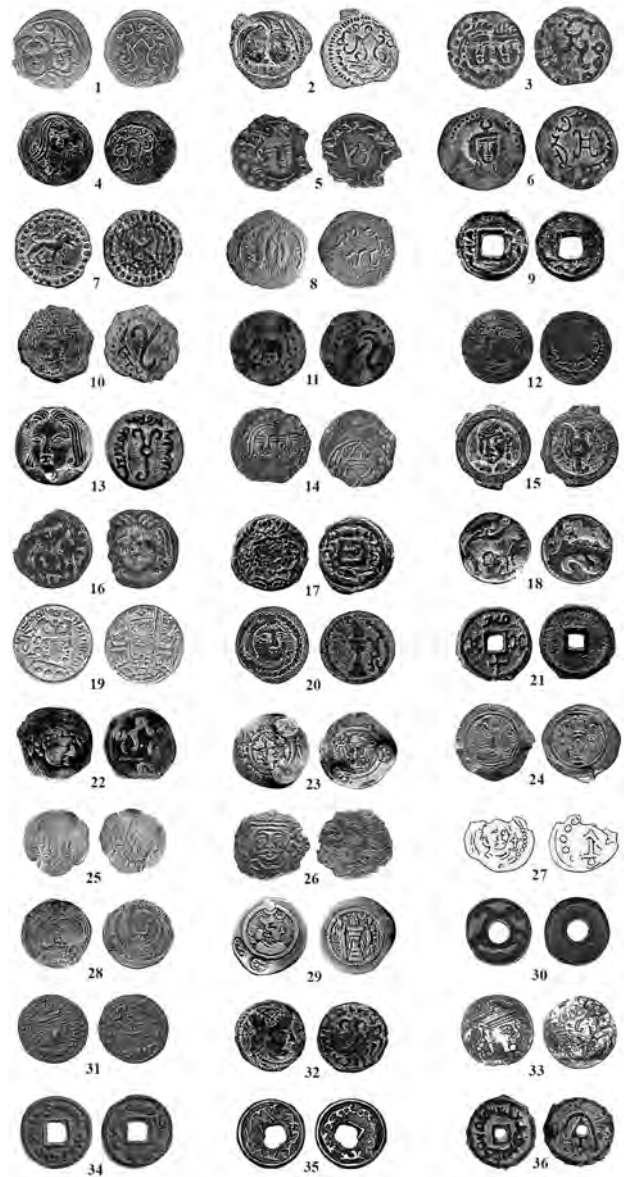

Рис. 3. Некоторые типы доисламских монет Средней Азии

Fig. 3. Some types of pre-Islamic Central Asian coins

that the similarity between the tamgas on the coins of Chach and Fergana was, probably, based on the domination of the same ruling dynasty in these regions. A similar situation could be observed in Tokharistan, where the similar tamga (fig. 3, 22) could be found on one of the coin types in the 7th-8th centuries. An analogous tamga () can be seen on coins with the titles of *срүw x'γ'n* ('yabghu-khagan') and *twn срүw x'γ'n* ('Tun yabghu-khagan) issued in Chach by the Western Turkic Khaganate in

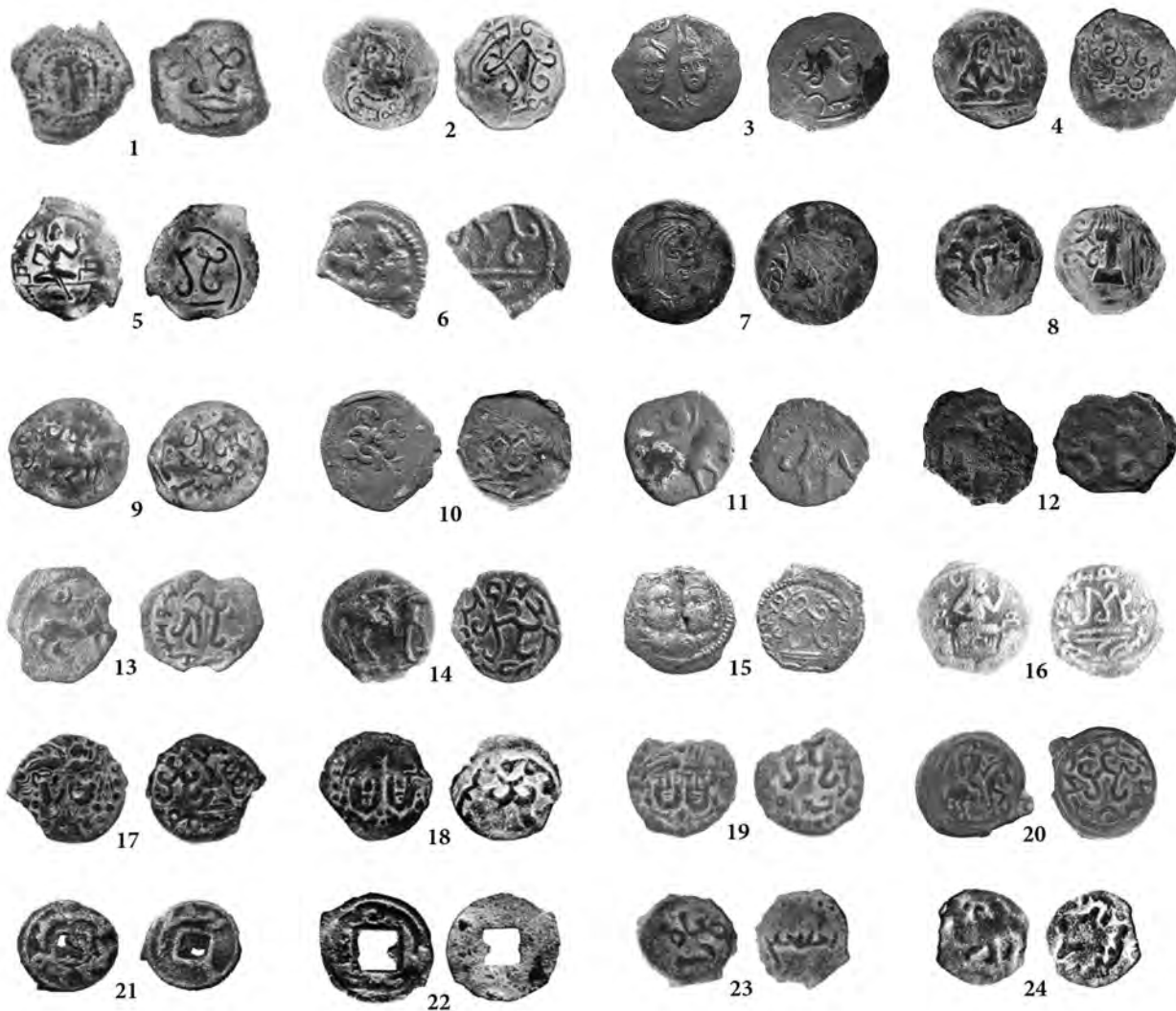

Рис. 4. Монеты Западно-Тюркского каганата, чеканенные в Чаче

Fig. 4. Coins of the Western Turkic Khaganate minted in Chach

написанным согдийскими буквами, как «птицу, стремительно летящую на охоту», и, следовательно, связала эту тамгу с одним из древнетюркских племен, которое считало птицу своим тотемом (Смирнова, 1970. С. 183-185; она же, 1981. С. 50-51). Другие исследователи видели в тамге (рис. 3, 18), найденной на монетах Нахшеба (Несеф/Кеш), «дракона или змею». Раскопки, проведенные на руинах Старого Нахшеба (нынешний Ер-курган), дали много артефактов с изображением змей, что свидетельствует, по Р.Х. Сулейманову, о возможном культе змей / дракона в доисламский период в этом оазисе. Поэтому возможно, что связь тамги из монет Нахшеба с этим животным в публикациях отражает местные

the second half of the 7th century (fig. 4, 13-16; 8, 2). According to Chinese sources, in that period *Tu-ho-lo* (Tokharistan) was ruled by a dynasty which had the title of 'yabghu' and originated from the Western Turkic people (Ibid. PP. 155-158). According to the Chinese chronicles *Tangshu* and the ancient translation of the report about his travel by Chinese priest Xuanzang into the ancient Turkic (Uighur) language, a Western Turkic ruler named *Tun She-hu Ke-han* (Tun yabghu-khagan) sent his son *Da-tu She* (Tardu Shad) to Tokharistan and later declared himself *twx'r yvgw* ('Tokhar yabghu/the yabghu of Tokharistan') (Tugusheva, 1991. PP. 68, 202).

реалии. Схожая по форме тамга (рис. 3, 13, 15), найденная в монете из Самарканда, была истолкована как *скорпион* (Смирнова, 1981. С. 23). Однако пока такая трактовка выглядит вполне фантастичной. Мы в многочисленных публикациях связывали тамги, найденные на западнотюркских монетах, с фигурой горного козла (Бабаяров, 2007. С. 34-35; Babayar, 2010. PP. 394-395), отображенной в Орхонских надписях (надписи Кюль-тегина, Бильге-кагана), и предлагали отождествить их с тамгой династии Ашина согласно китайскому источнику «Тан хуйяо» / Tang hui yao / 唐会要, завершеному Ван Пу в 961 году (Зуев, 1960. С. 132). Однако мы признаем, что этот вопрос остаётся открытым - действительно, китайский источник показывает тамги с большими различиями, что ослабляет выдвинутую гипотезу.

Смысловое истолкование раннесредневековых среднеазиатских монет с большим количеством тамг остается (и, возможно, навсегда останется) неясным. Вот некоторые из тамг оазисных государств: (Чач), (Бухара), (Уструшана), (Отрар), (Согд), (Термез), (Хорезм) (рис. 3, 6-7, 10-12, 14, 20-21, 27, 31-32).

Традиция тамгопользования у ранних тюрков

Знаки тамга, фиксируемые в Центральной Азии и окрестных областях, нередко вырезаны на вершинах гор, на скалах, расположенных в труднодоступных районах, считавшихся близкими к Тенгри (Бог) согласно системе верований кочевых обществ Центральной Азии. Они выполнялись по религиозным соображениям, а также отмечали границы территории, совместные политические действия и т.п. В целом, в надписях, балбалах, наскальных рисунках, монетах и печатях, керамических и металлических изделиях, надписях на бумаге, ткани и других предметах, относящихся к кругу таких доисламских тюркских государств, как Великий каганат ранних тюрков (552–703, кит. 突厥), каганаты уйгуров (744–840, кит. 回鹘) и Кыргызский (ок. 840–924, кит. 黠戛斯), в большом количестве можно встретить тамги. В

Probable semantics of tamga forms

To establish the semantics of tamgas found on pre-Islamic Central Asian coins is quite challenging. It is possible that initially some tamga forms had the appearance of holy animals (e.g. the tamga of the Ashina clan was based on a schematic image of a mountain goat, while that of the Ashid clan – on a dragon) or were schematic depictions of household utensils (e.g. see about the Siberian Yakuts in Chapter 9), and later tamgas had the forms of geometric figures, letters from foreign languages and others. It is very hard today to specify the semantics of tamgas on coins and most of interpretations are mere guesses unsupported by proof. So O. I. Smirnova, a specialist in coins with Sogdian legends, interpreted the tamga (fig. 3, 5) on ones with the ancient Turkic title of ‘tudun’ written in Sogdian letters as a ‘*swiftly flying hunting bird*’ and therefore referred this tamga to one of ancient Turkic tribes which considered the bird their totem (Smirnova, 1970. PP. 183-185; *ibid.*, 1981. PP. 50-51). Other researchers regarded the tamga (fig. 3, 18) found on the coins of Nakhshab (Nesef/Kesh), as a ‘*dragon or snake*’. The excavation of the ruins of Old Nakhshab (present-day Yer-Kurgan) resulted in a number of artifacts with images of snakes, which, according to R. Kh. Suleymanov, testifies to the existence of the serpentine/dragon cult in this oasis. Therefore it is possible that the link between this animal and the tamga on coins from Nakhshab reflects local situation. The tamga similar in form (fig. 3, 13, 15) recorded on a coin from Samarkand was interpreted as a *scorpion* (Smirnova, 1981. P. 23). However, this interpretation seems fantastic so far. In a number of our publications we linked tamgas found on Western Turkic coins with the figure of a mountain goat (Babayarov, 2007. PP. 34-35; Babayar, 2010. PP. 394-395) found among the Orkhon inscriptions (the inscriptions of Kul-tegin, Bilge-khagan) and suggested that they should be identified as the tamga of the Ashina dynasty, according to the Chinese source Tang hui yao / 唐会要, which Wang Pu finished in 961 (Zuev, 1960. P. 132). However, we should admit that the question remains unsettled, as the tamgas provided in the Chi-

1. Монеты Западн-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче

2. Древнетюркские монеты Ферганы

3. Древнетюркские монеты Согда

Рис. 5. Некоторые типы раннетюркских монет различных районов Средней Азии

Fig. 5. Some types of early Turkic coins from various regions in Central Asia

то же время, на больших и малых каменных памятниках и наскальных изображениях, найденных почти во всех областях, в которых проживали древнетюркские общества, тамги многих родов часто представлены скоплениями. Мы видим такие каменные стелы или плоскости скал на огромной территории раннетюркского мира от Монголии до Северного Причерноморья. Это связано с периодическим объединением кочевых родов и племен, отраженным и в письменных памятниках этих союзов.

Казахстанский тюрколог Н. Базылхан, долгие годы проводивший исследования по древнетюркским тамгам, пишет о наличии следующих разновидностей тамг:

1. Семейные тамги;
2. Родовые тамги;
3. Племенные тамги (объединение родов);
4. Тамги правителей;
5. Династийные тамги (тамги правящих семейств);

nese source differ greatly, which weakens the hypothesis.

The semantic interpretation of early medieval Central Asian coins with a large number of tamgas remains (and, possibly, will ever remain) unclear. Here are some of the tamgas of oasis states: $\mathfrak{K}$ (Chach), $\mathfrak{K}$ (Bukhara), $\mathfrak{U}$ (Ustrushana), $\mathfrak{X}$ (Otrar), $\mathfrak{S}$ (Sogdia), $\mathfrak{T}$ (Termez), $\mathfrak{K}$, $\mathfrak{K}$ (Khorezm) (fig. 3, 6-7, 10-12, 14, 20-21, 27, 31-32).

Early Turkic tamga using tradition

Tamga signs recorded in Central Asia and adjacent territories are often found cut on mountain tops, on rocks in deserted areas which were considered to be close to Tengri (God), according to the Central Asian nomadic system of beliefs. They were made for religious purposes and marked territorial borders, joint political activity and so on. Generally, tamgas can be found in large numbers among inscriptions and images

6. Тамги этнических и политических единиц (народов/государств).

Эта классификация выглядит отчасти дискуссионной; например, неясно, можно ли реально выделять в особые категории знаки, принадлежащие государству и конкретному владыке.

Позже монгольский Чингисхан при разделении империи на улусы между сыновьями определил для каждого из них отдельные тамги. Видимо, и раньше существовала традиция, по которой иногда тамги могли даваться правителем кланам и даже отдельным семьям. Хотя легенды об Огузхане не являются описанием достоверно известных исторических событий, в них интересна информация о том, что он распределял титулы и тамги между своими сыновьями и внуками (см, пример: Щербак, 1959. С. 32). Таким образом, то, что лежит в основе наблюдаемых в династийной истории фактов, а именно правила и традиции, на которые опирался Чингисхан при раздаче тамг сыновьям, а также другие тюркские и тюркомонгольские династии – это темы, которые необходимо изучить в будущем.

Еще недавно у ряда тюркских народов Средней Азии тамги зачастую состояли из нескольких частей:

- 1) основная часть корпуса тамги – «сердце» (основная тамга);
- 2) дополнения – «хвост» или «нога» (дополнительная тамга / дно);
- 3) символические знаки, сопутствующие тамге (различные символы изобилия и власти, такие, как полумесяц, солнце и др.).

Для сравнения, у «этнографических» тюрков Алтая тамги состояли из неизменяемой основной части (корпуса) – *dyürek* «сердца», и разных элементов-приложений – *kedege* «косы (волос)», *kyruk*, *kanat* или *but* «ноги».

Много вопросов связано с разными стилями и почерками выполнения одной и той же тамги, с их разной ориентацией в пространстве, взаимным зеркальным отражением и т.п. Например, как отмечал исследователь тамгового дела поздней фазы монгольской империи Дж. Хамфри, у монголов исполнение одной и той же тамги в различных позициях указывало на положении держателя данной тамги в

on a vast range of items, such as balbals, rocks, coins, stamps, ceramic and metal articles, paper, fabrics and other things, which may be referred to some pre-Islamic Turkic countries, such as the early Turkic khaganate (552–703, Chinese 突厥), Uighur khaganate (744–840, Chinese 回鹘) and Kyrgyz khaganate (circa 840-924, Chinese 黠戛斯). The tamgas of different families often form clusters on large and small stone monuments and among rock paintings recorded in almost all areas inhabited by ancient Turkic communities. We can see them on stelae and rock faces on a vast territory from Mongolia to the north of the Black Sea area inhabited by the Early Turkic peoples. This was because nomadic families and tribes used to unite from time to time, which is reflected in the written monuments of these allies.

N. Bazykhan, a Kazakh specialist in Turkic culture, who for a long time was studying ancient Turkic tamgas, identifies the following tamga types:

1. Family tamgas;
2. Clan tamgas;
3. Tribal tamgas (of several clans);
4. Rulers' tamgas;
5. Dynastic tamgas (tamgas of ruling families);
6. Tamgas of ethnic and political units (nations/states).

This classification is somewhat disputable, as it is not quite certain if signs used by a state or individual ruler can be referred to different categories.

Later, when Mongolian ruler Genghis-khan divided his empire into uluses to be ruled by his sons, he granted an individual tamga to each of them. Probably, the tradition based on which a ruler could allow clans and even some families to use tamgas, existed even before. Although legends about Oguzkhan do not describe reliably known historical events, they contain some interesting information about how the ruler distributed titles and tamgas among his sons and grandsons (see e.g. Shcherbak, 1959. P. 32). Thus, what underlies the facts observed in the dynastic history, in particular, the rules and traditions Genghis-khan and other rulers from Turkic and Mongolian dynasties followed

общественных и межплеменных отношениях среди родов или в составе племенного союза.

Большую помощь в более обстоятельном исследовании традиций тамгового дела оказывают каменные памятники с древнетюркскими надписями, обнаруженные в степных регионах Монголии, Южной Сибири и Центральной Азии. В данных надписях тамги в большинстве случаев находятся над текстом, иногда внутри или конце текста. Например, в таких государственных надписях, как памятники Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука, относящихся к эпохе Тюркского каганата, или надписях Моюн Чура, Эль Этмиш-кагана, относящихся к периоду Уйгурского каганата, «ханские» тамги расположены на самом верху, над текстом; в противоположность этому, в южносибирских надписях, относящихся к кругу письменных памятников Кыргызского каганата, такие тамги расположены под текстом, в самом низу. В Тайхарской, Чойрской и Суджинской надписях тамги находятся уже в середине текста или по бокам. В большинстве надписей, содержащих тамги, *эти знаки выполнены в значительно большем размере, чем буквы сопутствующего древнетюркского текста*; видимо, так подчеркивалось их значение в общественной жизни, а также облегчало возможность увидеть знаки издали.

Существует довольно обширная серия тамг, формы которых близки или идентичны образцам иранских (сарматы, хорезмийцы, бактрийцы, согдийцы, аланы) племен, монголов, маньчжуров, кавказских народов, славянских и прочих нетюркских этносов. Такая тождественность объясняется полуторатысячелетней историей политических и этнокультурных отношений в форме соподчинения, политических союзов с правящими кланами, взаимных браков и родственных связей.

Несколько общих замечаний, касающихся монет ранних тюркских каганатов в Средней Азии

Традиция чекана *раннетюркских монет* быстро достигла расцвета, их художественное оформление и символика в большой степени приобрели этнический характер. Это проявилось более явно в Западно-Тюркском каганате,

when distributing tamgas among their sons, is a subject to be studied in future.

It was quite recently that tamgas used by a number of Turkic peoples in Central Asia were composed of several parts:

1) the 'heart' (basic tamga) – tamga's main part;

2) the 'tail' or 'leg' (additional elements on the bottom) added to tamga;

3) accompanying symbolic signs (various symbols of fertility and power, such as crescent, sun and others).

Tamgas used by 'ethnographic' Turkic peoples in Altai consisted of unchangeable main part (body) – *dyürek* ('heart') and various additional elements – *kedege* ('plaits/hair'), *kyruk*, *kanat* or *but* ('legs').

There is much to be discussed about various styles and techniques used in the same tamga, signs' orientation in space, their mirror reflection and so on. So, according to J. Hamphry, a specialist in the tamgas of the late stage of the Mongol Empire, the position of a tamga indicated the position of a Mongol using it in social and intertribal relations, in his clan or tribal union.

Stone monuments with ancient Turkic inscriptions discovered in the steppe regions of Mongolia, Southern Siberia and Central Asia are highly valuable material facilitating deeper study of tamga using traditions. In these monuments in most cases tamgas are placed over the inscriptions, and sometimes within or at the end of them. So, in the state inscriptions made by Kul-tegin, Bilge-khagan or Tinyukuk from the Turkic khaganate or those by Bayanchur, El Etmish-khagan from the Uighur khaganate, the 'royal' tamgas are placed on the top, above the text; on the contrary, in Southern Siberia the inscriptions made by the kings of the Kyrgyz khaganate have such tamgas under the text, at the very bottom. In the Taykhar, Choir and Sujin inscriptions tamgas are placed in the middle of the text or at its sides. In most of the inscriptions with tamgas *the signs are much larger than the letters of the ancient Turkic text they accompany*; apparently, this was done to stress their importance in social life and make them discernable from a distance.

когда на монетах ряда тюркских династий региона ясно видна присущая древним тюркам иконография (портрет сидящего правителя, изображение животных-покровителей, различные символы), а также такие значимые атрибуты раннетюркской государственности, как тюркские имена, титулы, характерные эпитеты, тамги и др. Эта картина была характерна для монет правящих династий Чача, Отрара, Ферганы и ряда других оазисных владений региона.

С последней четверти VI века Великий (551-703 годы), а затем – Западно-Тюркский каганат (603-704 годы) начали чекан собственных монет в Чаче (Ташкент), а вслед за ним в VII–VIII веках начали свой чекан правители Ферганы, Уструшаны, Отрара и Чу-Таласской долины (Тургешский каганат и подвластные ему малые владения). До этого времени большинство населения северных оазисов Средней Азии и кочевое население на севере и северо-западе региона удовлетворяли свои потребности в торговле посредством взаимного обмена скотом, зерном, драгоценными и другими предметами, что создавало определенные неудобства.

Чекан монет в определенной степени являлся выражением суверенитета государя. Именно по этой причине на монетах, чеканенных в различных владениях региона, заняли место присущие каждому из них символы власти – тамги правителей. Такие тамги имелись не только у крупных оазисных государств, но и у некоторых малых владений, входивших в состав федераций, и они присутствуют на монетах, печатях и их оттисках, поверхностях металлических и керамических изделий и др. Конечно, такие тамги правителей трудно сравнивать с современными государственными символами, которые подчас долго остаются неизменными; это был, прежде всего, символ правящего клана. Например, за короткий период VII–VIII веков в Чачском оазисе у власти находилось три правящие династии (возможно, связанные с разными тюркскими племенами), каждая из которых имела свою тамгу (𐰉, 𐰏, 𐰐) (рис. 3, 4-6). Трудно было бы воспринимать любую из них как политический символ Чачского оазиса.

There is actually quite a long series of tamgas similar or identical in form to those of Iranian (Sarmatians, Khorezmians, Bactrians, Sogdians and Alans) tribes, the Mongols, Manchurians, Caucasians, Slavs and other non-Turkic peoples. This correspondence resulted from the 1,500-year-long history of political relations, which had the form of subordination, political allies with ruling clans, marriages and blood links.

A few general notes on the coins of the early Turkic khaganates in Central Asia

The minting tradition in *early Turkic coins* quite soon reached a high level, when their decoration and symbolism became largely ethnic in character. This was manifested most brightly in the Western Turkic khaganate where the coins of a number of regional Turkic dynasties bore evident traces of specific ancient Turkic iconography (a portrait of a sitting ruler, images of patronising animals and symbols of various kinds) and a range of important attributes of early Turkic statehood, such as Turkic names, titles, specific epithets, tamgas and others. This picture was characteristic of the coins of ruling dynasties in Chach, Otrar, Fergana and a number of other oasis states in the region.

Since the last quarter of the 6th century the Turkic (551-703) and then the Western Turkic (603-704) khaganates were minting their coins in Chach (Tashkent) and later in Fergana, Ustrushana, Otrar and the Chu-Talas Valley (Turgesh khaganate and its minor possessions), where the rulers began minting their coins in the 7th-8th centuries. Prior to that most of the people in the northern oases of Central Asia and nomads in the north and north-west of the region traded in exchange for livestock, crops, valuables and other things, which was not always convenient.

To a certain extent coins were an indication of a ruler's sovereignty. That was why coins minted in different states of the region had on them symbols of power – the tamgas of the rulers of these states. As well as large oasis states, some minor units which were parts of federations also had coins, stamps and imprints, metal and ceramic articles and other things with such

Иногда представители династии, правившей в конкретном владении, получая власть в наследство от своего родственника (отец, дядя по отцу, брат и т.п.), добавляли к традиционной тамге еще один знак. Это в основном характерно для самаркандских *ихшидов* и владения Панч.

В большинстве случаев на монетах, а частично – на поверхности различных артефактов, происходящих из оазисных владений междуречья Амударьи – Сырдарьи и прилегающих территорий, видим следующие символы–тамги и титулы (рис. 3):

1. **Западно-Тюркский каганат** (Чачский оазис): *ябгу*; *ябгу-каган*; *каган*.

2. **Чач**:   ; *хуву, тегин / эльтебер, тудун*.

3. **Отрар**: ; *тутук*.

4. **Фергана**: (варианты: ,); *каган*.

5. **Уструшана**: ; *MR'Y* (=афшин).

6. **Согд**:

а) **Самарканд**: *каган*; *MLK'* (=ихшид).

б) **Панч**: (варианты , ,); *MR'Y*, *хуву, хатун*.

с) **Кеш**: ; *акхурпат*.

д) **Нахшеб**: ; *хуву*.

7. **Бухара**: ; *пухар хув кава* (=бухархудат)

8. **Тохаристан**:

а) **Тохаристанские ябгу**:   (?); *ябгу*.

б) **Чаганиан**: (?); *хув* (=худат).

с) **Термез**: ;

9. **Хорезм**: ; *MR'Y MLK'* (=хорезмшах)

10. **Чу-Таласская долина** (Суяб, Тараз и др.):

1) а. *Тюргешский каган*; б. *арслан-эркин*; с. *хунав*: .

2) а. *йнал алп*; б. *тун-эркин*: .

3) *эль-чор*: .

4) *кут-чор*: .

5) *вахт-мах хуву*: .

6) *арслан бильге-каган*: .

7) *карлук-каган*: .

Такие монеты, чеканенные для обеспечения экономических потребностей, в то же

tamgas. Certainly, it is hard to compare rulers' tamgas of this type with modern state symbols, which often remain unchanged for a long time; the former were primarily the symbols of ruling clans. So, within a short period in the 7th-8th centuries the Chach Oasis was ruled by three dynasties (perhaps, related to different Turkic tribes), each of which had their own tamga (, ,) (fig. 3, 4-6). It would be hard to interpret it as a political symbol of the Chach Oasis.

Sometimes, when representatives of a dynasty ruling a certain area inherited power from their relative (father, father's brother, brother and so on), they added an element to the traditional tamga. This was primarily characteristic of the *ikhshids* of Samarkand and the Panj state unit.

The following symbols – tamgas and titles – occur on things of various types, mostly on coins and sometimes on different artifacts from oasis states in the interfluvium between the Amudarya and Syrdarya and adjacent territories (fig. 3):

1. **Western Turkic khaganate** (Chach Oasis): *yabghu*; *yabghu-khagan*; *khagan*.

2. **Chach**:   ; *khuvu, tegin / elteber, tudun*.

3. **Otrar**: ; *tutuk*.

4. **Fergana**: (variants: ,); *khagan*.

5. **Ustrushana**: ; *MR'Y* (=afshin).

6. **Sogdia**:

а) **Samarkand**: *khagan*; *MLK'* (=ikhshid).

б) **Panj**: (variants , ,); *MR'Y, khuvu, khatun*.

с) **Kesh**: ; *akhurpat*.

д) **Nakhsheb**: ; *khuvu*.

7. **Bukhara**: ; *pukhar khuv kava* (=bukharkhudat)

8. **Tokharistan**:

а) **Tokharistan yabghu**:   (?); *yabghu*.

б) **Saganian**: (?); *khuv* (=khudat).

с) **Termez**: .

9. **Khorezm**: ; *MR'Y MLK'* (=khorezmshakh)

10. **Chu-Talas Valley** (Suyab, Taraz and others):

время освещают политическую и культурную жизнь своего времени. Так, если имена и титулы правителей на них, различные символические знаки (тамги и т.п.) больше раскрывают политическое положение, то иконография и сюжеты, палеографические особенности надписей, техника изготовления монет, состав их металла и др. дают сведения об этническом, культурном, а также экономическом положении того времени.

Монеты этого периода изучались преимущественно иранистами и археологами¹⁶⁷. Кроме ряда исключений, их работы в основном посвящены монетам Чачского оазиса. Изучение монет Ферганы, Уструшаны, Согда, Хорезма, Тохаристана и Семиречья сегодня находится, по сравнению с чачскими, на более или менее ранней стадии.

Одна из особенностей нумизматического материала как исторического источника заключается в том, что многие присущие письменным источникам недостатки (например, стиль подачи сведений, неадекватное восприятие, искажение истинной формы имен, титулов и терминов из-за особенностей языка и письменности, в результате которых возникают разногласия) не так характерны для монет. Если рассматривать их в этом отношении, несмотря на некоторые недостатки (потертость, разное качество работы резчиков и др.), монеты можно считать более надежными историческими источниками. Впрочем, надписи на одной и той же монете разные исследователи тоже часто толкуют по-разному.

1) a. *Turgesh khagan*; b. *arslan-erkin*; c. *khutav*: .

2) a. *yinal alp*; b. *tun-erkin*: .

3) *el-chor*: .

4) *kut-chor*: .

5) *vakht-makh khuvu*: .

6) *arslan bilge-khagan*: .

7) *karluk-khagan*: .

Such coins minted for economic purposes may serve, at the same time, to shed more light on the political and cultural life of that time. While the rulers' names and titles and various symbolic signs (tamgas and others) on these coins are more descriptive of a political situation, the iconography and themes, the inscriptions' paleographic characteristics, minting technique, metal composition and other such properties, rather, provide information on the ethnic, cultural and economic situation that prevailed at that time.

Specialists in the Iranian culture and archaeologists were primarily involved in the study of coins of that period¹⁶⁷. Most of the works are dedicated to the *coins of the Chach Oasis*. As of today, coins from Fergana, Ustrushana, Sogdia, Khorezm, Tokharistan and Semirechie are less studied in comparison to those from Chach.

One of the most important characteristics of numismatic material as historical source is that the shortcomings typical of written sources (such as writing style, biased interpretation, falsification of the original forms of names, titles and terms caused by the specificities of a lan-

¹⁶⁷ Особо следует отметить важные публикации О.И. Смирновой (Смирнова, 1963; 1970; 1981), Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1981; 1987; Ртвеладзе, Пидаяев, 1981), В.А. Лившица (Лившиц, 1979; 2008), Э.В. Зеймал (Zeimal', 1994), Б.И. Вайнберг (Вайнберг, 1977). Сегодня раннесредневековая нумизматика Средней Азии изучается такими исследователями, как Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 2002; 2006), Л.С. Баратова (Баратова, 2005; Baratova, 1999), А. Мусакаева (Мусакаева, 1997; 2013), А. Камышев (Камышев, 2008), Г. Бабаяров (Babayar, 2007; Babayarov, 2013) и А.В. Кубатин (Кубатин, 2016; Бабаяров, Кубатин, 2011; 2014), П. Лурье (Лурье, 2010), В. Кошевар (Кошевар, 2010), В. Шагалов и А.В. Кузнецов (Шагалов, Кузнецов, 2006).

¹⁶⁷ Among the most important publications are those by O. I. Smirnova (Smirnova, 1963; 1970; 1981), E. V. Rtveladze (Rtveladze, 1981; 1987; Rtveladze, Pidaev, 1981), V. A. Livshits (Livshits, 1979; 2008), E. V. Zeymal (Zeimal', 1994), B. I. Vainberg (Vainberg, 1977). The researchers that are currently studying medieval Central Asian coins are E. V. Rtveladze (Rtveladze, 2002; 2006), L. S. Baratova (Baratova, 2005; Baratova, 1999), A. Musakaeva (Musakaeva, 1997; 2013), A. Kamyshv (Kamyshv, 2008), G. Babayarov (Babayar, 2007; Babayarov, 2013) and A. V. Kubatin (Kubatin, 2016; Babayarov, Kubatin, 2011; 2014), P. Lurie (Lurie, 2010), V. Koshevar (Koshevar, 2010), V. Shagalov and A.V. Kuznetsov (Shagalov, Kuznetsov, 2006).

Генезис тамг на монетах Западно-Тюркского каганата

В результате изучения нумизматического материала эпохи раннего средневековья, происходящего из Чачского (Ташкентского) оазиса, нами было выявлено около 20 типов монет с десятками их вариантов, чекан которых был непосредственно связан с Западно-Тюркским каганатом. Основными факторами, позволившими связать данные монеты с этим государственным объединением, явились их иконография, тамговые знаки и титулатура, нашедшая отражение в их монетных легендах. Если большую часть монет Чачского оазиса, чеканенного Западно-Тюркским каганатом (568-740), составляют экземпляры с , , -образными тамгами, на одном типе - якоробразная тамга, то на следующих типах встречаются / ромбовидные тамги. Важно, что в легендах монет нашли отражение такие титулы верховных правителей Западно-Тюркского каганата, как *ябгу*, *ябгу-каган* и *каган*. Эти изменения в титулатуре верховных правителей были связаны с этапами становления Западно-Тюркского каганата в качестве самостоятельного государственного объединения. При этом с изменением титулатуры изменялась и форма тамг, нашедших свое отражение на монетах.

Благодаря археологическим исследованиям последних лет, тамга в форме и ее разновидности, характерные для монет Западно-Тюркского каганата из Чачского оазиса, были выявлены не только среди наскальных рисунков, но и на поверхности керамики и других предметов. Так, в результате археологических раскопок 2011 года в святилище Сидак в Южном Казахстане (городище на северо-западе от г. Туркестан) был обнаружен хум, на поверхности которого заняла место тамга, близкая тамге в форме (Смагулов, Яценко, 2014), существующая на монетах Чача с титулами и именами западно-тюркских каганов) (Бабаяров, 2005. С. 203-205; он же, 2007. С. 9-19; Ртвеладзе, 2006. С. 90-94; Lurje, 2010. PP. 111, 164, 394, 397, 471).

В нашей главе речь идет о тамгах следующего типа и их аналогиях: , , . Учет

guage and leading to discrepancies) are not so prevalent in coins. In this respect coins should be considered more reliable historical sources, despite certain shortcomings, such as worn areas, varying quality of minters' work and others.

Genesis of tamgas on the coins of the Western Turkic khaganate

We studied early medieval numismatic material from the Chach (Tashkent) Oasis and identified 20 types of coins with dozens of variations directly related to the Western Turkic khaganate. The basic factors that allowed us to relate these coins to this Turkic state formation were iconography, tamga signs and titlature, the last one being also reflected in monetary legends. While most of the coin types from the Chach Oasis minted in the Western Turkic khaganate (568-740) are marked with the tamgas , , and one type has the anchor-shaped tamga , the later types are characterised by the rhomboid tamgas /. Importantly, the coins' legends contain the titles of the supreme rulers of the Western Turkic khaganate, such as *yabghu*, *yabghu-khagan* and *khagan*. These changes in the titlature of supreme rulers were associated with the stages of the development of the Western Turkic khaganate as an independent state formation. The change of titlature was accompanied by the evolution of the tamga forms, which was reflected on coins.

In the course of recent archaeological research the tamga and its variations characteristic of coins from the Western Turkic khaganate were discovered both among rock paintings and on ceramics and articles of other types. So, 2011 archaeological excavations in the Sidak sanctuary in South Kazakhstan (an archaeological site in the north-west of the city of Turkestan) revealed a khum with a tamga close in form to (Smagulov, Yatsenko, 2014), which occurs on Chach coins with the titles and names of Western Turkic khagans (Babayarov, 2005. PP. 203-205; *ibid.*, 2007. С. 9-19; Rtveldze, 2006. С. 90-94; Lur'e, 2010. PP. 111, 164, 394, 397, 471).

определенных фактов позволил нам связать с Западно-Тюркским каганатом около 20 типов раннесредневековых монет, чеканенных в Чаче (это нашло отражение во многих наших исследованиях, опубликованных в 2005-2017 годах) (см. Бабаяров, 2005; 2007; 2010; 2013; Бабаяров, Кубатин, 2006; 2001; 2014 и др.):

1) соответствие и последовательность титулов: «ябгу», «ябгу-каган» и «каган». Как известно из письменных источников (китайских, византийских, армянских и др.), данные титулы были присущи верховным правителям Западно-Тюркского каганата, господствовавшего в ту эпоху в регионе (Chavannes, 1903. PP. 219, 226-228; см. Moravcsik, 1958. PP. 130-131, 290; Артамонов, 1962. С. 145-146);

2) имена и титулы конкретных правителей: *twrk x'γ'n* «Тюрк-каган», *twn cpyw x'γ'n* «Тун ябгу-каган», *cpyw x'γ'n* «Ябгу-каган», *'yrpy 'šp'r' sr ? cpyw x'γ'n* «Эльби Ишбара Сыр? ябгу-каган», *twwn x'γ'n* «Тон-каган» (рис. 4). Эти имена и титулы в этот период отмечены в основном в связи с Западно-Тюркским каганатом (Кляшторный, 1985. С. 165-168);

3) схожая иконография: манера исполнения изображений, занявших место на монетах (портрет правителя анфас; изображение правителя, сидящего на троне; коня и всадника; сидящих рядом правителя и правительницы; всадника и женского персонажа перед ним, а также парный портрет правителя и правительницы (ябгу/ябгу-каган/каган и хатун) в целом одностильны. Мы видим длинные, спускающиеся до плеч волосы, округлое лицо без бороды у правителя, одежда на нем, жест руки и др. (рис. 4).

4) Несмотря на небольшие различия тамг, занявших место на монетах, чекан которых мы связываем с Западно-Тюркским каганатом, они восходят к общему прототипу (ср.). Для этих монет характерны не только преемственность верховных титулов *ябгу* → *ябгу-каган* → *каган*, но и последовательность в изменении формы тамги. Так, на первых анэпиграфных монетах и монетах с титулом *ябгу* тамга имеет первоначальную, простую без дополнительных элементов форму – , на монетах с титулом *ябгу-каган* там-

In this chapter we discuss the following tamgas and their analogues: . The facts listed below testify that around 20 types of early medieval coins minted in Chach were associated with the Western Turkic khaganate (we discussed it in a number of research works published between 2005 and 2017) (see Babayarov, 2005; 2007; 2010; 2013; Babayarov, Kubatin, 2006; 2001; 2014 and others).

1) Correspondence and sequence of titles: 'yabghu', 'yabghu-khagan' and khagan'. As is known from various written sources (Chinese, Byzantine, Armenian and other), only the supreme rulers of the Western Turkic khaganate predominating in the region at the time could bear these titles (Chavannes, 1903, PP. 219, 226-228; см. Moravcsik, 1958. PP. 130-131, 290; Artamonov, 1962. PP. 145-146).

2) Names and titles of certain rulers: *twrk x'γ'n* ('Turk-khagan'), *twn cpyw x'γ'n* ('Tun yabghu-kagan'), *cpyw x'γ'n* ('Yabghu-kagan'), *'yrpy 'šp'r' sr ? cpyw x'γ'n* (Elbi Ishbara Syr? yabghu-kagan'), *twwn x'γ'n* ('Ton-khagan') (fig. 4). In that period these names and titles were primarily associated with the Western Turkic khaganate (Klyashtornyiy 1985, 165-168);

3) Similar iconography: the techniques used to make images on coins (a full-face portrait of a ruler; a lord sitting on a throne; a horse and rider; a ruler and his wife sitting side by side; a horseman and a female figure in front of him; a paired portrait of a ruler and his wife (yabghu/yabghu-kagan/khagan and khatun) are more or less the same. We can see the shoulder-length hair, beardless rounded face, clothes, gestures and so on (fig. 4).

4) Although the tamgas on the coins minted, as we believe, in the Western Turkic khaganate, are somewhat different, they have one common prototype (cf.). These coins are characterised not only by the succession of the supreme titles (*yabghu* → *yabghu-khagan* → *khagan*), but also by the sequence of changes in the tamga form. So, the first anepigraphic coins with the title of *yabghu* have the original tamga form without additional elements, the tamga on the coins with the title of *yabghu-khagan* has

га приобретает дополнительные элементы – , а на монетах с титулом *каган* имеет более стилизованную форму – (рис. 4).

Можно утверждать, что монеты, имеющие тамги более простой формы, не могли быть чеканены после монет с более стилизованной тамгой. Соответственно, первую тамгу следует отнести к первому этапу становления Западно-Тюркского каганата в качестве самостоятельного государства – *владению Ябгу* (пос. четв. VI – нач. VII века), вторую ко второму этапу – *Ябгу-каганата* (нач. VII века – 30-е гг. этого века), а последнюю к третьему этапу – *Каганата* (между 630-740 гг.). Это не только не противоречит сведениям письменных источников, а наоборот, находит свое подтверждение в них. Такая последовательность подтверждается не только формой тамг и титулами, занявшими место на монетах, но и иконографическими особенностями, что особенно характерно для монет с изображением парного портрета правителя и правительницы (Массон, 1951. С. 97, 99; Ртвеладзе, 1998. С. 11; Баратова, 2005. С. 418). Итак, мы можем говорить, что изменение тамги на монетах Западно-Тюркского каганата связано с историей его развития, точнее с этапами его становления в качестве независимого государства. Это позволяет предположить, что эти изменения в форме тамги были сделаны сознательно: → → , т.е., скорее всего, они были связаны с особенностями легитимации.

Тамги, занявшие свое место на монетах Западно-Тюркского каганата, по своему виду отличаются от тамг, имеющих на ранне-средневековых монетах Чача и других оазисов региона (чеканенных династиями, происхождение которых не было связано с династией Ашина). В то же время наши тамги по форме отличаются от знаков одной из ветвей династии Ашина (представленных на памятниках Второго Восточно-Тюркского каганата). Поэтому естественно возникает вопрос о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата. Постараемся дать ответ на этот вопрос.

Многие государственные объединения Центральной Азии, такие как Кушанская империя, Кангюй, государство эфталитов, Хо-

some extra parts added , while the one on the coins with the title of *khagan* is more stylised in form (fig. 4).

It seems quite obvious that coins with tamgas with simpler forms could not be minted after coins with stylised tamgas. So, the first tamga should be referred to the early stage of the Western Turkic khaganate, when the state had just become independent – the *Yabghu state* (last quarter of 6th-early 7th centuries), the second tamga to the second stage – the *Yabghu khaganate* (early 7th century-the 630s), and the last one to the third stage – the khaganate (circa between 630-740). This does not contradict written sources and, even more, quite complies with them. This sequence is supported not only by the tamga forms and titles on the coins, but also by iconographic characteristics, which is particularly typical of the coins with the paired portrait of a ruler and his wife (Masson, 1951. Pp. 97, 99; Rtveladze, 1998. P. 11; Baratova, 2005. P. 418). Thus, it is quite obvious that the change of the tamga on the coins from the Western Turkic khaganate was associated with the history of the state's development or, rather, with its evolution into a powerful independent country. This suggests that the form of the tamga was altered deliberately – → → , that is, the change was, probably, dependent on legitimation.

Tamgas on the coins of the Western Turkic khaganate differ in appearance from tamgas on early medieval coins from Chach and other oases in the region (minted by dynasties that were not associated by origin with the Ashina dynasty). At the same time, the tamgas under study differ in form from those used by one of the branches of the Ashina dynasty (found in the monuments of the second Eastern Turkic khaganate). This naturally arouses the question about the genesis of the tamgas on the coins of the Western Turkic khaganate. Herein we shall attempt to answer this question.

A number of Central Asian state formations, such as the Kushan Empire, Kangju, the Hephthalite Empire, Khorezm, Sogd and others, used the tamga of a certain ruler as a symbol of power, demonstrating it on coins, ceramics and

резм, Согд и др., имели свой символ власти – тамгу конкретного правителя, которая была представлена на монетах, предметах искусства, керамике. Подобно им, Тюркский каганат также имел свою тамгу, которая являлась символом его правящего рода Ашина. По мнению ряда исследователей, тамгой этого рода являлось стилизованное изображение горного козла – , которое нашло отражение на ряде древнетюркских стел и широко распространено на обширной территории, где проживал древнетюркский этнос. Кроме этого, тамга рода Ашина зафиксирована в китайском историческом сочинении эпохи Тан «Тамги вассальных государств» в форме , которую Ю.А. Зуев считает изображением ворона (Зуев, 1960. С. 132). Однако тамга этого рода, зафиксированная на стелах каганата, явно имеет вид горного козла. Поэтому предположение Ю.А. Зуева сомнительно, а тамга, которую он считает изображением ворона, возможно, является сильно стилизованным изображением тамги-козла, которая зафиксирована на стелах.

Хотя в многочисленных публикациях мы связывали тамги, найденные на западотюркских монетах, с тамгами горного козла (Бабаяров, 2007. С. 34-35; Babayar, 2010 PP. 394-395), отображенных в Орхонских надписях (надписи Кюль-тегина, Бильге-кагана), и предлагали отождествить их с тамгой династии Ашина согласно китайскому источнику «Тан хуйяо» (Зуев, 1960. С. 132), этот вопрос остаётся спорным. Действительно, несмотря на некоторое сходство между тамгами, китайский автор показывает тамги с большими различиями, что уменьшает шансы выдвинутой гипотезы.

Некоторые исследователи считают, что тамга в форме , нашедшая отражение на ряде древнетюркских памятников, в том числе в верхних частях стел Кюль-тегина и Бильге-кагана, происходит от изображения горного козла-теке. Один из первых исследователей вышеупомянутых памятников В.В. Радлов в свое время назвал тамгообразные знаки в виде горного козла «ханской тамгой» (Radloff, 1892/1995. PP. 16-18; Грач, 1972. С. 316). Это мнение В.В. Радлова в дальнейшем нашло широкую поддержку и обоснование в трудах

works of art. Likewise, the Turkic khaganate also had its tamga, which was the emblem of the Ashina dynasty ruling the state at the time. According to numerous researchers, the tamga used by this family was a stylised image of a mountain goat – , which can be found on a number of ancient Turkic stelae across a vast territory inhabited by ancient Turkic people. In addition, the tamga of the Ashina family is present in the translation of Tanghuyao known as Tamgas From Vassal Princedoms, where it has the form interpreted by Yu.A. Zuev as an image of a raven (Zuev, 1960. P. 132). However, this dynasty's tamga on the stelae of the Turkic khaganate has obviously the appearance of a mountain goat. This is why we consider Yu.A. Zuev's suggestion doubtful and suppose that the tamga he interprets as a raven may be the strongly stylised tamga in the form of a goat on the stelae.

Although in a number of our publications we have associated tamgas on western Turkic coins with the mountain goat tamgas (Babayarov, 2007. PP. 34-35; Babayar, 2010 PP. 394-395) found in the Orkhon inscriptions (those by Kul-tegin and Bilge-khagan) and suggested that they should be identified as the tamga of the Ashina dynasty in conformity with the Chinese source Tanghuyao (Zuev, 1960. P. 132), this question remains disputable. Indeed, although there are some similarities, the tamgas in the Chinese work are highly different, which casts serious doubts on the proposed hypothesis.

Some researchers believe that the tamga recorded on a number of ancient Turkic monuments, including the tops of Kul-tegin's and Bilge-khagan's stelae, is based on an image of the teke mountain goat. V. V. Radlov, one of the first researchers studying the discussed monuments, called the tamga-like signs in the form of a mountain goat 'royal tamgas' (Radloff, 1892/1995. PP. 16-18; Grach, 1972. P. 316). Radlov's idea was strongly supported by a number of specialists. A. D. Grach in his special publication 'The Questions of Dating and Semantics of Ancient Turkic Tamga-Like Images of a Mountain Goat' (Grach, 1972) interprets the abovementioned tamga as 'the em-

ряда исследователей. Так, А.Д. Грач в своем специальном исследовании «Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла» (Грач, 1972) интерпретирует вышеупомянутую тамгу как «символ каганский и символ власти». Он утверждает, что распространение изображения горного козла охватывает территорию Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, Восточного Туркестана и Ферганы, т.е. практически все земли, где расселялись тюркские племена (Грач, 1972. С. 322–323).

Интересно мнение Д.Г. Савинова по этому поводу. Так он писал: «Специфическую смысловую нагрузку несут схематические изображения козлов типа Чуруктуг-Кырлан, названные так по месту своего первоначального нахождения в Туве. В стелах тюркских каганов... они выступают в роли каганских тамг, то есть являются символами их власти, что по смыслу тождественно символу каганата вообще. Поэтому схематические изображения козлов можно в значительной степени определить, как памятник политического характера, которым наносивший его человек подчеркивал свою принадлежность к данному политическому объединению» (Савинов, 1964. С. 143; Грач, 1972. С. 323).

Здесь уместен вопрос: какова же была «базовая» тамга Западно-Тюркского каганата, который на первых этапах своей истории являлся составной частью Тюркского каганата, а после его распада стал непосредственным преемником на его западных владениях? Почему тамги на монетах Западно-Тюркского каганата, хотя и хронологически относятся более к раннему периоду, чем тамги, зафиксированные на стелах Восточного каганата (стелы Кюль-тегина, Бильге-кагана и др.), отличаются от последних, подвергшись сильной стилизации? Из истории известно, что после распада каганата власть в Восточном и Западном каганатах осталась в руках рода Ашина. В них правили потомки братьев – основателей Тюркского каганата: на востоке Бумына, а на западе Истеми. Из Орхонских эпитафических памятников нам известна тамга Восточного каганата. На сегодня имеется очень мало мнений, высказанных относительно тамги

blem of a khagan and a symbol of power'. He maintains that the image of a mountain goat spread into the territories of Mongolia, Tuva, Altai, Kazakhstan, Eastern Turkestan and Fergana, that is, the entire area inhabited by Turkic tribes (Grach, 1972. PP. 322–323).

D. G. Savinov's opinion about this question also deserves special attention. The specialist wrote: 'The schematic images of goats known as 'Churuktug-Kyrlan' after the name of the place in Tuva they originally were discovered in bear a specific meaning. On Turkic khagans' stelae ... they play the role of royal tamgas symbolizing the khagans' power and thus being equal in meaning to the state symbol of the khaganate. Therefore, the schematic images of goats can largely be interpreted as a political monument, which served to accentuate the relation of the person that made it to this political formation' (Savinov, 1964. P. 143; Grach, 1972. P. 323).

Hence the questions. What was the 'basic' tamga of the Western Turkic khaganate, which at the first stages was a part of the Turkic khaganate and became its direct successor in its western territories when the latter had disintegrated? How can tamgas on the coins of the Western Turkic khaganate dated to an earlier period than tamgas on the stelae of the Eastern Turkic khaganate (the stelae of Kul-tegin, Bilge-khagan and others) differ from the latter and be their highly stylised versions? From history we know that after the break of the khaganate the Ashina family continued to rule both the Western and Eastern khaganates. The family comprised descendants of the brothers that had founded the Turkic khaganate – Bumyn in the east and Istemi in the west. The tamga of the Eastern Turkic khaganate is known from the Orkhon inscriptions. As for the tamga of the Western Turkic khaganate, there are currently very few opinions about that. A series of tamgas dated to the 7th-8th centuries was recorded on rocks and boulders in Zhaltyraktash in the Talas River valley, which was formerly known as Zhetysu and was one of the centres of the Western Turkic khaganate. Among them were tamgas (Tabaldiev, Ali-

Западно-Тюркского каганата. Так, в одном из центров Западно-Тюркского каганата – Жетысу – на камнях и скалах была найдена серия тамг, относящихся к VII–VIII векам, в местности Жалтыракташ (долина реки Талас). Среди них зафиксированы тамги в формах – – (Табалдиев, Алимов, 2004. С. 292. Табл. 2, рис. 2, 3), в Кочкорской долине – в формах , , , в Чу-Илийском междуречье – в формах , , а на Алтае – в формах и др. (Рогожинский, 2010. С. 342. Рис. 4; Самашев и др., 2010. С. 88, 101-101, 164; Ямаева, 2004. С. 4, 8, 11; Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 178).

Тамги, найденные в Кочкорской долине рядом с руническими надписями, на которых читается слово Он оq¹⁶⁸, по мнению С.Г. Кляшторного, являлись родовым знаком родоплеменного объединения Он Ок, т.е. Западно-Тюркского каганата, и относятся к началу VIII века (Кляшторный, 2003. С. 295). Изучавший эти надписи Р. Алимов считает данные тамги изображением стилизованных рогов барана и отмечает, что они встречаются во многих местах Жетысу и Центрального Тянь-Шаня (Алимов, 2001. PP. 6-10). Мы решимся предположить, что тамги из Кочкорской долины являются очень стилизованными тамгами рода Ашина, которые далеко отошли от своего прототипа; тамги же из местности Жалтыракташ относятся к более раннему этапу истории Западно-Тюркского каганата, так как они очень близки к тамгам рода Ашина, зафиксированным на монетах и древнетюркских эпиграфических памятниках.

Как мы отмечали в наших прежних публикациях, наличие данной тамги и ее разновидностей¹⁶⁹ (Чач: – – ; Фергана:

¹⁶⁸ Обращает на себя внимание орфография данного слова на этих памятниках. Так, в отличие от Орхонских памятников слово оq (q²) здесь пишется через другую букву «q» (q¹), что, возможно, объясняется неграмотностью резчика. Другую интерпретацию данной надписи см.: Кызласов, 2005. С. 54-67.

¹⁶⁹ Такое расположение тамг на монетах Западно-Тюркского каганата в наших трудах было принято нами на основании работ О.И. Смирновой и Э.В. Ртвеладзе, а также монет с изображением всадника, на

mov, 2004. P. 292. Table 2, figs. 2, 3). In the meanwhile, tamgas , , were recorded in the Kochkor Valley, , , in the Chu-Ili interfluves, , and others in Altai (Rogozhinskii, 2010. P. 342. Fig. 4; Samashev et al., 2010. PP. 88, 101-101, 164; Yamaeva, 2004. PP. 4, 8, 11; Vainberg, Novgorodova, 1976. P. 178).

The tamgas found in the Kochkor Valley next to runic inscriptions with the readable word Он оq¹⁶⁸ and dated to the early 8th century were, according to S. G. Klyashtorniy, the family sign of the Он Оq tribal union, which was, in fact, the Western Turkic khaganate (Klyashtorniy, 2003. P. 295). R. Alimov who studied these inscriptions interprets these tamgas as stylised images of ram's horns and notes that they have been recorded in a number of places in Zhety-su and Central Tien Shan (Alimov, 2001. PP. 6-10). We venture an idea that the tamgas from the Kochkor Valley are highly stylised versions of the Ashina tamgas which had changed greatly their forms in comparison with their prototype; the tamgas from the Zhaltyraktash area belong to an earlier period in the history of the Western Turkic khaganate, as they are very close to the Ashina tamgas recorded on coins and in ancient Turkic epigraphic monuments.

As we have already noted in our previous publications, the presence of this tamga and its variants¹⁶⁹ (Chach: – – ; Ferghana:

¹⁶⁸ The way the word is spelt on these monuments deserves special consideration. Unlike that on the Orkhon monuments, the word 'oq' (q²) there has a different type of the letter 'q' (q¹) in it, which may result from the cutters' illiteracy. For another interpretation of this inscription see Kyzlasov, 2005. PP. 54-67.

¹⁶⁹ In our works we positioned the tamgas on the coins of the Western Turkic khaganate in this way following works by O. I. Smirnova and E. V. Rtveldze and the coins with an image of a rider and a two-line legend on the obverse and reverse, where the sharp end of the tamga also points upwards (fig. 4, 9). This orientation of the tamga is provisional, as on some other coins issued by the khaganate and related Turkic dynasties it has a different position. In this way, one of the unepigraphic coins from Chach has a tamga in the form shown on fig. 4, 7, while tamgas on some other coins from Tokharistan and Panj has the form . This position of the tamga, when its sharp end is pointing downwards, was accepted in the work by V. D. Shagalov

– – – –) на монетах указывает на то, что они были чеканены от имени верховных правителей Западно-Тюркского каганата из рода Ашина¹⁷⁰. Это подтверждается такими верховными титулами как *ябгу*, *ябгу-каган*, *каган*, которые мы видим в их монетных легендах. Со временем упомянутая тамга появляется и на монетах династий, непосредственно связанных с Западно-Тюркским каганатом. Как показывает политическая история Западного каганата, его верховный правитель носил первоначально титул *ябгу*, позже *ябгу-каган*, а после ликвидации Восточного (Центрально-го) Тюркского каганата – *каган*.

При этом на монетах с вариантами данной тамги не имеется других титулов каганата, отражавших более низкие ступени иерархии. Например, тамга с монет династии тегингов

аверсе и реверсе имеющих двухстрочную легенду, где тамга расположена также острым концом кверху (рис. 4, 9). Подобное расположение тамг условно, так как на некоторых монетах каганата и связанных с ним тюркских династий тамга расположена по-другому. Например, на одной из анэпиграфных монет Чача в форме, представленной на (рис. 4, 7), а на некоторых монетах Тохаристана и монетах Панча в форме соответственно. Такое расположение тамги острым концом вниз было принято в работе В.Д. Шагалова и А.В. Кузнецова (Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 60).

¹⁷⁰ Заметим, что стелы, относящиеся ко Второму (Восточному) Тюркскому каганату, на которых нашлось изображение тамги в виде горного козла, были установлены в 730-х годах, т.е. в хронологическом отношении намного позже, чем были чеканены монеты Западно-Тюркского каганата. Исходя из этого, у читателей может возникнуть вопрос: почему тамга, имеющаяся на них, была привлечена для сравнения с тамгами на монетах? Но данная тамга вряд ли появились именно в то время, когда она гравировалась на стелах. Ведь изображение горного козла получило широкое распространение уже в эпоху Первого Тюркского каганата. Как известно, при разделении рода его новое подразделение получает прежнюю тамгу, которая имеет, в отличие от прототипа, дополнительные элементы. Поскольку в обоих каганатах правили представители одного рода Ашина, логично предполагать наличие для них общей тамги, т.е. тамги в форме горного козла. На наш взгляд, так как в Восточном каганате правила основная ветвь рода Ашина (потомки Бумына), то ее тамга не подверглась радикальным изменениям. В отличие от нее, тамга Западно-Тюркского каганата в течение долгого времени после отделения изменялась.

– – – –) on coins indicates that they were minted on behalf of the supreme rulers of the Western Turkic khaganate from the Ashina dynasty¹⁷⁰. This is supported by supreme titles such as *yabghu*, *yabghu-khagan* and *khagan* observed in coin legends. In the course of time this tamga appeared on coins issued by dynasties that were directly related to the Western Turkic khaganate. As is seen from the political history of the Western khaganate, its supreme ruler initially bore the title of *yabghu*, then *yabghu-khagan* and finally, after the termination of the Eastern (Central) Turkic khaganate – *khagan*.

Interestingly, the coins with this tamga and its variants do not have other titles representing lower levels of the khaganate's hierarchy. So, although the dynasty of Chach tegins (605-750) () originated from the Ashina family, the tamga on their coin differed from the signs on the coins of the khaganate's supreme rulers. At the same time, despite little similarity, the tamga of the Chach tegins might well originate from the Ashina tamgas on the coins. The Chach tegins' tamga looks more rounded (cf. –). The tamga on one of the earliest coins from the Western Turkic Khaganate which was found recently also has a more rounded form () similar to the tamgas (,) on the coins of the Chach tegins (fig. 6. II, 1-5; 7, 1-5) and amid rock paintings in Zhaltyraktash, the

---

and A. V. Kuznetsov (Shagalov, Kuznetsov, 2006. P. 60).

¹⁷⁰ The stelae with the tamga in the form of a mountain goat from the Eastern (Second) Turkic khaganate were erected in the 730s, that is, much later than the coins of the Western Turkic khaganate were minted. The readers may thus ask: how can then the tamga on the stelae be compared with the tamgas on the coins? The thing is that this tamga can hardly have appeared at the time it was put on the stelae, as the image of a mountain goat was already quite a common one at the time of the Turkic khaganate. As is known, when a family split its new branch used the old prototypical tamga with additional elements. As both khaganates were ruled by representatives of the same family, the Ashina, it is quite logical that they had a common tamga in the form of a mountain goat. We think that the main branch of the Ashina family (Bumyn's descendants) reigned over the Eastern Turkic khaganate, so their tamga did not change greatly. On the contrary, the tamga of the Western Turkic khaganate underwent a series of changes which continued for a long time.

Чача (605-750) (𐰉), хотя и происходивших из рода Ашина, отлична от знаков на монетах верховных правителей каганата. И хотя не наблюдается явного сходства, можно предположить, что генезис тамги тегинов Чача все же восходит к тамгам рода Ашина, которые зафиксированы на монетах. Правда, в отличие от них, она имеет более округлую форму (ср. 𐰉 – 𐰉). На одной из ранних монет Западно-Тюркского каганата, найденной недавно, тамга также имеет более округлую форму (𐰉/𐰉), близкую по форме к тамгам (𐰉, 𐰉) на монетах чачских тегинов (рис. 6, II, 1-5; 7, 1-5), наскальных рисунках Жалтыракташа, Кочкорской долины и Чу-Илийского междуречья (рис. 6, III-V). Скорее всего, тамга рода Ашина на монетах тегинов со временем видоизменилась и приобрела округлую форму (𐰉 > 𐰉). На другом типе монет тегинов Чача представлена тамга (𐰉) (Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 125. Рис. 104-105; Babayar, 2007. PP. 91-92), очень близкая по форме знакам, имеющимся на монетах Западно-Тюркского каганата. Это характерно и для монет Ферганы с квадратным отверстием и титулом «каган», на которых тамга также подверглась стилизации (ср. 𐰉 – 𐰉 – 𐰉 – 𐰉; Рис. 7, b, 1-4). Итак, мы упомянули выше тамги, аналогичные тамге тегинов Чача, зафиксированные и в наскальных рисунках (𐰉) конца VII – первой половины VIII века в Кочкорской долине (Центральный Тянь-Шань; см. также главу 11), которые являлись родовым знаком родоплеменного объединения Он Ок, т.е. Западно-Тюркского каганата (Кляшторный, 2003. С. 295; Табалдиев, Алимов, 2004. С. 293. Табл. 3). Это еще раз доказывает, что тамга рода Ашина по прошествии около двух веков подверглась сильной стилизации.

Ясность в вопрос о принадлежности вышеупомянутых тамг, имеющих на монетах, чеканенных в Чаче Западно-Тюркским каганатом, наряду с титулатурой позволяет внести и наличие схожих тамг (𐰉, 𐰉, 𐰉, 𐰉) на монетах Ферганской долины VII–VIII веков. На них, как и на чачских, имеются верховные тюркские титулы. Но вместе с этим, на одном из типов монет Ферганы есть руническая

Kochkor Valley and Chu-Ili interfluve (fig. 6, III-V). In most probability, the Ashina tamga on the tegins' coins changed in time and became more rounded (𐰉 > 𐰉). Another type of coins issued by the Chach tegins has the tamga (𐰉) (Shagalov, Kuznetsov, 2006. P. 125. Figs. 104-105; Babayar, 2007. PP. 91-92), which is very close in form to the signs on the coins of the Western Turkic khaganate. This is also quite typical of the Fergana coins with a square aperture and the title of 'khagan', which also have a stylised version of the tamga (cf. 𐰉 – 𐰉 – 𐰉 – 𐰉; Fig. 7, b, 1-4). So, the tamgas we have discussed above are analogous to the tamga of the Chach tegins and can also be found amid rock paintings (𐰉) of the late 7th-first half of the 8th centuries in the Kochkor Valley (Central Tien Shan; see also Chapter 11); these tamgas were the family sign of the On Oq tribal union, that is, the Western Turkic khaganate (Klyashtorniy, 2003. P. 295; Tabaldiev, Alimov, 2004. P. 293. Pl. 3). This is another proof that the tamga of the Ashina dynasty became highly stylized after two centuries.

Alongside the titulature, similar tamgas (𐰉, 𐰉, 𐰉, 𐰉) on the coins of the Fergana valley dated to the 7th-8th centuries also help clarify the question of attribution of the abovementioned tamgas. As well as the Chach ones, they have on them supreme Turkic titles. At the same time, one type of Ferganian coins has on them a runic inscription, which is known to have become popular in Fergana at the time of the khaganate. Similar tamgas can also be found on some coins from Tokharistan (𐰉, 𐰉 / 𐰉) and Panj/Penjikent (Sogd) (𐰉) dated to the 7th-8th centuries. Most of the researchers refer these coins to the Turkic dynasties that ruled these territories. We believe that the appearance of these tamgas in Tokharistan is directly associated with the Ashina family, because since the first half of the 7th century the region was governed by representatives of this dynasty who bore the title of *yabghu* (Bichurin, 1950. PP. 239, 283; Chavannes, 1903. P. 219). Interestingly, some of the coins of Peroz from Tokharistan were counterstamped with a combination of the two tamgas (𐰉 / 𐰉 – 𐰉). In the same way, one of the

Рис. 6. Тамги на монетах Чача и аналогии им в раннетюркском мире

Fig. 6. Tamgas on the coins of Chach and their analogues in the Early Turkic world

надпись; как известно, руническое письмо в Фергане получило широкое распространение именно в эпоху каганата. Схожие тамги встречаются и на некоторых монетах Тохаристана (, /) и Панч/Пенджикента (Соغد) (), относящихся к VII–VIII векам. Их чекан большинство исследователей связывает с

coin types from Chach dated to the Western Turkic khaganate period (with the legend *twn žpγw x'γ'n* ('Tun yabghu-khagan') is marked with a combination of the tamgas (/ –) (fig. 8, 3, 1-2).

E.V. Rtveladze's opinion is quite interesting in this respect: 'The tamga of this type (lyre-

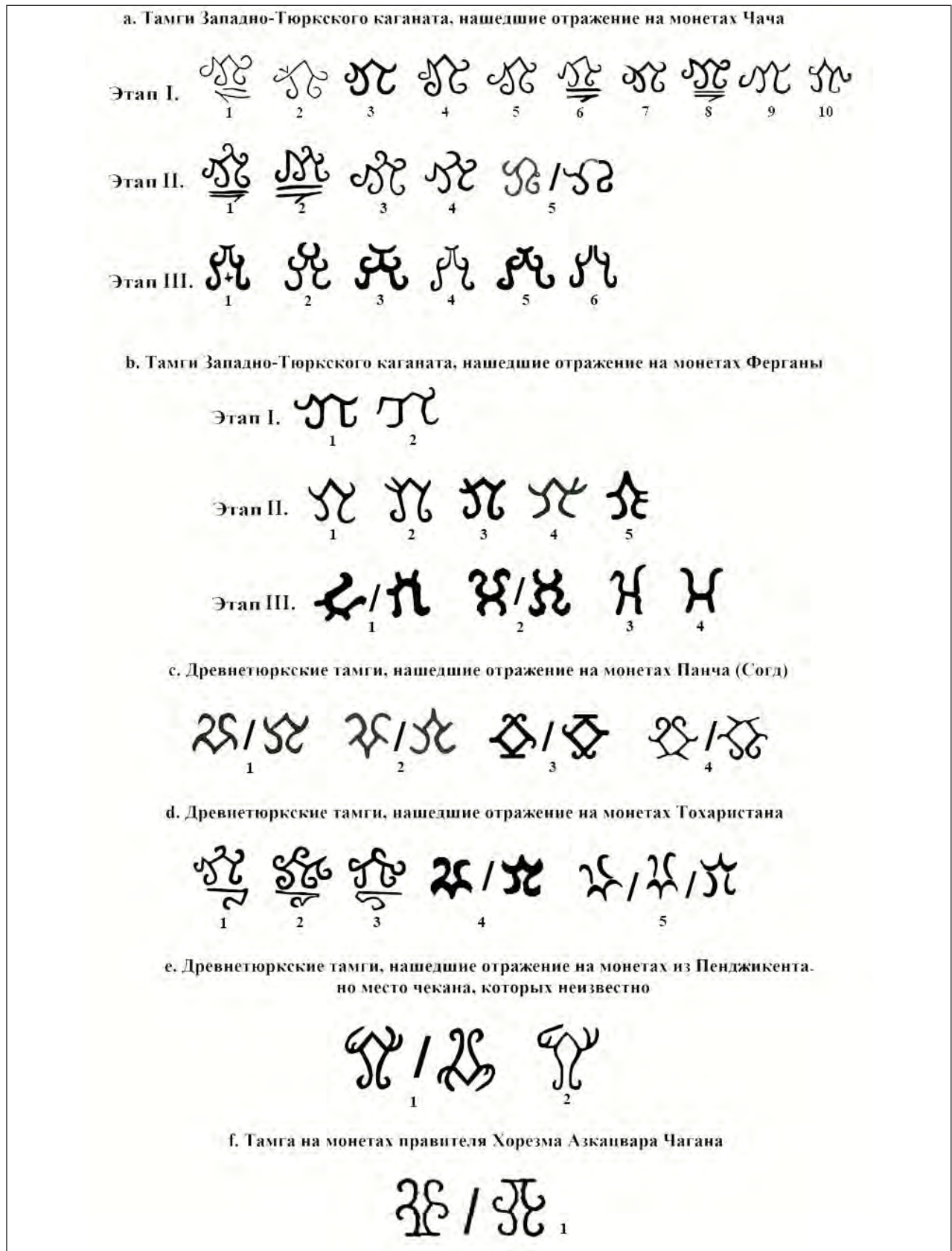

Рис. 7. Тамги Западно-Тюркского каганата на монетах различных регионов Средней Азии

Fig. 7. Tamgas of the Western Turkic Khaganate on coins from various regions in Central Asia

тюркскими династиями, правившими в этих владениях. Появление таких тамг в Тохаристане, на наш взгляд, непосредственно связано с родом Ашина, так как с первой половины VII века власть в этом регионе перешла в руки выходцев из этого рода, носивших титул *ябгу* (Бичурин, 1950. С. 239, 283; Chavannes, 1903. P. 219). При этом среди надчеканов на монетах Пероза из Тохаристана встречаются две тамги (/ –) вместе. Точно так же и на одном из типов монет Чача, относящихся к Западно-Тюркскому каганату (с легендой *twn žpγw x'γ'n* «Тун ябгу-каган»), встречаются вместе две тамги (/ –) (рис. 8, 3, 1-2).

Здесь уместно привести следующее мнение Э.В. Ртвеладзе: «Подобного типа тамга (лирообразная – прим. авторов) на подражаниях Пероза, в основном происходящих из долины Шерабаддарьи, могла появиться только во второй четверти VII века, во время правления этих каганов, и означала родственные связи между правителями Западно-Тюркского каганата и тюркскими правителями Гуфтана (долины Шерабаддарьи). Тогда же появляются и надчеканы «каган» и «текин» на других типах подражаний монетам Пероза» (Ртвеладзе, 2006. С. 119).

Особого внимания заслуживают монеты хорезмшаха Чагана, на реверсе которых, в отличие от других монет хорезмшахов-Афригидов, вместо хорезмийского всадника, являвшегося символом этой династии, имеется тамга () (Гудкова, 1964. С. 120). Такая тамга имеет близкое сходство с тамгой Западно-Тюркского каганата (ср. / – /). В свое время А.В. Гудкова обратила внимание, что имя этого хорезмшаха не фигурирует в перечне царей Афригидов у ал-Бируни, и отметила, что имя Чаган не было распространенным в тюрко-монгольском мире. Поэтому эта исследовательница, как и ряд других авторов, предполагает, что Чаган, возможно, был узурпатором на хорезмийском престоле (Там же. С. 120). Б.И. Вайнберг предполагает, что Чаган прибыл в Хорезм из Тохаристана (Чаганиана) (Вайнберг, 1977. С. 41, 91-94). Такая возможность не исключена, поскольку

shaped – the authors) could appear on Peroz's imitations originating mainly from the Sherabad River valley only in the second quarter of the 7th century, when these khagans were the rulers, and could mean kindred relations between the rulers of the Western Turkic khaganate and the Turkic rulers of Guftan (the Sherabad River valley). At that very time the counterstamps 'khagan' and 'tekin' appear on other types of imitations of Peroz's coins' (Rtveladze, 2006. P. 119).

Khorezmshah Chagan's coins which, unlike the other coins of the Afrigid Khorezmshahs, had on their reverse the tamga () instead of the Khorezmian rider, the symbol of this dynasty, are of special interest (Gudkova, 1964. P. 120). This tamga is very similar to the tamga of the Western Turkic khaganate (cf. / – /). In her time A. V. Gudkova noted that the name of that Khorezmshah could not be found in the list of Afrigid kings provided by Biruni and emphasised that Chagan was no common name in the Turkic-Mongolian world. Therefore, like many other specialists, this researcher suggests that Chagan could be the usurper of the Khorezmian throne (ibid. P. 120). B. I. Vainberg supposes that Chagan arrived in Khorezm from Tokharistan (Saganiyan) (Vainberg, 1977. PP. 41, 91-94). This is quite possible, because at that time Tokharistan, as well as Saganiyan, was ruled by Turkic dynasties associated with the Turkic khaganate, whose coins have a similar tamga (/ / ; fig. 6, d, 4-5).

The coins with the abovementioned tamgas from Penjikent are known to have been minted by a Turkic dynasty that reigned over the region between the second half of the 7th century and the first quarter of the 8th century (Livshits, 1979. PP. 61-62). Whether this dynasty was one of the Ashina descendants, it is hard to say, as there are no written sources directly supporting this hypothesis. However, the tamga's appearance suggests kindred relations between the Turkic dynasty in Panj and the Ashina family, which is also supported by the name of one of its representatives, Chakin Chur Bilge (693–708), found in Sogdian documents from Mount Mug and in a coin legend reading *pncy MRY' bydk' xwβ* ('Lord Bilge, the ruler of Panj') (Ibid. PP. 57-

в Тохаристане, в том числе в Чаганиане, тогда правили тюркские династии, связанные с Тюркским каганатом, на монетах которых имеется схожая тамга (𐰉, 𐰊, 𐰋; рис. 6, d, 4-5).

Как известно, монеты Пенджикента с вышеупомянутыми тамгами были чеканены со стороны тюркской династии, правившей здесь со второй половины VII до первой четверти VIII века (Лившиц, 1979. С. 61-62). Происходила ли эта династия из рода Ашина – ответить трудно, так как об этом не имеется прямых письменных сведений. Но, исходя из тамги, можно предположить наличие родственных связей между тюркской династией Панча и родом Ашина, что подтверждается и именем одного из ее представителей Чакин Чур Бильге (693–708), которое нашло отражение в согдийских документах с горы Муг и монетной легенде как *pnсу MRV' budk' xwβ* «Правитель Панча господин Бильге» (Там же. С. 57-58). Как мы видим, составные части его имени Чур и Бильге являлись характерными для Тюркского каганата, первое из которых являлось титулом, а второе эпитетом.

Как уже отмечалось, изменение форм тамг на монетах Западно-Тюркского каганата было также непосредственно связано с переменной титула верховного правителя каганата, нашедшего свое отражение в монетной легенде. Так, формы тамг на монетах с титулом «ябгу», анэпиграфных и др. (𐰉), титулом «...ябгу-каган» (𐰊) и титулом «...каган» (𐰋) позволяют допустить, что первая тамга является прототипом, а последующие – ее видоизмененными формами (Бабаяров, Кубатин, 2019а. С. 336, 339). На монетах с титулом «ябгу-каган» в верхней части добавлен крючкообразный элемент, а на монетах с титулом «каган» – элемент в виде полумесяца, и ее основа немного видоизменена. Промежуточное положение между монетами с титулами «...ябгу-каган» и «каган» занимают монеты с титулом «...ябгу-каган» и тамгой в форме 𐰊. Исходя из близости формы этой тамги с формами знаков на упомянутых монетах (𐰉 – 𐰋), можно предполагать ее промежуточное место. Следовательно, на монетах Западно-Тюркского каганата можно проследить сле-

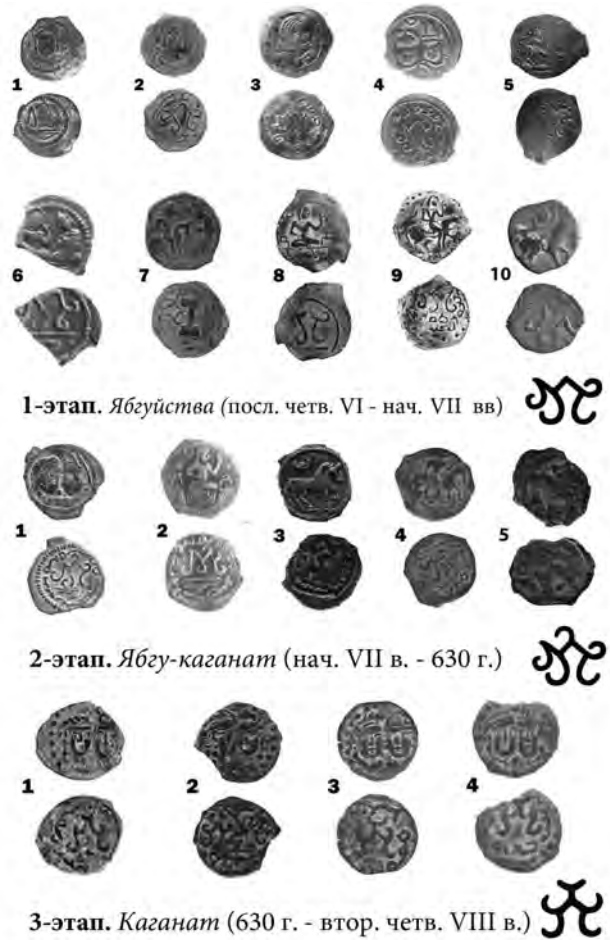

Рис. 8. Монеты Западно-Тюркского каганата трех этапов (Чач / Ташкент)

Fig. 8. Coins of the three stages of the Western Turkic Khaganate (Chach / Tashkent)

58). As we can see, the ‘Chur’ and ‘Bilge’ components of his name were typical of the Turkic khaganate, where the former was a title and the latter an epithet.

As we have already noted, the change of tamga forms on the coins of the Western Turkic khaganate was also directly associated with the change of the title of the khaganate’s supreme ruler, which was reflected in the coin legend. Thus, the forms of the tamgas on the coins with the titles of ‘yabghu’, unepigraphic and others (𐰉), ‘yabghu-khagan’ (𐰊) and khagan (𐰋) may suggest that the first tamga is the prototype, while the ones following it are its variants (Babayarov, Kubatin, 2019a. PP. 336, 339). A hook-like element is added to the tamga on the coins with the title of ‘yabghu-khagan’, while that on the

дующий эволюционный процесс этой тамги на примере нумизматического материала из Чачского оазиса: - - (> > , ; рис. 7, а).

Тамги на монетах, связанных с Западно-Тюркским каганатом, являются стилизованными вариантами тамги правящего рода Ашина, от которого происходили каганы обоих каганатов. Эта тамга, представленная на монетах и наскальных надписях Средней Азии, проделала довольно интенсивный эволюционный путь, в результате которого подверглась сильной стилизации и приобрела более округлые формы. В целом ее эволюцию мы представляем в следующем виде: > / - / (в Чаче)¹⁷¹; / - /   (в Фергане); / (в Тохаристане); / - (в Панче) на монетах и - - (в Семиречье) на скалах (рис. 7, а-е; 6, III) (Бабаяров, Кубатин, 2011. С. 295-303).

Как известно, на большей части монет Средней Азии имеют место тамги, являющиеся символами династии и правящего рода (Яценко, 2001. С. 99, 179; Ilyasov, 2003. PP. 131-57). Основная часть тамг была связана с территорией, которой владел правитель, или же с происхождением династии (этническая принадлежность). Так, на реверсе монет Западно-Тюркского каганата нашли места тамги, имеющие очень схожие между собой формы: · · . Это указывает на то, что они были чеканены представителями одной династии. Ведь сходство форм тамг является одним из основных факторов, определяющих принадлежность монет к конкретной династии. Появление же небольших различий на тамгах (дополнительные элементы, знаки и т.п.) связано со сменой поколений внутри династии. Это было характерно для многих кочевых этносов Центральной Азии. Например, у них в процессе разделения рода на подразделения появлялась новая тамга, отличавшаяся от основной родовой (последняя

¹⁷¹ Не все авторы данной коллективной монографии согласны с такой предполагаемой линией эволюции (прим. координатора).

coins with the title of ‘khagan’ has a slightly altered base and an additional element in the form of a crescent. The coins with the title of ‘...yabghu-khagan’ and the tamga occupy an intermediate position between the coins with the titles of ‘yabghu-khagan’ and ‘khagan’. The similarity between the form of this tamga and that of the signs on the abovementioned coins (-) suggests the tamga’s intermediate position. Therefore, the evolution of this tamga can be traced on the coins of the Western Turkic khaganate found in the Chach Oasis: - - (> > , ; fig. 7, a).

Tamgas on coins related to the Western Turkic khaganate are stylised versions of the tamga of the Ashina ruling dynasty which originated khagans in both khaganates. This tamga found on coins and amid rock paintings in Central Asia was evolving quite intensively, which resulted in its strong stylisation and more rounded forms. Its general evolution can be presented in the following way: > / - / (in Chach)¹⁷¹; / - / - /   (in Fergana); / (in Tokharistan); / - (in Panj – on coins); - - (in Semirechie – on rocks) (figs. 7, a-e; 6, III) (Babayarov, Kubatin, 2011. PP. 295-303).

Mostly, tamgas on Central Asian coins are known to have been the symbols of dynasties and ruling families (Yatsenko, 2001. PP. 99, 179; Ilyasov, 2003. PP. 131-57). Most of the tamgas were related to the territory ruled by their owners or to the dynasty they originated from (ethnic relation). So, the coins of the Western Turkic khaganate have on their reverse tamgas very close to each other in form: · · . This indicates that they were minted by representatives of one dynasty, as similarity between tamga forms is one of the basic factors that can help relate coins to this or that dynasty. Minor differences between tamgas (additional elements, signs and so on) are associated with the change of generations within a dynasty. This was typical of many Central Asian nomadic ethnic groups. So, when a family

¹⁷¹ Not all of the authors of this collective monograph agree with this evolutionary line (the coordinator’s comment).

являлась для нее прототипом, лишь с наличием дополнительных знаков). Такое положение характерно даже для тамг правящего рода ряда оседло-земледельческих владений и государств. В частности, это наблюдается на монетах начиная с эпохи Кушан до арабского завоевания западной части Центральной Азии.

Итак, мы полагаем, что группа монет Чача с тамгами , , относится к династии Ашина. Однако отсутствие находок идентичных тамг на территории «государственного улуса» (Чу – Талас – Джунгария) Западно-Тюркского каганата с центром в Семиречье, а также на землях Восточно-Тюркского каганата (552-630; 682-744) с центром в Отокуне (Монголия), составляет в этом случае проблему. В ряде своих публикаций мы связывали происхождение упомянутых тамг на монетах Западно-Тюркского каганата с тамгой в форме , которую исследователи считают «ханской тамгой», т.е. «каганской тамгой» династии Ашина, известной на стелах Кюльтегина, Бильге-кагана и в ряде древнетюркских памятников Восточно-Тюркского каганата: ср.: > / – / – / .

В целом рассмотрение тамг на монетах первых тюркских каганатов и вассальных владений позволяет утверждать, что этническая атрибуция последних во многом неясна, выявляет эволюцию монетного чекана Западно-Тюркского каганата и соотношение его тамговой символики со знаками элиты восточной прародины.

split into several divisions, a new tamga formed, which was made somewhat different from the basic family one (the latter served as its prototype) through addition of elements. This was even characteristic of the tamgas of ruling families in a number of nomadic and sedentary territories and states. In particular, this can be observed on coins since the Kushan period to the Arab occupation of the western part of Central Asia.

Thus, we suppose that the group of coins from Chach with the tamgas , , is related to the Ashina dynasty. However, the failure to find identical tamgas in the territory of the ‘state ulus’ (Chu – Talas – Dzhungaria) of the Western Turkic khaganate with the centre in Semirechie and on the lands of the Eastern Turkic khaganate (552-630; 682-744) with the centre in Otuken (Mongolia) seems to pose a problem. In a number of our previous publications we proposed the idea that the discussed tamgas on the Western Turkic khaganate’s coins originated from the tamga , which researchers consider the ‘royal tamga’ or ‘khagan’s tamga’ of the Ashina dynasty found on the stelae of Kul-tegin and Bilge-khagan and in a number of ancient Turkic monuments in the Eastern Turkic khaganate (cf.: > / – / – .

Overall, tamgas on the coins of the first Turkic khaganate khaganates and their vassal possessions do not quite reveal the latter’s ethnic attribution but helps specify the evolution of coins in the Western Turkic khaganate and relations between its tamga symbolism and the signs of the elite of its eastern ancestral territory.

ГЛАВА 11
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗНАКИ-ТАМГИ
КЫРГЫЗСТАНА
К.Ш. Табалдыев

Знаки-тамги средневековых тюрков являлись символами родовых подразделений, которыми их представители могли очертить свои владения и отметить другие виды собственности. Есть письменные китайские свидетельства о клеймах-тамгах лошадей усуней (Зуев, 1960). Известны также клейма для скота – «тамги» для лошадей. Об этом свидетельствуют редкие наскальные рисунки. Еще одной формой обозначения принадлежности скота, которая дожила до современности, были «эн» – различные формы разрезов на ушах лошадей, коров и мелкого скота.

Тамгами отмечены монеты Западно-Тюркского каганата, в частности Чачского оазиса. Тамги, обнаруженные на Тянь-Шане, сопоставимы с данными по Средней Азии, Алтаю, Южной Сибири и Монголии. В настоящее время уже выявлены группы тамг средневековых тюркоязычных народов и племен Центральной и Средней Азии. В генезисе тамг лежат знаки эпохи раннего железного века. Изучением их занимается не одно поколение ученых, о чем свидетельствуют труды известных исследователей (Кызласов, 1965. Рис. 7; Кызласов, Леонтьев, 1980. Рис. 12-15; Яценко, 2001; Самашев, Базылхан, Самашев, 2010; Рогожинский, 2012; Yatsenko, 2013). По заключению исследователей, часть тамг имела распространение и в тюркоязычной и ираноязычной среде. Некоторые виды средневековых знаков по своему происхождению связаны, возможно, с тамгами хуннского времени Центральной Азии (Вайнберг, Новгородова, 1976) и сарматскими тамгами Северного Причерноморья (Яценко, 2001). Отдельные разновидности тамг на просторах Евразии дожили до этнографической современности. Характерно, что некоторые типы тамг раннесредневековых тюрков бытовали до этнографического времени и были в упо-

CHAPTER 11
MEDIEVAL TAMGA-SIGNS
IN KYRGYZSTAN
K.Sh. Tabaldyev

Medieval Turkic tamga-signs were symbols of family subdivisions, which their owners could use to delineate the boundaries of their territories and mark other types of property. Some Chinese written sources testify that the Wusun used tamgas to brand their horses (Zuev, 1960). Some tamgas have been recorded on horses depicted on rocks. There was another way to mark livestock which has survived to our days – cuts of various forms on the ears of horses, cows, sheep and goats known as ‘en’.

Tamgas occur on the coins of the Western Turkic khaganate, in particular, those minted in the Chach Oasis. Tamgas discovered in the Tien Shan correspond with those found in Central Asia, Altai, Southern Siberia and Mongolia. As of today, a few groups of tamgas used by a number of Turkic-speaking peoples and tribes in the middle ages have been discovered in Central and Middle Asia. The tamgas’ genesis is based on the signs of the early Iron Age. Many generations of researchers have been involved in studying them, which resulted in a number of research works (Kyzlasov, 1965. Fig. 7; Kyzlasov, Leont’ev, 1980. Figs. 12-15; Yatsenko, 2001; Samashev, Bazylkhan, Samashev, 2010; Rogozhinskii, 2012; Yatsenko, 2013). According to specialists, some tamgas prevailed among both Turkic-speaking and Iranian-speaking people. Some types of medieval signs might be derived from Central Asian tamgas of the Hun period (Vaynberg, Novgorodova, 1976) or Sarmatian tamgas from the northern part of the Black Sea area (Yatsenko, 2001). Certain kinds of tamgas survived in the vast territory of Eurasia to the ethnographic modernity. Interestingly, some tamga types used by Turkic peoples in the early

треблении у казахов, алтайцев, кыргызов и др. (Joseph Castage, 1921; Ямаева, 2004; Абрамзон, 1960. С. 99-104).

Археологические памятники с изображением различных тамг, символов на территории Кыргызстана чаще всего можно встретить в местах крупных скоплений наскальных рисунков. Обычно в местах концентрации петроглифов достаточно легко выделяются рисунки, наиболее характерные для различных эпох. Задача исследователя – выявить тамги на них, систематизировать и определить хронологию. Часть таких знаков-тамг встречается на керамике, много реже – на деревянных и кожаных изделиях.

Вначале рассмотрим группу знаков-тамг, выявленных в восточной части Кочкорской долины Нарынской области Кыргызстана. После обнаружения средневековых тюркских руноподобных надписей в восточной части Кочкорской долины Внутреннего Тянь-Шаня возросло и число известных раннесредневековых родовых тамг. Часть их сопровождалась надписями или рисунками. Такие же знаки-тамги были обнаружены и на отдельно распложенных камнях. Их принадлежность к одному из родовых подразделений «народа десяти стрел» (Он ок будун) – Западных тюрков несомненна, если учесть прочтение и перевод профессора С.Г. Кляшторного (Кляшторный, 2001. С. 73-75).

Большая часть обнаруженных средневековых тюркских руноподобных надписей сходны по содержанию и палеографии. Часть этих надписей сопровождается знаком – тамгой в виде изогнутого крючка с палочкой на тыльной стороне. По размеру они почти одинаковы, длина по горизонтали составляет 10-25 см (рис. 1-2). Несколько надписей сопровождали одинаковые по содержанию или по стилю крупные фигуративные наскальные рисунки (Табалдиев, Солтобаев, 2001. С. 68-73; Табалдиев, 2002; Табалдиев, Жолдошев, 2003. С. 125-132). Все эти совпадения повышают информативность обнаруженных памятников.

Основная часть надписей, обнаруженных в предгорной части Кочкорской долины, по содержанию оказались взаимосвязанными. Тексты тамгой, согласно прочтению и переводу

Middle Ages remained until the ethnographic period and were used by the Kazakhs, Altaians, Kyrgyzs and others (Castage, 1921; Yamaeva, 2004; Abramzon, 1960. PP. 99-104).

Archaeological monuments with diverse tamgas and symbols in the territory of Kyrgyzstan most often occur on sites with large clusters of rock paintings. Usually, drawings highly specific to certain periods can quite easily be spotted in petroglyph clusters. A researcher has the task of identifying tamgas among them, systematise them and specify their chronology. Some of these tamga signs can be found on ceramics and, much more rarely, on wooden and leather articles.

In the beginning we plan to analyse a group of tamga signs discovered in the eastern part of the Kochkor Valley, Naryn region of Kyrgyzstan. After the discovery of a series of runic inscriptions in the eastern part of the Kochkor Valley in the Inner Tien Shan, the number of early medieval clan tamgas also grew. Some of the tamgas were accompanied by inscriptions and drawings. Similar tamga signs were recorded on individual boulders. According to S.G. Klyashtornyiy, who read and translated them, there is no doubt that they are related to one of the clan subdivisions of the ‘people of ten arrows’ (On oq budun) – the Western Turkic people (Klyashtornyiy, 2001. PP. 73-75).

Most of the discovered medieval Turkic runic inscriptions are similar in contents and paleography. Some of these inscriptions are accompanied by a tamga sign in the form of a bent hook with a line on the back side. They are almost the same size, 10-25 cm long horizontally (figs. 1-2). A few inscriptions came together with large figurative rock paintings identical in content and style (Tabaldiev, Soltobayev, 2001. PP. 68-73; Tabaldiev, 2002; Tabaldiev, Zholdoshev, 2003. PP. 125-132). All these coincidences augment the informativeness of discovered monuments.

Most of inscriptions found in the foothills of the Kochkor Valley proved interrelated in meaning. According to S. G. Klyashtornyiy

профессора С. Г. Кляшторного (Кляшторный, 2001. С. 173-75), содержат информацию следующего характера:

- текст 1: «Эр атым Адык Он ок... «Моё мужское имя Адык. Десять стрел... Транскрипция: ʔr ʔt ʏm ʔdʏ on ʔq. (рис. 1, I, 1);

- текст 4: «Там впереди (т.е. на востоке) становище (кочевье). Мое мужское имя Адык. Транскрипция: первая строка – munda ilgʷü ʷb (?) qʷs (qʷš). Вторая строка – ʔr ʔt ʏm ʔdʏ on ʔq. (рис. 1, I, 3);

- текст 5: «Эр атым Адык Он Ок Ярышым» – «Моё мужское имя Адык. Мой (наш), Ярыш в стране десяти стрел. Транскрипция: ʔr ʔt ʏm ʔdʏ on ʔq jer jʰ r šʏ mʏz (рис. 1, I, 4-5);

- текст 8 «Мой (наш), Ярыш». Транскрипция: jʰ r šʏ mʏz (рис. 1, I, 7-8).

На наш взгляд, удачным является прочтение и привязка текста к историческим событиям начала VIII века. Из надписи следует, что древним названием Кочкорской долины было «Ярыш» («Йарыш»). При этом, согласно событиям, описанным в поминальном тексте Култегина (Монголия, Хошо-Цайдам), «Йарышская равнина» находилась на земле тюргешей. Используя результаты прочтения и историческую интерпретацию С.Г. Кляшторного, мы можем описать происходившие события следующим образом. В 711 году восточные тюрки собрались в поход против союзников енисейских кыргызов – тюргешей. Это событие описано в памятнике, посвященном Тоньюкуку (Малов, 1951. С. 56-70). Восточные тюрки отправляют своих лазутчиков на землю народа Он ок. Возвратившись, первый отряд лазутчиков доносит, что тюргешский каган дал команду собрать 10 тюменей войск. Второй отряд лазутчиков сообщает, что уже 10 тюменей тюргешских войск собрались на равнине «Йарыш». Надпись в честь Тоньюкука гласит: (33) «Пришли три лазутчика, слова их одинаковы: Их каган с войском выступил в поход, войско (народа) «десять стрел» без остатка выступило в поход» говорит лазутчик. «Да соберемся мы в степи Ярышской», – сказал. Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. Что делать?!; (36) Привели лазутчика, слово его таково: «В степи Ярышской собралось десять тюменей войска», – он говорит; (37) «Мы пришли, пройдя

(Klyashtorniy, 2001. PP. 173-75), the texts accompanying the tamgas contain the following information:

- text 1: ‘Er atym Adyk On ok ...’ (‘My male name is Adyk. Ten arrows...’). Transcription: ʔr ʔt ʏm ʔdʏ on ʔq. (fig. 1, I, 1);

- text 4: ‘Ahead (that is, in the east) there is a (nomad) camp. My male name is Adyk’. Transcription: the first line – munda ilgʷü ʷb (?) qʷs (qʷš); the second line – ʔr ʔt ʏm ʔdʏ on ʔq. (fig. 1, I, 3);

- text 5: ‘Er atym Adyk On Ok Yaryshym’ (‘My male name is Adyk. My (our), Yarysh in the country of ten arrows’). Transcription: ʔr ʔt ʏm ʔdʏ on ʔq jer jʰ r šʏ mʏz (fig. 1, I, 4-5);

- text 8: ‘My (our), Yarysh’. Transcription: jʰ r šʏ mʏz (fig. 1, I, 7-8).

We think that the text is most correspondent with the historical events that took place in the early 8th century. As appears from the inscription, ‘Yarysh’ was an ancient name for the Kochkor Valley. According to Kultegin’s funeral text (Khosho-Tsaydam, Mongolia), the ‘Yarysh valley’ was on the Turgesh land. Based on S. G. Klyashtorniy’s interpretation of the text and historical data we can describe the events in the following way.

In 711 the people of the Eastern Turkic khaganate organised a military campaign against the Turgesh, who were the allies of the Kyrgyz from the Yenisei. This event is described in a monument dedicated to Tonyukuk (Malov, 1951. PP. 56-70). The Eastern Turkic khaganate sent their scouts to the territory occupied by the On oq people. The first group of scouts informed that the Turgesh khagan ordered that an army of 10 tumens be gathered. The second group told that the 10 tumens had already gathered on the Yarysh plain. An inscription in honour of Tonyukuk reads as follows: (33) ‘Three scouts came and said the same words: Their khagan took the field, all the soldiers (people) of the ‘ten arrows’ took part without exception’, said the scout. ‘And we will gather in the Yarysh steppe’, he said. As I heard those words I passed them to the khagan. What shall we

Рис. 1. Тамги Кочкорской долины: I - Тамги с тюркскими руническими текстами. Кочкорская долина. Кёк-Сай, Еёё-Карын, Тик-Булак; II - Чап, Кёк-Чай, Кёк-Кыя, Бейрёк-Булак

Fig. 1. Tamgas in the Kochkor Valley: I – Tamgas with Turkic runic inscriptions. Kochkor valley. Kyok-Sai. Yeyoyo-Karyn, Tik-Bulak; II - Chap, Kyok-Sai, Kyok-Kyya, Beyrek-Bulak

через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш...; (38) «Тенир (Небо), богиня Умай, священная Йер-Суб (Родина, Земля-вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу» (Малов, 1951. С. 63, 68).

Здесь следует уточнить, какую роль играл Ярыш (Йарыш) для тюргешей. Профессор С.Г. Кляшторный, опираясь на данные арабского историка ат-Табари, считал, что Ярыш был одним из заповедников кагана. Из других событий упоминается, что «у хакана были заповедные луга и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Протяжение луга – 3 дня и горы – 3 дня. Они снарядились, пустили скот на пастбище, выдубили кожи диких зверей и сделали из них бурдюки, изготовили луки и стрелы» (Кляшторный, 2006. С. 354-361). Вот таким образом, по предположению С.Г. Кляшторного, упоминаемые в ат-Табари «заповедные луга и гора» сопоставляются с местом «Ярыш».

do?!'; (36) 'They brought a scout and he said the following: 'We have arrived here across the Altun black land. Across the Irtysh River...'; (38) 'Tenir (the Heaven), goddess Umay, Holy Yer-Sub (Motherland, Water Earth) – it was they who, probably, bestowed victory (on us)' (Malov, 1951. PP. 63, 68).

It is necessary to specify the role Yarysh played in the life of the Turgesh. Based on data provided by Arab historian at-Tabari, Professor S. G. Klyashtornyiy made a suggestion that Yarysh was one of the khagan's reserves. The author also mentions that 'the khakan had meadows and a mountain to which no one had the right to approach and where no one was allowed to hunt, as they were reserved for war-time. The length of the meadow was 3 days and the length of the mountain was 3 days. They equipped themselves, brought livestock to the pasture, tanned the skins of wild animals to

Несмотря на разницу прочтения тюркологами обнаруженных надписей, благодаря археологам открывались новые памятники эпиграфики и знаки-тамги, другие наскальные изображения именно этого периода. Таким образом, создавались условия, облегчавшие их целенаправленный поиск.

В процессе поиска знаков-тамг может оказаться полезным уже накопленный нами опыт поиска и изучения курганов, каменных изваяний и поминальных оград тюркоязычных племен Внутреннего Тянь-Шаня, так как часть этих памятников, несомненно, связана друг с другом.

Так, в сентябре 1989 года в этой же части Кочкорской долины нами были раскопаны курганы и поминальные ограды с изваяниями (памятники Бел-Саз, Беш-Ташкорю). Эти открытия вызвали в кругу специалистов-археологов мнение об отсутствии в пределах исследованных могильников средневековых тюркских руноподобных надписей и родовых тамг.

В обнаруженных курганах было собрано значительное количество предметов вооружения, конского снаряжения, детали наборного пояса и вещи бытового назначения. Путем сравнительного анализа эти памятники были датированы VII-VIII веками. Согласно письменным источникам, классической раннесредневековой тюркской эпиграфике Монголии и результатам исторических исследований, обнаруженные памятники принадлежали ко времени образования и развития родовых подразделений народа Он ок будун (западных тюрков) и последующих государственных образований тюркоязычных народов Тянь-Шаня и Семиречья.

Исходя из уже имеющегося опыта поиска памятников раннесредневековых тюрков, мы пытались выявить курганы той же культуры в местах обнаружения каменных изваяний. Статуи с поминальными оградками обычно находят на одной территории с курганами, но располагаются они на разных участках. Однако здесь, в зоне пастбищ, были обнаружены только поминальные ограды с изваяниями, например, в районе озера Сон-Куль. Следовательно, обряд поминовения с установлением каменной статуи и оградки мог совершаться как вблизи

make waterskins of them and prepared bows and arrows' (Klyashtorniy, 2006. PP. 354-361). That was how, according to Klyashtorniy, the 'protected meadows and mountain' correspond with the area known as Yarysh.

While specialists in the Turkic culture interpreted the inscriptions in different ways, archaeologists discovered new monuments with epigraphs, tamgas and other rock images dated to that very period. Thus, the conditions that were forming facilitated their search.

Our experience in searching and studying the burial mounds, stone sculptures and fenced funeral grounds of the Turkic-speaking tribes in the Inner Tien Shan may prove useful in searching for tamga signs, as some of those monuments are doubtlessly interrelated.

So, in September 1989 we excavated mounds and funeral fenced grounds (Bel-Saz, Besh-Tashkoroo monuments) in the same portion of the Kochkor Valley. These discoveries made a number of archaeologists think that the studied burial grounds did not contain any medieval Turkic runic inscriptions and family tamgas.

There were numerous articles found in the discovered mounds, such as weapons, harnesses and their components, elements of a composite belt and various household utensils. Based on a comparative analysis those monuments were dated to the 7th-8th centuries. Based on data from written sources, classical early medieval epigraphs from Mongolia and some historical research the discovered monuments were dated to the time of the family subdivisions of the On oq budun (Western Turkic) people and subsequent states formed by the Turkic-speaking people in the Tien Shan and Semirechie.

Using our experience in searching early medieval Turkic monuments we made efforts to find the mounds of the same culture in the same area where the stone sculptures were discovered. Statues and funeral fenced grounds are usually found near mounds but on different sites. However, only funeral grounds with

мест захоронений, так и в другом месте, которое считалось сакральным. Например, поминальный обряд мог быть совершен в местах летовки, на родовых пастбищных угодьях. Судя по данным поминальных памятников, этот обряд у тюрков был связан с летним временем.

В целом число поминальных оград значительно меньше, чем число курганов. Вероятно, не всем соплеменникам полагалось устанавливать каменные изваяния. Вместе с тем, в более восточных горных зонах Центральной Азии встречались совпадения числа курганов и поминальных оград с числом каменных изваяний (Соенов, 1992. С. 90).

Отрывочные исторические сведения указывают на то, что количество воинов – тюрков, участвующих в одном военном походе, исчислялось десятками, а порой и сотнями тысяч. Соответственно, и число изваяний, оставленных с тех времен, должно было хотя бы приблизительно совпадать с числом погибших. Однако это не так. Скорее всего, не все тюркоязычные племена, хоронившие с конем, практиковали обряд установки каменных изваяний с поминальными оградками. По нашему мнению, это связано с внутренними различиями в погребально-поминальных традициях тюркоязычных племен, объединенных в различные конфедерации (тугю, теле и т. д.).

Несомненно, существовали определенные отрезки времени, когда обряду поминания воинов, воинскому культу уделяли особенно большое внимание, когда воздвигали изображения отличившихся в боях павших воинов, воинов-предводителей. Объектом для такого увековечивания становились, как правило, вожди племени, завоевавшие прижизненную славу, каганы, сумевшие наладить гарантированно благоприятную жизнь для своего народа, а также наиболее храбрые батыры. Именно в эти периоды складывались условия для создания героических эпосов.

Такие эпизоды мирной жизни фиксировались в тюркских руноподобных надписях, наскальных рисунках; здесь наносились и родовые знаки-тамги, в частности – в Кёк-Сае и его окрестностях, расположенных в восточной части Кочкорской долины. Судя по расширению ареала распространения вариантов изо-

sculptures were found in pasture zones such as that near Son-Kul Lake. Therefore, the funeral ritual accompanied by the erection of a stone statue and building of a fenced ground could be performed both next to burial sites and in some other places regarded as sacral. Thus, the funeral ritual could be administered on family pastures used in summer. Judging by the material found in funeral monuments, Turkic people used to perform this rite in summer time.

In total, the number of discovered fenced funeral ground is much smaller than that of mounds. Apparently, not all members of a tribe were considered to deserve stone sculptures. Nevertheless, in the more easterly areas of Central Asia the number of mounds and fenced funeral grounds was the same in some cases as that of stone sculptures (Soenov, 1992. P. 90).

Some fragmented historical data indicates that the number of Turkic soldiers taking part in a military campaign might reach dozens and even hundreds of thousands. For this reason the number of statues made at that time must coincide more or less with the number of dead soldiers. However, this is far from that. Probably, not all Turkic-speaking tribes practicing burial with a horse installed stone statues with funeral fenced grounds. We think that this was caused by the divergences between the funeral and burial traditions in various Turkic speaking tribes united in confederations (Tugyu, Tele and others).

Doubtlessly, in some periods, when the military cult was at the peak of its popularity and the performance of the soldier funeral rite was of great importance, they erected images of dead commanders or soldiers who had excelled in a battle. Most of such statues were dedicated to the memory of chieftains who had become famous while living, khagans who had ensured prosperous life for their people and bravest strongmen. That was the most favourable time for the creation of epics.

Such episodes in peaceful life were recorded in Turkic runic inscriptions and rock paintings; family tamga signs could also be found

гнутой тамги в период ее создания, ситуация внутри государства отличалась определенной стабильностью.

При этом надписи, знаки-тамги, наскальные рисунки в Кёк-Сае расположены достаточно разрозненно. Так, они обнаружены в предгорье, на участке длиной около 2 км и шириной около 1 км. Примерно в середине этого предгорья на одном из ровных участков выявлены каменное изваяние и два разрушенных объекта (курганы?). На южном конце предгорья расположено несколько небольших могильников, состоящих из каменных курганов. Количество их в могильниках – от 3 до 10. Эти курганы к настоящему времени пока не изучены.

В 1 км от юго-восточной части Кёк-Сае, на удлиненной отдельной возвышенности находится разновременный могильник Бел-Саз. В этом некрополе, на его южном пологом склоне найдена отдельная группа курганов тюрков. В настоящее время изучены пять обнаруженных на этом склоне курганов. Погребенные были как в сопровождении коня, так и без него. Обнаружено одно чисто конское погребение. На наш взгляд, наиболее значимым было обнаружение в этом могильнике погребения человека в сопровождении быка. Скелет быка помещался в погребении так же, как конь – с подогнутыми ногами, слева от погребенного.

Учитывая характерные особенности названных тюркских памятников, обнаруженных в Кёк-Сае, Бел-Сазе, можно предположить связь их с кёк-сайскими надписями, тамгами и рисунками. При возможности, они будут детально изучены.

Спустя 20 лет после обнаружения первых надписей, рисунков и знаков тамг назрела необходимость повторного обследования и изучения этой территории и расположенных на ней археологических объектов.

Количество и разнообразие тамг-знаков увеличивалось за счет вновь обнаруженных вариантов. Они в основном схожи с предыдущими (рис. 1, II). В августе 2017 года местный учитель из села Кара-Суу Болот и житель этого села Темирбек Абдыкеев указали исследователям место обнаружения ими знаков-тамг. Здесь были найдены новые разновидности знаков. Пока сложно говорить об их датиров-

among them, which is exemplified by Kyok-Sai and adjacent territories in the eastern part of the Kochkor Valley. Judging by the expansion of the territory where variants of a curved tamga were found the situation within the state was relatively stable.

Interestingly, the inscriptions, tamgas and rock painting in Kyok-Sai are scattered across a relatively large foothill area, 2 km long and 1 km wide. A stone sculpture and two ruined objects (barrows?) were recorded on a flat patch of ground in about the middle of the foothill. At the southern extremity of the foothill there are a few small burial grounds consisting of stone mounds. Each burial ground comprises between 3 and 10 barrows. The mounds have not been studied so far.

A burial ground consisting of non-contemporaneous graves and known as Bel-Saz can be found on an isolated elongated hill 1 km from the south-eastern extremity of Kyok-Sai. A separate group of Turkic mounds was recorded in this necropolis, on the hill's southern gentle slope. The bodies were buried together with horses' carcasses and without them. There was one grave containing only a horse's body. We believe that the most important grave was that where a man was buried together with the carcass of a bull. The bull's skeleton lied in the grave in the same position as the horses did – with the legs bent, on the left of the human body.

Some characteristic features about the Turkic monuments in Kyok-Sai and Bel-Saz suggest that they are associated with the inscriptions, tamgas and drawings in Kyok-Sai. They require meticulous study.

Twenty years after the discovery of the first inscriptions, tamgas and drawings it was felt necessary to examine and study this territory and the archaeological objects within it once again.

The number and range of tamgas grew as new ones were being discovered. Most of them, however, are similar to previously discovered ones (fig. 1, II). In August 2017, Bolot, a teach-

ке. Четыре вновь обнаруженных тамги, нанесенные на поверхности одного из валунов, по конфигурации несколько отличаются. Вероятно, три из них могут быть разновидностями одного и того же знака. С ними сходна тамга, обнаруженная рядом на другом камне, вместе с изображением горного козла (рис. 1, II, 5-6). Несомненно, эти находки станут такими же важными источниками при исследовании миграционных процессов, размежеваний различных родов средневековых племен.

Персонажи, изображенные на массивных окатанных камнях, и сопровождающие их животные переданы в профиль, часто – с детализированными отдельными частями тела. Для резчиков были важны их движения и жесты. Во многих случаях четко распределено их размещение на плоскости. Вероятно, создатель граффити хотел передать какие-то конкретные события, впечатления. Персонажи рисунков имеют характерные отличия в деталях. Так, четырежды повторяется сюжет из местности Кёк-Сай и её окрестностей со всадниками, держащими птицу в руке. Несмотря на различия в размерах, они близки между собой по технике исполнения. Два изображения дополнены надписями одного и того же содержания. Об их синхронности и принадлежности к одному племени свидетельствуют единый стиль передачи знаков и фигурная родовая тамга.

Следуя своим традициям, для нанесения изображений художники выбирали массивные камни, чтобы иметь возможность удобно разместить и полно представить задуманную композицию и надписи. Концентрация таких наскальных рисунков и их взаимосвязь с руническими надписями эпитафийно-ритуального характера, наличие в этой зоне погребальных и поминальных памятников тюркского времени позволяют отнести эту территорию к одной из значимых в духовной жизни тюрков. Комплекс представляет собой своеобразную модель сакральной зоны под открытым небом.

Всего здесь было обнаружено более десяти родовых знаков-тамг. Как уже отмечалось, изображения знаков-тамг на Тянь-Шане были найдены там, где исследовались средневековые рунические надписи, наскальные рисунки

er from Kara-Suu, and Temirbek Abdykeyev, another inhabitant of this village, showed researchers a place they discovered tamgas. The signs included some new types of signs. It is hard to date them so far. Four of the newly found tamgas recoded on the surface of a boulder are somewhat different in structure. Three of them may be variants of one sign. They are analogous to a tamga discovered on a neighbouring stone next to an image of a mountain goat (fig. 1, II, 5-6). Doubtlessly, these finds have the potential to become highly important sources for the study of the migration and division of various medieval tribes and clans within them.

The human and animal figures on large stones are depicted in profile, often with detailed parts of the bodies. The cutters focused on their gestures and movements. In many cases they are carefully positioned relative to each other. Probably, the graffiti maker aimed to depict certain events and convey their impressions. Each personage has some characteristic elements. So, one of the pictures is a composition of horsemen holding a bird in the hand, which is found in four places across Kyok-Sai and in adjacent territories. Although they differ in size, they are made using similar techniques. Two of the images come together with the same inscription. Their uniform style and a figured clan tamga accompanying them testify that they were made synchronously by the same tribe.

Following their traditions the artists chose large stones, on which they were able to dispose elements and inscriptions in the way they liked best and present their compositions in fullest. The high concentration of such rock paintings and their relation to epitaphic and ritual runic inscriptions and the presence of burial and funeral monuments of the Turkic period in this area suggest that this territory played a big role in the spiritual life of Turkic people. The complex is a kind of sacral area in the open air.

In total, over ten clan tamgas have been found there. As we have already noted, in the

и погребально-поминальные комплексы. Все они однотипны, это знаки-тамги в виде изогнутого крючка с палочкой на тыльной стороне. Принадлежность их к представителям одной из ведущих групп западных тюрков несомненна.

Кроме описанных выше родовых знаков-тамг, здесь обнаружены и другие знаки тюркского рунического алфавита. Например, знак означающий слово «эб» (дом, стойбище) (рис. 1, II, 11-12). Позднее в Кёк-Сае был обнаружен знак, означающий слово «эр» (воин, герой) (рис. 1, II, 4). Аналогичные тамги, образованные из знаков тюркского алфавита, обнаруживаются и на других местах. Такой знак найден в центральной части Кочкорской долины в местности Кара-Тоо, рядом с селением Бугучу в августе 2017 года (рис. 1, II, 15). Схожие знаки обнаружены вблизи Чийин-Таша, в юго-западной прибрежной части Иссык-Куля (рис. 2, I, 6; 12; рис. 2, II, 7). Скорее всего, это свидетельствует об использовании в качестве родового знака-тамги буквы средневекового тюркского рунического алфавита.

Изогнутые знаки-тамги, известные еще с эпохи раннего железного периода, встречаются у сарматов. Со времени сарматов, хуннов подобные знаки-тамги просуществовали вплоть до этнографической современности. Имеются археологические и этнографические свидетельства об их бытовании в среде средневековых тюркских народов. Некоторые знаки-тамги раннесредневековых тюрков встречались среди кыргызов и казахов и в этнографическое время.

Со времени обнаружения тамг Кёк-Сая актуален вопрос об уточнении их хронологии и принадлежности к той или иной группе тюркоязычных племен. С расширением зоны распространения близких по форме знаков-тамг решение данного вопроса все более усложняется. В 2017 году были организованы специальные краткосрочные поисковые маршруты для поиска знаков-тамг и фиксации полученной информации. В будущем, вероятно, удастся обозначить все подобные объекты на карте. На сегодня картина выглядит так (рис. 5).

В Кочкорской долине, вне зоны обнаружения тюркских руноподобных надписей, были

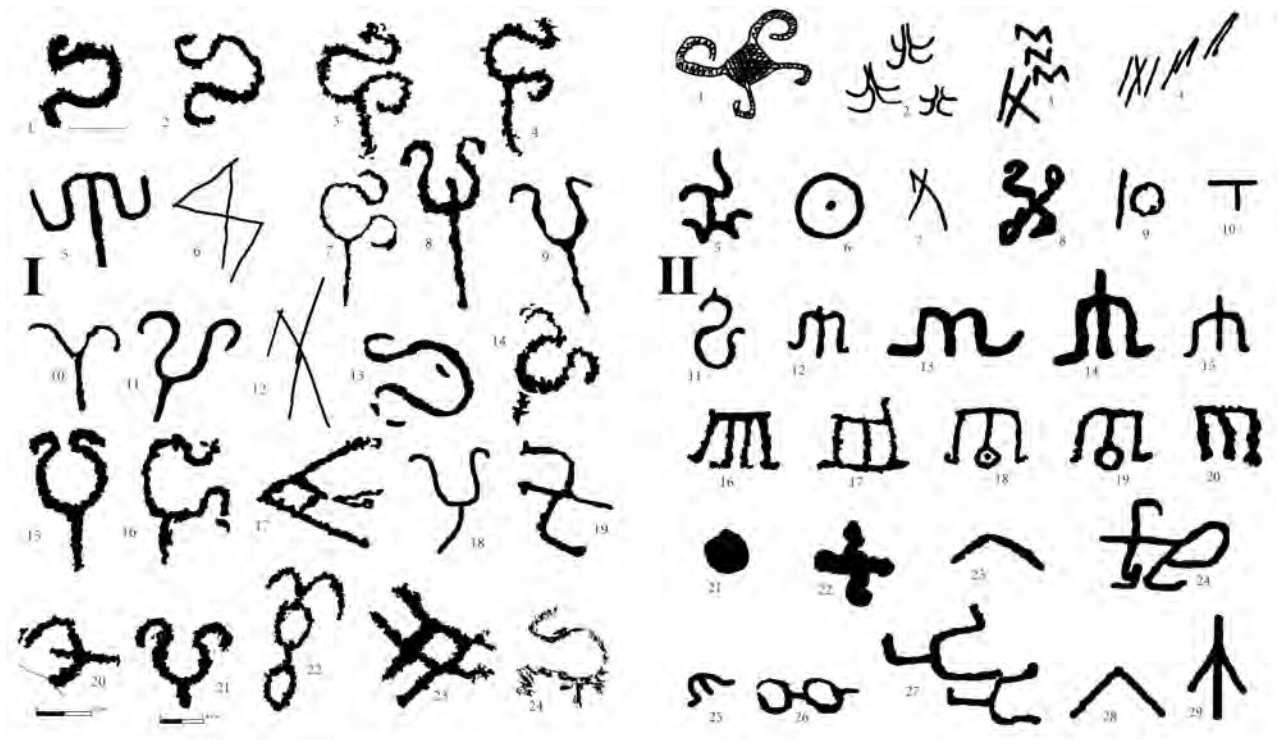
Tien Shan tamgas were found together with medieval runic inscriptions, rock paintings and burial and funeral complexes. All the signs are the same type and have the form of a hook with a line at the back. Doubtlessly, they represent one of the leading Turkic ethnic groups.

Alongside the clan tamgas described above, signs from the Turkic runic alphabet have also been discovered there. One of them was a sign indicating the word 'eb' (house, camp) (fig. 1, II, 11-12). Later, a sign meaning the word 'er' (warrior, hero) was found in Kyok-Sai (fig. 1, II, 4). Similar tamgas made of the characters of the Turkic alphabet have been recorded in other places, too. A sign like this was recorded in the central part of the Kochkor valley, in an area named Kara-Too, near Buguchu village, in August 2017 (fig. 1, II, 15). Similar signs were found near Tiyyin-Tash on the south-western part of Issyk-Kul Lake (fig. 2, I, 6; 12; fig. 2, II, 7). Probably, this means that the letter from the medieval runic Turkic alphabet was used as a clan tamga.

Curved tamga signs recorded since the early Iron Age were also used by the Sarmatians. These signs were in use since the Sarmatian and Hun times and up to the ethnographic modernity. Archaeological and ethnographic data testify that they were common among medieval Turkic peoples. Some early medieval tamga signs are known to have been used by the Kyrgyz and Kazakhs in the ethnographic time.

The question about their dating and referring to this or that group of Turkic-speaking tribes has remained unsettled since the very moment the tamgas of Kyok-Sai were discovered. As the area of the occurrence of similar tamga forms is expanding, the problem is growing more and more complicated. A series of special short-termed expeditions were organised in 2017 to find tamgas and record information. It is highly advisable to map these objects. However, the current situation is as follows (fig. 5).

Single tamgas have been found outside the area of the Turkic runic inscriptions in the

Рис. 2. Тамги Прииссыккуля (I) и Таласской долины (II). I: 1-6 – Дон-Талаа, Алабаиш; 7-14 – Чийин-Таш; 15-17 – Тосор; 18 – Сары-Ой; 19 – Баэт; 20-22 – Балыкчы (Калмак-Таш); II: 1-5 – Жалтырак-Таш (по Шер и др. 1987); 6-15 – Куру-Бакайгыр (по Ч. Жумагулову); 16-29 – Козучак, Урмарал

Fig. 2. Tamgas in the Issyk-Kul Lake area (I) and the Talas valley (II). I: 1-6 – Don-Talaa, Alabash; 7-14 – Chiyin-Tash; 15-17 – Tosor; 18 – Sary-Oy; 19 – Baet; 20-22 – Balykchy (Kalmak-Tash); II: 1-5 – Zhaltyrak-Tash (after Sher et al. 1987); 6-15 – Kuru-Bakaygyr (after Ch. Zhumagulov); 16-29 – Kozuchak, Urmарal

также найдены единичные тамги. По виду они одинаковы, т.е. повторялась описанная ранее изогнутая форма. В ходе поисков увеличивается число вариантов начертания этого знака-тамги. В результате удалось собрать дополнительный материал для пространственно-временного анализа знаков-тамг различных исторических эпох.

В восточной части Кочкорской долины, примерно в 7 км от Кёк-Сая в местности Кыргызбай-Булуи обнаружено огромное скопление наскальных рисунков, которые расположены на гребнях увалов. Рисунки нанесены на ровные патинизированные поверхности скал. Это разновременное «святилище» – такое, где нанесение рисунков на поверхности скал являлось частью поклонения природным объектам. Основную часть рисунков составляют изображения, типичные для эпохи бронзы, раннего железного века. Выделяются и более

Kochkor Valley. They are similar in appearance and have the curvy forms described above. As new specimens of this tamga are being discovered, the number of variants of this sign is also growing. The newly discovered signs provide additional information for the spatial and temporal analysis of tamgas from various historical periods.

A huge accumulation of rock paintings was recorded on hills' crests in the Kyrgyzbay-Bulun area around 7 km from Kyok-Sai in the Kochkor Valley. The images were made on even painted rock surfaces. The non-contemporaneous images in this sanctuary were a part of the natural objects worshipping ritual. Most of the paintings are images typical of the Bronze and early Iron Age. Some of them, however, were made in recent centuries. Unfortunately, no medieval Turkic images simi-

поздние рисунки – последних столетий. К сожалению, пока не обнаружено средневековых тюркских рисунков, подобных кёк-сайским. Среди наскальных рисунков следует выделить лишь изогнутую тамгу со знаком «+» внутри (рис. 1, II, 17).

Далее к югу на протяжении 1 км расположены три могильника тюркского времени – Беш-Ташкороо I, II, III. Но пока вблизи указанных могильников местным жителем Имадином Акуновым был обнаружен лишь один изогнутый знак-тамга. Непосредственно рядом с Беш-Ташкороо II имеются наскальные рисунки различных исторических эпох. Но среди них также пока не встречены рисунки и тамги эпохи раннего средневековья. Поиски знаков в этой части долины по-прежнему перспективны.

Чийин-Таш

Еще одним районом обнаружения и фиксации знаков-тамг стало западное Прииссыккулье (территория Тонского района). В восточной предгорной части хребта Терской Ала-Тоо, в скальном выходе Чийин-Таш найдены рисунки, датированные эпохой бронзы и раннего железного века. Здесь изображены сцены охоты на горных козлов, процарапаны и выбиты человеческие фигуры. Задолго до наших исследований в Чийин-Таше работал эпиграфист Ч. Жумагулов (Жумагулов, 1987. Табл. на с. XV), которому удалось выявить знаки-тамги времен тюркских каганатов.

Сделанный нами осмотр местности сразу подтвердил народное название Чийин-Таша, что в переводе означает «прочерченный камень». Здесь в трех местах были обнаружены новые варианты уже описанной нами тамги. У них много общего с кёк-сайскими в фигуративном плане, но есть отличительные особенности. Открытая часть изогнутого знака-символа обращена вверх или в сторону, на нижней стороне имеется вертикальная линия (рис. 2, I, 7-14).

В 2007 году в Чийин-Таше нами была выявлена средневековая однострочная руноподобная надпись, которая находилась на верхней вертикальной плоскости скалы. Рядом на горизонтальной поверхности располагалось гра-

лар to those in Kyok-Sai have been recorded so far. One of the most interesting among the rock paintings is a tamga with the + sign inside (fig. 1, II, 17).

Three burial grounds of the Turkic period – Besh-Tashkoroo I, II and III – are arranged in a line 1 kilometre long further to the south. So far only one curved tamga has been discovered by a local named Imadin Akunov near these burial grounds. Next to Besh-Tashkoroo there is a series of rock paintings of various historical periods. However, no medieval tamgas have been found among them so far. The chances to find more signs in this part of the valleys are still very high.

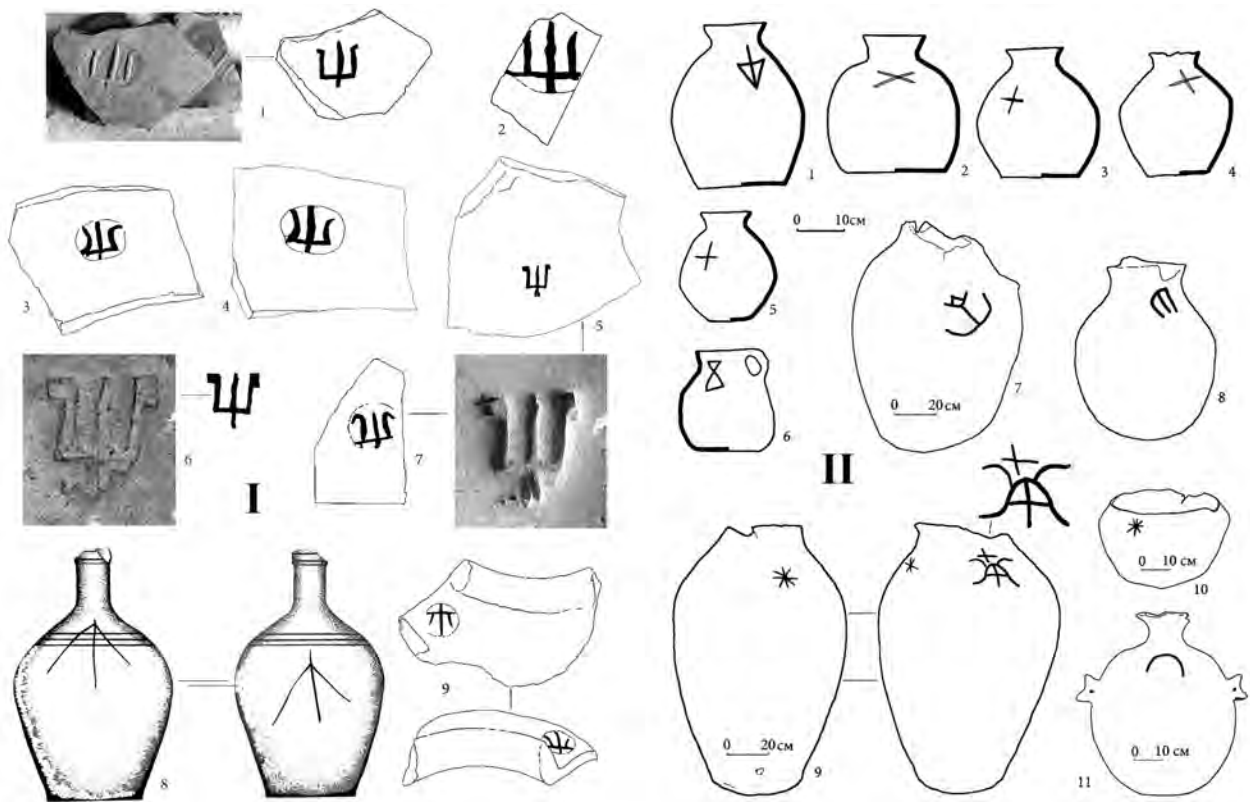
Chiyin-Tash

The western part of the Issyk-Kul Lake area (Tong District) is another area where tamgas have been recorded. Paintings dated to the Bronze and early Iron Ages were found in the Chiyin-Tash outcrops in the eastern foothills of the Terskey Ala-Too Range. Among the images are scenes of hunting for mountain goats, scratched and cut human figures and others. Epigrapher Ch. Zhumagulov who worked in Chiyin-Tash long before us (Zhumagulov, 1987. Pl. on P. XV) managed to identify tamgas of the Turkic khaganate period.

As we inspected the area it became clear why people call it Chiyin-Tash which translates as ‘a scratched stone’. New variants of the described tamga were found in three places there. They have much in common with those from Kyok-Sai, but also differ from the latter in some ways. The open part of the curved symbolic sign is facing upwards or sideways, while at the bottom it has a vertical line (fig. 2, I, 7-14).

In 2007 in Chiyin-Tash we discovered a one-line medieval runic inscription on the top vertical surface of a rock. Next to it, on a horizontal surface, there was an engraved image of an animal resembling a baby wolf or fox. There also are images of mountain goats and other animals.

Рис. 3. Знаки на керамике: I – на сосудах, собранных на территории городища Садыр-Коргон (Шельджи?) краеведом Н.Ф. Тур. Село Кызыл-Адыр, Таласская область; II: 1-5 – Карабулак (по Ю.Д. Баруздину); 6-8 – Кенеш (Каракульджинский район); 9-10 – Бурана; Кетмень-Тюбе (КГИИМ)

Fig. 3. Signs on ceramics: I – on vessels collected in the territory of the Sadyr-Korgon (Sheldzhi?) hillfort by historian N. F. Tur. Kyzyl-Adyr Village, Talas region; II: 1-5 – Karabulak (after Yu. D. Baruzdin); 6-8 – Kenesh (Kara-Kulja District); 9-10 – Burana; Ketmen-Tube (Kyrgyzstan State Historical Museum)

винованное изображение животного, похожего на волчонка или лису. Встречаются также изображения горных козлов и других животных.

В настоящее время мы располагаем двумя вариантами прочтения и перевода чийин-ташских текстов (Nuridin, Useyev, 2017). По мнению авторов перевода, это тексты религиозного характера.

В 2017 году вблизи Чийин-Таша была обнаружена группа аналогичных наскальных рисунков. Памятник условно назван Чийин-Таш-2. Здесь среди разновременных наскальных рисунков найден знак-тамга, схожий с первым чийин-ташским (рис. 2, I, II).

Еще одна группа знаков-тамг, аналогичных предыдущим и иной формы, была обнаружена в окрестностях сел Дон-Талаа и Алабаш Тонского района. Часть их найдена научным сотрудником Кыргызско-Турецкого универси-

As of today, there are two interpretations of the texts in Chiyin-Tash (Nuridin, Useyev, 2017). According to their translator, these are religious texts.

In 2017 a group of similar rock paintings was recorded near Chiyin-Tash. The monument was provisionally designated Chiyin-Tash-2. A tamga similar to the one from Chiyin-Tash-1 was found among non-contemporaneous rock paintings (fig. 2, I, II).

Another group of tamgas, similar to and different from the previous ones, was recorded near the villages of Don-Talaa and Alabash in Tong District. A part of them was discovered by Kayrat Belek, a researcher from the joint Kyrgyz-Turkish Manas University. The rest were found in the course of our joint search expedition to the Alabash area (fig. 2, I, 1-6).

тета «Манас» Кайратом Белеком. Остальные были открыты нами во время совместных поисков в местности Алабаш (рис. 2, I, 1-6).

Тосор

Три знака-тамги были открыты на правом берегу, на высокой третьей террасе реки Тосор (рис. 2, I, 15-18). Они нанесены на массивные валуны. Расположены они на разных участках и не привязаны к какому-либо археологическому объекту. На противоположном берегу реки, на второй террасе обнаружены поминальные оградки тюркского времени; по форме они близки чийин-ташским.

Калмак-Ашуу, Баэт

В северо-западной прибрежной зоне Иссук-Куля также были обнаружены три знака-тамги, аналогичных уже описанным (рис. 2, I, 20-24).

Итак, предварительно наметились *три зоны, где сосредоточены знаки-тамги средневекового тюркского времени*. Кочкорская долина и Западное Прииссыккулье схожи в географическом и климатическом отношении. Снег здесь выпадает довольно редко и климат наиболее благоприятен для зимнего выпаса скота. Эта микроклиматическая зона обеспечивала благоприятную зимовку для скота сезонных кочевников, которые не заготавливали сено на зиму. Такое ведение скотоводческого хозяйства сохранилось и по сей день. Здесь часто можно встретить почти все типы археологических памятников, так как на этой территории могли зимовать, обитать родственные племена в различные исторические эпохи.

Знаки-тамги, как уже было отмечено исследователями, служили своеобразной меткой собственности и хорошо сопоставляются с аналогичными тамгами, зафиксированными исследователями на территории владений кыргызов и тюрков на Алтае и в Минусинской котловине.

Общее сходство родовых знаков-тамг в ареале Кёк-Сая, где были найдены средневековые тюркские руноподобные надписи, не вызывает сомнения в их синхронности. Как уже говорилось, поиски позволили обнаружить средневековые знаки-тамги в Южном (на окраине сел

The Tosor

Three tamga signs were found on the right bank of the Tosor, on the high third terrace overlooking the river (fig. 2, I, 15-18). The tamgas were made on large boulders. They were recorded on different sites and were not associated with any archaeological object. Funeral fenced grounds of the Turkic period resembling those from Chiyin-Tash in form were discovered on the opposite bank.

Kalmak-Ashuu, Baet

Three tamgas analogous to the ones described above were found on the north-western shore of Issyk-Kul Lake (fig. 2, I, 20-24).

Thus, according to preliminary analysis, there are *three zones where medieval Turkic tamgas are concentrated*. The Kochkor Valley and western part of the Issyk-Kul Lake area are similar geographically and climatically. There is little snow and the region is most favorable for winter pasturing. This microclimatic area's climate was best for the wintering of nomads, who did not need to prepare hay for the cold season. This cattle breeding pattern still exists today. The territory abounds in archaeological monuments of all types, as it was a home and wintering place for various kindred tribes in different historical periods.

As was already noted by numerous researchers, the tamgas were used to mark property and are analogous to tamgas recorded in territories occupied by the Kyrgyz and Turkic peoples in Altai and the Minusinsk Depression.

The similarity of tamga signs across Kyok-Sai where medieval Turkic runic inscriptions were found leaves no doubts about their synchronous appearance. As we have already mentioned, medieval tamgas were discovered in the southern (on the outskirts of the villages of Tosor and Don-Talaa) and northern (on the outskirts of Karoy Village) portions of the Issyk-Kul Lake area and in the new places of the Kochkor Valley (Kyrgyzbay-Bulun). The tamgas in this newly discovered series correlate in form, which in all of them is based on the

Тосор, Дон-Талаа), Северном Прииссыккулье (на окраине села Карой) и в новых местах Кочкорской долины (Кыргызбай-Булуң). Серия новых знаков-тамг, обнаруженных в указанных местах, демонстрирует их фигуративную близость, так как их основу составляет ранее описанная фигура в виде изогнутого крючка. К разным сторонам основной фигуры добавлялись черточки, прямые линии.

Сходство знаков-тамг указывает на принадлежность их к близким по происхождению родам, родовым подразделениям и, во всяком случае, позволяет говорить об их принадлежности к одной этнической среде. Это частично доказано материалами из Кочкорской долины, где они отнесены исследователями к тюркским руноподобным надписям и наскальным рисункам. Изучив круг аналогий и учитывая взаимосвязь вышеописанного тамгообразного знака с тюркскими руноподобными надписями, мы с большой долей уверенности относим их к одной среде средневековых тюркских народностей Тянь-Шаня. В начале нашей статьи было приведено прочтение и перевод кёк-сайских текстов профессором С.Г. Кляшторным. По его версии, эти надписи принадлежат представителям «народа десяти стрел» – Он оқ будун.

Близкие кёк-сайским по конфигурации знаки-тамги, служившие в качестве родовых, племенных символов, упоминаются в археологической и этнографической литературе. Такого рода знаки-тамги встречаются на территории от Монголии до Северного Причерноморья и датируются начиная с эпохи раннего железного века до начала XX века (Радлов, 1892-1894; Драчук, 1975; Сагалаев и др., 1990. Табл. 1).

Обнаружение тюркских руноподобных надписей со знаком-тамгой в Кочкорской долине указывает на тесную связь данных надписей с определенным родом, который имел родовую тамгу в виде изогнутой фигуры. Они оказались сопоставимыми со знаками тамгами широкого ареала степных и горных зон Евразии.

Знаки-тамги, являясь символом родовой собственности клана племенных подразделений, позволяют в некоторых случаях уточнить генеалогию знатных кланов, направление миграций, восстановить важные факты полити-

figure in the form of a hook described above. Short and long straight lines are added to various sides of the main figure.

The similarity between the tamgas indicates that they were used by kindred families, clan divisions or, at the least, one ethnic group. This is in part supported by the materials from the Kochkor Valley, which are referred by specialists to Turkic runic inscriptions and rock paintings. Based on the analysis of the series of analogues and the fact that the abovementioned tamga-like sign is associated with runic inscriptions, we can confidently refer them to a group of kindred Turkic peoples that inhabited the Tien Shan. In the beginning of this article we gave inscriptions from Kyok-Sai translated by Professor G. Klyashtornyiy. According to this specialist, these inscriptions were made by the 'people of ten arrows' – the On oq budun.

Clan and tribal signs close in structure to the Kyok-Sai tamgas are mentioned in archaeological and ethnographic literature. Tamgas of this type can be found on a territory from Mongolia through to the northern portion of the Black Sea area and are dated from the early Iron age to the early 20th century (Radlov, 1892-1894; Drachuk, 1975; Sagalaev et al., 1990. Pl. 1).

The fact that Turkic runic inscriptions were found together with the tamga sign in the Kochkor Valley indicates a close relation between these inscriptions and a certain clan, which used the family tamga in the form of a curved figure. They proved analogous to tamga signs recorded across a wide area of steppes and mountains in Eurasia.

Tamgas symbolizing the ownership of clans and tribal subdivisions make it possible in some cases to specify the genealogy of noble clans and migration routes and restore important facts in the political history of certain states and peoples (Yatsenko, 2001).

As we can see, the curved tamga was widespread in the territories of the Western and Eastern khaganates in the early medieval period. Several variants of this sign developed in the Western Turkic khaganate (On oq budun).

ческой истории отдельных стран и народов (Яценко, 2001).

Как видно, в эпоху раннего средневековья изогнутая тамга распространилась на территории Восточного и Западно-Тюркского каганатов. На территории Западно-Тюркского каганата (Он ок будун) сформировались несколько вариантов этого знака. В основу легла та самая, уже описанная нами изогнутая форма. Иногда к ней присоединялись дополнительные элементы. То есть основная изогнутая форма со временем видоизменялась и дополнялась. В результате получились схожие в целом знаки-тамги, в то же время отличающиеся друг от друга.

В настоящее время уточняются ареалы знаков-тамг средневековых тюрков по всей Центральной Азии и разрабатываются проблемы, связанные с их распространением во времени и пространстве. В ходе исследований открываются новые возможности для определения степени их близости, указываются их различия, уточняются вопросы их происхождения. Часть раннесредневековых тамг аналогична тамгам позднего средневековья и нового времени, что выявляет их генетическую связь. Некоторые средневековые тамги, выбитые на камне, имеют аналогии со знаками на керамических сосудах (Жумагулов, 2003. Рис. 8-10).

Скорее всего, изогнутая тамга типа обнаруженных в Кёк-Сае была привнесена тюркскими средневековыми племенами, мигрировавшими с востока – из Алтая и соседних территорий. Такие знаки-тамги не отмечены исследователями в предыдущих – досредневековых культурах Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы. Во всяком случае, автор данных строк в публикациях, посвященных наскальным рисункам эпохи бронзы и раннего железного века, а также во время поисковых маршрутов подобных знаков-тамг не встречал. Как уже упоминалось, знаки-тамги по их происхождению имеют глубокую историю, о чем свидетельствуют факты их классификации и датировки.

Остановимся на более ранних, дотюркских знаках на изучаемой территории. Знаки, встреченные среди наскальных рисунков эпохи бронзы и раннего железного века, довольно

All of them were based on that very curved shape we have described above. Sometimes additional elements were attached to it. It means that the curved figure changed and evolved as time went by. The result was a series of similar tamgas which at the same time differed from each other.

Currently, specialists are specifying the areas where medieval Turkic tamgas were used across Central Asia and work on problems associated with their spread in time and space. In the course of their research they are discovering new possibilities to establish the degree of relation between them, analysing differences between the signs and specifying their origin. A part of early medieval tamgas are analogous to some from the late Middle Ages and modern time, which accentuates their genetic relation. Some medieval tamgas on stones are analogous to those on pottery (Zhumagulov, 2003. Figs. 8-10).

In most probability, the curved tamga recorded in Kyok-Sai and its analogues were brought to the region by medieval Turkic tribes that migrated from the east – Altai and adjacent territories. Researchers have not recorded any tamgas of this type in the previous, pre-medieval cultures of the Tien Shan, Semirechie and Fergana. At least, the author of these lines has not come across them during his field research or anywhere in publications dedicated to rock paintings of the Bronze and early Iron Ages. As we have already noted, the tamgas have a long history, which is supported by their classification and dating.

Now we are going to enlarge slightly upon earlier, pre-Turkic signs that prevailed in the territory under study. Signs recorded among rock paintings of the Bronze Age and early Iron Age are quite diverse and include tamgas and various symbols. However, special publications dedicated to ancient tamgas in Kyrgyzstan are very few and the information we are interested in is highly fragmentary. The earliest of them supposedly dated to the late Mesolithic were discovered in the Ak-Chunkur

разнообразны: это тамги, различные символы. Однако специальная литература, посвященная древним знакам-тамгам Кыргызстана, малочисленна, и нужная нам информация в ней весьма отрывочна. Наиболее ранние, предположительно относящиеся к концу эпохи мезолита знаки были обнаружены в гроте Ак-Чункур (Мосолова, 2010. С. 57). Они находились рядом с изображениями людей и животных, выполненных эластичной глиной – красной охрой. По мнению Л.М. Мосоловой, среди них есть изображение, похожее на лук с тетивой.

Первые сведения о знаках-тамгах, нанесенных на камни, мы встречаем в публикациях XIX века. В.В. Бартольд во время посещения Южного Прииссыкуля обнаружил каменный столб с округлым знаком на его верхней части. Аналогичное сообщение имеется и в статье Н.Н. Пантусова (Пантусов, 1904). Во Внутреннем Тянь-Шане, в западной части Ат-Башинской долины, в местности Шырыкты он обнаружил каменное сооружение в виде кургана, в центре него находился вертикально установленный столб. На одной из его сторон был замечен округлый знак. Учитывая опыт исследований, осуществленных на территории Кыргызстана и соседних частей Центральной Азии, можно утверждать, что В.В. Бартольд и Н.Н. Пантусов обнаруживали так называемые «оленные камни». Оленные камни и знаки, символы, нанесенные на их поверхности, также несут немаловажную информацию о культуре племен эпохи поздней бронзы, раннего периода эпохи железного века. На оленном камне, обнаруженном в 2017 году во Внутреннем Тянь-Шане, изображен рельефный концентрический круг. На других оленных камнях, как и в восточных регионах Центральной Азии, наблюдаются косые линии, изображения колчанов, животных и т.д.

В научной литературе, посвященной наскальным рисункам Кыргызстана, преобладают сведения о знаках, пиктограммах наскальной галереи Саймалы-Таш. Местами рядом с изображениями живых существ здесь расположены различные символы. Значительная часть рисунков Саймалы-Таша принадлежат эпохе бронзы и раннему железному веку. В

grotto (Mosolova, 2010. P. 57). They were placed near human and animal figures painted with elastic clay in red ochre. According to L.M. Mosolova, there is an image among them resembling a bow with a string.

For the first time tamgas on rocks were mentioned in 19th-century publications. When on a visit to the southern part of the Issyk-Kul Lake area V.V. Bartold found a stone pillar with a rounded sign in its upper part. N.N. Pantusov also provides information about this type of signs in his article (Pantusov, 1904). He discovered a stone structure in the form of a mound with a vertical pillar in the centre in an area known as Shyrykty in the western part of the At-Bashi valley in the Inner Tien Shan. A rounded sign could be observed on one of its sides. Based on the results of the research in the territory of Kyrgyzstan and adjacent Central Asian territories, we suppose that V. V. Bartold and N. N. Pantusov discovered monuments known as ‘deer stones’. The deer stones and the signs and symbols on their surface also provide some important information on the culture of tribes of the late Bronze and early Iron Ages. A deer stone discovered in the Inner Tien Shan in 2017 has on it a bas-relief concentric circle. Other deer stones in the eastern territories of Central Asia are covered with slanting lines, images of quivers and animals and so on.

Most of the information in special literature dedicated to rock paintings in Kyrgyzstan concerns the signs and pictographs in the Saymaly-Tash rock gallery. In some places there images of living creatures are accompanied by various symbols. Most of the paintings in Saymaly-Tash are dated to the Bronze and early Iron Ages. In subsequent years the archaeologists of Kyrgyzstan discovered a large number of sites with rock paintings throughout the country.

Further research revealed that some signs repeated themselves from site to site. Circles divided into sectors can be observed on many of the Bronze Age rock painting sites. They vary

последующие годы археологами Кыргызстана во всех областях страны было обнаружено значительное количество мест с наскальными рисунками.

Дальнейшие исследования позволили говорить о повторяемости отдельных знаков. Например, во многих местах обнаружения наскальных рисунков эпохи бронзы часто можно встретить круги, разделенные на сектора. Они отличаются по размеру и по количеству частей. Некоторые из них разделены только на четыре части, а остальные – на более мелкие, почти равномерные части. По виду они напоминают колеса со спицами. Большая часть исследователей считают их солярными символами.

Кругами различной формы обозначались погребальные и поминальные объекты эпохи бронзы и раннего железного века. Так, курганы часто окружены одним, реже двумя кольцевидными каменными кругами. Поминальные оградки раннесакского времени (VIII-V вв. до н.э.) имеют форму круга. Безусловно, назначение погребально-поминальных объектов и наскальных рисунков различно и прямое сопоставление их невозможно. Но трудно отрицать, что схожесть форм все же есть. Традиция сооружения погребальных объектов в виде «херексуров» Монголии проникает на Тянь-Шань в конце эпохи бронзы. Излюбленный многими древними и средневековыми культурами мотив в виде круга охватывает почти все отрасли их духовной материальной культуры и искусства.

Некоторые округлые знаки соединены между собой. Например, как уже упоминалось, встречались округлые знаки, разделенные на четыре части, соединенные между собой одной линией. Есть усложненный, удвоенный вариант, когда аналогичные рисунки, крестообразно соединяясь, создают единую композицию. Среди наскальных рисунков многочисленны и просто округлые знаки, без каких-либо разделений. Смысл знака округлой формы был многосторонним в различных разновременных культурах.

Общеизвестно, что определенные сюжеты рисунков, как и некоторые артефакты, являются отражением каких-либо эпохальных явле-

in size and number of sectors. Some of them are divided only into four parts, while others into more sections almost equal in size. They resemble spoked wheels in appearance. Most of the researchers consider them solar symbols.

Burial and funeral objects of the Bronze and early Iron Ages were marked by circles of different forms. Mounds are often encircled in one and more rarely two stone rings. Funeral fenced grounds of the early Saka period (8th-5th centuries BC) have the form of a circle. Certainly, burial and funeral objects and rock paintings performed different functions and it would be wrong to compare them directly. However, it would also be hard to deny that they are equal in form. The tradition of building burial objects in the form of the Mongolian 'Khereksur' arrived in the Tien Shan in the late Bronze Age. The circular motif so popular in ancient and medieval cultures penetrated almost into every field of their spiritual and material culture and art.

Some circular signs are connected to each other. So, the round signs divided into four sections we discussed earlier are sometimes interconnected by one line. There also are more complex versions where several signs are linked to form a single cross-like figure. Among rock paintings there are quite a few simple round signs without divisions. The round sign had different meanings in different cultures in various periods of time.

Certain themes in rock painting, as well as certain artifacts, are known to reflect specific crucial phenomena. They remained for some period of time and disappeared as the related ideologies and beliefs faded. For that reason, ancient signs and symbols are absolutely different from medieval family signs. This fact testifies to the change of ideology, worldview and traditions associated with making signs and symbols on rocks. Probably, the signs' purpose and situation they were made in became different.

The success of the recent research carried out by Kenesh Maltayev, an associate professor

ний. Они существовали в течение определенного отрезка времени и исчезали с угасанием идеологий, верований. Так, древние знаки, символы совершенно отличаются от родовых знаков-тамг эпохи средневековья. Данный факт свидетельствует о перемене идеологии, мировоззрений, традиций, связанных с нанесением на камни знаков и символов. Назначение и обстоятельства нанесения знаков, скорее всего, стали иными.

Учитывая опыт недавних исследований рано ушедшего из жизни археолога, доцента Ошского государственного университета Кенеша Малтаева, стоит продолжить работу по поиску и исследованию древних знаков-тамг и символов. В конце своей жизни он сумел зафиксировать значительное количество наскальных рисунков на территории Ошской и Баткенской областей. Из этого массива новых сведений выделяются петроглифы из местности Суук-Дёбё. Памятник расположен на территории Узгенского района Ошской области. Среди наскальных рисунков исследователь выделил значительную группу обнаруженных им знаков-тамг (рис. 4). К. Малтаев в ходе наших с ним устных бесед попытался выделить раннесредневековые петроглифы Суук-Дёбё, которые датировал достаточно широко – с эпохи бронзы до средневековья.

Особую группу составляют знаки-тамги, обнаруженные в Таласской долине в местности Жалтырак-Таш (рис. 2, II, 1-5), в Алайской долине, в районе села Булолу (рис. 6, 1) (Шер и др., 1987. Рис. 10, 1; Шер и др., 1995; Самашев, 2006. Рис. 6, 2; Джумагулов, Табл. XV; Табалдыев, Бозер, 2000. Рис. 3).

Судя по редким свидетельствам, родовым знаком иногда отмечались надгробные камни. Так, в Таласской долине, на правом берегу высокой террасы реки Кумуштак был обнаружен курган овальной в плане формы. На северной стороне курганный насыпи находился каменный столб. На боку камня нанесен знак-тамга (рис. 2, II, 24). Овальные в плане курганы с длинными сторонами, ориентированными по линии север-юг и с вертикально установленным камнем, являются наиболее характерными признаками погребений XIII-XV веков.

Рис. 4. Тамги из Суук-Дёбё (Узгенский район), по материалам К. Малтаева

Fig. 4. Tamgas in Suuk-Debe (Uzgen District), based on materials by K. Maltayev

from the Osh University who has prematurely left this world, shows that the work on searching and studying ancient signs and symbols should be continued. By the end of his life he managed to find a great number of rock paintings in Osh and Batken regions. Among this volume of newly discovered objects petroglyphs from Suuk-Debe deserve special attention. The monument is situated in Uzgen District, Osh region. The researcher found a large group of tamga signs among the rock paintings (fig. 4). During our oral conversations K. Maltayev put a special stress on the early medieval petroglyphs from Suuk-Debe, which he dated to a broad time span – from the Bronze Age to the medieval period.

Tamga signs discovered in Zhaltyrak-Tash in the Talas Valley (fig. 2, II, 1-5) and near the village of Bulolu in the Alai Valley (fig. 6, 1) form a special group (Sher et al., 1987. Fig. 10, 1; Sher et al., 1995; Samashev, 2006. Fig. 6, 2; Jumagulov, Pl. XV; Tabaldyev, Bozer, 2000. Fig. 3).

Rarely family tamgas were used to mark gravestones. In one case, an oval mound was recorded on a high terrace on the right bank of

В настоящее время в Кыргызстане продолжают поиски и исследования знаков-тамг. Отметим, что со временем круг зафиксированных тамг расширяется. Среди них есть и те, которые отличаются от уже описанных. В будущем вновь открытые знаки-тамги будут систематизированы и войдут в более широкий круг научных исследований подобных объектов в Центральной Азии.

Штампы на керамических изделиях

Помимо петроглифов и каменных статуй, знаки-тамги изредка встречаются на глиняной посуде. В верхней части сосудов, на горизонтальной поверхности венчиков эпохи средневековья, особенно – хумов, «однообразен орнамент штамп по сюжету, в основе восходящий к сюжетам солярного орнамента». В последние годы выявлено немалое количество штампов на хумах. Многие из них сходны, повторяются, но отмечена и вариативность изображений. Композиционной основой в штампах является круговая розетка с радиально расходящимися линиями лучей. Количество лепестков в структурах составляет от 5-6 до 17, и они выглядят, как цветок ромашки. Встречаются и геометрические структуры, которые напоминают колеса со спицами. Внутренняя часть отдельных штампов оформлена в виде квадратиков. Количество штампированных изображений на сосудах разное. Все они нанесены с помощью округлых, цилиндрических печатей-клейм, диаметр которых в основном варьируется от 1,5 до 4 см. Таким способом мастера-керамисты маркировали свои изделия. Думается, что это знак гончарной мастерской.

При изготовлении таких штампов технически трудно передать другие структурные формы. Но встречаются и достаточно сложные по структуре знаки. Изредка объектами изображений (клейм) были и человеческие лица, и фигуры животных.

Значительное число штампов было найдено во время раскопок Большого Чуйского канала. В одной из своих публикаций А.Н. Бернштам описал такую находку следующим образом: «Диаметр клейма с изображением козерога 4 см. Козерог размещен внутри ободка диаметром 3 см. На внешнем краю шириной 1 см

the Kumushtak River in the Talas Valley. On the northern side of the mound was a stone pillar. A tamga was found on one of the pillar's sides (fig. 2, II, 24). Oval mounds with their long sides facing the north and south, with a vertical stone pillar beside, were the commonest type of burials in the 13th-15th centuries.

Currently, the search and discovery of tamgas continue in Kyrgyzstan. The range of tamgas is also constantly growing. Some of the recently discovered ones differ from those described above. In future, the newly discovered tamgas will be systematised and receive deeper study alongside other Central Asian objects of this type.

Stamps on the pottery

Apart from rocks and stone statues, tamgas are sometimes recorded on clay vessels. 'A stamped ornamental pattern, uniform in style and originating thematically from the solar sign', can be found in the upper part of medieval vessels, particularly khums, on the horizontal surface of their rims. In recent years a considerable number of stamps have been discovered on khums. Many of them are similar or of the same type, but there is variety, too. The composition of the stamps is based on a circular rosette with radially diverging beams. The number of petals in the structures looking like daisies ranges between 5-6 and 17. Some of them are geometric figures resembling spoked wheels. The inner part of some of the stamps is divided into small squares. The number of stamped images on vessels varies. They all are made with the help of rounded, cylindrical stamps with a diameter varying from 1.5 to 4 cm. In this way ceramists used to mark their products. That might be a pottery's emblem.

Technically it is quite challenging to make forms of stamps other than circular. Nevertheless, there are some signs complex in structure. In some rare cases the stamped images were human faces and animal figures.

A large number of stamps were recorded in the course of the excavation work in the con-

Рис. 5. Местонахождения раннетюркских тамг Кыргызстана

Fig. 5. Early Turkic tamga sites in Kyrgyzstan

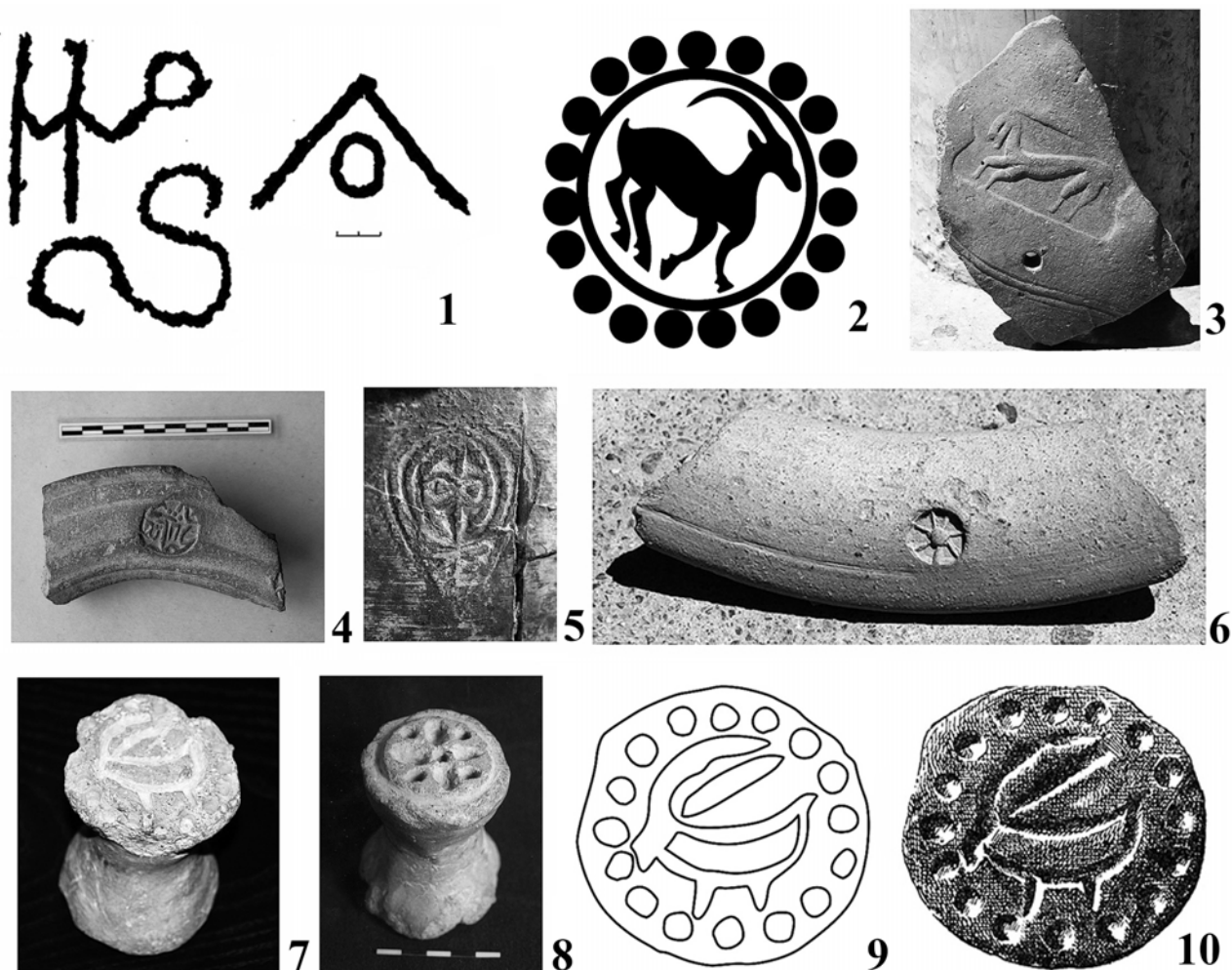
19 полусферических выпуклостей. Основания окружностей местами соединены на краях узкого ободка. Козерог изображен в реальной позе. Передние ноги имитируют как бы начало шага. Задние ноги незначительно согнуты, устремлены к движению. Изображение рельефное. Некоторые части тела козерога детализованы, рельефно проработаны ноздри, рот, уши, щиколотка задней ноги. Место соединения задней ноги с туловищем (паховая зона) выступает, и вторая нога как бы остается на заднем плане. На фрагменте керамики сохранились лишь два аналогичных штампа с вышеописанным изображением козерога, окруженного ободком и полусферовидными мелкими окружностями» (Бернштам, 1950) (рис. 6, 2).

В процессе работы над этим текстом мы ознакомились со многими типами штампов, встречающихся на керамике. Во время осмотра фрагментов керамики школьного музея села Барскон в Южном Прииссыккулье мы обнаружили редкое изображение животного, похожего на лошадь. Изображение рельефное, выполнено путем нажатия штампа по глине (рис. 6, 3). Фигура лошади стилизована.

struction of the Big Chu Canal. In his publication A. N. Bernshtam described one of such finds in the following way: 'The diameter of the stamp depicting an ibex is 4 cm. The ibex is placed inside a round rim 3 cm in diameter. The outer edge 1 cm wide is covered by 19 hemispherical projections. The bases of the circles are interconnected in some places on the edges of the narrow rim. The ibex's posture looks very natural. The forelegs seem to be about to make the first step. The hind ones are slightly bent and ready for movement. The image is bas-relief. Some parts of the ibex's body are made in detail: the nostrils, mouth, ears and one of the hind ankles are meticulously made bas-reliefs. The joint between the hind leg and the body (the inguinal zone) is projecting, and the second leg seems to be on the background. A fragment of a ceramic vessel has on it two similar stamps with the image of an ibex described above, which is surrounded by a rim and a series of small hemispherical circles' (Bernshtam, 1950) (fig. 6, 2).

While working on the text we acquainted ourselves with a number of stamp types found

Рис. 6. Штампы и их оттиски на керамике: 1 – петроглиф (Булолу, Алай); 2, 7, 10 – штампы (по А.Н. Бернштаму); 3 – оттиск штампа (Барскон, Иссык-Куль); 4-6 – оттиски штампов (Кочкор, Баткен, Барскон)

Fig. 6. Stamps and imprints on ceramics: 1 – petroglyph (Bulolu, Alai); 2, 7, 10 – stamps (after A.N. Bernshtam); 3 – imprint (Barskon, Issyk-Kul); 4-6 – imprints (Kochkor, Batken, Barskon)

Такого рода штампы, вероятно, являются элементом декорации или своеобразным «логотипом» мастера-гончара, художника. Они привлекательны, изготовлены на высоком художественном уровне. Однако такие находки, к сожалению, малочисленны, и в этом заключается сложность для их исследования. Надеемся, что дальнейшая обработка фондов музеев республики позволит собрать новые образцы штампов с изображением личин, животных и знаков-тамг.

Так, среди фрагментов керамических сосудов в одной из школьных коллекций Таласской области имеются несколько образцов знаков-тамг в виде трезубца (рис. 3, I). Они нанесены

on ceramics. When we were studying ceramic fragments in a school museum in Barskon Village in the southern part of the Issyk-Kul Lake area, we came across a rare image of an animal resembling a horse. The image was imprinted by pressing a stamp against the clay (fig. 6, 3). The horse's figure is stylised.

Such stamps are, apparently, decorative elements or potter's 'logos'. They are quite artistic and appealing. Unfortunately, finds like this one are rare, which makes it quite hard to study them. We hope that further research into museums' stocks will result in new stamped images of faces, animals and tamgas.

на сырую глину специальной печатью-клеем путем нажатия. Местный учитель истории Н.Ф. Тур собрал их на развалинах средневекового городища Садыр-Коргон. Перед нами редкая коллекция для памятников средневековья.

Знак-тамга, размещенный на фрагментах керамических сосудов из этого школьного музея, имеет аналогии с родовыми знаками-тамгами тюркского времени. Это позволяет сделать вывод о принадлежности гончарной мастерской представителям определенной группы племен, или же этот знак был излюбленным мотивом многих мастеров-гончаров.

Среди многочисленных шаровидных керамических сосудов карабулакско-кугайской культуры встречаются сосуды с изображением знака «-», напоминающего буквы «х» и знака «+» (рис.3, II, 1-5) (Баруздин, 1961. Табл. IV-V).

На территории Кара-Кульджинского района Ошской области, на окраине села Кенеш, выпускником университета «Манас» Байзаком Мамталиевым было найдено несколько сосудов (рис. 3, II, 6-8). Между горловиной и плечевой частью одного сосуда острым режущим предметом вырезан знак в виде удлиненного треугольника. Такой знак встречается среди знаков тюркской руники.

Близкие по форме знаки в 2017 году были найдены автором данной статьи в местности Кара-Тоо Кочкорской долины и в Тонском районе (рис. 1, II, 15; 2, I, 6). К сожалению, рядом аналогичные знаки-тамги, наскальные рисунки или памятники средневековой тюркской культуры обнаружены не были.

Декорирование сосудов орнаментальным штампом использовалось вплоть до XX века. В крепости Кудаяр-хана, расположенной в Баткенской области Кыргызстана, был найден сосуд с декоративным штампом грушевидной формы (рис. 6, 5). Внутри штампа просматривается очевидный знак, который вместе с остальными деталями напоминает букву «ф». Снаружи этот знак обведен тремя полосами рельефных дугообразных линий. В нижней части знака или штампа просматриваются короткие горизонтальные линии.

For instance, a collection of ceramic vessels in one of the schools in Talas region includes several articles with tamgas in the form of a trident (fig. 3, I). They are made on raw clay with a special stamp. Local teacher of history N. F. Tur collected them amid the ruins of the medieval hillfort Sadyr-Korgon. This is a unique collection of medieval articles.

The tamga on the fragments of ceramic vessels from the school museum is analogous to some family signs of the Turkic period. This suggests that either the pottery was owned by representatives of a certain group of tribes or this sign was favoured by a wide range of potters.

Some of the numerous spherical ceramic vessels from the Karabulak-Kugay culture have on them the sign ‘-’ and a one whose form is between the letter X and the sign ‘+’ (fig.3, II, 1-5) (Baruzdin, 1961. Pl. IV-V).

Bayzak Mamtaliev, a graduate of the Manas University, found a few vessels on the outskirts of the village of Kenesh, Kara-Kulja District, Osh region (fig. 3, II, 6-8). A sign in the form of an elongated triangle was cut between the neck and shoulder on one of the vessels using a sharp tool. This sign is sometimes found among Turkic runic inscriptions.

In 2017 the author of this article found similar signs in Kara-Too in the Kochkor Valley and in Tong District (fig. 1, II, 15; 2, I, 6). Unfortunately, no other similar tamgas, rock paintings or monuments of the medieval Turkic culture have been found nearby.

Vessels were being decorated with ornamental stamps up until the 20th century. A vessel with a pear-shaped decorative stamp was found in Kudayar-khan's fortress in Batken region of Kyrgyzstan (fig. 6, 5). A sign in the form of spectacles which, taken with other elements, resembles the Russian letter Ф can be discerned inside the stamp. On the outside the sign is surrounded by three stripes of bas-relief arciform lines. Short horizontal lines can be discerned in the bottom part of the sign or stamp.

Клейма с арабскими надписями

Особый интерес представляют клейма с арабскими надписями. На средневековом городище Невакет (Краснореченское городище) был найден венчик хума с шестью клеймами, внутри которых почерком куфи были нанесены надписи с благопожеланиями. Это первое опубликованное сведение о клеймах такого рода.

Клеймо с арабскими надписями было найдено и в районе средневекового городища Кучнар-Башы, расположенного на территории Кочкорского района Нарынской области (рис. 6, 4).

Иногда знаки-тамги встречаются на деревянных и кожаных изделиях. Они были обнаружены на территории Кочкорского района Нарынской области. Во время раскопок древнетюркского могильника Суттуу-Булак в женском погребении было найдено разобранное миниатюрное деревянное седло. Во время зачистки на полке седла замечен знак (рис. 1, II, 16).

В целом находки знаков-тамг, штампов на керамике, на деревянных изделиях пока достаточно редки. Ранее они целенаправленно не изучались. В данной главе мы попытались дать информацию только о выявленных находках такого рода, которые были *попутно* сделаны в ходе наших полевых исследований.

Хронологические рамки бытования знаков-тамг при этом довольно широки. Следовательно, территория их распространения также обширна, и при комплексном исследовании знаков в соответствии с археологическими данными и сопоставлении с письменными источниками выявляется, что они маркируют миграции кочевников, служат доказательством родственных отношений разных племенных объединений. Поэтому возрастает роль изучения геральдики знаков-тамг, как одного из исторических источников.

Stamps with Arab inscriptions

Stamps with Arab inscriptions deserve special attention. The rim of a khum with six stamps, inside which were inscriptions in the Kufic script wishing well-being, was found on the medieval hillfort of Nevaket (Krasnaya Rechka). This stamp was the first published stamp of this kind.

A stamp with Arab inscriptions was found near the medieval site of Kuchnar-Bashy in Kochkor District of Naryn region (fig. 6, 4).

Sometimes tamgas can be found on wooden and leather articles. Such were discovered in Kochkor District of Naryn region. A disassembled miniature wooden saddle was excavated in a female burial on the ancient burial ground of Suttuu-Bulak. A sign was recorded on the pommel when the saddle had been cleaned (fig. 1, II, 16).

As of today, quite few tamgas and stamps on ceramic and wooden articles have been found. They were not given proper study before. In this chapter we attempted to give some information only on finds that we discovered *incidentally* during our field research.

Nevertheless, the chronological frames within which the tamga signs were used are quite broad. This means they spread across a wide territory, and the complex approach to the study of these signs with the inclusion of archaeological data and comparison with written sources revealed that they marked nomad migration routes, proving that diverse tribal unions were interconnected through kindred relations. This is why it is highly important to study the heraldry of tamga signs as one of historical sources.

ГЛАВА 12
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В
ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗНАКОВ ДРЕВНИМ
НАСЕЛЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.А. Яценко

Подвести итоги, обобщить представленные в нашей книге материалы по памятникам тамгопользования, происходящие из различных регионов запада доисламской Центральной Азии, материалы во многом новые, еще не вполне осмысленные самими исследователями, – задача весьма важная. Речь идет о множестве разнотипных объектов, которые трудно сопоставимы из-за несоразмерных масштабов, неодинаковой комплектности и сохранности, отличаются по времени возникновения, назначению и осмыслению их как самими создателями, так и наблюдателями более поздних эпох, к тому же часто зафиксированных и поданных авторами с разных методических позиций. Все эти памятники объединяет *три общие черты*: 1) они связаны со знаками-метками типа нишан / тамга, наделенными определенным набором функций (см. введение и главу 9); 2) они представляют особо ценные, хотя еще не раскрытые до конца и всесторонне не проанализированные источники, которые выступают по сути как новые виды историко-культурных памятников, а также 3) демонстрируют некую общность идей, мотиваций и универсальность общественных практик тамгопользования, существовавших в течение длительного исторического периода на обширном географическом пространстве в среде многих различных по происхождению народов. Пожалуй, в этом смысле реализация нашего проекта достигла главной цели: впервые на страницах этой книги объединенными усилиями авторов представлена панорама многовекового применения знаков идентичности типа тамга / нишан в культуре оседлых и степных народов западной части Центральной Азии. Безусловно, не все наши первоначаль-

CHAPTER 12
GENERAL AND SPECIAL USE
OF TAMGAS BY THE ANCIENT
PEOPLE OF CENTRAL ASIA

S.A. Yatsenko

To summarise and generalise the material on monuments with tamgas provided in our book, which was collected in different areas in the western portion of Central Asia and some part of which is quite new and has not yet been properly analysed by the researchers, is a highly important task. The material comprises a large number of objects of different types, which are very hard to compare because of their high diversity in terms of scale, size, content, state of preservation, age and purpose. This is complicated by the fact that they were viewed from different angles by their creators and subsequent observers and recorded and interpreted in different ways and using different research methods. There are *three basic common features* that unify all those monuments: 1) they are associated with marks or signs of the nishan/tamga type which used to perform a definite set of functions (see Introduction and Chapter 9 of this book); 2) they are a new type of historical and cultural monuments and very precious source, whose potential, however, has not been fully analysed and realised; 3) they demonstrate a commonality of ideas and motivations and the universal character of tamga using, which was practised for a long time on a vast geographical scale by numerous peoples of diverse origin. In this respect our project has, probably, achieved its main goal: this book is the first one where the authors through collaborative efforts have managed to present a broad panorama of identity tamga/nishan signs used for many centuries by sedentary and nomadic people in the western part of Central Asia. Certainly, not all of our initial ideas have been fully accomplished herein, and many issues

ные замыслы удалось осуществить в полной мере, а многие вопросы, касающиеся феномена тамгопользования, остались и, скорее всего, будут долго еще оставаться неясными. Однако наш первый опыт международного научного сотрудничества в данной области создает хорошую платформу для успешного выполнения будущих специальных исследований, выработки общих подходов к изучению тамгопользования, отбора эффективных методов документирования памятников и анализа этих своеобразных источников.

В ходе описания результатов собственных исследований авторам многих разделов книги не раз приходилось ссылаться на неполноту имеющихся вещественных источников, технические изъяны старой полевой документации, с которой приходится иметь дело современному исследователю знаков тамга / нишан, а также на неравномерную изученность памятников в территориальном и хронологическом измерении. Поэтому особенно важным вкладом мы считаем изложение рекомендаций и описание уже апробированных методик документирования и анализа знаков, связанных с различными видами недвижимых и портативных памятников тамгопользования (см. введение). Хочется надеяться, что наш опыт ляжет в основу не только выработки единой системы методов изучения памятников центральноазиатского региона, но и послужит здесь началом для формирования новой исторической дисциплины – тамговедения / тамгологии.

Обзор наиболее важных результатов, наблюдений и вопросов, как решенных, так и ждущих своего разрешения, ниже представлены в порядке размещения разделов книги.

Во введении отражен один из наиболее значимых результатов общей работы: среди прочего здесь даны *определение функций знаков типа нишан / тамга применительно к доисламской западной части Центральной Азии*, а также *определение обычая тамгопользования*.

В результате коллективного обсуждения участниками проекта, по инициативе Е.А. Смагулова и С.А. Яценко, в 2016 году был согласован *перечень рекомендаций для специалистов – археологов, реставраторов, фотогра-*

related to the tamga using phenomenon have remained unclear and will, probably, remain so for a long time. Nevertheless, this first experience in international academic cooperation has established a solid platform for successful research in future, the development of universal approaches to the study of the tamga use, selection of effectual methods of documenting monuments and analysis of these unique sources.

When describing the results of their research the authors often regretted the scarcity of available material, technical defects in old field documents contemporary specialists in tamga/nishan are inevitably forced to deal with, and varying quantity of available data on different monuments in different geographical and chronological space. Therefore, we deemed it highly important to provide recommendations and describe the already tested methods of documenting and analysing signs associated with various types of immovable and portable monuments (see Introduction). We hope that our experience will not only facilitate the development of a new system to study monuments in Central Asia, but also help found a new academic branch – tamgology or the study of tamga use.

This chapter reviews the most important results, observations and problems, already settled and to be settled in future, which are given *in the order as they appear in the chapters*.

The **Introduction** provides the most important results of our collaborative work, among which are the *determination of the functions signs of the nishan/tamga type performed in the western part of Central Asia in the pre-Islamic period* and the *definition of the tamga use tradition*.

After a joint discussion initiated by E. A. Smagulov and S. A. Yatsenko, which involved all the participants of the project, the authors developed in 2016 a *list of recommendations for various specialists*, such as archaeologists, restorers, photographers and museum curators, how to record, select, keep, describe

фов, хранителей музейных фондов и организаторов экспозиций – в отношении фиксации, отбора, хранения, описания и презентации артефактов, содержащих знаки типа нишан / тамга. Идеальным представляется сочетание трех видов документирования тамг на портативных изделиях: описания (с учетом последовательности нанесений отдельных линий знака и вероятного инструмента), графики и фотографирования. Многие моменты предлагаемого описания представляются принципиально важными (акцент на описании именно геометрической формы тамги, на сохранности ее и связанного с нею изделия, на характеристике типа нанесения знака на поверхность, почерка написания, учете ориентации тамги в пространстве, описании размещения знака на объекте и т.п., унификация подобных описаний в целом¹⁷²), поскольку до сих пор систематизированно они нигде не излагались. Столь же важными кажутся предложения отбирать, хранить и учитывать при анализе даже предметы с фрагментированными тамгами по отдельным раскопанным помещениям, прослойкам и прочим контекстам археологических памятников; при подготовке выставок и каталогов представлять их на первом плане – и в витрине, и в печатном издании.

Безусловно, наши рекомендации не имеют императивного значения, поскольку авторы этой книги не являются должностными лицами и не могут внедрять свои предложения административным путем. Конечно, невозможно *заставить* каждого археолога и музейного работника всесторонне и регулярно вести дополнительную работу по учету и хранению столь заурядного на вид, а по сути малопонятного для многих вещевое материала, отмеченно-

and present artifacts with signs of the nishan/tamga type. The best way to document tamgas on portable items is to combine three types of procedures: description (noting the sequence of making individual lines in a sign and the possible tool), drawing and photographing. There are some important factors that should be given special stress while describing, which are the tamga's geometric form, its state of preservation and the item it is associated with, the way the sign was made on a surface, its style, orientation in space and position on an object and others. These descriptions should generally be unified¹⁷², as they have not yet been presented systematically in any of the existent publications. It is equally important to categorise items, even fragmented ones with fragmented tamgas, according to rooms, layers and other contexts they have been found in within different archaeological monuments, and to place them in the foreground when displaying them at an exhibition or publishing in a catalogue.

Certainly, our recommendations are not imperative in character, because the authors of this book do not represent authorities and cannot introduce their proposals in an administrative way. Doubtless, it is impossible to *compel* each archaeologist or museum researcher to carry out comprehensive work on a regular basis to record and keep material with signs, which is often commonplace in appearance and not understandable for many. We appeal primarily to those professionals who are interested in what they do and perform their duties honestly. The provided recommendations merely include *basic steps to preserve* the tamgas of our ancient ancestors, which form a highly important part of the cultural heritage of Central Asian people.

¹⁷² Последнее касается и публикуемых сводок знаков по отдельным территориям. Сегодня уже недопустимо, как бывало раньше, обнародовать сводку знаков, например, с территории Ташкентского оазиса или Южного Казахстана без указания пунктов находок и их вероятной датировки или же ограничиться публикацией «случайных находок» со знаками с какого-либо памятника, не имеющих стратиграфической привязки. Цена подобных публикаций для современной науки ничтожно мала.

¹⁷² This also refers to published reviews of signs in individual territories. Now it is not acceptable, as it was before, to publish a review of signs, for instance, from the Tashkent Oasis or Southern Kazakhstan without specifying the place they were found and their supposed dating or 'occasional finds' with signs from a monument without mentioning their stratigraphy. Publications like those are of little value for present-day studies.

го знаками. Мы обращаемся, прежде всего, к людям, которые осознают себя профессионалами, делающими свое дело добросовестно и заинтересованно. Изложенные рекомендации включают лишь *минимально необходимые меры для сохранения* такой важной части культурного наследия народов Центральной Азии, как древние тамги предков.

Во введении и разделах 3–6 отмечается, что активное тамгопользование на западе Центральной Азии (за исключением Хорезма, практиковавшего его с рубежа VII–VI веков до н.э., и Маргианы, где эта практика к тому времени была почти забыта) *началось с I века до н.э.*, после массовых переселений под нажимом сюнну от западных границ Китая юэчжей и усуней, а под их давлением – местных сакских группировок. Однако, далеко не всё в этом процессе ясно. На деле этот вопрос многогранен и не сводится только к миграциям. Известно, что на исторической родине предки юэчжей и усуней тамгами практически не пользовались, не использовали их до рубежа II–I веков до н.э. и сами саки Казахстана (исключением можно отчасти считать на территории южной зоны Казахстана носителей чирик-рабатской культуры, ранних строителей (а не более поздних паломников) святилищ Устюрта и могильников на полуострове Тюб-Караган на Каспии; но и там число достоверно использованных ими знаков столь мало, что сама мысль об «активном тамгопользовании» вызывает ироническую улыбку). На деле тампопользование – сложный социокультурный процесс, который у одной и той же культурной общности или в одном регионе переживает как периоды резкой активизации (улавливаемой археологами и этнографами), так и явного спада. Ранее всего знаковые системы, подобные тамговым, появились на самом юге региона, у носителей комплексного хозяйства бронзового века «Бактрийско-Маргианского археологического комплекса» (Гонур, сапаллинская культура; см. главы 3, 9); классического же кочевого образа жизни, в понимании этнографов, тогда еще не существовало. С распространением к началу железного века *классического кочевания* в зонах степей, полу-

The Introduction and Chapters 3–6 inform that tamgas in the west of Central Asia (except in Khorezm where tamgas were in use since the late 7th – early 6th century BC and Margiana where this practice had almost been abandoned by that time) were used *since the 1st century BC*, when the Xiongnu had forced the Yuezhi and Wusun to migrate from the western borders of China to Central Asia, and the last two peoples, in their turn, forced out local Saka groups. However, these processes remain largely unclear. The issue is highly complex and is not confined to mere migration. It is known that the ancestors of the Wusun and Yuezhi did almost not use tamgas in their homeland, nor did the Saka of Kazakhstan until the 2nd–1st century BC (the only exception is, perhaps, the bearers of the Chirik-Rabat culture, the earlier builders (not the later pilgrims) of sanctuaries on the Ustyurt Plateau and the creators of burial grounds on the Tub-Karagan peninsula in the Caspian Sea; but even there the number of reliably used tamgas is so small that the idea of ‘active tamga use’ can evoke but an ironical smile). In reality, the use of tamgas is a complex socio-cultural process, which within one cultural community or region can go through periods of strong activation (registered by archaeologists and ethnographers) and heavy decline. The earliest sign systems similar to tamga ones were recorded in the southernmost territories of the region and were utilised by the users of the ‘Bactrian-Margian archaeological complex’ (Gonur, Sapalli culture; see Chapters 3, 9); at that time there was no classical nomadic lifestyle as it is perceived by ethnographers. When *classical nomads* appeared in steppes, semi-deserts and foothills, the use of tamgas became very relevant: the marking of herds, some valuable things and the boundaries of pastures required a regular and relatively complex system of signs. However, paradoxically, it is impossible or, at least, very difficult for archaeologists to record a wide use of tamgas or other signs (cuts in the ears of domestic animals and oth-

пустынь и предгорий тамгопользование обрело новый мощный стимул: массовое клеймение стад, отчасти – ценных вещей и границ пастбищных угодий требовало продуманной и достаточно сложной системы обозначений. Но археологическое выявление широкого использования тамг и иных меток (надрезы на ушах скота и т.п.) для ранних кочевников многих регионов Великой Степи парадоксальным образом невозможно или серьезно затруднено¹⁷³.

Итак, в I веке до н.э. начался настоящий бум тамгопользования (он не затронул, кажется, лишь север Казахстана, Фергану и немногие другие территории). Понятно, что локомотивом в этом процессе стали социально-политические новшества в регионах, новые (дальнего происхождения) династии, массовый передел угодий и т.п. Так, на Средней Сырдарье «... возникает серия крепостей, появляются города. Развитие отношений собственности, рост торговых операций и развитие элитарной культуры привели к активному использованию наиболее удобных тогда клановых и семейных эмблем для мечения многих артефактов и важных объектов на местности... В особо значимых случаях (маркирование границ крупных угодий, монеты, важнейшие сакральные и властные атрибуты и т.п.) клановый знак явно сохранял свое значение (высокая значимость делала форму таких знаков достаточно консервативной). Знаки же на керамике отрарско-каратауской и каунчинской культур с рубежа н.э., вероятно, были в основном семейными, так как ими помечены бытовые предметы, находившиеся в семейном пользовании; в де-

ers) by early nomads in a number of regions across the Great Steppe¹⁷³.

Thus, a *real tamga boom* began in the 1st century BC (the only uninvolved territories were, probably, the north of Kazakhstan, Fergana and a few others). It is clear that this process was driven by socio-political novelties in the regions, new dynasties (originating from distant lands), large-scale re-division of the territory and so on. So, ‘a series of fortresses and a few towns sprang up’ in the middle stretches of the Syrdarya. ‘The development of property relations, growth of trading activity and development of elite culture led to an increasing use of clan and family emblems to mark various artifacts and important geographic objects... In special cases (delineating large areas of land, minting coins, producing sacral and power attributes and so on) the *clan* sign retained its meaning (their high importance made the form of such signs highly conservative). However, starting from the Common Era, most of the signs on ceramics of the Otrar-Karatau and Kaunchi cultures were *family* signs, because they were used to mark utensils used within a household; it is hardly possible that clan tamgas (as bigger social units) were used in these cases, as well as *private* ownership and its marking could hardly reach that high level under those conditions. Probably, personal potter’s marks... were often used together with the tamgas and placed on the bottom of a vessel as a symbol of a workshop, a magic talisman and a marker of a batch of goods’ (Chapter 5). However, there is one question to be answered: *how could so many sign forms and such an ex-*

¹⁷³ Большинство отмечаемых тамгами объектов (тела животных; бытовые предметы из органики – дерева, кожи) в древних могилах обычно не сохраняется; основные и наиболее яркие памятники кочевников – погребальные курганы – часто бывают разграблены; вероятно, многие меченные тамгами ценные вещи не погребали с умершим, а оставляли в семье. Лишь «вечный камень» в наскальных святилищах иногда сохраняет знаки-тамги, но нередко археологи их неверно датируют и идентифицируют (для Центральной Азии традиционна тенденция к омоложению тамговых изображений, полуосознанное приближение их к актуальной этнической современности).

¹⁷³ Most of the objects marked with tamgas (animals’ bodies; household utensils made of organic material, such as wood and leather) do not survive in ancient graves; their necropolises, the basic and brightest nomadic monuments are often looted; probably, many tamga-marked precious things were not buried together with the dead person but were left for the family. Only tamga signs on rocks in rock sanctuaries remain sometimes intact, but archaeologists often provide them with wrong dating or identify them incorrectly (specialists in Central Asia semi-subconsciously tend to date tamgas to later time and draw them closer to the actual ethnic modernity).

кларировании знаков кланов (более крупных социальных единиц) в таких случаях, думается, не было нужды (как нет оснований предполагать в тех условиях небывалое развитие частной собственности и соответствующего ей маркирования). Вероятно, параллельно с ними подчас использовались личная метка гончара, символ ремесленной мастерской, магический символ-оберег на днище или донце посуды, особые указатели партии товаров» (глава 5). Однако остается не вполне понятно: откуда в короткий срок появились и столько новых форм знаков, и столь многоплановая по проникновению в разные сферы жизни, почти всеохватная территориально (в пределах изучаемого региона) традиция?

Помимо несомненного большого и решающего местного вклада, стоит заметить, что в канун масштабного этнополитического передела страны региона отнюдь не были изолированы от обществ с очень развитым использованием разноплановых знаков собственности, сопричастности и т.п., причем обществ куда более могущественных на тот момент и экономически более развитых, чем те, которые населяли запад Центральной Азии. Речь идет, для начала, о первой в истории человечества «мировой империи» Ахеменидов (Boardman, 1998. Figs. 1-3, 7-13). Ее подданные (в т.ч. кочевые саки Южного и Юго-Восточного Казахстана) в течение многих поколений подолгу несли службу в дальних гарнизонах на противоположных концах гигантского государства персов и не могли не перенять некоторых важных, удобных для них элементов бытовой культуры (см., например, в главе 5 о серии знаков, идентичных ахеменидским, в обширной коллекции Сидака). Что касается элиты местных оазисных обществ (Бактрии, Согда, Хорезма, Парфии и др.), то ее персианизация поощрялась, что тоже зафиксировано источниками. Но, думается, не меньшее значение в данном аспекте общественной жизни (особенно в плане созидания новых форм знаков) сыграла греко-македонская оккупация, продолжавшаяся на юге региона от 100 до 200 лет. Дело даже не в собственной развитой и разнообразной системе маркирования, существовавшей в ан-

tensive tradition that covered the entire territory of the region under study and penetrated into diverse aspects of life appear within such a short period of time?

Although local people made a crucial contribution into the process, it is necessary to keep in mind that on the eve of the large-scale ethno-political re-division of the territory the regional states were not isolated from communities where diverse ownership, involvement and other signs were used very widely and which, moreover, were at the time much more powerful and economically developed than those inhabiting the western part of Central Asia. One of them was the Achaemenid Empire, the largest state in the ancient world (Boardman, 1998. Figs. 1-3, 7-13). Many generations of its vassal peoples (including the Saka of Southern and South-Eastern Kazakhstan) used to serve in remote garrisons on the opposite ends of this giant Persian Empire, so they could not but adopt some essential, convenient elements of everyday culture (see e.g. Chapter 5 for the series of signs identical to Achaemenid ones in the large collection from Sidak). Moreover, the elite of the local oasis communities (Bactria, Sogdiana, Khorezm, Parthiana and others) was being rapidly Persianised, which is also supported by sources. We also think that the Greco-Macedonian occupation of the region which continued between 100 and 200 years in its south also played a major part in this area of social life (particularly with respect to the development of new sign forms). The reason was not only because a diverse and developed marking system and complex symbolism were practised in ancient Greece. Rather, it was based upon its visual aspect. In the 4th century BC, by the time Alexander the Great conquered the region, a unique system of monograms, ligatures, abbreviations and prayers indicating the contents of vessels and prices for goods, complex in form and graceful in appearance, and an unusual tradition of writing shorthand inscriptions known as *tachygraphy* had developed in Greece (see primarily Foat, 1901) (fig. 1, 1-2). It is no surprise, then, that after the Greeks had left the lo-

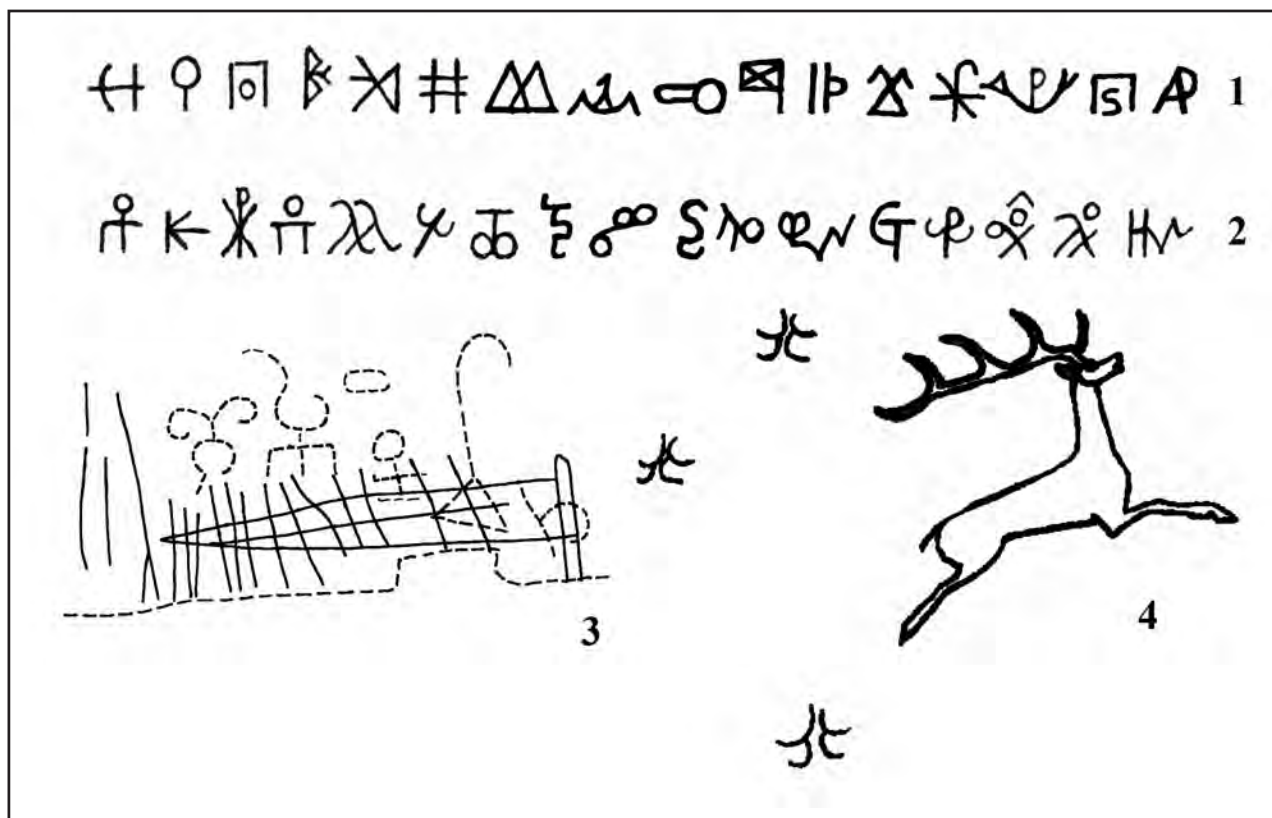
тичной Греции, и в ее очень сложной символике (см., например, в главе 9). Речь идет о самом простом, визуальном ее проявлении. Именно ко времени завоеваний Александра, к IV веку до н.э., у греков развилась сложная по форме и изысканная по внешнему облику система своеобразных монограмм, лигатур, сокращений имен и молитв, содержимого сосудов и цен на товары, а также оригинальная манера кратких стенограмм, которую принято именовать *тахиграфией* (см., прежде всего: Foat, 1901) (рис. 1, 1-2). Нет ничего удивительного в том, что после ухода греков с местной исторической сцены мы видим как в оазисных, так и в кочевых обществах региона серии знаков, идентичных или близких сложным греческим. Нельзя забывать также о почти универсальных для разных культур позднеантичной Евразии знаках – сакральных символах, которые могли в ряде случаев выполнять функции тамг (восьми- и пятиконечные звезды, «песочные часы», спираль, «наконечник стрелы» и др.), и, разумеется, об эффектных знаках чужих алфавитов (давно знакомых арамейского и греческого, позже увиденных кхароштки и латинского).

В начале книги характеризуется и такой редкий вид археологических памятников, как фигурные наземные сооружения – *геоглифы* (введение, рис. 1). Этот вид памятников известен в весьма немногих районах мира, а геоглифы в форме различных сложных свастик (связанные с небольшой семейно-родовой группой курганов и мини-святилищ), которые в нашем случае можно вполне уверенно считать именно *тамгами*, пока не имеют аналогов. Здесь еще остаются сплошные вопросы. Почему именно определенная форма знака стала в это время геоглифом? Для чьего взора и с какой позиции обзора они предназначались? С высоты роста человека или всадника они не воспринимаются как фигурные сооружения с особой символикой, а выглядят лишь как хаотичные полоски вынутаго кем-то грунта; следовательно, они сооружались в этой холмистой местности в расчете на кочевников, которые могли издали увидеть знакомый символ на земле родового

cal historical scene, series of signs identical or similar to the complex Greek ones continued to live in both the oasis and nomadic communities in the region. We should also keep in mind the sacral symbols which were universally present in almost all late antique Eurasian cultures and could in many cases be used as tamgas (eight- and five-pointed stars, ‘hourglasses’, spirals, ‘arrowheads’ and others) and, certainly, the impressive characters of foreign alphabets (the long-familiar Aramaic and Greek, and Karosthi and Latin which the local people familiarised with later).

In the beginning of this book we provide a description of *geoglyphs*, a rare type of archaeological monuments in the form of on-ground figured structures (Introduction, fig. 1). This type of monuments can be found in but very few regions around the world, while the geoglyphs in the form of various complex swastikas (associated with a small group of mounds and mini sanctuaries belonging to a family or clan), which in our case can be reliably referred to *tamgas*, do not have analogues elsewhere so far. There are a great lot of questions. Why did this very sign form become a *geoglyph* at that time? Who was the viewer and where could they observe them from? They are not seen as figured structures with special symbolism from the height of a human on foot or even horseback, and look like mere chaotic stripes of excavated ground; therefore, they could be made in this hilly area so that nomads would be able to see from a distance a familiar symbol in the territory of a clan cemetery, for instance, *from an eminence* or mountain pass.

Finally, in the Introduction we use Early Turkic signs from the territory of Kazakhstan as an example to attempt and answer the question of what makes *petroglyph tamgas so special* and places them apart from other synchronous rock images ‘in the context of palaeocultural landscapes’; how they should be recorded and dated on the basis of unistyle surrounding images; why their forms need be systematised and mapped within one petroglyph zone or extensive region. It turns out that most tamgas are

Рис. 1. Различные обстоятельства использования знаков: 1-2 – древнегреческие образцы «тахиграфии» – монограмм, лигатур, стенограмм, возможных прототипов части знаков доисламской Центральной Азии (1 – по Емец, 2012; 2 – по Groningen, 1963); 3 – редкий пример нанесения тамг поверх зачеркнутого ритуального знамени (плато Устюрт, храм Байте III, участок I; рис. С.А. Яценко); 4 – Жалтырак–Таи (долина р. Талас). Олень во время охоты, окруженный однотипными тамгами (по Шер и др., 1987)

Fig. 1. Use of tamgas in different circumstances: 1-2 – ancient Greek ‘tachygraphy’ – monograms, ligatures and shorthand inscriptions, which are possible prototypes of a part of pre-Islamic Central Asian signs (1 – after Emets, 2012; 2 – after Groningen, 1963); 3 – rare example of making tamgas on top of a deleted ritual standard (Ustyurt Plateau, Bayte III temple, section I; fig. by S. A. Yatsenko); 4 – Zhaltyrak–Tash (Talas Valley). A hunted deer surrounded by tamgas of one type (after Sher et al., 1987)

кладбища, например, с какого-то холма или с небольшого перевала.

Наконец, во введении на примере раннетюркских образцов знаков с территории Казахстана делается попытка ответить на вопрос, в чем заключаются особенности тамг-петроглифов по сравнению с прочими синхронными наскальными изображениями «в контексте палеокультурных ландшафтов»; как их нужно фиксировать, датировать по одностильным окружающим изображениям, для чего необходимо систематизировать их формы и картировать в пределах одной зоны

recorded near nomads’ wintering and watering places and within special mountain ‘sanctuaries’. A. E. Rogozhinskii notes that from the informative aspect petroglyph signs have a number of advantages over other monuments with tamgas, but admits that ‘specialists in ancient rock paintings rarely pay enough attention to medieval tamga-like signs; they document tamgas *selectively*, and only few of them find places in special publications...’ The interest of specialists in petroglyphs in bright descriptive images and their even greater interest in large epic compositions in preference to ‘un-

петроглифов или довольно обширного региона. Выясняется, что чаще всего скопления тамг находим у кочевых зимовок, у мест водопоя и наконец – в составе особых горных «святилищ». А.Е. Рогожинский отмечает ряд преимуществ петроглифов-знаков перед другими памятниками тамгопользования с познавательной точки зрения, но признает, что «специалисты по древнему наскальному искусству редко уделяют внимание тамгообразным знакам... средневекового периода; документирование тамг выполняется *выборочно*, и лишь немногие из них находят место в публикациях...». Увлечение специалистов по петроглифам яркими сюжетными образами и тем более обширными фигурными композициями в ущерб «неэффективным мелочам» вполне объяснимо, но пришло время преодолеть изжившую себя практику полевых исследований памятников наскального искусства.

Хорезмийский материал (**глава 1**) представлен комплексным анализом знаков из раскопок наиболее древнего центра культуры хорезмийцев – Хумбузтепа. Здесь традиция использования меток гончарами (как и некоторые другие традиции местных керамистов) насчитывала около 1000 лет. Знаки (107 типов, присутствуют на 2% сосудов) выделены в четыре хронологические группы, причем наибольшая активность их применения пришлась на одну из них (конец IV – I век до н.э.), что демонстрирует и динамику хорезмийского ремесла в целом. В частности, фиксируется активное вмешательство государства в гончарное дело, предполагается длительное существование династий керамистов. Иногда на сосудах встречаются буквы и цифры арамейского алфавита и надписи.

Применительно к тематике Хорезма отметим, что пока остается совершенно неясной формальная последовательность занятия престола Хорезма очередным претендентом. По крайней мере, эта неясность очевидна из нашего единственного источника по политической истории Хорезма (после сожжения Кутейбой ибн Муслимом всей хорезмийской литературы) – местной нумизматики (регулярно до конца III века здесь чеканилась только серебряная

impressive minor objects' are quite explicable, but now it is time to put an end to the outdated practice of field research into monuments of rock painting.

Chapter 1 provides a comprehensive analysis of the Khorezmian material consisting of signs from Khumbuztepa, the most ancient cultural centre in Khorezm. In that region the potters were putting marks on their goods (one of traditions followed by local potters) for about 1,000 years. The signs (107 types found on 2% of all vessels) are divided into four chronological groups, one of which (between the late 4th and 1st centuries BC) is particularly rich in signs and demonstrates the overall dynamics of Khorezmian crafts. In particular, it illustrates active governmental interference with potters' business and suggests many generations of ceramist dynasties. Some vessels have on them Aramaic letters, figures and inscriptions.

It should be noted that it is unclear so far which was the way the Khorezmian throne was officially succeeded. At least, it is unclear from local coinage (up until the late 3rd century only silver coins were minted there on a regular basis), the only source of the political history of Khorezm (since Quteyba ibn Muslim burnt down all Khorezmian literature). Unfortunately, neither B. I. Vainberg's comprehensive monograph (Vainberg, 1977), nor subsequent publications on this subject matter clarify this question. It seems, between the 1st century BC, when the coin minting started on a regular basis, and about the 4th century, when the region was divided into numerous small political units and became covered with a network of castles, the supreme power was not passed from father to son (which was actually the case in a number of ancient and medieval states), but was, rather, granted to one of the close relatives of the late king upon a decision made by a council of noblemen. Probably, in some cases the throne was usurped by someone from within the state or an outsider (as might be the case during the broad expansion of Shapur I who occupied the entire southern part of the region). At least the very first tamga, tamga 1 (T1: Vainberg, 1977.

монета). Увы, до конца не проясняют этот вопрос ни солидная монография Б.И. Вайнберг (Вайнберг, 1977), ни последующие публикации на данную тему. Возникает впечатление, что с I века до н.э., когда налаживается монетная чеканка, и примерно по IV век (когда страна оказывается в состоянии политической раздробленности и покрывается сетью замков) власть верховного правителя (как это было, впрочем, во многих государствах древности и средневековья) здесь не передавалась от отца к сыну, а скорее, по выбору совета знати, одному из родственников умершего царя в узком кругу аристократических семей. Видимо, дело не обходилось без узурпаторов власти и каких-то вторжений с соседних территорий (например, во время масштабной экспансии Шапура I по всему югу региона). Во всяком случае, самая первая тамга 1 (T1: Вайнберг, 1977. Табл. XI) (рис. 2) очень близка (зеркально симметрична) тамге завоевателя Согда (позднее она была какое-то время царской и в Хорезме – тамга 5). Прошло несколько веков, прежде чем хозяин «тамги основателя» на короткое время вновь стал царем, правда, с неким соправителем (Вайнберг, 1977. В, 20). В двух случаях, по наблюдению Б.И. Вайнберг, две пары тамг местных царей (причем правивших далеко не один за другим) имели тамги, представлявшие собой зеркальное отражение друг друга (T1 и T5, T2 и T4). Наследник первого владельца тамги 3 (T3) – Бивасара (I?), при котором на монетах место Диоскуров прочно занял т.н. «хорезмийский всадник», вновь «всплыл» на престоле несколько веков спустя (Вайнберг, 1977. Б2 V, 17). Затем владельцам тамг T6 и T7 иногда пришлось править совместно с держателями T9 в виде сложной трехлучевой свастики (Вайнберг, 1977. Б2 V, 5 и 14). Таким образом, похоже, что «эволюция форм клановой царской тамги» в Хорезме на деле оборачивалась с завидной регулярностью повторявшимся политическим хаосом, очередным приходом к власти надолго ушедших в тень семейств. При этом в истории государства довольно долго пользовались т.н. «основной тамгой» (T4), употребленной впервые одним из правителей по имени Вазамар (Вайнберг,

Pl. XI) (fig. 2) is very close (mirror-symmetrical) to the tamga of the conqueror of Sogdiana (later it was for some time a royal tamga in Khorezm – tamga 5). It was several centuries before the owner of the ‘founder’s tamga’ became a king or, rather, co-king for some short time (Vainberg, 1977. В, 20). According to B. I. Vainberg, four local kings (whose reigns were separated by considerable time spans at that) used two pairs of tamgas, where in each pair one was the mirror reflection of the other (T1 and T5, T2 and T4). The heir of the first user of tamga 3 (T3) – Bivasar (I?), in whose reign the Dioskuri were replaced on coins for a long time by the so called ‘Khorezmian horseman’, ‘re-appeared’ on the throne several centuries afterwards (Vainberg, 1977. Б2 V, 17). In a later period, the users of tamgas T6 and T7 had to rule sometimes with the holders of T9 in the form of a complex triactinal swastika (Vainberg, 1977. Б2 V, 5 and 14). It thus seems that the ‘forms of the clan royal tamga’ evolved often in a circular pattern, and their evolution often indicated a political chaos, when a family that had retreated in the shadow for a long time seized the supreme power again. In the meanwhile, the so called ‘basic tamga’ (T4), which for the first time was used by a ruler named Vazamar, was for quite long in circulation in the history of the state (Vainberg, 1977. P. 16); other rulers with the same name, as well as several kings named Bivasar, also considered themselves its owners.

Complexes of *sanctuaries* in the form of small round two-tier domed stone temples (supposedly, dedicated to the cult of worshipping influential ancestors) with rows of round stone-fenced sacrificial grounds, statues and other objects nearby, may be regarded as the brightest phenomenon of the early nomadic culture in the west of Kazakhstan. These monuments were built in the 4th-3rd centuries BC, but were soon destroyed by a most powerful earthquake. In the 5th-2nd centuries BC (up until another big change in the population composition) tamgas were used there to a limited extent (found on a few artifacts in necropolises

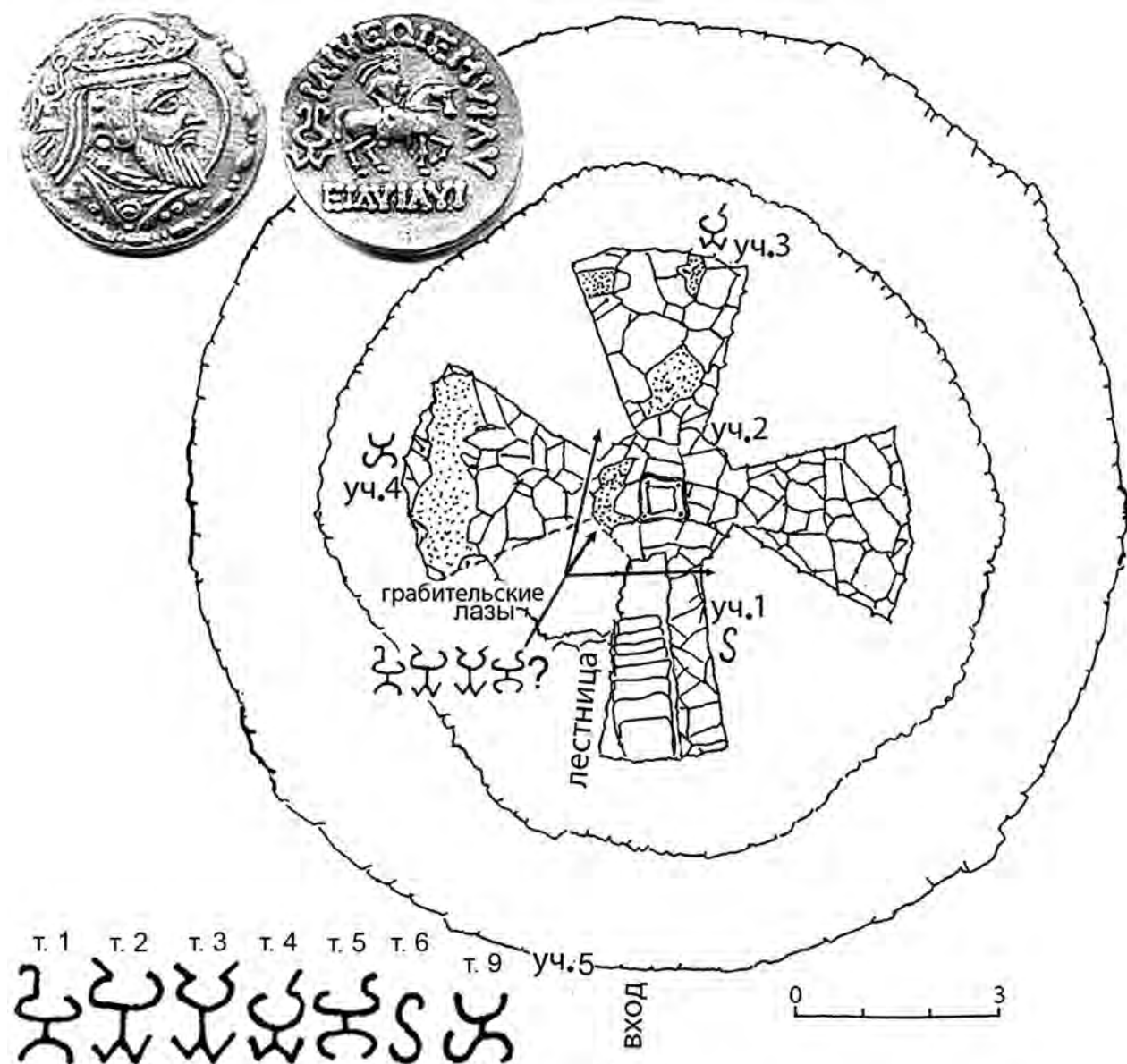

Рис. 2. Размещение царских тамг Хорезма I века до н.э. – IV века н.э. во внутреннем дворе храма Байте III на плато Устюрт (реконструкция С.А. Яценко)

Fig. 2. Disposition of Khorezmian royal tamgas of the 1st century BC - 4th century AD in the court of the Bayte III temple on the Ustyurt Plateau (reconstructed by S. A. Yatsenko)

1977. С. 16), ее же признавали своей его царственные тезки и, видимо, несколько Бивасаров.

Самым ярким явлением культуры ранних кочевников на западе Казахстана можно считать комплексы *святилищ* из небольших круглых в плане купольных двухъярусных каменных храмов (как предполагают, посвященных культу влиятельных предков), сопровождавшихся снаружи рядами каменных круглых

and among other signs in section 1 inside the temple at Bayte). However, in some of these complexes the cultic life continued centuries afterwards, from the 1st century BC up until the crucial international political and economic cataclysms in the 3rd-4th centuries AD.

Now we are going to discuss the *Bayte III temple* on the Ustyurt Plateau, arguably the most complex object analysed within this book (Chapter 2). The first question is: why do we

жертвенных оградок-площадок, статуй и т.п. Эти памятники были построены в IV–III веках до н.э., но вскоре были в основном разрушены мощнейшим землетрясением. В V–II веках до н.э. (вплоть до очередной смены местного населения) здесь известно ограниченное пользование тамгами (отдельные артефакты в некрополях и часть знаков на участке 1 внутри храма в Байте). Однако культовая жизнь некоторых из этих комплексов активно продолжалась столетия спустя, с I века до н.э. вплоть до серьезных политических и экономических международных катаклизмов III–IV веков н.э.

Обратимся теперь, возможно, к самому сложному объекту, изучаемому в этой книге, – храму *Байте III* на плато Устюрт (глава 2). Прежде всего возникает вопрос: почему на стенах и статуях других аналогичных и синхронных святилищ северного края Устюрта нет зачастую ни одной тамги, или имеется по 1–2 знака на одной среди многих (!) статуй (в трех пунктах), или единственный знак на внешней облицовке храма, как в Тасастау 4? В то же время на стенах храма в Байте III (не самого масштабного из них) видим более 358 знаков паломников из разных стран, а на статуях изображалось всегда по 3–4 разных знака. Одно из возможных объяснений может заключаться в особой святости данного места в древности, о причинах которой можно лишь догадываться (единственное святилище, построенное у более древнего некрополя? наибольшее число статуй почитаемых предков, одно из которых четырехметрового роста? «волшебные» свойства воды из колодцев в ближайшем овраге?). Так или иначе, но и вход в храм был необычным, непрямым; при входе снаружи располагалась уникальная не только для устюртских храмов «галерея» с оригинальными сюжетами, а тамги на стенах внутри здания наносились в этой малообитаемой местности сотнями посетителей, причем среди них оказалось немало представителей одного клана / семьи, которые считали необходимым отметить себя здесь по 2–6 раз. При этом существовали три альтернативных способа поставить здесь свою метку: внутри храма (для большинства), при входе снаружи или же на статуях, стояв-

find no tamgas or 1–2 signs on one of many (!) statues (on three sites) or discover an only sign on a temple's exterior facing (Tasastau 4) in other analogous and synchronous sanctuaries on the northern edge of the Ustyurt Plateau, while at Bayte III (not the largest of them) we have recorded over 358 signs left by pilgrims from different countries on the walls, and 3–4 signs on each statue? One of the reasons for that might be the place's special holiness, the ground for which is hard for us to explain (the only sanctuary built near a more ancient necropolis? the largest number of sculptures of worshipped ancestors, one of which is 4 metres high? the 'magic' properties of the water from the wells in the nearby gully?). Anyway, the entrance to the temple was of an unusual kind – you could not get there straightforwardly; outside at the entrance there was a 'gallery' of unusual scenes, which is unique even for temples beyond the Ustyurt Plateau; hundreds of visitors left tamgas on the interior walls of the building situated in an almost uninhabited area, while among them were quite a few representatives of one clan/family, some of whom thought it essential to leave 2 to 6 marks there. There were three options as to where to make one's tamga: inside the temple (for the majority), outside at the entrance and on the statues forming an arc near the building (the last two were acceptable only for few). It is possible that for some time Bayte III remained a kind of sacral or ethno-political boundary: all monuments *to the west* of it (towards the Caspian Sea) have analogues of signs from the temple; however, in sanctuaries *to the east* of Bayte III, away from the sea, pilgrims used absolutely different emblems.

One of the important features of the tamga collection at Bayte III dated between the 1st century BC and 3rd–4th century AD was that many of the tamgas were left by foreigners – traders, guides and diplomats, who travelled along the trade route from various countries, such as Khorezm, Bactria and Kangju and the dependent territories of Asian Sarmatia. The only group of signs left exclusively by locals

ших дугой вне храма (два последних варианта – удел немногих). Можно предполагать, что Байте III какое-то время был своеобразной сакральной или этнополитической границей: среди тамг на памятниках к западу от него (в сторону Каспия) обязательно есть аналоги образцам знаков из храма; но среди паломников, которые представлены в святилищах к востоку, вглубь от моря, были люди с совсем иными эмблемами.

Важной особенностью огромного «тамгового» комплекса Байте в I веке до н.э. – III–IV веках н.э. является то, что здесь мы имеем дело в значительной мере с тамгопользованием проходящих по торговому пути иностранцев – торговцев, проводников и дипломатов из разных стран: Хорезма, Бактрии, Кангюя и зависимых тогда от него группировок Азиатской Сарматии. Единственным примером сугубо местной «энциклопедии» можно считать небольшое скопление сарматских тамг в находящемся неподалеку каньоне Каракавак.

Интересно, что при входе в здание, на самом «бойком месте», справа под лестницей (участок 1) сохранились немногочисленные полустертые тамги создателей этого храма IV–III веков до н.э. Отчасти ранние изображения явно сознательно уничтожались более поздними посетителями храма, людьми других культур, – от рубежа н.э. и позже. Это не очень типично для древних святилищ. Пример такого отношения на участке 1 (рис. 1, 3): старое изображение знамени на древке было аккуратно заштриховано вертикальными полосками (то есть «удалено, стерто»), а на него частично стали налегать более поздние знаки-тамги (на рисунке переданы пунктиром) – 3 из 5 в импровизированном ряду.

Из четырех участков нанесения знаков внутри храма стоит выделить один из основных – участок 2. Он отличается меньшей долей сарматских и хорезмийских знаков и самой высокой долей бактрийско-юэчжийских.

Байте III дает нам одну из немногих возможностей картографировать размещение тамг иноземных паломников (купцов, дипломатов и др.) и выявить некоторые закономерности. Весьма показательно в этом плане рас-

is, probably, a small cluster of Sarmatian tamgas left in the Karakavak canyon nearby.

Interestingly, at the entrance to the building, to the right of the stairway, on an area with the largest number of tamgas (section 1), there are a few semi-erased tamgas made by the builders of the temple in the 4th-3rd centuries BC. In some cases earlier images were deliberately destroyed by the subsequent visitors of the temple, who came there in the beginning of the Common Era and later. This is not very typical of ancient sanctuaries. There is an example of such attitude in section 1 (fig. 1, 3): an old image of a standard on staff was carefully covered with vertical lines (that is, 'deleted, erased'), and later tamgas and signs were partially made on top of it (on the figure they are outlined with dotted lines) – 3 of the 5 in the improvised row.

Of the four clusters of signs inside the temple we should focus here on one – section 2. It contains a smaller portion of Sarmatian and Khorezmian signs and the largest portion of Bactrian Yuezhi ones.

Bayte III is one of the few monuments where we can map the tamgas of foreign pilgrims (merchants, diplomats and others) and identify some regular patterns. One of the best examples to demonstrate it is the disposition of the tamgas of Khorezmian kings of the 1st century BC - 4th century AD (or, rather, their representatives who were authorised to put the tamga of their master) (fig. 2). Perhaps, the most surprising thing is that there we can find all the 6 types of tamgas used by the earliest kings of Khorezm (T1-T6 after B. I. Vainberg, they are given below in chronological order). There is one later sign T9. Since Bayte, as we have already mentioned, was on a trade route from the early Common Era to the 14th century, which went across Ustyurt to Ural, the constant presence of the trade agents of all the country's earlier rulers indicated that this road to the land of fur, gold and precious stones was of a paramount importance for Khorezm.

Let us now analyse the disposition of the signs. Unfortunately, 4 of the 7 royal signs were not recorded in situ on the walls. Obvi-

пределение тамг хорезмийских царей I века до н.э. – IV века н.э. (точнее, речь идет об их законных представителях, имевших право ставить тамгу государя) (рис. 2). Прежде всего, вызывает удивление, что здесь представлены все 6 типов тамг наиболее ранних царей Хорезма (Т1-Т6 по Б.И. Вайнберг, внизу они даны в хронологической последовательности). Изображен и один поздний знак Т9. Поскольку через Байте, как уже говорилось, с рубежа н.э. до XIV века проходил торговый путь через Устюрт на Урал, то стабильное присутствие здесь торговых агентов *всех* ранних правителей страны означало, что этот путь в страну мехов, золота и самоцветов был исключительно важен для Хорезма.

Обратимся к анализу размещения знаков. Увы, 4 из 7 царских знаков найдены не *in situ* на стенах. Можно полагать, что они гравировались на стенах именно на тех участках поверхности внутренних стен, которые пострадали в результате прокладки первого лаза наиболее знающими свое дело древними грабителями, с его дополнительными ответвлениями. Эти три участка показаны на плане стрелками (восточный из них вызвал более скромные разрушения). Прежде всего, где-то, видимо, на западном краю двора отметились все цари – владельцы первых трех тамг на монетах (Т1-Т3). Интересно размещение одного из хозяев самой популярной, «основной» тамги Т4: она гравирована в «святой святых» храма – то есть на участке 3, напротив единственного входа. Еще одна популярная у ряда правителей тамга Т6 расположена также очень «комфортно» – на самом престижном и обширном участке для граффити паломников, справа под лестницей. Меньше повезло тамге позднего правителя Т9: ее хозяину «достался» наименее посещаемый паломниками участок 4 в западной стенке. Наблюдается и такая интересная закономерность: знак хорезмийского царя на участках 1, 3 и 4 размещался всегда в правом нижнем углу в скоплении знаков остальных посетителей.

Особый интерес представляет также случай, когда вскоре после возведения храма здесь было (как это общепринято в однотип-

ously, they were engraved on the areas of the inner walls that were damaged through excavation of the first passage and its branches by skillful ancient looters. On the plan these three areas are shown with arrows (the easterly one caused less damage). All the kings that used the three tamgas on coins (Т1-Т3) left their marks somewhere, probably, at the western side of the court. It is curious how the owner of Т4, the ‘basic’ and most popular tamga, disposed his sign: it is engraved in the temple’s ‘holy of holies’, in section 3, opposite the only entrance. Another tamga popular among a number of rulers, Т6, is also placed in the large area popular among pilgrims – to the right under the stairway. Tamga Т9 of a later ruler proved less lucky in this respect: it was made in section 4 on the western wall – the least popular area among pilgrims. An interesting system was observed: the sign of a Khorezmian ruler in sections 1, 3 and 4 was always placed in the right bottom angle among signs made by other visitors.

There was another interesting case, when an undercut grave (of a young noble military man, judging by fragments found in the looter’s passage) was organised roughly to the north of the altar, soon after the construction of the temple (which was typical of the homogeneous temples on Ustyurt). A thing absolutely unusual for a dead person was done: one of the 35 statues of warriors forming an arc outside was taken to be installed on the grave (its top half alone remained after the looters’ act of vandalism). There we can see only two signs instead of three or four: on one side of the chest (on the right one from the viewer’s point) there is a sign occurring only within the territory of Central Asia (which was also found among the engravings outside at the entrance), on the other side – a Sarmatian sign (very similar to ones in the two largest Sarmatian ‘encyclopaedias’); it may indicate that clans of entirely different origins took part in the funeral.

Ancient Bactria (Tokharistan) has a big potential for the study of tamgas, as this rich region was on the way of a number of conquerors

ных храмах Устюрта) где-то к северу от алтара размещено впускное захоронение (судя по сохранившимся в грабительском лазе фрагментам, то был молодой и знатный воин). Для умершего было совершено необычное действие: снаружи из дуги, включавшей 35 изваяний воинов, было взято одно и помещено над могилой (после грабительских надругательств от него сохранилась только верхняя половина). Здесь мы видим всего два знака вместо трех-четырех: по одну сторону груди (справа по отношению к изображенному) нанесли чисто среднеазиатский знак (встреченный также в гравировках снаружи у входа), по другую – сарматский (имеющий близкую аналогию в двух крупнейших «энциклопедиях» Сарматии); видимо, это говорит об участии в поминках кланов весьма разного происхождения.

Древняя Бактрия (Тохаристан) потенциально представляет немалый интерес для исследования тамг, так как эта богатая область лежала на пути многих завоевателей и мигрирующих групп людей. Выявить специфику знаков догреческого населения (древних бактрийцев), юэчжей-кушан, хионитов, эфталитов и тюрков, их преемственность и взаимовлияние, воздействие «нишан» ахеменидского и сасанидского Ирана – важная задача на будущее (глава 3). Пока же имеющаяся картина слишком фрагментарна и мозаична. Однако на примере ранних скоплений (наподобие обнаруженного на одной из колонн при входе в храм на Тахти-Сангине) можно сделать вывод о длительном бытовании некоторых типов знаков при разном этнополитическом доминировании, вплоть до арабского завоевания.

Для изучения тамгопользования в период Кушанской империи важен материал хорошо изученной сегодня *крепости Кампыртепа*. Преимущество работы с материалами этого памятника состоит и в том, что крепость существовала недолго, на рубеже I-II веков. При ее строительстве, как видно на рис. 2 главы 3, использовались сырцовые кирпичи с не менее чем 10 типами знаков. Совершенно прав Дж.Я. Ильясов, когда пишет, что «в процессе строительства они выполняли особую функцию – были, прежде всего, *условными обозна-*

and migrating peoples. To specify signs used by the pre-Greek population (ancient Bactrians), the Kushan Yuezhi, Xionites, Hephthalites and Turkic peoples, their succession and interaction and the influence of the ‘nishan’ used in Achaemenid and Sasanid Iran, is an important task to be accomplished in future (**Chapter 3**). So far, the general picture is too fragmentary and mosaic. However, earlier clusters (similar to that discovered on one of the pillars at the entrance to the temple at Takhti-Sangin) suggest that, although different ethnic groups and political units dominated the region in different periods, the use of some sign types continued for a long time, up to the Arab conquest.

The material from the well-studied *Kampyrtepa fortress* is important for the research into the use of tamgas in the Kushan period. The material from this monument is quite convenient to process, which is due to the fortress's short life in about the late 1st-early 2nd centuries. As is seen on figure 2 in Chapter 3, mud bricks with at least 10 types of signs on them were used in its construction. J. Ya. Ilyasov is absolutely right in that ‘in the course of construction they performed a special function – they were primarily *conventional signs that helped monitor the working process*’. However, the question of the nature of these signs remains unsettled: they do not look like letters or figures, nor do they seem magic symbols. We anyway think that they are ownership and involvement signs used in reality by the head of a certain family. The relatively small size of the settlement and its short life suggest a few kindred families on which the economy of Kampyrtepa was based. We think that the signs on the necks of local khums, large vessels for storing things, are a good example of that (Chapter 3, figs. 4-5). Economically, the most active family at Kampyrtepa was a large one (?), within which each small (nuclear) family used one of three variants of swastika turned clockwise (T-1, at least seven specimens). Another big family (T-2, in the form of italic Russian letter з) also consisted of three small subfamilies each with their own versions of the sign (however,

чениями, помогавшими вести учет проделанной работы». Однако это не снимает вопроса о природе подобных знаков: на цифры и буквы этот набор не похож, на магические символы тоже. Думается, речь все же идет о знаках собственности и сопричастности, которыми реально пользовался глава конкретной семьи. Сравнительно небольшой размер поселения и короткое время его бытования позволяют выявить несколько родственных семейств, составлявших экономическую основу жизни Кампыртепа. На наш взгляд, это ярко проявляется в знаках на горловинах местных крупных сосудов-хранилищ – хумов (глава 3, рис. 4-5). Наиболее хозяйственно активной в крепости можно считать большую семью (?), каждая малая (нуклеарная) семья в которой пользовалась одним из трех вариантов свастики, ориентированной по часовой стрелке (Т-1, не менее семи находок). Представители другой большой семьи (Т-2, в форме прописной русской «г» тоже образовывали три малых семьи со своими вариантами знака, но каждый из вариантов представлен *всего на одном хуме*). Еще два типа тамг (Т-3-4) имеют *лишь один вариант написания* (который в обоих случаях встречен на трех хумах), то есть, скорее всего, принадлежат либо неразделенной большой семье, либо небольшому клану.

Результатом сложной и кропотливой работы по изучению петроглифов в южной зоне Казахстана стало выделение А.Е. Рогожинским тринадцати основных типов знаков сложных форм (глава 4, рис. 2), которые можно явно считать дотюркскими, принадлежавшими ранним кочевникам II-I веков до н.э. – II-III веков н.э. (видимо, группам юэчжей в составе Усунь, либо подданным «империи» Кангюй, для которых тамгопользование стало более актуальным, либо все еще мало известным племенам Центрального Казахстана). Весьма важно, что многие из этих знаков вскоре оказались вписаны в культуру европейских сарматов. Показательна тамга 10, которая, кроме гор Тарбагатай в Восточном Казахстане, имеет точные аналогии в достоверных кангюйских памятниках (это самый популярный знак в ранней цитадели Туркестана), а также

in this case each variant was recorded *on only one khum*). Two other tamga types (T-3-4) are represented by *only one version* (each recorded on three khums), which means that they were, probably, used by one big uniform family or small clan.

A. E. Rogozhinskii's comprehensive and meticulous research into petroglyphs in the southern portion of Kazakhstan resulted in the identification of 13 basic types of signs with complex forms (**Chapter 4**, fig. 2), which are obviously from the pre-Turkic period and were used by early nomads between the 2nd-1st century BC and 2nd-3rd century AD (apparently, by Yuezhi groups forming a part of the Wusun or by the Kangju, for whom the use of tamgas was more important, or by the little-studied tribes inhabiting central Kazakhstan). It is very important that many of these signs soon became a part of the culture of European Sarmatians. Tamga 10 is illustrative in this respect: apart from the Tarbagatai Mountains in Eastern Kazakhstan, it has identical analogues in reliable Kangju monuments (this is the most popular sign in the early period in the citadel of Turkestan), as well as in Sarmatian groups politically associated with Kangju (there they have been recorded in necropolises on 'wedding' pendant mirrors or the ceremonial tableware of Sarmatian women that married representatives of aboriginal settled population – the 'Late Scythians' from the neighbourhood of Scythian Neapolis or the Maeotians from the Don Delta). Nomadic tamga 4б, which is a complex combination of three different tamgas arranged in a special order, also had a very long 'trip': it travelled from the western boundaries of Semirechie (Chu-Ili Mountains) to the eastern shore of the Caspian Sea. Another interesting tamga is 4a, which is identical to signs on the coins of the Kushan emperor Kanishka I (fig. 3, 3). Our analysis shows that the *tamgas of aristocratic clans were the only ones* selected to be placed on rocks in mountain sanctuaries. Some of their users soon became kings in more southerly and westerly countries (fig. 3). *One of the most interesting facts associated*

у политически связанных с Кангюем сарматских групп (там мы их видим в некрополях на «свадебных» зеркалах-подвесках или парадной посуде сарматских женщин, вступавших в брак с оседлыми аборигенами – «поздними скифами» округи Неаполя Скифского или мекотами дельты Дона). Другое, тоже чрезвычайно длинное «путешествие» кочевых носителей знаков документируется для тамги 4б, которая является на деле сложным соединением в определенном порядке трех разных тамг: это путь от западных границ Семиречья (Чу-Илийские горы) до восточного берега Каспия. Не менее интересна тамга 4а, имеющая точное соответствие на монетах кушанского императора Канишки I (рис. 3, 3). Наш анализ показывает, что для изображения на скалах горных «святилищ» отбирались определенные тамги – *только аристократических кланов*. Часть их хозяев вскоре стала царями в более западных и южных странах (рис. 3). *Особенно яркое явление, связанное с этой небольшой группой – неоднократное попадание ее представителей на престол Хорезма (!)*. Так, тамга 4с в группе петроглифов на западе Семиречья является лишь зеркально перевернутой версией (что в иранском мире допускалось во многих случаях для одного лица, например – на однотипных деталях конской упряжи и на монетах: Яценко, 2001. С. 16) знаменитой царской тамги 2 (Т2) на хорезмийских монетах (рис. 3, 1). Именно правителя с этой тамгой считают тем, кто ввел на монетах «хорезмийскую тамгу», символ власти потомков Сиявуша (Вайнберг, 1977. С. 13). Теперь мы знаем, что кочевья его предков, прежде располагавшиеся в другой части Центральной Азии, не позднее середины II века до н.э. находились в Чу-Илийском междуречье, примерно в 200 км к западу от современного г. Алматы. Другое семейство «делателей хорезмийских царей» проживало еще дальше от Хорезмского оазиса – в горной местности Калмакэмель к северу от Балхаша, то есть в Центральном Казахстане (рис. 3, 2). Именно оно использовало знак 8в – очень сложную, уникальную трехлучевую свастику, *которая к концу III века н.э., вместе с царем Вазамаром, станет визуальным символом Хорезмийской*

with this small group is that their users more than once found themselves on the throne of Khorezm (!). So, tamga 4c among a group of petroglyphs in the west of Semirechie is a mirror-reflected upside-down version (which in the Iranian part of the world was quite admissible for one person, e.g. on heterogeneous parts of a horse's harness and coins: Yatsenko, 2001. P. 16) of the famous royal tamga (tamga 2 – T2) on Khorezmian coins (fig. 3, 1). The ruler that used this tamga is believed to have introduced the 'Khorezmian tamga' on coins which symbolised the power of Siyavush's descendents (Vainberg, 1977. P. 13). Now we know that the lands of his nomadic ancestors which earlier had been situated in another portion of Central Asia, by the middle of the 2nd century BC were moved to the Chu-Ili Interfluve, about 200 km west of present-day Almaty. The other family of 'Khorezmian king makers' lived still farther from the Khorezm Oasis, in a mountainous area known as Kalmakemel north of Lake Balkhash in Central Kazakhstan (fig. 3, 2). This very family used sign 8в – a very complex and unique triactinal swastika, *which by the late 3rd century AD, together with king Vazamar, became a visual symbol of the Khorezm Kingdom (tamga 8, T-8)*. The tamga of Inismeios, future king of Aorsia (Western Ukraine), was recorded on a rock in Chiyimtach, northern Kyrgyzstan (fig. 3, 4).

Overall, the cultural complex left by these groups (and presented on rocks in a number of mini sanctuaries) seems quite unusual: a single monostylistic and well-organised composition may consist of combinations of 'late Saka' bestial elements (associated with the earlier Scythian period in Altai and, partially, in the Sayan Mountains and Mongolia), newer images and compound images (including unusual monsters and anthropomorphic figures), as well as completely new tamga types which soon appeared far to the west.

It is important to understand what was the strange community of small nomadic groups, whose recorded traces by about the early Common Era formed a kind of large ring around

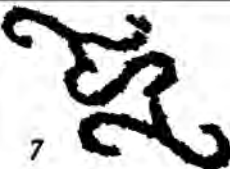
МОНЕТЫ	ЗНАК	УСТИУРТ	СЕМИРЕЧЬЕ	ПРИБАЛХАШЬЕ
 1		 1	 2	
 2			 3	 4
 3			 5	
 4		 6	 7	

Рис. 3. Знаки-петроглифы поздней античности Казахстана и Северного Кыргызстана и их аналогии на монетах древнего Хорезма (1, 2, 4 – по Вайнберг, 1977), Кушанской Бактрии (3 – по Зеймаль, 1983) (сост. А.Е. Рогожинский)

Fig. 3. Late antique petroglyph signs in Kazakhstan and northern Kyrgyzstan and their analogues on the coins of ancient Khorezm (1, 2, 4 – after Vainberg, 1977), Kushan Bactria (3 – after Zeymal, 1983) (compiled by A. E. Rogozhinskii)

державы (тамга 8, Т-8). В Северном Кыргызстане на скале в Чийимташе встречена тамга будущего правителя Аорсии (на Западной Украине) Инисмея (глава 4, рис. 5, 10-11).

В целом культурный комплекс, оставленный этими группами (и представленный в ряде скальных мини-святилищ), производит необычное впечатление: в одной одностильной и продуманной композиции фигурируют образцы «позднесакского» звериного стиля (связанного еще со скифской эпохой Алтая, отчасти Саян и Монголии), набор новых образов и сложных образов (включающих необычных монстров и антропоморфных персонажей) и совершенно новые виды тамг, вскоре проявившиеся далеко на западе.

Важно понять, что представляет странная общность небольших групп кочевников, следы кочевий которых около рубежа н.э. образова-

Lake Balkhash – from Tarbagatai and the upper stretches of the Irtysh in the east through to the Karatau Mountains near the Syrdarya in the west (глава 4, рис. 1). Judging by the small number of remaining bright monuments, the people from this group (these groups) stayed in the region for a relatively short time, while the monuments north and south of Balkhash are intermediate points on two basic westward migration routes (to Sarmatia and the Syrdarya and Caspian Sea areas).

Chapter 5 dedicated to Southern Kazakhstan (mostly to the Syrdarya area from the Arys River to the Turkestan oasis) seems one of the most significant within the book. It generalises the data on the first large series of signs in Kultobe, *the most ancient citadel of Yassy/Turkestan*, which was one of the more important cities in the ‘nomadic empire’ of Kangju

ли нечто вроде огромного кольца вокруг озера Балхаш – от Тарагатая и верховьев Иртыша на востоке до присырдарьинских гор Каратау на западе (глава 4, рис. 1). Судя по малочисленности оставленных ярких памятников, люди этой группы (групп) здесь задержались на сравнительно короткое время, а памятники к северу и к югу от Балхаша фиксируют промежуточный пункт двух основных путей миграции на запад (в Сарматию, а также на Сырдарью и в Прикаспий).

Глава 5, посвященная Южному Казахстану (и более всего – присырдарьинской зоне от реки Арысь до Туркестанского оазиса), представляется одной из наиболее значимых в книге. Среди прочего, здесь обобщены данные по первой большой серии знаков в одном из важных городов, относившихся к эпохе «кочевой империи» Кангюй I века до н.э. – III века н.э., *древнейшей цитадели Ясы / Туркестана* – Культобе (глава 5, рис. 1, (5)).

Однако наиболее полезным является представленный соавторами результат десятилетних поэтапных обобщений тамг из такого эталонного теперь святилища предисламского времени, как *Сидак* (глава 5, рис. 2, II). Ежегодное обобщение материалов и единый подход к их обработке позволили надежно выделить 13 главных форм местных знаков и основные принципы образования новых типов тамг. Прежде всего, речь идет о самом позднем, верхнем его слое VII – начала VIII века. Самый богатый разнотипными тамгами комплекс оазисного святилища (только на керамике и мелких артефактах – 108 типов!), связанного с паломничеством в основном из данной местности или прилегающих районов Средней Сырдарьи (в единичных случаях – представителей правящих семей Чача, Бухары и Самарканда и тюркоязычных соседей-номадов из окрестных гор). Сидак демонстрирует нам самые разные обстоятельства маркирования тамгами различных сакральных акций. Это вотивные кувшины и кружки, заказанные на месте гончару (но со знаком паломника) для приношения в святиню питья или еды; хумы в специальных помещениях, в которых производилась окончательная очистка

between the 1st century BC and 3rd century AD (Chapter 5, fig. 1, (5)).

However, the most useful is the result of the stage-by-stage generalisation of tamgas from *Sidak*, an exemplary sanctuary of the pre-Islamic time, which the authors of this monograph have been accomplishing for about ten years (Chapter 5, fig. 2, II). The annual generalisation of the material and a uniform approach to its processing resulted in the identification of 13 basic forms of local signs and the study of the main principles of the development of new tamga types. The main object of analysis is the latest, upper layer of the site dated to the 7th-early 8th centuries. This oasis sanctuary complex visited only by pilgrims from the neighbourhood and adjacent territories in the Middle Syrdarya area (in some single cases by representatives of the ruling families of Chach, Bukhara and Samarkand and Turkic-speaking nomads from the surrounding mountains) features the broadest range of tamga types (108 types recorded on the pottery and small artifacts alone!). In *Sidak* we can observe a wide range of circumstances under which tamgas were made during various sacral acts. Tamgas are found on votive jugs and mugs made by a potter (who marked them with the customers' signs) to order right on the spot and used to keep food and drinks brought to the sanctuary as offerings; on khums in special rooms where the bones of dead people were given the final cleaning before they were buried outside the building (this is the main category of articles with signs!); on asyk game bones, which were rolled to foretell fate and divine will; on imitations of whetstones (local and brought from Chach, as is the case with a 2012 jug), where all parties concluding an agreement (giving a vow) put equal numbers of signs. Another factor making *Sidak* a largely special object is that it, probably, functioned as a sanctuary since the time when Kangju was only beginning to form (since the early Common Era); nevertheless, the intensification of pilgrimage in the period preceding the Arab conquest is a proved fact. Tamgas sometimes were found side by side with images of animals and humans (al-

костей умерших перед их захоронением вне стен (это основная категория находок со знаками!); игральные астрагалы-асыки, бросание которых определяло судьбу и волю божеств; имитации оселков, на которые наносились по ровну знаки договаривающихся (клянущихся) сторон (местной и происходившей из Чача, как и на кувшине 2012 года). Особое значение Сидака во многом определялось тем, что он, видимо, функционировал как святыня еще со времен оформления «империи» Кангюй (с рубежа н.э.); однако достоверно выявлен факт интенсификации паломничества в годы, предшествовавшие арабскому завоеванию. Тамги подчас сопровождалась образами животных и людей (которые всегда – персонажи мужского пола, что подчеркивало специфику поклонения в этом святилище).

Сама по себе удивительна коллекция кувшинов и кружек со знаками 25 типов из небольшого *грунтового некрополя Шага* (в 40 км от г. Туркестан) (глава 5, рис. 2, I). Дело в том, что в могильниках региона Средней Сырдарьи (даже в таком гигантском, как Борижары) крайне редко сосуды со знаками помещали в могилу (возможно, на этот счет существовали определенные запреты или ограничения). Однако для жителей небольшого селения у предгорий Каратау этот запрет, похоже, не действовал, и керамика с тамгами здесь составляет значительную долю культового инвентаря.

Одним из важных объектов, подробно рассмотренных здесь, является маленькое провинциальное святилище из трех упавших когда-то с обрыва каменных плит-плоскостей (из которых выделяется одна, более крупная, со значимыми изображениями) в *местности Бескепе* (глава 5, рис. 5). Его тоже коснулась популярная в литературе тенденция *омолаживания* памятников, понятное по-человечески желание связать их со знаменитыми ранними тюркскими каганатами. Мы имеем дело уже с *серией* таких композиций (вторая, менее примитивная плита происходит с городища Мингурюк в Ташкенте). Их общие черты (как и типы представленных на них тамг) в целом далеки от раннетюркских традиций: «ограда», внутри которой нанесен схематичный

ways males, which specified the character of worshipping practised at the sanctuary).

The collection of jugs and mugs with signs of 25 types from *Shaga, a small ground necropolis* 40 km from the city of Turkestan, is wonderful in itself (Chapter 5, fig. 2, I). The thing is that burial grounds in the Middle Syrdarya area (even truly enormous ones such as Borizhary) have very few graves with vessels with signs inside them (perhaps, there were certain restrictions and prohibitions in this respect). However, the people from a small village at the foothills of the Karatau Mountains seem to have ignored these restrictions, as ceramic vessels with tamgas comprise a considerable portion of cultic articles there.

Another important object carefully analysed herein is a small provincial sanctuary consisting of three flat stone slabs which once fell off a rock wall (with one of them being larger than the others and having some significant images on it) in an *area known as Beskepe* (Chapter 5, fig. 5). Following the popular trend in special literature, which was based on a desire to associate objects with the famous early Turkic khaganates, it was also *dated to a later time* than it actually belonged to. We can, in fact, regard it as one in a *series* of compositions of this kind, as the second, less primitive slab was discovered at the Minguriuk site in Tashkent. Their common features (and tamga types found in them) are actually quite remote from early Turkic traditions: a 'fence' with a schematic male figure inside, his legs set wide apart; special additional 'cords'; a group of 8-9 signs connected with the fence; judging by their forms, the signs generally belong to three groups of relatives. We thus can observe a special canon followed in the creation of such compositions, which appeared in Kangju and had two variants (the urban one was recorded in Minguriuk and the deeply provincial version in Beskepe)¹⁷⁴.

¹⁷⁴ A.E. Rogozhinskii, one of the authors of this book, believes that some signs from the Beskepe collection are most similar to the tamgas from Chagatai ulus. However, in this case it is hard to explain the iconography of the main composition.

	МОНЕТЫ	ЗНАК	ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН	СЕМИРЕЧЬЕ
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				

Рис. 4. Тамги-петроглифы раннего средневековья Казахстана и их аналогии на монетах и керамике Семиречья, Отрарского оазиса, Чача и Согда (по: Смирнова, 1981; Шагалов, Кузнецов, 2006; Камышев, 2008; Бабаяров, Кубатин, 2016). Тамги-петроглифы: 1, 4 – Когалы; 3, 10 – Тамгалы; 5 – Карашокы; 6 – Аксу-Джабаглы; 7 – Котыр; 8 – Акколь; 9, 12 – Ащысу; 11 – Жайсан; 13 – Сауыскандык. Керамика: 2 – Пшакшитобе, Отрарский оазис (по: Байпаков, Авизова, 2015) (сост. А.Е. Рогожинский)

Fig. 4. Early medieval petroglyph tamgas in Kazakhstan and their analogues on the coins and ceramics from Semirechie, the Otrar Oasis, Chach and Sogd (after Smirnova, 1981; Shagalov, Kuznetsov, 2006; Kamyshev, 2008; Babayarov, Kubatin, 2016). Petroglyph tamgas: 1, 4 – Kogaly; 3, 10 – Tamgaly; 5 – Karashoky; 6 – Aksu-Dzhabagly; 7 – Kotyr; 8 – Akkol; 9, 12 – Ashchysu; 11 – Zhaysan; 13 – Sauyskandyk. Pottery: 2 – Pshakshitobe, Otrar Oasis (after Baipakov, Avizova, 2015) (compiled by A. E. Rogozhinskii).

мужской персонаж с расставленными ногами; особые дополнительные «шнуры»; с оградой связана группа из 8-9 крупных знаков; знаки, судя по их форме, в целом относятся к трем группам родственников. Перед нами определенный канон создания таких композиций, возникший в «империи» Кангуй, в двух его вариантах (городском – в Мингурюке, и глубоко провинциальном – в Бескепе)¹⁷⁴.

Дополнительный анализ материалов *древне-Чача*, и особенно его столицы – городища Канка (глава 6), показывает правоту исследователя Г.И. Богомолова в отношении избранной методики фиксации на раскопах и в отдельных строительных комплексах как кирпичей, так и керамики со знаками (подсчет их доли в каждом строительном горизонте, выявление «беззнаковых» объектов и т.п.). Вместе с тем, во многих случаях он предпочитал *словесное* описание форм знака без иллюстрирования, а разбор коллекций по объектам производил подчас с опозданием, когда часть битой керамики (из верхних слоев) уже ликвидировалась.

Интересно, что в огромной и сравнительно хорошо изученной столице Чача на керамике в слоях, накапливавшихся на протяжении 1000 лет (со II в. до н.э. по VIII в. н.э.), обнаружено всего 40 типов знаков (!), и почти все они встречены на кувшинах. Это не свидетельствует об активном мечении керамики. Однако были в городе объекты, где эта закономерность явственно и во всем нарушалась: два соседних храма VI века из раскопа 10. В более крупном, нижнем «городском» храме в молитвенном зале сосуды стояли рядами вдоль суф. Здесь около 1/3 сосудов были со знаками; в другом «храме Б» битая посуда со знаками концентрировалась вокруг священного очага и составляла около 1/4. При этом в обоих случаях преобладали вовсе не кувшины, а кружки (для возлияний?).

¹⁷⁴ По мнению одного из соавторов, А.Е. Рогожинского, часть тамговой коллекции Бескепе более всего сходна с тамгами Чагатайского улуса. Но в этом случае иконография основной композиции необъяснима.

Additional analysis of the material from *ancient Chach*, in particular, its capital on the present-day hillfort of Kanka (**Chapter 6**) shows that researcher G. I. Bogomolov was right to record both bricks and ceramic articles with signs (and also to establish their portion in each building horizon, to identify objects without signs and so on) found in excavation trenches and individual construction complexes. At the same time, he often preferred a *verbal* description of a sign form without providing its illustration, and sometimes was too late to sort out collections according to the objects they were found in, when some part of fragmented ceramics had already been liquidated.

Interestingly, while the capital of Chach is an enormous and quite well-studied hillfort, the ceramics that was accumulating in its layers for about 1,000 years (since the 2nd century BC to the 8th century AD) presents only 40 types of signs (!), almost all of which have been recorded on jugs. This testifies that ceramics was not being marked very actively. However, there were some objects in the city – two adjacent 6th-century temples from excavation 10 that totally broke the rules. Vessels formed rows along *sufas* in the prayer room of the larger ‘city’ temple situated at a lower level. About 1/3 of the vessels had signs on them. In the other temple, ‘temple B’, the fragmented vessels with signs were concentrated around a sacred fireplace and comprised around 1/4 of all the ceramics. Interestingly, in both cases mugs (for libation?), not jugs, predominated among vessels with signs.

Data on bricks seem equally surprising. The bricks were collected in two ‘elite’ sections – in the prayer room of the ‘city’ temple and in the brickwork of the city’s fortification wall. Many of 117 sign types were too complex to be ordinary building marks. About 18% of marks were identical to signs on ceramic vessels from other parts of the city, which means that most of the signs from other parts of the city had identical analogues on bricks. So, all this can hardly support the universal idea shared by

Не менее неожиданными оказываются данные по кирпичам. Они отобраны на двух «элитных» участках: в молитвенном зале «городского» храма и в кладке оборонительной стены города. Из 117 типов знаков очень многие оказались далеки от обычной простоты строительных меток. Около 18% типов меток имели точные соответствия на посуде из городских слоев (это составляет большую часть разновидностей знаков на городской керамике). Все это трудно считать аргументом в пользу наиболее распространенного поныне мнения о таких знаках как исключительно или в первую очередь *метках подсчета партий заготовленных кирпичей*. И уже совершенно не вяжется с подобным подходом то, что часть «меток партий продукции» в кладке крепостной стены оказались на деле... царскими тамгами с монет соседних согдийских Бухары и Самарканда (!). Невозможно согласовать эти факты и с твердым убеждением Г.И. Богомолова *в чисто магическом характере всех знаков* на изделиях Чача. Коротко говоря, маркированная глиняная продукция столицы Чача вызывает сомнения в справедливости давних живучих научных схем, заставляет о многом задуматься и провоцирует новые выводы.

Ярким проявлением локальной чачской специфики можно считать гагатовые поясные пряжки суннуского типа II-I веков до н.э. из некрополя Жаман Тогай (глава 6, рис. 1, (1)). Однако в отличие от всех остальных образцов в этой серии на огромных пространствах Евразии, на них представлены тамги (местные). Не менее интересным, но уже раннесредневековым комплексом с тамгами можно считать уникальный и явно культовый сервиз из семи (священное число) предметов глиняной посуды (пять чаш – тоже священное число), кувшинчика и вазочки из найденных где-то на берегу Чардаринского водохранилища (глава 6, рис. 2, 1; 4, 2-5). Их хорошая сохранность не только позволяет отнести сервиз к уцелевшей могиле, но и допускает, что это был votивный клад при неком местном святилище или действующий комплект посуды в нем.

К счастью, династия в Чаче была достаточно стабильна, и в ранней монетной чеканке

most specialists that these signs were used only or firstly to *mark batches of produced bricks*. And what glaringly contradicts this hypothesis is that some of the ‘signs marking batches of goods’ in the brickwork of the fortification wall proved... royal tamgas from the coins of neighbouring Bukhara and Samarkand (!). Nor do these facts match G. I. Bogomolov’s firm belief that *all the signs on the items from Chach were purely magical symbols*. In short, the marked clay items from the capital of Chach cast doubts upon long-established and tenacious academic patterns and provoke deep thinking and making new conclusions.

Jet belt buckles of the Xiongnu type found in the Zhaman Togay necropolis and dated to the 2nd-1st century BC rank as one of the brightest local Chach-specific items (Chapter 6, fig. 1, (1)). However, unlike all the other specimens from this series found across the enormous territory of Eurasia, these ones present (local) tamgas. Another complex with tamgas, this time dated to the early medieval period, is of no less interest. This is a unique and obviously cultic set of seven (a sacred number) clay items – five bowls (another sacred number), a jug and a vase found somewhere on the shore of the Chardara Reservoir (Chapter 6, figs. 2, 1; 4, 2-5). Their good state of preservation does not only make it possible to associate the set with the extant grave, but also suggests that it was a votive treasure in some local sanctuary or a set of ceramic tableware used in it.

Fortunately, the dynasty in Chach was quite stable, and the country’s early coinage dated to the 3rd-5th centuries does not pose any uncertainties about the logic of the development of royal signs (although some of them, starting from the coinage’s founder Vanvan, had two different tamgas). The main way to change a sign was quite simple and consisted in filling the central part with 1-3 dots, 1-2 rings or a cross. Other countries in the west of Central Asia could not offer anything that simple.

Until quite recently all specialists considered the ‘Kayragach mansion’ of the 4th-6th

страны III-V веков нет никаких особых неясностей с логикой развития знаков правителя (хотя некоторые из них, начиная с основателя чеканки Вануна, имели по две разных тамги). Преобладающий способ смены знака был прост и заключался в заполнении центральной части 1-3 точками, 1-2 колечками или крестиком. Другие страны запада Центральной Азии такой простотой и ясностью похвалиться, увы, не могли.

«Усадьбу» Кайргач IV-VI веков в древней Уструшане (в кыргызстанской части Ферганы) (глава 7) до последнего времени все специалисты считали самой обычной укрепленной частной усадьбой. Многие «странности», связанные с ней, не замечались, пока в 2014 году Е.А. Смагулов не предположил, что это был отдельный культовый комплекс с двумя святилищами и сопутствующим приему паломников хозяйством, подобно раскопанному им Сидаку. Далее последовала двухлетняя проверка этой гипотезы по полевой документации и музейным фондам. Материал Кайрагача интересен для исследователей тамг по нескольким причинам. Во-первых, тамги здесь очень своеобразно распределены как по служебным помещениям, так и по комнатам собственно святилищ (одно из них располагалось в центре верхней площадки, другое занимало южную часть основного двора нижней площадки) (глава 7, рис. 3). Прежде всего, в самих помещениях святилищ (в отличие, например, от чачской Канки или от устыуртского Байте III) артефактов со знаками практически не было. Однако было несколько комнат, буквально забитых меченой посудой. Особое место среди них занимает небольшое помещение 17 нижнего яруса: здесь знаки (девять типов) есть только на хумах (на половине из них – 8 из 16), вероятно, предназначенных для хранения очищенных костей умерших; в помещении 8 верхнего яруса также маркировались только хумы (обе комнатки квадратные, с суфой в северной стороне). В помещении 1 верхней площадки (примыкавшем к обоим святилищам), напротив, тамги семи типов наносились на разнотипные сосуды, кроме хумов (хотя последние здесь были во множестве). Учитывая

century in ancient Ustrushana (in the Kyrgyz portion of Fergana) (**Chapter 7**) an ordinary fortified private mansion. A number of ‘strange aspects’ about the mansion were simply being ignored until 2014, when E. A. Smagulov made a supposition that it was a separate cultic complex with two sanctuaries and an appropriate infrastructure to receive pilgrims similar to that on the site of Sidak excavated by the same specialist. In the following two years the hypothesis was being checked using field documentation and museum collections. There are a few aspects making the Kayragach material highly interesting for tamga researchers. Firstly, the tamgas are distributed across the rooms of the sanctuaries (one of which was in the centre of the upper section and the other occupied the southern portion of the main court in the lower section) and auxiliary rooms following unusual patterns (Chapter 7, fig. 3). There were very few artifacts with signs found in the sanctuary’s rooms (which was, for instance, different from Kanka of Chach or Bayte III on the Ustyurt Plateau). However, there were several rooms literally filled full with marked vessels. Small room 17 in the lower section deserves special description: there signs (9 types) are present only on khums (on half of them – 8 of 16), which were, probably, meant to keep the cleaned bones of dead people; in room 8 in the upper section marks were also found only on khums (both rooms are square and each has a sufa on the northern side). In room 1 in the upper section (bordering on both sanctuaries), on the contrary, tamgas of seven types were found on different kinds of vessels, except khums (although the last ones were found in great numbers there). As Kangju is known to have interfered with Fergana’s affairs since quite long ago (starting from the 2nd century BC), it is no surprise that most of the signs supposed to have been made by foreign pilgrims are Kangju and post-Kangju ones. Despite the low quality of field documentation (including that describing and localising ceramic finds with tamgas), essential artefacts preserved in

давнюю традицию вмешательства Кангюя в дела Ферганы (со II века до н.э.), не вызывает удивления то, что здесь среди вероятных знаков внешних паломников преобладают кангюйские и посткангюйские знаки. Несмотря на низкое качество полевой документации (в т.ч. при описании и локализации находок керамики с тамгами), основные найденные артефакты сохранились в музейном собрании Государственного музея Востока в Москве и создали новые возможности для исследования.

Глава 8 предстает как смелая и трудоемкая попытка дополнить по материалам тамг-петроглифов представления историков и археологов о местах расселения ранних тюркских племен в южной зоне Казахстана и Кыргызстане. Группировки номадов здесь рассматриваются в хронологической последовательности; их тамги анализируются с учетом их отражения в нумизматических и письменных источниках, их взаимосочетания, изображенных при них бытовых реалий и, конечно, зон распространения как для каждого типа, так и для серий взаимосвязанных типов.

К эпохе *Западного Тюркского каганата* автор относит поминальный комплекс Когалы и (исходя из зоны распространения ряда представленных на изваяниях тамг) связывает его с локальным тюркским правителем данной территории, наряду с комплексом петроглифов-тамг из Карашоки в горах Торайгыр. К этому же периоду или даже рубежу VI–VII веков, по мнению А.Е. Рогожинского, относится серия художественных граффити на скалах Когалы, включающая изображения на крупах скаковых животных редких знаков, имеющих датированные аналогии в погребальных памятниках Алтая и в нумизматических материалах раннесредневекового Чача (рис. 4).

Рассматриваются специфические трудности выделения тамг *тургешей*, в том числе – по их «стилизованному» тамгам на материалах долин Котыр и Ащису в Чу-Илийских горах. На материалах Тамгалы автором выделяются знак-трезубец (связываемый с *тухусами*, ненадолго возвысившимися в середине VIII века) и тамга *Арсланидов*. Знаки ранних *Караханидов*

the State Museum of Oriental Art in Moscow can be used for further research.

Chapter 8 is a bold and effortful attempt to clarify the ideas of historians and archaeologists about the dispersion of early Turkic tribes in the southern part of Kazakhstan and in Kyrgyzstan using the petroglyph tamga material. Nomadic groups are analysed chronologically; their tamgas are studied based on their presence in numismatic and written sources, their occurrence in combination with other signs and descriptive images and, certainly, the distribution of each type separately and series of interrelated types.

The author dates the Kogaly burial complex to the period of the *Western Turkic khaganate* and (based on the distribution of a number of tamgas on sculptures) associates it with a local Turkic lord ruling that area, as is the case with the petroglyph tamga complex in Karashoky in the Toraygyr Mountains. According to A. E. Rogozhinskii, a series of artistic graffiti on the Kogaly rocks also appeared at that time or even in the late 6th-early 7th centuries. The graffiti include images of racing animals with rare signs on their rumps analogous to those found in burials in Altai and on early medieval Chach coins (fig. 4).

The chapter analyses specific challenges associated with the identification of *Turgesh* tamgas, using, apart from other sources, ‘stylised’ tamgas from the Kotyr and Ashchisu valleys in the Chu-Ili Mountains. The author makes a detailed analysis of a trident sign (referred to the Tukhus who were eminent for a short time in the 8th century) and an *Arslanid* tamga found amid other material in Tamgaly. Early *Karakhanid* signs are studied using material found on archaeological sites in the upper stretches of the Talas River.

All-tribe symbols were also studied within the chapter. The author analysed a complex of three tamgas (in the form of a crawling snake, the Greek letter ‘omega’ and an angle with a circle in the middle) and made a supposition that they were associated with the *Karluks* trib-

рассматриваются на материалах местонахождений верховьев Таласа.

Уделено также внимание общеплеменным символам. Так, при рассмотрении комплекса из трех тамг (в виде ползущей змеи, в форме греческой буквы «омега» и в виде угла с кружком посередине) высказывается предположение о возможной их связи с объединением *карлукских племен*. Среди петроглифов-тамг западной части Семиречья и на юге Казахстана отмечается присутствие знаков, ассоциируемых с *кимако-кипчакским объединением племен*. Подробно рассматривается крупное скопление знаков в урочище Тамгалыжар в пустыне Бетпақдала, которое насчитывает 19 разновидностей тамговых форм, имеющих сходство с тамгами *огузов*.

Различным *социально-политическим аспектам использования тамг* на западе Центральной Азии, а также выходцами из нее – торговцами, эмигрантами – за ее пределами, посвящена **глава 9**. Здесь рассмотрены в том числе метки паломников в самом крупном комплексе с тамгами – храме Байте III. В данном случае отдельно от главы 2 тамги изучаются на фоне сопровождающих их сюжетных композиций на единственном участке – при входе в храм снаружи (на других поверхностях здания последние практически отсутствуют). Анализируются композиция и семантика изображений. С.А. Яценко приходит к выводу, что в целом все композиции с людьми, повозками, сцены охоты, попадания в лабиринт, копытные среди плывущих рыб, рыбы-поглотители и т.п. связаны с комплексом представлений о попадании в иной мир. Наиболее выраженные параллели реконструируемые сюжеты находят в сармато-алано-осетинской мифологии и эпосе. Это не кажется странным, учитывая преобладание сарматов среди иноземцев, оставивших свои метки в храме. Тамги обязательно сопровождают композиции определенного типа и являются их необходимым компонентом.

Рассматриваются также тамги в контексте таких хорошо изученных сакральных центров античного Хорезма, как Калалыгыр-2 и Высокий дворец Топрак-кала. Там подобных зна-

al union. Signs associated with the *Kimak-Kipchak tribal union* were recorded among petroglyph signs in the western part of Semirechie and in the south of Kazakhstan. The researcher also analyses scrupulously a large cluster of signs in the Tamgalyzhar area in the Bepak-Dala Desert, which comprises 19 tamga forms similar to *Oguz tamgas*.

Chapter 9 is dedicated to various *socio-political aspects in the use of tamgas* by people living in Central Asia and those originating from it (traders, emigrants and others) and living outside the region. The authors analyse pilgrims' marks in the Bayte III temple, the largest complex with tamgas. In this part of the book the tamgas are analysed separately from Chapter 2 in combination with the descriptive compositions they are accompanied by in only one of the sections, on the temple's outer wall near the entrance (the latter can hardly be found on other surfaces throughout the building). The analysis concerns the images' composition and semantics. S. A. Yatsenko makes a conclusion that, generally, all compositions including people, vehicles, hunting scenes, entrances to labyrinths, ungulates among swimming fishes, predator fishes and others are associated with the set of ideas about getting to the other world. The brightest parallels to the reconstructed themes can be found in the Sarmatian-Alanian-Ossetian mythology and epos. This would not seem strange, if we remember that Sarmatians were the most numerous of foreigners that left their marks in the temple. Tamgas always accompany compositions of a definite type and are their essential components.

The authors also analyse tamgas in some of the well-studied sacral centres of ancient Khorezm, such as Kalalygyr-2 and the High Palace at Toprak-kala. They contain a surprisingly small number of signs like those. While in the case with the High Palace the reason may be that it was abandoned deliberately at some moment of time, the explanation for the first object must be different. For instance, the

ков удивительно мало. И если для Высокого дворца это может объясняться тем, что он был сознательно оставлен, то для первого объекта объяснение должно быть иным. Это можно связать, в отличие от более восточных территорий, с отсутствием выраженной традиции подносить божеству дары в посуде, меченной знаком.

Отдельный сюжет – хорезмийская керамика с метками, попавшая в некрополи непосредственных соседей – кочевников Присарыкамьшской дельты Амударьи в разные периоды античности. Попадание это происходило в результате нормальной приграничной торговли и, возможно, партиями по заказу (все знаки нанесены до обжига). В оссуарном могильнике Тарым-кая 2 все три кургана, содержавшие меченую посуду, находились в самом центре, впритык друг к другу. В другом, позднем и очень небольшом некрополе Ясы-гыр-4 знаки были сконцентрированы в могилах вдоль западного края одного кургана 1 (содержавшего около 30 разнотипных захоронений). Здесь налицо определенная престижность использования сосудов со знаками.

Анализ удаленного от всех кочевых наскальных композиций ранних кочевников местонахождения тамг на скале *Айгыр Ушкан* в Карагандинской области выявляет аналогии на территории «империи» Кангюй или южноуральских сарматов. Вопрос о причинах попадания сюда носителей этой традиции остается открытым. В связи с вопросом о возможности или невозможности представлять один и тот же знак по-разному ориентированным в пространстве здесь интересны две размещенные друг над другом тамги №№ 1, 2, являющиеся зеркальным отражением друг друга (глава 9, рис. 3, V). Не менее интересен своеобразный сарматский символ кланового единства – сложная композиция на скале у р. Жем из шести объединенных в шар однотипных тамг в виде трехлучевой свастики (глава 9, рис. 3, I).

Механизмы образования новых форм родственных знаков анализируются на двух новых примерах: булл группы родственников-чиновников, опечатывавших царские хранилища в Старой Нисе (Парфиена), и на материале един-

tradition of bringing offerings in marked vessels might not be so popular as it was in more easterly regions.

Khorezmian pottery with marks that was found in the necropolises of the adjacent territory of the Amudarya delta near Sarykamysh Lake inhabited by nomads in various periods in antiquity deserves special study. They were brought to the neighbouring territories through usual near-border trading and, possibly, following an order (all the signs were made prior to baking). All the three mounds containing marked vessels at the Tarym-kaya 2 cemetery with ossuaries were concentrated in the very centre forming a compact group. Most of the signs from Yasy-gyr 4, a very small necropolis of a later period, were recorded in graves along the western side of barrow 1 (containing about 30 burials of different types). On this site vessels with signs occupied an obviously prestigious position.

The analysis of the tamga collection on the *Aygyr Ushkan* rock in Karaganda province, which is remote from all other early nomadic rock painting sites, shows that they have analogues in the territory of Kangju or the southern portion of Ural inhabited by the Sarmatians. The question of how the bearers of this tradition came to this territory remains unsettled. Two tamgas, Ns. 1 and 2, which are positioned one over the other and are each other's mirror reflection, may be helpful in answering the question of whether or not a sign differently oriented in space is the same sign (Chapter 9, fig. 3, V). A complex composition on a rock near the Zhem River consisting of six tamgas of the same type in the form of a triactinal swastika enclosed in a circle is very interesting as a Sarmatian symbol of clan unity (Chapter 9, fig. 3, I).

Two new examples are used to analyse the *mechanisms of the development of new tamga forms*: the bullae of kindred officials sealing royal repositories in Old Nisa (Parthyena) and the material from the Ossetian Lesken Village, where family tamgas were used until very re-

ственного еще недавно активно использовавшего фамильные тамги осетинского аула Лескен. Заметим, что почти 20 лет назад С.А. Яценко предложил внятный перечень принципиальных различий в тамгопользовании ираноязычных и тюркоязычных народов, сохраняющий свою актуальность (Яценко, 2001. С. 107-109). Делается вывод о том, что в эмиграции (например, в Китае) ираноязычные диаспоры (согдийцы, тохаристанцы и др.) практически не использовали отечественные тамги, переходя на другие знаковые системы. Рассмотрены также примеры попадания в результате торговли и даров среднеазиатских изделий с хорезмийскими и чачскими тамгами далеко за пределы центров их производства. Наконец, анализируются случаи сохранения старых тамговых знаков на монетах Бухары и ряда владений Северного Тохаристана какое-то время после арабского завоевания. Авторы поддерживают идею А.И. Наймарка о том, что в новых условиях эти знаки стали восприниматься как эмблемы соответствующих владений и городов.

Г.Б. Бабаяров в **главе 10** рассматривает развитие типов типов тамг на монетах Западно-Тюркского каганата (из них особое внимание уделено династийным). Автор исследует сложность этнической атрибуции правителей мелких оазисных владений и, соответственно – этнокультурного облика их монет в силу процесса ирано-тюркского смешения, делегирования полномочий и титулов и т.п. Могут предположить, что власть Западного каганата над ними имела разную силу в соотношении с удаленностью от политического центра Каганата (Семиречья), уровня влияния местной знати или тюркских наместников, а также с их военно-экономическим потенциалом. Кроме того, в любом политическом образовании кочевников лидер сохранял эффективный контроль над одноплеменным кочевым «ядром» и нестабильный, уменьшающийся из-за расстояния в том числе, контроль над иноэтничной (в том числе – оседлой) периферией.

Четыре типа тамг на монетах Западного Каганата и их аналоги связаны с примерно двадцатью монетными типами на образцах, чеканенных в Чаче. Основаниями для «запад-

cently. It should be noted that 20 years ago S. A. Yatsenko proposed a clear list of obvious differences in the ways tamgas were used by Iranian- and Turkic-speaking peoples, which is still relevant today (Yatsenko, 2001. PP. 107-109). There is also a conclusion that when in immigration (e.g. in China) Iranian-speaking diasporas (Sogdians, Tokhari and others) very rarely used native tamgas and mostly practised other sign systems. The chapter also analyses cases when Central Asian items with Khorezmian and Chach tamgas are found far from the place of their production, where they were brought through trade and as presents. Finally, the chapter provides an analysis of situations when old tamga signs continue to live on the coins of Bukhara and a number of northern Tokharistan's possessions some time after the Arab invasion. The authors agree with A. I. Naymark's idea that under new conditions those signs were interpreted as the emblems of the territories and cities they represented.

G. B. Babayarov in **Chapter 10** analyses the development of tamga types on the coins of Western Turkic khaganate (where dynastic tamgas receive special attention). The author studies the challenges in specifying the ethnicity of the rulers of minor oasis states and, therefore, their ethno-cultural appearance on coins, which results from the mixing of Turkic and Iranian population, passing of titles and authorities and so on. I think that the power of the Western Turkic khaganate varied in strength depending on their remoteness from the khaganate's political center (Semirechie), the level of influence exerted by local authorities or Turkic deputies and their military potential. Besides, in any nomadic political formation their leader retained strong control over the nomadic 'core', which was his own tribe, and unstable control, decreasing also with distance, over the periphery consisting of other (including sedentary) ethnic groups.

Four tamga types on the coins of the Western Turkic khaganate and their analogues are associated with around twenty types on

нотюркской» атрибуции послужили, помимо формы тамг, иконография сюжетных изображений и представленная на монетах титулатура правителей. Анализируются три главных типа тамг и их производные; они происходят от общего прототипа, соответствовавшего лицам с титулом «ябгу» (в Чаче, Фергане и части Тохаристана дальнейшая эволюция такого знака была различной). Лирообразная тамга тегинов Чача и была, вероятно, изначальной тамгой Западного каганата и заметной стилизацией типа тамги рода Ашина. Три визуально взаимосвязанные тамги представляются этапами институализации – перехода от титула «ябгу» к «ябгу-каган», а от него (после гибели Восточного каганата) – в «каган». Автор придерживается своего прежнего мнения, что тамги Западного каганата происходят от «базовой» тамги рода Ашина в виде профильной фигурки козла. Тамги правителей трудно сравнивать (как это иногда делают) с современными государственными символами, которые могут подолгу оставаться неизменными; в данное время это был прежде всего символ правящего клана.

Анализ раннетюркских тамг на территории Кыргызстана (**глава 11**) фиксирует изредка совпадение типов знаков на петроглифах и на керамике, а также преемственность ряда форм до этнографических времен. В значительной степени это обновленная и дополненная сводка известных находок тамг на территории Кыргызстана, здесь ставятся вопросы более основательного изучения отдельных районов. Предложенный материал во многом связан с Кочкорской долиной (предполагаемой долиной Ярыш рунических текстов, вероятным *куруком*-заповедником каганов западных тюрков). Здесь сегодня известны три скопления раннетюркских тамг, а также серия изображений всадника, охотящегося с соколом. Также здесь часто встречаются одиночные тамги среди петроглифов. Одиночные рунические знаки, судя по контексту, могли использоваться в качестве тамг. Другим районом распространения тамг было западное побережье озера Иссык-Куль. Для обеих территорий характерен низкий снежный покров и

coins minted in Chach. The tamgas were referred to the Western Turkic khaganate based on their form, the iconography of descriptive images and rulers' titulature on the coins. The author analyses three main tamga types and their derivatives; they originate from a common prototype corresponding with the title of 'yabghu' (in Chach, Fergana and some areas in Tokharistan the evolution of this sign was different). The lyre-shaped tamga of Chach's tegins was, probably, the original tamga of the Western Turkic khaganate and the strongly stylized tamga of the Ashina dynasty. The three visually interconnected tamgas represent the stages of institutionalisation – the transition from the title of 'yabghu' to 'yabghu-khagan' and further (after the end of the Eastern Turkic khaganate) to 'khagan'. The author continues to insist that the tamgas of the Western Turkic khaganate originate from the 'basic' tamga in the form of a goat in profile used by the Ashina family. It is hard to compare rulers' tamgas (as some specialists do) with modern state symbols, which may remain unchangeable for a long time; in that period it was primarily the symbol of a ruling clan.

Some of the early Turkic tamgas in the territory of Kyrgyzstan analysed in **Chapter 11** are found both on the pottery and among petroglyphs; some forms remain until the ethnographic time. In many respects this is an updated and upgraded review of well-known tamgas in the territory of Kyrgyzstan; the author raises the questions of additional scrupulous research into certain regions. The material provided in the chapter is largely associated with the Kochkor valley (the supposed Yarysh Valley from runic texts and *kuruk* – the reserve of Western Turkic khagans). As of today, three clusters of early Turkic tamgas and a series of images depicting a horseman hunting with a falcon have been recorded in the area. Also, some single tamgas have been found among petroglyphs. Judging by their context, individual runic signs could be used as tamgas. The other area of tamga use was the western shore of Issyk-Kul

облегченный зимний выпас скота, что, вероятно, и обусловило концентрацию удостоверительных знаков на скалах вблизи мест зимних стойбищ кочевников. Отдельные значимые скопления имеются в Таласской и Алайской долинах. Особого внимания заслуживает серия однотипных знаков в форме трезубца, обнаруженных на керамике и других предметах на средневековом городище Садыр-Коргон в Таласской долине. Специальное изучение средневековых тамг в Кыргызстане еще только разворачивается, поэтому сравнительный анализ выявленных групп знаков не входил в задачи представленного в книге исследования.

Как видим, представленный и проанализированный в главах данной книги материал отражает начальный этап современного тамговедения, когда бывает важнее дать качественную, с подробными комментариями публикацию серии новых памятников, чем разбирать давно существующие и подчас слабо аргументированные интерпретации. Сравнительный анализ тамг разных стран древней Центральной Азии зависит от множества факторов: от изученности конкретной территории, от квалификации и рабочей занятости археологов и музейных работников, от совпадения перечня объектов, на которые обычно наносились знаки, от развития местного ремесленного производства, от давности местных традиций тамгопользования, от природной замкнутости или открытости данной местности, от наличия в ней высококачественных и удобных хозяйственных угодий и многого другого. Высокий эффект дает наличие в данной местности серии «святилищ» с наскальными знаками, еще больший – исследование почитаемых храмов, часто навещавшихся паломниками. Базовыми проблемами для изучения продолжают оставаться различия и взаимосвязь тамговых комплексов оседлых и кочевых соседей; появление тамг вне исходных мест бытования как следствие торговой или переселенческой активности; особенности маркирования паломниками участков святых мест разных типов. Мы все еще очень мало знаем о различных обстоятельствах бытования тамг в элитарной культуре в данном

Lake. Both territories are characterised by thin snow cover and active pasturing, which, probably, resulted in the high concentration of identity signs on rocks near nomadic wintering sites. Individual important clusters have been recorded in the Talas and Alai valleys. A series of one-type signs in the form of a trident recorded on ceramics and other items on the medieval hillfort of Sadyr-Korgon in the Talas Valley also deserves mentioning. Special research into the medieval tamgas of Kyrgyzstan is only starting, and, therefore, a comparative analysis of discovered groups of signs was not among the objects of the study given in the book.

As we can see, the material presented and analysed in this book reflects the initial stage of the modern tamga-signs study, when it is often much more important to provide a high-quality publication of new monuments supplied with comment than to analyse old and often ill-supported interpretations. A comparative analysis of tamgas from different ancient Central Asian countries is based on a number of factors: how well this or that territory is studied; qualification and occupation of archaeologists and museum specialists; correspondence in lists of objects with tamgas; development of local crafts; age of local tamga using traditions; natural closeness and openness of the area; existence of convenient high-quality lands in the area and many other things. Success in study is highly dependable on the existence of ‘sanctuaries’ with petroglyph signs in the area, and even more so on the study of popular temples frequented by pilgrims. Among the basic challenges of the study are: differences and interrelation between the tamga complexes of sedentary and nomadic neighbours; appearance of tamgas outside the area of their original use as a result of trading or migration; ways pilgrims used to mark sections in holy places of different kinds. For a number of reasons (robbery of aristocratic graves, destruction and replacement of palaces and so on) we still know quite little about various circumstances under

регионе в силу многих причин (из-за разорения могил аристократии, опустошения и переноса дворцов и т.п.). Показательно, что даже в таких ненарушенных погребениях знати, как скальные могилы в Каргалы и у бывшего озера Батырь, целый некрополь княжеской семьи в Тилля-тепе, среди сотен и тысяч золотых и иных вещей мы не находим ни одной тамги. Причина этого остается неизвестной. Не понимаем мы пока и такого простого факта: почему однотипные тамги часто образовывали целые композиции? (см., например, рис. 1, 4). Предлагаемую вниманию специалистов книгу можно рассматривать как первый значимый шаг в целенаправленном изучении столь деликатного, порой хрупкого, но особенно ценного вида памятников культуры, как знаки нишан / тамга древней Центральной Азии.

which tamgas were used in the *elite culture* in this region. Interestingly, sometimes we cannot find a single tamga even among hundreds and thousands of golden and other items in the undisturbed burials of noble people, such as the rock graves in Kargaly and near Lake Batyr, the necropolis of a prince's family in Tilla-tepe and others. The reason for that is still unknown. We cannot yet answer the simple question of why tamgas of one type sometimes formed big compositions (see e.g. fig. 1, 4). This book can be regarded by specialists as the first important step into the regular study of ancient Central Asian nishan/tamga-signs, a delicate and sometimes fragile, but extremely precious type of cultural monuments.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009.

Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. Москва, 1960. С. 3-137.

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана (Отв. ред. К.А. Акишев). Алма-Ата, 1969.

Алёшин А.Н. Монеты Кобадияна и их надчеканки // I Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика – 2011» (Под ред. А.Н. Алешина). Киев, 2013.

Аманжолов А.С. Писаницы ущелья Утеген // Вестник АН КазССР. 1959. №10 (175). С. 52–61.

Аманжолов А.С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань) // Известия АН КазССР. Серия общественная. 1966. №5.

Антипина Е.Е., Ольховский В.С. Археологические материалы из главной культовой конструкции святилища Байте III // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии (Отв. ред. В.С. Ольховский). Москва, 2000.

Аржанцева И.А., Албегова З.Х. Культовые камни Кыяфарского городища // Древности Северного Кавказа (Отв. ред. В.И. Марковин). Москва, 1999.

Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах // Живая старина. Вып. III-IV. Санкт-Петербург, 1894.

Аристов Н.А. Краткий исторический очерк поземельного владения в Семиреченской области и настоящее его положение // Н.А. Аристов. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающих антропологических исследований // Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003. С. 7–98.

BIBLIOGRAPHY

Abdullaev K. Kult khaomy v drevney Tsentralnoy Azii. Samarkand, 2009.

Abramzon S.M. Etnicheskiy sostav kirgizskono naseleniya // Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. 4. Moskva, 1960. S. 3-137.

Agajanov S.G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv. Ashkhabad, 1969.

Akishev S.E., Baipakov K.M., Erzakovich L.B. Novoe v srednevekovoy arkheologii Kazakhstan // Kul'tura drevnykh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstan (otv. red. K.A. Akishev). Alma-Ata, 1969. S. 36-45.

Album of the Turkish Monuments in Mongolia. Ankara, 2001.

Aleshin A.N. Monety Kobadiana i ikh nadchekanki // I Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya 'RASMIR: Vostochnaya numizmatika - 2011' (pod.red. A.N. Aleshina). Kiev, 2013. S. 8–16.

Alimov R. Kirgizistan'da yeni bulunan runik harfli eski Türk yazıtları hakkında ön bilgiler // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 2000. Ankara, 2001. S. 5-10.

Aram M. A hoard of copper drachms from the Kapisa-Kabul region // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 6. Kamakura, 1999/2000. P. 129-150.

Aram M. A Rare Hunnish Coin Type // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 8. Kamakura, 2002. P. 149-153.

Aram M. Alchon und Nezak. Zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Mittelasien // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti dei Convegni Lincei 127. Roma, 1996. P. 517-554.

Aram M. Das Antlitz des Fremden. Die Münzprägung der Hunnen und Westtürken in Zentralasien und Indien. Wien, 2016.

Aram M. Ein Schatzfund Hephthalitischer Drachmen aus Baktrien // Numismatische Zeitschrift 2008. 116/117. S. 253-268.

Aram M., Pfisterer M. Alkhan and Hephthalite Coinage // Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands (Ed. by M. Aram, S. Klimburg, E. Deborah, I. Minoru, M. Pfisterer). Wien, 2010. P. 13-38.

Aman ur Rahman, Grenet F., Sims-Williams N. A Hunnish Kushan-shah // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. Vol. 1. Turnhout, 2006. P. 125-131.

Артамонов М.И. История Хазар. Ленинград, 1962.

Бабаяр Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. Туркестан. 2005. №6.

Бабаяров Г.Б. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Ташкент, 2005.

Бабаяров Г.Б. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв. н.э.). Ташкент, 2007.

Бабаяров Г.Б. Государственный строй Западно-Тюркского каганата. Автореф. дисс... доктора ист. наук. Ташкент, 2012.

Бабаяров Г.Б. Тамги на доисламских монетах Отрара // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) (Отв. ред. Б.А. Байтанаев). Алматы, 2016.

Бабаяров Г., Кубатин А. Заметки о ранних монетах Западно-Тюркского каганата из Чачского оазиса // Культурное наследие. Астана. 2009а. №1 (22).

Бабаяров Г., Кубатин А. Роль согдийского языка в Западно-Тюркском каганате // *Endangered languages and History. Foundation for Endangered Languages in collaboration with the Academy of sciences of Tajikistan. Proceedings of the 13. FEL Conf. 24-26 Sept. Tajikistan, (Ed. by Н. Nazarov, N. Ostler). Horog, 2009б.*

Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана 12-15 декабря 2011 г. (Отв. ред. Б.А. Байтанаев) Том II. Алматы, 2011.

Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Ч. I. Саарбрюкен. 2014.

Бабаяров Г.Б., Кубатин А.В. Новые чтения легенд на монетах доисламских правителей Семиречья // Согдийский сборник. (Отв. ред. Ш. Камолитдин). 2016. Вып. 3.

Бабаяров Г., Умаров К. Денежное обращение и монеты каганата // Западный Тюркский каганат. Атлас (Под ред. А. Досымбаевой, М. Жолдосбекова). Астана, 2013.

Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э. Воинский комплекс шиловских костяных пластин // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической

Amanzholov A.S. Pisanitsy ushchelya Utegen // Vestnik AN KazSSR. 1959. No.10 (175). S. 52–61.

Amanzholov A.S. Drevnie nadpisi i petroglify khrebta Ketmen (Tyan-Shan) // Izvestiya AN KazSSR. Seriya obshestvennaya. 1966. No.5. S. 79–95.

Antipina E.E., Ol'khovskiy V.S. Arkheozoolicheskie materialy iz glavnoy kul'tovoy konstruksii svyatilisha Bayte III // Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (red. V.S. Olkhovsky). Moskva, 2000. S. 79-88.

Aristov N. Opyt vyyasneniya etnicheskogo sostava kirgiz-kaysakov Bolshoy Ordy i karakirgizov na osnovanii rodoslovnykh skazaniy i svedeniy o sushchestvuyushikh rodovykh deleniyakh i rodovykh tamgakh // Zhivaya starina. Sankt-Peterburg, 1894. Vyp. III-IV.

Aristov N.A. Kratkiy istoricheskiy ocherk pozemel'nogo vladeniya v Semirechenskoy oblasti i nastoyashee ego polozhenie // N.A. Aristov. Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskikh plemen. Bishkek, 2003. S. 347-391.

Aristov N.A. Opyt vyyasneniya etnicheskogo sostava kirgiz-kaysakov Bolshoy Ordy i karakirgizov na osnovanii rodoslovnykh skazaniy i svedeniy o sushestvuyushikh rodovykh deleniyakh i rodovykh tamgakh, a takzhe istoricheskikh dannyykh i nachinayushikhsya antropologicheskikh issledovaniy // Aristov N.A. Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskikh plemen. Bishkek, 2003. S. 7–98.

Artamonov M.I. Istoriya khazar. Leningrad, 1962.

Arzhantseva I.A., Albegova Z.Kh. Kultovye kamni Kyafirskogo gorodishcha // Drevnosti Severnogo Kavkaza (otv.red. V.I. Markovin). Moskva, 1999. S. 183-200.

Azhigali S.E. Arkhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona). Almaty, 2002.

Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. Ankara, 2007.

Babayarov G. Chach v epokhu Tyurkskogo kaganata (po numizmaticheskim dannym) // Uzbekistan tarikhi moddiy madaniyat va ezma manbalarda. Tashkent, 2005. S. 197-208.

Babayarov G.B. Drevnetyurksie monety Chachskogo oazisa (VI–VIII vv.). Tashkent, 2007.

Babayarov G. Gosudarstvennyi story Zapadno-Tyurkskogo kaganata. Avtref. diss. na soiskanie stepeni d.i.n. Tashkent, 2012.

и социальной перспективе (Отв. ред. А.Н. Кирпичников). Санкт-Петербург, 1998.

Багдасаров Р. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. Москва, 2001.

Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010.

Байпаков К.М., Авизова А.К. Раскопки городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. Вып. 6 (304). 2015.

Байпаков К.М., Авизова А.К. Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи // Поволжская археология. 2017. №3.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы, 2009.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры южного Казахстана. Алма-Ата, 1989.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы, 2006.

Балабанова М.А. О центральноазиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3.

Баратов С.Р. Археологические исследования в Южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане в 2002 году. Самарканд, 2003.

Баратов С.Р. Археологические исследования в Южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане в 2003 году Самарканд, 2004.

Баратов С.Р. Древнейший зороастрийский храм на Хумбузтепа // Фан ва Турмуш. Ташкент. 2014. № 1-2.

Баратов С.Р. О проблеме истоков урбанизированной культуры древнего Хорезма // Археология Узбекистана. Самарканд. 2017. С. 3–24. №2 (15).

Баратов С.Р., Рахманов У.В., Матрасулов Ш., Садуллаев Б., Рахимов Ш. Археологические исследования поселения Хумбузтепа в 2011–2012 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2012 году. Самарканд. 2013.

Баратова Л.С. Византийско-согдийско-тюркский симбиоз на монетах Средней Азии // Second International Congress on Turkic Civilization, Bishkek, October 4–6, 2004. Bishkek, 2005.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Москва, 1968.

Баруздин Ю.А. Карабулакский могильник // Известия Академии наук Киргизской ССР. Се-

Babayarov G. The Phrase of ‘Türk-qaghan’ on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // <http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L> (2012).

Babayarov G. The Imperial Titles on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талқинида: проф. Р. Мукминова хотирасига бағишланади. Тошкент, 2013. P. 330–348.

Babayarov G. Tamgi na doislamskikh monetakh Otrara // Kulturnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (otv.red. B.A. Baytanaev). Almaty, 2016. S. 347–355.

Babayarov G., Kubatin A. K voprosu monetnogo chekana Zapadno-Tyurkskogo kaganata (na osnove numizmaticheskikh materialov Tashkent-skogo oazisa) // Tyurkologiya. Turkestan, 2005. No 6. S. 97–105.

Babayarov G., Kubatin A. Zаметki o rannikh monetakh Zapadno-Tyurkskogo kaganata iz Chachskogo oazisa // Kulturnoe nasledie. Astana, 2009a. No. (22). S. 61–74.

Babayarov G., Kubatin A. Rol sogdiyskogo yazyka v Zapadno-Tyurkskom kaganate // Endangered languages and History. Foundation for Endangered Languages in collaboration with the Academy of sciences of Tajikistan. Proceedings of the 13. FEL Conf. 24–26 Sept. Tajikistan, (Ed. by H. Nazarov, N. Ostler). Horog, 2009b. S. 80–83.

Babayarov G., Kubatin A. K voprosu o genezise tamg na monetakh Zapadno-Tyurkskogo kaganata // Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: ‘Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy’, 12–15.12.2011 (otv.red. B.A. Baytanaev). T. II. Almaty, 2011. S. 295–303.

Babayarov G., Kubatin A. Byzantine impact on the iconography of Western Turkic coinage // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Budapest. 2013. Vol. 66 /1. P. 47–58.

Babayarov G., Kubatin A. Oчерki po istorii i numizmatike Zapadno-Tyurkskogo kaganata. Ch. 1. Saarbrücken, 2014.

Babayarov G.B., Kubatin A.V. Novye chteniya legend na monetakh doislamskikh praviteley Semirechya // Sogdiyskiy sbornik (otv.red. Sh. Kamoliddin). 2016. Vyp. 3. S. 85–100.

Babayarov G.B., Kubatin A.V. Novye chteniya legend na monetakh doislamskikh praviteley Semirechya // Sogdiyskiy sbornik (otv.red. Sh. Kamoliddin). 2016. Vyp. 3. S. 85–100.

Babayarov G., Umarov K. Denejnoe obrashenie i monety kaganata // Zapadny Tyurkskiy ka-

рия общественных наук. Том III. Вып. (История). Фрунзе, 1961.

Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Т. 1. Улаанбаатар, 2005.

Бердимуратов А.Э., Уно Такао, Богомолов Г.И., Асланов А., Бегматов А. Археологические исследования цитадели городища Кафиркала в 2014 году // Археологические исследования в Узбекистане 2013-2014 года. Вып. 10. Самарканд, 2016.

Бернштам А.Н. Древнетюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская археология. 1947. Т. VI-VII.

Бернштам А.Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья // Эпиграфика Востока. Т. II. Вып. 2. Ленинград, 1947.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Москва, Ленинград, 1950.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Москва, Ленинград, 1952.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Москва, Ленинград, 1950.

Бобоёров Ф. Чоч тарихидан лавҳалар (Илк ўрта асрлар). Тошкент, 2010.

Богомолов Г.И. Каменная стела из окрестностей Мингурюка // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. №4.

Богомолов Г.И. Знаки на кирпичах Чача в эпоху древности и средневековья // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье (Под ред. С. Рыскелдиева). Туркестан, 2006.

Богомолов Г.И. К типологии и значению тамгообразных знаков на керамике Чача // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. III. (Отв. ред. Б.А. Байтанаев) Алматы, 2011.

Богомолов Г.И. Тамгообразные знаки на керамике Ташкентского оазиса // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Т. III (Отв. ред. Б. Байтанаев). Алматы, 2011.

Болелов С.Б. Керамика // Калалы-гыр 2. Культурный центр в древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. (Отв. ред. Б.И. Вайнберг). Москва, 2004.

ganat. Atlas (pod.red. A. Dosymbaevoy, M. Joldosbekova). Astana, 2013. S. 142-173.

Bagautdinov R.S., Zubov S.E. Voinskiy kompleks shilovskikh kostyanykh plastin // Voennaya arkeologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsialnoy perspective (otv.red. A.N. Kirpichnikov). Sankt-Peterburg, 1998. S. 253-256.

Bagdasarov R. Svastika: svyashenyi simvol. Etnoreligiovedcheskie ocherki. Moskva, 2001.

Baipakov K.M. Zapadnotyurkskiy i Tyurgeshskiy kaganat: tyurki i sogdiytsy, step' i gorod. Almaty, 2010.

Baipakov K.M., Avizova A.K. Raskopki gorodisch Pshakshitobe i Besinshitobe v Otrarskom oazise // Izvestiya NAN RK. 2015. Vyp. 6 (304). S. 182–214.

Baipakov K.M., Avizova A.K. Tamgoobraznye znaki na keramike s pamyatnikov Otrarskogo oasisa doarabskoy epokhi // Povolzhskaya arkeologiya. 2017. №3. S. 155-167.

Baipakov K.M., Maryashev A.N. Petroglify Ak-Kaynara. Almaty, 2009.

Baipakov K.M., Podushkin A.N. Pamyatniki zemledel'chesko-skotovodcheskoy kul'tury yuzhnogo Kazakhstana. Alma-Ata, 1989.

Baipakov K.M., Smagulov E.A., Erzhigitova A.A. Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana. Almaty, 2005.

Baipakov K.M., Taymagambetov Zh. K. Arkheologiya Kazakhstana. Almaty, 2006.

Balabanov M.A. O tsentral'noaziatskikh svyazyakh v antropologii naseleniya pozdnesarmatskogo vremeni Vostochnoy Evropy // Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii. 2012. No.3. S. 82-91.

Baratov S.R. Arkheologicheskie issledovaniya v Yuzhnom Khorezme // Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane v 2002 godu. Samarkand, 2003. S. 38-45.

Baratov S.R. Drevneyshiy zoroastriyskiy kham na Khumbuztepa // Fan va Turmush. Tashkent, 2014. Ns. 1-2. S. 59–62.

Baratov S.R. O probleme istokov urbanizirovannoy kul'tury drevnego Khorezma // Arkheologiya Uzbekistana. Samarkand, 2017. S. 3–24. No. 2 (15).

Baratov S.R., Rakhmanov U.V., Matrasulov Sh., Sadullaev B., Rakhimov Sh. Arkheologicheskie issledovaniya poseleniya Khumbuztepa v 2011-2012 godakh // Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane v 2012 godu. Samarkand, 2013. S. 33-42.

Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 6. Елец, 2006.

Болелов С.Б. К вопросу о формировании ранней земледельческой культуры в низовьях Амударьи // Scripta Antiqua. Том 5. Москва, 2016.

Болелов С.Б. Древний Хорезм в системе трансконтинентальных и торговых связей во второй половине I тыс. до н.э. // Цивилизации Великого шелкового пути: из прошлого в будущее (Отв. за выпуск А. Искандерова). Самарканд, 2017.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торовике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири (Под ред. В.И. Соёнова). Вып. 6. Горно-Алтайск, 2007.

Брыкина Г.А. Отчет о раскопках укрепленной усадьбы Кайрагач в 1969 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. №4244.

Брыкина Г.А. Отчет о раскопках усадьбы Кайрагач (Ошская область, Лейлякский район) в 1970 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 4292.

Брыкина Г.А. Отчет о работах Лейлякской экспедиции (поселение Кайрагач) и разведок по берегам реки Ходжа-Бакырган в 1974 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. №5952.

Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. Москва, 1982.

Бурнашева Р.З. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII-XVII вв. Алма-Ата, 1989.

Буряков Ю.Ф. Кендыктепе // Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.

Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. Канка - Харащкет // Древний и средневековый город восточного Мавераннахра (Отв. ред. Ю.Ф. Буряков). Ташкент, 1990.

Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон, 2007.

Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Москва, 1972.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. Москва, 1977.

Baratova L. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6.-10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin. Band 31. 1999. S. 219-292.

Baratova L.S. Vizantiysko-sogiysko-tyurkskiy simbioz na monetakh Sredney Azii // Second International Congress on Turkic Civilization, Bishkek, October 4-6, 2004. Bishkek, 2005. S. 415-422.

Bartol'd V.V. Sochineniya. T. V. Moskva, 1968.

Baruzdin Yu.A. Karabulakskiy mogilnik // Izvestiya AN Kirgizskoy SSR. Seriya obshstv.nauk. T. III. Vyp. Istoriya. Frunze, 1961. S. 43-83.

Batbold N. Rock art of Mongolia. Ulaanbaatar, 2016.

Battulga Ts. Mongolyn runi bichgiyn бага дурсгалууд. Terguyn devter. T. 1. Ulaanbaatar, 2005.

Beckwith C.I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, 2009.

Berdimuradov A.E., Uno Takao, Bogomolov G.I., Aslanov A., Begmatov A. Arkheologicheskie issledovaniya tsitadeli gorodisha Kafirkala v 2014 godu // Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane 2013-2014 g. Samarkand, 2016. Vyp. 10. S. 113-126.

Bernshtam A.N. Novye epigraficheskie nakhodki iz Semirechya // Epigrafika Vostoka. T. 2. Leningrad, 1947. S. 107-113. vyp. 2.

Bernshtam A.N. Drevnetyurkskie elementy v etnogeneze Sredney Azii // Sovetskaya arkheologiya. 1947. T. VI-VII. S. 147-158.

Bernshtam A.N. Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditdii. 'Chuyskaya dolina'. Moskva, Leningrad, 1950.

Bernshtam A.N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentralnogo Tyan-Shanya i Pamiro-Alaya. Moskva, Leningrad, 1952.

Bichurin N.Ya. Sbranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena. T. 1. Moskva, Leningrad, 1950.

Boardman J. Seals and Signs. Anatolian Stamp Seals of the Persian Period Revisited // Iran. 1998. Vol. XXXV. London. P. 1-13.

Boboerov G. Choch tarikhidan lavkhalar (Ilk urta asrlar). Toshkent, 2010.

Bogomolov G.I. Kamennaya stela iz okrestnostey Minguryuka // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Novosibirsk, 2003. №4. S. 83-95.

Bogomolov G.I. Znaki na kirpichakh Chacha v epokhu drevnosti i srednevekov'ya // Turan-

Вайнберг Б.И. Заключение // Калалы-гыр 2. Культурный центр в древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. (Отв. ред. Б.И. Вайнберг). Москва, 2004.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах древних Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средне века) (Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского). Москва, 1976.

Вайнберг Б.И., Раевская Т.А. Нумизматические заметки // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе (Отв. ред. Б.Я. Ставиский). Москва, 1982.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. Москва, 2001.

Воробьева М.Г. Капарас // Древности Южного Хорезма (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XVI.). Москва. 1991.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Том IV. Москва. 1959.

Воробьева М.Г., Лапиро-Скобло М.С., Неразник Е.Е. Археологические работы в Хазараспе // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. Москва. 1963.

Воронятов С.В. Сарматские знаки на памятниках лесной зоны России. Случайность или неизвестная закономерность? // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст (Отв. ред. Д.Г. Савинов). Санкт-Петербург, 2008.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.

Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI - XVII вв.). Киев, 1976.

Вязькова О.Е. Инженерно-геологические условия создания и функционирования культового комплекса Байте // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии (отв. ред. В.С. Ольховского). Москва, 2000.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. Москва, 1965.

Гертман А.Н. Некоторые особенности маркировки сырцовых кирпичей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии (под ред. А.В. Виноградова и др.). Москва, 1979.

Гертман А.Н. Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности Южного Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XVI. Москва, 1991.

Turkestan: problem kul'turno-istoricheskoy priemstvennosti. Drevnost' i srednevekov'e (pod. red. S. Ryskeldieva). Turkestan, 2006. S. 122-133.

Bogomolov G.I. K tipologii i znacheniyu tamgoobraznykh znakov na keramike Chacha // Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy. T. III. (otv.red. B.A. Baytanaeva). Almaty, 2011. S. 91-105.

Bogomolov G.I. Tamgoobraznye znaki na keramike Tashkentskogo oazisa // Materialy mejdunarodnoy nauchnoy konfrenetsii: 'Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy'. T. III (otv.red. B. Baytanaev). Almaty, 2011. S. 91-105.

Bolelov S.B. Keramika // Kalalygyr 2. Kul'tovyi tsentr v drevnem Khorezme IV–II vv. do n.e. (otv. red. B.I. Vaynberg). Moskva, 2004. S. 93–147.

Bolelov S.B. Zhiloy kvartal kushenskogo vremeni na Kampyrtepa // Materilay Tokharistanskoy ekspeditsii. Elets, 2006. Vyp. 6. S. 15-80.

Bolelov S.B. K voprosu o formirovanii ranney zemledel'cheskoy kul'tury v nizov'yakh Amudar'i // Scripta Antiqua. Moskva, 2016. T. 5. S. 13–49.

Bolelov S.B. Drevniy Khorezm v sisteme transkontinental'nykh i torgovykh svyazey vo vtoroy polovine 1 tys.do.n.e. // Tsivilizatsii Velokogo shelkovogo puti: iz proshlogo v budushee (otv.za vyp. A. Iskanderova). Samarkand, 2017. S. 98-117.

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Tipologiya bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov i loshadey na torevtike tyurkskikh kochevnikov Tsentral'noy Azii rannego srednevekov'ya // Izuchenie istorii-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri (pod.red. V.I. Soyonova). Gorno-Altaysk, 2007. Vyp. 6. S. 66–74.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennium // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. (Ed. by U. Brossider, B.K. Miller). Bonn, 2011. P. 349-424.

Brykina G.A. Otchet o rabotakh Leylyakskoy ekspeditsii (poselenie Kayragach) i razvedok po beregam reki Khodja-Bakyrghan v 1974 g. // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. P-1. №5952.

Brykina G.A. Otchet o raskopkakh ukreplennoy usad'by Kayragach v 1969 g. // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. P-1. №4244.

Brykina G.A. Otchet o raskopkakh usad'by Kayragach (Oshskaya obl., Leylyakskiy rayon) v 1970 g. // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. P-1. № 4292.

Гертман А.Н. Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма) // Приаралье в древности и средневековье (Отв. ред. Е.Е. Неразик). Москва, 1998.

Горин А.Н. Археологические исследования жилого блока №2 на городище Кампыртепа // Отзвуки великого Хорезма (Отв. ред. Э.Д. Зиливинская). Москва, 2010.

Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-4 в верховьях ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии (Отв. ред. Б.А. Байтанаев). Алматы, 2016.

Грач А.Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. 1972. Москва, 1973.

Григорьев Г.В. Каунчи-тепе. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 1. Алматы, 1948. №46.

Грицина А.А. О семантике знаков на керамике каунчинской культуры // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 19. Ташкент, 1984.

Грицина А. Средневековый сосуд с тамгой из Заамина / «Sanat». 2002. №3. - www.sanat.orexca.com.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.

Гуркин С. В. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI вв. // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2001. № 3-4.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии (Отв. ред. В.С. Ольховский). Москва, 2000.

Давидович Е.А. Новые данные по истории Саманидов // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) (Отв. ред. Б.А. Литвинский). Москва, 1977.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. Москва, 1979.

Дашевская О.Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // Советская археология. 1961. №1.

Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и па-

Brykina G.A. Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoy polovine 1 tys. n.e. Moskva, 1982.

Burnasheva R.Z. Otrar, Otrarskiy oasis i Yuzhny Kazakhstan. Numizmaticheskie issledovaniya po deneznomu delu yuzhnokazakhstanskikh gorodov VII-XVII vv. Alma-Ata, 1989.

Buryakiov Yu.F. Kendyktepe // Drevnosti Tuy-abuguza. Tashkent, 1978.

Buryakov Yu.F., Bogomolov G.I. Kanka – Kharashket // Drevniy i srednevekoviy gorod vostochnogo Maverannakhra (otv.red. Yu.F. Buryakov). Tashkent, 1990.

Bylkova V.P. Nizhnee Podneprov'e v antichnuyu epokhu (po materialam raskopok poseleniy). Kherson, 2007.

Castagne J. Les tamgas des Kirghizes (kazakhs) // Revue de mond musulman. 1921. Vol. 39. P. 30-64.

Cazzoli S., Cereti C. Sealings from Kafir Kala: Preliminary Report // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 11 / 1-2. Leiden, 2005. P. 133-164.

Chach coins - <http://www.sogdcoins.narod.ru>

Chernetsov A.V. Russian Traditional Property Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 267-288.

Chikisheva T.A. Fizicheskaya antropologiya rannikh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii // «Terra Scythica». Materialy mejdunarodnogo simpoziuma (otv.red. V.I. Molodin, S. Khansen). Novosibirsk, 1911. S. 346-357.

Christie's Art of the Islamic and Indian Worlds. 8 April 2008. London, 2008.

Chugunov K.V. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-mayemirskogo stilya) // Tropoyu tysyacheletiy. K yubileyu M.A. Devlet. Trudy Sibirskoy assotsiatsii istorikov pervobytnogo iskusstva. Kemerovo, 2008. Vyp. IV. S. 53-69.

Chugunov K.V. Iskusstvo Arzhana-2: stilistika, kompozitsiya, ikonografiya, ornamentalnye motivy // Evropeyskaya Sarmatiya (otv.red. D.A. Machinskij). Sankt-Peterburg, 2011. S. 39-60.

Cribb J. Some Further Hoards of Kushano-Sasanian and Late Kushan Coppers // Coin Hoards VII. London, 1985. P. 308-321.

Cribb J. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Studia Iranica. Paris, 1990. P. 151-193.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.

леодемография Евразии (Отв. ред. В.С. Ольховский). Москва, 2000.

Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.

Дмитриев С.В. Знамя в военно-политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IV. Санкт-Петербург, 2001. №4.

Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана, 2012.

Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы, 2006.

Досымбаева А.М. Тюркское наследие Казахстана // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. (Отв. ред. А.М. Досымбаева). Астана, 2012.

Досымбаева А.М. Тамги // Западный Тюркский каганат. Атлас (Под ред. А. Досымбаевой, М. Жолдосбекова). Астана, 2013.

Драчук В.С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

Древнетюркский словарь (Под ред. В. М. Наделяева и др.). Ленинград, 1969.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. Москва, 1980.

Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к корпусу). Москва, 2012.

Ержигитова А.А., Смагулов Е.А., Демиденко С.В. К происхождению одной Чачской династии // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 2009. №1.

Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Сузак // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1966. №3.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Проблема иконографических истоков половецкой скульптуры и особенное кыпчакское изваяние из урочища Кызлы // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 2013. №3 (289).

Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е. и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008.

Жуков В.Д. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад–тепе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961.

Жумагулов Ч. Кыргызстандагы көктүрк жазууларынын изилдениши жана бүгүнкү сакталыш абалы // Үчүнчү миң жылдыктын босогосунда

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstengrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe. München, 2006.

Dashevskaya A.D. Graffiti na stenakh zdaniya v Neapole Skifskom // SA, 1961. No.1. S. 173-194.

Davidovich E.A. Novye dannye po istorii Samanidov // Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekovye (istoriya i kultura) (otv.red. B.A. Litvinskiy). Moskva, 1977. S. 112-125.

Davidovich E.A. Klady drevnikh i srednevekovykh monet Tajikistana. Moskva, 1979.

Devlet M.A. Petroglify Mugur-Sargola. Moskva, 1980.

Dmitriev S.V. Znamya v voenno-politicheskoy culture tyurko-mongolskikh kochevnikov // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. T. IV. Sankt-Peterburg, 2001. No.4. S. 89–102.

Dosymbaeva A.M. Zapadnyy Tyurkskiy kaganat. Kul'turnoe nasledie kazakhskoy stepi. Almaty, 2006.

Dosymbaeva A.M. Tyurkskoe nasledie Kazakhstana // Tyurkskoe nasledie Evrazii VI-VIII vv. (otv. red. Dosymbaeva A.M.). Astana, 2012. S. 9–36.

Dosymbaeva A.M. Tamgi // Zapadnyy Tyurkskiy kaganat. Atlas (pod. red. A. Dosymbaevoy, M. Zholdosbekova). Astana, 2013. S. 403-427.

Dosymbaeva A.M., Nuskabay A. Tyurkskiy arkheologo-etnograficheskiy kompleks Kumay. Astana, 2012.

Drachuk V.S. Sistema znakov Severnogo Prichernomor'ya. Kiev, 1975.

Drevnetyurkskiy slovar' (pod red. V.M. Nadelyaeva). Leningrad, 1969.

Dzitstsoyты Yu.A. Narty i ikh sosedi. Geograficheskie i etnicheskie nazvaniya v nartovskom epose. Vladikavka, 1992.

Ebert M. Prähistorische Zeitschrift. T. 1. Berlin, 1909.

Emets I.A. Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya. Moskva, 2012.

Ermolenko L.N., Kurmankulov Zh.K. Problemy ikonograficheskikh istokov polovetskoй skulptury i osobennoe kypchakskoe izvayanie iz urochischa Kyzly // Izvestiya NAN RK. Ser.obsh. nauk. Almaty, 2013.No.3 (289). S. 155–164.

Erofeeva I.V., Aubekеров B.Zh., Rogozhinskii A.E., et. al. Anyrakayskiy treugol'nik: istoriko-geograficheskiy areal i khronika velikogo srazheniya. Almaty, 2008.

түрк цивилизациясы (өтмүшү-учуру-келечеги). Бишкек, 2003.

Жумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.

Западный Тюркский каганат. Атлас. (Рук. проекта А. Досымбаева, М. Жолдасбеков). Астана, 2013.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия в раннем средневековье (Отв. ред. Г.А. Брыкина). Москва, 1999.

Зуев Ю.А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Отв. ред. О. Исмагулов). Алмата. 1960.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

Игонин Н.И. Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки // История, археология и этнография Средней Азии. (Отв. ред. С.П. Толстов). Москва, 1968.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. Москва, 1986.

Илюков Л.С. Позднесарматские курганы на р. Сал // Сарматы и их соседи на Дону (Отв. ред. Ю.К. Гугуев). Ростов-на-Дону, 2000.

Илюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.

Ильясов Дж.Я. Эфталиты-алхоны в Чаганиане // Нумизматика Центральной Азии. Вып. 4. Ташкент, 1999.

Ильясов Дж.Я. О тамге самаркандских правителей // Sanat. 2004. №3-4.

Ильясов Дж.Я. Об этнической принадлежности правителей Пенджикента // Нумизматика Центральной Азии. Вып. 7. Ташкент, 2004.

Ильясов Дж.Я. Орлатское тавро // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Отв. ред. В.П. Никоноров). Санкт-Петербург, 2005.

Ильясов Дж.Я. Заметки о некоторых среднеазиатских тамгах // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Новая серия. Вып. II (XXVII). Санкт-Петербург, 2006а.

Erzakovich L.B. O pozdnesrednevekovom gorodische Suzak // Izvestiya AN KazSSR. Ser.obshchestv.nauk. 1966. №3. S. 66-72.

Erzhigitova A.A., Smagulov E.A., Demidenko S.V. K proiskhojeniyu drevnechachskoy dinastii // Izvestiya NAN RK. Ser.obshchestv.nauk. 2009. №1. S.168-172.

Foat F.W.G. On the Old Greek Tachygraphy // The Journal of Hellenistic Studies. 1901. Vol. 21. P. 238-267.

Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A. Steinmetzzeichen des 6.Jahrhunderts n. Chr. in Darband // Archaologische Mittelungen aus Iran und Turan. 2001. Band. 33. Berlin.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrgе kak istoricheskiy istochnik po istorii altayskikh plemen. Moskva, 1965.

Genito B., Olkhovsky V.S., Samashev Z.S., Frankfort A.P. Issledovanie drevnikh svyatilish Aralo-Kaspiyskikh stepey: itogi i perspektivy // Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (otv.red. V.S. Ol'khovskiy). Moskva, 2000. S. 7-20.

Gertman A.N. Nekotorye osobennosti markirovki syrtsovykh kirpichey Sredney Azii // Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii (pod red. A.V. Vinogradova). Moskva, 1979. S. 70-73.

Gertman A.N. Syrtsoviy kirpich Kaparasa i Elkharasa // Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. XVI. Moskva, 1991. C. 278-290.

Gertman A.N. Znaki na kirpichakh i nekotorye voprosy organizatsii drevnevostochnogo stroitel'stva // Priaral'e v drevnosti i srednevekov'e (Otv. red. E.E. Nerazik). Moskva, 1998. S. 136-150.

Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Band I-IV. Wiesbaden, 1967.

Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches. Wien, 1984.

Gochoo. Malyn im, tamgany tuxai // Sinjlex Ux-aan Technik. 1958. No 4. P. 10-22.

Golden P. 'The Great King of the Türks' // Turkic Languages. Wiesbaden. 2016. Vol. 20. Number 1. P. 26-59.

Gorin A.N. Arkheologicheskie issledovaniya zhilogo bloka No.2 na gorodische Kampyrtepa // Otvuki velikogo Khorezma (otv.red. E.D. Zilivinskaya). Moskva, 2010. S. 94-126.

Goryacheva A.A., Yatsenko S.A., Egorova T.A. Kostyanaya plastina s gravirovannoy kompozitsiy iz poseleniya rannego zheleznogo veka

Ильясов Дж.Я. Раскопки в Нижнем городе у башни №7 // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Вып. 5. Ташкент, 2006б.

Ильясов Дж.Я. О происхождении тамги самаркандских правителей // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканд. Ташкент–Самарканд, 2007.

Ильясов Дж.Я., Корн Л., Имамбердыев Р.А. Новый тип аббасидского дирхема из Шаша // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Том V. Москва, 2016.

Иневаткина О.Н. Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э. // Материальная культура Востока. Вып. 3. Москва, 2002.

Историко-культурный атлас казахского народа (Отв. ред. И.В. Ерофеева). Алматы, 2011.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 8. Ч. 2. Алматы, 2006.

Исхаков М.М. Центральная Азия в системе мировой письменной культуры (древность и раннее средневековье). Ташкент, 2008.

Калалы-гыр 2. Культурный центр в древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. (Отв. ред. Б.А. Вайнберг). Москва, 2004.

Калменов М.Д. Археологические памятники Устюрта и Мангистау на средневековых караванных путях. Автореф. дисс... кандидата ист. наук. Казань, 2013.

Камолитдин Ш.С. О распространении зороастризма среди тюрков // УзМУ хабарлари. Ташкент, 2004. №4.

Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. Бишкек, 2002.

Камышев А.М. Введение в нумизматику Кыргызстана. Учебное пособие. Бишкек, 2008.

Камышев А.М. Новые находки раннесредневековых монет в Чуйской долине // Нумизматика. 2008. №16.

Камышев А.М. Новые археологические находки с городища Садыр-Курган // Известия НАН РК. Серия общественные науки. 2009. Вып. 1 (268).

Караев О.К. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.

Караев О.К. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983.

Каратаев О.К. Этнокультурные связи кыргызов (по материалам родоплеменных тамг, этнони-

Kyzyklbulak-4 v verkhovyakh ushchelya Turgen // Aktualnye problemy arkheologii Evrazii (otv.red. B.A. Baytanaev). Almaty, 2016. S. 632-648.

Grach A.D. Voprosy datirovki i semantiki drevnetyurkskikh tamgoobraznykh izobrazheniy gornogo kozla // Tyurkologicheskiy sbornik. 1972. Moskva, 1973. S. 316-333.

Grigor'ev G.V. Kaunchi-tepe. (Raskopki 1935 g.). Tashkent, 1940.

Grigor'ev G.V. Kelesskaya step v arkheologicheskom otnoshenii // Izv.AN KazSSR. Ser.arkheologicheskaya. Almaty, 1948. Vyp. 1. No.46. S. 47-78.

Gritsina A.A. O semantike znakov na keramike kaunchinskoy kul'tury // Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana. Tashkent, 1984. Vyp. 19. S. 84-94.

Gritsina A.A. Srdenevekovyy sosud s tamgoy iz Zaamin // «Sanat». 2002. №3. - www.sanat.orexca.com.

Groningen B.A. Short Manual of Greek Paleography. 3rd edition. Lieden, 1963.

Gudkova A.V. Tok-kala. Tashkent, 1964.

Guneri A.S. The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (OTAK)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Drevnie kultury Evrazii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.N. Bernshtama (pod red. V.A. Alekshina, L.B. Korcho, L. A. Sokolovoya, V. Ya. Stegantseva). Sankt-Peterburg, 2010. S. 264–270.

Gurkin S.V. Kypchaki i kimaki v IX – XI vv. // Donskaya arkheologiya. Rostov-na-Donu, 2001. Ns. 3-4. S. 24-37.

Gutsalov S.Yu., Tairov A.D. Stely i antropomorfnye izvayaniya rannego zheleznogo veka yuzhnouralskikh stepey // Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (otv. red. V.S. Ol'khovskiy). Moskva, 2000. S. 226-251.

Harmatta J., Litvinsky B.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 3. Paris, 1996. P. 367–401.

Hermann L. Un site d'art rupestre dans l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan // International Newsletter on Rock Art. 2017. No 78. P. 10-13.

Hermann L. Le site de Chiim-Tash dans la région de l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan (In press).

Homeyer K.G. Die Haus- und Hofmarken. Berlin, 1870.

мов, топонимов, этнографических данных). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Бишкек, 2004.

Карпов Г.И. Тамга (родовые знаки у туркмен) // Туркменоведение. Ашхабад. 1929. № 8–9.

Карпов Г.И. Родовые тамги у туркмен // Известия Туркменского филиала АН СССР. Ашхабад, 1945. № 3–4.

Карутиц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Санкт-Петербург, 1911.

Касанов З.И., Кан Г.В., Рогожинский А.Е. Символы тюркской эпохи. Алматы, 2017.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана, 2014.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва, 1964.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. 22. Москва. 1980.

Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI - VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Бишкек, 2001. № 1-2.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. Санкт-Петербург, 2003.

Кляшторный С.Г. Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). (Отв. ред. В.М. Плоских). Бишкек, 2004.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. Санкт-Петербург, 2006.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.

Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. Москва. 1967.

Коншин Н.Я. К истории открытия Кокпектинского округа // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Географического общества. Вып. 11. Семипалатинск, 1905.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования. Москва, 1997.

Humbach H. Baktrische Sprachdenkmäler. Band 2. Wiesbaden, 1967.

Humbach H. Pangul, a Turco-Bactrian Ruler // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 10. Bloomfield Hills, 1998. P. 247-251.

Igonin N. I. Issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov po materialam krupnomasshtabnoy aerofotos'emki // Istoriya, arkheologiya i etnografiya SredneyAzii. (otv.red. S.P. Tolstov). Moskva, 1968. S. 257-267.

И'юков Л.С. Pozdnesarmatskie kurgany na r. Sal // Sarmaty i ikh sosedi na Donu (otv.red. Yu.K. Guguev). Rostov-na-Donu, 2000. S. 100-140.

И'юков Л.С., Vlaskin M.V. Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha. Rostov-na-Donu, 1992.

И'юсов J.Ya. On a number of Central Asian Tamghas // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura. 2003. Vol. IX. P. 131-157.

И'юсов J. Nomad Heritage: Kushan Tamgha-Signs from Southern Uzbekistan // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 179-191.

И'юсов J.Ya. Eftality-alkhony v Chaganiane // Numizmatika Tsentralnoy Azii. Tashkent, 1999. Vyp. 4. S. 32-41.

И'юсов J.Ya. O tamge samarkandskikh praviteley // Sanat. 2004. №3-4. S. 56-60.

И'юсов J.Ya. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti praviteley Penjikenta // Numizmatika Tsentralnoy Azii. Tashkent, 2004. Vyp. VII. S. 54-61.

И'юсов J.Ya. Orlatskoe tавro // Tsentral'naya Aziya ot Akhemenodov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura (otv.red. V.P. Nikonorov). Sankt-Peterburg, 2005. S. 102-103.

И'юсов J.Ya. Zametki o nekotorykh sredneaziatskikh tamgakh // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Rossiyskogo Arkheologicheskogo Obshestva. Novaya seriya. Sankt-Peterburg, 2006a. Vyp. II (XXVII). S. 99-121.

И'юсов J.Ya. Raskopki v Nizhnem gorode u bashni No.7 // Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii. Arkheologicheskoe issledovaniya Kampyrtepa i Shortepa. Tashkent, 2006b. Vyp. 5. S. 73-104.

И'юсов J.Ya. O proiskhozhdenii tamgi samarkandskikh praviteley // Rol goroda Samarkanda v istorii kulturnogo razvitiya. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (2750-letniy yubiley Samarkanda). Tashkent-Samarkand, 2007. S. 146-149.

И'юсов J.Ya., Korn L., Imamberdyev R.A. Novyi tip abbasidskogo dirkhema iz Shasha //

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н.э.). Санкт-Петербург, 2006.

Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209). Ч. I. Источниковедческое исследование. Москва, 2006.

Кошев В.Г. Находки монет на территории Кыргызстана: от древности до средневековья // Вестник МИЦАИ. Вып. 12. Самарканд. 2010.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кубарев В.Д., Едилхан Х. О знаках-символах в новых петроглифах Билуут-Голгоя (Монгольский Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками (Отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин.). Барнаул, 2007.

Кубарев В.Д., Цвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цаган-Сала и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2005.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Кубарев Г.В. Погребальные памятники древних тюрок в долине Хар-Ямаатын-гол (Северо-Западная Монголия) / Археологические вести. Вып. 22. Санкт-Петербург, 2016.

Кубатин А.В. Система титулов Тюркского каганата: генезис и преемственность. Ташкент, 2016.

Кузнецов А.В. Каталог монет Чаганиана V-VIII вв. Ташкент, 1994.

Кузнецов Н.А. Памятники древней эпиграфики Сибири (скифское время) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин). Т. II. Новосибирск. 2006. С. 29-31.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. №4.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек, 2005.

Кызласов И.Л. Азиатские рунические надписи на пиршественных сосудах // Вопросы тюркологии. 2010. №1.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. №3.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха. Москва, 1960.

Scripta Antiqua. Voprosy drevney istorii, fililogii, iskusstva i materialnoy kultury. T. V. Moskva, 2016. S. 367-392.

Inevatkina O.N. Fortifikatsiya akropolya drevnego Samarkanda v seredine pervogo tysyacheletiya do n.e. // Materialnaya kultura Vostoka. Moskva, 2002. Vyp. 3. S. 24-46.

Iskhakov M.M. Tsentral'naya Aziya v sisteme mirovoy pis'mennoy kul'tury (drevnosti i rannee srednevekov'e). Tashkent, 2008.

Istoriko-kul'turniy atlas kazakhskogo naroda (otv.red. I.V. Erofeeva). Almaty, 2011.

Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. T. 8. Ch. 2. Almaty, 2006.

J. Gelb I.J. A Study of Writing: the Foundations of Grammatology. Chicago, 1963.

Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979.

Kalaly-gyr 2. Kul'tovyi tsentr v drevnem Khorezme IV-II vv. do n.e. (otv.red. B.A. Vaynberg). Moskva, 2004.

Kalmenov M.D. Arkheologicheskie pamyatniki Ustyurta i Mangistau na srednevekovykh karavan-nykh putyakh. Avtoref. diss. k.i.n. Kazan, 2013.

Kamoliddin Sh.S. O rasprostraneni zoroastrizma sredi tyurok // UzMU khabarlari. Tashkent, 2004. №4. S. 4-9.

Kamyshev A.M. Rannesrednevekoviy monetniy kompleks Semirech'ya. Bishekek, 2002. 149 s.

Kamyshev A.M. Vvedenie v numizmatiku Kyrgyzstana. Uchebnoe posobie. Bishkek, 2008.

Kamyshev A.M. Novye arkheologicheskie nakhodki s gorodishcha Sadyr-Kurgan // Izvestiya NAN RK. Seriya obshestv. nauk. 2009. Vyp. 1 (268). S. 284–292.

Kaniuth K. Tilla Bulak 2007 – Vorbericht zur ersten Kampagne // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2007. Band 39. Berlin, 2008. S. 31-47.

Karaev O.K. Arabskie i persidskie istochniki IX-XII vv. o kirgizakh i Kirgizii. Frunze, 1968.

Karaev O.K. Istoriya Karakhanidskogo kaganata. Frunze, 1983.

Karataev O.K. Etnokulturnye svyazi kyrgyzov (po materialam rodoplemennyykh tamg, etnonimov, toponimov, etnograficheskikh dannyykh). Avtoref. diss. d.i.n. Bishkek, 2004.

Karpov G.I. Tamga (rodovye znaki r turkmen) // Turkmenovedenie. Ashkhabad. 1929. Ns.8–9. S. 29–34.

Karpov G.I. Rodovye tamgi u Turkmen // Izvestiya Turkmenskogo filial AN SSSR. Ashkhabad, 1945. Ns. 3–4. S. 43–49.

- Кызласов Л.Р.** О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3.
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.** Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология. 1994. №1.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. Москва, 1980.
- Левина Л.М.** Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. Москва, 1971.
- Левина Л.М.** Елхарас // Древности Южного Хорезма // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XVI. Москва. 1991.
- Левшин А.И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. 2-е изд. Алматы, 1996.
- Лившиц В.А.** Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. 1979. №4.
- Лившиц В.А.** Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.) (Отв. ред. В.М. Плоских). Бишкек, 2004.
- Лившиц В.А.** Предводитель чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Новая серия. Вып. II (XXVII). Санкт-Петербург, 2006.
- Лившиц В.А.** Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. Санкт-Петербург, 2008.
- Липец Р.С.** Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. Москва, 1984.
- Литвинский Б.А.** Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.** Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. Москва, 2000.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С.** Средневековая культура Тохаристана. Москва, 1985.
- Луконин В.Г.** Иран в III-V вв. Очерки по истории культуры. Москва, 1969.
- Лулева В.В.** Ювелирные украшения из Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 2. Ташкент, 2001.
- Лулева В.В.** Ювелирное искусство Северной Бактрии. Ташкент, 2005.
- Лурье П.** Карлуки и яглары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рожде-
- Karutz R.** Sredi kirigizov i turkmenov na Mangyshlake. Sankt-Peterburg, 1911.
- Kasanov Z.I., Kan G.V., Rogozhinskii A.E.** Simvolny tyurskoy epokhi. Almaty, 2017.
- Kashgari M.** Divanü Lügat-it-Türk. Ankara, 1939.
- Khoroshikh P.P.** Znaki sobstvennosti buryat. Irkutsk, 1929.
- Khudyakov Yu.S.** Znamena drevnikh tyurkov i kyrgyzov v Tsentralnoy Azii v epokhu rannego srednevekovyia // Tyurkologicheskii sbornik 2003-2004. Moskva, 2004. S. 350-365.
- Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh.** Drevnie tyurki na Tyan-Shane. Novosibirsk, 2009.
- Kitov E.P., Mamedov A.M.** Kochevoe nasele-nie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke. Astana, 2014.
- Klyashtornyiy S.G.** Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Sredney Azii. Moskva, 1964.
- Klyashtornyiy S.G.** Drevnetyurkskaya nadpis na kamennom izvayaniy iz Choyrena // Strany i narody Vostoka. Moskva, 1980. Vyp. 22. S. 90-102.
- Klyashtornyiy S.G.** Genealogiya i khronologiya zapadnotyurkskikh i tyurgeshskikh kaganov VI-VI-II vv. // Iz istorii dorevolyutsionnogo Kirgizstana. Frunze, 1985. S. 165-168.
- Klyashtornyiy S.G.** Novye otkrytiya drevnetyurkskikh runicheskikh nadpisey na Tsentralnom Tyan-Shane // Izvestiya NAN KR. Bishkek, 2001. C. 73-75. Ns. 1-2.
- Klyashtornyiy S.G.** Istoriya Tsentralnoy Azii i pamyatniki runicheskogo pisma. Sankt-Peterburg, 2003.
- Klyashtornyiy S.G.** Drevnie runicheskie nadpisi na Tsentral'nom Tyan-Shane // Istochnikovedenie Kyrgyzstana (s drevnosti do kontsa XIX v.) (otv. red. V.M. Ploskikh). Bishkek, 2004. S. 169-173.
- Klyashtornyiy S.G.** Pamyatniki drevnetyurkskoy pismennosti i etnokulturnaya istoriya Tsentralnoy Azii. Sankt-Peterburg, 2006.
- Kochnev B.D.** Nunizmaticheskaya istoriya Karakhanidskogo kaganata (991-1209). Chast' I. Istochnikovedcheskoe issledovanie. Moskva, 2006.
- Konshin N.Ya.** K istorii otkrytiya Kokpektinskogo okruga // Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapado-Sibirskogo otdela Imp.Rus.Geogr. obshchestva. Semipalatinsk, 1905. Vyp. 11. S. 1-127.
- Kormushin I.V.** Tuirkskie eniseyskie epitafii. Teksty i issledovaniya. Moskva, 1997.
- Korol'kova E.F.** Zverinyi stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povlozhya i Yuzhnogo Priuralya

ния А.Н. Бернштама (Под ред. В. А. Алёхина и др.). Санкт-Петербург, 2010. С. 279-284.

Максимова А.Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана (Отв. ред. А.Х. Маргулан). Алма-Ата, 1968.

Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. Москва, Ленинград, 1951.

Мамбетуллаев М. Хумбузтепа – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. II. Ташкент. 1984.

Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбугир-Кала (Раскопки 1976–1977 и 1981 гг.) // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент. 1990.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 145. Ленинград, 1968.

Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С. Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа (Отв. ред. Т.Н. Троицкая). Новосибирск, 1981.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е. Алматы, 2011.

Массон В.М. Хорезм и кушаны (Некоторые вопросы хорезмийской нумизматики) // Эпиграфика Востока. Т. XVII. Москва, Ленинград, 1966.

Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. 23. Ташкент. 1951.

Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.

Матющенко В.И., Тататулова Л.В. Могильный Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах: Сары Арка, Мангышлак. Алма-Ата, 1979.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 1. // Ученые Записки МГУ. Отдел историко-филологический. Вып. 1. Москва, 1881.

Мирзабаев А.С. Наскальные изображения Актерека (Семиречье) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР (Отв. ред. М.А. Дэвлет). Москва, 1990.

Мифологический словарь (Гл. ред. Е.М. Мелетинский). Москва, 1991.

v sjifskuyu epokhu (VII – IV vv. do n.e.). Sankt-Peterburg, 2006.

Koshevar V.G. Nakhodki monet na territorii Kyrgyzstana: ot drevnosti do srednevekovya // Vestnik MITsAI. Samarkand, 2010. Vyp. 12. S. 11-32.

Kostrzewski J. Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne? // Przegląd Archeologiczny. T. II-III. Poznań, 1921. Zesz. 3-4.

Kovpanenko G.T. Sarmatskoe pogrebenie I v. na Yuzhnom Buge. Kiev, 1986.

Koy-krylgan-kala – pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n.e. – IV v. n.e. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. V). Moskva, 1967.

Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. (Bonn contribution to Asian Archaeology. Vol. 4) (Ed. by J. Bemmman, H. Parzinger, E. Pohl and D. Tseveendorzh). Bonn, 2009. P. 427–435.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk, 1987.

Kubarev V.D. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov). Novosibirsk, 2005.

Kubarev V.D. Pogrebal'nye pamyatniki drevnikh tyurok v doline Khar-Yamaatyn-gol (Severo-Zapadnaya Mongoliya) // Arkheologicheskie vesti. Sankt-Peterburg, 2016. Vyp. 22. S. 115–129.

Kubarev V.D., Eldikhan Kh. O znakakh-simvolakh v novykh petroglifakh Biluuy-Golgoya (Mongol'skiy Altay) // Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami (otv. red. V.V. Nevinskiy, A.A. Tishkin). Barnaul, 2007. S. 97–101.

Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagan-Sala i Baga-Oygura (Mongolskiy Altay). Novosibirsk, 2005.

Kubatin A.V. Sistema titulov Tyurkskogo kaganata: genesis i preemstvennost. Tashkent, 2016.

Kuznetsov A.V. Katalog monet Chaganiana V-VIII vv. Tashkent, 1994.

Kuznetsov N.A. Pamyatniki drevney epigrafiki Sibiri (skifskoe vremya) // Sovremennyye problemy archeologii Rossii. Materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda (otv.red. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin). T. II. Novosibirsk. 2006. S. 29-31.

Kyzlasov I.L. Izobrazhenie Tengri i Umay na Sulekskoy pisenitse // Etnograficheskoe obozrenie. 1998. No.4. S. 39–53.

- Мосолова Л.М.** История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века). Бишкек, 2010.
- Мотов Ю.А.** Петроглиф из урочища Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы, 2011.
- Муқанов М.С.** Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.
- Мусакаева А.А.** О денежном обращении Бухарского Согда (III в. до н.э. - VIII в. н.э.) // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. 1997. № 9-11.
- Мусакаева А.А.** Начальный этап денежного обращения в Чаче // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.
- Мусакаева А.А.** Монеты Чача // Материалы научной конференции «Чач – Бинкет – Ташкент (историческое прошлое и современность)» (Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе). Ташкент, 2007.
- Мусакаева А.А.** Начальный этап денежного обращения в Чаче // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет (Отв. ред. Д.А. Алимова, Ш.Р. Пидаев). Ташкент, 2009.
- Мусакаева А.А.** К вопросу о начальной дате чекана монет Чача // Известия НАН РК, Серия общественных наук. Алматы, 2010. №1.
- Мусакаева А.А.** Туранские монеты VI–VIII вв. Ташкент, 2013.
- Наршахи.** История Бухары. Ташкент, 1897.
- Наскальное искусство в современном обществе.* Материалы межд. науч. конф. Т. 2. Кемерово, 2011.
- Настич В.Н.** Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции (Под ред. В.А. Лившица и др.). Фрунзе, 1989.
- Никитина Ю.И.** Рисунки-граффити из Софии Новгородской // Советская археология. 1990. №3.
- Никонов А.А., Ольховский В.С.** О признаках разрушительных сейсмических воздействий на археологических памятниках Западного Устюрта // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии (Отв. ред. В.С. Ольховский). Москва, 2000.
- Новоженков В.А.** Тюркские петроглифы и тамги на развалинах Пасаргад в Иране // Материалы и исследования по археологии и этнографии Казахстана. Вып. V. Алматы, 2014.
- Ольховский В.С.** Отчет о работе Устюртского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии Министерства науки и высшего образования РК в 1998 году // Архив
- Kyzlasov I.L.** Prochetenie naskalnykh runicheskikh nadpisey Kyrgyzstana // Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana. Bishkek, 2005. Vyp. 1. S. 61–63.
- Kyzlasov I.L.** Iziatskie runicheskie nadpsis na pirshestvennykh sosudakh // Voprosy tyurkologii. 2010. No.1. S. 36–63.
- Kyzlasov L.R.** Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pismennosti // SA. 1960. No. 3. S. 93–120.
- Kyzlasov L.R.** Tashtytskaya epokha. Moskva, 1960.
- Kyzlasov L.R.** O datirovke pamyatnikov eniseyskoy pismennosti // SA. 1965. S. 38-49. No.3.
- Kyzlasov L.R., Kyzlasov I.L.** Novye etapy razvitiya eniseyskoy pis'mennosti (konets XIII – nachalo XV vv.) // Rossiyskaya arkheologiya. 1994. No.1. S. 33–50.
- Kyzlasov L.R., Leont'ev N.V. Narodnye risunki khakasov. Moskva, 1980.
- Lerner J.A., Sims-Williams N.** Seals, Sealings and Tokens from Bactria to Gandhara (Studies in the Aman ur Rahman Collection. Vol. 2). Wien, 2011.
- Levina L.M.** Keramika Nijney i Sredney Syrdar'i v 1 tys. n.e. Moskva, 1971.
- Levina L.M.** Elkharas // Drevnosti Yuzhnogo Khorezm (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. XVI). Moskva, 1991. S. 80-154.
- Levshin A.I.** Opisanie Kirgiz-kazach'ikh ili Kirgiz-kaysatskikh ord i stepey. 2-e izd. Almaty, 1996.
- Lipets R.S.** Obraz batyra i ego konya v tyurksko-mongolskom epose. Moskva, 1984.
- Litvinskiy B.A.** Kangyuysko-sarmatskiy farn. Dushanbe, 1968.
- Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R.** Ellinistisheskiy khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tajikistan). T.1. Raspopki. Arkhitektura. Religioznaya zhizn. Moskva, 2000.
- Litvinskiy B.A., Solov'ev V.S.** Srednevekovaya kultura Tokharistana. Moskva, 1985.
- Livshits V.A.** Praviteli Pancha (Sogdiytsy i tyurki) // Narody Azii i Afriki. 1979. No.4. S. 56-69.
- Livshits V.A.** Sogdiyskie teksty, dokumenty i epigrafika // Istochnikovedenie Kyrgyzstana (s drevnosti do kotsa XIX v.) (otv.red. V.M. Ploskikh). Bishkek, 2004. S. 117–148.
- Livshits V.A.** Predvoditel chachskogo naroda v sogdiyskikh nadpisyakh i monetnykh legendakh // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Rossiyskogo Arkheologicheskogo Obshestva. Novaya seriya, Sankt-Peterburg, 2006. Vyp. II (XXVII). S. 124-131.

Мангистауского государственного историко-культурного заповедника. КП-561/1.

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Армавирский историко-краеведческий альманах (Отв. ред. В.С. Ольховский). Армавир. 2001а. №7.

Ольховский В.С. Храм святилища Байте III (к семантике формы) // Миф 7. На акад. Дмитриии Сергеевич Раевски. София, 2001б.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. Москва, 2005.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // Советская археология. 1990. №4.

Ольховский В.С., Яценко С.А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии (Отв. ред. В.С. Ольховский). Москва, 2000.

Панкова С.В. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей // Тропую тысячелетий (Сборник к юбилею М.А. Дэвлет). Кемерово, 2008.

Пантусов Н.Н. Заметки о древностях Семиреченской области // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 12. Санкт-Петербург, 1904.

Перлээ Х. Монгол тумний гарлыг тамгаар хайж судлах нь (Туух-угсаатны зуйн туршиц судалгаа). Уланбаатар, 1975.

Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XLII. Москва, Ленинград, 1959.

Пидаев Ш.Р., Баратова Л.С. К истории денежного обращения раннесредневекового Термеза // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 35. Ташкент, 2006.

Подробный атлас Российской Империи с планами главных городов. Санкт-Петербург, 1871.

Подушкин А.Н. О знаках на керамике поселений Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1985. №3.

Подушкин А.Н. Арыская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000.

Подушкин А.Н., Раев Б.А., Белов М.А. Знаки на керамике городища Ушбастобе (Южный Казахстан) (по материалам исследований 2013 года) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы междунар. археологической конференции. Краснодар, 2013.

Livshits V.A. Sogdiyskaya epigrafika Sredney Azii i Semirechya. Sankt-Peterburg, 2008.

L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe (Dir. V. Schiltz). Paris, 2001.

Lukonin V.G. Iran v III-V vv. Ocherki po istorii kul'tury. Moskva, 1969.

Luneva V.V. Yuvelirnye ukrasheniya iz Kampyrtepa // Materilay Tokharistanskoy ekspeditsii. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa. Tashkent, 2001. Vyp. 2. S. 113-128.

Luneva V.V. Yuvelirnye iskusstvo Severnoy Baktrii. Tashkent, 2005.

Lur'e P. Karluki i yaglakary v sogdiyskoy numizmatike Semirechya // Drevnie kultury Evrazii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 100-letie A.N. Bernshtama (pod red. V.A. Aleskshina). Sankt-Peterburg, 2010. S. 279-284.

Makhmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk. Almaty, 2005.

Maksimova A.G. Srednevekovye pogrebeniya Semirechya // Novoe v arkheologii Kazakhstana (otv.red. A. Kh. Margulan). Alma-Ata, 1968. S. 146-158.

Maksimova A.G., Mershieva M.S., Vaynberg B.I., Levina L.M. Drevnosti Chardary. Alma-Ata, 1968.

Malov S.E. Pamyatniki drevnetyurksoy pismennosti. Teksty i issledovaniya. Moskva, Leningrad, 1951.

Mambetullaev M. Gorodishche Bol'shaya Aybugir-Kala (Raskopki 1976-1977 i 1981 gg.) // Arkheologiya Priaral'ya. Tashkent, 1990. Vyp. IV. S. 91-131.

Manassero N. Tamga-Lake Images on Sealings from Old Nisa // Parthica. 2010. Vol. 12. Pisa, Roma. P. 17-29.

Manassero N. Tamgas, a code of the Steppes, Identity Marks and Writing among the Ancient Iranians // The Silk Road. Vol. 11. Seattle, 2013. P. 60-69.

Mandelshtam A.M. Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tajikistane // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Leningrad, 1968. Vyp. 145.

Marsadolov L.S., Yatsenko S.A. Accumulation of Tamga-Signs from Salbyk Valley (Khakassia, South Siberia) // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 10. Kamakura, 2004. P. 291-304.

Maryasheva A.N., Ermolaeva A.S. Issledovaniya v urochishe Tamgaly // Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza (otv.red. T.N. Triotskaya). Novosibirsk, 1981. S. 137-140.

Masanov N.E. Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva. Izd. 2. Almaty, 2011.

- Подушкин А.Н., Раев Б.А., Белов М.А., Денец А.Г.** Керамика городища Ушбастобе (к вопросу о связях Южного Казахстана с Причерноморьем) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 6. Ставрополь, 2014.
- Полторацкая В.Н.** Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в горном Алтае // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград, 1962. Вып. 5.
- Попова Е.А.** О декоративном оформлении склепа №9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // Вестник древней истории. 1984. №1.
- Приходько Е.В.** Оракул по пяти астрагалам из города Адады в Писидии // Труды ист. фак-та МГУ. Серия III. Instrumentum Studiorum, 27 (Труды каф. древних языков МГУ). Вып. IV. Москва, 2016.
- Пугаченкова Г.А.** Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А.** Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Пугаченкова Г.А.** Шортепе // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1987. Вып. 21. С. 21-45.
- Пуздровский А.Е.** Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Радлов В.В.** Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1-4. Санкт-Петербург, 1892-1899.
- Раев Б.А.** Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна (Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий). Санкт-Петербург, 2017.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А.** Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XI. Москва, 1979.
- Рахимов Р.Р.** «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Москва, 1990.
- Рогожинский А.Е.** «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова (Под ред. И.В. Ерофеевой, Б.Т. Жанаева). Алматы, 2010.
- Masson M.E.** К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Trudy Sredneaz.gos.un-ta. Tashkent, 1951. Vyp. 23. S. 91-104.
- Masson M.E.** Akhangeran. Arkheologo-topograficheskiy ocherk. Tashkent, 1953.
- Masson V.M.** Khorezm i kushany (nekotorye voprosy khorezmiyskoy numezmatiki) // Epigrafika Vostoka. T. XVII. M.,-L., 1966. S. 79-84.
- Matyushenko V.I., Tataturova L.V.** Mogilnik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e. Novosibirsk, 1997.
- Medoev A.G.** Gravyury na skalakh: Sary Arka, Mangyshlak. Alma-Ata, 1979.
- Mifologicheskiy slovar* (gl.red. E.M. Meletinskiy). Moskva, 1991.
- Miller V.F.** Osetinskie etyudy. Ch. 1. // Uchenye zapiski MGU. Otdel istoriko-filologicheskiy. Moskva, 1881. Vyp. 1. S. 1-79.
- Mirzabaev A.S.** Naskalnye izobrazheniya Aktereka (Semireche) // Problemy izucheniya naskalnykh izobrazheniy v SSSR (otv.red. M.A. Devlet). Moskva, 1990. S. 137-140.
- Moravcsik G.** Byzantinoturcica. II. Berlin, 1958.
- Mosolova L.M.** Istoriya iskusstva Kyrgyzstana (s drevneyshikh vremen do XX v.). Bishkek, 2010.
- Motov Yu.A.** Petroglif iz urochisha Oy-Jaylyau // Istoriya i arkheologiya Semirechya. Almaty, 2011. vyp. 4. S. 158-163.
- Mukanov M.S.** Etnicheskiy sostav i rasselenie kazakhov Srednege zhuza. Alma-Ata, 1974.
- Musakaeva A.A.** O denezhnom obrashenii Bukharskogo Sogda (III v. do n.e. – VIII v. n.e.) // ONU. Tashkent, 1997. Ns. 9-11. S. 21-31.
- Musakaeva A.A.** Nachalniy etap denezhnogo obrasheniya v Chache // Arkheologiya i istoriya Tsentralnoy Azii. Samarkand, 2004. S. 110-115.
- Musakaeva A.A.** Monety Chacha // Material nauchnoy konferentsii 'Chach – Binket – Tashkent (istoricheskoe proshloe i sovremennost')' (otv.red. E.V. Rtveldze). Tashkent, 2007. S. 22-28.
- Musakaeva A.A.** Nachalniy etap denezhnogo obrasheniya v Chache // Stolitse Uzbekistana Tashkent 2200 let (otv.red. D.A. Alimova, Sh.R. Pidaev). Tashkent, 2009. S. 143-151.
- Musakaeva A.A.** K voprosu o nachal'noy date chekana monet Chacha // Izvestiya NAN RK. Seriya obsh.nauk. Almaty, 2010. No.1. S. 154-176.
- Musakaeva A.A.** Turanskije monety VI-VIII vv. Tashkent, 2013.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова (Под ред. Ерофеевой И.В., Жанаева Б.Т., Масановой Л.Е.). Алматы, 2010.

Рогожинский А.Е. Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции 22-26 августа 2011 г., Кемерово. Том 2 (сост. Л.Н. Ермоленко и др.). Кемерово, 2011.

Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура (Под ред. Г.Т. Телебаева, Мухаметжановой Н.С., Рогожинского А.Е. и др.). Алматы, 2012.

Рогожинский А.Е. Удостоверительные знаки (тамги) и петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт комплексного изучения) // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы, 2013. №3.

Рогожинский А.Е. Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство (Отв. ред. И.В. Ерофеева). Алматы, 2014а.

Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева (Гл. ред. Т.С. Садыков). Астана, 2014б.

Рогожинский А.Е. Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахи Евразии: история и культура (Гл. ред. Н.А. Томилов). Омск, Павлодар, 2016а.

Рогожинский А.Е. Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции (Под ред. В.В. Боброва). Кемерово, 2016б.

Рогожинский А.Е. Незадолго до Чжан Цзяня: след движения кочевников из центра Азии на Запад

Narshakhi. Istoriya Bukhary. Tashkent, 1897.

Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. T. 2. Kemerovo, 2011.

Nastich V.N. Monetnye nakhodki s gorodisha Krasnaya Rechka (1978-1983 gg.) // Krasnaya rechka i Burana. Materialy i issledovaniya Kirgizskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (pod red. V.A. Livshitsa). Frunze, 1989. S. 96–120.

Nastich V.N. Early Islamic copper coinage of Transoxiana. A generic survey focused on newly discovered coin types // 3rd Simone Assemani Symposium on Islamic Coins. Eds. B. Callegher, A. D'Ottone. Trieste, 2012. P. 144-190.

Naymark A. Cristans in pre-Islamic Bukhara: Numismatic Evidence // Annual Central Eurasian Studies Conference. Abstracts of Papers, 1994-1996. Bloomington, 1996. P. 11–13.

Naymark A. Returning to Varakhsha - <http://www.silk-road.com/newsletter/december/varakhsha.htm> (2003).

Naymark A.I. The meaning of 'tamghas' on sogdian coins // Tsentralnaya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kultura. Materialy mezhdunar.konf. 100-letiyu A.M. Belenitskogo (Sankt-Peterburg, 2005 g.) (otv. red. V.P. Nikonorov). Sankt-Peterburg, 2005. S. 226–227.

Nikitina Yu.I. Risunki-graffiti iz Sofii Novgorodskoy // SA. 1990. No.3. S. 221-222.

Nikonov A.A., Olkhovsky V.S. O priznakakh razrushitelnykh seymicheskikh vozdeystviy na arkheologicheskikh pamyatnikakh Zapadnogo Ustyurta // Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (otv.red. V.S. Olkhovsky). Moskva, 2000. S. 45-55.

Novozhenov V.A. Tyurkskie petroglify i tamgi na razvalinakh Pasardag v Irane // Materialy i issledovaniya po arkheologii i etnografii Kazakhstana. Almaty, 2014. vyp. V. S. 21–36.

Nuridin Useyev. Köktürkçe bir vefeyat formülü ve insan – at bütünlüğü (Çiyin-Taş-1 yazıtı ile Yabogan (A84) yazıtın ilk satırı ve Yargol Yazıtı) // Prof. Dr. Talât Tekin Hatıra Kitabı, Istanbul, 2017. S. 1185-1196.

Nyamaa B. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (the 13th - 14th cc.). Ulanbaatar, 2005.

Olkhovsky V.S. Otchet o rabote Ustyurtskogo otryada Zapadno-Kazakhstanskoy ekspeditsii Institute arkheologii Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RK v 1998 g. // Arkhiv Mangistauskogo

в последние века до нашей эры // Алтай в кругу евразийских древностей (Отв. ред. А.П. Деревяноко, В.И. Молодин). Новосибирск, 2016.

Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л. Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье) // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции (Отв. ред. Б.А. Байтанаев). Астана, 2011.

Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности (Отв. ред. В.М. Массон). Ленинград, 1976.

Ртвеладзе Э.В. К истории денежного обращения в Саганийане VIII – начала XIII в. // Эпиграфика Востока. Вып. XXIII. Ленинград, 1985.

Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ртвеладзе Э.В. Монеты на Великом шелковом пути // Нумизматика Центральной Азии. Вып. III. Ташкент, 1998.

Ртвеладзе Э. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // Ртвеладзе Э. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002а. С. 203-219.

Ртвеладзе Э. Монеты Чаганиана с парным изображением // Ртвеладзе Э. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002б. С. 220-229.

Ртвеладзе Э.В. Надписи и знаки Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 3. Ташкент, 2002в.

Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент, 2006.

Ртвеладзе Э.В. Монеты Чача с изображением правителя, восседающего на зооморфном троне // Ташкент: вчера и сегодня. Ташкент, 2007.

Ртвеладзе Э.В. К ранней истории Чача (Новые нумизматические и эпиграфические источники) // Общественные науки в Узбекистане. 2008. №4.

Ртвеладзе Э.В. Великий Индийский путь. Санкт-Петербург, 2012.

Ртвеладзе Э.В., Ильясов Дж.Я. Алхоны в Чаче // Культура, история и археология Евразии. *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXII. Москва, 2009.

Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

Ртвеладзе Э.В., Тургунов Б.А. Находки захоронения в хуме с надписью на Дальварзинском некрополе // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год. Самарканд, 2001.

gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. KP-561/1.

Olkhovsky V. Stone Temples of Ustyurt // *Science in Russia*. 1999. No. 4 (July-August).

Olkhovsky V.S. Tamga (k funktsii znaka) // *Armavirskiy istoriko-kraevedcheskiy al'manakh* (otv. red. V.S. Ol'khovskiy). Armavir. 2001a. No 7. S. 75-86.

Olkhovsky V.S. Khram svyatilisha Bayte III (k semantika formy) // *Mif* 7. Na akad. D.S. Raevskiy. Sofiya, 2001b. S. 219-232.

Olkhovsky V.S. Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza. Moskva, 2005.

Olkhovsky V.S., Galkin L.L. Kul'tivyi kompleks na Ustyurte (predvaritel'noe soobshenie) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1990. No.4. S. 196-206.

Olkhovsky V.S., Yatsenko S.A. Oznakakh-tamgakh iz svyatilisha Bayte III na Ustyurte (predvaritel'noe soobshenie) // *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* (otv.red. V.S. Ol'khovskiy). Moskva, 2000. S. 295-316.

Osawa T. On Functional Changes of Tamga and Nishan Signs in the Old Turkic Period // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 339-369.

Pankov S.V. 'Figury-lopasti' na tashtyyskikh izobrajeniyakh loshadey // *Tropoyu tasyasheletiy* (Sbornik k yubileyu M.A. Devlet). Kemerovo, 2008. S. 106-114.

Pantusov N.N. Zametki o drevnosti Semirechenskoy oblasti // *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii*. Sankt-Peterburg, 1904. S. 65-75. Vyp. 12.

Perlee Kh. Mongol tumnie garlyg tamgaar khayzh sudlakh n'. Ulanbaatar, 1975.

Perrin O.T. Tamgas and Space. Territorial Mark and Mnemotechnic // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 23-59.

Pesherova E.M. Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii (Trudy Instituta etnografi SSSR. Nov. ser. T. XLII). Moskva, Leningrad, 1959.

Pfisterer M. Hunnen in Indien. Die Münzen der Kidariten und Alchan aus dem Bernischen Historischen Museum und der Sammlung Jean-Pierre Righetti. Wien, 2013.

Pidaev Sh.R., Baratov L.S. K istorii denezhnogo obrasheniya rannesrednevekovogo Termeza // *IMKU*. Tashkent, 2006. Vyp. 35. S. 172-182.

Русанов Д. Градостроительная культура Кампыртепа эпохи Кушан // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 1. Ташкент, 2000.

Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. Алматы, 1994.

Савинов Д.Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (Некоторые общие вопросы изучения) // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. Ленинград, 1964. №20.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

Самашев З. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА МН – АН РК в 1997 году на территории Атырауской и Мангыстауской областей Республики Казахстан // Архив Института археологии МН РК.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2006.

Самашев З.С. Граффити средневековых nomadov // Вопросы средневековых nomadov // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 2006.

Самашев З.С. Древнетюркская графика. Астана, 2013.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы, 2010.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Мангыстау. Алматы, 2007.

Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуиык. Астана, 2011.

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.

Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент, 2012.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Археология, история и этнография. Вып. 3. Ташкент, 2007.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Комплекс периода Яз II из Бандыхана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 36. Ташкент, 2008.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбыльская область (Отв. ред. Н.Н. Мухамедиева). Алматы, 2002.

Podushkin A.N. O znakakh na keramike poseleniy Yujnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v.e. // Izvestiya AN KazSSR. Ser. obsh. Nauk, 1985. №3.

Podushkin A.N. Arysskaya kul'tura Yujnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v. n.e. Turkestan, 2000.

Podushkin A.N., Raev B.A., Belov M.A., Donets A.G. Keramika gorodisha Ushbastobe // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Stavropol, 2014. Vyp.6. S. 65-76.

Podushkin A.N., Raev B.A., Belov M.A. Znaki na keramike gorodisha Ushbastobe (Yujnyi Kazakhstan) (po materialam issledovaniy 2013 goda) // III 'Anfimosvskie chteniya' po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunar. arkheolog. konferentsii. Krasnodar, 2013. S. 117-121.

Poltoratskaya V.N. Znaki na predmetakh iz kurganov epokhi rannikh kochevnikov v gornom Altae // Arkheologicheskii sbornik Ermitazha. Leningrad, 1962. Vyp. 5.

Popova E.A. O dekorativnom oformlenii sklepa No9 vostochnogo uchastka nekropolya pozdneskifskoy stolitsy // Vestnik drevney istorii, 1984. No1. S. 129-145.

Potrobnyi atlas Rossiyskoy Imperii s planami glavnikh gorodov. Sankt-Peterburg, 1871.

Pre-Islamic Central Asia - <http://www.zeno.ru>.

Prikhod'ko E.V. Orakul po pyati astragalam iz goroda Adady v Pisidii // Trudy ist.fak-ta MGU. Seriya III. Instrumentum Studiorum, 27 (Trudy kaf. drev.yaz. MGU). Moskva, 2016. Vyp. IV. S. 72-166.

Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentralnoy Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo (otv.red. I.V. Erofeeva). Almaty, 2014. S. 280-288.

Pugachenkova G.A. Khalchayan. K probleme khudozhestvennoy kultury Severnoy Baktirii. Tashkent, 1966.

Pugachenkova G.A. Dalverzintepe i nekotorye obshie voprosy istorii i kultury Severnoy Baktirii // Dalverzintepe – kushanskiy gorod na yuge Uzbekistana. Tashkent, 1978. S. 176-221.

Pugachenkova G.A. Shortepe // IMKU. Tashkent, 1987. Vyp. 21. S. 21-45.

Puzdrovskiy A.E. Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki. Simferopol, 2007.

Radloff W. Moğolistan Tarihi Eserleri Atlası (Atlas drevnostey Mongolii. SPb., 1892, 1899). Ankara, 1995.

Radlov V.V. Atlas drevnostey Mongolii // Trudy Orkhonskoy ekspeditsii. Sankt-Peterburg, 1892-1899. Vyp. 1-4.

Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красненко С.В., Субботин А.В. Изображения на плитах тагарских курганов. Санкт-Петербург, 2003.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. Санкт-Петербург, 2003.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. Москва, 1965.

Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума (Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен). Новосибирск, 2011.

Смагулов Е.А. К изучению знаковой системы позднесредневекового Отрара // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1979. №6.

Смагулов Е.А. Тамгообразные знаки на керамике Южного Казахстана // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: Тезисы докладов и сообщений географической конференции. Алма-Ата, 1980. С. 113-116.

Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией (Отв. ред. К.М. Байпаков). Астана, 2004.

Смагулов Е.А. Культовые постройки храмового комплекса на городище Сидак (Южный Казахстан) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники (Отв. ред. П.Б. Лурье, А.И. Торгоев). Труды Гос. Эрмитажа. Т. 62. Санкт-Петербург, 2013.

Смагулов Е.А. Бронзовый амулет из Сидака // Поволжская археология. 2014. №1 (7).

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011–2012 гг. // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. №3.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Знаки и рисунки на керамике Сидака со средней Сырдарьи // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье (Под ред. Т. Рыскелдиева). Туркестан, 2006.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V – нач. VIII вв.) // Transoxiana (online journal). 2008. No. 13. Buenos Aires - <http://www.>

Raev B.A. Gagatovye pryajki iz Jutovskogo mogilnika. Arkheologicheskie priznaki migratsiy // Ex Ungue Leonem. Sbornik statey k 90-letiyu L.S. Kleyna (otv.red. L.B. Vishnyatskiy). Sankt-Peterburg, 2017. S. 291-305.

Rakhimov R.R. ‘Mujskie doma’ v traditsionnoy kul’ture tadjikov. Moskva, 1990.

Rapoport Yu.A., Trudnovskaya S.A. Kurgany na vozvyshenosti Chash-Tepe // Kochevniki na granitsakh Khorezma (Trudy KhAEE. T. XI). Moskva, 1979. S. 151-166.

Répertoire des pétroglyphes d’Asie Centrale. Fascicule no 2, Sibérie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust’-Tuba I-IV (Russie, Khakassie) par Natalia Blednova, Henri-Paul Francfort, Natalia Legtchilov... [et al.]. Tome V.2. Diff. De Boccard. Paris, 1995.

Rogozhinskii A.E. ‘My, nizheprilozhivshie istinnye tamgi...’ (opyt identifikatsii rodoplemennykh znakov kazakhov Starshego zhuza) // Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova. Almaty, 2010. S. 101–127.

Rogozhinskii A.E. Novye nakhodki pamyatnikov drevnetyurskoy epigrafiki i monumentalnogo isskustva na yuge i vostoке Kazakhstana // Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova (otv. red. I.V. Erofeeva). Almaty, 2010. S. 329–344.

Rogozhinskii A.E. Udostoveritelnye znaki-tamgi kochevnikov novogo vremeni i srednevekovyа v gornykh landshaftakh Semirechya, Yuzhnogo Kazakhstana // Naskalnoe iskusstvo v sovremennom obshestve. Materialy mezhd. nauch. konf. 2011 g., Kemerovo. T. 2. Kemerovo, 2011. С. 217-225.

Rogozhinskii A.E. Tamgi-petroglify srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana: itogi noveyshikh issledovaniy i perspektivy dalneyshego izucheniya // Istoriko-kulturnoe nasledie i sovremennaya kultura (pod.red. G.T. Telebaeva). Almaty, 2012. S. 91–104.

Rogozhinskii A.E. Udostoveritelnye znaki (tamgi) i petroglify srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana (opyt kompleksnogo izucheniya) // Izvestiya NAN RK. Seriya obsh. i gumanit. nauk. Almaty, 2013. No. 3. S. 226–240.

Rogozhinskii A.E. Soslovno-dinasticheskie znaki kazakhskikh tore // Problemy izucheniya nematerialnogo kulurnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentralnoy Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo (otv.red. I.V. Erofeeva). Almaty, 2014a. S. 262–273.

transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Знаки – нишан и сюжетные граффити V–VIII вв. на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова (Отв. ред. Э.Д. Зиливинская). Москва, 2010.

Смагулов Е., Яценко С. Графические сюжеты на керамике раннесредневекового Сидака (Южный Казахстан) // Минуте і соучастне Волиніта Полісся: Шацьке поозерья та українській історії. Науковий збірник. Вип. 45. (Упор. А. Силук, О. Златогорський). Луцк, 2013.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые находки серий доисламских знаков тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика. искусство (Отв. ред. И.В. Ерофеева). Астана, 2014а.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые находки серий доисламских знаков тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство (Отв. ред. И.В. Ерофеева). Алматы, 2014б.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые серии клановых знаков на доисламской керамике Сидака и Туркестана на Средней Сырдарье // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Вип. 19. Самарканд. 2014в.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Тамгообразные знаки из доисламских слоев памятников Туркестанского Оазиса (Средняя Сырдарья) // Материалы IV Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2014» (Под ред. А.А. Бисембаева). Актобе, 2014.

Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Санкт-Петербург, 1909.

Смирнова Н.М. О подражаниях тетрадрахам греко-бактрийских царей с тамгой // Монеты и медали. Вип. III. Москва, 2015.

Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949–1956 гг.). Москва, 1963.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. Москва, 1970.

Rogozhinskii A.E. Tamgi-petroglify srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana (opyt tipologii i identifikatsii znakov) // Dialog kultur Evrazii v arkeologii Kazakhstana. Sb.nauch.statey, posvyashe-nyi 90-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushegosya arkeologa K. A. Akisheva (gl.red. T.S. Sadykov). Astana, 2014b. S. 534–547.

Rogozhinskii A.E. Kazakhskie tamgi: novye issledovaniya i otkrytiya // Kazakhi Evrazii: istoriya i kultura (gl.red.N.A. Tomilov). Omsk, Pavlodar, 2016. S. 223–235.

Rogozhinskii A.E. Znaki sobstvennosti i vlasti drevnikh i srednevekovykh obitateley Kazakhskoy stepi // Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problem interpretatsii i sokhraneniya): materialy mezhdunarodnoy konferentsii (pod red. V.V. Bobrova). Kemerovo, 2016b. S. 53–63.

Rogozhinskii A.E. Nezasolgo do Chzhan Tsyanya: sled dvizheniya nomadov iz tsentra Azii na Zapad v poslednie veka do n.e. // Altay v krugu evraziyskikh drevnostye (otv.red. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin). Novosibirsk, 2016. S. 527–550.

Rogozhinskii A.E., Kyzlasov I.L. Runicheskaya nadpis ushelya Zhaksylyksay (Semirechie) // Margulanovskie chteniya – 2011. Materialy mezhdunarodnoy arkeologicheskoy konferentsii (otv.red. B.A. Baytanaev). Astana, 2011. S. 330–334.

Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE 2nd Century CE // The Silk Road. Seattle, 2015. Vol. 13. P. 109–125.

Rtveladze E.V. Novye drevnebaktriyskie pamyatniki na yuge Uzbekistana // Baktriyskie drevnosti (otv.red. V.M. Masson). Leningrad, 1976. S. 93–103.

Rtveladze E.V. K istorii denezhnogo obrasheniya v Saganiyane VIII – nachale XIII vv. // Epigrafika Vostoka. Leningrad, 1985. Vyp. XXIII. S. 38–43.

Rtveladze E.V. Drevnie monety Sredney Azii. Tashkent, 1987.

Rtveladze E.V. Monety na Velikom shelkovom puti // Numizmatika Tsentralnoy Azii. Tashkent, 1998. Vyp. III. S. 5–17.

Rtveladze E.V. Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura. 1997/1998. Vol. 5. P. 307–328.

Rtveladze E.V. Denezhnoe obrashenie v Severo-Zapadnom Tokharistane v rannem srednevekovye // Rtveladze E.V. Drevnie i rannesrednevekovye monety istoriko-kultuirnykh oblastey Uzbekistana. Tashkent, 2002a. S. 203–219.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. Москва, 1981.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенеисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело (Отв. ред. Т.И. Кимеева). Кемерово, 1999.

Содномбалжир С. Монгол Тамга. Т. I. Уланбаатар, 2011.

Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон 1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Отв. ред. Соенов В.И.). Горно-Алтайск, 1992.

Соколов Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. 13. Оренбург, 1904.

Соловьев В.С. Кафиркала и Шуробкурбан. Елец, 2011.

Соловьев В.С. Раскопки второго домовладения // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Шуробкурбана. Вып. 4. Елец, 2004.

Соловьев Е.Т. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Казань, 1885.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Ставиский Б.Я. Хионитская гемма-печать // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XX. Ленинград, 1961.

Ставиский Б.Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965-1969 гг. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Москва, 1972.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка10 (предварительное сообщение) // В.Ю. Малашев, Л.Т. Яблонский. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка10. Москва, 2008.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб: Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент, 2000.

Табалдиев К.Ш. Новые сведения об археологических памятниках Кочкорской долины (по данным исследований АУКа в 2002 году) // Академический вестник: Ежегодный сборник статей преподавателей Американского

Rtveladze E.V. Monety Chaganiana s parnym izobrazheniem // Rtveladze E.V. Drevnie i rannesrednevekovye monety istoriko-kul'turnykh oblastey Uzbekistana. Tashkent, 2002b. S. 220-229.

Rtveladze E.V. Nadpisi i znaki Kampyrtepa // Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa. Tashkent, 2002c. Vyp. 3. S. 101-108.

Rtveladze E.V. Istoriya i numizmatika Chacha (vtoraya polovina III – seredina VIII vv.). Tashkent, 2006.

Rtveladze E.V. Monety Chacha s izobrajeniem pravatelya, vossedayushego na zoomorfnom trone // Tashkent: vchera i segodnya. Tashkent, 2007. S. 22-27.

Rtveladze E.V. K ranney istorii Chacha (Novye numizmaticheskie i epigraficheskie istochniki) // Obshchestvennye nauki v Uzbekistane. 2008. №4. S. 64-74.

Rtveladze E.V. Velikiy Indiyский put. Sankt-Peterburg, 2012.

Rtveladze E.V., Piyasov J.Ya. Alkhony v Chache // Kultura, istoriya i arkheologiya Evrazii. Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kultur i antichnosti. Moskva, 2009. Vyp. XXII. S. 169-184.

Rtveladze E.V., Pidaev Sh.R. Katalog drevnykh monet Yuzhnogo Uzbekistana. Tashkent, 1981.

Rtveladze E.V., Turgunov B.A. Nakhodki zakhoroneniya v khume s nadpisyu na Dalvarzinskom nekropole // Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane – 2000 g. Samarkand, 2001. S. 130-133.

Rusanov D. Gradostroitelnaya kultura Kampyrtepa epokhi Kushan / Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa. Tashkent, 2000. Vyp. 1. S. 19-32.

Sagalaev A.M., Oktyabrskaya I.V. Traditsionnoe mirovozenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk, 1990.

Samashev S.K. Kazakh Tamgas // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 329-338.

Samashev Z. Otchet o rabotakh Zapadno-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA MN – AN RK v 1997 g. na territorii Atyrauskoy i Mangystauskoy oblastey Respubliki Kazakhstan // Arkhiv Instituta arkheologii MN RK.

Samashev Z. Petroglify Kazakhstana. Almaty, 2006.

Samashev Z.S. Graffiti srednevekovykh nomadov // Voprosy srednevekovykh nomadov

- университета в Центральной Азии. Вып. I. Бишкек, 2003.
- Табалдиев К., Алимов Р.** Байыркы түрктөрдүн Талас жергесинде табылган жаңы эстеликтери // Турк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. Бишкек, 2004.
- Табалдиев К.Ш., Белек К.** Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). Бишкек, 2008.
- Табалдиев К.Ш., Бозер Р., Москалев М.И., Солтобаев О.А.** Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез. Вып. 4. Бишкек, 2000.
- Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч.** Образцы изобразительной деятельности древних тюрков Тянь-Шаня // «Манас» университети. Коомдук илимдер журналы. Sayı 7. Бишкек, 2003.
- Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Рунические надписи Кочкорской долины // Известия НАН КР. 2001. № 1-2.
- Таласбаева А.К.** Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII-XIX вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство (Отв. ред. И.В. Ерофеева). Алматы, 2014.
- Тменов В.Х.** Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 2005.
- Толстов С.П.** Древний Хорезм. Москва, 1948.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962.
- Топрак-кала.* Дворец (Отв. ред. Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик). Москва, 1984.
- Торбат Ц., Батсүх Д., Баярхуу Н.** Хуннугийн археологийн тамгууд Люань Ди овгийн тамга болох нь // Studia srchaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientarum Mongolicae. 2012. Т. XXXII. Fasc. V. С. 136-161.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Москва, 1987.
- Трейстер М.** Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // Российская археология. 2000. №3.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции* (Под ред. А.Н. Бернштама). Москва, Ленинград, 1950.
- Тугушева Л.Ю.** Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. Москва, 1991.
- Тургунов Б.А.** Дом богатого домовладельца // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Тұяқбаев М.Қ.** Ахмет Иассауи кесенесінің «Қазандық» белмесінде жүргізілген // Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana. Samara, 2006. S. 259-269. Vyp. 1.
- Samashev Z.S.** Drevnetyurkskaya grafika. Astana, 2013.
- Samashev Z., Bazykhan N., Samashev S.** Drevnetyurksie tamgi. Almaty, 2010.
- Samashev Z., Kusherbaev K., Amanshaev E., Astaf'ev A.** Sokrovisha Ustyurta i Mankystau. Almaty, 2007.
- Samashev Z., Ongar A., Oralbay E., Kiyasbek G.** Khram-svyatilishe Kyzyluiyk. Astana, 2011.
- Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A.** Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora. Simferopol, Kerch, 2007.
- Sarianidi V.I.** Margush. Drevnevostochnoe tsarstvo v staroy delte reki Murgad. Ashgabat, 2002.
- Saveleva T.V.** Osedlaya kultura severnykh sklonov Zailiyskogo Alatau v VIII–XIII vv. Almaty, 1994.
- Savinov D.G.** Naskalnye izobrazheniya Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri // Vestnik LGU. Leningrad, 1964. No.20 (Seriya istorii, yazyka i literature. Vyp. 4). S. 139-145.
- Scherbak A.M.** Oguz-name. Mukhabbat-name. Moskva, 1959.
- Semenov V.I.A.** Suglug-Khem i Kaiyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoy kotlovine. Sankt-Peterburg, 2003.
- Semenov V.A., Kilunovskaya M.E., Krasnienko S.V., Subbotin A.V.** Izobrazheniya na plitakh tagarskikh kurganov. Sankt-Peterburg, 2003.
- Shagalov V.D., Kuznetsov A.V.** Katalog monet Chacha III-VIII vv. Tashkent, 2006.
- Shalekenov U.** Gorod Balasagun v V–XIII vv. Almaty, 2009.
- Shaydullaev Sh.B.** Severnaya Baktriya v epokhu rannego jeleznoogo veka. Tashkent, 2000.
- Sher Ya.A., Miklashevich E.A., Samasheva Z.S., Sovetova O.S.** Petroglify Zhaltykar-Tasha // Problemy arkheologicheskikh kultur Evrazii. Kemerovo, 1987. С. 70-78.
- Sher Ya.A., Sovetova O.S., Miklashevich E.A.** Issledovanie petroglifov Zhaltyrak-Tasha (Kirgiziya) // Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify (otv. red. V.V. Bobrov). Kemerovo, 1995.
- Simchenko Yu.B.** Tamgi narodov Sibiri XVII veka. Moskva, 1965.
- Simonenko A.V., Lobay B.I.** Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. Kiev, 1991.
- Sims-Williams N.** From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronol-

археологиялык зерттеу жұмыстары // Ахмет Иасауи университетінің хабаршысы. Туркістан. 1998. №1.

Тұяқбаев М.Қ. «Туркістан Тарихы» мұражайындағы туркі дәуірінің ескерткіштері // Материалы международной научно-теоретической конференции «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». Алматы, 2001.

Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.

Хороших П.П. Знаки собственности бурят. Иркутск, 1929.

Худяков Ю.С. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего средневековья // Тюркологический сборник 2003-2004. Москва, 2004. С. 350-365.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009.

Цепова О. Декорированная керамика Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 1. Ташкент, 2000.

Чикишева Т.А. Физическая антропология ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии // «Terra Scythica». Материалы международного симпозиума (Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен). Новосибирск, 2011. С. 346-357.

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржаномайэмирского стиля) // Тропою тысячелетий. К юбилею М.А. Дэвлет. Труды Сибирской ассоциации историков первобытного искусства. Вып. IV. Кемерово, 2008.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия (Отв. ред. Д.А. Мачинский). Санкт-Петербург, 2011. С. 39-60.

Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент, 2006.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.

Шалекенов У. Город Баласагун в V–XIII вв. Алматы, 2009.

Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур Евразии. Сборник научных трудов (Отв. ред. А.И. Мартынова). Кемерово, 1987.

Шер Я.А., Советова О.С. Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов Жалтырак-Таша (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы (Отв. ред. В.В. Бобров). Кемерово, 1995.

ogy. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands (Ed. by M. Alram, D. Klimburg-Salter). Wien, 1999. P. 245-258.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Vol. I: Legal and Economic Documents. Oxford, 2000.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Vol. II: Letters and Buddhist Texts. London, 2007.

Sims-Williams N. The Sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Труды Центрального музея. Том II. Алматы, 2009. С. 153-171.

Sims-Williams N. A new Bactrian inscription from the time of Kanishka // Kushan Histories (Ed. by H. Falk). Bremen, 2015, 255-264.

Skaff K.J. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries // Turks. Vol. 2. Ankara, 2002. P. 364–372.

Skanberg T. Christian Identity Marks and their Influence on European 'Merchants' Marks // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 443-461.

Slyusarenko I.Yu. Datirovanie skifskikh drevnostey Evrazii: sovremennye tendentsii, dostizheniya, problemy, perspektivy // «Terra Scythica». Materialy mejdunarodnogo simpoziuma (otv.red. V.I. Molodin, S. Khansen). Novosibirsk, 2011. S. 239–251.

Smagulov E.A. K izucheniya zkanovoy sistemy pozdnesrednevekovogo Otrara // Izvestiya AN KazSSR. Seriya obsh.nauk, 1979. No. 6. S. 58-64.

Smagulov E.A. Tamgoobraznye znaki na keramika Yujnogo Kazakhstan // Problemy izucheniya i okhrany pamyatnikov kul'tury Kazakhstana: Tezisy dokladov i soobsheniy geograficheskoy konferentsii. Alma-Ata, 1980. S. 113-116.

Smagulov E.A. Arabskoe nashestvei v Yujniy Kazakhstan: dannye pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov // Mobilizovanniy arkheologiyey (otv.red. K.M. Baipakov). Astana, 2004. S. 103-113.

Smagulov E.A. Kul'tovye postroyki khranovogo kompleksa na gorodishche Sidak (Yujniy Kazakhstan) // Sogdiytsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki (otv.red. P.B. Lur'e, A.I. Torkoev) (Trudy Gos. Ermitaja. T. 62). Sankt-Peterburg, 2013. S. 96-128.

Smagulov E.A. Bronzovyi amulet iz Sidaka // Povolzhskaya arkheologiya. 2014. No.1 (7). S. 206–222.

Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Москва, 1959.

Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. Москва, 1999.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережья Илека. Вып. 3. Москва, 1995.

Ямаева Е.Е. Родовые тамги алтайских тюрок XIX-XX вв. Горно-Алтайск, 2004.

Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.

Яценко С.А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992.

Яценко С.А. Изображения аланских кочевых кибиток в погребальном ритуале боспорских городов I-III вв. н.э. // Боспорский сборник. Вып. 4. Москва, 1994.

Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. №3.

Яценко С.А. Раздел 3 «Костюм» // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (Том IV). Архитектура. Искусство. Костюм. (Отв. ред. Б.А. Литвинский). Москва, 2000.

Яценко С.А. Тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва, 2001.

Яценко С.А. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 (Отв. ред. В.Ю. Зуев). Санкт-Петербург, 2002.

Яценко С.А. Западный Казахстан и Северное Причерноморье: сарматские тамги в святилище Байте III // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Резюме докладов XI научной конференции (Отв. ред. В.П. Копылов). Ростов-на-Дону, 2003.

Яценко С.А. О знаках-тамгах в святилище Байте III на Западном Устюрте // Вопросы археологии Западного Казахстана. (Отв. ред. С.Ю. Гуцалов). Вып. 2. Актобе, 2005.

Яценко С.А. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I-III вв. н.э. // Древности Боспора. Т. 13. Москва, 2009.

Яценко С.А. Скопление клановых знаков-nishan позднеантичного времени на камнях святилища в районе Кызылаута, Жамбыльской обла-

Smagulov E.E., Erzhitova A.A. Tsitadel' drevnego Turkestana: nekotorye itogi arkheologicheskogo izucheniya. 2011–2012 gg. // Izvestiya NAN RK. Seriya obsh. i. gum nauk 2013. №3. S. 82-99.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Sidak Sanctuary – One of the Religious Centers of Pre-Islamic North Transoxiana (Some Sacral Objects of the 5th-early 8th cc.) // Transoxiana (online journal). 2008. No.13. Buenos Aires - http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary.php.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Znaki i risunki na keramike Sidaka so sredney Syrdar'i // Turan-Turkestan: problemy kul'turnogo-istoricheskoy preemstvennosti. Drevnosti i srednevekov'e (pod. red. T. Ryskeldieva). Turkestan, 2006. S. 246-268.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Znaki – nishan i suijetnye graffiti V–VIII vv. na keramike gorodishcha Sidak na sredney Syrdar'e // Otvzuki Velikogo Khorezma. K 100-letiyu so dnya rojdeniya S.P. Tolstova (otv. red. E.D. Zilivinskaya). Moskva, 2010. S. 190-221.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Graficheskie syujety na keramike rannesrednevekovogo Sidaka (Yujniy Kazakhstan) // Minule I souchastie Volinita Polissya: shats'ke poozer'ya ta ukrains'kiy istorii. Naukoviy zbirnik. Vyp. 45. (upor. A Silyuk, O. Zlatogors'kiy). Lutsk, 2013. S. 139-150.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Novye nakhodki seriy doislamskikh znakov tamga/nishan v Turkestanskom oazise (gorodishche Kul'tobe i Sidak): svyaz s kochevym mirom // Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noy Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo (otv.red. I.V. Erofeeva). Astana, 2014a. S. 274-281.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Tamgoobraznye znaki iz doislamskikh sloev pamyatnikov Turkestanskogo Oazisa (Srednyaya Syrdar'ya) // Materialy IV Mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii 'Kadyrbaevskie chteniya - 2014' (pod.red. A.A. Bisembaeva). Aktobe, 2014a. S. 175-188.

Smagulov E.A., Yatsenko S.A. Novye serii klanovykh znakov na doislamskoy keramike Sidake I Turkestana na Sredney Syrdare // Vestnik MITsAI. Samarkand, 2014. Vyp. 19. S. 47-67.

Smirnov Ya.I. Vostochnoe serebro. Atlas drevney serebryanoy i zolotoy posudy vostochnogo proiskhojeniya, naydennoy preimushestvenno v predelakh Rossiyskoy imperii. Sankt-Peterburg, 1909.

Smirnova N.M. O podrozhaniyakh tetradrahmam greko-baktriyskikh tsarey s tamgoy // Monety i medali. Moskva, 2015. Vyp. III. S. 8-15.

сти // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие (Отв. ред. Б.А. Байтанаев). Алматы, 2010.

Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й пол. II –1-й пол. III вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12. Волгоград, 2011.

Яценко С.А. О некоторых формах контактов сарматов с внешним миром // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. (Отв. ред. Л.Т. Яблонский). Уфа, 2014.

Яценко С.А. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н.э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6. Севастополь, Тюмень, 2014.

Яценко С.А. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2016. №4.

Яценко С.А. Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. – середины III в. н.э. // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической конференции. (Отв. ред. Е.В. Вдовченко). Ростов-на-Дону, Таганрог, 2017.

Album of the Turkish Monuments in Mongolia. Ankara, 2001.

Alimov R. Kirgizistan'da yeni bulunan runik harfli eski Türk yazitlari hakkında ön bilgiler // Türk Dili Arařtırmaları Yıllığı-Belleten 2000. Ankara, 2001.

Afram M. Alchon und Nezak. Zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Mittelasien // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti dei Convegna Lincei 127. Roma, 1996.

Afram M. A hoard of copper drachms from the Kapisa-Kabul region // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 6. Kamakura, 1999/2000.

Afram M. A Rare Hunnish Coin Type // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 8. Kamakura, 2002.

Afram M. Ein Schatzfund Hephthalitischer Drachmen aus Baktrien // Numismatische Zeitschrift 2008. 116/117. S. 253-268.

Afram M. Das Antlitz des Fremden. Die Münzprägung der Hunnen und Westtürken in Zentralasien und Indien. Wien, 2016.

Afram M., Pfisterer M. Alkhan and Hephthalite Coinage // Coins, Art and Chronology II. The First

Smirnova O.I. Katalog monet s gorodisha Penjikent (materialy 1949-1956). Moskva, 1963.

Smirnova O.I. Ocherki iz istorii Sogda. Moskva, 1970.

Smirnova O.I. Svodnyi katalog sogdiyskikh monet. Bronza. Moskva, 1981.

Sodnombalzhir S. Mongol Tamga. T. I. Ulanbaatar, 2011.

Soenov V.I., Glebov A.M., Ebel A.V., Pivovarova N.N. Raskopki avariynykh srednevekovykh pamyatnikov na mogilnike Mendur-Sokkon 1 // Problemy sokhraneniya, ispolzovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii (otv.red. Soenov V.I.). Gorno-Altaysk, 1992. S. 89-90.

Sokolov D.N. O bashkirskikh tamgakh (s prilozheniem tablits bashkirskikh tamg) (Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii. T. 13). Orenburg, 1904.

Solomonik E.I. Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya. Kiev, 1959.

Solovev E.T. O tamgakh ili znakakh sobstvennosti na nekotorykh predmetakh drevnego byta. Kazan, 1885.

Solovev V.S. Raskopki vtorogo domovladieniya // Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii. Arkheologicheskie issledovaniya Shurobkurgana. Elets, 2004. Vyp. 4. S. 76-116.

Solovev V.S. Kafirkala i Shurobkurgan. Elets, 2011.

Soudavar A. The vocabulary and syntax of iconography in Sasanian Iran // Iranica Antiqua. 2009. Vol. 44. P. 417-460.

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseyskikh petroglifov (po itogam raboty Petroglificheskogo otryada Yujnosibirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii KemGU) // Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo (otv.red. T.I. Kimeeva). Kemerovo, 1999. S. 47–74.

Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien (Nomaden und Sesshafte. No.6). Wiesbaden, 2008.

Staviskiy B.Ya. Khionitskaya gemma-pechat // Soobsheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XX. Leningrad, 1961. S. 54-56.

Staviskiy B.Ya. Itogi raskopok Kara-tepe v 1965-1969 gg. // Buddiyskiy keltovyi tsentr Kara-tepa v Starom Termeze. Moskva, 1972. S. 8-61.

Stone P.F. Tribal and Village Rugs. The Definitive Guide to Design, Patter and Motif. London, 2007.

Suleymanov. R.Kh. Drevniy Nakhshab: problema tsivilizatsii Uzbekistana VII v. do n.e. – VII v. n.e. Tashkent, 2000.

Millenium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands (Ed. by M. Alram, S. Klimburg, E. Deborah, I. Minoru, M. Pfisterer). Wien, 2010.

Aman ur Rahman, Grenet F., Sims-Williams N. A Hunnish Kushan-shah // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. Vol. 1. Turnhout, 2006.

Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Kataloğu The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. Ankara, 2007.

Babayarov G. The Phrase of 'Türk-qaghan' on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // <http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L> (2012).

Babayarov G. The Imperial Titles on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // *Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талқинида: проф. Р. Мукминова хотирасига бағишланади*. Тошкент, 2013.

Babayarov G., Kubatin A. Byzantine impact on the iconography of Western Turkic coinage // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Budapest. 2013. Vol. 66/1.

Baratova L. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6.-10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // *Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Berlin. Band 31. 1999.

Batbold N. Rock art of Mongolia. Ulaanbaatar, 2016.

Beckwith C.I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton, 2009.

Boardman J. Seals and Signs. Anatolian Stamp Seals of the Persian Period Revisited // *Iran*. 1998. Vol. XXXV. London.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. (Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller). Bonn, 2011.

Castagne J. Les Tamgas des Kirhizes // *Revue du monde musulman*. Vol. XLVII. Paris, 1921.

Cazzoli S., Cereti C. Sealings from Kafir Kala: Preliminary Report // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 11 / 1-2. Leiden, 2005.

Chach coins - <http://www.sogdcoins.narod.ru>.

Chernetsov A.V. Russian Traditional Property Signs // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Christie's Art of the Islamic and Indian Worlds. 8 April 2008. London, 2008.

Cribb J. Some Further Hoards of Kushano-Sasanian and Late Kushan Coppers // *Coin Hoards VII*. London, 1985.

Suvorova N.A. Odontologicheskaya kharakteristija rannikh kochevnikov Yujnogo Priuralya po materialam mogilnika Pokrovka 10 (predvaritelnoe soobshenie) // V.Yu. Malashev, L.T. Yablonskiy. *Stepnoe naselenie Yujnogo Priuralya v pozdnearmatskoe vremya: Po materialam mogilnika Pokrovka 10*. Moskva, 2008. S. 87-94.

Sverchkov L.M. Tokhary. Drevnie indoevropeytsy v Tsentralnoy Azii. Tashkent, 2012.

Sverchkov L.M., Boroffka N. Arkheologicheskie issledovaniya v Bandykhane v 2005 g. // *Trudy Baysunskoy nauchnoy ekspeditsii. Arkheologiya, istoriya i etnografiya*. Tashkent, 2007. Vyp. 3. S. 97-131.

Sverchkov L.M., Boroffka N. Kompleks perioda Yaz II iz Bandykhana // *IMKU*. Tashkent, 2008. Vyp. 36. S. 50-55.

Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Jambyl'skaya oblast' (otv.red. N.N. Mukhamedieva). Almaty, 2002.

Tabaldiev K.Sh. Novye svedeniya ob arkheologicheskikh pamyatnikakh Kochkorskoj doliny // *Akademicheskij vestnik*. Bishkek, 2003. S. 97-106. Vyp. I.

Tabaldiev K., Alimov R. Baiyrky tyrjtordun Talas jergesinde tabylgan jany estelikteri // *Turk tsivilizatsiyasy jana mamlekettik salty*. Bishkek, 2004. S. 277-294.

Tabaldiev K.Sh., Belek K. Pamyatniki pismennosti na kamne Kyrgyzstana (svod pamyatnikov pismennosti na kamne). Bishkek, 2008.

Tabaldiev K.Sh., Bozer R., Moskalev M.I., Soltobaev O.A. Arkheologicheskie issledovaniya v Alayskoj doline // *Osh i Fergana: arkheologiya, novoe vremya, kulturogenez*. Bishkek, 2000. C. 87-93. Vyp. 4.

Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Runicheskie nadpisi Kochkorskoj doliny // *Izvestiya NAN KR*. 2001. S. 68-73. Ns. 1-2.

Tabaldiev K.Sh., Zholdoshev Ch. Obraztsy izobrazitelnoy deyatel'nosti drevnikh tyurkov Tyan-Shanya // *Manas universiteti. Koomduk ilimder zhurnaly*. Sayi 7. Bishkek, 2003. S. 125-132.

Talasbaev A.K. Rodoplemennye tamgi naymanov po arkhivnym istochnikam XVIII-XIX vv. // **Tanabe K.** A Kushano-Sasanian Silver Plate and Central Asian Tigers // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 7. Kamakura, 2001. P. 167-186.

Tanabe K., Yamauchi K. et al. Excavation at Dal'verz'in Tepe, Uzbekistan, 1999 // *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. Vol. XX. Tokyo, 1999. P. 101-162.

- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.** Der skythenzeitliche Fürstengrabanlage Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstengrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe. München, 2006.
- Ebert M.** Prähistorische Zeitschrift. T. 1. Berlin, 1909.
- Foat F.W.G.** On the Old Greek Tachygraphy // The Journal of Hellenistic Studies. 1901. Vol. 21.
- Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A.** Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. in Darband // Archaologische Mittelungen aus Iran und Turan. 2001. Band. 33. Berlin.
- Göbl R.** Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Band I-IV. Wiesbaden, 1967.
- Göbl R.** System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches. Wien, 1984.
- Gochoo.** Malyn im, tamgany tuxai // Sinjlex Uxaan Technik. 1958. No 4.
- Golden P.** 'The Great King of the Türks' // Turkic Languages. Wiesbaden. 2016. Vol. 20. Number 1.
- Groningen B.A.** Short Manual of Greek Paleography. 3rd edition. Lieden, 1963.
- Guneri A.S.** The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (ОТАК)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама (Под ред. В.А. Алёхина, Л.Б. Кирчо, Л.А. Соколовой, В.Я. Стеганцева). Санкт-Петербург, 2010.
- Harmatta J., Litvinsky B.A.** Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia. Vol. 3. Paris, 1996.
- Hermann L.** Un site d'art rupestre dans l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan // International Newsletter on Rock Art. 2017. No 78.
- Hermann L.** Le site de Chiim-Tash dans la région de l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan (In press).
- Homeyer K.G.** Die Haus- und Hofmarken. Berlin, 1870.
- Humbach H.** Baktrische Sprachdenkmäler. Band 2. Wiesbaden, 1967.
- Humbach H.** Pangul, a Turco-Bactrian Ruler // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 10. Bloomfield Hills, 1998. P. 247-251.
- Ilyasov J.** On a number of Central-Asian Tamgas // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 9. Kamakura. 2003. P. 131-157.
- Tmenov V.Kh.** Zochestvo srednevekovoy Osetii. Vladikavkaz, 2005.
- Tolstov S.P.** Drevniy Khorezm. Moskva, 1948.
- Tolstov S.P.** Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moskva, 1962.
- Toprak-kala.** Dvoret's (otv.red. Yu. A. Rapoport, E.E. Nerazik). Moskva, 1984.
- Torbat Ts., Batsukh D., Bayarkhuu N.** Khunnugiyn arkheologiygn tamguud Lyuan Di ovgiyn tamga bolokhn' // Studia srchaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientarum Mongolicae. 2012. T. XXXII. Fasc. V. C. 136-161.
- Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey** (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.
- Treuer K.V., Lukonin V.G.** Sasanidskoe serebro. Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Moskva, 1987.
- Treyster M.** Mestnye podrozhaniya detalyam rimskogo voennogo kostyuma na Bospore // RA. 2000. No.3. S. 118-124.
- Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii** (pod red. A.N. Bernshtama). Moskva, Leningrad, 1950.
- Tsepova O.** Dekorirovannaya keramika Kampyrtepa // Materialy Tokharistanskoj ekspeditsii. Arkheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa. Tashkent, 2000. Vyp. 1. S. 107-122.
- Tugusheva L.Yu.** Uygurskaya versiya biografii Syuan-Tszana. Moskva, 1991.
- Turgunov B.A.** Dom bogatogo domovladel'tsa // Dalverzintepa – kushanskiy gorod na yuge Uzbekistana. Tashkent, 1978. S. 47-62.
- Tuyakbaev M.K.** Akhmet Iassau kesenesinin 'Kazandyk' belmesinde jurgizilgen arkheologiyalyk zertteu jumystary // Akhmet Iassau universitetinin khabarshysy. Turkestan. 1998. №1. S. 92-109.
- Tuyakbaev M.K.** 'Turkistan Tarikhy' murajay-indagy turki deuirinin eskertkishteri // Materialy mejdunarodnoy nauchno-teoriticheskoy konferentsii 'Drevnetyurkskaya tsivilizatsiya: pamyatniki pis'mennosti'. Almaty, 2001.
- Uarziati V.S.** Prazdnichnyi mir osetin. Vladikavkaz, 1995.
- User H.S.** Bombogor Inscription: Tombstone of a Turkic // *Qunčuy*. Journal of the Royal Asiatic Society. 2015. November. P. 1–9.
- Van Gennep A.** Notes sur l'héraldisation de la marquee de propriété et les origines du blazon // Bulletin et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. 1905. Vol. 6/1. P. 103–112.
- Vaynberg B.I.** Nekotorye voprosy istorii Tokharistan v IV-V vv. (v svyzi s zapusteniem Ka-

Ilyasov J. Nomad Heritage: Kushan Tamgha-Signs from Southern Uzbekistan // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 179-191.

Gelb I.J. A Study of Writing: the Foundations of Grammatology. Chicago, 1963.

Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979.

Kaniuth K. Tilla Bulak 2007 – Vorbericht zur ersten Kampagne // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2007. Band 39. Berlin, 2008.

Kashgari M. Divanü Lügat-it-Türk. Ankara, 1939.

Kostrzewski J. Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne? // Przegląd Archeologiczny. T. II-III. Poznań, 1921. Zesz. 3-4.

Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Jamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. (Bonn contribution to Asian Archaeology. Vol. 4) (Ed. by J. Bemmman, H. Parzinger, E. Pohl and D. Tseveendorzh). Bonn, 2009.

Lerner J.A., Sims-Williams N. Seals, Sealings and Tokens from Bactria to Gandhara (Studies in the Aman ur Rahman Collection. Vol. 2). Wien, 2011.

L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe (Dir. V. Schiltz). Paris, 2001.

Manassero N. Tamga-Lake Images on Sealings from Old Nisa // Parthica. 2010. Vol. 12. Pisa, Roma.

Manassero N. Tamgas, a code of the Steppes, Identity Marks and Writing among the Ancient Iranians // The Silk Road. Vol. 11. Seattle, 2013.

Marsadolov L.S., Yatsenko S.A. Accumulation of Tamga-Signs from Salbyk Valley (Khakassia, South Siberia) // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 10. Kamakura, 2004.

Moravcsik G. Byzantinoturcica. II. Berlin, 1958.

Nastich V.N. Early Islamic copper coinage of Transoxiana. A generic survey focused on newly discovered coin types // 3rd Simone Assemani Symposium on Islamic Coins. Eds. B. Callegher, A. D'Ottone. Trieste, 2012.

Naymark A. Cristans in pre-Islamic Bukhara: Numismatic Evidence // Annual Central Eurasian Studies Conference. Abstracts of Papers, 1994-1996. Bloomington, 1996.

Naymark A. Returning to Varakhsha - <http://www.silk-road.com/newsletter/december/varakhsha.htm> (2003).

Naymark A.I. The meaning of 'tamghas' on sogdian coins // Центральная Азия от Ахеменидов

ra-tepe) // Buddiyskiy kultovyi tsentr Kara-tepe v Starom Termeze. Moskva, 1972. S. 129-154.

Vaynberg B.I. Monety drevnego Khorezma. Moskva, 1977.

Vaynberg B.I. Zaklyuchenie // Kalalygyr 2. Kul'tovyi tsentr v drevnem Khorezme IV-II vv. v n.e. (otv. red. B.I. Vaynberg). Moskva, 2004.

Vaynberg B.I., Novgorodov E.A. Zаметki o znakakh i tamgakh drevnikh Mongolii // Istoriya i kultura narodov Sredney Azii (drevnost i srednie veka) (pod.red. B.G. Gafurova i B.A. Litvinskogo). Moskva, 1976. S. 66-74.

Vaynberg B.I., Raevskaya T.A. Numizmaticheskie zаметki // Buddiyskiy pamyatniki Kara-tepe v Starom Termeze. Moskva, 1982. S. 64-71.

Vernadsky G. Note on the Origin of the Word 'Tamga' // Journal of the American Oriental Society. 1956. Vol. 76/3. P. 188-189.

Vishnevskaya N.Yu. Remeslennye izdeliya Dji-gerbenta. Moskva, 2001.

Vondrovec K. Coinage of the Iranian Huns and their Successors from Bactria to Gandhara (4th to 8th century CE). Vols. I-II (Studies in the Aman ur Rahman Collection. Vol. 4). Wien, 2014.

Vorob'eva M.G. Keramika Khorezma antichnogo perioda // Keramika Khorezma (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. IV). Moskva, 1959. S. 64-225.

Vorob'eva M.G. Kaparas // Drevnosti Yuzhno-go Khorezma (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. IV). Moskva, 1991. S. 155-263.

Vorob'eva M.G., Lapiro-Skoblo M.S., Nerazik E.E. Arkheologicheskie raboty v Khazaraspe // Materialy Khorezmskoy ekspeditsii. Moskva, 1991. S. 157-200.

Voronyatov S.V. Sarmatskie znaki na pamyatnikakh lesnoy zony Rossii. Sluchaynost ili neizvestnaya zakonornost? // Sluchaynye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst (otv.red. D.G. Savinov). Sankt-Peterburg, 2008. S. 103-109.

Vostrov V.V., Mukanov M.S. Rodoplemennoy sostav i rasselenie kazakhov. Alma-Ata, 1968.

Vysotskiy S.A. Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoy (po materialam graffiti XI - XVII vv.). Kiev, 1976.

Yablonskiy L.T. Nekropoli drevnego Khorezma. Arkheologiya i antropologiya mogilnikov. Moskva, 1999.

Yablonskiy L.T. Devis-Kimboll Dj., Demidenko Yu.V. Raskopki kurgannykh mogil'nikov

до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы междунар. науч. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2005 г.) (Отв. ред. В.П. Никоноров). Санкт-Петербург, 2005.

Nuridin Useyev. Köktürkçe bir vefeyat formülü ve insan – at bütünlüğü (Çiyin-Taş-1 yazıtı ile Yabogan (A84) yazıtın ilk satırı ve Yargol Yazıtı) // Prof. Dr. Talât Tekin Hatıra Kitabı, İstanbul, 2017.

Nyamaa B. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamgha of Khans (the 13th- 14th cc.). Ulanbaatar, 2005.

Olkhovsky V. Stone Temples of Ustyurt // Science in Russia. 1999. No. 4 (July-August).

Osawa T. On Functional Changes of Tamga and Nishan Signs in the Old Turkic Period // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Perrin O.T. Tamgas and Space. Territorial Mark and Mnemotechnic // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Pfisterer M. Hunnen in Indien. Die Münzen der Kidariten und Alchan aus dem Bernischen Historischen Museum und der Sammlung Jean-Pierre Righetti. Wien, 2013.

Pre-Islamic Central Asia - <http://www.zeno.ru>.

Radloff W. Моғолистан Тариhi Eserleri Atlası (Атлас древностей Монголии. СПб., 1892, 1899). Ankara, 1995.

Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule no 2, Sibérie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-IV (Russie, Khakassie) par Natalia Blednova, Henri-Paul Francfort, Natalia Legtchilo... [et al.]. Tome V.2. Diff. De Boccard. Paris, 1995.

Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE – the 2nd Century CE // The Silk Road. Vol. 13. Seattle, 2015.

Rtveladze E.V. Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura. 1997/1998.

Samashev S.K. Kazakh Tamgas // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Sims-Williams N. From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian

Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1994 g. // Kurgany lev-oberej'ya Ileka. Moskva, 1995. Vyp. 3.

Yakhtanigov Kh.Kh. Severokavkazskie tamgi. Nalchik, 1993.

Yamaeva E.E. Rodovye tamgi altayskikh tyurok (XIX – XX vv.). Gorno-Altaysk, 2004.

Yatsenko S.A. O preemstvennosti mifologicheskikh obrazov rannikh i srednevekovykh alanov // Problemy etnografii osetin. Vladikavkaz, 1992. Vyp. 2. S. 64-80.

Yatsenko S.A. Izobrazheniya alanskikh kochevykh kubitok v pogrebalnom ritual bosporskikh gorodov I-III vv. // Bosporskiy sbornik. Moskva, 1994. Vyp. 4. S. 19-23.

Yatsenko S.A. Sarmatskie pogrebal'nye ritualy i osetinskaya etnografiya // Rossiyskaya arkhеologiya. 1998. No3. S. 67-74.

Yatsenko S.A. Razdel 3 'Kostyum' // Vostocnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekovе (Tom IV). Arkhitektura. Iskusstvo. Kostyum. (otv.red. B.A. Litvinskiy). Moskva, 2000. S. 296-384.

Yatsenko S.A. Archaeological Complex with Extremely Early Banners Found in the Territory of the Former USSR (End of the I and Beginning of II Centuries AD) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 7, No. 1. Leiden, Boston, Köln, 2001. P. 45-54.

Yatsenko S.A. Tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekovya. Moskva, 2001.

Yatsenko S.A. O posledovatel'nosti naneseniya serii tamg na nadgrobnye plity iz nekropolya Pantikapeya // Bosporskiy fenomen. Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Ch. 1 (otv.red.V.Yu. Zuev). Sankt-Peterburg, 2002. S. 79-82.

Yatsenko S.A. Zapadniy Kazakhstan i Severnoe Prichernomor'e: sarmatskie tamgi v svyatilishe Bayte III // Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morja v drevnosti i v srednie veka. Rezjume dokladov XI nauchnoy konferentsii (otv. red. V.P. Kopylov). Rostov-na-Donu, 2003. S. 38.

Yatsenko S.A. O znakakh-tamgakh v svyatilishe Bayte III na Zapadnom Ustyurte // Voprosy arkhеologii Zapadnogo Kazakhstana (otv.red. S.Yu. Gutsalov). Aktobe, 2005. Vyp. 2. S. 114-116.

Yatsenko S.A. Znaki sobstvennosti sarmatskogo oblika (gakk/nishan) v sel'skikh rayonakh Bosporskogo tsarstva I-III vv. n.e. // Drevnosti Bospora. T. 13. Moskva, 2009. S. 539-552.

Yatsenko S.A. Skoplenie klanovykh znakov-nishan pozdneantichnogo vremeni na kamnyakh svyatilisha v rayone Kyzylauta, Jambyl'skoy oblasti // Kazakhstan i Evraziya skvoz' veka: istoriya,

Borderlands (Ed. by M. Alram, D. Klimburg-Salter). Wien, 1999.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Vol. I: Legal and Economic Documents. Oxford, 2000.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. Vol. II: Letters and Buddhist Texts. London, 2007.

Sims-Williams N. The Sogdian inscriptions of Kultobe: text, translation and linguistic commentary // Труды Центрального музея. Том II. Алматы, 2009.

Sims-Williams N. A new Bactrian inscription from the time of Kanishka // Kushan Histories (Ed. by H. Falk). Bremen, 2015.

Skaff K.J. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries // Turks. Vol. 2. Ankara, 2002.

Skanberg T. Christian Identity Marks and their Influence on European 'Merchants' Marks // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Soudavar A. The vocabulary and syntax of iconography in Sasanian Iran // Iranica Antiqua. 2009. Vol. 44.

Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien (Nomaden und Sesshafte. No.6). Wiesbaden, 2008.

Stone P.F. Tribal and Village Rugs. The Definitive Guide to Design, Patter and Motif. London, 2007.

Tanabe K. A Kushano-Sasanian Silver Plate and Central Asian Tigers // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 7. Kamakura, 2001.

Tanabe K., Yamauchi K. et al. Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1999 // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. XX. Tokyo, 1999.

User H.S. Bombogor Inscription: Tombstone of a Turkic // Qun'uy. Journal of the Royal Asiatic Society. 2015. November.

Van Gennep A. Notes sur l'héraldisation de la marquee de propriété et les origines du blazon // Bulletin et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. Vol. 6/1. 1905.

Vernadsky G. Note on the Origin of the Word 'Tanga' // Journal of the American Oriental Society. Vol. 76/3. 1956.

Vondrovec K. Coinage of the Iranian Huns and their Successors from Bactria to Gandhara (4th to 8th century CE). Vols. I-II (Studies in the Aman ur Rahman Collection. Vol. 4). Wien, 2014.

Yatsenko S.A. Archaeological Complex with Extremely Early Banners Found in the Territory of the Former USSR (End of the I and Beginning of II

arkheologiya, kul'turnoe nasledie (otv.red. B.a. Baytanaeva). Almaty, 2010. S. 114-122.

Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples of Iran, Eastern Europe, Transoxiana and South Siberia // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 133-153.

Yatsenko S.A. Problems and Study Methods of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples' Nishan-Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010. P. 111-131.

Yatsenko S.A. K diskussii ob oformlenii pozdnesarmatskoy etnokul'turnoy obshnosti II – III vv. // Nizhnevolskiy arkheologicheskiy vestnik. Volgograd. 2011. Vyp. 12. S. 197–213.

Yatsenko S.A. Some Problems Related to Early Medieval Turkic Tanga-Sign Studies // Re:Marks. The Journal of Signum, International Society for Mark Studies. Issue 1 (Ed. by J. Evans Pim, O.T. Perrin). 2013. P. 9-26.

Yatsenko S.A. O nekotorykh formakh kontaktov sarmatov s vneshnim mirom // Sarmaty i vneshniy mir. Materialy VIII Vserossiyskoy konferentsii 'Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii', 12–15 maya 2014 g. (otv.red. L.T. Yablonskiy). Ufa, 2014. S. 257–262.

Yatsenko S.A. Regional'nye osobennosti syujetov i bytovykh realiy v monumental'nykh pominal'no-pogrebal'nykh pamyatnikakh Maloy Skifii I-III vv. n.e. // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Tyumen, 2014. Vyp. 6. S. 40-63.

Yatsenko S.A. Nekotorye problemy arkheologicheskogo izucheniya pogrepalnoy obryadnosti // Novoe proshloe. Rostov-na-Donu, 2016. No. 4. S. 31-48.

Yatsenko S.A. Kitay, Fergana, Kangyuy I sarmaty v torgovle rubeja n.e. – serediny III v. // Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Dal'nego Vostoka. Materialy XII mejdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (otv.red. E.V. Vdovchenkov). Rostov-na-Donu, Taganrog, 2017. S. 256-277.

Yettmar K. Religii Gindukusha. Moskva, 1986.

Yoshida Y. Additional notes on Sims-Williams' article on the Sogdian merchants in China and India // Cina e Iran: Da Alessandro Magno alla dinastia Tang (Ed. by A. Cadonna, L. Lanciotti). Firenze, 1996. P. 69-78.

Zapadnyi Tyurkskiy kaganat. Atlas. Astana, 2013.

Centuries AD) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 7, No. 1. Leiden, Boston, Köln, 2001.

Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples of Iran, Eastern Europe, Transoxiana and South Siberia // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* (Ed. By J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Yatsenko S.A. Problems and Study Methods of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples' Nishan-Signs // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* (Ed. by J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin). London, Dover, 2010.

Yatsenko S.A. Some Problems Related to Early Medieval Turkic Tamga-Sign Studies // *Re: Marks. The Journal of Signum, International Society for Mark Studies*. Issue 1 (Ed. by J. Evans Pim, O.T. Perrin). 2013.

Yoshida Y. Additional notes on Sims-Williams' article on the Sogdian merchants in China and India // *Cina e Iran: Da Alessandro Magno alla dinastia Tang* (Ed. by A. Cadonna, L. Lanciotti). Firenze, 1996.

Zeimal' E.V. The Circulation of Coins of Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries AD) // *Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 8. Bloomfield Hills, 1994.

Zeymal' E.V. Drevnie monety Tajikistana. Dushnbe, 1983.

Zeymal E.V. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval period (Fifth-Eighth Centuries A.D.) // *Bulleten of the Asia Institute*. New series. Bloomfield hills. 1994. Vol. 8. P. 245-267.

Zeymal' E.V. Monety rannesrednevekovoy Sredney Azii // *Srednyaya Aziya v rannem srednevekovye* (otv.red. G.A. Brykina). Moskva, 1999. S. 192-206.

Zhukov V.D. Arkheologicheskaya razvedka na shakhristane Kharabad-tepe // *IMKU*. Tashkent, 1961. Vyp. 2. S. 177-191.

Zhumagulov Ch. Epigrafika Kirgizii. Frunze, 1987. Vyp. 3.

Zhumagulov Ch. Kyrgyzstangady koktyrk zhazuularynyn izildenishi zhana bygynky saktalysh abaly. Bishkek, 2003.

Zuev Yu.A. Tamgi loshadey iz vassalnykh knyazhestv // *Novye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana* (otv.red. O. Ismagulov). Alma-Ata, 1960. S. 94-140.

Zuev Yu.A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. Almaty, 2002.

АВТОРЫ

БАБАЯРОВ Гайбулла Баллыевич – доктор исторических наук, профессор Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы имени Алишера Навои. E-mail: gaybullah@mail.ru

БАРАТОВ Сергей Равшанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Академии Маъмуна АН Республики Узбекистан, старший научный сотрудник Института искусствознания АН Республики Узбекистан, старший научный сотрудник Института археологии АН Республики Узбекистан, специалист по древней культуре Хорезмского оазиса. E-mail: sergeybaratov@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Джангар Явдатович – кандидат искусствознания, ведущий научный сотрудник Института искусствознания АН Республики Узбекистан (Ташкент), специалист по древней и средневековой археологии Узбекистана. E-mail: jangaril@hotmail.com

РОГОЖИНСКИЙ Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, специалист по наскальному искусству Казахстана и соседних стран. E-mail: alexeyro@hotmail.com

СМАГУЛОВ Ербулат Акижанович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), специалист по древней и средневековой археологии Казахстана и Центральной Азии. E-mail: az_sultan2015@mail.ru

ТАБАЛДЫЕВ Кубатбек Шакиевич – кандидат исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек), специалист по культуре раннесредневековых тюрков Тянь-Шаня. E-mail: tabaldievk@yahoo.com

ЯЦЕНКО Сергей Александрович – координатор проекта. Доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), специалист по истории костюма, знаков-тамг, изобразительному искусству древних иранских и тюркских народов, по этнической и социальной истории ранних кочевников. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

AUTHORS

BABAYAROV Gaibulla Ballyevich - Dr.Hab., Professor of Tashkent State University of the Uzbek language and literature named after Alisher Navoi. E-mail: gaybullah@mail.ru

BARATOV Sergey Ravshanovich - PhD., Senior Researcher of the Academy of Mamun of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Senior Researcher of the Institute of Art Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent), Senior Researcher of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan. Specialist in ancient culture of the Khorezm oasis. E-mail: sergeybaratov@mail.ru

ILYASOV Jangar Yavdatovich - PhD., Leading Researcher, Institute of Art Studies, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Specialist in Ancient and Medieval Archeology of Uzbekistan (Tashkent). E-mail: jangaril@hotmail.com

ROGOZHINSKII Alexey Evgenievich - PhD., Leading researcher of A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of Kazakhstan Republic (Almaty), an expert in rock art of Kazakhstan and neighboring countries. E-mail: alexeyro@hotmail.com

SMAGULOV Erbulat Akizhanovich - PhD., Chief Researcher of A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of Kazakhstan Republic (Almaty), a specialist in ancient and medieval archeology of Kazakhstan and Central Asia. E-mail: az_sultan2015@mail.ru

TABALDYEV Kubatbek Shakievich - PhD., Professor of the Kyrgyz-Turkish University "Manas" (Bishkek), a specialist in culture of early medieval Turks of Tien Shan. E-mail: tabaldievk@yahoo.com

YATSENKO Sergey Aleksandrovich - Project coordinator. Dr.Hab., Professor of the Russian State University for the Humanities (Moscow), an expert on the history of costume, tamgh signs, the fine arts of the ancient Iranian and Turkic peoples, on the ethnic and social history of the early nomads. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Тамги доисламской Центральной Азии. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 452 с.

Tamgas of Pre-Islamic Central Asia. – Samarkand: ICAS, 2019. – 452 p.

Технический редактор: А. Степанова

Technical Editor: A. Stepanova

Дизайнер: О. Джабриев

Designer: O. Djabriev

Тираж – 150 экз.

ISSN 978-9943-357-43-3

МИЦАИ: Самарканд, Университетский бульвар, 19

www.unesco-icas.org

Отпечатано в Mega Bosma

© МИЦАИ, 2019